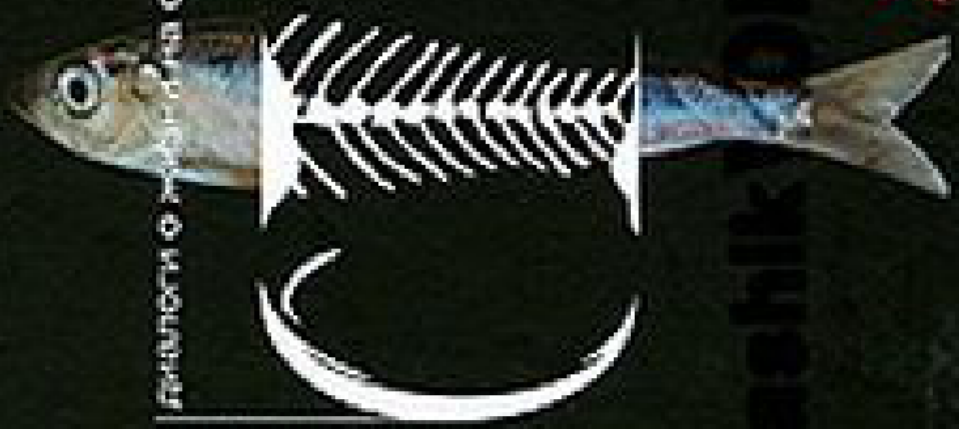
Альфред КОХ
Игорь СВИНАРЕНКО

ЯЩИК VODKI



Ab ovo usque ad mala* (лат.)

Лекции о русской жизни на фоне исторических реалий 80—90-х годов

(initio[1]) ebrietas ob ingenii iQ₀

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Два циничных алкоголика, два бабника, два матерщинника, два лимитчика – хохол и немец – планомерно и упорно глумятся над русским народом, над его историей – древнейшей, новейшей и будущей…

Два романтических юноши, два писателя, два москвича, два русских человека – хохол и немец – устроили балаган: отложили дела, сели к компьютерам, зарылись в энциклопедии, разогнали дружков, бросили пить, тридцать три раза поцапались, споря: оставлять мат или ну его; разругались на всю жизнь; помирились – и написали книгу «Ящик водки».

Читайте запоем.

- Альфред Кох, Игорь Свинаренко
  - 1. 1982 – 1986
    - Бутылка первая. 1982
      -
      -
      - Комментарий Коха
      - Комментарий Свинаренко
      - Комментарий Коха
      - Комментарий Свинаренко к комментарию Коха
      - Продолжение комментария Коха
      - Комментарий Свинаренко
      - Комментарий Коха
      - Комментарий Коха
      - Комментарий Коха
    - Бутылка вторая. 1983
      -
      -
      - Комментарий Коха
      - Комментарий Свинаренко
      - Комментарий Свинаренко
      - Комментарий Свинаренко
      - Комментарий Свинаренко
      - Комментарий Коха
      - Комментарий Свинаренко
      - Комментарий Свинаренко
    - Бутылка третья. 1984
      -
      -

- Комментарий Свинаренко
- Комментарий к 1984 году
- Комментарий Свинаренко
- Комментарий Свинаренко
- Комментарий Свинаренко
- Комментарий Коха
- Комментарий Свинаренко
- Комментарий Свинаренко
- Комментарий Коха
- Комментарий Свинаренко
- Бутылка четвертая. 1985
  -
  -
  - Комментарий Коха (вернее, Л.Н. Толстого)
  - Примечание Свинаренко
  - Примечание Свинаренко
  - Примечание Свинаренко
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Коха
  - Комментарий Коха
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Свинаренко
  - Примечание Свинаренко
  - Комментарий Свинаренко
- Бутылка пятая. 1986
  -
  -
  - Комментарий Коха
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Коха
  - Комментарий Коха
  - Комментарий Коха
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Коха к комментарию Свинаренко
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Коха
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Коха

○ 2. 1987-1991

- Бутылка шестая. 1987

- Комментарий Свинаренко
- Комментарий Коха
- Комментарий Свинаренко
- Комментарий Свинаренко
- Комментарий Свинаренко
- Комментарий Свинаренко
- Комментарий Свинаренко
- Комментарий Свинаренко
- Бутылка седьмая. 1988
  -
  -
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Коха
  - Комментарий Коха
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Свинаренко
- Бутылка восьмая. 1989
  -
  -
  - Комментарий Коха
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Коха
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Свинаренко
- Бутылка девятая. 1990
  -
  -
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Коха к примечанию Свинаренко
  - Продолжение комментария Свинаренко
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Коха
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Коха
  - Комментарий Свинаренко

- Комментарий Свинаренко
- Комментарий Свинаренко
- Комментарий Свинаренко
- Комментарий Свинаренко
- Бутылка десятая. 1991
  -
  -
  - Комментарий Коха
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Коха
- 3. 1992-1996
  - Бутылка одиннадцатая. 1992
    -
    - Комментарий Коха
    - Комментарий Свинаренко
    - Комментарий Свинаренко
    - Комментарий Коха
    - Комментарий Свинаренко
    - Комментарий Свинаренко
  - Бутылка двенадцатая. 1993
    -
    -
    - Комментарий Свинаренко
    - Комментарий Коха
    - Комментарий Свинаренко
    - Комментарий Свинаренко
    - Комментарий Свинаренко
    - Комментарий Свинаренко
    - Комментарий Свинаренко
  - Бутылка тринадцатая. 1994
    -
    -
    - Комментарий Свинаренко
    - Комментарий Коха
    - Комментарий Свинаренко
    - Продолжение комментария Коха
    - Комментарий Свинаренко
    - Комментарий Коха
    - Комментарий Свинаренко
    - Комментарий Коха

- Комментарий Свинаренко
- Комментарий Свинаренко
- Комментарий Коха
- Комментарий Свинаренко
- Комментарий Свинаренко
- Комментарий Коха

- Бутылка четырнадцатая. 1995
  -
  -
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Коха
  - Комментарий Свинаренко
- Бутылка пятнадцатая. 1996
  -
  -
  - Комментарий Коха
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Свинаренко

○ 4. 1997-2001

- Бутылка шестнадцатая. 1997
  -
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Коха
- Бутылка семнадцатая. 1998
  -
  -
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Коха
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Коха
  - Комментарий Коха
  - Комментарий Свинаренко
- Бутылка восемнадцатая. 1999
  -
  -
  - Комментарий Коха
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Свинаренко
  - Комментарий Коха
  - Комментарий Свинаренко

        - Комментарий Коха
    - Бутылка девятнадцатая. 2000
        -
        -
        - Комментарий Свинаренко
        - Комментарий Коха
        - Комментарий Свинаренко
    - Бутылка двадцатая. 2001
        -
        -
        - Комментарий Свинаренко
        - Комментарий Свинаренко
        - Комментарий Коха
        - Комментарий Свинаренко
        - Комментарий Коха
  - Послесловие Свинаренко ко всем четырем томам
    -
    - Зачем эта книга?
  - Альфред Кох. Мои послесловия
    -
    - Первое послесловие. Народ
    - Второе послесловие. Власть
    - Третье послесловие. Я
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20

- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34

Альфред Кох, Игорь Свинаренко
Ящик водки

1. 1982 – 1986

Бутылка первая. 1982

Новая жизнь началась смертью Брежнева. Грохот, произведенный уроненным гробом с телом вождя, сравним в этом смысле с залпом «Авроры».

Мало кто знал, что застой на этом кончится… Авторы этой книги не знали. Один из них – Кох – подметал в то время улицы Ленинграда, в свободное время постигая экономическую науку в институте. Он мечтал: «Пройдет 20 лет, я буду преподавать в вузе. У меня будет „жигуль“, дача на 6 сотках, в отпуск буду ездить в Сочи, а изредка даже и в Варну!»

Второй автор – Свинаренко – был репортером областной калужской газетки. Он бойко сочинял заметки, пытаясь показать кукиш в кармане, увлекался чтением самиздата и дружил с девушками. Свою жизнь через 20 лет он видел такой: «Издам тонкую книжку очерков, накоплю денег и на них куплю горбатый „Запорожец“, а также разок съезжу в Париж по турпутевке».

Давно уже эти мечты кажутся авторам смешными: жизнь оказалась куда богаче. Но настало ли счастье?

– Алик! Давай ты первый рассказывай, чем ты лично занимался в год смерти Брежнева Л.И.? Итак, 82-й год. Кто ты?

– Я в Питере на четвертом курсе учусь. А осенью начал работать вечерним дворником… Вечерний дворник – это не обычный дворник, который в шесть утра метет двор, снег расчищает, лед откалывает и поребрики чистит. Вечерний

дворник работает только тогда, когда в течение дня что-нибудь такое навалило, что никак нельзя терпеть до утра. Обычный дворник не выйдет – у него смена закончилась. Вечерний дворник – человек аврала. Зарплата у него меньше, чем у обычного. Рублей так девяносто – сто двадцать. И работает он меньше. Зато случайно и по вечерам. Самая хорошая работа для студента или аспиранта. Такая работа передавалась «по наследству» от старших товарищей младшим. Мне она досталась на четвертом курсе. Проработал я пять лет – с 1982 по 1987 год. Уже кандидатом наук был, а все работал…А ты что делал в это время?

– Я как раз прекратил эксперименты, закончил кочевую жизнь, решил бросить якорь в Калуге – восстановил паспорт, официально оформил развод с бывшей женой, встал на воинский учет, получил диплом… Который, после того как в 80-м году я окончил университет, все лежал в деканате. А я те два года работал в шабашках, в самиздате и даже в управлении «Донбассдомнаремонт».

– Ну, шабашки – это само собой. В 82-м меня уж на военные сборы послали, и я не мог шабашить.

Комментарий Коха

Сборы проходили в городе с характерным названием Грязовец Вологодской области. Военно-учетная специальность у нас была «Начальник финансовой службы полка». Сборы длились два месяца. Там мы присягу принимали и офицерское звание получали. С тех пор у меня сложилось устойчивое представление о Советской армии, которое в двух словах не передашь. Не вдаваясь в детали моей оценки боеспособности наших войск, которая за истекший период вряд ли повысилась, остановлюсь только на двух особенностях, которые меня обескуражили и которые, на мой взгляд, не имеют рационального объяснения и по сей день.

Первое. Я не понимал тогда и не понимаю сейчас, почему солдат может мыться только раз в неделю. Где это, в каком уставе написано, что раз в неделю? А если и написано, то почему написано? Грибок на ногах (сапоги-то бэу), вонь, портянки в холодной воде толком не отстираешь, подворотничок тоже. Я уже не говорю о кожных заболеваниях. Чудовищный фурункулез у рядового состава – обычное дело. Я все понимаю: закалка там, тяжело в ученье – легко в бою и так далее. Но почему солдат должен быть грязным – не понимаю. Отказываюсь понимать. Что, Родина именно этой жертвы требует от солдата? Именно в этом заключается священный долг? И ладно бы не было бани. Так ведь

есть. Есть в городе Грязовце баня. И водили нас туда, но раз в неделю. Хорошо, летом можно и холодной водой помыться на улице. Хотя почему не сделать душ? А зимой? Что, генерала Карбышева изображать? Где у Маркса с Лениным написано, что солдат должен быть грязным? Служба у солдатика и так нелегкая, так нет, придумали еще одно испытание – грязь. Причем казарму драят каждый день. Там от мытья полов аж мокрицы заводятся. Вот драит солдатик эту казарму, драит (больше заняться-то нечем, на стрельбище или там на ОФП офицерам вести солдат лень), а сам думает: «Ну ладно, казарма чистая, отсюда эпидемии ждать не надо. А зачем ее отсюда ждать, когда я сам и есть главный очаг эпидемии? Казарму моют два раза в день, а меня – раз в неделю».

Второе. Я не понимал тогда и не понимаю сейчас, почему солдат обязательно должен плохо питаться. Мало того что его дембеля мордуют, так еще и голодом морят. Вот смотрите. По раскладке, которую в финчасти мы хорошо знаем, вроде все получается нормально. Калории там, жиры, углеводы. Хотя можно было бы и получше. Но вот приходят продукты в часть. Офицеры с прапорщиками как стервятники на склад налетают. Всем мясца, маслица, крупы и так далее – у всех же семьи, дети. Строго бесплатно, из солдатского кошта. На кухне – одни узбеки. Где у Маркса с Лениным написано, чтобы поварами были одни узбеки? Дембеля быстро выстраиваются в очередь – картошечки с сальцем пожарить. У молодых масло отбирают. Что остается солдатику? Непроваренный ливер с остатками навоза, скелетик хека, шрапнель (пардон, перловка)? Стоит солдатик в карауле, а карманы хлебом набиты. Так он и питается первые полтора года – одним хлебом. Ладно бы у государства на жратву солдату денег не было. Так ведь есть. Бюджет деньги-то выделяет. Короче, царство абсурда. Чем это отличается от зоны? Даже «солдатское кафе» – это тот же зонный ларек. Твердокаменные пряники и желтый чай. Все.

И вот служит солдатик в Красной Армии, голодает. Фурункулез, грибок, вонь. На стрельбище не водят. Матчасть не изучают. ОФП не занимаются. Раз в неделю в караул – склад охранять. А есть там что охранять-то? Не все еще сперли? А в промежутках – казарму драить. «Это и есть – священный долг?» – думает солдатик. Сторож и уборщица… Зачем?

Комментарий Свинаренко

Я, слава Богу, в войсках провел всего месяц. Это были сборы после окончания военной кафедры МГУ, где нас учили

спецпропаганде. На войне, если б таковая случилась, мне предстояло убеждать служащих бундесвера, что им лучше поскорей сдаться в плен. Аргументы предлагались такие:

1. Неизбежность победы СССР.

2. Преимущества социалистического строя.

3. Сохранение пленным жизни и возвращение на родину после войны.

4. Офицер в плену освобождается от общих работ – если при сдаче честно признался, что офицер. Если же он сначала на всякий случай перестраховался и представился рядовым, а потом, увидев, как другие офицеры культурно отдыхают в бараке, пока личный состав пашет в шахте или роет окопы, начинает доказывать, что он настоящий полковник, – ничто ему не поможет: Женевская конвенция учит нас, что такой человек весь свой срок будет пахать бок о бок с нижними чи нами.

5. Еще один весомый аргумент. Офицер, если ему по форме одежды положено холодное оружие, не расстанется с ним и в лагере. Так, морской офицер сможет чистить ногти кортиком, а у кавалериста будет замечательная возможность табельной саблей рубить колбасу.

Все эти соображения мы собирались в случае чего донести до супостата посредством листовок или радиопередач.

Самой увлекательной дисциплиной военного курса был «Допрос военнопленного». Преподаватели делились с нами опытом: так, если клеммы полевого телефона загнать допрашиваемому под ногти больших пальцев ног, а после крутануть ручку, несчастный от боли будет орать как резаный. Однако нам не забыли объяснить, что, если применять спецсредства, достоверных разведданных не получишь… Если человек струсит, то будет врать, пытаясь угадать, чего тебе надо. А если он решит молчать как партизан и погибнет за родину, вам придется долго объясняться с разведотделом – отчего вы взяли под расписку живого военнопленного, а возвращаете труп?…

В общем, нам таким манером вдалбливали простую мысль: надо с людьми договариваться по-хорошему.

Распорядок в лагерях был очень поучительный. Воскресенье – баня, понедельник – рытье окопов и стрельбы. После всю неделю мы, покрытые окопной грязью, чертили карты и слушали лекции.

Дождавшись воскресной бани, отмывались, с тем чтобы наутро поскорей перепачкаться на всю неделю вперед.

Помню, был у нас во взводе такой здоровенный курсант по фамилии Автократов – с филфака. Так в день на него тратилось пять-шесть пар сапог, а ходил он все равно в кроссовках. Происходило это так. Шагает взвод куда-нибудь по своим делам,

а навстречу офицер.

– Стоять! А ну ты, который в кроссовках, бегом ко мне! Автократов подбегает и пытается доложить.

– Молчать! – орет офицер. – Кто старший? Немедленно послать кого-нибудь бегом за сапогами для этого клоуна!

Комвзвода пытается что-то объяснить, но офицер слушать ничего не же лает.

Приносят сапоги. Автократов пытается их обуть, но икры у него такие толстые, что в голенища не лезут. Офицер достает ножик и распарывает казенную кирзу.

Автократов обувает наконец эти опорки, на которые наползают распоротые голенища. Вид не очень уставной.

– Гм… Обувай обратно кроссовки. А что ж ты сразу не сказал? Только обмундирование испортили.

– Так я начал объяснять, а вы мне приказали заткнуться.

Объяснить это все сразу было невозможно. С каждым встречным офицером, который был не в курсе, приходилось всю мизансцену разыгрывать сначала.

Нам выдали тогда новые гимнастерки, правда, антикварные – образца 1943 года, со стоячим воротничком. Их нашили про запас столько, что до сих пор никак не сносить. Погоны нам к ним выдали тоже диковинные: зеленые, байковые, с малиновым кантом.

Мы жили в каркасных палатках, в лесу, и вокруг лагеря ходила испитая бабка с рюкзаком, откуда доставала и продавала нам водку. Мы сливали ее во фляжку, которую положено было носить на ремне. Очень удобно!

На тех сборах я имел обыкновение ходить небритым, с расстегнутым воротом, со вчерашним подворотничком. Кроме того, сапоги я ни разу не удосужился довести до зеркального блеска, считая это лишним. В итоге я то и дело получал наряды вне очереди (немало ночей простоял я под грибком, как бы позаимствованным с детской песочницы, со штык-ножом на поясе, покуривая и слушая ночной шелест леса) и остался этих нарядов должен Министерству обороны этак с десяток. Не успел все отбыть: служба, она ведь короткая – раз, и кончилась.

Моральная проблема. В тексте присяги, которую каждый зачитывал вслух перед лицом своих товарищей, держась за висящий на шее «калашников», было что-то про партию и социалистическую родину. Так что теоретически теперь Зюганов может претендовать на то, чтоб по первому зову поднять меня на последний и решительный бой?

А что с теперешней Российской армией, которой я никогда не присягал? Эта форма со всеми пришитыми к экзотическим

камуфляжам пантерьими профилями кажется мне диковинной, заморской. Странно видеть ее на пацанах с рязанскими физиономиями – как будто они наемники или мы уже под управлением какого-то чужого правительства…

– А вот в 81-м я шабашил. На строительстве Тольяттинского азотного завода. У одноклассника моей сестры был брат – бригадир монтажников. Я договорился, он меня взял в бригаду – монтажником-высотником. Два месяца. Я помню, заработал где-то под штуку.

– Вот тогда-то ты и начал делать деньги.

– Ха-ха-ха! Ой-ой-ой. Не надо из меня героя лепить. Пожалуйста.

– А налоги ты тогда платил?

– Бухгалтерия удерживала! Не было другого варианта…

– Ладно. И вот умирает Брежнев, а ты дворником трудишься.

– Вечерним дворником. Ну что, ну схоронили его. А что ты меня все расспрашиваешь? Это ж не интервью. Ты сам расскажи свои ощущения. А я расскажу свои.

– А, ощущения? По поводу смерти Брежнева? Ну, значит, я… Я как знал, что кончается эпоха. Я бросил свои блуждания и таки поступил в газету. В Калуге. В комсомольскую. В отдел – ха-ха – рабочей молодежи и коммунистического воспитания. И вот я работаю, а тут дежурство по номеру. 11 ноября объявили нам про Брежнева…

– Ты не забудь, 10 ноября не было праздничного концерта на День милиции. Я уж тогда понял: пожалуй, хрюкнул Ильич. Мне показалось – не к добру это: концерта нет.

– Что значит – не к добру?

– Ха-ха-ха. Мне жалко было деда, честно говоря. Да и гроб уронили…

– Но потом же писали, что не уронили, а это чуть ли не салют начался.

– Да ладно; конечно, уронили, вся страна это видела, и весь мир видел. Уронили гроб, он чуть не шлепнулся.

– А у меня на тот вечер был такой план: в 21:00 подписываю номер в печать – и иду в общежитие Калужского пединститута отмечать немецкий, кстати сказать, праздник Fasching. Ну, типа карнавала, сплошной разгул и разврат. Где наши напиваются и дерутся, там немцы чуть выпьют – и идут тихо-мирно девок трахать. Другая концепция. Фашинг – это такое узаконенное нарушение моральных устоев. Там

заключаются браки на одну ночь – причем бланочки есть специальные, все жестко, строго, официально: такой-то и такая-то вступают в брак с такого-то по такое-то – и фото участников.

А я как раз накануне прочел в своей газете письмо одной немецкой студентки – она писала, как все хорошо в России, как ей все нравится. Я записал себе, как ее зовут, и думал: найду и буду с ней отмечать этот светлый праздник.

– А, ее любовь к Стране Советов так тебя возбудила!

– Стране советов и хохлов.

– К человеку, который хвалил нашу страну, у тебя возникало сексуальное чувство.

– Нет, ну я же германист. Был. Я же пятый курс проучился в Германии, в Лейпциге, на секции их журналистики, и у меня остались самые лучшие воспоминания о немецких девушках. Они вообще как бы другая нация, а мужики – они значительно хуже и скучнее. Пардон, я тебя не имел в виду. И вот поскольку я там никого не знал, а тут публикуется имя – и вроде как человек знакомый…

– Понятно. То есть не хочешь признаться, что к социализму у тебя было нездоровое чувство! Ты хотел его трахнуть!

– Да нет же, она писала про другое: что ей нравятся деревянные дома, которых у них в Германии нет. Ты вот немец, и у тебя, я вижу, дом каменный.

– Но у меня на участке есть и деревянный. Во-о-н, видишь?

– Это во-о-н там, вдалеке? Там все еще твой участок?

– Ну. Значит, действие происходило в Калуге, да?

– Да. Которая гордится великим фашистом Циолковским.

– Почему это он фашист?

– Ну так сейчас же опубликовали его труды без купюр. И оказывается, у него не столько про путешествия к иным мирам и не про цеппелин…

– А что, неужели его «жиды заели»? Так банально?

– Не помню насчет жидов, но низшие существа – от коров до дикарей – ему не нравились и он хотел их всех извести… Спасибо, икра чудесная…

– Воблячья.

– Продолжаю. Он хотел извести низшие существа и неправильные расы…

– Это какие?

– А ты сам не знаешь?

– Он что, был антисемит?

– Ну, там, по-моему, в основном было про негров. И

азиатов…

– То есть не антисемит.

– Ну. Он мечтал лишних уничтожить и оставить только интеллект.

– А чем же ему индейцы Амазонии не угодили? Они ж у него есть не просят…

– Ты просто не знаешь, какой у него был идеал духовной жизни. И эволюции. Он полагал, что тело мешает духу развиваться. И мечтал все устроить так, чтоб в будущем от людей остались только мозги, заключенные в запаянную стеклянную колбу с воздухом и питательными веществами.

И эти колбы будут летать, мыслить, обмениваться знаниями…

– А секс?

– Секс? *(Свинаренко задумался.)* **Ну видимо, им оставался только секс по сотовому телефону.**

– Но так ты не достигаешь оргазма.

– Ну не достигаешь. Только зачем ты дискутируешь со мной, если это теория Циолковского? Я сам ее, может, не разделяю?…

– Я с тобой не дискутирую, я уточняю параметры теории. Я-то не читал Циолковского.

– Так, по его теории, вот человек-то низшей расы и не получил бы удовольствия от жизни в колбе без яиц и вообще без всего. Чистый разум.

– Тогда, боюсь, и я принадлежу к низшей расе.

– Даром что ариец.

– А это легко определяется – высшая или низшая. Не хочешь в виде шарика летать – значит, низшая. Я думаю, и ты низшая.

– Не знаю, я в шарике не пробовал. Так вот я, вместо того чтоб пойти на немецкий праздник – причем не в виде мозга в колбе, а в виде юноши со всеми органами, – вместо того чтоб пойти в пединститут на праздник разврата, я сижу и жду, когда мне принесут полосы на подпись. То есть я отмечал праздник практически как мозг в колбе, причем на родине великого мечтателя. И сидел я долго, потому что никто не знал, как хоронить Брежнева – и как об этом извещать народ. Обком комсомола затребовал инструкции в обкоме партии, те – в ЦК. А там говорят – мы тоже не знаем, перезвоните нам часа в два ночи. Так они подняли архивы «Правды» за 53-й год – это был последний случай похорон действующего главы СССР – и оттуда слизали весь макет. Значит, рамка черная во всю полосу и отклики трудящихся, что они скорбят и потому перевыполнят план, а партия еще теснее сплотится вокруг

ленинского ЦК. Идиотизм, в общем, такой, что сегодня в это трудно поверить… Короче, это кончилось в пять утра. Ну куда уж ехать? Там весь разврат, наверное, закончился. Я подумал: «Пожалуй, я сегодня уже чужой на этом празднике жизни».

– Человек и сам помер, и тебя поститься заставил. А у меня была такая история. Я никого не трогаю, пришел из института, мету двор, починяю, как говорится, примус, и тут ко мне подходит моя бригадирша с постной мордой и говорит: «Сейчас флаги будем ставить». В такие дырочки, знаешь? На домах были такие фиговины. И в них втыкали. А сама процедура не так трудная, как нудная. Потому что этих дырочек до хрена, этих флагов до хрена…

– Вы с бригадиршей занимались типа имитацией секса – засовывали флаги в дырочки…

– Меня бригадирша использовала как грубую мужскую силу.

– Во-во.

– Я должен был флаги таскать и лестницу, а она уже сама по лестнице забегала и эти флаги втыкала.

– Если б она знала, что за ней лестницу таскает будущий бывший вице-премьер, она б точно навернулась с той лестницы…

– Я снял с себя всякую ответственность и исполнял роль вьючного животного. Тащил лестницу и флаги. А бригадирша разукрашивала наш микрорайон по заданию райкома партии. Потом я с удовольствием смотрел телерепортаж про похороны. Мне очень понравилось. Ну не то, что гроб уронили, а вообще. Мы накупили с ребятами пи-и-и-ва, с-е-е-ли… Старик порадовался бы, если б нас увидел.

У Соловьева в фильме «Черная роза – эмблема печали, красная роза – эмблема любви» есть сцена, когда в дурдоме смотрят похороны Брежнева. Очень сильная сцена. Советую посмотреть. Мы тогда очень похоже посидели.

– Что пили? «Битбургер» твой любимый?

– Не-не-не. Это «Жигулевское» было, без этикетки, где на пробке были выбиты цифры.

– Я и сейчас иногда «Жигулевское» покупаю – у него такой горьковатый вкус. Вкус, знакомый с детства. [1] **Настоящее пиво.**

– Ты мне рассказываешь? Я-то вообще в Жигулях вырос. С 1969 по 1978 год прожил в городе Тольятти Куйбышевской области. Это был очень сильный опыт. Автозавод еще строился, и город вместе с ним. Грязища непролазная. Народу понаехало – со всего Союза, за жильем. Русские, татары, мордва, чуваши, хохлы. На весь город – один кинотеатр. Культур-мультур – ноль. Я был

единственный в Автозаводском районе мальчик, который окончил школу без троек. Любимое развлечение – драки квартал на квартал. Дрались вусмерть. Обрезками водопроводных труб, велосипедными цепками. Меня предки сдуру, то есть не подумав, определили в музыкальную школу. Можете себе представить: среди такой «мужской» атмосферы бредет подросток с папочкой для нот. Да и фамилия какая-то не такая. Били каждый день. Пока я не бросил музыкалку и не записался в секцию самбо. *(выше было дзюдо.* – Ред.*)* Стало полегче. Как вспомнишь, так вздрогнешь. После школы полкласса сразу село. Некоторые уже вторую и третью ходку имеют. Некоторые в земле сырой. Меня Господь сподобил поступить в Ленинградский финансово-экономический институт.

– А сейчас пьешь «Жигулевское»?

– Я – с удовольствием, конечно!

– Вот смотри, в 1982 году наметилась вся твоя дальнейшая жизнь.

– Да ничего там не наметилось.

– Нет, ты смотри. Во-первых, ты начал делать бабки, вон шабашил и дворничал. Второе: ты был причастен к государственным делам.

– Как это?

– Ну, государственные флаги на улицах развешивал. И третье: наведение порядка в стране. Для начала с метлой, в одном отдельно взятом питерском квартале… Слушай, ты там ничего тогда не приватизировал?

– Нет, в то время не давали. Дефицит был большой на приватизацию. Эх, как вспомню нашу квартирку на улице Красной Конницы, ныне Кавалергардская, – рядом со Смольным! Квартира коммунальная, крысы бегали… Пол проваливался, сырость. Окна во двор-колодец. Там было весело… У меня был сосед, мальчик, он в ПТУ учился. Правда, редко ходил туда, чаще косил. Решив, что является крупным гитаристом, он поставил себе звукосниматель на гитару, подсоединил ее к мощному динамику – и разучивал песню «Земля в иллюминаторе».

– Это он сочинил?

– Нет, сочинил кто-то другой. А он только разучивал. С утра, так часиков с десяти, он начинал распевку. Сто заходов подряд: «Земля в иллюминаторе, Земля в иллюминаторе, Земля в иллюминаторе, Земля в иллюминаторе» – и так далее. Жена уже с ума сходила. Она говорила ему: ну прекрати, хочешь, я тебя покормлю?

– Чья жена?

– Моя.

– Вот эта же самая, что сейчас?

– Ну конечно, у меня одна-единственная жена.

– А как так получилось? У всех много, а у тебя одна.

– Ха-ха-ха. Пускай я буду хоть в этом оригинален. Это я так перед вами выделываюсь. Ха-ха-ха.

– А на самом деле, если не выделываться, – ты чего бы хотел?

– В нынешней демографической ситуации, да и социальной, я – за многоженство.

– Многоженство последовательное – или параллельное?

– Э-э-э… Параллельное. Я считаю, что жен бросать нельзя. Если уж приперло, любовь-морковь там, то можно просто параллельно с ними заводить других жен. Но поскольку теперешняя мораль протестует, то придумана какая-то идиотская система смены жен. А что с предыдущей делать? На помойку выбрасывать, что ли? Нельзя. Если она нашла себе какого-то кавалера, хорошо. А если не нашла? Тоже мне, взяли моду – жен бросать. Должен тащить до конца, до смерти. Я так считаю. Понимаешь, да?

Комментарий Коха

Тут, может быть, некстати, у меня возникло соображение следующего порядка. Вот наши великие предки из новой и новейшей истории России, там Петр Первый, Екатерина Вторая, все Александры и пр., включая Столыпина, ведь они как смотрели на Россию? У них не было какой-то там рефлексии относительно политических и неполитических методов. Агрессор, мол, или не агрессор. Они думали о стране, о людях, о положении относительно других стран и народов. И поначалу пришли к неутешительному выводу. Экономика – слабая, армия – слабая. Геополитическое положение – хуже не придумаешь: на задворках Европы, без выхода к морю, настоящая Азия (Китай, Индия) – тоже далеко. Экономически, как говорится, – зона рискованного земледелия. Неурожаи, голод. Семь-восемь месяцев в году страна скована снегами, еще два – распутица. Как быть? Понятно, что в тогдашних географических границах страна не имела сколько-нибудь приличного будущего. Плодородные земли – северное Причерноморье, Дон, Кубань, Терек, среднее и нижнее течение Волги, Урала, башкирские степи – все под постоянной угрозой нападения. Где турок, где крымчаков, где разных размеров ордынцев, всяких там горцев. Да и казачки царскую власть любят больше на словах, а на деле сами любители пограбить да погулять. Землю-то пахать палкой не загонишь. А заселишь

мужиками, так те же казачки оберут до нитки да еще и за собой сманят «в казаки».

И начал Петр Первый воевать с турками. С огромным трудом взял Азов. Да и отдал потом, не выстоял. В Молдавию с Валахией пошел («Прутский поход» называется), так в плен попал, жена потом его выкупала из плена. Дербентский поход тоже ничем закончился – Османская империя тогда еще сильная была, России не по зубам. Затеяли со шведами Северную войну. Почти двадцать лет воевали. Получила Россия доступ к морю. Торговлишку какую-никакую завела. Но ведь главного вопроса не решила. Как теперь модно говорить, «вопроса о продовольственной безопасности страны». Пахотных, плодородных земель-то не прибавилось. Да и порты нужны незамерзающие.

И вот взялась Екатерина Вторая снова воевать с турками. Поначалу плохо получалось, но потом развоевались (Потемкин, Орловы, Румянцев, Суворов) и пошло дело. Заняли все северное Причерноморье, Кубань, покорили Крым. Начали осваивать. Построили порты. Торговые и военные. Одесса, Николаев, Севастополь, Новороссийск. Распахали землю. Собрали первые урожаи. Стало полегче. «Золотой век» Екатерины. А народу все прибавляется и прибавляется. Не хватает земли всех прокормить.

Дальше – больше. Плодородная Грузия. Да связь с ней плохая – Кавказ, горцы. А с юга – персы да те же турки. Снова воевать. Александр и Николай Павловичи, да уж и Александр Второй Николаевич – все отметились на Кавказе и в Закавказье. До Эрзерума дошли. Была идея Балканы присоединить да в Константинополе столицу сделать: слава Богу, на Балканах народ православный живет, он русского царя примет лучше, чем султана. Но тут уж европейские державы всполошились. Не дали. Англия с Францией ввязались в Крымскую войну и остановили нашу экспансию. Но Терек уже русский и безопасен. Грузия тоже в порядке. А народ все растет. Прибавляется. Опять не хватает земли.

Тогда собрался Александр Второй в поход в Азию. С детства будоражили его воображение рассказы Жуковского про походы Александра Македонского. Хорезм, Самарканд, Коканд, Фергана. Плодородные долины в междуречьях многоводных рек. Сказочные Согдиана и Бактрия… Прошли огнем и мечом. Перешли русские солдаты Амударью и Пяндж. Дальше Панджер, за ним перевал Саланг, а дальше – Пешавар, Кабул, владения британской короны. Остановились. Осмотрелись. Батюшки, завоевали-то сколько! А народ растет, прибавляется. Тут крепостное право отменили. Народ из деревень побежал. Кто в город, а кто и на новые земли.

Провели первую перепись населения и ахнули: вот мы уже и самая большая страна в Европе.

Александр Третий да Николай Второй понастроили железных дорог. Осваивай народ Россию-матушку. Кто на юг, а кто и на восток. Тут и Транссиб поспел. Столыпин разломал крестьянскую общину. Началось освоение южной Сибири. Сделали прогноз населения на тридцать лет и дальше. Честный, не как Госплан. Четыреста миллионов человек будет жить в Российской империи в 1940 году! В 1980-м – шесть сот миллионов. Каково?

«А потом пришел гегемон и все пошло прахом». Когда говорят, что большевики провели индустриализацию и выиграли войну, нужно задать вопрос: «А какой ценой?» Ответ прост. Ценой примерно (!) пятидесяти миллионов убитых в войнах и лагерях и ста пятидесяти миллионов (!!!) неродившихся людей. То есть, говоря сегодняшними цифрами, не родилась еще одна Россия.

Ныне демографическая ситуация чудовищная. Население сокращается. Структура его ухудшается день ото дня. Народ стареет. Скоро, очень скоро на каждого работающего будет два пенсионера. Это несмотря на то что продолжительность жизни, особенно мужчин, не больше шестидесяти лет. Доля русского населения снижается. Есть еще один штрих к портрету страны: не за горами то время, когда Россия будет преимущественно мусульманской.

Даже той территории, которая осталась за Российской Федерацией после развала Советского Союза, нам много. Мы третий год подряд собираем пшеницы больше, чем можем съесть. Зерно пропадает. Пора признаться в страшном: население страны не в состоянии обслужить ее территорию. Для таких просторов нас мало. Попросту говоря, предыдущие триста лет перед Россией стояла задача подогнать территорию (прежде всего по качеству) под растущее население. Теперь ситуация обратная. Нужно население (теперь уже прежде всего по количеству) подогнать под размеры страны. Рассмотрим все возможные источники роста населения страны.

Конечно, нужно по всей эсэнговии собрать в Россию людей, которые именно ее считают своей Родиной. Да здесь, видать, потенциал почти исчерпан. Из Казахстана и Средней Азии все, кто хотел, уже, наверное, приехали. Да еще и таджиков прихватили. Из Закавказья тоже. С изрядной толикой грузин, армян и азербайджанцев. Из Прибалтики, несмотря на «ущемление прав русскоязычного населения», ехать не спешат, да и не приедут. Дурных нема. Они уж почти в Европе, а тут опять визы, бестолковость российская… ну, в общем, сами понимаете. Опять же в армию могут замести. И с Украиной вряд ли что

получится. Разве на заработки приедут в Россию, а семьи везти насовсем – шалишь. Ни жилья, ни работы постоянной.

Давайте зададимся вопросом: а есть ли в мировой истории страна, которая также оказалась перед необходимостью резкого (в разы) увеличения населения для освоения своей территории? Ответ очевиден. Это Соединенные Штаты Америки в XIX веке, после присоединения Луизианы, Техаса и Калифорнии, а также продвижения пионеров на Средний Запад.

Через океан от Америки была перенаселенная Европа, с ее войнами, свирепыми монархами, неурожаями, погромами, эпидемиями и прочими прелестями тогдашней жизни. Один неурожай картофеля в Ирландии – и пожалуйста получи, Америка, миллион граждан. Еврейские погромы в царской России – еще один миллион. Потянулись колонисты в Америку – в землю обетованную, где молочные реки и кисельные берега, где землю раздают бесплатно, в собственность – кто быстрее доскачет, забьет колышек, пометит. Государство осознало позитивность этого процесса и создало эффективную бюрократическую машину натурализации колонистов. Кто был в Музее иммиграции на Эллис-Айленде в Нью-Йорке, тот может оценить масштабы этого процесса.

Конечно, скажете вы, Старый Свет был в социальном и культурном плане достаточно близок к Америке. Действительно, он был преимущественно христианский, связанный с Новым Светом огромным количеством родственных и исторических связей. Приток такого населения не требовал преодоления культурного барьера между местным населением и приезжающими колонистами.

В России ситуация сейчас намного хуже. Потенциальные источники притока иммигрантов должны удовлетворять двум критериям. Жизнь людей должна быть беднее, чем в России, и перенаселенность не должна оставлять никаких шансов для более-менее сносных перспектив. Таким критериям удовлетворяет сегодня только Южная и Юго-Восточная Азия. Если быть более точным, то материковый Китай и Индия.

Индия обладает некоторыми преимуществами по следующим причинам. Во-первых, индусы более-менее представляют себе европейский строй мысли (спасибо британскому владычеству) и прилично говорят по-английски, что, хотя бы на первых порах, облегчит взаимодействие с ними. Во-вторых, индусы, как показала практика их поведения в других странах (США, Великобритания, ЮАР, нефтяные арабские страны), неагрессивны, стараются получить хорошее образование и работать в реальном секторе экономики.

Однако есть и существенные препятствия для стимулирования притока именно индусов. Прежде всего это российский климат. Потом, что индусу в России делать? Индустриальные центры и так страдают от относительной перенаселенности, а в глубинку, тем более сибирскую или дальневосточную, он не поедет ни за какие коврижки, поскольку, не обладая опытом выживания в наших условиях, не зная адекватной агрокультуры, он вряд ли обеспечит себе в России более заманчивые перспективы, чем в родной Индии.

Итак, остается Китай. Нужно иметь мужество признать: приток иммигрантов из Китая – неизбежность. Собственно, этот процесс идет уже давно и счет китайских иммигрантов перевалил за миллион. Надо быть слепым, чтобы этого не заметить.

И действительно, чему здесь удивляться? Стало банальностью повторять: «Свято место пусто не бывает». Пятьдесят – семьдесят миллионов китайцев, проживающих вдоль нашей дальневосточной границы, а напротив – пустота (если есть миллион, то хорошо). Климат не беда. Вряд ли на том, китайском, берегу Амура и Уссури он значительно мягче.

Культурный разрыв? А им-то что? Китайский шовинизм, за четыре тысячи лет существования китайского этноса и государственности, настолько стал элементом национальной ментальности, что китайцы не испытывают необходимости не только в межнациональном общении, но даже в формальных контактах с нашими государственными институтами.

Русский изучать – пустое дело. Для торговли на барахолке достаточно словарного запаса Эллочки-людоедки. Да и русский – явление временное: через десять лет нас, китайцев, здесь будет абсолютное большинство, и вот тогда эти дикари будут сами изучать китайский.

Представление китайцев о разделении всего мира на Поднебесную и варваров сравнимо разве что с древнегреческим. Сознание собственной исключительности и цивилизованности в противовес остальному миру настолько сильно, что не требует доказательств. Это сродни нашей убежденности относительно какой-то особой российской духовности.

Агрессивная китайская экспансия на российский Дальний Восток напоминает порой какую-то разновидность оккупации. Это вам не индусы, которые чувствуют себя гостями. Это вполне дееспособные, легко адаптирующиеся, самодостаточные трудоголики, не гнушающиеся никаким бизнесом, будь то проституция, торговля наркотиками или, наоборот, вполне респектабельная мелкооптовая торговля, швейное дело или даже сельское хозяйство. Абсолютно здоровая, с точки зрения

иммигранта, китайская всеядность расцветает махровым цветом на почве российской коррупции, разгильдяйства и лени.

Миграция больших масс китайцев на российскую территорию – процесс абсолютно объективный. Противостоять ему – все равно что пытаться остановить ураган. Действительно, что такое ураган? Это перемещение воздуха из области высокого давления в область низкого. Что такое китайская миграция на наш Дальний Восток? Перетекание людей из района их высокой концентрации в район, где плотность населения крайне низка. Этот объективный процесс нельзя остановить никакими, пусть даже самыми жесткими, мерами государственного реагирования: многочисленные когорты и легионы не смогли противостоять Великому переселению народов, несмотря на их железную дисциплину, децимацию и прочие хорошо известные доказательства римской воли и мощи. Ну вспомните же Гумилева-младшего, Вернадского, пассионарность и ноосферу с саранчой. Это уже почти биология, химия, физика. Это же второй закон термодинамики! Куда там государству, когда в действие вступают законы природы!

Итак, либо драконовскими мерами государственного регулирования пытаться остановить китайскую миграцию и тогда получить ее практически в тех же объемах, но абсолютно нелегальную, в основном криминальную, порождающую межэтнические конфликты, ненависть и всплеск коррупции среди чиновников, которые хоть как-то соприкасаются с нелегальными иммигрантами – при нашей-то всеобщей скинхедской ксенофобии это чревато тотальной кровавой поножовщиной, – либо, наоборот, максимально облегчить процедуру легализации иммигранта, а все силы и средства бросить на создание быстрой и эффективной технологии адаптации и натурализации нового гражданина. Например, как говорится, в порядке бреда, почему всех новых граждан «призывного возраста» не забирать в армию?

Если процедура натурализации иммигранта будет простой и понятной, а на новой родине он сможет получить пустующую сейчас землю или работу, иметь возможность открыть свой, пусть маленький, бизнес, то мы получим в достаточно сжатые сроки миллионы лояльных и трудолюбивых граждан. Об этом свидетельствует опыт китайской иммиграции в США и другие страны. А уж тяга китайцев к образованию стала, наверное, общим местом…

Комментарий Свинаренко к комментарию Коха

О том, что китайская экспансия неизбежна, писал еще Чехов

(Суворину, в 1890 году, из Благовещенска): «Китайцы начинают встречаться с Иркутска, а здесь их больше, чем мух… Китайцы возьмут у нас Амур – это несомненно,…все смеются, что Россия хлопочет о Болгарии, которая гроша медного не стоит, и совсем забыла об Амуре».

Поднимал тему и Солженицын – еще в те времена, когда китайские рестораны в Москве считались экзотикой. При этом он полагал, что китайцы все-таки отнимут у нас Сибирь и Дальний Восток, а не ассимилируются. Пример с заселением прерий англичанами мне кажется как раз удачным в том смысле, что работает на нашу с Солженицыным версию. Приезжие англичане не ассимилировались с местным населением типа команчей, а, напротив, насадили в Новом Свете свою идеологию, привили там свой язык, свою веру и свои традиции. Чтобы это все удалось, они там провели этническую чистку. По справедливости, натовская авиация за это должна была бомбить Штаты с тем же усердием, что и Югославию. Но оставим в стороне вопросы морали и справедливости. Если посмотреть на вопрос цинично, то белые иммигранты построили на месте пустых унылых прерий с редкими вигвамами довольно приличную страну. Похоже, и китайцы собираются пойти по этому пути, при том что другого у них, боюсь, и нет. Я видел там у них, в Китае, новые прекрасные города, построенные в последние пять – десять лет. Это не картонные халабуды, в которых селятся в России русские же беженцы (русские беженцы – это звучит как-то по-оксюморонски; попробуйте себе представить беженцев американских или, к слову, китайских) из бывших союзных республик – я такие поселки видел в Центральной России, – но современные мегаполисы с небоскребами и транспортными развязками. Не строят сегодня у нас таких городов. И не пашут на коровах по колено в воде, и не едят вареных куриных пальцев, и не возят урожай на грузовых велосипедах, как это легко делают китайцы. Надо также принять к сведению, что, по статистике, на одного русского приходится десять китайцев. Это куда более катастрофично, чем на десять девчонок – девять ребят. Пока что эти превосходящие силы китайцев размножаются очень вяло по причине жестких санкций к многодетным. В России такие санкции законодательством не предусмотрены, так что плодиться и размножаться они будут неуправляемо… В отличие от русских, которым размножаться никто не мешает, – более того, нас к этому призывает титульная религия. Плодитесь, стало быть, и размножайтесь… Все условия созданы, ан нет…

Продолжение комментария Коха

…Но все эти источники роста населения не исключают главного. Нужно рожать. Рожать и рожать. Нация должна понять, что у нее нет выбора. Либо она начнет рожать, либо в исторически короткие сроки исчезнет как самостоятельный этнос. Она состарится и вымрет. Ее ассимилируют, развезут, перекрестят. Мало того что нужно рожать, нужно рожать полноценных и дееспособных граждан. Людей, которые в состоянии обеспечить себе и своим детям достойную жизнь. Не алкашей и бомжей, лентяев и горлопанов-нахлебников, не лоханкиных с их «сермяжной правдой», а бодрых и уверенных в своих силах граждан. Граждан, которые видят, что качество их жизни есть функция от их труда.

Теперь давайте посмотрим на ситуацию с другой стороны. Вот есть семья. Две половозрелые особи – мужчина и женщина. Живут они поживают, добра наживают. Заводят ребеночка. Надоедают потихоньку друг другу. Сначала невинный флирт на стороне, затем – серьезные романы. И вот он уже разрывается на части. Тут – опостылевшая жена, а там – милая, единственная. Как же я не замечал раньше. Это и есть моя желанная, моя судьба, какой я был дурак, что женился на этой стерве, и так далее. Алкоголь. Неизбежный разрыв, развод с распиливанием шкафа.

Старая жена с ребятенком оставляется, и предпринимается попытка устроить новую ячейку общества. Опять поначалу все прекрасно. Летний отдых, романтические вечера. Потом снова постылый быт, новое дитя, стиральная машина… Флирт на стороне. Ах черт, «председательская» железа, подлая. Виагра. Она такая молодая, красивая. Какой я подлец! Она меня так любит. Пенсия. Старость. Смерть.

Подведем итог. Четверо людей произвели двоих детей. Причем один из них воспитывался в неполной семье (детская комната милиции, вечное безденежье, несчастная, рано состарившаяся на трех работах мать, ненависть к отцу-предателю). А все моногамность подлая. Моногамность – слишком большая роскошь для вымирающей нации. Особенно если эта нация находится под угрозой наступления другого энергичного этноса, не обремененного предрассудками.

Наиболее современный институт полигамии в исламских странах показывает его эффективность как с демографической, так и с материальной стороны. Здесь нет нужды описывать все особенности полигамного брака в его патриархальном варианте, но то, что этот вариант позволяет всем трем женщинам осуществить свое основное предназначение – стать матерью, и не один раз, – на мой взгляд, очевидно. Причем дети в таком браке не воспитываются ущербными, обиженными на весь мир. Они

лишены глубоко скрытых комплексов, сформированных неполной семьей.

Вот такое рассуждение. Вдобавок практика идет впереди обычая и внебрачные дети становятся все более рядовым явлением. Нужно институировать уже существующее явление. В конце концов, полигамный патриархальный брак, на мой взгляд, – более естественное явление, чем брак между гомосексуалистами или лесбиянками с правом усыновлять детей. Что ж они там навоспитывают?

Безусловно, такие браки должны быть сугубо добровольными. Но, при здравом размышлении, что лучше: оставаться одной с ребенком на руках, а бывший муж и отец в лучшем случае раз в месяц придет и покажет ребенку козу, одарив семью потной сторублевкой, или находиться на почетной (и вполне легитимной, заметим, то есть с правом на долю наследства) должности старшей жены?

Конечно, дамы-суфражистки сейчас замашут на меня руками и закричат о мужском шовинизме. Да будет им! Убежден, подавляющее число одиноких женщин, как брошенных «морально неустойчивыми» мужьями, так и не могущих соединиться с любимым, скованным брачными «кандалами», давно бы согласились на многоженство, если бы не наша пресловутая забота об их равенстве, обрекающая их на одинокую, нищую, а зачастую и бездетную, старость.

– Если подвести итоги, то бросание жен, на мой взгляд, – это свинство. Если есть дети. А когда детей нет, это все фигня, это траханье, обставленное более церемониально…

– Вот-вот. У вас, у немцев, есть даже такое понятие – Probeehe.

– А как это, пардон, по-русски? *(Спрашивает Кох Хохла.)*

– Пробный брак. Это было в ГДР широко распространено. Там девушкам с четырнадцати лет разрешали пилюли.

– И пробный брак?

– Ну! И они имели право трахаться, имели право мальчика приводить домой ночевать. Иначе было ущемление прав человека.

– Понятно.

– И результаты были хорошие. С четырнадцати до двадцати девушки стояли на голове, гуляли напропалую – и с неграми… А потом немки говорили – ну кроме же траханины есть же еще душа, чувство и человеческие отношения. И дальше они выходили замуж и становились чудесными женами.

– Вот. 1982-й год – вот такой он был…

– И ты уже был женат.

– Я уже два года был женат, у нас уже дочка родилась! Я в девятнадцать лет женился! А ты был холостой и бегал за немками.

– Между прочим, это было большое светлое чувство, которое я пронес через годы. Мы до сих пор семьями дружим.

Комментарий Свинаренко

Таки это было большое и светлое чувство. Вы будете смеяться, но вечерами моя немецкая подруга играла для меня на скрипке. У нее была пятерка по русскому – видимо, благодаря мне. Примечательно, что, когда у меня было хорошее настроение, мы говорили по-немецки. Когда плохое – по-русски. Когда плохое было у обоих, каждый говорил на своем. Забавно, что она была коммунистка. Когда я против нее вел антикоммунистическую агитацию, она меня обзывала дураком, мы ссорились и спали порознь. Кончилось тем, что она уехала, вышла замуж за коммуниста и теперь они оба безработные. Недавно она позвонила мне и рассказала, что четвертого ребенка назвала Свеном. «Тронут, – говорю, – тронут. Не ожидал…» – «Идиот, – ответила она, – это не в честь тебя! Просто мы его зачали в Швеции».

– Я был на тот момент временно холостой, это был промежуток между семейными жизнями.

– А ты сколько раз был женат?

– С паспортом – два раза. И еще несколько раз было то, что по суду признали бы законным браком.

– А, ведение совместного хозяйства.

– Ну да.

– А сколько у тебя детей и от скольких женщин?

– Дети, к счастью, у меня от одной жены. От теперешней.

– Так вот я тебе сообщаю, что, по всем моим понятиям, я не знаю, как у вас устроено, – вот у тебя одна жена и была. И есть. А остальные? Ну спали, ну варили кашу вместе. Делов-то куча! «Сколько раз я делал это бесплатно…» У Хемингуэя помнишь это место? Развлечения мистера, не помню, Пупкина в Монтрё.

Комментарий Коха

Этот рассказ называется «Развлечения мистера Уилера в Монтрё» из цикла «Посвящается Швейцарии». Мистер Уилер за

несколько минут до отхода поезда предлагает кельнерше потрахаться за триста франков. Она наотрез отказывается. Он садится в поезд и уезжает. Ее мысли: «Вот урод. Урод, да еще какой противный. Триста франков за такой пустяк. Сколько раз я это делала даром. Да и негде тут. Если б у него хоть капля соображения была, он бы понял, что тут негде. И негде, и некогда. Триста франков. Ну и чудаки эти американцы». Его мысли (уже в поезде): мистер Уилер направлялся в Париж. Он был расчетлив, и женщины его не интересовали. На этой станции он бывал и раньше и знал, что наверху там помещений нет. Мистер Уилер никогда не рисковал.

– В том же самом Монтрё один наш с тобой товарищ лечился в клинике «La prairie».

– От алкоголизма?

– Нет, от цирроза.

– А, чтоб продолжать пить дальше!

– Ты там был?

– Нет.

– Там в клинике на первом этаже нормальный такой приличный кабак. Можно зайти выпить и закусить как положено. А можно кашки поесть на воде, морковок сырых – для здоровья. И, значит, он там отдыхает, лечит печень. Приезжают ребята его навестить. Он всех ведет в кабак, заказывает морковки и прочее говно и воду обезжиренную. А после приглашает к себе наверх – показать, как он живет. Открывает там холодильник, достает бутылку водки, режет колбаски копченой, и: «Ну, давайте махнем». – «Даты что, у тебя ж диета!» Он говорит: «Минуточку, я кашу съел? Съел. Теперь я могу отдохнуть? А потом я еще пойду на ужин кашу есть».

– И потом будет всем рассказывать, что лечил печень.

– Я, кстати, сейчас понял, что такое капитализм и приватизация. Вот смотри: у нас с тобой было две рыбки, маленькая и большая. Ты мне сразу сказал, что маленькая – круче. Я стал ее есть, думая еще кусок большой у тебя отъесть. Но ты большую сожрал быстрей, чем я маленькую.

– Нет.

– Я уж вижу.

– Вот кушай еще. *(Кох достал из-под газетки еще одну маленькую рыбку.)* Вот кушай. Две маленькие – это почти одна большая.

– А, то есть ты хочешь сказать, что приватизацию ты провел честно… Ну-ну… Так я ему тогда говорю: «Что ж ты

при такой печени еще и водку жрешь с утра? Ты ж так помрешь, бросай пить». И он говорит: «Знаешь, мне все равно осталось жить два или три года».

– Ой-ой! Тоже мне, принц Гамлет.

– Это было лет восемь назад. И он говорит – вот попью года два, и все. Я говорю – постой, тут два нюанса есть важных.

– Ну да, а вдруг не умрет?

– Не. Во-первых, тебе никто не гарантировал даже этих двух лет. А во-вторых, не то даже плохо, что человек смертен…

– А что внезапно смертен.

– Ну да, внезапно смертен. Пошел поссать – думает, поссу, а потом что-то совершу в жизни…

– А Аннушка уже масло разлила. Не могу удержаться и не процитировать это место из булгаковского «Мастера и Маргариты»: «Да, человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус! И вообще не может сказать, что он будет делать в сегодняшний вечер…»

– Ну да. И ты пошел поссать и не вернулся.

В общем, товарищ мой задумался и… перевел разговор на другое. *(Пауза.)*

– Алик! Вот скажи мне… Ты так страстно говоришь про многоженство, что я задался вопросом: ты сам-то его практиковал?

– Нет. Нет-нет.

– А вот у меня…

– Опять же в моем смысле – жена, это только когда дети от нее есть.

– Ну да. А у меня был дружок, который уже в 82-м имел место быть. Так у него дети от трех жен. Это если не считать первую жену, потому что там уже дети большие. И вот однажды какая-то очередная его подружка вдруг залетает. То есть, по твоей терминологии, становится ну пусть еще не женой, но, типа, невестой. И он говорит: стоп! Вот у меня есть жена, от нее дети. И вот еще девушка забеременела. Рожать она не так чтоб хочет, но он-то как глубоко православный человек – даже сторожем в храме служил…

– Сторожем – это наш уровень!

– Ну… И вот он как человек православный… Никаких, значит, абортов.

– Это правильно.

– Это еще не все. Он еще решил: жить не по лжи.

– Опа. Это еще что такое?

– Ну, типа, если я поимел девушку…

– То я должен сообщить всем другим девушкам…

– Включая жену…

– Ой, какая глупость.

– Подожди, это еще не все, это только начало.

– Это где, в каком Писании написано, что надо жене сообщать? Он же грешен не перед женой, а перед Господом! А он и так все видит, ему не надо докладывать…

– Но отец должен воспитывать своих детей?

– Должен.

– Семья должна жить вся вместе?

– Да.

– Таким образом, решил он, пускай новая девушка рожает, а жить мы все будем вместе.

– У-ху-ху! Хэ-хэ!

– Я не вижу тут оснований для смеха. Что ты тут услышал смешного?

– Я радуюсь чужому горю. Ха-ха.

– Не зря про тебя писала какая-то газета, я сам читал, что ты смеялся неприятным смехом, когда у тебя товарища в Питере арестовали, то ли Финько, то ли Финштейна.

– Фишков это был, Фишков.

– Его арестовали, а ты смеялся.

– Да ну, чушь это. Он мой близкий товарищ. Я переживал. Слава Богу, его потом выпустили.

– …так вот, он убедил жену, что надо не по лжи. И все вместе они уезжают в Сибирь жить.

– Сколько народу?

– Одна с двумя детьми, а другая – с одним. И он сам.

– А как он пользовал их?

– Я откуда знаю?

– Ну он же тебе описывал? В каком порядке… Или они втроем барахтались…

– У тебя одно на уме! А его другое волновало. Мы с ним обсуждали чисто богословскую сторону вопроса. Он думал: может, ислам принять?

– Так у него другого выхода не было.

– Но он говорил, не может, потому что любит Христа.

– Мусульмане тоже любят Христа.

– Ну не до такой же степени.

– Ха-ха-ха. Кто меряет степень любви? Она либо есть, либо нет.

– Ну что ты опять смеешься?

– Ладно, давай всерьез. Вот смотри. Читаешь Библию…

– …а там все многоженцы.

– Да. Авраам – у него жена и несколько наложниц. Причем дети от наложниц признавались вполне законными. Исаак, Иаков, Иосиф и так далее, вплоть до Соломона. *«…Хотя между несколькими женами одного мужа возможны раздоры, вызываемые ревностью и семейными дрязгами, однако в действительности жизнь часто устанавливает мирные отношения между ними, так как одна жена облегчает труд другой и содействует благосостоянию всех. Из Библии известно, что жены патриархов сами сводили своих мужей с наложницами…» Энциклопедия Брокгауза и Ефрона, т. 47, с. 282–283, статья «Полигамия». И еще: «И было у Соломона семьсот жен и триста наложниц…» 3 Царств. 11:3).* …А потом раз вдруг – и моногамия. Как этот переход произошел?

– Это очень просто. Я объясню тебе.

– Я весь внимание.

– Просто люди жили не по лжи, а сейчас все живут друг с другом, но всем рассказывают, что у них типа моногамия.

– Нет, но не возжелай жены ближнего и не прелюбодействуй – это же оставалось!

– Ну, возжелай жену дальнего. Кого-то дальнего себе. Шучу.

– Не возжелай жены – это значит не завидуй, потому что дальше идут верблюды, ослы и прочее. А вот не прелюбодействуй… Это да. Хочешь трахаться – женись.

– А если девушка незамужняя?…

– Нет, это прелюбодеяние. Ты со мной по поводу христианских добродетелей-то не спорь…

– Я с тобой, будучи примерным семьянином, спорю чисто теоретически. И довожу до абсурда. Для ясности.

– Ты мне лучше скажи, как семья перешла от полигамной к моногамной? Читаешь, читаешь Священное Писание – ничего там нет про моногамию.

– А Христос?

– Христос вообще был холост.

– Ну он же не был девственником.

– Это неизвестно. Единственное, что он по этому поводу говорил, – что если ты в мыслях прелюбодействовал, значит, ты и на самом деле прелюбодействовал. Я цитирую: «Вы слышали, что сказано древним: „Не прелюбодействуй“. „А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем“ (Мтф. 5:27–28).

– То есть он не видел разницы между реальным сексом и

виртуальным?

– Вот проходит красивая попка. Ты думаешь – вот бы… И все, ты уже согрешил. Но если ты так не думаешь, то это уже проблема не этическая, а медицинская. Потому что тогда ты либо импотент, либо гомик. А вот дальше он говорит, на мой взгляд, важную фразу, которую многие не понимают. И которая снимает это противоречие. «Учитель! Какая наибольшая заповедь в законе?» Иисус сказал ему: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим». Сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: «*Возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки…» (Мтф. 22:36–40). Вот весь закон и все правила.*

– То есть ты е…шь свою жену – и его жену можешь вые… ть. В смысле возлюби ближнего твоего как самого себя…

– Ну да, ты договоришься до того, чтоб и его самого поиметь, еще и онанизм приветствуется. Только не надо богохульствовать! То, что ты сказал, мы вычеркиваем. Нет, он просто считает, что если человек любит людей, делает им добро, то это значительно важней, чем возжелал он кого-то, не возжелал… Это все так… Моисеево изобретение. Помнишь знаменитый анекдот, когда Моисей на гору взобрался. Еврейский народ ждет внизу, в Синайской пустыне. Он там чего-то боролся, тыры-пыры, сполохи, дым… Возвращается и говорит: «Я принес вам завет от Господа. В нем, значит, сто двадцать заповедей». И начинает их зачитывать. Евреи слушали, слушали и говорят: «Моисей, иди ты знаешь куда?! Иди опять с Богом договаривайся. Что-то нам не нравится. Раздвинул море – делов-то куча, и за это столько условий выкатил, что мы лучше обратно в Египет уйдем». Вот.

– И таки ведь вернулись в Египет. В ходе шестидневной войны.

– Моисей, значит, опять пошел, опять боролся. Вернулся и говорит: «Евреи, у меня две новости, хорошая и плохая. Хорошая такая – осталось всего десять заповедей. А плохая вот: прелюбодеяние осталось».

– Это очень жесткий анекдот… А вот же еще мормоны! И вдруг выясняется, что мормоны в ходе широкой дискуссии внутри себя начали на тот момент склоняться к отказу от многоженства.

Ну так вот. Поехал мой товарищ со своими женами в тайгу. Да что ж ты смеешься?! Тебе палец покажи, и ты смеешься… Так вот, сперва одна жена от него уехала, потом другая, потом он поехал в бывшую союзную республику и там еще родил кого-то… Он серьезно к этому подходил. Ебаться,

искать правду, любить Христа – все он хотел совместить.

– Со второй-то заповедью, возлюби ближнего – что-то у него не очень. Все женщины от него несчастны.

– Но он-то хотел как лучше.

– А получилось как всегда… То есть не годимся мы для многожен ства.

– Да?… Значит, 82-й год. Что же касается карнавала в пединституте, то я пошел туда на закрытие – в марте 83-го.

– Ты уже в 83-й год залез!

– Так я на карнавал шел в 82-м, а дошел в 83-м.

– Об этом мы поговорим в следующий раз.

– А в Калуге, несмотря на Продовольственную программу, в продаже были яйца, и копченая мойва, и плавленые сырки…

– Коренные калужские продукты.

– Водка была всякая… Это меня с точки зрения haute cuisine вполне устраивало.

– Haute cuisine – это что такое?

– Высокая кухня это. По-французски. Как вот бывает haute couture.

– Ага!

– Ну, это то, чего, Лисовский жалуется, в Москве совершенно нет. И ему, чтоб покушать прилично, приходится переться в Париж… Или Лондон. А вот в Москве и Вене жрать просто нечего.

– Он в Берлине не был…

– Говорит, даже в Дар-эс-Саламе и то есть хорошая кухня, индусы завезли. А в Москве нету ничего.

– И Жечков то же самое.

– Да ладно!

– Да, он всегда говорит: дерьмо, жрать нечего. Нажрется, отвалится и, тонко-тонко икая, заявляет – дерьмо, жрать нечего. Ха-ха. Негде жрать. И в Питере. В Питере негде жрать вообще абсолютно.

– Щас я тебя подловлю: чревоугодие – смертный грех!

– Где это написано? Это монахи написали! Господь об этом не говорил.

– Да ладно! Тебя послушать, Господь вообще только имел в виду, чтоб ты пил, курил, по бабам бегал и вообще ни в чем себе не отказывал.

– Про курение он точно нигде ничего не говорил.

– Ну да, вот, по-твоему, так делай что хочешь, стой на голове…

– …только люби людей – и все. И Господа своего не забывай.

И все!

– Ну-ну… Однако вернемся к 82-му году.

– Есть анекдот хороший про Брежнева. Сталин, совсем дряхлый, идет по коридору ЦК, его под ручки ведут. Михал Андреич Суслов ведет, молодой такой, сухой язвенник, а навстречу по коридору Брежнев. Сталин спрашивает: «Это кто такой?» – «Ну как же, Иосиф Виссарионович, это первый секретарь ЦК КП Молдавии». – «Какой красивый молдаванин!» – отвечает Сталин. А еще замечательный анекдот про Брежнева, один из моих любимейших. Брежнев собрал Политбюро и говорит: «Товарищи, должен вам сказать страшную новость: у Арвида Яновича Пельше – старческий маразм». – «Господь с вами, Леонид Ильич, что ж вы такое говорите!» – «Точно, точно! Иду я сегодня по коридору, говорю: „Здравствуйте, Арвид Янович“. А он мне говорит: „Здравствуйте, Леонид Ильич! Только я не Арвид Янович“. А это еще анекдот про Брежнева. Он говорит: „Господа, вы все жуткие свиньи, невоспитанные животные. Мне стыдно находиться в вашем обществе. Вчера на похоронах М.А. Суслова, когда заиграла музыка, я единственный пригласил даму на танец“. Ха-ха-ха.

– Так. Раз уж мы говорим об окончании эпохи Брежнева, то что же это за страна, где вот такой начальник, такие порядки – а все нормально себя чувствовали и были довольны?…

– Довольны. Я своей молодостью очень доволен. Это была моя молодость, она была веселая, хорошая, глубокая. Она была насыщенная. Мне не о чем пожалеть, вспоминая свою молодость, хотя она в брежневско-андроповско-черненковские времена проходила.

– Я о другом. Если страна могла вот так управляться – практически никак. Одна шестая часть суши и сверхдержава. И все говорят – это нормально. Так, может, сейчас это просто временный такой всплеск воли, который быстро угаснет? И снова будут танцевать на могиле Пельше, то есть Суслова, извините. Вот если ты сидишь с утра – ни хера не делаешь, пьешь пиво, икаешь. А потом вдруг пятнадцать минут поработал, причем эти пятнадцать минут ничего не значат, и опять за пиво. Ну какой ты работник? Так и тут. Жили при Брежневе, всем все по барабану. А сейчас вон какой начальник строгий, умный. Всех строит, включая вертикаль. Но это ж может пройти, пролететь, как пятнадцать минут работы, – и опять все сядут пить пиво и на все ложить. И закусывать плавлеными сырками.

– Ну?…

– Так, может, опять все вернется?

– Ну и что? Как нам рассказывают наши друзья коммунисты…

– У людей черти лучше, чем у вас друзья.

– Ха-ха. Они говорят знаешь как? Русский народ уникальный, то да се, а потом они говорят историческую фразу: он – единственный из народов, который довольствуется малым. Очень-очень скромные потребности у этого народа…

– Да, потребности очень низкие.

– У кого – у тебя или у меня?

– У русского народа.

– А… Ты-то какое отношение имеешь к русскому народу?

– Я живу среди него.

– А у меня мать русская. Я еще и кровью повязан.

– Так это только по еврейским правилам русский, а так – немец.

– Ладно, вернемся в 82-й год.

– Я хотел бы подвести итог дискуссии о многоженстве и прелюбодеянии. Я вот сейчас придумал очень мощный аргумент…

– Ну-ка!

– Ну вот какова была продолжительность жизни у тех персонажей, на которых ты ссылаешься? Мафусаил там…

– Ты имеешь в виду старцев патриархов? Ну, жили они сотни лет! Авраам жил сто семьдесят пять лет.

– О'к, пусть будет сто семьдесят пять. Я чувствовал, что подходит великая мысль, и она пришла. Вот тебе сколько сейчас?

– Сорок один.

– А тебя больше сейчас на баб тянет, чем двадцать лет назад?

– Меньше.

– Во сколько раз?

Кох задумывается, взвешивает, потом говорит – чеканно, уверенно:

– Раз в десять.

– Теперь представь, что в шестьдесят один год у тебя этот интерес еще в десять раз упадет, а в сто сорок один, когда год сядешь писать, как кому положено трахаться и сколько надо иметь жен, ты вообще про это даже не вспомнишь. И ни слова про это не напишешь. После потомки будут говорить: не знаем ничего, нет про это никаких инструкций и ограничений! Нам Альфред Рейнгольдыч разрешил еб…ть все, что шевелится.

– Согласились. Гормональный фактор присутствует. Если вернуться к Новому Завету, так там Иисусу по разным версиям от тридцати трех до тридцати семи лет. В гормональном плане все в порядке. Поэтому и относится снисходительнее к вопросу о сексе.

– Вот, может, и Книгу надо все-таки читать не преждевременно, а в нужный момент. Не в десять лет и не в семнадцать, а, скажем, в шестьдесят.

– Не, ну там и другие примеры есть, когда царь Давид увидел эту… как ее…

– Суламифь.

– Нет, не Суламифь. Как ее… Бер Шева? Нет, это на иврите. По-нашему – Вирсавия! Она была жена одного из его хороших полководцев… (Это был Урия Хеттеянин. Некрасивая история у царя Давида получилась) (2 Царств. 11:1 – 27)

– …которого Давид отправил на верную смерть…

– Да-да. И еще самому главному (Иоаву) сказал: ты его в самое пекло отправь. И того убили. А Давид женился на Вирсавии. И это ему Бог не простил. Давид взялся Храм строить, а Господь ему сказал – э-э-э, похоже, только твоему сыну положено будет строить Храм. А тебе нельзя, греха на тебе много. И только царь Соломон, сын Давида (кстати, от Вирсавии) начал строить Храм.

– Суламифь у кого была? У Соломона?

– Ну, может быть.

Комментарий Коха

Доподлинно неизвестно, была ли у царя Соломона жена или наложница по имени Суламифь. Как уже отмечалось, у него только жен было семьсот штук. Есть упоминание в «Песни песней» Соломона о некоей Суламите (по всей видимости, по имени города Сулам, откуда она родом) (Песн. 7:1 – 14). Очень красивый и лиричный стих о любви и женской красоте. Все остальное скорее всего – плод фантазии Куприна.

– А ты помнишь, сколько ему было лет и сколько ей? Грубо?

– Суламифь – это у Куприна!

– А Куприн ее что, выдумал? Он ее списал с первоисточников. Я тебе о том, что она была несовершеннолетняя. И Соломон бы сейчас за нее зону топтал в Мордовии.

– Ну и что?

– А то, что ему б тоже не дали Храм строить. Ну разве

если только на зоне – сейчас в местах не столь отдаленных много построено храмов.

– Знаешь этот анекдот? Слушай, я всегда считал, что за совращение несовершеннолетних – это тост, а это, оказывается, статья УК! Тем не менее еврейки быстро созревают, у них совершеннолетие наступает раньше.

– Это будет рассказывать адвокат Соломона, а у прокурора будет другое мнение. Это помнишь, как «в Кнессете жарко…».

– Не, я другую версию этого анекдота слышал. Когда принцесса Диана увидела Рабиновича со своим мужем принцем Уэльским, оба без пиджаков, она говорит: «Принц,… твою мать, это Рабинович может без пиджака ходить. Но вы-то себя ведите как английский джентльмен».

– Вообще же 1982 год у нас какой-то бесславный получается. А как ты в это время себя представлял через двадцать лет? Двадцать лет спустя? Ты думал, что будет что?

– У меня была очень понятная биография. Поступлю в аспирантуру, защищу диссертацию, устроюсь работать, буду сначала ассистентом, потом старшим преподавателем, потом доцентом. Профессором мне вряд ли бы дали по совокупности содеянного – в том числе и моими родителями… Так что сейчас я бы доцентом работал. Но это была бы неплохая позиция! Я был бы доктором, уже бы защитился, сто процентов, и полставочки профессора в малопрестижном вузе, ну и пятихаточку я бы зарабатывал… В Варне бы отдыхал, в Прагу бы ездил, в Варшаву… Рига – Таллинн. Сочи – every year. Потом, значит, у меня был бы хороший автомобиль…

– «Волгу» бы взял?

– Нет-нет. До «Волги» я б не дослужился. А что-нибудь типа хороших «Жигулей» у меня бы было. Дача, думаю, да, была бы, шестисоточная. Под Питером, в хорошем месте. В Мге или в Луге…

– А может, ты был бы более счастлив, чем сейчас.

– Ну, во всяком случае, не менее.

– Наездов бы на тебя не было.

– Наездов бы не было… Но я был бы глупее.

– Почему?

– Я бы мир не знал.

– Какой?

– Весь!

– А сейчас ты знаешь, ну и что? Мудрый человек познает мир, не выходя со своего двора, утверждали древние китайцы.

– Нет-нет, это фигня. Ну вот летом прошлого года я посетил монастырь Сан-Мишель. В Нормандии, знаешь? У, какая красота… Я был в роще секвой в Калифорнии, это самые большие деревья в мире. Можно это понять, не увидев? Нельзя! А водопад Ниагара? А Капри? А Неаполь? А увидеть, как в неаполитанском ресторане эти официантки ничтоже сумняшеся объедки бросают в залив – и тебе обратно чистую тарелочку ставят? Вот тебе и Санта-Лючия. А развешанное через улицу белье? На мотороллерах когда юнцы итальянские тебя обгоняют, подрезают? Ну как это можно пропустить? Везувий? Ну объясни мне, почему мы должны только догадываться, что это существует? И разглядывать фотографии? А в Лувре на «Джоконду» посмотреть? Походить по Елисейским Полям, зайти в Латинский квартал? Пожрать в ресторанчике? Почему мы должны быть этого лишены?

– Но и сейчас большая часть населения России этого лишена! После того как вы провели свою приватизацию!

– Они сами себя этого лишили. Их государство этого не лишало. Они сами не смогли заработать. Да, может быть, государство не помогло им заработать, обобрало. Но оно, во всяком случае, им не запрещает в любой момент улететь в Париж!

– Но ведь, с другой стороны, какая главная задача? Спасти душу, помучиться. Страдания там… С тем чтобы…

– Полная херня – то, что ты говоришь. Где это написано? Ну где?

– Фарисей ты и книжник, вот ты кто!

– Никакой я не фарисей! Книжник – конечно! У нас книжная религия. У нас текст носит самодостаточный характер. Текст и есть наша религия. Вот этот вот текст, который называется Новый Завет, и есть наша религия. Вот что там написано: это свято, а чего там не написано – это все выдумки. Монах сидит дрочит в своей келье, и мается, и потом заявляет всем: мол, все другие граждане, верующие в Господа нашего Христа, если вы не мучаетесь, как я, то вы не спасетесь! Ему ж обидно одному мучиться… Ему ж хочется, чтоб все мучились, тогда ему легче будет. Ну так и зачем же нам интерпретаторы? Давайте послушаем голос самого Господа!

– Но ведь он нам тоже известен в изложении репортеров – Матфея, Иоанна, Луки, Марка…

– Ну хотя бы в изложении первой руки.

– Ты что, не знаешь, как репортеры пишут? Пойди почитай…

– Помнишь, как у Булгакова в «Мастере…», когда Иешуа зачитывают список его прегрешений? То-то, то-то. А Иешуа

говорит: все, что здесь написано, – это полное вранье. Ничего из этого я не говорил и не делал. Но тем не менее у нас нет другого выхода.

Комментарий Коха

В «Мастере и Маргарите» об этом написано так: «…Ты, например, лгун. Записано ясно: подговаривал разрушить храм. Так свидетельствуют люди.

– Эти добрые люди, – заговорил арестант и, торопливо прибавив: – игемон, – продолжал: – ничему не учились и все перепутали, что я говорил. Я вообще начинаю опасаться, что путаница эта будет продолжаться очень долгое время. И все из-за того, что он неверно записывает за мной.

Наступило молчание. Теперь уже оба больные глаза тяжело глядели на арестанта.

– Повторяю тебе, но в последний раз: перестань притворяться сумасшедшим, разбойник, – произнес Пилат мягко и монотонно, – за тобою записано немного, но записанного достаточно, чтобы тебя повесить.

– Нет, нет, игемон, – весь напрягаясь в желании убедить, говорил арестованный, – ходит, ходит один с козлиным пергаментом и непрерывно пишет. Но я однажды заглянул в этот пергамент и ужаснулся. Решительно ничего из того, что там записано, я не говорил. Я его умолял: сожги ты, бога ради (*Интересно, почему Булгаков здесь слово «Бог» написал с маленькой буквы?* – А.К.) свой пергамент! Но он вырвал его у меня из рук и убежал».

– Ты ловко устроился! Делаю что хочу, ничего никому не должен, нигде ничего не написано, я должен только любить людей, и все… И привет. Ловко ты устроился!

– Это не я ловко устроился! Это так оно и есть. Ха-ха-ха-ха!

– А чем ты отличаешься тогда от…

– От кого?

– Ну вот от соседа своего, от генерала?

– А почему я должен от кого-то отличаться?

– Ну ладно, от язычника ты чем отличаешься?

– Ну, дяденька, это легко. Значит, слушай. В отличие от язычников я верю в Бога единого. Вездесущего и всемогущего.

– Ну, это, признайся, не требует от тебя больших усилий.

– Э-э-э-э-э… Вообще это, согласись, не очевидно. Потому что хочется верить в бога воды, в бога моря, земли, ветра и огня.

– Никогда мне этого не хотелось.

– Ну, во всяком случае, к язычеству склонны 90 % людей. Потому что они верят в духов, в суеверия, бога жилища, в сверчка, в столоверчение, во всякую хрень! На бытовом уровне язычество вылезает каждый день. И потом, я не творю себе никакого кумира, кроме Бога. Никто для меня не авторитет. Не поклоняюсь никакому болванчику. Не приношу никаких жертв никому.

– Что значит – никому? Из людей?

– И из богов, потому что у меня Бог един и он, как известно, не требует жертв. Он сам принес своего сына в жертву. В этом принципиальное отличие христианства от других религий. В других религиях Бог требует приносить жертву ему, а в христианстве Бог нам принес жертву. Инверсия принципиальная…

– Но такая вера не требует от тебя больших усилий.

– А Господь всегда посылает испытания по силам. Никогда он непосильные испытания не посылает – потому что он запретил самоубийство. Если он пошлет испытание не по силам, то человек просто руки на себя наложит. А про бабки и остальное – это отдельный разговор, когда мы в 90-е залезем…

Бутылка вторая. 1983

Главная тема – первый приход чекиста во власть, репетиция прихода Путина. Вторая главная тема – пьянство.

В этом году один из авторов – Кох – окончил институт и начал работать в Ленинграде, родном городе ВВП. Второй автор – Свинаренко – продолжил работу в калужской комсомольской газете и съездил в командировку в ГДР, где как раз в то время нес службу теперешний президент. Сейчас, с высоты сегодняшнего дня, они вспоминают, что видели и поняли тогда в этих двух принципиально важных географических точках, в которых гарант Конституции сделал длительные остановки на своем пути в Кремль.

Тема пьянства тут тоже не случайна – она задета потому, что в 1983 году советский народ получил дешевую водку «Андроповка».

– Значит, идет 83-й год и ты, Алик, в колыбели революции и Путина, а я в Калуге и из нее съездил в ГДР – на место его тогдашней службы. Мы как бы проводили рекогносцировку. Мы как знали… Давай сначала коротко обозначим, чем кто из нас занимался.

– Я окончил институт. Был длинный такой запой, мы пару месяцев гуляли всей общагой, отмечали окончание учебы. Потом запой кончился и я поступил в аспирантуру. Такая была история: я учился на экономической кибернетике, и меня завкафедрой пригласил в аспирантуру. На самом деле я немного лукавлю: я был иногородний, у меня не было ленинградской прописки. А у нас было на кафедре место целевое – от Красноярского университета. И поэтому я…

– …договорился с генералом Лебедем. Он жив еще был.

Или с Дерипаской.

– Нет. Это ж 83-й год, ну что ж ты несешь! Понятно, что уговорить питерских мальчиков пойти в аспирантуру и защититься, чтобы потом поехать в Красноярский университет, – это было без шансов.

– А ты пошел, но знал, что отмажешься от Красноярска?

– Нет, откровенно говоря, не знал… В 83-м году я был довольно чистый, наивный мальчик. Несмотря на то что год отработал дворником. А к водке пристрастился еще раньше.

– А ты был такой дворник, как в «Двенадцати стульях»?

– Нет. Хотя мне нравится выражение оттуда: «Теплая до вонючести дворницкая. Валенки дворника воздух тоже не озонировали». И потому агитация в аспирантуру шла среди иногородних…

– …ссыльных, репрессированных…

– Да-да! И поэтому выбор пал на меня. Меня пригласили, я с горем пополам сдал вступительные экзамены и кандидатский минимум. Причем прилично. По-моему, даже пятерку по английскому получил, при том что блестящим его знанием я не отличаюсь до сих пор… И вот получилось так, что назавтра после моего поступления завкафедрой возьми да умри.

– Die another day. Умри, но не сейчас.

– Ну. Меня пристегнули к какому-то профессору, который заниматься мной не хотел… И я целый год болтался без дела. И только в 84-м году меня прикрепили к реальному ученому.

– Слушай, а зачем ты пошел в науку?

– Как, во-первых, зачем? А во-вторых, ты опять сбиваешься на интервью, дяденька!

– А, сбиваюсь? Ну, это профессиональная деформация психики. Ладно. Что касается меня, то я в 83-м году все так же продолжал работать в областной калужской газете. Познакомился с немецкой девушкой, к которой я не дошел в 82-м по причине кончины лично Брежнева Л.И. И вот только в марте 83-го я добрался до нее, это был Rosenmontag – день, когда кончается сезон карнавалов. То есть то же веселье по той же схеме: пьянка, танцы, разврат – с выдачей свидетельства о браке, действительного в течение одних суток. Ну и вступил я в преступную связь.

– Отчего ж преступную? Мы ж в прошлой главе обсуждали, что это дело хорошее.

– Ну, значит, в связь непреступную. И еще что важно, меня в том году пытались завербовать.

– Опа! А почему именно тебя? И еще интересно – на работу или стукачом?

– Стукачом.

– И ты сейчас, конечно, будешь утверждать, что тебя не завербовали.

– Само собой!

– Все так говорят.

– Я отказался. Но я не осмелился им назвать настоящую причину и потому юлил.

– Мое, не мое все это…

– Да. А про политические убеждения, которые у меня были совершенно противоположные службе в КГБ, – про это я сказать зассал.

– Да потому что они были тогда не противоположные! Ты что, родился – и сразу диссидент?

– Ну не сразу, но году в 81-м мне попал в руки «Архипелаг ГУЛАГ». И как только я его прочел, так сразу подпал под воздействие всей той риторики: ну, зверства большевиков и все такое прочее, ты понимаешь.

– Ну да.

– Меня т-а-а-к пробрало. И еще я попал в плохую компанию, где мне говорили: да если ты вступишь в эту партию, мы с тобой не то что здороваться не будем, мы с тобой в сортире рядом не сядем. Но в основном, конечно, Солженицын. До него я думал: ну дедушка Ленин любил детей, да хрен с ним, все нормально. И меня с детства так воспитывали, что чекисты и вообще вся эта публика – безусловно приличные люди… К тому же дед у меня был чекист…

– А, так у тебя дедушка был чекист?

– Да уж не как у тебя, ссыльного… Натуральный чекист! Сначала он служил в райкоме комсомола. Но это было не как сейчас, то есть, я хотел сказать, не как в 83-м. В 1919 году эта карьера вела по другому пути. Там с пистолетом под подушкой надо было спать… Потом дед в продотряде был, после в ЧОНе, пулеметчиком – можно себе представить, какие они там вопросы решали при помощи пуле мета…

– Расстреливали?…

– Вероятно. Потом его перевели в Харьков, в Губчека. Показывают ему там казарму, столовую, в подвал заводят. Он говорит: «Что за вонища такая?» Те отвечают: «Привыкнешь». Мы тут тукаем.

– Тукаем – это что?

Ну, заводим в подвал – и в затылок из «нагана».

– А, и кровь гниет на стенах?

– Нет, кровь – она просто высыхает, а что гниет, так это

мозги. *(Гм, не слишком ли мы увлеклись чекистской темой, мы же вроде ничего не имеем против ВВП, а? –* И.С.*)* **Там всякие были истории… Как-то взяли одного братка-анархиста, а в Чека как раз его брат служил. Так начальник ему и поручил привести приговор в исполнение. Но от греха отвело. Поскольку матрос схватил с пола пустую бутылку (тут надо приметить, что на трезвую голову мочить, видимо, трудно; глянь, Алик, как тут тема чекиста Андропова и его дешевой водки изящно загнулась) и этой бутылкой выбил брату глаз. Так что раненому брату пришлось оказывать медпомощь, а матроса, слава Богу, застрелили посторонние люди.**

– Но до греха таки дошло – брат брату выбил глаз!

– Нет, не дошло: не убил же. Есть разница – в глаз дать или пристрелить?…

Комментарий Коха

Вот здесь у меня мозг отказывается что-либо понимать. Я когда смотрю на нашу историю с 1917 года по 1956-й, меня просто оторопь берет. Тут уж действительно поверишь в Гумилева-младшего с его фазами и стадиями развития этноса.

Логически я понимаю (но не приемлю) Гитлера. Действительно, чтобы сплотить народ вокруг фюрера, нужно придумать внешнего врага – в данном случае евреев, и повязать всю нацию кровью.

Мне понятен (хоть и неприемлем) пафос революции и Гражданской войны: всех капиталистов и помещиков – к ногтю, в расход. Эксплуататоры поганые. Непонятно, правда, зачем еще в расход священников, профессуру, деятелей культуры. Ну да Бог с ними, это переборщили малость, от революционного куражу.

Но потом-то, потом! Ну закончилась Гражданская война. Ну победили всех кого хотели. Кого убили, кто сидит, а кто и уехать успел. Короче, никто не мешает строить Утопию. Но что тут началось! Доносы, анонимки, лжесвидетельства. Причем зачастую обоюдные. Да еще – брат на брата, сын на отца, жена на мужа, а муж на жену и т. д. и т. п. А уж сосед на соседа и товарищ на товарища – это как пописать. Достаточно любого повода – жена красивая, комнату в коммуналке нужно освободить, продвижение по службе, если его место будет вакантным. А можно и проще: он мне морду по пьянке разбил, а я на него анонимочку. Считаю своим долгом сообщить… Скрытый меньшевик… В порядке бдительности… Распевал в туалете «Отче наш»… Доброжелатель. И нет касатика… Куда-то подевался. Ба-а… Да вот же он! Киркой размахался… Не остановишь. Сосульки на лоб свисли.

Дистрофия… А вот он уже и прижмурился. Да вот же он, вторым слоем лежит, пересыпанный известкой. И зачем она, известка-то, в вечной мерзлоте?

А потом интереснее. Товарищи, это какое-то недоразумение! Я честный человек! Какой ты честный, сволочь! По зубам. В печень. Под дых. А вот зэк Пупкин, когда читал твой донос на него (в порядке ознакомления с материалами дела, перед приговором и, уж конечно, перед приведением его в исполнение), припомнил, что однажды вел с тобой контрреволюционные разговоры, так ты, падла, разделял его взгляды… Вот-вот. Чистосердечное признание – царица доказательств. Облегчает душу и удлиняет срок. И пошел столыпинский вагон… По шпалам… По железной дороге… Где мчится курьерский… Короче, в Воркуту.

Сколько убил и посадил Сталин и его подручные после Гражданской войны? Ну сто тысяч. Ну двести. Больше не могли. Во-первых, больше у них не было врагов. Ни настоящих, ни мнимых. Во-вторых, больше человеческая память не может запомнить фамилий и образов людей просто физически. А ведь убитых и посаженных были миллионы, десятки миллионов. Вот эти миллионы – это уже не злой диктатор. Это – творчество масс. Это энтузиазм и бдительность. Это доносы и анонимки.

И не Сталин с Молотовым и Берией по ночам в Кремле стреляли в затылок меньшевистскому отребью. Нет, это тысячи крестьянских парней, одетых в гимнастерки, стреляли в своих братьев.

Миллионы русских людей словом и делом уничтожали другие миллионы русских людей.

Вот часто говорят: евреи сделали революцию. Пусть так (хоть это и не так). Но ведь потом-то, потом не евреи заставляли писать анонимки. Не евреи приводили приговоры в исполнение. Это-то все добровольно, не из-под палки. Находясь в здравом уме и твердой памяти. Это-то все – народ-богоносец. Кстати, евреям досталось почти как чеченам с калмыками.

Иногда кажется, что включился какой-то механизм самоуничтожения этноса и как эпидемия заразил весь народ. Часто по телевизору показывают, как стая китов ни с того ни с сего вдруг начинает выбрасываться на берег. Добрые люди вручную, на лодках и катерах, утаскивают их обратно в море. А они снова выбрасываются. И снова, и снова. Как горбуша после нереста отказывается жить. Как огромные стада антилоп несутся во весь опор к пропасти.

Как Господь уничтожил Содом и Гоморру, так и здесь будто бы дана команда: «Зарежьте друг друга и уничтожьте свой народ».

Если взять популяцию любого вида млекопитающих и 10 % самых сильных и половозрелых самцов убить, а еще 20 % самых сильных и половозрелых самцов и самок изолировать от популяции и друг от друга на весь репродуктивный период, то после такого эксперимента (антиевгеника какая-то) вопрос, что будет с популяцией, становится риторическим. Популяция в худшем случае вымрет, а в лучшем – выродится и обмельчает.

Русский народ это сделал с собой. Сам. Добровольно. Оккупантов победил, а зависть к соседу – нет. А ведь сказано в Писании: «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего. Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего; ни поля его; ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его, ничего, что у ближнего твоего» (Исход. 20:16–17).

Вот за эту зависть к ближнему и донос на ближнего наказан народ самоистреблением.

В школе мы изучали такие слова, которые называются «омонимы». То есть слова, имеющие одинаковое звучание, но разный смысл. Например, слова: «замок», «коса», «нос», «пол» – и так далее. Иногда мне кажется, что слово «русский» тоже стало омонимом. Оно имеет два смысла. Один (первый) – это название народа, населявшего нашу страну до 1917 года. Второй – это название русскоязычных европеоидов, населяющих ее сейчас. Это два разных народа. С разным отношением к друг другу, к своей истории и к своим задачам.

– А мой дед мне рассказывал: однажды ночью он просыпается от стрельбы в здании. Схватил ствол, побежал на выстрелы – это могло значить все, что угодно. Забегает он с товарищами в комнату, а там комиссар школы, учебки, которая была при Губчека. Сидит на кровати с дымящимся пистолетом и смотрит белыми глазами в стенку. Он в стенку палил. «А, – говорят товарищи, – ничего страшного, на него иногда находит. Он раньше служил в линейной части и лично расстрелял семьсот с чем-то человек, после чего стал немного не в себе, так что его перевели на преподавательскую работу».

– А чего он стрелял-то?

– Это очень просто. Когда ты кого-нибудь убьешь, то этот человек к тебе потом приходит как наяву… Вот эти семьсот человек и приходили к комиссару. И он по ним палил как по живым, пока патроны не кончались. А забрать у него пистолет тоже нельзя – оперативная обстановка была сложная. Никак без пистолета, кругом же классовый враг.

– И к деду твоему приходили?

– Само собой. Дед рассказывал, даже когда на фронте – это уже на Второй мировой, в пехоте (он из Чека после гражданской ушел и после всю жизнь работал на шахте), – так даже если немца, пардон, фашиста, завалишь из пулемета, все равно является. Я эти рассказы в нежном возрасте воспринимал нормально, думал: все правильно, вот враг, не нравимся мы ему, непонятно что замышляет, – ну так и пулю ему в затылок. Но тут подкрался Солженицын… Хотя дед и без Солженицына про все догадался. Он в 92-м году перед смертью мне сказал, показывая свои сухие старческие ладони: «Сколько я людей убил вот этими руками! Я всю свою жизнь, весь свой мозг отдал партии, мне сказали, что надо убивать для лучшей жизни, – я и убивал. А теперь поздно, ничего не исправишь. И живем мы, как оказалось, хуже всех».

– А сейчас забывается все это! Помню, в начале 90-х, когда публикации пошли, народ зацепило. А сейчас забылось. И этот тезис: зато индустриализация!

– Да… Короче, в 83-м мне это все было уже неприятно. Глубоко неприятно. И я потому никак не мог с чекистами дружить. Отмазывался как мог – я и пью, и весь такой легкомысленный… У меня пороки написаны на лице…

– Ну да, лучше пусть возьмут парня с честным комсомольским лицом…

– Ну и я ж еще начитался книжек типа «Как вести себя на допросе». Там были всякие приемчики. К примеру, при всяком неприятном повороте беседы с чекистом надо задавать в ответ свои вопросы. Они сразу кипятятся: вопросы здесь задаем мы! А, так это, стало быть, не беседа, а допрос, в таком случае давайте протокол вести. И тогда придется письменно объяснять, по какому делу допрашивают, в качестве кого и кто вообще в чем обвиняется, и не противоречит ли это Конституции и Хельсинкскому акту, подписанному СССР, – ну и пошло-поехало. Они этого не любят, когда по существу. Во всяком случае, не любили – кто знает, как у них сейчас. Ну, на моего деда в 1920-м такая риторика вряд ли б подействовала, это только в вегетарианские времена, в 83-м, могло сработать.

– И что, чекист сдал назад, извинился?

– Натурально. Ой, говорит, действительно, беседа это, давайте беседовать. Да я вообще его вычислил. Он назначил мне встречу на бульваре, я пришел на полчаса раньше и видел, как он бегает вокруг дома, ищет дворника и берет у него ключи от конспиративной квартиры. Это было забавно.

А в назначенное время я подошел к нему, уже за ним понаблюдав из засады, так что было уже не так страшно.

– А как он на тебя пытался воздействовать? Как обрабатывал?

– У него был кое-какой компромат. Кто-то стукнул (я одного товарища подозреваю: он все мечтал в партию вступить – журналистов же туда с трудом брали, – ну и, видно, так зарабатывал рекомендацию), что у меня книжки запрещенные, ну и изъяли их. Там Бердяев был, Лев Шестов, еще кто-то – безобидные вещи. Я сейчас даже и вспомнить не могу. И вот чекист этот мне говорит: «"Духи русской революции", книга кого-то из вышеперечисленных авторов, – антисоветская». – «Да как же антисоветская, она до советской власти написана, после революции 1905 года!» «Ну и что, – говорит, – ты должен был догадаться». «Ладно, – говорю, – а почему тебе это можно читать, а мне нет?» Он, конечно, не отвечает, гнет свое: «Давай работай на нас, тогда простим». «Не могу!» – говорю. «А почему?» – Он думал, мне крыть нечем. Но я его спросил: «Вот для вас честь офицера ведь не пустой звук?» «Ну?…» «Тогда вы меня поймете. Я как лейтенант запаса (у нас военная кафедра была в университете) не могу стучать на товарищей».

– Ой ли! Так и сказал?

– Я тебе говорю! Так и сказал. Но, думаю, главное было вот что: я этой карьерой не очень дорожил, я советские газеты и так время от времени бросал, когда они меня доставали своей отвратностью. В обкоме калужском типы сидели еще те. Щеки надутые, как у индюков, вид умный делают, слова в простоте не скажут. Газетами и пропагандой там занималась дама, с виду – чистый Геббельс, тоже додумались, а? В общем, веселого было мало. Выгнали б из газеты, и хер с ней, поехал бы в шабашку. Подумаешь! Поэтому, наверное, они и отстали – поняли, что я не гоню. (Вот у людей служба была! Чем офицеры занимались! Надо ж было на меня майора тратить, у него зарплата раза в три больше моей была…) Ладно, мне на все было плевать. А как представишь себе бедных провинциальных интеллигентов, которые всерьез врастали в советскую жизнь, стояли в очереди на квартиру, на машину… когда на них так наезжали – многие, думаю, ломались. Эту схему много лет спустя мне изложил менеджер богатого ночного клуба. У них там одни девушки сразу начинают оказывать интимные услуги, а другиесперва только танцуют. Но когда неделя за неделей такая целка наблюдает, как легко ее подруга богатеет от проституции, то либо сдается, либо увольняется. Второе,

конечно, очень редко бывает… А вот у вас, ссыльных немцев, как я посмотрю, что-то нету забавных историй про чекистов. Что же, не буду тебя за язык тянуть…

– Насчет вербовки ничего не могу рассказать. У меня была такая устойчивая репутация распиздяя-антисоветчика, что за всю мою жизнь меня ни разу никто не вербовал и не предлагал вступить в партию. Я был однозначно по ту сторону баррикад. Скорей искали кого-то из моего окружения, чтоб на меня доносили. Что, впрочем, не помешало моему приему на работу в «почтовый ящик» в 1987 году.

– Не торопи события! Давай по порядку. Так, значит: Андропов пришел в 1982-м, а развернулся он в 1983 году.

– Ну да, в феврале 1984-го он уже крякнул. Да… Водка «Андроповка» за 4 руб. 70 коп., и прогульщиков хватали в кинотеатрах. У вас хватали в Калуге?

– Да. Но я как репортер мог отмазаться – с ума сошли, я тут в пивной в засаде сижу с «Комсомольским прожектором», тихо! Смысл того года такой: это был первый приход чекиста во власть.

Комментарий Свинаренко

«Мало быть выходцем из определенного города и определенных структур, надо ж еще быть высоким профессионалом и замечательным и увлекающим руководителем; и потом, западные аналитики, включая исследователей при больших госдолжностях типа Бжезинского, еще при советской власти утверждали, что в СССР разложились все государственные структуры, кроме КГБ. И что у нас один выход – ставить сотрудников КГБ на все опорные должности. Сейчас кому-то кажется, что мы переживаем новые времена… А все это уже было! Андропов пришел в Кремль из КГБ, и народ вздохнул с облегчением: „Наконец-то взялись за коррупционеров, небожителей, прожигателей жизни!“ Все было уже, понимаешь?» – это цитата из интервью, которое я для журнала «Медведь» взял у нашего товарища Володи Григорьева, который сейчас замминистра печати.

– Да.

– Это был как бы Иоанн Креститель.

– Я хотел сказать «Креститель», но смолчал. А ты, не подумавши, ляпнул.

– Почему не подумавши?

– Ну какой из чекиста Креститель?

– Ну не будешь же ты отрицать, что В.В. Путин – это Христос Русской земли? Или ты против? В глаза, в глаза смотреть!

– Эк вас, ссыльных, колбасит…

– Просто, типа, Спаситель.

– Только возраст он прозевал.

– А до скольких лет дожил Христос? Скажи же мне.

– Из предыдущих разговоров тебе должно быть известно, что срок земной жизни Христа был от тридцати трех до тридцати семи лет.

– А, да, действительно.

– Ты, может быть, сравнивая Путина с Христом, хочешь сказать, что оба непонятно чем занимались большую часть жизни?

– А потом сразу – оп, и вход в Иерусалим.

– Допустим… А кто у нас тогда сыграл роль осла, на котором произошел въезд?

– Паша Бородин! Ха-ха-ха!

– То есть можно сказать, что эпоха Путина началась еще в 1983 году, с явлением Андропова народу. Но не очень удачно.

– Почему – не очень удачно? В чем тут неудачность? Мне было по фигу, куда Андропов ведет страну, но я тогда говорил: смотрите, какое счастье на нас свалилось: вождь – и вменяем! Он отдает себе отчет в том, что говорит. Я так устал от Брежнева с этим его «сиськи-ма сиськи».

– А анекдот помнишь про «сосиски сраные»? Так он называл соцстраны. Но Андропов хоть и внятно говорил, ничего толком не сказал! Also sprach Saratustra. А ни хера-то особенного и не sprach. Да-а-а… Вот смотри: Андропову, чтоб завоевать популярность, было достаточно выпустить дешевую водку. Путину в этом смысле тяжелее, потому что дешевой водки и без него залейся. Уже такого нет, чтоб человеку месячной зарплаты едва-едва хватало на десять бутылок водки, спасибо партии за это. Уже человек может жрать по бутылке в день.

– Не нанося ущерба семейному бюджету.

– И Путину, чтоб понравиться народу, пришлось немного придавить еврейских олигархов.

Комментарий Свинаренко

Вот еще как можно сопоставить Андропова и Путина. Оба проходили через процедуру выборов. Но за первого я голосовал, а на выборы второго даже не пошел. С первым дело обстояло так. То ли в 1979-м, то ли в 1980-м были выборы в Верховный Совет

СССР ли, РСФСР ли. Я как раз был лейпцигским студентом. Так вот, однажды в воскресенье, в шестом часу утра, в дверь моей комнаты громко постучали. Я открыл… Вошли люди в штатском, говорившие по-русски без акцента, велели мне быстро собраться – и пройти с ними. Куда ж деваться – пошел… Меня проводили в припаркованный у общежития автобус, куда очень быстро погрузили всех русских жильцов. «Всех, значит, взяли…» – подумал я.

Повезли нас в советское консульство. Там на входе под бюстом Ленина стояли пионеры в белых рубашках с галстуками, отдавали салют. Так вот те ребята в штатском провели меня до самых избирательных урн и проконтролировали, чтоб я без сбоя отдал свой голос за Ю.В. Андропова, выдвинутого, как сейчас помню, рабочими Горьковского завода телевизоров. (Может, это был намек на сосланного туда Сахарова, этакое напоминание о твердой руке?) Я и отдал… Что касается Путина, то я за него голосовать не ходил – поскольку выборов-то и не было никаких. Было – назначение. Какие ж выборы, если у конкурентов заведомо не было шансов? Если вы помните, «выборы» были объявлены так, чтоб никто к ним подготовиться не сумел. Причем, спасибо, меня ранним утром из койки никто не выдергивал… Надо заметить, что в тот день, когда состоялось всенародное одобрение назначения Путина президентом (что пресса называла избранием), меня и в стране-то не было. Был я в командировке в городе Сантьяго-де-Чили… Можно было взять открепительный талон и устроить свободное волеизъявление в русском посольстве, но, как я уже сказал, смысла в этом я не усматривал. И тут еще надо заметить, что я сам далеко не считаю это полезным делом – устраивать всенародное голосование. К поступку Путина я отнесся с пониманием. Точно так же я считаю, что и Сталин был прав, отстраняя крестьян от участия в выборах. Ну какое они могли дать волеизъявление? После того, что устроили в Гражданскую? Опять красного петуха пускать? И новую элиту вырезать? Чтоб это до сегодняшнего дня тянулось, как в Зимбабве?

– Народная любовь стала дороже. Причем заметим: Ельцин тоже сделал водку дешевой, а народной любви не добился…

– Ну, это не он водку дешевой сделал, она сама так пошла.

– Но условия-то он создал. Я, кстати, боюсь, что народная любовь будет и дальше дорожать, планка подниматься и мало будет пары голов олигархических, чтоб добиться народной любви… Вот Ельцин потому и не добился народной любви, что

голов не рубил.

– А без этого – какая народная любовь? Без этого ее, увы, не бывает…

– Это же очень грустно.

– А кого колышет, грустно или нет? Это правда, и она – такая. Мне еще Валера Абрамкин, заслуженный зэк СССР, рассказывал, что в некоторых тюрьмах ему случалось видеть настоящую демократию. Все решается коллегиально, сходкой. Но если ситуация сильно затягивается во времени, люди устают, им это перестает нравиться. Тогда появляется некий пахан, и ему сдают власть. Абрамкин полагает, что у людей есть такая очень странная, но глубинная потребность – во внешней совести. Чтоб другие решали и избавляли людей от выбора, чтоб на кого-то постороннего можно было переложить ответственность. Плохо вышло – так это ты придумал, ты и виноват. Но и пасть не откроешь на начальника… Тогда есть баланс, есть равновесие в обществе. Вот при Брежневе – делай что хочешь, хоть на голове стой. А народ устал. Дайте ему твердую руку! И она находится. И дается.

– Самое страшное, когда твердая рука…

– …только чтоб мы не сбились на беседу двух демократов…

– Нет-нет. К тому же я ничего не имею против твердой руки. Когда она действительно твердая. Я значительную часть своего менталитета приобрел в Чили. Нам там передавали опыт министры, которые входили в правительство Пиночета.

– А кто вас возил?

– Виталик Найшуль, умный, глубокий парень.

– Знаю. Мы с ним ездили по зонам Пермской области.

– А… Ну, про Чили – это длинная история… Когда мы дойдем до 91-го года, на этом подробней остановимся. Твердая рука, которая по-настоящему тверда, – это гармонично, это диктатура в полном, завершенном варианте. Пиночет не пытался мимикрировать, не изображал из себя демократа, которым не был. Он знал: нужно строить либеральную экономику – он ее строил, надо душить оппозицию – он ее душил. Все, как положено.

– Ситуация как у китайцев с компартией.

– Да.

– Там вон взяточников расстреливают и экономика на подъеме.

Комментарий Свинаренко

Про сильную руку

В 1983-м исполнилось десятилетие прихода к власти Пиночета. Я писал про это так: «Тогда, в 73-м, я б с удовольствием поехал воевать в Чили – против Пиночета. С каким пронзительным чувством клацал бы я родным „калашниковым“, с каким бы трепетом учил испанские словечки типа „venceremos“ или „no pasaran“! Как бы я лез в бой, как не страшно было б умирать под простеньким самодельным красным флагом без опознавательных знаков! Как были б волнительны встречи с левыми девицами, которые туда небось тогда понаехали! Не успев еще остыть, отдышаться после 68-го парижского года! О-о-о… Казалось, это прекрасно, легко и красиво – быть левым и убивать тех, кто мешает установлению справедливости – в том виде, который тебе удобней. Да… Кто не был леваком в 20 лет, у того нет сердца. Кто не стал консерватором к 30, у того нет ума. Как же это замечательно, что иногда Бог не дает сбыться нашим глупым мечтам!»

А дальше: «Мне больно было думать, что нам в отличие от чилийцев не довелось в каком-нибудь 1973-м забрать власть у своих левых. Лишних 18 лет русские коммунисты у нас в стране, да и в половине остального мира, лезли навязывать чужим свои примитивные понятия, ненавидели всех, кто богаче и умнее, грабили и делили награбленное, засылали диверсантов и убийц в приличные страны, подстрекали к войнам африканцев и афганцев, давили танками мадьяр и чехов… В общем, творили свои обычные мерзости. Могучий старик Пиночет избавил свою страну от унижений, неизбежных при коммунистической власти. Власть эту он сверг тогда, когда она его достала, когда ему противно стало терпеть. В отличие от восточных европейцев, которые дожидались разрешения от доброго иностранца Горбачева, дедушка Пиночет поступил по-мужски и рубанул сплеча.

А у нас не нашлось никого, кто б в те же годы привел страну в соответствие со здравым смыслом. Кому сил не хватило, кому ума, кому совести. Так как-то получилось…»

– А вот гораздо хуже и опаснее для нации в целом, особенно для такой незаконопослушной нации, как русские, когда твердая рука не является твердой. И в глубине души, сам перед собой, человек это понимает.

– Это ты про Андропова?

– Я сейчас говорю о другом человеке.

– А, есть такой человек, и вы его знаете?

– Да-да. И наверняка он в глубине души понимает, что никакая он не твердая рука. Что это свита играет твердую руку. А свитой он не управляет.

– Твердая рука – типа рукопожатие твердое, как никогда.

– А в свите есть твердые люди. Пускай они не шибко умные, но твердые… Знаешь, такая у них непреклонность, как у Николая Палкина была… И тогда, чтоб не упасть лицом в грязь перед свитой, нетвердая рука начинает играть твердую руку. И обычно переигрывает. Как тот прокурор у Войновича, который боялся, что все узнают, что он добрый, – и, чтоб не узнали, всем выносил смертные приговоры. А сильный человек, который точно знает, что он сильный, – ему не нужно казаться сильным. Понимаешь?

– Это как пидарас, который демонстративно ходит по блядям.

– Ну, это латентный пидарас. А настоящие пидарасы не скрывают, что они пидарасы.

– О чем мы и говорим – твердая рука, нетвердая.

– Так вот в этом смысле Андропов был сбалансированной личностью. Сильный мужик. Сбил корейский лайнер…

Комментарий Свинаренко

Зарубежные медиа говорили – уже тогда – про террористов и взрыв. Но вскоре начальник Генерального штаба маршал Николай Огарков признал, что советские истребители «остановили» авиалайнер двумя ракетами класса «воздух – воздух», и, как известно, обвинил южнокорейский самолет в шпионаже в пользу Соединенных Штатов. Никто в это не поверил, и дошло до того, что одиннадцать западных государств прекратили воздушное сообщение с Советским Союзом – правда, всего на два месяца.

Любопытно, что во время визита в ноябре 1992 года в Сеул президент Российской Федерации Борис Ельцин назвал ошибочными действия советского военного командования и выразил глубокое сожаление по поводу трагедии, разыгравшейся над Сахалином. А вскоре – в 1997 году – появились сообщения о том, что один из бывших высокопоставленных чинов японской военной разведки признался, что южнокорейский самолет выполнял-таки задание американских спецслужб: залетел к нам, чтоб привести в действие советскую систему ПВО и засечь радиолокационные станции. Настоящим самолетам-разведчикам это не удавалось – система их вычисляла с полоборота, не раскрывая себя.

Кроме самолета, был еще и теплоход. Пошли, пошли техногенные катастрофы – ни с того ни с сего. Спецы тогда в

прессе блажили, что это только начало, но никто их не слушал.

7 июня 1983 года ТАСС передал сообщение: «От Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР. 5 июня с. г. на Волге, вблизи г. Ульяновска, произошла авария пассажирского теплохода „Александр Суворов“, повлекшая за собой человеческие жертвы. Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР выражают глубокое соболезнование семьям и родственникам погибших».

Случилось следующее. Теплоход пошел почему-то не в высокий пролет железнодорожного моста, как следовало, а в низкий. Верхняя палуба не вписалась по габаритам, и ее срезало – вместе с ходовой рубкой и кинозалом, до отказа набитым людьми. Как назло, именно в этот момент по мосту шел товарняк. Его так тряхануло, что на теплоход посыпались бревна и уголь.

В итоге погибло 176 человек.

После начали разбираться. Поскольку у поварихи как раз был день рождения, решили, что все по пьянке и вышло. Но потом подняли со дна Волги тела штурмана и рулевого, а алкоголя у них в крови не нашли. Свидетели после вспомнили, что штурман вроде был поглощен чтением дефицитного детектива. А пьянка, наоборот, спасла в тот вечер немало людей, которые выпивали в каютах, вместо того чтоб пойти в кино или дышать свежим воздухом на палубе. В прессе сообщалось о двух семьях, путешествовавших на том теплоходе, – обе жены отказались от водки и в итоге погибли в кинозале в страшных мучениях.

Поскольку конкретных живых виновных не нашлось, дали десять лет капитану. Он отсидел шесть, вышел досрочно и на воле быстро помер от инфаркта; говорят, сильно переживал.

– Алик! Давай проведем мысленный эксперимент: а если б Андропов выжил?

– Тогда, может, мы бы начали реформы чуть раньше. Я имею в виду – экономические. А с политическими были бы в полной заднице, конечно. Вон как китайцы – до сих пор ходят во френчах.

– Значит, это была репетиция Путина…

– Я не знаю! Нас пытаются убедить многие исследователи, что Андропов был сторонник каких-то преобразований в экономике а-ля либерализм. Но такого же рода легенды ходили и о Лаврентии Палыче! А Хрущ его расстрелял за то, что тот покушался на основы социализма…

– А Малюта Скуратов, случайно, не мечтал построить либеральную экономику? Твердая рука, русский патриот. Может, на Лубянке не Феликсу, а Малюте надо было памятник поставить?

– Экономические воззрения товарища Скуратова мне неизвестны. А насчет патриотизма… Когда патриотом называют человека, который истребляет собственный народ, – это мне не очень понятно… Да к тому ж не разрешает своему народу носить оружие – чтоб легче было давить. Не надо казаться сильным, а надо быть. Рейган из-за лайнера из штанов выпрыгивал – а Андропов спокоен: «Рейган? Кто такой? Почему не знаю?» Мне кажется, Андропов сбил лайнер не для того, чтоб американцам показать, какой он крутой, – а чтоб нам это показать. Подумай над этой версией…

– Подумаю… А еще он стихи писал.

– Да. Поддерживал имидж либерала и просвещенного человека.

Комментарий Коха

Вообще, на мой взгляд, нет ничего более опасного для гражданского общества, чем спецслужбы у власти. Я в данном случае не конкретизирую: КГБ там или ФСБ, ЦРУ, МИ-6 или МОССАД. Просто – спецслужбы.

Ведь что такое сотрудник спецслужб, если он хороший сотрудник спецслужб?

Во-первых, он хорошо усвоил, что он элита нации. При этом не имеет значения, элита он на самом деле или не элита. Важно, что он убежден – элита. Так его учили.

Во-вторых, его приучили к конспирации. Он любит конспирацию, он верит в конспирацию, он ею живет. Он не понимает необходимости публичности власти. Он не верит, что политик может публично заявлять свои мотивы и они истинны. Его учили, что публичные заявления делаются только для отвода глаз, а на самом деле мотивы человека, как правило, низменны и просты: жрать, срать, совокупляться, над златом чахнуть. Он презирает людей.

В-третьих, его научили любить абстрактное государство и абстрактный народ. Просто как термин. При этом для него очевиден приоритет интересов государства над интересами народа. Или иначе: интересы государства и есть интересы народа, а у народа не может быть интересов, отдельных от интересов государства.

В-четвертых, именно в силу специфики спецслужб его приучили презирать закон. Нет такого преступления, на которое бы он не решился ради интересов этого абстрактного государства. Закон – это для плебеев, а он – элита. Он охраняет безопасность государства, населенного маленькими неразумными существами

(народ). Ради безопасности этого народа он держит его в неведении относительно своих помыслов и действий и готов брать на себя страшные грехи. Плебеям этого не понять. Он небожитель, и для него есть один закон – его начальник.

Из этих четырех пунктов вытекает необходимость жесточайшего контроля властей над спецслужбами. Властей, не интегрированных со спецслужбами. Товарищ Сталин за тридцать лет своей власти трижды проводил чистки органов, убивая чекистов тысячами (волны Ягоды, Ежова, Кобулова – Меркулова). В США была крупная чистка ФБР после Гувера. Что-то аналогичное, я уверен, было во всех спецслужбах мира.

Если же спецслужбы находятся в подчинении структур, сформированных из выходцев из спецслужб, то есть людей с описанной выше ментальностью, то сама метода управления становится непрозрачной. Спецслужбы сами формулируют свои цели, сами ставят себе оценки (всегда почему-то очень высокие), сами себя награждают (секретными указами). Государство превращается в филиал спецслужб. Власть не опускается до полемики даже с конструктивной оппозицией, а на всякие неудобные вопросы отвечает: «Вот вы спросили, зачем мы заложили в бюджет инфляцию не 15, а 12 %. Так позвольте вам заметить, что мы знаем истинные мотивы вашего вопроса. Вы ведь не интересуетесь инвестиционным процессом в стране. На самом деле вы прелюбодей и тайно посещаете любовницу. Так-то». (Занавес. Полемика закончена.)

– Так… Давай ближе к телу. Значит, в 83-м поехал я в Германию с так называемым поездом дружбы – наш пролетариат повезли выпивать с ихним пролетариатом. Ну встреча, речи с трибуны, банкет. Наутро меня поднимают наши: «Игорек, либо мы помрем, либо ты нам поможешь найти чем похмелиться». – «Так в чем проблема, вон через дорогу универсам, берите там что хотите и похмеляйтесь». – «Ну, так не бывает, сейчас же семь утра, еще не дают, надо с грузчиками договариваться…» Ладно, повел их в магазин. А тамв широком ассортименте выпивка от пива до ликеров и закуска любая – и все почти даром.

– Как оно и должно стоить. А то ведь нам наше правительство тогда объясняло, что делает огромное одолжение тем, что дает людям возможность выпить. Оно из этого сделало любимое развлечение народа, потому что водку тяжело было достать!

– …и мне мои пролетарии в гэдээровском универсаме говорят: «Что ж мы, дураки, поженились?! Мы б могли на немках жениться и жить тут! Водка дешевая, пива навалом,

девки дают, чего ж еще?» Люди родину готовы были продать за кусок салями, вот до чего их партия довела. Они переживали, плакали, блевали – в общем, непросто им было смотреть на жизнь ГДР. Заезжаем в деревню – мой пролетариат не верит, что деревня: как, там ведь дороги, фонари, водопровод и канализация. Тяжело было в социалистической Германии в этом смысле нашему пролетарию – не знаю, как с этим у Путина. А Комитет тогда был очень строг, за нами присматривали, чтоб мы ночевали каждый в своей койке, – это, кстати, о кагэбэшниках в Восточной Германии. И чтоб повидаться с девушкой из местных, надо было такую конспирацию разводить…

– А перед кем они боялись, что ты потеряешь облик советский? На Запад оттуда не сбежать было, Штази из-под земли б достала… Что касается самих восточных немцев, то они прекрасно знали наш облик…

– Там глубже было. Нас как-то на 7 ноября, когда я в Лейпциге учился, вызвали в советское консульство – флаги там, пионеры, музыка – и толкнули с трибуны лекцию про то, что все немки бляди и вступать в связь с ними можно, но если кто женится – кранты, сразу отзывают в Союз и отправляют в армию. И все это подавалось под красным знаменем, перед бюстом вождя.

– А почему нельзя жениться?

– Ты меня спрашиваешь? Откуда я могу знать… Лично я не женился. Может, боялись, что наши туда повалят валом, потом начнут дальнюю родню перевозить… А скорей всего, чтоб избежать конфликтов и лишнего напряжения. Я вот помню, пару раз почти совсем было дрался с немцами в те времена, но они каждый раз отступали. Потому что они хотели просто слегка подраться, по пьянке, а я шел на них и рвал тельняшку на груди – вроде иду на смертный бой, сейчас кому-нибудь горло перегрызу. Ну, тебе этого не понять.

– Скажи, пожалуйста, вот тогдашний уровень жизни ГДР выше был теперешнего российского или ниже?

– Мне кажется, у них было лучше. Там было товарное изобилие при высоких зарплатах.

– Ну насчет жратвы ладно, но шмотье их говенное было.

– Им нравилось. К тому ж западного товара было полно. Гэдээровские левые джинсы стоили 120 восточных марок, а Wrangler у фарцы – 160. Купи и носи себе. Ну, на машины была очередь, лет на десять. Но квартиры там только ленивым не давали. Я вспоминаю ту их жизнь – хорошо,

уютно…

– Но почему ж они до сих пор не могут вписаться в западную жизнь? Присоедини Москву к ФРГ – через год все впишутся: и рабочие, и путаны…

– Хороший вопрос. Думаю, это потому, что у них была холодная гражданская война. Правительство ГДР давало понять своему народу – вот, мол, русские победили фашизм, стало быть, они круче. А ваши отцы и деды воевали за Гитлера, их надо стыдиться. И так власть воспитала в своем народе комплекс неполноценности страшный. В пьяном виде восточные немцы то и дело мне жаловались, что никто их не любит и это справедливо – за что ж их любить? Я их утешал, говорил, что и нас, хохлов, тоже не любят, но нам плевать. А западные немцы покаялись, стали евреям давать деньги и квартиры, в кибуцы ездить. То есть западные немцы как бы искупили вину за фашизм. А восточные не искупили вину за коммунизм, потому что коммунизм – это замечательно.

– А, то есть вина без искупления? Не могу согласиться. Вон ведь сколько мы у них вывезли оборудования после войны, это разве не искупление?

– Ну это вы, капиталисты, все бабками меряете…

– А когда немок русские солдаты е…ли, это не личное искупление?

– Это, извиняюсь за каламбур, никого не е…т.

– И как так много брюнетов в Германии образовалось?

– Да ладно тебе.

– И духовно никаких прорывов. Ни литературы, ни кино у восточных немцев не было…

– А им все западное показывали, вещали из ФРГ. Думаю, Путин в ГДР смотрел то же, что и я. Те же фильмы. «XX век» Бертолуччи, «Кабаре» Боба Фосса, «Полет над гнездом кукушки» Милоша Формана… Это все шло у них в обычных кинотеатрах. Это, конечно, расширяло кругозор – в Союзе же совсем была дремучая жизнь. Что еще? Видимо, Владимир Владимирович покупал там ботинки «Саламандра» – совместное предприятие западных немцев с восточными. Ходил в пивные, ел там сосиски и свиную ногу, пил пиво…

– И поправился на этом всем. И денег скопил – привез оттуда «Волгу». А ты что привез?

– Да пару штанов, и все. Думаю, Владимир Владимирович меньше пил, чем я, потому и «Волгу» привез.

– И зарплата у него была побольше.

– Да уж точно. Я получал стипендию 448 восточных марок 50 пфеннигов, что по официальному курсу было 140

рублей. Но там этого хватало на три пары фирменных джинсов.

– Которыми ты фарцевал.

– Нет.

– В глаза смотреть!

– Да пожалуйста. Смотрю. Нет, у меня там не джинсами все мерялось, а иначе. Я мог на свою стипендию выпивать 0,7 литра бренди каждый день и еще даже закусывать. По советским меркам, это была просто роскошь. Что можно сегодня сказать? У них в ГДР была красивая, веселая и легкая жизнь. Хотя были там и диссиденты, и Штази их давила…

– Ну, диссидентство в ГДР выражалось в перелезании через Стену.

– Так, так… Тут, может, и зарыт самый важный момент: из ГДР почти все мечтали сбежать. И Путину, наверное, это было неприятно сознавать. Думаю, он чувствовал себя охранником на зоне: убери колючую проволоку – и все от тебя сбегут, никто тебя не любит… Это его так мучило – предполагаю я, надеюсь, его не переоценивая, – что он, став президентом, очень быстро создал такую ситуацию, что жить в России – это престижно. Не каждого еще пустят. А некоторых вообще вышлют. Они будут проситься обратно – их не возьмут. И люди поймут, что право жить в России еще надо заслужить. Отчасти это от опыта Стены. Помню это мощное чувство границы, видимой, реальной, ощутимой. Когда видишь два ряда колючей проволоки, а между ними ходят пограничники с немецкими овчарками… Причем ты видишь это издалека, к проволоке тебя и не подпустят. То есть Путин, сидя в ГДР во времена Андропова, о многом должен был задумываться. Никак не мог не задумываться.

– Да… Съездил ты, значит, в ГДР, а после вернулся в Калугу. Это ведь там жил плененный Шамиль?

– Да. С гаремом. Который к нему отошел согласно договору.

– А кому он еще мог отойти?

– Ну, красноармейцу Сухову. Или в госдоход. Вот тебе, кстати, и решение чеченского вопроса: Масхадов должен сдаться в Калугу.

– Но потом ведь Шамиль попросился на хадж в Мекку. Царь его отпустил, с сыновьями. И в дороге Шамиль помер. А сыновья там остались – в Туретчине. Какой-то сын Шамиля был главнокомандующим турецкой армии, когда шла война с Россией. Выученик Генштаба! Царю присягал, ручку целовал! По-русски говорил лучше, чем по-аварски!

– Значит, какой вывод?

– Сколько волка ни корми… А х… у тигра все равно длинней.

– Это да… Однако вернемся к теме выпивки – в связи с «андроповкой», которой Юрий Владимирович ознаменовал свое восшествие на престол. Кто-то на это купился, а кто-то ж как гнал, так и дальше стал гнать…

– Самогонку я сам гнал лично. В 83-м как раз начал.

– Ну-ка расскажи!

– А чего тут рассказывать? У себя на кухне, в коммунальной квартире, и гнал…

– Какой был рецепт у тебя? Я, например, уже забыл, хоть и гнал, – а ты помнишь?

– Да, конечно, помню. Значит, наливаешь бутыль литров двадцать воды, туда пять кэгэ сахара, туда же крошишь буханку черного хлеба и палочку дрожжей, и дальше уже по вкусу. Можешь забродившего варенья ухнуть, можешь кипятком банку из-под меда сполоснуть – и тоже туда.

– А картошку не тер? Томатной пасты не добавлял?

– Нет-нет. А вот яблочки подгнившие – подберешь их в овощном, и через мясорубочку – это да.

– А потом шланг на горло, да?

– Шланг – обязательно. Далее перегонка. Скороварочка, на нее трубочка надевается, после химический змеевичок – стеклянный такой, знаешь, из лаборатории. Я какое-то время гнал, а потом просто начал брагу варить. А чё тратить время – дешево и сердито. Она десятиградусная, кислушка, очень даже подходящая для студенческой жизни. Много можно выпить, пьешь целый день.

– Она похожа на «Chablis» по вкусу.

– Да-да. «Chablis».

– И еще брага отдает французским шампанским. (Я его немало выпил, у меня в Шампани есть знакомый, ветеран Индокитая, так у него свой замок. К нему как заедешь, и пошло-поехало – с самого утра.)

– Да, замечал.

– Там ведь то же самое брожение, или, иными словами, ферментация. (Этот привкус кажется уникальным истрашно нравится людям с пробелами в жизненном опыте, которые не попили в свое время браги, как мы.) Заметь, в советском шампанском и тени нет бражного привкуса! Потому что, думаю, это простое вино, в которое закачивают углекислоту.

– Ну да, наши как бы хотели быть святей папы римского. Вроде у них халтура, а нам так нельзя… С брагой еще что? С ней нельзя медлить, надо выпить вовремя – когда перебродит, она

уже никакая. Горьковатая.

– На этой стадии она похожа на сухой херес.

– Это зависит от добавок. Если брага чисто хлебная, она только хлебом пахнет… Еще в тот год я открыл «Гавана клаб». В расчете градуса на рубль он был даже эффективней «андроповки».

Комментарий Свинаренко

На 83-й пришелся пик моего пьянства. Это я помню очень отчетливо, поскольку в 84-м – накануне «сухого закона» – резко сократил потребление алкоголя на свою душу, потому что дальше так жить было нельзя. (Это было первое решительное сокращение из последовавшей за этим череды.) Сам я тогда не гнал, пил главным образом казенную и портвейн типа «Кавказ». Отчетливо помню, он до сих пор стоит у меня во рту, вкус теплой водки, которой выпиваешь граненый стакан и после заедаешь теплым же куском розовой вареной колбасы на куске крошащегося черного хлеба. Жил я тогда, как и заметная часть советского народа, по такой схеме: с утра на работу, в 11:00 опохмелка, далее трудишься, а в 18:00 – в магазин, и вперед… Потребление шло так часов до двух-трех ночи, с походами за водкой к таксистам и в ресторан, – ларьков же не было круглосуточных. За столом обыкновенно происходило обсуждение прочитанных книг и рассказывание поучительных историй из жизни (из широкого, но все же довольно ограниченного ассортимента), а также уговаривание девушек – это все наподобие «Декамерона». Было в целом весело и поучительно, но крепло ощущение, что жизнь проходит незаметно и зазря. Каждый день одно и то же. Виделось будущее – я лет через двадцать: спивающийся интеллигент сидит на голом матрасе, кинутом на железные кроватные пружины, кругом раскиданы разрозненные носки; он один, в комнате бедно, на полке драгоценные надоевшие книжки, денег нет, всем должен, начальство – тупые твари, за окном – какие-то сараи, воняет жаренным на маргарине хеком…

А хотелось замутить какой-то великий проект! Но когда выпьешь, вроде и ничего, легчает. Похоже, эту схему и укреплял своей дешевой водкой Юрий Владимирович…

– А ты по сколько тогда пил?

– Ну, мы с товарищем могли бутылочку усидеть. Один я пол-литра тогда выпить не мог, это было бы для меня слишком. Да и сейчас слишком…

– Мне сейчас пол-литра тоже слишком, а тогда и литр хорошо шел. Весело было! Пили помногу. Работа

журналиста-агрария к этому располагала. Бывало, приезжаешь в колхоз на «козле», чтоб сочинить бессмертный текст вроде: «Вместе с тем оставляютжелать лучшего темпы кормозаготовок. На голову КРС заготовлено по 13 ц условных кормовых единиц, в то время как…» А там председатель ожидает, стол накрыт, сало порезано, водка охлаждена, буфетчица накрашена, сиськи вывалены. Хотите, говорит, тут пообедаем, а нет, так на речку… Был у нас старейший журналист по кличке Бобер. И вот его жена на двадцать пятом году семейной жизни узнала, что, кроме зарплаты, бывает еще и гонорар. Она что-то такое подозревала, потому что зарплату всю до копейки мужик отдает, а каждый день пьяный. Но у него была отмазка – что ему из уважения за так наливают. Причем ему и из уважения тоже наливали! Жена, значит, узнала, вычислила гонорар, помножила его на двадцать пять лет и пришла в ужас. И вместе с тещей вломила своему Бобру. И выселили его. После чего теща выиграла в лотерею «Волгу». Назло зятю.

Но шутки в сторону. Что касается КГБ, я догадался, почему Ельцин чекистов разогнал. Так бы на его месте любой человек сделал, который бы взял себе труд немного над этим задуматься. Ну, ты помнишь – переименование, разукрупнение, переформирование, смена начальников… Фактически это был разгром КГБ. Даже я тогда за них вступался: ну ладно, гоните поганой метлой тех, кто диссидентам иголки под ногти загонял. Но там же кто-то шпионов и бандитов ловит, так пусть ловит! Только Ельцин быстрей меня сообразил, что произошло. Он сел и сказал: «Так, вот у меня есть могучая машина – КГБ. Чем она лично мне известна? Это тайная полиция, которая, типа, стоит на страже государства. Так почему ж мы в Беловежской Пуще это государство развалили и нам за это ничего не было? И почему Горбачев узнал об этом после американского президента?» Помнишь такое?

– Ну типа того, да… Допустим, это апокриф, но звучит хорошо. Может, он узнал не позже американского, но повлиять на это мог еще меньше, чем американский президент.

– Значит, вот какие варианты – почему Комитет ничего не сделал. Вариант первый. Комитет не знал. Вариант второй. Чекисты знали, но не доложили Горбачеву. Первый вариант совсем плохой – дармоеды, зря ресурс жрали. Теперь по второму варианту. Знали, но не сказали – оттого что работали на регионального лидера, каковым тогда был Борис Николаевич. Так вполне вероятно, что завтра начнут на

Шаймиева работать или на Абрамовича против Кремля… Или они тогда на американцев работали? Тоже занятно. А может, ждали, чем кончится, чтоб присоединиться к победителю? Или – вели свою игру? В общем, все варианты очень нехорошие, и по-любому Комитет надо было упразднять. Такая спецслужба государству не нужна, вот Ельцин ее и разрушил – как структуру бесполезную и даже вредную.

– А вот такой вариант не предполагаешь? Они доложили Горбачеву, а он не принял решения. И все. Сами они действовать не могли, а Горбач в силу личностных особенностей ничего не предпринял.

– Ну ты сам-то веришь, что Горбач знал? Знал бы, так рявкнул бы что-то, хоть задним числом. Веришь ты в эту версию?

– Да не очень. Он же давал команды – и на штурм телецентра в Вильнюсе, и на разгон демонстрации в Тбилиси… У него кишка-то была. А этих что ему стоило накрыть в Беловежской Пуще? Взял бы да арестовал…

– Вот и выходит, что комитетчики только надували щеки, а сами ничего и не знали.

– Абсолютно с этим согласен. Если хочешь знать мое мнение, то я придерживаюсь первой твоей версии. Они не знали ничего! Они полные эти… ну… Они могут только на коммерсантов наезжать! А реально безопасностью страны они не занимаются вообще. Они ничего не могут и никогда не могли, даже во времена Андропова. Я считаю, что и в ЦРУ такие же, и в ФБР. Почитай шпионские книжки – там одна структура противодействует другой. Одна аннигилирует своими действиями другую. Вот и все. И если б их обеих не было, то и слава Богу.

А вот еще у комитетчиков есть тема, которая мне нравится. Я так врать перестал еще в средней группе детского сада! Они говорят: мы на самом деле знаем, где сидит Басаев, но у нас просто нет команды его взять.

– Ладно. Вот тебе еще версия. Допустим, в Комитете поняли, что скоро все грохнется. Они сели заседать. Мол, давайте уйдем, и пусть власть возьмут демократы.

– Это ты про 91-й рассказываешь. Но при чем тут 83-й год?

– А при том, что в 83-м была репетиция. В 2000-м они взяли власть, но перед этим ведь в 91-м отдали. Как это могло происходить? Они забрали золото партии, выкинули из окна Кручину, управделами ЦК, который этим золотом ведал, и бабки пропали навеки. Золото вложили в бизнес, на который поставили либо чекистов, либо стукачей. А

демократы пусть друг друга обольют грязью и все разворуют, покажут, на что способны…

– …а потом мы этим же бизнесменам-евреям подсунем нашего Вову Путина, они как мудаки приведут его к власти, и он их потом удавит.

– Ну как? Красивая версия? Типа – довольны ли вы, граждане России, своими демократами? Не очень. Вот мы пришли с твердой рукой, и вы ведь счастливы? Счастливы. Ну вот и не возникайте. (Надо бы на досуге триллер такой сочинить.)

– Не может такого быть.

– Ну как не может? Вон из рейха сбежали ведь ребята, золото увезли, спрятались.

– Но это было мозаично! Они ж не пришли снова, не вернулись в Германию через десять лет, не предложили никакой властной альтернативы оккупационным властям. Каждый ухватил свой кусок, и теперь они, кто еще жив, сидят по одному на виллах в джунглях…

– И ты всерьез это говоришь? Что комитетчики, наблюдая за растущей наглостью демократов, ничего не чувствовали своей жопой и не готовили отходных путей? Что не изучали жадно и страстно опыт нацистов, которые загодя переводили активы на другие континенты? И не пытались придумать, как бы избежать повторения ошибок нацистов, которые не смогли вернуться? Кстати, мы, может, недооцениваем их влияние. Я там, в Чили, выпивал с несколькими этническими немцами, родители которых были натуральные фашисты. Так эти ребята, сплошь офицеры и генералы, при Пиночете были не последние люди, и никто сейчас точно не может сказать – а не на золото ли рейха построена чилийская экономика? Не его ли мозговыми ресурсами? Ну пусть не на 100 %…

– Ну ладно, допустим. Все прекрасно – кроме одного. Для того чтоб такой проект поднять – тяжелый, сложный, с богатым андеграундом, – нужен же был мозговой центр, должен быть руководитель проекта, некий моральный авторитет, который где-то за кулисами сидит и дергает за ниточки, и все работает… Кто он? Кто?

– Слушай, поскольку у нас во всем виноват Чубайс, то пусть он возглавит и этот проект. Ничего страшного, что как бы задним числом.

– Если б он этот проект возглавил, то его б сейчас не мордовали, как мордуют.

– Ага, мордуют, мордуют, и все грозно, напоказ – а он себя, несмотря ни на что, прекрасно чувствует. Интересно,

сколько он бабок тратит на этот пиар – что его якобы все е…т со страшной силой. Это все конспирация, в которую так любят играть чекисты…

Комментарий Свинаренко

Слово в защиту чекистов.

При том что я сам – махровый антисоветчик и пещерный антикоммунист и КГБ не люблю уже давно, тем не менее посмотрю на вопрос трезво и беспристрастно, как это мне вообще свойственно. И справедливости ради скажу, что огально охуивать, то есть, извините, огульно охаивать органы – дело некорректное. Все-таки они сделали немало полезного для своей страны.

Раз зашла речь о чекистах, давайте рассмотрим одно из поэтических определений, которыми их снабжали продажные пиарщики КПСС: рыцари революции. Что такое революция? Как ее описать? Можно использовать тоже поэтические термины: буря, вспышка народного гнева, кровавая жатва и прочая там чушь.

(Такая непонятка у нас часто встречается. Еще мне нравится термин «неуставные отношения». Представь, идешь ты, дорогой читатель, по улице, и вдруг к тебе подходят ребята, бьют тебя в лицо, забирают твой кошелек и имеют тебя в задницу. И говорят: «Старик, зря ты думаешь, что это хулиганство, грабеж и изнасилование. Это всего лишь неуставные отношения!» На гражданке такие номера редко проходят, а в армии – легко.)

Но давайте опишем происходившее строгими терминами, обозначим состав революции, перечислим деяния, без которых ее не бывает. Это, безусловно, убийство, грабеж, разбой – а как без них? А еще – терроризм («На белый террор ответим красным террором», а до того лирические герои советской литературы вроде Желябова и забыл, как их там еще звали, и Сталин, Камо, Савинков – кто там еще были бомбистами-киллерами). Само собой, тут же и бандитизм, и организация преступного сообщества (преступной организации), и массовые беспорядки. Кроме того, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля. Еще гарантированы такие действия, как насильственный захват власти или насильственное удержание власти, вооруженный мятеж. А сколько говорено про принуждение к даче показаний (с применением насилия, издевательств и пытки) как неотъемлемой части революционного процесса!

Вас тут может смутить порядок деяний – отчего-то сперва идет убийство, а после террор и только потом массовые беспорядки. Но я тут ни при чем – именно в таком порядке специалисты сочли необходимым перечислить эти деяния в действующем Уголовном кодексе. Вся революция в нем предусмотрена, пусть и в несколько произвольном порядке. Вот смотрите.

Статья 105. Убийство – от 6 лет.

Статья 161. Грабеж – от 1.

Статья 162. Разбой – от 3.

Статья 205. Терроризм – от 5.

Статья 209. Бандитизм – от 10.

Статья 210. Организация преступного сообщества (преступной организации) – от 7.

Статья 212. Массовые беспорядки – от 4.

Статья 277. Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля – от 12.

Статья 278. Насильственный захват власти или насильственное удержание власти – от 12.

Статья 279. Вооруженный мятеж – от 12.

Статья 302. Принуждение к даче показаний (с применением насилия, издевательств и пытки) – от 2 лет.

Совершив все эти деяния, участники незаконных вооруженных формирований победили, взяли власть. Как это описать в сегодняшних реалиях? Это как если бы отряды Басаева, разгромив федеральные войска и законные силовые структуры, заняли Кремль и начали бы пытать и зверски убивать пойманных на улице офицеров и православных священнослужителей. Да это, собственно, и делалось восставшим русским народом в самых широких масштабах без всякого бен Ладена.

А должно быть за это наказание? Ну, видимо, да. А как карать? Из всего содеянного один только первый пункт, то бишь ст. 105, уже может потянуть если не на расстрел, так на пожизненное. М-да…

Для любопытства попробуйте суммировать хотя бы минимальные сроки наказания. Вы будете смеяться, но получится ровно 74 года. 74 года лишения свободы! С 1917-го по 1991-й.

Да, господа. Нравится вам это или нет, но революция – длинная череда преступлений. Это и разбой, и террор, и бандитизм. То, что в этом участвовал не один человек, а почти весь народ, только усугубляет вину – так членство в банде наказывается строже, чем индивидуальный бандитизм… В общем, люди, которые выступали на стороне революции, – это уголовные преступники. Боевиками незаконных вооруженных формирований

(объединенных в так называемую Красную армию), воевавших под руководством полевых командиров типа террориста Котовского, перешедшего на сторону боевиков офицера Тухачевского (позже почти все перешедшие на сторону боевиков офицеры были расстреляны – как с ними поступили бы и сегодня, в наши вполне вегетарианские времена…) и проч., были главным образом крестьяне. Совершенно справедливо к ним было применено наказание в виде лишения свободы. Причем в лагеря были отправлены далеко не все. Подавляющее большинство отбывало срок в смягченном режиме – как на «химии», на поселении. То есть труд – да, конечно, принудительный. Паспорта зэку на «химии» не положено. Но все же режим относительно вольный: жить можно в отдельной избе, а не в лагере, и в город можно изредка отлучаться с разрешения лагерной, то есть, извините, колхозной администрации. Очень хорошо сюда ложатся и попытки введения в стране «сухого закона». Ведь известно, что зэков водка до добра не доводит… Нет водки на зоне – и вопрос решен. На поселении иное: там можно и дихлофосом разжиться, – так что «сухой закон» там обычно не удается…

Вообще мягкость наказания просто беспрецедентная. Мы должны радоваться тому, что наших предков всего лишь отправили на поселение, что Россию не разбомбили, как Югославию, в которой беззакония и преступлений накопилось поменьше, чем у нас…

Так вот. Порядок в стране какой-никакой, а наведен был. Виновные были вычислены – ими оказались крестьяне. Именно они, пойдя большей частью в Красную армию, и решили вопрос как бы демократическим большинством голосов. Чекисты и наказали виновных. Вы скажете: у них руки по локоть в крови, как же этими руками можно установить справедливость? А так, что чекисты – слепое орудие Божественного промысла. Действия их по закону совершенно нехороши и неправильны, но по понятиям – бесспорны. Когда Тухачевский при поддержке авиации и артиллерии громил восставших тамбовских крестьян, он уподоблялся спецназу Минюста, который усмиряет восстание на зоне. В таких случаях неизбежны потери и огромное количество пролитой крови. Что же касается Антонова, который поднял тамбовских земледельцев, то он сыграл фактически роль пахана, поднявшего зону.

Да, слепое орудие, которое Бог избрал для возмездия! В чекистах, следовательно, был глубокий смысл – если, конечно, верить этой моей версии. Если да, то в новом свете предстает и главное, любимое оправдание чекистов – якобы не они виновны в так называемом сталинском терроре, поскольку они и сами друг

друга интенсивно сажали и расстреливали. В этом есть логика: пустил ты кому без суда и следствия пулю в затылок – получи и сам от такого же, а после и с ним то же будет. И таким образом снимается главное противоречие: как же, не может же убийца и беззаконник вершить справедливость! По идее, в принципе – точно не может. Но в порядке исключения, ставши ненадолго слепым орудием, не ведая, что творит, по ошибке, – вполне может. И эта ошибка очень легко и быстро исправляется посредством казни палача другим палачом. Так что моя версия вполне обладает внутренней стройностью.

И потом, а какая же была альтернатива? Ну ладно, не судить и не наказывать. Пустить все на самотек? Оставить все как есть? Чтоб и дальше воровали, и резали, и жгли? И чтоб продолжался весь тот беспредел шариатских судов, то бишь комитетов бедноты?

А так – нет, все ж боевики были призваны к порядку, чекисты им, сами того не желая, напомнили про Божий страх.

Да, по-хорошему, нужен бы настоящий суд, с соблюдением всех формальностей и процедур. Но откуда было взяться такому суду в дикой разрушенной стране – когда и сегодня, боюсь, все еще нет у нас такого суда? Формальности соблюдены не были, и процедурные дела все, конечно, под вопросом – но по понятиям-то все верно. За преступлением последовало возмездие, наказание. Лучше уж такой суд, чем никакого.

А вот и еще одно подтверждение, на уровне эмоций и личной жизни. Мой дед был чекистом и работал по полной программе, и крови на нем немало. Но при этом он был симпатичнейшим человеком. На фронт пошел добровольно, на шахте вкалывал, жил чрезвычайно скромно. В праздник мог выпить не стакан даже, но рюмку вина. Делал зарядку, возделывал свой сад, лично пытался внуков приобщать к труду. Убивал людей он на уровне партийного поручения, будто бы для блага будущих поколений. В нем была какая-то сверхнормативная тяга к справедливости и вера в то, что ее можно установить человеческими силами. Так, на старости лет, с тростью, волоча перебитую в 1941-м ногу, он в составе парткомиссии ходил с проверками по магазинам, мечтая пересажать всех завмагов-воров. Но ни в корыстолюбии, ни в садизме, ни в тяге к власти или порокам замечен не был. Я с легкостью могу представить себе миллион вот таких же ребят, которые приходили каждый день на работу в свои чекистские офисы и работали там по специальности, применяя табельное оружие, искренне полагая, что таким манером строят светлое будущее для новых поколений, то бишь для нас.

По этой же схеме и Сталин был тоже слепым орудием

возмездия… В колхоз, в колхоз вчерашних бунтовщиков! И это еще даже очень гуманно, по совокупности содеянного…

Возможно, сам Сталин даже догадывался об этом: все-таки Библию не читать он, обучаясь в семинарии, никак не мог. И урок со своим сыном, попавшим к немцам в плен, тоже не понять не мог – ибо черным по белому в Книге написано: до третьего и четвертого поколения будут отвечать дети за содеянное родителями. Так что в концлагерях для детей изменников Родины определенную логику увидеть при желании можно.

А вот и еще один аргумент: крестьянство как класс не только ненадежно – против царя бунтовало и устроило резню, значит, завтра и большевиков может начать резать, и вешать, и жечь, – но и экономически неоправданно. На кой ляд эти деревни с их хибарами, со всем идиотизмом деревенской жизни? Такое только Африке да нищей Азии присуще. Надо фермерские хозяйства строить (или закупать зерно в теплых странах, мы все-таки живем в зоне рискованного земледелия), а лишних крестьян разорять, чтоб они шли в города и работали, как люди, на заводах. Что и случилось при деятельном участии сотрудников органов.

Ну, чисто по-человечески это легко понять. Но на кой ляд нужны вот эти раскиданные по всей стране боевики, которые только что перерезали полстраны? Нам совершенно плевать, во имя каких идеалов и в силу каких обстоятельств это творилось, но доверие к этой публике невозможно. Это то же самое, как ожидать лояльности и многолетнего добросовестного труда от чеченских боевиков, если они завтра сдадут часть оружия и запишутся в кол хозы…

Бутылка третья. 1984

Застой дошел до крайности. Жизнь застыла. Люди охотно пили водку, запоем читали и живо интересовались параллельной культурой.

В принципе персонажи книги так могли бы обозначить ситуацию: «Есть две новости, одна плохая, другая хорошая. Советской власти на наш век хватит, но зато она такая вялая, что не мешает жить».

– Итак, Алик, 1984 год. Так, кстати, называлась книжка нашего коллеги Оруэлла. И фактически этот парень все угадал – потому что 84-й год был последним полным годом Совка, а в 85-м все поехало, посыпалось.

– Да… 84-й – это как раз апофеоз застоя! Помер Андропов. В феврале, обнимая аппарат «искусственная почка». Была такая легенда, что щелоковская жена (Щелоков – это был такой министр МВД) напросилась к нему на прием…

– …и подсыпала ему в чай соли тяжелых металлов? От них как раз почки отваливаются!

– Какие соли, какой чай! Она его из пистолета завалила! Прямо в почку и попала. Андропов же ее мужа посадил. Вот она и отомстила.

– Ты серьезно?

– Нет, конечно! Однако Андропов, как я понимаю, при всем при том был неглупый мужик. Мне кажется, он думал, что хоть пятерочку еще протянет. Иначе не брался бы за дело. Если б он понимал, что обречен, то сам бы не пошел в генсеки, какого-нибудь преемника нашел бы. А так ввязался и начал решительно действовать – и корейский лайнер, и пятое-десятое… Но потом кряк – и сдулся. Я думаю, там у них что-то произошло…

– Он-то думал, что построит властную вертикаль.

– Да, думал, что построит, а оно вишь как вышло! Помнишь, в первой главе мы вспоминали про то, что…

– …человек внезапно смертен.

– Да, неожиданно… Так вот, по-моему, что-то у них там случилось… И срок его правления был резко и быстро сокращен.

– Так-так… Кто у нас руководил заговором? Чубайс.

– Это же шутка!

– А, да, точно, шутка, как же это я забыл… Так он, получается, разрабатывал операцию как чекист, но неправильно просчитал – и все провалилось.

– Неподрассчитал. Обосрался чисто.

– А что же у нас еще происходило в 84-м?

– 1984-й… Я начал писать диссертацию. Ходил в Дом архитектора до самого окончания аспирантуры. Я защищался по развитию городов, а там были очень хорошие семинары по моей теме. Как известно, Питер – это памятник архитектуры. Целиком. Особенно его исторический центр. И была полемика между прогрессистами и традиционалистами. Главный вопрос такой: можно ли в историческом центре строить современное здание? Со стороны прогрессистов, к коим я и себя относил, был очень интересный аргумент…

– …что если ничего не делать, не менять, не ремонтировать, то все рассыплется.

– Да, конечно, но это утилитарный аргумент! А в более широкой формулировке так: исторический центр Санкт-Петербурга на 70 % формировался из доходных жилых домов. А исторический центр любого современного города на 70 % состоит из офисных зданий. Структура фондов не соответствует потребностям современного города. Так что доходные дома надо заменять офисными зданиями. Это раз. То есть все сносить и все заново строить. Ну, пускай даже с сохранением старых фасадов, это не имеет значения. Но они ж не давали ломать вообще! В том смысле, что надо сохранить перекрытия, инженерные сооружения и проч. Даже заклепки старые не давали трогать. Второе. Старые помещичьи квартиры, куда люди зимой приезжали из своих поместий, предполагали наличие единственного туалета на весь этаж. Потому что барыне и соответственно барину горшок приносили прямо к кровати. В современной жизни, когда не у каждого квартиросъемщика имеется прислуга, такой подход никуда не годится. Один сортир на этаж – этого мало.

Значит, нужны новые стояки, новые фановые трубы… Дальше. Перекрытия деревянные нужно менять на железобетонные. Лифтов не было, а они нужны… Инженерия, телефония, Интернет – и это все тоже нужно, пусть даже в старых фасадах. В общем, куда ни кинь, а таки дом нужно ломать и снова строить.

– Ты хочешь сказать, что Лужков был прав, развалив всю московскую старину и заставив город новоделом?

– Конечно, прав. Безусловно! Он сделал это – и город живет!

А не как Питер – город-музей… Ну развалится этот музей, и все. Как Венеция… Ее через семьдесят лет никто не увидит, потому что она уйдет под землю. В смысле под воду… Но это только инженерная аргументация. А есть же еще аргументы архитектурного плана. Прогрессисты говорят так: «Вот если б вы, товарищи традиционалисты, жили сто пятьдесят лет назад, когда на месте Исаакия стояла совершенно другая церковь, – вы бы не дали ее снести! Кстати, очень красивая была церковь, но небольшая, а до нее еще одна. Как же, как же, памятник архитектуры! Какой-нибудь там восемнадцатый век! И не получил бы Петербург Исаакиевского собора… Если бы вы, граждане традиционалисты, в свое время вышли со своими принципами на Невский проспект, то этот проспект не получил бы Дома Елисеева, Зингеровского дома книги…»

– И на хера тогда вообще вырубили леса и осушили болота, как можно было губить природу и строить там Питер?!

– Совершенно верно! Где та грань, на которой развитие города должно остановиться, чтоб дальше его нужно было только сохранять? Я не очень понимаю… Если вы хотите, чтоб город жил и в нем было население, то это одна концепция. Но тогда он должен постоянно развиваться, в нем должно что-то происходить, строиться новые здания – пускай ошибочно! Какой-нибудь Корбюзье или Гауди все равно должны что-то строить… Понимаешь, да? А если это город-музей – то тогда надо как в Венеции, где основное население живет на материке и приезжает на работу на лодочке, чтоб повозить туристов по каналам… Только миллионеры имеют квартиры в самой Венеции. Они там неделю бамбук покурят – и сваливают на год…

– А зачем ты участвовал в таких абстрактных дискуссиях? Ты же вроде серьезный, даже прагматичный человек.

– Ну, это имело непосредственное отношение к теме моей диссертации. Я занимался разработкой математического аппарата по привязке промышленных объектов к конкретным пятнам застройки. И все эти концептуальные вещи были для меня очень важны. Что такое город, чем город от деревни отличается? Деревня, очень большая деревня, огромная деревня – ну вот чем она от города отличается?

– Способом производства?

– Ну перестань. А пэгэтэ (поселок городского типа) тогда что?

– Хер его знает…

– То-то. В чем разница между Москвой и Питером? Да в том, что в Питере победила охранительная тенденция, а в Москве – девелоперская.

– А больше ведь и нет городов в России.

– Готов согласиться, что остальное – это поселки городского типа. Ну, может, Самару, Нижний и Казань, в которых есть исторический центр, условно можно отнести к городам.

– Ага, условно-досрочно. Да, ты возвышенные задачи решал. А я в 84-м возглавил в газете отдел сельской молодежи. Сделал головокружительную карьеру! Оклад мне подняли со 125 до 145. Значит, 145 долларов – то есть что это я, какие доллары? Рублей было 145! Ну и еще гонорара сколько-то выпиливал, всего выходило сотни две.

– Ну и у меня приблизительно то же. Аспирантская зарплата, дворницкое жалованье, и родители еще помогали. А как у вас в Калуге было со жратвой?

– Мойва, сыр плавленый, яйца. Так же всё.

– Ну да, стандартный набор провинции. А вот в Питере позже жрачка стала пропадать, в 84-м еще было все хорошо.

– Из Калуги в Москву ходила колбасная электричка – чтоб не соврать, три часа она шла.

– Как от Женевы до Куршевеля.

– Или как от Москвы до Парижа лететь – когда три часа выходит, когда три с половиной, как повезет… Я, как приезжал в Москву, сразу шел в так называемую сосисочную и съедал там пять тонких сосисок – как деликатес.

– Мой товарищ Витя Вексельберг в студенчестве подрабатывал на мясокомбинате и собственноручно изготавливал молочные сосиски. Так он до сих пор любит задавать вопрос на засыпку: «Из одного кг мяса сколько делается кг сосисок?» Вот ответь мне на вопрос!

– Гм. Пять.

– Двенадцать! И это по технологии! Если без воровства! Сосиски – это мясопродукт, в котором $^{1}/_{12}$ часть мяса…

– Значит, сосиски можно в пост есть!

– Ну типа того. Это такая гомеопатия мясом.

– И вот твой Витя узнал это, у него появился в жизни стимул, он поднялся…

– Наверное…

– А если б его кормили пармской ветчиной…

– …с мелоном…

– …то он бы до пенсии так и стоял на конвейере в сосисочном цеху.

– Сою бы подносил и селитру.

– А у нас же еще были интриги, битва за завотдельское кресло. Такие страсти кипели. Поскольку я в начальники не лез, именно меня и поставили, чтоб никому не было обидно.

Ну, дальше там уже надо было вступать в партию и из комсомольской газеты проситься в партийную… Это было, конечно, очень вяло, и я тоже подумывал пойти в какую-нибудь аспирантуру, для разнообразия. И подальше от обкомовской идеологии и тех типов, которые ее насаждали.

– …А вместо Андропова стал Устиныч. Мне, откровенно говоря, было старика жалко – такие плечи у него приподнятые, он без конца задыхался, помнишь, его на какие-то выборы привезли, и Гришин его под ручку держит?

– Помнишь, его снимали в ЦКБ, а декорации – под настоящий избирательный участок в Москве?

– Когда я поехал по своим аспирантским делам в Красноярск – у меня же из тамошнего университета было направление, – там уже стоял бюст Константина Устиныча, местного выходца, и даже мемориал начинали строить. Потом деньги кончились и все бросили.

– И в 84-м же построили большой памятник Ленину на Октябрьской. Многофигурная композиция. Это был последний такой год…

– Удалой такой.

– И сегодня ужасаешься – какие ж ресурсы тратились на всякую ерунду! Вот ты сейчас строишь памятник царю, так цены приблизительно представляешь. Ленин на Октябрьской! Какие это бабки! Ресурс шел просто в никуда…

– А в ВПК они как вбухивали деньги? Думая, что он у них есть?

– А Африка? Я там негров допрашивал, помнят ли они, как транжирили наши бабки, как мы их учили? Нет, ничего они не помнят и не знают про Россию… Они думают, что у нас тут государственный язык – португальский. А у меня коммунисты забирали все деньги и отдавали этим неграм. Как только этот грабеж кончился, я купил машину, съездил в Париж, завел вторую пару ботинок…

– А Гавана одна чего стоит?

– В Гаване я пока не был. А вот в турпоездку Франция – Португалия я чуть не отправился как раз в 84-м году, он еще и этим знаменателен.

– Опа!

– Ну. 650, что ли, рублей это стоило. По Союзу журналистов, так было подешевле. А у меня как раз личная жизнь была запутанная, я устал от разборок – и придумал, как одним махом разрубить целый узел проблем: от наведения порядка в личной жизни до устройства на работу в настоящее СМИ (а не какой-то агитлисток для

провинциальных бюрократов). Значит, такой был план. По Португалии я бы путешествовал как простой турист, а после в Париже, как говорится, выбрал бы свободу и остался б там на ПМЖ. На работу я б пошел устраиваться на радио «Эхо свободы».

– Ты хотел сказать – просто «Свободу».

– Да какая разница… В общем, там, на том радио, пора уже было проводить перестройку, и концепцию я в общих чертах перед поездкой набросал.

Комментарий Свинаренко

В принципе радио «Свобода» я тогда высоко ставил, круче было разве только Би-би-си. Но и недостатки станции видел. Этот вкрадчивый, недовольный, как бы из-за угла такой голос, думаю, многих отвращал от иностранного вещания на коротких волнах… Мне казалось, я смог бы их там тогда убедить в том, что дикторы должны переменить тональность на менее противную. И перестать злорадствовать и смаковать советские несчастья. По мне, им следовало изо всех сил изображать непредвзятость. А то ведь выходило так, что слушали голоса те, кто и так в принципе все знал и соглашался с оценками. А людей, к власти более лояльных, эта злобность отпугивала. Получалось, что это было радио для своих, для диссидентской и околодиссидентской тусовки. Та же советская пропаганда, только наоборот.

А таки лучше было б начинать издалека, разоблачать сперва какие-то мелочи, а уж после брать вопросы фундаментальные. По мне, так хорошо бы пошла передача типа «Для начинающих слушателей», в которой делалось бы допущение, что Ленин хороший и социализм в России бывает с человеческим лицом…

Комментарий к 1984 году

В 84-м в Калугу приезжал Окуджава. Когда-то, в 50-е, он там работал в газете со смешным названием «Молодой ленинец». И вот он пришел в редакцию, в Дом печати, где тогда еще работали его бывшие сослуживцы. Собрались в кабинете главного редактора «Молодежки». Народу набилось – не протолкнуться. Наверное, грела не столько его слава, сколько то, что можно своими глазами посмотреть на свободного человека. Пишет и делает что хочет, и ему за это ничего; вот, жив-здоров, рассказывает про Париж, из которого недавно прилетел! Он был как человек с другой планеты. Совершенно фантастическая, по тем временам особенно, у него была открытость. Он легко

рассказывал про то, как ходил в рейды с дружинниками, которые разрезали пойманным стилягам узкие штаны. И после ругал этих стиляг в газете. Ну было такое, да – но никто же человека за язык не тянул.

После узким коллективом повели Окуджаву к кому-то домой, и там церемонно пили почему-то не водку – но чай с вареньем, которого высокий гость, впрочем, не любил. В узком этом кругу Окуджава рассказал, как в Париже примерял к себе эмигрантскую жизнь: выходил из гостиницы и ходил по городу, представляя себе, что он уже не турист, а невозвращенец. Ощущения ему не понравились. Поэтому он каждый раз возвращался. Мне было тогда непонятно – как так человеку может не подходить парижская жизнь? Лукавит, наверное…

Окуджава приехал тогда на «Жигулях». Причем ездил без прав. Когда его ловили, говорил, что забыл права дома. Ему почему-то верили. Машина была ему дорога тем, что создавала иллюзию свободы. Так и сказал – «иллюзию свободы». А ведь это так точно!

– Но сперва ж надо было уехать… А ведь на все поездки нужно было испрашивать разрешение в райкоме КПСС по месту жительства. Даже беспартийным! На производстве характеристику подписывала тройка – то есть, пардон, треугольник. Так, парторг Миленушкина – симпатичная дама, юморная такая, – отказалась мне вписывать ритуальную формулировку «морально устойчив». Логика была такая: она соглашается, что на работе я вроде не устраиваю оргий, но за мое свободное время поручиться не может. Это, впрочем, мне не помешало собрать документы. Я фактически уже собирался в путь, меня уже начинало волновать – как я буду отдавать взятые в долг на эту самую поездку деньги? И придумал слать кредиторам с Запада джинсы или там еще что – в общем, натурой расплачиваться. Я, значит, уже английский подучивал и французский, как дурак, про Мегрэ читал адаптированные книжки.

Комментарий Свинаренко

При Советской власти иностранные языки специально преподавали так, чтоб люди не могли разговаривать, слушать радио на иностранных языках и смотреть вражье ТВ там, где оно ловилось. А самое главное – чтоб человеку страшно было думать про эмиграцию. Ну сбежит он туда, где он и так не очень нужен, да еще и без языка? Задумано тонко, выполнено с размахом.

Миллионы граждан годами учили языки в школах и вузах, успешно сдавали экзамены, а умели разве только со словарем перевести текст про классовую борьбу. А ведь языки нелишне было б людям знать в свете всеобщей воинской повинности и наличия вероятного противника в ассортименте. Но – идеология тут пересилила соображения военной выгоды.

Еще несколько штрихов. При царизме широкие массы бывших гимназистов замечательно знали языки – хотя технических средств обучения еще не изобрели, а международные контакты были вялыми. Но в СССР же тысячами тыщ жили всякие беженцы, политэмигранты, студенты из разных стран – так что с хорошими преподавателями из числа носителей языка (языков) не было проблем. На радио и на ТВ вести внятные учебные программы никто не мешал… Учи – не хочу! Но – другие задачи ставились перед нами.

Объективности ради надо тут сказать, что зря наши комплексуют перед какими-нибудь голландцами и шведами, очень бойко болтающими по-английски. Все-таки для них английский – язык родственный (через латынь, которая торчит из всех почти европейских языков тут и там), как для русских – языки славянские. Последние у нас, правда, тоже не знают – но уже по другой причине: их не очень высокой практической ценности.

– И тут один знакомый, про которого все знали, что он близок к Комитету, мне сказал такую вещь. Что я точно получу официальный отказ. А это все равно что волчий билет, и после даже в соцстраны не смогу ездить – куда сейчас меня, разведенного, пьющего и неблагонадежного, комитетчики выпускают с горем пополам. И что лучше мне заявление свое отозвать. Что я и сделал…

– Не удалось тебе сбежать на Запад. Хотя это попытка неочевидная. Настоящее бегство – это когда тебя берут на границе, а у тебя на подошвах коровьи копыта или ботинки задом наперед, а перед этим еще скупка валюты…

– Ага, и секретного завода план, чтоб на первое время как-то перебиться.

– А такого ничего, насколько я понял, не было. Вялая у тебя была попытка бегства – вялая, как и вся тогдашняя жизнь. Как в анекдоте, когда кукурузник пикирует на сарай: «Яка держава, такий і теракт». Там мог быть и такой диалог: «Ну зачем тебе бежать? Мы ж тебя все равно догоним…» Вообще 84-й год – самый пик вялости Совка.

– Да, хилота. Какое-то бесконечное чтение антисоветских

книжек…

– А я тогда читал Монтеня. И еще Руссо и «Хождение за три моря» (взрослая версия, не путать с адаптированным пересказом для детей). Как Афанасий Никитин индусок трахал, как в плен попал, потерял там счет дням и вынужден был Пасху по мусульманскому календарю праздновать…

– Это похоже на Федора Конюхова.

– Ну да. Если говорить о духовном совершенствовании, то 1984 год, как любой застойный год, в этом смысле много дал. Множество книг было доступно – тот же Фолкнер, Сэлинджер, Фицджеральд, Хемингуэй например. А как тогда шла фантастика! Лем, Азимов, Брэдбери, братья Стругацкие, Уэллс наконец. Можно было читать и вчитываться.

– А я вот еще помню, как накопил денег и купил… нет, не дачу, но свитер. А потом еще накопил – и купил часы. Не как у тебя, вот «Ролекс», а «Восток» – за 32 рубля. Это меня сейчас умиляет.

– Не, ну слушай, масштаб потребностей был не тот! А степень эмоционального восприятия подарка та же самая.

– Ну да, за три моря хождение или за четыре, или пять, какая, на хер, разница?…

– Когда понимаешь, где планка, а она была низко, то и «Восток» радовал не меньше, чем «Ролекс». Я сам жил на пределе нищеты, мы про это уже говорили, но нищим себя не чувствовал. Даже самые богатые люди тогда жили не намного лучше, чем я. Разрыв был куда меньше, чем сейчас.

– Вот ювелир Ананов, твой земляк, когда поднялся, то из коммуналки с семьей переехал в однокомнатную и в уголке возле сортира…

– Сейчас угадаю: смастерил себе столик для работы в этом уголке? Это я понимаю. Стол, за которым я написал свою кандидатскую, представлял собой промежуток между книжным шкафом и подоконником – я заполнил его дном от детской кроватки и великолепно себя там чувствовал! Клееночка лежит, бумажки разложены, печатная машинка стоит, лампочка светит…

– После того как мы узнали, что Набоков писал свои бессмертные сочинения, сидя на биде в совмещенном санузле (мне его сын Дмитрий рассказывал), какое ж мы право имеем жаловаться на наши бытовые трудности?

– А в коммунальной квартире нельзя последовать примеру Набокова по двум причинам: во-первых, там не бывает биде.

– Ага. «Не стреляли, потому что, во-первых, не было снарядов».

– Но есть и вторая причина, и она тоже веская: соседи могли

пиз…лей отвесить. За то, что санузел занял на всю ночь.

– А сейчас у тебя сколько тут на даче биде?

– Здесь у меня биде два. Так что одно биде я, как писатель, могу смело занимать. А могу и на унитазе сидеть.

– Унитазов в настоящий момент сколько у тебя?

– Сейчас я посчитаю… Раз, два, три… Четыре, пять, шесть…

– Но пишешь ты не на них, а на кухне.

– Нет, должен тебя разочаровать: я в кабинете пишу. Я, знаешь ли, пишу в кабинете, оперирую в операционной, а обедаю в столовой.

– Ха-ха-ха. Чисто профессор, б…, Преображенский!

– Да, я вернулся к этому идеалу, к этой вот примитивной старомодной схеме. Велосипед я не изобрел и изобретать не желаю. Срать стараюсь на унитазе, спать в спальне, тренироваться в спортзале, а плавать в бассейне.

– Вот только у профессора Преображенского в отличие от тебя не было своего бассейна. Да… Так вот Ананов себя чувствовал великолепно, ему к однокомнатной квартире оставалось только докупить «Жигули», джинсы, кожаный пиджак – и в Сочи в отпуск.

– Нет, ну почему же, можно было и до двухкомнатной квартиры подняться. Да и от дома много зависит: одно дело панельный, другое – сталинский. И до дачи можно было дожить. И потом, Сочи разные – бывает частный фонд, а бывает «Дагомыс». И в «Дагомысе» есть номер с соседом – а возможен люкс… И «Жигули» разные: «копейка» от «девятки-длинное-крыло» сильно отличается.

– А было у тебя в этот последний год чувство конца?

– Было. Было! Вот ты сам вспомни, вот это… *(Кох имитирует прерывистое дыхание Черненко.)* Ну это ж конец! Все, задыхается человек…

– Но все равно мы думали, что Советской власти на наш век хватит…

– Но мы же чувствовали, что она меняется! По ТВ уже на Пасху шли «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады». Чтобы молодежь ночью на службу в церковь не шла. Чувствовали – уходит от коммуняк молодежь, уходит. Так вот вам, гадам, ваши западные Сан-Ремо. Только в церковь не ходите. Уже иногда раз-раз, да и «Машину времени» покажут. Уже «Кружатся диски» по ТВ. Ну вспомни! Ну уже было все! Хотя думал я, что всю жизнь придется жить тайным диссидентом, пытаясь не цитировать классиков марксизма-ленинизма в своих статьях и диссертациях… Стараться (хотя бы – стараться) иметь чистую совесть. Но то, что машинка выдыхается, я чувствовал,

чувствовал…

– А после, когда все кончилось, не было у тебя чувства: а чего мы вые…вались? Какой смысл в тех наших понтах? Были люди не глупей нас с тобой, вступали в партию, делали бабки и карьеры, и ничего страшного. Вон Игорь Малашенко, когда были те правила игры, в ЦК служил, а стали другие правила – пошел к Гусю нанялся… Все просто.

Комментарий Свинаренко

Малашенко мне рассказывал (в Москве еще, когда сидел в богатом офисе Гусинского, в бывшем СЭВе – в диктофон рассказывал): «Не скрою, я и тогда жил хорошо. У меня был исключительно высокий социальный статус. Зарплата рублей двести восемьдесят! Двухкомнатная квартира в цековском доме! (В так называемом Царском Селе – я ее получил от Академии наук.) Должность ученого секретаря! Командировки, стажировки в Америке! Ну что ж, такие тогда были правила! О'кей, я принял их и играл по ним. В этом отношении я конформист. Меня можно называть оппортунистом, а можно в позитиве назвать человеком мобильным. Для меня важно понимать правила игры! Я начинал как боец идеологического фронта. Участвовал в холодной войне на стороне Советского Союза. Всю изобретательность ума тратил на то, чтоб переиграть американцев! Так мы играем в шахматы, я люблю этот образ, это и про ядерную стратегию тоже. Хотя, безусловно, мы потерпели поражение в холодной войне, и я очень сожалею, что этот факт никогда не был признан открыто. Я считал, что из холодной войны надо выходить, абсурдность происходившего была очевидна… Но я, как в детском рассказе у Пантелеева, дал честное слово и стоял на часах. А теперь правила игры изменились… Мерилом успеха стали деньги? О'кей. Я играю. И я считаю, что действую достаточно успешно».

Не могу тут удержаться от того, чтоб не обозначить перекличку Малашенко с моим собеседником – я имею в виду знаменитое интервью Коха, которое цитировалось в начале книги, – о том, что русские сами во всем виноваты, поскольку сами себя сажали и расстреливали. После того как все внешние враги были побеждены. Так вот что мне Малашенко рассказывал в 1997 году: «Меня раздражают разговоры, что вот пришли нехорошие коммунисты и устроили революцию и тот режим. Как будто большевики были марсиане, прилетели на космических кораблях и изнасиловали бедную хорошую страну! На самом деле половина наших сограждан была готова посадить и содержать в лагерях другую половину – или вовсе расстрелять. Сколько было

истрачено и промотано за десятилетия! А из ямы выбраться до сих пор не можем».

И вот еще два примера. Один мой коллега, старший товарищ, сильный профи, как раз в 84-м вступил в партию – и немедленно ушел на заметное повышение. Его тут же стал возить шофер на казенной «Волге», в том числе и на обкомовскую промтоварную базу за дешевыми импортными шмотками. И вот он мне в то самое время говорил: «Старик, большевики – это всерьез и надолго. Поэтому надо с ними сотрудничать и брать свое». Он меня просто-таки стыдил за то, что я не вступаю в ряды… После он ушел в немедийный бизнес, поднялся и уехал со своей фирмой в бывшую социалистическую Европу. А вот еще один товарищ, чистейшей воды альтернативщик, со всеми феньками – церковный сторож, самиздат, гитара, самогоноварение, хиппизм, – где-то в 80-м мне сказал: «Через два-три года у нас в стране все изменится, мы будем путешествовать, зарабатывать деньги, вообще заживем как люди. Откуда я это знаю? Да так, просто чувствую». Ошибся он на три-четыре года, то есть практически, плюс-минус, в яблочко попал. Но после он, вот что странно, вот что досадно, так и остался альтернативщиком! (Были временные отступления, на уровне попыток заняться бизнесом и уходов, заходов в легальную коммерческую прессу, но его все равно выбросило в старую колею.) Тут просто ирония судьбы: одни ошибаются в прогнозах, неверно понимают ситуацию, но живут красиво при всех политических режимах, а другие все видят насквозь, на годы вперед, но это им не мешает перебиваться с хлеба на квас. Как говорил Чехов, цитируя по памяти Достоевского, чтоб жить по уму, одного ума мало…

– А вообще я никогда не ставил такой задачи: быть успешным любой ценой. Это такой детский идеализм, который мне вдалбливали в голову еще черт знает с каких времен – и родители, и покойная тетка, и дядьки, которые сидели на шахтах… А вот папаша у меня коммунист был! Что ты! Карьеру делал… Он был как Малашенко. Партфункционером, правда, не был никогда – он чистый производственник. Но на партконференции, задрав штаны, ходил… Хотя по большому счету чего ему было в коммунистах делать, они ж его законопатили за Можай в шестилетнем возрасте…

– Это ты ему так говорил?

– Нет, в принципе я его понимал, правила игры были такие. Сам себе пусть бы он задал этот вопрос! А мамаша – она была позлей, конечно.

– Ну и где у нас сейчас Малашенко?

– В Нью-Йорке; тоже нех…во. Вон куда кривая вывела, из ЦК-то КПСС… Я тебе не рассказывал, как я в разгар скандала с НТВ выступал в Вашингтоне в Никсоновском центре? Я им там говорил: «Как это так? Объясните мне! Вот я перед вами сижу – я, Кох, который, будучи кандидатом наук, работал дворником, потому что как беспартийный и с репутацией соответствующей не мог на хорошую работу устроиться… А теперь кто же учит меня демократии? Сотрудник ЦК КПСС Малашенко и преподаватель Высшей школы КГБ Киселев. И вы недоумеваете почему-то по поводу меня – а не по поводу их!» Ха-ха-ха.

– И чем ваша беседа с американцами кончилась?

– Если ты помнишь, после нескольких моих и Бори Йордана поездок в Вашингтон в столице США как-то спал накал страстей по поводу того, что в России душат свободу слова. Мы там подробно объяснили, что такое свобода слова в исполнении Гусинского и сколько он брал денег, чтоб не наезжать…

– Ну и сколько?

– Говорят, пятьдесят лимонов в год у него такса была. Говорят! А сам я точно не знаю. Я, во всяком случае, не платил ему ни копейки. Может, поэтому он меня поедом ел в 97-м году? Но вернемся к тем временам, к нашему 84-му. Почему я не колебался вместе с линией? Наверное, это идеализм, в этом не было рационализма. Думаю, что так… А может, меня просто не принимали в эту игру, а напрашиваться не хотелось. Лень, да и противно…

– А Париж, он же стоит мессы?

– Нет, не стоит. Вот ты посмотри! Я себе наметил карьеру, в которой можно было, не сильно наступая себе на горло, что-то делать: ассистент, старший преподаватель, доцент, профессор… Можно было остаться беспартийным и неплохо себя чувствовать материально. И при этом хорошие книжки читать, с умными людьми общаться… Например с моим покойным руководителем, профессором Овсиевичем. Бегать на лекции всяких мудрых стариков – знаешь, Панченко там, Гумилева. Лихачев иногда выступал. Заметь, это неплохой компромисс – в рамках той системы.

– А у меня тогда была интересная мысль – в конце концов пойти обратно работать сторожем или дворником и читать какие-то книжки. Мне это казалось привлекательной перспективой. Браги выпил, ходишь в телогреечке… Погрузил чего-то, пришел домой, заварил чифир с сухарями и читай себе…

– А придет товарищ, еще и «Агдамом» угостит.

– Да еще и идеалистка какая-нибудь даст, так и вовсе

хорошо…

– Это ж была целая эпоха андеграунда!

– Да и сейчас Юрий Рост ходит в телогрейке и подпоясывается обрывком каната…

– Что, понты? Зарабатывает-то прилично, наверное.

– Да мало он зарабатывает. А еще меньше его это волнует.

– Многие именно из-за женщин пытаются состояться! Соперничество имеет важное значение… А вот и важная тема обозначилась: формирование российской интеллигенции в условиях безвременья. Фуфайка, книжки за макулатуру, аскеза, которая не воспринималась аскезой – она радостная была! Книжки, общение, «Агдам», курево. Анаша… Путешествия автостопом по всей России. Драные джинсы, хиппизм поздний, который на Западе уже отошел давно… Вспомни! Это ж позитив! К 84-му интеллигенция (ненавижу это слово), молодежь из андеграунда – она нашла противоядие против Совка.

– В фашистской Германии тоже был ведь какой-то андеграунд.

– Нет, это плохая аналогия. Фашистскую Германию надо сравнивать со сталинской Россией. В одной стране все писали кипятком от товарища Гитлера, а в другой – от товарища Сталина.

– Римская империя?

– Едва ли. Мы знаем их нравы, но не знаем ментальности. Я думаю, что самая близкая аналогия нашему тогдашнему застою – это современные Соединенные Штаты. Наряду с официальной политкорректной культурой, в которой люди носятся со звездно-полосатыми флагами, где среди ковбоев якобы встречались негры, существует и альтернативная культура, которая живет абсолютно параллельно. Там люди курят марихуану, слушают другую музыку, исповедуют белый расизм… И они друг другу не мешают, они не лезут друг к другу!

– Ну да. В Штатах, там везде в прессе истерия насчет политкорректности и здорового образа жизни. Я этого страшно боялся, когда ехал жить в Moscow, что в штате Пенсильвания. Приехал, пошел сразу в бар, выпить и перекусить. А там все пьяные, накурено, хоть топор вешай, и одна дама, которую я первый раз в жизни видел, подсела и начала мне рассказывать похабные анекдоты – причем не ради похабности, но юмора для! Так что зря нас пугали… Могу официально подтвердить, что альтернативная культура там очень заметна и сильна.

– Вот и мне так кажется. При застое у нас был официоз,

потом его разрушила альтернативная культура. А сейчас официоз снова появляется! Так что опять нужно развивать альтернативную культуру. Показывать молодежи, что и как…

– И кто будет этим заниматься?

– Мы. Молодежь ведь сама не знает, как это делается, она жила в стране, в которой не было официоза и андеграунда. (Молодежь – это моя дочь, к примеру, старшая, она институт заканчивает.) А у нас есть ноу-хау. Мы сами все сформулируем, и они к нам перейдут.

– А есть ли у нас силы и желание этим заниматься?

– Не важно. Она и без нас формируется, я чувствую… Сейчас всем доступны мощнейшие технические средства, включая Интернет, чего при нас не было. Сейчас из Интернета можно списывать любую музыку, любое видео, тут же это записывать на диски и засаживать в CD-плейеры. Огромное количество факсов, принтеров, хуинтеров. Можно сделать любой дизайн, любую телепередачу.

– А мы-то их чему будем учить? Самогонку гнать?

– Самогонку гнать. Анекдоты травить. И пофигизму…

– А как ты собираешься совместить бизнес и пофигизм?

– Слушай, ну при чем тут бизнес? Какой ты странный! Ведь и в бизнесе существует тема доцента и старшего преподавателя! Если ты хочешь быть профессором-академиком политэкономии или там научного коммунизма – это одна история. А хочешь быть кандидатом, условно говоря, физматнаук – то можно обойтись без политкорректности.

– А, тут такая аналогия: либо ты сражаешься за «Славнефть» – либо ты хозяин двадцати киосков и доволен жизнью, так?

– Ну да. Или просто работаешь на security market – на рынке ценных бумаг. Тебя вообще никто не увидит: сидишь себе в Интернете, имеешь свой скромный заработок…

– Ну, там думать надо, в Интернете…

– Знаешь, чтоб стать кандидатом физматнаук, тоже думать надо. Причем даже больше, чем с научным коммунизмом. Это очень важная тема: создание альтернативной культуры, которая не противоречит официальной. Они развиваются параллельно, не мешая друг другу. Абуладзе, условно говоря, снимал «Покаяние», а Чхеидзе снимал «Твой сын, земля. Повесть о секретаре райкома». И никто никому не мешал. Помню, как тема альтернативной культуры звучала в 84-м году: в Питере возник рок-клуб, который объединил в себе Цоя, «Аквариум»…

– А потом она пропала, эта альтернативная культура.

– Она пропала вместе с официозом, альтернативу которому

она представляла. Сейчас процесс повторяется… Потому что тот официоз, который гонят ОРТ с РТР, – он требует альтернативы.

– Ну у нас какой-то веселый выходит официоз, не как раньше, когда Брежнев по всем каналам шамкал. Сегодня у нас госканал пускает сериал про положительных братков («Бригада»), потом гонит порнуху («Широко закрытые глаза») …

– …а в промежутке между этими веселыми рейтинговыми передачами госканал все равно нам рассказывает, какой чудесный у нас президент. Может, оно и так… Наверное, так… Скорее всего так… Но мне, по старой привычке, почему-то хочется услышать это от Солженицына, Войновича. Хотелось – от покойного Астафьева. Ведь Ельцина он хвалил. Ну на худой конец (раз Толстого нет), от Шевчука. Вот потому и нужна альтернативная культура. Помнишь, Маркс что-то в этом роде говорил: «Идея, охватившая массы, становится материальной силой». Вот то же и с альтернативной культурой: чем больше масс она охватит, оттащит от параши с официозом, тем более материальной станет. Да никакой не Горбачев сделал перестройку, это полная туфта! Нет, никто не отнимает у Михаила Сергеевича его заслуг; согласен, да, это он штурмовал Тбилиси, Баку и вильнюсскую телебашню, – все как положено… Но Горбачев был бессилен интеллектуально что-то противопоставить официозу.

– При Черненко он себя неплохо чувствовал. Гнал нам про Ленина, про партию-херартию.

– Ну конечно! Перестройку сделал не Горбачев. Перестройку сделал андеграунд! Альтернативная культура! Все эти Гребенщиковы, Цои, Макаревичи, Шевчуки, всякие Митьки, – как это ни банально, это именно они свалили официоз.

– Митьки свалили коммунистов? Голыми руками? Это ты как ученый-экономист мне рассказываешь?

– Ну не одни только Митьки. Еще же и цены на нефть пошли вниз! А это была основа нашего бюджета. Мы добывали при застое 600 миллионов тонн нефти в год. А сейчас – 350… Нефть в хорошие годы, когда энергетический кризис был, шла по 40 долларов за баррель. Это были просто какие-то невероятные деньги! В три раза больше, чем сейчас! Но жили, конечно, хуже. Потому что все деньги…дячили в ВПК. А потом наши месторождения начали иссякать, их же варварскими способами разрабатывали! Мы стали добывать все меньше и меньше. (А арабы, Венесуэла и Мексика – все больше, платформы в Северном море появились.) К тому ж цены на нефть пошли вни-и-из. На автомобили стали ставить более экономичные двигатели… В общем, бюджет стал беднеть… Ну, это длинная история. Мы

когда дальше по годам пойдем, я там подробней расскажу.

– Ты-то откуда это все знаешь? Ты же был простой аспирант.

– Так я ж после изучал, когда в правительстве работал! Я всю эту статистику видел!

– А, так ты назад откручивал?

– Конечно. Смотрел, где корни кризиса.

– Ты, значит, соображал…

– Ну. Я не верил в добронамеренность Горбачева! Я прекрасно понимал, что он зажат в тиски какими-то совершенно объективными причинами.

– Похоже на то… Иначе б он не был такой вялый и сдутый.

– Конечно. У него не было альтернативы! Надо было либерализовываться, чтобы дать толчок прогрессу… А такого впечатления, что сильно умный, он не производил.

– Ага… А ты, значит, хочешь сказать, что раньше коммунальная кухня была кузницей культуры андеграунда. А теперь это у тебя на даче в бане такая кузница?

– У меня в бане. У тебя в журнале. У Бори Йордана на канале, которого попросили с НТВ через неделю после этого разговора. Где угодно! Вот Масяня, ее гоняют по ТВ – это и есть пропаганда альтернативной культуры.

– А тебе она нравится, эта Масяня?

– Не важно, нравится мне она или нет. Но мне нравится, что это другой язык, другая стилистика. Мне не нравится, а дочка моя тащится.

– Мы давали эту Масяню в журнале «Медведь» еще до Парфенова. Я сам тоже этого не понимаю, но сочувствую идее.

– Нам какая разница – понимаем мы или нет? Mult.ru, где Масяня – сайт номер один по посещаемости.

– Я так понимаю, у тебя пошла такая блатная романтика сопротивления режиму.

– Да нету сопротивления! Это просто развитие параллельное. Сопротивляться бессмысленно – посадят, раздавят как букашку. Мы вам не мешаем – вы нам не мешайте. Этим 1984 год от 83-го и отличается. 83-й – это было обострение противостояния андеграунда и официоза. Официоз в связи со смертью вменяемого лидера отступил и позволил развиваться андеграунду. Эти две культуры развивались параллельно. После альтернативная культура, постепенно превратившись в мейнстрим, сожрала официоз.

Комментарий Свинаренко

Тут нестыковка. Получается, что и сейчас может сожрать! А Алик говорит – параллельно, мы вас не трогаем, вы нас не трогаете… А? Как же так? Очень важный вопрос! Зачем им надо, чтоб их еще раз сожрали? Скорей всего они как-то от этого постараются обезопаситься. Какими средствами предохранения? Цензурой? Посадят кого-то? Вышлют из страны? Перекупят самых ярких людей из альтернативки? Замечательно эта схема обкатывается на ТВ. Когда придавливается неофициозный канал, всем долго, нудно и доходчиво объясняется, что журналисты с этого канала при малейшей попытке сопротивления станут безработными, причем всерьез и надолго. Пара месяцев на свежем воздухе, на холоде – и такие журналисты задумываются о жизни. И можно быть уверенным в том, что в следующую разборку никто из них не станет созывать митингов. Стало быть, схема изобретена и работает?

– Тут по логике должен быть комментарий Коха.

– Ну что ж. Раз ты так считаешь, вот тебе мой комментарий.

Комментарий Коха

В годы застоя ты, да и все мы, как формировали свое представление о правде и неправде, о власти и народе, о справедливости? Из телевизора? Нет! Из книжек, из музыки, которую слушали, из кинофильмов, из общения друг с другом.

Тем не менее. Телевизор смотрели? Смотрели. Новости смотрели? Смотрели. Программу «Время» смотрели? Смотрели. Влияло это как-то на нас? Нисколько. Я вот почти всегда смотрел по телику первомайскую демонстрацию. И на ноябрьские – тоже. А что, поднимает тонус, хорошее настроение, сейчас гости придут. Пропагандистский эффект телевидения в пик застоя был нулевой.

Ну застращают талантливых. Перекупят слабых из талантливых. Ну и что? Чем более однообразным будет ТВ, чем более безальтернативным оно будет, тем меньше ему будут верить. Смотреть будут. Там «Песня-2004», «Огонек», сериалы, «Окна». Все в порядке. Рейтингами нельзя поймать веру. Ведь не так устроено, что верю – смотрю, не верю – не смотрю. Наиболее правильной оценкой альтернативы является такая: смотрю – и стебаюсь.

По мере усиления пропагандистской составляющей в телевидении в ущерб информационной уменьшается влияние

телевидения на настроения людей. Рейтинги не пострадают. Рекламные сборы соответственно тоже. Но электоральное поведение все меньше будет зависеть от позиции ТВ.

От официоза всегда пахнет тухлятиной! Эти деятели культуры, которые гуськом потянулись в «Единую Россию»! Фантастика! Лучшей антирекламы представить себе невозможно!

Диалог:
«– Я никогда не лизал жопу коммунистам!
– Почему?
– Потому что они мне не нравились!
– А сейчас?
– А сейчас другое дело. Сейчас нравятся».

Каково? Это почти дословно. Такие, брат, дела.

– А тогдашний мейнстрим выродился в чернуху, которую официально Госкино рожало на протяжении десяти лет, – про стрельбу и бандитов. Там артисты в белых костюмах от «Москвошвея» на подержанных иномарках 1972 года издания изображали крутых бандитов и якобы богатеев. Гафт какого-то вора в законе играл… Вот во что вылился совковый мейнстрим, вот на что тратились государственные деньги! А альтернативная культура чуть позже нарожала совершенно нормальные фильмы: «Такси-блюз», «Страна глухих». Это стало мейнстримом, уже подошли Каннские фестивали и все прочие дела.

– Значит, тебе кажется, что 1984-й похож на наше время?…

– Я считаю, что да. Потому что сейчас опять появился и очевиден стал официоз.

– Да, это точно. Он обозначился. Серые пиджаки, худые строгие офицерские лица… Как с букинистических плакатов…

– Я это чувствую. Предвестием официоза стал «Сибирский цирюльник».

– Там, помнишь, Михалков говорил – «Я хочу вам показать настоящую хорошую Россию». А что мы увидели? Начальника юнкерского училища…

– …алкоголика. Запойного.

– Да ладно б он был алкоголик – так он еще и негодяй.

– И брат царя там – пидарас.

– Единственного порядочного человека – ну, который главный персонаж – все сдают, причем в солдаты.

– А юнкера покрывают террористов.

– Ну да, это у него там как бы позитив. Как если бы

сегодня курсанты помогали прятать гексоген ребятам, которые взорвали ларьки в переходе на «Пушкинской». Или б к чеченским боевикам переметнулись. В общем, все в том кино твари и предатели родины… Ну и кинцо! Кстати, аналогичная ситуация была и с «Норд-Остом». Его подают как нечто патриотическое. А о чем там, если разобраться? Учитель предал и убил брата и женился на его жене. Лучший ученик – такой же подлец и предатель, мечтает убить друга. Там находится только один порядочный человек, который чудом, каким-то противоестественным образом выжил, хотя подлец уговорил самых главных начальников этому герою не помогать… Никого не удивляет, что там в сюжете кругом одни твари! Что там все начинается с казни невиновного! С немоты! И это нам преподносится не просто как триллер – что еще бы ладно, – но как русский патриотический сюжет! Вот чеченцы, может, и хотели именно это подчеркнуть. Что у русских считается патриотическим сюжетом. Но широкая публика намека не поняла.

– Да, допустим. Но если это не патриотические сюжеты – с чем я соглашаюсь, – скажи мне тогда, что в твоем представлении настоящая русская патриотическая книга! Что ж такое тогда русский патриотизм? Где он отражен? Дайте мне литературное произведение! «Железный поток»? «Разгром»? «Тихий Дон»?

– Гм. Может быть, «Бег», «Белая гвардия»? Не, тоже не то.

– Ну так где? Где русский патриотизм показан талантливо и красиво?

– Может, нам с тобой, инородцам, не понять русскую душу?

– Нет, давай все-таки определимся. Нам же в школе много чего задавали, мы столько прочли всего! Давай разберемся!

– «Как закалялась сталь»? Там человеку бабки не нужны, он строит узкоколейку, а потом ему ломают позвоночник и показывают пионерам. Гм. Или Маресьев – летчику отрезали ноги, а он все равно летает и воюет.

– Кстати, хорошая вещь – «Повесть о настоящем человеке».

– Так и я тебе о том же. Ты что думал, я шутки шучу?

– Человек бился с врагами. И ничего там нет плохого в тексте, кроме истеричного комиссара, который наезжал: «А ты же советский человек»…

– Что еще? «Чапаев»?

– Нет. Хотя – фольклорная такая вещь.

– «Молодая гвардия»?

– Ну это заказуха чистая. А чё ты в соцреализме роешься? Давай отойдем подальше!

– Бунин. «Деревня».

– Ага, тогда уж и «Утро помещика» Льва Толстого.

– Да-а-а… Платонов?

– Ну-у-у…

– Лесков?

– Посконный и домотканый?

– «Левша».

– О-о-чень патриотическое произведение.

– Его даже в школе проходят.

– Как обличение зверского царского режима.

– Но с блохой же он решил вопрос. Подковал, но она не прыгает, а наши все равно довольны. Царь там наградил кого-то… Шаламов?

– Плохо дело, если Шаламов – это позитивный патриотизм.

– Ну тогда слушай: «Один день Ивана Денисовича».

– Это да, патриотизм. Без дураков. Только не позитивный. А может быть, «Война и мир»? Хорошая вещь. Болконский, Безухов, тот же Николенька.

– А девушка трахается с негодяем Курагиным…

– …пока настоящие мужики воюют за родину… «Я был батальонный разведчик, а он писаришка штабной… а он спал с моею женой». Чисто Андрей Болконский.

– Ну и где же у нас позитив?

– Я тебе говорю, все равно «Война и мир». А еще сильно патриотическая вещь, – я считаю, воспитывающая охренительное отношение к русским людям, к России, к православию, – это «Казаки» Льва Толстого. Лукашка, вспомни, и девка эта, Марьяна, что ли. И «Севастопольские рассказы». Помнишь рассказы?

– Смутно очень. А Гайдар? «Судьба барабанщика». Там смелость, борьба, то да се… Папашу выпустили из лагеря…

– Да ну брось ты. Шпиономанией охваченная страна – патриотизм?

– Та-а-к. А что же у нас еще с патриотизмом? Платонов уже был, он не катит…

– Шукшин, например.

– Довлатов. Хотя нет – он эмигрант…

– Но ты же помнишь, как он описывал свою эмиграцию! Жена уехала, а ему скучно стало. Он думал – уе…вайте, а я тут без вас побухаю. Побухал – и стало тоск ливо.

– Бродский? «Лучше жить в глухой провинции у моря»? Тоже вяло насчет патриотизма.

– А его все время требует власть! Дайте нам патриотизма, что ж вы такие непатриоты?! А вот что самое интересное: Лев Толстой написал, как мы сейчас установили, больше всего

патриотических вещей произведений, а режим его ненавидел. Даже от церкви отлучили. Он чуть ли не в революционерах ходил. Странно, да?

– Вот ты, Алик, сравниваешь наш застой со Штатами; то есть ты считаешь, что и в Штатах все грохнется?

– Я думаю, что да! Они уже всех достали своей политкорректностью. Врут сами себе, корежат свою историю, выдумывают сказки о том, чего с ними никогда не случалось. Забыли про все! Например, про то, что в холокост американцы приняли что-то вроде закона о запрете въезда в страну евреев. Только в исключительных случаях. Эйнштейн там или Оппенгеймер. Ладно – Франция, ее победил Гитлер; но и Англия отказала евреям во въезде! Гитлер готов был их выпустить, он сперва не собирался их уничтожать! (Что, правда, все равно его не оправдывает.) Людям бежать было некуда! Евреев отправляли в концлагеря потому, что так называемые цивилизованные страны не пускали их по пятой графе…

Комментарий Свинаренко

«К идее массового уничтожения пришли не сразу. Поначалу была цель освободить Германию от евреев. Потом была присоединена Австрия, которую тоже надо было освободить от евреев. Их можно было согнать на восточные территории, но этому противились местные власти. Как один из вариантов рассматривался Мадагаскар; Эйхман целый год пропагандировал эту идею, но морями правила Британия и Эйхману велено было перейти к плану физического уничтожения», – писал мой знакомый Нильс Кристи, видный норвежский криминолог («Борьба с преступностью как индустрия», Идея-Пресс, 1999.) Под восточными территориями тут понимаются, видимо, оккупированные земли, в том числе и СССР… Правда, из текста той книги непонятно, что имеется в виду под местными властями, которые противились, – не то немецкие военные, не то гражданские менеджеры из туземцев?…

– А сколько у них вранья про негров? Самый яркий образ этого их вранья про американскую историю – это негр-ковбой. Да если б негр попытался влезть в техасские ковбои, в те времена, в девятнадцатом веке, он был бы линчеван мгновенно. Я был потрясен, когда в фильме «Робин Гуд, король воров» напарником Кевина Костнера был негр! Да еще с таким блестящим английским! Ну да, он не негр, он мавр – но с какой стати мавру сидеть в Палестине, в арабской тюрьме, что он там потерял? Я

сегодня с утра посмотрел «Игры разума». Так там у них в Принстоне якобы есть черный профессор математики! Индус – верю, китаец – верю. Но зачем это вранье с негром? Негр – профессор математики! В Принстоне! Я специально туда поеду на него посмотреть! Хотя что там профессор, вон в фильме «Deep Impact» у них вообще президент – негр… Я ничего не имею против негров… Неплохие ребята. Но зачем вранье?

– Да брось ты, никакая это не политкорректность. Это они так тонко издеваются над неграми. А негры не видят, где подъебка.

Комментарий Свинаренко

Меня это тоже смешило. Особенно на том фоне, что русские у них в кино – сплошь бандиты. Я даже написал про это в газете:

«Заметный процент русского зрителя смотрит и обижается: почему они нас искажают и показывают такими bad guys? Может, пожаловаться на Голливуд? Были ж, наверное, прецеденты? Обязательно кто-то жаловался, все же слышали про политкорректность! Вот ирландцы, баски, арабы, которые в американском кино почти сплошь отрицательные персонажи, террористы, жаловались?

– Нет, не жаловались, – объясняет мне Юля Дашевски, бывшая москвичка, а теперь сотрудница голливудской «Motion Picture Association» (она отвечает за связи с прессой).

– А итальянцы после множества фильмов про итальянскую мафию?

– Нет!

– А вообще кто-нибудь жаловался?

– Было дело! Чернокожие американцы, борясь за свои права, требовали, чтобы их не смели показывать в черном свете в фильмах. И ведь ребята своего добились! Теперь в фильмах почти все прокуроры, судьи, высшие чины ФБР и ЦРУ, генералы, даже в исторических лентах про события двухсотлетней давности, – черные!

Жалобы, надо вам сказать, прекратились. Афроамериканцы довольны. Похоже, они не догадываются, что это над ними так тонко издеваются».

Стоит нам только захотеть… И мы тоже будем ridiculous. Требовать от Голливуда, чтоб про бывшую империю зла (которая, впрочем, и теперь не сахар) он не снимал жутких боевиков, – это все равно как если бы евреи пришли к губернатору с просьбой запретить еврейские анекдоты.

Еще про негров. В своей книжке про Америку я когда-то

написал: «Русские очень похожи на американцев (вам про это обязательно кто-то уже говорил). Но только, конечно, не на всех. А на каких же? На тех, которые живут не только в Америке, но и в ряде других стран, где их тоже можно наблюдать…

…Они страшно самобытны и не желают учиться у более успешных соседей, перенимать их полезные привычки. Они полагают, что кто-то обязан о них заботиться, окружать социальной заботой. Там, где они живут, много винных лавок, маленьких и сумрачных. Пара-тройка местных толпится там у прилавков, ожидая, не нальет ли еще кто – добавить. Штукатурка на их домах облупленная, а асфальт на дороге весь в выбоинах. Они любят петь и плясать, и это их искусство благосклонно принимается в разных странах. Национальные их поделки из дерева хорошо раскупаются иностранцами на сувениры. А промтовары они делают такие плохие, что самим тошно. Экономика их держится в основном на добыче полезных ископаемых. Их начальники совершенно замечательно берут взятки… По этому показателю они занимают верхние строчки в мировых рейтингах. Еще эти начальники любят увезти казенные средства в цивилизованные заграницы и там припрятать. Кроме добывающих неплохо развиты у них и некоторые очень вредные производства, которые богатые иностранцы с удовольствием у них размещают. Вообще же они не сильны в производстве, зато охотно берутся что-нибудь распределять. Законы они не очень уважают, предпочитая им свое понятие о справедливости. Отношения с полицией у них вообще как-то не складываются. Никому не придет в голову оставить на ночь новый дорогой автомобиль возле их дома – не угонят, так непременно что-нибудь отвинтят, ну или просто стекло разобьют из «классовых» чувств.

Слабые их стороны и недостатки часто пытаются объяснить их рабским прошлым; от рабства их очень поздно освободили – многих в 60-х годах прошлого века, а иных значительно позже. Но и позже их массово использовали на принудительных работах, часто только за харчи, – и они это успешно терпели.

А как их освободили, так многие не хотели от хозяев уходить. Но после все же как-то разбрелись и стали вроде жить каждый своим умом… Правда, после Второй мировой войны они редко упускали возможность ввязаться в какую-нибудь локальную войну – и эти войны были бессмысленные, бесполезные и заведомо проигрышные.

Они не очень любят улыбаться, им кажется, что так они унижаются перед чужими, – и им спокойнее, когда лица их насуплены.

Вообще они не очень обязательные, пообещают – забудут сделать, сделают – так плохо… Они обыкновенно переходят дорогу на красный, когда другие стоят и ждут.

С особым гордым чувством они относятся к автомату Калашникова…

Вы с какой строчки уже знали, про что это я? Про то, что мы с неграми – близнецы-братья? Помните, Михалков-Кончаловский пересказывал слова кого-то из великих: русские потому мучаются вечными вопросами, что у них кожа белая; а будь она другого цвета, им легче бы было найти свое место в мире… Родство наше внутреннее с неграми не скрыть. Все равно вылезет».

– Я в Штатах и ЮАР расспрашивал белых, как они воспитывают детей в смысле отношения к черным. Вот типичная ситуация. Дети говорят: «Мама, ты что, дура, не видишь, что они тупые? Что они только пьют, и воруют, и играют в баскетбол, а работать не хотят?» Мама им в ответ врет, что негры такие же люди, как и белые. Дети чувствуют, что она врет, – и перестают доверять маме. Ситуация совершенно тупиковая. Если, мол, негры такие же, как белые, – значит, им надо доверять как своим, а это может привести к очень печальным последствиям. Если там кому-то не нравятся негры, об этом говорят только со своими – та же схема, по которой у нас раньше рассказывали политические анекдоты. Я там наблюдал ситуации, когда дети, только окончив школу, впервые слышали от взрослых расистские высказывания. А так – все врут.

– Точно, и когда на этом фоне мы увидели Тарантино – какой, помню, был приятный шок! Ну вспомни! Он же появился, пробился, «Оскара» получил! А Ларс фон Триер – тоже появился и пробился. А тот же Мендес? Достаточно традиционен, но всякие идеи новые подает… «American beauty» вспомни…

– Значит, ты думаешь, и у них идет этот процесс?

– Конечно. Я это чувствую. Когда бываю в Нью-Йорке. Идет постоянное обновление. Я не чувствую, допустим, рэпа, и в то же время мне непонятен успех на Западе нашей группы «Тату» – я чувствую, что я этого не догоню. Но точно так же, когда я слушал «Led Zeppelin», родители говорили мне, что я совсем спятил… А сейчас их поставь моей дочке, она скажет – ну зачем старье?… Это – понятно. «Ландыши, ландыши, светлого мая привет…»

Кстати, пока не забыл, раз уж про молодежь пошла речь. Чего не понимает тот же Путин, как мне кажется… Что для них, для молодежи, он всего лишь бренд. Путин раскручен, как бренд! Чисто коммерческими рекламными способами. Как трафарет Че

Гевары. Молодые не революционный пафос Че любят, а вот это сочетание черного, красного и беретки. Так вот и Путин для них – прикольный штамп. «Мочить в сортире», приемчики карате знает. А он думает, что уже любим народом! Но стоит ему, как бренду, выпасть, выйти в тираж – как водка «Распутин», – и все. А он думает, что добился народной любви. Но эта любовь – как к кока-коле!

Комментарий Коха

Немножко по этой теме, тоже о взаимодействии СМИ и власти. О влиянии последствий этого взаимодействия на электоральное поведение.

Сначала достаточно пространная цитата из книги Пола Джонсона «Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы», т. 2, с. 254:

«…Похоже, что Америка странно предрасположена к таким спазмам мазохистских политических эмоций, в которых теряется чувство перспективы и национальных интересов. Вспышка ксенофобии в 1918–1920 гг. была делом рук правого крыла Демократической партии. Антикоммунистической паникой в конце 40-х и начале 50-х годов руководили главным образом консервативные республиканцы. Уотергейтская охота на ведьм в отличие от них проводилась либералами в СМИ. На их взгляд, настоящим оскорблением со стороны Никсона была его популярность. Вопреки тому, что он еле победил в 1968 году, Никсон успешно обращался как президент через головы тех, кто формировал общественное мнение, и через доминирующих в конгрессе демократов к немодным, трудно выражающимся „средним американцам“, любящим свою семью, посещающим церковь, патриотичным, работящим и антилиберально настроенным. 3 ноября 1969 г. он произнес исключительно успешную речь, в которой призвал поддержать его международную политику тех, кого он называл „великим молчаливым большинством моих приятелей – американцев“. Тогда это положило конец кампании „уничтожения Никсона“, проводимой средствами массовой информации. Что касается кампании в 1972 году, Никсон был доволен, что демократы определили своим кандидатом ультралиберала Джорджа Макговерна. Никсон говорил своему персоналу: „Перед вами ситуация, в которой СМИ истеблишмента Восточного побережья наконец-то имеют кандидата, который почти полностью отвечает их взглядам… Истинная идеологическая симпатия „Нью-Йорк таймс“, „Вашингтон пост“, „Ньюсуик“ и трех телевизионных

сетей… на стороне амнистии, азарта, абортов, конфискации богатств (кроме их собственных), массового увеличения расходов на социальные нужды, одностороннего разоружения, ослабления нашей обороны и капитуляции во Вьетнаме… Наконец страна поймет, действительно ли то, что в последние пять лет поддерживают СМИ, представляет точку зрения большинства". Так или иначе, но Никсон одержал безусловную победу на выборах, получив в избирательной коллегии 521 голос против 17 и обеспечив себе 60,7 процента голосов избирателей… (*кстати, он победил и на Восточном побережье.* – А.К.).

В средствах массовой информации многие чувствовали себя не просто униженными триумфом Никсона, но и напуганными. Один влиятельный редактор сказал: «Нужно пустить кровь. Мы должны быть уверены, что никто больше и не подумает снова сделать нечто подобное…»

До Никсона СМИ действовали исключительно осмотрительно при огласке каких бы то ни было президентских проступков. Хорошо настроенные журналисты оберегали Рузвельта от разглашения его любовных историй. Делали то же самое и для Кеннеди, скрывая тот факт, что, пока он был президентом, держал в Вашингтоне квартиру для своих любовниц, одну из которых делил с гангстером… «Вашингтон пост» фактически помогла Линдону Джонсону очернить его главного обвинителя – сенатора Джона Уильямса. В то время как, будучи президентом, Линдон Джонсон брал взятки…

СМИ не проявляли такое снисхождение к Никсону. Как раз наоборот…

…Вьетнам, где на карту были поставлены мир всего земного шара и жизнь многих американцев, стал мнимым, а для Никсона и настоящим, оправданием для многих подозрительных действий. В секретности он видел первостепенную причину успеха. В 1971 году большинство секретных правительственных документов («Документы Пентагона») были похищены и переданы в «Нью-Йорк таймс», которая опубликовала их… Для Никсона, как говорил один из его коллег, эта публикация была «вызовом элитарной, никем не выбираемой прессы верховной власти выбранного демократическим путем правительства. На карту была поставлена мораль…»

А потом был уотергейтский скандал, раскрученный все той же прессой.

Какой вывод можно сделать из этой обширной цитаты? Их два.

Вывод первый. Победить на выборах можно и без поддержки прессы. Причем сокрушительно. Как Никсон в 1972 году. Как

Ельцин в 1991-м.

Вывод второй. Власть СМИ, а это реальная четвертая власть, нелегитимна. В те времена, когда формировались принципы трех властей и принцип сдержек и противовесов, а это вторая половина восемнадцатого века, никто: ни Джефферсон, ни Франклин, ни Вашингтон – не мог предполагать такого влияния, которое впоследствии получит пресса. Все три традиционные власти (исполнительная, судебная, законодательная) так или иначе черпают (или делают вид, что черпают) свою легитимность в опоре на волеизъявление народа. И лишь вновь народившаяся четвертая власть никак от него не зависит.

При этом на жизнь этого самого народа она влияет самым непосредственным образом, и зачастую сильнее, чем все три остальные. Что могут сделать правитель ство, парламент, суд и прокуратура? В худшем случае могут посадить в тюрьму или убить. Пресса же может значительно больше. Она может изменить сознание.

Поэтому, на мой взгляд, Путин все делает правильно. Он ставит прессу под контроль вполне легитимной исполнительной власти. Принципы классической демократии восстанавливаются. Опять – три власти, принцип сдержек и противовесов, все понятно, как работает. Нет сбоев в работе конституционных основ, вызванных шумами СМИ.

А народ? – спросите вы. А что народ? Народ будет вести себя так, как он обычно себя вел в подобных ситуациях. Он будет относиться к СМИ (и к ТВ в частности, и в самой большей степени) как к правительственным дацзыбао, в которых, помимо положенной развлекухи, услышит и прочитает оценку правительством работы правительства. «И лично дорогой Леонид Ильич…» Если хвалят Пупкина – значит, на повышение готовят, если ругают – то не жилец, скоро уволят. А что, в определенном смысле даже информативно.

Но, я здесь не побоюсь повториться, для принятия электорального решения мнение этих СМИ для народа станет – ноль. Зачем корячились, уважаемые?

Все понятно и хорошо. А за правдой и мнением народ пойдет в другое место, к другим источникам. Что из этого получится, один Бог знает. Как бы не кровь и поножовщина. Ведь эти альтернативные источники никто не контролирует, да и контролировать их невозможно. У них нет даже такого удалого хозяина, как Гусь. И лицензию не отберешь, поскольку ее нет. Вылезет какой-нибудь новоявленный Кашпировский и будет на стадионах проводить «сеансы» (прямо по фене). А потом раз – и к топору. Эффект самых невинных СМИ может быть абсолютно

непредсказуемый. Я уверен, московские власти не ожидали такого «бессмысленного и беспощадного бунта», который произошел после показа на уличных мониторах матча Россия – Япония. Я лично был в шоке.

Для того чтобы контролировать самиздат, в Совке приходилось держать огромную машину подавления с КГБ, доносами и психушками. Сейчас это невозможно в принципе. Даже если предположить, что это в планах.

Сегодня потребность людей в самиздате резко сократилась, поскольку всю необходимую информацию можно легко найти в легальных СМИ. Но если по мере «врастания КГБ в капитализм» свободный доступ к независимым источникам информации будет ограничен, а соответственно (эти две вещи, безусловно, связаны) доверие к официальным СМИ будет падать, то разовьется такой тотальный самиздат, в значительной степени анонимный, что результаты воздействия этого самиздата на головы наших граждан, как я уже говорил, предсказать невозможно, как невозможно было предсказать результат футбольного матча.

Я перечислю только несколько слов, которых не существовало в легендарные времена застойного самиздата.

Видеомагнитофон, DVD-плеер, CD-плеер, спутниковое телевидение, кабельное телевидение, Интернет, персональный компьютер, дискета, сотовый телефон, ксерокс, факс, принтер, мини-типография, поездки за границу… Уф, по-моему, достаточно. Если что и забыл, так это только лишний раз доказывает, что начнись тотальный самиздат в наше время, бороться с ним будет невозможно, даже если сильно сочувствовать этой идее. А степень воздействия и охват этого тотального самиздата будут таковы, что невинный застойный самиздат будет напоминать «детскую игру в крысу».

И самое, на мой взгляд, главное – этот самиздат в значительной степени не будет оппозиционно-политический (хотя и такой тоже), а это окажется такая абракадабра в духе «Аум сенрикё» плюс «все чиновники-пидарасы».

Мне – страшно. А вам?

– Да любой начальник думает, что добился народной любви.

– Нет, мне кажется, Ельцин такого про себя не думал. Он понимал, он эту трагедию осознавал. Посмотрел рейтинги свои перед выборами 96-го года – и все понял. Тогда и поднялся… Кстати, а что на международной арене было в 84-м?

– Как что? Да Олимпиада же! В Лос-Анджелесе.

– Точно! Как сейчас помню, мне принесли майку с

символикой Лос-Анджелесской олимпиады, хорошую майку, американскую, и по достаточно сходной цене… И я, типа, зассал ее покупать – ну как я ее надену? Как? Надену, пойду – и тут же мне ласты скрутят… Что ж, скажут, вы себе такое позволяете…

– Там какая-то интрига была, с этими Олимпиадами.

– Ну, они не поехали в Москву из-за Афгана, а мы, в отмазку, к ним не поехали.

– Мы что-то с этого поимели?

– Ничего не поимели. Они там отбегали свое, отпрыгали, а потом в 86-м Тернер с Горбачевым смастырили Игры доброй воли, чтоб их опять соединить, этих спортсменов.

– То есть это была такая последняя реальная попытка удавить Соединенные Штаты.

– Абсолютно беспомощная. Но и их попытка удавить Совок в 80-м году была тоже беспомощная. Потому что атлеты из многих стран приехали, просто ходили под белым олимпийским флагом, а не под флагом страны. А спортсмены США потеряли олимпийский цикл… Ну, Рейган! Он же тоже был ортодокс из ортодоксов…

– Сказал, что сломает империю зла, – и сломал! Видимо, он посмотрел на наших сонных полумертвых начальников и сказал – эту публику я сделаю одной левой.

– Но и, как мы уже обсудили, с нефтью случилось непредвиденное.

Комментарий Свинаренко

Самый конец 84-го года я провел на курсах в ВКШ – так называемой Высшей комсомольской школе, это напротив усадьбы «Кусково». Я туда поехал с радостью – на работу ж не ходить. А на лекциях я иногда бывал. Как сейчас помню, нам рассказывали, что в СССР появились индианисты – такие фэны краснокожего образа жизни, которые отпуска проводили в вигвамах под кличками типа Бешеный Бизон (вот вам, пожалуйста, и еще одно направление альтернативной культуры). Из этого вытекало, что надо усилить воспитательную работу среди молодежи. Помню, выступал перед нами один телефункционер, впоследствии, как водится, большой демократ. Его спрашивают: а что вы станете делать, если американцы, как обещают, начнут через спутник транслировать свои телепередачи на наши комнатные антенны? Ответ был такой: а мы этот спутник собьем ракетой.

Заявление громкое, но голословное. Общий же тон этих курсов подтверждал – правда, я это только задним числом сообразил, – что Совок сдувается. Нам там много рассказывали

про психологию, про то, что беседы с подчиненными иногда лучше проводить за журнальным столиком в углу кабинета, сидя в креслах – как бы на одном уровне. То есть партия уже не приказывала, а уговаривала. Сюда же и история про моего знакомого Колю, комсомольского функционера: ему объявили, чтоб собирался на работу в глухой Износковский (красивое название) район, с формальным повышением в должности, и он вынужден был согласиться. А на другой день объявил, что не поедет – жена против, не хочет детей сдергивать. Так функционеру за это ничего не было! И жене ничего не было. Теперь, наверное, они часто про ту ситуацию вспоминают.

– А мне, не поверишь, выпадали дежурства по всем номерам, как хоронили генсеков. И система постепенно отладилась! Навели порядок… Вот смотри. С Брежневым я в пять утра номер подписал. С Андроповым – в двенадцать ночи. А с Черненко – в 21:00, строго по графику. Поскольку уже все болванки были готовы, все написано – что, значит, партия еще тесней сплотилась вокруг ленинского ЦК.

Уже лежал готовый отклик передового кузнеца на смерть генсека – откуда он, кстати, знал, гад, что Черненко помрет? У меня был морально-нравственный облик неважный, и как-то некрасиво получалось, что именно я на такие дежурства попадаю… Я ходил по редакции такой пьяный, счастливый, гордый… Хотя – что же это мы вперед забегаем? В 84-м Черненко же был практически жив…

Бутылка четвертая. 1985

Коммунисты вырубают по всей стране виноградники. Несмотря на это, Кох, встретившись с Горбачевым в Ленинграде, испытывает «монарший восторг».

Михаил Сергеич поднимает свой рейтинг, выбросив на рынок новые товары – «ускорение и перестройку».

Провинциальный партаппаратчик Ельцин переезжает в Москву и, готовясь к борьбе с фаворитом, проводит маркетинговые исследования и задумывает рекламные поездки на троллейбусах.

Но Совок по-прежнему казался вечным.

Размышления о природе и особенностях русского бунта и отличие его от бунта, к примеру, американского.

– Итак, Алик, поехали. Значит, перво-наперво, чтоб началась так называемая перестройка и все такое прочее, надо было помереть лично Константину Устинычу Черненко.

– Это случилось 10 марта 1985 года.

– А тебе и его тоже было жалко, как и предыдущих персонажей?

– Да, жалко. А что, мне поэтому должно быть стыдно?

– Ладно, ладно… А сам ты чем в то время занимался?

– Я в аспирантуре учился. Мне наконец дали нормального руководителя. А то я целый год ведь болтался как говно в проруби – у меня был такой полупартийный ученый, который без конца занимался докладами то в обком, то в горисполком. И вот нормальный ученый из института социально-экономических проблем. Звали его Борис Львович Овсиевич. Он еще на полставочки работал в Ленинградском филиале математического института имени Стеклова и у нас в финэке на полставочки – профессором. Он уже помер, царство ему небесное. И вот для

отработки этой полставочки ему дали двух аспирантов – меня и Леню Лимонова. Собственно, тогда-то я и начал писать диссертацию. Потому что в 84-м году занимался дурью какой-то.

– Как и весь советский народ. Но тут Горбачев пришел. Его назначили начальником похоронной команды, когда Черненко помер, и все поняли: он! Выбор сделан…

– Я помню, как он всех удивил тем, что на трибуну демонстративно ставил стакан молока.

– Не помню молока. И потом, почему обязательно молоко? А может, это был тройной одеколон разбавленный? Цвет тот же… Непрозрачная белая жидкость. Если куском сахара закусить, то и ничего. Потом, правда, отрыжка сильная, такая цитрусовая. Послевкусие.

– А помнишь, слухи ходили, что он по-английски умеет говорить? Что он весь из себя такой западный? И баба у него была не толстая, как у всех, а изящная…

– Ну. И она его и всех прочих пыталась отвратить от пьянства – как всякая жена в России.

– Сизифов труд!

– У всех сизифов, а Раисе Максимовне, царство ей небесное, эта борьба удавалась. Не только своему не дала пить, а и всем прочим – за компанию.

– Да он, говорят, вообще не склонен…

– А я читал, что привык там у себя на юге пить красное и потому водка ему не казалась такой уж жизненно важной.

– У меня папаша тоже с юга, из Краснодарского края, и он в Тольятти тоже пытается выращивать виноград – с упорством маньяка. Сахара виноград не набирает и прокисает тут же.

– А ты скажи, пусть перегоняет. Будет нормальная чача. Да. Так, значит, вступает в должность Горбач, и в апреле он в первый раз делает программное заявление – на пленуме, что ли. Он начал что-то такое говорить…

– Типа, так дальше жить нельзя.

– Ну. У Андропова интонации были живые, а этот еще и смысл вложил какой-то человеческий. Вот, мол, вы на кухнях треплетесь, а я вам о том же с трибуны скажу. Надо работать, не пудрить мозги никому, ставить вменяемых людей на должности…

– А не позже ли это все началось? Надо разобраться. О, вспомнил, я же генерального секретаря вот практически как тебя видел!

– Ну-ка с этого места подробнее.

– Слушай. В Питере есть такая площадь Восстания. Там раньше стоял памятник Александру III (скульптор Паоло

Трубецкой), который сейчас во дворе Русского музея. Такой основательный всадник на основательном же першероне. Помнишь?

– Ну. В шапочке такой круглой, аська называется.

– А напротив была церковь, которую потом снесли, и на ее месте поставили станцию метро «Площадь Восстания». В эту церковь ходил академик Павлов. Даже в советское время он, лауреат Нобелевской премии, ходил туда молиться каждый день. Ему, как человеку заслуженному, не возбранялось молиться. А как только он помер, церковь и снесли.

– Вот интересно как! Глянь, формальности соблюдены, политкорректность налицо.

– Старику не мешали! В этом гуманность Советской власти проявилась.

– Во-во. А сейчас, кстати, отметили шестидесятилетие со дня смерти Вавилова – и в Питере на том месте, где он хранил образцы элитного зерна, теперь ставят резиденцию дорогого вождя и любимого руководителя.

– Да-да! Говорят, коллекция миллиарды долларов стоит.

– Ее даже в блокаду не съели.

– А сейчас уничтожат.

– Лучше бы Арманду Хаммеру продали. Как мы любим.

– Так он помер давно.

– А…

– А еще в 85-м году было сорок лет Победы. И в ее честь на ватрушке – ну, на клумбе, где был раньше памятник Александру III, – воткнули такой обелиск.

– Фаллический.

– Ну, он больше на стамеску похож.

– Которая тоже, в общем, является фаллическим символом. С элементами совершенно порнографической точности: там есть некоторая нофаллическая сплюснутость.

– Короче, обелиск наподобие того, что на Пляс де ля Конкорд. Не египетский, но тоже из монолита. Так вот, на открытие этого памятника, на майские, в Питер приехал Горбачев. Он как раз тогда начал ходить в народ. И тут появился собственной персоной на углу Лиговского и Невского. Там еще аптека была… А я как раз мимо прошел! Я только подстригся на Суворовском и шел пешочком в институт. И вижу – Горбач идет ровно на меня! Так я…

– Не томи! Ну что ты ему сказал?

– Да ничего. Я был в десяти метрах от него. Можно было при проворстве определенном подойти и потрогать рукой. Но вместо этого я забрался на фонарный столб. И смотрел оттуда.

– А зачем ты на столб залез? Типа, ты выше его?

– Нет-нет! Чтоб получше разглядеть!

– А поближе-то ты почему все-таки не подошел?

– Ну… Мне, собственно, его не о чем было спрашивать.

– А теперь, задним числом, представь, что ты сегодняшний говоришь с ним тогдашним – и?…

– Мне сегодняшнему с ним тогдашним говорить тем более не о чем. Ну посуди сам. Если я ему расскажу, что случится дальше, после 1985 года, то он мне не поверит, а его тогдашнего слушать мне сегодняшнему – уволь. Все эти его благоглупости.

Давай я тебе расскажу, что я тогда испытал, – мы же говорим об ощущениях эпохи! Так вот, я испытал ровно те чувства, которые испытал Петенька Ростов, увидев государя. Помнишь это место в «Войне и мире»?

– Нет. Ну-ка давай, освежи мне это в памяти!

Комментарий Коха (вернее, Л.Н. Толстого)

Итак, Л.Н. Толстой, «Война и мир», книга третья, глава 21.

> «…За обедом государя Валуев сказал, оглянувшись в окно:
>
> – Народ все еще надеется увидеть ваше величество.
>
> Обед уже кончился, государь встал и, доедая бисквит, вышел на балкон. Народ с Петей в середине бросился к балкону.
>
> – Ангел, отец! Ура, батюшка!.. – кричали народ и Петя, и опять бабы и некоторые мужчины послабее, в том числе и Петя, заплакали от счастья. Довольно большой обломок бисквита, который держал в руке государь, отломившись, упал на перилы балкона, с перил на землю. Ближе всех стоявший кучер в поддевке бросился к этому кусочку бисквита и схватил его. Некоторые из толпы бросились к кучеру. Заметив это, государь велел подать себе тарелку бисквитов и стал кидать бисквиты с балкона. Глаза Пети налились кровью, опасность быть задавленным еще более возбуждала его, он бросился на бисквиты. Он не знал зачем, но нужно было взять один бисквит из рук царя и нужно было не поддаться. Он бросился и сбил с ног старушку, ловившую бисквит. Но старушка не считала себя побежденною, хотя и лежала на земле (старушка ловила бисквиты и не попадала руками). Петя коленкой отбил ее руку, схватил бисквит и, как бы боясь опоздать, опять закричал «ура!» уже

охрипшим голосом.

Государь ушел, и после этого большая часть народа начала расходиться.

– Вот я говорил, что еще подождать, – и так и вышло, – с разных сторон радостно говорили в народе.

Как ни счастлив был Петя, но ему все-таки грустно было идти домой и знать, что все наслаждение этого дня кончилось…»

– Короче, Петя Ростов испытал монархический восторг. И я, и я испытал! Я, двадцатичетырехлетний аспирант, испытал монархический восторг… И долго-долго еще был под впечатлением. Толпа рассосалась, я пошел к институту. И что-то во мне такое происходило: я любил царя. Потом я такого больше никогда уже не испытывал. Даже когда с Ельциным разговаривал… или с Путиным…

– Я тебя вполне понимаю. Я это помню! Казалось – вот страна, родина, сейчас мы сделаем что-нибудь для России… Помню, получил письмо от знакомой девушки, которой незадолго до того излил свои верноподданнические восторги. Она была удивлена моим пафосом, который ранее мне был совершенно не свойствен. А еще помню, как мы с товарищем смотрели ТВ в апреле 85-го и бухали, а там Горбач. Я подумал – а далеко ли он зайдет? Не демонтирует ли он, часом, коммунизм?

– Ну, в 85-м этого еще не было видно. Еще ситуацию описывали на уровне социализма с человеческим лицом.

– Это да, но мне мечталось, что он такой же, как мы!

– А, гримаса истории! Общались как-то. Хотя… он же учился в университете в одной группе со Зденеком Млынаржем, одним из авторов Пражской весны. Они ж, наверное, что-то там обсуждали. Хотя в моем представлении Горбачев – достаточно бессистемный человек. Мыслил он тогда по части образами. Например, социализм с человеческим лицом – хорошо звучит! И чтоб компартия сохранилась, и чтоб ее народ любил, и все работали, и каждый на своем месте. И чтоб никого не сажали и в психушке уколы не делали.

– Что он думал – нам неизвестно. Давай его обсуждать по делам. Вот 17 мая 1985 года вышло историческое постановление о борьбе с алкоголизмом.

– И понеслось – виноградники стали вырубать…

– С чего это все-таки?

– Да там много было… исследований. И Лигачев еще как-то участвовал…

– Ну ты как экономист – скажи!

– Для экономики это абсолютно деструктивная вещь.

– Но ведь с водки же бюджет обычно питается!

– Это только финансовая сторона! Есть же и другие: ментальность, отношение народа к власти и так далее. Мы уже говорили, что Андропов это хорошо поймал – наоборот, дешевую водку дал. А этот взял – и виноградники порубал! Ну, водку отними, ладно, а виноградники зачем вырубать?

– А это как заставлять Богу молиться… Помнишь анекдот-притчу, как полицию заставили переводить слепых через дорогу? На другой день по всей стране полиция ловила инвалидов, била их дубинками и тащила через дорогу. Те орали, что им вообще-то в другую сторону надо, и тогда составляли протоколы о сопротивлении властям. По той же приблизительно схеме: давайте, типа, бороться с алкоголизмом! Давайте. А вот для начала вырубим-ка мы виноградники!

– Как раз накануне у чехов закупили несколько десятков пивзаводов. И все оборудование – под нож, в металлолом.

– Однако кое-где таки пустили в дело. Но перепрофилировали эти линии под квасной концентрат. А тот густой и из банки не лился. Банку приходилось распиливать ножовкой. Может, действительно в нашей стране невозможно принять красивый указ? Ты их потом сколько принял?

– Много.

– И что, тоже каждый раз до идиотизма доходило?

– Указы разные бывают. Запрещающие указы, как правило, работают плохо. Как вода находит дырочку, так и народ все равно находит какое-то противодействие. А есть указы, которые отменяют существующие запреты. Вот они всегда хорошо выполняются.

– То есть хорошо бы пошел указ об отмене борьбы с алкоголизмом?

– Вот, помню, в 91-м, что ли, году, когда уж совсем голодуха началась, Ельцин выпустил указ о свободной торговле.

– В декабре 91-го. И сразу на Тверской выстроились бабушки и стали торговать шпротами и майонезом с зеленым горошком. Я там, помню, к Новому году затарился.

– И менты этих бабушек в одночасье перестали гонять, и сразу жрачки кругом полно стало, откуда ни возьмись! Этот указ, кстати, спас страну.

– А тот указ по алкоголизму – его, разумеется, сразу стали подкреплять идеологически. Прессой в том числе. И я

тоже вынужден был бороться с алкоголизмом.

– Ну расскажи, расскажи!

– Во-первых, я своим товарищам-журналистам смеялся в лицо. Журналисты ведь – самая пьянь. Всегда была, исторически.

– И военные.

– А военные журналисты – это вообще особо. У меня был знакомый репортер из военной газеты, так он разорился на такси. Он даже до метро не мог дойти – все время пьяный, небритый, туфли на босу ногу… Галстук забыл, фуражку потерял… В общем, до первого патруля. Невыносимые условия создали человеку. Выйти из дома для него была целая история.

– А у меня был знакомый офицер – капитан Иващенко (на сборах). Так он выработал систему – как себя обезопасить от патрулей. Он все время раскачивался! Даже трезвый! И когда шел пьяный, считали, что это у человека такая походка.

– Это на сборах, где все свои. А в Москве попробуй-ка!

– А на каком основании ты товарищам смеялся в лицо?

– Поскольку я, сам утомленный пьянством, добровольно сократил потребление алкоголя на свою душу.

– Это ты в который раз снизил? Ты же уже снижал ранее!

– Ну, второй или третий. И после снижения 1984 года дошел до такой стадии, что мог дня три или даже четыре не пить. Это была по тем временам страшная экзотика. Остальную братву колбасит, люди мучаются, не знают, где бухла взять! А я над ними издеваюсь: «Ну что, попали, алкоголики? Так вам и надо! Мы, приличные люди, пьем по праздникам, а не как вы!»

Примечание Свинаренко

Старые записи. Даже как-то кощунственно это все звучит… Но из песни слова не выкинешь!

Апрель 85-го. «Субботник. Пьянка, но небольшая. Грандиозную удалось предотвратить».

Июнь 85-го. «Выходные. Сижу дома и пишу очерк. Уже 11 страниц готово. Я сейчас в хорошей форме. Надо эту форму любой ценой сохранять. Хорошо, что вышли ограничения с питьем».

Октябрь 85-го: «Я в хорошей форме. Продолжать в том же духе. Не пить! Я и не пью. Уже давно. Пью помалу и редко».

– И еще мы рейды проводили по пьянству и алкоголизму,

прессу ж заставляли. Так я придумал такую форму рейдов, чтоб они приносили пользу людям. Идет, значит, рейдовая бригада в кабак, берет водку и закуску. Все пьют, а я только делаю вид: наливаю в рюмку минеральную воду (ну вот как мы у Парфенова в «Намедни» пили воду под видом водки и картинно морщились). Потом требуем счет. Ну, там, как обычно, написано: 40 и 40 = рубль 40 и так далее. Проверяем счет, требуем менеджера, или как это раньше называлось. Кабацкие орут, что мы пьяные и ничего не соображаем, скандалим. И тут поднимаюсь я в белом костюме: «Кто пьяный, я? Вы ошибаетесь. Вот сейчас мы запротоколируем проверку, и я поеду в медвытрезвитель проверяться на алкоголь». Борьбу с пьянством я повернул в мирное русло, превратил ее в борьбу за справедливость.

А за водкой ездили в какие-то отдаленные райпо, где выдавали бутылки по счету – как патроны. Вместо водки часто подсовывали коньяк. Или «Habana Club».

– «Habana Club» – хорошая вещь! Он был даже дешевле русской водки. На разницу можно было купить еще бутылочку пепси-колы. А когда «Habana Club» (то есть ром) бодяжишь с пепси-колой, и пить легче, и вкусней получается, чем водка. Я лет через десять только узнал, что таким эмпирическим способом мы пришли к хорошо известному и банальному коктейлю, который называется «Куба либре». Но я еще ж и самогоноварение на тот момент продолжал! Хлебную гнал. Поскольку водка пропала, то я с особенным рвением упорствовал в грехе. Куплю – хорошо, а нет – у меня кислушка есть.

– Анекдоты были: «Остановка “Начало очереди к винному”. Следующая остановка – “Винный магазин”».

– И частушки. «Водка десять, мойва семь, ох…л мужик совсем». И стихи: «Стала жизнь тяжелою, стала жизнь несладкою. Что же ты наделала, голова с заплаткою?»

– Помнишь, мальчик спрашивает: «Папа, раз водка подорожала, ты теперь меньше будешь пить?» – «Нет, сынок, это ты будешь меньше есть». Да… Вот еще что интересно – как партаппаратчики на местах воспринимали тогда происходящее. С того первого горбачевского пленума возвращается в Калугу секретарь обкома. И сразу случилось беспрецедентное. Впервые в жизни главный калужский коммунист собрал не журналистское местное начальство, чтоб ему пошептать на ухо, а всю прессу. И не у себя, а в Дом печати лично пришел. Народу набилось, люди толпятся, на головах друг у друга сидят – как на картине «Ленин и план ГОЭЛРО». Мы подумали – ну, началось… Сейчас скажет:

«Ладно, поваляли дурака, и хватит. Больше не будем щеки надувать, своих придурков расставлять, начинаем серьезно работать и искать нормальных людей, которые что-то умеют. И не надо больше „Голос Америки“ слушать – теперь вы сами будете про все писать». Но секретарь нам рассказывал про другое – где какая делегация сидела, как они рассматривали Горбача, что давали в буфете… В общем, перестройка на него произвела глубокое впечатление.

– Ну, Горбач только пришел, в 85-м еще маразм крепчал…

Примечание Свинаренко

О! Вспомнил! Мы говорим – вот, 85-й, перестройка, туда-сюда, высокая лексика и блатная романтика политической борьбы. А ведь на конец 85-го пришелся еще один наезд на меня провинциальных комитетчиков… Причем жесткий и агрессивный – опять речь шла о вербовке. Опять книжки какие-то изъяли… Возмутительно, да? Кругом перестройка и разгул демократии, а тут… Ну чего привязались, как не стыдно, да и зачем им такой клиент, как я? Глупо вроде. Но если вернуться к нашей второй главе, где мы говорили про КГБ, то логика в том давнем наезде есть. Им, возможно, дали указание провести последний призыв перед уходом в подполье. Причем брать надо было самых неожиданных персонажей, на которых никто б и не подумал. Типа меня. Чтоб потом проводить политику Комитета. Никому бы и в голову не пришло, что такого парня кто-то дергает за ниточки – причем кто!

– Только первые маячки появились, что вот-вот что-то забрезжит. Но надежду Горбач дал сильную!

– Дал. И поэтому мы как-то не придали значения тому, что он сразу пошел рубить виноградники.

– А он на Лигачева это спихнул. Он любил спихивать – я не знал, я был в Монголии. Нам же давали утечки, что это борьба внутрипартийных группировок. А сам он все время между струйками бегал, еще в ЦК.

– А Ельцин был тогда?

– Не помню. Давай посмотрим! *(Залезли в Интернет.)* Ага! Он с 85-го по 87-й был в МГК.

– Вот оно что! Мы еще не знали, а они уже тогда начали мериться…

– Не знаю, не знаю… В 85-м этого противоречия еще не было!

– Но Борис Николаевич уже присматривался, учился – как ездить на трамвае…

– Нет, он начал демократией увлекаться, когда его в отставку

отправили. Когда на пленуме подвергли резкой критике и сказали: «До свидания, дорогой товарищ». В 85-м один Горбач солировал.

– А остальные понимали, что на этом рынке Горбач занял лидирующее положение и надо активно заниматься маркетингом, что-то придумывать… Да, вот еще! Я почему сбавил потребление алкоголя? Не только от усталости. Но и из трансцендентальных соображений: хотелось выйти за пределыналичного бытия, поднять какой-то серьезный проект. И вот я начал печататься в московских больших газетах. И слегка критиковать местную власть. Представляешь, открывает секретарь обкома «Советскую Россию», а там написано: «В Калужской области до хера отдельных недостатков». И моя подпись. Шок! Меня, бывало, вызывали в обком для строгих бесед. Какой-нибудь начальник рассуждает вслух: «Вот смотри, кто ты и кто я. Ты – мелкий служащий, ты даже ниже инструктора стоишь в иерархии. А я тебе – царь, Бог и воинский начальник. Ты весь в моей власти. И вдруг я получаю орган ЦК, а там написано, что я – практически говно. Я теперь обязан писать им ответ на бланке: „Спасибо за критику, правильно вы мне указали, обещаю к годовщине революции принять меры…“ И выходит, что это я перед тобой так унижаюсь! Разве это справедливо? Не по понятиям это…» Я ему объяснял, что тут ничего личного, это как раз именно по понятиям, ведь бандиты же не обижаются на ментов, что те их ловят. Потом еще заметка выходит. Они не могут меня уесть напрямую, и потому заходят с фланга – обкомовская бригада десять дней работала по моим следам и написала десять страниц опровержения: неверно интерпретировал, не с теми говорил, злобно не отразил явные успехи, исказил политику, неверно осветил и проч. Вызвали меня на бюро обкома и сказали, что пора уж поставить вопрос о моем пребывании в партии. Я им ответил, что такая постановка вопроса для меня большая честь, потому что я в этой партии никогда и не состоял. «Как, – спрашивают, – ответственный секретарь газеты – и беспартийный? Ладно, иди. А вот вы, секретарь парторганизации газеты, останьтесь, с вами будет отдельный разговор…»

Еще я вспомнил важное событие 85-го года: одна девушка мне не дала. Это случилось 10 июля.

– Что, такое с тобой в первый раз случилось? Ты даже дату запомнил…

– Да нет, не в первый, конечно. А дату совершенно

случайно запомнил, так вышло. И еще, может, потому, что она это сделала с особым цинизмом. После прошли годы, и эта девушка мне звонит.

– Ой, батюшки!

– Звонит – хочет устроиться на работу! Приходит…

– А ты ей говоришь: «Помнишь, ты мне не дала?»

– Нет, я сказал: «Какие ж вы, бабы, корыстные люди! Только материальной выгоды для! А когда я был молодым, подающим надежды, бедным…» Не взял я ее на работу. И еще пристыдил.

– «И всю тебя мне тоже не надо».

– Не надо. А что, значит, еще у нас было в 85-м?

– Да больше и ничего. Был просто какой-то неясный оптимизм. А конкретных представлений о том, куда двигаться дальше, не было.

– Все и говорили – оттепель!

– Ну да. Еще даже ничего не публиковали. Все на уровне острой партийной критики. Не более.

– Лигачев был злостный партаппаратчик. А Ельцин обычный партаппаратчик.

– Не звучал еще. А на международной арене что было? Рейган – и больше ничего.

– Ничего. А личная жизнь?

– Ну что, я женат был. Дочке уже пять лет… Чего ж тогда обсуждать личную жизнь – мою жизнь с женой?…

– Кухня, перины – что интересного?

– Какие перины! Соломенные матрасики.

– А куда ты ездил?

– Каждое лето, как из ружья, я ехал к отцу на Волгу и там проводил все лето. Строили дом папаше. Дом кирпичный в итоге построили настолько большой, что родителя обвинили в нарушении партийной этики и чуть из партии не исключили. Объявили выговор и с работы выгнали. Он куда-то в УКС устроился. Получилось как? Он купил дом, мы в нем поначалу даже пытались жить, но после оказалось, что это невозможно – дом без фундамента, нижние венцы прогнили… В старом доме всего одно лето прожили, а потом таки снесли его. Зато очень красивое место! С участка видно Волгу, пароходы идут…

– А нельзя было жить в старом и тем временем строить новый?

– Где ж там второй дом строить? Участок всего-то 12 соток.

– Стало быть, у вас все шло по горбачевскому плану! Вот, будем перестраивать, чтоб с человеческим лицом… А после один хер сносить пришлось. Ну-ну…

Примечание Свинаренко

Я в те годы ездил только в командировки по стране – в Кузбасс какой-нибудь, в Рязань, в Иваново, в Вильнюс, в Питер, кстати. Брал отпуск в своей калужской газете – и вперед. Калужские начальники были страшно мной недовольны… Редактор газеты пытался перед ними выслужиться. Он, к примеру, не давал мне отгулов ни под каким предлогом. А ну как я в этот день сделаю заметку в большую газету, а там опять поклеп? Я придумал, однако, безотказный ход: стал сдавать кровь. А донору за каждый стакан крови положено два отгула, по закону, вынь да положь. Так вот с утра бежишь на станцию переливания, тебе втыкают в вену толстенную иголку – а ты как бы работаешь невидимым кистевым эспандером, чтоб кровь легче вытекала. Ну вот, а после в редакцию со справочкой: а ну-ка мне два отгула! Так редактор, вот ведь человек, их мне давал тут же. «Мне, – говорю, – не нужно сегодня! Сегодня я отработаю!» – «Нет, – отвечает, – по закону я имею право один отгул тебе сразу дать. Вот я тебе и даю. А один останется…» Я себе свободу покупал буквально кровью. А он мою кровь выплескивал на землю. И ведь считал себя не то что порядочным, но и вовсе принципиальным человеком. Как сейчас помню – все пытался изобразить мудрую улыбку. Наверное, в каком-то фильме про секретаря парткома подсмотрел. Еще так улыбались артисты в фильмах на пролетарскую тематику, изображая старого мудрого рабочего.

Сегодня, когда журналистское ремесло в стране в упадке, почти на нет сошло, кругом один пиар, про это очень, очень странно вспоминать…

– Есть разные пути. Один прошла Чехия, другой – мы, третий – Китай. Вот тебе три сценария.

– Наш путь – самый в никуда.

– Почему? Я так не считаю.

– Не считаешь?

– Не считаю.

– Ну, вяло ведь у нас пошло и вяло идет!

– Получилось то, что получилось. Я считаю, что Горбачев человек не шибко-то добронамеренный, но и не злонамеренный. Он хотел, чтоб и волки были сыты, и овцы целы, а так не бывает.

– Ну вот видишь. И я о том же, что ни туда, ни сюда. Но ты, значит, думаешь, что могло быть и хуже?

– Могло! Маразм бы крепчал, ситуация в экономике ухудшалась бы в силу объективных причин, гайки бы закручивались, закручивались, закручивались… Застой бы совсем

обленился и совсем испаскудился. Я не исключаю того, что случились бы бунты… Это только кажется, что вот есть народ, 150 миллионов (а тогда почти 300 миллионов человек), и что всю палитру его мнений якобы представляют политические партии – от КПРФ до СПС. Ну, в 85-м и такого деления не было, тогда были только правые и левые, причем со знаком наоборот. Но я убежден, что это не так. На самом деле в человеке сидит что-то от Бога и что-то от дьявола. Я думаю, что божественное в человеке – это некая пленочка, которая обволакивает дьявола, сидящего внутри.

– Ты думаешь, все настолько плохо?

– Да. Это не инь и ян.

– Только пленка?

– Да… Только тонкая пленка! Налет цивилизации, способность жить в общежитии, выстроить некий социальный мир… А если этого дьявола выпустить, то его потом загнать обратно очень тяжело. Очень тяжело! Вот в Гражданскую войну выпустили, и потом потребовались жуткие репрессии, чтоб загнать его обратно. Ты сам про это писал в комментариях.

– Да что – я! Еще Кюстин про это писал, про русский бунт.

Комментарий Свинаренко

Из записок знаменитого маркиза де Кюстина о России.[2]

«Недавно в одной отдаленной деревне начался пожар; крестьяне, давно страдавшие от жестокости помещика, воспользовались суматохой, которую, возможно, сами и затеяли, и, схватив своего супостата, посадили его на кол, а затем изжарили живьем в пламени пожара; они почитали себя невиновными в этом преступлении, ибо могли поклясться, что злосчастный помещик хотел сжечь их дома и они просто-напросто защищались. Чаще всего в подобных случаях император приказывает сослать всю деревню в Сибирь».

Бунт кончился тем, что «со всех сторон подоспели значительные военные силы. Уже с раннего утра уезд, где зародилось восстание, был окружен; по всем деревням наказывали каждого десятого; наиболее виновных приговаривали не к смерти, а к ста двадцати ударам кнута, и они погибали; остальных затем сослали в Сибирь».

«Если кому-нибудь когда-нибудь удастся подвигнуть русский народ на настоящую революцию, то это будет смертоубийство упорядоченное, словно эволюции полка. Деревни на наших глазах превратятся в казармы, и организованное кровопролитие явится из хижин во всеоружии, выдвигаясь цепью, в строгом порядке;

одним словом, русские точно так же подготовятся к грабежам от Смоленска до Иркутска, как готовятся ныне к парадному маршу по площади перед Зимним дворцом в Петербурге». Если это не вставлено позднейшими умниками, то Кюстин таки точно тонкий человек. Он много чего написал такого, что нам о себе и неоткуда было узнать – мы же лишены возможности на себя глянуть со стороны.

А вот еще один иностранец.

«Петр сам допрашивает этих преступников (стрельцов) под пыткой; затем, по примеру Ивана Грозного, он делается их судьей и палачом; он заставляет бояр, сохранивших ему верность, отрубать головы неверным боярам, которых только что приговорил к смерти. С высоты своего трона он бестрепетно наблюдает за казнями; более того, сам он в это время пирует, смешивая с чужими муками собственные наслаждения. Захмелев от вина и крови, держа в одной руке чарку, а в другой топор, он в течение часа сносит собственноручно двадцать стрелецких голов и, гордый своим страшным мастерством, приветствует каждую смерть новым возлиянием. В следующем году в ответ то ли на бунт царевых янычар, то ли на жестокую расправу с ними во глубине империи разгораются новые восстания. Верные слуги Петра приводят в цепях из Азова в Москву восемьдесят стрельцов, и снова царь собственноручно отрубает им головы, причем бояре его обязаны во время казни держать казнимых за волосы» (История России и Петра Великого, сочинение господина графа де Сегюра. Париж: Бодуэн, 1829).

Чем нам интересны эти иностранцы? Своим холодным взглядом. Нашим ведь сразу хочется себя, своих как-то оправдать, приукрасить, чего-нибудь про богоносцев вплести ни к селу ни к городу, что и среда заела, климат виноват и проч. В этом я вижу принципиально важную особенность русского мозга: увидев некую проблему, он сразу нервно кидается искать причину и оправдание. То есть русский человек не исправляет, не решает проблему, а подходит к ней с философского бока. Это еще не страшно. Страшное же я вижу в том, что, найдя ответ на отвлеченный вопрос, он совершенно успокаивается! Считает, что уже долг свой выполнил! И утрачивает к теме интерес! Вопрос остается нерешенным, а люди довольны – и ситуацией, и собой. К примеру, вот все эти рассказы про бунты. Русские мыслители – и серьезные, и бытовые, кухонные – осмысление бунта сводят к исконной тяге этноса к свободе и справедливости. И – всё. Что же до иностранцев, то их больше занимает практическая сторона

проблемы. Они, например, могут сделать промежуточный вывод – русских понять невозможно, они непредсказуемы (чем наши, кстати, по какой-то странной причине усиленно гордятся). И вывод окончательный: русским нельзя доверять – своих вон как увлеченно и легко режут, так отчего ж им и чужого не приморить. Русские тут страшно могут обидеться: мало ли кого мы в сердцах можем прибить, чего ж тут такого!

Ну да хватит цитировать иностранцев и их комментировать, я теперь от себя пару слов скажу. Пушкин для описания русского бунта взял два эпитета: бессмысленный и беспощадный. Тут надо прямо сказать, что он другого-то, нерусского, бунта не видел, будучи совершенно невыездным. А русский бунт видел вялый – когда декабристы выступили. Настоящего же, пугачевского, он и сам не видел, опоздав родиться, и судил о нем ну вот как мы о событиях октября 1917 года и последующих. Но вот эту красивую фразу насчет русского бунта уже двести лет как помнят и цитируют. Хотя и Французская революция была жестокой… Но в ней был смысл! Менялась менее прогрессивная форма правления на более тонкую, и производственные отношения менялись с последующим ростом производительности труда! А в русском бунте главное не то, что он беспощадный – везде так! – а то, что он бессмысленный. Не зря именно это слово на первом месте. Бессмысленная трата времени и ресурсов, включая людские. Ничего, кроме смены персонажей у руля и у кормушки. Таким образом, можно сказать, что революций в России и не было никогда. Ибо что такое революция? Это скачок в развитии, «глубокие качественные изменения в развитии каких-либо явлений природы, общества или познания». Другое дело – русский бунт: пограбили, поубивали в свое удовольствие, а после наводить порядок и снова приступать к работе, наверстывать упущенное и восстанавливать разрушенное. Видимо, главное отличие бунта от революции в том, что он не дает роста производительности труда. Он как буйство футбольных фанатов – бесполезная трата времени и ресурсов. С возвращением в ту точку, в которой находились до бунта.

Это как бы русская версия карнавала, когда все дозволено и можно смеяться над начальниками, плевать на нормы морали. Более близкие к карнавальной ситуации скоморохи у нас не приветствовались, так что вместо игры в бунт выходил чисто бунт.

– А Лев Толстой? Он писал про народ-богоносец, который конокрадов в Тульской губернии ловил и жег заживо, не

дожидаясь полиции.

– Разве в 85-м возможен был бунт?

– Я не говорю именно про 85-й, но вообще тогда, в тот период, было возможно и такое направление! У, что бы было! Там самое главное – переступить. Когда толпа переступит, когда кровь почувствует… то уж ее не остановить – только пулей, только расстрелами. А слова «Люди, одумайтесь!» не помогут.

Комментарий Коха

Эх, Игореша! Нашел кого цитировать. Астольфа де Кюстина. Он в России-то и года (1839) не прожил. Его мемуары – смесь слухов, анекдотов и переданных через десятые руки фактов. А вот тебе настоящие историйки. Сейчас ты получишь. Я не шучу! Ты уверен, что готов? Тогда – держись… Путешествие в русский бунт начинается…

Для разминки – крестьянские бунты в Украине в 1648 году: «…холопы, вооружившись чем попало, составляли загоны и действовали вразброд по собственному почину и на свой страх. Они назывались также казаками; но случалось, что Хмельницкий даже не знал об их существовании. Как только такой загон появлялся в известной местности, крестьяне присоединялись к нему и врывались в дом своего пана. Тут уже все гибло: и старые, и молодые, и слуги, если только они были не православные; имущество же грабилось и делилось между участниками. Пограбив помещичьи усадьбы, они обращались на укрепленные замки, осаждали, брали их; наконец, выдерживали целые сражения, если опомнившиеся от испуга шляхтичи успевали организовать какой-нибудь отпор. Чем большее сопротивление встречала такая шайка или такой отряд в своем опустошительном движении, тем более жестокой была расплата. Женщин нередко насиловали на глазах мужей, младенцев разбивали о стены, доставшимся же живыми в плен полякам придумывали всяческие казни: их резали, вешали, топили, распиливали пополам, сдирали с живых кожу и так далее…

…Еще страшнее народная месть разразилась над евреями… И вот почти разом сгинуло… почти все еврейское население Украины…» (Цит. по: Яковенко В.И. Богдан Хмельницкий. Его жизнь и общественная деятельность. 1902 г.)

И как же обойти вниманием Степана Тимофеевича Разина?… Крестьянский бунт под его предводительством, Астрахань, 1670 год: «…Шумно и весело праздновали казаки свою удачу в Астрахани. Ежедневно шла гульба и попойки. Стенька Разин постоянно был пьян и в таком виде решал судьбу людей, в чем-

либо провинившихся и представленных ему на суд: одного приказывал утопить, другого обезглавить, третьего изувечить, а четвертого, по какому-то капризу, пустить на волю…Он же велел взять поочередно обоих сыновей убитого князя Прозоровского… Старшего, 16-летнего, он спрашивал, где таможенные деньги, собиравшиеся с торговых людей. „Пошли на жалованье служилым людям“, – отвечал княжич и сослался на подьячего Алексеева. „А где ваши животы?“ – продолжал он допрашивать и получил ответ: „Разграблены“. Обоих мальчиков Стенька велел повесить за ноги на городской стене, а подьячего – на крюке за ребро. На другой день подьячего сняли мертвого, старшего Прозоровского (16 лет) сбросили со стены, а младшего (10 лет) живого высекли и отдали матери…» (Цит. по: Иловайский Д.И. Отец Петра Великого, 1894 г.)

А вот характерный отрывок из «Истории Пугачева» А.С. Пушкина.

1773 год, окрестности Оренбурга:

«…Между тем за крепостью уже ставили виселицу; перед ней сидел Пугачев, принимая присягу жителей гарнизона. К нему привели Харлова, обезумленного от ран и истекающего кровью. Глаз, вышибленный копьем, висел у него на щеке. Пугачев велел его казнить и с ним прапорщиков Фигнера и Кабалерова, одного писаря и татарина Бикбая…

…Наконец мятежники ворвались в дымящиеся развалины. Начальники были захвачены. Билову отсекли голову. С Елагина, человека тучного, содрали кожу; злодеи вынули из него сало и им мазали свои раны. Жену его изрубили. Дочь их, накануне овдовевшая Харлова, приведена была к победителю, распоряжавшемуся казнию ее родителей. Пугачев поражен был ее красотою и взял несчастную к себе в наложницы… Вдова майора Веловского, бежавшая из Рассыпной, также находилась в Татищевой: ее удавили. Все офицеры были повешены. Несколько солдат и Башкирцев выведены в поле и расстреляны картечью…»

А может быть, посмотрим на бунт XX века? Поехали…

Н. Крышевский так описывает поведение матросов в Крыму в 1918 году (Архивы русской революции, т. 13, с. 107–108): «… Наутро все арестованные офицеры (всего 46 чел.) со связанными руками были выстроены на борту транспорта и один из матросов ногой сбрасывал их в море, где они утонули. Эта зверская расправа была видна с берега, там стояли родственники, дети, жены… Все это плакало, кричало, молило, но матросы только смеялись. Среди офицеров был мой товарищ, полковник Сеславин, семья которого тоже стояла на берегу и молила матросов о пощаде.

Его пощадили – когда он, будучи сброшен в воду, не пошел сразу ко дну и взмолился, чтобы его прикончили, один из матросов выстрелил ему в голову.

Ужаснее всех погиб шт. – ротм. Новацкий… Его, уже сильно раненного, привели в чувство, перевязали и тогда бросили в топку транспорта «Румыния»…»

А вот А.И. Деникин в своих знаменитых «Очерках русской смуты» пишет: «…смертника вызывали к люку. Вызванный вылезал наверх и должен был идти через всю палубу на лобное место мимо матросов, которые стаскивали с несчастного одежду, сопровождая раздевание остротами, ругательствами и побоями. На лобном месте матросы… опрокидывали приведенного на пол, связывали ноги, скручивали руки и медленно отрезывали уши, нос, губы, половой орган, отрезали руки… И только тогда истекавшего кровью, испускавшего от нечеловеческих страданий далеко разносившиеся, душу надрывающие крики – русского офицера отдавали красные палачи во власть Черного моря…»

Чтобы не сложилось у тебя превратного представления о какой-то особой жестокости матросов или о всеобщей ненависти именно к офицерам, вот тебе другой отрывок. Из доклада К.К. Краснушкина в казачий отдел ВЦИК, Дон, 1919 год («Судьбы русского крестьянства». Кн. 1): «…Трибунал разбирал в день по 50 дел… Смертные приговоры сыпались пачками, причем часто расстреливались люди, совершенно невинные, старики, старухи и дети. Известны случаи расстрела старухи 60 лет – неизвестно по какой причине, девушки 17 лет – по доносу из ревности одной из жен, причем определенно известно, что эта девушка не принимала никакого участия в политике… Достаточно было ненормальному в психическом отношении члену трибунала Демкину заявить, что подсудимый ему известен как контрреволюционер, чтобы трибунал, не имея никаких других данных, приговаривал человека к расстрелу…»

Белые, разумеется, тоже в долгу не оставались. Также жгли краснопузых в топках, вырезали на спине звезды… Красные в ответ казакам резали на ногах лампасы… В общем, уровень озверения с обеих сторон достигал пугачевских кондиций… Нет, не смягчаются нравы…

Но может быть, конец XX века нас порадует разгулом милосердия и смягчения нравов? Смотрим – Г.Н. Трошев. «Моя война. Чеченский дневник окопного генерала»: «…о том, что их ждет в плену у „добрых“ чеченцев, особо не задумывались. Приведу здесь слова капитана Сергея Н., томившегося восемь месяцев в яме под Шали: „Об одном просил Бога – быстрее умереть…“ Об избиениях, садистских пытках, публичных казнях и

прочих „прелестях“ чеченского плена говорить можно долго – читателя этим не удивишь. Но вот отрубание голов, снятие кожи и скальпов с живых солдат, распятые тела в окнах домов – с таким федеральным войскам впервые пришлось столкнуться в Грозном…».

Простые русские парни тоже в долгу не остаются. Доподлинно неизвестно, насиловал ли Буданов Эльзу Кунгаеву, перед тем как задушить, или нет (непонятно только тогда, почему они оба оказались абсолютно голыми, когда зашли вызванные Будановым солдаты). Во всяком случае, суд этого не установил. Но суд совершенно точно установил, что, уже мертвую, ее насиловали солдаты, которым было дано указание ее закопать, и даже засунули ей в половой орган черенок лопаты. Это, конечно, не скальп с живого человека, но физиономия озверения здесь тоже, по-моему, довольно хорошо проглядывается.

Отсутствие нравственного прогресса за последние пять веков совершенно очевидно, как и наличие прогресса технического. Таким образом, опасность превращения христианнейшего народа в стадо обезумевших зверей сегодня так же актуальна.

– Мне кажется, можно формализовать условия, при которых возникает бунт. Не хочется ссылаться на Ленина…

– Почему же? Ссылайся, хрен с ним.

– …но он писал, что революционная ситуация возникает тогда, когда есть объективные и субъективные предпосылки. Объективные – это *(тут оба автора хором цитируют классика)* «повышение выше обычного нужды и бедствий народных масс». Налицо была эта предпосылка особенно в 88-м, в 89-м. Выше обычного! И здесь с субъективными есть тонкость. Верхи не могут, низы не хотят – это больно общо. Народное стремление к бунту, как и все прочее животное, подсознательное, что сидит в каждом из нас, – страсть к насилию. Поливание друг друга газировкой в Думе, полемика в прессе, драка с женой, пейнтбол, секс, политическая борьба – тоже некий эрзац бунта. Потенциал агрессии, который есть в каждом индивидууме, должен иметь выход… То же самое и с потенциалом агрессии целого народа. Его тоже нужно во что-то сублимировать, давать выход. А иначе случится бунт.

Комментарий Коха

На моей памяти Россия стояла на пороге бунта два раза. Первый – в 1991 году, когда был ГКЧП. И второй раз – в 1993 году, расстрел Белого дома. Оба раза погибли люди. В первый раз

– трое, и случайно. Во второй раз – около 140, и совершенно не случайно.

Однако масштабных бунтов удалось избежать. Сразу оговорюсь, что такой исход серьезного противостояния получился едва ли не впервые в русской истории. По чему?

На мой взгляд, вольно или невольно, но властям удалось направить народную агрессию в сравнительно мирное русло. Народу дали суррогат бунта – легальную политическую борьбу. Каждый вечер на экранах телевизоров и в других СМИ люди видели, как чиновники, политики, народные избранники поливают друг друга грязью. Наносят друг другу чудовищные оскорбления. Обвиняются во всех смертных грехах. Трахаются. Дерутся. Пьяные как свиньи. Великое множество абсолютно свободных СМИ предложило народу политиков на выбор. От коммуниста-сталиниста до либерала-анархиста. От черносотенного державника до воинствующего русофоба. По воскресеньям митинги на любой вкус и цвет. Череда референдумов и выборов. «Барух Эльцин!» «Банду Ельцина под суд!» И так далее.

И – получилось. Бунт не состоялся. Произошла сублимация звериной жестокости в интернетовскую «стрелялку». Имитация бунта оказалась прививкой от бунта настоящего.

Наши цари, включая Ленина и Сталина (да и Хрущева с его Новочеркасском), были готовы противопоставить стихийной народной агрессии превосходящую ее по жестокости организованную машину государственного террора. Они были готовы утопить любую попытку бунта в море народной крови. И не раз это делали.

Нынешняя власть, фактически отменившая легальную политическую борьбу, явочным порядком введя «закон об оскорблении величества», готова к проявлениям неповиновения?

Вот упадут цены на нефть, усилятся выше обычного нужда и бедствие – и что? Механизм сублимации агрессии фактически демонтирован. Будем стрелять? Топить в крови? А?

«Борьба нанайских мальчиков» в Думе не отражает и 10 % спектра народного мнения.

Имитацией бунта можно остановить настоящий бунт. Имитацией бунта является реальная, гласная и легальная политическая борьба, а не имитация политической борьбы, когда за позволением на критику Кремля бегают в Кремль же. Имитация имитации – это уже вторая производная, это не работает.

Прошу не считать данный комментарий призывом к бунту. Просто мне страшно.

– Вот почему в 17-м году прежняя власть потеряла власть? Созрели объективные предпосылки, это да. Но самое главное, власть не давала народу сублимировать свою агрессию во что-то.

– Привет, а война с немцами?

– А никто ж не хотел этой войны! Никто не хотел воевать, люди не понимали, за что борются. На нас никто не нападал, мы сами напали.

– Чтоб получить проливы! Был смысл!

– Да ты поди объясни темному крестьянину, на что ему эти проливы! Вот когда фашисты на нас в 41-м напали, там все понятно. Правы, не правы, хотел Сталин первый напасть или нет, это мы только сейчас разбираем. А тогда все было ясно. И то сколько народу сдалось в плен! Пропагандистски так развернули ситуацию, что вот враг напал, а мы невинные овечки. И… получилось! А когда никто не нападал, когда сами напали, да еще из-за каких-то сраных сербов?

– Они ж, типа, братья.

– А татарину они братья? А кавказским туземцам? Дикая дивизия там сотнями ложилась – какие они ей, сербы, братья? А немецкие генералы, которые у царя в генштабе сидели и командовали нашими войсками, учили, как с немцами воевать? Вон у Борьки Йордана дед – полковник Генштаба, воевал в Первую мировую против немцев же, сам немец прибалтийский, – ну какие ему братья сербы?

Комментарий Свинаренко

Когда был последний балканский кризис, я перед началом наземной операции в Косово аккредитовался в штабе войск НАТО в Скопье – столице Македонии.

Я тогда писал: «Уж кто сербам самые ближайшие и дорогие братья, так это македонцы. И что ж они – все, как один? Не сказать. Вот, например, ночь, центр македонской столицы Скопье. Как раз народ расходится с дискотек. И я задумчиво смотрю на ребят призывного возраста, которые со своими подружками уходят в темноту, – причем не против НАТО партизанить, но предаваться мирным восторгам любви. А в эти минуты через венгерскую границу пробираются на помощь братьям-сербам, которых они отродясь в глаза не видели – ну кроме Гойко Митича, – голодные русские добровольцы, имеющие при себе смену белья и пять долларов на карманные рас ходы…

– Совести у натовцев нету! – возмущается остановленный мной на улице македонец. – Это ж надо! Да как они смеют?!

НАТО своим солдатам даже овощи и воду везет самолетами из-за океана! Они своих фермеров обогащают, а по справедливости должны у македонских крестьян еду покупать! Да это подрыв нашей экономики!

Я пытаюсь сочувствовать, но это выходит неубедительно – ведь минуту назад этот же прохожий требовал от России в моем лице поставок зенитных ракет СС-300.

– Нашу экономику из-за них лихорадит! – продолжает он. – Хорошие курвы (*так здесь ласково называют проституток.* – И.С.) стоили 40 долларов, а НАТО взвинтило цены до 150. Плюс еще курвам принято давать бакшиши – ну, золото, кольца…

– Так это ж вроде инвестиции, то есть положительный фактор для экономики, так?

– Ага, положительный! Так после бомбежек Белграда этих негодяев не пускают в город! И такая важная отрасль сферы обслуживания загибается!

– Ну и?…

– Так пусть побольше русских добровольцев приедет! Им же хорошо платят! Что, бесплатно? Да вы шутите! Так не бывает.

Полицейский на выходе из лагеря беженцев дергает меня за майку со словом «Moscow» и, преданно глядя в глаза, говорит слова, к которым я привык за эти дни:

– НАТО – но гуд. НАТО – капут! Русия не помога? Что проблем?

Я решительно останавливаюсь, пора поговорить с ними начистоту, пришло время наконец объясниться:

– Ты сколько получаешь? 500 марок? И дом у тебя свой? И машина есть? Хорошо. А твои русские коллеги живут в степи, в вагончиках, после того как их выгнали из Европы. И зарплата поменьше твоей, и вся задержана. Климат у нас мерзкий, да еще Чечня, президент (тогда эту должность занимал Ельцин Б.Н.) в больнице живет который год, от коммунистов житья нет. Тошно! А тут еще ты и требуешь от меня начать мировую войну. Молодец, нашел момент!

Я говорил с ним резко на правах старшего брата. Он слушал молча, и его дружки тоже. Помолчав, они достали из сумки полдесятка крашеных яиц, оставшихся от недавней Пасхи, – видимо, в рамках гуманитарной помощи нашим бедным офицерам».

Еще я там, в македонской столице Скопье, пошел в болгарское посольство, послушать – они ж братья ближе нашего. У нас вон настроения, добровольцы собираются, а вы как? Какое у вас брат ство?

И вот я начал болгар расспрашивать – как они стремятся на

помощь братскому сербскому народу? А они мне отвечают: как нас достали уже эти сербы, мы из-за них в НАТО не можем вступить и в ЕЭС, потому что войны все время; примешь, а потом вступайся за нас да разрушенное восстанавливай. И войны были Балканские между ними, и Македония у них спорная территория, до сих пор не могут поделить. Оба раза сербы болгар кинули. И территории забрали. Это тоже еще в начале XX века. Мы, кстати, в то время тоже чуть не ввязались в те Балканские войны. Пронесло…[3]

– А эта знаменитая история – когда австрийцы спрашивают: «А что вы, сербы, такие крутые, когда вас вон там пару миллионов всего?» Те отвечают, что с русскими их двести миллионов.

Вот тебе впечатление из детства. Ходит по двору мальчонка и всех достает, потому что у него есть старший брат, который может навешать. И этот мальчишка залупается и по делу, и не по делу. Ему следовало бы навалять, но никто его не трогает – с братом не хотят связываться. Тогда люди приходят и говорят этому старшому брату: «Ты уйми своего брательника, достал уже». А брательник что должен сказать? «Да пошли вы, я все равно его защищать буду»? Ведь что получилось с той войной? Замочили Франца Фердинанда не в Сербии, а в Сараево, на австрийской территории. И что сделал Гаврила Принцип? Свинтил, спрятался в Сербии. Австрияки говорят: «Выдайте нам его!» А сербы отвечают: «Мы проведем расследование, у нас суд присяжных, демократия и все такое». Те говорят: «Хорошо, а можно наших следователей включить в бригаду?» – «Никак нельзя, суверенитет». – «Да ведь наследника замочили, вы чё!» – «Все равно никак нельзя». – «Ну мы тогда на вас нападем!» – «А мы тогда русским пожалуемся, и русские на вас нападут». И что это, как не потворство терроризму? Вот если бы сейчас, условно говоря, наследника президента США какой-нибудь арапчонок завалил и спрятался где-нибудь в Ираке, и американцы б сказали: «Выдайте нам этого арапчонка!» – Ирак не выдает, а привлекает Россию…

– Это как если бы при живом Ельцине застрелили Немцова в бытность его наследным принцем! Как Ельцину было бы обидно!

– Ну, я не буду комментировать убийство Бориса Немцова, дай Бог ему здоровья.

Комментарий Свинаренко

Снова из моих балканских записок:

> «Не обученный языкам таксист сделал мучительное лицо и изъяснил мне свои чаяния на языке жестов.
>
> – Русия! – сказал он, сжимая кулак. – Америка! – Открыл ладонь. А после кулаком хлопнул от души по ладони и спросил: – Когда?
>
> И денег не взял. Руку, дающую ему 100 динаров, он отвел словами: «Не треба». Это он сказал на македонском, который в данном случае совершенно совпал с украинским. Так вот я что-то не помню, чтоб меня в Украине возили бесплатно за то только, что я репортер из России».

– А не был ли и Советский Союз террористическим государством? СССР подавлял чехов и венгров, слал оружие в Африку, поддерживал партизан Мозамбика и Анголы, которые нападали на ЮАР, диверсантов тренировали в наших военных училищах – курдов, палестинцев и прочих…

– А ты в Вест-Пойнт поезжай посмотри, сколько там иностранцев учится!

– Ну и что?

– Ничего. Я думаю, это общемировая практика. Тем более если речь идет о сверхдержавах. Они любят-любят какого-нибудь Бокассу, а потом оказывается, что он детей ел.

– Вот не надо лишнего наговаривать. Он ел только взрослых. Что мне еще нравится, так сама терминология: «Усиление выше обычного нужды и бедствий». То есть бывает некий хороший, нормальный уровень нужды и бедствий.

– Ага. Вот я тебе приведу в пример черную общину Лос-Анджелеса. Живет она в своей обычной нужде и стандартных бедствиях. А потом два полицейских отделали черножопого…

– Ты хотел сказать – черножопого афроамериканца.

– Да. Избили – и началось такое! Почище всех этих бунтов в черных гетто Детройта и южных городов…

– Да там не нужда и бедствия, там неправый суд был и негры возмутились!

– А ты видел видеозапись? Нет? О-о! Все началось с видеозаписи… Вот смотри: у нас место негров в московской комьюнити занимают кавказцы. Допустим, ты кавказец. И ты прекрасно понимаешь, что такое московские менты, как с ними себя нужно вести и так далее. Потом ты, будучи азербайджанцем, выпиваешь водочки, встречаешь трех ментов на патрульной машине и, пьяный, начинаешь их обкладывать: «Эй, вы, пидарасы сраные!» Они: «Ты поаккуратнее, парень». А ты еще громче:

«Ложил я на вас!»

– Они ему, кажется, дубинку в жопу засунули?

– У меня таких данных нет. По моим сведениям, они его втроем начали метелить. И это все – на видеокассете.

– А кто записывал?

– Да кто-то из соседнего здания.

– У нас, видишь, прокурор для видео позирует с блядями, а у них менты перед камерой негров мочат. Разные менталитеты, что и говорить.

– И теперь представь себе, идет суд над этими ментами. А те говорят – да он, типа, оскорблял при исполнении, вот мы его и отмудохали. Суд говорит: «Ты, парень, вел себя антиобщественно, и они тебя призвали к порядку, а бился ты головой сам об асфальт, чтоб подставить ментов…» И тут приносят видеозапись… Вот посмотрите, пожалуйста!

– И дальше что?

– А дальше их, полицейских то есть, конечно, посадили. А в черных гетто начался бунт.

– А с чего бунт? Посадили же.

– Так посадили, только когда бунт начался. А бунт начался, когда эту кассету по ТВ показали. Что тут сказать? Я, белый человек, не рискнул бы пидарасить полицейских в Нью-Йорке. Тем более будучи пьяным – плохо кончится. Я бы не рискнул пидарасить ментов и в Москве! Не стал бы. Пьяный. Ночью. Один.

– Вот ты рассказываешь, а у меня всплыло в памяти очень теплое воспоминание о московских ментах. Это было при Советской власти еще. Едучи с похорон, мы с товарищами зашли в подъезд с бутылкой, добавить. А кто-то из соседей стуканул, вызвали ментов, те нас забрали в отделение возле Савеловского вокзала и заперли в «обезьяннике». И сигареты забрали! Я говорю – верните, а они не дают. Я орал, требовал начальника, и пришел некий офицер. Я ему говорю – вот, у людей горе, а твои менты нас ни за что забрали и курево отняли. Так вот если однажды этих твоих ментов будут убивать, я их спасать не возьмусь, потому что менты твои неправильные. Таких ментов нам не надо.

Он меня выслушал, пошел навел справки о случившемся и велел выпустить.

– «Такие же люди, иногда и милосердие стучится в их сердца».

– В ментовке! Пьяный! Ночью! Качает права! И ему – ничего! 85-й год: наивное, красивое время… Мы тогда думали, что люди лучше, честнее, что они работящие, могут себя в чем-то ограничивать, от чего-то отказаться для общей

пользы…

– Мое поколение шло в армию, когда Афган начался; кого выгнали из института, тех туда забирали. К 85-му они уже возвращались. Эти посиделки, рассказы, как они там воевали… Был у меня такой товарищ – Вася, которого выгнали из института за пьянку и он загремел под фанфары в Афган. Вернулся… Женился сразу, детей завел… Жена рассказывала, как он по ночам вскакивал: «Рота, в ружье!» И сам он вспоминал: «Хрясь, танком забор смел, въехал в кишлак, а там в дом, стена заваливается – и видно, что в комнате люди молятся. Я из пулемета, и всех их положил». – «А на хрена?» – «Они ж душманы!» – «А с чего это взял?» – «Ну я же вижу!» Вот так…

– Ну, «афганцы» погоды не делали. А в целом тогда наивный был народ, доверчивый, он не ожидал от себя ни Баку, ни Сумгаита – все нормально, все добрые и чудесные.

– И Горбачев думал: «Мой народ меня любит».

– И пролетариат еще гордился тем, что он якобы самый передовой класс. Они думали, что быть рабочим – это не просто железки таскать и пьянствовать, но еще и создавать историю современности. Они искренне думали – вот я-то рабочий человек, я – лучший, а ты-то кто?

– Интеллигентик в очках.

– Это было, было у людей! Рабочим – почет и уважение, квартиры и санатории… А когда пролетариев избавили от иллюзии, что они передовые, это был страшный удар по психике. Вдруг оказалось, что ниже пролетария никого нет в обществе!

– Ну, только крестьянин.

– Крестьянин хоть сыт, пьян и нос в табаке. А у пролетария – ничего нет. Только вчера он считал себя крутым! А там вслед за пролетариями рухнули также поэты и писатели, которых раньше слушали открыв рот… Ожидали правды от ТВ, от вождя лично – будучи взрослыми людьми. В тот год даже у таких людей, как мы – да что там мы, даже у таких людей, как ты, – были самоотверженные чувства, мысли про общественное благо. Это наивное время длилось сколько еще?

– Где-то до 89-го.

– Съезд же был, да! А потом еще был всплеск на путче в 91-м.

– На этом втором всплеске я и пошел во власть. В 90-м году мэром избрался, ну и так далее. А спад был в 87-88-м.

– В связи с тем, что жрать было нечего.

– Да. И как-то все в болтовню уходило в основном.

– Тогда все начальники говорили – вот надо два-три года перебиться, а потом настанет счастье. Горбач говорил такое, нет?

– Нет, только Борис Николаевич. Говорил – на рельсы лягу… Шоковая терапия…

– Наивное, доверчивое, красивое время. Никогда больше такого не было.

– Да-а-а. А помнишь «Московские новости», такая газета была? Егор Яковлев там был главным редактором. Так ее ж было не купить! Я знал один стенд у Финляндского вокзала, специально туда ездил на метро и читал стоя. А гласность, кооперация – это уже позже.

– А в 85-м чистый базар шел.

– Самый робкий.

– А как мы обозначим обычный уровень нужды и бедствий? Зарплаты хватает на еду?

– Я не знаю, как определить. Вот в 83 – 84-м я жил на самом пределе нищеты. Крысы бегают, сосед по коммуналке пьяный, еле сводили концы с концами. Но мы же не считали себя нищими! У нас порог нужды и бедствий ниже обычного был! Если б я сейчас так жил, я б себя считал нищим. А тогда – не считал. У меня 200 рублей и у жены 130 – и нормально.

– Да, это важно. К деньгам в то время был сравнительно слабый интерес. Согласись!

– Тогда этого стыдились. Хотя я – нет. У меня было много друзей-фарцовщиков, и поэтому я как-то уже начал к этому относиться толерантно. Хотя люди, которые постарше меня на десять – пятнадцать лет, этого и представить не могли.

– Да хоть меня возьми: «Да чтоб я фарцевал – не бывать такому!»

– А я предпринимал некоторые попытки. Хотя и опасно это было…

– Вон Лисовский говорит, что фарцу презирал. Предпочитал вагоны разгружать.

– Все мы разгружали. Я не очень, кстати, понимаю московскую идеологию. Мне некоторые олигархи рассказывали, что они коммунистами были и в то же время возле «Березки» ломщиками стояли. Ведь мальчики из элитных московских семей. Такого у нас в Питере не было.

Примечание Свинаренко

И самих денег тоже не было. Я нашел в старом блокноте такие записи: «Накопил 250 рублей. Таких денег у меня никогда в

жизни не было». «Сдал бутылки на 9 рублей». Но, с другой стороны, я понимал, что сам выбрал такой вариант жизни. Никто не заставлял меня после школы поступать на журфак, я вполне мог учиться в Донецке. На товароведа, на стоматолога, к примеру. С медалью меня что в торговый, что в медицинский взяли бы без экзаменов. Что мне помешало выбрать прямой и ясный путь к быстрому богатству? Кто знает?… Но тут самое странное вот что: я не жалею, что не стал состоятельным зубным протезистом. Или, к примеру, нефтяником. Когда говорят, что не в деньгах счастье, это всегда звучит как-то неубедительно. Но мне в юности казалось и сейчас кажется, что в случае выигрыша можно взять деньгами – а можно и еще чем-то. Разумеется, за деньги можно купить много приятных вещей и услуг. Но я видел людей, которым деньги не принесли ничего, кроме серьезных неприятностей, а кому-то сильно сократили жизнь – их самих или близких им людей. Я сам однажды в 1993 году был невероятно близок к тому, чтоб потонуть в океане у побережья Австралии, меня довольно далеко унесло отливом. Я чудом выплыл, из последних сил, и упал на песок, дыша как загнанный конь. И ведь точно мог бы потонуть – а кто-то, бедный и несчастный, после этого еще бы пятьдесят лет жил, не выбираясь за пределы своей Ивановской области, не имея денег на богатые путешествия…

С другой стороны, видел я и людей, которые без больших денег живут замечательно и собой довольны. Смотришь – полмира человек объездил на казенные бабки, девушки ему даром дают, квартира у человека, дача, семья, дети, почет и уважение, все ему наперебой норовят налить… Смотришь на таких людей и понимаешь, что счастье точно не в деньгах.

А один человек мне рассказывал о своем удивительном опыте, когда он в Нью-Йорке, чужом для него городе, заработал много денег: «Самое страшное, когда у тебя в кармане толстая пачка долларов, ты можешь до хера чего купить – а ты никому не нужен…»

– Значит, интерес к деньгам…

– …был на уровне удовлетворения минимальных потребностей.

– Что это было – затянувшееся детство?

– Хрен его знает. Никто ж нас не готовил к капитализму. Он сам по явился.

– А сейчас бы ты смог жить бедно? Или сказал бы: «Убейте меня лучше»?

– А что это за такой эксперимент? Я не очень понимаю. Какая такая острая необходимость жить бедно? У меня нет такой

необходимости. И потом… Меншиков, например, был один из самых богатых людей России…

– Он спиздил же там все в Питере.

– Ну какая разница…

– Что значит – какая разница?

– Ну что тут такого – спиздить?

– Ну как что? Настроил себе дворцов на бюджетные деньги. Во красавец!

– Кхэ-кхэ. И царь все знал. И сам в этих дворцах жил.

– Фактически Меншиков в Питере занимался приватизацией. Ха-ха-ха.

– Там нечего было приватизировать, на болоте. Он все построил, а потом спер. Ну да не важно!

– Ты меня смешишь – как так не важно?

– Ну хорошо, скорей всего он был вор. А потом его сослали в Березов. Говорят, он там хорошо себя чувствовал. Дрова рубил, баню топил. Правда, денег не было.

– Да… Березу – в Лондон сослали, а этого – в Березов.

– Я это к тому, что вон какие люди в ссылке жили, и ничего. Или вон Климентьев, из Нижнего, которого Боря Немцов законопатил. Посадили его в тюрьму, он там год, что ли, посидел, и далее на поселение. Дом купил там, телогреечку надел и в ней прогуливался, воздухом свежим дышал, а за ним охранник ходил.

– Один мой товарищ рассказывал, что если тут обратно будет Советская власть, то он все равно в России останется. Он готов с «БМВ» сесть на «Москвич» и ездить бомбить, поскольку на Западе столько времени провел и понял, что там ему скучно и не хочется ему там жить.

– В этом смысле нищета меня не страшит. Детей только жалко. Сам я из дерьма вылез, в дерьмо и залезу. Мне не западло в телогрейке походить.

– А что дети? Отчего тебе их жалко?

– Они родились уже в хорошей жизни и к другой не приспособлены.

– Может, надо их и к той жизни готовить тоже?

– А зачем?

– Вон Бунин – дворянин, и то косил, с крестьянами тусовался, жрал с ними тюрю.

– Ну понятно. И тем не менее, когда перед ним встал выбор, свинтил во Францию. Почему-то не захотел вместе с народом косить. А какая-нибудь Цветаева из той же оперы оказалась в Елабуге.

– Бунин еле отгавкался, когда крестьяне приехали его жечь, в 17-м. Он на всякий случай, для очистки совести, сам

не веря в успех своей затеи, вышел на порог и наорал на крестьян – типа вон отсюда, быдло и твари. Они по старой памяти и ушли, солнцем палимы.

Комментарий Свинаренко

Цитаты из «Окаянных дней» Бунина:

> «Как распоясалась деревня в прошлом году летом, как жутко было жить в Васильевском! И вдруг слух: Корнилов ввел смертную казнь – и почти весь июль Васильевское было тише воды, ниже травы. А в мае, в июне по улице было страшно пройти, каждую ночь то там, то здесь красное зарево пожара на черном горизонте. У нас зажгли однажды на рассвете гумно и, сбежавшись всей деревней, орали, что это мы сами зажгли, чтобы сжечь деревню. А в полдень в тот же день запылал скотный двор соседа, и опять сбежались со всего села, и хотели меня бросить в огонь, крича, что это я поджег, и меня спасло только бешенство, с которым я с матерными словами кинулся на орущую толпу».

И еще там же, снова про бунт:

> «Если б теперь и удалось вырваться куда-нибудь, в Италию например, во Францию, везде было бы противно, – опротивел человек! Жизнь заставила так остро почувствовать, так остро и внимательно разглядеть его, его душу, его мерзкое тело. Что наши прежние глаза, – как мало они видели, даже мои!»
>
> «В мирное время мы забываем, что мир кишит этими выродками, в мирное время они сидят по тюрьмам, по желтым домам. Но вот наступает время, когда „державный народ“ восторжествовал. Двери тюрем и желтых домов раскрываются, архивы сыскных отделений жгутся – начинается вакханалия. Русская вакханалия превзошла все до нее бывшие…»
>
> «…вырвавшись из этого разливанного моря страшных, несчастных, потерявших всякий образ человеческий, буйно и с какой-то надрывной страстью орущих дикарей, которыми были затоплены буквально все станции, начиная от самой Москвы и до самой Орши, где все платформы и пути были буквально залиты рвотой и испражнениями…»

Еще Бунин цитировал Достоевского, которого вообще, кстати, по ошибке допустили в советскую школу: «Дай всем этим учителям полную возможность разрушить старое общество и построить заново (интересно уже, что будет дальше? То-то же! – *И.С.*), то выйдет такой мрак, такой хаос, нечто до того грубое, слепое, бесчеловечное, что все здание рухнет под проклятиями всего человечества прежде, чем будет завершено…» Далее Бунин добавлял от себя, обреченно: «Теперь эти строки кажутся уже слабыми».

– Бунин все понял и тут же отвалил – сперва в Москву, а оттуда через Одессу и в Париж. И тем не менее не думаешь ли ты, что все же надо детям давать и другой экспириенс, не только богатой жизни, но также и простой?

– Что, ходить вместе с ними косить? Куда?

– А как американские миллионеры на лето отправляют детей работать официантами? Ты знаком с таким опытом?

– Нет. В книжках читал, а в жизни не видел.

– А я видел. В Штатах – не тут, конечно.

– Тебе повезло…

Бутылка пятая. 1986

Перестройка крепчала. Ускорение росло. Гласность зашкаливала. Даже Чернобыльскую катастрофу рассекретили через каких-нибудь пару недель. Но дружбу народов все еще усиленно пиарили – даже после «событий» в Алма-Ате, где казахи били русских.

Событие года – Сахаров вернулся в Москву… Может, это и было точкой невозвращения: отец водородной бомбы, он же главный диссидент страны, выпущен на волю и предъявлен легальной прессе. Вот она, вседозволенность! Где белое, где черное, кто друзья, а кто враги – не понять. «Все смешалось в доме Облонских». Так гибнут великие царства. Sic!

– Сначала, Алик, давай ты рассказывай про свою жизнь.

– Я продолжал писать диссертацию.

– А чё-то ты ее долго писал! Уже которую главу подряд ты мне про нее рассказываешь!

– Писал сколько положено – три года. С 83-го по весну 86-го. А где-то в феврале 87-го я защитился.

– Ну и какие открытия ты сделал в своей диссертации? Для науки, для страны?

– А в кандидатской не надо делать открытий.

– Да ладно!

– Достаточно новизну продемонстрировать.

– Что, любой долбоёб может сесть и написать диссер и защитить?

– Конечно, если есть какая-то новизна.

– Достаточно, значит, написать то, чего еще не писали до тебя. Мы, репортеры, это делаем каждый день!

– Да, да… В этом смысле мы все кандидаты наук. Но не надо утрировать; все-таки написать диссертацию – это непростая работа!

– А, ну да, кандидатский минимум сдать по научному коммунизму!

– Например. Минимум надо сдать по философии…

– Марксистско-ленинской.

– Нет, по всей.

– Ладно – по всей!

– Я тебе клянусь! Как сейчас помню, Аристотеля мы учили, и Маха, и «бритву Оккама»…

– Давай про «бритву» расскажи.

– Это принцип экономии мышления. Ну, грубо… если есть возможность доказать некий постулат несколькими способами, то самым истинным признается тот, что короче. Зачем объяснять сложно, если можно объяснить просто? Был такой Оккам, и он говорил, что все лишнее надо отсекать.

– А вот Лев Толстой, видно, до Оккама работал.

– Ну, он граф, сидел у себя в имении, работал… Пописывал…

– Ага, он сначала пройдет по деревне, трахнет всех, потом попишет немного, потом попашет землю. Неплохо устроился!

– Мне не очень нравится образ, который ты себе избрал: выглядеть идиотом.

– При чем тут – идиотом? Известно ведь, что он пол Ясной Поляны отымел. Что население там похоже на него. Вообще, известно ли тебе, что он очень любил это дело?

– Ну, это каким-то образом проскальзывало. Заметим, он в этой беде не одинок.

– И за это жена ему вламывала.

– Да.

– Толстого все ведь попрекали, что он начал проповедовать здоровый образ жизни – то есть не здоровый, а, напротив, воздержание – тогда, когда он трахнул несколько десятков тысяч человек.

Он говорил: вы все живете неправильно, совокупляетесь без конца, жрете мясо. А надо есть морковки и думать о вечном. Ему отвечают: дедушка, когда нам будет семьдесят лет, мы тоже будем кушать морковки и бросим совокупляться! Он говорит: нет, вы начинайте прям сейчас, пока вам еще всего хочется! Ему снова отвечают: старый, так нечестно, давай мы лучше сперва поразвлечемся с твое. И людей поубиваем на войне… А вот если бы ты сам приступил к воздержанию в двадцать лет, мы б тебя, может, и послушались…

– Слушай, это мы уже обсуждали!

– Ну. Так тема ж вечная.

– Такая же вечная, как и банальная. Это даже Ильф и Петров в

«Двенадцати стульях» обсуждали. Что, когда Толстой писал «Войну и мир», он ел мясо.

Комментарий Коха

И.Ильф, Е.Петров. «Двенадцать стульев». Глава XIX. «Уважайте матрацы, граждане».

> «…Лиза всплакнула.
>
> – Лев Толстой, – сказал Коля дрожащим голосом, – тоже не ел мяса.
>
> – Да-а, – ответила Лиза, икая от слез, – граф ел спаржу.
>
> – Спаржа – не мясо.
>
> – А когда он писал «Войну и мир», он ел мясо. Ел, ел, ел! И когда «Анну Каренину» писал – лопал! Лопал! Лопал!
>
> – Да замолчи!
>
> – Лопал! Лопал! Лопал!
>
> – А когда «Крейцерову сонату» писал – тогда тоже лопал? – ядовито спросил Коля.
>
> – «Крейцерова соната» маленькая. Попробовал бы он написать «Войну и мир», сидя на вегетарианских сосисках?…»

– А, ты хочешь сказать, тебя не интересуют вечные темы, потому что ты не собираешься жить вечно.

– Это тоже из Ильфа и Петрова:

«Мне не нужна вечная игла для примуса, потому что я не собираюсь жить вечно!»

– Толстой вот, значит, писал без «бритвы Оккама». А Чехов, которыйтрахался не меньше Льва Толстого, лишнее все же отрезал. Но он, правда, насчет этого особо не распространялся.

– Как – не распространялся? А в письмах?

– Ну разве только в письмах. Но он не брался никого учить, полагая, что *это* личное дело каждого.

– Лев Толстой, кстати, тоже не распространялся насчет этого своего пристрастия. Он, наоборот, кричал на всех площадях: «Перестаньте это делать, что за глупости!»

– А Чехов писал: «Буду умирать, и внукам своим расскажу, как ебал индуску в пальмовом лесу при лунном свете».

– Японку! Японку!

– Нет, японку – это в другой раз. А в этот раз он обладал именно индуской. Но Чехов действительно отсекал этой бритвой лишний базар. В отличие от некоторых. Так на чем мы остановились? А, вспомнил. Короче, ты стал кандидатом наук. А я не стал. Кстати, почему? Чего мне для этого не хватало? Наверное, это мне казалось пресным по сравнению с репортерской службой – быть ученым. Да мне б и усидчивости не хватило. Хладнокровия в разборке фактов…

– Нельзя сказать, что я сильно усидчивый. Если дело нравится, ты не замечаешь, как движется время. Вот я, допустим, вчера редактировал нашу четвертую главу – и не заметил, как два часа пролетело. Нельзя сказать, что такой же драйв был и когда я диссертацию писал, – хотя временами и там тоже… Когда есть драйв, когда тебе нравится то, чем ты занимаешься, то нельзя сказать, что это усидчивость. А если еще и бабки платят за то, что я и так готов делать… Вот если ты молодой человек, и тебе все время хочется е…ся, и ты е… ся – ты трудолюбивый, что ли? Или ты бухаешь, если тебе бухать нравится… Ушел в запой, день пьешь, другой, третий, – какой трудолюбивый парень, а? А потом бросил пить, потому что устал.

– А есть версия, что человек вообще не способен делать то, чего не хочет. Его проще убить. И когда он говорит, что делает что-то для родины, для детей или для жены, – он просто чисто врет, чтоб показаться альтруистом. И набить себе цену. И чего-то стребовать взамен.

– У меня интересная мысль появилась. Вот говорят: русские – ленивая нация, а, условно говоря, какие-нибудь англичане – трудолюбивая нация. Я тут, заметь, намеренно не называю немцев.

– Или хохлов.

– Да. Так вот, если трактовать трудолюбие как умение заставить себя заниматься нелюбимым делом… То какие ж тогда англичане несчастные люди! Они ж все подряд занимаются делом, которое им не нравится!

– А что у них были за дела? Подумаешь! Бить кнутом индусов на плантациях, плавать на пароходах…

– Да ладно тебе – на пароходах! А у ткацкого станка? Во время промышленной революции?

– Но альтернативой-то была голодная смерть!

– Вот именно. Но это трудолюбивая нация. А у нас под страхом голодной смерти – бунт! Головы рубят! Круглые сутки! Потому что нравится людям!

– Дело в том, что англичане, как и прочие европейцы, были поставлены в такие условия, что либо трудиться, либо

помирать голодной смертью. В России же был и третий вариант – самыйприятный. Вот ты говоришь – бунт. Когда люди бунтовали в Англии, то сразу приезжала полиция и всех вешала.

– У нас тоже приезжала полиция и всех вешала!

– Но у нас можно было сбежать на Дон. Страна огромная! Большая протяженность плохо охраняемых границ, обильная территория, наличие казачества повсеместно от Хортицы и Дона до Уссури – это создало вот такой менталитет: не нравится что – зарезал барина, и бежать.

В Европе все поделено, территория освоена, каждый мент знает всех воров в своем околотке… Это как во французских детективах, когда сидит комиссар и размышляет: «Кто ж украл? Жан сидит, Роже завязал, значит, остается только Мишель». Едет к Мишелю, зная его адрес и адрес его подружки, и тот сразу сдается, потому что бечь ему некуда… Я эту тему осмысливал в Каталонии, где был на годовщине отмены права первой ночи. Там ведь сеньор трахал всех невест. Вот так и воспиталась эта европейская законопослушность. Потому что тысячу лет сеньор имел всех абсолютно невест, и тысячу лет народ понимал, что сеньор имел, имеет и будет иметь…

– Это Лассаль. «Женщина и социализм». Или Бебель?

– Не помню. Это же не я ученый, а ты. А я больше забыл, чем ты знаешь! Хорошая, кстати, фраза…

– Ха-ха-ха!

– Значит, получается такая картина… Европейский менталитет в отличие от нашего сформировался таким оттого, что человеку просто деваться было некуда!

– Не согласен. А прыгнуть в корабль – и в пираты? По сути, это те же казаки…

– Это у нас при разреженности власти и повсеместном бездорожье человек мог из любой точки России ночью лесами и задами пробраться к казакам. На Дон или Уссури. А там столько кордонов и ментов!

– Не согласен.

– О'кей. Вот у нас две версии – твоя и моя. Ты думаешь, что в Европе можно было, как у нас, резать и бегать, а я думаю, что там не побегаешь.

– В жизни всегда есть место подвигу. Отчего ж нельзя было из любого европейского города добраться до порта и там записаться к пиратам?

– А что, в порту прям-таки сидят пираты и их не вешают?

– В кабаках они там сидят и нанимают людей под видом

невинных матросов… Ты что, книжек не читал?

– Что книжки! У нас всегда была гарантия в виде диких просторов, а там не было. Там тебя могли поймать и опознать. И пирата в порту в первую очередь будут искать…

– Но тут возможна такая тонкость. Человек мог уйти на Дон – или в пираты, – еще не убив, за пять минут до того, как он мог убить. И он принимал решение – уйти, пока не поздно, пока его еще не ловят. Мне кажется, именно вот так основная масса на Дон уходила – за пять минут до поножовщины: «Выйду в чисто поле или в чисто море, а там острова какие-то… Барбадос…» Вот мы с женой были в Музее пиратства, это под Бостоном, в бухте Провиденс, – занятно. Кстати, корсары – это официальные пираты, которые под Короной ходили. Дань правительству платили и получали возможность безнаказанно грабить иностранные суда.

– Но ты согласишься, что и плотность полиции, и неотвратимость наказания – это в Европе всегда было ярче выражено, чем в России.

– В какой период? Надо еще разобраться…

– Да всегда… Но давай мы в свой период вернемся. Вот ты уже практически закончил писать диссертацию. Шел по прямой дороге, и все было тебе ясно…

– Нет. У меня были проблемы с трудоустройством! У меня не было ленинградской прописки, я был прописан в области. И меня никто не брал на работу. Уже став кандидатом наук, я продолжал трудиться дворником. Ну, формально еще не был я кандидатом, но аспирантуру уже закончил и ожидал неминуемой защиты – моя очередь подходила.

– Ты фактически был ущемлен в правах.

– Да не был я ущемлен. Меня все устраивало! Кстати говоря, когда я после защитился и пошел работать в НИИ, мне родители перестали помогать – все, я уже закончил учебу, самостоятельный человек. И мы стали жить хуже, чем когда я работал дворником!

– А я в 86-м году все так же работал в калужской газете, но уже много печатался в больших газетах – «Собеседник», «Комсомолка», «Советская Россия». Тогда это было круто. Они были не то что сегодняшние газеты, а настоящие, качественные, высокие – типа как «Коммерсантъ» в начале 90-х.

– А чего они на тебя обратили внимание? Много же вас таких провинциальных журналистов… Ценили твое острое перо? Ты уловил дыхание перестройки?

– Когда пошла перестройка, то ЦК начал директивно требовать от центральных газет – давать материалы поострей.

А где ж взять поострей? Естественно, с мест. Что-то вроде: «А ну пропечатайте отдельные недостатки!»

Люди говорят – ага, пропечатаем, а нас завтра на цугундер…

– А тебе это было до фени?

– Ну. Это ж развлечение, острые ощущения.

– А, это как сейчас – Кремль критиковать нельзя, но поскольку мы взяли курс на демократию, то критиковать кого-то надо. Ну давайте местных царьков. А кто положение на местах знает лучше, чем местные журналисты? Вот давайте возьмем самых талантливых из них, в частности, Свинаренко…

– Ну к примеру.

– Все можно критиковать, кроме президента, как бы – жена цезаря вне подозрений. А вот губернаторов отметить – милое дело. И министров. Вот поэтому сейчас все изгаляются, какие они плохие. Вон Наздратенко кто только не пнул! В этом смысле мы вперед пошли…

– Да. Раньше только дворников – таких, как ты, – критиковали, а теперь можно и министров. Безнаказанно причем! А комсомольским газетам и тогда дозволялось больше – пар в свисток, все такое… Была, конечно, логика – основы не надо трогать. У меня вот был любимый персонаж – дояр Витя Иванов.

– Это как у Лаэртского – дояр Федя Мощнорукий?

– Это было в районе, чтоб не соврать, в Мосальском, что ли. И я про него дал серию здоровенных заметок в разных газетах. Там пафос был такой. Этот Витя – шустрый такой парень и многодетный отец… Так его ноу-хау было в чем? Что он, с одной стороны, не пил, а с другой – не воровал. Обычно доярки разворовывают все – от комбикорма до молока, а этот был такой преувеличенно честный. Имеется в виду надой от голодных коров, оставшийся после воровства коровьего комбикорма. А у Вити коровы были сытые, молока получалось много, и он его еще к тому же не крал. Фантастика! Лисовский и сегодня жалуется, что доярки воруют (у него не только куры в его «Моссельпроме», но и коровы есть как попутное производство)! Молоко воруют. И Лисовский никак их не может упросить, чтоб они просто воровали, а не разбавляли оставшееся молоко водой – чтоб не видно было. Потому что такое молоко повышенной жидкости не принимают на молокозавод, его могут взять только на переработку в какой-нибудь сыр, причем за отдельную плату. И вот Лисовский призывает доярок воровать открыто, чтоб он не попадал на дополнительные бабки. «Спиздили, –

говорит, – и отдыхайте спокойно, оставьте все как есть. Не делайте лишней работы!» А они не слушают. И доливают.

– Ну, тут Геннадий Андреич Зюганов мог бы дать разъяснение. Он утверждает, что народ русский очень совестлив. Он водой разбавляет от совестливости!

– И вот в итоге Витя ничего не брал – ни кормов, ни молока – и молока у него выходило до ебени матери.

– Ему коллеги темную не устраивали?

– Ну там же бабы, он как-то отбивался. Но начальство ему срезало расценки – а то если платить честно, он бы сильно много зарабатывал. Больше первого секретаря обкома! Что было бы не очень политкорректно. И была такая инструкция, что каждому по итогам года устанавливали личные расценки, – и в результате все зарабатывали примерно одинаково. Такой был идиотизм. Ну, ты это лучше меня должен знать, ты ж ученый-экономист. Так Витя пытался убедить начальников, что надо платить по справедливости. Вот стоит тонна молока столько-то – и платите за каждую тонну, и плевать, сколько всего надоено. Но, конечно, никто не мог на это пойти. Ведь тогда пришлось бы признать, что Витя Иванов – единственный честный колхозник во всей Калужской области. Или, если уж совсем глубоко копать, так он вообще мог согласно уставу колхоза отделиться от общественного хозяйства и выйти из него со своим паем, и насрать ему было б на нормы и расценки, он бы торговал своим молоком на рынке по рыночным же ценам. Короче, все неприятности Вити были оттого, что он, желая честно трудиться за справедливую плату, тем самым автоматически посягнул на устои. А ваша советская экономическая наука позволяла Витю так объё…вать, чтоб его еще и опускать. И про это я немало написал, но ничем это, понятно, не кончилось.

– Человека как объё…вали, так и будут объё…вать.

– О, слышу голос не мальчика, но кандидата экономических наук… Короче, такие заметки в редакциях охотно хавали. А ругать разрешали только обком комсомола, который не желает помочь новатору. Новшество же было в том, чтоб не воровать, – это, кстати, на кандидатскую тянет. Ну, крови нам с Витей немало попортили потом местные начальники. Кстати, Калуга – красивый милый город, я всегда это говорил, но местные начальники были такие темные, такие нудные, что все впечатление портили… А еще была такая тема. Один видный менеджер теперешней журналистики – большой демократ, разумеется, – помню,

бегал по кабинету и рвал на себе волосья, негодуя, что за заметку я ему принес и что я его этим подставляю! Да как же подставляю, она ж не опубликована еще, только мы с тобой вдвоем ее и прочли. А он орет – нет, это подстава, вдруг узнают, кого он пригрел. Значит, заметку зарубили следующую. Некто – кстати, тоже кандидат экономических наук – в Туле создал так называемый рабочий клуб, там он вечерами собирал пролетариев и с ними обсуждал производственные вопросы. На него сразу наехали, исключили из партии, и он летал там как сраный веник. Я написал – ну чего пристали к человеку, пусть он занимается с пролетариями и рассказывает им что хочет, все равно они не поймут. Смешно сказать, ему вменили аморалку: развелся с женой, а потом женился. Чего он как член партии не имел права делать.

– Почему? Коммунисты что, католики?

– Да, католики. Более того – пошли они на…! Ты ко мне чего пристал? Я, что ли, Устав КПСС сочинял?

– Я тоже против разводов, но хочу понять… Они же отрицали брак!

– Ну да, Коллонтай там резвилась с матросами… Ленин – с Инессой Арманд там… И так далее.

– Коммунисты действительно были свернутые на семейной теме. Но я хочу понять причины! Ты можешь мне объяснить?

– Могу!

– Давай.

– Э-э-э… Человек должен, по коммунистической версии, привыкать к тому, что он полностью принадлежит партии. И она руководит им тотально. А когда он разводится, то как бы ставит свои эмоции и инстинкты выше партийной дисциплины.

– Не понял.

– Ну как? Начальство ему не велит разводиться, а он, б…, лезет разводиться.

– Да мне непонятно, какое их дело!

– А то дело, что если ты с женой разведешься, то можешь по инерции заявить: «Да пошли вы вообще все на…» Над тобой уже просто утрачивается контроль.

– Так…

– Я считаю, такая схема была. Это как ты пришел в монастырь, постригся – вот и сиди молчи. Школа послушания: сказали тебе – иди делай. И не рассуждай, о чем тебе не положено. Вот если завтра отомрет семья, то тебе об этом объявят с трибуны съезда КПСС.

– Все равно мне непонятно.

– Ты меня зря ставишь в такую позицию, что я тебе должен отвечать за КПСС. Да на хер она мне сдалась!

– Но ты как инженер человеческих душ должен понять, почему коммунисты возлюбили институт семьи. Тот самый, который в конечном счете и разрушил социализм.

– Как – разрушил? Почему именно этот институт?

– Потому что он привел к обособлению части имущества. К частнособственническим инстинктам. К защите именно своих детей, а не всех подряд. Семья разрушила коммунизм! Почему крестьянин не хотел своих быков вести на колхозный двор? Да потому что у него была семья…

– Тут может еще быть такая линия. Когда русский мужик разводится с женой, начинает жить один, то перестает бриться, с утра пьет водку, кладет на все, на работу не ходит – известные все дела.

– А, так это у них был утилитарный подход?

– Вполне возможно!

– «Поскольку мы, коммунисты, с пьянством русского народа справиться не можем, пусть с ним справляются жены!» Так?

– Конечно! Ты что, не замечал такого? Женатый человек всегда умыт, приличный такой, а разведется – и все, он уже как скотина… Уже у него на квартире начинают собираться местные алкоголики, уже мебель вся распродана, бутылки выкидывают в окно, кого-то трахают в уголку на старом пальто… Приют уже, короче, блатных и нищих.

– А на работу – забили?

– Конечно. И член партии уже неотличим от бомжа.

– А что говорить тогда про беспартийных?

– Беспартийным вообще конец. Русский мужик – он как дитя. За ним мать сначала ходит, по сусалам дает, в школу заставляет ходить. Потом жена принимает эту эстафету – берет на себя эту благородную неблагодарную миссию… А не дай Бог человек остается без хозяйки – слово «хозяйка» тут ключевое, – пиздец ему. Он бесхозный. И статистика подтверждает: человек женатый живет дольше, и у него здоровье крепче. А почему? Да просто жена не дает ему пить, не пускает слишком часто на блядки! Как-то пытается его ограничивать и держать в рамках. Вот так и партия.

– Которая стала защитником мелкобуржуазных устоев.

– Ну а других-то и не бывает, давай скажем об этом прямо!

– Ну почему, бывают еще крупнобуржуазные устои! А кроме этих двух, других нету, точно…

– А тот миссионер от экономики, ну, тульский, самое смешное, он после развода быстро осознал свою ошибку – и женился обратно на все той же жене. Он пытался им доказать, что морально он перед партией чист. Даже когда он с женой состоял во временном разводе, он все равно не имел никого, а только мозги пролетариям засирал насчет экономики. А ему говорят: по сути ты прав, а формально ты ведь развелся, а после женился. Вот видишь – они его одну жену рассматривали как двух отдельных женщин. Короче, ту заметку порвали и выкинули. И сегодня мне старые товарищи, бывшие начальники, говорят – что ж ты нам приносил такие скучные заметки, а интересные не приносил? Они не помнят, как панически тогда боялись интересного. Они забыли, какими были трусами пятнадцать лет назад! Забыли, на что у них тогда хватало ума!

– Так там крамола была в том, что он временно развелся? Чем им та заметка не нравилась?

– Мне тот начальник объяснил. От рабочего клуба, говорит, один шаг до независимых профсоюзов, а от тех уже полшага до посягательства на шестую статью Конституции.

– О руководящей и направляющей?

– Да… Прежде вся фронда в рамках комсомольской прессы проходила, а тут я почувствовал, что уперся в стену. Ниже талии нельзя, ну никак. Это талия, а жопу – нельзя трогать. Ну за сиськи похватать можно – вот такой был предел легальной критики. Жопу же девичью не тронь… Понятно?

– Да.

– Вот так оно и шло. Мелкие перепалки с калужскими функционерами… И бурная личная жизнь. Я ж как раз был не женат. Приключения, разборки – это утомляло. Ты женатый, ты уж забыл, как это – на любовном рынке выступать как добыча… Ты как человек, на тот момент женатый, ничего не можешь рассказать о своей личной жизни…

– Не могу… А вот знаешь, в древнем мире государства делились на теократические и светские. Теократическое было как устроено? Владелец государства и народа – это Господь. Люди поклонялись учению, и главными были жрецы и военачальники. Другой тип – это светское государство. Во главе стоял вполне светский император, который вполне светскими методами управлял. Потом стали придумывать, что он бог или полубог.

– То есть полукровка?

– Да. Так вот, если говорить о системе управления, то нынешний режим я отношу к светскому государству. Во главе

император, его особа не подлежит критике. А все остальное можно критиковать в пределах разумного. И там какой-то позитив рождается. А коммунизм – это было теократическое государство. Вот вы товарища Брежнева в принципе можете критиковать сколько угодно, но вы поймите, что он сам по себе – дерьма кусок. Он же просто проводник воли божества, священного учения. И когда он раскрывает рот, то это не он лично говорит, не какой-то плотский человек из Днепродзержинска, и, критикуя его, вы уже покушаетесь на основы, на нашу религию. Сам товарищ Брежнев ничего не стоит, он просто проводник и жрец. Он оракул! Ему сказали – он передал.

– Такая вот весталка?

– Да. Точно Сивилла. Поэтому коммунизм в российском исполнении был теократическим государством. Абсолютно религиозным! И поэтому он вообще не принимал религиозных деятелей других религий вообще. Потому что он с ними на одном поле конкурировал!

– Я тебе скажу, что некоторые русские батюшки современные, когда их спрашиваешь: «А почему надо стоя молиться в русских православных храмах, в то время как другие конфессии разрешают молиться сидя? Да и православные на Балканах – тоже сидя», – отвечают, что люди приходят в храм не для получения удовольствия, но чтоб совершать подвиг самоотречения. И ведь где-то мы это уже слышали, про подвиг! Вот этот аскетизм, горящие глаза, требование самоотречения… Вот потому большевизм в России и пошел так хорошо!

– Да… Приучили к подвигу…

– Даже термины те же! Большевики действительно работали на этом поле. Смирение плоти… Зачем вам жрать колбасу? Вон морковок поешьте, и хватит. То есть большевизм эксплуатировал вековые привычки народа. И кстати, ты вот говоришь, что большевики защищали семью. Именно они запретили аборты! В 1937 году. Товарищ Сталин это сделал. Хотел укрепить – семью не семью, но нравственность.

– Ему в семинарии вдолбили в голову представления о правильном и неправильном.

– Так, так… Ничего не забыли из 86-го? А, постой, Чернобыль же еще был в 86-м. Это случилось перед майскими, какого-то там апреля. А объявили после праздников.

– Только потому, что голоса начали верещать чуть ли не на

следующий день. Тучи же пошли.

– А я с 1 по 3 мая того года находился на рыбалке на речке Рессета. Этона юге Калужской области. На границе с Брянской.

– С Бря-я-нской?

– Да, Брянской! Ха-ха-ха! Которую потом объявили зоной поражения! Рыбалка наша заключалась в том, что целыми днями мы сплавлялись на резиновых лодках. Течение слабое, еле заметное – и закидываешь спиннинг. Щучки там, окуни… Целый день на воздухе! Вся радиация твоя! Вся пыль на голову сыплется! Так мы плыли по чернобыльской зоне… Коля Низов, главный наш рыбак и заводила, он все выходные и отпуска – обязательно на речке. Помер в расцвете лет, что-то у него с кровью было, ему и полтинника не стукнуло. А после и другой мой товарищ, Игорь Бабичев, тоже заядлый рыбак, помер, и тоже – онкология… Не шутки это – плавать по чернобыльским местам.

– Да… А я в 87-м устроился в «ящик» работать, там у нас был отдел радиологической защиты для, возможно, подлодок, поскольку институт был минсудпромовский, – так идешь мимо отделения…

– И сразу у тебя не стоит.

– Не-е-е… Каждый день – некролог, портретик… При исполнении… Кандидат наук… Их целыми лабораториями отправляли в Чернобыль радиологическую защиту ставить – и все они помирали…

– А Коля помирал, говорил – похороните мои кроссовки походные на речке, где рыбачил. И что ты думаешь – похоронили.

– Еще история. У меня подружка была в молодости, ее папаша был заядлый грибник. Он все грибочки ей из южной Белоруссии возил. А это ж зона заражения! Она говорила нам: «Ой, да ерунда все это! Вы больше газетам верьте. Чудесные грибочки! Не обращайте внимания! У нас в Белоруссии все едят». А через год раз – и помер папаша… Рак. Такие дела…

– А еще один рыбак из той команды, Гриша, учитель, все детей на эту речку возил из своей школы. Там же окопов полно осталось, блиндажей, гильзы ржавые, все как положено… Значит, детей патриотически воспитать, а заодно рыбки половить, побухать. И дети небось там тоже хлебнули Чернобыля. Вот наши жалуются – почему такое на Западе настороженное отношение к русским. А мы ж им не сказали, что у нас там взрыв был. Что облако идет. Ну чего от такой публики ждать? Как на нее надеяться? Фактически мы против

них устроили ядерный теракт. С элементами схемы Александра Матросова.

– Нет, тут глубже. Они думали: мало того что нам не сказали, так они и своим не сказали! К тому времени Совок уже был достаточно изучен, и что Западу не сказали – это было им понятно, это нормально, там все-таки датчики есть. Да и не должны были им говорить, по тем понятиям – на то и враги! Но вот своим… Вот тогда-то западники и припухли по-настоящему. «Они своих готовы за…ить, лишь бы остаться у власти! Что уж про нас, несчастных западников, говорить», – думали те.

– И детей выгнали на демонстрацию! Вместо того чтоб сказать: дети, сидите дома, дышите через марлю. А взрослые – бухайте, чтоб радионуклиды вывести.

– А еще лучше – уматывайте. Как можно дальше. Но – не сказали. Потому что у них свой народ – уже не свой. Они относились к людям как к станкам, к машинам.

– Не ко всем! Очень важная деталь, которая меня в те годы просто сразила. Объявлять они особенно ничего не объявляли, но сделали принципиально важную вещь. Обычно если член КПСС хотел свалить из захолустья, то его по полной программе истязали, что он бросает фронт и прочее. И пугали, что с учета не снимут и вообще могут из партии выгнать, и прощай, карьера. А по районам, которые тогда пострадали, было решение: коммунистов снимать с учета без разговоров. И не лезть к ним с пафосом. Какой мощный факт! Что это было? Попытка спасти кадры? Цинизм? Простая публика пусть загнется, а эти спасаются? Или они стали переходить от партии нового типа к партии старого типа? Но в целом они всегда стояли на позиции, что идея важней людей…

– Какая идея? Народ умрет, и кому эти идеи выдавать?

– Вот я тебе скажу. Не в том ли самом году вышел фильм «Иди и смотри»?

– Элема Климова? Мне он показался слабым. Ужастик, да и все. «Иваново детство» сильнее и без кишок наружу.

– Да не в этом дело. Сейчас что ни возьмись смотреть, все слабым кажется – даже «XX век», от которого когда-то кипятком ссали. Я про другое, про то, как меня обкомовские мочили за рецензию на то кино.

– А что ж ты написал?

– Там был эпизод, как партизаны поймали каких-то фашистов и повели расстреливать. И один немецкий офицер говорит: мы вас ненавидим, и хоть вы нас расстреляете, а все равно наши победят, а вы козлы и полностью не правы. И вот

я пишу: смотрите, парень за идею готов отдать жизнь. Это же вроде позитив. Но проблема вот в чем: а вдруг идея – полное дерьмо? Может, тогда не стоит за нее отдавать жизнь людей? И вот меня вызывают в обком. Ну что, говорят, мы знали, что вот это твое разоблачение отдельных наших недостатков до добра не доведет. Вот ты уже и до прямой апологии фашизма докатился. Уже у фашистов находишь позитив… Я им говорю – эй, ребята, вы чего? Они отвечают – мы тут не дураки сидим, мы понимаем, какую ты идею имел в виду – типа, какую ж еще?…

– Ты б им сказал: «Вот вы себя и выдали!»

– Ага. Смешно. А тут же сидит мой редактор и тоже на меня наезжает. Я ему говорю – уж ты-то молчи! А он еще сильней брови насупливает. Я же поскольку догадывался насчет повестки дня, то приготовился. И достал подписную полосу, где стоит его автограф: в печать. И вот хватило ж совести на меня наезжать! Так что западники тогда не зря на нас обижались. Русские так ждут чужого доверия, при том что сами себе не совсем доверяют. И это не совсем красиво. А что касается Чернобыля, так я тебе скажу – проходит чисто по ведомству Чубайса: это ж РАО ЕЭС!

– Нет, нет, нет! Атомные станции к Чубайсу не относятся, это Росэнергоатом.

– Это отговорка. Вечно ты Чубайса кидаешься защищать ни за что ни про что. А про энергетику я еще вспомнил вот что. Ты давно не был в ресторане «Узбекистан»?

– Недели две назад был. Я же чебуреки люблю.

– А заметил ты там в меню такое блюдо: шашлык из лампочек?

– Нет.

– Ну как же так? Из лампочек – это значит из яиц.

– Шашлык из яиц? Они сначала отваренные, что ли?

– Да бычьи это яйца! Бычьи! Так я сразу подумал – «лампочки Ильича». Это что касается энергетики…

– Хорошо… От вечно живого… Яйца на вертеле… А я люля больше люблю… Особенно на Брайтоне они хороши…

– Я туда люблю заезжать, на Брайтон. Пельмени, водка, прилавки плексигласовые…

– Ты обратил внимание, что там нет супермаркетов?

– Потому что в супермаркете легче спереть.

– Наверное.

– Значит, по Чернобылю все ясно… Он забил гвоздь в гроб коммунизма.

– Да, это была колоссальная материальная потеря. Огромные

деньги были потрачены, чтоб хоть какие-то последствия ликвидировать. Но если бы не было сделано то, что сделано, было б еще хуже. Сколько людей было угроблено! Говорили же, что тридцать миллионов человек погибнет от последствий. И смертельная рана была Совку нанесена в смысле доверия к власти. Народ начал понимать масштабы катастрофы и масштабы предательства. И народ сказал: извиняюсь…

Сталин, после того как Алоизыч его подставил, через месяц и то вышел и сказал: «Братья и сестры спасайте меня!» А Горбач не вышел и не сказал: «Спасайте!»

Вот его и не спасли…

Комментарий Свинаренко

Сейчас я тут процитирую Грачева, который в то время служил у генсека пресс-секретарем:

> «…подлинный масштаб трагедии был осознан руководством страны лишь несколько дней спустя. Во-вторых, это был первый и поэтому особенно зловещий сигнал, дурное предзнаменование. Знак беды, навсегда пометивший перестройку. Система взорвалась, как мина со сложным механизмом в руках неопытного сапера.
>
> …Чернобыль превратился в жесткую проверку обещаний перестройки, и прежде всего одного из наиболее обязывающих – обещания гласности.
>
> Озадаченное молчание Политбюро, пытавшегося уяснить для себя истинные размеры трагедии, попытки местных украинских властей, действовавших по привычному рефлексу, приуменьшить ее масштабы, чтобы «не огорчать Москву», ведомственный испуг тех, кто отвечал за конструкцию и эксплуатацию реактора, – все эти мелкие конъюнктурные хлопоты и заботы растерянных, не понимающих до конца всего, что случилось, людей затянулись в один узел аппаратных и ведомственных интересов и интриг, который можно было разрубить, только проявив необходимую политическую волю.
>
> Горбачев молчал в течение 14 дней. И хотя на уровне практических шагов реакция руководства была вполне адекватной случившейся трагедии, ни страна, ни внешний мир не имели полной ясности о том, что в действительности произошло. Хотя из-за вселенского характера катастрофы с первого дня было понятно, что

скрыть ее не удастся, чтобы признать это, Горбачеву, видимо, требовалось взять чисто психологический барьер. Тот самый, который так и не смог преодолеть Ю. Андропов (находившийся, правда, между жизнью и смертью) в дни, когда советская ПВО сбила южнокорейский пассажирский самолет. Выступив по телевидению с обращением к стране и наконец-то откровенно рассказав о том, что произошло, Горбачев сделал важное для себя открытие: «чистосердечное признание» не только смягчило последствия удара, нанесенного политическому и моральному авторитету перестройки, но и развязало руки для более решительных действий в сложившейся экстремальной ситуации.

…Облегчив душу, он с энтузиазмом убеждал членов Политбюро: «Мы действуем под контролем своего народа и всего мира. Поэтому не будем ни от чего уклоняться. Скажем откровенно о том, что произошло, – от нас ждут этого люди и у нас, и за рубежом». Пауза, взятая для размышлений над знамением Чернобыля, не прошла для него даром.

…Уже не по поводу Чернобыля, отвечая на заседании Политбюро В. Чебрикову, возражавшему против публикации повести Василя Быкова «Знак беды», бдительно усмотревшему в ней «подкоп под коллективизацию», Горбачев шумел: «Да, перекосы будут. Все уплывет в потоке, который образуется. Будет и пена, и мусор, но все это знак весны, обновления, спутники демократизации. А ее маховик надо раскручивать… Не надо бояться. Главное, народ реагирует, поднимает голову. Бить по ней, опять командовать – значит изменить демократии».

– Это была репетиция крушения Советского Союза. Такая генеральная репетиция в костюмах.

– Да, да! Первый прогон! Академики стрелялись, если помнишь. Александров, президент Академии наук, в отставку ушел… После, как водится, награждение непричастных и наказание невиновных.

– А сколько сперли денег тогда под это дело? Скажи мне как ученый-экономист.

– Механизм воровства средств в Совке мне не понятен. Ну как можно было тогда всерьез красть? Ведь не было оффшора у чиновников. Ну спиздил кто-то на дачу, на новую модель

«Жигулей»… Усушка, утруска, пересортица… Помнишь, в «Бесприданнице» был эпизод? Там появился человек, он сорил деньгами, а потом пришли полицейские, сказали, что он из кассы украл, и забрали его…

Комментарий Коха

А.Н. Островский. «Бесприданница». Действие первое, явление второе.

> «…*Вожеватов*. Да, смешно даже. У ней иногда слезинки на глазах – видно, поплакать задумала, а маменька улыбаться велит. Потом вдруг появился этот кассир. Вот бросал деньгами-то, так и засыпал Хариту Игнатьевну. Отбил всех, да недолго покуражился: у нее в доме его и арестовали. Скандалище здоровый! (*Смеется*.) С месяц Огудаловым никуда глаз показать было нельзя…»

– Радиация как политический образ, дешевый такой.

– Да ну, при чем тут радиация? Ты не пробовал палочку дрожжей бросить в нужник? Говна раз в десять больше становится. Можно уже не удобрять. Это не ядерный взрыв был, а говно. Из всех щелей поперло. Совок уже смердил на весь мир.

– И был еще съезд КПСС. Если ты помнишь.

– Да? Съезд?

– Как приятно, что можно это все забыть: съезды всякие, разную прочую херню… Изыди, Сатана! Так опять съезд. И опять приехал секретарь обкома, и опять созвал журналистов.

– А, точно – XXVIII съезд. Там коммунисты за демократию, Руцкой…

– Не помню. Так приехал, значит, секретарь. Мы ждем – ну что скажет?! А он сказал, что им там объяснили: критика должна быть, но обязательно – конструктивная. В общем, все оставалось как было.

– Да их переделать невозможно! Горбачев, даже если б он захотел что-то изменить, не смог бы никогда. Никогда! Этих «с мест» невозможно было заставить работать по-другому! Их только бабками можно взять! Бывших первых секретарей, которые нынче губернаторы, как в коммерческое русло повернули? За счет бабок! А то им что говорили: закрыть распределители, отобрать машины, куда-то баллотироваться… Думает: ты, мол, изберись председателем облсовета, тогда мы тебя и первым секретарем

назначим. Было, было! А тот: «На хера мне такое? Я по трупам лез, товарищей предавал, кагэбэшникам барабанил – для чего? Для того чтоб я, моя жена, мои дети отоваривались в закрытом распределителе, жрали хорошую ветчину и балыковую колбасу…»

– …вредную для здоровья.

– Вредную. Кушали хорошую «Посольскую» водку. Получали заячьи шубки без очереди. А ты, сука, хочешь, чтоб я еще шел на выборы. К тем товарищам, которых я продавал. Так нельзя правила игры менять! И еще он бы мог добавить: обращаю твое внимание, Михал Сергеич, что сам ты избираться всенародно не готов. Ты хочешь, чтоб тебя специально подобранные депутаты избрали, на съезде, а уж никак не всенародно!

– Ну да, Горбачев нарушил важное правило ведения переговоров. Когда у человека что-то хочешь забрать…

– …взамен ему предложи что-то другое.

– А Горбач им не предложил ничего. И в этом была слабая сторона его как бизнесмена.

– Коммунисты всегда страдали от отсутствия этой сбалансированной позиции. Они говорили – ты отдай, а потом, может быть, если останешься живой, нам надо посоветоваться… А если не отдашь, мы гарантируем, что тогда ты живой точно не останешься. Товарищ Сталин, он же с этими партийными кадрами не церемонился.

– Да… То есть у человека были только запреты: бухать, блядовать, разводиться, иметь хорошую дачу – ничего нельзя. А теперь еще и в обкомовский магазин не ездить… А на хера ж тогда? Что ж можно?

– А я тебе отвечу. Можно – казенную дачу, пока ты занимаешь эту должность! И кухарку свою е…ть, пока ты начальник! А когда ты перестанешь им быть, то и кухарочка тебе сделает ручкой… Пока ты крупный начальник, тебе можно за границу ездить, и – о чудо! – даже в капстраны. И поэтому ты должен за свою должность держаться до тех пор, пока у тебя сердце бьется. И делать то, что тебе говорят, не рассуждая. Потому что без этой должности ты известно чего кусок, понял? А потеряешь должность, так дачу тебе позволено будет иметь только на шести сотках. И без зимнего отопления, и без бани – ты ж не какой-нибудь директор промтоварной базы.

– Помню, была версия, отчего именно шесть соток: якобы вычислили, что с такого клочка семья в нашем климате точно не прокормится и потому не сможет плюнуть на государство.

– Вот и неправда! Оказалось, что может прокормиться! На шести сотках некоторые российские дачники обеспечивают

урожайность, которой могли бы позавидовать голландцы, французы и немцы! По картофелю, по овощам, по ягодам…

– Да, была советская статистика – в так называемых личных подсобных хозяйствах производилась треть картошки и половина всего мяса в стране. Я это отчетливо помню, как бывший журналист-аграрий. Да… А функционерам выдавали разные приятные вещи не в собственность, а вроде бы напрокат. Этот институт был моден при Советах – лыжи напрокат, телевизоры, палатки, мебель… А этим – дачи давали и машины.

– Лизинг.

– Этот бизнес сейчас возрождается, судя по рекламе! В этом, может, и есть смысл – снял себе дачу, и ладно, зато не надо ремонтировать и все такое прочее… А книги тогда какие ты читал?

– В 86-м? Я перечитывал Герцена, «Былое и думы». Интересная книга!

– Гм… Я ее последний раз брал в руки в 81-м, когда в Польше были разборки с «Солидарностью».

– Там впервые в официальной литературе, рекомендованной для чтения, я прочитал критику Маркса, например.

– Не помню. Типа он все наврал или что?

– Я в первый раз ознакомился с тезисом, что движущей силой всех революций является зависть. Это у Герцена прямо написано!

– То есть не забота о светлом будущем грядущих поколений, а именно так?

– Да… Зависть… Еще Герцен нас учил, что учение Маркса – это идеология лавочников… Вот… Там много чего интересного!

– Не зря его в Лондон сослали… Как Березу… Который у нас как наследник «Колокола».

– Да ну, я тебя умоляю! Это как если бы создатель военных поселений Аракчеев вдруг неожиданно эмигрировал в Лондон и начал бы Николая Первого критиковать… Примерно из той же серии. Человек, который чуть голову не положил, утверждая теперешний режим у власти, потом вдруг воспылал к нему такой ненавистью… И стал вдруг говорить – ай-ай-ай, караул…

– Он же еще автомобили пиздил. Вон дело какое-то опять завели.

– Ну было и было… У правоохранительных органов к Березе разное отношение в разные времена. На нашей памяти дело Аэрофлота закрывали за отсутствием состава каких-либо претензий к Абрамычу. А потом вдруг они обратно возникли, да? Он один воровал – или с кем-то еще? А если с кем-то еще, то они ведь продолжают владеть этим заводом? Или как? У меня к

Березе сложное отношение, но давайте объективно смотреть – так же не бывает.

– Но он веселый парень.

– Веселый.

– Никто еще так не развлекал русскую публику, как он! И размах у него есть. А еще в 86-м было много текстов про НЛО… Якобы в Штатах с 47-го года хранились обломки сбитой «тарелки» с трупами инопланетян.

– Это я помню. Потом выяснилось что русские давно «летающую тарелку» изобрели, и она есть. Где-то в Саратове… Блоху подковали. Она хоть и сдохла…

– … но летает. А ты что думаешь об инопланетянах?

– Меня эта тема по большому счету никогда не волновала. Я не думал об этом. Цель какая – думать об этом?

– Ну свалить на них что-то – убийство Листьева или Собчака.

– А ты уверен, что Собчака убили? Что он не своей смертью помер?

– О, вот видишь, ты даже не говоришь: «Что ты несешь, что ты мелешь, да кто б его мог убить?!» Ты чисто конкретно спрашиваешь, уверен ли я… Он умер в такой момент подходящий…

– Но ведь в своей постели…

– Ну да. И Сталин тоже в своей постели практически. Гораздо интересней та версия, где охрана боялась к Сталину войти, врачи боялись лечить, Политбюро боялось, что он выживет, ТАСС боялся объявить, что вождь коньки откинул…

– Дыхание Чейн-Стокса. У Сталина вот именно такое было перед смертью, об этом сообщалось.

– Ладно. А Чумак тебя тоже не волнует?

– Меня – нет. Но меня волнует, что Чумак волнует большое количество россиян. Это – да.

– Мне рассказывал один человек, который с Чумаком устраивал концерты…

– Концерты – хорошее слово!

– Ну, короче, они стадионы арендовали. Чумак выступает, а товарищи уже бухают, организаторы. И Чумака зовут выпить. А он говорит – не могу, у меня сейчас второе отделение будет, надо к народу идти. И ему дают совет – что сказать публике. Чумак выходит на сцену и говорит в микрофон: «А теперь, перед началом второго действия, – двадцать минут лечебного молчания».

– Ха-ха-ха.

Комментарий Коха

Кстати, с этих концертов начался Мавроди и все остальные пирамиды. Лоходром. Будь моя воля, я бы всех, кто ходил на Кашпировского с Чумаком, покупал билеты «МММ» и всяких разных «хопров», освидетельствовал, признавал ограниченно дееспособными и лишал избирательных прав.

Я уверен, что список этих гавриков и гавриков, которые голосуют за Жирика и коммуняк, коррелирует на 99 %. Ну они реально ненормальные.

Как с этой Властилиной. Обманула тысячи людей. Поймали – посадили. Отсидела – вышла. Далее внимательно: приехала обратно к себе в Подольск, открыла такую же контору – лоходром, – и опять народ повалил к ней тысячами со своими сбережениями!!!

Все. Ее больше сажать нельзя. Надо всю эту публику, которая к ней ходит, срочно в дурдом. Срочно! Как нет? А если они завтра чего-нибудь подожгут? Или зарежут кого-нибудь? Они же за свои поступки не отвечают. Это очевидно. Они ведь потом опять скажут: а куда государство смотрит? Почему оно нам опять позволило свалять дурака? Оно что, не знало, что мы дураки и есть?

– И дальше спокойно бухают. А сколько людей избавились за эти двадцать минут от хронических заболеваний, бросили пить, перестали изменять женам… Или жены им. Все-таки большинство населения страны не взрослое – оно на стадии североамериканского негра или сельской девочки, которая ходит к гадалке; это люди, которым нужны простые конструкции, нужны мифы. Ну как ты им будешь объяснять про современную экономику? Только время потеряешь. Надо им дать Чумака, пусть лечит. Надо дать Березу – вот, он один украл, а все прочие – русские и честные. Надо им дать Ельцина – наш мужик с утра выпил, весь день свободный. Спел, сплясал, доволен собой, и пошли все на хер. Простые конструкции. А для вас, яйцеголовых, надо конструкции посложней: с Чейн-Стоксом, с диссертациями, надо в Гарвард ездить, – повыпендриваться, короче. Есть у тебя чувство, что страна состоит из двух разных народов? Что, как говорил классик, в каждой национальной культуре есть как минимум две национальные культуры? А может, и три, но две-то точно? Чумак – это наше, это вековая мечта русского народа! Зачем жечь усадьбы, когда барин сам от всего откажется и будет ездить на

троллейбусе, как ранний Ельцин? Понимаешь, о чем я говорю?

– Да.

– Вот эти вековые чаяния, о которых нам вещает Геннадий Андреич Зюганов, у нас в полный рост стоят! И живая вода, которую для партии и народа заряжает Чумак, и сестра Аленушка, которая закозлила братка Иванушку, и гуси-лебеди, и березки… Вот все тут – все есть! Иванушка – это Рыбкин, который чего-то там с Березовским тер, и Лебедь, который с Березой работал, с Гусем вообще понятно, это НТВ, само собой… Все русские мифы тут включены. Над самым святым, короче, надругались. Инопланетяне прилетят и всех развлекут. Свершится чудо, и Чумак всех вылечит задаром, никакого не надо законопроекта о медицинском страховании. Функционеры отдадут дачи и распределители сиротам. Сбыча вековой мечты была, как никогда, близко!

– Про две культуры – это хорошо. Я помню, у Ильфа и Петрова было про две культуры: один на льдине мерзнет, а другой придумывает фокстрот «Один на льдине». Не помню, где это было, но я найду…

Комментарий Коха

И.Ильф, Е.Петров. «Золотой теленок». Глава девятая. «Снова кризис жанра».

> «…Чем только не занимаются люди!
>
> Параллельно большому миру, в котором живут большие люди и большие вещи, существует маленький мир с маленькими вещами. В большом мире изобретен дизель-мотор, написаны «Мертвые души», построена Волховская гидростанция, совершен перелет вокруг света. В маленьком мире изобретен кричащий пузырь «Уйди-Уйди», написана песенка «Кирпичики» и построены брюки фасона «Полпред»…
>
> В советское время, когда в большом мире созданы идеологические твердыни, в маленьком мире замечается оживление. Под все мелкие изобретения муравьиного мира подводится гранитная база коммунистической идеологии. На пузыре «Уйди-Уйди» изображается Чемберлен, похожий на того, каким его рисуют в «Известиях». В популярной песенке умный слесарь, чтобы добиться любви комсомолки, в три рефрена выполняет и даже перевыполняет промфинплан. И пока в

большом мире идет яростная дискуссия об оформлении нового быта, в маленьком мире уже все готово: есть галстук «Мечта ударника», толстовка «Гладковка», гипсовая статуэтка «Купающаяся колхозница» и дамские пробковые подмышники «Любовь пчел трудовых»…»

В наше время появились календарики с нарисованными настроениями Владимира Владимировича и песенки типа «за нами Путин и Сталинград…».

И. Ильф и Е. Петров это описали так (там же, глава тринадцатая «Васисуалий Лоханкин и его роль в русской революции»):

«…Наконец Севрюгов совершил то, что совершенно сбило с толку… Он нашел затерянную среди торосов экспедицию, успел сообщить точное ее местонахождение, но после этого вдруг исчез сам. При этом известии земной шар переполнился криками восторга. Имя Севрюгова произносилось на трехстах двадцати языках и наречиях, включая сюда язык черноногих индейцев, портреты Севрюгова в звериных шкурах появились на каждом свободном листке бумаги. В беседе с представителями печати Габриэль д'Аннунцио заявил, что только что закончил новый роман и сейчас же вылетает на поиски отважного русского. Появился чарльстон: „Мне тепло с моей крошкой на полюсе“. И старые московские халтурщики Усышкин-Вертер, Леонид Трепетовский и Борис Аммиаков, издавна практиковавшие литературный демпинг и выбрасывавшие на рынок свою продукцию по бросовым ценам, уже писали обозрение под названием „А вам не холодно?“…»

– Алик, а каким тебе виделось будущее страны?

– Ну, я, как человек, который всей душой поверил в перестройку…

– Это стеб, что поверил?

– Какой стеб?! Это чистая кристальная правда! Я-то думал, что вот наконец мы все, как один человек, наконец-то коммуняки осознают, сколько они вреда принесли своему народу… Но не вешать же их на фонарных столбах, они и сами готовы перестроиться. Они начнут перестройку с себя! Я думал, что все теперь о'кей!

– А у тебя были при советской власти эротические мечты?

– Типа?

– Ну как у меня. Иду я, к примеру, по улице и вдруг вижу – толпа народу, и ящики стоят, длинные и короткие. Из длинных винтовки раздают, а из коротких – патроны. Ну, говорят, вот, берите, кто готов идти бить большевиков.

– Не, не было такого.

– …и я беру винтовку, 200 патронов и иду… Это, видимо, навеяно большевистской же пропагандой – так описывали 1918 год обычно, только там белых предлагалось идти бить, ибо социалистическое отечество было в опасности… Аркадий Гайдар чего-то такое описывал… Мне очень живо это представлялось! Я помню, как в детские годы ходил в тир и там стрелял из мелкашки, затвор там такой как бы взрослый, винтовочный, – клац-клац. Патроны были чуть не по пять копеек! Но только я в отличие от Караганова мечтал не про то, чтоб львов бить в Африке, а коммунистов на родине.

– Не, у меня такого желания бунта не было. Все-таки немецкая кровь, дисциплина… Ordnung.

– Да, нас учили на военной кафедре, что немцы обычно твердо стоят на договоренном. Их еще древние римляне считали хорошими солдатами. Вербовщики спаивали германцев и давали им, пьяным, подписаться – а после наутро предъявляли. И немец, похмельный, даже не предпринимал попыток доказать, что его надули: типа, я был в жопу пьяный, ничего не помню, это не считается. Нет! Пьяный, ссаный – это его личные проблемы. Подписал – значит, подписал: все. И идет умирать за Рим. За рейх – первый рейх это был или какой? Значит, не было у тебя такого, ты думал, что все рассосется и будет хорошо?

– Да, да, да. Я так думал. Ну а что, все более или менее рассосалось…

– И теперь пожинаешь плоды своей догадливости.

– Да. Но и молю Бога, чтоб у нас не было срыва в бунт. Потому что русский бунт, как известно, бессмысленный и беспощадный. Тема бунта тебе, как я посмотрю, не дает покоя.

– Не дает. Вот я тут выезжал с Садового на Кутузовский, а там пробка, и непонятно отчего. А когда вдруг мент забегал нервно туда-сюда, стало ясно, что это для Путина дорогу освобождают. Кого-то это возмущает, но я к этой мере предосторожности спокойно отношусь. Я понимаю, как чечены мечтают его достать. И я с ужасом подумал: а вдруг они его достанут? Что тогда начнется в стране? Не дай Бог!

– По Конституции, его место займет Касьянов. Кстати, по телику показывали, как одна женщина родила в автомобильной

пробке, которая образовалась, пока Путина пропускали. Муж роды принимал. А врачиха по телефону службы 911 руководила его действиями.

– Да хрен с ним, с Касьяновым. А что произойдет с экономикой? С рублем? С очередями? С армией? С порядком на улицах? Да еще вдруг там будет чеченский след? А? Страна – неуправляемая…

– Не знаю… Почему я должен это представлять?

– Ну как? Вон даже в Америке убивали президентов!

– Ну и что? Что-нибудь от этого менялось? Вон даже Линкольна убили – и что? Что, Север как-то изменил свое отношение к рабовладению? К Югу? Или после убийства Кеннеди Америка встрепенулась, начала давить Кубу? Свергла Кастро? Что случилось? Ничего… Хотя – когда убили Александра Второго, стало хуже. В том числе и тем, кто его убил. А может, и лучше? При Александре Третьем экономический рост был офигенный. «Политика малых дел» и все такое. Опять же войн не было.

– Кстати, насчет Александра Второго: за тысячу лет в России был один вменяемый руководитель, которого волновала судьба вверенного ему народа… При всем нашем уважении лично к Владимиру Владимировичу мы должны признать, что…

– …что Боба Бимона еще никто не побил.

– Да… Что отец родной у этого бедного народа был один. И никто так не лез народ освобождать.

– И никто для народа не сделал большей поганки, чем революционеры из «Народной воли». Которые для этой воли старались.

– Ну тут же «Народная воля» – в кавычках! Как «Правда».

– А еще помнишь, были Игры доброй воли…

– Да. Кстати. Бомжей выслали и проституток, салями продавали. Чисто было в Москве…

– А как они определяли – проститутка или нет?

– Ну так в отделении милиции при отелях все ж знали. И тех проституток, которые слабо работали на Комитет – вяло стучали, – выслали из города, на время. У нас на курсе в университете была девушка, она подрабатывала путаной (удачно совмещала две древнейшие профессии, ха-ха). Надевала, кстати, комбинезон на голое тело, которое рельефно торчало из-под, и шов шел прямо по… э-э-э… осевой линии организма. Она как-то хотела взятку дать преподавателю, экзамен не могла сдать, так он заорал, что ее блядские деньги ему не нужны. Он, видно, тоже работал на Комитет и знал, кто из девушек чем занимается.

– Симпатичная?

– Ну, сегодня б она тянула долларов на 300–400. А на тех Играх впервые, кажется, засветилось Си-эн-эн. А после и на войне в Ираке, и на нашем путче, и на обстреле Белого дома… Мы думали, что отобьемся за Олимпиаду, и все. Никто ж не знал, что мы вскармливаем Си-эн-эн! Это чудовище, которое теперь мечтает показать конец света в прямом эфире!

– Ну да. И комментатор объявляет: «А вот уже и мертвые встают из своих могил. Чтобы присутствовать на Страшном суде. Смотрите внимательно – вдруг в кадре мелькнет ваш прадедушка?…»

– И дальше: «После рекламной паузы в прямом эфире выступит Адольф Гитлер. Оставайтесь с нами!»

– «Что-то вы какой-то обожженный, Адольф Алоизыч! И бензином от вас несет, фу!»

– И его пудрят, как обычно перед эфиром. Тебя, кстати, пудрили, когда позвали в прямой эфир НТВ мочить?

– Ну вообще начало конца света, первые его кадры мы уже видели – 11 сентября 2001 года.

– Через пятнадцать лет после создания Си-эн-эн. Но у нас, кстати, тоже отыграли опыт Си-эн-эн…

– А, с «Норд-Остом»?

– Хм. Нет, в первый раз – с прокурором Скуратовым и его подруж ками.

– Не было там прямого эфира!

– Ну да, запись… Задним числом, к торжественной дате…

– Но эффект присутствия был.

– И национальный вопрос там был затронут. Татарский… А деньги тогда, в 86-м, какие были – старые?

– Старые, старые.

– Был, конечно, полный застой. Но ангелы уже немножко востру били.

– Ангелы вострубили, и там уже публикации пошли робкие, на уровне оправдания Бухарина.

– Фактически была сорвана первая печать – я имею в виду, ядерная энергетика перестала быть делом узких спецов; мирный атом – в каждый дом…

Комментарий Свинаренко

Здесь я допустил неточность. Первая печать к атомной энергетике, кажется, никакого отношения не имела:

> «И я видел, что Агнец снял первую из семи печатей, и я услышал одно из четырех животных, говорящее как бы громовым голосом: иди и смотри. Я взглянул, и вот конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный, и чтобы победить».

То есть сперва были сорваны все семь печатей, а после семь ангелов принялись трубить.

> «Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде „полынь“; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки» (Откровение Иоанна Богослова).

Широкая публика была тогда не в курсе, что Чернобыль – это в том числе и название разновидности полыни. Но читатели Евангелия донесли эту информацию до людей недостаточно эрудированных, и это вызвало некоторый всплеск интереса к книге.

Комментарий Коха к комментарию Свинаренко

Чернобыльник – народное название полыни (см.), обычно Artemisia vulgaris (обыкновенной полыни); реже Ч. называют виды мари (Chenopodium). (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб, 1903. Т. 76.)

Была также в ходу частушка:

> На недельку до второго
> Жид уехал в Комарово.
> А Иван-дурак, как трактор,
> Ремонтирует реактор.

Разбираясь с Чернобылем и звездой Полынь, я в том же тексте наткнулся и на такую фразу: «Шестой Ангел вылил чашу свою в великую реку Евфрат: и высохла в ней вода, чтобы готов был путь царям от восхода солнечного».

Мрачновато это выглядит на фоне войны с Ираком, которая назначена на ближайшее будущее…

– Ну, первая проблема этого рода была в Японии, но что

нам заграница? Там печать была только надорвана, а сорвана-таки в России, ну в СССР на тот момент. Хотя нет – первая печать была сорвана так: помазанник Божий убит своим народом, и народ спокоен. Убийц предъявляют пионерам.

– Да ну, это так не воспринималось! Ну эксплуататор, ну замочили.

– Ладно. Тогда первая печать – это полет в космос. Не было такогоуказания – летать в космос. Сказано было – хлеб в поте лица, плодитесь и размножайтесь.

– Нет. Запреты были, но чтоб Господь сказал, что все, что он прямо не разрешил, того нельзя, – такого не было.

– Ладно. С Чернобылем я вот еще что подумал. То, что власть так себя повела, – это частное проявление большого закона. Я вот что заметил… Где у негров и у русских суверенитет – там тоска, и голод, и воровство. Власть к своему народу относится как к чужому.

– Мой любимый Пол Джонсон писал о том, что неграм нельзя давать суверенитет, потому что они друг друга мочить будут.

– А про русских он такого не писал?

– Нет.

– Боюсь, мы про это первые напишем. Это такая крамола, так некрасиво, что даже как-то неловко… Варягов бы каких позвали, что ли… Вот за тысячу лет только один руководитель высшего звена – я все про Александра Второго – проявил заботу о своем народе. И в итоге плохо кончил… Но даже и не это меня беспокоит, что его убили, это его личная проблема! Моя проблема другая – что он был исключением! А остальные 980 лет страна управлялась людьми, которые вели себя как чужие! Их волновало все, что угодно, кроме блага подданных! У всех риторика, как у Зюганова: да, мы обосрались и семьдесят лет вели страну непонятно куда, и жили хуже всех, и бездарно отдали власть непонятно кому, а теперь еще раз пустите нас к власти, и на этот раз мы точно не обосремся… Таким образом, можно сказать, что государственный суверенитет русских ни к чему хорошему не приводил. То есть суверенитет хорош только в виде исключения, при наличии Александра Второго. А если его нет, кто ж тогда должен командовать? Какие-то мифические варяги?

– Ну, варяги не думали, что им придется управлять такой страной…

Комментарий Свинаренко

Справедливости ради надо сказать, что русские, в общем, и не рвутся управлять своей страной – может, что-то чувствуют… Они страну то и дело кому-нибудь спихивают. У нас обыкновенно правят, грубо говоря, варяги. Те же самые мифические варяги, киевские незалежные князья, цари и царицы немецкого происхождения, еврейские комиссары, грузинские семинаристы, днепропетровские аппаратчики… Все было, и ничего хорошего из этого не вышло. Особого внимания заслуживают попытки введения внешнего управления или его элементов – как с фирмами, где кризис и обвал. Я имею в виду Антанту, при помощи которой белые намеревались восстановить в стране законность. Антанта попыталась что-то наладить… Но после оставила эти попытки. Антанта ушла из России в двадцатые – как какая-нибудь «Pizza Hut» из Москвы в 98-м, испугавшись временных трудностей. Стало ясно, что в России не только самоуправление не работает, но и внешнее тоже не срабатывает. Действительно, какой-то третий путь – ни внутрь, ни наружу. Классическим поводом для введения внешнего управления был дефолт 98-го, но никому и в голову не пришло поставить об этом вопрос. Зачем? Только время терять…

– Ну и какую же властную альтернативу мы можем предложить России? Россия каждый раз управляется как бы чужими людьми; они бабки поделили и разбежались, а крестьяне всякие и пролетарии – да ну их… А?

– Ой! Прям как в застойной «Литературке» – если бы директором был я. Каждый русский интеллигент (сразу Васисуалий Лоханкин представляется) должен предложить властную альтернативу… Альтернативу чему? Или кому? А не представляешь альтернативы, значит, не интеллигент. Не думаешь над вековечными вопросами и так далее. Ну да делать нечего, Игореша требует…

Комментарий Коха

Рассуждения о власти в третью неделю Великого поста с двусторонней пневмонией и плевритом (восемь дней без курева, задница как дуршлаг от уколов антибиотиками)

Рассуждение первое (конфуцианское)

Конфуций. «Изречения». Глава 12. «Янь Юань»:

«…7. Цзыгун спросил о том, в чем состоит управление государством. Учитель ответил:

– Это когда достаточно еды, достаточно оружия и есть доверие народа.

– А что из названного можно первым исключить в случае необходимости? – спросил Цзыгун.

– Можно исключить оружие.

– А что из остающегося можно первым исключить в случае необходимости? – снова спросил Цзыгун.

– Можно исключить еду.

Смерти издревле никто не может избежать.

Когда ж народ не верит, то не устоять…»

Похоже, еду с оружием мы уже давно исключили. Но вот феноменальный уровень доверия народа нынешней власти, который не могут объяснить ни ее адепты, ни ее противники, как раз вполне в русле конфуцианских установок. В этом смысле нынешняя власть действует правильно. Путь к сердцу народа лежит не через желудок. Что бы там ни кричали Маркс и Энгельс. Народная любовь – вещь неуловимая и трепетная. И часто переходит в лютую ненависть. А вот обратно – с трудом. Проверено экспериментально. Сами знаете.

Конфуций. «Изречения». Глава 13. «Цзылу»:

«…2. Чжунгун стал управляющим у Младших и спросил о том, что значит быть правителем.

Учитель ответил:

– Будь примером для своих подданных, не вини за малые поступки, выдвигай достойных и способных.

– А как узнать достойных и способных, чтобы их возвысить? – спросил Чжун-гун.

Учитель ответил:

– Возвысь тебе известных, А тех, кого не знаешь, – отринут ли другие?»

Тут вроде все понятно и технологично. Возвысь своих друзей-товарищей. Не особенно их ругай за взятки и коррупцию. И получится все чики-чики.

Так все и делается, в соответствии с указаниями старика Конфуция. Но вот в конце – подковырка. Страшная подковырка. Опасная подковырка. А те, кого не знаешь, куда пойдут? Что будут делать? О чем думать? Какому правителю служить? А вдруг среди них есть тоже достойные и способные? И мужественные и храбрые? И самоотверженные? Отринут ли их другие

(правители)? Не зреют ли в их сердцах гроздья гнева? А вдруг они не меньше известных и возвышенных любят Родину? И переживают за нее? Может, их посадить от греха подальше? А то как-то неуютно. Временно все как-то.

И дальше, в этой же главе:

> «…14. Когда Жань вернулся с заседания, Учитель спросил:
>
> – Почему пришел так поздно?
>
> – Обсуждали одно государственное дело, – ответил ученик. Учитель возразил:
>
> – Это дело не могло быть государственным. В противном случае я бы слышал о нем. Хотя нигде и не служу».

Вот здесь у нынешних – все мимо кассы. Все что-то темнят, шушукаются. Секретики у них вечно. На лице – печать государственной нужды. А что за нужда – нам неведомо. Тайна! А раз так, то, значит, и нет никакой государственной нужды. А есть обычная человеческая нужда. Какая-то там. Большая или маленькая. Сугубо личная. О ней и сказать-то совестно. Вот и шушукаются промеж собой. Ходят друг к дружке. По нужде.

И в заключение…

Конфуций. «Изречения». Глава 17. «Ян Хо»:

> «…18. Учитель отметил:
>
> – Плохо, когда фиолетовый цвет затмевает ярко-красный; плохо, когда мелодии удела Чжен портят возвышенную музыку; плохо, когда краснобаи губят государство…»

Здесь без комментариев. И так все ясно. И грустно.

Рассуждение второе (античное)

Платон. «Государство». Книга первая. «О справедливости как выгоде сильнейшего»:

> «…Устанавливает же законы всякая власть в свою пользу: демократия – демократические законы, тирания – тиранические, так же и в остальных случаях. Установив законы, объявляют их справедливыми для подвластных – это и есть как раз то, что полезно властям, а

преступающего их карают как нарушителя законов и справедливости…»

Вот она – мощь разума античных гигантов! «Установив законы, объявляют их справедливыми». Можно даже сказать: «… объявляют их справедливостью».

Вот тут давеча Госдума закон об автогражданской ответственности приняла. Так там все владельцы автомобилей обязаны их застраховать.

Ха! Все, да не все. Вернее, почти все. Все, кроме государства. То есть если в тебя въехала госмашина, то тебе заплатят – шиш! Даже если у тебя машина застрахована. Поскольку страховая компания с государства денег не получит. Так-то! Даешь трехцветные номера! Это называется справедливость. Поэтому сидите и не пиздите, граждане автовладельцы.

Вообще-то это неконституционно и является чистой дискриминацией по форме собственности. Кстати, государевы люди не платили налогов только в Средневековье. В новое время, не говоря уже о современности, они уравнялись со всеми другими гражданами. То, что государство выделило себя и освободило от автогражданской ответственности, – прорыв в Средневековье! Сейчас даже английская королева платит налоги, не говоря уже о страховке в частных страховых компаниях. Дискриминация по любому признаку – дикость. С чем и поздравляем наших народных избранников. Они, наверное, забыли, что их народ избирал, а не Сурков.

В этом же контексте интересно проанализировать нацистские «Нюрнбергские законы». Тоже – сама справедливость. Как ее понимает власть.

Аристотель. «Политика». Книга пятая (Е):

«…VII. 9. Но самое главное при всяком государственном строе – это посредством законов и остального распорядка устроить дело так, чтобы должностным лицам невозможно было наживаться. За этим с особой тщательностью должно следить в государствах олигархических. (…)

14. Тремя качествами должны обладать те, кто намерен занимать высшие должности: во-первых, сочувствовать существующему государственному строю; затем – иметь большие способности к выполнению обязанностей, сопряженных с должностью; в-третьих, отличаться добродетелью и справедливостью, соответствующими каждому виду государственного

строя. (…)

20. Но самое важное из всех указанных нами способствующих сохранению государственного строя средств, которыми нынче все пренебрегают, – это воспитание в духе соответствующего государственного строя. Никакой пользы не принесут самые полезные законы, единогласно одобренные всеми причастными к управлению государством, если граждане не будут приучены к государственному порядку и в духе его воспитаны, а именно если законы государства демократические – в духе демократии, если олигархические – в духе олигархии; ведь если недисциплинирован один, недисциплинированно и все государство…»

Ну, то, что воровать на казенной должности нельзя, понятно. Забавно, правда, что это уже давно (2500 лет назад) поняли, а противоядия не придумали.

Интересно здесь вот что. Оказывается, добродетель и справедливость, по мнению Аристотеля, бывают разные. Одна – для демократии, другая – для олигархии, а для тирании – вообще третья. И все это разные добродетели и справедливости.

Вот, допустим, добродетельный человек из тиранического государства. Какой он?

Он любит тирана. Ну просто обожает его.

Он с радостью отдает свой последний кусок на всякие начинания тирана и вообще отождествляет тирана и страну. Для него интересы тирана и есть интересы страны.

Он необычайно любит все военное. Железные легионы. Пыль походов. Трофеи. Стойкость. Жертвенность.

Ненавидит оппортунистов, всякие дискуссии, оппозиционность.

Не верит в частную жизнь. Частная жизнь, по его мнению, – это удел неудачников.

Служение государству, «державе», как теперь модно говорить, есть цель настоящего мужчины.

Кстати, вопреки расхожему мнению он отнюдь не аскет. Он с удовольствием потребляет земные блага, считая, что они ему положены в обмен на любовь и преданность.

Теперь представим, что такой человек оказывается на какой-нибудь высокой государственной должности в условиях демократии.

Будет ли он, по Аристотелю, сочувствовать государственному строю? Вряд ли. Ему будет казаться, что здесь, при демократии,

все понарошку. Понарошку кричат депутаты, понарошку журит начальство, понарошку нужно быть честным.

Да и система приоритетов здесь какая-то чудная. Все говорят, что нужно сделать то-то и то-то, чтобы легче было торговать, ремеслами заниматься, овец пасти. А про державу никто не думает. И, о ужас, нас уже никто не боится. А раз не боятся – значит, не уважают. А это поважнее набитых животов, дорогие товари…, ой, извините, сограждане.

Вот Аристотель был учителем Александра Македонского. Молодой человек был сыном царя Филиппа и соответственно воспитан в тираническом духе. Да и завоевывать ему предстояло Персию, то есть страну, в которой народ с молоком матери впитал тираническую ментальность. Отгадайте, какой государственный строй посоветовал Аристотель установить на завоеванных Александром территориях? Правильно, тиранию. Как вы догадались? При том что сам Аристотель воспитывался в духе афинской демократии и для себя другого строя не видел.

Сейчас, в нашей лучшей из демократий, значительную часть государственных должностей занимают люди вполне тиранического склада. Или, как они себя называют, «державники». Смогут ли они не соскользнуть в болото тирании? Очень сомнительно, хоть и не дай Бог.

Флаг – демократический, герб – монархический, гимн – тиранический. Как говорил бессменный автор текстов к гимну, «получился ералаш!». Иными словами, полное нарушение законов Аристотеля. Что из этого выйдет? Опять Америку открываем.

И в заключение этого рассуждения…

Аристотель. «Политика». Все та же пятая глава (Е):

> «…IV 1. (…) В демократиях перевороты чаще всего вызываются необузданностью демагогов, которые, с одной стороны, путем ложных доносов по частным делам на состоятельных людей заставляют этих последних сплотиться (ведь общий страх объединяет и злейших врагов), а с другой стороны, натравливают на них народную массу…»
>
> Ну, тут ни отнять, ни прибавить. Обратили внимание: они здесь совпадают с Конфуцием. Тот про краснобаев, этот про демагогов… Неспроста это…

Рассуждение третье (христианское)

Послание к римлянам святого апостола Павла. Глава 13:

> «1. Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены.
>
> 2. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение.
>
> 3. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро и получишь похвалу от нее.
>
> 4. Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, в наказание делающему злое.
>
> 5. И поэтому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести.
>
> 6. Для сего вы и подати платите, ибо они Божии служители, сим самым постоянно занятые.
>
> 7. И так отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь…»

Ничего себе, а? Это получается, и Чингисхан, и Гитлер – все от Бога? А что ж тогда преподобный Сергий Радонежский благословлял на битву Христово воинство Дмитрия Донского? И инока Пересвета послал с ним?

Это получается, про эсэсовцев сказано: «Хочешь ли не бояться власти? Делай добро и получишь похвалу от нее». Выходит – доноси на партизан (чтоб их повесили), выдавай евреев (чтоб их сожгли). Тогда получишь похвалу.

Нет! Мое представление о христианской добродетели здесь с апостолом Павлом не совпадает. А вот наши иерархи который год блеют: «Всякая власть от Бога… Нет власти не от Бога…»

С принятием христианства и начали все монархи, даже лучшие из них, воспитывать покорность народа на павловском Послании римлянам. Вот характерный отрывок из Манифеста Александра Второго от 19 февраля 1861 года (об отмене рабства):

«…Но общий здравый смысл не поколебался в том убеждении, что по естественному рассуждению свободно пользующийся благами общества взаимно должен служить благу общества исполнением некоторых обязанностей, и по закону христианскому всякая душа должна повиноваться властям предержащим (Рим. XIII, 1), воздавать всем должное, и в особенности кому должно, урок, дань, страх, честь (7); что законно приобретенные помещиками права не могут быть взяты

от них без приличного вознаграждения или добровольной уступки; что было бы противно всякой справедливости пользоваться от помещиков землею и не нести за сие ответственной повинности…»

Но были и другие случаи. Когда, призывая Господа, свергали существующую власть, временно «забыв» про «послание римлянам». Вот, например, Декларация независимости от 4 июля 1776 года, принятая единогласно всеми тринадцатью Соединенными Штатами Америки:

«…Поэтому мы, представители Соединенных Штатов Америки, собравшись на Генеральный конгресс и призывая Всевышнего быть свидетелем искренности наших намерений, именем и властью доброго народа наших колоний торжественно во всеуслышание объявляем, что наши соединенные колонии отныне являются, и по праву должны быть, свободными и независимыми Штатами, что они полностью освобождаются от верности Британской короне, и что всякая политическая связь между ними и государством Великобритания полностью расторгается, и что, как свободные и независимые штаты, они полномочны объявлять войну, заключать мир, вступать в союзы, вести торговлю и совершать все другие акты и начинания, которые по праву могут совершать независимые государства. В подтверждение настоящей Декларации, с твердой верой в покровительство Божественного Провидения, мы даем взаимный обет жертвовать своими жизнями и своим состоянием и свято блюсти нашу честь…»

Трудно назвать отцов-основателей США безбожниками. И конечно же, они знали про это послание Павла. Так где же истина? Как быть?

А вся проблема в Павле. Этот великий промоутер Христова учения, который и не Павел никакой, а Саул, фарисей и сын фарисея, ни разу не только не разговаривавший, но и не видевший Христа, был одержим, как фанатик, одной идеей – нести христианство язычникам.

Христианское учение в руках этого даровитого и образованного человека отличается такой смелой самобытностью, что это дало повод некоторым исследователям видеть в его богословии нечто отличное от первоначального Христова учения, так называемый павлинизм, как нечто совсем иное, чем простое христианство.

Апостол Павел, предчувствуя, что следствием распространения христианства среди язычников будут жуткие репрессии в отношении приверженцев новой веры, и прежде всего от римлян, попытался смягчить удар, как бы говоря: «Мы будем

платить налоги, мы признаем, что ваша власть от Бога; пожалуйста, не бейте нас!» Именно поэтому процитированный пассаж есть только в послании римлянам. Больше нигде ничего подобного нет.

Этим, возможно, он выиграл время. Потому что, когда гонения все-таки начались, община уже окрепла, вера систематизировалась и оказалась способной не только устоять под ударами язычников, но и в конечном итоге стать государственной религией Великого Рима.

Таким образом, подобные заявления Павла нужно рассматривать как тактический ход в борьбе за сохранение паствы и учения, а не как программную вещь на все времена. Ссылки наших монархов и иерархов на Павла в этом контексте по меньшей мере недобросовестны.

А что же сам Христос? Что он говорил о светской власти, как он учил к ней относиться?

Да ничего не говорил. Врать он не хотел, да и не умел, а правду говорить… сами знаете, чем это все кончается. Строго говоря, и без программных заявлений Христа относительно власти эти самые власти быстро раскусили, что к чему, и распяли его.

Но все-таки вытащить из него прямую речь на эту тему они очень даже хотели. Вот характерный отрывок:

> «…15. Тогда фарисеи пошли и совещались, как бы уловить Его в словах.
>
> 16. И посылают к Нему учеников своих с иродианами, говоря: Учитель! Мы знаем, что Ты справедлив, и истинно пути Божию учишь, и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лицо;
>
> 17. Итак, скажи нам: как Тебе кажется? Позволительно ли давать подать кесарю или нет?
>
> 18. Но Иисус, видя лукавство их, сказал: что искушаете Меня, лицемеры?
>
> 19. Покажите Мне монету, которою платится подать. Они принесли ему динарий.
>
> 20. И говорит им: чье это изображение и надпись?
>
> 21. Говорят ему: кесаревы. Тогда говорит им: итак, отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу…» (Мтф. 22).

По всей видимости, фарисеи хотели вынудить Христа высказаться совершенно определенно против уплаты подати Риму и, следовательно, совершить уголовное преступление, прямо карающееся смертной казнью. Разгадав их замысел, Христос

ответил красиво, туманно, но не погрешил против истины. Характерно, что этот эпизод есть в трех из четырех канонических Евангелиях, что большая редкость. Вот как это описано у евангелиста Марка:

> «…13. И посылают к Нему некоторых из фарисеев и иродиан, чтобы уловить его в слове…
>
> 15. Но Он, зная их лицемерие, сказал им: что искушаете Меня? Принесите мне динарий, чтобы Мне видеть его…» (Мк, 12).

А вот евангелист Лука:

> «…20. И наблюдая за Ним, подослали лукавых людей, которые, притворившись благочестивыми, уловили бы Его в каком-либо слове, чтобы предать его начальству и власти правителя…
>
> 23. Он же, уразумев лукавство их, сказал им: что вы Меня искушаете?…» (Лука, 20).

Очевидно, что фарисеи, а уж подавно и все остальные, кому он проповедовал, прекрасно знали, что Христос не признает власть Рима и, уж во всяком случае, против уплаты податей кесарю. Есть один Царь – Господь, ему и нужно поклоняться. Как это контрастирует с Павловым смирением: «…существующие власти от Бога установлены…», «…поэтому надо повиноваться…».

Вот тут Геннадий Андреевич записал было Христа в коммунисты. Так вот шиш вам, товарищ Зюганов. Никакой он не коммунист. Христос – анархист. И как всякий анархист, конечно же, идеалист.

Значительно ближе к Христу и при этом более реалистичен Мартин Лютер. (О светской власти. Первая часть. «В какой мере ей следует повиноваться»):

> «…Поскольку весь мир зол, и среди тысячи едва ли найдешь одного истинного христианина, то люди пожирали бы друг друга, и некому было бы защитить женщин и детей, накормить их и поставить на службу Богу, и мир опустел бы. Вот почему Бог учредил два правления: духовное, которое образуют христиане и благочестивые люди при помощи Святого Духа во главе с Христом, и светское, сдерживающее нехристиан и злых, заставляющее их, хотя бы против воли, сохранять внешний мир и спокойствие…»

Далее Лютер объясняет, что не все крещеные – христиане:

> «…Ведь мир и большинство людей – нехристиане и таковыми останутся, хотя все одинаково крещены и называются христианами. Настоящие же христиане живут друг от друга, как говорится, не рукой подать. Поэтому невозможно, чтобы христианский порядок распространялся на весь мир, или на целую страну, или на большую группу людей. Ведь злых всегда гораздо больше, чем благочестивых…»

И хотя Лютер признавал печальную необходимость светской власти как меньшее зло, призванное обуздать большее, тем не менее эту светскую власть отнюдь не идеализировал (там же, вторая часть. «Как далеко простирается светская власть»):

> «…Знай же, что с сотворения мира мудрый князь – птица редкая, и еще более редок князь благочестивый. Обыкновенно они либо величайшие глупцы, либо крупнейшие злодеи на земле…»

Таким образом, Лютер не всякую светскую власть считал учрежденной Богом, а лишь ту, которая справляется с той функцией, для которой она и создана, а именно: «…они должны быть теми, кто бы разыскивал, обвинял, мучил и убивал злых, защищал, прощал добрых, отвечал за них и спасал их. Но это справедливо только тогда, когда они не руководствуются своекорыстными интересами, а только помогают закону и власти, посредством которых принуждают злых…» (Там же. Первая часть).

Итак, отнюдь не всякая власть от Бога. Например своекорыстная – от лукавого. И действительно, если властитель хочет исполнить Божие предначертание светской власти и защищать, спасать добрых и наказывать злых, но при этом еще хочет стать посредством этой власти богатым, то он как бы служит сразу двум господам. Но ведь сказано в Писании: «… никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному будет усердствовать, а о другом не радеть. Не можете служить Богу и маммоне…» (Мтф. 6: 24).

И, как обычно, в заключение этого рассуждения:

> «…2. И сказал: на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи;
>
> 3. Итак, все, что они велят вам соблюдать,

соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят, и не делают;

4. Связывают бремена тяжелые и неудобоносимые и возлагают на плечи людям, а сами не хотят и перстом двинуть их;

5. Все же дела свои делают с тем, чтобы видели их люди; расширяют хранилища свои и увеличивают воскрилия одежд своих;

6. Также любят предвозлежания на пиршествах и председания в синагогах;

7. И приветствия в народных собраниях, и чтобы люди звали их: «учитель! учитель!»…» (Мтф. 23).

Как они все совпадают, эти мудрецы. Опять про демагогов и краснобаев. Теперь к ним еще фарисеи прибавились. Как, практически, синоним.

Рассуждение четвертое (синтетическое)

Фридрих Ницше. «Человеческое, слишком человеческое (книга для свободных умов)». Отдел восьмой – «Взгляд на государство»:

«…460. Великий человек толпы.

Легко дать рецепт того, что толпа зовет великим человеком. При всяких условиях нужно доставлять ей то, что ей весьма приятно, или сначала вбить ей в голову, что то или иное было бы приятно, и затем дать ей это. Но ни в коем случае не сразу; наоборот, следует завоевывать это с величайшим напряжением или делать вид, что завоевываешь. Толпа должна иметь впечатление, что перед ней могучая и даже непобедимая сила воли; или, по крайней мере, должно казаться, что такая сила существует. Сильной волей восхищается всякий, потому что ни у кого ее нет, и всякий говорит себе, что, если бы он обладал ею, для нее и для его эгоизма не было бы границ. И если обнаруживается, что такая сильная воля осуществляет что-либо весьма приятное толпе, вместо того чтобы прислушиваться к желаниям своей алчности, то этим еще больше восхищаются и с этим поздравляют себя. В остальном такой человек должен иметь все качества толпы: тогда она тем менее будет стыдиться перед ним, и он будет тем более популярен. Итак, пусть он будет насильником,

завистником, эксплуататором, интриганом, льстецом, пролазой, спесивцем – смотря по обстоятельствам…»

Короче, опять про все тех же демагогов, фарисеев и краснобаев. А вот еще одно место, буквально про нас нынешних (там же):

«…449. Мнимые делатели погоды в политике.

Подобно тому, как народ втайне предполагает, что тот, кто умеет разбираться в погоде и предсказывает ее за день вперед, сам делает погоду, – так даже образованные и ученые люди с суеверной верой приписывают великим государственным деятелям, как их собственное дело, все важные перемены и конъюнктуры, наступившие во время их правления…»

Нынешняя власть, бесстыдно приписывая своим мнимым достоинствам хорошую погоду, установившуюся временно над территорией, которой она волей случая управляет, пытается демонстрировать перед публикой силу воли.

На самом деле, хорошо усвоив принцип «разделяй и властвуй», нынешний наш правитель, разбив властей предержащих на несколько враждующих партий, самой логикой этого разбиения заставил их зорко следить друг за другом и ревниво не допускать успехов конкурирующей партии.

Таким образом, сцепившись мертвой хваткой, враждующие партии устроили политический цугцванг и страна погрузилась в пучину паралича, а каждая из партий озабочена лишь укреплением своих позиций. И как всякий паралич, он сопровождается словесным поносом в такой тяжелой форме, что у большинства публики создается впечатление титанической работы.

Уж действительно, краснобаи, демагоги, фарисеи и сверхчеловеки погубят нас.

Хватит трепаться и бздеть. Сделайте же хоть что-нибудь. Пусть вы ошибетесь. Воистину, не ошибается тот, кто ничего не делает.

Велика ли честь получать на шару народную любовь в порциях, достойных античного триумфатора, когда даже самые великие государи получали взамен свободы – смерть.

Делать то, что считаешь нужным, не ожидая за это благодарности, – вот та альтернатива, на которую никак не может решиться нынешняя власть.

Если, правда, она вообще считает нужным хоть что-нибудь делать.

Очень сожалею, но «укрепление вертикали власти», то есть раздувание госаппарата и пристраивание на хлебные должности своих приятелей, делом назвать у меня лично язык не поворачивается.

– Волнения в Алма-Ате еще были. Казахи били русских. Это ж все южные республики – у них в Лос-Анджелесе был бунт, а у нас – в Казахстане. Исконные ваши немецкие земли, кстати. Черный юмор… Ты будешь смеяться, но я своим товарищам, которые там жили, поехали туда из России работать, говаривал: «Бросайте вы там все и валите обратно в Россию!» Они смеялись, говорили: я ничего не понимаю. Один там даже какие-то земли взял, начал выращивать чего-то, и у него потом все забрали – на том основании, что земля казахская, а он – гойская морда. Откуда я это все заранее узнал – не могу сказать. Редкий случай, когда я предугадал ход общественного развития.

Комментарий Свинаренко

В связи с теми «событиями» я тут процитирую свой текст про русских, русскоязычных беженцев – они из Алма-Аты переместились в Липецкую область. Беженцы про 86-й год вспоминали так: «Они (казахи) шли по городу под зелеными знаменами и кричали солдатам: „Ванька, зачем ты сюда пришел?“ В троллейбусе едешь, так казахи прям над ухом говорят: „Ну, покажем русским!“ Город стал в одночасье какой-то чужой. Я поняла, что это все превращается в заграницу, и стала накручивать мужа – надо уходить. Кстати, рядом с нами в Казахстане жили ссыльные чеченцы – вот уж никогда не думала, что повторю их судьбу…»

«У нас в совхозе русскую школу закрыли, так пришлось перебираться в Алма-Ату. Там все было нормально с русским языком и со школой был порядок. Жили, правда, в общежитии. Но на квартиру я был в очереди первый. А потом очередь отменили… Тогда корейцы и немцы поехали на свои родины, а мы – на свою».

А вот показания беженца, который в той, в прошлой жизни был милицейским сержантом. Именно в 86-м он и замыслил отъезд: «Помните, что тогда было в Алма-Ате? Побоище! Машины жгли, плиты разбивали на площади и кидали осколками, по дому правительства из ракетниц стреляли. Обкуренные были, пьяные… Теперь им там памятник стоит – пантера. Три дня это продолжалось! Мы, милиция, не справились тогда своими дубинками. Так туда работяг привезли с предприятий, и они

разобрались с этими…»

Послушаем дедушку Солженицына:

«Что вообще сказать об этих национальных движениях, таких бурных в республиках? Ну-у, попробовали бы что-нибудь подобное русские, в России! В России подобного нет, а уже какой шум идет…

Как образовывался Казахстан? Как только Ленин разделался с Колчаком, он сейчас же учредил огромнейшую Киргизскую автономную область. И в нее включил эти все четыре казачьих войска непокорных, особенно Уральское, которое воевало с большевиками наиболее упорно с 17-го года. И непокорную Южную Сибирь.

Потом, с 36-го года, эта автономия стала называться Казахской Союзной Социалистической Республикой. И вот строили мы ее – посылали туда специалистов, из бюджета страны делали финансовые вливания, то есть за счет России, Украины, Белоруссии. Создали там промышленность, всю эту организацию, структуру, все это создали.

И дальше: шли туда раскулаченные. Раскулаченные здесь лишились родины, поехали туда, там устро ились – теперь лишились родины там. Потом мы слали туда ссыльные народы, потом целинников-энтузиастов… И все теперь – «иностранцы»…»

– В том году потонул «Нахимов». Шуму было! Это вообще был образ красивой жизни, элитарного отдыха. Не средиземноморский круиз, но все же. Мои родители на нем как-то сплавали… Один мой товарищ, Юра, окончил торговый институт и распределился на «Нахимов», в ресторан, типа замдиректора. И какое-то время на нем плавал. Он рассказывал о полноценном отдыхе на борту – по полной программе, по всем направлениям. При его-то запасах коньяка… Вот. А незадолго до катастрофы этот мой товарищ перевелся на берег…

Комментарий Свинаренко

Вот что гласило официальное сообщение. «31 августа 1986 года при выходе из Новороссийской бухты пароход „Адмирал Нахимов“ (год постройки – 1925) столкнулся с балкером „Петр Васёв“ и затонул через 7–8 минут. Погибли 423 человека из тех,

кто был на борту, плюс, позже, еще два водолаза».

Этот пароход интересен главным образом тем, что он трофейный. Прежде он назывался «Берлин». Впервые он затонул под своей девичьей фамилией еще в 1945-м – его торпедой потопила подлодка. Второй раз «Берлин» потонул в 1947-м, сразу же после того как его подняли со дна.

Любопытно, что теплоход официально был признан не подходящим для перевозки пассажиров: по соображениям безопасности. Черноморское пароходство решило отправить «Нахимов» в последний рейс, с тем чтоб после списать на металлолом. И отправило – с тысячей пассажиров на борту. Зачем, почему – ни тогда, ни сейчас это непонятно. Но последним рейс действительно стал…

– Еще у нас тогда потонула лодка. История очень показательная для того времени. Она фактически про демократию – как ее понимали тогда советские люди. Подчиненные, обнаружив неисправность, должны были по уставу доложить о ней и действовать согласно инструкции. Вместо этого они проявили инициативу на местах. Благодаря такому вот проявлению демократизации затонуло очень сложное, дорогое и опасное сооружение, как подлодка с ядерными ракетами. В тот раз, к счастью, экипаж остался цел и понес только незначительные потери

Комментарий Свинаренко

Атомная подводная лодка К-219 проекта 667АУ из состава Северного флота затонула 6 октября 1986 года в результате пожара. Дело было в 4890 милях к северо-востоку от Бермудских островов.

При попытках спасти лодку погибло восемь человек. Остальных спасли и доставили сперва на Кубу, а после домой.

Ситуация развивалась по классической схеме. Еще на берегу обнаружилось, что неисправна крышка ракетной шахты. Но ремонтировать крышку, как водится, не стали. В походе в шахту соответственно потекла вода. Ответственный за это дело офицер Петрачков про аварию начальству не рассказал, а датчики аварийной сигнализации отключил. Лодка шла под водой и заполнялась водой же втайне от командира. У нас такие бывают офицеры, что никаких диверсантов и террористов врагу не надо! Чтоб она не утонула, Петрачков решил все-таки продуть шахту сжатым воздухом – и продул. Дули так сильно, что дефектную крышку вообще сорвало. Ладно крышка! Но еще ж повредилась,

между прочим, и ракета, да не какая-нибудь, а с ядерной боеголовкой (всего таких на борту было шестнадцать), которая стояла в шахте. Из сломанной ракеты стало вытекать в лодку топливо. Течет оно, течет… А командиру все еще ничего не докладывают! Видимо, думали – авось обойдется как-нибудь… Единственное, о чем командира подлодки проинформировал Петрачков, был тот факт, что датчики (которые он сам же и отключил) не действуют. Для проверки датчиков решено было всплыть. Пока всплывали, в шахте случился взрыв – а чего еще ждать от смеси ракетного топлива со сжатым воздухом… Разгерметизировался прочный корпус лодки, в ней начался пожар. Несмотря на все усилия, предпринятые Петрачковым, лодка еще долго не могла затонуть. Трое суток она горела и заливалась водой. Спасти ее не удалось. Но самое важное было сделано: ядерный реактор заглушили. Это ценой своей жизни выполнил матрос Преминин. (После его посмертно наградили Золотой Звездой.) Личный состав покинул борт лодки. Последняя, «практически не имея повреждений», затонула на глубине пяти с половиной километров. Как обычно в таких случаях, была версия, что причиной взрыва послужило столкновение К-219 в подводном положении с американской АПЛ «Аугуста», – но версия эта довольно вялая.

– Так, что еще было? Постановление по переброске северных рек. Сколько тогда про это писали! А что это вообще такое? Снова ведь возобновились дебаты по этому переброску – то ли это путь к счастью, то ли разграбление России. Те же интонации, что в истории с толлингом и петтингом. Ты, Алик, как вице-премьер, должен в таких тонких вещах разбираться. Или ты тоже не волокешь?

– Честно говоря – не волоку. На мой взгляд, все это большая панама.

– Еще у нас из ссылки выпустили Сахарова. Это был барометр, конечно. Вот только что мы про него слушали «голоса», и вдруг на тебе – советские газеты запросто пишут. Тогда стало понятно, что так называемая перестройка зашла далеко… Были такие мысли, что сейчас всех партийных погонят, а призовут к служению диссидентов, – их же было полно тогда. Чем дольше человек, типа, сидел за правду, тем выше ему дадут пост. И вот они соберутся в кучу, быстро примут правильные красивые законы – и вперед, к светлому будущему! И как-то тогда непросто было сообразить, что публике нужно одно, а яйцеголовым – другое, и разговаривать им между собой не о чем…

Комментарий Свинаренко

В ссылку Сахарова отправили в 1980-м. К Олимпиаде вычистили Москву от бомжей, проституток, а заодно и от опального академика. Ангажированные наблюдатели называли это «актом отчаяния брежневского режима».

Советским бюрократам, на чью долю выпало решение сахаровского вопроса, трудно было завидовать. Ну действительно, что с ним делать?! Сначала тем, кому следует, пришла в голову мысль его усовестить. Было организовано «Заявление ученых ФИАНа». Слепили некий текст и собрали под ним несколько сот подписей. Там были замечательные фразы, как то: «А.Д. Сахаров, несмотря на неоднократные предупреждения руководства и коллег по работе… выступил во вред делу разрядки международной напряженности. В своем интервью иностранным корреспондентам в Москве 21.08 он обратился с призывом к капиталистическому миру оказать давление на Советский Союз с целью изменить сложившиеся нормы жизни у нас в стране, призвал капиталистические страны соглашаться на политику разрядки только в том случае, если СССР допустит вмешательство в свои внутренние дела. Его высказывания послужили толчком к очередной антисоветской кампании в реакционной западной прессе, что наносит ущерб делу разрядки международной напряженности. Мы решительно осуждаем подобные действия академика А.Д. Сахарова. Мы целиком и полностью одобряем программу мира, принятую XXIV съездом КПСС, и практические шаги Центрального Комитета КПСС и Советского правительства, предпринятые для ее осуществления. Ученые и все сотрудники Физического института надеются, что академик А.Д. Сахаров прислушается к критике, задумается над отрицательными последствиями своих заявлений, вернется к активной научной работе и прекратит деятельность, недостойную советского ученого». Восхитительные строки!

Сахаров сочинил на это ответ, который партком обещал опубликовать. Вот цитата: «Я утверждаю, что решение проблем мирового значения – мира, среды обитания, уровня жизни, свободы, самого сохранения человечества и человечности – возможно лишь на пути глубокого встречного процесса сближения капиталистической и социалистической систем. Я утверждаю при этом, что истинная плодотворная разрядка невозможна без создания условий взаимного доверия, открытости, гласности, демократического контроля в обеих сближающихся системах.

Я считаю такое открытое выражение мнения в важнейшем

международном вопросе своим нравственным долгом, так же как открытые выступления в защиту свободы убеждений, национального равноправия, прав политзаключенных и узников тюремных психиатрических больниц. Я призываю к немедленной политической амнистии и к демократическому решению проблемы свободы выезда. С последним вопросом я обратился также с открытым письмом к конгрессу США.

Моя позиция встречает понимание и одобрение самых широких кругов почти во всем мире. Лишь в нашей стране была, к сожалению, развязана кампания «осуждения», которая своими чертами дезинформации и мелочных придирок никак не способствовала росту престижа страны. Эта кампания действительно вредила разрядке. По моему мнению, эта кампания – попросту позор».

И это все – в дремучем 1973 году! Бред какой-то! Невозможно поверить, что это написал родной отец нашей советской водородной бомбы! «Что-то у него с головой, это жиды его попутали, подослали к нему Елену Боннэр». Это я вам цитирую одного офицера КГБ СССР. В общем, до публикации этого текста страна наша дозрела только в 1991 году. Неудивительно, что Сахарова попытались нейтрализовать.

И вот настал июнь 1986-го. Некто Дюрр, немецкий – это, Алик, тебе привет – профессор, написал письмо Горбачеву. И отдал его в советское посольство в Бонне.

Текст достоин цитирования. Да и профессор, конечно, был не случайный, не простой. Автор коротко перечислил свои регалии: «Я поддерживаю контакты и с Комитетом советских ученых в защиту мира, против ядерной угрозы при АН СССР, который объединяет 25 выдающихся и активных ученых под руководством Евгения Велихова, вице-президента АН СССР».

После пару комплиментов Горби: «Разумное и целенаправленное поведение завоевало для Вас немало симпатий в Западной Европе».

Замечательно и то почтение, с которым профессор взирает на нашего генсека – августейшую особу: «Простите мне смелость моего обращения. Меня побудила к нему Ваша новая решимость улучшить шансы на мир в нашем мире». Не хватает только обращения «Ваше Величество».

И по существу: «Я не знаю непосредственных причин его (Сахарова) принудительного пребывания в Горьком, но должен усиленно подчеркнуть, что многие граждане ФРГ и особенно те, кто искренне поддерживает разрядку между военными блоками, весьма обеспокоены неразрешенным „делом Сахарова“.

Не прошло и месяца – вы будете смеяться! – и в июле наши

посольские передали профессору ответ! Правда, устный, но очень мощный. Они сказали о «положительной реакции на это письмо со стороны М.С. Горбачева» и даже о «возможном положительном решении».

И вот в декабре 1986-го Сахаров вернулся в Москву…

А как тогда ждали возвращения Солженицына! Какой мощный потенциал восторга в этом был скрыт! Вот соберутся в Москве титаны мысли, отцы русской демократии, и такое настанет счастье, что весь оставшийся мир нам позавидует. Но Солженицын все не ехал. Нет, он не говорил: «Отстаньте, зачем я вам? Все равно вы будете врать, воровать, лениться, пьянствовать, предавать, преклоняться перед Западом, сниматься на видео в саунах, сходить с ума из-за денег, двигать Мавроди в президенты…» Такого он не говорил. Исаич долго к нам не ехал под благовидным предлогом – вот, книжки начатые надо дописать; щадил нас. Но потом он, конечно, не выдержал и, как порядочный человек, приехал. Ну и что, сильно ли он нужен русским?

Такое впечатление, что Солженицын знал тогда это все наперед, как он знал, например, что коммунизм рухнет. А что ж сегодня он знает про нас и про страну такое, что мы поймем с новым опозданием?

Комментарий Коха

Сахаров. Смешной нелепый старик. А впрочем, он был в то время совсем не старый – 64 года. Выглядел плохо. Больной весь. Голодовки, нервотрепка и так далее. Силком кишку с питательным бульоном впихивали. В целях укрепления демократии.

Оказался совсем не оратор. Заикался, говорил банальности. Метал бисер перед… сами знаете кем. Его социальные теории были абсолютной калькой с заезженных к тому времени западных теорий конвергенции. Эти теории родились в 60-е годы, когда Запад обосрался от успехов Совка в космосе и разгула так называемых национально-освободительных движений.

Гэлбрейт, Ростоу и прочие гаврики родили эту теорию как реакцию левой профессуры на укрепление коммунистического блока. Главный тезис этой теории был капитулянтским: Совок вечен – значит, надо с ним как-то уживаться. Отсюда потом появились «социализм с человеческим лицом» и паскудная «роймедведевщина».

К моменту появления Сахарова как активной политической

фигуры, то есть в 70-х, эти идеи уже подванивали, а в 80-е, под ударами неоконсерваторов, они были прочно похоронены и даже не смердели.

В этом отношении Сахаров был неисправимый шестидесятник. Как, впрочем, и Горбачев.

Кстати, о Горбачеве в связи с Сахаровым есть один пикантный эпизодик.

> *Рабочая запись заседания Политбюро ЦК КПСС*
> *29 августа 1985 года*
>
> «…*Чебриков*…По мнению специалистов, если Сахарову дать лабораторию, то он может продолжить работу в области военных исследований. Поведение Сахарова складывается под влиянием Боннэр.
>
> *Горбачев*. Вот что такое сионизм!..»

Ветеран Великой Отечественной войны, лейтенант медицинской службы, имеющая ранение, Елена Георгиевна Боннэр – агент мирового сионизма! А что, мысль достойная автора перестройки и нового мышления. Ну да Бог с ним. Мы сейчас не об этом.

Сейчас мы о Сахарове. Да, взгляды, даже по тем временам, банальные, затрапезные какие-то. Мы уже к тому времени читали книжки и похлеще. Того же Солженицына, например.

Но ведь чем-то меня Сахаров тронул. Какую-то струнку в моей циничной душе задел. Чем же?

Попробую ответить. С высоты сегодняшнего дня это сделать проще. Во-первых, потому, что сам стал умнее. Во-вторых, потому, что прочитал его «Воспоминания» и многие вещи, которые тогда только чувствовал на уровне интуиции, сейчас начал понимать.

Прикосновение первое

Во-первых, какая-то невероятных масштабов скромность. Причем скромность не только чисто бытовая, но и скромность на уровне эмоций. Он как бы стеснялся своих чувств. Боялся показать людям свои переживания. Считал, что публике это не должно быть интересно. Вот как, например, он описывает свою первую любовь.

> «…Для контроля своих определений я отдал какое-то количество сомнительных образцов в химическую лабораторию. Некоторые из этих анализов поручили Клаве. То ли по неосторожности, то ли из-за

неисправности вытяжного шкафа она отравилась сероводородом. Этот инцидент послужил одним из толчков к нашему сближению зимой 42/43 года». (Д. Сахаров. Воспоминания. Гл. 4. «На заводе в годы войны».)

Это все. Каково? Так описано событие, которое определило его семейную жизнь на многие годы. Эта женщина подарила ему троих детей, которых он сильно любил.

Вы думаете, что его, двадцатилетнего юношу, не обуревали страсти? Ошибаетесь. Наверняка обуревали. Просто он думал, что неприлично показывать людям свои переживания. Некрасиво это. Людям неинтересно, а ты лезешь со своими эмоциями. Люди будут просто из вежливости читать.

Или вот как он описывает там же свое поступление в аспирантуру.

«…В конце декабря 1944 года мне пришел вызов в Москву в ФИАН, к известному физику-теоретику Игорю Евгеньевичу Тамму, для экзаменов в аспирантуру. Вызов был послан после того, как мой папа обратился к Игорю Евгеньевичу с соответствующей просьбой (тогда же я послал свои работы). И.Е. знал папу еще с 30-х годов и относился к нему с большим уважением и доверием…»

* * *

Вот как бы обычный человек описал это событие? Он бы написал правду. Мол, я послал Тамму свои работы. Тамм прочитал, обалдел и срочно вызвал меня в аспирантуру, несмотря на то, что шла война и я нужен был на оборонном заводе с изобретенными мной приборами контроля качества снарядов.

Но человек такой патологической скромности, как Сахаров, этого написать не мог. Физически. Не мог – и все. Он, наверное, подумал: «Как это я напишу, что Тамму понравились мои работы? Еще решат, что я хвастаюсь, какой я талантливый и умный. Нет, лучше я напишу, что поступил в аспирантуру по протекции. Читатель меня поругает, скажет: „И Сахаров такой же, как все, – но зато никто не скажет, что я хвастун и страдаю манией величия“. Наговорить на себя – это правильно, сказать как есть, то есть назваться великим ученым, – нескромно, нельзя. Нельзя до чесотки, до судороги. Вот нельзя, и все».

Третий эпизод. Как Сахарова включили в группу, которая

занималась оборонной тематикой.

> «…Что касается моей кандидатуры, то до меня дошел рассказ, что якобы директор ФИАНа академик С.И. Вавилов сказал:
>
> – У Сахарова очень плохо с жильем. Надо его включить в группу, тогда мы сможем ему помочь…»

Ну вот нормальный человек будет это рассказывать? Что его по блату включили в привилегированную группу для того, чтобы помочь решить жилищный вопрос? Нормальный – нет. А Сахаров – да.

Берия, зная о его таланте и его работах, лично просил включиться в оборонные исследования. Берия. Лично. Сам. Просил (!). Вам это понятно? Вам понятно, а ему говорить об этом – нескромно. Лучше я себя унижу и расскажу, что по блату. Как вам этот исусик? Вот уж воистину «царство мое не от мира сего».

Я, когда учился в Питере, часто сталкивался в среде старой профессуры с подобным поведением. Мой научный руководитель был схожего склада. В любом помещении старался затеряться, исчезнуть, не попадаться никому на глаза. Уступал место даже студентам. Кланялся всем, как китайский болванчик. Скромный был – не передать. Я только через год работы с ним узнал, что он на равных с Канторовичем (лауреат Нобелевской премии). Это целая этика, теперь уже утерянная. Ее очень коротко и образно определил покойный академик Панченко, наш питерский гуру: жить надо незаметно.

Прикосновение второе

Во-вторых, масштаб духовного перерождения Сахарова. Вот не дал Бог таланта описать это. Так сошлюсь на великих.

> «…Создатель самого страшного оружия XX века, трижды Герой Социалистического Труда, как бывают генеральные секретари компартий, и заседающий с ними же, допущенный в тот узкий круг, где не существует „нельзя“ ни для какой потребности, – этот человек, как князь Нехлюдов у Толстого, в какое-то утро почувствовал, что все изобилие, в котором его топят, есть прах, а ищет душа правды, и нелегко найти оправдание делу, которое он совершает.
>
> …Уже тут мы узнаем ведущую черту этого человека: прозрачную доверчивость от собственной чистоты… Как

ребенок не понимает надписи «эпидемическая зона», так беззащитно побрел Сахаров от сытой, мордатой, счастливой касты – к униженным и оскорбленным. И кто еще мог это, кроме ребенка? – напоследок положил у покидаемого порога «лишние деньги», заплаченные ему государством «ни за что», – 150 тысяч хрущевскими новыми деньгами, 1,5 миллиона сталинскими…» (А.И. Солженицын. Бодался теленок с дубом. Третье дополнение. Декабрь 1973 года).

Масштаб нравственного прыжка поражает, особенно на фоне четкого понимания нашей собственной неспособности на что-нибудь подобное.

Вот откуда это взялось? Вот жил человек. Сухой технарь. Сытый, успешный. Почет, уважение…

А потом вдруг раз: «Не могу молчать!» И правду-матку. Прямо им в рыло. И плевать, что будет. Нате выкусите. И сдачи не надо, и пальто не надо!

Прикосновение третье

В-третьих, он удивлял невероятной стойкостью. Совершенно беззащитный. Физически слабый. Не приспособленный к тяжелому быту. Весь какой-то задерганный, картавый, заикающийся. Но – абсолютно стойкий. Никакие уговоры и угрозы не действовали. Ничего.

Видимо, его мозг ученого воспринимал политический компромисс с Совком как интеллектуальное фиаско. Как научное малодушие. Действительно, если решение найдено, то есть Совок – дерьмо, то зачем же делать вид, что это не так? Разве не вы, Лаврентий Павлович, учили нас, что если мы видим, как некое научное направление идет в тупик, то тут же нужно докладывать по инстанции, с тем чтобы не тратить народные деньги? Так тут же ровно тот случай!

Да… Милые старые профессора… Абсолютно компромиссные в быту, незаметные и компанейские, они были фанатично непреклонны, когда вопрос касался дела. А дело было поиск истины. Это было их понимание науки. С ними ни о чем нельзя было договориться на основе компромисса. Только полностью и с аргументами в руках – доказать. Если доказал – они твои. И за тобой пойдут хоть куда. Мой – даже стилистику правил в тексте моей диссертации. Говорил, что если он руководитель, то текст должен интересно читаться, иначе он подписи не поставит.

Вот и Сахаров такой. Однажды поняв, что социализм – это не будущее человечества, а его беда, тысячу раз перепроверив эту свою гипотезу, он пришел к выводу о ее истинности. Все, дальше было проще его убить, чем заставить думать иначе. По себе знаю: с такого рода людьми не договоришься, их не запугаешь. А эти кагэбэшники всех по себе мерили, вот и полезли к нему со своей клизмой.

Вместо вывода

Сахаров умер вовремя. Если бы он жил сейчас, его бы затравили еще сильнее, чем раньше. Он был бы некоей нравственной инверсией нынешнему духовному мейнстриму.

Старик был скромный, нравственно мощный и по-спартански стойкий. Как это контрастирует с героем нашего времени: фанфароном, конформистом и лизоблюдом.

А так чтобы в общественных науках он что-нибудь новое сказал, так нет, не было этого. Наверное, в физике он был сильнее.

– Алик! А что-то мы все о возвышенном? Где проза жизни? Почему у нас про деньги так мало?

– Про деньги я тебе в следующем томе все подробно объясню. Я тебе, может, даже расскажу, как заработал свой первый миллион. И как потратил. Как раз под водку разговор.

2. 1987-1991

Бутылка шестая. 1987

Перестройка все еще волновала публику. Коха все еще влекла научная карьера. Свинаренко нагонял тоску репортажами с посевной. Матиас Руст закладывал традицию иностранных гастролей на Красной площади.

За этой бутылкой решено поменять Калининград на Крым и найден способ победить преступность. Разгадана также загадка: отчего Россию поделили именно на семь федеральных округов? Выяснено, кроме того, в чем смысл русского мата.

– Давай, Алик, рассказывай, как у тебя жизнь шла в 87-м.

– Мне тогда было 26 лет. Я к тому времени уже защитился… И вовсю работал в закрытом НИИ.

– В Красноярске? Ты ведь туда должен был поехать после аспирантуры.

– Мы там экономикой занимались и никаких секретных вещей не знали. Занимались абсолютно конкретными делами. Вот есть лист стали, и надо из него сделать корабль. Надо корыто сварить. Как разложить выкройки на листе, чтоб отходов было меньше?

– А если б вы не экономили, то меньше сделали подлодок и сейчас меньше было чего распиливать. Сэкономили б на распилке ржавых лодок.

– Нет, лодок было бы столько же, просто стали на них ушло бы больше. Это сейчас оборона по остаточному принципу финансируется, а тогда иначе было…

– Подожди, подожди… Что ж получается? Оборона, говоришь, по остаточному… Культура, и пенсионеры, и образование, и все прочее – тоже по остаточному. А что ж не по остаточному? Есть такое?

– А ты пойди посмотри, по какому принципу Управление делами президента финансируется. По остаточному? Или еще по какому? А также на госаппарат посмотри и на Госдуму. Ты что! Сейчас так: социальную сферу на места передали – пусть этим местное самоуправление занимается. И здравоохранение тоже. А

культуру – на хозрасчет. Глупо ее финансировать: тогда начнут обвинять, что власть пропагандой занимается… В итоге у нас остается, собственно, только одна реальная статья расходов в бюджете: финансирование нас самих. И поэтому мы честно признаемся, что вот мы сами себя и финансируем. Вот такая логика у теперешней власти.

Комментарий Свинаренко

Ну, видно, такова человеческая природа! Надо это принять и как-то с этим жить, как живут инвалиды, смирившиеся со своим увечьем. Конечно, приятней думать, что мы все такие чудесные и бескорыстные и за идею готовы сражаться и заботиться о чужом как о своем. Но это не так. Переделать человека, как показывают практика и история, не удается. Большевики вот пытались внедрить бескорыстность. Учили, воспитывали людей, старались, спрашивали с них со всей строгостью – сколько они плохих учеников пустили в расход! А толку не было все равно. Человек и так-то жулик и лавочник, а если его разозлить, попытаться что-то отнять, то он не просто красть будет, а и вовсе зарежет. Мне кажется, на комиссаров сильное впечатление производили вспоротые животы продотрядовцев, набитые пшеницей, – это был ответ двоечников на ненавистную науку. Так что вот это самофинансирование, видимо, неизбежно, просто его надо обставлять какими-то приличиями. Закрытые распределители ведь скрывались в Москве под видом ведомственных столовых. А калужский распределитель был вообще за городом, все-таки в стороне от пешеходных маршрутов – причем, забавно, он стоял на дороге, которая вела к Киевской трассе, по ней в Москву ездили, как будто намек – рыба с головы гниет, с Москвы.

И капиталистов наших надо бы как-то приструнить, они ведь по уровню личной нескромности переплюнули партаппаратчиков. Конечно, все вроде честно: уплатил человек налоги и со спокойной совестью может вроде жировать. Но его ж не налоговая придет жечь и вешать на фонаре, если что, а кто-то нищий и недовольный своей судьбой. И ладно б повесили хозяина золотых унитазов и на этом остановились! Нет, ведь и всем прочим военный коммунизм какой-нибудь навяжут, и опять мыла не будет, и снова в очереди за водкой встанем…

А как поступают думающие люди? Такой пример. Лаки Лучано, знаменитый мафиози, любил роскошь, мозолил всем глаза – и по этой причине из тюрьмы не вылезал. А Майер Лански, главбух той же самой мафии, ходил в стоптанных ботинках и ездил на трамвае. Но зато жил спокойно и на киче ни

дня не провел. Денег же у него было куда больше, чем у Лучано. Есть, кстати, даже такое мнение, что реальным доном был как раз Лански, а итальянец – это просто такой зиц-председатель. Примечательно, что девичья фамилия этого Лански была Суховлянски, его родители были русские подданные… Может, все наши беды оттого, что люди типа Лански в свое время из России уехали, а остались в стране купцы, которые ездили к «Яру», кидали в камин ассигнации – в итоге и довели страну до революции и разрухи…

Комментарий Коха

Разговор о неэффективности государства в целом и правоохранительных органов в частности, рассуждения Игорька о Майере Лански и Лаки Лучано (сюда же Аль-Капоне и Багси Сигала включим, а также мои впечатления от поездки в Неаполь – пригород Неаполя Кастелламаре, родина Аль-Капоне, и Палермо с деревушкой Корлеоне в пятидесяти километрах от него) заставили меня написать этот комментарий – рассуждения дилетанта о борьбе с преступностью.

Действительно, как бороться с преступностью? Возможности бюджета ограниченны. Численность работников МВД (включая внутренние войска) уже превосходит армию. Создается такое впечатление, что наше государство боится своего народа больше, чем внешней агрессии. А если сюда прибавить пенитенциарную систему и службу судебных приставов, которые сейчас формально переподчинены Минюсту, то складывается вообще удручающая картина.

Очевидно, что милиция в ее нынешнем виде малоэффективна для борьбы с преступностью. Она зачастую сама становится орудием «коммерческого наезда» и криминальных разборок. Истории про то, что во многих городах РУОП сам является «крышей» и эту «крышу» навязывает коммерсантам, – это ведь, мягко выражаясь, не всегда выдумки.

Наращиванием численности сотрудников МВД эту проблему не решить. Я не знаю статистики, но думаю, что если сложить все количество полицейских, ФБР и национальной гвардии в США, то вряд ли на душу населения у них будут показатели выше наших. Мне кажется, что проблему борьбы с преступностью и охраны общественного порядка можно решить значительно меньшей численностью. Тогда и зарплата у борцов будет выше. Естественно, если оставить на прежнем уровне объемы финансирования.

Отчего же борьба с преступностью в России так

малоэффективна?

Причин, на мой взгляд, две.

Первая – люди в наших городах расселены беспорядочно, как попало. Я очень часто бываю в США и подолгу там живу. Прежде всего в Нью-Йорке и Чикаго. Там люди живут в социально и национально однородных районах. Есть китайский район, есть итальянский, есть русский и т. д. Есть районы для бедных, есть для среднего класса, есть места, где живут богатые. Люди очень редко попадают «не в свой» район. Я не могу себе представить яппи с Уолл-стрит прогуливающимся по Гарлему или Южному Бронксу – и, наоборот, черного мордоворота, который зачем-то забрел на Пятую или Парк-авеню в районе от 30-й до 80-й улицы. А если вдруг яппи забредет в чужой район, то не удивится, если его ограбят. Полицейский, получив от него заявление, первым делом спросит: «А какого хрена ты там делал? Чего тебя туда понесло? Пеняй на себя! Дело твое – висяк. В следующий раз будешь умнее. Так что забирай свое заявление и не морочь нам голову». А мордоворот будет на Пятой авеню паинькой. Никого не тронет, будет все время повторять: «Sorry, sorry!» Иначе подъедет полицейский и заберет в участок. А там разбирайся до утра, кто кому на ногу наступил.

Однажды я с приятелем заехал в бедный мексиканский район Лос-Анджелеса. Случайно. Было очень жарко, мы остановились у какого-то бара, чтобы взять холодной минералки. Зашли… В баре на нас уставились как на инопланетян. Цвет кожи не тот, выражение лица – не то, прическа – не та, одежда – не та, машина наша на улице – не та. Чужие! Повисла гробовая тишина. Тем более что по-английски из них никто не говорит! Вокруг ненависть, которую ощущаешь физически. В их глазах читалось: «Убирайтесь отсюда! Мы ничего не хотим знать о вас и о вашей жизни. Мы же к вам не лезем, вот и вам здесь нечего делать!» Из глубины бара, покачиваясь, в нашу сторону двинулся здоровый толстый латинос в грязной майке. Прямо как в плохом голливудском боевике. Пить сразу расхотелось. Стало страшно. Пятясь и раскланиваясь, как китайские болванчики, мы с позором ретировались. Нам вслед раздался здоровый раскатистый смех: «Эти гринго, как обычно, наложили в штаны». А вот на Сансет-бульваре или на Родео-драйв настанет их очередь накладывать в штаны. Они это знают. И там не появляются. Так и живут – в мире и согласии – триста миллионов человек. Никогда не общаясь друг с другом.

Известный нью-йоркский анекдот. Звонит племянник из Одессы тете на Брайтон-Бич: «Ну, как у вас дела в Америке?» Ответ: «А я не знаю. Мы туда не ходим». Он хорошо иллюстрирует

национально-территориальную стратификацию американского населения в рамках большого мегаполиса.

Поддерживать правопорядок и бороться с преступностью в рамках такой территориальной организации населения значительно проще. Полиция заранее знает, где очаги преступности, а за какие районы можно не беспокоиться. Известны и места, где население (зачастую такие же бандиты) само разберется с «нарушителем конвенции». Я бывал в районах Токио, где вообще нет полицейских. Там по договору с полицией за правопорядок отвечает якудза. Серьезно, я не шучу! Это почти официально. Полицейская статистика в китайских кварталах американских городов вообще не фиксирует преступлений – о них ничего не известно! Потерпевшие не идут в полицию – разбираются сами.

Здесь уместно вспомнить Герцена, который удивлялся устройству полиции в Англии. Он описывал такую сценку. Около питейного заведения в Лондоне в кровь дерутся два напившихся обывателя. Рядом стоит полицейский и мирно зевает. Герцен задает ему вопрос: «Что ж вы не вмешаетесь?» Ответ его потряс: «А никто из них не зовет на помощь. Вот я и не вмешиваюсь. А когда позовут, я тут как тут. Уже рядом. Мигом разниму. Пока это считается их личным делом. Если бы они хотели, чтобы я вмешался, давно бы позвали. Хотя бы кто-нибудь из них. Они же видят, что я здесь стою». Герцен говорит: «Наш околоточный надзиратель давно бы их разнял, арестовал – и в участок. Обоих бы посадил. И был бы молодец у начальства». Только вот с таким пониманием правопорядка в России нужно значительно больше околоточных надзирателей, чем в Англии. При том что в Москве могут раздеть до нитки прямо на Тверской. У нас на Кутузовском расстреляли водителя певицы Ветлицкой, в Охотном ряду убили человека из автомата. Милиция объявила план «Перехват» – и никого не поймала. Представить себе такое в центре Манхэттена невозможно.

Плохо ли такое территориальное распределение жителей, как в Америке, хорошо ли – но работу полиции оно сильно облегчает. Подобное положение было и у нас в России до революции. В Питере были воровская Лиговка и аристократическая Английская набережная. В Москве – Хитров рынок, Сухаревка и Марьина Роща, с одной стороны, Тверской бульвар – с другой. Молдаванка и Дерибасовская – в Одессе. Ростов – воровской, Самара – купеческая и так далее. Банда налетчиков типа Бени Крика в Царском Селе – нонсенс. Это из области фантастики. Моего воображения не хватает.

И у нас было так… Но в последние сто лет все перемешалось:

столько войн, строек, депортаций, лагерей. Академик на одних нарах с уркой. Латыш-эсэсовец на лесоповале в одной бригаде с евреем-коминтерновцем.

В городах при советской власти селились черт знает как. Где дадут ордер, а не где хочется. Ездят из одного конца огромного города в другой каждый день. Городу с такой системой расселения нужна беспрецедентная в истории инфраструктура общественного транспорта. И наконец, для поддержания правопорядка такому городу требуется не имеющая аналогов по размеру полиция. Денег на такую полицию не хватит ни у какого государства. Отсюда коррупция. Смычка с криминалом и так далее. Кстати, напомню, что Аль-Капоне посадили отнюдь не полицейские, которые с ним мило дружили, а налоговики, причем не местные, а из Вашингтона.

Просуществует еще рынок жилья лет двадцать, и все вороны рассядутся по своим деревьям. Станет легче. Суточная миграция населения внутри города уменьшится. Люди начнут узнавать своих на улицах. Чужаки станут заметнее. Милиции станет легче. Когда преступление с вероятностью процентов совершается лишь на трети территории города, его гораздо проще предупредить. Можно будет обойтись меньшими милицейскими силами.

Вторая причина, на мой взгляд, в том, что народ перестал доверять милиции. Милицию боятся. Как говорится в известной пословице: «Лучше дочь проститутка, чем сын – мент». Обратите внимание на следующий феномен. Английские болельщики дерутся с турецкими. Болельщики «Ливерпуля» – с болельщиками «Ювентуса». И только у нас болельщики (не важно какие) дерутся с милицией, причем готовятся к драке загодя. Придумывают «кричалки». Милиция на взводе. Малейшая провокация – и в бой.

Наши люди не хотят быть свидетелями. Увидев преступление, мгновенно смываются. Ничего не сообщают в милицию. Не хотят сотрудничать. Не верят в искреннее стремление найти преступника. Суд присяжных (простые люди) оправдывает матерых рецидивистов. Идет молчаливая война народа и милиции.

В Штатах иначе. Полицейского боятся. Но это другой страх. Страх подростка перед строгим, но справедливым отцом. Все друг на друга стучат. Детей с детского сада учат стучать. В детском саду это подается очень красиво: «Дети, вы – граждане великой страны. Вы – наше национальное достояние. Государство в любом случае вас защитит. Если родители вас бьют, запомните номер телефона полиции (он, как правило, очень прост). Если родители оставили вас дома одних (в Штатах есть закон, что детей младше двенадцати нельзя оставлять без присмотра), звоните в полицию.

А теперь, дети, давайте повторим номер телефона, по которому вы должны позвонить, если вас обижают».

Ребенок с молоком матери впитывает простую истину: если тебе кажется, что против тебя совершили преступление, звони в полицию. Это на уровне рефлекса. Не важно, какое преступление, большое или маленькое. Звони. Там разберутся. И люди звонят! Звонят не переставая. По любому поводу: «Меня обсчитали в магазине», «Мне кажется, что у нас появился подозрительный сосед», «Моя девушка связалась с наркоманом», «Коллега по офису смотрит порносайты…» Вся эта информация собирается. Огромные базы данных. Люди зачастую бесплатно становятся осведомителями. Швейцары в гостиницах. Водопроводчики и электрики. Водители такси. Официанты. Все.

Полиции очень легко работать. Преступника разыскивают в тот же день. Показали по телевизору фоторобот – тут же сотни звонков: «Я его видел! Он зашел по-сать в такой-то ресторан. У него уже сбриты усы. Теперь он выглядит иначе», – и так далее. И еще до прихода полиции сами погонятся за ним. Поймают. Приведут в участок. Скрутят. Дадут по морде. Вот так-то.

Приехал полицейский. Пистолет прямо в лоб.

– Стоять. Руки за голову. Не делать резких движений. Лечь на землю. Так. Документы. Извините, сэр, мы ошиблись. Вы, кстати, не видели вот такого человека? Он очень похож на вас.

– Нет проблем. У вас такая работа. Я понимаю. Видел. Он пошел туда. Хотите, я вам помогу?

– Спасибо, не надо. Удачи.

– Удачи. Я могу быть свидетелем. Вот моя визитка. Если нужно, позвоните. Детский сад. Школа. Голливуд. Все нацелено на одно. Полиции нужно доверять.

Говорить все. Говорить правду, тем более в суде (ты же поклялся на Библии!).

Полицейским платят не очень большую, но приличную зарплату. Их уважают. Но и полицейский должен соответствовать. Никогда не брать взяток. Быть справедливым. Разбираться по существу, а не по гнилым параграфам инструкции. Программа защиты свидетелей. Соглашение со следствием. Все нацелено на то, что если ты сотрудничаешь с полицией, то тебе ничто не угрожает.

Конечно, картина получилась достаточно идеальная. Безусловно, есть и полицейские-преступники, и коррумпированные судьи, и прочее. Но я говорю о векторе общественного настроения. О том, как простой обыватель позиционирует себя по отношению к полиции.

У нас этого нет. У нас другая история взаимоотношений

народа и милиции. Вы эту историю знаете не хуже меня. Откуда взяться доверию? Народ ожесточается против милиции, а милиция – против народа. У них «моя милиция меня бережет», как это ни иронично звучит. У нас – «не верь, не бойся, не проси».

Так что дело не в финансировании. По нашим меркам оно и так огромно. Но должен быть общественный договор между народом и властью. Иначе защиту скорее будут искать у какого-нибудь доморощенного Вито Корлеоне, а не у государства. «Ах, дон Вито, вы были другом моего отца, окажите мне честь, будьте крестным у моего первенца». Плохо дело, граждане. Может, Вито в полицейские?

– Так вот: сейчас у нас все финансируется по остаточному принципу – кроме госаппарата. Все по остаточному, а чиновники полной поварешкой черпают из казны деньги. Какие ремонты сейчас в министерствах делают! Таких офисов нет даже у олигархов. МПС мрамором отделано, Минфин – красным деревом… Короче, деньги пи…дятся по полной программе. Приходишь в министерство и видишь, что чиновник сыт, одет-обут – всей, как говорится, страной его обували и кормили… У них дачи, машины… В наше время чиновники так не жили, как эти сейчас.

– Ну разве только партийные.

– Нет, я про мое время говорю, когда партийных уже не было – когда я, Чубайс, Боря Немцов были… Мне, например, Паша Бородин даже дачи не дал…

– И комнаты отдыха у тебя небось не было.

– Комната отдыха была. Но по сравнению с нынешними комнатами – это все говна кусок. А как меня за 100 тысяч гнобили (гонорар за книжку)! Теперь над этой суммой даже начальники подотделов смеются. Но не суть. Я вот о чем. Что финансируется не по остаточному принципу, к этому претензий уже быть не может. Чиновники у нас прекрасно выглядят, у них замечательные офисы, прекрасные жилищные условия, дети у всех в Швейцарии учатся. Вопросов не имеем – вот на что государство обращает внимание, то у него зашибись.

– Слушай, а по какой графе они детей в Швейцарию проводят? Как это технически оформляется?

– Что-нибудь человек подпишет, и раз – у него ребенок в Швейцарии. А вот почему социализм хуже капитализма? Я тебе сейчас это на такой ситуации покажу. В СССР вовсе не по остаточному принципу финансировалась оборона – в том же 1987-м, к примеру, году. Системы связи, коммуникаций, какие-то ракеты всякой дальности. Но молодой парень, засранец Матиас

Руст, – пролетел! И никто ничего не смог сделать! Никакие перехватчики, никакие ракеты, радары, сонары не помогли… А если б сейчас мы вдруг взялись оборону финансировать не по остаточному принципу? Думаю, никакой Руст бы не пролетел. Потому что капитализм! Вот начали мы чиновников финансировать не по остаточному принципу, и у них все в порядке. И у военных было бы все в порядке. А что при Советах? Страна подпоясалась лыком, жрать нечего, колоссальные деньги на оборону тратились… Нефть, газ – все на оборону. Но эта оборона ни хера не обороняла! Некоторые, кстати, аналогичные же претензии к госаппарату предъявляют – что он-де не управляет. Но это неправильная претензия! Мы им деньги как раз за то платим, чтоб они не управляли. Потому что у нас экономика капиталистическая и либеральная. И с этой своей функцией – не управлять – наш чиновник отлично справляется. А как деньги у него кончаются, он говорит: ну-ка я сейчас поуправляю! Ему тут же несут взятки, он все подписывает…

– Но в масштабах страны это же копейки. Ну сколько они там украдут, чиновники…

– Я думаю, что это большие суммы.

– Да… Люблю я наш госаппарат. Вот, Алик, лет пять назад была схема напечатана в какой-то газете. И карта офисов. Все структуры РСФСР – на месте. Ну, кроме Госплана. А что случилось со зданиями, которые занимали структуры союзные, а также СЭВ и Варшавский Договор, не говоря уж про КПСС и ВЛКСМ? Они что же, пустуют? Или их сиротам отдали, или Комитету солдатских матерей? Или детским студиям? Никак нет! Туда въехали чиновники из российских же структур, которые, по меткому выражению академика Федорова, плодятся как клопы.

– И им еще места не хватает! При том что ликвидированы отраслевые министерства, которые были костяком правительства! Которые давали самую большую численность!

– И ничего, значит, нельзя сделать с этим позорным явлением…

Комментарий Свинаренко

Вот мне тут попал в руки прелюбопытнейший чиновничий документ, как раз датированный 87-м годом. Дорого я бы отдал, чтоб его тогда полистать. Хотя – ну полистал бы, и что? Стало б одной темой больше из той же оперы: коммунисты – гондоны и прочее.

Однако же к делу. Название этой 192-страничной книжки в

мягком переплете, изданной под грифом «СЕКРЕТНО» и соответственно номерной, такое: «ПЕРЕЧЕНЬ сведений, запрещенных к открытому опубликованию». Москва, стало быть, 1987-й. Шапка такая: «Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР (Главлит СССР)». Инвентарный номер такой-то, экземпляр номер такой-то.

Чего там запрещалось упоминать в печати? Вы будете смеяться, но, к примеру, недопустимым считалось «упоминание о низком политико-моральном состоянии личного состава ВС СССР, в том числе о негативных отношениях между военнослужащими…». То есть воры, садисты и убийцы в Советской армии были засекречены! Еще вот что запрещено, отдельным пунктом: «Упоминание о чрезвычайных происшествиях (убийство, самоубийство, ранение, членовредительство, дезертирство, хищения вооружения и военной техники, гибель и увечье людей, массовое отравление и обморожение, нарушение правил несения боевого дежурства, проявление военнослужащими группового недовольства (!), неправильное поведение их по отношению к местному населению)». То есть это всегда было – солдатики убивали друг друга и бежали с автоматами наперевес по родной стране, отстреливаясь от преследующего их спецназа, и всегда продавали пистолеты браткам… Но Советская власть уберегала нас от этих знаний, заботливо продлевая нашу девственность…

О чем еще нельзя? «О демонтаже промышленного оборудования и вывозе его в Советский Союз». Это касательно репараций после Второй мировой. Сколько мы тогда вывезли из Германии станков! Но поскольку явление было засекречено, легче было морочить людям голову: типа, мы братский немецкий народ не грабили. Ну а хоть бы и грабили? К чему такая щепетильность – непонятно… «О штрафных батальонах и заградительных отрядах, кроме общего наименования» – это уже понятнее, потому что тут тема советского гуманизма…

Еще что секретно? «Методика расчета потерь и разрушений от оружия массового поражения». Это мы пока 25 страниц пролистали. Читаем далее. «Упоминание о финансировании ДОСААФ из государственного и местного бюджетов». Мы же за мир, у нас же народ сознательный – любит добровольные взносы. «Топографические карты масштаба крупнее 1:1 000 000 и планы территории СССР». «Морские карты – любых масштабов». Ну, про море понятно – по морю сбежать от товарищей было все-таки легче, чем по суше. А вот еще: «Система параметров общего земного эллипсоида и параметры гравитационного поля Земли,

принятые в СССР». И дальше: «Обобщенные данные отечественных наблюдений за полярными сияниями» – тоже врагу показывать нельзя. И ничего тут смешного: полагаю, что такой поражающий фактор ядерного оружия (которое на нашем Севере испытывалось), как электромагнитное излучение, мог как-то по-особому, по-военному расцвечивать северное сияние. Ну а ниже уже открытым текстом: «Сведения о радиоактивном загрязнении окружающей среды локальными (неглобальными) выпадениями, позволяющие определить место, дату и причину явления, вызвавшего повышение уровня радиоактивности». Чернобыль у нас за год до этого был – но он проходил по старому изданию перечня, которое вышло в 76-м году. «Данные об аварийных сбросах и выбросах на гражданских объектах, представляющих высокую опасность для человека». В общем, что касается предшественников Пасько, так их, если б они были, удавили без суда и следствия.

Военные тайны типа атомных, ракетных, лазерных, подводных – само собой. Это даже скучно. ЭВМ, кстати, в то время тоже проходили по графе «Военные тайны».

Но смешного тут вообще-то мало. Вот вам пункт 5.43: «О способах производства (в том числе и по материалам иностранных источников), дающих возможность изготовления в домашних условиях взрывчатых веществ…» Все, все было известно секретным аналитикам – за многие годы заранее. Люди, как только получат чуть-чуть свободы, тут же, рискуя жизнью, пойдут добывать новую порцию свободы… Часто – по инерции, лишнюю, ненужную. Так было, так будет…

Секретность заходила далеко и глубоко. «Упоминание о том, что бывшее ДСО „Зенит“ объединяло спортсменов, физкультурников, спортивные коллективы предприятий и учебных заведений оборонных отраслей промышленности…» Забавно, что секретными были сведения и «о производственном браке военной продукции».

А что гражданская промышленность? Тут тоже многое секретно: золото, бриллианты, алмазы, цветные и редкие металлы, полупроводники, радио, самолеты, пароходы, нефть и даже тетрагидрофуриловый спирт.

Особенно неприятно думать про то, что секретными были объявлены и вакцины. Вот вам списочек: противочумная, холерная, сибиреязвенная, химическая сорбированная тифозно-паратифозно-столбнячная, оспенная, туляремийная, бруцеллезная, ботулинический анатоксин, секстаанатоксин. А еще – сыворотки: противостолбнячная, противоботулиническая, противогангренозная. Серьезный список, нешуточный. Военный

такой список, трупный, отвратный. Не поздоровилось бы НАТО, будь оно пободрее и поактивнее.

А еще – уже можно немного расслабиться – вот какие сведения советские чиновники объявили секретными: уровень рентабельности, себестоимость вообще и нефти в частности, закупочные цены на золото, принимаемое от старателей (копейки, конечно, – народ прочел бы и повалил на прииски, что и сделали в свое время ингуши, которые долго контролировали золотодобычу на Колыме).

С полезными ископаемыми и вовсе мрак: ничего нельзя разгласить.

Транспорт: «Не разрешается показывать длину, ширину и тип моста (виадука)». Какая свобода! Разве этого мало?

Связь – тоже интересно! Там, конечно, секретны «сведения по вопросам радиозащиты от враждебной пропаганды и использования соответствующих радиотехнических средств». А также «о слышимости или напряжении поля радиостанций иностранных государств на территории СССР». Глушилки, которые выли и стонали в эфире, были секретными. Стыдно было…

Сельское хозяйство – или, как тогда любили выражаться, агропром – тоже полно тайн. И тоже весьма несмешных. Вот что засекречено: «Прогноз возможного развития эпизоотий: ящура, бешенства, чумы крупного рогатого скота, сибирской язвы *(не первый раз она так волнует авторов перечня; типа все для фронта, все для победы, вся эта мерзость в том числе. –* И.С.*)*, африканской и классической чумы свиней, африканской чумы и венесуэльского энцефаломиелита лошадей, болезни Найроби, лихорадки долины Рифт *(путешествовать тогда было нереально, но можно было хоть от названий истекать истомой, вот, есть такая долина в какой-то экзотической стране… –* И.С.*)*, оспы, катаральной лихорадки овец, болезни Ньюкасла, классической чумы птиц (гриппа птиц) *(ну-ка, ну-ка! Что-то знакомое! В чьих же инкубаторах выводили атипичную пневмонию? Не в наших ли родных, засекреченных? Или в китайских, от которых мы так береглись? Весь сценарий развития событий в постсоветском мире можно при желании вычитать из этого проклятого перечня. –* И.С.*)*, чумы уток и возможные потери от них». И снова в перечне – ящур, чума разных видов, сап, снова чума, на этот раз верблюжья, и даже для лосося нашлась своя зараза – инфекционный панкреатический некроз. Чума, похоже, готовилась на оба наши дома… Причем «Перечень» ясно указывал, что возможна утечка боевых вирусов. Он прямо запрещал разглашать сведения «О заболеваниях животных инфекционными болезнями, ранее не

регистрировавшимися в СССР», а также «О массовых заболеваниях и гибели сельскохозяйственных животных, пушных зверей и птиц от болезней, причины которых не установлены». Еще в этом разделе как бы равнодушно сказано, что секретны «новые маршруты сезонных перелетов птиц и массовых перемещений животных». А дальше уже не таясь, прямым текстом – перестройка ж все-таки на дворе – написано без дураков: секретны сведения и «о выявлении и изучении ранее неизвестных или искусственно измененных штаммов возбудителей заразных болезней растений и животных». В общем, a la guerre comme a la guerre.

В разделе «Финансы» – тоже война. Вот на что будут жить заброшенные к нам диверсанты? А вот им секретный пункт «О способах изготовления фальшивых денежных билетов».

Внешняя политика и внешняя торговля. Тут свои секреты. К примеру, «Себестоимость обслуживания иностранных туристов в СССР, соотношение этой себестоимости с продажной ценой на туристские путевки». Ну и еще патенты и лицензии и все такое прочее международное секретное.

Медико-санитарные вопросы. И тут есть что засекретить. Да хоть те же «данные о числе больных венерическими болезнями, туберкулезом, психическими расстройствами (включая алкоголизм и алкогольные психозы), наркоманией…»

И действительно, ну как же это – советские люди, строители, пардон, коммунизма – и вдруг на тебе, алкоголики. А не дай Бог, они еще и партийные!

Считалось, что никак нельзя было разглашать сведения о допустимых дозах «уровня радиоактивного, лазерного облучения человека, уровня заражения отравляющими веществами людей и животных, воздуха, воды и техники…». Сюда же – «материалы о поражающем действии ядерного, химического, лазерного и бактериологического оружия…». От кого это все задумывали скрыть? Неужто американские шпионы не знали таких элементарных вещей? Небось знали. Но насколько больше б у нас было героев Третьей мировой, если от новобранцев скрыть всю фактуру о результатах ядерного взрыва! Нас готовили в герои…

И снова – возвращение к старой теме; видно, сильно она их волновала: запрет на данные «об эпидемических вспышках заболеваний, причины и условия возникновения которых не установлены». И опять – про холеру и чуму.

Ну и дальше бегло, через запятую, идут «Разные сведения». Типа о складах оружия, освоении Антарктики, количестве осужденных ментов, болезнях лосося *(стратегический валютный продукт – видно, в этом все дело. –* И.С.*)*.

Самая последняя тайна такая: «Организация, характер и

методы работы органов Главлита СССР». В общем, суть такая: рассказать про большевиков правду – и конец им. Сразу станет ясно, до чего ж они жалкие и противные.

– Насколько я понимаю, в последние годы мы только наращиваем численность чиновников. Вот эти полпреды в округах… Это же с нуля созданные аппараты, которых не существовало никогда.

– Это же все делается по плану Бжезинского! Американцы давно ведь задумали развалить СССР, это у них был первый этап. А второй такой: Россию расколоть именно на семь частей. Только у них не было таких терминов, как «федеральные округа» и «вертикаль власти».

– Это я понимаю. Но тогда ликвидируйте губернаторов! И губернии! А то оставили и то и другое… Вот сейчас институты и архивы выселяются из Питера, а на их место въезжают какие-то очередные присутствия федеральные. Институты, значит, недостойны, а госучреждения – достойны. И еще придумали окружные суды и окружные прокуратуры, которых не было… Вот у нас страна разделена на семь военных округов – и ладно. У нас же в губерниях нет своих подокругов. Вот пусть и будет семь субъектов Федерации!

– Помнишь, один наш товарищ угадал, почему округов именно семь?

– Как же, помню! Чтоб каждая страна Большой семерки курировала свой федеральный округ! Как там мы делили? Значит, северо-запад – это у нас Англия, центр – Франция, потому что москвичи ездят в Париж и на Лазурный берег, юг – Италия, тепло и все такое. Поволжье… Кто у нас отвечает за Поволжье?

– Немцы, Алик, за Поволжье будут отвечать. Напоминаю тебе.

– Хм… Как же я забыл?… Дальше. Урал – США. Сибирь – Канада. Дальний Восток – Япония, кто ж еще?…

– Значит, получается, русские сами не могут управлять Россией?

– Это из твоих комментариев к прошлой главе следует, а не из моих.

– А-а… вот ты как заговорил. По твоей, значит, версии русские замечательно управляют Россией!

– Я так не говорил. Я вообще эту тему не затрагивал и качество управления русскими своей страной не брался оценивать.

– Ну да, это позже будет сделано в знаменитом твоем интервью на радио «Свобода».

– Может быть. Но в 87-м я не оценивал. Если ты хочешь, если ты настаиваешь, я дам оценку: не блестяще они управляют! Не блестяще.

– Ну да… И как это выглядит на практике? Вот у нас Наздратенко – русский (скорей всего), управлял русским краем. Не получилось у него управлять русскими. Ну тогда, говорят ему, иди рыбой управляй. Она ж не русская, а такая… экстерриториальная. Лицо без гражданства и национальности.

– Рыба, она ж какая? Ей жилья не надо. Пенсии не надо.

– И отопление когда отключают, ей по барабану: она в Москву не будет жаловаться. И железную дорогу собой перекрывать не станет.

– Ей если что не понравилось – она повернулась и уплыла. Она как бы голосует ногами.

– И к тому же молчит!

– Как рыба.

– Никого не сдает – даже Москальцова.

– Что-то ты подсел на рыбную тему.

– Да потому что она увлекательная. А рыба – важный и вкусный предмет. Вернемся, однако, в 87-й год. Ты, значит, работаешь…

– Ну да. Получаю я 170 с учетом надбавки кандидатской. У нас отдел, кстати, назывался так: нормирования и ресурсосбережения.

– Неплохо звучит – мужественно, патриотически. Не просто лопатой ворочать, а сберегать ресурсы родине. Не как у меня – отдел коммунистического воспитания. Да… Мне в 87-м как раз стукнуло тридцать. Помню, я очень серьезно отнесся к этой круглой дате. Она приближалась, надвигалась, смущала меня… Чем ближе был юбилей, тем больше я мрачнел и задумывался о жизни. Ну, устроил, само собой, пьянку. Пили до утра… И гостям, видимо, передалось ощущение торжественности и судьбоносности момента. И я помню, как двое гостей стоят в уголку…

– Почему ты говоришь «в уголку»? Надо же – «в уголке»!

– Знаю, что надо. Это такое осознанное просторечие. Так теплей звучит. Вообще мне русский язык кажется довольно пресным и неточным. Против каких-то других языков.

– Я другие не знаю настолько хорошо. Но могу сказать, что не испытываю стеснения в выражении своих эмоций, пользуясь одним лишь русским. Я могу все, что угодно, выразить этим языком!

– Я тоже могу много чего выразить. В силу того, что это

мой основной язык. Но тем не менее я вижу его несовершенство и сырость. В нем, к примеру, непростительно много недостаточных глаголов. И это ничем не оправдано.

– Каких «недостаточных»? Например?

– Ну вот «победю» ты не можешь сказать. Да вообще много глаголов, которые сыплются. Одел – надел, положить – класть, ложись – ляг… Список исключений утомляет, при том что он, повторяю, абсолютно ничем не оправдан. Потом, табуированная лексика, наличие которой уместно в первобытно-общинных системах, но не в цивилизованном обществе! Англосаксы легко употребляют в литературе и кино слово fuck, а у нас нельзя, у нас – табу. Словечко-то какое – табу!

Комментарий Свинаренко

Из Брокгауза и Ефрона

> «Табу – термин, позаимствованный из религиозно-обрядовых учреждений Полинезии и ныне принятый… для обозначения системы специфических религиозных запрещений – системы, черты которой под различными названиями найдены у всех народов, стоящих на известной степени развития…
>
> …Табу образует из себя ткань регламентаций, опутывающую все детали жизни, лишающую общество возможности свободного развития. Психология, создавшая табу,…в значительной степени послужила причиной застоя многих цивилизаций древности.
>
> …Женщина до брака считалась доступной для каждого мужчины; после брака она становилась табу для всех, кроме своего мужа».

Из Большого энциклопедиче ского словаря

> «Табу *(полинезийск.)*– в первобытном обществе система запретов на совершение определенных действий (употребление каких-либо предметов, произнесение слов и т. п.), нарушение которых карается сверхъестественными силами. Табу регламентировали важнейшие стороны жизни человека. Обеспечивали соблюдение брачных норм. Послужили основой многих позднейших социальных и религиозных норм».

Заметили ли вы, каким эпитетом награждается общество, где

в ходу табу? Первобытное! И ничего тут нет обидного. Мы же жили при коммунизме вон сколько лет. Сходство между последним строем и родоплеменным меня задевало в раннем детстве, и я допытывался у взрослых, отчего их нельзя назвать одним словом. Говорили – нельзя, хотя бы потому, что у нас были парткомы и ракеты в отличие от, как раньше любили говаривать, Верхней Вольты. Но тут и не в коммунизме даже дело. Страна наша всегда была крестьянская, не шибко грамотная, человек в шляпе выглядел странно и был непременным персонажем анекдотов и кинокомедий, снимаемых на потребу плебеям. Вся эта крестьянская община с овчиной, сапогами и домовыми, с гаданием в бане, с готовностью прирезать барина орудием производства, замечательно легкое отношение к торговле живыми людьми, массовое употребление ритуального напитка, изготавливаемого из местного зерна, – ну, обычное первобытное общество! Как, допустим, у иных северных и южных народов (к чему их лишний раз называть…), живущих в стороне от общественно-политического мейнстрима – того самого, в стороне от которого захотели поселиться мы подобно семье Лыковых. Пожили там, подвымерли изрядно, а кто выжил, те вернулись и принялись удивляться разному иностранному дешевому ширпотребу. Так, Лыковых больше всего удивил не телевизор даже, а полиэтилен: стекло, а гнется.

Но проблема даже не в том, что мы первобытные! С этим ничего не сделаешь, так что плевать. А в том проблема, что мы этого стыдимся и пытаемся делать вид, что мы поцивилизованней много кого. Получается путаница, лишний расход ресурса, трата времени… Надо б спокойней к этому относиться. Вот я, к примеру, к себе отношусь как к дикому степняку (я действительно рос в скифских степях), который переехал в места более цивилизованные и тут вроде укоренился. И я не лезу утверждать, что я-де из графьев, из профессорской семьи и все такое прочее. Идет себе человек в шляпе – ну и молодец. Лично мне шляпа чужда, мне в ней неудобно. А другие пусть носят. При этом я неплохо себя чувствую…

Про мат в связи с приблизительностью русского языка

А вот чему нас учит знаменитый исследователь мата Б. А. Успенский (тот самый, который указал на этимологическую близость слов «пес» и «пизда», возводя их к праславянскому глаголу pisti со значением «ебать»): «Итак, матерная брань, согласно данному комплексу представлений (которые отражаются

как в литературных текстах, так и в языковых фактах), – это „песья брань“; это, так сказать, язык псов или, точнее, их речевое поведение, т. е. лай псов, собственно, и выражает соответствующее содержание. Иначе говоря, когда псы лают, они, в сущности, бранятся матерно – на своем языке; матерщина и представляет собой, если угодно, перевод песьего лая (песьей речи) на человеческий язык».

Филолог В. Ю. Михайлин, тоже видный спец по мату, так развивает его мысль: «Ритмическая организация высказывания за счет матерных кодовых интерполяций выполняет также иную смысловую роль. Она фактически превращает речь в „пение“, в „музыку“, в спонтанное стихотворчество. Нелишним будет обратить внимание на то, насколько четко каждая конкретная кодовая сема меняет форму в зависимости от общего ритма фразы и от собственного в этой фразе места. Главными параметрами являются, естественно, долгота/краткость, а также количество и качество ритмически значимых ударений. Так, ключевая матерная фраза, будучи использована в качестве кодового интерполянта, может приобретать следующие формы: еб твою мать (равные по силе ударения на всех трех силовых позициях), твою – то мать (ударение на ю, редуцированное ударение на а), т – твою мать (ударение на т – т), мать твою (ударение на а, ритмическая пауза после слова мать), еб ‘ т ‘ ть, еб ‘ т и даже просто ё.

…Фактически фраза целиком и полностью покидает пространство коммуникативно ориентированной человеческой речи и переходит во власть совершенно иной речевой модели, для которой составляющие фразу слова важны исключительно в качестве ритмических единиц… Мат – это возведенная в статус речи система междометий, «подражающая» грамматической структуре обычного языка, способная наделить собственные речевые единицы функциями частей речи, частей предложения и т. д., но не существующая в качестве фиксированного «свода правил». Это смутное воспоминание языка о его давно забытом изначальном состоянии».

Михайлин также указывает на «откровенно диффузную семантику» матерной речи: «Значение всякого матерного слова сугубо ситуативно, и конкретный его смысл может меняться на прямо противоположный в зависимости от контекста. По этой причине всякая попытка словарного „перевода с матерного на русский“ не может не окончиться полной неудачей. Так, слово „пиздец“ в различных речевых контекстах может „указывать“ на прямо противоположные смыслы: от полного и безоговорочного одобрения некоего завершенного или завершаемого действия или

некоторой взятой как единое целое ситуации до столь же полного разочарования, отчаяния, страха или подавленности… Однако именно эта безраздельная коннотативность и позволяет мату быть предельно конкретным. Ответ на вопрос: „Это что еще за хуйня?“ – будет совершенно конкретным – в зависимости от ситуации, от интонации, с которой был задан вопрос, от жестикуляции и позы задавшего вопрос человека и еще от массы сопутствующих семантически значимых факторов, поскольку и означать он может буквально все, что угодно».

Типологическая близость различных воровских культур – французской, английской, русской – при всех понятных национальных особенностях (вроде резко различного отношения к гомосексуализму, скажем, во французской и русской блатных «субкультурах») давно привлекала внимание исследователей. Д. С. Лихачев в статье «Черты первобытного примитивизма в воровской речи» объясняет это обстоятельство «общностью примитивного способа производства»…

Доктор наук Владимир Жельвис (защитился по мату) отметил важную вещь: «Еще в битве при Ватерлоо английские войска окружили кучку гордых и отважных французов, и герцог сказал им: „Солдаты, вы доказали свою храбрость, и мы не хотим убивать таких славных воинов. Можете уходить“. Французы сказали: „Merde“ (дерьмо), – и, взбешенный таким смертельным оскорблением, герцог приказал расстрелять смельчаков из пушек. Прошло 200 лет, и президент страны Франсуа Миттеран этим же „merde“ напутствовал выпускников университета. Сейчас во французском языке слово обозначает что-то вроде „ни пуха ни пера“.

И у нас в стране мат не стоит на месте, он все-таки развивается.

А. Гороховский указывает, что до XVIII века слово «б…» без ограничений употреблялось в литературе. Тот же Михайлин пишет: «В православной некогда до мозга костей России до революции ругательства, связанные с Богом, стояли на первом месте. И дело не в том, что русский народ был не богобоязлив. Наоборот. Но ведь задача мата – вызвать шок, и это достигалось путем оскорбления святого. Даже упоминание черта и его ближайших родственников (чертова бабушка) и хозяйственно-бытовых агрегатов (чертова кочерга) считалось жуткой скверной. Ну и где сейчас богохульные высказывания? Слово „черт“, экс-ругательство, стало обычной нормой и даже превращается чуть ли не в высокопарное (можно же проще сказать: „мудак“, или еще что-нибудь в этом роде).

И потом, мат до тех пор является таковым, пока его действия

являются оскорбительными. В современной России происходит такая тенденция, что слова типа «… анный в рот», «…б твою мать», «пошел на…уй» становятся чем-то вроде присказки, вводного слова, слов-паразитов, и уже никто не воспринимает их буквально, и отрицательные эмоции вызывает в большей степени лишь сам факт упоминания бывших опальных слов».

Вот типичная фраза из наукообразного текста про современный мат: «Кино, музыка, литература, средства массовой информации, стремясь к выразительности, следуют старому как мир закону и частым употреблением ругательств превращают их из экспрессемы в стандарт, а со временем доведут и до стереотипа. Слова типа „шлюха“, „блядь“, „говно“ уже давно прочно поселились на экранах телевизоров и страницах газет, перестав шокировать окружающих. Русский народ скорее матерится из уважения к традиции, но никак не от души. Сколько ругательств перебежало в строй законной лексики – не счесть…»

Одним словом, все идет к тому, что табуированная лексика постепенно исчезнет также и из русского языка. Это наряду с другими авторами косвенно подтверждает Илья Кормильцев, человек с чрезвычайно нестандартным мышлением, – он сочинял тексты для «Наутилуса Помпилиуса», а сейчас пишет прозу и переводит. Кормильцев дал такую версию: «Мат табуирован вовсе не потому, что его запрещено печатать, а потому, что менталитет носителя русского языка устроен таким образом, что предполагает наличие неких абсолютных табу, нарушение которых дает определенный эмоциональный эффект. Русская ментальность вовсе не нуждается в том, чтобы мат был легализован; если его легализовать – придется придумывать что-то новое».

– По-моему, ты увлекся… Так что все-таки было на юбилейной пьянке?

– Там был такой момент. Стоит, значит, человек в уголку, а другой подходит к нему, руки за спиной, и говорит: «Сейчас я покажу тебе фокус, закрой глаза!» Тот закрывает. И тогда фокусник достает разделочную доску, укладывает ее подопытному на темя и с размаху разрубает эту доску кухонным топориком. Публика потрясена. Тот, у которого на голове доску рубили, после проплакал до утра, а потом подшился. А который показывал фокус, тот пошел кого-то е… ть в ванную и через какое-то время повесился. Жесткие были линии в жизни…

В общем, тридцать лет стукнуло. Я тогда провел собрание, вызвал всех подружек и объявил, что они уволены:

всем спасибо, все свободны, поскольку я на вас не собираюсь жениться. Они отвечают: «Так тебя никто и не заставляет жениться, какой вопрос!» Нет, говорю, это не к вам вопрос, а ко мне. Поскольку жениться на вас я не планирую, зачем вы мне тогда? Вот и все. Потом я еще и с работы уволился. Сказал: хватит уже. Решил заниматься серьезными делами, а не провинциальной журналистикой.

– Подожди, а ты когда окончательно женился?

– В 88-м году.

– А, так ты как всех уволил, так вскоре и женился. Механика простая.

– Ну… А в 87-м, кстати, еще началась кооперация.

– Да, уже можно было бабки зарабатывать.

– И я помню, в 87-м привез какую-то заметку в «Собеседник» сдавать и встретил там Володю Яковлева. А он уже уволился из газеты и как раз делал кооператив «Факт». И вот стоим мы в очереди в редакционном буфете, все берут суп и второе, а он говорит: «Ну-ка дайте мне полный граненый стакан черной икры и пачку „Мальборо“!» О как! И мне Яковлев говорит: «Хочешь, дам тебе хоть червонец в долг, а отдашь, как деньги будут!» Я взял. А чего?

Комментарий Свинаренко

Потом, через три года, я пришел в старый «Коммерсантъ» и в коридоре встретил Яковлева. В кармане у меня было тринадцать рублей – все мое на тот момент состояние. Я достал десятку и стал ее возвращать, должок, – но он засмеялся и не взял.

– Я подумал тогда: как жизнь повернулась! Вон люди бабки делают… Чуть ли не семьсот рублей в месяц получают. И в этот самый момент Яковлев говорит: «А иди-ка ты работать ко мне в кооператив и будешь получать семьсот рублей (видно, эта сумма тогда у всех крутилась на языке)». То есть этот стакан икры был не просто так им закуплен, это была часть его стратегии как head hunter. Я поскучнел, потому что вопрос перешел из чисто теоретической легкомысленной плоскости в область действий… И отказался!

– А что он производил в том кооперативе?

– Да ничего. Он торговал информацией о кооперативах. Ну вот. Я понял, что мне очень не хотелось заниматься бизнесом. Бабки туда-сюда передвигать, из пачки в пачку перекладывать… Он говорит: иди, мы сделаем классную

газету! Ну не сразу, а чуть погодя… И начинает описывать некую воображаемую идеальную газету – грубо говоря, будущий старый «Коммерсантъ», который у него уже вертелся в голове. Я послушал и говорю: вот как дойдет до такой газеты, ты мне сразу свистни – и я не заставлю себя ждать. Ну, приблизительно так оно и получилось потом, как мы знаем. А Матиас Руст когда прилетел, это какой праздник был, помнишь? День пограничника это был, 28 мая!

– Да ты что!

– Точно. Граница на замке!

– Если б он сел не на Красной площади, а в другом месте, то это бы замолчали. А так невозможно было замолчать.

– Люди думали, что это съемки, шутки… Значит, ты думаешь, что при социализме военные все бабки просто растранжирили, и все, – даже элементарная ПВО поэтому не работала…

– Думаю, что да.

– Были же версии, что Руста видели, вели, но просто не стали сбивать.

– Ну да, и поэтому он сел на Красной площади… За пять лет до этого они «боинг» корейский сбили – там не одна сотня человек сидела, – и глазом не моргнули, а тут у них гуманизм, сука, разыгрался. Прозевали! Сто процентов! Это как американские smart-бомбы, которые почему-то все время в базар попадают. Думаю, там была такая схема, с теми бомбами. Подрядчик с генералом договорился, приходит в Белый дом и говорит: охерительная бомба изобретена, мухе попадает в левое яйцо, срочно нужно закупить партию для Пентагона. А то невозможно без них! И все на откате… А у нас при Советах и откаты были дурацкие, кэша ж не было. К примеру, солдат на дачу присылали. А вот из нашей жизни свежий пример. У Московского вокзала в Питере выкопали яму, потратив на работу девяносто миллионов долларов. Якобы это котлован под новое здание вокзала для новой скоростной магистрали. Никто никакую магистраль не строит, а девяносто миллионов вкопали в эту яму… И никто не сел!

– Что, за девяносто миллионов только яму выкопали – и все?

– Да. Кое-кто поинтересовался сметой, так они даже гвозди в Лондоне закупали. И никаких вопросов нету ни у кого!

– Ну так меры же приняты.

– Какие?

– Поменяли же начальника федерального округа!

– Это было до него, это было во времена Примакова…

Вернемся в 87-й. Тогда еще под Уфой поезд взорвался, помнишь? Там была утечка газа из магистрали. Газ в низину натек. Шел поезд, кто-то хабарик в окно выкинул – и взрыв, сотни людей погибли.

– Какие-то знаки нам давались, что сворачивается все.

– Я не сторонник символы какие-то выводить, но видно было, что загибается все… Смердел Совок со страшной силой… Из великой державы начал уже превращаться в посмешище всемирное. Они и сейчас не видят этого, бюджетные работники, в функции которых входило гордиться великой страной. Совок сдыхал долго, так что нам из года в год, в каждой главе приходится об этом говорить. А сдох бы он в один день, как в Чехословакии, сразу б все стало ясно: Гавел – президент, а вы, коммунисты, сидите спокойно, если не хотите получить по физиономии, и устраивайтесь слесарями. Вот тут и вакансия, кстати, образовалась – Дубчек же слесарем двадцать лет был, после Пражской весны, пока его председателем парламента не избрали. А наш Совок долго б еще помирал, если б эти дурачки ГКЧП не придумали в 91-м году. А как придумали, тут и кончился Совок!

– Быстро, видимо, было нельзя. Ведь даже мы к нему серьезно относились. Мы хихикали, но на демонстрации не ходили ведь.

– Ну почему, я на какие-то митинги ходил.

– Мы ходили, когда все ходили. А я про другие времена. Помнишь, диссиденты вышли на Красную площадь…

– Я о другом. Сидели аналитики в ЦК КПСС – Боря Федоров, Игорь Малашенко… Бегло говорили по-английски… И Примаков сидел в институте экономики… Ну придумали б что-нибудь! Тоже мне, аналитики… Мне денег жалко! За эти пять лет, пока они сдыхали, коммуняки, сколько ж они на Западе денег позанимали – и пустили на ветер! Мы до сих пор по их долгам расплатиться не можем. А если б сразу сказали: все кончено, мы пошли, – то это все значительно меньшей кровью далось бы. Ну в том же 87-м году сдали б дела и разошлись по домам, устроились слесарями трудиться! Знаешь, сколько денег мы бы тогда сберегли! Если б эти… во главе с покойничком Павловым не наделали долгов! Если б Гайдар пришел на пять лет раньше! Тогда не развалили бы бюджетную систему, не раскрутилась инфляция, не было б этой конфискационной реформы, когда вклады граждан аннулировали…

– Да все равно б своровали бабки!

– Да перестань ты! Таких бабок, которые они профукали, в России никогда не воровали! И сейчас таких не воруют! Одна

программа «Буран» несколько десятков миллиардов стоила!

– А, это русский Shuttle?

– Да. И чем она закончилась, эта программа? Десять миллиардов долларов вылетели как из ружья! Один раз запустили этот «Буран» без космонавта – и все. Ну зачем это нужно было?!

– Так ответ же американцам!

– А вы меня спросите, налогоплательщика! Согласен я таким образом отвечать американцам – чтоб один раз запустить и на этом закончить – или нет?

– Понты дороже денег!

– Это когда не свое тратят. А мне дороже деньги, чем понты.

– Вот ты, Алик, говоришь: «Если бы Гайдар пришел в 87-м…» А он не мог. Он тогда другим был увлечен. Он, наоборот, именно в 87-м году начал работать в «Правде» и в журнале «Коммунист».

– Будучи коммунистом, да… Будучи коммунистом… Но вот если бы у нас сразу после ГКЧП, на волне демократической приняли нормальные законы, как это было сделано во всех странах Восточной Европы, в частности закон о запрете на профессию, – то Гайдар, Чубайс, Шахрай, Боря Федоров – они бы не смогли работать в правительстве. Потому что они были коммунистами!

– Раз Гайдар в «Правду» пошел, значит, считал, что это надолго! Иначе бы на хера было связываться? Позориться? Видно, не на год шел, не на два, а всерьез… Вот в Германии после войны хотя и был запрет на профессии, все равно многие нацисты продолжали работать на государство.

– Ну там же зам. Канариса – Гелен, замначальника разведки вермахта, работал после войны в разведке, в ФРГ. И ничего!

– О чем это говорит? О том, что не напасешься людей! Кадров нормальных нигде и никогда не хватает! Их же всего два-три процента активного населения. Естественно, при фашистах или при коммунистах такие люди – члены партии. Или цеховики. Ну подвести их под запрет – так и что ж, брать на ключевые должности заведомый второй сорт?

Комментарий Свинаренко

Я давно уже придумал, что надо к товарищам применить замечательный принцип – чтоб каждому воздавалось по его вере. К примеру, приходят диссиденты со своей партией регистрироваться в Минюст. «Так-так, – говорят им, – а ну-ка, чего вы раньше декларировали, как себя с политическими

противниками вели? Нормально, по понятиям? Ладно, тогда идите, работайте. А вы кто? Коммунисты? А как вы утверждались на политической арене? Расстреливали противников, по зонам их, по психушкам? Замечательно… Значит, тогда вы на первый-второй рассчитайсь и вперед: четные в Кащенко, нечетные – на Колыму. И скажите спасибо, что к стенке вас не ставят…» Или идут коммунисты на выборы. Их по пути останавливают: «Вы что, с ума сошли? Да когда ж это было, чтоб коммунисты, будучи у власти, пускали на выборы политических противников? И честно считали их голоса? Идите отсюда, если вы порядочные люди… Ну какие вам такие выборы?!» Еще одна мера: дать им всем срока, пусть условно, и принудительно по 25 или даже лучше 33 % от зарплаты взыскивать с них в доход государства пожизненно. Ну хоть как-то, хоть частично восстановить справедливость… По-моему, это было бы и красиво, и гуманно.

– Но даже если их и один процент, так кто-то активничал за режим, а кто-то – против режима! Протест бывает разный. Например Сахаров и Солженицын протестовали открыто. А были люди другого плана – цеховики, как ты правильно заметил. Они разлагали систему с другой стороны, с другого конца булку жрали. Они создавали основы частнособственнических отношений, они, допустим, приезжали в Сочи с бабками – и все телки были ихние…

– Красивая игра слов: «бабки» – «телки».

– Телки – они формально комсомолки, в школу ходят, но у них другая, некоммунистическая система ценностей: «ГАЗ-24» с ветерком, Дагомыс, ресторан, пляж, шампанское в ведерке… Понимаешь? Кто больше разлагал строй: цеховики, которых были сотни и тысячи, – или Сахаров с Солженицыным, которых были единицы? А еще были многие тысячи фарцовщиков, которые тоже разлагали… Я не говорю тут о директорах промтоварных баз – они как раз олицетворяли собой социализм. А вот фарца и цеховики – это капитализм!

– Тебя послушать, так диссиденты получаются мудаки в этой системе?

– Нет!

– Но бабки же они не делали! Капитализм не строили!

– Но они защищали другие вещи – не капитализм, а демократию! Защищали несоциалистические ценности! А директор базы, начальник жэка и секретарь обкома – социалистические. Значит, эти валютчики стояли за ценности свободного демократического общества. Они тоже входят в эти два-три процента! Но вторая половина этих двух процентов

активного и предприимчивого населения почему-то не хочет управлять собой… И допускает, чтоб ею руководила та половина, которая коммунисты. Люди, которые в жизни гвоздя не забили. Они никогда не зарабатывали деньги, они всю жизнь сидели на бюджете!

– Вообще психологическая наука учит нас, что во всяком коллективе его неформальный лидер далеко не самый умный человек, зачастую наоборот – ниже среднего по интеллекту.

– Не понял, еще раз.

– Повторяю для крупных руководителей… (*Повторяет.*)

Комментарий Свинаренко

В. Фокс «Введение в криминологию»

> «Очень часто у лидеров уровень умственного развития ниже среднего для данной группы. Человек с более высоким уровнем умственного развития более чувствителен к значимым факторам окружающей среды и, принимая решение, учитывает множество различных моментов. Человек интеллектуально менее развитый, но практичный, может принять решение, опираясь на малое количество факторов и не исчерпав всей имеющейся информации. Таким образом, он обеспечивает – и это особенно важно – чувство безопасности и стабильности другим членам группы, которые могут быть более нервными или беспокойными. Обеспечивая эмоциональную стабильность, лидер стремится окружить себя людьми, которые нуждаются в его руководстве и на которых он может положиться. Такое положение, по-видимому, имеет место в политических группировках, других кликах, а также шайках».

– Но руководитель и не должен быть лучшим, он должен быть адекватным. Я тебе дам простое объяснение.

– Я тебе дал научное, а ты мне дашь правильное!

– Почему? Я тебе тоже дам научное.

– Так ты же не психолог.

– Верно, не психолог, но кибернетик. А кибернетика, как известно, наука об управлении. Психология – всего лишь частный случай кибернетики. Как, впрочем, любая наука – частный случай кибернетики. Кибернетика изучает информационные системы, дорогой мой товарищ…

– То-то, я смотрю, ты спец по масс-медиа: значит, ты еще в институте проходил информационные системы, ха-ха-ха!

– Так вот я тебе рассказываю: все очень просто. Управляющая система должна иметь взаимодействие с каждым элементом управляемой системы. Во всяком случае, это желаемый параметр. Вот. А если говорить о человеческом коллективе, то, если человек сильно умный, это вот почему не есть хорошо. От него до самого глупого слишком большое расстояние, так что контакт между ними невозможен. Поэтому лидером становится тот, у кого расстояние интеллектуальное до каждого отдельного элемента не слишком большое… Тогда у него устанавливается контакт с максимально возможным количеством элементов системы. Представим себе коллектив в виде пирога толщиной десять сантиметров. Предположим, что управляемость теряется при расстоянии между лидером и элементами более пяти сантиметров. Если лидер очень умный, если он на самом верху, то с первыми пятью сантиметрами у него контакт, а дальше расстояние увеличивается и контакта нет. Если же лидер средний по уму, то он в середине пирога – оттуда что вниз, что вверх пять сантиметров. Он достает до всех и потому руководит эффективно.

– Говорили же когда-то: «Дойти до каждого».

– Вот и Черномор, как человек фольклорный, интуитивный, о том же самом толковал: чтоб управлять страной, нужно уметь с рабочими поговорить в курилке. А ты пойди им академика туда отправь, в курилку! Он и не курит, и смысла мата не понимает – так что не сможет управлять этим коллективом.

– Да… И с диссидентами та же картина. Вот в Чехии – компактной и насквозь диссидентской – Гавел мог говорить с огромным количеством народа. Без проблем. А наш диссидент находил понимание только среди своих, у диссидентов же и в околодиссидентских кругах. Страшно далеки они от народа! А солдаты, пролетарии, колхозники – как с ними? Им вместо политических свобод нужна хорошая кормежка. Так что диссиденты не могут управлять Россией.

– Ну, не скажи… Если диссидент умный, то он мог бы…

– Мог бы, так управлял бы.

– Вот я сейчас вспомнил про Китай. Кто такой Дэн Сяопин? Типичный диссидент. Мао его в лагерь сослал. Он из лагеря вышел, затаился. Потом Хуа Гофэн, потом банда четырех, потом раз – и Дэн генсек. И сказал: «Мао, коммунизм – все это единственно верное, но мы будем учитывать китайскую специфику». Обращаю ваше внимание – диссидент.

– Это исключительный случай.

– Ну вот опять… Мы с тобой научные люди или не научные?

А в науке не бывает исключений. Наука – это ж не русский язык… Если один противоречащий пример можно привести, значит, вся гипотеза неверна. А у меня даже не один, а два примера: и в Чехии смогли диссиденты командовать, и в Китае. А у нас – почему не смогли? Почему? Может, у нас диссиденты какие-то херовые? Вот я смотрю сейчас на Сергея Адамыча Ковалева и вижу: ему точно нельзя управлять страной.

– Ну да, помнишь: он шел по улице, его втянули в лохотрон играть и все бабки забрали! Он сходил, еще принес, и те у него тоже выиграли. Так он пошел милиции жаловаться.

– Во-во. Хороший мужик, честный. Но я ему бы не доверил собой управлять. Мне он даже и как советник не нужен. У меня и собственный опыт жизненный богатый. Я и без него знаю, что такое чечены, я в Казахстане жил. Зачем он будет мне рассказывать, какие они свободолюбивые? И, типа, честные…

– У Даля есть про немцев, вот про вас, ссыльных: «Немец – что верба: куда ни ткни, тут и принялся!» А еще, помню, слушал я «Голос Америки», Би-би-си, когда они объявляли о присуждении Нобелевской премии Бродскому.

– Помню. Но в 87-м я его не читал. Хотя мне было приятно: питерский, наш, тунеядец. Вот эта довлатовская атмосфера – она мне очень близка. Тот Питер, он мне такой достался.

– А он был хуже Москвы или нет?

– Я не знал Москвы. Москва у меня началась в 93-м только. Думаю, что уж, во всяком случае, не хуже. Ну вот андеграунд – он в Питере точно был мощней, чем в Москве. Бродский… Наверное, он на тех же блатхатах тусовался, что и я. При определенных усилиях можно было б, наверное, общих знакомых найти.

– Общий знакомый есть у вас с Бродским – Каплан.

– А, Ромка… Ну да.

– Бродский… Кто там еще тогда насчет Питера? Битов, Аксенов… Что-то я взялся их недавно читать, кумиров, думал, ну вот, получу эстетическое удовольствие – а не идет. Как-то так… не то…

– Ну, человек пишет, пока у него стоит. Тут действие гормонов очень важно. Стоит – пишешь, не стоит – все. Ноги, голова, память – все то же самое, а херня получается.

– Человек – он же вообще химический робот. Он состоит на 90 % из воды, в которой растворяются разные химикаты. Долил водки – это роботу команда, чтоб поменял поведение и направление движения.

– Ну да, влей стакан – и сейчас запляшет.

– «Дети Арбата» тогда еще вышли.

– Ты их читал?

– Нет.

– И я нет. А чего с ними так носились?

– Не знаю. Я при всей любви к диссидентам не смог это читать.

– Непонятно, чего так раскручивали «Детей Арбата». ГУЛАГ и Шаламов – этого более чем достаточно, чтоб все понять.

– Ну, это слишком сильные, сильнодействующие средства. А людям надо чего-то попроще – не чистый спирт, а портвейн у нас больше любят. Он и разбавленный, и сладенький, сахару туда подсыпали… Легче идет. Я вот одного госдеятеля спрашивал: «А чего ты не используешь Солженицына в агитации и пропаганде сейчас? Титан, мощнейший интеллект, такое осмысление…» Так он сказал: «Невостребован дедушка. Когда его показывали по ТВ, рейтинги были невероятно низкие. Человек Солженицын уважаемый, его президент поздравлять приезжал, а люди по ТВ не хотят его смотреть. Народ не понимает». А вот Рыбаков народу доступен. Или Жириновский.

– Белые грибы, да, очень вкусны, но встречаются редко. Ну, тогда ладно, жри сыроежки, нажарь их с картошкой. Тоже вкусно. Понимаю. Но когда вместо белого тебе дают поганку – это ж не годится. Когда Солженицын слишком глубок и говорят: жрите Жирика, – это не годится. Это не сыроежка, это из другого класса.

– Ну не Жирик, пусть вон Рогозин.

– А что Рогозин, он что-то пишет? Он что, писатель?

– Не писатель, я про другое. Вот Солженицын говорит про Россию, что надо сохранить и забрать русских из республик, – этого не понимают, потому что у Солженицына высокая лексика и глобальное осмысление.

– Мы с тобой про это написали – либо китайцы, либо многоженство.

– Ну, мы ударились в попсу. А Рогозин не глобально, а локально говорит – не отдавать Калининград. Это проще, это понятней.

– Я хочу понять до конца логику. Почему не отдавать?

– Ну пусть будет.

– Зачем?

– Вот у тебя стоит телевизор. Его отдать кому-то или пусть постоит?

– Ну не телевизор. Пусть это будет участок, и я на нем живу. А через дорогу, где-то там, вдали, у меня еще три сотки. Я знаю, что до тех соток у меня руки точно никогда не дойдут. Тем более там кругом дороги какие-то, бензоколонка рядом. И тут ко мне

приходит человек и говорит: «Дай я твои три сотки к своим двум га прирежу и там сарай поставлю». А мне те три сотки дороже содержать, чем они стоят! Насчет Калининграда я вообще не понимаю, зачем мы его забрали. Зачем мы в 45-м прирезали Восточную Пруссию? На кой она?

– Чтоб была!

– Если хотелось чего-то прирезать, почему тогда Польшу целиком не прирезали? Союзники не дали? Уже давно мир живет по принципам экономической экспансии, а не территориальной. Маленькая Япония контролирует полмира. А огромные Бразилия и Россия себя контролировать не могут. И что? Я не понимаю, что такое «пусть будет». Там живут люди, там самый большой процент больных СПИДом, наркоманов, там самый низкий уровень жизни из всех регионов России…

– В Калининграде?!

– Да, да! Там же никогда никаких производств не было, только военные базы. А теперь Балтийский флот стал бывшим флотом. Там был порт, который через прибалтийские республики соединялся с метрополией. Порт не работает сейчас. Раньше у нас была портовая система: Калининград, Клайпеда, Рига, Вентспилс, Таллин и Выборг. А теперь остался только Питер. И вот строят новые порты – Выборг и Приморск. Не отдавать? Я готов согласиться с любой логикой, но вы мне ее изложите… В хозяйстве пригодится – как Плюшкин собирал веревочки, – это не аргумент.

– Ни хера я не понимаю в твоих рассуждениях. Не хочу я просто так отдавать. Ну давайте меняться на что-то!

– Давайте! Такой разговор я понимаю. С западниками легко разговаривать так: мы им отдаем чего-то, и они это с удовольствием берут. А давать взамен свое не любят. И им надо говорить: мы взамен возьмем не ваше, а чье-нибудь чужое. А ваша задача – просто не заметить, как мы это стырим. Вот на такие договоренности они с удовольствием идут. К примеру, пусть они не заметят, как мы у хохлов заберем Крым. Украина соберет Совет Безопасности ООН по Крыму, а ей там скажут: да пошли вы, с Крымом вообще непонятная ситуация, его у турков забрали и так далее.

– Так-так…

– Вот это будет разговор! Вот это будет новизна! Вот когда Рогозин это провозгласит, будет интересно.

– А нельзя сначала забрать Крым, а потом, может, отдать Калининград?

– Не, так с ними не работают… Надо одновременно. Причем в Крым даже войска вводить не надо, они у нас там уже и так стоят!

– Ловко.

– Да. Сказать, что вот мы долго думали и решили, что Крым – русский. Вы уж, товарищи хохлы, извините. Можете возмущаться, но комендатурам дано указание депортировать всех представителей украинского государства за Перекоп. И мы сейчас всех военных приведем к присяге… Жители Крыма будут только рады! Мы тут же в бюджете предусматриваем деньги на строительство моста через Керченский пролив. И я там землицы куплю. Построю домик, буду туда детей отправлять… На все лето… А Кенигсберг заберите – правда, с нашими гражданами. И нам все равно, к Германии вы это присоедините или к Польше… Но имейте в виду, что там будут наши русские люди – граждане Европейского сообщества. А самое смешное будет, если русские ломанутся из Калининграда к нам – не захотят жить в Европе. А мы их тогда в Крым поселим! Ха-ха-ха! Наркоманам один хер, где колоться…

Комментарий Свинаренко

Ага, я наконец понял, как работает русский бизнес! На этом маленьком примере. Видимо, это универсальный наш принцип: два человека обмениваются чужим имуществом – и оба выигрывают. Проигрывает третья сторона, которой это все принадлежало. Самое яркое проявление этого принципа – нефтянка. Значит, чиновники отдают не свою нефть so called бизнесменам. А те с этой не своей нефти дают чиновникам за это взятку фактически не своими деньгами. То есть стороны обменялись чужими ценностями и – синхронно обогатились.

– …Вот если б мы Буша поддержали в войне с Ираком, то сказали б: «Сколько можно терпеть издевательства Кучмы над собственным народом? Он же диктатор чистый, зарубил журналиста с грузинской фамилией. И эти прослушки, которые расшифровало ФБР, говорят о том, что он аморальный тип. Поэтому мы начинаем войну за освобождение украинского народа. И Крым – наш, русский!»

– Ты так радуешься, как будто Крым уже забрали. Ловко, кстати, это у вас, немцев, получается: вы и Кенигсберг себе забираете у России, и Крым у нас, хохлов, ты тоже забираешь себе, под строительство дачи. Неплохо устроился! Все чужое отдаете, а все лучшее забираете себе! Вот он как, значит, строится наш родной русский (или ваш немецкий) бизнес!

– Скажи спасибо, что я, как полукровка, не забираю Крым и не присоединяю его к Германии, как это было в свое время

предусмотрено планом, – там же хотели сделать всесоюзную здравницу Третьего рейха! А талдычить про то, что Калининград никогда не отдадим, – это глупо и неоригинально! Ну не отдавайте. И там вымрут все, а кто не вымрет, тот уедет… Потому что там жить невозможно…

Бутылка седьмая. 1988

Жизнь становится все больше похожей на сегодняшнюю. Рухнул миф о дружбе народов СССР: славянские бандиты в Москве объявили войну своим азербайджанским и чеченским коллегам, а республики так и вовсе захотели отделения – Эстония его даже провозгласила. Что касается бывших братских республик Армении и Азербайджана, так они начали настоящую войну.

Власти признали еще одну проблему: в Москве обнаружилось аж 38 наркоманов. Советский криминалитет с воодушевлением откликнулся на «Закон о кооперации»: зарегистрировано 600 случаев рэкета.

Кох со своими товарищами Чубайсом и Гайдаром готовится возглавить строительство новой экономики. Свинаренко пропечатывает в газетах правду-матку. Грубо говоря, пиарит истину. На общественных началах.

– О! Вспомнил! Нина Андреева отличилась в 88-м.

– Да кому она была интересна…

– Алик, ну что ты говоришь! Была же паника! Все думали тогда, что закончилась оттепель!

– Заезженная какая-то у этой Андреевой была аргументация. Сыпалась, все выглядело беспомощным. Вот у вас в газетах, может, и была паника, а у меня – никакой паники… Я не думал, что это важно.

– А мы в газетах – думали. Мы же отслеживали всю крамолу… Когда вышла заметка Нины Андреевой, для меня это был принципиальной важности вопрос. Что дальше? Если все кончено – сливаю воду, бросаю газету и возвращаюсь в

шабашку.

– Буря в стакане воды. Я был уверен, что она получит отповедь.

– Ты, Алик, про Нину Андрееву пытаешься рассказывать с позиций сегодняшнего дня. Как будто кого-то тогда волновали аргументы.

– Повторяю, у меня не было никаких переживаний. Я, может быть, сейчас как раз удивляюсь своему тогдашнему спокойствию.

Комментарий Свинаренко

Андреева подняла страшный шум. На всю страну! Ее письмо удостоилось разбора на Политбюро! Причем других вопросов в повестке не было! Заседание шло ни много ни мало два полных рабочих дня с перерывами на обед. Для выяснения обстоятельств решено было отправить в редакцию «Советской России» комиссию! Та по прибытии изъяла оригиналы писем (надо ж выяснить, не фальшивка ли это) и запретила давать публикации в поддержку Андреевой.

В «Огоньке» выступил Карякин – его тогда слушали открыв рот. (А почему с таким вниманием? Можем ли мы на этот вопрос ответить сегодня?) Вот отрывочек из его заметки: «…Андрей Нуйкин предупреждал – готовится контрнаступление, и оказался прав: появилось письмо Нины Андреевой…Убежден: будет воссоздана – день за днем, во всех драматических и комических подробностях – вся хроника событий вокруг вашего *(Нины Андреевой.* – Примеч. ред.*)* манифеста, вся хроника его замысла, написания, публикации, хроника организации его одобрения. Чем определялся выбор дня публикации? Какой стратегией? Сколько местных газет перепечатали манифест? Сколько было размножено с него ксероксов? Сколько организовано обсуждений-одобрений? По чьему распоряжению? Как пробуждалась местная инициатива? Кем? Почему три недели не было в печати ни одного слова против за исключением, кажется, лишь «Московских новостей» и «Тамбовской правды»? Почему одно частное мнение одного лица (положим), мнение, совершенно очевидно, противопоставленное всему курсу партии и государства на обновление, почему оно фактически господствовало в печати, господствовало беспрекословно и безраздельно в течение тех трех недель (точнее, двадцати четырех дней)? Почему оно фактически навязывалось – через печать или как-то еще – всей партии, всему народу, всей стране? Как это согласуется с лозунгом «Больше демократии, больше социализма»? С гласностью? С Уставом и Программой партии? *(Ну не дети? На что оглядывались? Чего боялись? Какая*

вообще простецкая, дикарская, шаманская вера в силу слова! Вот пробормотали что-то – и дождь пошел, к примеру… – И.С.) С Конституцией государства наконец? Что это за Нина Андреева такая, обладающая столь небывалым и непонятным всемогуществом? А если это действительно не она, то кто? А если этот кто-то действительно не один, то, стало быть, речь идет о чьей-то платформе? О чьей конкретно? И почему тогда ее истинные создатели спрятались за бедного химика? И последний вопрос: если оказалось возможным такое, то почему невозможно и худшее?»

Как видите, некоторым тогда стало очень страшно. Сразу, как мы любим, мысли про худший сценарий, депрессия, так называемые интеллигенты сухари уже сушат… И счастье: ну слава Богу, все провалилось, вот уж теперь-то все будет плохо, как мы и предупреж дали!

Да что «Огонек»! «Правда» и та встревожилась: в ней появилась анонимная (говорят, Яковлев А.Н. сочинил) статья, в которой письмо Андреевой было объявлено «манифестом антиперестроечных сил». И далее в «Правде» же: «Противники перестройки не только ждут того момента, когда она захлебнется… Сейчас они смелеют, поднимают головы». Письмо Андреевой – это «развернутая программа открытых и скрытых противников перестройки, призывы к мобилизации консервативных сил».

Какие кипели страсти! Как могли взволновать широкую публику такие сугубо теоретические и, в сущности, мелкие вопросы!

Комментарий Коха
Нина Андреева как зеркало русской схоластики

Вот поговорили сейчас про Нину Андрееву, и чем-то родным повеяло. Вспомнил я институт, кафедру научного коммунизма… Или истории КПСС? Сейчас уже не помню. Они, эти кафедры, все на одно лицо… Был там у нас такой доцент – Тузов. Старый уже человек, инвалид, ногу потерял на Курской дуге. В принципе мы его уважали. Он был достаточно строгий, но без педантства. Коммунист – ярый. Абсолютный ортодокс. В начале 80-х, когда я учился в институте, это уже смотрелось анахронизмом. Тогда в моду входила легкая фронда, и поэтому этот осколок сталинизма смотрелся довольно убого. Но он был абсолютно безобидный, неагрессивный. В споры не вступал, только смотрел как-то жестко… и все. Неглупый человек, понимал, наверное, что его время уже кончается. Поговаривали, что он то ли до, то ли после

войны был в НКВД, расстреливал. Но твердых фактов нет, а по нему не было видно, что он палач. Только вот этот взгляд…

Когда перестройка распоясалась окончательно (не в 88-м ли?), мне рассказали, что он повесился. Вот так. Был человек – и нет человека. Кровь проливал. Верил без памяти. Пожилой, заслуженный, вся грудь в орденах…

Он, наверное, смог то, что людям редко удается: в один миг схватить всю чудовищность случившегося с его страной, с его народом, с его поколением… Сколько людей погублено, сколько жизней не родилось, сколько талантов… Все ради светлого будущего – коммунизма. Миллиарды триллионов мегаватт человеческой энергии, труда, надежд… И все зря…

Поэтому и смотрел жестко… и не спорил. Понимал, что бесполезно. Что мы не поймем всей фатальности выбора, который делаем. Всю его бесповоротность. Что от этого выбора одним махом становятся бесполезными все жертвы, о масштабе которых мы даже не подозреваем… Легкомыслие молодости… Как там у Маркса-то: «…человечество смеясь расстается со своим прошлым…»

Те, ради которых мы брали грех на душу, ради которых столько крови и пота пролито, те, которых мы воспитывали, на которых надеялись, что они продолжат наш титанический труд, те – не хотят строить коммунизм. Не хотят, и все… Значит, коммунизма не будет. Теперь уже никогда.

Все. Конец. А смерти нет. Ну где она, костлявая, хоть бы прибрала меня, старика… Так нету. Ну что ж, запрет самоубийства – религиозный предрассудок. Настоящий коммунист выше этого. И в петлю… Такие дела.

А которые из ортодоксов послабее, те спорили. Особенно комсомольские активисты. Заливались соловьем. Тренировали друг дружку. Если вас спрашивают то-то, отвечать надо так-то. Помните, у Высоцкого: «Но инструктор – парень дока, деловой, попробуй срежь, и опять пошла морока про коварный зарубеж…» Причем споры быстро переходили в соревнование эрудиций, схоластику, в дефиниции. С этими энергичными софистами было очень трудно. Они давили на патриотизм, заветы отцов и прочие болячки, дорогие каждому нормальному человеку. И по-ихнему неизбежно выходило, что-де коммунисты реализуют вековую мечту русского народа, а демократия при социализме еще лучше расцветет, чем где-либо. Все у них по полочкам, все приготовлено. Репрессии – отдельные недостатки, которые не отменяют достижений… оголтелый милитаризм – борьба за мир; ракетно-ядерный щит – ратный подвиг… уничтожение крестьянства – коллективизация, индустриализация… Херня,

одним словом. Но спорить было трудно.

Я тут вот что нашел. Очень интересный документ. Немецкий историк Ганс Адольф Якобсен в своей книге «1939–1945. Вторая мировая война. Хроника и документы» на страницах 248–251 приводит так называемые «12 заповедей для немецких административных чиновников в оккупированных восточных областях». Эти «заповеди», написанные в рейхсканцелярии, выдавались всем чиновникам оккупационной администрации. Там очень интересно звучит восьмая заповедь: «Не говорите, а делайте. Русского вы никогда не переговорите и речами не убедите. Говорить он умеет лучше вас, поскольку прирожденный диалектик и унаследовал склонность к философствованию. В разговорах и дискуссиях он всегда одерживает верх…» Очень похоже. Как будто это про наших схоластов с различных идеологических кафедр советских вузов.

Вот и Нина Андреева такая же. Она ведь преподавала что-то идеологическое в каком-то ленинградском институте. Схоластика. Типа: «Если меня спрашивают про репрессии, то я отвечаю – отдельные недостатки и, сразу, – про покорение космоса».

«Слово „схоластика“ происходит от лат. Schola – школа… Этим именем обычно обозначается философия, преподававшаяся в школах Средних веков… Сущность схоластики… во-первых, в том, что главная задача научного исследования полагается в изыскании твердо установленного и к различным проблемам одинаково применимого схематизма понятий; во-вторых, в том, что придается чрезмерное значение некоторым общим понятиям, а за ними и обозначающим эти понятия словам, вследствие чего… пустая игра понятиями и словами заступает место действительных фактов, от которых эти понятия отвлечены…» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 63, с. 177, ст. «Схоластика».)

Откровенно говоря, это определение абсолютно точно подходит для позднего марксизма-ленинизма, которому нас всех учили в советских институтах. И вот эта доцентка-брюнетка, щекастенькая такая (видать, в молодости была ничего), звонко, как на комсомольском собрании, запела до боли родную песню: «… с одной стороны – нельзя не признать, с другой стороны – нельзя не отметить…» И так это было знакомо, так неопасно, что я не испугался. Не страшно.

И еще. Она спорила, а не молчала. И смотрела на меня с экрана телевизора горящим пионерским глазом, а не жестко, как Тузов. И желваки у нее не ходили. Сразу стало понятно – болтовня. В ней не было боли. В тузовском молчании боль была.

Я понял, в чем дело. Он, Тузов, был солдат-победитель, а победителем не выглядел. В нем был дух античной трагедии. Спокойное мужество проигравшего. Это его стариковское молчание, а не ворчание, и есть стойкость. В принципе они с Сахаровым были ровесниками. Сейчас таких не выпускают. Сняты с производства.

Вот если бы все коммунисты были как доцент Тузов, то я бы с ними согласился коммунизм строить.

– Нет, не помню я, чтоб сильно задумывался про эту Андрееву. Другое дело, когда приняли закон о кооперации! Твою мать, мы сидим в каком-то закрытом НИИ, никак не вырваться из него, а наши товарищи на воле вон кооперативы строят и х… забили на работу. А ведь я мог бы преподавать где-нибудь и в то же время кооперативчик держать. Но нет – сиди за закрытыми дверями с девяти до шести, никуда не выйти, пропуск такой с дырочками.

– А сейчас у тебя больше рабочий день?

– Сейчас больше, конечно… Тогда, чтоб создать кооператив, надо было его сначала зарегистрировать. А это только в рабочее время. В течение которого я сижу на месте и никуда не двигаюсь. Точка. И еще надо пробашлять всех этих девочек в райисполкоме, которые регистрацией занимаются.

– Нанял бы еврея толкового.

– Но тогда эти евреи еще не появились! Закон-то только вышел! А самому, работая в закрытом НИИ, совершенно невозможно было создать кооператив. А в «ящик» я не от хорошей жизни пошел, а потому, что меня в Питере на работу никто не брал – не было ленинградской прописки, только областная. А я мечтал уйти на настоящую работу – на преподавательскую. Работа в закрытом «ящике» меня так ломала! Эти ежемесячные накачки первого отдела: «Если вы пообщались с иностранцем, обязаны прийти и рассказать»… Секретные комнаты, чемоданчики с документами – полная херня.

– Щас бы ты сидел и только б писал про иностранцев.

– Да… А потом я нашел себе работенку – меня переманили, слава Богу, в Ленинградский политех – и я считал это охерительным рывком в своей карьере. Но это позже, в 89-м году. А в 88-м честно работал в этом сраном НИИ… Обсчитывал экономию материалов… В прикладной математике есть задачи о раскрое, есть специальное программное обеспечение на машине…

– Вот когда говорят – продали Россию, то ее надо сперва раскроить, с программным обеспечением…

– Ну перестань ты. Ну не было в 88-м году никакой продажи

России! Как ее, впрочем, вообще не было. Продавали отдельные предприятия.

– А чё ты так кипятишься?

– Ничего. Ну, короче, 88-й год. Я кандидат наук, получаю десять рублей надбавки за ученую степень. А сидел я около Александро-Невской лавры. Как раз там и происходили основные торжества в рамках тысячелетия крещения Руси.

– Оно, помню, отмечалось в июне. Вот, кстати, об отношении государства к религии: как сейчас помню, накануне 8 марта 1988 года я сходил поплавать в бассейн «Москва». Его же потом вскоре закрыли – когда решили восстановить храм Христа Спасителя.

– Да. И вот у нас на глазах все эти шествия с хоругвями… Колокольный звон… Лавру в порядок приводили.

– А ты тогда еще был атеистом.

– Да я никогда не был по-настоящему атеистом. Но и по-настоящему религиозным тоже не был. Я все время в каком-то промежуточном состоянии… Но если вдуматься, то я скорей верующий, чем не верующий.

– Но был ты некрещеный.

– Был некрещеный. Но что – обрядовость? Главное, что это живой интерес во мне вызывало. И, пожалуй, было главным событием года в моей жизни.

– А я, когда наблюдал за торжествами, тоже был некрещеный. Но интерес и у меня, безусловно, имелся… Особенно приятно было даже не христианство само по себе, а то, что вот большевики давили-давили православных, взрывали храмы – и все зря, ничего у них не вышло. Большевики на тот момент пробыли у власти всего семьдесят лет, и непонятно было, как у них дальше дела пойдут. А христианству две тысячи лет – фуфло не продержалось бы столько. Я как представлю, что в древности при отсутствии промышленности, при необыкновенноскудных ресурсах люди тем не менее собирали фантастические деньги и строили огромные храмы… Это серьезное доказательство бытия Божия! А в ранней комсомольской юности мне христианство было глубоко чуждо. Я и подумать не мог о работе на церковь. Позже, в 80 – 81-м годах, когда я работал в самиздате и мы там печатали в том числе и христианскую литературу, я понимал это так, что просто зарабатываю деньги, но при этом попутно несу культуру в массы. Это было приятно. Я просто думал о том, что если человек живет в стране, где столько связано с христианством, и ни разу не читал Библию – ну как ему может быть не стыдно? Каких бы

он взглядов ни придерживался… И еще я думаю, что более полезной и приятной работы мне ни до, ни после не приходилось выполнять.

А пробило меня в первый раз, пожалуй, в Иерусалиме, у Гроба Господня, в 92-м, – я там как-то неожиданно для себя проникся. Подробней я тут не берусь это объяснять, трудно слова подобрать. Что же касается конкретных формулировок, то я себя как-то поймал на мысли: «Бывают же люди, которые не верят в Бога. Странные они. Как же им тяжело, наверное, живется… Как же они не понимают?» И тогда меня осенило: о, я уже себя к тем людям не причисляю! Я уже не с ними, я по ту сторону, где Бог!

Комментарий Коха
Сирота Россия

Разговоры о крещении Руси заставили меня подумать вот о чем. Что такое Россия? Жуткая азиатская деспотия, населенная лишь поверхностно-антропологически напоминающими европеоидов славянско-чухонско-татарскими метисами, которые приняли наиболее архаичную и ортодоксальную версию христианства, или действительно самостоятельная цивилизация, отличная как от европейского, так и от азиатского укладов?

Люди, относящие себя к европейцам, естественно, придерживаются первой точки зрения. Аргументация здесь отточена и сто раз проверена в разного накала полемиках.

Как волк лишь внешне похож на немецкую овчарку, так и сходство русского с европейцем – лишь случайное совпадение обликов, полученное совершенно разными алгоритмами селекции.

Как волк отличается от немецкой овчарки и агрессивностью, неспособностью к дрессировке, и другими фундаментальными привычками, так и русский отличается от европейца какими-то очень важными, корневыми особенностями.

Эти базовые различия настолько сильны, что по сравнению с ними внешнее сходство – лишь второстепенный признак, не влияющий на окончательный приговор доморощенного европейца, что русские – безнадежные азиаты.

Но ведь отличия и от азиатов видны сразу. Даже если не брать в расчет антропологическую и религиозную разницу (хотя одного этого должно быть достаточно для добросовестного исследователя), есть ментальные особенности русских, не позволяющие отнести их к азиатам.

Например фантастическая тяга к экспансии, не свойственная

ни индусам, ни китайцам, этим наиболее ярким представителям оседлой азиатчины. Русская тяга к экспансии – вполне европейского свойства, и нельзя ее отнести к татарскому периоду русской истории, поскольку она проявилась задолго до него. Так, экспансия Великого Новгорода на весь северо-запад вплоть до устья Оби и Печоры осуществлялась задолго до монгольского нашествия и совпала по времени с норманнскими завоеваниями в Европе. Надеюсь, никто не считает викингов азиатами?

Вообще деление на Европу и Азию есть схоластическое рассуждение, где первоначальный эллинистический, мифологический этап познания породил понятия и слова, которые, оторвавшись от реальных фактов, превратились в игру мозговой изворотливости и недобросовестной эрудиции.

Во всей этой конструкции огромное количество прорех и несуразностей. В ней некуда девать татар с арабами, диких и невежественных крестоносцев, красавицу Андалусию, великолепную Сицилию, все то море фактов, которые не укладываются в прокрустово ложе схоластической схемы.

Но, так или иначе, совершенно очевидно, что Россия не может быть отнесена ни к строго европейской, ни к строго азиатской цивилизации. Однако меня не удовлетворяет и возникшая методом исключения довольно механистическая теория синтеза двух культур, это пресловутое евразийство.

Это тоже напоминает мне схоластику. Тяга к классификации, свойственная схоластам, заставляет все разложить по полочкам. И если вдруг появляется объект, не похожий ни на один из уже имеющихся в коллекции, возникает непреодолимый соблазн вывести его как результат скрещивания уже известных образцов. Самонадеянность коллекционера, не допускающего предположения о неполноте коллекции, исключает даже мысль, что обнаруженный необычный экземпляр не есть синтез уже известных образцов, а есть дитя какого-то доселе неизвестного или давно забытого родителя, выброшенного из коллекции за ненадобностью.

Что представляла собой Киевская Русь накануне принятия христианства и сразу после этого? Это было типичное по тем временам нормандское княжество, такое же, как Нормандское герцогство на севере Франции или Сицилийское герцогство. Можно сколько угодно спорить относительно степени варяжского влияния на русскую государственность, но то, что на первоначальном этапе оно было решающим, не подлежит сомнению. Достаточно вспомнить возвращение крестителя Руси Владимира Святославовича (еще ярым язычником) во главе большого нормандского войска в 979 году из Швеции (где у него

была масса родственников), куда он бежал в 977 году, спасаясь от своего брата Ярополка.

Принятие христианства в 988 году произошло примерно тогда же, когда это сделали все языческие нормандские государства Европы – например в 974 году принимает христианство Дания, в 995 году (позже Руси) – Норвегия, в 912 году – Нормандия.

Отличие состоит лишь в том, что все эти государства принимали христианство от папы римского, а Русь крестилась в византийскую веру. Справедливости ради нужно отметить, что для киевского князя выбор между Константинополем и Римом был очевиден. С одной стороны, самое богатое и развитое государство известного на тот момент мира – Византия, а с другой – разрушенный, обнищавший Рим, окруженный дикими варварскими королевствами.

Удивляться надо не тому, что святой Владимир принял христианство из рук константинопольского патриарха, а тому, что его дальние и ближние родственники из других нормандских государств Европы приняли христианство в римской версии. Ведь Европа тогда находилась в ужасающей нищете и невежестве, поскольку погасший после падения Западной Римской империи огонь цивилизации стал просачиваться в Европу только после крестовых походов, которые начались через сто лет. Достаточно сказать, что самым развитым государством Западной Европы в то время был Кордовский эмират, то есть завоеванная арабами-мусульманами Испания.

После крещения Владимир женится на сестре византийского императора Анне. Заметим, что до Владимира к ней сватался германский император Оттон, однако византийский император Василий Второй ему отказал. Сейчас мы не можем себе даже представить, что означало для тогдашней Европы женитьба на сестре византийского императора. Степень сближения Киевской Руси с самым богатым и могущественным государством была беспрецедентна. Достаточно сказать, что варяжское войско Владимира и армия Византии имели практически общее руководство – например в войне против Варды Фоки. По сути дела, все шло к объединению государств.

Представьте себе, что нынешнюю Россию одним махом принимают в ВТО, НАТО, ЕС и договор Североамериканского сотрудничества. Такая степень интеграции не могла не вызвать двух последствий. Во-первых, колоссальный рост политического и экономического влияния Руси на всю Европу – например внучка Владимира стала королевой Франции. Но, во-вторых, возросла конкуренция за киевский престол между наследниками

Владимира, и уже после его сына Ярослава Мудрого Русь свалилась в долгую феодальную междоусобицу и раздробленность, которая закончилась монгольским вторжением.

Тем не менее триста лет сравнительно спокойного развития (от принятия христианства до монголов), чрезвычайно интенсивное влияние Константинополя в этот период и миссионерский подвиг греческих монахов сделали Русь не похожей ни на что, кроме Византии. Письменность, литература, архитектура, ремесла, обряды, обычаи – все, что можно назвать культурой, было принесено из Византии.

Варяги, норманны впитывали как губка эту мудрость. Аналогичный процесс проходил во всех нормандских государствах. Бывшие язычники стали истовыми христианами. Например христианские доблести нормандских герцогов не раз были отмечены папой. На Руси строились храмы, монастыри, распространялась письменность. Есть основания предполагать, что соседство с могучей и развитой Византией делало процесс цивилизации Руси более интенсивным, чем других стран Европы. Однако Византия пала под ударами мусульман, Русь была покорена монголами – и этот животворный процесс остановился на долгие годы.

Когда европейские страны начали просыпаться от тьмы Средневековья, то первыми образцами высокого искусства, которые захотели повторить западные мастера, были византийские мозаики (наследники античных) и византийские же храмы (например, собор Святого Марка в Венеции).

Впоследствии жители Италии обнаружили у себя под боком забытую кладовую цивилизации – Рим, Равенну, Неаполь – и началась эпоха Возрождения, давшая миру Леонардо, Микеланджело и Рафаэля. Из Италии через флорентийцев, венецианцев и генуэзцев дыхание ожившей культуры распространилось по всей Европе, дав толчок развитию искусства, науки и техники, коммерции и промышленности. Античный Рим был фундаментом Возрождения и в конечном итоге основой нынешней западной цивилизации.

А что же Русь? Русь возрождалась иначе. Оторванная от своей культурной прародины – Византии, она восстанавливала силы без опоры на великих предшественников. Ощупью, в темноте, заново открывала для себя то, что с помощью греческой мудрости вычитала бы из старых книжек. Набрав сил, она победила Мамая, и тут произошло страшное – в 1453 году турками был взят Константинополь и последний византийский император Константин погиб в бою.

Прекратил существование Второй Рим. Закончилась

тысячелетняя империя, которая долгое время была образцом для многих в Европе, но прежде всего – для русских. Это государство дало России все – веру, книги, культуру, науку. Новая Московская Русь, отгороженная от Босфора татарами и турками, не могла помочь осажденному Царьграду. И в знак последней благодарности, в знак вечного расставания со своей великой культурной прародиной великий князь Иван Третий в 1472 году взял в жены племянницу последнего византийского императора Софью Палеолог, а в 1480 году отказался платить дань татарам и провозгласил себя царем. «Мы есть Третий Рим!» – прозвучало тогда впервые.

Когда говорят о нашем евразийстве, хочется опять сказать: не надо пытаться вывести Россию как гибрид, полученный путем скрещивания Европы и Азии. У нас есть вполне понятный прародитель – Византия. Страна, которая задавала тон в мире на протяжении целого тысячелетия. Просто у Европы этот прародитель вот, рядом – достаточно походить по улочкам Рима. А у нас он погиб больше пятисот лет назад. И жить надо своим умом. Россия – сирота. Нет у нее родителя. Помер. Но оставил Россию. И она есть Третий Рим. Со всеми плюсами и минусами.

– Что еще было? Дочка у меня тогда во второй класс ходила…

– Рано ты размножился! А знаешь, почему цыгане рано женят детей?

– Ну, почему?

– Поскольку дети у них считаются абсолютной ценностью, они стараются поскорей увидеть не только детей, но и внуков и даже по возможности правнуков. Вот ты рано женился и детей завел рано…

– Я отношусь к этому как к выполнению человеческого долга: это нужно сделать – оставить после себя на земле детей.

– Это у тебя такая умственная задача – или процесс тебе тоже нравится?

– Мне все нравится. Мне нравится смотреть, как они растут, как они меняются, – даже когда я с ними ругаюсь, мне все равно они нравятся.

– Дети – это хорошо… А у меня вот мать умерла в 88-м. В возрасте неполных пятидесяти трех лет. Щитовидка, опухоль, операции, облучение… И – все.

– Сколько лет она умирала?

– Лет пять это продолжалось. Она на операцию каждый раз шла как в бой, была готова ко всему. И вот еще что: она тайком дружила с батюшкой из ближайшего храма. Тайком – папаша же партийный и даже одно время партаппаратчик, у

него своя жизнь была. А у нее своя.

Комментарий Свинаренко

Видно, она его, священника этого, детей лечила. Детским врачом была очень хорошим, в городе ее знали. Отважно бралась за безнадежные случаи, от которых другие врачи отказывались. И людей, ее коллег, можно понять: берешься лечить ребенка, а он помирает и труп висит на тебе. Родители будут врачу и в глаза смотреть, и в суд на него могут подать… А она – брала без разговора. Дневала там и ночевала в больнице, дело ж такое. Иногда каких-то детей брала домой на выходные – не больных, конечно, а вылеченных. Их, сдавая в больницу как безнадежных, некоторые родители там и оставляли: все-таки не на улице, а в больнице. И дети жили там годами. Ну, это уже другая тема.

Самое страшное то и дело случалось. Мать в такие дни приходила домой просто никакая, только говорила: «Очень был тяжелый ребенок. Не удалось спасти». Медицинским цинизмом там и не пахло. Ну могут такие стрессы проходить бесследно? Они жизнь удлиняют, что ли?

Кстати, вот еще вспомнил: в платяном шкафу целая полка была занята конфетами и шампанским – от благодарных родителей счастливых пациентов.

– А где ты работал в 88-м? В Калуге?

– Нет. Из Калуги я же уволился. И стал работать на московские газеты. Гонорары в них были не в пример лучше калужских. Ну и вообще это было более достойным занятием.

Комментарий Свинаренко

В 88-м работать было интересно. Газетам дали небывалые послабления. Но, конечно, до известных пределов. И все еще в рамках господствующей идеологии. Помню, послали меня в Баку, написать про подпольную торговлю дефицитом. Есть у них в городе такой квартал Кубинка, в нем все и происходило. Ничего ужасного там не случалось, это был – если описывать ситуацию в сегодняшних терминах – обычный оптовый рынок. Ну «Мальборо», «Хайнекен», водка днем и ночью, турецкие кожаны… Банально. Ну за анашой туда еще приезжали и за девками – подумаешь! Но тогда это была страшная экзотика – во как! В открытую! Все дозволено! И под самым носом у советской власти! Я написал про это веселую заметку. Пафос ее был в том, что вот все всё знают, а никто никого не ловит. Ездил я и в рейды по

отлову проституток. Менты жаловались – еще и это на них взвалили. А раньше мусульманки в проституции замечены не были. «А теперь почему же?» – спрашиваю. Мне отвечали: «Проклятый вещизм во всем виноват, девок губит». В общем, за эту заметку и сегодня не стыдно – я как бы описывал ростки рынка. И даже намекал на коррупцию – так, мягко. Я там написал, что все менты, с которыми я разговаривал, курили «Мальборо», которое в Баку стоило раза в два дороже, чем в Москве, то есть рублей пять. Никак не по милицейской зарплате. И я всех спрашивал: откуда курево? А они, конечно: брат подарил, товарищ угостил…

Еще, помню, ездил в Ростов. Писал про драматический поворот в судьбе одного комсомольского функционера: он из секретарей райкома ушел в официанты. Я пошел к нему обедать, он мне подносил пиво, и я его расспрашивал, ловко ли у него тут идет строительство коммунизма. Он в целом резонно мне отвечал, что любой труд почетен. А еще я его доставал таким вопросом: «Как же так, ты вон сколько народу загнал служить в армию, а теперь от нее косишь?» Но голос совести мне в нем пробудить не удалось: чего с комсомольского работника взять?

А вот в пару командировок, куда я стремился, съездить не удалось. По причине моих невысоких морально-политических качеств. Я собрался в Афганистан и про все договорился с Минобороны, с какими-то полковниками там – мы с ними дружили и выпивали, – но вдруг они стали со мной очень холодно разговаривать и даже бросали трубки. Все сорвалось. Отгадка простая: никак не могло обойтись без запроса в КГБ, а там, видно, вспомнили про мой скромный вклад в самиздат.

И с «узбекским делом» я пролетел, которое тогда гремело. На этот раз все испортила Генпрокуратура СССР. Я туда пришел на очередную беседу по поездке – с опозданием и в состоянии тяжелейшего похмелья. И им в таком виде не понравился. Не взяли меня в Ташкент. А напился я накануне со знакомым немцем, который впервые приехал в Союз и остановился у меня на правах мужа моей бывшей немецкой подруги, – молочный, типа, брат. Я к встрече припас пару бутылок водки, мы ее всю выпили, и я из вежливости спросил: «Еще хочешь?» Он отвечает: «Naturlich, Игорь Николаич!» Я достал портвейн. Опять мало! Сходил к соседу за самогонкой, взял взаймы. После одеколон пили. Я думал: ну до чего крепкий попался немец, даром что такой щуплый, мне уж тяжело, а ему все давай и давай. Положил я его на раскладушке, спим… Ночью просыпаюсь от страшных звуков – думал, начинается извержение вулкана: все выпитое и съеденное полезло у человека из всех дыр. И он бормотал,

буквально как Чехов перед смертью, который почему-то на иностранном сказал нам прощальные слова, дословно: «Ich sterbe» («Я умираю».) Но он не умер, удалось человека откачать и выходить, хотя шансы у него были небольшие. Ну вот. Умирающего я спас ценой командировки в Узбекистан. Потом, кстати, я немца спросил: «А ты что, серьезно бухаешь вообще?» – «Не, – говорит, – два пива плюс сто водки – и я готов». – «А на хера ж ты требовал добавить?» – «А я не требовал, я просто из вежливости тебе врал, что еще хочу. Я думал, что в России такой обычай: нельзя отказываться, если наливают… Sancta simplicitas!»

Я и сам тогда чуть не помер.

Комментарий Свинаренко
Дефицит

В 88-м начался дефицит вообще на все. Мы, журналисты, переживали его вместе с народом, но все же несколько иначе. В редакционных отделах иногда выдавали талоны на ширпотреб, как-то досталось и мне. И вот в назначенный день приезжаю я на закрытый обувной склад… Передо мной стояла задача – купить жене зимние сапоги (если кто помнит такую проблему). В коридоре очередь выстроилась – вся редакция, начиная с замзавотделами и ниже. Стоял я полдня, а когда уперся в прилавок, оказалось, что женские сапоги мужчинам положены только начиная с уровня старшего корреспондента. Пришлось взять себе мокасины с кисточками.

Кроме сапог, бывали и так называемые продуктовые заказы из колбасы и самый дешевый в мире растворимый кофе – в коричневых банках, они и сейчас встречаются в киосках. Духовная пища тоже была квотирована. Помню закрытые показы: какой-нибудь «Регтайм» Формана. Тогда я неделю ходил под впечатлением. А недавно взял кассету, лег на диван, начал смотреть: нет, вяло! Не катит. В чем дело? Может, в том, что мы были измучены фильмами про заводы и колхозы, про девушек, которые не дают, и правильных непьющих парней, которые молча курят, выразительно глядя вдаль. На таком дохлом фоне всякий фильм, где человек не жалобу нес в партком, а стрелял из ружья по пидарасам, которые насрали ему в автомобиль, обречен был на статус шедевра, на благодарное внимание и долгую память.

– А еще надо отметить такое событие: в 88-м я женился.

– Не имея соответственно ни кола ни хера.

– Ну. Женился на теперешней жене и поселился у нее в коммуналке.

– А, ты из-за жилья женился! Был элемент меркантильности в твоем браке! Ты, когда женился, учитывал факт наличия жилья? Вот я когда женился, был чистый эксперимент. У меня не было жилья, и у нее не было.

– «Мои оправдания здесь были бы неуместны и несколько искусственны. Да и статья посвящена несколько другой теме»… Это я цитирую твой пассаж из газетной полемики с Авеном. Ты хочешь, чтоб я исправил ситуацию? Стоит только развестись – и справедливость восстановится! Ха-ха. Но если разбирать тему серьезно, то простыми ответами типа да/нет отделаться не удастся. Придется мне тут занять твое время и прибегнуть к развернутым объяснениям и примерам. Чтоб ты понял ситуацию.

– Да.

– Ну вот. Долгие годы после развода с первой женой огромное количество людей стремилось меня женить, имея самые разные мотивы – начиная от чисто корыстных побуждений знакомых девушек и кончая женами моих товарищей, которые хотели так нейтрализовать мое развращающее влияние на их мужей. Я сперва активно сопротивлялся этим попыткам сватовства: ну на кой это надо, когда тебя как кобелька возят на вязку?… Но потом меня один товарищ уговорил поддаться и даже перехватил инициативу сватовства у своей жены и взял дело в свои руки. Дело в том, что она его отпускала с ночевкой только под тем соусом, что меня-де надо женить. Чтоб не подводить товарища, я с ним ездил в эти рейды. Девушки, с которыми мы дружили, не очень были похожи на невест в общепринятом смысле… Но было весело. Я стал воспринимать это мнимое сватовство как способ расширения круга знакомств. Ну знакомят тебя с девушкой, что ж тут плохого. Так и так ведь знакомиться с кем-то придется. В общем, ничего плохого в этих смотринах не было. Жениться я никому не обещал, само собой… Сейчас даже как-то ностальгически все вспоминается… Проблем с личной жизнью не было, позвонил – и поехал куда-то. И никто тебя не пилит за отлучки… Тебе не понять, ты же мальчиком женился и все пропустил. Фактически это была цивилизованная форма многоженства – помнишь нашу первую главу? Моя женитьба – это было явление глубинного порядка, мировоззренческого, это был переход от полигамии к моногамии… По живому приходилось рвать. Этот переход я давно бы совершил, пора бы уж к тридцати годам-то, уже страшно тянуло к нормальной человеческой жизни, чтоб

дети бегали по дому, жена чтоб ворчала, – но не было подходящей кандидатуры. И вот я осознал, что она появилась. На второй день знакомства. Я сразу стал тянуть ее замуж.

– То есть ты сразу решительно пошел в атаку. Внутреннее решение?

– Ну. Она долго отбивалась. Я ее полгода доставал. Она говорила – перестань, так не бывает. Может, и это меня раззадорило. А я первый раз когда женился, то тоже по глубокому внутреннему убеждению – хотя и чувствовал, что ничего хорошего из этого не выйдет. Но я откуда-то знал, что если не женюсь, то не прощу себе этого. Должен был выпить ту чашу до дна. Иначе б ругал себя всю оставшуюся жизнь и жалел о несделанном. Странно, что у молодого парня были такие озарения…

Ну я тебе не буду здесь подробно рассказывать про свои духовные практики, чтоб не испугать. Это немножко слишком экстремально и затратно, твое сердце немецкого бизнесмена будет кровью обливаться. Может, потом как-нибудь расскажу, при случае – в одной из следующих книг.

Вот. Почему я немедленно решил жениться? Все было очень тонко… Когда-то я увидел фотопортрет жены Гагарина, – кажется, работы Василия Пескова, – снятый в те минуты, когда Гагарин крутился на орбите и непонятно было, чем все это кончится. Она там подперла щеку рукой и смотрит перед собой. Взгляд такой глубокий, очень человеческий, столько в глазах читается… Не, ну если у девушки блядские глаза – это тоже хорошо, тоже иногда надо; но мы же тут о другом, о возвышенном, о человеческом, о душе. И вот видно было на том портрете гагаринской жены, что она думает не про бабки, не про новую «Волгу», которая положена космонавту, а про своего мужика, каково ему там. И вот я увидел его, этот взгляд, у Лидии… сразу решил жениться. Скажу тебе по секрету: я человек очень тонкой душевной организации, а мне в общении с девушками то и дело приходилось играть незатейливого провинциального хама. От этого устаешь, хочется ведь побыть собой. Так я женился на жене, с которой у меня близкие параметры. То есть я все сделал правильно. Как легко догадаться, женой своей доволен.

– Ну да, раз ты с ней пятнадцать лет живешь. Было время разобраться. В чувствах.

– Да. Но это еще не все. Дай я тебе еще расскажу смешную историю – про то, до чего ж я был в молодости

принципиальный. И что жениться такому человеку, как я, очень непросто. Этот пример можно провести под названием «беличий глазик». Речь идет о диаметре. Встречались тебе такие дамы?

– Я, кроме жены, ни с кем не спал.

– А до женитьбы?

– Я достался своей жене девственником.

– А-а. Тогда тебе тем более интересно послушать рассказы взрослых ребят. Познакомился я как-то с девушкой – в перерыве между двумя браками. И у меня возникло к ней чувство. Но сперва я прошел через страшное унижение. Дело было так. Мы к ней пришли, выпили, закусили – ну, типа романтический вечер, – и она, отправляясь в душ, этак роняет: «А ты пока посуду помой». «Да ты, – отвечаю, – совсем охренела, что ли?» – «Ну, – говорит, – как хочешь, нотогда ничего сегодня не будет». И я, признаюсь, малодушно пошел мыть эту самую посуду. Ну, как тебе?

– А что? Е…ться-то охота.

– Похоже на то. Помыл я, значит, посуду – и в койку со слезами на глазах. И там я понял, что такое «беличий глазик». Дальше отношения стали развиваться. Мы часто виделись и даже начали строить планы на жизнь. И вот однажды пошли мы прогуляться, перед тем как залечь в койку. Идем под ручку, весна, романтика, и она вдруг говорит: «Ты журналист, еще тебе надо вступить в партию, и тогда мы вообще заживем как люди».

– И тут у тебя все падает.

– Не то слово! Я уже почти готовый к употреблению, а она вдруг такое говорит! И я думаю: твою мать, ну как ты могла? Это на повороте к ее дому… И я не повернул, а как шел, так и пошел дальше прямо.

– Ха-ха-ха. Сильная история – про беличий глазик.

– А отомстил я ей так тем, что тайну беличьего глазика ей не раскрыл. Она этого про себя не знала – это я выявил осторожными наводящими вопросами. Не, ну ты понимаешь? У меня чувства, а она такая меркантильная… И корыстная… Тоже мне, блядь, Дюймовочка.

– И ты с ней с тех пор не встречался?

– С ума сошел?! Конечно, нет. После этого? Был в этой истории еще момент комический, незадолго до финала. Короче, приехал я, как обычно, к ней. То-се… Рассвет забрезжил… Она подхватывается – на работу пора. Я ей – какая работа, иди сюда! Через полчаса – стук в дверь. Это муж. Какой муж? Ты ж не замужем! Да, но вот мы еще не

совсем окончательно развелись, он за вещами пришел. Ломится в дверь, орет. А там в коридоре бригада маляров, которая красит подъезд, сопровождает его заявления диким хохотом. Я подхожу к окну проверить пути к отступлению. А это первый этаж и на окнах решетки!

– Со вторым этажом стала б она с тобой, лимитчиком, е…!

– Пошел на х… На себя посмотри! Так я тогда решил тактично переждать в санузле. Чтоб не мешать беседе. Впустила она этого мужа, и он орет – ты всегда была б…! Типа сейчас убьет. Я – к двери. Но сообразил, что это не очень корректно – у бывших супругов беседа, а тут голый мужик выходит их мирить. Надо хоть срам прикрыть. Надеваю халат – и понимаю, что это тоже не очень красиво: в хозяйском халате права качать. Снимаю халат… Пока я так работал над своим имиджем, наш муж ушел, хлопнув дверью. А подруга говорит: «Вот что значит нарушать трудовую дисциплину! Сидела б на работе, давно чай бы пила, а тут все, б…, на нервах, на измене». Уж пять лет как Андропов помер, а люди все еще боялись – во как он всех построил. Я теперешней жене рассказал как-то эту историю, и она говорит: «А если б я была партийная? Ты бы что, на мне не женился?» Ну конечно, нет! Никаких бы тогда разговоров! Она обиделась. На что? На мою принципиальность? На высокий накал моей внутренней жизни?

– А когда у тебя появилась отдельная жилплощадь?

– В 89-м.

– А как это произошло? Очень интересно.

– Сейчас расскажу. Тем более что к решению квартирного вопроса я приступил как раз в интересующем нас году. Я работал тогда в «Собеседнике» (он еще был вполне респектабельнымизданием). И вот однажды мне попадается такая тема, как МЖК. Который проводил слет на пароходе, с заходом на Соловки. И вот они меня убедили к ним записаться. К ним никто не шел! Как так, они ж квартиры давали! Никто не верил, что такое бывает. Все думали, что кинут, – отработаешь, и вали; ишь, квартиру захотел. К ним шли только люди, которым было некуда отступать, которым такой высокий уровень риска казался приемлемым. Схема была такая: у предприятий было множество денег, очередь на жилье и бесплатный землеотвод – отчего б не настроить домов? Да оттого, что деньги – это был безнал, который никак не обналичивался, стройматериалов не было, и строителей не хватало. И вот этих очередников с их согласия при сохранении зарплаты гнали в дальнее Подмосковье, и

они там копались в грязи, лепили кирпичи, которые шли в дело либо менялись на бетон… Плюс к этому со строителями расплачивались частью квартир – немного похоже на сегодняшние варианты. Короче, вписали и меня в эту схему. Я все выходные работал на стройке, и отпуск тоже, а еще писал про них заметки, занимался их кабельным ТВ. Наш начальник Сергей Коротоножкин, я уже про это упоминал, построил при Советской власти шесть семнадцатиэтажек таким манером – и при новом режиме еще два дома. Серьезный человек!

Комментарий Свинаренко

По делам МЖК я не раз бывал в столице этого движения – Свердловске. У них был построен целый микрорайон. Что-то типа маленькой республики. Они там делали все, что хотели, причем на законном основании. Поскольку жили там не только пролетарии, но и юристы, и менты, и кто угодно. К примеру, они устроили кабельное телевидение и крутили всякое непотребное кино. Приходят из райкома прикрывать телестудию, а там их встречает один из жильцов и говорит: «Я председатель репертуарной комиссии при обкоме, а вы меня учить пришли! Вон отсюда!» В школе тамошней эксперименты ставили какие хотели. Чуть районо чем недовольно – тут же чиновник из облоно, который в МЖК живет, решает вопрос. Или проводится митинг в защиту Ельцина, который тогда уже начал огрызаться. «А куда милиция смотрит?» Все в порядке с милицией, там и ментов жило полно, вышли в форме, культурно наблюдают за происходящим: они ж распропагандированы уже, пожили в логове врага. Кстати, и в прессе, помню, сообщалось про «Обращение МЖК „Комсомольский“ (г. Свердловск) в Политбюро КПСС с рядом демократических требований, с критикой Е. Лигачева и поддержкой Б. Ельцина». Надо же…

Все это было дико интересно, я про это много писал. Тогда казалось, что настоящая демократия – она именно такая, как в свердловском МЖК, и скоро, когда наши победят, разумная и красивая жизнь по этому образцу будет устроена во всей России, то есть, пардон, на тот момент во всем СССР. Ну вот откуда такая наивность? А?

Кстати, в МЖК прошли боевую учебу и некоторые серьезные люди. Бурбулис там начинал политическую деятельность, его в эту республику привлекали на митинги и эфиры кабельного ТВ. У меня где-то лежит визитка, напечатанная на машинке, с реквизитами: «Бурбулис Геннадий Эдуардович, преподаватель

кафедры научного коммунизма». Он потом, как решил выйти с областного уровня на всесоюзный, приезжал ко мне в Москву за советами. Про расстановку политических сил в стране я ему рассказывал у себя на коммунальной кухне, где мы пили портвейн, закусывая килькой.

А социологию в МЖК вела Галя Карелова, которая после какое-то время пробыла аж вице-премьером России.

Самый главный был Женя Королев. Может, это он все и придумал. Длинный, тощий, умнейший человек с глубокими глазами и густой бородой, он иногда вдруг обрывал беседу, говорил: «Файл пошел», – и застывал на пару минут. Раньше он был закрытый физик, а потом вот взялся за строительство новой жизни. Давно я Женю не видел: он с узким кругом ближайших сподвижников уехал на ПМЖ… никогда не угадаешь, в какую страну – в Индию. Интересно было б узнать, как у них там складывается жизнь в коммуне.

– И в 88-м я поехал в Польшу с женой – женить брата. Помню, очереди, характеристики, визы…

– Что, в Польшу нужна была виза?

– Ты все забыл! Тогда нужна была выездная виза. Чтоб выехать из СССР. Вообще всякие документы были нужны… Какие-то парткомиссии я проходил – будучи беспартийным. Еще менял рубли на злотые, на Волгоградском проспекте. За билетами я стоял в очереди целый день, на Таганке, улица Большие Каменщики. Настолько все было по-взрослому… И в Польше я увидел новую схему, у нас такой тогда еще не было. Когда средняя зарплата была такая, что ее при самых нищенских тратах хватало от силы на неделю. Ну как так? Как люди живут? Непонятно, так не бывает! Но страна жила, жизнь не останавливалась! Мы это позже увидели в России.

– А как ты оцениваешь фигуру Ярузельского?[4] Я, например, очень позитивно. Он ввел военное положение исходя из принципа «Если этого не сделаю я, то сделают красные…». И потом, он более или менее держал страну в узде. А она ведь могла пойти вразнос! При Ярузельском появилось правительство Мазовецкого, которое начало реформы, и только после этого к власти пришел Валенса. Только после того, как все необходимые решения были приняты! И на Валенсе не висела ответственность за освобождение цен, за обесценивание вкладов – все на себя взял Ярузельский. Это то, что должен был перед уходом сделать Горбачев! А он переложил на Ельцина… Понимаешь, о чем я говорю? Это была трагическая и очень позитивная фигура в польской истории. Но поляки этого еще не осознали – они ж его судят сейчас…

– Тогда, в дни военного положения, мне Ярузельского хотелось удавить. Я думал – надо больше свободы, еще больше, «Солидарность» – главней всех! Только она! Но сейчас я иногда думаю о том, что на площади Тяньаньмэнь было задавлено значительно меньше людей, чем в войнах на территории бывшего СССР.

– Да один Нагорный Карабах чего стоит! А еще Сумгаит и Баку… Одни они перекрывают всю Тяньаньмэнь.

– Может, китайцы правы? Похоже, таки правы…

– Значит, ты тогда не воспринимал Ярузельского как позитивную фигуру?

– Тогда – нет. Но время то я помню. На меня так сильно действовали все те польские дела! Я даже польский язык выучил! Ну не в полный рост, а на таком уровне, чтоб газеты читать и болтать о том о сем.

– За великий польский гонор?

– Выучил, не зная, что я туда после поеду, что там у меня даже родня заведется какая-то.

– Скажи, у поляков отношение к хохлам такое же, как к русским, или другое?

– Да такое же, думаю. Тоже было много неприятных переживаний – запорожцы немало порубили ляхов и пожгли их городов. Во времена Тараса Бульбы в ходу же был такой взгляд, что католик – хуже собаки… Ну вот. Приехал я в Польшу. В 88-м там про «Солидарность» говорили шепотом и с оглядкой. Говорили – вон, смотри, Малгожата была в «Солидарности», забастовки организовывала, но только ты никому не говори. Тогда, кстати, поляки считались главными фарцовщиками Европы, их за это козлили. И я говорил: подождите, вот русским откройте границы, посмотрим, какими они станут челноками!

Я там думал – ну хоть пива в Варшаве спокойно попью… Но бегать за ним приходилось, как по Москве. И еще вот что меня удивило: полицейские были с дубинками. Это коробило. И вызывало в памяти карикатуры про Родезию, из «Правды». Ну что же, они людей будут бить этими дубинками?!

– А щас…

– Ну… «Не может быть такого у нас», – думал я. Аналогичный шок у меня после был, в Израиле. Я удивлялся: отчего полиции нет на улицах? Да вон они, говорили мне, на каждом шагу! Где? Вот эти, на бронетранспортерах, в бронежилетах и касках, с пулеметами – это же армия. Нет, говорят, это не армия, а обыкновенная полиция… Это и есть

наша полиция… То есть такая эволюция свободы: советский мент без оружия, в белой рубашке – далее польский с дубинкой – после израильский с автоматом и в каске – ну и дальше мы уже влились в мировой процесс и перестали чему бы то ни было удивляться.

– А я когда в Чили в 91-м году был, меня тоже неприятно удивили полицейские с автоматами. Как, зачем?

– Я тебе завидую, что ты тогда съездил в Чили, с Пиночетом встретился…

– Как раз тогда Пиночет выборы проиграл…

– Вот и с Латвией та же херня. Я вот недавно был в Риге, выпил там бальзама из горла на лавочке и пошел в Музей оккупации (1940–1991). И устроил там дискуссию с латышами: «Мы вам все дали и вас на волю отпустили, а вы теперь выебываетесь. Ни „здрасте“, ни „спасибо“ – ни хера». Так вы, говорят, нас ссылали! Я им возражал – латыши первые начали, это латышские стрелки большевиков к власти привели, а потом эти же большевики стали разных прибалтов ссылать… Глупо обижаться.

А ведь все тогда началось, все эти народные фронты в Прибалтике, – в 88-м! Ко мне тогда приезжала бывшая подружка, латышка – уже на правах друга семьи, с мужем, – и привозила все эти подрывные материалы. Газета у них неплохая выходила – «Атмода». И тогда действительно казалось – «Занашу и вашу свободу». Помнишь этот лозунг мудовый? Вот так мы все про… ли и отдали прибалтам.

– Да ничего мы не про…ли! Ну что мы про…ли? Помнишь, была пословица: «Все, что есть у латыша, – хер да душа».

– А то. «Какие у латыша вещи – хер да клещи».

– Да. Это все время была самая никчемная и бестолковая нация.

– Во. А мы им отдали все, что построили. И радиолокационную станцию даже.

– Да на хер нам эта станция?!

– Ничего себе! Мало ли что… И кроме того, ее можно, как ты любишь, сменять на что-нибудь.

– А они скажут: «Мы у вас в лагерях сидели, в сталинских, и поэтому вы нам верните все или постройте взамен». А мы им говорим: «Вот станция, берите!» И они взяли. Кто кого наебал – мы их или они нас? А еще я тебе объясню, что Латвия никогда не имела собственной государственности.

– Она была под вами, под немцами, как известно.

– Да. Вплоть до Петра Первого. И до Анны Иоанновны, курляндской герцогини. Сначала там был Тевтонский орден, а

Рига – его столицей. Потом он развалился и потихоньку возникли разные немецкие остзейские княжества, которые так или иначе тяготели к Пруссии. А потом пришел Петр и завоевал все это. Они сначала были сателлитами, а потом их включили в состав Российской империи.

– Как вот у русских мордва, так у немцев были латыши?

– Да. Совершенно верно. Латыши жили в основном в деревнях, были крестьянами и работали на немцев. А в

1918 году немцы в соответствии с Брест-Литовским договором (его Троцкий подписал) забрали эту территорию. Далее в 18-м году кончается Первая мировая война. Немцев оттуда выгоняют. Не отдавать же территорию Советской России! И так на освобожденных от немецкой оккупации землях в отсутствие претензий России возникают независимые прибалтийские государства. И в итоге вся эта их государственность длилась двадцать лет – с 18-го по 39-й год. Все!

Потом, при Советах, для того чтоб держать прибалтов в рамках, устроили там такую квази-Европу. Дали послабления, хутора разрешали держать и так далее. Мы до хера туда инвестировали, при том что они плохо работали и много пили, латыши-то. А теперь мы с себя этот хомут сняли, и пускай теперь Европейское сообщество их кормит.

– А вот американцы бы их не отпустили, с землей, а в резервацию бы, как индейцев, и чтоб они отрабатывали фольклорную тематику, за бабки.

– Нет у меня желания никого в резервацию загонять. А пускай они сами себя попробуют прокормить! Вот мы им сейчас перекрыли кислород, Сема Вайншток («Транснефть») перестал нефть качать через Вентспилс – и они уже заверещали, херово им стало. А европейские братья не шибко им стремятся помогать.

– Да, у них там все бедно как-то.

– Уровень бизнеса – абсолютно кооперативный. Никто не стремится никуда инвестировать.

– То есть у них бабок хватает купить иномарку – их полно на улицах, – и все?

– У их предпринимателей? Ну да. На машину ведь несложно заработать. А на большее они не способны.

– Значит, ты доволен, что они отделились?

– Да. Да!

– А мне как-то обидно – по старой памяти.

– Я не могу понять – откуда это в тебе?

– Не знаю сам. Может, я до какой-то степени обрусел? И мне привились какие-то великорусские штучки – вот,

империю типа жалко… Хотя хохлам она уж никак не была родная.

– А мне они не нужны, которые поотделялись. Я всегда подозрительно относился к нахлебникам. Я никогда не верил в их искренность, когда они говорили, что сильно меня любят. Но когда нахлебник еще на меня и бочку катит, то совсем не хочется иметь с ним дело. Я тогда вообще не понимаю, зачем ему плачу. Вот прибалтов я отношу к такого рода нахлебникам. Если вы такие крутые, так и идите на хер.

– Вот они построились и пошли.

– Да.

– А дальше и Магадан отделится.

– Магадан не отделится.

– Что так?

– А так, что не сможет он сам жить. Его мгновенно поимеет мировое сообщество. Оно нас всех вместе-то е…, а уж поврозь – и подавно, в одну калитку.

– А покойник Цветков, губернатор колымский, говорил мне: «Будем зарабатывать, у нас свое золото и все такое…»

– Вот он и покойник теперь… Зато еще в 88-м году было впервые объявлено, что бюджетный дефицит – семь процентов. Опа! О так от! А вы говорите – Гайдар!

– О чем это говорит, что семь процентов?

– Да о том говорит, что инфляция пошла! Началась-то она раньше, но официально этого не признавали. Поскольку цены регулировались и никто не решался их освободить, а товара не было, все и началось. Дефицит всегда у нас был, но тут – на самое необходимое. Понимаешь? Очень просто. Если цены регулируются и начинается печатание денег, то это приводит к исчезновению товара.

– Ну это мы знаем, диалектику учили не по Гегелю, а на своей шкуре.

– И Горбачев зарплаты поднимал.

– Странно, он же вроде экономист… А еще в 88-м твой товарищ Чубайс занялся политикой. Про него начали газеты писать…

– Это не он. Это его брат. Это не А. Чубайс, а И. Чубайс.

– Да? Гм. А настоящий Чубайс чем занимался?

– Мы с ним в Питере семинары проводили. К нам Гайдар с Авеном приезжали. Это как раз в 88-м началось…

– Ты в кооперацию не пошел, а глобально взялся решать вопрос, значит?

– Да. Во Дворце молодежи мы собирались. И ездили в лагерь на базу отдыха финэка, на Змеиную горку – это на Карельском

перешейке. Вот там мы проводили семинары.

– А много вас было, таких умных?

– Ну, человек двадцать. Финансисты, социологи… Симон Кордонский, который сейчас в администрации президента работает. Потом, Андрей Илларионов.

– Тот самый?

– Да. Мишка Дмитриев, который сейчас у Грефа. Егор Гайдар.

– А кто у вас был самый главный?

– Чубайс с Гайдаром. Один от питерских, другой – от московских.

– А это был у вас такой чисто научный интерес? Или практический план перестройки мира?

– Научный. И прикладной.

– Типа – сборища в мюнхенских пивных?

– Да-да.

– Вы верили, что возьмете власть?

– Тогда начинали уже задумываться. Начинали понимать, что все дело к тому идет.

– Ну да, вы же видели, кто ваши оппоненты: Зайков там, Слюньков… Сонная такая была публика…

– Типа того. Да мы с ними не боролись. Тогда еще не боролись. А бороться стали, когда выборы начались. А в 88-м про выборы еще никто не говорил.

– Но ты уверен, что это у вас было осознанно? Может, вы просто ездили на турбазу пить водку, по пьянке болтали о том о сем, а теперь преподносите это как мюнхенские пивные?

– А, пили-пили, и однажды я рассказал политический анекдот. И пошутил, что мы будем сидеть в Кремле. Нет, все было серьезно. Плана прихода к власти у нас не было, но мы обсуждали, что делать дальше. Вполне серьезно! Теперь, задним числом, я понимаю, что мы рассуждали очень наивно. Слепо верили в невидимую руку рынка… Которая все поставит на свои места.

– Это я очень понимаю. Я в те годы в одной компании виделся с Ларисой Пияшевой – царствие ей небесное, померла недавно от рака.

Комментарий Свинаренко

В свое время Лариса открыто поддержала Сергея Мавроди. Подкрепила его пирамиду своим авторитетом перестроечной активистки. Выступала по ТВ и требовала от него отстать, а когда его стали сажать, давала гневные отповеди. Я тогда еще у нее

спрашивал: как же так, ты же ученый, экономист, и вдруг кинулась защищать пирамиду, на которой много темного народа погорело?

Лариса мне тогда на мои ненаучные вопросы уклончиво отвечала, что в деятельности Мавроди есть много интересного. И точно, я знавал экономистов, которые на Мавроди хорошо наварили, – они просчитывали все его ходы и вовремя скинули акции. В частности, Валя Цветков, покойный магаданский губернатор, рассказывал мне, что неплохо на этом заработал тогда. Как сейчас помню, перед самым дефолтом 98-го твой товарищ Илларионов печатал в разных СМИ тексты про то, что скоро в стране будет обвал по схеме Мавроди, потому что с ГКО мы дошли до самой верхушки пирамиды. Я читал эти его заметки и требовал от начальников «Коммерсанта» разобраться с этим. Сам я написать про это не мог, потому что далек от экономики, с этим надо было кому-то из спецов поработать. Мне казалось, что это хорошая тема и надо разобраться: то ли Илларионов дело говорит, то ли зря орет. Однако про эти пророчества только задним числом написали.

– И вот Пияшева тогда много говорила про такую невидимую руку. Я никак не мог понять, какой там механизм. А она мне все про руку да про руку, которая сразу все приведет в порядок, и все заживут богато и счастливо. Я Пияшеву тогда спрашиваю – как же вдруг сразу счастье может настать, ведь всегда в начале любого капитализма происходит обострение нужды и бедствий? Она объясняла, что просто неправильно начинали строить, а если все сделать грамотно, так ни нужды, ни бедствий никаких. Вон она всех и уверяла, что вы, русские экономисты, все сделаете правильно. И Боря Пинскер, тоже на тот момент модный экономист и ее муж, это подтверждал. И Селюнин, и Шмелев… Они уже наезжали на Маркса и Ленина. Экономическая публицистика тогда так занимала умы, как никогда их не займет никакой Акунин. А еще, если ты помнишь, в 88-м впервые у нас отменили лимит на подписку. Народ кинулся все выписывать… А бумаги не хватило! Опять лимит пришлось ввести. И тогда пошли массовые письма трудящихся в ЦК КПСС (слова-то какие! И страшно, и смешно…). И опять отменили лимит, ведь он как наступление на гласность. Купили бумаги у финнов и решили вопрос. А если б народ знал, чем это кончится, с вашей шоковой терапией… Вас, ученых-экономистов, живо бы на х… послали.

– Да-а-а… Я помню про подписку! Я же ездил на метро читать на стенде «Московские новости». Около Финляндского вокзала. Спокойненько ехал из института, делал крюк – мне это совершенно не по пути было, – читал, а после ехал домой. Вот когда началось это национальное, полез народ на народ – все отделяются…

– Да, это не 86-й и не 87-й, а уж настоящий накал перестройки. И закон о кооперации… Действительно, все стало ясно. Что не удалось воспитать нового советского человека.

– Не человека, а народ! Товарищ Сталин, будучи творцом национальной теории, ввел градации общности людей.

– Это я уже не очень… Я, наверное, это учил, но ни хера не помню!

– Было так. Человеческое стадо, потом семейная община, потом государство, потом народность и нация. А Брежнев внес очень важное дополнение в марксистскую национальную теорию: что, кроме нации, появилась новая общность людей – советский народ. А она, однако же, не появилась! Так что национальная теория товарища Сталина оказалась верна. Вершиной общности людей является нация. А супернации под названием «советский народ» создать не удалось.

– Не сошлись характерами.

– И братского союза никакого не было.

– Вот если б народы сказали: не расстанемся, мы вместе, – тогда б, конечно, Советский Союз остался. Но народы стали друг друга резать, и потому говорить про Советский Союз просто было как-то неприлично. Ну что, на штыках его держать? Колонизаторство какое-то.

– А Америка, скажете вы? Так это чисто пропагандистская утка. Никакого такого народа нету. Они все живут поврозь в разных районах. И друг с другом не общаются. Мы об этом говорили в предыдущей главе.

– Да… А может, чтоб империя держалась, надо было сказать – вот есть русские, а все остальные – второй сорт?

– Ну, так не было даже в царской империи. Русские не считали себя голубой кровью. Ни хера себе голубая кровь, когда русские обязаны были служить в армии, а финны – нет.

– В ЮАР была та же ситуация, ты знаешь об этом?

– Нет.

– Я изучал вопрос на месте. Только когда к власти пришел Мандела, черных стали брать в армию. Служить в те времена в армии значило воевать: Ангола же, Мозамбик там. Подставлять голову под пули в джунглях. У меня некоторые

товарищи там служили переводчиками и инструкторами при кубинцах, которые воевали с нашей стороны. Как могли буры туда черного взять? Чтоб он им в спину стрелял? Мне один белый офицер сказал тогда: «Тяжело, конечно. Я понимаю, что эти ребята пришли в армию после амнистии, они всю жизнь воевали в джунглях против нас. Среди них полно бывших партизан и прочих террористов… Многие черные были моими врагами, могли меня убить. А теперь эти черные солдатики – мои друзья. Я должен это принять – или уйти из армии. Впрочем, как христианин, я понимаю, что черный – такой же человек, как я…»

– Вот и у нас финны не должны были служить в армии. Им же Александр Первый дал эти свободы – налог не платить, в армии не служить. Татары же, к примеру, должны были в русской армии служить. Латыши с эстонцами – обязаны. А кавказские народы – только добровольно. Дикая дивизия была добровольная. Странный подход к комплектованию армии…

– А вот я сейчас выдам пассаж абсолютно политнекорректный, дам мысль, до которой ни русские не могут додуматься, ни немцы, а только прибалты и, пардон, хохлы. При том что я отчасти обрусел, отчасти стал космополитом, но хохлом не перестал быть – такое, пожалуй, невозможно. Так вот мы, хохлы (и прибалты), круче русских и круче немцев. Тебе это надо объяснять?

– Давай.

– Так слушай. В 45-м русские слили, закончилась вся вооруженная борьба против режима – Власов и что там еще было. И немцы в 45-м слили – даже немцы! Никаких очагов вооруженной борьбы у вас не осталось. А бандеровцы с лесными братьями еще до второй половины 50-х воевали. При том что оружия и лесов в России и Германии не меньше было, чем, например, на Украине. Но вот русские с немцами, обращаю ваше внимание – две великие нации, – слили… В России и Германии все за Сталина, а у нас – не все. Ну как, красивый пассаж?

– Ты хочешь спросить, почему после 45-го не осталось нацистского подполья?

– Нет, я хочу спросить: сильная тема?

– Хорошая…

Комментарий Свинаренко

В позиции украинцев, которые воевали против Красной армии, была какая-то логика. Я с ней ознакомился в беседах с

теми ветеранами СС, которые после войны укрылись в Штатах. Вот один из примеров. Парень с Западной Украины пошел в 1941 году добровольцем на войну. Но воевал он не на привычной нам стороне фронта, а по ту, что была занята немцами. В немецкую он пошел армию, в украинскую дивизию СС «Галичина». А после войны домой, к жене, по понятным причинам возвращаться не стал, поехал в Америку и стал в ней жить. Потерялись они в той жизни. А после девяносто первого жена нашлась! Она была жива и свободна! В смысле не замужем. Ветеран забрал свою старушку в Америку. Она в ней заскучала и увезла его домой, на Украину. Теперь они живут-поживают на родине на американскую пенсию, а она там – сказочное богатство. Помогают и родне, которая воевала на советской стороне фронта.

Я себе представляю, как это все может происходить.

Встречается этот возвращенец с ветеранами Красной армии. Они его обзывают предателем. Он искренне удивляется:

– Кто, я? Вы меня с кем-то путаете. Я проливал кровь под желто-голубым знаменем, на форме у меня был трезубец – заметьте, это теперь государственная символика моей родины. Я с оружием в руках боролся за независимость Украины, я освобождал ее от коммунистов и москалей – и вот родина свободна. Поскольку я воевал за правое дело, старость моя достойно обеспечена, я состоятельный человек. Ну а вы-то за что воевали? Где то знамя, и та армия, и те идеалы, за которые вы умирали? Где те коммунисты, которым вы продались и под гнетом которых стонала порабощенная батькивщина? Так вы обижаетесь, что у вас пенсия нищенская и ее задерживают? Странно… Я думал, вы радуетесь, что вас не повесили, как военных преступников, и даже не посадили в лагерь… Ну да ладно, угощу вас, по вашей-то бедности… Что, Германия плоха? Разве? Ее уважают в мировом сообществе. Фашисты плохи? Так их упразднили в сорок пятом и осудили в Нюрнберге. А что ваши коммунисты?…

Наверное, наши бедные ветераны ему что-то отвечают… Хотели бы вы оказаться на их месте?

* * *

Мы забыли много подробностей той жизни. Нам иногда кажется, что это при Брежневе были разные глупости, а в перестройку мы более или менее соображали. А я вот нашел любопытный текст и спешу им поделиться.

«31 декабря Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель

Президиума Верховного Совета СССР М.С. Горбачев выступил с новогодним обращением к советскому народу, в котором отметил, что уходящий год был отмечен масштабной работой по перестройке экономики, успехи которой нам жизненно необходимы. Он завершается с лучшими, чем в прошлом году, показателями по национальному доходу и производительности труда. Больше произведено продовольствия, товаров и услуг, построено жилья и объектов соцкультбыта. И все же экономическая реформа еще не заработала на полную мощность. И полученные результаты не могут нас удовлетворить. Дают о себе знать все еще непреодоленные дефициты и другие трудности в повседневной жизни. Производство товаров, особенно качественных, отстает от спроса на них. Нам предстоит многое сделать в будущем году, чтобы решительно изменить в экономике ситуацию к лучшему. И эти изменения придут. Они придут вместе с хозрасчетом и самофинансированием, арендой и подрядом, с укреплением кооперации, оздоровлением внутрихозяйственных отношений, расширением простора для инициативы и социалистической предприимчивости. Нам надо всем настраиваться на такую работу, которая позволит преодолеть застарелые недуги, избавиться от всякого рода нехваток, создать новое качество жизни для советских людей».

Бутылка восьмая. 1989

Съезд народных депутатов – самое модное шоу, первый успешный проект real TV в России. Масштабные шахтерские забастовки. Ельцин напивается в Штатах, идет в депутаты и на свидание в дачной местности, но по пути падает с моста. Публика обсуждает пакт Молотова – Риббентропа. Кох преподает в институте и любит Собчака. Свинаренко ездит на военные сборы, а также по заграницам, рожает дочку и получает квартиру.

– Ну что, освежим в памяти политику. Что там было в 89-м? Давай, Алик!

– Для меня 89-й – это съезд народных депутатов, когда все раскупили в магазинах маленькие приемнички такие – по тридцать рублей. Люди шли по улице и слушали их, прижав к уху.

– По ТВ еще показывали съезд днем и ночью. Счастье уже как бы начинало наставать. Оно подступало, подступало – и вот наконец съезд. Граждане не работали, не спали, не ели, только слушали и смотрели съезд – вот настает царство справедливости!

– Три часа ночи, четыре… А они все базар ведут по ТВ… Съезд… Да, это было великолепное шоу. Это тогда у нас real TV впервые появилось! Помнишь, первым Сахаров выступил, попросил слова.

– Как, разве первый? Не помню.

– Именно первый! Вышел на трибуну и попросил слова.

– А чего он гнал там?

– Ну, обычную эту гуманитарную свою бодягу.

– Типа «не бей жидов, не спасай Россию»?

– Да. И пока ему не дали слова, не ушел. И Горбачев вынужден был дать ему слово. И Сахаров сказал свою речугу.

– А Горбач его вроде перебивал?

– Да. «Андрей Дмитрич, Андрей Дмитрич!» А потом

оказалось, что у них счетных машинок нет. Они ж не знали, что будет не единогласное голосование! Так по залу счетчики ходили. И потом только, через несколько месяцев, они установили эти экраны, где показывали результаты голосования…

– И люди стали нажимать за себя и за того парня. Никак не удается честно торговать в России! Все какая-то херня получается. То единогласно, то один за пятерых голосует… Не обманешь – не продашь.

– А выборы на съезд были, помнишь, – по куриям? И не поровну, а от каждой – свое количество голосов! От компартии, от комсомола, от Академии наук, от общества пчеловодов… Уже все забыли.

– Да, да! И там еще кто-то вылез: «А давайте шестую статью отменим!» Ему сказали – ты что, охренел?

– А ее разве не в 89-м отменили?

– Да не, позже… А Ельцин тогда разворачивался. Он перед партией извинился и уже в Госстрое был.

– Еще партконференция была, девятнадцатая. В 88-м. «Я прошу политической реабилитации» – Ельцин так сказал.

– В 89-м он от Госстроя выдвигается. И все его жалели – вот, один был там наверху приличный человек, и того загнали за Можай.

– И Собчак на меня тогда фантастическое впечатление произвел!

– Ты с ним тогда и познакомился?

– Нет, позже – в 91-м.

– Вот все говорят – Собчак, Собчак. А что, собственно, Собчак? Благообразный, модный, это я понимаю. Но в чем его заслуга и новизна?

– Говорил он охуительно!

– Да, голос у него чудный был.

– И пиджак белый клетчатый. Он специально себе такой пиджак завел, чтоб запомниться.

– Это он тебе признался?

– Нет, я так думаю.

– А, это Нарусова ему подсказала.

– Наверное.

– Она – пример беззаветной любви к мужу. И понимания. Помнишь, когда он скрывался в Париже, она сказала: «Ну что же вы делаете? Человек немолодой, слабое здоровье, так он его вообще подорвет, ходя там на чужбине по бардакам». Такое понимание – ну пусть развлекается, лишь бы на пользу!

– Да, лишь бы не курил.

– Значит, пиджак, тембр. А политических идей он нам не

оставил никаких принципиально новых.

– Ну, обычные демократические идеи добротные. Говорили они все примерно одно и то же, но Собчак был выше всех. Он все как-то так с вывертом давал. Артистизм в нем был.

– То есть ты в нем ценил художественное слово. И потом, у него ж юридическое образование. Он силен был в этой риторике.

Комментарий Коха
Три Собчака

Когда я вспоминаю Анатолия Александровича Собчака, то не могу отделаться от ощущения, что имел дело с тремя разными людьми. В разные периоды он настолько отличался от себя предыдущего, что требовалось усилие заставить себя не забыть, что ты имеешь дело с одним и тем же человеком.

Первый Собчак

Впервые я услышал о Собчаке от кого-то из своих институтских друзей. Потом увидел сам. По телевизору. Как раз шли выборы делегатов на Съезд народных депутатов СССР, и все были охвачены предвыборными переживаниями. И то сказать – первые относительно свободные выборы в нашей жизни. Все как у взрослых. На питерском телевидении были предвыборные дебаты. Собчак шел по Василеостровскому избирательному округу. Впечатление он производил оглушительное. В моем представлении вот так и должен был выглядеть настоящий политик. Прекрасный оратор. Красивый, импозантный мужчина. Смел. Умен. Образован. Настоящий аристократ духа. Не то что эти кремлевские плебеи. А уж демократ… Не выговоришь.

Любили мы его – без памяти. Лучше не было. Там была троица питерских демократов, за которых пол-Питера было готово в огонь и в воду, – Собчак, Щелканов и Болдырев. Собчак был, несомненно, на первом месте. Без вариантов.

Когда избрали Ленсовет, была долгая история по выборам председателя. Разные группы демократов не могли решить, представителя чьей группы нужно выбрать председателем. Спорили – до хрипоты. Надоели всем до чертиков. Вот, собственно, ненависть к демократам – она оттуда идет, от этих внутренних демократических разборок, когда все дерьмо всплывает наружу, когда спорят ни о чем, просто соревнуясь в красноречии, красуясь и уничтожая остатки народного доверия.

И тогда кому-то, не помню уж кому, в голову пришла идея: а давайте позовем Собчака! По нему у всех депутатов был безусловный консенсус. Прям варяг Рюрик – «приходите, володейте нами…». Но вот незадача – он же не депутат Ленсовета! Не беда, у нас есть свободный округ. Тотчас объявляем выборы и избираем дорогого Анатолия Александровича! Сказано – сделано. Объявляют – избирают. Народ за Собчака горой. Чуть ли не единогласно. Ура!

Я тоже был счастлив. Это было именно счастье. Я не преувеличиваю. Господи, как я его любил! Как я хотел ему помочь! Работать! Работать! Круглые сутки! Чтобы с пользой! Чтобы вызвал и похвалил. Я как раз тогда председателем райисполкома (мэром по-нынешнему) в Сестрорецке был.

Вот мне рисовалась такая картина. Я работаю, а мне звонок: «Альфред Рейнгольдович? Вас Анатолий Александрович просил бы заехать к нему. Завтра. В 14.00 удобно? Ну и чудненько, ждем вас».

Назавтра приезжаю. Захожу. Чайку? Спасибо. Сахару? Один кусочек. Спасибо. Чем обязан? Давно присматриваюсь к вам. Хотел сказать – хорошо работаете. Молодец. Если что – обращайтесь. Всегда готов помочь.

Все. Этого достаточно. Жизнь не желаете? А то запросто. С нашим удовольствием. Кто меня, тогдашнего, не понимает сейчас, тот ничего не понимает в том времени… А вот я знаю и понимаю. Любил. Сейчас вспоминаю… С юмором? Нет… С иронией? Пожалуй… С грустью? Да… Да… Светлой? Светлой…

Царство ему небесное. Пусть земля ему будет пухом.

Второй Собчак

Мэром был Собчак ужасным. Очень сильное впечатление производили два его помощника, еще в бытность его председателем Ленсовета. Один – кагэбэшник Путин, ныне действующий президент РФ, а другой – засиженный урка Шутов, ныне сидит в Крестах. Неплохое окружение для демократа первой волны, не правда ли?

Нужно отдать Собчаку должное – от Шутова он достаточно быстро избавился, а Путин оказался преданным человеком и по отношению к Собчаку всегда вел себя порядочно.

Его представления о менеджировании основывались на производственных фильмах эпохи застоя. Знаете – Кирилл Лавров хорошо поставленным голосом говорит: «Я буду жаловаться в ЦК! У меня на третьем участке гидрокортизон не идет! Трое уже

обварились! Люди просто падают от усталости!» И так далее. (Гидрокортизон – это я сейчас придумал. Сам не знаю, что это такое. Вот и в производственных драмах артисты тоже произносили трудные слова, смысл которых не понимали.)

Я, безусловно, субъективен. Он меня вызвал. Поговорил с отеческим прищуром. Сказал: идите и спокойно работайте. А на следующий день – уволил. Ну скажи ты сразу: я не хочу с тобой работать. Нет так нет. Я себя не на помойке нашел. Он же – идите и спокойно работайте. Вот зачем? Взял и наврал. Фи… Как это у Салтыкова-Щедрина: «От него кровопролитиев ждали, а он чижика съел».

Уволил Чубайса с должности первого зама. Буквально сразу. Чем ему Чубайс не понравился? Энергичный, деловой, исполнительный. Он бы за ним как за каменной стеной был. Перерезал бы себе ленточки да с графьями встречался. Чубайс бы его не сдал и никогда бы не подсидел, как Вова Яковлев.

Вообще тяга к матерым товаропроизводителям у Собчака была патологическая. Первым замом он взял Георгия Хижу. Хижа, бывший директор ПО «Светлана», был лидером директорского корпуса Ленинграда. Они каким-то образом смогли убедить Собчака, что контролируют ситуацию в городе. Это было не так. Ничего они не контролировали. Но понту и форсу было до фига. Хижа быстро уехал работать в Москву, а вместо него назначили Алексея Большакова. Это который впоследствии 300 миллионов долларов бюджетных денег на высокоскоростную магистраль между Питером и Москвой вбухал, а магистраль не построил. Ни одного километра. Магистраль, кстати, тоже идея Собчака.

Потом появился Володя Яковлев. Дальше вы все знаете.

Тем не менее осенью 1991 года я опять оказался в мэрии. В Комитете по управлению городским имуществом. На должности заместителя председателя этого комитета. Я и еще Мишка Маневич были плодом компромисса между Собчаком и Чубайсом, который к тому моменту стал уже в Москве председателем Госкомимущества и начинал раскручивать приватизацию. Председателем комитета Собчак назначил креатуру Хижи – Сергея Беляева, а Чубайс тогда настоял на двух своих замах.

Нельзя сказать, что Собчак сильно помогал приватизации. Скорее мешал. На всех совещаниях только и слышал: «Я поставлю этого Коха на место, что это такое – приватизировать продовольственный магазин № 76! Это ж додуматься надо! А если его перепрофилируют в промтоварный?» Вот такие у него были представления о рыночной экономике.

Но узнав, что в Питере один из самых высоких в стране темпов приватизации, любил этим хвастаться в своих

выступлениях за границей.

Пожалуй, из реальных его дел можно выделить два. Первое – переименовал Ленинград в Санкт-Петербург, за что ему огромное спасибо. Второе – открыл первый полностью иностранный банк в России – Credit Lionnais. Как сейчас помню кипеш по выделению помещения под этот банк.

Во всей его деятельности было столько искренности, непрофессионализма, наивности и веры. Он так честно старался, чтобы всем было хорошо. Он был настолько нециничен, щедр и настолько любил Питер, что ругать его всерьез – грех.

Обижаюсь ли я на него? Наверное… Сужу ли я его? Нет… Бог ему судья… Жалко ли его? Жалко… До слез. И Мишку Маневича жалко…

Пусть земля ему будет пухом. Царство ему небесное.

Третий Собчак

Весной 1999 года я и Жечков оказались в Париже. Торчать там пришлось недели две. Когда нам надоело пьянствовать вдвоем, мы решили искать себе интересных собеседников. И тут я вспомнил, что в Париже, в эмиграции, находится Собчак. Через издательство нашли его телефон, и я ему позвонил. Мне показалось, что он был рад меня слышать.

Мы встретились. Буквально через несколько минут он уже засыпал меня претензиями по поводу неправильного развития демократического процесса в России. Он меня просто подавлял своим нерастраченным темпераментом. Ему снова хотелось в Россию, на трибуну. Обличать. Выводить на чистую воду. Вскрывать подноготную. Засиделся, видать, в Париже.

И опять в этом было столько искренности, органичности, страсти. Вся его поза трибуна была такой для него естественной, такой беззащитной. При том, что его гнев за обеденным столом в одном из пригородов Парижа был совершенно нелеп. С подоткнутой салфеткой и вилкой в руке…

Я предложил ему не ругаться, а рассказать что-нибудь интересное. Он сразу сник, как-то обмяк. Потом задумался и рассказал, как ходил в Париже на премьеру фильма «Хрусталев, машину!» Алексея Германа. Постепенно увлекся рассказом. Мы его внимательно слушали. Атмосфера за столом стала дружеская. Выпили вина. Собчак поймал настроение, видно было, что ему хорошо. Сидят два богатых олуха и, развесив уши, слушают старого профессора.

Потом мы пели под караоке. Он ставил нам оценки. Сам петь

не взялся. Но раскраснелся и был очень милый.

За полночь я отвез его в город. Мы тепло распрощались. Это был смертельно уставший немолодой питерский профессор. Кем он и был все время, что я его знал. Не больше, но и не меньше.

Потом я встретил мельком его в «Белом солнце пустыни» в Москве. Потом он умер.

Царство ему небесное. Пусть земля ему будет пухом.

– Еще тогда были в моде Афанасьев, Карякин, Гаврила Попов, Шмелев, Рой Медведев – помнишь, эти персонажи были самый крутняк?

– Да. А депутата Червонописского помнишь? А, не помнишь! Который отделал Сахарова за то, что тот сказал – русские летчики с самолетов расстреливали русских солдат, попавших в плен к душманам.

– А как ты думаешь, было такое?

– Я не знаю, было или не было, но он так сказал.

– Пиздит, наверное.

– Ну, не знаю. А Червонописский – он на протезах был – тогда вышел и отдрючил его. Ох как потом ненавидели этого Червонописского!

– Ну да, как он мог на святое поднять руку?…

– Да. А помнишь, когда написали, что Ельцин к бабе поехал, нажрался и упал с моста? Помнишь, как мы возмущались – вот пидарасы кагэбэшники! На нашего Бориса Николаевича наехали! Всякие глупости про него говорят. А в Нью-Йорке, помнишь, выступал пьяный… И об этом тут же статья в газете «Репубблика»… Елкин, мол, нажрался как свинья. Когда он хуярил из стаканчиков для зубных щеток…

– Ну и что? Я тоже из таких пил, подумаешь, проблема. А перепечатал эту заметку кто? Орган ЦК КПСС газета «Правда». Тут же, немедленно! Вот он какой, смотрите!

– И взрыв возмущения народных масс. Какие пидарасы! Нашего Елкина обижают! Знали б мы, что это правда… Но ведь не поверили ни одному слову!

– Мы не верили! Это провокация, думали мы!

– Далее. ТВ показало это его выступление в Нью-Йорке. Как он пьяный в жопу выступает перед студентами. «Теперь вы верите?» Ни хера, сказали мы. Это эффект Буратино – то есть специально так исказили голос при записи.

– Это – любовь. Когда человеку говорят о любимой девушке, что она проститутка, на Тверской работает, – он не верит! Она просто вышла туда за сигаретами.

– Да. И случайно к ней пристали черножопые. С ножиком. А

куда ей деваться, пришлось дать.

– И это чекисты переодели ее насильно в кружевные чулки и напялили на нее казенную мини-юбку. И фейс накрасили ей по-блядски.

– Да.

– Ельцин сделал бурбону колоссальную рекламу, за которую ему по гроб жизни должен быть благодарен владелец торговой марки «Jack Daniels» (это виски в американском быту часто называют «Black Jack», – за его черный лейбл). Горби после рекламировал не выпивку, но закуску (пиццу) – не так красиво, но более грамотно, – бабок больше срубил. Ельцин же продвигал «Джека» скорей всего из чистой любви к искусству. Словом, было, было большое светлое чувство к Борису Николаевичу. «Как дай вам Бог любимой быть другим».

Комментарий Свинаренко

Странно, но в рунете нет полного текста той статьи в «Правде»! Так, отдельные куски. Но у меня остался полный текст, вырезанный из газеты. Желтый такой, мятый кусочек бумаги, в котором было столько энергии аккумулировано. Вот вам цитаты из нашумевшей за метки.

«РЕПУББЛИКА» О Б.Н. ЕЛЬЦИНЕ

«Американская ночь „перестройки“ пахнет виски, долларами и освещается прожекторами. Борис Ельцин, народный герой Москвы, Кассандра Горбачева, проносится над Америкой как вихрь… Он оставляет за собой след в виде предсказаний катастроф, сумасшедших трат, интервью и особенно запах знаменитого кентуккского виски „Джек Дэниэлс“ с черной этикеткой. Пол-литровые бутылки он выпивает за одну ночь в гостиничном номере в Балтиморе… Ошалевшего профессора, который утром приехал за ним, чтобы отвести в конференц-зал университета, Ельцин одарил слюнявым пьяным поцелуем и наполовину опорожненной бутылкой виски.

«Выпьем за свободу», – предложил ему Ельцин в полседьмого утра, размахивая наполненным стаканом, одним из тех, в которых обычно хранятся зубные щетки и паста в ванной комнате… Ельцин привнес в коридоры

американской власти плотские запахи, физический напор «родины». У него феноменальная способность пить и тратить деньги. «Я и не подозревал, сколько стаканов вмещает в себя гласность», – скаламбурил продюсер телекомпании Эй-би-си, который тщетно пытался привести Ельцина в чувство и придать ему приличный вид для ночного интервью». «Стакан» по-английски – glass. Ельцину пришлось отменить интервью.

За 5 дней и 5 ночей, проведенных в Соединенных Штатах Америки, он спал в среднем два часа в сутки и опорожнил две бутылки водки, четыре бутылки виски и несметное количество коктейлей на приемах.

…для Америки Ельцин – новая чудесная игрушка, кукла с типично русским лицом, которая говорит то, что ни один русский не решался сказать раньше…

Популист Ельцин… носился по супермаркетам с той же энергией, с которой вошел в советскую историю 80-х годов.

Он имеет теперь все, о чем мечтал: виски, доллары, безделушки, видеокассеты с «Рэмбо»…»

Конец цитаты.

«Правдисты» после, когда прошли годы, рассказывали, что Горбачев отругал тогдашнего главного редактора «Правды» Афанасьева сперва по телефону, потом на пленуме. Сам Афанасьев уверял, что заметку перепечатал исключительно с целью оживить скучный номер. Однако же признался, что в кулуарах того же пленума Горбачев втайне от всех пожал ему руку и назвал молодцом.

Втайне – не зря! Очевидцы вспоминают: «У подъезда „Правды“ уже собирались демонстранты. Телефоны звонили непрерывно: „Сколько вам заплатили за эту гнусь?“, „Мерзавцы! Только Ельцин может спасти страну от мафии!“ На Пушкинской площади толпа скупает номера газеты и тут же сжигает. В Зеленограде прошел митинг с плакатами: „Провокаторов – к ответу!“ В „Правду“ потоком пошли письма: „Не дадим опорочить Бориса Николаевича!“ За Бориса Николаича вступается летчик Окулов, он уверяет, что его тесть не может так напиться. Сам Ельцин выступает на питерском ТВ с таким заявлением: „Редактор „Правды“ – низкий человек, готовый выполнить любой приказ“. И уверяет, что якобы „сегодня получил официальное письмо правительства США с опровержением“. Однофамилец главного „правдиста“ демократ Афанасьев советует: „КПСС должна закрыть газету „Правда“, которая дезинформирует

советское общество“. В коридорах „Комсомольской правды“ народ пытает корреспондента газеты Вощанова, ездившего в США вместе с Б. Ельциным: „Паша, не для печати, написанное „Репуббликой“ – правда?“ Но даже в кругу близких друзей Вощанов исполнял: „Это происки врагов“.

И с этим ничего нельзя было сделать…

– А ты бы мог тогда отдать жизнь за Бориса Николаича? Помнишь, был такой персонаж, который ему свое место уступил? На выборах? Из Томска откуда-то или из Омска…

– А, Казанник! Ему потом должность прокурора дали.

– А когда он вернулся в Томск или Омск, то дал интервью: «Если б я знал, с кем связался». Ну так жизнь бы мог отдать?

– Нет, не мог бы. Я вообще ни за кого не хочу жизнь отдавать. Не мной она мне дана, не мне ее и отдавать за кого-то. Господь Бог сам приберет, когда надо будет.

– А, сразу в кусты. Мне кажется, что Борис Николаич – это был очень удачный персонаж.

– Я очень положительно к Елкину отношусь.

– Ну. И он был очень адекватен стране, народу. Он бухал: с утра выпил – весь день свободный, нес чего-то… Чудаковат был, вот как мы. Нажрался, упал с моста – нам ведь былоприятно, что такой же человек, как мы, командует страной.

– Херак – и президент.

– А когда весь застегнутый, сильно умный, базар фильтрует, вечно трезвый… Ну как нам такого понять? Пусть такие командуют где-нибудь в Швеции… Понимаешь?

– Ха-ха-ха.

– Поэтому он так хорошо и пошел. Эта легкая, пардон, придурковатость…

– Ну…

– Вот ты говоришь – не верили. Точно! У меня один знакомый в то время был в свите Ельцина. Я его пытал: а что ж тогда было в Нью-Йорке, нажрался или не нажрался? Он не сдал патрона, отвечал очень уклончиво.

– Значит – нажрался.

– А вскорости мой знакомый ушел из свиты – ну, тогда же, в эпоху всенародной любви к Елкину. Я опять к нему прицепился. Тот опять отвечает уклончиво. Только обозначил в самых общих чертах: «Мне дико не нравится уровень обсуждения, уровень вообще бесед, тональность, когда они за столом ведут беседы о политике… Цинизм… Я не мог этого перенести и ушел». Я не верил – мне казалось, его выгнали

просто, и все. Он со мной не стал спорить, сказал, что я все равно не пойму и не поверю.

– А теперь ты, наверное, понял.

– Так то теперь. И сейчас он говорит: «Хоть понимаешь, что, если б я тебе все, что ты сегодня знаешь про Ельцина, рассказал в 89-м году, это было бы бессмысленно? Все б рассказал – о его окружении, о беседах, о бабках?» То есть человек тогда уже все понял – но понял также и то, что народ не поверит. Не готов народ. Что тогда в наших бедных головах творилось? Ужас какой-то. А мы ведь себя умными считали. Должно пройти пятнадцать лет, чтоб люди что-то начали соображать… А ты, Алик, помнишь, как писатель Распутин припугнул прибалтов: «Будете сильно борзеть, Россия первая выйдет из СССР, и вы все без нее загнетесь. Без нефти, без заводов, голые и босые…» Вы типа пьете нашу кровь. А он был тонкий писатель.

– Я читал его.

– Но потом он стал публицистом, причем угрюмым таким.

– Шовинист.

– Перестал писать романы… Я у него спросил как-то: «Ну зачем? Публицистов вон и так полно, а вы такой один…» Он ответил: «Не могу молчать, видя страдания народа. Не могу писать о вечном, когда сегодня надо все бросить и спасать страну». Да до хрена, говорю, репортеров, которые лучше вас будут орать о бренном. А лирику некому писать. А он говорит – как ты смеешь мне такое говорить?… Надо ж спасать…

– Ну и спас?

– Не сказать…

– Но романов мы не получили. И не спас. А мог бы написать пару-тройку романов, пока еще стоит.

– И вот он спасает Россию, а дочка его живет в Германии, работает там где-то – и он в ее пустующей номенклатурной квартире в центре Москвы останавливается, прилетая из Сибири. (После она погибла в авиакатастрофе, не долетев до Иркутска.) Из этих деталей красивая, кстати, картинка складывается! Так вот Распутин, не будучи экономистом, полагал, что Россия, отцепив нахлебников, заживет счастливо и весело. Давай-ка ты выскажись, как спец!

– Ну вот смотри. Белорусы живут лучше нас? Хохлы? Молдаване? Грузины?

– Хуже.

– Азербайджанцы?

– Насчет азербайджанцев не знаю.

– Хуже. Там оказалось меньше нефти, чем они анонсировали.

– А кто говорил, что у них много? Кто их так подставил?

– Сами себя раздрочили. Дальше. Туркменбаши?

– Хорошо живет.

– Лично он – да, хорошо. Чего не скажешь о его публике. Дальше. Таджики, киргизы… То же самое. Прибалты живут лучше, чем русские, или хуже? Будем откровенны – лучше. Но в значительной степени из-за русского транзита. Который мы оплачиваем. Таким образом, они по-прежнему сосут кровь из России. Что мне крайне не нравится. Поэтому я и начал строить порт под Питером – потом, правда, его продал, но правильным людям.

– И уже ты прибалтам немного перекрыл кислород.

– Да! А Сема Вайнштоκ построил нефтяной терминал в Приморске. Это тоже рядом с Питером – возле Выборга.

– То есть ты постепенно перекрываешь каналы, по которым из России сосут кровь?

– Да. Делом. Делом, а не словами! Дальше. Ходор купил «Мажекяй нафта» в Литве – и теперь это русский НПЗ, принадлежащий «ЮКОСу».

– Куда ушел ваш Кукес.

– Это согласованная позиция.

– А, это не измена родине.

– Нет, что ты. Он раньше в «ЮКОСе» работал, мы его взяли на некоторое время, теперь вернули. Все нормально.

– То есть прибалтов вы давите.

– Да не надо их давить. Просто те деньги, которые мы им платили, надо самим себе платить. Если мы транзит через питерские порты устроим, то это, во-первых, на 500 километров ближе – уже экономия, а во-вторых, у себя рабочие места создаем. А если мы не можем передвинуть НПЗ, то надо его купить. Прибыль чтоб мы получали, а не они…

– А та труба, что шла по Прибалтике, она практически высохла?

– Она фактически высохла, да.

– И теперь в нее можно орать: «Эй, вы там! Ау! Laba diena! Ну как, выкусили?»

– Но после, когда Ходор закроет сделочку по НПЗ, трубу снова можно будет наполнить. Уже в наш заводик. Теперь надо еще в Вентспилсе купить терминал, и совсем будет красиво.

Комментарий Свинаренко

«Откуда они взялись, латышские стрелки, в стране с ярко выраженными консервативными традициями? Говорят о

нескольких полках. А это как минимум 10 тысяч бойцов. Куда они потом пропали? Почему не проявили себя в 1920-е годы в буржуазной Латвии? Коммунистов в ней было не больше, чем в Литве или Финляндии. При том что о сколько-нибудь заметном влиянии финских или литовских большевиков на исход Гражданской войны нигде не говорится. Высказывалось мнение, что никаких красных латышских стрелков не было. За таковых принимали коммунистов из Австрии, Германии, Финляндии и так далее. Представьте себе красноармейца арийского типа, говорящего по-русски с акцентом. Будучи простым крестьянином, вы сможете по внешним признакам определить его национальность?» *(Если латыши ни в чем не виноваты, то почему именно их «назначили» быть крутыми революционерами? Потому что они славились своей бедностью и легко пошли б с большевиками грабить награбленное. Логично. См. широко известные русские поговорки, которые выше уже упоминались: «Какие у латыша вещи? Хер да клещи», «У латыша только хер да душа».* – И.С.)

«Становление государственности Латвии всецело было связано с Советской Россией и В.И. Лениным. Однако сегодня в Латвии нет ни одного памятника Ленину. Все они были варварски разрушены… Установленная в декабре 1918 года на территории Латвии советская власть в 1920 году пала.

В 1919 году буржуазное правительство Латвии учредило «военно-полевые суды, которые будут состоять из офицеров – двух латышей, двух остзейских немцев и одного русской национальности». Белый террор за 1920 год в Латвии унес около 12 тысяч жизней рабочих. Начались долгие годы буржуазного правления, приведшие к фашистскому государственному перевороту, совершенному 15 мая 1934 года главой правительства К. Ульманисом. Были попытки *(Всего лишь попытки! Как про них не стыдно вспоминать коммунистам? Им в глаза нассать, скажут – божья роса.* – И.С.) применить смертную казнь для политических противников. Были произведены массовые аресты коммунистов. Введено военное положение. Была прекращена работа сейма, члены его президиума интернированы. Были закрыты 35 изданий, прекращена деятельность 29 профсоюзов, закрыты различные общества и союзы, приостановлена деятельность 60 городских дум, ликвидированы уездные управы. С мая 1934 года по май 1940 года в тюрьмы и Лиепайский концлагерь было брошено 18 198 человек.

В июле 1940-го фашистский режим был сметен социалистической революцией в Латвии. Но в июле 1941 года Рига была оккупирована Германией. В Латвии снова был

установлен фашистский режим, который просуществовал до 13 октября 1944 года. Был создан латышский легион «Waffen SS», через службу в котором прошло более 150 тысяч мужчин из двухмиллионного населения Латвии. Бывшие легионеры «Waffen SS» маршируют под своими знаменами по Риге, а их колонны возглавляют депутаты сейма Латвии от правых сил и официальные государственные лица. Без суда и следствия была запрещена Компартия Латвии *(а вот у русских в 91-м на подобное не хватило ума и воли.* – И.С.). Тут уже, как говорится, сколько ни мой черного кобеля, не отмоешь добела.

Немцы, принимая «неарийцев» в иностранный легион СС, никогда не уравнивали их с собой. Солдаты и офицеры 19-й дивизии СС (2-й латышской), как и всех других, не имели права носить руны СС в правой петлице и, следовательно, были «неполноценными» эсэсовцами. Не могли же чумазые недочеловеки наравне с властелинами мира носить одну и ту же форму. Части иностранного легиона СС обычно использовались для самых «почетных» дел: сторожить заключенных, сгонять евреев в гетто, расстреливать, сжигать деревни и дома. Причем солдат иностранного легиона, как правило, использовали для карательных акций на территории их собственных стран.

«По данным латышского националистического журнала „Даугавас Ванаги“, издаваемого в Торонто, за период с июля 1944 по октябрь 1953 года „национальные партизаны“ (так сегодня именуются „лесные братья“ в Латвии) убили 2208 человек – представителей совпартактива, сотрудников и солдат НКВД, МВД и других советских ведомств».

«Всего за время войны немцами был сформирован 41 латвийский, 26 эстонских и 23 литовских полицейских батальона. Они боролись с коммунистическим подпольем и партизанским движением в Прибалтике, использовались для карательных акций на территории Белоруссии и России, выполняли и чисто палаческую работу – расстреливали привезенных из Белоруссии и Польши русских, евреев, коммунистов и военнопленных Советской армии… Все эти экзекуции, особенно массовое вешание, документируются с помощью киноаппаратуры…»

«В Латвии после прихода немцев из местных были сформированы вооруженные подразделения для отлова в лесах беглых советских чиновников и партфункционеров, а также красноармейцев, пытавшихся выйти из окружения. Согласно донесениям летом и осенью 1941 года ими были задержаны 7194 человека (из которых многих расстреляли). Латышские батальоны участвовали в истреблении мирного населения не только у себя в Латвии, но и на других западных территориях СССР и даже в

Польше».

«…захваченный в плен красноармейцами весной 1944 года военнослужащий 15-й латышской дивизии СС Петр Петерсон объяснял на допросе: „Во время моей беседы со старшим писарем волости Межграф он мне говорил о том, что если я пойду служить добровольцем в легион СС, то я там буду иметь папиросы, водку и хорошее питание. Тогда я изъявил свое согласие служить…“ Ефрейтор той же дивизии Варонес подбрасывал вверх детей советских граждан и стрелял в них из пистолета. Был отмечен двумя немецкими наградами. Вступающие в легион латыши принимали присягу, текст которой звучал так: „Богом клянусь в этой торжественной клятве, что в борьбе против большевизма я буду беспрекословно подчиняться главнокомандующему германскими вооруженными силами Адольфу Гитлеру и как бесстрашный солдат, если будет на то его воля, готов отдать свою жизнь за эту клятву“.

«Из боевых сводок известно, что 19-я латышская дивизия СС и 3-я эстонская бригада СС оказывали ожесточенное сопротивление советским войскам».

Из доклада офицера по особым поручениям тыла Русской освободительной армии (РОА) поручика В. Балтинша (латыша) представителю РОА в Риге полковнику В. Позднякову от 26 мая 1944 года: «В середине декабря 1943 г. в деревнях Князево, Барсуки, Розалино (Белоруссия) латышские части СС вели беспричинный страшный террор. Вокруг этих деревень лежало много трупов женщин и стариков. Мне удалось поговорить на латышском языке с несколькими эсэсовцами. Они объяснили: „Мы их убили, чтобы уничтожить как можно больше русских“. После этого сержант подвел меня к сгоревшей хате. Там лежало несколько обгорелых полузасыпанных тел. „А этих, – сказал он, – мы сжигали живьем…“ В начале мая в районе д. Кобыльники в одной из ложбин мы видели около трех тысяч тел расстрелянных крестьян, преимущественно женщин и детей. Уцелевшие жители рассказывали, что расстрелами занимались люди, понимавшие по-русски, носившие черепа на фуражках и красно-бело-красные флажки на левом рукаве – латышские эсэсовцы. В одной деревне мое внимание привлекла туча мух, кружившаяся над деревянной бочкой. Заглянув в бочку, я увидел в ней отрезанные мужские головы. Некоторые были с усами и бородами. После разговора с уцелевшими жителями у нас не осталось сомнений в том, что и здесь также оперировали латышские СС».

«Что же касается литовских националистов, то, несмотря на выдающиеся успехи в деле уничтожения еврейского населения, продемонстрированные ими в первые месяцы войны, в

дальнейшем они не оправдали надежд своих немецких хозяев – литовская дивизия СС так и не была сформирована».

«…Далеко не все латыши, литовцы и эстонцы служили немцам. 130-й латышский стрелковый корпус, 8-й эстонский стрелковый корпус, а также 16-я литовская стрелковая дивизия действовали вполне достойно. В рядах Красной армии погибло 21,2 тысячи эстонцев, 11,6 тысячи латышей и 11,6 тысячи литовцев».

«Кроме того, на территории оккупированной немцами Прибалтики действовали партизанские отряды и подпольное движение, правда, в существенно меньших масштабах, чем, скажем, в Белоруссии. Сегодняшние власти Латвии и Эстонии считают этих людей преступниками…»

«Прибалтика и Белоруссия были объединены в рейхскомиссариат „Остланд“ с центром в Риге. Задача была такая – „формирование рейхспротектората, а затем превращение территории в часть великогерманского рейха… препятствовать любым поползновениям на создание эстонского, латышского и литовского государств, независимых от Германии…необходимо с порога пресекать попытки создания собственных эстонских, латышских, литовских и белорусских университетов и вузов. Но не нужно возражать против открытия ремесленных училищ и небольших технических учебных заведений“. В инструкции, изданной рейхскомиссариатом, подчеркивалось: о недопустимости создания независимых государств „не следует заявлять публично“. „Фронт литовских активистов“ жаловался лично Гитлеру: „Выходит так, что большевики, против которых литовцы воевали вместе с немецкими солдатами, признают Литовскую республику как независимое государство, а Германия считает Литовскую республику бывшим государством…Целый ряд людей, у которых большевики не считали нужным отнять землю, по этому указу лишаются ее…Немецкая гражданская власть в Литве не только не разрешает прием новых студентов в высшие школы, но и останавливает деятельность высших семестров (курсов)…литовцам в Литве нельзя иметь ни одной газеты на литовском языке… с начала войны немецкая цензура не разрешила выпуск ни одной литовской книги в Литве (даже научный словарь литовского языка, отпечатанный перед войной, не мог показаться на книжном рынке)… Не разрешается праздновать литовские народные праздники“.

Так что, судя по всему, инструкцию свою немцы выполняли со рвением.

Вот еще что в ней было написано: «50 % эстонцев сильно германизированы вследствие смешения с датской, немецкой и

шведской кровью, что позволяет рассматривать их как родственный немцам народ. В Латвии для ассимиляции пригодна гораздо меньшая часть населения. Поэтому здесь нужно ожидать более сильного противодействия, ввиду чего потребуется переселение в более крупных масштабах. Аналогичного развития событий следует ожидать и в Литве»…«Край, который был завоеван немецкими рыцарями, поставлен на ноги ганзейскими купцами и германизация которого осуществлялась путем постоянного притока немецкой и частично шведской крови, должен превратиться в мощный бастион у границ Германии».

В Берлине было проведено «Совещание по вопросам онемечивания в Прибалтийских странах». В его протоколе записано: «…Большая часть населения (Прибалтики) не годится для онемечивания… Нежелательные в расовом отношении части населения должны быть высланы в Западную Сибирь. Проверка расового состава населения должна быть изображена не как расовый отбор, а замаскирована под гигиеническое обследование или нечто в этом роде, чтобы не вызывать беспокойства среди населения». Взамен в Прибалтике предполагалось расселить заслуженных ветеранов вермахта. «Латышским, эстонским, литовским сельским хозяевам придется расстаться со своими земельными наделами; в случае их политической благонадежности они не должны быть просто согнаны, а переселены в другие районы. Горожан, у которых будут отобраны дома и предприятия для передачи фронтовикам, следует высылать как можно дальше в восточные районы».

И это – выполнялось.

«В Литву только за первое полугодие 1942 года было прислано 16 300 немецких колонистов, а к 1 ноября 1943 года их было уже более 30 тысяч. Оставшиеся прибалты должны были стать батраками немецких переселенцев, постепенно забывая свой язык и культуру, – согласно плану „тотального онемечивания Прибалтики“, утвержденному Гиммлером. На выполнение плана отводилось 20 лет. Получается, что своим нынешним существованием прибалтийские народы целиком и полностью обязаны пресловутым „русским оккупантам“ – бойцам Красной армии».

«Если для власовцев и полицаев, не уличенных в совершении военных преступлений, стандартным приговором были шесть лет ссылки, то большинство литовцев, латышей и эстонцев, служивших в немецкой армии, СС и полиции в качестве рядовых и младших командиров, были освобождены и отпущены по домам. Однако тем из немецких пособников, кто отличился в карательных экспедициях, рассчитывать на пощаду не

приходилось. Для них оставалась одна дорога – в лес. Особого размаха бандитизм достиг на территории Литвы, поскольку здесь, помимо литовских националистов, активно действовали польские вооруженные формирования из Армии Крайовой. Всего же с конца войны до середины 50-х в „лесные братья“ ушли в Литве 25 108 человек, в Латвии – 2000, в Эстонии – около 1500 человек».

«К концу 1946 года крупные националистические бандформирования были в основном ликвидированы. Однако, чтобы окончательно покончить с бандитами, их следовало лишить социальной базы. 21 февраля 1948 года Совет Министров СССР принял постановление № 417-160сс о выселении из Литвы членов семей бандитов, а также бандпособников из числа кулаков. Операция под названием „Весна“ была проведена 22–23 мая 1948 года. Депортировали 39 766 человек. 29 января 1949 года было принято еще одно постановление Совета Министров СССР № 390-138сс *(вот эти буковки – «сс» – мне тут нравятся; это как напоминание прибалтам об их легионах СС и о том, что теперь вот они за это отвечают.* – И.С.*)* «О выселении с территории Литвы, Латвии и Эстонии кулаков с семьями, семей бандитов и националистов, находящихся на нелегальном положении, убитых при вооруженных столкновениях и осужденных, легализованных бандитов, продолжающих вести вражескую работу, и их семей, а также семей репрессированных пособников бандитов». Ссылали в основном на Север, в Сибирь, в Казахстан. Всего из Латвии тогда было выселено 42 149 человек, из Литвы – 31 917, из Эстонии – 20 173 человека. Не соответствуют действительности и россказни о высокой смертности среди депортированных прибалтов в местах поселений. Так, в 1945–1949 гг. из Прибалтики в ссылку прибыло 142 543 человека, из них за 1945–1950 гг. умерло 8194 человека. В 1951 году состоялась еще одна депортация – из Литвы было выселено около 23 тысяч кулаков и членов их семей. Эти суровые, но справедливые меры сыграли свою роль. К середине 1950-х годов с националистическим движением в Прибалтике было покончено. Как тогда казалось – навсегда. Однако тут грянула пресловутая хрущевская «оттепель» с ее амнистиями и реабилитациями. Вместе с прочими освобожденными «жертвами сталинских репрессий» потянулись к родным пенатам и «лесные братья». Затаившись, они терпеливо ждали своего часа. И наконец дождались.

… За службу немцам в годы войны там начисляют пенсии. Тех же, кто в годы войны боролся против нацистов и их приспешников, сегодня бросают за решетку по сфабрикованным обвинениям в «геноциде».

«Тем не менее опыт истории учит нас быть оптимистами. За многие века нам не раз случалось терять земли Прибалтики, однако стоило русскому государству собраться с силами – и они вновь возвращались в состав России. Думается, так будет и на этот раз. И когда это случится, мы не забудем и не простим никого из тех, кто глумился над ветеранами и издевался над русским населением».

«О незначительности и ничтожности латвийского режима уже надоело распространяться вслух. Презрение к этому мелкому прибалтийскому монстрику стало частью души нормального русского человека. Мы никогда не забудем и вряд ли простим все прегрешения его перед нами. „Лесные братья“, латышские легионеры СС, погромы над некоренным населением Латвии при фашистах и издевательства над русскими „негражданами“ при демократии… Разоренные курорты Юрмалы, стоящие заводы Риги и Даугавпилса ждут русского хозяина. Объявляем вам, латышские буржуа, вендетту. Желаем скорейшего возвращения Рижского ОМОНа, а покамест призываем: „НЕ ПОКУПАЙТЕ ЛАТВИЙСКИХ ТОВАРЫ! ПУСТЬ ОНИ ЖРУТ СВОИ ШПРОТЫ САМИ!“

(Цитаты взяты из фашистских, коммунистических, демократических и патриотических источников.)

Комментарий Коха
Еще один член семьи цивилизованных народов

На побережье Балтийского моря, там, где в него впадает Западная Двина (Даугава), живет народ, который называется латыши. Он вступает в дружную семью европейских народов (не в пример России), а значит, строгими европейскими же судьями признан народом цивилизованным. Меня всегда волновал вопрос – каким образом тот или иной народ относится к цивилизованным или к варварам?

Вот и сейчас латыши отнесены к цивилизованным народам и приняты в Европейское сообщество, а Россия – нет.

Давайте изучим этот цивилизованный народ поподробнее. Может быть, тогда мы увидим на контрасте с красивой и гуманистической культурой этого народа свое невежество и устыдимся самой мысли о том, что мы достойны быть членами объединенной Европы. Итак, начнем…

«Ливония – под Л. в Вредние века разумелись все три области, лежащие по Вост. Побережью Балт. моря, т. е. нынеш. Лифляндия, Эстляндия и Курляндия. Л. была заселена 4-мя народами: ливами, эстами (финскаго племени), латгалой и

латышами (литовск. племени)…До XIII века нельзя говорить о какой-либо общей политич. организации Л. Отдельные племена жили в ней вполне самостоятельно; культурный уровень их был низкий. Их религия заключалась в поклонении явлениям природы. Главным богом у них был бог грома – Перкун, которому посвящались старые вековые дубы. В обычае были жертвоприношения; лошадь считалась наиболее благородною жертвою. На войне жители обнаруживали большую свирепость и беспощадно четвертовали своих пленных. Покойники сжигались; пепел от их трупов сохранялся в урнах. В настоящее время найдено немало таких урн. За покойником нередко сжигались его любимые домашние животные, лошади и собаки; в могилу клали оружие, хлеб, мед, монеты и пр…» (Энциклопедия Брокгауза и Ефрона, т. 34, стр. 654, «Ливония».)

Замечание о безжалостном четвертовании пленных заставляет вспомнить школьный курс истории Древнего мира (5-й класс). Помните, учителя рассказывали нам, что первоначально древние египтяне не знали, куда девать пленных (кормить-то их накладно), и поэтому убивали. И лишь потом придумали использовать их как бесплатную рабочую силу. Их даже называли «говорящий скот». Так возник рабовладельческий строй и началась цивилизация. По всему получается, что в XIII веке в центре Европы проживал народ, который по уровню дикости еще находился в пятом тысячелетии до нашей эры.

Для сравнения: в «варварской» Руси к тому времени уже были написаны «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве» – таким образом, уже существовала самостоятельная русская (не греческая) литературная традиция. Я уже не говорю о каменных храмах, развитых ремеслах, о трехсотлетней государственности.

Собственно исторический этап развития этих земель связан отнюдь не с латышами, а с колонизировавшими их немцами. Примерно с середины XII века сюда начинают приезжать из Германии торговцы, солдаты и миссионеры. Постепенно, преодолевая сопротивление, немецкие крестоносцы покорили ливов и в 1201 году основали Ригу как столицу архиепископа и плацдарм для покорения новых земель. Рига надолго стала столицей ордена немецких рыцарей-крестоносцев. Сначала это был орден Меченосцев, а потом, после слияния с Тевтонским орденом, – Тевтоно-Ливонский орден. Латышские племена упорно сопротивлялись немецкой экспансии, однако разрозненность латышей привела к окончательному покорению Латвии в конце XIII века.

До конца XIX века в латышском обществе господствовала прибалтийская немецкая элита. Прибалтийские немцы сохраняли

свое привилегированное положение и в XVII веке, когда Прибалтика находилась под властью Швеции и Польши, и в XVIII–XIX веках, под властью России. Среди немецкого населения наибольшую власть имели аристократы (бароны), владевшие большей частью земли, а также богатые горожане (бюргеры), которые преобладали в жизни таких центров, как Рига и Елгава.

Для понимания уровня культурного разрыва между русскими и немцами, с одной стороны, и латышами – с другой, нужно посмотреть, когда у того или иного народа появился национальный перевод Библии. Очевидно, что в Средние века любая национальная культура имела сильный религиозный уклон, и распространение письменности и грамоты могло осуществляться исключительно на основе изучения и переписывания Библии.

Первый перевод Библии на старославянский язык был осуществлен греческими монахами Кириллом и Мефодием (с изобретением для этих целей оригинальной славянской письменности на основе греческого алфавита) примерно в 860-х годах, т. е. в IX веке. Вот вам и ортодоксальное православие!

Первые переводы Библии на немецкий язык были осуществлены примерно тогда же (на готский еще раньше – в VI веке). Однако в силу ограничений Римско-католической церкви первый официальный немецкий перевод Библии появился только во времена Реформации, и сделал его Мартин Лютер в 1521 году.

Итак, русские и немцы имели письменность и национальную религиозную культуру примерно начиная с IX века, а с XVI века и у русских, и у немцев были свое национальное книгопечатание и Библия на современном им языке.

Теперь внимание! Цивилизованные латыши получили переведенную на латышский язык Библию только в 1694 году. И сделал этот перевод человек, которого звали просто – Эрнст Глюк. Чудная латышская фамилия, не правда ли! Ха-ха-ха! Параллельно для этих целей немцы изобрели для латышей письменность на основе немецкой грамматики. Это сделали люди, носящие следующие фамилии (чтобы потом не было вопросов): Регегаузен (1644) и Адольфи (1685). Окончательно латышскую письменность создал Г. Ф. Штендер в середине XVIII века.

Дальше начинается вообще комедия. Первый учебник латышского языка вышел в Риге на русском языке в 1868 году! Таким образом, усилиями двух народов – в первую очередь немецкого и во вторую очередь русского – высококультурные латыши получили письменность. Правда, на восемьсот лет позже всех! И на том спасибо. Сами же латыши для этого не ударили палец о палец. Культура была им подарена на блюдечке с голубой

каемочкой.

Сейчас я скажу крамолу. Даже не знаю, как такое и говорить-то. Ну да где наша не пропадала! Латыши получили письменность всего на пятьдесят лет раньше чукчей! Чукчам товарищ Сталин подарил письменность в начале 30-х годов XX века. Чукчей – в единую Европу! Срочно! Русские их оккупировали, а теперь они свободные, цивилизованные и так далее и тому подобное.

Попутно оговорюсь, что этого нельзя сказать о литовцах (у них к тому времени уже была великая история) и эстонцах (эти спокойно функционировали внутри финской культурной традиции, которая никогда не теряла духовную связь с Эстонией).

Не будем говорить о роли русских в латышской истории. Полемика на этот счет уже стала банальной и сводится к очередному перебору одних и тех же аргументов с обеих сторон. Но вот немцы… Какова их роль в Латвии? Что они сделали? Как латыши их отблагодарили?

Немцы в Латвии сделали… Ну как бы это поделикатнее выразиться… Ну, в общем, все. Просто все. Построили города. Церкви. Университеты. Основали торговлю. Промышленность. Провели дороги. Канализацию. Электричество. Создали литературу. Как уже отмечалось выше – письменность. От немцев религия. Медицина. Образование. Армия. Ну, я не знаю, что еще существует на свете?…

При внимательном изучении истории выясняется, что и независимость в Латвии в 1919 году завоевали немцы, а не латыши. Как известно, в ноябре 1918 года кайзеровская Германия потерпела поражение в Первой мировой войне и в Прибалтике возникли новые государства – Эстония, Латвия и Литва. Однако почти сразу большевистская Красная армия ударом с юго-востока перешла в наступление, овладела Ригой и фактически разрезала Прибалтику надвое, отделив Эстонию от Курляндии. Новорожденным Прибалтийским республикам ничего не оставалось, как приступить к строительству собственных вооруженных сил. За дефицитом подходящих кадров пришлось обратиться к иностранным специалистам – маявшимся без дела немцам и белогвардейцам (тоже зачастую немцам).

В то время на территории Прибалтики находилась германская 12-я Балтийская пехотная дивизия под командованием генерал-майора Рюдигера фон дер Гольца. Генерал начал активно действовать, считая главной задачей отражение большевистского наступления. Своей базой он сделал Курляндию, где еще с Первой мировой войны сохранились огромные склады оружия и продовольствия. Используя эти ресурсы, фон дер Гольц сумел сколотить разношерстное воинство,

которое состояло из немецких и латвийских добровольцев (ландсвер) во главе с майором Флетчером, русских белогвардейцев (отряд князя А. Ливена – еще тот русский) и солдат германской регулярной армии («Железная дивизия») под командованием полковника Бишофа.

Успешно отразив наступление красных с юга, фон дер Гольц двинул части ландсвера на Ригу. 22 мая столица Латвии пала. Через несколько дней фон дер Гольц передал всю полноту власти латвийскому правительству К. Ульманиса. Таким образом, немцы, в значительной степени по личной инициативе, не получая никаких команд из Берлина, действуя на свой страх и риск, обеспечили независимость Латвии.

Латвийские историки и политики, мифологизировавшие межвоенный период своей истории, должны все время помнить, что этой распрекрасной идиллии могло бы и не быть, если бы не стойкость немецких солдат и талант скромного генерала Рюдигера фон дер Гольца, которого красные боялись как огня и окрестили Черным Рыцарем. Что-то не встречал я на улицах Риги памятника этому герою войны с большевизмом и русскими оккупантами. В том же 1919 году бравого генерала взашей вытолкали из Латвии, не сказав напоследок доброго слова, и помер всеми забытый старик 4 ноября 1946 года в городе Кинсегг, что в Баварии, 75 лет от роду.

А где эти латыши-герои, которые проливали кровь за независимость своей маленькой, но гордой Родины? Куда делась основная масса мужского населения, способного носить оружие? О… Это интересная история! Сейчас мы вам ее расскажем.

В 1915 году, в самый разгар войны, монархически настроенная латышская общественность обратилась к государю с просьбой формировать национальные латышские части. Будто бы они окажутся боеспособнее, когда плечом к плечу станут вместе воевать парни с одного хутора, города, завода. Растроганный царь подписал соответствующий указ. Сказано – сделано. И уже к концу года латышские части (несколько полков, а потом и дивизий) были созданы и отправлены на фронт.

Потом была революция. Отправной вехой для латышей, «чтобы плыть в революцию дальше», стал Второй съезд делегатов латышских стрелковых полков, прошедший в Риге в середине мая 1917 года. 226 делегатов почти единогласно приняли резолюцию, в которой было указано, что Временное правительство – результат попытки мелкой буржуазии и одной части рабочих войти в соглашение с империалистической буржуазией и землевладельцами. Война в резолюции была охарактеризована как империалистическая, поэтому революционные силы должны

бороться за мир без аннексий и контрибуций, должны прогнать свои империалистические правительства. По самому важному для революции вопросу – о власти – съезд заявил: «Нашим лозунгом… является призыв революционной демократии: всю власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!»

Столь убедительной поддержки своим устремлениям не ожидали даже лидеры большевиков. Так, П. Стучка писал, вспоминая тот день: «Я видел только восторженное, почти единогласное голосование. Должен признаться, что был сильно поражен этой решимостью. Днем позже, выступая на отдельном собрании одного из полков, я убедился, что это думы и воодушевление масс, а не только избранной верхушки».

Резолюция 17 мая означала переход латышских стрелков на сторону большевиков, и 40 тысяч латышских стрелков стали ядром большевистских военных сил в революции. О политических взглядах латышских стрелков говорит следующий факт: на выборах в Учредительное собрание, состоявшихся в ноябре 17-го, за кандидатов большевиков было подано 95 процентов голосов.

Через два месяца, в феврале 1918 года, немецкие войска, в том числе 12-я Балтийская пехотная дивизия генерал-майора Рюдигера фон дер Гольца, прорвали фронт и оккупировали всю территорию Латвии. 40 тысяч хорошо обученных и вооруженных латышей не стали защищать свою Родину, а отправились «сражаться за свободу и упрочение советской власти» на необъятные российские просторы. На своих штыках они несли революционный террор, а попросту – смерть миллионам русских людей.

Вот как Л. Д. Троцкий (пойди найди лучше эксперта по Гражданской войне в России. Все-таки наркомвоенмор! Главнее нету!) описал роль латышских стрелков в исходе Гражданской войны: «…Латышские стрелковые части, отличившиеся беспримерной самоотверженностью в период гражданской войны, были созданы еще царским правительством в 1915 году. Преимущественно пролетарский состав частей был причиной того, что вскоре после Февральской революции, в мае 1917 г., латышские стрелки объявили себя сторонниками большевиков. С этих пор они связали свою судьбу с судьбой революционного пролетариата советских республик, каждый раз появляясь на самых опасных участках фронта и нанося тяжелые поражения врагу. Созданный 14 декабря 1917 года латышский корпус подлежал, согласно Брестскому договору, демобилизации. Чтобы сохранить латышские части, было решено переименовать корпус в латышскую советскую стрелковую дивизию (13 апреля 1918 года). Начальником дивизии был назначен И. И. Вацетис. Еще до

сведения их в корпус латышские полки принимали участие в борьбе с польским корпусом Довбор-Мусницкого, а на юге – с Корниловым.

В 1918 году латышские части принимают активное участие в разгроме анархистов и подавлении левоэсеровского мятежа.

В период чехословацкого мятежа на Восточный фронт перебрасываются 7 латышских полков. За доблестную двухдневную оборону Казани (5 и 6 августа) 5-й латышский полк награждается ВЦИКом красным знаменем. В конце 1918 г. и начале 1919 г. латышские части очищают Латвию от немецких баронов и русских белогвардейцев…

(Вот они, вот они – латышские части! Это те самые части Красной армии, которые сначала захватили Ригу, а потом фон дер Гольц их пинками вытолкал обратно в Россию! Вот какой они видели родную Латвию – большевистской! Ну где, ну где же спасибо немцам за то, что они спасли Латвию от озверевших латышей? – А.К.*)*

Осенью 1919 г. мы видим всю латышскую стрелковую дивизию с ее кавалерией *(во блин, у них и кавалерия была, еще к 40 тысячам стрелков плюсуй не меньше 10 тысяч.* – А.К.*)* под Орлом, куда она была переброшена главнокомандующим Вацетисом, для того чтобы прикрыть пути на Москву. Здесь пришлось поставить ее в центре ударной группы против Добровольческой армии ген. Деникина. Латышской дивизии были приданы бригада Примакова и червонная бригада Павлова. Столкновение произошло в районе гор. Кромы. Здесь разыгрывается один из самых кровопролитных боев между латышской дивизией с приданными ей частями, с одной стороны, и 1-м корпусом Добровольческой армии – с другой. Силы были равные. Бой длился около двух недель, с 11 по 27 октября (1919). Обе стороны напрягали все свои силы. Последнее и решительное усилие сделали 1-я латышская бригада и 7-й латышский полк в ночь на 27 октября, разгромив тыл противника и захватив гор. Кромы, где были расположены штабы. Кромская победа стала первым шагом к победе над армией Деникина, которая, отступая, превращалась в клочки отдельных войсковых частей.

В это же время 5-й латышский полк сражается против ген. Юденича, наступавшего на Петроград. Вместе с 87-м и 88-м полками он составляет ударную группу, которая под Павловском наносит бандам ген. Юденича решительное поражение.

Фронт ген. Юденича оказался разорванным на две части; это послужило началом поголовного бегства армии Юденича в Эстонию, где она была ликвидирована. За доблестные действия под Петроградом 5-й латышский полк получил 2-е Красное

полковое знамя.

Весной 1920 г. латышская стрелковая дивизия действует под Перекопом, который она берет штурмом, но, не будучи поддержана своевременно, вынуждена отойти. Летом и осенью мы видим латышскую дивизию в передовых рядах войск, сражающихся против ген. Врангеля…» (Троцкий Л.Д. Советская Республика и капиталистический мир. Ч. 1.)

Таким образом, можно смело утверждать, что победа красных в Гражданской войне в значительной степени была обусловлена участием на их стороне латышских частей. Всем известно, что перелом в Гражданской войне начался после поражения Добровольческой армии под Орлом. Теперь мы знаем, кто его обеспечил.

Если к этому прибавить тот энтузиазм, с которым латыши шли в ЧК, с каким удовольствием участвовали в расстрелах, как потом энергично и по-деловому строили ГУЛАГ… Все эти Вацетисы, Петерсы, Стучки, Лацисы, Берзины… Наверное, уже пора *нам счет Латвии предъявлять, а не наоборот.*

Вот как оценивает количественное участие латышей в становлении и удержании советской власти в России известный латышский профессор Айварс Странга («Вестник Европы», 2001, № 2) «…184 тысячи латышей, более 10 % нашей нации *(если быть точным, то 20 %. Откуда их столько взялось? Но это не мои цифры. Хотя с членами семей, может быть…* – А.К.*)*, остались в Советской России после революции, не вернулись в Латвию, не воспользовались условиями Рижского мира, не участвовали в строительстве независимой, свободной Латвии. 70 тысяч из них подписали себе приговор, который был приведен в исполнение в 1937 году *(собакам – собачья смерть.* – А.К.*)*. Эта цифра – 184 тысячи оставшихся здесь на руководящей работе, в том числе в ГРУ, в НКВД, – свидетельство того, сколь социально и идейно была расколота наша нация…»

Опять я про отношения латышей и русских. Все это уже двадцать раз говорено. Уже мозоль на языке. А вот как же народ-освободитель-то? Я имею в виду – нем цы? Наверно, благодарные латыши за спасение от красных русских варваров (то есть от латышей же) отблагодарили немцев. Сказали – живите вольготно в свободной Латвии, свободу которой вы с оружием в руках защитили, дорогие господа немцы. Нет? Нет… Не было благодарности. Латыш не таков, чтобы направо-налево кого-нибудь благодарить.

Тот же Айварс Странга там же пишет: «Пакт Молотова – Риббентропа открыл двери ко Второй мировой войне, к четвертому разделу Польши, к оккупации Балтийских стран в

июне 1940 года и к первому культурному обеднению Латвии. 60 тысяч прибалтийских немцев вынуждены были оставить свою родину, в которой они жили семь веков. В нашем сердце не всегда была любовь к ним, но они принесли нам грамоту, каменное строительство, они нам принесли первый европейский союз – Ганзейский союз. Они были вынуждены покинуть Латвию после пакта Молотова – Риббентропа, и мы обеднели. Это был наш первый культурный холокост…»

Это латышский взгляд на взаимоотношения между немцами и латышами. В нем все – фальшь. Натяжка. Да и вранье. Начнем по пунктам.

1. Вторая мировая война началась не из-за пакта Молотова – Риббентропа, а в результате так называемого Мюнхенского сговора, когда Чемберлен отдал Чехословакию на растерзание Гитлеру. Это банальность и общее место. Но уважаемый профессор не хочет этого замечать. Если угодно, то в определенном смысле пакт Молотова – Риббентропа не способствовал, а даже оттягивал войну. И оттянул – примерно на два года.

2. Да, в результате пакта 60 тысяч немцев должны были покинуть свою родину. Это большая трагедия. Спасибо, что уважаемый профессор хотя бы признает за этими немцами право называть родиной то место, где они жили семь веков. Но вот тут у вас, профессор, неувязочка. Как-то не сходится. Смотрите. До революции на территории современной Латвии (примерно соответствует Курляндской и Лифляндской губерниям Российской империи) по переписи 1867 года (!) проживало немцев – 150 тыс. чел. *(Энциклопедия Брокгауза и Ефрона.)* С учетом того, что население увеличивалось, то накануне Первой мировой войны можно смело предположить, что немцев было около 200 тыс. человек. А полукровки увеличивают эту цифру до 300 тыс. человек. Предположим, что антинемецкие настроения накануне 1914 года заставили часть немцев эмигрировать. Допустим даже, что половину. Все равно к моменту независимой Латвии (1919) их должно быть никак не меньше 150 тыс. человек. Так, например, немецкий исследователь Герд Штриккер в своей книге «Хорошо держитесь», в главе, которая называется «Евангелические церкви в странах Прибалтики (1918)», пишет: «Окончание Первой мировой войны принесло с собой образование новых государств: наряду с Польшей и Литвой из русских остзейских провинций Эстляндии, Лифляндии и Курляндии на основе языковых критериев возникли государства Эстония и Латвия. После этого значительная часть высшего слоя немецкого населения, которое постоянно составляло там 10–15 %

жителей, выехала в Германию…»

Вот тут – совпадает. Если население Латвии в тот момент составляло чуть меньше 2 миллионов человек (по переписи 1935 года – 1951 тысяч семей), то это как раз около 200 тысяч человек. Так вот, отъезд основной массы немцев из Латвии состоялся не перед Первой мировой войной (хотя и такой отъезд был) и не после пакта Молотова – Риббентропа (после пакта уехали оставшиеся 60 тысяч, как об этом справедливо пишет профессор Странга), а в промежутке между 1919 годом, то есть с момента образования независимой Латвии, и 1934 годом, когда в Латвии установилась националистическая диктатура Ульманиса.

Вот как описывает Герд Штриккер отношения между латышской и немецкой лютеранскими общинами в начале тридцатых годов в Латвии: «…Иначе дело обстояло в Латвии. *(До этого Г. Штриккер пишет, что отношения между немцами и эстонцами в Эстонии развивались вполне конструктивно.* – А.К.*)* Формально прибалтийские немцы, которые все еще составляли 6 % лютеран Латвии *(уже 6 % – как быстро!* – А.К.*),* оставались членами евангелическо-лютеранской церкви в Латвии. Но вместе с тем они образовали свое собственное пробство со своим собственным епископом – доктором Петером Гаральдом Пельхау. Это пробство все больше и больше уподоблялось в своем развитии в рамках евангелическо-лютеранской церкви в Латвии церкви в церкви – не потому, что к этому так стремились немцы, а отчасти потому, что в церковь проникли внецерковные силы латвийских националистов, которые направляли ее к размежеванию с немцами и отмежеванию от немцев. В свою очередь, такая позиция многих латышей, вытекавшая из типичной для «молодых народов» переоценки национальной самобытности, озлобляла немецкую элиту и побуждала ее не к уступкам, а к изоляции.

Напряженность значительно возросла после того, как в 1931 году президент Латвии Карлис Ульманис отобрал у немецкой общины Домский собор в Риге и передал его латвийской общине. При этом он действовал не только без каких бы то ни было правовых оснований, но даже вопреки народному референдуму, который вполне определенно подтвердил то, что собор должен оставаться собственностью немецкой общины. Нарушение прав было настолько кричащим, что глава евангелическо-лютеранской церкви в Латвии, епископ Карлис Ирбе, 31 октября 1931 года заявил о своей отставке, так как не мог больше следовать националистическим курсом своей церкви…»

Красавец собор, строительство которого в XIII веке начал основатель Риги немецкий епископ Альберт, воздвигался веками,

как всякий собор Европы. Окончательно он был достроен в XIX веке, когда в нем установили сделанный в Саксонии лучший в Восточной Европе орган. Собор был гордостью немцев не только Риги, но вообще – немцев. О нем знали во всех странах, он был и есть сейчас первая достопримечательность Риги. В том, что это продукт германского духа, не сомневался никто, даже сами латыши (см. результаты референдума), но… взяли да отобрали. В благодарность за письменность, каменное строительство, «Ганзейский союз», христианство, защиту от большевиков… Цивилизация так и прет. Чем папуасы хуже?

Вот в Зимбабве – или где там, уж не помню, – у белых фермеров негры отнимают их хозяйства на том основании, что это их, негритянская, земля, а то, что эти самые буры живут там уже двести лет и всю страну кормят, никого не волнует, поскольку наша негритянская культура очень самобытная, а мы очень свободолюбивые, и поэтому идите на х…, дорогие буры, а фермочки нам свои оставьте, мы, правда, ничего не умеем, но уж вас, засранных оккупантов, все одно поперережем, если сами вовремя не смотаетесь… Цивилизация, одним словом. И ничего не возразишь.

Да, совсем забыл, был еще и третий народ, который произвел на латышей неизгладимое впечатление… или они на него… Одним словом, чтобы портрет был полным и цивилизованность окончательно доказана, нужно еще рассмотреть отношения по линии латыши – евреи.

Латвия – это страна, где в годы Второй мировой войны в процентном отношении местных евреев погибло больше, чем где-либо в мире. После освобождения Риги в 1944 году из 80 тысяч евреев Латвии в живых осталось 162 человека. Причем евреев убивали не только и не столько немцы. В первую очередь усердствовали латыши.

Например, так называемая Латышская вспомогательная полиция безопасности, или, как ее еще называли, – «команда Виктора Арайса», уничтожила около 50 тысяч евреев. Вот как описывают очевидцы их первое «дело»: «…в июле 1941 года в подвалах большой хоральной синагоги, что располагалась в самом центре Риги, пряталось около 500 евреев-беженцев из Шяуляя… Измученные, перепуганные, полные самых страшных предчувствий женщины, старики и дети… нашли приют в храме.

4 июля Виктор Арайс и его подчиненные подъехали на автомобилях к синагоге, облили стены керосином, обложили паклей, а потом подожгли. В матерей, пытавшихся выбросить детей из окон горящего здания, стреляли из автоматов. Когда старые стены занялись мощным пламенем, люди Арайса стали

бросать в окна ручные гранаты. Так 500 евреев обрели здесь мученический конец…

С организацией рижского гетто у «команды Арайса» прибавилось работы. Расстрелы евреев стали регулярными. Они проходили ранним утром в Бикерниекском лесу, на окраине города…

Обреченных, которых набиралось от нескольких сотен до одной-двух тысяч, усаживали рядами по десять-двадцать человек прямо на земле. Перед расстрелом жертвы должны были раздеться донага и сложить свою одежду в кучу, из которой потом еще возбужденные казнями убийцы отбирали себе вещи получше.

Раздетых евреев методично, ряд за рядом, поднимали с земли и выстраивали на краю огромной ямы, которую обыкновенно накануне рыли русские пленные. Стрелки выстраивались напротив, у другого края ямы, в двадцати – тридцати метрах от своих жертв. Они стояли в два ряда: первый на колене (эти метились в левую половину груди), а второй – стоя (они целились в головы).

Залп – и десяток жертв валятся на раскисшую от крови землю…

Начиная с января 1942 года «команда Арайса» «усовершенствовала» способ расстрела. Если раньше обреченные на смерть люди становились небольшими группами на край рва, и стрелки по команде производили залповые выстрелы, то с начала 1942 года жертвы… должны были спускаться на трупы ранее убитых людей и встать так, чтобы их тела падали вниз ровными штабелями…

Уничтожив латвийских евреев, расстреляв всех душевнобольных и «пособников коммунистов» (заодно сведя личные счеты), «команда Арайса» начала «гастролировать». То надо смести с лица земли несколько белорусских или российских деревень, то помочь «решить еврейский вопрос» в Варшавском гетто и т. п. Временами члены команды «отдыхали» в… Саласпилсском концлагере – естественно, как охрана…» (Березин Карл, Саар Аксель. Операция «Котбус», или «Очищение» Прибалтики от евреев.)

Значит, у этих «цивилизованных» латышей так получается: русские – плохие, немцы – тоже плохие. Евреи – эти-то чем не угодили? Вроде не оккупанты…Все равно плохие! «Может, что-нибудь в консерватории поменять?»

Одним словом, с приобретеньицем вас, дорогие европейцы. С этим новым членом цивилизованной семьи народов вы теперь уже точно не соскучитесь.

И все-таки мне непонятны критерии, по которым одни

народы принимаются в единую Европу, а другим нужно еще подоказывать свою цивилизованность.

– Дальше идем. Что получается? Из бывших советских республик только одна страна – моя родина Казахстан – объективно без всякой помощи России живет лучше.

– И почему же?

– А потому что они всех – русских, хохлов, немцев – под жопу пинком выгнали, народу стало мало, и все свои огромные природные ресурсы сдали в концессию американцам. И живут на роялти. Мне вот Леня Блаватник, который там имеет большой угольный бизнес, рассказывал, как Астана строится – он такого размаха еще не видел! Первый раз он туда приехал – там между хрущевских пятиэтажек перекати-поле катались. А сейчас все как грибы растет – жилые дома, офисы. Казахи хорошо живут, лучше русских. А что? Нефть есть, железо есть, цветные металлы есть. Уголь есть.

– Уголь с железом и на Украине есть.

– Но там нефти нет. И газа. А у казахов – один Тенгиз чего стоит! Для их двенадцатимиллионного населения столько этого богатства, что просто не выговоришь. Это будут скоро Арабские Эмираты.

– А в России про это как-то не очень известно…

– Про это у нас не любят. Что вот человек реально провел экономические реформы, реально провел приватизацию, по-взрослому, без этой дури – без ваучеров. Кто больше заплатил – тот больше и получил… А заплатил кто больше? Американцы. В те-то времена, когда у них все росло.

– А сами казахи не смогли бы это поднять?

– Не.

– А с русскими связываться… Русских они уже видели.

– Ну они там национализм легкий развили.

– Именно – легкий. Им же не приходило в голову Басаеву слать рекрутов.

– Нет. У них там тема потомков Чингисхана: «Русских мы е… ли, е…ём и будем е…ть. Потому что мы вроде как великие завоеватели».

– Значит, прав был старик Распутин в 89-м?

– Ну, это была шутливая фраза… А хохлов сейчас можно заманить обратно в Россию?

– Восточных, может, и можно, а западных – вряд ли.

– Тогда надо на востоке Украины движения развивать сепаратистские.

– Ага, развивать… Вон бедный Лимонов пытался в

Казахстане развить, так сколько он просидел на киче?

– Так наши же его и посадили.

– Ну. А ты говоришь – поднимать…

– Слушай, я не понимаю, мы заботимся о чем? О государстве? Или о народе? Если мы беспокоимся о русских, которые живут в Казахстане, так они живут лучше, чем в России… И никто их не притесняет. Они могут сказать: «Вы сначала выйдите на наш уровень жизни, а потом уже нас спасайте». А вот что касается хохлов – то они живут хуже нас, и там реально русский язык вытесняется из обращения. И потом, Крым такой кровью русским достался. Русским, а не хохлам! Казахстан без выстрела был взят, никто и не сопротивлялся. Они там скакали на конях, и им по фигу было, что какой-то царь считал их землю своей.

– Да-а-а… Значит, объ…ли нас безвозвратно только казахи. С прибалтами решается вопрос, остальные давно уже пожалели.

– Вот я и говорю – Хохляндию надо забирать. И Белоруссию.

– На хера тебе это? Объясни, пожалуйста!

– Я хочу в Крым. Мне без конца предлагают землю в Сочи. Чтоб я там дом построил.

– Ну и чем тебе Сочи не нравится?

– Влажно! Столько дождей! Солнечных дней мало. Не хочу. Да это и несправедливо! Мы завоевали, а хохлы пользуются. Я хочу, чтоб это было наше.

– А ты строй там дом не на нашем.

– Если не на нашем, так тогда уж лучше в Италии. Где-нибудь в Тоскане, рядом с Флоренцией. Там продаются по семь гектаров участки – с замками, с виноградниками, причем дешево.

– Но ты не покупаешь там, ждешь, что со дня на день Крым отдадут.

– Я готов туда даже нашествие устроить! Если мы завоюем Крым, что нам сделают? Ничего. И потом, я за справедливость. Это не хохляцкая вещь! Это Никита им подарил.

– Так ты подай в суд международный, и пусть ту сделку признают недействительной.

– Сначала надо завоевать, а потом в суд подавать. А пока суд да дело, будем пользоваться. Причем в Крыму все рады будут. И Одессу заодно забрать.

– То есть вот какие вопросы надо было решать в 89-м году.

– Да. А Калининградскую область – снова возвращаюсь к этому вопросу – надо вернуть тем, у кого забрали. Это не наше. Это очевидно не наше, и оно нам на хер не надо. А Крым – наш и нам нужен. Верните нам. Я за справедливость.

– Так… Что еще в 89-м? Риббентроп – Молотов.

– Тут, кстати, недавно Жирик орал, что надо с Гитлером объединиться и весь мир завоевать.

– Это, кстати, не его мысль. Она не новая. Давно уже все поняли, что если б русские объединились с немцами, то они бы сделали всех. А почему они не объединялись и все время воевали между собой, причем непонятно из-за чего? Я тебе скажу.

– Ну?…

– А потому, что это поняли очень серьезные ребята, у которых у самих была серьезная империя размером с полмира, – англичане. С сильнейшей дипломатией и замечательной разведкой. Так вот, огромные ресурсы былизадействованы Британией для того, чтоб ссорить нас с вами. Стравить любой ценой.

– Но не всегда это удавалось.

– Однако пару раз удалось по полной.

– Не, ну когда матушка Елизавета померла и на престол взошел Петр III, он быстренько порвал с французами и австрияками, заключил с Фридрихом Великим мир, и Фридрих тут же отымел всех – хотя он до этого семь лет проигрывал войну. И английская разведка, которая в то время поддерживала Пруссию, обосралась. Англия не хотела союза, она хотела вечной войны в Европе, чтоб тем временем заниматься экспансионизмом по всему миру.

– Вот видишь, мы с немцами потому только смогли тогда замириться, что английская разведка, как ты говоришь, поддерживала Пруссию. А когда перестала поддерживать… Очень досадно, что судьбы России решала иностранная спецслужба – эта вот английская разведка. Неприятно думать об этом, но похоже, что так…

– Был еще один случай – Тильзит. Когда Россия присоединилась к континентальной блокаде.

– Маленький частный случай.

– Да. Удержаться долго Россия не смогла. Вышла из континентальной блокады. И потому Наполеон вынужден был напасть на Россию… Стандартная историография умалчивает, что Наполеон напал на Россию не потому, что ему так уж хотелось с нами воевать, а потому, что она вышла из блокады Англии! Александр Первый нарушил собственное слово. Дело в том, что экономика России от участия в блокаде сильно пострадала. Ведь Англия была большим рынком сбыта для многих товаров русских. Там мы, кстати, покупали и оборудование. И вот, увидев очевидные экономические убытки, Александр Первый вынужден

был выйти из блокады. И Наполеон его на этом поймал.

– Вот опять эта долбаная Англия. Стоит у нас как кость в горле. А Риббентроп – Молотов – это была попытка все-таки соблюсти вековые интересы России и договориться с немцами.

– А ты, кстати, как относишься к теории Виктора Суворова относительно того, что…

– …очень верю. Сталин сам хотел напасть!

– …что это был превентивный удар.

– Ну да. Несмотря на официальные возражения Суворову, мне его позиция кажется более сильной. Его аргументы мощней.

– Убийственней.

– Откуда у нас перед войной взялось столько парашютистов – в каждом парке была парашютная вышка! При том что для оборонной войны столько десантников не нужно.

– Раз.

– И карты почему у наших были европейские, а не свои?… И потому наши от границы отступали вслепую.

– А лозунг «Война на чужой территории»? Это два.

– И плакаты были до войны отпечатаны – «Родина-мать зовет». И сапоги кожаные нашим тогда выдали, чтоб не стыдно было по Европе гулять.

– Это три. Я все это помню.

– Да и Ленин говорил открыто – мировая революция нужна. Экспорт революции же был в белую запланирован.

– Да вот еще аргумент, который и без Суворова известен: армия попала в плен в первые дни. Она стояла вся на границе. Для чего она там стояла? Отмобилизованная, с подтянутыми обозами! Оборонительную войну собиралась вести?

– И Сталин в начале войны объявил, что раз она началась, то он устроит во всей Европе социализм. Это даже в советских источниках было. И Суворов нам также напомнил, что День Победы стал выходным днем только после смерти Сталина. А тот даже парад не принимал – результат войны он победой не считал. Ну, чисто в военном смысле он победил, но постав ленных задач не решил. Какая ж тогда победа?… Так что тот пакт – это была попытка реальной политики: договориться с немцами и всех уделать.

– Не думаю. Мне кажется, он хотел напасть. Это была сталинская разводка. Гитлер в нее поверил.

– Но это совпало с вековой линией русской политики – как она бы в идеале легла. Однако в итоге удалась разводка

британской разведки.

– Не знаю… Гитлер и сам ведь был мудак большой. Если б он хотел Совок победить, ему ни в коем случае не надо было геноцид устраивать. Надо было эту армию, которую он взял в плен, развернуть против Сталина. Но он был мудак, он был нацист. Ведь проблема не в том, что он агрессивный экспансионист. Это как раз не хорошо и не плохо – это никак. Может, Гитлер как раз сыграл бы благородную роль – освободил бы Россию от большевизма. Но он ненавидел евреев. Нацист. Вот в этом его главные грехи и провинности перед человечеством!

– Он мог бы, как многие, ненавидеть евреев – но молчать об этом.

– Да!

– Ну, Еве Браун в койке еще можно было на жидов пожаловаться, а так – молчи, терпи. Ева б ему еще могла ляпнуть: не любишь – ну так дави их. А он: дура ты, что ли?

– Ну да, удави их – как тогда со Сталиным воевать?

– А он долбоеб оказался.

– Чистый долбоеб. И Суворов об этом пишет. Помнишь, у него есть такая вещь – «Самоубийство»?

– Нет. Но у Гитлера правда трудно найти что-то симпатичное.

– Ну почему? Он очень любил немцев… Страдал за эту нацию…

– Ну, ты здесь можешь увидеть позитив, а так-то широкая публика это не считает плюсом – что кто-то любит немцев… (Я, кстати, не знаю другого не немца, который любил бы немцев, как я.)

– С французами он похитрее повел себя. Виши, французская администрация, уважение… А с Россией почему-то решил действовать попроще. А ведь мог Сталина вы…ть в одну калитку! Целая армия была в его распоряжении!

– А, чего-то Солженицын в «200 лет…» гнал, что многие отождествляли коммунизм и евреев. Может, на это Гитлер повелся?

– Но зачем антисемитизм Гитлеру был нужен? Глупость натуральная, просто идиот!

– Да у нас Борис Николаич не мог вопросы порешать, а ты говоришь про Адольфа Алоизыча!

– Ну, у Алоизыча и планы были более грандиозные, чем у Бориса Николаича. Он же хотел весь мир завоевать. Но тогда зачем тебе политика нацизма? Ну ладно, евреев не любишь – но чем тебе русские не угодили? Блондины с голубыми глазами? Что это за херня?

– В итоге получилось, что все равно Гитлер принес своему народупользу – правда, через жопу… Чтоб люди начали работать, им нужен опыт поражения – чтоб не думали, что они самые умные… И им типа не надо работать, потому как они все изобретут… И что у них запасы сырья. И надо, чтоб кто-то им доходчиво растолковал: ребята, вы не самые крутые, надо работать. Людей отымели, они все поняли и работают. И в итоге немецкое машиностроение – ну не танки, так «мерседесы», немецкая техника, объединило Европу… Правда, большой кровью это все далось… Русские тоже потеряли огромное количество крови и ресурсов, но при этом продолжают думать, что они – круче…

– Я думаю, что Вторая мировая война самый главный урок дала миру…

– …что надо не на понтах, а на бабках все решать?

– Не, не. Что нельзя нацию – любую, это касается и чечен, – ставить в коленно-локтевую позу… Если вы ее поставили раком, высосали из нее кровь как победители, ждите, что вам придет отдача. Что ваши города будут бомбить. Что у вас будут взрываться дома. Блядь, Версальский мир был совершенно несправедлив. Очевидно несправедлив! Это признавали даже французы с американцами и англичанами. И никакая нация – тем более достаточно известная и мощная – не могла смириться с тем, что ее так объ…ли. Они никогда с этим не смирятся…

– Вот, это все жадность капиталистическая! Побольше хотели с немцев слупить – и ответили за это.

– Совершенно верно! Этой войны могло не быть. Это была французская тупость, а американцы с англичанами эти аппетиты унять не смогли. Вот и все. И наш тоже этого дурака Ширака слушает! Он опять его доведет до цугундера…

– И Россию жадность погубит… Но – ладно, что мы все о грустном? Вот ты лучше скажи, пожалуйста, Алик! Мы не верили, что Борис Николаич бухал. А мы верили, что он с моста упал! Какая твоя версия?

– Вот в это я быстрей поверю. У меня было такое подозрение. Тот мост на Николиной горе я знаю.

– Чего-то там с цветами… Или на блядки с цветами, или с блядок…

– Ха-ха-ха. С блядок – с цветами!

– А ты, Алик, чем занимался в 89-м?

– А я в 89-м ушел из своего ящика и устроился работать в политехнический институт преподавателем. Для меня это был колоссальный рывок в карьере – в моем представлении. Я хотел преподавать. Кстати, у меня благодаря этому есть некий

ораторский навык, я ведь много лекций читал. Вообще все, кто имел реальную преподавательскую практику в институтах, неплохо говорят.

– А я никогда ни одной лекции не прочел. Ну как это? «А теперь все сели, заткнулись, и я вас буду, блядь, учить». С какого хера вдруг записываться в гуру? Все молчат, смотрят тебе в рот, а ты думаешь: чего бы им еще такого прогнать? А они думают – заебал, когда ж звонок и пиво идти пить? Не было стыдно, что ты щеки надуваешь и прикидываешься умным?

– Есть очевидные вещи, которые нужно рассказать ребятам, и они все поймут. Есть же науки и кроме марксизма-ленинизма. Теория игр, теория автоматов, прикладная математика, линейное программирование – понимаешь?

– Не, я таких не учил. Я, извини, забыл, кто у нас где учился. И чему.

– Ну да, когда выходит человек и говорит – я вас сейчас научно научу научному коммунизму… Конечно, хочется сразу пива попить. А если ты им объявляешь, что изложишь теорию очередей, и начнешь всю доску исписывать формулами – это другое.

– А это что за теория?

– Ну, как расставить кассовые аппараты. Как центр обслуживания разместить, чтоб очереди не было. Сколько обслуживающих мест должно быть.

– А в Шереметьеве не вы пограничные киоски расставляли?

– Нет, не мы. Это специально, чтоб очереди были. Чтоб была маза специального обслуживания – чтоб мимо них хотелось пройти.

– И еще что ты делаешь? В 89-м?

– Еще у нас был клуб «Перестройка». Лекторий там был, мы заседали… Руководителем Петя Филиппов, депутат ВС России.

– А меня, помню, в январе 89-го призвали на военные сборы. И я еще думал – может, откосить? Невесело же рыть окопы в белоснежных полях под Москвой… Однако же оказалось, что окопы на повестке дня не стояли… Задача была другая: в МИМО на военной кафедре язык учить и еще там какие-то военные науки. Я согласился – а чё, месяц на работу не ходить, повышать образовательный уровень. Работа над собой. Великолепно! Мы там карты рисовали и на них бомбили НАТО. Желтый кружочек на карте – значит, ядерный удар. И циферками надо написать внутри кружка, сколько килотонн (нас интересовали только тактические заряды, а не

стратегические). И вот какая информация меня потрясла: через эпицентр ядерного взрыва уже спустя четыре часа можно ехать на танке! Ну, в противогазе, само собой… Но ехать можно.

– Падает радиация?

– И падает, и танковая броня ее ведь не всю пропускает. Но смысл такой, что ты не как камикадзе едешь, а вполне спокойно, решать вопросы. Ну, хуй стоять, может, и не будет какое-то время (а потом его вылечат в Крыму, после войны), – но в целом это не смертельно.

– А кого вы там в центре ядерного взрыва собирались найти, интересно? Для допроса?

– Да не в эпицентре! Мы должны были тактическим ядерным ударом прорвать оборону противника, проскочить чернобыльскую зону и выйти ему в тыл, а там уже зверствовать.

– А, с той стороны! Но русские офицеры продадут план нападения и враги вовремя эвакуируются… (*Беседа происходила за два дня до поимки так называемых оборотней, или же динозавров – из милицейской криминальной группировки.* – И.С.) Ты выезжаешь из зоны заражения, а там тебя встречают артиллерийским огнем.

– Но тогда же рыночные отношения так не пронизали русскую армию! Бабками еще не очень увлекались – могли бесплатно молодых бойцов мордовать и слать их по домам в цинке.

– Ты недооцениваешь их, как мне кажется… А русский офицер, который сдал план ядерного нападения, доволен! Тысячу долларов ему заплатили! Он на эти деньги жене колготки купит.

– Не, дом построит в Грозном – климат чудный, фрукты дешевые… Как все забывается быстро! А мы же готовы были убивать европейцев. Нас этому учили, и мы без содрогания этому учились. Типа – это очень простая вещь. Когда мы ездили на стрельбы и сшибали из автомата мишени, то имелось в виду, что мы не талибов мочим, но бойцов бундесвера. Ну вот. На стрельбище все стреляют из «макарова», и никто не может попасть. В том числе и я. И тогда я придумал двумя руками пистолет держать. Мне говорят: нельзя. А где, спрашиваю, в боевом уставе записано, что нельзя? Нигде… Ну и отвалите.

– Ужасно плохой пистолет Макарова. Мне не нравится.

– Полное говно. Но с двух рук я выбил двадцать две из тридцати. Что уже неплохо.

– Ну и зачем такой пистолет? Были же лучше пистолеты – тот же «ТТ». Нет – взяли на вооружение «макаров». Зачем? Почему?

Его точно за взятку утвердили.

– Не иначе. А из автомата повели нас стрелять по мишеням, которые вдали расставляли, и очень похоже было на реального такого человека в полный рост. И вот я сбил три мишени, как положено, и остается еще два патрона. Я и говорю: слушай, прапорщик, дай я еще одну мишень собью. Ну, отвечает, валяй во-о-н ту, возле леса. Целюсь… Так, думаю, где три, там и четвертая ляжет… И тут замечаем – мишень-то шевелится! «Отставить!» – орет прапорщик дурным голосом. Я отставил. Смотрим, а к нам бежит курсант училища им. Верховного Совета. На лыжах. Он свое упражнение выполнял – бежал к лесу, кидал гранаты, а после обратно. Причем обратно он прибежал только благодаря нашей с прапорщиком бдительности. И гуманизму. И вот что смешно. Приблизительно в то же время я написал заметку, что типа в армии херня – ну все как есть: деды там, голод, воровство, идиотизм… И мне прислали какие-то военные письмо: «Ваша газета дерьмо, все врете, службы не знаете».

Тут-то я им и послал ответ, а с ним копию почетной грамоты от Министерства обороны – за успехи на военных сборах (я же мишени сбил, по курсанту огонь не открыл, с немецкого все перевел и бундесвер ядерным ударом накрыл). Это вы, пидарасы, меня не цените, а МО вон как меня отметило! Я, грубо говоря, был отличник боевой и политической подготовки! Далее. Продолжение немецкой темы. В июле я в очередной раз выехал в рейх. С бригадой Союза журналистов. На месяц. Опять же – в Лейпциг.

– Ну да, где каждый камень Ленина знает.

– И меня тоже. А в том году как раз в Лейпциге вокруг Nikolaikirche тусовались диссиденты и гнали насчет демократии. Однако летом все они были на дачах и в отпусках, и никакой политической борьбы я не увидел. Весной они бузили, летом отдыхали, а осенью, как похолодало, опять стали митинговать.

– Нормальные люди.

– Ну вот. Нас там при университете учили языку, преподавали что-то. А там не только наш Союз журналистов был представлен, но и все соцстраны. От Болгарии был некто Виктор Денизов. Денизов – что значит? «Deniz» по-турецки – «море».

– При чем тут турки?

– При том, что как-то мы с Виктором напились, и он признался, что турок. Его настоящее имя – Хикмет Эфенди. А славянское имя его заставили взять – под страхом

немедленной высылки в Турцию. Это было для него такое унижение! И детей пришлось переименовать. Живков их там придавил… А отец Хикмета был партизан и коммунист, и никто его не попрекал, что он турок, – когда воевал за Болгарию. «Сказали б раньше, в 43-м, что я вам не нужен!» – обижался дедушка.

– Ничего, ничего! Сколько турки измывались над славянами! Могли ж славяне хоть немного поиздеваться над турками. По все той же моей любимой теории компенсации.

– Ну, тут я даже затрудняюсь… Я помню это двойственное чувство… И Хикмета вроде жалко, но ведь и Святую Софию они нам не отдали! И в ней сейчас, увы, мечеть… Еще про Германию. Нас как-то привезли в какую-то крепость на экскурсию. Wartburg? А может, и не Wartburg. Ну, где-то на горе. И там на стене картины со сценами обороны крепости. Нападающих скидывают со стен в пропасть. «А кто ж это на вас тут, интересно, нападал? Какие-то у них физии рязанские…» – спрашиваю. «Как кто? Славяне! Это ж ваши исконные земли. Мы их у хозяев отняли, а когда те пытались все обратно отвоевать, мы их со стен скидывали…» Наши, стало быть, эти земли в Германии. Вот пусть сперва отдадут, а после Кенигсберг требуют. Понял, да?

А еще я нашел недавно такую старую запись у себя в тогдашнем блокноте. Прочитал – чуть не прослезился. Слушай. «Очень тяжело, скучно, тошно жить в Германии. Жизнь дома идет, а ты торчишь тут в дерьмовой заграннице. Дурак». Какая красота! Я так переживал, что в Кузбассе забастовки, а мне приходится в Европе прохлаждаться с пивком и любимыми немецкими Bratwurst.

– Ну да, ты же шахтер…

– Жизнь, свобода, забастовки! Вот оно, настоящее!..твою мать. А я марки там получаю в виде стипендии…

– «Какое я типа дерьмо, блядь. Все-таки поддался зову желтого дьявола».

– Я там еще фотоаппарат купил, «Практика». Это было круто по тем временам.

– Хрен бы ты на шахтерских забастовках такой аппарат купил.

– Это да. Но ты понимаешь, какой у меня тогда был пафос?

– Да.

– Это такая как бы блатная романтика – как вот ворам в законе нельзя было жениться, служить в армии…

– Работать нельзя…

– А надо с финкой ходить. И я мучился этими переживаниями, мне казалось, что по понятиям журналистским я должен быть на забастовках. А в это время как раз начиналась забастовка на шахте им. Шевякова. С которой все и пошло. Ровно через десять лет, к юбилею той забастовки, я поехал туда и сделал большую заметку про то, как, с чего и почему все тогда началось.

– На «Воргашорской» же началось!

– Не-не. Главная была – Шевякова. Междуреченск. И вот я поехал выяснить, что случилось с революционерами и довольны ли они содеянным.

Комментарий Свинаренко
Шахтерские забастовки 89-го. Отрывки из моей старой статьи

«Колыбель шахтерской революции – это сегодня огромная братская могила. Может быть, самая глубокая в мире: 280 метров. После революции, когда СССР развалился, там было несколько страшных подземных взрывов. Погибли люди. Удалось поднять наверх только двух мертвых шахтеров, а остальных 23 не смогли достать: под землей после еще долго горел уголь. Перед тем как шахту закрыть, в нее, чтоб потушить этот пожар (помните, раньше модно было говорить про социальный взрыв, про пожар революции – так перед вами буквализация метафор), долго лили воду… Ну, мертвые худо-бедно похоронены, хотя, конечно, очень экзотическим способом. А из живых тоже никто не забыт: всех уволили по сокращению и заплатили на прощание по три оклада. Четырем дали денег, чтоб выучиться какой-то другой профессии. Остальным – а всего на шахте Шевякова было две тысячи человек – не хватило. Вы удивитесь совпадению, но безработных в Междуреченске сегодня приблизительно столько же.

…Такая картина, новый русский апокалипсис. Колонна шахтеров в робах, с черными лицами, с горящими на касках лампочками – средь бела дня молча идет по городу. Выразительная картинка? В Междуреченске, в 89-м, ее видели. «Аж мороз по шкуре шел», – вспоминает очевидец. А в Москве такого пока не видели.

…Был исторический день 10 июля 1989 года. Началось, как всегда, с чепухи. Три месяца обещали выдать мыло, и опять не дают! А в продаже его тоже, если помните, не было. Шахта Шевякова. Звено Валеры Кокорина – он главный заводила – выехало из шахты и стоит все черное, обсыпанное угольной подземной пылью, и не хочет немытое домой идти.

«Доколе!»… Ну и так далее в том же духе. Тут бы выйти завхозу и рявкнуть:

«Чего разорались, мать вашу!»

И выдать им три куска хозяйственного мыла – на двенадцать человек как раз бы хватило, куски здоровенные. Помылись бы ребята и пошли б домой пиво пить и, как настоящие интеллигенты, по кухням показывать власти кукиш в кармане.

Но вот не нашлось же этого вонючего мыла, которое варят не из собачьих ли гнилых костей?! И рухнула империя. Знали б на Старой площади, прислали б мыла с фельдъегерем, спецрейсом.

Дальше – уже в центре города – громкий митинг. С соседних шахт подъезжали посмотреть: будут бить или нет? Поскольку не били, площадь быстро заполнилась вся.

– Жим-жим был сильный, можешь не сомневаться, – вспоминают очевидцы горячие деньки. – Так и ждали, что Новосибирская дивизия внутренних войск подойдет. Горбачев-то раньше применял ведь войска. В Алма-Ате, например, в Тбилиси, так? Мог же и нас саперными лопатками…

А на следующий день и Прокопьевск стал, а там дальше и весь Кузбасс, и стало ясно, что на всех милиции не хватит. Страх пропал. Момент был утерян навсегда.

– Не боялись, что КГБ придет и всех разгонит?

– Да ну! Все ж чувствовали, что власть ослабла. Партбилеты тогда выкидывали, и ничего за это не было… Шахтеры тогда ходили по городу и проверяли холодильники у партийных работников. А там ничего интересного, засохшая селедка. Ну и перестали.

– А вы сейчас попробуйте холодильники проверить.

– Ты что! Тогда был социализм. А сейчас диктатура! Раньше один мент ходил без пистолета, а теперь вон как, с автоматами и бронетранспортерами…

А что Валерий Кокорин, этот кузбасский Кон-Бендитт? Ходит ли на встречи с пионерами в качестве живого ветерана революции? Нет… Давно уж он уехал из Кузбасса в алтайское село, там у него пасека и скотина. И огород. Похоже на Диоклетиана, который удалился от власти и суеты, чтоб выращивать капусту. Иногда он заезжает в Междуреченск и жалуется:

– Я на Алтае молчу, что был инициатором забастовки, – а то побьют… Да и сам я как-то по-другому

видел развитие событий. Не ожидал, что так повернется…

– …Кокорина кинули как последнего пацана. Ему же дали «Шарп», телевизор (ну, всем тогда давали). А потом на совещании каком-то в Новокузнецке еще один дают. А тут его уже ждут, встречают – ах ты за два телевизора продался!

И прочие революционеры куда-то делись. Одного тогда сразу выбрали депутатом в Москву, уж срок давно вышел, а он все не едет домой. Ребята на него обижаются. Еще один в Москве в профсоюзах, в люди вышел и живет своей жизнью. В бизнес, конечно, некоторые подались. «Кто-то купился, кто-то спился», – рассказывают местные. Ну а иные и вовсе крякнули (шахтерское словечко – в смысле, ушли в мир иной).

…Езжайте, попейте с шахтерами самогонки, они вам расскажут популярную версию: забастовку устроил КГБ, чтоб свалить Горбачева. Смешно? Поднимите материалы пленума обкома КПСС (не забыли еще, что такое?). Там черным по белому было написано: «Угольная промышленность Кузбасса на грани остановки из-за громадных остатков угля на складах». Запаса было 12 миллионов тонн – столько весь Кузбасс добывал за месяц! Железная дорога не в состоянии была это вывезти, хотя ее никто тогда не перекрывал. Да и некуда было везти. Госзаказ ведь был только на треть добычи. А уголь, он не может лежать бесконечно – начинает потихоньку гореть… То есть забастовка была единственным способом избежать страшного кризиса. Промедление смерти подобно. Немедленно остановить шахты и чем-то занять, развлечь шахтеров! Другого выхода просто не было. И кто-то на этот выход указал. Может, начальник КГБ Крючков. А может, простой снабженец, который украл ящик казенного мыла.

Бастовали две недели. К концу стачки завалы на складах упали до 8 миллионов тонн – спокойно можно было еще пару недель побастовать… Но пора и честь знать, и рабочих сильно баловать не хотелось.

– Нам стали все слать. Я был сытый и мылся мылом, – рассказал мне один шахтер. – Пожили! Три телевизора я получил, холодильник. Продавал, менял на мебель, на магнитофон, ботинки, куртки, кроссовки. Телевизоры меняли на гаражи и машины… А потом… Государство ввело, что ли, налог на доллары, на бартер.

Это стало дорого. А в магазинах появились товары. И постепенно стало как теперь… А бастовать что – я вообще люблю бастовать…

…Поселок закрытой шахты Шевякова. Там, куда ж их девать, живут люди. В бараках и трехэтажных развалюхах. Дворы как после бомбежки, смахивает на Грозный: все перерыто. Вид у жильцов бедный, сильно поношенный, беззубый и в целом брошенный – словом, типичные русские пенсионеры. Я разговариваю с ними. Сюжет один: на подземную пенсию с надбавкой – всего 176 советских рублей – жили счастливо. А теперь хватает только на скромную еду и на галоши. Ельцина как ругают! Я здесь даже стесняюсь цитировать, несмотря на грубое шахтерское воспитание.

– Мы не тупые, газеты читаем! Козленок наши деньги за границу увез, а Черномырдин знал… Почему все идет в Москву, все поезда, алмазы, деньги? Все вы там в Москве заодно, одна шайка…»

Вот что я прозевал в 89-м! И в 99-м я это задним числом отсканировал.

– А теперь вот Чубайс получит Госпремию за приватизацию шахт Кузбасса. И шахтеры на него молятся, говорят, что Чубайс – охуительный… Начало работать то, что сделал Чубайс! Когда займы Всемирного банка на реструктуризацию угольной отрасли распределял, строил и так далее. Сейчас это начало работать!

– Но в 89-м люди это понимали иначе.

– Они просто не знали, что отдача начнется в 2003-м. Аман Гумирыч, политический враг Чубайса, ему позвонил и сказал: «Я без тебя на Госпремию – за реструктуризацию шахт – не пойду. Мы идем вдвоем».

– Тонко.

– Потому что сделали это вдвоем. Тулеева же выдвинули шахтеры. Одного. А он Чубайса позвал: «Мы можем сколько угодно спорить, но… без тебя не пойду».

– Красиво! Если же вернуться к моей личной жизни, то я дочку родил в октябре. Несмотря ни на что! Гемоглобин низкий был у беременной жены, резус отрицательный. «Вам, значит, ни в коем случае нельзя рожать, это убийство и матери и ребенка!» – так врачи нас накачивали. Это, говорили, удовольствие, вам недоступное. Но мы посовещались и решили, что тем не менее доступное. Мы пойдем прямой дорогой, а там что будет, то и будет.

– Правильно. И все кончилось удачно.

– Да… Двоих родили. С риском для жизни пришлось размножаться. Не моей, правда… Но – тем не менее.

– Скажи, а у тебя после родов изменилось отношение к миру?

– Ну да. Я понял, что попал в цепь, что идет передача хромосом в новое поколение… Полностью взрослым я себя еще не чувствовал (хотя мне уже тридцать два годка было), но как бы уже паспорт пора идти получать… И вообще я понял, что теперь далеко наперед надо рассчитывать. И еще, помню, радовался, что девочка. Мальчика-то я не так давно воспитывал, и меня ужасала мысль, что опять все по новой: рогатки, финки, двойки, прогулы, портвейн, сека, кабаки, мордобои, приводы в милицию, КПЗ, передачи и проч. То он ментов отпиздит, то они его… Оттуда его вытаскивать, отсюда вызволять…

– Ну зачем так драматизировать!

– Да я не драматизирую. Я тебе рассказываю, как реально воспитывал младшего брата. И вдруг – девочка! Такая послушная, чистенькая, трезвая, с бантиками, смотрит на тебя большими глазами, отличница… Это зрелище у меня просто слезу вышибало. Я по полной оттянулся на этом, за все свое трудное детство. Да… Я нашел еще запись: «7 ноября 1989 года. Зарезали кабана, мяса четыре пуда. Сала минимум».

– Четыре пуда!

– Да. Это теща с тестем зарезали. Штыком. Потом смолили паяльной лампой…

– Да что ты мне рассказываешь! Я сам поросят резал! Отец всегда держал поросят. Смалец, шкварки… Колбаса ливерная… Кишку мыть…

– Что, вы делали колбасу?

– Да. Вся требуха туда идет! Сердце, печень, желудок… Мясца туда, сала добавишь… Соль, перец… Кишку промыть – и это все в нее таким шприцом самодельным, из жести, с деревянным поршнем… Значит, берешь кишку, надеваешь ее на кончик шприца, и она вся распрямляется…

– Ну так вот я тебе скажу: немцы делают колбасу, и хохлы тоже. А русские – не делают ее ни хера!

– А лень потому что.

– Да, да! Я сколько вел дискуссий с русским народом! Он все жалуется, что не может заработать, потому что мясо по дешевке у него скупают оптовики. Ну так продайте мне, говорю, колбасы домашней! Она дороже, в нее цена переработки заложена… Они отвечают – да ну, это ж надо

воду греть, кишку от говна отмывать… What are we talking about? Что заработать невозможно? Или руки неохота пачкать? Давайте выясним, о чем мы говорим! Как это – невозможно сделать колбасу? Вон хохлы весь Дорогомиловский рынок завалили этой колбасой!

А 3 декабря я вылетел во Владивосток, там сел на пароход и сплавал в Японию. Это по комсомольской линии, я тогда в «Комсомолке» работал. Кагосима, Токио, Осака. Настолько это было потрясающе в 89-м, что просто не передать словами. Меняли 500 рублей, которые я взял взаймы у своего начальника Сунгоркина. Курс был 6 рублей с чем-то за доллар. А йены был такой курс: 143 за доллар. И вот я купил японский двухкассетник – предмет роскоши по тогдашним понятиям. И плеер еще купил. При том что денег было просто в обрез. Я, помню, нашел монетку в 100 йен и после долгих раздумий купил на нее банку пива. И выпил.

А суши – даже не попробовал. Это уже потом, в Нью-Йорке. И еще я на метро экономил. Из порта в центр, на Гинзу, шел пешком. На дорогу уходило полтора часа в один конец. Обратно соответственно еще полтора. В городе мы кормились сухим пайком, который нам выдавали на пароходе. Яйца вкрутую, фляжка с водой. А кто-то из наших, смотришь, сидит в ресторане, ест суши и пьет саке… Мы же пили привезенную с собой водку. А один деятель, комсомольский секретарь, спиздил на свалке велосипед. Свалка частная, металлолом там дорогой… Так что на пароход пришла полиция его арестовывать. Но его отбили – только паспорт забрали. И на берег он не сходил. Сидел две недели на пароходе и бухал, и ждал, вот вернется домой, в райком, и там ему устроят. Может, повеситься? Вечером все возвращаются с двухкассетниками, и он спрашивает: «Ну как там, на воле?» А там же типа праздник, огни, небывалый разврат, счастье…

– Небось сейчас предприниматель, из Японии не вылазит.

– А еще был бассейн на пароходе, но редко удавалось там поплавать: все и так пьяные, и еще ж морская болезнь – непременно кто-нибудь блеванет. И вот плывет по морю круизный пароход, а в пустом бассейне блевотина плавает… И еще нас свозили в Диснейленд. А зачем он мне? Детей бы свозить – но этого, думал я, конечно, не будет никогда. Мы тогда не знали, что будем то и дело летать в Париж и что там построят точно такой же Диснейленд…

– А ты возил туда детей?

– Само собой.

– И я возил. Никакого восторга!

– **А мои – довольны остались…**

– На моих не действует. На них подействовали аттракционы в Лос-Анджелесе, в Universal Pictures.

– Знаю, да, был.

– «Парк Юрского периода», «Челюсти», «Назад в будущее», «Терминатор»… Вот это больше понравилось. А Диснейленд – это, говорят, детский сад, неинтересно. Может, это потому, что я их взрослыми возил? Одной было лет пять, а другой шестнадцать. Это было лето 85-го года…

– Ври, да не завирайся: не 85-го, а 95-го.

Комментарий Свинаренко
Из заметок про Японию

«Вот уж свезло так свезло. Потом, еще годы спустя, бывало, не раз всю ночь напролет я рассказывал про ту поездку благодарным слушателям, которые смотрели на меня горящими глазами, открыв рты. Люди, затаив дыхание, рассматривали рекламные проспекты, к примеру, японских кухонь – этой бесплатной макулатуры я оттуда привез полчемодана. Почти все эти яркие альбомы с картинками чужой блестящей модной жизни мои гости, не сумев удержаться, незаметно растащили: чтоб иметь дома доказательство того, что хоть где-то бывает настоящее материальное счастье для всех.

…По поводу того, что в Москве теперь в очередной раз прошла мода на японские рестораны, а суши в «Шогуне» на втором этаже «Балчуга» лучше, чем в манхэттенских заведениях, можно сказать словами восточного умника: мудрый познает мир не выходя из своего двора.

…Как же вовремя я съездил туда! Какой это прекрасный опыт! Какие улыбки он теперь вызывает! Я, к примеру, восторгался в Японии светлыми и чистыми ночными магазинами, простодушно полагая, что мы до самой пенсии будем покупать водку в неурочное время исключительно у таксистов. Мне не верилось в возможность изобилия товаров в России, и через год после возвращения из Японии я с огромным трудом достал дефицитный цветной телевизор, причем советский. Идя в три часа ночи по какой-то токийской улице, я с умилением смотрел на местных пролетариев, которые укладывали асфальт задолго до наступления

часа пик… Да наших, восклицал я, разве ж выгонишь ночью пахать?! Как много и как быстро всего сбылось! Просто на удивление…

А многое таки не сбылось. Я так и не увидел у нас ничего похожего на того высохшего японского дедушку, который был у нас переводчиком. Его звали Хироши Какиути. Старик сразил меня сообщением о том, что получает три пенсии: одну – от государства, просто за свою старость, другую – от фирмы, в которой служил лет пятьдесят или шестьдесят, а третью – от императора: за то, что пошел на войну умирать за него. Умирать? Да он даже не успел до войны доехать, как та уже кончилась! Ну и что, он ведь на полном серьезе отправился на фронт, и не его вина, что вместо передовой он попал в советский лагерь… Император все равно благодарен. Так я понял, что такое великая держава и как она себя ведет по отношению к своим солдатам…

…Помню еще одну сразившую меня мысль. То, что советский человек скапливал за свою жизнь – тряпки, и шкафчики, и книжки, и черно-белый бледный телевизор, и даже квартиру, – все это можно было купить на одну-единственную японскую месячную зарплату! Да, и квартиру включительно: двухкомнатная в центре Москвы в те времена вставала тыщи в две долларов…

…Свитер, магнитофон, обед в приличном ресторане с выпивкой, фотоаппарат, часы, цветной телевизор в дешевой провинциальной комиссионке – все стоит 10 тысяч йен, или 70 долларов, или 430 рублей. А между тем это заработок среднего японца за 6 часов работы…

…Даже в самом центре Токио воздух неправдоподобно чист. Наш самый читающий в мире читатель запомнил байки про токийских полицейских, которые-де несут службу в противогазах, чтоб не задохнуться, – это все равно что рассказывать про гуляющих по Красной площади медведей.

…А если нам вдруг изобилие и жизненные удобства, что б было? Сделались бы мы богатыми – но стали бы автоматически такими же добродушными и приветливыми, как японцы? Смогли бы так же вежливо общаться с людьми на улице, в магазине, в конторе? Смогли бы так же беспечно оставлять на улице велосипеды и машины? Удержались бы от расхищения справочников из телефонных будок? От нацарапывания в публичных местах разных незатейливых текстов? И

сможем ли мы, разбогатев, сидеть в ночном заведении часов до трех – без широкомасштабного потребления алкоголя, без швыряния денег, без гудежа и балдежа? Не окажемся ли мы в результате похожими не на свободных богатых людей, но – на внезапно разбогатевших лакеев, хамов?

…Там я впервые подумал, что японцы похожи на насекомых. К примеру, на муравьев – те тоже трудолюбивы, старательны, педантичны. Или – на пчел: те тоже трудяги и, если надо, камикадзе. Бесстрастность – по крайней мере внешняя – тоже черта сходства с насекомыми.

…Подумал и про НЛО: куда уж нам с инопланетянами контактировать, когда с близкими – рукой подать с нашего Сахалина – японцами нам трудно договариваться! Едва ли можно любить чужое, принципиально иное, не наше… Боюсь, инопланетяне нам покажутся скучными с самого начала. Очень мало у кого достанет терпения изучить их обычаи и письменность, которая едва ли проще иероглифов…

…Когда мы вернулись из Японии, Владивосток показался таким бедным, серым, простеньким, что виделся не городом даже, а всего лишь поселком городского типа».

– А под самый Новый год, 29 декабря, я нанял машину в Мострансагентстве и перевез свои немногочисленные вещи в новую квартиру.

– О-о-о! А у меня это случилось в 91-м. Первая квартира.

– Въехали, расставили все… И после долгие годы привыкали жить в двух комнатах. Потому что одна казалась лишней, запасной. Особенно при наличии собственной, без соседей, большой кухни. Значит, в большой комнате живем, а меньшая – так стоит. Придет кто-нибудь в гости, выпьем самогонки, идем по квартире. Человек спрашивает – а тут у тебя что? Тут? Ну, это…а, кабинет! Ни хрена себе, кабинет у человека… А там стол стоит, который я с помойки притащил. И табуретка с коммунальной кухни.

– А в 89-м ты еще писал, наверное, от руки.

– Не-не. К тому времени только на машинке. Где-то так с 82-го. У меня было две машинки пишущие, обе – «Москва». Одна железная, другая пластмассовая. Не как у тебя – импортная.

– У меня да, за 180 рублей.

– А у меня обе советские и бэуш-ные были. Одну на литр коньяка я сменял, а другую не помню на что.

– А за РС ты когда сел невылазно?

– Это в 90-м. Яковлев выжигал старые порядки каленым железом – чтоб не было ни одной машинки, ни листа бумаги в редакции. Вот и пришлось осваивать… Хотя в 89-м у меня был серьезный шанс сменить профессию. Тогда в «Комсомолке» образовался коммерческий отдел. И туда ушел мой начальник – Сунгоркин.

– А, знаю!

– Ну. И позвал с собой меня.

– А что ж ты не пошел?

– По причине полного непонимания бизнеса и неприязни к нему. И относительно слабого интереса к большим деньгам.

– Вот ты рассказываешь, что ничего не смыслишь в бизнесе. А между тем… (*Дальше мы обсуждаем мои успехи в бизнесе, о которых мы тут ради экономии места не будем распространяться.* – И.С.)

– Я тогда спросил Сунгоркина: «А с чего ты взял, что я бизнесмен? Какие основания? Я же не фарцую, бабок нет… Любопытно услышать. Может, потому, что я не ворую?» Но он объяснил: люди часто не воруют только потому, что у них нет возможности спиздить безнаказанно. Пока они этим не проверены, ни о чем судить нельзя. А назвал Сунгоркин три необходимых для бизнесмена качества: смелость, предприимчивость и общительность. Ну ладно, говорю, пусть будет общительность. А остальное? К тиграм в клетку не вхожу, джинсами не торгую. Верно, ответил он и указал на то, как я обличал своих калужских начальников. И припомнил мне мою квартиру – на фоне множества бездомных репортеров.

– Вот и я об этом же! Ты себя позиционируешь как человека страшно далекого от коммерции, но это так неубедительно.

– Но бизнес мне действительно не нравится. Это же занятие наискучнейшее! Но вернемся в 89-й. Не пошел я строить новый отдел с Сун-горкиным – хотя лучше начальника на тот момент не видал. Он ничего не забывал, никого не кидал, людей расставлял по деловым качествам… И еще он сильно помог мне с той же квартирой. Я перед «Комсомолкой» работал в «Собеседнике». И стал там проситься на полставки – чтоб иметь время на МЖК. Но мне тогдашний начальник «Собеседника» сказал: «Это твои проблемы! Или ты работай в полный рост, или уходи совсем». А Сунгоркин меня к себе взял с какой-то минимальной

зарплатой и от ежедневного хождения на службу освободил. В общем, потряс он меня. До этого я от начальников видел только кидалово, наезды, подставы и эксплуатацию.

Вот. А без него меня начали увольнять из газеты. По профнепригодности. Началась нудная процедура… Ноя людей пожалел и написал заявление по собственному.

– А почему они тебя увольняли? Может, ты действительно профнепригоден? Ты об этом не думал?

– Гм… Не думал! При том что я всегда об этой истории рассказываю с гордостью – не каждого журналиста ведь увольняют по таким основаниям.

Комментарий Свинаренко

Прежде не думал, а теперь вот сел и подумал. Действительно, я не раз себя ловил на каком-то всплеске эмоций, когда слышал, как знакомые журналисты говорят о себе: «Я профессионал!» Мне было интересно понять, отчего я так не говорю. Даже в шутку. Чего такого я в журналистике не умею, чтоб скромничать? Чем я хуже других? И у меня пошла такая цепочка мыслей. Профессию же эту называют второй древнейшей. Значит, если девушка говорит, что она профессионалка, то смысл такой: за бабки она готова красиво обслужить любого. А которая сама решает, кому давать, – та уж точно не профи. С таким подходом на панели особо и делать нечего. Вот и в журналистике профессионал по идее должен писать что ему скажут. Этого обосрать, того похвалить. «Я не читал романов Пастернака, но книжки его говно…» «Лично Леонид Ильич Брежнев…» Запретить толлинг и петтинг… Лужков ворует – Лужков святой… Олигарх экономит на алиментах… Семья и нефть… Братки – нежные и пушистые… Ну типа того. Мне же очень трудно отказать себе в удовольствии ляпнуть что-то для красного словца. И потом, когда какой-нибудь лох начинает учить меня журналистике… Как не послать? Зачем тогда жить, если не можешь себе позволить даже такого маленького удовольствия, как послать человека, если хочется? Ну как при этом называть себя профессионалом?

Я потом, кстати, через сколько-то лет пришел к Жене Анисимову в «Комсомолку» – посоветоваться, я людей набирал на новый проект, на хорошие бабки. «Ну какие же тебе люди нужны, сформулируй?» – говорит он. Я затрудняюсь с ответом. И тут в дверь заглядывает один из тех, кто меня тогда увольнял. Я ору: «О! Витя! Заходи! Слушай, ты сейчас никого по профнепригодности не увольняешь? Я б взял, мне как раз хорошие ребята нужны…» Он как-то засмущался, а я его, между

прочим, серьезно спрашивал.

– Ты все-таки давай попытайся объяснить, почему не пошел в коммерческий отдел.

– Гм… Ну, тут надо вернуться в ситуацию 1978 года. Наш курс в очередной раз отправляют на картошку. Приезжаем в колхоз «Большевик» Серпуховского района. И начинаем там из грязи выковыривать эту самую картошку… Охоты не было особой. Двое ребят отмазались так: нанялись чистить сортиры. И были счастливы, думали – вот мы как всех наебали! Очко драить – это ж счастье. А я пристроился выпускать газету лагерную.

– Лагерным придурком!

– Типа того. Я писал, фотографировал, печатал на машинке. Меня потом попрекали, что совесть потерял: ну на любом другом бы факультете делал стенгазету, но на журфаке – это уж слишком! Верх цинизма!

– Я знаю очень много бизнесменов, которые избрали такой стиль – прикидываться идиотами.

– Да? Гм… Забавно.

– Так вот, ты – классический пример такого рода бизнесменов. Это довольно эффективная тактика. Хорошо известная.

– Постой, но я же не бизнесмен. У меня ведь нет «мерса» и дачи в Жуковке.

– А в рамках образа и не должно быть. Ты ж дураком прикидываешься.

– Тебе бы все шуточки шутить. Давай я тебе расскажу историю про бутлегерство на картошке. Она про бизнес и его место в моей жизни.

– А, я помню эту историю. Ты рассказывал.

– Не-не. Я тебе это рассказывал как смешной случай из жизни – а теперь ты послушай как притчу про русских и бизнес. Значит, лагерь. Жизнь идет. А выпивать-то надо. И вот выясняется, что в лагере идет торговля самогонкой. Один наш однокурсник завел бизнес – покупает в деревне за полтора рубля бутылку, а продает в лагере по два. Имеет, грубо, десятку в день. Все нормально, да? Бизнес как бизнес.

– Да.

– Какое мое дело, казалось бы? Но я пошел к нему и объявил, что с этим покончено – не будет он на товарищах наваривать. Он удивился. И объяснил, что я ему помешать не смогу – у него клиентура, поставщики, и все довольны. А я на рынке игрок новый и потому должен отдыхать. Правомерная

позиция? Ну. Но что делаю я? Нахожу его поставщика и перевербовываю. Это несложно: надо прийти в ближайшую деревню и постучать в первую избу, вычислить дядю Колю, втереться к нему в доверие.

– А, ты поставки замкнул на себя.

– Да. Самогонку принес в лагерь, где и продал по себестоимости.

– Ты торговал в ноль.

– Ну да, вместо того чтоб иметь десятку. Что я с этого имел? Только геморрой – мотаться туда-сюда. Ну мне разве только наливали, из уважения. И тут мне конкурент назначает стрелку. Предстоит разборка. Я влез к человеку на территорию, сломал ему рынок…

– Ладно б ты наживался!

– О чем и речь. Я затратил огромные ресурсы… Чтоб бескорыстно уничтожить человеку бизнес. И вот мы сражаемся на футбольном поле. При стечении народа. Все было непросто – он покрупней меня, покостистей, но мне посчастливилось отправить его в нокдаун. И все, в общем, сочли, что бой окончен за моим явным преимуществом.

– Пиздец какой-то. В студенческой среде – чисто тюремные нравы.

– Думаю, эти нравы к нам тогда, в том случае, приходили не из тюрьмы, а из Советской армии, в которой послужило уже большинство студентов журфака. Но понятия же едины – что на зоне, что в войсках.

– То, что ты человеку сломал бизнес, – поступок мудацкий совершенно. Ладно б наживался, не так обидно.

– Я тебе рассказываю, как это выглядело. Я был тогда совершенно уверен в своей правоте!

– Но теперь ты согласен, что был мудаком? Вот сейчас, с высоты прожитых лет?

– Я не мудак. Я был Робин Гуд! Это немножко не одно и то же.

– Да какой, на хрен, Робин Гуд! Робин Гуд должен был прийти и отобрать у человека его бабки. А ты у него бизнес забрал…

– Чья бы мычала… Ты же сам занимался hostile take over! Но это еще не все. Дальше этот парень убедил Колю увеличить производство, чтоб и ему тоже хватало. А у Коли не было ни мощностей, ни ресурсов, и он просто начал халтурить – гнать вторяк. Самогонки стало много, вдвое больше, чем было. Но сахара и дрожжей больше не стало. В итоге самогонка стала вдвое слабей. А также мутней и

противней.

– Вот как? Интересно… На этой истории вообще рыночную экономику изучать надо. Все типичные ошибки – налицо.

– Совсем забыл – была же еще одна история ровно из этого же ряда! Году этак в 80 – 81-м работал я в одной шабашке. Командовал бригадой молодой ученый Володя – аспирант с физтеха. И вот когда настало время расплачиваться, он объявил дефолт – будто нету денег. Вроде как ему не дали, так что и с нами ему нечем расплачиваться. Ребята повозмущались и успокоились – а что тут сделаешь? Вопрос как бы закрылся. Точка. А может, и правда не заплатили? Но я провел журналистское расследование. Съездил на бывший объект, выпил с прорабом и снял с него такую фактуру: он не только расплатился с Володей, но даже и аккорд ему оформил, то есть добавил к сумме еще 40 %, якобы за скорость. За откат, само собой. Тогда я поехал в Долгопрудный и на физтехе отловил этого самого. И наехал на него: отдавай бабки. Признаюсь, я ему угрожал. И я знал, и он понимал, что с аспирантурой ему придется расстаться – если он засветится с этой историей. Да и подсесть мог легко. При тех законах как советский ученый он был не жилец – это же все было незаконное предпринимательство. В общем, бабки я с него взял. По теперешней логике бизнеса, это была моя личная прибыль – люди на свой убыток махнули рукой, денег они уже не ждали. Меня они на наезд не подряжали, на процент с выбитого я рассчитывать не мог – так что, выходит, весь этот рэкет был моим личным бизнесом. Мало ли на кого я мог наехать! С каких херов делиться? Но тогда я разделил выбитые бабки по справедливости – в соответствии с тем, кому сколько было нарядов закрыто. Тут я как бы в какой-то мере предвосхитил, Алик, тебя с твоим hostile take over. Правда, у меня это было на общественных началах.

И еще одна неземной красоты история про бизнес, теперь уже из 89-го года. Меня тогда вызвонили однокурсники, они новую фирму придумывали. Это не бизнес тогда называлось, а как-то иначе.

– Это называлось тогда – новая тема.

– Ну вот. Вызвали меня. И сразу двигают в коммерческие директора.

– Вот смотри, все тебя видят коммерсантом, а ты себя таковым не видишь.

– Потому что я им не являюсь. Короче, отказываюсь я от предложения. И взамен везу им другого однокурсника – Серегу. Он лысый, представительный, в очках –

символизирует стабильность и солидность. Он, правда, кашлял, пердел, ходил по квартире в халате, шаркая шлепанцами, говорил, что старый уже, – но я его пинками загнал в бизнес. Он стал там работать, поднялся, распрямился и в итоге возглавил рекламный отдел «МММ».

– Так это он придумал Леню Голубкова?

– Да, наверное, он. Потом, когда фирма лопнула, он пару лет на Брайтоне отсиживался – а теперь снова в Москве. Ушел от дел, отдыхает. Живет, кстати, очень скромно. Опять в халате и в шлепанцах. В общем, я себе достойную нашел замену. Вот такого я воспитал бизнесмена. Раскусил. Вот он и должен заниматься бизнесом. А я – нет. Бегать шакалить, бабки делать из воздуха – это скучно. Жизнь не для этого дается.

– Но сейчас ты понимаешь, что ты мудак?

– Ну почему тебе надо, чтоб я был мудак?

– Вот я, например, мудак, что не брал взятки. Когда работал в правительстве. Я считаю, что надо было брать! Сейчас вон все берут, и ничего с ними не случается. А я не брал, и со мной случилось. Меня в тюрьму сажали!

– Ну так не посадили же.

– Но если б знал, что так кончится, я бы брал. Если б брал, был бы сейчас самым богатым человеком в стране.

– Да-а-а? И самым счастливым?

– Не знаю.

– Ну вот у нас кто самый богатый человек в стране? Фридман?

– Ходор. (*Разговор имел место в августе 2003-го, главу эту напечатали в сентябрьском номере журнала «Медведь», а посадили Михаила Борисовича в октябре.* – И.С.*)*

– Ну счастья больше у него? Он жизнью больше доволен?

– Не знаю. *Пауза.*

– Алик, вот смотри. У тебя не было бабок, и ты был несчастным. А потом ты заработал бабки и стал счастливым. Можно так сказать?

– Нет. Не так. Это по другой оси координат меряется. Я тебе говорю: деньги – это не эквивалент счастья, это эквивалент свободы. Я был менее свободен, когда у меня было меньше денег. Больше денег – больше свободы.

– Ну и что, Ходор в миллион раз свободней меня?[5]

– Да. Он может себе позволить вещи, которых ты себе позволить не можешь. В этом твое ограничение свободы.

– Наоборот, это я свободней. Я могу все бросить и на три месяца уехать в Мухосранск. И там думать о жизни. А он –

нет.

– И он может это сделать.

– Не может. Без него все обвалится.

– Ничего не обвалится. Он может продать свой бизнес, положить кэш на депозит и уехать куда угодно. И не на три месяца, покуда пельмени не кончатся, – а на тридцать три года. Потому что у него никогда пельмени не кончатся. Вот и все.

– Это – теоретически. На самом деле он не продаст и не уедет. А будет над златом чахнуть.

– Люди делятся на две категории. Одни воспринимают деньги как эквивалент свободы, а другие как эквивалент власти.

– Как наркотик.

– Как эквивалент власти. И поэтому люди, которые воспринимают деньги как эквивалент власти, самые несчастные и самые несвободные. А вот люди, которые воспринимают деньги как эквивалент свободы, самые охуительные.

– ОК. Ходор как восприни мает?

– Я думаю, что как эквивалент власти, конечно.

– Ну так и с каких же таких х…он в таком случае свободней меня? Тогда я получаюсь свободней и круче его! По твоей логике.

– Ты получаешься счастливее.

– Ну. И?…

– Но если бы он воспринял деньги как эквивалент свободы, он был бы счастливей, чем ты.

– Если бы, как говаривал покойник Лебедь, у бабушки были яйца, она была бы дедушкой.

– Нет, ну почему? Есть огромное количество богатых людей, которые деньги воспринимают как эквивалент свободы.

– Да ну…

– Я знаю!

– А у меня такое впечатление, что с появлением больших денег у многих в голове начинается какая-то херня.

– Вот Фридман их воспринимает как эквивалент свободы. И Искандер Махмудов тоже. Тот же Леня Блаватник.

– То есть они не как маньяки относятся к деньгам?

– Нет.

– А Невзлин?

– Я его не очень хорошо знаю и потому не чувствую.

– Но можно ли сказать, что чем больше у человека денег, тем счастливее его дети?

– Не так. Чем больше у человека денег, тем больше шансов и возможностей стать счастливым. Это касается и его детей, конечно.

– Но ведь есть и такие шансы: самому сломаться, детей испортить. Тоже много появляется возможностей. Человек же слаб.

– Согласились, согласились.

– Ну ты же видел, как люди ломались и становились отвратительными из-за денег?

– Да. Но я видел и людей, которые становились лучше. От нормального достатка. Прежде всего женщин…

– О! Нормальный достаток и большие бабки – это две большие разницы. Вот как говорит наш с тобой товарищ Эдуард Мордухович, уважаемый человек: деньги – вещь, безусловно, очень приятная, но чаще всего – чем больше у людей денег, тем они противней. А он знает, что говорит, – и людей повидал, и про деньги не понаслышке… Так вот, я себя во все не чувствую мудаком оттого, что не поставил все в жизни на деньги.

– Ну я понял, понял.

– Можно еще отмотать назад и спросить – а почему я не пошел в торговый институт? Вот уж где бабки. Причем из воздуха, как у нас любят. Перекладывать из пустого в порожнее. Ну видимо, я исходил из допущения, что еще какие-то есть в жизни развлечения, кроме бабок. Я сознательно ушел с прямого пути к бабкам. Я мог тогда так поставить вопрос – вот как ты сейчас: заработаем бабок, а там видно будет. А на этом пути – где бабки превыше всего – можно дойти до, к примеру, такого: всякая девушка, которая дает даром, – идиотка.

– Ха-ха-ха.

– А чё ты смеешься? По твоей логике, она могла б хоть по сотке брать за вечер… А так она сперва ебется, а потом еще за станком смену стоит. Или такая логика: все равно б его сдали, так отчего ж тридцатку не заработать? Вот один персонаж и наварил. Понимаешь? Другой вопрос, что он потом повесился, – это выходит за рамки обсуждаемой темы. Нельзя же…

– Убедил, убедил, убедил. Согласен!

– А вот кто мне дал самую парадоксальную мысль по этому поводу, так это Дима Петров. Мой товарищ, он переводчик, – кстати, с Вовой Григорьевым на одном курсе учился в Тореза. Так вот, Дима женат на индуске. Она, кстати, жалуется, что у нее проблема – выйти на улицу в Москве. Сразу менты документы проверяют.

– Почему?

– Ну как? Думают, что она с Кавказа. Понаехали типа. Так

вот мы с ним обсуждали этот тезис: «Если ты такой умный, почему ты такой бедный?»

– Ну, это известная фраза. Это старая американская фраза.

– Так вот. Дима объяснил: все очень просто, потому что купцы – низшая каста. А брахманы – первая каста, высшая.

Комментарий Свинаренко

Каста – род народного сословия, состояния. От лат. castus – безупречный, чистый, непорочный. Социальный институт, признаками которого являются эндогамия, замкнутость и наследственность общественного статуса и профессии.

Поначалу каст было три. Две – высшие: брахманы и кшатрии. Происхождение слов таково: брахма – духовная власть, кшатра – царская. Третья – самая многочисленная и самая низкая каста – вайшья, то есть простой народ, к которому в те времена относились не только крестьяне и ремесленники, но и торговцы. Иными словами, бизнесмены наряду с колхозниками считались самыми что ни на есть социальными низами. Наверно, они пытались использовать материальный ресурс для поднятия социального статуса – как сегодня предприниматели идут в Госдуму.

Разница между социальным статусом брахманов и кшатриев была невелика – это, по сути, ветви власти. Зато между двумя этими кастами и низшей, в которую входили бизнесмены, лежала пропасть. К примеру, если блуду с брахманкой предавался кшатрий, его за это всего лишь штрафовали. За то же самое предпринимателя наказывали конфискацией имущества – равно как и простого крестьянина.

О необходимости деления общества именно на три сословия говорил и Платон. По его версии, разумному началу души в идеальном государстве соответствуют правители и философы, яростному началу – воины, вожделеющему – земледельцы и ремесленники. По Платону, смысл существования третьего сословия был в том, чтоб кормить высшие касты, не более того. Самоценности оно не имело. (А щас имеет?) В отличие от правителей и воинов, которые посвящали жизнь служению общему благу, от бизнесменов такого никто не ожидал. Прибыль извлечь они еще могут, а на большее у них интеллекта не хватит.

Позже в Индии возникла еще одна каста, четвертая, – шудры, и в нее из третьей перешли чернорабочие и слуги. Так бизнесмены несколько повысили свой статус. Однако «в дальнейшем эволюция кастового общества шла по линии все более резкого противопоставления двух первых каст – третьей и

четвертой. При этом наблюдалась тенденция постоянного понижения статуса третьей касты (вайшьи), которая постепенно теряла арийские привилегии(!), и некоторого повышения статуса четвертой (шудры)». Отмена привилегий, видно, была связана с тем, что вайшьи все дальше отходили от арийской концепции, согласно которой главная задача цивилизации – решение религиозных и иных духовных проблем, но никак не личное обогащение.

Вне кастового деления на самых низших ступенях стояли «неприкасаемые». Им поручали выполнение «нечистой» работы типа обработки кожи и уборки мусора. Забавно, что сегодня этими видами деятельности охотно занимаются бизнесмены.

Ситуацию можно описать в таких терминах: торговцы сконцентрировали серьезные капиталы и не по заслугам, а за бабки залезли наверх. В итоге обществом управляют представители низшей касты. Какое мы теперь имеем общество, вы сами видите. Процесс этот протекает настолько органично, что выражение «если ты такой умный, то почему ты такой бедный» утратило юмористическую окраску.

– В общем, купцы намного ниже брахманов, но купцам в принципе еще можно подавать руку. А парой каст ниже уже идут неприкасаемые, которых надо просто обходить стороной. А купцы немножко выше. Красивая версия? Ты слышал такую?

– Не-а.

– Ты еще не потерян для общества. Ты эту версию спокойно воспринял. А ведь часто богатые люди обижаются на эту мысль. Их она задевает. Ну, красиво?

– У-гу.

Бутылка девятая. 1990

Первый приход Коха в политику – на муниципальном уровне: он избран мэром Сестрорецка. В те годы Альфред Рейнгольдович считал Явлинского серьезным политиком.

Свинаренко в то время участвовал в становлении неподцензурной прессы. Это отнимало столько времени и сил, что от самогоноварения пришлось отказаться…

– Значит, Алик, у нас на повестке дня 1990 год. Последний полный год советской власти, супердержавы СССР. Помню, тогда как раз Шеварднадзе начал все сдавать Западу – например, американцам – на переговорах по вооружениям. И еще им же – на переговорах по Берингову морю, когда отдал им наш шельф.

– Ну, знаю. До сих пор соглашение не ратифицировано.

Комментарий Свинаренко

Шеварднадзе и госсекретарь США Бейкер подписали соглашение о разграничении морских пространств в Беринговом и Чукотском морях. Путем обмена нотами обеспечено временное применение этого соглашения. Линия разграничения, предусмотренная в соглашении, рассматривается многими в России, как ущемляющая ее интересы, поскольку если бы разграничение было проведено просто по равноотстоящей линии, к России дополнительно отошло бы около 50 тысяч квадратных километров континентального шельфа. Несмотря на протесты трезвомыслящих людей, соглашение продолжает временно применяться и не выносится на ратификацию.

– Потом Шеварднадзе еще и немцам сдал игру – по объединению Германии. Он тогда приговаривал: «Это все – с высочайшего одобрения!» Хельмут Коль вспоминал, что он спрашивал у Горбача, можно ли им будет когда-нибудь объединиться, и Горбач говорил: «Да делайте что хотите».

– Да, да!

– Коль не поверил своим ушам и переспросил: «Что, мы сами можем это решить? Вы нам разрешаете?»

– А ты как считаешь, за бабки Шевик продал Восточную Германию или нет? Я слышал такую версию.

– Про бабки не слышал. Но я думаю, что он просто собирался отсоединять Грузию от России. И в рамкахэтой подготовки хотел нас подставить, как будущих конкурентов, а от Запада потом планировал требовать за это благодарности.

– Почему ты так думаешь? Мне кажется, он тогда не допускал мысли, что будет президентом Грузии. Шевик ведь поначалу в Москве себя пытался найти. В первых выборах грузинских он даже не участвовал.

– Ага, мы все думали, что республики отсоединятся, – а он один, выходит, не думал? Или он считал, что отделятся все, кроме грузин? Как так? Мог ли он, я тебя спрашиваю, не понимать, что Союз развалится? А если развалится, то ему, значит, надо в Москве заново устраиваться, причем неизвестно кем, тут своих полно, да еще и из республик набегут. Либо валить на Кавказ, где непонятно что и куда он даже на выборы не пошел сперва. А если ему и дали бабок… И он их взял… То не поступил против совести. Он бы то же самое сделал и бесплатно. Ну, похоже?

– Нет, мне все-таки кажется, что он просто так отдал. И не за идею, и не за деньги.

– Ну а зачем в таком случае сдавать все русское? Все интересы России?

– Ну интересные вы люди! Если человек мудак, то необязательно ж он сознательный мудак! Он же может быть просто последний мудак.

– Это Шеварднадзе – мудак?

– Конечно. Я думаю, что он мудак. И он плохо кончит, кстати. Очень плохо кончит! Я уверен, что ему своей смертью не умереть. Его завалят, сто процентов! Если он не брал денег, он что, ничего на этом не заработал? Может, он думал, что он и так за объединение Германии?

– Ну ему ж стали давать потом кредиты американцы.

– Красивая версия. Но это ж копейки, всего-то тридцать миллионов…

– Для Грузии это большие деньги. У них там зарплата пять долларов.

– А ты, значит, считаешь, что Шеварднадзе за идею страдал? Как Горбачев?

– Вот ты говоришь, что Шеварднадзе – мудак… А Горбач? Который тоже сливал всем, и немцам в том числе? Он что ж, по-твоему, тоже мудак?

– А для тебя это новость?

– Ну как-то так…

– Я просто думал, что мы разговариваем на одном языке! А я еще, оказывается, должен тебе такие банальные вещи объяснять…

– Ладно, ладно! Идет просто какое-то навешивание ярлыков! К Горбачу, конечно, много претензий, он просрал действительно все, это приходится признать… Все, что мог! Но почему сразу – мудак?

Комментарий Свинаренко

Горбачеву за 90-й год дали Нобелевскую премию мира. Формулировка была такая: «За его ведущую роль в мирном процессе, который сегодня характеризует важную составную часть жизни международного сообщества». Это говорится в заявлении комитета. А на самом деле скорей всего за сдачу Германии. Что-то похожее бывало у нас в ходе залоговых аукционов…

Комментарий Коха к примечанию Свинаренко

Вот при чем тут, б…, залоговые аукционы? Ну ни бельмеса не понимает хохлацкая морда, а туда же – залоговые аукционы! Это не у тебя ли я вычитал что-то типа «залоговый аукцион по Связьинвесту»? Нет? А то смотри мне… Поясняю для идиотов – по Связьинвесту не было залогового аукциона, а был обычный. Вообще прекрати всякий раз вспоминать залоговые аукционы, в которых ты не разбираешься, а терпеливо жди, когда дело дойдет у нас с тобой до 1995 года (когда только и были залоговые аукционы). Тогда вот я и напишу все о залоговых аукционах. Мало не покажется. Я не шучу. Меня так достали эти полуграмотные комментарии про залоговые аукционы… Ты даже себе не представляешь. Хочется изувечить человека, который, не дав себе труда разобраться в вопросе, начинает нести беспомощную отсебятину, половину еще присочинив и приврав.

Продолжение комментария Свинаренко

Что? Хохляцкая морда? А тогда ты – немец-перец-колбаса!

Горбачев рассказывал Бушу: «Я вам скажу, что потребовались колоссальные усилия, огромное напряжение, политическая воля, чтобы буквально перешагнуть через себя, преодолеть старые

подходы, казавшиеся незыблемыми, действовать так, как этого требовали изменившиеся реалии. Мне до сих пор приходится у нас в стране разъяснять эту позицию, доказывать необходимость нового мышления, новых подходов к тому, что происходит в мире, убеждать в правильности таких шагов. Это не всегда легко, тем более что на Западе есть люди, которые подбрасывают анализ, основанный на старом мышлении, и это осложняет мое положение». Будто бы старое мышление было такое, что у каждой страны есть свои интересы и их не надо сдавать. А сдаешь, так бери что-то взамен. А новое мышление – это была удачная попытка американских политиков убедить русских, что США якобы ставят свои интересы ниже общечеловеческих. И якобы у нас с ними гамбургский счет. Горбачев поверил – или сделал вид, что поверил, – и повернул дело так, что мы стали отказываться от разных своих интересов и сливать Западу.

– Алик! А Горбачев, кстати, деньги брал?

– Этого я знать не могу.

– Ну, в таком контексте это и непринципиально.

– Это непринципиально. Да.

– Скажи, пожалуйста, Алик…. Вот мы заговорили про Горбача, а ты помнишь, что он как раз в 90-м вышел из партии? Это что было, поступок или просто пиар?

– Я думаю, что мелкий пиар. Но давай мы лучше про свою жизнь поговорим. Мы же все-таки не про Горбачева книжку пишем. Тебя все тянет в херню какую-то…

– Это просто журналистская привычка. Я всегда говорил, что если изжурналистики убрать поверхностность, от нее вообще ничего не останется.

– Ха-ха-ха!

– Хули ты смеешься? Журналист же не пишет роман на века. Ему надо какую-то херню сочинить, такую, чтоб сегодня это кинулись читать, а назавтра про это напрочь забыли. Кстати, требования взаимоисключающие, поди еще в них уложись. Тут нужен талант. Как говорит знаменитый репортер Юрий Рост, в журналистике только одно хорошо: что тут быстрый результат. Вчера написал, сегодня это уже читают, завтра бабки. Как говорится, утром в газете, вечером в клозете.

– Давай расскажи, где ты был в тот год.

– Нет, давай ты лучше, а то почему-то все я да я сначала.

– Я? Я в июне избрался…

– О-о-о! Началось…

– Да, да! Мэром города я избрался, ебть.

– Города? Или поселка?

– Какого поселка! Сестрорецк – это пятьдесят тыщ жителей!

– А как это так вышло? Ты вот сидишь, двигаешь науку, варишь самогонку, и вдруг тебе ебануло в голову возглавить Сестрорецк. И развратить этот маленький город.

– У меня был – да, собственно, и есть – товарищ, Мишка Дмитриев. Мы с ним в одной группе учились в институте, он сейчас замом у Грефа работает, по пенсионной реформе. По отчеству Мишка – Эгоныч, его отец немец был.

– Помню, был такой Эгон Кренц, начальник восточного немецкого комсомола. Он приезжал к нам в Лейпциг. Обедал у нас в университетской столовой. Правда, в отдельном кабинете, но шел в него через общий зал.

– Так мой дружок Мишка избрался депутатом ВС РСФСР. В 90-м году. А избрался он, кстати, от Сестрорецка. И он сразу мне позвонил и говорит: слушай, я тут в большом авторитете, если ты готов, то мы тебя изберем мэром. И я подумал – а хули? И – пошел!

– Ты задавал себе вопросы типа: «На хрен мне это нужно? Чего я этим хочу сказать?»

– А я обычно такими вопросами не задаюсь.

– О, как это тонко!

– Я считаю, что как только начинаешь искать ответ на этот вопрос, сразу выходит рецепт: «Ни х… не делать». Вот у меня жена… Она мне все время вопросы такого рода задает и тем самым ставит в тупик. Потому что мне нечего ей ответить – ну действительно нечего! По ее совету, при здравом размышлении, я начинаю думать: я не сделал этого, потому что то-то, и не сделал того, потому что то-то, и вот это вот делать тоже не надо было, потому что это на хуй не нужно. И получается, по рецепту моей жены, что все – фигня. И вообще ничего не надо.

– Так оно и есть, если философски посмотреть на вещи.

– Да. Но жизнь – это некая череда событий. А если слушать мою жену, то ничего у тебя в жизни не произойдет. Так что я жену обыкновенно ставлю перед фактом.

– Хорошо, что мы с тобой не слушаем твою жену.

– Не, она мудрый, интересный человек, заботящийся о благе семьи. Просто ее слушать нельзя. Я вот после института поступил в аспирантуру – она была против. Она считала, что я должен пойти работать на завод и как молодой специалист получить квартиру для семьи. А я, пойдя в аспирантуру, потерял все шансы получить квартиру. Вот. И потому мы одиннадцать лет по коммуналкам мыкались.

– То есть ты служил обществу в ущерб личной выгоде и во

вред семье.

– Да. Потом она была против моего избрания мэром. Утверждала, что все это хуйня на постном масле.

– То есть ты был против рвачества тогда!

– Потом она была против переезда в Москву. Но мы переехали. И так далее… Она была против всех знаковых событий нашей жизни!

– Она небось также и против того, чтоб ты пил…

– Ну, это естественно. А чё ты меня про это спросил? Про «пить»? Ты меня хотел подъебнуть?

– Я хотел? Да ты ж уже не пьешь. Практически.

– Да. Но зачем ты меня подъебываешь? Я же чувствую! Выгородить себя хочешь перед моей женой! Зачем? А?

– Да брось ты. Жена же – это друг человека.

– Довольно неспортивно ты себя повел.

– Не пизди! Где же это – неспортивно? Жены, они все против пьянства. Не напрягайся. Это же очень простая шутка.

– Скотская.

– Да ладно. Что ты комплексуешь? Ну хочешь, я скажу, что я алкоголик?

– А ты алкоголик?

– Да. Чего тут стыдиться?

– Прошу обратить внимание на это признание.

Комментарий Свинаренко

Я, кстати, давно заметил, что бляди и алкоголики никогда не признаются в том, что они такие. Блядь очень правдоподобно рассказывает, что она просто дружит с молодыми людьми и даже их любит. Или она из жалости их развлекает. Или из абстрактной любви к человечеству. А деньги они ей дают, например, из уважения, или в долг, или хрен знает как. Что касается алкоголиков, то там тоже целая система отмазок. Типа – нажираюсь, но не каждый же день. А если каждый – то под забором не валяюсь. Если валяюсь – то потом же встаю и иду домой. Если человек так и живет под забором, то тогда он, по его версии, пьет потому, что ищет в жизни смысл и сочувствует страданиям народа. К тому же не может спокойно относиться к несовершенству этого мира. А просто сказать: «Друзья! Я пью, потому что мне это нравится, и когда нажрусь, то чувствую себя самим собой!» – так только Омар Хайям мог заявить. И получается, что бляди и алкоголики – это всегда кто-то другой… Ад – это другие, как сказал кто-то из великих. Вроде это был француз. Кто-то типа Камю или, на худой конец, Сартра.

Комментарий Коха

И вот опять – ну что за скотина! Ведь знает, что все иначе, ан нет, по паскудной журналистской привычке идет вслед за потребителем.

А про алкоголизм – это очень интересная тема. Про это надо целые книги писать. Но если коротко, то буквально несколько слов. Конечно, это все субъективно, это личное. Может, у других все по-другому. Но вот я заметил, наблюдая за собой и вообще за выпивающими людьми (благо к таковым относятся 90 % всех моих товарищей), несколько важных, на мой взгляд, вещей. Например, что после сорока пьется значительно хуже, чем до. Опьянение наступает быстрее. Человек становится не веселее, но тупее. Он скучен. Его циклит на какой-то одной теме. Похмелье – ужасное. Мне Дуня Смирнова кого-то процитировала: «Утреннее раскаяние – это процесс химический, а не психологический». Это очень верно. Поэтому алкоголь уже не доставляет прежней радости.

Или другое наблюдение. Напившись, человек испытывает соблазн не прекращать это состояние. Вот такие ощущения: я обеспеченный, семейный человек, я много и небесполезно работаю. Завтра я опять пойду на работу. И опять буду работать, хотя, если говорить честно, мне уже не нужно этого делать. Во всяком случае, работа уже не является необходимой для поддержания определенного уровня жизни. А тут – совсем другая жизнь… Смотрите… Выпасть из социума. Перестать носить галстуки, костюмы, каждый день бриться. Опуститься. Тебя перестают узнавать. Можно спать на вокзалах, ходить по помойкам. Не испытывать угрызений совести… Драки за бутылку, обворовывание ларьков, синюшные подружки с ужасными болезнями… И самое главное – ты ничего никому не должен. Ты ничего ни от кого не хочешь. Только оставьте меня в покое…

И вот иногда… ты выпиваешь несколько больше, чем нужно. Моя норма, например, если в водке мерить, то граммов триста – четыреста. Ну максимум пятьсот. Нет, наверное, перебор. Ну вот что-то около этих цифр. Итак – выпиваешь и становишься на край… И смотришь вниз… Где-то внутри звучит голос – давай еще… Ну еще бокал, еще рюмочку… А завтра – еще… Еще. Не останавливаться. Там – свобода… Ты выполнил все, что от тебя хотели… Пусть они отстанут от тебя… Там – обрюзгшие, помятые лица, кашель, бесконечный кашель, печень ноет, голова раскалывается… И нет выхода обратно… Свобода в обмен на разум. Постоишь на краю. Постоишь. Поплюешь в бездну… Камешки из-под ботинка пинком – и они улетают в никуда…

Снизу, оттуда, за краем – вонь окурков, потушенных в салате… гармошка играет… пьяные женские взвизги… бесконечные разговоры об уважении и чести…

Соблазн? Еще какой! Жить, но не думать! Здорово. Ни за что не отвечать… Даже за залоговые аукционы, будь они неладны… Осознавать вот только, что ты есть, – и все…

Постоишь на краю бездны, постоишь, да и пойдешь домой. Все-таки алкашами становятся только мужественные, безжалостные люди.

– Ладно, поехали дальше. Вот пошел ты мэром. Чего ты хотел? Славы? Жилплощади? Привилегий, о которых тогда столько говорилось?

– Трудно сказать. Сейчас я даже не могу сообразить. Это был некий комплекс желаний. Во-первых, я был, естественно, тщеславен, я был убежден, что у меня получится спасти…

– …**Сестрорецк**.

– …спасти Отечество.

– Бей жидов, спасай Сестрорецк.

– Нет, этого я не утверждаю, я никогда не был антисемитом.

– А я как будто был? Кто может меня обозвать антисемитом? Меня скорее в жидофильстве можно упрекнуть…

Комментарий Свинаренко

Когда я работал в «Коммерсанте», мне то и дело заказывали заметки на еврейскую тему. Причем администраторы еврейской национальности и заказывали. Зачем? Видно, им хотелось получить свежее мнение непредвзятого эксперта по этому заезженному вопросу.

Вот вам для примера одна из таких заметок.

ВЛАСТЬ № 10 [311] 16 марта 1999

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА-ЕВРЕЯ

«Ну вот, опять погром в синагоге! *(Имелся в виду конфликт в Новосибирской синагоге в марте 1999 года.* – И.С.*)* А не сами ли они виноваты? В том смысле, что для чего ж они по целому ряду вопросов служат русским живым укором? Взять тот же вопрос церковного строительства, раз речь о синагоге. К примеру, когда громили православные храмы и устраивали в них временные

бассейны, русские не устраивали скандалов на всю Россию! То есть вели себя скромно, с достоинством, цивилизованно – как порядочные, воспитанные люди. И потом, позже, тысячи храмов были взломаны и ограблены уже частными лицами и ворованные иконы по замечательным ценам ушли на Запад. Страна спокойно читала про это короткие заметочки мелким шрифтом. Ну не бежать же, в самом деле, в Останкино орать с экрана насчет вандалов. А евреи нарушают общественное спокойствие своим громким возмущением и на корню давят хрупкие ростки общественного согласия.

Факты вызывающего поведения евреев кругом налицо. В то время как иные русские срочно бросают родину на произвол судьбы и спасают шкуру в Канаде, Аргентине и даже, не побоимся этого слова, в Израиле, какую выходку позволяют себе миллионы русских евреев? Они делают буквально следующее: цинично остаются в России и живут себе здесь как ни в чем не бывало. Это, конечно, вызов, который переходит всякие границы.

Давайте подробнее про унижения, которые вынуждены претерпевать русские ради устройства в нормальной теплой стране. Знакомая русская семья, все симпатичные блондины, уехала с исторической родины в Германию жить на пособие, прикинувшись пострадавшими евреями. Вы не поверите, люди вынуждены были, как какие-нибудь контрабандисты или жулики, прятать нажитые пачки долларов и карточки Visa Gold. Это совершенно оскорбительно, но другого выхода нет: а то пособие не станут платить! При этом настоящие, неподдельные евреи, которым их еврейские документы достались ни за что, даром, сидят себе в России. Какие еще тому мотивы, кроме крайнего цинизма в особо крупных размерах? Особенно это обидно зимой, когда морозы достигают совершенно хамских пределов. Или, как это случилось в момент развертывания ситуации с новосибирской синагогой, оттепель внезапно переходит в мерзкую вьюгу. Зачем, спрашивается? Нет ответа. Уходят они от ответа.

Но натуральные патриоты знают: нормальному, порядочному человеку хочется тепла. Ну кто же будет добровольно жить на морозе, когда можно персики разводить! Страшное подозрение могут вызвать такие люди. И они его, как видно хотя бы по тому же Новосибирску, вызывают.

Я, честно говоря, относился к этому вопросу без должной серьезности, пока знакомые не прочли мне соответствующую лекцию. Пришел я как-то к ним в гости, и стали они рассказывать о судьбах русской интеллигенции. Делали они это со знанием дела и по праву, будучи русскими врачом и такой же компьютерщицей. И вот они выяснили, что все проблемы – из-за

жидов! И привели такой пример. Евреи и в белых халатах брали с больного деньги, а как тот разорился, то лечить перестали и операцию вынужден был делать русский хирург (это как раз был наш рассказчик) за бесплатно. Ну и еще, чтоб не забыть: это ж евреи украли все кругом. Как опытный слушатель лекций, я лекторам стал задавать вопросы:

– Всех евреев подряд следует сажать за воровство или только тех, которые украли?

– А если русские украли, то их не сажать?

– Если будет решено наказывать только виноватых, а невиновных не трогать, то нельзя ли для краткости как-нибудь пренебречь пятой графой?

Интеллигенты выслушали мои вопросы, переглянулись и сказали все, что обо мне думали:

– Если ты так ненавидишь эту страну, то зачем же ты в ней живешь?

А были это представители нетворческой интеллигенции. Чего ж тогда ожидать от людей более занятых, посвятивших себя общественно полезному труду?

Что и говорить, вопрос интеллигентов получился убедительным и красивым. Он убедил меня в том, что правовую базу еврейского вопроса необходимо расширить – да хоть на том основании, что до 17 августа мы всерьез рассчитывали влиться в ряды цивилизованных государств. Несмотря на то что «русский бум», бессмысленный и беспощадный, уже кончился, задним числом предлагаю вашему вниманию свой скромный документ, направленный на всемерное улучшение и дальнейшее совершенствование еврейского вопроса.

«СВОД ЗАКОНОВ „ЕВРЕЙ В РОССИИ“

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА-ЕВРЕЯ

(русская версия)

С 1 апреля 1999 года евреям разрешено беспрепятственно проживать в Российской Федерации.

Во всех случаях, кроме оговоренных законом, евреи обеспечиваются трехразовым питанием за их собственный счет. Евреи могут вступать в законный брак с лицами противоположного пола. Примечание: евреи и еврейки нетрадиционной сексуальной ориентации в брак могут не

вступать.

Еврею разрешено, чтоб его не били по морде ни за что. Еврей имеет право бесплатного проезда в общественном транспорте (кроме такси) в случае, если он своевременно оплатил проезд. Примечание: оплата евреем проезда в такси может осуществляться по окончании европеревозки.

Но, разумеется, отдельных зарвавшихся евреев надо поставить на место и призвать к порядку (а то известны возмутительные случаи). В целях соблюдения разумного баланса между правами и справедливостью законодательство РФ необходимо дополнить также специальными запретами для евреев.

Евреям категорически запрещается:

– продавать Россию и иные объекты недвижимости, на осуществление сделок купли-продажи с которыми у них нет нотариально заверенной доверенности;

– пить кровь христианских младенцев, равно как и кровь несовершеннолетних граждан иных официально зарегистрированных конфессий;

– незаконно приватизировать государственную собственность;

– совершать преступления, предусмотренные Уголовным кодексом РФ;

– совершать поступки, противоречащие морали, нравственности и этическим нормам;

– шуметь по месту жительства с 23:00 до 8:00;

– устраивать еврейские заговоры с целью установления мирового господства, контроля над международными финансовыми организациями и сталкивания страны в пропасть *(последний пункт неплохо отдельной статьей вставить в Уголовный кодекс. –* Авт.*)*. Закон вступает в силу с момента опубликования».

И только после того как законодательными органами будет проведена вдумчивая творческая работа по принятию этих положений, и может настать счастье (здесь имеется в виду еврейское счастье).

Наконец настанет долгожданное русско-еврейское согласие! Радикальные патриоты забудут дорогу в синагогу (или, если хотите, дороги в синагоги). Кстати, подозрительно, чего их туда так тянет?

Напоследок по модной привычке ленивых журналистов, желающих блеснуть, залез я к Далю в словарь: а не дал ли он какого экзотического объяснения термина «синагога»? И что вы думаете, он его таки дал: «жидовская молельня».

Я так вижу этот бедный взвод филологов, который отбивается от превосходящих сил генерала Макашова: взвод под огнем упал в снег и не может поднять головы на почве путаницы со статусом русских евреев… Так спешите же, быстрее принимайте свод законов «Еврей в России»! Ура!

– Ладно, Алик, давай дальше про себя.

– В общем, в мэры я шел, потому что… Второе. Я думал, что смогу ускорить получение квартиры для семьи.

– А от Питера это далеко?

– Сорок километров Курортная зона. И что еще? И в глубине души мне хотелось проверить себя – а смогу ли я все это выстроить?

– И тогда ты пришел на выборы – и победил.

– Пришел и победил. Причем в первом туре. А кандидатов было семь, что ли.

– А чем ты их взял?

– Не знаю.

– Ты им пообещал что-то?

– У меня была концепция – «Город у дороги». Главная особенность Сестрорецка в том, что он стоит на трассе Питер – Хельсинки. Туда-сюда ездят транзитные грузы, пассажиры и так далее. Я придумал, что сервисы всякие надо строить вдоль трассы, рестораны, гостиницы. Плюс там рядом побережье… Все это соединить и развивать.

– Ну и как, построил ты это?

– Да я год всего был мэром. Мы только начали, только замахнулись на это.

– А почему – всего год? Ты чего ушел, куда?

– О, это уже в 91-м. Это было второе явление Собчака в моей жизни.

– А вот в мэры – это ж надо было все бросать?

– Да, я уволился из политеха.

– А квартиру тебе дали в итоге?

– Нет, я жил в Питере и снимал комнату в коммуналке. А ездил на работу так: на метро до Черной речки, а там машина ждала.

– А почему она за тобой домой не заезжала?

– Ой, а борьба же была с привилегиями.

– А, я совсем забыл.

– Ужасно. Я помню!

– И эта борьба в твоем случае выражалась в том, что ты полдороги ехал на метро, а половину на черной «Волге»? Половинчатость какая-то, в буквальном смысле слова.

– Да. Там была даже сложней схема: бензина так мало выделялось, его только до четверга и хватало. В пятницу машины вообще не было.

– А ты сочувствовал борьбе с привилегиями?

– Нет, я всегда к этому плохо относился.

– Ты чувствовал, что у тебя они будут, и потому был против борьбы?

– Нет, я видел, что они просто смешны, эти привилегии. И на самом деле это и не привилегии никакие. Не знаю, может, лично я не видел настоящих привилегий. Понятия не имею, как генеральный секретарь ЦК КПСС обслуживался.

– Колбасу тебе давали?

– Нет. Никакой такой хреновины не было.

– А сахар тебе давали сверх лимитов, на самогонку?

– Нет. Да я уж и не гнал тогда. Времени не было. Да и в палатках уже выпивки стояло сколько влезет!

– Алик! Скажи мне, пожалуйста, как экономист, но честно. Что такое была программа «500 дней»? Не зря с ней столько носились? Вроде ж серьезно это дело обсуждали, и Явлинский даже побыл вице-премьером какое-то время – первей вас, кстати. Вы еще Сестрорецком руководили, а Гриша на федеральном уровне уже блистал. А?

Комментарий Коха

Явлинский Григорий Алексеевич. Ровно в этом, 1990, году он и появился. И не прокомментировать это никак нельзя. Это осталось в памяти. Это было значимо. Это взволновало.

Казалось бы, есть все предпосылки для написания большого, красивого, убойного комментария. Во всяком случае, их больше, чем для написания комментария про латышей. Однако не пишется…

Интересный материал этот Явлинский. Какой-то он не объемный, плоский. Нет в нем ни страсти, ни сомнений. Иногда, конечно, когда надо, балует голосом с трибуны. Но всегда так предсказуемо, так вяло. В нем нет драйва… «А я ведь предупреждал!» «А я ведь говорил!» Стандартные его ходы. Политический долгожитель? Долгожитель… Как у Пушкина в «Капитанской дочке» в легенде о вороне и орле, которую Пугачев рассказал Петруше Гриневу. Ворон – долгожитель.

Что толку описывать сейчас программу «500 дней»? Ее разделы, подразделы… Программа как программа. В меру – разумная. В меру – осторожная. В меру – наивная. Кому интересен сейчас план несостоявшейся битвы? Мы же с тобой, Игорек, не

историки. Нам, как говорил Проспер Мериме, аромат эпохи подавай! А в эпохе нет запаха «500 дней». Нету, и все. Есть другое – кучерявый юноша с необычным, вдохновенным лицом. Говорит просто, иронично, немного в нос. Это про таких – парень подает большие надежды. Колоссальный потенциал. Все впереди.

И я, молодой, двадцатидевятилетний председатель райисполкома, тоже так думал. Я был уверен, что еще месяц, ну пусть год, и Явлинский (какой там Силаев, тоже мне, конкурент) – премьер, а там и президент. И это правильно. Это логично. Действительно, почему молодому, энергичному, профессиональному, порядочному, честолюбивому человеку не сделать такую карьеру на благо себе и народу?

И тут вдруг – бабах! Отставка! Что? Сам ушел? Не может быть! Как это? Я тут, в сестрорецком говне, с этими ничтожествами воюю. Как говорится, идиотизм деревенской жизни тазиками хаваю (между прочим, кандидат экономических наук), а этот дуся становится в третью позицию и рассказывает нам, что он не желает работать, поскольку его программу не приняли! Тоже мне, предводитель дворянства! Погоди, постой, мил человек! Ты борись, убеждай, перетаскивай на свою сторону. Есть мы, люди на местах, обопрись на нас. Мы народ будем подымать. На митинги (тогда это ух как модно было). Что это за детсад – не хотите и не надо? Что ты на этих ублюдков смотришь? А вот мы – хотим! Хотим твои «500 дней»! Давай командуй нами, руководи. Что нужно делать? Мы сделаем, мы готовы…

Нет, ушел… Жалко. Хороший парень… Откуда я знал? Так казалось… Мне мои приятели, российские депутаты – Петя Филиппов, Миша Дмитриев, Миша Киселев – по телефону кричали: «Ух, кого мы сейчас выбрали к Силаеву первым замом по экономике! Ты не представляешь! Гришу Явлинского! Отличный парень!» Я им верил. Они там в Москве. Им виднее.

Но может, это у него такой тактический ход? Как у Кутузова? Сейчас отступить, а потом раз – и на белом коне… Очень похоже на правду. Ну-ка давай-ка не упускать его из виду… Ну вот, я же говорил, после отставки поехал по регионам. Значит, я прав. Будет бороться.

Декабрь 1990 года. Звонок от Чубайса (он тогда – первый зампред Ленгорисполкома): «К тебе в Сестрорецк едет Явлинский! Будет встречаться с народом. Организуй все там как надо».

Это уж не извольте беспокоиться, милостивый государь! Встретим как родного. Где-то там у меня запрятана баночка красной икры? Жена: «Не дам!» (90-й год на дворе.) Куда там. Забрал и разговаривать не стал. Бутылка армянского (?!) в

кабинете припрятана. Так, нарезочка, салями, сырок (сердце кровью обливается). Организуем встречу в кинотеатре, а потом в кабинет, по душам поговорить. Там-то я все и выведаю. Как супостаты сожрали в этой страшной Москве нашего гения реформ. (Вот всегда так в России – талантливых зажимают.)

Секретарша по селектору – подъехал! Ведут. На первом этаже – толпа народу. Здравствуйте, Григорий Алексеевич! Как же так, а? Что они там, в Москве, думают? Старушки запричитали. Одна, сухонькая: «Дай хоть я тебя обниму, сынок!» Сволочи! Да мы за вас! Ааа! Куда? Да я сейчас, уже через полчаса, в кинотеатре, придете? Конечно, что вы, Григорий Алексеевич!

Заходим в кабинет. Только сейчас заметил – с ним молоденькая журналисточка. Страшненькая, рыженькая. Смотрит влюбленными глазами. Мимолетом в голове пролетает: похоже, между ними ничего нет. Пока? Некогда думать о такой ерунде. Надо же задать главные вопросы. О жизни. Что будет дальше. Вообще. Что вообще? Черт его знает! Но ведь что-то надо спрашивать. Такой человек перед тобой, дубина, а ты молчишь как идиот.

– Коньячку? (Болван! Умнее ничего не придумал? Лишь бы налакаться! Ему же сейчас выступать.)

– Пожалуй! (О-па. Неплохо!)

Разлили, выпили. Закусили. Незначащие фразы: как дела – да ничего, стараемся помаленьку. Вот давеча кур выкинули, так сам с милицией ходил толпу разгонять. Не давали магазин на ночь закрыть. Говорили (резонно) – торгаши ночью всё по своим растащат. Выставили ночные пикеты у холодильника: два депутата и милиционер. Толпа поворчала, но разошлась.

Вижу – заскучал. Господи, что это я? Ему, наверное, по всей России одно и то же рассказывают. И я со своей ерундой. Тут же надо о главном. И заодно свою образованность показать. Чтоб понимал: мы хоть в деревне, но тоже не лыком шиты. Ой, времени-то почти нет уже. Ведь уйдет к народу. Ну что ж ты, Алик! Ну давай! Ведь приду домой – жена спросит: ну как? А я что? Про кур разговаривали? Ну дурак и есть дурак. Так и сидеть тебе городским головой. Ни на что ты больше не годен. Э-хе-хе. Ну вот. Пора идти. Все. Может, после встречи? Допьем. Икра пропадет…

Зал – полный. Гул. Выходит. Красиво освещен. Кудри. Горящий взгляд. Нервный излом линии рта. Умен. Самоуглублен. По-мужски красив. Вскидывает голову. Смотрит в зал. Лицо – правильное сочетание усталости и грусти. Легкая усмешка (тоже к месту: символизирует оптимизм). Овация. Овация. Не прекращается. Овация. Поднял руку. Зал затих.

Зарежь – не помню, о чем говорил. Что-то про помощь обездоленным. Про гуманитарную помощь. Что, мол, нужно создавать специальные комитеты по ее справедливому распределению. Что сначала нужно элементарный порядок навести. Особо – про борьбу с привилегиями. Про привилегии очень подробно. А теперь давайте я отвечу на записки.

В записках опять про привилегии. Потом про огороды – чтобы каждому, как вы считаете, Григорий Алексеевич? Конечно! Это важно. Спасибо за хороший вопрос. Экономика в упадке… Но не все потеряно… Нужно, чтобы каждый на своем месте…

Вдруг шальная мысль: «Он что, за идиотов нас держит?» Тут же прогоняешь: «Это, наверное, так с народом разговаривать нужно. Учись, скотина! А то ведь так и не добьешься народной любви».

Опять овация. Постоял, покланялся. Слова признательности за поддержку. Она помогает мне в моей борьбе. (Опять в голове крамола – какой борьбе?) Это-то и дает силы… Аплодисменты еще сильнее. Старушки полезли за автографами. Девицы в проходах стоят раскрасневшиеся. Глаза прячут. Сразу видно – понравился.

Опять заходим в кабинет. Журналисточка рядом. Ей тоже налил. Накатили. Закусили. Что, отвезти вас? Куда? В Ленгорисполком. К Чубайсу. Думаю: отлично, по пути и поговорим.

Нет, журналисточку садит назад с собой, а меня – вперед, к водителю. Говорит, что надо интервью дать. Гм… Ну надо так надо. Поговорили, блин. Как затылком-то разговаривать. Сижу молчу. Коньяк не допили. Икра – пропадает (надо позвонить, чтобы в холодильник поставили). Во мудак, все со своими курами…

Сзади попискивает журналисточка. Возня. Хи-хи. А как вы прокомментируете последнее заявление Ельцина? Хи-хи. А что его комментировать – пить надо меньше. Ха-ха! Только не оборачиваться! Сижу как аршин проглотил. А может, и показалось вовсе? Каждый ведь в меру своей испорченности…

Довожу до горисполкома. Высаживаю. До свидания. Было очень приятно познакомиться. А уж мне… Ладонь теперь мыть не буду. Может, у Чубайса будет другой разговор? По делу?

Назавтра звоню Чубайсу. Ну как? Поговорили? Ты знаешь, чертовщина какая-то. Он все про гуманитарную помощь да про привилегии. Еще про огороды, чтобы каждому… И у меня… А сколько народу-то было? Да человек пять, все наши. А… Действительно, ерунда какая-то… Может, он нам не доверяет? А кому тогда доверять-то? Тоже верно…

Ну ладно. Ладно. Пока. Пока…

Прочитал мемуары бывшего советского премьера, ныне покойного, Валентина Павлова «Упущен ли шанс». Подробно про все с 1989 по 1991 год. Про развал банковской системы. Про обмен денег. Про шахтерские забастовки. Про Горбачева (нелицеприятно). Про Ельцина. Про Силаева. Про Фильшина (помните такого – чеки «Урожай-90»?). Про все, про все. В общем – субъективно. Но – понравилось. Мужик, конечно, не наш, но с позицией и не бздун. Про Явлинского – ни слова. Как будто его и не было.

Прочитал Костикова «Роман с Президентом». Ни слова о Явлинском. Как будто его не существует. Одно упоминание, и то о том, что во время путча 1993 года Руцкой с Хасбулатовым включали его в состав кабинета, который сформировали.

Российская мемуаристика начиная с 1990 года очень бедная. Но про Явлинского вообще ничего.

Сейчас ему пятьдесят второй год. Уже не мальчик. Уже не молодой и перспективный. Пора подводить итоги, а не подавать надежды. А итогов нет. Резонер. В старом русском театре было такое амплуа. Ездит Дикобразов-младший по России. Все к нему привыкли. Да и он к себе привык. Журналисточки – повизгивают. Старушки – причитают. Кудри черные. Лицо вдохновенное. Но вот мешки под глазами… Грим? Может, побольше? Или нет? Поклонники давно уже ничего не замечают… Любят. И ждут. Талантлив, стервец! Наш еще вам всем покажет! Еще выдаст коленце! Вы его плохо знаете.

Знаем… Знаем неплохо… Уже не выдаст. Все.

– А теперь ты про себя расскажи!

– В начале года я продолжал заниматься МЖК и издавал отраслевой журнал. «Архипелаг».

– ГУЛАГ?

– Нет, просто «Архипелаг». Как бы такая мысль: МЖК раскиданы по всей стране как острова, но при этом входят в одну систему. Люди придумывают какие-то концепции, школы устраивают экспериментальные. Съезды проводили – в Алма-Ате, к примеру. Мы туда ездили, беседовали, выпивали… Кончилось тем, что, используя комсомольские льготы, люди просто занялись нормальным бизнесом. Кто-то из них после вырос в серьезных бизнесменов. Как, например, Сергей Коротоножкин (Фридман его знает, они вместе в МИСИС учились и промышляли театральными билетами), который при советской власти построил семь домов и ничего с этого не поимел, кроме двухкомнатной квартиры для своей

семьи. А два дома он построил уже при новом режиме.

– И все с них поимел.

– Ну, видимо. Это уже бизнес, а не комсомольская работа. Так вот, делал я, значит, журнал. Делал, делал… И так это продолжалось до лета. А летом я подумал: пора уже от отраслевого журнала к более серьезным медиапроектам переходить. И вот лето, значит… Ты курил тогда?

– Да.

– Так ты должен помнить, что курева не было. Очереди…

– Чубайс давил табачные бунты, когда Невский перекрывали. Он был тогда первый зампред Ленгорисполкома.

– А, и на него это взвалили! Я, помню, все стоял в этих очередях… И вдруг приехала к моему товарищу немка знакомая. Она в России училась, у них был роман, потом она с дипломом вернулась домой, поскучала там, взяла отпуск и вернулась к нам любить его дальше. А поскольку у меня семья уехала в деревню, то я ей разрешил у себя пожить.

– Только ты уже женатый человек, не забудь!

– Так это ж была товарища немка, а не моя! Я ее не ебал, разумеется. Честно! Тебе б я сказал, если б что. Ну вот, живет она у меня, готовит, стирает – что очень удобно, – а товарищ иногда приезжает на свидания. А она такая русофилка, язык учила, читала что-то, дико интересовалась русской жизнью. Ну я ей однажды и говорю: «Еб твою мать, ты же русофилка! Так иди быстрей жизнь изучай в чистом виде!» А куда? Как куда? В очередь у табачного ларька. Там и стоит великий русский народ и говорит всю правду, которую обо всем думает. Она пошла в народ с удовольствием. И вот она там стояла, беседовала с мужиками, ей такие истории ломовые рассказывали, – и с каждого захода приносила пять пачек «Беломора». Как раз пять давали в одни руки.

– И ты кризис мягко прошел.

– Более чем! Поскольку она не только за «Беломором» по очередям стояла, но иногда даже ходила в «Березку» и приносила мне оттуда – несмотря на мои протесты, я ее призывал только бухаловом отовариваться, – «Gitanes». Без фильтра. Это лучшее, что я в своей жизни курил. Когда курил.

– И «Gauloise».

– Ну. Как это круто было в 90-м году – курить «Gitanes» и пить джин «Bols», голландский, самый дешевый! А потом она уехала. И я тогда, думая о жизни, решил повидаться с Андреем Васильевым. Мы с ним когда-то работали в «Собеседнике», и я так понимал, что он всегда там, где бабки.

Он мне в интервью рассказал как-то: «Меня пригласили в „Собеседник“, куда я дико не хотел идти, очень… В „Комсомольце“ же была тусня, как семья родная, друзья, гитара. Но в „Собеседнике“ были другие деньги, я пошел туда ради бабок, осознавая это. Ребенка, который должен был родиться через две недели, кормить же надо…» Вот я к Васильеву и обратился за консультацией – куда типа идти работать? А ты иди, говорит, к нам, у нас тут газета – «Коммерсантъ». Нет, отвечаю, это ж финансы, экономика, тоска смертная, я этого не знаю. Да нет, там всякое есть. Ну ладно, давай, говорю, в пятницу встретимся! Он говорит – ты после поймешь, почему пятница не катит… (Потому что номер сдавали, и это все тянулось когда сутки, когда двое.) А давай-ка лучше в понедельник, с утра пораньше, этак часов в двенадцать! И вот я еду к нему в понедельник домой, с бутылкой самогонки. А у него стоит ящик вина и ящик коньяка!

– Ну да, тогда ящиками брали.

– Как раз тогда не брали ящиками, таких бабок ни у кого еще не было! Ты оторвался от жизни… Две бутылки – и то было дорого, брали сперва одну, а за второй после бежали особо. Ну выпили мы… А во вторник я зашел к нему на работу, на Хорошевку. И он говорит – слушай, тут дыра в номере, выручи, напиши заметку, а? Я поехал к гостинице «Россия», где раскинули свои палатки ходоки со всей страны. Они ловили депутатов, которые в гостинице жили, и жаловались им на жизнь. Давайте, типа, спасайте, а то мы вас выбрали, пидарасов, а вы привилегиями только увлекаетесь. Ну вот, я написал такой бодрый репортажик. Ну и так, слово за слово, стал работать в отделе «Разное». Где собрано было все, что не про экономику и не про политику.

Комментарий Свинаренко

Я про это все рассказывал в газетном интервью. Номер сдавался трое суток, спали на полу, подстелив газетку, специальный шофер с рацией «Алтай» объезжал винные магазины и оттуда выходил на связь, спрашивая, кому что брать. Зарплату платили сразу и много. Привлекли мое внимание и кадры, которые решали все. Мне понравилось, и я остался…

Сам Васильев, который в «Коммерсанте» был с самого начала – с 89-го, – так это описывал: «Я понял, что есть совершенно другая журналистика. Что мы занимаемся информацией. Помнишь, мы делали еженедельную газету влегкую. По тем

темам, которые нас интересовали, никто не мог нас обогнать. Сначала выходил „Коммерсантъ“, в понедельник, а потом у кого-то чего-то еще выходило. Вот в этом был кайф, конечно. Очень приятно было, как все от газеты о…евают, – это была продукция! Вот это было круто. Понимаешь? Тогда я себя почувствовал соучастником газеты, впервые, в этом был драйв. Это было новое качество жизни. Наверное».

– Так в каком ты отделе был – «Разное»? Ты ж вроде в отделе преступности работал!

– Это позже. Отдел преступности позже создался. И я был брошен на отстающий участок. И как раз тогда пошло дело Кости Осташвили.

– Ты его знал, что ли?

– Ну. А я как на это дело попал? Значит, сидит Яковлев и думает: кого послать? А пусть Лева Сигал пишет, он спец в политике. А нет, нельзя: судят патриота, а освещать будет еврей… Ну, тогда Ваня Подшивалов! Не, тоже не годится: он же почвенник. Что делать? Тупик! И тут я вызываюсь. Почему? Так, говорю, я один из вас всех могу объективно этот процесс освещать; хохлам же что жиды, что москали – все равно. Пусть себе собачатся. Они от нас равноудаленные. И вот так единственный из всех репортеров я объективно писал про Осташвили. Писать же было непросто. Костя рассказывал, как он лечился от алкоголизма, – в зале смех. Он обижался – типа в Штатах уважают тех, кто хочет избавиться от пагубной зависимости, а тут издеваются. Марк Дейч смеялся громче всех, и это Костю задевало особо. Но это я сейчас говорю – «Костя». А в заметках я себе такого не позволял. Я с Васильевым ругался, когда он ставил слово «Костя». Что это за фамильярничание, что за панибратство? Не позволю! С другой стороны, по фамилии называть – как-то слишком уж официально. И тогда мы стали писать – «Константин».

– А он откуда взялся вообще, Костя?

– Он из рабочих! Его волновал русский вопрос. Осташвили, понимаешь, да? – вот русский. Что там было в ЦДЛ, бил он кого или нет, поди знай. Но точно могу сказать, что человек он был простодушный, доверчивый, открытый. В чем-то даже симпатичный. Но вот не мог он удержаться от того, чтоб не встрять в обсуждение еврейского вопроса. Да что там Осташвили – вот Солженицын стал писать про евреев, так сколько его народу сразу невзлюбило! Иные евреи его просто ненавидят теперь.

Комментарий Свинаренко

Чернорубашечники, которые в зал суда приходили, просили Осташвили: молчи, Костя, а то опять чего не то скажешь. А он отвечал – отойдите, я сам. Процесс вообще непонятный! Евреев не бил, синагог не жег… Чего пристали к парню? Что этим пытались доказать? Что мы большие демократы? Что «Память» – это страшно? Кто вообще ею пугал? Мало кто помнит дело Норинского. Этот деятель сочинял страшные антисемитские письма, в которых грозил евреям расправой, и рассылал их куда ни попадя. Подписывался так: «Боевики патриотической организации “Память”». Хотя на самом деле он состоял совсем в другой организации – «Свобода эмиграции для всех». Так Норинского поймали и судили – за злостное хулиганство (ст. 206, ч. 2 УК РСФСР). Василеостровский народный суд дал ему полтора года «химии».

А вот моя заметка из «Коммерсанта»:

КОНСТАНТИН ОСТАШВИЛИ: «КОНЕЧНО, МЕНЯ ПОСАДЯТ»

> …К приятным для подсудимого моментам наблюдатели «Ъ» относят частичное осуществление его требований об изменении статуса Юрия Афанасьева. Константин, как известно, утверждал, что последний должен быть не обвинителем, а подсудимым по делу Троцкого (по сведениям Осташвили, Троцкий приходится ректору историко-архивного института дедушкой) и понести ответственность за умышленное развязывание дедушкой Гражданской войны и другие действия, направленные на уничтожение русского народа. Суд таки вывел Юрия Афанасьева из состава общественных обвинителей, но не из-за дедушки, а по другой причине: по мнению коллегии, он принесет больше пользы как свидетель.
>
> Защитники подсудимого Голубцов и Побезинский с прежней убежденностью продолжали настаивать, что Константин борется не с евреями, но против сионизма, осуждаемого ООН наравне с расизмом. Защита экзаменовала свидетелей на способности отличить антисемитизм от антисионизма и выясняла, знакомы ли те «с преступной деятельностью сионистских организаций, таких как „Иргун Циони“ и „ВЧК – ОГПУ“. Вопросы эти, однако, неизменно отводились судом как

не имеющие отношения к делу.

…адвокату Сапегиной Оста швили в очередной раз заявил отвод, судом, однако, снова отклоненный. Правда, суд решил мотивировку отвода не оглашать: о ней, кроме членов коллегии, узнали только слушатели радио «Свобода». В ночь со среды на четверг московский корреспондент этой радиостанции Марк Дейч объявил в эфире: Сапегина, по словам Осташвили, «принуждала его к сожительству, а в случае отказа обещала посадить». Члены коллегии отказались подтвердить или опровергнуть эту информацию, а обвинитель Макаров в своем комментарии, переданном радио «Свобода», ограничился словами: «Мотивы отвода самые грязные, самые мерзкие, самые подлые… После сегодняшнего дня к нему нельзя относиться как к чело веку».

…В приватной беседе с корреспондентом «Ъ» Константин высказал обобщенную точку зрения на происходящее (текст приводится по расшифровке магнитофонной записи):

– Суд имеет обвинительный уклон. При этом противники напирают почему-то на мою личную жизнь, на то, что я хронический алкоголик второй степени. Тридцать лет на одном предприятии, на спирту мы работаем. Половину рабочих надо на учет ставить. Многие товарищи спились. Некоторые умерли. И я стоял на учете, пил, как все. Чтобы это прекратить, спасти семью, себя, я добровольно обратился к наркологу, прямо на предприятии. На Западе с уважением относятся к людям, которые становятся на путь исправления. И у нас в цехе никто меня не попрекал. А политические противники издеваются! Марк Дейч, например, смеется надо мной, над моей лысиной. Марк Дейч не прав. Кому выгодна шумиха вокруг инцидента в ЦДЛ? Демократам, которых я абсолютно не уважаю. Я ведь политизированный, я знаю блок «ДемРоссия» по предвыборной кампании. Демократы прошли в Моссовет – и что там творится, в Моссовете? Один мой товарищ говорит, что такого скопища шизофреников, как те, кто подходит к первому микрофону, он еще не видел. К тому же по странному стечению обстоятельств все они «эр» не выговаривают.

На вопрос, чем, по мнению подсудимого, закончится процесс, был получен ответ: «Конечно, меня посадят! Но наглеть особенно не будут и больше трех лет, кажется,

не дадут». И он угадал: дали ему два года в колонии усиленного режима по статье 74, п. 2 УК РСФСР («Разжигание национальной розни»). Валерия Новодворская тогда сказала, что это «первый политический процесс эпохи перестройки».

И таки похоже на то! Послушайте, что исполнял на процессе адвокат Макаров, который там был общественным обвинителем: «Политические взгляды Осташвили, изложенные в программе Союза за национально-пропорциональное представительство, должны быть охарактеризованы как фашистские». Макаров вообще нагонял тогда жути: «Имеющие глаза не смогут не заметить реальной угрозы зарождающегося фашизма на фоне непростительной разобщенности демократических сил и хаоса в экономике – Германия 33-го…»

Прибыв на зону (Тверь), Осташвили сказал, что находится в глубокой депрессии: «После ударов, нанесенных прессой, я сильно пошатнулся». Его часто замечали гуляющим в одиночестве по плацу, что у зэков называется «гонка» (процесс, когда человек оценивает свою деятельность и ее результаты). Константин сказал журналисту: «Сама форма митинговой борьбы кажется мне теперь мишурой. Зря я кричал и не сдержался в ЦДЛ… Я убедился, что путь общественной активности опасен. Евсеева убили, Невзорова ранили, а меня посадили».

Отказавшись от старой тактики борьбы, Константин сосредоточился на досрочном освобождении. Осташвили под досрочное сентябрьское освобождение подходил по всем формальным признакам – в преступлении каялся, трудился добросовестно, дисциплину не нарушал. Среди зэков он сначала пользовался авторитетом, даже возглавлял в колонии благотворительный фонд помощи заключенным. Но авторитет сильно пошатнулся, когда Константина поймали на «мансарде» (этот термин обозначает употребление внутрь лака). В колонии лак считается дурным тоном. А еще Константин официально состоял в секции профилактики правонарушений, что некоторыми приравнивается к стука честву.

Как бы то ни было, Осташвили был найден повешенным. Убийство это или самоубийство, судмедэксперты определить не смогли.

– Потом еще той осенью была прелюбопытная ситуация. Я описал ДТП – Борис Николаич столкнулся с «Жигулями». Глубокая тема! Заметка про раздвоение Бориса Николаича. Нахожу пенсионера, которого бросили на дороге с дочкой, а у той разбита голова… Машину с дороги оттянули, кстати, не менты, а частники, за бабки.

Комментарий Свинаренко
Моя старая заметка

ПЕНСИОНЕР ЕРИН: «Я НЕ ХОТЕЛ УБИВАТЬ БОРИСА ЕЛЬЦИНА»

21 сентября, в 8 часов 25 минут, по дороге на работу Председатель Верховного Совета России Борис Ельцин попал в аварию. До вечера этого дня московская ГАИ не определила, кто виновен в дорожно-транспортном происшествии. Милиция, однако, уверена, что имело место не покушение, а нарушение Ельциным устоявшейся традиции проезда перекрестков государственными деятелями.

Подъезжая к перекрестку с улицей Горького, водитель черной «Волги» включил спецсигнал – красную «мигалку». Постовой немедленно поднял жезл, свистнул и перекрыл движение. Остановиться успели все, кроме пенсионера Юрия Ерина, ехавшего с дочерью из Химок на «Жигулях» ВАЗ-2102. Удар помял правую переднюю дверь «Волги» и бедро Бориса Николаевича, в ней сидевшего.

Ерин Юрий Ильич, 1930 года рождения, отставной майор СА, имеет 27 лет водительского стажа и столько же партийного (КПСС).

По мнению заместителя начальника городской ГАИ Юрия Ильина, ничего бы этого не было, если бы Ельцин уведомлял постовых по рации о своем приближении, как это делают все пассажиры его уровня. «Мы готовы хоть за полчаса останавливать движение. Но Ельцин этим не пользуется – видимо, принципиально». *(Он боролся, типа, с привилегиями!* – И.С.*)*

Прибывшие врачи все-таки заставили Бориса Николаевича поступиться принципами и отвезли его на специальной «скорой помощи» в специальную Центральную клиническую больницу упраздненного

Четвертого управления, называющегося теперь лечебно-оздоровительным объединением Совмина СССР. Пострадавшего поместили в отделение неврологии, обследовали и сделали рентген. По словам медиков из ЦКБ, речь идет об ушибе бедра, мягких тканей лица и легком сотрясении мозга.

Эти сведения подтвердил и заместитель Ельцина Руслан Хасбулатов, сообщивший народным депутатам России и телезрителям о незначительности травм. Тем не менее данные программы «Время» о благополучном возвращении Бориса Николаевича домой не подтвердились. Дочь Ельцина Елена Окулова в 23:00 сообщила корреспонденту «Ъ» *(вот времена были! Я запросто звонил президенту на дом… – И.С.)*, что ее отец до сих пор в больнице и скорее всего приедет на следующий день.

Второй участник происшествия – пенсионер Ерин – отделался легкой царапиной. Убедившись, что Ельцин жив, он собрался было проводить в больницу свою дочь Елену, сильно разбившую лоб о приборный щиток. Но милиционер не пустил пенсионера, а отправил его в ГАИ, где Ерин и просидел до шести вечера. Дочери удалось самостоятельно добиться медицинской помощи – в третьей по счету больнице через четыре часа после аварии ей наложили швы на рану. Ерин за это время успел познакомиться с шофером Ельцина Витей и задать ему наболевший вопрос: «Зачем же ты сирену не включил? Сирену я бы услышал». На что Витя объяснил, что Борис Николаевич с сиреной ездить не любит.

После шести Ерина повезли выступать на телевидение: как объяснил человек в штатском, «чтобы предотвратить возможные беспорядки в Москве». Ерин выступил, вернулся к месту аварии, нанял за двадцать рублей такси, отбуксировал разбитую машину домой в Химки и дал интервью корреспонденту «Ъ».

– Если б мне рассказали, я бы сам подумал, что это покушение. Но я ж Борису Николаевичу полный единомышленник. Я из партии даже раньше его вышел – не стал ждать, пока нам начнут плевать в лицо. А когда узнал, что это я Ельцина стукнул, мне страшно стало и стыдно. Потом шофера Витю спрашивал: что он говорит-то? Ничего, отвечает, молчит. Слава Богу, что с ним все в порядке. Хотя, конечно, на власти я обижаюсь – на дорогах лихачат крепко. Из-за них очень много аварий.

Сам Ерин за 27 лет правил не нарушал ни разу. Последний конфликт с властями произошел в 1949 г. и не был связан с автомобилями. Тогда Ерин был арестован с винтовкой в руках у Кремлевской стены и обвинен в попытке покушения. До суда, однако, не дошло. Поскольку выяснилось, что курсант Ерин подошел к стене с винтовкой, так как находится в патруле. Ерин убежден, что и на этот раз он не пострадает: «Я не виноват. Борис Николаевич не допустит, чтобы со мной что-то сделали».

– Вот такие заметки я писал. А ты давай рассказывай, как канализацию чинил в Сестрорецке.

– Да… Плохо чинил. Мне посоветовали взять первого зама, такого Баранова, так он и чинил. А я – нет.

– А бабки тебе заносили?

– Да-а-а. Оказалось, что самый главный бизнес – выделение участков под индивидуальное строительство. Это же курортный район Петербурга! На берегу озера Разлив. Или на берегу Финского залива. И мне несли деньги. Я так удивлялся…

– Почем сотка была?

– Сейчас не помню. Дело в том, что выделение участков проводилось через решение местного совета. Депутаты соответственно все дробили. И поэтому мне взятки давать было абсолютно бессмысленно, потому что я ни хера и не решал. Вот. Так что бизнеса не получилось, но я в данном случае свою честность не ставлю себе в заслугу.

– Она размыта была по депутатам.

– Она стихийным образом получилась. Но тем не менее Господь уберег. И взяток удалось избежать.

– В общем, канализацию не чинил, взяток не брал.

– Взятки очень быстро перестали предлагать. Видимо, их куда-то в другое место стали носить. А я и так по идеологическим соображениям всегда голосовал за выделение участков. Поэтому мой голос у них был бесплатно.

– Получается, ты в Сестрорецке раздавал участки – ну чисто как Шеварднадзе советские земли. И так бы отдал, и этак…

– Депутаты меня так ненавидели, мешали работать… И я все время мучился – может, я в чем не прав, может, судьба у меня такая неправильная. Были два таких депутата, сейчас не буду называть их фамилий, потому что родственники их живы и дети, – они прямо изгалялись надо мной, житья не давали. И когда я ушел, один погиб в автокатастрофе, а другой от рака

умер.

– А как издевались?

– Без конца проверки какие-то устраивали. Все искали коррупцию во мне. Ничего не нашли, естественно… Более того – фальсифицировали документы! Однажды какую-то бумагу моим именем подписали. И потом меня же начали полоскать за то, что я ее подписал.

– Может, они так за правду боролись?

– Может… Ну вот представь. Человек идет на выборы и обещает нещадно бороться с коррупцией. Проходит в депутаты, а коррупции нет никакой. Надо ему с чем-то бороться?

– Это намек на теперешнюю ситуацию или на что?

– Да ситуация всегда одинаковая. Если фактов нет, их придумывают.

– А могли они сказать – дорогие избиратели, коррупции нету. Извините.

– Можешь ты себе такое представить?

– Ну, в общем, слабый был бы ход.

– Вот. На хер мы тебя тогда избрали? Мы-то твердо знаем, что есть коррупция! А ты не борешься! Там же как? Вот есть наш избиратель российский. У него такая система взглядов. Первое. Страна наша очень богатая. Самая богатая в мире! Это для него аксиома, которая не требует доказательств. Это ему вдолблено в голову с детсадовской скамейки. Дальше. А человек живет бедно. Это опять же не требует анализа – бедно, не бедно, каковы причины бедности… Страна богатая, а весь народ живет бедно. Народные избранники и весь истеблишмент постоянно рассказывают, как они заботятся о бедном народе. Значит, напрашивается вывод: в промежутке между народом и богат ством чего-то спиздили. И вот кандидат говорит: избери меня, и ты будешь богатым. А после выборов вдруг оказывается, что нет никакой коррупции. Странный избранник! А правда-то в том, что все вранье: и что страна богатая, и что народ живет бедно – все вранье! Понимаешь? Страна на самом деле не очень богатая. Ну, в недрах у нее, может, и до хера всего, но выкопать-то мы это не очень можем. И народы есть победнее… Ну и поэтому наши народные избранники – не то слово, кстати, – до сих пор заложники этого стереотипа.

– А что ты еще в Сестрорецке делал, кроме бесплатного голосования за дачи?

– Ну, что-то успевал делать. Тогда мы особо много и не могли. Но бездефицитный бюджет – сделали. Как сейчас помню, доходная часть была восемнадцать миллионов рублей.

– А как ты бюджет сочинял – сам сидел писал? Ты ж

экономист.

– У меня еще финансистка сидела писала.

– А я думал, ты никому не доверял и сам все… А ты долго чувствовал, что ты на острие, что сейчас всем покажешь? Что счастье настало?

– Не-не. С самого начала было все понятно.

– То есть ты пришел, осмотрелся – и понял, что революцию совершить не удастся.

– Там же еще аппарат исполкома, в основном женский. Я такое тогда в первый раз увидел – все дамы норовят дать… Ну, бабы! А я начальник!

– Ну это простейший биологический закон: вожаку стаи самки должны дать. Для улучшения породы. Иначе получается просто бунт на корабле и разруха.

– Да… Я отлынивал… Но это было очень тяжело. Все время перед глазами такие ничего себе перестарочки – тридцатипятилетние. Очень даже серьезные, жопастенькие. Мне-то было двадцать девять. Уж как только они не одевались, как не наклонялись. Все короче и короче юбочки, все чернее и чернее колготочки… Все ярче и ярче помада… Ну, в явную в штаны никто не лез, но давали понять, что если я пристроюсь, то они возражать не будут. В общем, было ужасно.

– Ну а что ты узнал тогда нового – о жизни, о стране?

– Очень много.

– То есть ты был кухонным таким либералом, мог покритиковать власть, типа вот ты бы на ее месте сразу навел порядок и построил бы царство справедливости… А столкнулся с реальностью, получил сам власть – и увидел, что не такие они были дурные, советские начальники…

– Да. А когда я встретился с аппаратом… это ж называется «аппарат», то я понял, что такое жесткая бюрократия. Которой тыща лет. Но это другая история, отдельная…

– То есть сейчас ты работаешь на том капитале, моральном.

– Не, ну после у меня еще кое-какой капитал появился. Скажем так, я тогда его начал накапливать. Я имею в виду моральный капитал. Я учился овладевать этим механизмом. И я считаю, что мы достаточно эффективно им овладели. Потому что в конечном итоге, когда мы начали на федеральном уровне работать, то там тоже был аппарат. И мы с ним нормально работали… Ну а как тебе объединение Германии? Ты же германист, расскажи про свои ощущения!

– Я чуть было не поехал в командировку осенью 90-го, на объединение – но наши раздолбаи с визами не успели. А то б

я осветил… Я, с одной стороны, был германист, а с другой – диссидентствующий элемент. И мне казалось, что хорошо бы придавить большевиков в Восточной Германии. По-простому так, наивно рассуждал… А сколько ж там было людей, которые любили гэдээровскую жизнь! Сколько я с ним дискутировал! Говорил, что это все чушь – ГДР, так, фуфло, а настоящая страна – ФРГ. Они обижались. И в то же время удивлялись. Как же так, вот в СССР социализм полностью построен, но жизнь в нем беднее, чем в ГДР, где социализм только в общих чертах. Им было это странно. Я им объяснял: долбоебы, вот смотрите, у нас социализм развитой и ни хера нету. У вас же, поскольку социализм недоразвитый, жить еще как-то можно. И выпить можно, и закусить, и ботинки прикупить… А вот где большевиков к власти близко не пускают, так там вообще все в порядке. И вы оттуда, пидарасы, получаете посылки – с шоколадом, с джинсами, с памперсами, с туалетнойбумагой… Все, что человеку нужно для жизни, – кроме хлеба, молока и спичек. Они почти все посылочки такие получали, поскольку большинство немцев жили на западе, откуда хотелось послать оставшемуся в советской неволе меньшинству – родственникам в ГДР – пару джинсов, которые на сейле стоили 10 марок… И тогда, выслушав мое объяснение, патриоты ГДР делали большие глаза: о, сука, как же мы сами не додумались?!

– А как у них теперь отношения?

– Да не очень. Восточные обижаются, что западники плохо помогают. Хотя бабок влито немерено. В общем, это и теперь два разных народа.

– Как негры приблизительно и белые.

– Да, похоже. Они никак не могут слиться. И фашистов в Восточной Германии больше, чем в Западной. Они переселенцев бьют, евреев. Ты вот слышал, что для восточных немцев, для Ossi, чтоб как-то их развеселить, строят парк «ГДР»?

– Нет.

– Здоровенный такой парк с аттракционами. И там будут товары из ГДР, полиция в гэдээровской форме, «трабанты» будут ездить, пластмассовые такие автомобильчики, и бабки будут на входе менять на восточные. Пиво, как у тех было… Странно, что у нас нет парка «СССР», успех бы был бешеный. Давай, может, построим?

– У меня есть товарищ, капитан разведки бундесвера. Он тут работал в банке… Он полностью западный немец, из графьев каких-то. Купил себе в Саксонии поместье и там проживает. С

удовольствием.

– А мой один товарищ, русский, с восточнонемецкой женой сбежал на запад, бросив квартиру в ГДР. И квартира пропала… А потом получилось, что окраины Восточного Берлина, когда стену убрали, – вдруг оказались в центре города! А Александерплац, где телебашня, это в центре Восточного Берлина, там прежде был еврейский район.

И вот что я еще вспомнил… В 90-м я писал заметку про Катю Лычеву, которую Горбачев выставил против Саманты Смит. Она еще мирила кого-то на Ближнем Востоке, и это было забавно. Я нашел Катю… Она уже была взрослой девушкой, с объемной фигурой…

– Говорят, племянница Горбачева.

– Да кто ее знает… Прихожу к ней домой. Они там сидят такие научные, политкорректные, тонкие – а тут я… Разговор не клеится. Папа молчит в углу. И тут я им говорю: «О, вот у меня совершенно случайно с собой бутылка самогонки! Может, мы ее это, того?» И что им оставалось – сервировали стол под самогон. Все оживились, беседа потекла, они меня звали заходить по-простому. Это я тогда еще пытался по старой привычке продолжать гнать…

Другое очень интересное событие года. Я, заработав бабок, поехал в Египет. Это сейчас туда ездят секретарши в отпуск! А в то время никто не ездил еще, Египет казался страшно экзотической страной. Ну, потом это ощущение пропало…

– А тогда еще было?

– Было! Встаешь утром, выходишь на улицу – смотрите, пирамиды! И вот картинки на папирусе – их на какой-нибудь арабской Малой Арнаутской клепали. А что ж они такое едят? Какие-то простые котлетки, но вкус – типа неповторимый. Египетское вино – вот это да! Ну-ка налейте мне его! И еще туда я взял с собой пару армейских фляжек по 0,9 с самогонкой. И перед обедом непременно…

– Ну понятно, чтоб малярию не подхватить.

– Да не то чтоб малярию, а просто чтоб не обосраться. Южная ж страна, экономический класс отдыха. И такой у меня получался самогонный аперитив… Выпил перед обедом – и дальше уже все нормально, знаешь, что не обдрищешься. Ну вот мы сидим с товарищем на набережной в Александрии, прямо на парапете. И выпиваем. А тут подходит их мент – с усами, в черном суконном костюме, при плюс тридцати. Думаю, может, тут распивать нельзя, страна мусульманская, – непонятно, как будет ситуация развиваться. Группируюсь.

Мент спрашивает: «А что это вы тут пьете?» Ну, думаю, началось… На всякий случай говорю: «Ты что, такая вещь, ебани-ка!»

– Это он с вами на английском?

– Ну да, на плохоньком таком. Наливаю ему, он принюхивается и говорит: «Чего-то мне боязно. Что-то странное такое вы пьете». Да ладно, говорю, чистейший продукт, натуральный! И наливаю чуть на гранитный парапет, в выбоину, поджигаю спичкой – типа, первый сорт, горит синим огнем. Тут он совсем испугался: разве ж можно это пить, оно вон аж горит? Ну и обошлось. Это он от нечего делать к нам пристал. Так вот, 90-й год – это был такой переходный период: уже есть бабки на загранпоездки, но еще гонишь самогонку. Она скоро, правда, сошла на нет. И куришь то «Беломор», то «Gitanes». Это называется много-укладность, по-вашему, так?

– Угу. Ну да. И ездишь – еще не во Францию, но уже в Египет.

– И я еще помню, как купил с переплатой, за взятку, стиральную машину полуавтомат – «Эрика» или «Эврика», что-то в этом роде.

– «Вятка».

– Нет, «Вятка» – автомат, а то полуавтомат. И я один раз лично на ней постирал. А еще надо было искать работников в газету. Я многих знакомых журналистов тянул, а они не шли.

– О!

– Во-первых, говорили они, у вас там непонятно что. Какая-то левая газета – частная лавочка! Не сегодня завтра закроется. Во-вторых, у вас там надо вкалывать, а это не очень приятно. Там у вас и ночуют на работе… А что бабки платят другие, что с того? Мы за двести или даже триста рублей ни хера не делаем и еще можем где-то шакалить, а у вас там подыхать без выходных. Кому это надо? Я попервах страшно удивлялся. Вроде ж я с продвинутыми людьми разговаривал! Которые обречены на то, чтоб быть либералами! Рыночниками! Люди ж свободной профессии! Но – нет. Что ж про остальной народ говорить, куда более темный? Какой от него ждать любви и готовности к рыночной экономике?

Редакция тогда была на Хорошевке, в жилом доме, на первом этаже. Компьютеры стояли с черно-белыми мониторами, интерком был и даже один факс. И все спрашивали: «А кто вам разрешает такую хуйню писать? Как цензура пропускает?» Да нету, отвечали мы, никакой цензуры. Не может такого быть! Как же в типографию заказ

принимают? Ну, со всеми можно как-то договориться. А я, надо сказать, до этого писал большие заметки. Ну так, на полосу большой газеты. И вдруг из таких здоровенных кусков в «Коммерсанте» стали делать маленькие, каких десяток вмещался вместо одного… А получалось – неплохо. Поначалу было обидно: хера ли они меня так сокращают. Но я понимал, что это какой-то другойязык, непохожий на старый газетный. И я, стиснув зубы, решил его выучить. Думал, буду знать два языка. То на одном буду сочинять, то на другом. Выучил я новый газетный язык – и понял, что на старом писать невозможно. Кстати, в то время мы работали бок о бок с Глебом Павловским и часто виделись. Он был одним из основателей информационного кооператива «Факт», из которого вырос «Коммерсантъ». Еще была свежа память о его диссидентском прошлом. Никто еще не знал, что Глеб примется рулить кремлевским пиаром. Может, это единственный из наших диссидентов, кто так высоко поднялся.

Комментарий Свинаренко

Какое-то время «Коммерсантъ» считался, что называется, культовым явлением. Писали про него много. В числе прочих и сам его основатель Владимир Яковлев:

«…Мой приятель решил заработать деньги и занялся кооперативом, которому предстояло вязать кофточки. Меня же он попросил помочь в регистрации кооператива. Тогда это было бесконечно сложным делом, и мы договорились: как корреспондент „Огонька“, я буду проводить нечто вроде эксперимента. В редакции об этом понятия не имели. Я же вел тяжбу с Мосгорисполкомом, проводил через канцелярии документы. И понял: мне это нравится. Кооператив мы зарегистрировали. Он начал работать. У меня очень долго был свитер, по которому мы учились вязать». «Наш кофточный кооператив был вторым или третьим в Москве…Так и родился „Факт“, который отвечал на вопросы будущих кооператоров».

«Факт» был довольно известным и, в общем, финансово устойчивым кооперативом. Один из нескольких кооперативов, занимавшихся разного рода торговлей информацией. Эта торговля, впрочем, приносила не много денег. Мы по-разному выходили из этой ситуации, занимались, например, перепродажей компьютеров, которая по тем временам была популярным и доходным делом».

«Мы все учились. Делали очень много ошибок, и все платили

за них, многие – своей жизнью. Все проходили через ошибки. В основе успешных состояний, однако, не они, а труд. Кровь и обман – в основе разорений. Это, разумеется, не касается криминальной сферы».

«[Я] перешел от кооператива „Факт“ к газете „Коммерсантъ“ тоже случайно. Кооперативы росли как грибы. И началось движение за создание Союза кооператоров. Частично как ответ на социальное давление, а еще больше – как борьба различных групп за влияние на кооператоров. Артем Тарасов предложил делать газету кооператоров. Сперва я пожал плечами: пустая затея. [После немного] повыпендривался и согласился».

Вот цитатки из разных заметок про те романтические времена, когда начинался так называемый старый «Коммерсантъ».

«Лучшие сотрудники „Московских новостей“ группами и бегом перебираются в „Коммерсантъ“ *(это из мемуаров одного такого перебравшегося.* – И.С.*),* где с самого начала платили 50 рублей за страницу и в месяц классный репортер мог заработать на десять поросят на колхозном рынке».

«Володя *(Владимир Яковлев.* – И.С.*)* любит своих сотрудников суровой отцовской любовью. Он дарит им импортные сигареты, виски, газовые пистолеты, мечты, посылает отдыхать на Средиземное море, обедает, как бригадир золотодобытчиков, с ними за одним деревянным столом, шутит, по-зимнему улыбается и кует, кует дистанцию». «Читать Володя не любит и свободное от „Коммерсанта“ время проводит в обществе видеофильмов с драками, побоями и убийствами». Поскольку у него «выработалось глубокое отвращение к процессу чтения вообще», ведь приходится читать «каждый номер до конца и плюс все остальные бумаги». «Также он не любит рано вставать и старается приезжать в редакцию к 11 часам, но не всегда полу чается».

Объяснив, что редакция в то время занимала первый этаж одного подъезда жилого дома и состояла из «11 небольших комнат и кухни», кто-то из репортеров дал такой «…прогноз: в весьма недалеком будущем Владимир Яковлев станет миллионером (может, уже стал), а „Факт“, „Коммерсантъ“ и родственное агентство новостей „Постфактум“ превратятся с одним промежуточным этапом в крупный концерн с собственным небоскребом причудливой конструкции где-нибудь на углу Садового и Спиридоновки…»

«Американец, миллионер Том Дитмар… инвестировал деньги в газету. Я познакомился с ним совершенно случайно в Москве еще до создания газеты. Потом он уехал, появился „Коммерсантъ“, возникла потребность в инвестициях – и появился

вариант Тома Дитмара. Я поехал в Америку. (Это сентябрь 89-го.) „Дитмар с большой охотой – тогда в Америке это было очень модно – решил с нами сотрудничать. Он приобрел эксклюзивные права на распространение «Коммерсанта“ в ряде стран, мы – около 300 тысяч долларов. Исключительно в виде техники, оборудования. Вот, собственно, и весь секрет.

Сначала был Том, с которым мы, в конце концов, расстались, потом французы, купившие часть акций «Коммерсанта», – мы в итоге выкупили их обратно. Дитмару деньги не вернули: условия сделки и не предполагали такого поворота событий».

А вот что писали про основателя «Коммерсанта» американцы, которые у него работали в самом начале 90-х:

«Его (Яковлева) отличала напористость, чистота ботинок посреди зимы – последняя благодаря такой роскоши, как персональный водитель; ловкость, с которой он добивался своего – не совсем легальными методами, но с при былью…»

Граждане США были потрясены темой лекции, прочитанной русским капиталистам (в рамках проводимых «Фактом» платных семинаров, которые давали приток денег): «Чувствительность иностранцев к запахам». Там давался совет – менять рубашку каждый раз, как сходишь в душ.

Еще американцы сделали такое открытие: «Русский никогда не скажет тебе правду. Но и не солжет. Он скажет то, что ты хочешь услышать»!!! – *И.С.*

А вот снова прямая речь.

«Я был назван в честь своего деда, который в Гражданскую командовал одесской ЧК. Я еврей. Вот. У меня папа русский, мама еврейка, и поэтому вот я еврей. Это факт, которому я, честно говоря, никогда особого значения не придавал».

«Бизнес – это вообще великолепная школа любви к людям. Конкретная практическая школа. Я скажу тебе необычную вещь: в этой жизни нет человека, который не любил бы других людей. На самом деле каждый из нас исполнен любви. Ты не можешь найти никого, кто сказал бы тебе: я совершил нечто сознательно во зло другим. Любой человек действует во благо, какие бы страшные вещи он при этом ни совершал. Проблема не в том, любишь ли ты людей. Проблема – как ты выражаешь свою любовь. Вот это – искусство, это – настоящее учение.

Буддизм, как и христианство, и иудаизм, и мусульманство, учит прежде всего любви, искусству любить. И если ты учишься этому искусству, то не важно, где и при каких обстоятельствах ты ее (любовь) проявляешь. Ты стремишься сделать ее постоянной частью своего существования, которая проявляется везде. С этой точки зрения нет разницы между, скажем, бизнесом и сидением в

лесу за чтением книги».

Комментарий Свинаренко

О государственных делах. Почти одновременно случились принципиально важные, символические события: в Москве открылся первый в СССР «Макдоналдс», был распущен Варшавский Договор, из Афганистана ушли остатки советских войск.

Далее. В 90-м вернули гражданство СССР вот кому: Ростроповичу, Вишневской, Солженицыну.

Внимание! В мае 90-го прошла сессия Верховного Совета. Там шел серьезный, как тогда многим, а может, и всем, казалось, разговор о переходе к рынку. Вы будете смеяться, но главным докладчиком был Рыжков – не теперешний, а Николай. Ему виделось так: переход к рынку займет шесть лет или даже восемь. На первый этап он отвел три года. К 93-му году вместо расстрела Белого дома коммунистические экономисты прогнозировали завершение подготовки экономики к переходу на новые рельсы, рассчитывали «создать инфраструктуру рыночной экономики» *(это что за зверь такой?* – И.С.*)* и даже что-то приватизировать – тогда для этого они применяли девственный стыдливый термин «разгосударствление» (так предыдущие теоретики к 1980 году вместо реальной Олимпиады ожидали построения в стране коммунизма…) Далее после трех лет такой любовной игры коммунисты собирались принять «более динамичные меры перехода к рынку». Забавно, что эту программу ругал Ельцин – говорил, что она «приведет народ к обнищанию». Это ж было только вчера! Прошел исторически ничтожно малый срок! Но ведь и темпы взросления какие! Го д назад еще с приемничками транзисторными ссали кипятком от трепа на съезде, а теперь, поди ж ты, «инфраструктура и динамичные меры…» Типа быка за рога и строить новое общество! По плану!

В 90-м прошел XXVIII, кажется, последний – приятно об этом напомнить, – съезд КПСС. Веление, пардон, времени – на альтернативной основе! Не один претендент, а куча! Одним из восьми кандидатов в генсеки был некто Столяров – полковник, доцент Военно-воздушной академии им. Ю.А. Гагарина. Он отличился тем, что сказал Горбачу такие пафосные слова: «Разорвите порочный номенклатурный круг, и в вашем ближайшем окружении появятся личности самобытные, яркие, смелые, ищущие, думающие… Сильный руководитель подбирает себе соответствующих помощников, слабый ищет себе подобных». (Алик, ты когда это слушал, наверное, думал, что Горбач

расчувствуется и позвонит тебе, позовет срочно в Кремль.) А чё, неплохо, несколько даже в духе Конфуция. Михаил Сергеевич, наверное, охерел. Думает: кого это выпустили, что за чудак? Он щас такого вообще наговорит! Этого прекраснодушного Столярова потом выбрали куда-то в компартии РСФСР. Он еще сделал одно предсказание: «Без власти мы получим не рынок, а только пародию на него. Незрелая демократия способна трансформироваться в то, от чего мы отказались. Мы можем либо вернуться к тоталитарному прошлому, либо к тому, что мудрый Платон назвал стихией наглости и анархии». Смешно, правда?

Куда ж потом делся Столяров? Вот бы он нашелся и снова нам что-то веселое исполнил!

Бутылка десятая. 1991

В 91-м оба персонажа спасали отечество – или по крайней мере пытались. Во всяком случае, они так думали. А что в этом плохого?

91-й – это ровно середина интересующей нас эпохи (1982–2001). Это последняя глава второго тома. Пока вы почитываете эти строки, мы наговариваем третий том.

– Алик! Когда год начинался, мы и знать не знали, чем он кончится. В моих планах такого не было – менять политический режим. Настроение, я помню, было такое: пока все разрешено, надо что-то успеть сделать, куда-нибудь съездить, чего-то заработать… Какая-то суета… Люди какие-то все мелькали. С Гдляном я тогда встречался, с Артемом Тарасовым, со всякими прокурорами из Чечни – с ними мы выпивали в буфете одного дешевого московского отеля. Это считалось круто. И у них, пьяных, из карманов сыпались пистолеты. Было душно, сумеречно, и советские плюшевые занавески на буфетных окнах тяжело пылились… О чем я со всеми этими людьми говорил, чего они хотели от отдела преступности – забыл.

Американцы тогда еще навалились, столько их, репортеров, оттуда понаехало! Откуда-нибудь из Милуоки, они вообще были никто, а хотели стать всем в дикой стране. Типичная заявка такого американца с фермы со Среднего Запада: «Я приехал на три дня в Москву, чтоб быстренько найти золото партии (КПСС), прославиться на этой сенсации и разбогатеть». Разумеется, русского они не знали, но это их не смущало. Что справедливо: знай они язык, количество найденного золота партии от этого бы не увеличилось. Надо сказать, что за помощь в работе американские следопыты обещали заплатить чуть ли не полсотни долларов.

– То есть они так оригинально придумали – найти золото партии. А таких оригиналов оказалось – тысячи! Я видел похожую схему этим летом, когда взял в аренду маленькую яхту и поплыл по греческим островам. И приехал я на остров Итаку – родину

Одиссея. Так все яхты, которые там стояли, назывались «Одиссей». Или «Улис» на худой конец. И я подумал – почему так? Флаги разных стран, а название одно? И я представил себе отца семейства где-нибудь в Англии. Вот он сидит и планирует летнее путешествие. И думает: «Будет очень оригинально, если я на яхте „Одиссей“ зайду на Итаку. Меня там встретят аплодисментами! Люди выбегут встречать на набережную! Ах, „Одиссей“ вернулся на Итаку!» И сколько ж отцов семейств так сидело и планировало – в разных уголках земного шара! Только одна моя яхта называлась иначе. Вот и те журналисты из Милуоки сидели и думали – никто не догадается найти золото партии и написать про него репортаж! Я один напишу – и сразу вернусь к своей Мери, под жопу ее толстую.

– Но был среди них и некто Дэвид Рэмник – не самоучка из Портленда, штат Орегон, как обычно, – но настоящий корреспондент «Вашингтон пост», аккредитованный в Москве. Карьерный такой журналист. Иногда он звонил мне, просил дать консультацию. Ну отчего не дать – сидим, бывало, пьем, вот как сейчас с тобой, и треплемся; это у нас тогда называлось «консультация». И вот спустя годы в Нью-Йорке в книжном магазине я увидел полку, которая вся была заставлена книгами Рэмника! Одна очень толстая была – про тайны русского путча. Типа «Судьбы России и наша эпоха». Что-то есть в этом! Человек пожил пару лет в Москве, понял всю Россию – и уехал домой, и там всю эту понятую Россию описал в книгах. И ничего в этом страшного. Я такое часто встречал в Америке – нерусское трепетное отношение к результатам своего труда. Помню, в одном американском доме на стене увидел яркую картинку. И спрашиваю хозяйку: «Судя по дорогой раме, это, наверное, серьезная работа кого-то из классиков абстрактного искусства?» Да нет, отвечает, это я недавно купила новый принтер и испытывала его в разных режимах. А после понесла листок выкидывать на помойку, но по пути пожалела. Все-таки я полчаса времени на это убила! Пусть останется…

После такого урока и я стал трепетней относиться к своим текстам. Вон сколько я их уже выпустил в виде книг. Да… И вот эти американцы все терлись тогда среди нас… Помню, кто-то из них позвал меня выпивать. Домой к себе, на какую-то съемную квартиру на бульварах. Я пошел. Ну, думаю, приду сейчас вот с пузырем, мы с американцем сядем на кухне, он порежет колбасы, достанет граненые стаканы, мы будем сидеть вдвоем за столом, пить водку и спорить о судьбах отечества, пытаясь друг друга перекричать. А вместо

этого там оказалось пятьдесят гостей, они бродили по квартире и тянули виски из пластиковых стаканчиков. Специально каких-то студенток норвежских хозяин предусмотрительно подогнал… Это сейчас ясно, что то было типовое американское party, – а тогда я подумал, что эта разовая уникальная акция. Мне казалось, что человек на моих глазах изобрел принципиально новую технологию времяпрепровождения. Я ждал, что вот скоро разойдутся эти случайные люди и мы наконец займемся тем, что планировали, – бухать на кухне и спорить о всякой херне. Но я уходил в ночи, а они оставались и продолжали тусоваться.

Вообще тот год весь был какой-то театральный. Бурлеск, маскарад, переодевания… Вспоминается Пелевин – какие-то странные, как будто придуманные сюжеты…

– Да… А я помню, был обмен денег – в апреле, по-моему. Очень было интересно. Я, как предисполкома, был назначен председателем комиссии по обмену денег! В нее, кроме меня, входили кагэбэшник, прокурор, председатель финансового комитета.

– А вас было столько, чтоб вы посерьезней отнеслись?

– Ну да. Но все разболтали тут же. Все было нормально.

– А ты с этого что-то наварил?

– Ни хуя. Ни-ху-я. Ничего не наварил. Потому что обменивал всем все. И ничего себе за это не брал. Это была моя внутренняя установка. Я решил, что нужно провалить эту реформу. Откровенно говоря, я не понимаю смысла – зачем это нужно было делать? Они думали, что некоторое количество людей постесняется показать свои кубышки и так они санируют денежное обращение. Ну понимаешь, да? Но люди принесли все, что у них было. Несли по пятьдесят, по сто тысяч.

– А у тебя были запасы кэша, чтоб столько денег выдать?

– Нет. Зачем? Это ж через Сбербанк все. Я только подписывал.

– А почему ты решил провалить эту реформу?

– Потому что я считал, что это свинство – отбирать у людей деньги. Вот. Очень, очень было интересно…

Комментарий Коха

Конец Советского Союза. 1991 год. У нас, Игореша, книжка разваливается на две половины: десять бутылок про Советский Союз, а десять бутылок – про Россию. Ведь не договаривались, а само получилось. Магия чисел… Ебеныть.

1. Страх, обычай и романтические демоны

Вот подходит конец первой половине. Подведем итог. Чем был для страны курс Горбачева? Был ли неизбежен крах? Была ли перестройка и гласность свободным выбором титана, или Горбачев был заложником обстоятельств? В череде этих вопросов павловский обмен денег – жалкая соринка в океане событий. Но соринка очень характерная и демонстрирующая всю хрупкость власти, ее безусловную условность.

Как я уже говорил раньше, власть – это лишь частица тонкой корочки цивилизации, которая покрывает бушующую вселенную человеческого стада. Демоны свободы, анархии и разрушения могут быть скованы лишь страхом и обычаем. Когда же страх исчезает, а обычай повсеместно подвергнут сомнению, демоны вырываются наружу и обывателю остается только молиться, чтобы вырвавшаяся из пут человеческая изнанка привела к минимальным жертвам. Один из лучших поэтов нашего поколения, Тимур Кибиров, в своей стилизации-пародии на поэтов-революционеров «К вопросу о романтизме» так описал этот угар кретинизма:

И скучно, и грустно. Свинцовая мерзость.
Бессмертная пошлость. Мещанство кругом.
С усами в капусте. Как черви слепые.
Давай отречемся! Давай разобьем
Оковы! И свергнем могучей рукою!
Гори же, возмездья священный огонь!

На волю! На волю из душной неволи!
На волю! На волю! Эван эвоэ!
Плесну я бензином! Гори-гори ясно!
С дороги, филистер, буржуй и сатрап!
Довольны своей конституцией куцой?!
Печные горшки вам дороже, скоты?
Так вот же вам, вот! И посыпались стекла.

Эван эвоэ! Мы под сводом законов
Задохлись без солнца – даешь динамит!
Ножом полосну, полосну за весну я!
Мне дела нет, сволочь, а ну сторонись! и т. д. и т. п.

2. С чего все началось

Однако вернемся к нашим баранам. Горбачев встал во главе

Советского Союза в 1985 году. Страна добывала примерно 600 миллионов тонн нефти в год, помимо этого около 500 миллиардов кубометров газа, металл, лес и прочее. Не забудьте, что это все вместе с Казахстаном, Украиной и другими республиками. На территории РСФСР в то время добывалось нефти почти столько же, сколько и сейчас, – около 400 миллионов тонн, а вот газа мы уже добываем больше – примерно 520 миллиардов кубометров. В целом СССР имел довольно устойчивую экономику с очевидным сырьевым уклоном. К недостаткам этой экономики нужно отнести зависимость от импорта продовольствия, чудовищно милитаризованную обрабатывающую промышленность и сферу научных исследований и опытно-конструкторских разработок (НИОКР).

К тому моменту СССР начал отставать от ведущих стран прежде всего в сфере информационных технологий. Дальнейшее отставание могло фатальным образом сказаться на сохранении военного паритета, и поэтому было принято решение о резком качественном скачке в сфере высоких технологий. Дальше будет понятно, почему это на первый взгляд правильное решение стало поворотным моментом в истории нашей страны, первым шагом, после которого нет пути назад. Это решение, по сути, и развалило Советский Союз.

Принятое решение было чрезвычайно субъективным, поскольку основывалось не на потребностях населения, не на спросе, а на фетише военного паритета. Носителем этого фетиша была тогдашняя правящая элита, которая сама не могла четко объяснить, зачем ей этот паритет. Впрочем, фетиш на то и фетиш, что его нельзя объяснить логически. Целесообразность, в следующем поколении превращающаяся в правило, через поколение становится фетишем. Оголтелый милитаризм Сталина, основанный на теории броска на Запад, был целесообразен в рамках той системы ценностей, поскольку имел все шансы на успех. Ставший правилом милитаризм Хрущева и Брежнева был хотя бы невреден, поскольку являлся минимальным стимулом к научно-техническому прогрессу. Милитаризм Горбачева, выродившийся в манию военного паритета, не мог объяснить никто, включая его самого. Налицо классический фетишизм.

Так или иначе, но была принята программа ускоренного развития отраслей высоких технологий: электроники, робототехники, коммуникаций и связи. Госплан начал выделять огромные средства, началось строительство новых заводов, развивались исследовательские институты, открывались новые факультеты в вузах и так далее. Это тогда модно было называть – целевая комплексная программа. Потребовались массированные

закупки западного оборудования – были выделены значительные средства в валюте. Совок, как большой неуклюжий бульдозер, скрипя, громыхая и изрыгая дым, начал поворачиваться в указанном направлении. Ни у кого этот маневр не вызвал тревоги. Все как обычно, так уже много раз было. Сказали создать металлургию – создали. Сказали освоить нефтяные месторождения Западной Сибири – освоили. Сказали полететь в космос – полетели.

Заработала пропагандистская машина: даешь научно-технический прогресс! Догоним Японию по количеству роботизированных комплексов! Персональный компьютер – это не роскошь, а необходимая в работе вещь! И все дальше, в том же духе.

Однако оказалось, что все не так просто. Оказалось, что для сферы высоких технологий нужна совершенно другая культура производства. Совершенно иной уровень подготовки персонала – как рядового, так и инженерно-технического. Нельзя сказать, что в Советском Союзе таких людей не было. Конечно, были, и много. Однако все они трудились в отраслях, созданных еще при Сталине и Берии: в атомной промышленности, в ракетно-космической, авиационной и некоторых других. Оттуда этих людей забрать нельзя – опять же военный паритет нарушится. Короче, нужно воспитывать новые кадры и переквалифицировать старые. Колоссальная задача!

Очевидно, по многим обстоятельствам, что сталинского сценария (шарашки и лагеря) при решении этой кадровой задачи у Горбачева не было. Оставалось одно – воспитывать не кнутом, а пряником. А если пряником, то нужно повышать зарплаты, строить больше жилья, больше и разнообразнее питаться, нужно выпускать хорошую, добротную одежду, качественные товары долговременного пользования и так далее. Опять находятся ресурсы, строятся заводы, закупается импортное оборудование. Опять бульдозер, урча, поворачивается и в эту сторону – даешь рост производства товаров народного потребления!

Для развития воображения будущих инженеров нужно дать им более разнообразную духовную пищу, а не пичкать застойной, опостылевшей жвачкой. Значит, необходимо резко поднять качество собственного кинематографа, литературы, телевидения. Пришлось признать и неизбежность частичного открытия «железного занавеса», пока на уровне попсы. Опять требуются пусть небольшие, но дополнительные ресурсы.

Таким образом, тот маневр, который первоначально замышлялся как абсолютно локальный и безобидный, затронул практически все сферы Совка, и страна, абсолютно застывшая и,

казалось бы, не сдвигаемая никакими силами, начала постепенно, все ускоряясь, меняться. Этот маневр, в приятном соседстве с чернобыльской катастрофой, потребовал все возрастающего колоссального количества ресурсов, что неизбежно сказалось на расходной части бюджета. Очевидно, что в сочетании с огромным оборонным заказом расходная часть бюджета росла год от года как на дрожжах.

Что же в это время происходило с доходами страны? К тому времени Запад уже пережил энергетический кризис. Были разработаны энергосберегающие технологии, экономичные двигатели. Освоены новые месторождения нефти: в Северном море, Мексиканском заливе и пр. Страны Персидского залива резко подняли добычу. Все это привело к падению нефтяных цен, а значит, к сокращению доходов советского бюджета.

Увлеченные идеей создания нового человека для постиндустриального общества, человека, способного производить высокотехнологичную продукцию, образованного и эффективного, наши вожди вдруг обнаружили (батюшки!), что советский человек пьет как скотина. Началась фантасмагорическая борьба с пьянством и алкоголизмом. Опустим все перипетии этой борьбы. Мы все хорошо помним и прекраснодушие вождей, и безалкогольные свадьбы, и чайники с коньяком, и вкус одеколона, и не раз уже упоминавшееся самогоноварение. Здесь важно то, что сокращение потребления алкоголя (и соответственно сокращение его производства) нанесло удар по доходам бюджета. Я когда работал вице-премьером, то, помимо прочего, отвечал и за собираемость алкогольных акцизов. Так вот, я специально поднял статистику по годам, предшествующим описываемому периоду. Доходы от продажи алкоголя составляли примерно 20 % от доходов бюджета. Кроме того, в связи с сокращением расходов на потребление алкоголя граждане предъявили освободившиеся деньги на рынок для покупки других товаров и смели с полок магазинов все, что на них было. Начался тотальный дефицит.

Даже умственно отсталый дебил поймет, что вопрос бюджетного дефицита в этих условиях лишь вопрос времени. И он не замедлил явиться. Чем его покрывали? Тремя вещами. Первое – западными кредитами. В общей сложности было заимствовано около ста миллиардов долларов. Второе – необеспеченными кредитами (по сути – эмиссией) Госбанка. Это привело к тотальному дефициту всего. Третье – напоследок, в начале 1991 года, уже Павлов взял пятилетние кредиты (по сути – изъял средства граждан) у Сбербанка и Госстраха (об этом чуть позже).

Представим себе: огромное количество заводских корпусов

строится, закуплено импортного оборудования на миллиарды долларов. Миллионы людей работают на этих стройках. Им всем нужно платить зарплату. Но заводы, которые они строят, еще не производят никакой стоимости (забегая вперед, скажу – и не произведут, поскольку кончатся деньги). Таким образом, товаров больше не стало, а люди зарплат получили больше. Опять кошмар дефицита всего. Цены-то устанавливаются государством, а не являются результатом баланса спроса и предложения.

Деньги потеряли даже тот убогий смысл, который они имели при социализме, и окончательно превратились в резаную бумагу. Именно на излете перестройки мой отец, который всю жизнь неплохо зарабатывал на заводе, завел коров, поросят, кур. И все наше семейство и в Тольятти, и в Питере питалось с этого (были даже попытки варить сыр). Человек потерял последнюю связь с государством – деньги. А больше его с родным государством ничего-то и не связывало по большому счету. Страна погрузилась в царство бартера и натурального хозяйства.

3. Чем все кончилось

Однако власть не замечала надвигающейся угрозы. С упорством маньяка она не хотела сокращать расходы. Когда же наконец поняла, что это необходимо, то взяла и остановила финансирование всех указанных выше инвестиционных проектов, вместо того чтобы сократить оборонные расходы. В 1990 году у нас был самый большой в советской истории оборонный бюджет. Одна программа «Буран» стоила около десяти миллиардов долларов. А ведь 70 % остановленных инвестиционных проектов именно в этом и следующем годах должны были дать первую продукцию.

Весной 1991 года новый премьер Валентин Павлов решил убить двух зайцев сразу: резко сократить количество денег на руках у населения, чтобы сгладить проблему дефицита, и заодно пополнить бюджет неэмиссионными рублями. Для этого он затеял обмен денег в расчете на то, что люди не понесут обменивать кубышки. Но люди понесли. Они объясняли: бабушкино наследство, нашел на улице, копил всю жизнь, тетка дом продала и так далее. А на местах сидели такие, как я, которые хотели им верить, и поэтому в части обмена денег реформа провалилась. Однако у этой реформы была еще одна, более масштабная задача. Как я уже говорил, Павлов решил взять кредиты у Сбербанка и Госстраха. Кредиты решено было взять большие, надолго и под маленький процент. То есть, по сути,

изъять вклады граждан – и дело с концом. Поэтому в постановлении об обмене денег маленькими буковками, в конце и где-то сбоку было написано, что, мол, вклады больше 4000 рублей замораживаются, а когда разморозятся, то об этом будет сообщено дополнительно.

Кстати, в этой связи не могу не заметить, что, когда Гайдар отпустил цены, то его упрекали во всех смертных грехах. Но один грех ему точно предъявить нельзя – он не обесценил вклады граждан. К тому моменту, когда пришло правительство Гайдара, этих вкладов уже не было. Их потратили Павлов с Горбачевым. То есть запись в сберкнижках у граждан, конечно же, была, а вот денег – не было. Куда потратил Горбачев эти деньги – одному Богу известно. Только когда через полгода Гайдар пришел в союзный Минфин, их там уже не было. Лишь искаженное восприятие нашими людьми действительности и «чудно» работавшая при Ельцине пропагандистская машина убедили всех, что Гайдар украл вклады граждан. Кстати, Минфин России в 1995–1996 годах вернул эти кредиты и Сбербанку, и Росгосстраху. Однако это были уже другие деньги – инфляция их съела.

Финальным упражнением Горбачева была децентрализация финансовой системы СССР. Как известно, в 1990–1991 годах союзные республики настаивали на обособлении денежного обращения, включая создание собственных центральных банков и получение квот на эмиссию. Надо заметить, что именно на таком варианте союза сейчас настаивает Белоруссия. Российское руководство отказывается от этого варианта, прекрасно понимая, что при таких условиях союз не более чем декорация. Поэтому Путин твердо стоит на позиции единого эмиссионного центра.

Нужно понимать, что на тот момент у Горбачева были все необходимые конституционные полномочия (включая силовые) для предотвращения децентрализации финансовой системы СССР. Абсолютно неверно утверждать, что он не понимал опасности такой децентрализации для целостности страны – ему много раз объясняли те последствия, к которым это приведет. Перед ним положили проект Указа Президента СССР, который сохраняет единую финансовую систему. Он сознательно отказался его подписывать. Вот как покойный премьер Павлов описывает это в своей книге «Упущен ли шанс» (с. 140–141).

«…Оставляя в стороне все предположения, подтвердить или опровергнуть которые может только история, могу сказать, что крах перестройки, наряду с другими факторами, предопределили личные человеческие качества Горбачева, его глубокое безразличие ко всему, что не касалось его собственного

благополучия. А пиковым моментом, когда Горбачев полностью раскрыл себя, предательски дав зеленый свет развалу Союза, было то памятное совещание, когда он по сугубо тактическим соображениям отказался подписать Указ, сохранявший целостность кредитно-финансовой системы страны.

Своими руками Горбачев выпустил на волю «финансового джинна», который вскоре на части разорвал великую державу, строившуюся столетиями. Он все понимал. Он отлично осознавал последствия своего равнодушия. Но он в буквальном смысле не пошевелил пальцем, чтобы спасти государство.

В Беловежской Пуще тогдашними политическими лидерами России, Украины, Белоруссии распад СССР был оформлен официально.

Однако я глубоко убежден, что в действительности истинным виновником катастрофы является Горбачев».

4. Небольшой итог

Крах СССР был неизбежен. Финансовая система не выдержала горбачевского прожектерства. Рейган загнал нас за Можай. Если и существовал сценарий сохранения Союза, то он состоял в том, что необходимо было сразу выйти из гонки вооружений и глобального противостояния, потеряв соответственно международные позиции, высвободившиеся средства направить на те два направления, на которые и предполагали, – высокие технологии и ширпотреб, и наращивать ВВП, имея статус региональной державы, но члена ядерного клуба. Это, собственно, и есть китайский путь. Но не нашлось у нас своего Дэн Сяопина. А задним умом все крепки. Я думаю, что в 1985 году не было ни одного человека, который считал этот сценарий реалистичным. Случилось то, что случилось.

Тем не менее сейчас мы фактически находимся именно в этой точке. Мы – региональная сверхдержава, член ядерного клуба. Мы не участвуем в гонке вооружений и никому не противостоим. Экономика наша растет, и инвестиционные приоритеты определяются спросом и предложением.

Но у нас есть и несомненные преимущества. У нас уже прошла приватизация и построены основы демократических институтов. Китаю еще все это предстоит. Так что все не так плохо.

Да… История не знает сослагательного наклонения. Еще: в истории масштабы тех или иных фигур определяются позже. Иногда – очень поздно. Иногда – никогда. Есть Нобелевский

лауреат мира Ясир Арафат. А есть Александр Второй, которому никто, кроме меня, не хочет ставить памятник. Много кого и чего есть. В истории уже прочно есть Горбачев и Ельцин. Они теперь, как «сладкая парочка», всегда будут вместе: Горбачев и Ельцин, Ельцин и Горбачев. Может, это Господь их так наказал? За то, что ругались, а на кону была страна. Теперь вот и сидите в истории вместе. Доненавиделись.

Через сто лет школьники будут их путать. Кто за кем шел? Кто кого сверг? Елки-палки, ну зачем все это учить?! Тема «Основатели нашего государства». Боже, какая муть… Давай еще раз. Владимир Красное Солнышко… Владимир Мономах… Это Рюриковичи… Петр Великий… Николай Первый… Это Романовы… Ленин, Сталин… Кухаркины дети, солдатские императоры. Ельцин – Горбачев… Или Горбачев – Ельцин? Разрази меня гром – не помню… Тоже безродные: деревня Будки Ставропольского края… Они оба там родились, с тех пор и ругаются, наверное… А вот – Владимир Третий. Это нынешние – Путины… Уф, все, кажись? Ладно, садись, три…

– Как сговорились. Те немножко, эти немножко, после еще кто-то… И так потихоньку….

– Все против народа, конечно?

– А разве не всегда так?

– Всегда. И каждый говорит, что он о народе заботится, да?

– Помню – это если чуть забежать вперед, – в дефолт, когда люди тыщами разорялись, Сергей Владиленыч полетел отдохнуть от передряг не куда-нибудь, а в Австралию. Это было очень красиво. Тонкий театральный жест. Я не спец в экономической политике, но обращаю твое внимание на проходные публикации такого рода: «На вкладах населения сколько-то триллионов денег, и вот для оздоровления экономики надо, чтоб эти деньги куда-то делись. И в кубышках столько-то – по-хорошему, это тоже должно куда-то ухнуться, и тогда экономика наконец заработает как часы. Получка будет спускаться за неделю вся – на товары первой необходимости». Всякое сбережение – это нож к горлу экономики. Так что, когда Горбачев заморозил вклады, а Гайдар освободил цены, – это и есть слаженная работа государственной машины. И можно орать: это не я забил, я только пас дал! Или наоборот: я не сам забил, а с его паса! Но результат – налицо. Счет два – ноль. Так?

– Нет. Нет! Тут сложнее. Да, действительно, нужно санировать денежную массу, то есть уменьшить количество рублей. Но помимо этого нужно еще и повышать оборачиваемость

денежной массы! То есть надо, чтоб граждане больше покупали. Следовательно, надо повышать доходы этих граждан. Скажу больше: повышение покупательной способности граждан – это самое стимулирующее экономику явление. На этом, собственно, стоит все кейнсианство, которое учит, что надо придумывать искусственные методы повышения потребления. Поэтому, когда ты говоришь ерунду, это неправильно.

– Как раз и из твоего кейнсианства вытекает то же самое – сбережения экономике не нужны. Она ж не на благотворительность нацелена. Идеально в этом смысле, как мне кажется, работала советская экономика – если ты покупал бутылку водки, то уже мог не волноваться насчет прочих трат: дневной заработок у большинства был меньше стоимости пол-литры. Это было для экономистов, думаю, счастьем. А кейнсианство, кстати, еще не заклеймлено как реакционная теория?

– Нет. А еще есть фридманизм – это как бы альтернатива кейнсианству.

– Это Фридман Михаил Маратыч придумал?

– Нет, Милтон Фридман. Чикагская школа. Но это не касается нашей темы.

– Но почему ты мне не хочешь рассказать про Кейнса? Ты, может, сам про него ничего не знаешь?

– Джон Мейнард Кейнс. Говорят, пидарас.

– А чем еще знаменит?

– Придумал теорию, основанную на так называемом мультипликаторе Кейнса. Ну перестань, это неинтересно!

– Как – неинтересно? Напротив. Гайдар, Горбачев и Кейнс.

– Нет. Неинтересно. Мне интересно другое: в 91-м Ельцина выбрали президентом. А Собчака – мэром, и это все в один день, кстати, произошло.

– Тебя все это порадовало?

– Да.

– И меня Ельцин страшно порадовал. Я думал – вот счастье. Царство справедливости. Все будет прекрасно теперь. Наконец-то мы этих товарищей…

– Так оно и случилось. Счастье и справедливость наступили. Правда, «товарищи» опять вернулись. Потому что вся Восточная Европа приняла законы о люстрации, а Россия не приняла. И не запретила работать на серьезных должностях коммунистам и кагэбэшникам.

– Если б она запретила, то кто бы командовал?

– Я, я бы командовал.

– Ага, и я. А больше никто. Вдвоем мы бы много накомандовали.

– Да до хуя бы мы накомандовали. Но вот Чубайс с Гайдаром – точно бы не командовали! Они же были коммунистами. А Димка Васильев бы командовал. Нормальная была бы компания.

– Что, думаешь, мы бы справились без коммунистов?

– Конечно. Знаешь, как было б хорошо, если б они не мешали…

– Ничего хорошего не было б в том, если б от власти были оттерты самые социально активные люди, самые карьерные… Хотя… Я бы расстреливал всю эту публику. В свое время – так с удовольствием бы.

– Мы б им сказали: ребята, если не хотите в расход, тогда заткнитесь и сидите в подворотне своей. А то с ними разговаривали, спрашивали их мнение…

– И еще так: «Вот сейчас каждый подписывает бумагу: я, такой-то, состоял в компартии, и потому подлец и негодяй, или дурак. Или продался. Прошу меня простить и буду платить алименты до конца жизни. И согласен ходить с клеймом на лбу». А кто-то б сказал: «Лучше расстреляйте». Ну вот, половину б расстреляли, а половина ходила бы с клеймом. Справедливо.

– Да. И избирательных прав их лишить.

– Это само собой. Кастрировать их или нет – это еще можно обсуждать, а что избирательных прав лишить – это точно.

– Кастрировать? Нельзя: у нас демографическая ситуация тяжелая.

– Вот видишь. Конечно, хотелось бы коммунистов поприжать. Но, с другой стороны, надо признать, что шустрых людей в стране мало. И многие из них пошли в партию, чтоб эту шустрость как-то пристроить к делу.

– Шустрость! Ха-ха-ха!

– А если этих, кто был в партии, отодвинуть в сторону и послать на второстепенную работу, то где б мы взяли людей на ответственные посты? Таких-то много, кто говорит: «Я ничего не умею, но зато я ничего не спиздил, я честный, я чудный», – но надо же как-то и горы сворачивать, а не просто сидеть со своей идейной девственностью… Так вообще бы все остановилось.

– А в августе был путч.

– Что, сразу? Как-то быстро мы до путча добрались.

– А что? Ельцина избрали, обмен денег провели – и сразу путч. Херак.

– А съезд депутатов? А начало переговоров в Ново-Огареве?

– Слушай, отвали, а? Это ж никого не интересует.

– Ты что, не помнишь ново-огаревского процесса?

– Да не было никакого процесса. Просто они сидели бухали… И на хуй Горбача посылали. Вот и весь процесс. Это, кстати, здесь недалеко, по пути на мою дачу, – где сейчас Путин живет.

– А, где кирпич висит?

– Да.

– А ты помнишь, что был референдум о судьбе СССР? И «за» было 112 миллионов человек. Из 146 миллионов голосовавших.

– Да помню.

– И что ты об этом скажешь?

– А чего тут говорить? Ну и х… с ним.

– Ну как же? Люди сказали – СССР сохранить, а им ответили: «Очень хорошо, но мы его развалим. Пардон».

– Да, и его закрыли. В соответствии с решениями.

– Обанкротили. Умышленно.

– Ну ты же помнишь, какой Горбачев льстивый вопрос задал? «Согласны ли вы проживать в союзе равноправных и справедливых, где все поровну и все чудесно?» За такое все проголосуют! Я бы и сейчас проголосовал. Но к тому времени такого не было, ну и хера ли было спрашивать?

– А тебя не волнует, что была восстановлена немецкая республика на Алтае?

– Не-а. Никак.

– Так, какие еще события? А смерть Кагановича тебя тоже не ебет?

– Уж не ебет так не ебет. Ну перестань!

– А указ президента о департизации госучреждений?

– Чего?

– Департизация.

– Не, это все было ненастоящее.

– А что организацию Варшавского Договора распустили?

– А куда б они делись? Де-факто они сами распустились. Давай лучше про ГКЧП.

– Ну ладно, давай. Это был как раз понедельник. Приезжает ко мне шофер, заходит на кухню, где я чай пью, и смотрит на меня большими глазами. Я говорю – ты чего приехал, сегодня ж у нас выходной? Номер газеты «Коммерсантъ» (еще еженедельной), где я тогда работал, сдавали все выходные, надо ж и отдохнуть… Ну да, говорит, теперь вам только и остается что отдыхать – все же

кончилось. Что ты, спрашивает, думаешь об этом обо всем? О чем? Ну что Горбача выгнали? Бля-а-адь! Включаю ТВ, врубаюсь, и мы едем в редакцию. Только ночью оттуда вернулся! И шофер мне говорит: ты знаешь, я тебя везу – так это просто жест доброй воли…

– А так-то «весь мир насилья мы разрушим»?

– Типа. Трудовая у него в советском учреждении осталась, он недавно у нас работал – и его радовало, что он не лопухнулся с переменой строя. Сидим после в редакции, смотрим «Лебединое озеро».

– Это «Манфред» был! Симфоническая поэма!

– Да ну? Точно?

– Да. Чайковского. Точно знаю.

– А печаталась газета в типографии «Красная звезда». И оттуда сразу позвонили и сказали: «Знайте, вот таких, как вы, мы никогда больше печатать не будем. И сейчас накажем виновных, которые допустили преступное сотрудничество с вами за ваши грязные деньги». А кэш, кстати, стали из редакции развозить по квартирам надежных людей. Готовились же к обыскам, к конфискации, арестам и как-то пытались наладить систему выпуска газеты в подполье. И в такой обстановке, значит, редколлегия начинается. Яковлев объявляет, что решил работать в подполье.

– Не одни бабки у него в голове были, а?

– Ну да, тогда, в путч, продать газету олигарху вряд ли бы удалось. И вот он говорит: «Предупреждаю, что все это может херово кончиться. Понимаю, что не все готовы к таким рискам. Давайте сейчас мы выйдем из кабинета, и кто хочет, пусть валит, мы его поймем. А кто вернется в этот кабинет – на тех я буду рассчитывать». И вот люди собрались через пять минут, с любопытством оглядываются вокруг – интересно же, кто свалил! И недосчитались мы одного человека. Не будем называть его имени, достаточно в журналистских кругах известного. Скажу только, что 22 августа он как ни в чем не бывало вышел на работу. Я его, конечно, призвал к ответу. Он без тени смущения дал мне объяснение: «Я неоконсерватор. Потому что еврей. Есть среди нас диссиденты, конечно, но настоящий ответственный советский еврей заинтересован в сохранении СССР. Потому что если Союз развалится, то русских погонят из бывших республик. Они, голые и босые, побегут в Москву. И, увидев там сытых и довольных евреев, кого же, спрашивается, они начнут бить? Это кому-то надо? Никому. Вот потому я и поддержал ГКЧП. Там я сделал все, что мог, а теперь, когда

победила ваша гребаная демократия, вот вернулся к вам. А куда ж мне теперь еще идти?…»

Ну и начинаем мы придумывать – что писать, где печатать. И как раз тогда Яковлев учредил «Общую газету», куда взял своего папашу с «Московскими новостями», «Комсомолку» и еще кого-то, всего одиннадцать газет. Слушали мы, как сейчас помню, «Эхо Москвы» – оно тогда, кажется, в первый раз так засветилось. Прямые репортажи вело из Белого дома, с баррикад… Этакое русское Си-эн-эн без картинки. Картинку же я по наводке «Эха» ездил смотреть на место. Они как объявят, что вот через полчаса будет ракетный обстрел Белого дома, так я туда с кислой рожей еду: вот твари, с ракетами-то, – а деваться некуда, я ж репортер, вызвался освещать событие… Фактуру же надо собрать, как удары наносили… Но и желание приобщиться к историческому событию – тоже, признаюсь, было. А ездил я туда на шофере, который-таки остался при мне. И только говорил: «Смотри же, никому про это, я тут инкогнито».

– Он каждый раз обосновывал свою смелость! А можно было ее не обосновывать. Смелость и смелость.

– Ну да. И вот хожу я под Белым домом, время от времени, что твой Альенде, поглядывая в небо – не валится ли мне на голову родная русская ракета? А они, ракеты, все не летели и не летели. Ну и идешь с народом беседовать. Самое интересное было допрашивать военных. Там же понаехало танков, бэтээров, и на антеннах у них триколоры, братание народа с войсками… «Вы зачем приехали?» – «Нам приказали занять позиции, вот мы и заняли». – «А триколоры зачем у вас?» – «А тряпки болтаются какие-то, они нам не мешают». – «А восставший народ вам несет еду, питье и жвачку, это как?» – «Пусть несет, устав не запрещает питаться». – «А девушки, демократически настроенные, лезут в бэтээр, чтоб дать военнослужащим?» – «Ну пусть дадут, а что? Политика тут ни при чем». – «А если вам дадут приказ стрелять в народ, то что?» – «А мы, вообще говоря, люди военные и выполнять приказы – это как раз наше. Вот какой был приказ, такой выполнили. Будет другой – и его выполним». И вот я написал заметку про то, что армия пришла к Белому дому не с целью заниматься политикой, но чтоб выполнять приказы.

– И очень хорошо, что у нас такая армия.

– Вот. Армия не перешла на сторону восставшего народа. Такую заметку я написал для подпольной газеты. И это был, конечно, курьез: этот текст с удовольствием напечатали бы и

гэкачеписты в своей легальной прессе! А я – в подполье зачем-то написал заметку, невыгодную демократам. Смешно, правда?

– Да.

Комментарий Свинаренко
Заметка

ТАНКИ НА КРАСНОЙ ПРЕСНЕ: ЧЬИ ФЛАГИ НА БАШНЯХ?

Вечером 19 августа среди защитников Белого дома распространилась первая за этот черный день радостная новость: к парламенту едут десять «наших» танков, которые перешли на сторону Ельцина. Танки встречали с цветами. Около 23.00 пять танков «Т-76» прошли через специально разобранные баррикады под аплодисменты собравшихся.

Чествование перебежчиков было длительным и бурным. С криками «ура» на танковые башни передавали сигареты, арбузы, колбасу, тушенку и другой провиант. На антеннах закрепили древки с российскими трехцветными флагами, в пушечные стволы воткнули букеты. Отдельные девушки время от времени залезали на броню и из патриотических побуждений целовались с военнослужащими. На иной танк залезает зараз до пятнадцати гражданских. Днем 20-го, когда солдаты, задраив люки, отсыпались после ночных волнений, добровольцы оберегали их покой, не позволяя залезать на танки.

Одним словом, военных встретили как героев – мужественных защитников российского парламента, перешедших на сторону законной власти. Как сообщил корреспонденту «Ъ» помощник Руцкого Николай Маслов, герои служат в танковом батальоне 1-го гвардейского Севастопольского полка Таманской дивизии (командир Леонтьев, начштаба Евдокимов).

Офицеры-танкисты, однако, еще в ночь с 19 на 20 августа не были уверены, что будут защищать Белый дом. Они рассказывали корреспонденту, что явились к Белому дому просто по приказу командиров. Про защиту парламента в приказе ничего сказано не было. На вопрос, будут ли они защищать здание, если его попытаются захватить верные Янаеву войска, офицеры

отвечали уклончиво – в том духе, что боезапаса у них все равно нет. Впрочем, они не исключали возможности, что обоз со снарядами и патронами скоро к ним подтянется.

Лейтенант Александр (фамилии военные предпочитали не называть) из танка № 111 сказал, правда, что он «русский офицер и присягал народу и законному правительству. Сейчас законная власть, как я понимаю, – Ельцин, а что будет – один Бог знает». Солдаты все больше молчали и не могли даже точно сформулировать полученный приказ.

Около полуночи вслед за танкистами к зданию ВС России подъехало 27 боевых машин десанта (БМД). Защитники Дома заволновались, готовы были принять прибывших за штурмовиков. Однако во втором часу ночи госсекретарь РСФСР Геннадий Бурбулис сомнения развеял и сообщил, что приехали свои – подразделение Тульского полка (командир – подполковник Кобелев) Рязанской воздушной десантной дивизии, который перешел на сторону законной власти. Бурбулис заверил, что «батальону десантников доверяет президент России, доверяю я, этим людям должны доверять вы». И попросил «поддержать все перемещения, маневры, которые они сейчас предпримут», потому что «руководит этими перемещениями генерал Кобец по поручению президента Ельцина».

Собравшиеся пропустили десантников за заграждения с такими же почестями, как и танкистов: приветствовали, кормили, поили, кричали «Спасибо!» и «За Ельцина!». Десантники вели себя сдержанно и занимались главным образом тем, что уклонялись от многократно повторенного вопроса: «Будете ли стрелять в людей, если прикажут?» Некоторые, правда, отвечали, но неконкретно и раздраженно: «А если стрелять не прикажут?!» С десантниками не ссорились и деликатно пытались их склонить на свою сторону.

На прямой вопрос корреспондента, перешла ли его часть на сторону России, старший лейтенант ВДВ, назвавшийся Сергеем, ответил: «Честно говоря, я об этом ничего не знаю. Я просто выполняю приказ». После чего пропагандисты-любители рассказали старшему лейтенанту о печальной судьбе военнослужащих, осужденных в свое время в Нюрнберге за выполнение плохих приказов.

Вскоре к десантникам подбежал посыльный и

сообщил о приказе не Кобеца, но Руцкого – встать по периметру. Десантники подчинились. Однако, как выяснилось на следующий день, перемещаясь по площади и покидая ее совсем (утром 20 августа), бойцы подчинялись приказам не Руцкого, а собственных командиров. У обитателей Белого дома появились первые сомнения насчет «перебежчиков»: чьи приказы они станут выполнять в критической ситуации? Видимо, об этом задумались и их командиры – по одной из версий, они отозвали десантников от Белого дома по причине их неблагонадежности. По крайней мере объяснить факт ухода десантников другими причинами в канцелярии Кобеца не смогли. По информации, полученной корреспондентами «Ъ» из военных кругов, заслуживающих доверия, ни один военнослужащий не сделал официального заявления о переходе на сторону российской власти. Танки и десантники подошли к Дому обычным порядком согласно плану дислокации.

В ночь с 19 на 20 августа российские депутаты ездили по расквартированным в Подмосковье войсковым частям, пытаясь привлечь их на свою сторону. Однако сведения о том, что в результате пропагандистской деятельности и роста сознательности военнослужащих на сторону Ельцина перешли целиком Таманская дивизия и ВВС в полном составе, не подтвердились. Правда, по некоторым данным, депутатам удалось склонить посещенные части как минимум к невмешательству.

– А с другой стороны, что ж, в подполье надо писать под диктовку, для пиара? И вот еще что. Когда задавили троих в туннеле – это были Комарь, Усов и Кричевский, – я поехал туда разбираться. Спустился я в тот туннель под Кутузовским… Там как раз стоят бэтээры, которые задавили ребят… И вот я там заметил такую вещь: в туннель-то я попал, а обратно оттуда выйти – никак, его заблокировали с обеих сторон и никого не выпускают. Сверху орут… Восставший народ уже вмазал и требует от майора, который командовал бэтээрами: «Ты нам отдай солдатиков, мы их быстро убьем, а ты езжай себе дальше».

– Да ты что?

– Ну. Майор начинает с ними объясняться, так деликатно, тонко. Ему говорят – да брось ты, убьем, пять минут делов, и все. И так часа три это продолжалось.

– А что ж майора не замочили? До майора еще бунт не разогрелся?

– Ну на нем же была советская привычная форма, люди все служили в Советской армии, у них была такая установка, что прапорщику дать по ебалу можно, а майору – еще рано. Не дошло еще до майора. Годом-другим позже – без вопросов бы, и президент уже мог попасть под раздачу. А вице-президент так вообще запросто.

– Да, да, да!

– На момент путча майор был еще человек. Кстати, возможно, потому, что у него зарплата была неплохая. Относительно, я имею в виду.

– Не было воров, они беспредел бы устроили. Если б были на стороне демократии.

– И помню, там еще ходил Стас Намин – в шляпе и кожаном пальто. И пытался руководить. Типа – эй ты, иди сюда и стань там. И кто-то его даже слушался. Ну вот… Он командует, а я сижу на бэтээре, курю. Ночь… Думаю – ну, тут вроде нет событий, надо выбираться к Белому дому. А как выбраться? И вдруг вижу – бежит знаменитый фоторепортер Павел Кассин и орет: «Танки идут, дивизия Дзержинского! Танки!» Я спрыгнул с бэтээра, думаю вот залез я в этот туннель за каким-то хером! Нет бы дома сидеть и пить чай на кухне под красной лампой. Или, на худой конец, водку жрать в редакции. Так нет! Занесло вон куда! Сам виноват. И вот я спрыгнул, а бечь все равно некуда – и залез обратно: сверху хоть что-то видно. Но ничего не понятно. Мобильных же тогда у нас не было, наверно, только КГБ ими пользовался – небось понаделали станций… Не с чего позвонить. Но было некое подобие мобильной связи, этакий суррогат: как потом выяснилось, Миша Каменский, он раньше был журналистом, а теперь какой-то начальник в Пушкинском музее, жил как раз над туннелем – так он смотрел в окно и все, что видел, тут же, с домашнего телефона докладывал в «КоммерсантЪ». Молодец. Кто-то орет, и непонятно – то ли спьяну, то ли от революционных чувств… И вдруг по нетрезвой толпе защитников демократии проходит слух: начинается штурм Белого дома, и каждый штык, каждый бэтээр важен. Очень тонко был распущен слух, кем-то очень умным. И бэтээры выпустили. А там механики-водители были какие-то якуты или чукчи, они не очень понимали, что там происходит, но вид у них был испуганный. И вот я на бэтээре под триколором приехал к Белому дому – как Ленин на броневике. Любовь, счастье, армия и народ, балдеж. Да… А

как сделали мы газету подпольную, так тут сразу путч и кончился. А меня с самого начала точила мысль: вот, все выходные – понедельник и вторник – провоюем, а к сдаче номера вся заваруха кончится и вслед за подпольной газетой придется, не вынимая, делать нормальную. Эти путчисты, думал я, чистые пидарасы – отнимут у людей выходные. Так оно и вышло. Все обосрали. Но с другой стороны, что помню про путч… Лозунги: «Кошмар, на улице Язов!»

– Язов у меня был соседом по дому… В Москве… Потом… А в 91-м у нас в Питере тоже было интересно. Собрались мы вокруг Мариинского дворца, защищали Ленсовет. Трамваи переворачивали. Я ездил в танковую дивизию, говорил с командиром – давайте демократию защитите, мы вам за это денег дадим.

– То есть хотел из него сделать оборотня. А у него были не «макаровы» и «калашниковы», как у ментов, – а чисто танки. Масштабно ты мыслишь, интересные у тебя подходы!

– А он мне говорит: «Не ссы, все командиры пьяные, так что все в порядке». Только я не понял – была у них команда выезжать или нет?

– Может, они получили приказ выступать, но вместо этого поступили мудро и напились? А может, им сверху дали такую команду – нажраться? Мне рассказывал один офицер, подмосковный танкист, что тогда про выдачу боезапаса и речи не было. Приказ-то был – выдвинуться с боезапасом, но командир полка сказал: «Мало ли что им там в штабе в голову е…нёт! Это их дела. А я танки с боезапасом в Москву не пущу. Не дам ни одного снаряда». Аналогичный случай был со мной на Дальнем Востоке в 1978 году. Я там выпивал с офицерами. Так после пьянки выяснилось, что все командиры рот лыка не вяжут и полк на китайской границе был просто обезглавлен. Наверное, с Арбата, из Минобороны, видели дело так, что на высоком берегу Амура часовые родины стоят – а часовые спали, причем даже не все у себя в койках, некоторые в близлежащем городе Комсомольске-на-Амуре у блядей. Что же касается путча, то – не буду задним числом приписывать себе сегодняшний цинизм – воодушевление было, и подъем, и чувство нашей победы – все было. Типа мы их сделали!

– Да – было. Мы их сделали…

– Было счастливое чувство оттого, что вот я оказался там, я там был.

– Конечно!

– Вообще я собирался в Германию лететь 17 августа –

потусоваться в немецких редакциях, на которые я работал. Но мне визу не сделали в срок – тогда ж все как ломанулись… Причем что смешно: многие наши получили статус беженцев, случайно в путч оказавшись на Западе.

– Да… А потом пришло правительство Гайдара. На ноябрьские праздники. Гайдар, Чубайс, Авен, Машиц…

– А сложение с себя полномочий генсека Горбачевым? Независимость Белоруссии, Молдавии и Украины…

Отставка правительства 28 августа… Закрытие Семипалатинского полигона…

– Да перестань ты смотреть в свои шпаргалки! Я тебе говорю про серьезные вещи! Про правительство Гайдара! А Гриша Явлинский тогда перебежал в союзное правительство, которое умирало уже. Правительство Гайдара пришло на ноябрьские. И мы сразу с Маневичем, царствие ему небесное, приехали в Москву и писали всякие бумажки. По приватизации.

– А-а, первым делом после победы революции демократы кинулись приватизировать!

– Да иди ты к черту. Опять у тебя одни журналистские штампы в голове… Я два месяца жил в Москве. Весь ноябрь и почти что весь декабрь. А потом приехал, жене заделал, она забеременела и Ольгу родила в 92-м. Вот что у меня от путча осталось в памяти. Помню, мы с Маневичем ходили пьяные по Красной площади и пели песню про Гайдара – как там? «Гайдар шагает впереди». А Союз – развалился.

– А правда, что это Бурбулис подсунул бумажку пьяному Ельцину, тот подмахнул – и так все развалилось?

– А хер его знает. Нет, по-моему, нет. Это было просто глубокое понимание Ельциным своих задач.

– Типа – любой ценой уйти из-под Горбача?

– Да. Да. Да!

– Любой ценой. Париж стоит мессы.

– Абсолютно верно.

– А помнишь мою версию, что КГБ разгромлен за то, что не арестовал участников Беловежского заговора? Должен был арестовать и привезти в подвалы Кремля. А Горбач должен был ходить вокруг Ельцина, как царьПетр вокруг царевича Алексея… Пытать его лично.

– Я думаю, что да. И почему одного Ельцина? Всю компанию! Ну это ж банально, это все знают.

– Ты думаешь, мы могли оставить Советский Союз, сохранить его в целости?

– Ой, я не хочу себя трубадуром Советского Союза выставлять. Я просто считаю, что шансы его сохранить были

больше, чем шансы разрушить. Но тем не менее его разрушили. И все хваленые спецслужбы ничего не смогли этому противопоставить. Вот. Я уже говорил, что либо это был замысел самих спецслужб, либо они говна не стоят и даже сейчас на них нет смысла ориентироваться.

Комментарий Свинаренко

В 91-м я впервые слетал в Армению. Весной, в районе 9 Мая. Там происходило что-то странное. В привычный конфликт армян с азербайджанцами вмешалась Советская армия, причем почему-то на стороне Баку. Я решил на это посмотреть. И соответственно написать в газету. Это был не мой профиль – я ж проходил по отделу преступности, а тема – из чистой политики. Видно, это был репортерский песий зуд. Такое случается.

Полетел я туда с Сергеем Подлесновым. Он так же, как и я, не обязан был этого делать: он командовал отделом иллюстраций и по идее должен был кого-то со мной отправить. Но, видно, и ему захотелось новых впечатлений – после сидения в московских офисах и кабаках. Похожий эпизод был в «Чужом среди своих», когда персонаж срывает с себя бухгалтерские нарукавники и хватает пистолет – ему надоело в конторе, хочется адреналину.

Прилетели мы в Ереван, поселились в гостинице. Вышли на улицу: надо же перекусить, долмы с шашлыком поесть, водки попить тутовой. Ан нет! Все закрыто. И огни почти все потушены. Ничего себе, Кавказ… Вернулись мы в отель, спрашиваем у дежурной, в чем дело – может, мы чего не поняли. Та дает нам три куска черствого хлеба и наливает воды. И мы понимаем, что шутки кончились. И вот с полными карманами денег, которые, как выяснилось, нельзя есть, мы сидели в номере и жевали черный хлеб, запивая его водой.

На другой день мы в местном МВД взяли милицейскую машину, чтоб съездить в горы, где как раз и шли странные военные действия. С бензином тогда и там были просто кошмарные проблемы, но для русской неподцензурной прессы его не пожалели, принесли из секретной подсобки аж три ведра – вмешательство Советской армии все-таки сильно волновало армян. Перед поездкой, что немаловажно, мы закусили в министерской столовой.

Приехали мы в эти горы, к некоему селу – забыл название. Но в само село попасть не удалось: оно было окружено, как потом стали выражаться, федералами. Нас не пустили. А у милицейского шофера, который нас вез, военные забрали казенный пистолет. Он страшно волновался, показывал свою

ксиву, размахивал разрешением на ношение оружия, требовал составить акт изъятия, дать ему расписку – его никто не слушал. Послали человека, и все. Я спросил у нашего офицера, в чем дело. Он объяснил, что этот армянин – боевик, и они тут все такие. Я после опубликовал номер изъятого пистолета. Тогда то и дело в газетах печатали списки изъятого у якобы боевиков оружия. Скорей всего там промелькнул и «наш» пистолет. Но, даже если и нет, армянин мог хоть чем-то оправдать потерю ствола.

Мы заняли позицию на скале и стали наблюдать. Хорошо было видно село в низине и советские боевые вертолеты, которые пикировали на дома и стреляли из пушек. Правда, поверх крыш. Танки, которые стояли вокруг, крутили башнями и целились в дома. У меня было чувство, что вот сейчас они поцелятся, пристреляются – и разбомбят все к такой-то матери. А что еще я мог думать? Смысл же происходящего мне не был понятен.

Что касается жителей деревни, то они, слыша этот рев и эту стрельбу, конечно, были уверены в скорейшей погибели (что потом и подтвердилось в беседах с ними).

Пару часов продолжалось это безобразие. В какой-то момент стрельба как по команде (почему – как?) прекратилась, вертолеты разом улетели и танки тоже уползли. Оцепление снялось и уехало, так что мы смогли наконец войти в село. Там на площади у сельсовета уже галдели местные – им же надо было выкричаться. Местное население дало мне такие показания: военные потребовали сдать все оружие. Им отдали сколько-то там дробовиков. Показалось мало: а пулеметы где? Чтоб добиться их выдачи, постреляли. Не добившись, уехали.

Вскоре подъехало местное руководство: начальник милиции, главный кагэбэшник и секретарь райкома партии. Тут же на улицу вынесли множество столов, сдвинули, нанесли продовольствия – и начался веселый и шумный праздник освобождения села от Советской армии. Соленья, копченья, чача, тутовая водка – мы наконец-то поверили, что очутились на Кавказе… А то сухие корочки жрать… Я там выпивал со счастливыми армянами и думал про Советский Союз, про то, насколько он нужен этим вот кавказцам. Может, в тот момент армянам показали какое-то неправильное, нелицензионное, пиратское лицо СССР, но где им было увидеть другое?

На обратном пути в темноте и от волнения наш шофер заблудился. Это стало ясно в тот момент, когда после некоторого грохота на близком расстоянии от нашей машины лег снаряд. «Танковое орудие. Стало быть, на азербайджанскую территорию заехали», – определил наш боевой шофер, ветеран Карабаха. Он выключил бортовые огни и скомандовал нам выскочить из

машины и залечь в поле. Что мы и сделали, причем весьма торопливо. Лежим… И тут – второй снаряд. Был недолет, теперь перелет – стало быть, вилка. Им там в танке осталось чуть подкрутить прицел – и попасть, поразить цель… Я лежал на грунте и ругал себя ужасными словами. Мне было так жалко себя. Я думал: «Ведь в этот самый момент я мог бы сидеть дома на кухне под красной лампой на пружинке и пить, на худой конец, хоть чай. Ну чего я поперся в эти Богом забытые места? Зачем?!» Впрочем, третьего снаряда для нас у азербайджанской стороны не нашлось. Так что, полежав еще минут десять в пыли, мы залезли в машину и через пару часов были в Ереване.

Наутро – проблемы с билетами: челноки раскупили все. Я еще в Москве обратил внимание: почти каждый пассажир тащит в самолет ящик сливочного масла. Вот они сдали то масло оптом и летели теперь за новой партией. Откуда ж билеты при такой постановке вопроса? Я пошел к начальнику аэропорта и объяснил ему, что судьбы Армении – в его руках. Он проникся, пошел с нами и собственноручно вытащил из очереди к стойке регистрации двух челноков. И произнес короткую речь: «Стыдно вам, братья-армяне, что вместо вас русские ездят на вашу войну! В то время как вы спекулируете маслом!» После в самолете летчики, которых проинформировали о нашей миссии, позвали нас в кабину и там поили кофе и коньяком и настаивали, чтоб я сел за штурвал. Я все-таки отказался, чем их страшно обидел.

Вообще та ситуация полна была выразительных деталей. Смотрите, сколько тут всего намешано! Голод и нехватка бензина. Военные действия и контрабанда продовольствия. Бестолковое поведение Советской армии. «Дружба народов». Единение разных слоев населения внутри одного народа (за исключением русских) в трудные времена. Ну и чего ж было ожидать? В общем, Советский Союз таки был обречен…

– А еще по тому году у меня было такое тонкое финансовое переживание. С осени 89-го до весны 91-го доллар подорожал в сорок раз – если по официальному курсу. А на черном рынке – только в два раза. С 13 рублей (или соответственно 62 копеек) до 25 рублей.

– Ха-ха-ха! Красиво.

– А что все-таки происходило с долларом?

– Я думаю, он просто искал точку равновесия. И нашел.

– Ты-то что чувствовал, когда развалился Союз? Когда поезд приплыл?

– Мне абсолютно не жалко было Советского Союза.

– Тебе было в кайф, что демократия и все такое прочее? А

ты осознавал, что геополитически Россия становится хрен знает чем? А не великой державой?

– А я никаких личных дивидендов не получал от того, что Россия – великая держава. Мне от этого только херовее было. Я очень явственно себе представлял, как изо рта моих детей вытаскивается кусок и кладется в Мозамбик. Мне это не очень нравилось, это был удар по моему непосредственному карману.

– То есть ты именно в таких терминах тогда рассуждал.

– А глупо рассуждать в иных терминах.

– А я тогда это воспринимал как явление природы.

– Нет… Ну вот как тебе объяснить… Если едешь из Тольятти в Москву на машине, то по дороге будет Сызрань. Там стоят качалки, качают нефть. Они стоят до горизонта – качают, качают… Я своими глазами это видел. И потому у меня злоба была, во-первых, на космос, а во-вторых, на это помогание. И это накладывается на разговоры об Эмиратах и Саудовской Аравии. И я думал – ну почему ж мы-то так живем? Нам отвечают – а зато мы летаем в космос и помогаем всему миру… Это все детские впечатления, мне было лет пятнадцать тогда.

– Что, тебе херово жилось?

– Но могло бы еще лучше житься! Я хотел, чтобы у нас были хорошие дороги, красивые дома… Жилищный вопрос, как всегда, портил жизнь. Я никак не мог понять, почему такая богатая огромная страна не может обеспечить своих граждан жильем. При том, что одним таким гражданином был я. Вот ты рассказывал мне про ГДР, как там молодоженам квартиры вручали, – так это на наши бабки и вручали. А я со своим маленьким ребеночком и своей женой не мог получить квартиру!

– И вот ради квартиры пришлось обрушить империю.

– Похоже, что да! Обрушили – и сразу у меня квартира образовалась. Вот буквально в 1991 году.

– Ага. Это типа свойство капитализма – раздавать бесплатныеквартиры. Ха-ха. Что касается этих качалок, то мне про них рассказывал Аушев.

– Русланчик? Знаю. Это ж наш, кустанайский.

– А, он тоже из ссыльных… Так, по его данным, нефти на душу населения в Чечено-Ингушетии было больше, чем на Ближнем Востоке. А по детской смертности вайнахи были тоже на первом месте в стране. Это он все к тому, что не надо копить обиды, а надо делать вид, что ничего не случилось. И вот он говорил, что субъектом Российской Федерации никто не хочет быть, а желающих оставаться под властью британской короны – полно.

– Тоже интересная история. В шестидесятые многие выходили

из состава Британской империи.

– Выходили, да. Но до сих пор австралийцы считают себя подданными королевы! И на флаге у них – Union Jack. И язык английский они у себя не отменили. Представь себе бывшую республику СССР, например, твою любимую Латвию, которая в уголке своего флага сохранила б советское знамя и русский язык чтоб оставила главным… И чтоб не плевалась и не пыталась переписать историю так, чтоб там про русских ни слова…

– А черно-красно-желтый было б справедливей иметь латышам. Немецкий флаг.

– Вообще, Алик, нам с тобой легко про это говорить. Мы же инородцы. Ты ссыльный немец, я украинец. У нас в Макеевке украинских школ вообще не было. С другой стороны, хорош бы я сейчас был с украинским образованием… При том что даже Россия – и та уже ужасно провинциальна… Это такая окраина белой цивилизации… Уже полудикая…

– Скажи, пожалуйста, а мы книгу пишем про свои собственные переживания – или про чувства русских? Русские пусть сами, если хотят, пишут про себя книги. Пусть напишут, как плакали над империей. Как жалели ее.

– Вот такое я лично видел. Могу тебе рассказать. Помню, пили мы как-то самогонку с колхозным трактористом Васей – молодым, кстати, парнем… Пили, пили, и вдруг он как стукнет кулаком по столу: «Почему, блядь, Советский Союз развалили?»

– Да ты что!

– Ну. Так и говорит: «Почему меня не спросили?» Я ему говорю – тебе-то что? Он опять орет. Напоминаю ему, что Советский Союз – он большой, его надо было обустраивать, а руки-то не доходили до этого. Я обратил его внимание на то, что у них в деревне дорога на кладбище даже в Пасху непроходима. Только на тракторе. Или пешком в сапогах. А машины застревают. Куда ж, говорю, тебе за Советский Союз отвечать? Ты вон, Вася, даже дорогу не можешь замостить до кладбища, где у тебя мать похоронена. Куда ж на тебя еще СССР взваливать. И далее на него наезжаю. Ты, говорю, Вася, за империю хочешь отвечать. А там, для справки, населения 260 миллионов человек. А ты даже женой не смог управлять, вон она от тебя уехала с детьми за пределы области. И тут Вася опустил глаза, перестал спорить. Совесть таки есть у него. Но это еще не вся история про Васю и Советский Союз! Тут есть очень тонкая литературная деталь. Эта Васина

бывшая жена – русская беженка из Молдавии. Союз развалился, она сбежала в Россию, и вот она вроде дома, теперь все в порядке, вышла замуж… Но потом пришлось ей уже на родине бежать – не от чужих враждебных румын, но от родного русского мужа. Спаслась она от него бегством. Поскольку Вася, не будем скрывать, немножко слишком пил, а выпивши, вел себя далеко не всегда корректно. И вот смотри: мы рассуждаем про развал СССР, а по ТВ как раз показывают четырех пассажиров, которые снова хотят объединиться. Это славянские президенты и Назарбаев.

– Но Назарбаева же не было в Пуще. Он еще оскорбился, что его не позвали.

– И он один из них из всех удержался в должности.

– И единственный, кто провел реальные реформы.

– У него сейчас хорошая позиция – развалили без него, а соединяются теперь по его инициативе.

– Умный человек! Надо отдать должное. Это видно было сразу. Он такой спокойный был. Такой в меру тоталитарный, имел он эту демократию. Народ у него кайфует.

– А чтоб народ кайфовал, начальник должен с демократией поступить, как Клинтон с Моникой! У Назарбаева – как в Китае. Не зря он ездит в отпуск на китайский остров Хайнань. Это для нас Китай – хрен знает где. А от Алма-Аты просто рукой подать. Когда на Даманском там что-то, так весь Казахстан в ужасе.

– Это ты мне рассказываешь? Да я в Казахстане жил, когда были даманские события! Войска ходили по городу…

– Вот. Мы за Америкой гнались, а Назарбаев посмотрел на соседа… и сделал жизнь с него. Странно, почему казахи оказались самыми умными в СССР? В чем дело?

– Ну, не только казахи. Вон прибалты тоже не дураки – сразу в европейское сообщество залезли. Они поняли, где у них теперь новая кормушка. А эти дураки европейские этого не схавали. Пока. Не поняли еще, каких взяли нахлебников. А вот президент Алиев… Его стиль – со всеми дружно – в Америке оперировался…

– А украинский?

– Не, не наш уровень. Вот ты сейчас пытаешься возбудить в себе какие-то империалистические чувства. Но их не было! Жена! *(Зовет Марину, она подходит.)* Ты вот русская в отличие от нас. Так скажи – тебе было обидно, что Союз развалился?

– Нет, – отвечает Марина.

– Это все потому, что развал случился под Новый год! У людей были более важные заботы – они уже салаты рубили и водку морозили.

– Жена у меня была беременная.

– Вот всегда так. Люди думали о великой державе, а ты с женой в койке проводил время.

– Да. Я вместо Советского Союза сделал себе дочь.

– Ну что, похвально. Ты вместо советского народа… заботился о своей семье. В отличие от русского тракториста Васи. А еще чем занимался? Ты как-то слишком коротко рассказал о своей деятельности. В 90-м ты участки раздавал, в 91-м деньги менял. И все, что ли?

– И все. Потому что в 91-м Собчак сразу после ГКЧП стал мэром – и немедленно меня уволил.

– За что?

– А он не объяснял. У него была такая особенность – не объяснять. Он изображал из себя харизматического лидера.

– Он тебя из-за пьянки уволил?

– Нет-нет. Я думаю, что просто подсуетился мой председатель райсовета Кривенченко…

– А знаешь ли ты, кстати, как по-латышски будет «русский»? Krievu. Мне кажется, это от слова «кривич». Вот как латыши помнят русскую родословную.

– А знаешь, как будет «белорус» по-латышски? Балткрас.

– Вот. Русские не помнят, кто у них древляне, кто вятичи… А латыши – помнят.

– Русские забыли, что они холдинг. Древляне, чуваши, мордва. А собственно словене – это берег Волхова, от Ильменя до Ладоги, – вон посмотри на мою жену, она оттуда. Волхов, между прочим, это не речка, а проток между Ильменем и Ладогой. Сорок километров длиной. И Нева тоже имеет длину сорок километров, и она тоже не река, а протока. Она соединяет Ладогу с Балтийским морем.

– Ну да! Вот говорят – Волга впадает в Каспийское море. С этим не поспоришь. Это – образец русской логики. Но на самом деле Каспий – это не совсем море, раз у него нет выхода в океан, а чистейшей воды озеро. С учетом этого уточнения фраза, заметь, зазвучала по-иному… Далее. Насчет Волги.

– Волга – символ всего что ни на есть русского. Река считается русской, но по берегам ее живут татары. Река мощная, красивая – Рейн отдыхает, он в два раза скромней. Волга – очень красивая река, но она стекает в Каспий, и все. Дальше никуда не идет.

– Русский путь.

– Да! Русский путь! Очень красиво, мощно – но в никуда.

– И потом, есть вопросы к самому слову «Волга».

– Итиль она раньше называлась.

– Ну, это просто еще один вопрос. А я хочу сказать про другое. Когда сливаются две реки в одну. И текут как одна. Как понять – какая главная, а что приток?

– Ты хочешь сказать, что по стоку Кама больше? Но и Ока имеет сток больше, чем Волга!

– А, вот как! То есть Волга тут вообще ни при чем! Значит, в окончательном виде формула звучит так: Ока впадает в Каспийское озеро. А никакая не Волга ни в какое море.

– Это очень по-русски…

– Так тогда справедливости ради надо переименовать и русские автомобили. Эта вот, которая такси, – должна быть «Ока». А жестянка игрушечная должна называться, наоборот, «Волгой». И тогда выйдет, что Немцов должен всех пересадить на «Оку». А что ты еще делал на посту? Кроме обмена денег?

– Я сейчас и не вспомню… Чего-то делал… Отвали вообще.

– Привет. Ты чё?

– Ну, там каждый день какая-то была история. А глобальных задач я не решал. К зиме готовились…

– А встретили зиму – без тебя. И в другом государстве.

– Да. Сменил меня такой Васютинский.

– Ты был огорчен, что тебя Собчак выгнал? Ты хотел расти – городок, потом район, область, дальше – Россия?

– Э-э-э… Меня беспокоил не сам факт освобождения от должности, сколько факт немотивированного освобождения.

– А ты понял, что так теперь и впредь будет?

– Да.

– А страшно было, что карьера разрушена, идти некуда, квартиру так и не получил?

– Не, квартиру-то я получил. Я ж в очереди стоял, и вот получил.

– А с мэрства ты не получил ничего? Только моральное удовлетворение и опыт бюрократической жизни?

– Совершенно верно.

– И куда ты дальше подался?

– Я пошел в структуру, которую еще Горбачев создавал, она называлась Ленгосфонд и объединяла все имущество СССР в Питере и области. А потом Чубайс пришел в правительство… Они разменялись: Собчак поставил на Комитет по управлению городским имуществом Сережу Беляева, а меня и Мишку Маневича Чубайс назначил к нему замами.

– Кстати, а кто Маневича застрелил?

– Говорят, Шутов.

– А-а, Шутов хотел что-то приватизировать, а тот ему не дал?

– Не знаю. Говорят… Короче, к концу года я стал зампредом Комитета по управлению городским имуществом. Буквально несколько месяцев я проболтался в том виде…

– И вышел на главную дорогу своей жизни – на приватизацию.

– Да.

– На залоговые наши любимые аукционы. К которым мы подходим все ближе… Тебе еще не звонят люди, не предлагают бабки – за то, чтоб мы их не обсуждали в книжке? А с обменом… Вот ты говорил, что в 91-м не попал на бабки, потому что у тебя их не было, но в 98-м-то ты попал по полной! А?

– Игореша! Отстань. До дефолта 1998 года мы еще не дошли. Дойдем – расскажу. Ты лучше про себя скажи.

– Я весь год проработал в газете и занимался одним и тем же. Это был отдел преступности старого «Коммерсанта».

Комментарий Свинаренко

Вот примеры того, чем я тогда занимался. Здесь я собрал самые забавные и типичные из своих тогдашних заметок.

МОСГОРСУД ДОВЕЛ МАФИЮ ДО ПРИГОВОРА

5 июля Мосгорсуд довел до приговора первое дело мафии. Семеро членов люберецкой банды признаны «устойчивой преступной группой» и осуждены на сроки от одного до двенадцати лет.

Суд начался 16 января 1991 г. За неимением в УК статьи об организованной преступности, люберов обвинили в разбое и покушении на убийство одного азербайджанца за то, что он назвался чеченцем (см. «Ъ» № 51, 59, 65).

Как и предполагала судебная коллегия еще до начала процесса, на суде пострадавшие и свидетели отказались от данных на предварительном следствии обличительных показаний. По мнению специалистов, причина отказа такова: оставшиеся на свободе друзья люберов провели со свидетелями большую разъяснительную работу. Свидетели на суде заявили, что всё забыли.

Тем не менее обвиняемые, их коллеги и забывчивые жертвы предчувствовали суровость приговора. По оперативным данным, поступившим накануне последнего дня процесса, люберецкая группировка планировала отбить осужденных соратников. И действительно, воронок с заключенными в нем люберами встречали у ворот «Матросской тишины» (СИЗО № 1) двадцать автомобилей с подозрительными пассажирами. Однако милиция снабдила люберов усиленной охраной в пути, оцепила Мосгорсуд снаружи и расположилась внутри с автоматами, бронежилетами и собаками. В присутствии которых судья три с половиной часа оглашал приговор.

Суд, поставленный отказами от показаний в почти безвыходную ситуацию, эти отказы проигнорировал. Коллегия решила, что пострадавший Мурадян (сидит за разбой и валюту) отказался от обличений под давлением сокамерников. В остальных же случаях первые показания свидетелей суд признал более логичными и, следовательно, правдивыми.

По мнению адвокатов, в желании осудить люберов суд допустил серьезную юридическую ошибку, не признав последних показаний. Защита намерена опротестовать приговор, как только получит его текст на руки.

КРИЗИС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В ГОРОДЕ КАШИНЕ

В городе Кашине (Тверская область) 30 июня состоялся первый после октябрьского (1917 г.) переворот и политический митинг. Кашинцы потребовали к ответу власти, которые не в состоянии обеспечить город ни выпивкой, ни закуской.

Самосознание горожан было разбужено драками из-за водки между коренным населением и гостями с Кавказа (один убитый, тринадцать раненых).

Первая драка с участием шестидесяти человек состоялась 28 июня возле магазина № 9 – фирменной торговой точки местного ликеро-водочного завода. Причиной конфликта явилась нехватка водки, которую, по мнению русскоязычных членов очереди, южане скупили оптом в целях спекуляции. Милиция драку прекратила выстрелами в воздух. На следующий день

представители коренного населения с криками «Бей черных!» отправились в общежитие бить кавказских студентов местного зоотехникума. Южане встретили нападавших огнем из обрезов. В бою были ранены четверо защитников общежития (один смертельно) и десять нападавших. После чего в город вошел Тверской ОМОН и восстановил порядок. Желающих кавказцев эвакуировали.

Через два дня кашинцы созрели до политических обобщений и на митинге обвинили в нехватке водки уже не кавказцев, а кашинскую власть. Каковую митинг потребовал свергнуть. Воплощая чаяния народа, горсовет принял и выполнил антикризисную программу: срочно продал народу несколько тонн маргарина, масла и сахара, а также уволил председателя совета, начальника милиции (который сам подал в отставку после случившегося) и завотделом торговли горисполкома. После чего кризис в Кашине миновал.

ШЕРЕМЕТЬЕВО-2: ПРОЛЕТАРИИ ЭКСПРОПРИИРОВАЛИ МЕШОК ДОЛЛАРОВ

17 июля в Мосгорсуд поступило дело о хищении мешка с долларами (400 тыс.) рабочими Шереметьево-2 на их рабочем месте.

Следствие считает, что доллары украли грузчики Убийко и Белый, слесарь Вячкутин и шофер Некрасов 20 декабря 1989 года. Крали из грузовой тележки, в которой целую неделю без присмотра валялось 8 мешков с 3 млн долларов. Деньги прилетели 12 декабря из Республиканского национального банка Нью-Йорка, у которого их купил Внешэкономбанк СССР. Еще один мешок (400 тыс. долларов) украли непойманные воры [«Ъ» № 25 (75)]. По версии следствия, мешок вывез из грузового комплекса афганский ветеран Некрасов на служебной «ЗИЛ-130», привез домой и спрятал от жены в туалете. Вообще из-за долларов у Некрасова появилось много секретов от жены. Тайком от нее он бросил работу, забыв получить выходное пособие в 143 рубля, но отлучался из дома с прежней регулярностью, посменно. Рабочее время проводил в снятых квартирах, где выпивал и общался с девушками. Вырученные от продажи ворованных долларов рубли (по демпинговому

курсу 1:1) Некрасов отдавал жене под видом зарплаты и премий. Так продолжалось восемь месяцев, пока с Некрасовым не случилось одно странное происшествие.

Документы следствия рассказывают об этом очень сбивчиво. Якобы двое неизвестных ночью поймали Некрасова, отвезли на кладбище и стали требовать с него долларов и рублей. Проезжавшая мимо милиция «начала перестрелку с вымогателями», после чего прокрутила освобожденному Некрасову запись его беседы с грабителями про доллары. Некрасов пленку прослушал и как бы сдался с повинной. В оправдание своего падения интернационалист заметил патриотически: «Если бы я знал, что доллары принадлежат СССР, то не взял бы их».

Половину долларов взял для продажи грузчик Белый. В отличие от Некрасова деньги он хранил не в туалете, а в банке. Банку (трехлитровую) закопал в лесу.

Из вырученных (Некрасовым) рублей Убийко дали 20 тыс., а Вячкутину 12 тыс. Но те не обиделись: по тогдашним ценам на подержанные автомобили им хватило.

ЛЮБОВЬ ДО ГРОБА: ДВОЕ ЗАДУШЕНЫ, ОДНА ЗАРЕЗАНА

24 июня Мосгорсуд принял к рассмотрению уголовное дело, которое председатель суда Зоя Корнева считает беспрецедентным. Семнадцатилетняя девушка предложила любовнику ограбить квартиру ее матери. Любовник с приятелями убил мать наводчицы, а позже и ее саму.

По версии следствия, в октябре 1989 года четверо чечено-ингушей нелегально поселились в Москве, «где пили и вели аморальный образ жизни» в обществе несовершеннолетних Флит и Абашевой. Кавказцы решили свозить девушек на юг, но денег на билет не было. Флит посоветовала ограбить свою мать. По разработанному плану, любовнику Флит Магомадову досталась роль ее жениха, который со своими друзьями идет знакомиться с будущей тещей по фамилии Дергачева. Теща встретила гостей хорошо и поила их чаем. Во время чаепития дочь влила ей в чашку две порции выданного Магомадовым клофелина – чтобы сначала усыпить мать, а потом ограбить. Когда

Дергачева ушла спать, Флит показала другу, где лежат драгоценности, и написала матери записку с оправданием грабежа: «Просто ради будущего своего счастья я пошла на это». И ушла в снятую кавказцами квартиру собирать в дорогу вещи. Кавказцы забрали золото, кое-что из вещей и книг, а затем электропроводом задушили Дергачеву и ее четырнадцатилетнего сына Мишу. После чего встретились с девушками и повезли в Чечено-Ингушетию.

По прибытии в чечено-ингушский город Назрань Флит отвезли на природу, дали ей шашлыка с водкой и зарезали. А закопали в могиле, которую мужчины вырыли заранее, по очереди отвлекаясь от принятия пищи.

АРТЕМ ТАРАСОВ: «МЕНЯ ПЕРЕСТАЛИ ОБЫСКИВАТЬ. НАЧАЛИ ГРАБИТЬ»

20 февраля неизвестные ограбили квартиру бывшей жены Артема Тарасова. Президент «Истока» принял это оскорбление на свой счет и посчитал его закамуфлированным обыском.

Что касается незакамуфлированного обыска в депутатском офисе Тарасова, произведенного Московским ГУВД, то он, по мнению Генерального прокурора России и вопреки мнению Тарасова, не является нарушением уголовного законодательства.

28 и 31 января московская милиция обыскала две фирмы, связанные с руководимой Тарасовым ассоциацией «Исток». Обыск проводился по ходатайству прокуратуры Литовской Республики, расследующей дело о рэкетирах. 8 февраля был обыскан депутатский офис самого руководителя «Истока». Подробности в «Ъ» № 6,7 за 1991 г.

Тарасов объяснил корреспонденту «Ъ», почему он связывает с собой ограбление квартиры гражданки Дмитрук. Артем Михайлович очень часто навещает живущего здесь сына (последний раз – за несколько часов до вторжения), поэтому можно было принять эту квартиру за его «явку», обыскать которую законным образом невозможно.

Итак, в результате обыска изъято: шуба песцовая,

полушубок волчий, куртка кожаная, дубленка детская, сервиз японский, магнитофон двухкассетный, утюг «Филипс» электрический, цепочка с бриллиантами, серьги и еще кое-какие мелочи – общей стоимостью, по предварительной оценке потерпевшей, около 30 тыс. рублей в рыночных ценах. Однако посетители проявили странную умеренность, удержавшись от многих соблазнов. Типа денег, лежавших толстой пачкой на видном месте. Или золота, «спрятанного» всего лишь в шкатулке. Не был также проведен досмотр постельного белья – традиционного места хранения трудовых сбережений.

Эти факты в какой-то степени подтверждают тарасовскую версию об обыске. Но другие факты ее косвенно компрометируют. Например, то, что к деловым бумагам Тарасова посетители даже не притронулись. Правда, точно установить это невозможно, поскольку вызванные на место происшествия милиционеры, по утверждению потерпевшей, отпечатков пальцев в квартире не искали, в том числе и на бумагах.

Оперуполномоченный угрозыска 64-го отделения милиции Николай Цымбалюк, который расследует происшествие, версию об обыске отметает: по его словам, «обыск так не делается». Однако и он признал, что по происшествию у него возникло «слишком много вопросов, интересных и необычных». Многое, сказал Цымбалюк, «…двояко: действовали люди явно грамотные, но слишком по-дилетантски; то есть как бы профессионалы, но на воров непохожи».

Иными словами происшедшее можно расценить как психическую атаку на Тарасова, хотя записки «Берегись, у нас длинные руки» в квартире не найдено.

Тем не менее, президент «Истока» не исключает наличия в его деле «длинных рук». В беседе с корреспондентом «Ъ» он заявил: «Все больше растет наглость их поведения, я же чувствую все меньшую защиту со стороны парламента России».

Определенные основания для таких чувств к парламенту у Тарасова есть. Генеральный прокурор России Валентин Степанков в день ограбления сказал ему, что уголовного дела из-за обыска (имея в виду официальный обыск в депутатском офисе) заводить пока не собирается. Объяснив: «Исток», а вместе с ним и депутатский офис, формально, по своему юридическому

адресу, находится в другом месте. Обыск же проводился в помещении, которое юридически офисом депутата Тарасова не является. Следовательно, милиционеры, по мнению прокурора, могли и не знать, кого обыскивают. Могли, правда, и знать, но это для возбуждения уголовного дела надо доказать.

В этой связи представляет интерес мнение о депутатской неприкосновенности вообще и Артема Тарасова в частности, которое высказал корреспонденту «Ъ» следователь прокуратуры Литовской Республики Сильвинас Левицкас:

– Не делать обыск только потому, что Тарасов депутат, – это же абсурд. Депутат или не депутат – это может быть и президент, – если нам надо будет делать обыск, мы сделаем. Мы на чины не смотрим, а его неприкосновенность никто не трогал. Если он будет каждую неделю менять помещение, что нам, и обыскать нельзя? У нас уже аллергия от Тарасова. Тарасов, Тарасов, Тарасов… Это же можно свихнуться.

Тарасов тем не менее считает, что последний взлом связан с предыдущим, и сказал корреспонденту «Ъ», что ждет продолжения провокационных действий. Он утверждает, что располагает информацией об исполнителях и об имеющемся у них «высшем дозволении». И готов ею поделиться, но только после возбуждения уголовного дела о нарушении его депутатских прав.

– Сочинял я, значит, такие вот заметки по своему тогдашнему профилю. Но, с другой стороны, когда в Латвии начались разборки за пределами сферы интересов моего отдела, я все бросил и поехал – мне казалось, что надо давать репортажи с мест. Где такое происходило. И поехал туда. Репортеров там было немерено… А ты скажи, как ты воспринимал те события, – как видный специалист по латвийскому вопросу.

– Мне их жалко было.

– Кого?

– Русских омоновцев.

– Да? Ладно. А поехал я с прикрытием, с человеком из газеты «Ленинское знамя». К примеру, тормозят нас латыши. Я выхожу вперед и говорю: «Вы чё, я из либеральной газеты „Ъ“!» Они пропускают. Далее нас тормозят омоновцы. Я выпихиваю вперед Андрюху, а он им предъявляет ксиву

советской коммунистической газеты. И втирает про то, как евреи разваливают Советский Союз – за бабки причем разваливают. Проход, короче, везде. Так мы и действовали. И вот я решил, что надо посетить базу ОМОНа в Вецмилгрависе. Частники не везут – говорят, там убивают, и все. Однако поймали мы машину и за три конца доехали. На базе я выпихиваю вперед Андрюху. Заводят нас к командиру. Это был Чеслав Млынник.

– Он кто по национальности?

– Хороший вопрос…

– Но точно не латыш.

– Какой-то интернационал у него, похоже. Там было как в кино про махновцев – пулеметы стоят, ленты пулеметные висят, ящики с гранатами, люди ходят обвешанные оружием – автомат у каждого, два пистолета, кинжал и еще сабля. И флаги развешены советские. Я тогда лениво так и запоздало подумал, что зря свою ксиву «Ъ» не закопал под вишней. Она тем более в пластик была забита, ничего б с ней не сделалось. Да… Сам Чеслав в тельнике, небритый, типа революционный братишка-матрос в Смольном. Непонятно, правда, зачем офицеру ходить с пулеметной лентой по штабу, некрасиво. Публика была живописная. Армейской строгости – никакой, подшитых там подворотничков и бритых щек – такого не было. А была такая казачья вольница. То, что потом я видел в Чечне, – федералы там ходили в шлепанцах, в трениках, с банданами, в тельниках тех же… Но в Чечне мы такого после насмотрелись, а в то время, да для Латвии, – это была экзотика.

– Они больше для журналистов одеваются, чем для себя.

– Я тебе скажу, что все-таки в шлепанцах и небритому легче и естественней, чем в застегнутой гимнастерке и начищенных сапогах. На мой вкус. А конфликт был между нашими ментами и латышскими. Кто первый начал – сейчас поздно разбирать.

Я не только к омоновцам ходил, но и в МВД Латвии. Там рассказывали, что наши менты – убийцы и твари. А латыши – белые пушистые демократические зайчики.

– У меня не было такого ощущения.

– А у пресс-секретарей МИДа и МВД Латвии – было… Если ты помнишь, там была перестрелка и сколько-то человек убили. В их числе и оператора, который работал со знаменитым Подниексом, – они сняли нашумевший фильм «Легко ли быть молодым». Кто стрелял, откуда, зачем – разумеется, каждая из сторон дает свою железную версию.

Может, латыши сами своих и застрелили.

– Скорей всего.

– И еще про ту поездку в Латвию в 1991 году я помню такую вещь. Я в какой-то момент утомился от служения демократии или там чему и говорю своему товарищу: «Пора выпить водки». А где взять по тем временам? Ладно, в гостинице я встретил знакомого репортера, который работал на западников, – он и повел меня в валютный бар, где мы пропили долларов двадцать – это было очень круто по тем временам. А днем, в городе, где найти водки? Мы купили у таксистов бутылку, тут же на капоте порезали колбасы, вмазали по чуть… Это была уходящая натура – водку брать у таксистов.

Комментарий Свинаренко

Еженедельник «За рубежом» в своем № 37 за 1991 год дал такую перепечатку.

Джонас БЕРНСТАЙН/ Журнал «Исайт», Вашингтон

«Лето 1991 года в Советском Союзе можно охарактеризовать одной фразой: слишком много людей охотятся за слишком малым количеством долларов. Охотятся не за потерявшими ценность рублями – за долларами. Некогда рай для рабочих, где господствовала официальная догма, что марксистско-ленинская система по сути своей свободна от преступности».

Так определяет суть своего репортажа корреспондент американского журнала, несколько недель назад посетивший СССР. Он затрагивает, широко используя советские источники информации, одну из наших самых больных тем – преступность. И вывод, к которому подводит собранный фактический материал, в общем, однозначен: само по себе объявление беспощадной войны преступности, ужесточение всякого рода мер пресечения не приведут к решению проблемы. Нужна принципиальная ломка сложившихся экономических структур, необходимо раскрепостить и экономические отношения, открыв путь нормальному, в рамках закона, предпринимательству, и сознание людей, которое все еще во многом находится в плену идеологических стереотипов.

Игорь Свинаренко, обозреватель «Коммерсанта», согласен с такими наблюдениями. Но старается при этом войти в понимание побудительных мотивов, которые движут действиями полиции. «Я день за днем сталкиваюсь с теми убогими условиями, которые характеризуют существование представителей милицейских органов, – говорит он. – Вот, например, офицер милиции, служебная обязанность которого – отправлять за решетку гангстеров. Имейте в виду, повторяю, он сидит не за письменным столом, и не просто в участке. Это профессионал в высшем смысле слова. А получает он 400 рэ в месяц. Вы знаете, что такое 400 рублей в месяц? Вот видите – это стоит 500 рублей», – при этом он указывает на свои джинсы.

…Существует и такая точка зрения – многое в том, что бюрократы именуют «организованной преступностью», не более чем первообраз капиталистических отношений, капитализма. «Вы вправе провести параллель между развитием преступности в нашей социалистической стране с первыми столетиями развития капитализма в Европе, – заключает Игорь Свинаренко. – Ведь и первые капиталисты там также представали в облике бандитов и пиратов. Страшные это были люди. Но именно таким образом они зарабатывали свои деньги и закладывали основы капитала, начинали дело. А уже потом их дети и внуки превращались в обычных, нормальных бизнесменов. Вы ведь знаете, как это выглядит: „Отец мой был бандит, гангстер, его повесили, а вот я – обычный, добропорядочный гражданин“.

Конечно, на пути процесса предпринимательского развития… случаются и препятствия… «Коммерсантъ» провел внимательное исследование трудностей и злоключений, которые выпали на долю независимых бизнесменов, числящихся в Советском Союзе среди самых удачливых, преуспевающих и состоятельных. И все они сталкивались с одной и той же проблемой – КГБ… история связана с именем Артема Тарасова, предпринимателя и депутата российского парламента. Его дело расследовали КГБ и МВД («совместное предприятие», – сострил Свинаренко), они искали связь с преступным миром. И в этом случае счета фирмы оказались заморожены, бумаги – изъяты. В итоге Тарасов эмигрировал. Никаких осуждений и приговоров в

процессе расследований вышеупомянутого характера не последовало. Однако предприниматели либо понесли ущерб, либо просто прекратили дело. В ходе бесед с представителями КГБ, которые занимались расследованиями, Свинаренко, по его словам, спрашивал своих собеседников: «Чувствуете ли вы, что правы, что располагаете соответствующим материалом, способным доказать вину этих людей?» Ответы звучали так: «Нет, у меня нет достаточных доказательств. У меня нет соответствующих фактов. Я вижу, что нарушения закона места не имели». Вот что они говорили – в первом, во втором, в третьем и четвертом случаях. И в то же время утверждали: «Но что-то должно быть во всех этих делах. Должно быть какое-то нарушение! И мы обязаны обнаружить его». Это – идеология. Коль скоро вы богаты, вы уже преступник. И они видят в себе вершителей добрых дел. Может быть, то, что они делают, и незаконно, может быть, это противоречит закону, но сделано это в интересах высшей справедливости… И, повторяли они, наши внуки воздадут должное нашим усилиям.

– Да… Что еще, кто еще? Гдлян, Тарасов, батюшка Андрей Кураев… Что мы терли – не помню, но они тогда казались важнейшими людьми эпохи.

– Вот ты говоришь – Кураев. Я иерархов церковных вообще не замечаю. Они жулики!

– Ну, из иерархов самый главный, из тех, с кем я общался, – Владимир, епископ Ташкентский и Среднеазиатский. Симпатичный человек. Книги пишет. Интересная у него идея: царь финансировал строительство мечетей и издавал Коран, так что мусульмане были грамотные, и оттого ваххабиты, сектанты и еретики могли на них сильно влиять. И вот еще что было. Обои я тогда достал на улице Бирюлевской! Там мне по блату приготовили пяток рулонов. Я поехал и купил. Самое любопытное было то, что никого не волновало – какой цвет, какой рисунок… Просто обои. Или бери какие есть, или никаких не будет. Это было как водка – просто водка. Марка, розлив – не обсуждалось. И еще я выяснял отношения с МУРом. Там у меня менты состояли…

– На зарплате.

– Ну. Как сейчас помню, в МУРе им платили триста, а я – пятьсот. Я укреплял государство! Боролся, конкретно, с

преступностью! Менты с ней боролись на мои бабки! Блядь, я только сейчас сообразил… Гм… Отпускные я им платил. Грубо говоря, если употребить современный язык, те менты были чистые оборотни. Но оборотни очень симпатичные. Приятные люди. И выпивать с ними было интересно, и работали они на страну. Однажды они принесли мне протокол закрытого партсобрания МУРа с повесткой дня «Позор оборотням». Там поймали с поличными на взятке двух ментов. А один из них, как назло, был «Лучший по профессии» по итогам прошлого года – помнишь, была такая форма поощрения? То есть дали человеку Почетную грамоту, похвалили, а детей кормить нечем. Ну и взял он казенный пистолет и пошел зарабатывать на жизнь. Я это подал, конечно, красиво. Не где-то кое-кто у нас порой – а по-взрослому, со званием и фамилией. И тогда начальник МУРа Федосеев построил личный состав и сказал: «Кого уличу в связях со Свинаренко, тому лично оторву погоны». А пресс-центр как, он же обязан с прессой работать? И пресс-центру, говорит, тоже оторву. И вот я сижу, пишу заметки. Все сводки прочитал, оперативная картина ясна. Но нужен же и официальный комментарий! С меня требуют. А менты его не дают. Просто бросают трубку, и все. Боятся! И я забил стрелку с начальником МУРа и пошел к нему объясняться. Пришел. Он сразу начинает: «А почему вот у меня называется отдел, к примеру, по борьбе с оргпреступностью, а у тебя – отдел просто преступности? Ты кто получаешься такой, а?» Я говорю: «Ну, во-первых, у меня отдел так называется согласно штатному расписанию, а во-вторых, я ж не мент, чтоб с преступностью бороться. Мне и полномочий таких не дано согласно действующему законодательству. Хорош бы я был, проверяя документы у граждан, а кто не понравился – того б тащил в отделение! Да меня б тогда самого, чего доброго, свинтили б». Он говорит: «Короче, не морочь мне голову, пиши опровержение. Что ж ты себе позволяешь писать? Это ж клевета! „Отдельные сотрудники милиции берут взятки“. Ладно, – говорю, – готов это опровергнуть. Давай согласуем текст опровержения: „Отдельные сотрудники милиции не берут взяток“. Он сначала меня похвалил, а потом спохватился: какая-то тут подъё…ка… „А, – говорит, – понял! Не годится такой текст“. „Хорошо. Тогда так. Ни один сотрудник милиции не берет взяток… В общем, пока не ушел он на пенсию, были проблемы“.

Комментарий Свинаренко

Заметка

В МУРЕ ВЗЯТОК БРАТЬ НЕ УМЕЮТ. НО БЕРУТ

20 февраля лучший оперуполномоченный МУРа по итогам 1990 года Андрей Иванович С. и его коллега Александр Владимирович Д. были взяты с поличным при получении взятки в 2 тысячи рублей. *(В газете тогда их фамилии напечатал, а сейчас – выкинул. Люди, наверно, свое отсидели и, если живы, может, живут честно. Чего ж им тыкать в глаза старыми грехами.* – И.С.*)* По оперативным данным, с ноября прошлого года они регулярно получали деньги от устроителей негосударственных (но зарегистрированных) уличных лотерей.

Поскольку центр общественных связей ГУВД фамилии участников и подробностей происшествия не сообщил, «Ъ» воспользовался собственными источниками информации.

По неофициальным сведениям, дело обстояло так. Оперы уличили лотерейщиков в мошенничестве или по крайней мере сумели тех убедить, что раскрыли методику жульничества, – и вымогали плату за молчание. До тех пор пока шантажируемые не пожаловались в ГУВД.

Разовая взятка, если ее честно поделить на двоих, как раз равна премии, которую С. выплатили по итогам года как «Лучшему по профессии». Теперь вопрос о справедливости премии остается открытым: лучший сыщик не заметил слежки, организованной его коллегами после заявления потерпевших, и был взят с поличным, хотя обычно так попадается лишь незначительный процент взяточников.

Пойманные милиционеры не могут считаться рэкетирами, поскольку действовали не как простые граждане, а как должностные лица. Поэтому им будет предъявлено обвинение по ст. 170 УК РСФСР (злоупотребление властью или служебным положением: от увольнения с должности до 8 лет) и по ч. 2 ст. 173 РСФСР (получение взятки: от 8 лет с конфискацией до смертной казни с конфискацией).

На эту публикацию живо и заинтересованно

откликнулась милицейская газета «Криминальная хроника».

«Газета „Коммерсантъ“ поставила под сомнение справедливость премии в одну тысячу рублей, которую N. получил как лучший профессионал. Дескать, так „лопухнуться“, не заметив слежки, лучший сыщик не мог. Озаглавив публикацию „В МУРе взяток брать не умеют. Но берут“ и поставив свою подпись под ней, корреспондент Игорь Свинаренко и его газета, как они считают, зло высмеяли знаменитую уголовку. Можно было бы посмеяться вместе с ними, но справедливости ради восполним обстоятельства, не замеченные „Коммерсантом“. Первое. Выявил двух перевертышей не кто-нибудь со стороны, а непосредственно сам МУР. В любой войне, зримой и незримой, кроме героев, нет-нет да и встречаются предатели. Есть служба и определенные силы, их выявляющие. Работа постоянная. И второе. Профессионал даже самого высокого ранга, попавший под колпак этой службы, то есть целой группы профессионалов, едва ли ускользнет. Даже Штирлиц под колпаком у Мюллера совершает просчеты один за другим и переходит невредимым из одной серии в другую лишь в угоду автору и сюжету. Операция по изобличению двух сыщиков из МУРа была подготовлена и проведена так, что ирония оказалась неуместной.

Комментарий к ЧП начальника управления уголовного розыска ГУВД Мосгорисполкома полковника милиции Анатолия Егорова:

– Нечасто, но предатели к нам попадают. У сотрудников от ярости сжимаются кулаки, но пилюлю придется глотать. Факт.

Что за фактом? Извечное желание обогатиться, в той или иной степени свойственное людям, сегодня подогревается лозунгом ворвавшегося капитала: «Обогащайтесь! Все разрешено, что не запрещено!» Лозунг открыл двери расхитителю и вору. Правовая наука всегда, увы, тащится в хвосте у практики. Возможностей лавина. И они используются при нашей неотработанной, убогой законодательной и правовой базе. В этих условиях деньги – зло. Преступность прыгнула, как в пору НЭПа.

Появились силы (и немалые), готовые развеять все, на чем строились мораль и право, наша идеология в конечном счете. Я не знаю ни одной страны в мире,

чтобы так чернила, мазала грязью свою историю, как это делается у нас. Нувориши, миллионеры покупают ныне не только сотрудников угро, но и журналистов. Есть у нас такая информация.

Преступление – это две стороны медали: преступник и потерпевший. Не заметно ли читателю, как средства массовой информации, словно забыв о потерпевшем, бьются за права преступника. Почему такой крен, мне непонятно. Он что, кому-то выгоден? Бессмыслица исключена.

Мир держится системы: контролирующий не может получать меньше контролируемого…

Американский мой коллега получает 110 тысяч долларов в год. Я получаю 8,5 тысячи рублей в год, рядовой сыщик – чуть более четырех. Надо вам знать, чертой бедности в Америке определен годовой доход в 12 тысяч долларов. За какой же мы чертой?

Теперь о бывших сыщиках, а ныне содержащихся под стражей. Они имели звания старшего лейтенанта и лейтенанта милиции соответственно. Оба – выпускники Высшей школы милиции, 1961 и 1962 годов рождения. Претензий по работе не имели. Первый из них был премирован по итогам работы. И тут ошибки не было. Ошибка была в оценке моральных, человеческих качеств. С первой женой разведен, двое детей, алименты. Во втором браке ребенок. О достатке говорить не приходится. Все сказанное не для смягчения вины преступников, а лишь для полноты картины. И если бы «Коммерсантъ» обратился в управление, то получил бы ответы на любые интересующие его вопросы. Но газета шла путем добычи информации какими-то левыми путями – думаю, за деньги. При целенаправленной задаче дискредитации органов милиции, вероятно, так и следует поступать.

У нас есть прямая информация в отношении отдельных журналистов, что они состоят на службе у конкретных группировок. Пока тайно. Есть хорошая русская пословица: все тайное рано или поздно становится явным».

Мне эта заметка дико понравилась еще тогда. Теперь же я перечитываю ее просто с восторгом. Мощь и красота милицейских аргументов великолепны. Вы понимаете, даже вымышленный персонаж Штирлиц прокалывался, чего уж говорить о живых

людях! А чего вдруг им пришел на ум Штирлиц? Наверно потому, что он был еще тот оборотень. Или, если выражаться в муровских терминах 1991 года, перевертыш. Не в том только смысле, что человек работал на две спецслужбы, но и в том, что получал немалые суммы от фашистов, в валюте причем. Скорей всего, полковник Исаев – Штирлиц платил с нацистских заработков партвзносы; советский шпион Конон Молодый жаловался, что у него вообще забрали всю прибыль, он же был по легенде успешный бизнесмен. Именно Штирлиц! Вы ведь понимаете, отчего он был так популярен в Советском Союзе. Люди себя с ним отождествляли. Наши граждане точно так же, как полковник Исаев, шли утром на ненавистную работу, скрывали свои мысли, вынуждены были терпеть чуждую идеологию – но при этом изредка им удавалось делать добрые дела.

Трогательны выкрики насчет идеологии. Менты к тому моменту еще не оставили привычку надувать щеки и произносить с умным видом ритуальные советские фразы.

Еще вам, безусловно, понравится такой милицейский тезис, уже приведенный выше: «Мир держится системы: контролирующий не может получать меньше контролируемого…» Какой мир? Ну разве только криминальный… А в прочем мире едва ли мент получает больше Рокфеллера.

В целом это, конечно, удивительный документ, замечательное свидетельство о том времени.

– Алик! А Форос, кстати, почему мы не вспомнили?

– Форос? Горбач – трус.

– А что, он должен был сказать – убейте меня, и все?

– Или их убить. Ну, как-то надо было себя показать. А он такой сладенький приехал, в одеялку завернутый… Ну, еклмн, ну что это… И потом, еще ножкой притоптывал, на Ельцина голос повышал – ну это ж хуйня… Ты уже все, обосрался, дорогой товарищ…

– Ну, в общем, да. Он должен был пасть как герой…

– Конечно.

– И сейчас бы говорили – вот был человек, отец свободы! Убили подлые враги, коммунисты, твари. Венки б возлагали. Дети бы в школе несли караул у его бюста.

– Нет, я не хочу, чтоб кто-то умирал. Но он должен был как-то более адекватно себя повести!

– Как положено лидеру сверхдержавы!

– Но он выглядел абсолютно беспомощно. Мне так сразу противно стало…

– Ельцин тогда очень хорошо смотрелся на его фоне.

– Совершенно верно!

Комментарий Коха

А еще я весной 1991 года съездил в Чили. Вот так-то. Есть такой довольно известный ученый – Виталий Найшуль. Он собрал несколько, как ему казалось, интересных молодых ученых, политиков, чиновников, и мы отправились в Чили, изучать опыт их экономических реформ.

В свою очередь, в Чили есть такой экономист Эрнан Бихи – кстати, выпускник Чикагского университета, который в правительстве Пиночета был министром финансов. После отставки Пиночета и его правительства он организовал Институт свободы и развития. Этот институт занимался тем, что приглашал группы экономистов из стран с переходной экономикой и читал им курс чилийских экономических реформ. Найшуль созвонился с этим институтом, сформировал группу, куда попал и я (за что я ему беспредельно благодарен по сей день), и мы отправились в Чили.

Надо заметить, что это была моя первая поездка за границу вообще. Представьте себе: первый раз – и сразу в Чили. Ехали мы долго, двадцать два часа. Ил-62 летел сначала до Лихтенштейна, потом были Острова Зеленого Мыса, потом Буэнос-Айрес и уже затем Сантьяго-де-Чили. Когда пролетали над Рио-де-Жанейро, облаков не было и весь город был как на ладони. Можно было рассмотреть Маракану, статую Христа с распростертыми руками, кристаллики небоскребов вдоль желтых пляжей Копакабаны. Впечатления захлестнули меня. Вспомнились детские книжки про пиратов, дальние моря. Остап Бендер в белых штанах. Вспомнилась также фисуненковская книга «Пеле, Гарринча, футбол», еще всякая ерунда типа «много, много диких обезьян»…

Сантьяго… В нем не было ожидаемой латиноамериканской карнавальности. Спокойные люди с бесстрастными индейскими лицами. Небольшого роста, ладно скроенные брюнеты. Женщины? Ничего особенного, такие миниатюрные грузинки. Негров нет. Объясняют, что рабства в Чили не было, поскольку негров завозили с Атлантического побережья и они просто не доходили до Чили – умирали еще в Аргентине, в Патагонии, в горах.

Изредка встречаются шатены и блондины. Шатены – это потомки старых испанских родов, их пращуры были конкистадорами. Это местная аристократия. Они крупные землевладельцы и инвесторы. С индейцами они почти не перемешиваются, храня дворянскую кровь испанских грандов.

Блондины – это немцы. Эсэсовцы и офицеры вермахта, сбежавшие сюда от греха подальше после войны. Эти контролируют торговлю, участвуют в производственном бизнесе и служат в армии средним офицерским составом. Никакой дворянской крови в них нет, поэтому ассимилируются довольно легко. Встречались русские, потомки эмигрантов первой волны. В основном из казачьих офицеров.

Понравилась местная водка – писка (хи-хи), мутная водка с привкусом текилы. Перед едой маленькую рюмочку – милое дело. Еда? Хорошая, добротная. С преобладанием жареной говядины и рыбы. Море очень хорошего (теперь-то мы знаем) чилийского вина. Много фруктов, самых обычных, но очень вкусных – яблоки, груши, персики…

Первое, что бросается в глаза, – повсеместное присутствие армии. Солдаты с автоматами на бронетранспортерах патрулируют город (в то время армия еще не передала полицейские функции). Армия – крупнейший землевладелец, армия – гордость нации. Армия – гарант конституции. Служить в армии – честь (еще не всякого возьмут). Самое лучшее оружие, самое лучшее обмундирование. Дисциплина – закачаешься: немцы ставили. Солдат обут, одет, сыт и нос в табаке. Смотреть на эту довольную крестьянскую морду просто противно. Офицерство – потомственное. От отца к сыну. Офицерство – это средний класс. У каждого свой дом, машина и прочее.

Армия маленькая, но чрезвычайно боеспособная. Когда в восьмидесятых был какой-то пограничный спор с Аргентиной, совпавший с Фолклендским кризисом (Пиночет помогал Тэтчер), то аргентинцы было полезли, так чилийская армия гнала их чуть ли не до Буэнос-Айреса.

Экономика устойчивая. Надежно растет. Производит самые простые вещи. Медь (много), рыбу, фрукты, вино, лес. По этим позициям лидирует в мире. Самая лучшая рыба – кто не знает – чилийский сибас. Вино по соотношению цена – качество, номер один. Лес – дорогие лиственные породы. Растет банковская система. Пенсионные фонды – крупные инвесторы мирового уровня. По качеству жизни страна сильно отличается от всей остальной Латинской Америки. Скорее какая-нибудь средняя европейская страна типа Чехии или Греции.

Запомнилась поездка в Вальпараисо, это на побережье. Бесконечное плоскогорье, засаженное виноградниками. Красота неописуемая. Синее небо. Разреженный горный воздух и виноградники до горизонта.

Вальпараисо – портовый город с большим пляжем, рыбными ресторанчиками и обычной одесской сутолокой. Пиночет туда

перенес парламент. Чтобы депутаты не мешались в Сантьяго. Построил им здание прямо на пляже, и с тех пор у него никаких проблем с парламентом не было.

Когда я был в Чили, Пиночет уже год как проиграл президентские выборы. Но в рабочих кварталах Сантьяго на стенах домов я еще видел граффити – «Вива, Пиночет!». Рабочие любили старика. Это был его электорат – рабочие и армия. Ну и бизнес, конечно. Крестьяне – не очень. Ведь он не отобрал землю у латифундистов. Опять же интеллигенция, студенчество тоже были против диктатуры. Это такой мой был анализ. Может, в жизни все было не совсем так.

Преподавали нам очень интересно. Лекции читали бывшие министры пиночетовского правительства. Запомнился бывший министр экономики с красивым именем Серхио де ля Куадро. Этот из конкистадоров. А другой, который делал пенсионную реформу, – Пинейро, в правительстве он был министром труда, такой сухонький индеец. С юмором дядька, шутил все время. Нам рассказывали, что в молодости он работал клоуном. Еще нам говорили, что он лично командовал расстрелом демонстрации протеста против его схемы пенсионной реформы. Может, врали…

Дело в том, что переводчиками у нас были только что вернувшиеся из Советского Союза политические эмигранты (сплошь коммунисты) и их дети. Вернуться-то они вернулись, а работы для них нет. Вот тут и подвернулись мы. И русский им пригодился. Их рассказам про пиночетовских министров мы не особенно верили, но фон эти «переводчики» создавали адреналинистый. Было ощущение, что они готовы на этих лекторов с кулаками кинуться.

Лекции были про приватизацию, про пенсионную реформу, про финансовую стабилизацию, про налоговую реформу. Про преодоление кризиса доверия. Довольно специальные вещи. Состав нашей группы был разношерстный. Сейчас, по памяти, я и не вспомню всех. Юрий Болдырев, Миша Дмитриев, Сергей Глазьев, Леня Вальдман, Костя Кагаловский, Миша Киселев, Симон Кордонский, Гриша Глазков, Алексей Головков… Нет, всех не вспомнить. Надо бы собраться. Да где там…

Чили… 1973 год. Полный коллапс. Все, экономика остановилась. Страна – банкрот. Политически – безвыходное положение. Дальше как в плохом кино – прошло двадцать лет…

Какие еще нужны примеры, что нужно действовать, а не болтать про реформы? Так ведь и страну проболтаем.

– А вот я вспомнил принципиально важную вещь. Тогда, в 91-м, пили в основном дома на кухне. Хочешь с кем выпить – тащишь его домой. И вот напротив «Ъ» была какая-то

забегаловка на первом этаже жилого дома, где наливали и давали салатов и сосисок. Сидели там бандиты в кожанах, – помнишь, полстраны тогда ходило в китайских коричневых кожанах, сшитых из кусков? И мы сидели. А советская манера – сбегать за бутылкой и сидеть или пить в офисе – это у нас уже стало отходить. Эти мрачные забегаловки, которые тогда стали появляться… Мы видели в этом роскошную жизнь. Мы понимали это так, что ни в чем себе не отказываем.

– Это были ростки капитализма.

– Да! Говори что хочешь, пиши что на ум взбредет, колбасы полно, водка есть, за границу: сел – и полетел. Ну чего, казалось, еще желать? Скромные у нас тогда были желания, в 91-м…

3. 1992-1996

Бутылка одиннадцатая. 1992

Весь 92-й год Кох занимался любимой работой – продавал госсобственность. Свинаренко – тоже любимой: работал в газете, командовал отделом преступности. В этой главе также научно разъясняется, отчего развалилась Российская империя. Главной ее сверхзадачей, как известно, было создание великого Славянского государства со столицей в Константинополе. В 1917 году стало ясно: к проливам нас Европа никогда не пустит. И Стамбул мы не получим ни за что. Когда наступила ясность, империя и развалилась – а на кой она тогда, в самом деле? После, когда мы проиграли «холодную войну», развалился и Советский Союз. Зачем кормить огромную армию, если она не побеждает? А без армии – какая ж империя…

Зато теперь, когда нас никто не заставляет решать мировые проблемы, можно заняться собой, домом и семьей.

– 1992-й – это первый год России.

– Да, первый год чисто России. СССР уже ж не было.

– Горбач в декабре отдал чемодан – и был таков.

– Смешно: я нашел в Интернете постановление ЦК КПСС «О подготовке к празднованию 80-летия создания СССР». Это у нас на декабрь 92-го намечалось. Неплохо!

– Да.

– Итак, самое начало года: 2 января – либерализация цен, начало проведения реформ. А десятого числа – отмена фиксированных цен на хлеб и молоко. То есть сначала оставили на хлеб и молоко твердые цены…

– А потом быстро сообразили, что херня это все. И освободили вообще все цены.

– Мне в 96-м Немцов, когда был губернатором в Нижнем,

по тогда еще довольно свежим следам рассказывал, что он именно в том январе договаривался с командованием военного округа – завезти в город полевые кухни. Тогда реально боялись, что народ с голоду начнет пухнуть, бить витрины и грабить склады. Но, в общем, как-то обошлось без полевых кухонь.

– А мне Немцов рассказывал, что полевые кухни он таки выкатил…

– Это он тебе, может, как частному лицу говорил. Для прессы же он более ответственно высказывался. А ты сам помнишь это все? Ты где вот был тогда? Это ты, кстати, цены освободил?

– Это не я. Это Егор Тимурович.

– А ты был кто тогда?

– Я в Питере был заместителем председателя городского комитета Госкомимущества.

– А тебе заранее сказали, что цены освободят?

– Это и так ясно было. Они еще в ноябре об этом предупредили и даже цифры назвали… Это ни для кого не было неожиданностью.

– Это для тебя не было.

– И для тебя не было. Просто ты уже забыл. Там же история такая, что люди кинулись снимать с книжек деньги, а им не выдают, потому что Павлов заморозил счета.

– Да… Я помню, что колбаса была три рубля, что ли, – а стала десять.

– Но стала. Стала! В том-то же и дело, что она появилась!

– Да, все лежало-продавалось. Это, значит, и было конкретно началом реформ.

– Да.

– Все. Сказали – хватит шутить.

– Да. Хватит шутить! И приватизация началась. Мы разработали за январь-февраль городскую программу приватизации. Потом в марте ее затвердили в совете. И в апреле уже первые аукционы пошли. Так же, как в Нижнем. Магазины мы начали продавать. На аукционах. Пригласили опытных аукционщиков, которые еще в «Союзпушнине» в советские времена мех продавали западникам. И с их помощью вместо соболиных шкурок магазины продавали. Много продали! Почти все. Народ сначала бухтел, а потом начал покупать. Там важно было разъяснить трудовым коллективам, какие у них льготы. Они участвовали в этих аукционах и выигрывали. Было весело! А потом ваучерная началась. Вот тут уже нам крови попили, конечно, с ваучерами.

Комментарий Коха

Большой комментарий про приватизацию я напишу позже, когда про 1994 год будем говорить, а сейчас можно привести отрывок из нашумевшей в связи с «делом писателей» книги «Приватизация в России». И хотя этот текст писался мной в 1997 году, в конце лета, тем не менее он, на мой взгляд, лучше передает ту атмосферу, которая тогда, в 1992 году, царила в нашей команде, чем если бы я взялся воспроизводить это настроение сейчас.

ПЕРВЫЕ АУКЦИОНЫ

Уже в феврале 1992 года мы провели через горсовет городскую программу приватизации с конкретным адресным перечнем магазинов, которые нужно было выставлять на аукционы. Первые аукционы прошли в начале мая того же года…

Помню, на самом первом аукционе продавали парикмахерскую на Невском. Парикмахерская дохода не приносила, а ведь Невский проспект – центральная улица города, и помещения должны там стоить очень дорого. Было понятно, что в ходе приватизации такие малорентабельные предприятия, каким была, в частности, и эта парикмахерская, будут вытесняться, перепрофилироваться. Сколько же шуму тогда поднялось! От нас стали требовать непременного закрепления профиля приватизируемых объектов. Почти за каждый магазин, парикмахерскую, прачечную приходилось бороться. В конце концов, ту свою первую парикмахерскую мы продали за довольно приличные деньги: 20 с лишним миллионов рублей. Сейчас на том месте располагается магазин по продаже импортных кухонь – предприятие наверняка гораздо более прибыльное, чем бывшая парикмахерская, способное окупить свое существование в центре города.

Вообще-то стоит, видимо, внести некоторую ясность в вопрос о первенстве питерцев в проведении аукционов. Дело в том, что первый аукцион по продаже магазина состоялся все-таки в Нижнем Новгороде в апреле 1991 года. Мы свою парикмахерскую в «Союзпушнине» продавали уже в мае. Однако питерцы еще раньше нижегородцев проводили аукционы не по продаже, а по сдаче магазинов в аренду. Вот здесь мы были действительно первыми во всех отношениях.

Когда малая приватизация только раскручивалась, было немало казусов. Помню, например, одним из первых мы

продавали огромный универсам в новостройках: большой оборот, гигантские площади. Это был чуть ли не второй или третий аукцион, а столь крупный объект вообще продавался впервые. И никто не верил, что можно будет просто так прийти и купить его в открытой борьбе на аукционе. В итоге на торги пришли два покупателя, да и те, насколько я понимаю, были в сговоре: трудовой коллектив магазина и «заряженная» им вторая компания. И они купили универсам за смехотворную цену: 2 млн 100 тыс. рублей (сравните: первую «свою» парикмахерскую мы продали за 20 с лишним миллионов). Народ просто обалдел: а мы-то что ж не участвовали?! Больше ничего подобного, конечно, не случалось.

Возьмите апельсинчиков

Еще запомнилось, как продавали на Невском один овощной магазин. Это был самый известный из всех овощных магазинов в городе, и директор его соответственно был патриархом всей овощной торгашеской «мафии». Фамилии его уже не помню, помню только, что это был старый человек, ему за семьдесят перевалило. Когда дело дошло до продажи его магазина, мне все стали советовать: «Ты к нему обязательно съезди!» – «Зачем, – говорю, – мне к нему ехать? Пусть он сам ко мне едет, если ему надо». – «Нет, – твердят мне, – езжай! Это такой человек. Он в свое время пинком любые двери открывал». – «Теперь, – говорю, – открывать не будет». – «А ты все равно поезжай. Он ведь старый человек, он не понимает всего, что происходит; прежними понятиями живет. Ты уважь его». Короче, я поехал.

Только зашел к нему, он мне тут же стал наборчик в пакетик укладывать. Я говорю: «Мне этого ничего не надо». – «Как – не надо?! А у нас вот тут апельсинчики». – «Да не надо мне ваших апельсинчиков!» – «Как же, а вот виноградику». Когда он понял, что со мной торговаться бесполезно, он и говорит: «Ладно, давайте так. Мне уже семьдесят с лишним лет, я скоро умру. Вот когда умру, тогда продавайте этот магазин, делайте с ним что хотите. А пока дайте мне спокойно умереть». На том и разошлись. Через год этот директор умер, и магазин мы продали.

Вообще приватизация торговли была делом достаточно сложным и нервным. Существовавшие в тот период локальные монополисты – торги – отчаянно сопротивлялись. Им было за что цепляться руками и зубами. Фактические хозяева всей торговой сети, они были очень влиятельны в эпоху тотального дефицита. Приватизация же положила конец их всевластию:

приватизируемый магазин обретал юридическое лицо и, таким образом, становился независимой хозяйствующей единицей – и юридически, и экономически, и финансово. Торги ожесточенно отстаивали свои интересы и находили поддержку даже у Анатолия Собчака, который требовал сохранения региональных районных торговых монополий.

Это уже потом, много позже, Собчак гордо рассказывал на Западе, что у него в городе быстро идет приватизация. А тогда можно было прочесть и такие резолюции мэра: «Приведите Коха в чувство, иначе я это сделаю сам!» Произошло это, когда я пытался продать магазин «Диета» на Невском проспекте, директриса которого, как и любой торговый начальник в ранний постсоветский период, была весьма влиятельным лицом. Помню, это была такая представительная дама в два обхвата, как полагается, – волосы в химии, руки и шея в золоте, и она все кричала, что Кох питерских диабетиков оставит без диетпитания. Однако, несмотря ни на что, магазин был продан. Сейчас он спокойно работает, и диетических продуктов там значительно больше, чем раньше.

Надо признать, что серьезных доходов в городской бюджет малая приватизация не успела дать: началась ваучерная программа, и малая приватизация продолжалась уже не за деньги, а за ваучеры. Да, собственно, в то время никто и не ставил фискальных целей. Главными нашими задачами были – создание конкурентной среды в торговой системе, ликвидация локальной монополии, обеспечение притока товаров. И этих целей мы достигли. Угроза тотального товарного дефицита, ставшая реальностью в конце 1991 года, была ликвидирована. Как мне представляется, теперь уже навсегда, благодаря либерализации цен и разрушению локальных монополий в лице торгов. Российские прилавки теперь мало чем отличаются от западных, и наши бабушки, выезжающие за границу по туристическим путевкам, уже не падают в обморок при виде западных магазинов. А такое бывало раньше, только мы быстро об этом забыли.

Это было интересное время – на старте приватизации, на старте реформ. Мы не играли в политику, а делали конкретное дело. Когда ты начинаешь искать сдержки и противовесы, выстраивать интриги, то сразу попадаешь в зависимость от какой-нибудь политической группы. А эта группа в обмен на поддержку требует для себя эксклюзивных прав. Мы же были в этом смысле эдакие «лопухи» – просто тупо проводили аукционы на основании законов, постановлений, указов, чем и снискали себе нелюбовь всех политических сил Петербурга.

Однако Чубайс уже тогда был достаточно влиятелен и мы имели возможность отсылать недовольных в Москву. Помогало и то обстоятельство, что советская система еще не до конца разболталась, существовала кое-какая дисциплина, и весьма эффективно действовала такая аргументация: «Президент подписал указ, велел приватизировать столько-то предприятий. Мы будем выполнять указ или не будем?» Хороший, плохой ли указ – это дело десятое, а исполнять надо. И подобная аргументация действительно работала. Сейчас в регионах ведут себя иначе: «Подумаешь, президент указ подписал. У нас Конституция защищает права субъектов Федерации, поэтому мы указ выполнять не будем». В начале 90-х приказ из Москвы выполнялся беспрекословно.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ МИНИ-РЕВОЛЮЦИЯ

Все это дало нам возможность к 1993 году продать порядка 40 процентов магазинов. Мы продавали по 30–40 магазинов за одну торговую сессию, то есть за один день. Аукционы шли беспрерывно.

Параллельно с малой приватизацией к концу 1992 года стала раскручиваться и приватизация чековая. В августе вышел указ № 721 о поголовном акционировании всех предприятий, вскоре появились все необходимые нормативные документы, и уже в декабре мы провели первый специализированный чековый аукцион. При этом Комитет по управлению имуществом тесно сотрудничал с петербургским Фондом имущества, где была неплохая команда специалистов – Эдуард Буре, Петр Пансков, Александр Тишков. Работа шла сверхинтенсивно, круглые сутки. К примеру, когда в феврале 1992 года мы писали городскую программу приватизации, просидев за этой работой всю ночь, уже наутро нам пришлось ехать в горсовет ее защищать.

Я вспоминаю один замечательный эпизод, связанный с началом программы приватизации крупных предприятий. Мы собрали директоров всех крупных заводов в актовом зале Смольного, где Ленин объявлял советскую власть. В президиуме сидели Беляев, Маневич, Собчак, а я с трибуны разъяснял указ президента об акционировании предприятий. Эта капиталистическая мини-революция происходила под огромным портретом Владимира Ильича, в гробовой тишине, под настороженно-насмешливые взгляды директоров. Было видно, что воспринимают они все происходящее примерно так: дети наигрaются, натешатся, на том все и кончится…

Впрочем, программы акционирования вскоре пошли довольно дружно. Директора очень боялись, что их могут обойти чужаки, поэтому торопились предложить свои планы, свои инвестиционные программы, выгодную им очередность в проведении аукционов – дабы суметь сконцентрировать деньги для покупки предприятий. С основной массой руководителей мы работали спокойно. Все-таки директора в Питере – люди, как правило, достаточно продвинутые. Вспомнить хотя бы Турчака, директора «Ленинца», или директора Балтийского завода Шуляковского, или Илью Колебанова с ЛОМО. Были, конечно, и такие, которые ничего не хотели, ничего не признавали. Их и не приватизировали. Как правило, все эти предприятия сейчас в полном упадке: конкурентоспособной продукции нет, покупателей нет.

Конечно, я не буду утверждать, что все приватизированные предприятия сегодня процветают. В Питере вообще очень тяжелая для рыночных преобразований структура промышленности: оборонка, судостроение, электроника, энергомашиностроение. Поэтому сейчас им, конечно, тяжело и больших успехов нет. Хотя по сравнению с общим состоянием в своих отраслях питерская оборонка и все, что с ней связано, чувствуют себя более-менее нормально. А вот легкая, пищевая промышленность, безусловно, растут. Наши пивные заводы сейчас всю страну пивом залили. Те же «Вена» или «Балтика» ничем не хуже импортных. Да и машиностроительные, и судостроительные заводы постепенно с колен поднимаются. Вообще я думаю, что в Питере ситуация не такая уж и плохая.

Петербург всегда считался бесспорным лидером приватизации. Но сейчас, задним числом, я понимаю, что мы были всего лишь одними из лидеров. Борис Немцов организационно нас опередил, начав в Нижнем аукционы на две-три недели раньше Петербурга. По объемам приватизации нас опережал Челябинск. Но там было легче, потому что основным способом приватизации была аренда с выкупом, а она документально оформляется очень просто. Неплохо шли дела в Самаре, Екатеринбурге. Иными словами, Петербург не был абсолютным лидером по всем показателям. Но мы, питерские, всегда ощущали себя лидерами реформ, ее первопроходцами и изо всех сил старались не ударить лицом в грязь.

Однако при всем при том вот что мне кажется принципиально важным: в Петербурге всегда старались придерживаться федеральных нормативных документов. И по приватизации в том числе. У нас и близко не было ничего похожего на московско-лужковскую фронду.

Впрочем, сейчас, с высоты 1998 года, становится понятным, что особого значения сами способы отчуждения от государственной собственности не имели. Теперь все частные магазины – что питерские, что московские, что тамбовские – работают почти в одинаковом режиме. Наши споры 1992 года о том, как приватизировать – с аукциона или просто дарить трудовому коллективу (как это было в Москве), в 1998 году кажутся несущественными. Важно, что торговые точки попали в руки разных хозяев, между ними началась реальная конкуренция. Правда, в Москве эти процессы проходили более болезненно. В августе 1993 года, когда я перешел на работу в Москву, в столице еще были полностью принадлежащие трудовому коллективу или государству магазины с пустыми прилавками, с хамами продавцами, с традиционным продуктовым набором – трехлитровые банки соленых огурцов и «Завтрак туриста» – на прилавках. Петербургский способ перехода к эффективной системе городской торговли оказался более быстрым, нежели московский.

– Вот я смотрю свои записи… Ленин, помнишь, принимал декреты о земле, о мире и еще там о чем-то. А у нас такой рейтинг, такие приоритеты: первым делом – освобождение цен, после – раздел Черноморского флота, и далее, 26 января, – заявление Ельцина о том, что Россия уже не нацеливает ядерные ракеты на Штаты.

– Угу.

– Понимаешь, да? По убывающей. Ну вот откуда такая важность скромного Черноморского флота? С косой Тузла Россия чуть в войну с Украиной не ввязалась. Почему Украина для России важней Америки? Странно… Что за этим стоит, как ты думаешь?

– А я никак не думаю. Почему я должен как-то думать?

– Думай, не думай, а без Украины, как видишь, никуда.

– Ну, просто это твоя родина, для тебя это близко, и ты все время хочешь обсуждать эту тему. А для меня – это всего лишь кусок российской истории. Поэтому я не готов прочувствованно и со слезой в голосе говорить про Украину. Для меня это редкая для посещений страна. Кстати, в общем с более-менее понятной ментальностью. Я один раз был во Львове, один раз – в Одессе, три раза в Киеве, один раз в Керчи, один раз в Ялте. И все.

– Одесса – русский город, Львов – польский.

– Ялта с Керчью – тоже русские.

– Русские. В общем, ни хера ты на Украине не был.

– А три раза в Киеве?

– Ну, Киев – это серьезно. Киев – матерь городов русских.

– Русских, да. Кстати говоря, параллельно замечу, что Российская империя довольно забавно устроена. Если говорить о сегодняшней России, то это империя без метрополии. Метрополия не входит в состав империи. Потому что матерь городов русских – Киев – отколота, а все остальное-то славяне колонизировали. Все остальное, строго говоря, колонии. И Владимирская Русь, и чудь, и мордва, и все эти финно-угры – это все колонизировано.

– Давай лучше серьезно ситуацию с Украиной разберем. Вопросы с ней вроде такие незначительные, а раздуваются со страшной силой. Почему?

– Нет, старик, я с тобой не соглашаюсь. Вот насколько я понимаю, русская ментальность и русское самосознание уходят в глубь российской истории на триста лет. Дальше ее не хватает. Мы понимаем, что был Алексей Михалыч, были Рюриковичи. Умом мы это понимаем, но сердцем Россия начинается как бы с Петра Первого. Таково русское самосознание. Мы сейчас говорим не о реальной истории – но об образе русской истории, который сложился в русском национальном характере.

– Князья, значит, разборки, наезды…

– …татарское иго, потом кровавый Иван Грозный, далее какая-то смута, а потом – ничего. Потом Петр Первый.

– Так. Допустим. А почему так, интересно?

– Не знаю. Петр Первый решительно зачеркнул все, что было до него.

– Да… А что до него было? Какие образы возникают? Дремучие леса, гуси-лебеди, с луком и стрелами бубновый валет, похожий на Касьянова, – как на иллюстрациях к сказкам. Что-то не очень внятное рисуется.

– Да. Что-то такое – смутное время, Борис Годунов, Василий Тишайший…

– Аленушка на волке скачет… Или Иван-царевич.

– И персонажи в татарских халатах – будто бы русские… Вот этой истории, получается, как бы и не было, все началось с Петра Первого – вот так устроено русское самосознание. Или, во всяком случае, я его так понимаю. В нем ничего не осталось из допетровской Руси!

– В самом деле, что такое Алексей Михалыч? Не очень это понятно.

– Нет, ну более-менее продвинутые люди расскажут. Но даже они сердцем этого не чувствуют. Начиная с Петра – вот эти ботфорты, преображенский мундир, треуголка, эта шпага – с этого все пошло.

– То есть это Россия, которая чего-то захватывает и создает из себя империю?

– На самом деле все основные захваты до Петра осуществились. Петр прирастил от силы 10 % территории. Все остальное уже было захвачено – вплоть до мыса Дежнева. Даже договор о разделении границы с Китаем был.

– То есть ты утверждаешь, что Россия началась с Петра Первого, а до этого как бы ничего не было, – таков русский менталитет?

– Да. Ментальность русская, она такая… Строго говоря, Петр Первый считается основателем Российского государства. Потому что тогда мы от царства перешли к империи. И по скольку Российская империя слишком долго влияла на русскую ментальность и в значительной степени ее сформировала, то имперское сознание начинается с момента возникновения империи. Но никак не раньше.

– А что, логично…

– Так вот, получается, что русская история в русской ментальности укладывается в триста лет. И из них сто пятьдесят лет мы воевали это Северное Причерноморье! Мы завоевывали этот е…ный Крым, эту Одессу, Николаев, Новороссийск. Это началось с борьбы Петра Первого за Азов – и тянулось вплоть до Крымской войны. Которую мы проиграли. Половина истории угроблена на то, что в результате досталось хохлам! На халяву! Они же палец о палец не ударили! Ведь эти казаки запорожские, которые с польскими панами дрались, – они ведь не помогали Потемкину Причерноморье отвоевывать. Они сидели на Хортице, а когда к ним Потемкин пришел, убежали за Дунай – к османскому паше – и приняли турецкое подданство.

Комментарий Свинаренко
Кстати, про Черноморье и Крым

Летом 1992 года я нечаянно совершил экскурсию по местам, типа, боевой славы. А именно – съездил с семьей в отпуск в тот самый Форос. В санаторий ЦК или чего-то там такого – в непосредственной близости от места заключения Горбачева. Море, кипарисы, а главное даже, может, воздух – это все очень хорошо. Я помню, как радовался. Что вот отдыхаю в таком месте, куда мне при прошлом режиме ни в жизнь бы не попасть. А на коммерческой основе – бери и отдыхай. За – крутится такая цифра в голове – 140 долларов. Столько или нет, но точно было недешево. Ну смущали какие-то мелочи – так, слегка, по краю сознания. Теперь же ясно, что это все представляло собой жалкое

зрелище. Обои поотклеивались, плитка поотлетала, мебель советская, общежитская, какие-то хамские, воровские, наглые кастелянши… А самое главное – кормили очень маленькими и очень бедными обедами. Скупой блин каши, суп из картошки, бедная больничная подозрительная котлетка… Компот… Было в этом что-то армейское, что-то даже и зоновское, то есть натурально коммунистическое, обобществленное. Современный человек, будучи в здравом уме, хихикнет тут и скажет, что надо было в ресторане питаться. Но этот ЦК там в округе придушил всех частников, и единственное, на что те, бедные, отваживались, была торговля черешней на базарчике у ворот. Еще – вот знак новых времен, убедительное доказательство реформ и перемен – по соседству было так называемое казино. Но и там вместо икры на тостах – как в «Шангри Ла», или харчо с цыплятами табака – как в подвальных игровых залах «Националя», подавали только отвратный кофе по три доллара за чашку. В общем, все у цековцев было как у всех прочих… Бедные! То-то они особенно не надрывались на защите своего режима в 91-м. Ну его, думали, к такой-то матери… Глядя с высокого берега на бухту, в которой когда-то стоял охранявший генсека военный беспомощный кораблик, я себе представил, как годом раньше, буквально ровно за год до меня, в этих благословенных местах в своем легендарном заточении томился Горбачев. Давился холодной манной кашей, питался разваренными в кашу же советскими макаронами и думал: «Как же это все надоело… Кормят какой-то дрянью, выпить нечего из-за этого ебаного „сухого закона“… Ничего сделать не дают, чуть что не так – вот арестовывают… Живу, ну буквально как весь советский народ! Да пропади оно все пропадом…»

– Черноморье – как преддверие причинного места. Ну так, поелозил чуть у входа, потерся, а дальше-то надо всадить – то есть в Босфор и Дарданеллы войти, грубо, по-мужски. Вместо этого мы долго дрочили на входе – но так и не вошли.

– Ты не е…лся давно, что ли? Что это за образы?

– При чем тут е…ся? Я просто поэт в глубине души и мыслю образами. А смысл всего какой был – Средиземное море!

– Да. Уже Николай в Синопе разгромил турецкий флот – заходи в Босфор, все, он твой. И тут, блядь, эти англичане с французами нарисовались: не допустим, говорят! Представляешь, какая обида: 150 лет корячились, вот оно, лежит на блюдечке с голубой каемочкой, бери – не хочу! Все! Но Европа заступилась за турок. Который раз она нас швырнула! Первый раз они Византию

кинули и дали туркам взять Константинополь. Они же не защитили его, помнишь? Второй раз – русским не дали взять Константинополь и отбить его, поставить крест на Святую Софию. И сегодняшний Стамбул с полумесяцем на древнем православном храме – дело рук англичан с французами. Что такое – захват турками Константинополя? Это как если бы сарацины завоевали Италию. И тогда прочая Европа развивалась бы в отсутствие культурной прародины – Италии. Какой была бы тогда Европа? Без Италии откуда пришло бы просвещение? Пока существовали и Византия, и Рим – мы развивались одинаково. А потом у нас отняли прародину.

– Ты помнишь, еще же была одна возможность, чтобы сарацины и мусульмане завоевали Европу?

– Нет.

– Это же Кампанелла.

– А, Томмазо Кампанелла. «Город Солнца».

– Ну. Социалист. Он решил построить идеальный город любви и равенства. Город, стало быть, Солнца. Но для этого надо было ему получить под эту стройку землеотвод. На что тогдашние законные власти не пошли бы. А единственным способом свержения папской власти на тот момент было объединение сил с турецким султаном.

– Турки – это не сарацины. Сарацины – это арабы.

– Я шире смотрю на вопрос: это ж все братья-мусульмане. И, значит, социалист Кампанелла входит в сношения с врагом. Он при помощи турецкого султана собирается свергнуть антинародный режим. И на осколках самовластья, типа, они свой новый мир построят. Короче, значит, заговорщики договорились, что, как только флот султана приближается к итальянскому берегу, они режут береговую охрану и встречают турок хлебом-солью. Ну, как Ленин с немцами договорился, что они вместе нейтрализуют Россию в Первой мировой. И вот уже флот подходит… Султан ждет, что вот ему сейчас хлеб-соль поднесут. И тут кто-то из заговорщиков, которые желали построить светлое будущее, вдруг опомнился: е… твою мать! Да точно ли турки будут строить город Солнца? А вдруг они вместо этого сомнительного проекта сожгут все, вырежут и вые…ут? Чего-то как-то у нас х…ня какая-то с городом Солнца… Своими сомнениями этот заговорщик поделился с инквизицией.

– Ха-ха!

– Короче, заговорщиков повязали, флот на х… отогнали. И дальше вот этот Кампанелла, которого рисуют на знаменах у нас как одного из первоисточников…

– Утопист. Социалист-утопист.

– Ну. Так, оказывается, его не сожгли на костре, не отрубили голову, не дали ему десять лет без права переписки. Его просто отпи…дили, потом держали там где-то в СИЗО, какие-то кости сломали, но в итоге-то – его выпустили! Он вышел на волю, и емудаже дали место библиотекаря чуть ли не в Ватикане. Вот такой бесчеловечный режим был.

– Грамотных было не много, их жалели. А ты знаешь, что сарацины завоевали фактически всю Испанию – и даже Южную Францию? Остановили их только под Пуатье, в ходе знаменитой битвы, в которой франки их победили.

– А ты это все знал от рождения или вычитал из книжек?

– Конечно, из книжек.

– Из книжек и дурак может вычитать.

– Ха-ха! Это хорошая фраза.

– Я думал, ты умный, эрудированный, а ты, оказывается, все вычитываешь из книжек.

– Ха-ха! Так вот после Пуатье уже началась Реконкиста – освобождение Испании.

– А сейчас опять… Каждый второй школьник во Франции – кто? Угадай.

– Араб?

– Мусульманин! То есть взрослых арабов пока меньше, но на детском уровне все уже решено. Судьба Франции определена.

– Ну понятно: они рожают больше. А потому что многоженство у них разрешено!

– Да. Возможно. Что касается того, что Константинополь нам не достался по объективным причинам, – так хорошему танцору всегда яйца мешают.

– Да нет, ну, старик, это очевидно. Ну вспомни, Лев Толстой, «Севастопольские рассказы».

– Да, да, понятно, что всегда можно найти какие-то оправдания. Но факт остается фактом: кто-то вышел на Средиземное море, а кто-то не смог. Мешали, не мешали – это уже второй вопрос. Мешали всем. Одни позволяют себе помешать, а другие – нет. Это как если бы ты проспал приватизацию и потом бы обижался, что кто-то чего-то себе хапнул. А ты нет.

– Да, Европа не хотела усиления влияния России в Средиземном море. Представляешь, чего бы было, если бы все Балканы присоединились к России? Ты можешь себе представить? Это была бы мировая держава!

– Так что же выходит? Россия не справилась со своей главной задачей! Не реализовала национальную идею!

– Не справилась. Не смогла стать великим славянским государством.

– У страны было предназначение, был смысл…

– Смысл был такой: Россия – Третий Рим. Третий Рим!

– Но нам сказали: нет! Этого не будет.

– Не будет Третьего Рима…

– Это все равно как если бы в свое время немцам сказали: никогда вы не объедините свои германские княжества в единую Германию. Будете и дальше барахтаться на уровне Лихтенштейнов и Монако.

– У нас еще хуже получилось. Предназначение Руси было такое: построить Третий Рим, возродить римскую доблесть, римский дух, византийский дух. Россия к этому готовилась пятьсот лет. И когда она наконец созрела для этого, ей сказали: нет.

– Самое главное в жизни – оно и не состоялось.

– Логика следующая. Человека тренировали всю жизнь, он должен был стать олимпийским чемпионом. Готовили, готовили… Говорили – ты в этих соревнованиях не будешь участвовать: вдруг ты потянешься, порвешься? Тебе надо готовиться к главному. Он на тренировках такие результаты показывает!

– И тут – бойкот Олимпиады.

– Да! Объявляют: мы не поедем на эту Олимпиаду. Человек в шоке: да через четыре года я уже буду старый! Я не смогу! Все кончено.

– И когда после этого говорят, что надо придумать русскую идею, и делают вид, что такой идеи отродясь не было… Это вяло звучит.

– Россия должна была стать великой славянской православной империей. Вся ее история – подготовка к этому. Петр Первый не случайно начал с Азова, а не с Нарвы. Это уж потом он начал через Балтику пробираться. К Европе. Потому что понял, что через Черное море не пролезть.

– Вот мы сейчас об этом с тобой почему говорим? Потому что это вовсе не является общепризнанным фактом. Мы к этому продираемся…

– Нет, ну почему? Милюков-то именно это говорил.

– Господи, где это он говорил? Кому?

– Это было общеизвестно накануне Первой мировой войны.

– Но в учебниках, по которым мы учились, этого не было. Там что-то врали про передел рынков, про

империалистических хищников…

– Да, нас этому не учили.

– Значит, у нас забрали это основное видение России, русских задач. И мы должны об этом на старости лет сами догадываться, читая Милюкова!

– Да. Но подсознательно-то мы это чувствуем. Ты, кстати, помнишь, с чего мы вообще начали? С дискуссии о причинах такой неадекватной ревности к хохлам. Вот она откуда!

– А ведь точно!

– Хохлам даром досталось то, что кровью полито, типа, реками русской крови. Мазепе досталось, который продал Петра за бочонок золота и сбежал вместе с короной нации к султану, присягнул ему. Досталось этим пидарасам – Свинаренкам различным.

– Сам ты пидарас! А кровью, кстати, полито русской – а не немецкой.

– И еще какой немецкой!

– Ладно! Откуда – немецкой?

– Ну а кто там офицерами были, в этой армии? Все эти Минихи и прочие всякие Тотлебены…

– Ты забыл, что матрос Кошка – из хохлов.

– Это уж потом. А при матушке Екатерине немцы были. Они участвовали в отвоевании северного Причерноморья у турок. Петр Первый обосрался, не смог отвоевать его – ни Азов, ни Прут. Под Прутом, как ты помнишь, он в плен попал, его жена откупила чуть ли не за ночь с пашой.

– Но тогда не было немецкой большой политики.

– Кстати говоря, у Петра жена немка была. Екатерина Скавронская. Ха-ха! Служанка пастора Глюка из восточно-прусского Мариенбурга.

– Да. Уж ни того ли, который первый перевод Библии на латышский язык сделал? Ха-ха.

– Кстати, вполне возможно. Годы совпадают. Не так много, наверное, было пасторов Глюков в Ливонии…

– Да.

– Она дала турецкому паше, и за это Петрушу выпустили. А так бы сидел бы он в плену у турецкого султана… Она, немка, выручила русского императора.

– Выручила, да. Слушай, а сколько ж это лет прошло от вмешательства Англии в Крымскую войну до Октябрьской революции? Грубо, навскидку, семьдесят лет прошло? (70 лет – этот срок тебе ничего не напоминает?) То есть фактически случилось следующее. Октябрьская революция произошла не потому, что русские – мудаки или там они резать кого-то

хотели. А просто потому, что на хера тогда империя, если миссия – impossible!

– Последний рывок был как раз незадолго до революции, в Первую мировую. К тому времени Александр Второй промежуточную задачу решил: освободил Балканы, братьев-славян, от турок. И сделал их, по сути, сателлитами России. Нас выпустили в Грецию, и следующим этапом должно было стать окончательное завоевание Балкан и выход к Босфору. Ведь разъезды казачьи при Александре Втором дошли до Стамбула. Но их вернули – потому что Англия и Франция пригрозили нам войной. Потом второй рывок был – Первая мировая война. Когда стало ясно, что задача не будет решена, похоже, уже никогда, – тут империя и развалилась.

– То есть, значит, логика железная во всем этом.

Комментарий Свинаренко

И снова это случилось через 70 лет. Видно, на столько хватает завода. Возможно, это как-то связано с длительностью человеческой жизни. Тот же дед мой, 1901 года рождения, строил империю очень увлеченно. И умер в 1992-м, через год после ее распада. То есть вот когда он, грубо говоря, в 61-м оформил пенсию и все это железное поколение ушло, их задор пропал, а дальше пошли уже совершенно не железные шестидесятники. Начались буквально шестидесятые годы, все начало сыпаться. Не потому что кто-то умный и кто-то что-то осознал или вычитал из самиздатских книжек, а просто движок заглох. И дальше тридцать лет машина ехала по инерции. И после остановилась. Видно, и в первый раз было так. Люди, которые в начале Первой мировой выходили на демонстрации за поход на Константинополь, были аналогом наших пенсионеров, которые до сих пор демонстрируют с красными флажками и портретами Сталина. И у сегодняшних, и у их предшественников были, наверное, такие же горящие глаза и такие же гнилые зубы. И та же готовность умереть за идею великой империи. Вообще же это красиво – готовность умереть за идеал.

– А после товарищ Сталин построил новую империю на базе развалившейся. Как бы обновил ее – с другой задачей: завоевать всю Европу. Ликвидировать Англию с Францией – и тогда уже спокойно заняться Босфором. И эта задача не была решена. Потому что вмешалась Америка.

– Не дают сыграть десятерную – сажают все время без лапы, без двух, без трех.

– Ха-ха!

– Обычная игра, простой преф…

– А казалось бы, на руках прекрасные карты!

– На руках – да, но игроки переглядываются…

– И там маленькая дырочка есть… И – мы получаем паровоз…

– Никакой нет ни дружбы, никакой благодарности…

– И прухи нет, что обидно! Ну нету! Вот есть маленькая дырочка. Всем, сука, такая дырочка сходит с рук, а Россия остается без лапы…

– Проиграно столько, что фактически уже надо сказать: ребята, все, этому парню нельзя больше садиться играть.

– Ха-ха!

– Не пускайте его в казино! А то он дальше прое…ет вообще все. И будет ходить с голой жопой. И, кстати, ходит уже.

– Ну, теперь тебе понятно, почему обидно за Крым? За Одессу? За Николаев? За Херсон?

– Ну, теперь-то, блядь, да! И не случайно, значит, в числе первейших вопросов – отношения с Украиной! И дальше, впритык, вот ведь забавно, – идет декларация России и Штатов о прекращении холодной войны. Это «прекращение» – как бы последний аккорд во всех этих обсдачах. Последний гвоздь в гроб великой идеи. Все, мы уже никогда не будем бороться за империю, ни в каком виде. Приехали.

– Но за либеральную-то империю мы еще поборемся! Ха-ха!

– Ну, либеральная-то уже без войны.

– Да, без войны. Это уже чисто экспансия – капитала, ментальности, образа жизни, жизненных стандартов, установок.

– Это – сколько угодно! То есть как Штаты – чтобы все жители планеты ходили в бейсболках и жрали бигмаки.

– Да! Великая американская мечта. И американский вестерн перебил французский фильм.

– Значит, что должно получиться? Что иностранцы должны ходить в лаптях? В кирзе? Говорить по-русски, щи хлебать…

– Это значит, что мы должны родить жизненный стандарт, который будет адекватен всему постсоветскому пространству.

– Жизненный стандарт – это что? По бабкам или как?

– Ну, вообще что-то такое – и по бабкам, и моральное, и материальное, все. Ну, ты понимаешь, в чем была великая американская мечта?

– Это образ жизни.

– Да. И мы должны привнести его.

– Хорошо бы его сперва придумать, а после уж

привносить.

– Он сам должен сформироваться. Он сейчас и вырабатывается в России.

– Может, и вырабатывается. Тебе как партийному работнику[6] виднее. Я вот еще что хочу сказать про холодную войну. Очень выразительный термин – «прекращение». Когда речь идет о войне. В войне ведь, как известно, либо победа, либо поражение. Если одна из сторон говорит о прекращении войны, то, стало быть, это не она победила. Она, соответственно, войну проиграла! Потерпела поражение. Вот я тут снова вспоминаю Игоря Малашенко. Странно, что он мне так часто приходит на ум, при том что мы с ним всего-то раза три-четыре виделись и разговаривали… И тем не менее. Он рассказывал, что его профессия была – вести холодную войну.

– Ага.

– Он то и дело ездил в Вашингтон, сидел там по полгода, по году, писал какие-то отчеты. Я его спрашивал: «А ты ненавидел их, американцев? Это ж война, даром что холодная. Ты готов был их урыть, разбомбить?» Он отвечал: «Нет, это была игра. И они понимали, и мы, что это игра. Все это сдерживание ядерное – это было как шахматы». И еще. Он считает серьезной политической ошибкой то, что от народа скрыли факт нашего поражения в войне. Об этом следовало объявить торжественно, в президентской речи. Я себе представляю, как публика собралась у радиоприемников и ТВ и отец нации говорит: «Господа! Друзья! Товарищи! Братья и сестры! Война, которую мы вели с империализмом…»

– …проиграна.

– «Война проиграна. Прошу вас мужественно пережить поражение и не терять присутствия духа. Мы больше не великая держава, мы – побежденная бедная страна. Давайте потихонечку, ребята, работать. Надо ж как-то жить…»

– Ха-ха!

– Вот Малашенко считает ошибкой, что это не было объявлено. А ты что думаешь?

– Конечно, это ошибка. Надо было формировать комплекс побежденной Германии, побежденной Японии – тогда концентрация нации бы произошла. Люди бы поняли, что они скорее ближе друг к другу, чем дальше. А так они начали искать виноватых: этот богатый, этот бедный, а что наворовали – фигня. Не было у нас ощущения поражения, и зря: ведь поражение сплачивает.

– Да. Вот я недавно у кого-то встретил мысль – чуть ли не

у Немцова, он же любит про реформу армии. Мысль такая: армию нельзя реформировать по чуть, постепенно. Если бы в 45-м из вермахта начали постепенно делать бундесвер – ни хера бы не вышло. Это был бы все тот же фашистский вермахт, просто с новой формой и новой болтологией.

– Ха-ха! Они бы все время рвались в бой.

– И потому немцы тогда действовали решительно, единственно возможным способом. Они упразднили вермахт, повесили боевых командиров, ни формы, ни флага – ничего не оставили. А наняли иностранных инструкторов, которые подбирали и обучали людей, объясняли им, как себя вести, как жить по новому уставу…

– Пониженной агрессивности.

– …Вот и нам надо было признать поражение и точно так же камня на камне не оставить от советской жизни – как от вермахта.

– На самом деле – да. На самом деле, конечно, после поражения всегда наступает некий ренессанс. И Россия в этом смысле не исключение. Так было после поражения в татаро-монгольском нашествии. Россия была фактически данником Золотой Орды. Орда ведь не держала у нас оккупационную армию! Татары просто периодически проверяли, так сказать, правильность выплаты – ясак, да?

– Ясак.

– И Орда поручала это делать русским князьям, кстати говоря.

– Они сами редко приезжали. Чего мотаться? Дань собирается, князья не бунтуют – чего переться в такую даль?

– Да и холодно в России.

– И вот они время от времени говорили: поехали! Надо развеяться, пое…аться.

– Ха-ха! Они в Россию ездили как в Таиланд – секс-туризм.

– Ну. А презервативов у них не было. Вот почему у нас такие азиатские косые скулы. По скулам сразу видно – западный человек или восточный. Западные – они как кукла Барби. У Барби нет скул.

– Ну хорошо, хорошо. Это общее место. Я о другом хочу сказать. Нельзя собирать двойной налог! В России это делалось. Русские князья и для себя собирали, и для татар. Может быть, поэтому у России всегда классовая борьба немножко острее протекала, чем на Западе, где собирался всего лишь один налог.

– А наши валили все на татар.

– Ну естественно.

– На инородцев. Тогда – на татар. Сейчас – на жидов.

– Да-да. «А что мы можем сделать? Хотите, чтобы татары пришли? Да уж лучше нам отдайте. Татары, они ж тут долго разбираться не будут». И тем не менее, несмотря на такое угнетенное положение, началось экономическое возрождение, нация сплотилась, появился Иван Калита, выступил Сергий Радонежский – а далее Куликовская битва и разгром Мамая. Так?

– Ну да.

– Новое поражение – это в Крымской войне. И сразу же – отмена крепостного права, демократические реформы, бурный экономический рост, Александр Второй, Александр Третий, железные дороги – зае…сь! Поражение в Японской войне – тут же тебе Конституция, столыпинские реформы, развал общины, огромная миграция на восток, экономический рост, 13-й год.

– Так.

– Поражения полезны для России.

– Разумеется. Но самое ужасное – это то, что случилось после Второй мировой войны. Россия потерпела поражение…

– Которое выдали за победу?

– Да-да! Сталин ведь в первые дни войны объявил, что намерен захватить всю Европу. Но вместо всей Европы ему отдали Румынию, Болгарию, Чехословакию, кусочек Германии… Но ни Англии, ни Франции, ни тем более проливов России не досталось.

– А он хотел проливы, кстати.

– Как не хотеть! Выход в Средиземное море – это такая вещь, про которую в первую очередь думается… В общем, не было победы. Не зря Сталин не стал принимать парад на белом коне и вообще не отмечал День Победы, ты помнишь…

– Для него это было поражение.

– День Победы только в 65-м году начали отмечать. Я как раз заканчивал первый класс. Помню эти плакаты кругом – там наши бойцы с автоматами, в пилотках, гордые такие, счастливые… В общем, по итогам Второй мировой Россия получила приз только в одной номинации – «Краткосрочная военная победа», поскольку в экономике Россия потерпела поражение; куда нам равняться с Германией, якобы побежденной? И территориально нам достались какие-то неудобья, второстепенные участки. Вместо проливов, вместо Парижа и Лондона – Румыния, Чехия… Так… Россия надорвалась – и п…дец.

– И добровольно отказалась от участия в плане Маршалла – что было полной глупостью. Зачем? Почему отказалась?

– Да хер его знает. Точно так же, по этой же схеме, она после войны отказалась, причем дважды, от денег, которые

немцы вызвались платить бывшим узникам концлагерей. Французы за это время столько денег получили! Которые вовсе не показались лишними людям, тем, что в лагерях подорвали здоровье… То есть Россия потерпела поражение однозначно. Об этом и надо было объявить. Люди бы сказали: да, сука, теперь нам надо наконец работать. Хватит бегать, размахивать саблей, завоевывать. Так нет! Ни победы, ни пользы, а один обман.

– Давай вернемся к поражению в холодной войне.

– Так вот и в холодной войне – опять скрыли поражение! Якобы победила дружба. И теперь мы с ними типа лучшие друзья.

– Решили помириться. Никто никому не набил морду. Ничья.

– И долгое время народ верил, что так оно и есть, помнишь?

– А вежливые западники решили, так сказать, не напоминать об этом, что проиграли.

– Да. И сказали: давайте вы забирайте войска…

– И долги все признайте.

– Да. А мы не будем НАТО расширять.

– Не. Они сказали: и НАТО будем расширять, и долги заставим платить, которых вы не делали, и войска ваши под жопу пинком выгоним. Единственное, что мы вам обещаем, – что не будем слишком часто напоминать, что вы просрали холодную войну.

– Н-да.

– «А напоминать мы вам этого не будем, чтобы не трогать ваше самолюбие. Мы же знаем, что, если вы признаете поражение, то консолидируетесь и сделаете экономический рывок. А нам это невыгодно, поэтому мы будем говорить, что ничья, что мы договорились мириться и сейчас Россия новая, демократическая. Чтобы только вы не консолидировались».

– И тогда вот на этой волне мы просто вывели войска. Потому что мы помирились. А нет бы сказать: «Мы выводим войска хоть завтра – и из Германии, из Прибалтики, – если вы к завтрему построите нам в России такие же базы, с которых мы уходим».

– Не. Западники б сказали: ничего мы вам строить не будем. Более того, мы отрубим вашим военным базам электричество, водопровод и канализацию. Завозите туда дизельное топливо и еду вертолетами, потому что ваши составы с топливом, жратвой, обмундированием мы не пропустим через нашу территорию… И в принципе можете на этих базах оставаться сколько влезет.

– А! То есть ты думаешь, что здесь и обмана не было.

– Конечно! «Какие базы? Когда денег нет, учителя голодные, пенсионеры дохнут. Вы эти базы через два года сами уберете, за свои бабки. Будете на коленях ползать и просить денег, чтоб вывезти солдат, которые уже страдают кахексией».

– Кахексия? Это что такое?

– Крайняя степень истощения. Когда человек ходить уже не может.

– Как на острове Русский?

– Как на острове Русский.

– Хорошее название у острова…

– Вот мы цеплялись за военные базы во Вьетнаме и на Кубе. Но, несмотря на весь милитаристский угар президента Путина, мы эти базы ликвидировали сами. Без какого-либо настояния со стороны Запада.

– Да… Что еще там у нас? В феврале случилось назначение Гайдара Е.Т. министром экономики и финансов. Это что такое? Правильно? В 92-м?

– Нет, он назначен был, на всякий случай, в ноябре 91-го. Седьмого, что ли, числа…

– Может, он был и.о.?

– Он был и.о. Премьером был сам Ельцин. Первым заместителем был Бурбулис. А Гайдар с самого начала был министром экономики и финансов. Потом Ельцин сложил с себя полномочия премьера, и и.о. некоторое время пробыл Бурбулис. Потом его перевели в госсекретари, а и.о. стал Гайдар.

– Так. Значит, потом начинаются бои между Приднестровьем и Молдавией.

– Это все на периферии сознания, вся эта приднестровская история.

– Мне тоже она не очень понятна. Лебедь там чего-то как-то…

– Ну Лебедь, ну клоун Смирнов с бородкой с какой-то профессорской… Шовинисты…

– В Молдавию ездили мои знакомые, патриотические журналисты. Они там какой-то чудный коньяк пили в подвалах.

– Не будем об этом говорить… Лучше о том, что нам известно точно. Вот я тогда вел приватизацию. Мы с Маневичем хорошо работали. Было очень весело. Мы молоды, счастливы, у меня дочка родилась 1 сентября… Уже вторая дочка. А первой к тому времени уже двенадцать лет исполнилось. Я был счастливым отцом. Квартира имелась… и я уже по-взрослому ездил по заграницам – в Англию, Данию, Финляндию. Это такие учебные краткосрочные поездки. Мэрия нас отправляла.

– Это серьезно было – в те годы увидеть капстрану. Впечатлений хватало надолго.

– Хорошее, да, хорошее впечатление. Англия… Мы жили на севере страны, в городе Дарам. Старинный собор, университет XIII века. Потом были в городе Ньюкастл, потом проехали границу с Шотландией…

– Где шахты реконструировались, реструктуризировались.

– Да, да, да, совершенно верно. Мы на этих шахтах были, на этих малых бизнесах, которые за счет казны строили и потом отдавали шахтерам. Потом я проехал полграницы с Шотландией, где огромное количество замков, вал, который римляне построили для защиты от шотландцев, когда их называли скоттами. Огромное количество замков, огромное! Еще в Дании был. Мне очень понравилась. И еще на севере, на границе с Норвегией – ее видно было через пролив.

– Я был только в Осло.

– Город Ольборг. Там как раз водку эту делают, «Аквавита», датскую. Огромный завод стоит.

– Из пшеницы гонят?

– Из картошки.

– Считается, что картофельная делает человека злым, агрессивным.

– Видимо, это в них тевтонская ярость просыпается – то, что называется берсеркерство у скандинавов. Скандинавы пьют до скотского состояния, просто в стельку.

– А вот что еще было в 92-м: «Принять уход Гайдара с поста министра экономики и финансов». Это апрель. Что это такое было?

– Гайдара убрали и премьером назначили ЧВСа. Помнишь, была такая история?

– Как-то весьма смутно.

– Я помню не больше твоего. Был съезд народных депутатов, под давлением депутатов отправили в отставку Гайдара. Потом, значит, депутаты предложили кандидатуры – Каданникова, Черномырдина и так далее. Ельцин посоветовался с Гайдаром и попросил Каданникова сняться. Остался один ЧВС, его и затвердили.

– Наверное, Гайдар был слишком такой экстремальный для тогдашнихусловий. Давайте, типа, постепенно, потихоньку – чего гусей дразнить? И Егора убрали.

– Да.

– А как так получилось, что Гайдара убрали, а после уже без него программу приватизации все-таки приняли?

– Это у Чубайса надо спрашивать. Я еще тогда в Питере был и просто это как факт воспринял. В 92-м случился один очень интересный эпизод – по-моему, летом, – который слабо отражен в нашей куцей историографии. А ведь он имел фантастическое значение для дальнейшего хода реформ – и фактически поставил Россию на грань катастрофы.

– Что же это такое было?

– Был период, когда цены довольно быстро стали расти, инфляция – много процентов в месяц. Но потом ситуация вышла на точку равновесия, в апреле-мае. При этом предприятия испытывали острый дефицит оборотных средств. Ведь все подорожало и нужно было закупать сырье по новым высоким ценам… Тогда резко упали объемы производства. А у директоров и у истеблишмента была еще очень сильная советская ментальность. Объемы в натуральной величине – фетиш. Директора говорили: вот, экономика встала, мы сейчас производим в десять раз меньше, чем обычно… Рабочим нечем платить… И прочее, прочее, прочее. И тогда было принято «гениальное» решение. Поскольку первым вице-премьером назначили Хижу…

– Поручика Киже.

– Да, нашего питерского Хижу, который на всех болт положил, потому что он, как всякий директор завода, считал, что он самый умный и во всем разбирается. Он уговорил, по-моему, Матюхина – кажется, тот тогда был руководителем Центрального банка, – и они выступили с совместной инициативой. О том, что ЦБ должен непосредственно предприятиям дать кредиты на пополнение оборотных средств.

– Так-так…

– Это кредиты не из тех денег, которые в обороте находятся или в бюджете, а из тех, что просто напечатаны. Ну, Центральный банк других денег и не имеет, кроме напечатанных. Ну вот. И такого рода кредиты были выданы… В колоссальных количествах. То есть фактически неконтролируемая эмиссия. Это так раскрутило инфляцию, что следующий раз ее удалось загнать в какие-то рамки только к осени 94-го. А потом Чубайс придумал план финансовой стабилизации, который начал давать свои плоды где-то к концу 95-го года. То есть три года потом сачками ловили эту инфляцию, и она шагала так, что мало не показалось. Помнишь, что с курсом доллара творилось?

– Помню. Он был 120 рублей в 92-м, а в 93-м – уже 1200.

– Да. А когда с 97-го на 98-й год Дубинин провел деноминацию, доллар стоил пять тысяч.

– Как не помнить!..

– Потом стал пять рублей стоить, как франк. Помнишь? Французский франк стоил столько же долларов, сколько рубль. Было очень удобно во Франции, потому что цены как бы в рублях.

– Я помню, прилетел как-то в Южную Корею, и там курс их монет, забыл как называются, был 700 за доллар – в точности как рубль в то время. А после в Италии я как-то попал в ту же ситуацию, там был курс 1200 лир за доллар. И рублей столько же было за доллар. Смешно.

– Короче, вот это пополнение оборотных средств такой удар нанесло! Если б не это, то финансовая стабилизация, снижение инфляции и выход из кризиса – это все случилось бы года на три раньше. Если бы не эти художества с пополнением оборотных средств.

– Ну что ж это такое? Один дилетант херню придумал, а все остальные сделали?

– А потому что все долбо…бы. Никто не мог… Ельцин, например, ничего не понимал.

– А Гайдар?

– Гайдар этого Хижу сам притащил из Питера. Вместе с Чубайсом. И поэтому они сильно против него выступать не могли. Им бы сказали: «Ребята, вы же его сами притащили!» А тогда вообще уже ЧВС стал премьером и Гайдара не было. Остановить некому было – и получилось то, что получилось! Потом-то его выгнали, естественно, за все эти художества, он же недолго пробыл первым вице-премьером.

– Ну, то есть это простая русская история – приходит пьяный слесарь и говорит: «Я вам наслесарю».

– Да-да, и начинает гаечным ключом по телевизору лупить. Потом орет: «Ой-ой, что же это такой дым повалил? Я пошел! Ха-ха!»

– Парфенов показал в «Намедни». Когда мы начали делать уникальную ракету «Тополь-М», которая запускается прямо с железнодорожных путей, тут же человек купил завод, который сделал корпуса для этой ракеты из стекловолокна, и сказал, что будет там что-нибудь другое делать…

– Да ну, знаю я. Эти страшилки оборонные все тупые. Они хотели, чтоб он эти самые корпуса из стекловолокна делал им за три копейки. А он заявил, что это стоит столько денег, сколько стоит. Хотите, чтобы я их делал, – заплатите мне цену. Не захотите – я это оборудование демонтирую.

– А на заводе, где начинка к этой ракете, отключили отопление и люди растащили золотые детали – все равно ж пропадут без отопления…

– Вот подумай, что ты сейчас сказал. Вот тебе прекрасный образец журналистского зомбирования: золотые детали все равно пропадут, поскольку в цехах нет отопления. Поэтому рабочие не виноваты, что они эти золотые детали растащили, а виноват тот, кто отключил этот завод от отопления. Тот, кто отключил завод от отопления, должен был бесплатно подарить заводу энергию и тепло, тогда бы он был хорошим – из теплого цеха рабочие золотые детали, как правило, не воруют. У них клептомания начинается от низкой температуры. И владелец этого завода был бы хорош, если бы бесплатно для военных произвел необходимые детали. И рабочим, тем самым, что воруют золотые детали, ничего не заплатил за работу. И во всей этой истории, по-твоему (и по-журналистски), хороших двое – военные, которые не платят за сделанную для них работу, и рабочие, которые воруют золотые детали. А плохих тоже двое – энергетики, которые отказываются работать бесплатно, да хозяин завода, чьи золотые детали воруют. Ох, беда мне с тобой… И тем не менее «Тополь-М» делали и делают. Причем сколько нужно, столько и делают, согласно плану.

– Ну, в Россию и татары приходили, и французы, и немцы – с огнем и мечом. Полстраны, бывало, разрушат, спалят, перережут, и ничего. А ты говоришь – Хижа. Да что ей Хижа! Страна уж про него забыла.

– Да ну, не надо банальные черты выдавать за уникальные. Что, какая-то другая страна ведет себя иначе? Вот прошли огнем и мечом через Польшу, Германию, Японию – они что, не восстановились? Прошли огнем и мечом Китай – три раза: туда-сюда, две армии, – что, он не восстановился? Восстановился. Всякая страна так себя ведет. И нету ничего уникального в этом – в том, что страна восстанавливается. А куда ей деваться? Конечно, восстановится.

– Экий у тебя оптимизм.

– А обратные примеры есть? Вот прошли страну огнем и мечом, а она – х…як! – и не восстановилась. Какую-нибудь страну можешь назвать?

– Византия.

– Почему же? Византия, теперь называясь Турцией, процветает! Там живут те же самые люди, просто их «перекрестили» в мусульманство – и дело с концом. Это же греки! Чего-то я не видел у них раскосых глаз, морд круглых – куда делись турецкие черты? Вот берешь грека, ставишь рядом с ним турка. Если они молчат, как отличить, где грек, где турок?

– Если молчат и голые. И срам должен быть прикрыт. Греки же не обрезаются. И болгарина я не могу от турка

отличить, когда они одеты.

– Не можешь. Потому что антропологически это один и тот же народ. Один народ! Это все греки, которые тысячелетиями населяли эти места.

– А ты знаешь, какая еще есть тема любопытная?

– Ну?

– Вот буквально тогда, в 92-м, создали МЧС – вместо Гражданской обороны. Это как бы незначительная вещь, но! Мелькали, если ты помнишь, публикации про то, что давно уже кому надо доложили о неизбежном изменении климата, о грядущем затоплении множества территорий, прочих катастрофах. И об этом, типа, давно идут переговоры один на один между русским президентом и американским. Якобы были какие-то записки, кто-то из космонавтов пробалтывался из американских, что были совместные какие-то наблюдения из космоса и оттуда что-то видно – смещения, чего-то еще. Из чего следует, что все начнет валиться и рушиться. А почему ж об этом не объявляется открыто? Законный вопрос. Но есть на него ответ: ну как объявишь, и так проблем полно в стране? А тут еще мы рассекретим карты земель, которые будут затоплены через десять лет. Если это объявим, то такая паника начнется на Дальнем Востоке! Хватит с них и отключения электричества…

– Ты к чему это рассказываешь? Так длинно и непонятно. Какое отношение это имеет к 92-му году?

– Так в 92-м году образовалось МЧС!

– Ну и что?

– Так я тебе объясняю, в чем смысл. Мы и видим сейчас катастрофы тут и там. Участившиеся, между прочим.

– Да ладно.

– И изменения климата…

– Да у меня есть информация по катастрофам на Кубани прошедшим (2003 г.) летом.

– Ну?

– Ну чистое раздолбайство местных властей. Чистое.

– Видишь, к глобальному фактору добавляется еще и раздолбайство.

– Да этих разливов Кубани была хренова темень! Почему там все эти водохранилища делали? Это же оттуда: «Течет вода Кубань-реки, куда велят большевики». Это же специально, там же огромная ирригационная система. Ты знаешь, какой Краснодарский край был?

– Болото.

– Плавни, плавни и плавни. Утки, дичь, все это зверье там

водилось. Этими кубанскими плавнями Турция была отгорожена, защищена от России. А потом плавни постепенно начали дренировать, ставить систему водохранилищ. И окончательно всю эту ирригационную систему поставили при товарище Сталине или даже позже. Система работала, накапливалась вода – и потом спускалась. А эти деятели из местной власти систему сломали. Кто-то сказал: я накоплю воды, потому что боюсь, вдруг будет засуха. И поэтому держал полные водохранилища – вместо того чтобы слить. Там, внизу, воды не хватало, а тут он полные держал. Ему говорят: будут дожди – спусти воду. Нет, не спускает. Ну, не спустил, так она, когда дожди таки начались, через верх вся полилась. Вот и все. Ни при чем тут никакие катаклизмы из космоса.

– А цунами? А торнадо в Штатах?

– Да не больше, чем в другие времена этих цунами. А эти торнадо Штаты все время посещают. Вспомни сказку… эту… про Элли… Как она называлась-то?

– «Волшебник Изумрудного города».

– «Волшебник из страны Оз». Помнишь, как ее унесло из Канзаса-то?

– Унесло – и правильно; не хера там делать, в этом Канзасе, я там бывал – такая скучища. А глобальное потепление? Тоже его нету, скажешь?

– Ага, особенно по прошлой зиме – такое потепление, чуть не околели от холода.

– А летом жара какая?

– Вот в это лето – сплошной дождь.

– Послушай! Тебе дают статистические данные: растет температура…

– Ты посмотри: вот она растет, растет. Три года растет. А потом раз – такая зима, что всю статистику обратно возвращает. Все это ерунда. Если статистику взять за сто лет, то никакая температура не растет.

– То есть тебя не волнуют эти катастрофы, затопления – вообще ничего.

– Абсолютно. Эту истерию, может, как раз МЧС и нагнетает. Чтоб им денег больше выделяли.

– Ну а я, наоборот, подводил к тому, что, поскольку выяснилось, что будут катастрофы, создали МЧС и начали усиливать финансирование. Технику им дали…

– Во-во, они сами придумали теорию катастроф, а потом открыли финансирование. Ха-ха! Ну пускай они мне покажут статистику. Статистику цунами, землетрясений, торнадо, наводнений, которые только не мы с вами создали, а которые

природа создала.

– Ну, может быть. Все ж вокруг денег крутится в белой цивилизации…Я еще помню, что в 92-м была мода на газовые пистолеты.

– Да. У меня был. Мне выдали на работе. В Госкомимуществе, когда я уже в Москву приехал, в 93-м году. Нам всем, замам Чубайса, выдали пистолеты, и некоторые их носили. В такой специальной кобуре… Не снимая. Им так нравилось. А я не носил. Он у меня дома валялся.

– А какой тебе дали? «Парабеллум», наверное? Иномарку немецкую?

– Да, «я дам вам "парабеллум"»… Не, маленький какой-то. Я его потом обратно сдал, когда увольнялся.

– А я сам купил. За сто долларов. Многие тогда их носили. Как оказалось, для того только, чтоб где-нибудь там по пьянке пострелять в воздух. Был такой смешной случай. Один мой знакомый выпивал с товарищем в кустах. И вдруг мимо идут какие-то хулиганы, орут… А у одного из этих пьющих в терновнике был пистолет газовый. И вот этот, с пистолетом, говорит: «Тихо, пусть мимо пройдут». Второй удивляется: «А чего ты испугался? Если что – ты ж их из газового пистолета!» Тот отвечает: «Без пистолета я б не боялся, а так – страшно, отнимут оружие, а это ж вещь дорогая…»

– Ха-ха!

– Это был журналист и пиарщик Юра. А я помню, у меня с пистолетом была связана история следующего порядка. На годовой банкет «Коммерсанта» в январе 92-го я с этим пистолетом пришел, он у меня в куртке, в кармане. Куртку повесил на спинку стула. А потом надеваю ее – а она такая легкая! Нету пистолета! Досадно, неприятно, ну да ладно, мне потом старый товарищ Володя Добровольский новый подарил. И вот по прошествии десяти лет на какой-то большой пьянке вдруг я оказываюсь рядом с девушкой, которая тогда в «Коммерсанте» работала. И она, значит, с веселым смехом рассказывает мне историю про то, как в 92-м пистолет у меня украла! Ха-ха-ха-ха! Смешно ей. Я говорю: «Ну, ты сейчас-то бумажник не стащишь у меня?» Она опять смеется – типа, удалась шутка. Украла – правда, смешно? Ну хоть сейчас бы сказала: старик, я тебя обокрала, тварь, хочу тебе выставить за это ящик виски. Да. Так вот была такая как бы мода на оружие – не настоящее, а сглаженное, приглушенное. А настоящее оружие, как объясняют нам начальники из МВД и большинство депутатов, русским

давать нельзя.

Потому что они друг друга перестреляют. Ты бы дал оружие русским?

– Ой, ну сложный вопрос.

– И очень интересный.

– Понимаешь, в чем дело… Тут еще нужно посмотреть. Каким русским?

– Которые не состоят на учете у психиатра.

– Не, секундочку. Помнишь мое рассуждение об омонимах? Что слово «русский» относится к двум разным народам? Русские, которые до большевиков, – это одна нация. А те, что при советской власти, – другая. Они разные, а название одно. Если говорить о русских в первом понимании, то, строго говоря, у них такое право было. Люди легко покупали пистолеты…

– И после из этих пистолетов убивали жандармов и армейских офицеров. Октябрьский переворот так устроили. Вот и в Чечне сейчас что-то похожее – доступность оружия и легкость его применения против российской власти.

– …русские – это была вооруженная нация. У казаков оружие легально хранилось, у них кавалерийские карабины под кроватью лежали.

– Так я тебе говорю: и устроили революцию этим оружием.

– Но ведь до этого они тыщу лет с оружием ходили, никаких ограничений не было! И, обладая такой свободой, построили великую империю.

– Так ты бы дал оружие или нет? Не пойму.

– Тому народу, который был, – про него меня никто не спрашивал, ему никогда не запрещалось иметь оружие. А потом товарищ Сталин оружие запретил.

– У Пришвина в рассказах про охоту упоминаются шомпольные ружья, которые со ствола заряжались – очень медленно. Они не антикварные были, их делали на советских заводах. С умыслом: с таким ружьем не пойдешь против продотрядов сражаться. Не побунтуешь против власти.

– …вот этому новому русскому народу давать оружие или нет? Я бы сто раз подумал. Это же народ безответственный абсолютно. Если он относит свои бабки в «Русский дом Селенга» или в «МММ», а потом идет к депутатам и требует, чтобы ему эти бабки вернули, – то, конечно, у него разрыв сознания. Ну как же я такому пистолет дам? Если он за своими бабками уследить не может? Более того: он их отдал в одно место, а требует в другом. Различие между двумя этими народами чувствуешь? Старый русский народ не переубивал друг друга, он рос как на дрожжах –

население каждые десять лет удваивалось фактически. И единственное, для чего они использовали это оружие, – революция.

– Этого единственного случая оказалось достаточно. Таки народ этим доступным оружием себя переполовинил. В конечном счете.

– А вот этот народ, новый, лезет стрелять без всякой революции.

– Тот народ точно стрелял, смотри революцию и Гражданскую. А этот пока не стреляет особенно. Это просто твое личное мнение, что будет стрелять. А на самом деле любой может купить автоматическое охотничье ружье и из него устроить замечательную стрельбу волчьей картечью по прохожим. Ну и где же репортажи с таких стрельб? Что-то не видно. И вот еще что очень смешно. У нас же пока всеобщая воинская повинность. Всех забирают в армию, там дают кому автомат, кому танк, ракету, напалма на складах полно. В закромах родины припасены особые военные мыши с сибирской язвой…

– К чему ты клонишь-то?

– Вот смотри. Военкоматы при помощи ментов отлавливают молодых бестолковых парней, загоняют их в армию и насильно им всучивают разное оружие. А как только человек подрос, набрался ума, вернулся на гражданку – сдав свой танк и получив отметку в бегунке, – ему говорят: «Найдем у тебя дамский „браунинг“ – опять загремишь на два года, только уже на зону». Он спрашивает у законодателей: «Что у вас с головой, пацаны? Я два года состоял при пушке и ни разу из нее не пальнул по Кремлю»…

– «Самовольно – не пальнул. Когда вы мне приказывали, только тогда я стрелял. И то сильно не хотел. Вы нас долго уговаривали и нашли только троих из тысячи – тех, кто согласился из танковых пушек стрелять по Белому дому. Видите, какие мы мирные?»

– Так вот разъясни же мне это противоречие.

– Ну почему я тебе должен чего-то разъяснять? Ну отвали ты от меня, Христа ради. Ну почему я тебе должен объяснять?

– Потому что ты говоришь, что народ не тот. Ну может, все-таки дадим ему пистолет?

– Ну вот у меня нет пистолета, а у охраны есть. Она меня защитит. Тут у меня везде стоит периметр. Лучи всякие. Если кто-нибудь перелезет меня убивать…

– На зоне тоже периметр и сигнализация. Кукушка называется. Если кто полезет, так она кукует. А у тебя тоже

кукует?

– Не, у меня все на мониторы выведено. Там изображение.

– А у тебя сигнал не подается по тревоге по территории?

– Может, и подается. Просто еще никто не нарушал.

– Ну хорошо, у тебя хоть охрана. А вот у меня есть знакомый, который спит с ружьем под кроватью. И патрон уже в патроннике. Иногда стреляет по ночам поверх голов, если лезут. А как сам в отъезде, так жена с ружьем сидит у окна.

– Тут еще и дачная охрана есть – которая весь поселок охраняет. Поэтому я и могу здесь детей оставить спокойно. Да что мы все обо мне да обо мне? Расскажи уж про себя наконец!

– Ну давай, если интересно. Это был самый ровный у меня год. Я весь год работал на одном месте в одной должности.

– Вот у меня примерно то же самое в 92-м было. Я работал на одном месте, занимался любимой работой – продавал госсобственность. Все у меня было просто, хорошо, рядом были друзья, я был в любимом Питере, все было замечательно. У меня родилась дочь… Это то, что называется счастьем.

Комментарий Коха

Я сначала хотел написать большой комментарий про приватизацию. Но потом подумал: да, 1992 год, один из ключевых. Но не самый главный. Смотрите – закон о приватизации приняли в 1991 году. Тогда же – закон об именных приватизационных вкладах. Ваучерная приватизация началась лишь в конце 1992-го, продолжалась весь 1993-й и закончилась в середине 1994 года. Да, в 1992 году была принята, Верховным Советом кстати, государственная программа приватизации, но ее реализация началась позже…

Вообще приватизация делится на две части: первый этап – ваучерный, и второй – денежный (включающий в себя залоговые аукционы). Первый этап закончился летом 1994 года. Вот когда мы дойдем до этого года, тогда я и напишу большо-о-ой комментарий. Чтобы сразу все про ваучеры. Чтобы не разрывать на куски, а в одном месте.

Да и не была приватизация главным событием 1992 года в моей жизни. Главным было рождение второй дочки.

Дело было так. Когда жена была беременная, она пошла на УЗИ. Мы, естественно, хотели мальчика (девочка-то уже есть). Врач посмотрел, видимо, все понял, и сказал – мальчика там пока (!) не видно, но, может быть, маленький срок, может быть, плод

лежит не так… Короче, обнадежил. Это я сейчас понимаю, что нисколько не обнадежил, а тогда казалось, что мне сообщили: «У вас будет мальчик». Так-то. Странно человеческая психика устроена, не правда ли? Тебе говорят – «нет». Ты выходишь из кабинета с идиотской улыбочкой на лице, в полной уверенности, что тебе сказали – «да».

Это как в любви. Ты долго готовишься, нервничаешь, ночами не спишь. Рисуешь себе сладостные картины… Объясняешься… Тебе говорят: ты очень хороший, давай останемся друзьями… Ну вот что подумает сторонний наблюдатель? Правильно: послали подальше. А что адресат? Адресат думает: все идет прекрасно! Я любим!

Так и в моем случае. Поздним вечером я отвез жену в роддом. Как сейчас помню – угол Чернышевского (экстремист и бунтовщик) и Чайковского (гламурный композитор и гомосексуалист). Утром приезжаю. Мальчик? Нет. Девочка! Нет, не было этих хрестоматийных «а кто» или «посмотрите получше». Как-то сразу стало понятно, что это правда. Девочка… Ну и пусть.

Назвать мы ее решили в честь моей тетки, отцовой сестры. Она была старше отца, и поэтому в 1941 году, когда немцев депортировали, ее отправили в трудармию. Это во время войны такое название было у лагерей, куда людей отправляли вообще без даже высосанного из пальца приговора. Просто так. В данном случае – за то, что немка. Она всю войну пробыла на лесоповале, где-то в среднем течении Оби. После войны вернулась в казахский колхоз, где работали за палочки (трудодни) сосланные старики и дети. Там она вместе с моим десятилетним отцом и их матерью (моей бабкой Августиной Рудольфовной, дед-то, Давыд Карлович, аккурат в 1945 году помер) проработала до тех пор, пока Хрущев не выдал паспорта. Где-то в середине шестидесятых было разрешено возвращаться в те места, откуда их выслали. Тетка засобиралась и уехала обратно в Краснодарский край. Там я потом всю школу, каждое лето у нее гостил.

Она была необыкновенно добрая женщина. Всю жизнь угнетенная, унижаемая, второсортная. Но не озлобилась. Все пела какие-то немецкие песенки, стишки. Стряпала, варила, за скотиной ухаживала, в огороде копалась. Еще ведь и в совхозе работала. Кухня, скотина, огород – это в свободное, оторванное от сна время.

Жена со старшей дочкой часто у нее гостили. Каждый раз, помню, встречал их в аэропорту: ведро смальца с ливерной колбасой, огромные, сколоченные из реек ящики с ручками, полные южных фруктов, компоты, варенья, мешки грецких орехов. Перли на себе под сто килограммов. Все заботливо

собрано, уложено. Любимому племянничку – Альфред-ле. Эгоизм молодости? Или мы, ее родственники, вообще все привыкли, что вот есть такая тетя Оля, которая рада нам сделать приятное, и в этом ее функция. Свинство с нашей стороны, конечно.

Померла она, и решили мы с женой назвать дочку ее именем – Ольга. Так что снова живет на белом свете Ольга Кох. Хорошо мне на душе.

Дети… Только когда появляется второй ребенок, начинаешь понимать, что такое – дети. Внимательно следишь, как они растут. Как начинают соображать… Изнутри поднимается какое-то животное чувство. Тяжелое, страшное, дикое. Защита потомства, детенышей. Инстинкт. Вот не партия с комсомолом, не милый вождь, не умные книжки, не конъюнктура проклятая, а инстинкт заставляет нас любить своих детей. Инстинкт, приобретенный нами не в каменных пещерах при отблесках первых костров, не тогда, когда вместе научились на мамонтов охотиться, а раньше, намного раньше. Когда мы были рыбами, моллюсками, когда только разделились на мужчин и женщин, когда познали сладость соития.

Честность и чистота любви к своим детям настолько не испорчена цивилизацией, что человек невольно хочет спрятаться за это чувство тогда, когда совершает какую-нибудь гадость, когда очень плохо, когда сильно болеет. Кажется, Довлатов назвал своего ребенка «маленьким аккумулятором счастья».

Дочка родилась 1 сентября, в 8 часов утра (довольно забавно: родилась – и в школу). С этой датой связана одна история, которую я уже где-то описывал. Летом этого года вышел знаменитый указ Ельцина про ваучеры. Так вот в нем было написано, что приватизационные чеки (в простонародье – ваучеры) выдаются всем гражданам России, которые родились по 31 августа 1992 года включительно. Соответственно Ольге ваучер был не положен. Ну я и думать про него забыл.

Ну родилась, то-се, сидим с Маневичем, Сержем Беляевым, с другими ребятами – выпиваем. Телефон звонит, поздравления идут, все нормально. Позвонил и Чубайс из Москвы, тоже поздравил. А назавтра, в рассылке, приходит указ президен-та – внести изменения… пункт такой-то, раздел такой-то, вместо слов «31 августа» – читать слова «1 сентября»! Так я до сих пор не знаю – специально это было или совпадение. Чубайс молчит как скала, хихикает. На прямой вопрос говорит: «Да ты что? Точно, что ли? А я не помню!» Вот такая история.

Не получается у меня прочувствованного комментария. Человек научился точно передавать довольно сложные переживания. Будь то жадность, желание лидерства, ревность,

предательство. Люди хорошо изучили изнанку своей души и легко разбираются со всякими эксгибиционизмами с вуайеризмом. Описывают клецки из женских грудей, погружение в алкоголь и морфин. Также получается описание переживаний полководца, только что отправившего на смерть эскадрон гродненских гусар.

А вот про любовь к детям как-то скупо. Любовь, да и все. Действительно, а что описывать простое, сильное, звериное чувство? Может быть, в этом и есть приближение к Богу? В этой простоте? Кстати, вот поскольку Господь, в милости своей, не дал нам здесь выбора (любить или не любить), то, может быть, хоть любовь к детям есть основа для общечеловеческого консенсуса? Или опять социализмом, жадностью, завистью и копрофилией заболтаем то, что только есть главное на свете?

– Ну так расскажи же про себя наконец.

– Я был начальником отдела преступности все это время. Меня как-то смущало, что я ничего не писал. Только командовал. Администрировал, ходил на редколлегии, принимал на работу, увольнял, договаривался с ментами. Тянул лямку. Но как в 91-м я вырывался на события – в Латвию там или в Армению, – так и в 92-м все бросил и полетел в Грузию. Случайно. Выпивал как-то с Володей Крючковым, который когда-то у меня в отделе корреспондентом работал, а потом ушел в депутаты, и выяснилось, что он летит в Тбилиси – везет полный самолет гуманитарной помощи. Помнишь, была такая тема в те времена? Раздавали в жэках какие-то бэушные вещи там детские и тушенку… Помнишь?

– Да помню, помню!

Комментарий Свинаренко
Фон моего визита в Грузию

«Бои между сторонниками и противниками президента Гамсахурдиа окончились в центре Тбилиси и грозят перекинуться в окружающие город леса. В ночь с 5 на 6 января президент с ближайшим окружением и охраной бежал из полуразрушенного Дома правительства и покинул пределы Грузии. Победившая оппозиция пытается на обломках самовластья написать то ли новые, то ли хорошо забытые старые имена».

«Грузинская оппозиция сдержала свое обещание: Звиад Гамсахурдиа действительно не встретил

Рождество в кресле президента. В первые же минуты штурма от резиденции грузинского президента отъехало несколько легковых автомобилей и бронетранспортеров, в одном из которых находился беглый лидер…»

«…Грузия далека от стабильности. На западе республики мингрелы – земляки президента – горячо митингуют в его пользу и обещают, объединившись в повстанческие отряды, совершить рейд через тианетские леса на Тбилиси. В самой столице сторонники Гамсахурдиа ежедневно собираются на привокзальной площади. По крайней мере один из запрещенных военными властями митингов окончился трагически: обеспечивающие приказ о военном положении национальные гвардейцы открыли огонь из автоматов по колонне демонстрантов».

«…возобновление перестрелок вокруг Цхинвали. Напряженной остается ситуация со снабжением Тбилиси продуктами питания, крайнее беспокойство вызывает и криминогенная обстановка на улицах города.

Между тем в грузинских mass media обсуждается величина суммы в рублях, золоте и СКВ, которую прихватили бежавший из Грузии президент и его ближайшие помощники, а также перспективы возвращения Эдуарда Шеварднадзе на родину. Сам экс-министр такую возможность сегодня вовсе не исключает».

(Из газет)

– И я, короче, полетел в Тбилиси. А это был самолет Ил-76, грузовой, из Витебской дивизии – помнишь, нам рассказывал режиссер Балабанов, что он как раз из Витебска летал в Африку, оружие возил? А в Грузии тогда как раз свергли Гамсахурдиа. Какие-то бои были уличные, типа революции. Стало быть, разруха, пустота, холод. Ни тебе шашлыков, ни вина – приехали, называется, на Кавказ. Неизвестно, как бы все повернулось, если б нас не приютил патриарх всея Грузии Илия II. Там, при дворе, мы ночевали и столовались. И я вот понял многое, когда обедал у Илии II – ну, это не торжественный обед был, а просто свои сели в рабочий полдень перекусить, человек двадцать, за большой стол такой, как в монастыре.

– И что же Бог послал на обед?

– Ты не поверишь: кормили нас голландским колбасным фаршем, который мы же и привезли на самолете…

Представляешь? И это – в Грузии! Революция, будь она неладна… Это как мой дед говорил: «Дохазяйнувалысь». По-русски это как-то коряво звучит – дохозяйствовались. Но там было и кое-что местное, слава тебе Господи: моченые закуски, чача, вино. Хорошо, что нас не поили еще голландским джином или французским вином, прости Господи. Вот это хоть спасло немножко ситуацию, разрядило.

– А может, это была гуманитарная граппа? А вам ее выдали за чачу?

– О, красивая версия! Но – вряд ли… А вот что у меня осталось на память от той поездки: Илия II мне тогда подарил иконку с Георгием Победоносцем. А еще я в 92-м очень хотел съездить в Америку. Не знаю, насколько ты это поймешь, но я очень переживал оттого, что на тот момент не бывал в США. Индейцы, холодная война, американская литература, политика, второй фронт…

– Который не имел решающего значения, как нас убеждали.

– …атомная бомба, Вьетнам, полеты на Луну… Это все складывалось в такую яркую картину, что мне казалось: не бывши в Штатах, невозможно понять чего-то главного, нельзя получить полную, цельную картину мира. И образование свое нельзя считать законченным. Мне досаждал этотпробел, он меня просто мучил, изводил. Я изо всех сил пытался съездить туда. Вариантов много вроде выпадало – экскурсия в Вашингтон, поездка по стране, курсы журналистов там… Я какие-то анкеты заполнял все время. Но меня так никуда и не взяли. А народ со всех сторон едет, едет, едет туда, по два раза, по три… Я проанализировал ситуацию – и понял, что едут-то одни евреи! А хохлов они почему-то не брали.

– А хохлы пускай едут в Канаду. В Торонто есть Музей Украины, самый главный, всемирный. Центральный как бы.

– Ну, может быть. Но я даже не знаю… Если мою украинскость сравнить с твоей немецкостью…

– …то они еще посоревнуются. Ха-ха!

– Да, наверно, они посоревнуются! Если ты можешь сосисок намять с пивом и ездить на «БМВ» на немецком, то и я могу сала с горилкой принять и погонять на «Запорожце».

– Нет, ну я немецкие буквы знаю.

– А анекдот еще был про группу антисемитских языков. Туда, кроме немецкого и украинского, еще арабский входит. Но если серьезно, я так даже одну заметку написал на украинском. Ты вот не сможешь на немецком написать заметку.

– Со словарем.

– Значит, я на украинском – сел и написал. Без словаря причем. В журнал «Столица», Мостовщикову. Для стеба. Так и напечатали на украинском. Я что-то там такое смешное написал: «Ну, Киев – матерь городов русских. А що ж Москва, ця ледаща дочка?» Я там еще акцент пытался передать, как на Украине насмехаются над москальским акцентом. И вот думаю: почему ж американцы только евреев брали? Они, понятно, хотели как можно больше людей прогнать через США, воспитать в них какую-то симпатию к Америке.

– Агенты влияния.

– Если человеку симпатична чужая страна – то он уже хотя бы отчасти агент влияния. А на эту роль лучше подходят космополиты, которыми чаще оказываются евреи. Простая, понятная логика. Людям же трудно понять, что возможен украинский космополитизм! Как у меня. Ну вот. Некоторые поехали туда – и там остались, семьи перевезли. Если б я там остался тогда, то давно б, думаю, спился от скуки. Там же жизнь ровная такая… Живешь как в зоопарке. А мы тут – как дикие звери на воле. Комфорт не тот, конечно, – но есть и свои плюсы. Хотя к тому времени я, кажется, уже остыл от мыслей насчет свалить и меня в Штаты тянуло, просто как Филипка в школу. А ты не думал тогда свалить?

– Нет, к тому времени уже не думал. В начале перестройки еще как-то… Но мысли покинуть нашу родину у меня окончательно исчезли тогда, когда я избрался предисполкома в Сестрорецке.

– То есть что у тебя изменилось-то? Началось что? Как этот процесс ты можешь описать?

– Не, ну мне стало интересно, что здесь. У меня вторая волна желания на ПМЖ куда-нибудь съе…аться возникла после отставки, когда вот уголовка началась.

– В 97-м?

– Да. 97-98-й.

– Именно с целью избавиться от уголовки? Или ты подумал: зачем мне здесь все?

– Ну может быть, конечно, катализатором уголовка была, но в целом депрессуха такая очень сильная.

– К которой мы вернемся в 97-м, да?

– Естественно.

– В общем, Америка на 92-й стала у меня таким зудящим местом. Думаю: ну что же я не был там, мудак?

…Что еще было? «Коммерсантъ» переехал в новое здание. Значит, сначала мы базировались на Хорошевке в жилых квартирах на первом этаже, объединенных в одну. А в 92-м

Яковлев школу сперва как-то в аренду взял и после приватизировал. Три этажа, а после он еще один надстроил. Там офис – и спортзал, и сауна, все как у людей. А когда мы туда, на Врубеля, переехали, то, между прочим, батюшка здание освящал. Метро «Сокол», где поселок художников дачный. Значит, батюшка освящал, окроплял святой водой. Стоим мы, смотрим на это дело, а Яковлев говорит: «Не позволю в своей газете употреблять убогий термин „РФ“! Запомните, нету никакой РФ! Наша страна называется Россия!» Неплохо это прозвучало, красиво. Иные даже прослезились. А еще ушла тогда Ксения Пономарева. Она была, кажется, главным редактором тогда? Вроде так… Она поругалась тогда с… ну, это не важно уже теперь. В новом здании мы продолжали еще выходить еженедельником, а осенью перешли на ежедневный режим. Прекратили выпуск еженедельника и делали такие внутренние номера ежедневной газеты – каждый день. В продажу никуда они не поступали, но спрашивали за них по-взрослому, такая учеба боевая. Это как если на учениях боевыми патронами стрелять. Вася (он же Андрей Васильев), кстати, к тому времени ушел. Сказал, что ему концепция не нравится. А другой-то не было, вот он и ушел. Такая его версия. Он на ОРТ работал тогда, кажется, и Пономарева тоже. И вот начали мы делать эту «Daily». Дико интересно это было на тот момент – толстая жизненная газета. Но работали действительно просто, сука, без выходных. В субботу выпускали последний номер за неделю, а в воскресенье с утра – пожалуйте на разбор номера.

– Когда-когда вы начали ежедневную?

– В октябре 92-го, говорю ж тебе. Нас как будто мобилизовали. Домой приедешь в ночи, поспишь там, и с ранья обратно. Чтоб не соврать, 7 октября начали мы выходить. А у моей дочки как раз день рождения надвигался. И дочка, у меня тогда еще одна была, звонит мне на работу: «Ты знаешь, у меня день рождения будет в субботу, мне три года, так вот я тебя приглашаю». Я думаю: «А чё меня приглашать, куда я денусь-то?» И потом вдруг сообразил, как ребенок это воспринимает. Она утром спит – я ухожу, ночью прихожу – она опять спит. И так проходит неделя, две, три, выходных же нет. И она, видно, решила, что я такой приходящий пассажир. Который появляется раз в месяц.

– Ха-ха!

– И его надо специально звать, чтобы он пришел. Если ребенок меня не видит три недели, он же не может

догадаться, что я живу дома, что я каждую ночь прихожу поночевать быстро.

– Анекдот такой был: «Яичница в холодильнике, суп на столе, е…ать будешь – не буди». Помнишь? Ха-ха!

– Ха-ха-ха! «Нравится, не нравится – спи, моя красавица». Ну вот. А газета поначалу была вялая и непонятная. Первые номера любого издания – всегда такие.

– Надо стиль поймать, конечно.

– И было смешно – людей набирали с улицы. По объявлению. Чуть ли не на заборе их расклеивали. И вот люди приходили с улицы, мы перед ними выступали, слушали, какие они вопросы задают. Набрали с улицы людей – и ничего! До сих пор многие из них работают.

– Видимо, талантливый менеджер – Яковлев.

– Ну, тут двух мнений быть не может. Чудес же не бывает. Раз человек с нуля такую империю построил…

– И видимо, он очень быстро сгорел. Запал кончился. И он понял, что нужно сворачиваться, не то он собственными руками погубит свое детище. Он продал и уехал в Лос-Анджелес. Это же огромное количество энергии надо отдавать – а она же ведь ниоткуда не берется! Я так это понимаю…

– Ну, Алик, ты, как капиталист, может, лучше понимаешь Яковлева. Я после думал – если у меня там год за три шел, то какой же у него был коэффициент (или, иначе, мультипликатор)? Я столько там всего увидел, прожил – а он-то всяко побольше моего.

– Вот я про себя знаю, что меня хватает на какие-то короткие проекты. А потом я должен период релаксации переживать. Я отдаю энергию, а потом должен пополнить ее запасы. Я не могу, как Чубайс, работать – из года в год… Он на плутонии, что ли?

– Вот я и говорю, что олигархов – Гуся с Березой, а теперь еще и Ходора – надо беречь. Мало таких людей… И еще Яковлев придумал институт рерайтеров. Люди сидят и переписывают чужие заметки. Причем они не из репортеров, а из структурных там лингвистов разных.

– А-а, фирменный стиль создают?

– Не, просто добавляют ясности.

Проясняют, кто что хотел сказать. Без эмоций. Фильтруют базар. Добавляют цинизма.

– И софт, наверное, свой был?

– Да, софт придумывал человек по фамилии Калашников. А еще тогда в моде было видео.

– Нет, я эту тему раньше прошел. У меня появился первый видик в 89-м году. Помнишь, «Электроника»? Завода «Позитрон»?

– А, да, у меня тоже такая была. Серебристая.

– Я же устроился работать в политехе, и мы преподавали на курсах повышения квалификации руководящих работников НПО «Позитрон». По психологии менеджмента, как сейчас помню. И с нами расплатились этими видиками – тогда же царство бартера стало опускаться на нас… И у меня появился видик, который я подсоединял к нашему телевизору. Декодера в нем не было, так что все фильмы получались черно-белые.

– А я декодер впаял.

– Нет, я не впаивал. Просто купил русский ТВ с декодером. Вот тогда-то, в 89-м, я все и посмотрел. К 92-му для меня это был пройденный этап.

– Быстрый ты. А я смотрел еще в 92-м. Берешь пару-тройку кассет, бутылку-другую коньяка, закусок – и сидишь всю ночь, смотришь… И я еще деда похоронил в 92-м.

– А, это который чекист?

– Ну. И бабка говорила – что ж он помер не вовремя, нет бы на два года раньше!

– Типа – не знал бы, что Советский Союз развалился?

– Да нет, она переживала, что мы его хороним как частное лицо. А при советской власти были б речи, знамена, салют…

– Ордена на подушке…

– Типа…

Комментарий Свинаренко

В декабре 92-го помер мой дед Иван Митрич Свинаренко. Царствие ему небесное. Я очень его уважал с младых ногтей – и это уважение только крепло со временем. Мало я видел настолько прямых людей, которые не сворачивают с выбранной дороги и выполняют задуманное, не поддаваясь искушениям и не отвлекаясь на личное обогащение.

Конечно, мне было бы приятнее, если б мой дед служил у белых и исповедовал либеральные ценности, – но из песни слова не выкинешь. Дед мой в ранней юности вступил сперва в комсомол, а там и в ЧК. Ему казалось, что так он сделает этот мир лучше… С другой стороны, если уж даже граф Алексей Николаевич Толстой пошел служить к красным и считал себя при этом приличным человеком, то какие ж вопросы к крестьянскому юноше?

Я помню этот небогатый домик на окраине Макеевки, в котором часто бывал. Три комнатки, беленые стены, много – по тогдашним моим понятиям – книг. Полный шкаф. Один, правда,

шкаф. В числе книг было собрание сочинений Сталина. И его пресловутый «Краткий курс». И его же портретик, размером с книжку, на стене. В рамке, под стеклом.

Дед обладал весьма редким качеством. Он жил в полном соответствии со своими словами и убеждениями. Вот решил когда-то, что социальная революция необходима, – и стал ее делать лично. После пришел к выводу, что надо бить белых, – и отправился воевать в Красную армию. Никого не посылал вместо себя… Подумал, что надо бить внутреннего врага, – пошел служить в ЧК. После долго вкалывал в шахте. Учился, почти уж стал инженером – это было круто для крестьянского парня, по теперешним меркам это никак не ниже Оксфорда. Что твой MBA. А тут война. Он, московский студент, записался в ополчение и уж ожидал отправки на фронт. Но его по партийной линии завернули и послали на Урал – какая ж война без угля, на тот момент стратегического энергоносителя. И только оттуда, с Урала, ему удалось дезертировать с трудового фронта – на фронт простой, под Ленинград. После, уже старый и хромой, с войны, еле ходил – и бесконечно проверял торговлю как общественник, в рядах так называемой парткомиссии. Видно, ему не давала покоя мысль, что рано он ушел из ЧК, не добил контру в свое время. Дед учил меня, что если человек торгует мясом, то он легко и другого человека продаст. Он то и дело цитировал Суворова: интендантов можно сажать без суда и следствия на 5 лет, а после судить – и выяснится, что им еще добавить придется.

(И ты, Алик, еще удивляешься, что я не в восторге от русского капитализма! Что буржуи не вызывают моего восхищения! Видишь, какую я школу прошел у красного пулеметчика, харьковского чекиста, макеевского шахтера… Скажи спасибо, что я к Зюганову не пошел – при таком-то раскладе.)

И вот еще что трогательно. Когда в перестройку начали печатать всё про всё, дед это читал, читал… И нашел в себе мужество признать, что взгляд его на мир был не тот. Не стал брызгать слюной и бегать с красным флагом по городу. А признал. Гвозди бы делать из этих людей.

Он прожил долгую жизнь: 91 год. И счастливую. Две войны прошел – а отделался «разве только» тяжелым ранением и инвалидностью, которая, впрочем, позволяла ходить на работу. Пусть даже с палкой ковылять, но ведь на работу же. Дети, внуки, правнуки… Совесть его была абсолютно спокойна! Он всю жизнь делал то, что считал нужным, часто – в условиях реального смертельного риска. Уверенности в своей правоте, как мне кажется, прибавлял ему и его весьма скромный достаток: вот не воровал же. Ордена, почет и уважение, свой сад, в котором он

посадил тонкие саженцы ореховых деревьев – и дождался от них урожая, мешками его собирал. Посмертное поругание любимого им Сталина, распад империи, которую он строил и защищал в самые драматические ее моменты, распад идеалов – все это пришлось на самый закат его жизни. Нам повезло, что мы свободу увидели в весьма еще молодом возрасте. А ему точно так же повезло, что крушение своих идеалов он увидел уже холодными старческими глазами, стоя на краю могилы. Помнишь, Алик, у тебя был какой-то преподаватель в институте, и ты сказал, что если б все коммунисты были, как он, то и ты б к ним попросился? Та же картина была и с моим дедом. Если б все были в КПСС, как мой дед, я б тоже туда подался.

…Да. Так вот. Я поехал во Внуково, чтоб вылететь на похороны. Но выяснилось, что аэропорт в Донецке закрыт – нету керосина, чтоб отправлять самолеты обратно. Ах да, Союз ведь развалился, настала разруха… Я взял билет до ближайшего аэропорта – до Днепропетровска. Оттуда, думал я, домчусь в момент. Наивность! В пути выяснилось, что Днепропетровск не принимает – метель. Посадили нас в Кривом Роге. Выходим из самолета… А аэропорт пустой! Ни души! Что так? Нашел я там только одного мента и с него снял показания. Та же причина – керосина нет. А ну поехали в город! Автобусы не ходят, бензина тоже нет. Вызывай такси, мент! Телефоны отключены. А по рации? Вам же говорят, нету бензина в городе. А ты ментовскую вызывай машину, говорю, я тебе денег дам! (Я думал, что уж как-то решу вопрос, я ж не только отделом преступности тогда командовал, но имел более богатый и глубокий опыт. Когда-то я с одноклассниками попал в неприятную ситуацию. Чтоб решить вопрос, мы скинулись. Честь произвести эту выплату из общака братва доверила мне. Я пошел в отделение милиции и выкупил вещдоки. В общем, я сперва вошел в товарно-денежные отношения с правоохранительными органами, а уж после получил паспорт и начал бриться.) Но я зря уговаривал и размахивал деньгами – милицейским машинам давали на сутки по 5 литров бензина, на обратный путь бы не хватило.

В задумчивости оглядел я зал аэропорта, в котором нам, возможно, предстояло перезимовать… И увидел странного человека, весь вид которого говорил об одном: этот пассажир в полном отчаянии. Причем вид у него был до того иностранный, что аж смешно. Подхожу к чудаку… Оказалось, это немец, который ни слова не знает по-русски. Что делает его горе еще более безутешным. Пунктом его назначения был как раз этот Кривой Рог! Там его дружки строили дома для наших офицеров, изгнанных из Германии. Немец оказался, в общем, золотой. Я по

милицейской рации таки вызвал ему подкрепление с их базы в городе. На этой их машине мы умчались из аэропорта, отбиваясь от десятков желающих отнять у нас дефицитное транспортное средство…

Но это было еще не все. Оказалось, что и поезда с местного вокзала никуда не ходили! Как будто вернулась молодость дорогого мне покойника, со всей той разрухой и с мерзостью запустения… Там, на холодном вокзале, в городке, из которого поди еще выберись, да к тому ж он еще и иностранным стал, я начал понимать, что Москва не самая выигрышная точка для наблюдения за трагедией – развалом великой империи… Из Москвы этого всего не видно было, этой красоты. Я нанял машину, и два крайне подозрительных типа в ночи повезли меня в заснеженную степь… Самое смешное, что с нами увязалась симпатичная пара – парень-кооперативщик с красавицей женой. «Ты уверен, что хочешь путешествовать в таком составе?» – пытался отговорить его я. Но ему надо было скорей к своим ларькам… Я понимал, что шанс добраться до какого-нибудь места, в котором жизнь не угасла окончательно, хоть и невелик, но есть… И вот в три часа ночи посреди этой снежной степи прогремел как бы одиночный выстрел из «калашникова». Это лопнула камера переднего колеса. Запаску мои бандиты обменяли на пять кило сала еще осенью… Мы грелись, наслаждаясь напоследок теплом – бензина у нас оставалось всего-то литров десять. Поскольку мы знали, что у других его не было вообще, помощи ждать не приходилось. А на дворе было минус 25.

Но помощь таки пришла – в виде фуры с гуманитарной помощью (слово «помощь» тут ключевое). Фура, вы будете смеяться, остановилась. В глухой степи, среди которой стояли четверо в высшей степени подозрительных мужчин. Дама, которая была с ними, делала картину еще более жуткой. Я уехал с семьей отмороженных кооператоров. А наши бандиты остались. Они долго нам махали вслед. Ржавый «жигуль» – это все, что было в их жизни ценного. Как же его бросить…

Гроб уже опустили в могилу, когда я прибыл на место. Успел я, не успел? Как посмотреть…

Еще из той поездки я запомнил, что рублей в украинских магазинах не брали, обменников не было. Выпить было просто не на что. Я страстно уговаривал соседку продать мне четверть самогона по доллару за пол-литру, что по тем временам было страшной щедростью. Соседка слушала меня с подозрением – типа, кому нужны эти странные зеленые бумажки? Но таки сдалась – скорей потому, что помнила меня мальчиком и просто

пожалела. Ладно, подумала, не обеднеет она от одной четверти пер вача…

Далекие, наивные времена… Как будто 92-й год был 50 лет назад. А не только что.

Бутылка двенадцатая. 1993

Кох переезжает из Питера в Москву помогать Чубайсу делать приватизацию. Он вспоминает: «Пахали мы тогда круглосуточно, с короткими перерывами на сон, на чае и пирожках». Свинаренко уходит из криминального репортерства в глянцевую журналистику, то есть из отдела преступности «Коммерсанта» – в журнал «Домовой».

В стране происходит скоротечный бунт, как это иногда у нас бывает, в октябре. Кох бегает по Москве под пулями, слушает «музыку революции» и клеймит борцов с приватизацией, которые все время норовят что-нибудь стащить. Свинаренко в горячие октябрьские деньки как ни в чем не бывало сочиняет заметки про красивую буржуазную жизнь и – вместо бдений на московских баррикадах под нашим хмурым дождливым небом – прогуливается по безмятежному солнечному Парижу. А после летит в Нью-Йорк, Сидней, далее везде. И все это – «по делу, срочно».

– Ты знаешь, Алик, вот 92-й год, который мы с тобой за прошлой бутылкой обсуждали, мне задним числом показался каким-то вялым, ненастоящим. Люди как будто еще не опомнились после 91-го, не отваживались поверить, что все это всерьез, что можно делать что хочешь.

– Да…

– Было непонятно – что, чего, как. И вот наконец настал 93-й…

– И мы ворвались в крепость на плечах противника.

– Наконец мы ворвались и сказали: о как! И это все наше! И то тоже наше! Оказывается, здесь все можно сделать!

– Да, да, да!

– Вот это именно стало понятно в 93-м.

– В том числе и Хасбулатов с Руцким в 93-м подумали, что могут все, и решили, что Ельцин им мешает. А по Конституции у нас съезд народных депутатов – это высший орган страны, и все ему подотчетны, они могут президента отрешить. Они подумали: на хрен он, этот всенародный избранник. Мы вдвоем сейчас все быстро смастырим.

– А что за публика собралась в ВС? Казалось бы, у нас огромная страна, с большим населением. Отчего ж не набрать по всей России хотя бы тысячу умных, красивых, порядочных, образованных людей? Тысячу-то можно набрать на 150 миллионов? Почему бы не расставить их на все ключевые посты – этих прекрасных людей? Пусть бы сидели в Верховном Совете и командовали страной! В этом была быпрекрасная, великая логика. Но почему какие-то скучные люди все время у нас избираются? Как ты думаешь?

– Это во всем мире так.

– Да ладно!

– Во всем мире так – ну не уникальны мы! Ну почему вы все время ищете уникальность в каком-то дерьме?

– Да кто его знает…

– У меня были дебаты в «Принципе домино» – давно, несколько лет назад. С Борисом Резником с Дальнего Востока. Он председатель комиссии по борьбе с коррупцией, по-моему. Вот он выступает и говорит: «Россия занимает первое место по коррупции, по объему, значит, взяток». Говорит, говорит… Потом очередь дошла до меня. Я сказал: «Знаете, я много бываю за границей, особенно в Америке, и в Европе тоже бываю, читаю газеты. А там – то уголовное дело на Коля, то уголовное дело на Ширака, уж про Берлускони, наверно, и говорить не надо. И так далее. А уж скандалы корпоративные в Соединенных Штатах зае… али всех. Их государственные структуры десять лет сквозь пальцы на это смотрели. А ведь наверняка же там можно было затребовать проспект эмиссии, финансовые отчеты. Комиссия Соединенных Штатов по ценным бумагам, которой нас все время пугают, про которую говорят, что через нее муха не пролетит… Так десять лет мухи летали, вот такие вот, блядь, величиной с орла, – и все по х… Миллиарды долларов туда-сюда! Люди банкротились, дома закладывали – все по х… Сотни людей, тысячи, миллионы потеряли деньги. А в Китае какая коррупция! Они там пачками расстреливают! Там тридцать миллиардов транша международного валютного фонда на поддержку сельского хозяйства – пропало. Миллиардов долларов! Тридцать!

У нас такие деньги не пропадают. А в Китае – пропали, и они даже найти не могут, куда деньги подевались. А у всех чиновников, которые заведовали этим траншем, спутниковые антенны дома, машины „Мерседес“… Все как надо».

– И где же транш?

– А транша нету, не дошел он до простого крестьянина.

– Да что им 30 миллиардов – это ж по 15 долларов на брата всего-то. Не деньги.

– Ну вот, мысль моя в том, что мы не первое место по коррупции занимаем. Ай как Резник обиделся! Нет, говорит, первое… Опять этот Кох говорит, что Россия не самое первое место занимает.

– Значит, не удастся нам собрать лучших людей, чтобы они командовали страной?

– Нет.

– Ею будут командовать кто ни попадя.

– Да. Мы ж с тобой обсуждали принцип кибернетики. Нравится не тот, кто умный, а тот, кто такой же, как большинство.

– Вот я не знаю кибернетики, но я понимал, что Борис Николаич такой же, как мы.

– А он еще и старался сильней быть таким. В трамвае ездил.

– Только перед выборами.

– Да, потом, когда не надо стало, перестал ездить. Вот он последние десять лет не ездил на трамвае.

– Точно. Что у нас было важного в году? В январе был договор с Соединенными Штатами об ОСВ.

– Слушай, отстань со своим ОСВ. Вот я тебе могу сказать – у меня 93-й год состоит из трех вещей. Нет, четырех. Четыре вещи для меня важные были в 93-м. Первое – я съездил в Соединенные Штаты Америки.

– И я съездил.

– Я – первый раз.

– И я первый раз! Более того. В 93-м я и в Париж съездил в первый раз.

– Нет, со мной это случилось существенно позже. А вот в Соединенные Штаты Америки я съездил, причем надолго – на целый месяц. Я посетил Вашингтон, Нью-Йорк, Чикаго, Сиэтл, Миннеаполис, Сент-Пол.

– А что это была за поездка такая?

– Это USID делал такую программу по изучению американского рынка ценных бумаг. Секьюрити-маркет.

– Что это такое – USID?

– USID – это американское агентство по международному

развитию. Я был очень доволен поездкой – я тогда очень много узнал. Мы были на Нью-Йоркской фондовой бирже… Ну, это отдельная песня – про Америку. Напишу как-нибудь про это комментарий.

– Я был неделю всего. Я ездил в командировку – писать репортаж с Хеллоуина. От журнала «Домовой». Я туда был сдернут с отдела преступности, брошен на отстающий участок. Уже первый номер журнала делался, а я еще лихорадочно сдавал заметки и дела по отделу преступности…

– Потом второе событие, очень важное. Про него сейчас все забыли, но оно на самом деле послужило основой для последующих событий не только этого года, но и вообще всей нашей жизни. Так называемый референдум «да, да, нет, да».

– Так, так! Помню. У меня есть любительская видеопленка: мы на кухне выпиваем, дети бегают – и я пьяный сижу. И вдруг по телевизору объявляют про референдум, Ельцин, «да, да, нет, да», доверяете ли вы президенту… И на видео – моя реплика. Я, пьяный, просто так ляпнул: «Президент у нас м…, но мы ему доверяем». Вот такую я фразу произнес тогда историческую.

– …и президент его выиграл, этот референдум. Когда кричат, что Ельцин к 93-му году полностью лишился кредита доверия, это ложь. Был кредит доверия! Ельцин же выиграл тот референдум. А Верховный Совет – проиграл. Ты же помнишь, там было четыре вопроса. Доверяете ли вы президенту Ельцину? Одобряете ли вы политику, проводимую президентом Ельциным? Доверяете ли Верховному Совету? И еще какой-то вопрос был. Короче, мы хотели, чтобы «да, да, нет, да» был. И так оно и случилось – большинство сказало «да, да, нет, да». По условиям референдума, тот, кому не доверяют, уходит в отставку. То есть Верховному Совету нужно было распускаться. Но эти красавцы депутаты проявили свою, так сказать, хитровую банность: Ельцину, чтобы пройти, достаточно простого большинства, а чтобы их отправить в отставку – нужны две трети голосов. И вот хотя доверия к ним не было, они не самораспустились. Но, по сути, с весны уже практически не было легитимности Верховного Совета! Их еще тогда надо было распустить. Потому что большинство нации сказало, что депутатам не доверяет. Понимаешь?

– Что, это так подтасовал Ельцин?

– Нет. У него на самом деле был кредит доверия. И вот этой паузой шестимесячной – с апреля по октябрь – он-то как раз кредиты сильно растерял. Потому что, понимаешь, они же шесть месяцев тратили ровно на то, чтобы обосрать его с ног до головы.

Безумный Руцкой с этими чемоданами…

– Сбитый летчик.

– Да, сбитый летчик.

– Его же вроде сбивали там в Афгане периодически.

– Да-да. А помнишь, у него был такой помощник – Мирошник? Который, когда узнал, что Руцкого сняли, не вернулся из поездки в Испанию. Этот жулик все ходил по кабинетам, бабки со всех брал. Он ко мне без конца ходил и чего-то ныл. И Руцкой теперь рассказывает нам всем, какой он ох… ительный честный борец с коррупцией, и так далее. Потом третье событие важное – то, что я переехал из Питера в Москву. Меня в Госкомимущество Чубайс забрал замом. И четвертое событие, наконец, это путч – или как там он назывался, мятеж? – 3–4 октября.

– Великая Октябрьская социалистическая революция? Как обычно? И я причем знаю, почему это всегда в октябре происходит. Ну такая погода мерзкая, отвратная, кругом грязища говенной такой консистенции – жить не хочется. Неба нету, вместо него серая мокрая тряпка – выражение Ильфа и Петрова. В запой уйти, убить ли кого? О! Революцию давайте устроим!

– Да-да. Обсерон такой великий октябрьский социалистический. Ну вот четыре события. Ну что там – рядом ничего не стояло по сравнению с этими четырьмя событиями. И каждое из них достойно комментария. Американка…

– А учреждение РАО «Газпром»?

– Да ну!

– А избрание Зюганова вождем КПРФ?

– Это было событие твоей жизни? Этим тебе 93-й год запомнился? Вот как мы с тобой будем вслух задним числом переживать избрание господина Зюганова?

– Очень даже хорошо мы будем рассуждать. Смотри! Мне Толстая говорит, Татьяна, в интервью: «Если увижу Зюганова, брошусь на него, как волк, и горло ему перегрызу. Он же отвечает за террор, за Колыму, за все убийства…» Подожди, говорю, Зюганова надо беречь, потому что его специально брали такого противного, понимаешь? А могли бы найти молодого парня, такой Гагарин, знаешь, с улыбкой приятной…

– Как Квасневский в Польше. Молодой, энергичный, вполне западный – и в то же время левый.

– Я думаю, там сидит какой-то разводчик – Глеб ли Павловский, не знаю, или Волошин… – и думает: зачем нам красавец Гагарин-2 во главе коммунистов? Заберет все

голоса. И говорит: нет, такой не годится, идите найдите нормального кандидата.

– С бородавкой.

– С бородавкой, противного.

– Из деревни Мымрино.

– Противный чтоб был, такой вот, похожий на ощипанного волка, которого палкой отлупили, и вот он вроде и волк, но немножечко так шугается. Разводчик доволен: «Вот видите, нашли же хорошего генсека…»

– Электоральный.

– Ну, найдутся какие-то странные люди, пойдут голосовать за него, хоть он и противный. Это очень тонко. Я это объяснил Толстой, и она признала свою ошибку. А вот еще у нас было начало слушаний военной коллегии Верховного суда по делу ГКЧП – измена родине.

– Только начали слушать? А до этого расследование шло?

– Видимо. Судили старика Варенникова, фронтовика… Была измена родине-то или нет? Ты бы родине с большой буквы написал – измена Родине?

– Так их же всех амнистировали, а старик Варенников отказался принимать амнистию, потребовал суда, его судили – и оправдали.

– Молодец! Крепкий парень!

– Черт его знает. Я могу тебе сказать, что в 91-м году я их ненавидел.

– И я. Ненавидел. Тогда. Само собой.

– Ну а чего тогда мы сейчас, задним числом, начинаем их жалеть? Они бы нас не пожалели, можешь не сомневаться.

– Да чего уж тут сомневаться. Уж не пожалели бы. В таком они не замечены. Хорошо. Поехали дальше. «О прекращении хождения дензнаков, выпущенных с 61-го по 92-й год включительно».

– И что, я должен переживать по этому поводу?

– Так. Завершение вывода войск из Литвы. Тоже тебя не волнует?

– Ха-ха!

– Соглашение со Штатами об объединении космических программ.

– Так. Ну. Хорошо.

– Опять не колышет.

– И тебя, самое главное, тоже.

– Умер Юлиан Семенов.

– О! Вот это, кстати, очень пригодившаяся бы сейчас фигура. Вот помнишь мое рассуждение о ссученных эстрадных деятелях,

то есть которые и блатным нравятся, и ментам одновременно?

– А он всем нравился?

– Да, да, да, да, да.

– Есть же версия, что его убили.

– О!

– Он был парализован, лечился на Западе, где от его имени с использованием ранее им подписанных бланков переводили бабки… Так. Дальше. Майкл Джексон приехал в Москву.

– Но не выступал.

– И столицу твоей родины перенесли в Астану.

– Сейчас, говорят, красивый город.

– Красивый, говорят, и богатый. Тебя это не цепляет?

– Нет.

– Ну что, собственно, у нас из списка больших событий осталось разве только основание НТВ. И возвращение двуглавого орла.

– О! О!

– Ну хоть что-то тебя волновало.

– Волновало. Мне было приятно.

– Мне тоже было приятно, но как-то это все-таки было странно. Все-таки.

– Триколор, двуглавый орел. Старик Йордан, Борин отец, он бы порадовался. А вернее, он и порадовался – он же помер только в прошлом году.

– Да. Это дико было интересно, но как-то все-таки неестественно.

– А? Символика Белого движения.

– Белого, да. И все равно – ненатурально как-то. Приятно – да. Вот когда вернули красный флаг – было неприятно. И гимн коммунистический восстановили – очень было неприятно. Но, увы, естественно. Странное чувство…

– Не, ну, строго говоря, как раз возвращение триколора и двуглавого орла было естественно.

– А как тебе это нравится: у нас вроде республика, а на гербе – корона Российской империи?

– Кстати сказать, по-моему, у нашего двуглавого орла, который сегодня в официальной символике, нет короны.

– Ну вот видишь, до чего мы договорились. В каком мы состоянии. Некоторые уже свой герб не могут вспомнить.

– Ну-ка, ну-ка, мы сейчас посмотрим на свой герб! Где он должен быть – на бабках? *(Кох роется в карманах. Достает оттуда ключи, платок, какую-то книжечку.)*

– Это что у тебя за ксива?

– Администрации президента. Что я являюсь кандидатом в депутаты Государственной думы…

– Где орел-то? Должен быть в такой ксиве-то, а?

– Сейчас, подожди, сейчас я деньги найду. На деньгах-то он точно есть, как я понимаю.

– Да вот же на обложке у тебя орел! С короной!

– О-о-о… Да это не просто корона. Это три короны. По одной над каждой головой. И еще одна большая, одна на всех.

– Это что же такое? Это как же? А почему три?

– Малыя и белыя Руси… Ха-ха! Это тебе не фунт изюму…

– Раз у нас орел в короне, тогда я тебе так скажу: у нас должен президент тоже в короне ходить.

– Ну конечно. И короноваться.

– Ну а почему нет?

– О чем и речь. И называть его надо не президентом, а королем, как в Польше. Знаешь, там короля же избирали каждый раз. Там же не было наследования.

– Ну а вот Азербайджан же республика? Но там ввели передачу власти по наследству.

– Короче, оказалось, что с короной мы оба не правы.

– Да, я сказал: одна корона, а ты – нет ни одной. Но ты зря говоришь, что мы одинаково не правы. Это в тебе тяга к бизнесовым разводкам. А на самом деле я-то по-любому ближе к истине. Одна корона ближе к трем коронам, чем непокрытая голова. Но действительность, как это часто бывает в России, превзошла самые смелые ожидания!

– Ха-ха! Их три. А вообще надо было сделать 140 миллионов корон. Тогда бы это была настоящая республика. Демократия, власть народа.

– Нет, ну все-таки президент должен ходить с короной. Я тебе рассказывал уже, как мы обсуждали с сельским трактористом, что слово «преемник» он слышит, как «племянник». И когда Ельцин в прямом эфире представил народу своего «племянника» Путина, в колхозе это восприняли как хороший знак. Типа наконец-то Боря взялся за ум! То пил все, куролесил, уж не ждали от него умных поступков, – а тут на тебе, вон как ответственно к делу подошел. Крестьяне еще обсуждали, что лучше б сыну хозяйство передать, но сына ж не было у Бориса Николаича. Что ж, чужому дядьке, что ль, отдавать? Ну, пусть племянник будет. Он тем более серьезный, непьющий.

– И я согласен, поддерживаю.

– Так о чем мы говорим? В чем проблема, отчего ж президенту корону не носить? Яйцеголовые б и это схавали,

ухмыляясь. А простые люди сказали бы: ну и хорошо, ну и слава Богу. А то действительно, как раньше говорили, без царя в голове.

– А то – выборы какие-то…

– Зачем тогда выборы? Теперь у нас – царь. Вот! Это бы работало на стабильность. Ведь царя-то тяжелее убить, чем президента.

– Ну это уже да. Это некий сакральный смысл имеет. Там же целая процедура, миропомазание…

– Да. И можно легко объяснить, почему командует не какой-то там дежурный аппаратчик, а именно царь. Да потому, что в этой стране всегдакомандует царь! Вот у этого, который сейчас и отец, и дед, и прадед, – все были цари. Триста лет монархии. Триста лет уж так заведено, что сперва зима, а после весна, лето, осень, – все это под руководством царя, и никак иначе. Все понятно. А если некто приходит и убивает царя и говорит: а теперь я буду вместо него, – то любой может сказать: а отчего ж именно ты, почему не я, мы с тобой имеем одинаковую легитимность. Это, конечно, ошибка страшная была. В дикой стране, где титульная нация почти сплошь состоит из внуков крепостных рабов, которые свободу понимают только как возможность вешать помещиков и трахать их дочек, – взять да убить царя. В Англии, во Франции казнили монархов – но там народ все ж не такой простодушный… Народ там царей казнил без отрыва от производства. С утра отрубили голову, вечером обмыли это дело, а утром – на работу. Такого ж не было, как у нас, чтоб четыре года полстраны в составе банд грабило награбленное… А что ж мы про Мирошника забыли! У него, кстати, дом такой же, как у тебя… Участок, может, поменьше твоего. Но зато у него это был Беверли-Хиллз.

– Ну, у нас здесь подороже земля.

– У вас подороже, да. А в чем тут дело? Мне совершенно непонятна эта их в сравнении с нами дешевизна! Ну вот чем она может объясняться? Одна версия. Там этих элитарных дачных кооперативов – как грязи. Кроме Beverly Hills, еще Malibou, Venice Beach, Santa Monica… Это я назвал только то, что в двадцати минутах езды… И еще же полно такого, да не только по Калифорнии, а и по всей стране. А у нас столпились на трассе поближе к царю и давятся, и взвинчивают цену сотки… Да постройте что-то новое в удобных местах! Ни хера не строят у нас, не развивают новых районов. Толпятся же поближе к даче первого лица не столько даже из низкопоклонства, сколько из жадности –

трассу же ФСБ так и так будет охранять, вот вам и экономия. И потом, это сидение на головах – от неуверенности в будущем. Зачем же строить, когда никто не знает, чем все кончится? Вон Гусь с Ходором настроили всего… И дальше. У вас тут, конечно, дороже, но зато там – океан рядом, и климат, извини, получше, настоящий климат, а не как у некоторых. А тут – то мороз, то грязища, то жарища с комарами.

– У нас летом тоже хорошо, когда дождей нет.

– Летом, может, и хорошо, когда действительно дождей нет. А зима – да сколько там той зимы…

Комментарий Свинаренко
Из моей старой заметки

…поначалу Гарик предстал провинциальным интеллигентом, хотя и со странностями, простым шестидесятником с, как говорят, идеалами. Но шестидесятником, ушедшим в удачный бизнес, – что не сбывается без колоссальных запасов энергии, всегда притягательных. То есть с одной стороны, он вполне приспособлен к жизни, к бизнесу, к политике, к своему «роллс-ройсу», к своему же Беверли-Хиллз. А с другой стороны – любит порассуждать, особенно за столом, о судьбах страны, путях России, грязи политики; ну и ностальгия, разумеется. Он мне показывал в Беверли-Хиллз типичный для того квартала дом в один-единственный, ввиду опасностей знаменитых калифорнийских землетрясений, этаж, с несчетным количеством комнат и совершенно сочинской, с блестящими жирными листьями, растительностью на участке; как у всех там.

«– Тут вон кузен Клинтона у меня сосед, а там дальше – Рейган, Форд…Я был помощником Руцкого… Меня раньше знаешь как звали? Георгий Михайлович Мирошник», – открылся наконец он. Я отвел глаза в сторону с внезапной страшной грустью оттого, что из копеечных казенных денег вон у нас какие в сиротской России вырастают миллионеры… И еще вспомнились газетные заметки 92-го года, на страницах для криминала…

Мы встречались с Гариком иногда по вечерам и выпивали – то у него дома в Беверли-Хиллз, то в городе, то в приморском простеньком кафе. Он, например, любил мне назначить встречу в баре богатого отеля «Regency».

– Я тут жил несколько месяцев, пока не купил дом. Ну и привык…

И точно, обслуга его знала вся. И смотрела на него с понятным обожанием, как цыганский хор на Никиту Михалкова в

кинофильме «Жестокий романс»; сходство ситуаций было просто поразительное. Кстати, о кино: Гарик мне напомнил, что это именно тут снимали знаменитый и успешный по деньгам фильм «Pretty woman», где Гир и Робертс.

«…В Дубаи я продал через фирму „Техника“ целый пароход противогазов. Сидел там в Джидде, этой вонючей помойке. Я там заработал тыщ 60–70. Потом была программа „Урожай-90“. „Исток“, АНТ, моя фирма „Формула-7“ и другие. Крестьянам тогда раздали талоны, и нам надо было талоны отоварить по твердым ценам. А потери государство обещало компенсировать квотами на нефть, которую нам разрешили продать на Западе. Поехал я в ГСВГ и говорю нашим генералам: при выводе войск все товары из военторга разворуют. Лучше продайте нам. Мы в России отдадим по талонам, на талоны возьмем нефть и так далее. Вам перечислим деньги рублями в Россию. Нет, говорят, в рублях не будем, только в марках. Хорошо! А в это время выходит указ Ельцина о запрещении расчета валютой между российскими организациями. Это был конец 1991 года. Я вынужден был платить рублями… По официальному курсу. Ну не мог же я в официальных расчетах с госструктурами использовать курс черного рынка!

– Ты небось заранее про все знал!

– Да даже если б и знал, где тут преступление? Где? Я же настаивал, я сам им предлагал рассчитаться в рублях! Но они не хотели. Потому что рубли пошли б сразу в Россию, в бюджет, и все. А валюта – в Германию… Военные обиделись, говорят – украл. Но что конкретно украл и у кого? Я взял у генералов государственный товар, честно заплатил за него столько, сколько сказало государство, в валюте этого же государства, привез товар в Россию и обменял на талоны «Урожая-90». Талонов у меня собралось полторы тонны. А кто мне за них что дал? Хоть тонну нефти, хоть баллон газа?»

– Не, ну по понятиям-то Мирошник генералов швырнул… Но с другой стороны, генералы бизнесом заниматься не должны – и по закону, и по понятиям. И то, что он их отделал, – это правильно.

– А как было у тебя с Мирошником?

– Руцкой звонил в Минфин, или нам, или еще кому-нибудь. Звонил, значит, Руцкой и очень просил – сейчас Мирошник придет, он хороший парень, помогите решить вопрос… Прибегал Мирошник, и ему что-нибудь подписывали. А потом этот же Руцкой тебя бы и спросил за коррупцию. Понимаешь? Кстати говоря, как только Руцкой начал людей за коррупцию х…ячить,

он подумал, что люди будут еще резвей выполнять его поручения. Но ребята, как только он начал, сразу перестали подписывать. И все. Он еще сильней наезжает…

– Чего подписывали-то?

– Ну всякие там бумаги. Как тебе объяснить? Какие-то там помещения в аренду каким-то фирмам… В Госкомимуществе у нас на волю чиновников какие-то мелочи отдавались, и это все Руцкой греб под себя.

– Да?

– Да! Там муха не пролетала. Руцкой и еще Хасбулатов. Они дербанили по полной… Это была тактика, которую сначала не уловили. Я вот в августе 93-го пришел в правительство, когда там была уже такая переломная обстановка. А до этого с 91-го года правительство пыталось наладить отношения с Руцким и Хасбулатовым, и что-то у них получалось. Например, летом 92-го года Чубайсу удалось принять программу приватизации. Верховный Совет проголосовал за. Но потом это все пошло не в коня корм.

– Как интересно!

– Что ты смеешься?

– Интересно! Такие подробности трогательные!

– Так, значит, осень 93-го. Они уже референдум просрали – Руцкой-то с Хасбулатовым. И поэтому неизбежно приближался путч. И когда стало уже совершенно ясно, что он будет, Борис Николаич издал этот знаменитый указ, как он – № 1400? И распустил их. А они спровоцировали эти волнения, когда от Октябрьской площади огромная толпа пошла по Садовому кольцу, через Крымский мост, на Смоленскую площадь и вышла к мэрии и там ментов пи…дила, автоматы у них отняла, подожгла мэрию… Это 3-го как раз было. Ужасно! А я как раз жил там рядом, в гостинице управделами президента в Плотниковом переулке, – буквально за МИДом. И я вышел на Смоленскую площадь, а там толпа идет, машины переворачивает, магазины громит…

– То есть ты живьем посмотрел на революцию.

– О-о-о! Да, посмотрел. Там такой был Илья Константинов, он во главе шел.

– А сейчас где он?

– Не знаю. Мудак такой. И вот толпа прорвала оцепление и от мэрии на Белый дом пошла. У-ух! А потом Лужок туда прислал ментов, и они сомкнули это кольцо и уже не выпускали никого из Белого дома. И они еще раз ночью смели оцепление и вышли к Останкину. А та толпа, которая осталась за ограждением у Белого дома, поехала на грузовиках брать Останкино. А потом это все –

штурм, стрельба, «Витязь» их разгонял… А мы с Иванычем – с Сашкой Казаковым – шли, значит, пешком с работы в мою гостиницу. Транспорт же не ходил никакой. И вот мы из Госкомимущества, с Варварки, идем пешком к МИДу. Нам нужно было Новый Арбат проходить, а там как раз стрельба, снайперы стреляли…

– И вы короткими перебежками…

– И мы короткими перебежками, пригнувшись, побежали. И потом переулками арбатскими вышли к гостинице. Это было в ночь с 3-го на 4-е. Часа два ночи.

Комментарий Коха

Всегда, всю свою жизнь я хотел быть писателем. Это не так: «А вот буду я писателем». Нет… Это глубже. Это такое восприятие, что писательство и есть стоящее занятие для настоящего человека. Остальное – ерунда. Переделывать историю – пустое дело. Воевать? Наверное… Но как-то не удалось, а специально – не стремился…

Все говорят: у тебя получается, хороший слог, темперамент… Но я-то знаю. Ни-че-го. Стоит только от публицистики уйти в беллетристику, и на тебе – сюжет сыплется, герой не выдерживает заданного характера, композиция рыхлая… Кошмар! Настоящая литература не дана. Так, мемуаристика дешевая. А хочется быть писателем. Настоящим, как Лев Толстой! Черт его знает почему…

И вот был я свидетелем революции. Просто описать это в терминах «я шел, он сказал, этот выстрелил» – глупо, неорганично. Однако осенью 1993 года я был свидетелем русского бунта. Я его видел собственными глазами. Такая удача для русского писателя. Вон Пушкин через сорок с лишним лет ездил по пугачевским местам, собирал по крохам воспоминания… Глаз там выбитый, на жиле висит, осетров баграми ловят… Ножиками режут… Казачки… Любимое племя… А я – видел! Освирепевшие лица. Дикость. Ярость. Зависть, переварившаяся в погром.

Может, попробовать? Описать это по-настоящему? С героями, сюжетом, с личной линией? Слабо?

«…В черном плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой…» Неужели? Думаешь, получится?

Блок писал: «Слушайте музыку революции». Мудак. Слушайте, блядь, музыку революции. Хули ее слушать? Грязища, тупая ненависть, болтовня жидовская…

Счастье, молодость. Тридцать два года. Худой, энергичный. Все просто – наивность. Обожаю… Приехал в Москву. Делать

приватизацию. Без меня – никак. А тут – бунт!

По Смоленской площади идут. Лица перекошены. Давно идут, уже пару часов. С Октябрьской. Где Ленин. Уже озлобились подходяще. Переворачивают автомобили – тогда сплошь «жигуленки». Поджигают. Громят витрины. Мелкие лавочники – первые жертвы. Всегда. Сами себя заводят. Кричат. Видеть их противно. Как будто случайно застал срущую девушку. Вся магия пропала. Ба, а это ведь народ!

Все, что дорого… Все милое, красивое, родное. Буржуазное. Мещанское. Вышитые наволочки. Шторы – портьеры гобеленовые. Слоники в ряд по росту. Свинина в котлетах. Старый комод. Это и есть – человеческое. На х… – пролетарское искусство. Ненавижу худых истеричных баб. Дайте мне задницу. Большую задницу. Как у лавочника Ренуара.

Вот эту кустодиевскую красавицу спасал я 3 октября 93-го года. Я не хотел, чтобы блядские Лили Брик опять на 100 лет захватили мой народ своими свингерскими замашками. Моя родная задастая кулацкая Родина с теплыми пухлыми губами, с белозубой красивой умной улыбкой должна была победить. И победила. Мелкобуржуазный Лужок с мелкобуржуазным Коржаковым выиграли у дебила Руцкого. У Макаша, засранца. Жулье!

…Идет, дрожит от страха. Самому страшно. Держится за руку. Все теснее… Ясность: не бойся! Горло перегрызу! Не дам в обиду ни при каких обстоятельствах. Никогда. Можешь не сомневаться. Маяковский был пролетарским поэтом, а я буду – мещанским.

Плевать на сюжет. Плевать на цельность характера – в гробу видал! Не хочу быть великим писателем. Почему неэстетично – буржуа? А раз неэстетично, то прозой? Только в конце узнал, что всю жизнь говорил прозой…

Наконец я понял, кто я. Ровно в тот день. Я – кулак. И буду всегда – кулаком. И любить буду – кулацких дочек. Я не крупный капиталист. Я – русский. Кох. Альфред. Рейнгольдович. Счастье любить тебя. Моя Родина. А не этих козлов.

Комментарий Свинаренко
Путч октября 1993 года прошел мимо меня

Как это странно! Ведь я в детстве только и думал, как бы мне поучаствовать в каком-нибудь восстании. Революционные матросы, пулеметные ленты, «маузер», расстрел буржуев… Между прочим, лично мною… После – учреждение справедливости, и победители едут строить узкоколейку. И в лесу там мерзнут и

вкалывают задаром, для общего блага. Вот оно, счастье! А буржуи смотрят и завидуют. Что у них есть, кроме денег? Что-то такое мне виделось.

После все переменилось, я имею в виду – у меня в голове. К 93-му я был уже совершенным антикоммунистом, давно уже сокрушался – вот, неподавленная революция сделала нас дикой страной, с первобытными порядками, с жалкой убогой жизнью. Сегодня как-то странно про это думается, но что ж за картину такую нам рисовали, если на ней венец творения – заводской слесарь… Который уж точно очень и очень далек от идеала. Такой идеал мне точно не нужен. Но – была ли у меня в 93-м мечта расстреливать коммунаров, хотел ли я уподобиться Тьеру? Хотелось ли мне лично загонять взбунтовавшуюся чернь обратно в бараки? Нет, не было у меня такой мечты. Помню – не было. Я пытаюсь теперь поточней вспомнить свои ощущения. И понимаю, что они были совершенно мещанские, обывательские. Я думал: вот, беспорядки, – а ну как стекла в квартирах начнут бить? Или – про очереди за хлебом и куревом думал. Про перспективы богатого глянцевого журнала, в котором я тогда работал и который непонятно как бы жил, затянись разборки между ветвями власти.

А что же стрельба, бои, вывоз трупов на грузовиках? Банда Эльцина расстреливает отважных русских коммунаров? Верил я в это? Думал ли об этом? Задевало это меня? Нет… Да и страну это, насколько я заметил и запомнил, это не сильно волновало. Гражданская война как-то не началась тогда. Я предлагаю такое объяснение: революции надоели широкой публике. Перебор получился. А давайте все бросим и побежим на баррикады! Ага, щас! А какого такого хрена? Тем более что мы уже усвоили Бисмарка: революции совершают герои (мы), а плодами их пользуются проходимцы (они).

Скучно, взросло, солидно. Слово «взросло» тут, может, ключевое. Как сейчас помню, перед началом восстания, накануне, я по пути в офис завез жену с дочкой в кукольный театр на Бауманской. Новости по пути слушал краем уха, и в воздухе что-то такое уже летало. И я им сказал, они и сейчас помнят: «Вы это, после спектакля никуда не ходите, дуйте сразу домой. Мало ли чего». То есть я не отвез их сразу домой, но и не отнесся к ситуации легкомысленно. Что-то среднее. И вот сейчас я думаю: я уж был отцом семейства! Какие ж тут революции? На кой они? Наверно, это принципиально. Не зря же революционеры – такие молодые, восторженные, бесстрашные – лезут в пекло. Они себя ведут как бездетные. Они часто такие и есть. И потому чего их слушать? Пустое занятие. Их надо призвать к порядку, и все тут.

Еще помню одну картинку, которая тоже упала на ту чашу весов. Я помню 9 мая – то ли того же 93-го года, то ли 92-го. Время к обеду. Я стою у «Метрополя» и с сильным чувством смотрю на колонну демонстрантов, которая заняла всю Тверскую, по всей ширине, и, зловеще сверкая красными флагами и такими же транспарантами, идет вниз, на меня, – и, чуть не упершись, как-то нехотя, преодолевая инерцию, сворачивает к Большому театру. Эти красные флаги в таком количестве в руках у таких сосредоточенных нервных людей я рассматривал без всякого удовольствия. Я подумал тогда, что вся перестройка, весь русский капитализм только и действительны внутри МКАД, а все, что дальше, – это очень и очень условно. Страна если и замечает, думал я тогда, капитализм, то ничего хорошего о нем не думает. И в такой ситуации вдруг и внутри Садового кольца собрались – чужие, сильные, построенные в колонны люди. Довольно легко было мне представить, что где-то за углом им раздадут винтовки и пойдут они громить все вокруг, крушить режим. И дальше что?

Или даже не так. Еще проще и реалистичней: банальная лимонка взрывается вдруг в этой краснознаменной толпе. Дальше – крики, паника, раздавленные люди и так далее. И опять пошло-поехало. Да и 91-й год не забылся. Те танки, которые были присланы в мирную, наивную еще Москву. Они немного вправили нам мозги. Мы немножко ощутили, какие силы бродят, скрыты и могут вырваться наружу. Мы тогда еще мерили все такими грузовиками, с тентом, под которым сидели бойцы-первогодки, никак не готовые стрелять в людей. А кто-то уже выводил на позиции танковые полки… Ну а что, русский бунт – это бренд раскрученный. За что бунтуют, против кого – это вопрос третий. Тут по-любому – шутки в сторону.

Когда «свой» бунт, за свои идеалы – страшен, то что говорить про чужой? Про красный, про левый, про коммунистический?

Нечего тут и говорить. Бунт этот – подавить без разговоров, и все.

Итак, деталь еще сюда же. Бунт под управлением таких нерасторопных менеджеров, как Хасбулатов и Руцкой, – это еще та была бы акция. У них бы точно вся ситуация вырвалась из-под контроля, и понесло б нас с разгону на камни. Революция под управлением сбитого летчика – это слишком уж экстремальный спорт.

Эту ситуацию октября 93-го я как-то обсуждал с опытным зэком Валерием Абрамкиным, видным диссидентом. И вот он что сказал про те дни: «У меня было похожее настроение, когда в зоне начался беспредел, когда в зону вот-вот введут внутренние войска…»

Понимаете? Не важно, по какому поводу зона восстала. Да хоть на почве самой высокой справедливости. Все равно нет другого выхода – только войска вводить. И мочить зачинщиков. Когда это однажды не было сделано, после четыре года вся страна, вместо того чтоб ходить на работу и воспитывать детей, бегала с ружьем и толку ни от кого добиться было невозможно.

Помню, в том октябре я таки поучаствовал в создании «летописи революции». В Белом доме в самые горячие дни была корреспондент «Коммерсанта» Вероника Куцылло. И вот, когда все там кончилось, она приехала в редакцию. Причем в состоянии страшно возбужденном, еще бы – как же иначе, если по тебе палили из танковых пушек! Приезжает она, значит, и ей поручают быстренько в номер дать 100 строк. Не просто вдохновенно что-то продекларировать, а осветить новость, причем срочно, уже близился дедлайн. Это ж производство, график, дисциплина, штрафные санкции, договоры с распространителями, с почтой, с типографией, с автохозяйством – все как у взрослых. Вероника возмутилась: у нее революция, люди там погибли, ветви власти гнулись и трещали, а к ней тут с прозой жизни – да кто вы такие, тыловые, типа, крысы! Это было просто картинное столкновение – с одной стороны, революционный пафос и блатная повстанческая романтика, а с другой – капиталистическая экономика, в которой все завязано на деньги. В том числе и на зарплату неистового репортера Куцылло. И вот меня к ней приставили, чтоб я ей оказал моральную и техническую поддержку. Чтоб заметка была написана как положено, причем немедленно. И я провел в жизнь ту точку зрения, что твои политические симпатии – твое личное дело, а если ты подрядился делать работу, так сделай ее. В революцию все развивается по противоположной схеме. В общем, в итоге заметка про восстание была поставлена в ближайший номер. И вышел он без задержки. А Вероника после сделала про этот путч книжку, и Яковлев ее издал.

– Мой друг Игорь Футымский, физик и философ, выдвинул теорию. Теория такая. Если начинается бунт и его слишком мягкими средствами пытаться подавить, то не будет эффекта. А если слишком жестокими, то опять будет слишком серьезное кровопускание, гражданская война, выведение экономики из строя… А нужно именно найти оптимальный вариант… Одного человека убить – мало. Сто – много. А надо десять – двадцать, причем не в подвалах из пистолета, а каким-то серьезным оружием. И тогда волна сбивается, бунт прекращается и снова идет нормальная жизнь. В новейшее время это нам продемонстрировал

Пиночет – когда он убил Альенде и с ним десяток бунтовщиков. Убил ракетой, выпущенной с боевого самолета. У нас Борис Николаич в октябре 93-го использовал ровно ту же методику. Он из танковых пушек велел пальнуть, и бунт сразу пошел на убыль. Все успокоились.

– Ну, это не Пиночет изобрел, я думаю, это значительно раньше изобрели. Но громкое, публичное, жестокое проявление непреклонности власти сразу, в начале бунта, когда власть видит, что в случае проигрыша пощады не будет, а вероятность проигрыша достаточно высока, – значительную часть бунтовщиков приводит в себя. И кстати, вот эту непреклонность в различных видах демонстрировал еще Николай Палыч, государь-император, «непреклонность» – это было любимое его слово. В его время бунтов было много. И твой любимый Астольф де Кюстин в 39-м году находился в Российской империи как раз в царствование Николай Палыча. А как император польский мятеж подавил? А как венгерский подавил? Не говоря уже обо всех этих бунтах, которые были по всей России. Вот этой самой непреклонностью подавил. Пушкин об этом писал в «Дубровском». Финал, когда солдаты пришли – и деревню расстреляли. Крестьяне же там в разбойники подались во главе с Дубровским-младшим. Прислали полроты солдат – и пи…дец, всю деревню расстреляли.

– Если бы Ленина пораньше застрелили… Проявили б к нему непреклонность…

– Не-е-ет.

– Как-то тоже бы сгладилось.

– Нет. Нет. С Лениным ситуация была более сложная, там стрелять некому было – вот что.

– Ладно, спецназ какой-то оставался.

– Корниловский мятеж был летом еще при Керенском, он пошел на Питер – но остановился под Гатчиной.

– Но ты помнишь, как в «Поднятой целине» или в «Тихом Доне» кто-то говорит, кулак какой-то: «А правда, что в 1903 году большевиков было двадцать человек?» Ему отвечают – да, правда. Он говорит: «Вот бы тогда их перестрелять всех…»

– Ха-ха!

– А я никакого не видел путча в том октябре, потому что в это время запускался журнал новый – «Домовой». А журнал когда запускается, то нет ни денег, ни людей. Надо и самому все писать, и за другими переписывать. Ты будешь смеяться – иногда ночевали даже в редакции. В таких случаях часто акции обещают. Но, как правило, кидают.

– Короче, ты путча не помнишь. Тогда рассказывай про

«Домовой».

– Так я тебе и рассказываю. Я в курсе, что идет путч. А сам сижу в редакции. И пишу, как пить шампанское, чем хорош Париж… Какие «мерсы» новые поступили. А на улицах какая-то стрельба… Я прихожу к Яковлеву, говорю: «Слушай, чего там вообще такое? Давай, может, я съезжу на путч, чего-то напишу, а?» А он говорит: «Не отвлекайся, нам надо срочно сдать номер. Путч через три дня закончится, и только зря пролазишь по баррикадам, сорвешь выпуск журнала, и все». И я, значит, вернулся к компьютеру и стал дальше сочинять про сладкую жизнь. А сразу же по окончании путча поехал в командировку в Париж. В журнале «Домовой» была рубрика «Тусовка», где раз в месяц должен быть репортаж с какого-то события международного. Я, собственно, под это и пошел в «Домовой».

Комментарий Свинаренко

В один прекрасный летний день 1993 года Володя Яковлев, основатель «Коммерсанта», сказал мне озабоченно, что ищет человека для нового проекта – чтоб тот ездил по всему миру и писал заметки о разных забавных событиях.

– Ну так вот он я! – говорю.

– Куда тебе? Писать ты, ладно, умеешь. И фотографируешь… Права есть у тебя?

– Только что получил.

– Это хорошо… Но языков-то не знаешь!

– С чего это ты взял, что не знаю?

– Да откуда ж тебе их знать? Ты с Макеевки, спецшкол не кончал…

– Fuck you! – сказал я и грязно выругался.

– Гм, – буркнул он.

Мы обменялись еще парой реплик по-английски…

– Ах да! – спохватился он. – Ты же, точно, еще и немецкий знаешь!

Немецким я его в свое время достал. В начале 90-х, когда я работал на немецкие газеты, в редакции был только один телефон с выходом на международную линию – и всего один факс. Этот аппарат стоял в приемной Яковлева, я звонил оттуда и, поскольку связь в те годы была паршивая, долго еще орал, переспрашивая, читается ли факс. На мой ор выходил из своего кабинета Яковлев и возмущался – как я смею с его телефона звонить немцам! Евреи иногда слишком чувствительны ко всему, что связано с Германией. Но мне таки удалось его убедить, что,

раз другого пригодного для моих задач аппарата в редакции нет, я вправе пользоваться командирским.

Когда мы разобрались с языками германской группы, я сообщил руководству, что у меня еще и кое-какие романские языки есть в запасе, так что скорей про Яковлева можно сказать, что он не знает языков, чем про меня. Несмотря на эту мою неполиткорректную реплику, вопрос был как будто совсем уже решен в мою пользу – и тут Яковлев вдруг обратил внимание на мою стальную нержавеющую улыбку: у меня с десяток зубов были накрыты железными коронками.

– Пора тебе нормальные зубы вставить, – сказал он.

– Знаешь что? Мои зубы – это мое личное дело. – Железные коронки меня вполне устраивали, а чужое вмешательство в мои дела – нет.

– Согласен, это твое личное дело. Но тогда и мое личное – решать, кого я назначу главным путешественником.

– Да ладно! – миролюбиво сказал я. – Ну что ты сразу горячишься! Да поставлю я зубы, подумаешь…

Я продал свой «Москвич» 41-й модели и на вырученные 2 тысячи долларов таки обзавелся белыми нерусскими зубами.

И в итоге этим счастливым парнем, которому пришлось мотаться по разным континентам в силу производственной необходимости, оказался я.

Иду, бывало, по коммерсантовским коридорам – загорелый, усталый – jet lag ведь – с тремя загранпаспортами, распухшими от наклеенных виз, и простые репортеры, бледные, сгорбленные над казенными компьютерами, недобро смотрят мне вслед. Иногда меня окликали и невесело пытались шутить:

– Ты к нам надолго? Проездом? Из Африки в Китай?

– Нет – из Штатов в Австралию, – честно отвечал я.

– Да… Когда я учился в школе, думал: «Вот надо работать журналистом – то есть ездить в Париж и Нью-Йорк „по делу срочно“, собирать там фактуру, фотографировать для глянцевых журналов…» Когда я, готовясь к этому, учил иностранные языки, знакомые говорили: «Ну ты дурак! Куда тебе в Париж?! С шахты-то? И без тебя полно желающих!»

– Скажи, а теперь, оглядываясь на пережитое, ты можешь сказать, что свои школьные амбиции – стать журналистом – ты удовлетворил полностью? В том виде, в каком они тогда были?

– В том – да.

– Теперь ты понимаешь, что это херня на постном масле?

– Вовсе нет. Это было очень забавно!

– Не, ну ты сейчас удовлетворен тем, чего достиг?

– Насчет удовлетворения – вопрос непростой. Но могу сказать, что к 93-му году я осуществил свои самые смелые планы – касательно журналистики.

– Журналист, который ездит по заграницам.

– В том числе и по заграницам. А не просто сидит гниет в редакции.

– И в колхозе «Стальное вымя»…

– Ну, типа. И не воюет с пьющими и трахающимися сотрудниками, когда все всё забыли и ничего не успели, когда личный состав грызет тебе спину и пьет твою кровь.

– А, я понял – репортер в том смысле, в котором поздний Юлиан Семенов описывал свое пребывание за границей. Да-да…

– Ну да. И бабки еще платят нормальные, как начальнику. Еще был советский фильм «Журналист» – черно-белый, помнишь?

– Да-да.

– А скорей даже образцом был, как я теперь понимаю, журналист из «Фантомаса». Мотался человек по Парижу, дружил с девушками, красиво обедал, гонялся за Фантомасом… И не сказать, чтоб он сильно дежурил по типографии и выковыривал шилом отлитую на линотипе строчку. Ловля Фантомаса или как минимум раздобывание о нем информации – это все было очень близко к моей службе в отделе преступности.

– А сейчас ты в следующую стадию перешел? Ты ведь уже издатель! Уже журналисты по твоим указаниям ездят в Париж!

– Ну, мне не в падлу и самому съездить в Париж. Зачем людей гонять, отрывать от их работы… Помню, меня как-то спросили там: «А вы часто в Париже бываете?» И я честно ответил: «Да вот в последний раз я тут был в прошлый уикенд».

– Мог бы уже кого-то и послать.

– Так по-французски ж никто не знает. Надо переводчика. А я во время этих поездок стал бойчее болтать по-французски. Не в «совершенстве», как некоторые любят говорить, но и не «со словарем». А так средне – с одной стороны безграмотно и примитивно, а с другой – бойко и убедительно. И еще с человеком-то надо фотографа посылать. Или съемку покупать. А так – я один. Чистая экономия! Я снимаю не гениально, но в целом приемлемо. Когда хуже, когда лучше. Хотя и не профессионал. А профи должен всегда выдавать качество «не ниже».

– Я тоже ведь снимаю. Помню, я снимал Бранденбургские ворота, когда только что сломали Стену… Рейхстаг там стоит…

– О! Давай устроим фотовыставку совместную! Двух писателей.

– Давай.

– Короче, к 93-му году я в части журналистской карьеры достиг всего.

– Не зря листал языковые самоучители. «Недаром мы гремели кандалами!»

– И что горько, сколько ж времени было потеряно в этом смысле! Я должен был бы, по-хорошему, поступив на первый курс, сразу начать работать в настоящей газете, а на лекции и вовсе не ходить. Как это случилось с моим бывшим стажером, а ныне звездой телеэкрана Глебом Пьяных (с которым у нас одно время был общий псевдоним Лев Свиных) – он вроде как учился на журфаке, женился там, а на самом деле сочинял заметки в режиме full time и получал за это зарплату как взрослый.

– Ну, у него жизнь другая – молодой парень.

– Та же ситуация была и с Мишей Михайлиным, который теперь главный редактор газеты «Газета» (далее gazeta.ru). А вот у меня, увы, все было иначе. В университет я поступил в 75-м, а настоящие газеты стали появляться только в 90-е. И вот эти пятнадцать лет для ремесла прошли практически впустую. Да… И вот в 93-м я приезжаю в Париж… В октябре, сразу после обстрела Белого дома… первый раз я там побывал тем же летом, кстати. А осенью поехал на FIAC – это ярмарка современного искусства. Ну, это в «Grand Palais», знаешь? Возле моста нашего Александра Третьего. На правом берегу.

– А правый – это где Лувр или где Орсэ?

– Где Лувр.

– А, такое здание в стиле модерн, со стеклянной крышей?

– Модерн? Скорее ампир.

– Ну, поздний ампир, ранний модерн.

– И вот мы приехали с фотографом. Из Москвы, со стрельбы, с битого стекла, там все на нервах, на измене, уже темно и слякотно… А у нас в Париже никакой тебе, понимаешь, стрельбы! Все так тихо, безмятежно… Светло, чисто, можно в белых замшевых туфлях по бульварам гулять…

– Каштаны жарят.

– Каштаны… Да… Десять франков кулек, свернутый из обрывка газетки «France soire»…

Комментарий Свинаренко

…помню совершенно сюрреалистический happening на тему Французской революции: огромная вытянутая толпа участников с транспарантами и флагами всяких оттенков красного ходила вокруг квартала в пяти минутах ходьбы от Триумфальной арки, выдвигая странное требование – чтоб рабочая неделя длилась четыре дня… При этом то и дело оглушительно взрывались мощные петарды. Я их услышал в номере своего отеля особенным ухом, которое – и недели не прошло после настоящей московской стрельбы октября 93-го – не успело еще отвыкнуть от серьезных звуков. Короткими перебежками я двинулся в сторону события. Да, думал я, что же французы – не люди? Чем они хуже нас? Отчего б и у них не случиться разногласиям между ветвями власти? Но это был не настоящий уличный бой, а простенький недорогой happening. Впрочем, его участники пытались меня убедить, что все у них взаправду, что они не артисты, а настоящие рабочие, которые на моих глазах буквально борются за свои права.

Это было более или менее убедительно – до тех пор, пока эти непонятные люди не вручили мне отпечатанный на великолепной бумаге текст песни, которую они как раз нестройным хором исполняли. Название ее было: «О-ле-ле – о-ля-ля», и дальше белым стихом: «Рабочий день чтоб был короче, тогда придется больше людей нанять, и, пожалуйста, нет проблемы занятости». Эта придурь у них настоящая, от рождения – или это режиссер перфоманса заставил их строить из себя идиотов? Простенькая эта пьеска вообще вполне достойна театра абсурда… Который, как часть современного искусства, вышел мести улицы шершавым языком плаката. Мне в этом парижском performance октября 93-го больше всего понравилось то, что стрельба была бутафорской.

– Фотограф Дима Азаров, кроме многочисленных премий, отличился еще чем? Он полетел с компанией «Longines» в рекламный тур по русскому Крайнему Северу. И там их вертолет упал. Живых осталось только двое – Дима этот и Ольга Утешева. Это во льдах, в снегу. Дима все начал снимать… Потом их нашли. Ольгу повезли в Москву и вылечили, у нее было множество переломов. А Азаров был с виду цел и невредим, но получил психотравму и ему дали отпуск. И возили ему с работы домой водку с закуской, чтоб он отдохнул и пришел в себя. И он пришел. И снова стал работать. Блестящий вообще фотограф. И вот однажды в шесть утра в Париже он стучит ко мне. Я впускаю его и ложусь дальше спать, но он закуривает, включает ТВ и начинает смотреть порнуху. Я спрашиваю – а чего ты в своем

номере не хочешь покурить? Он отвечает – не могу, там пришла какая-то негритянка, ей надо уборку провести. А ты почему ее не послал на хуй? Ну как, она же работает… Уважайте, типа, труд уборщицы. Ты такое видел?

– Ха-ха-ха! Ну, это только поначалу такое было, пролетарская солидарность. Да и она хороша – пришла в шесть утра.

– Отель, как сейчас помню, был «Flaubert», 80 долларов за ночь. В каком-то переулке возле Арки.

– Ну вот это и есть те самые отели. Там горничные немного подрабатывают.

– А почему ко мне не стучали?

– Ну, ты выглядел солидней.

– Может быть. Короче, слетал я туда. А после – на Хеллоуин, в Нью-Йорк.

Комментарий Свинаренко

…несколько дней до праздника, а еще пуще в сам Halloween, Greenage вот так по вечерам гуляет – несколько интенсивней обычного. За жутко всерьез отнесшимся к торжеству Jekill amp;Hide следуют заведения, обращающие на Halloween несколько меньше внимания – но им не пренебрегающие. Бары, кафе, закусочные – везде тыквы, везде про смерть, разложение и нечистую силу, везде пьяное веселье. Но тут нужна некоторая бдительность. Вот, к примеру, на углу с Leroy Street – вниз по 7-th Avenue – гостеприимно раскрыта дверь некоего «Universal Grill», а на входе пьяненький официант, как бы в шутку одевшийся в дамское платье. Соблюдайте осторожность, а то примут за своего: внутри за столиками сидят по двое ласковые расслабленные мужики и вор куют.

Едва ли не единственное заведение общепита, которое обошлось без праздничной символики, – испанский ресторан, куда я случайно заглянул. Там можно спокойно поужинать омаром с текилой за столиком у скромной белой стены, среди строго выкрашенной в серое мебели.

– А что ж у вас нет Halloween? – спрашиваю.

– Да мы, католики, этого не любим, – ответил сдержанно метрдотель.

Не только католики! И другие конфессии не любят. Перед Halloween американская газета «Православная Русь» напоминает верующим, что «Хеллоувинъ уходит своими корнями въ языческое прошлое и продолжает являться формой идолопоклонства, въ которомъ воздается поклоненіе Сатане какъ ангелу смерти». Газета призывает христиан: «Учите своих детей. Расскажите им о

корнях языческаго, сатанинскаго праздника Хеллоувинъ». И призывает бойкотировать бесовщину: «Если нужно, пусть не идутъ в школу, дабы не участвовать в приготовленияхъ к этому празднику». Вместо свечек в тыквах редакция советует лучше «возжигать лампады Спасителю, Пресвятой Богородице и всем святым». К примеру, Иоанну Кронштадтскому, который поминается церковью как раз в тот же самый день.

Действительно, Halloween происходит от древних кельтских обрядов. Кельты полагали, что жизнь рождается из смерти. Повелителем последней считался их местный бог Самхайн. Его праздник как раз и отмечался в ночь с 31 октября на 1 ноября. Время выбрано удачно: как раз начинались холода, кругом темнота, грязь, мерзость, так что настроение не очень жизнерадостное. Заодно уж кельты отмечали и Новый год – может, из экономии, чтоб два раза не садиться за стол.

Сегодняшние американцы почти в точности соблюдают кельтские обряды, едва ли себе в том отдавая отчет. Вот американский Jack O'Lantern – тыква со свечкой внутри. В таких тыквах древние разносили по домам огонь из священного костра, на котором сжигались животные – а случалось, и люди, – приносимые в жертву Самхайну. Вот переодевания в покойников: тот же Самхайн на праздник выпускал души мертвых на волю. Выклянчивание конфет: эти мертвые души были почему-то всегда голодные и в увольнении стремились отъесться. «Trick or treat!» – восклицают колядующие американские дети. Забавный вариант перевода: «Пакость или подарок!» (Просто рэкет!) Кельты подавали, опасаясь проклятия мертвецов и конфликтов с Самхайном.

Отцам церкви такая языческая чертовщина совершенно не нравилась. В качестве контрмеры на 1 ноября был назначен День Всех Святых. Канун этого праздника на староанглийском назывался «All Hallow Even» – отсюда и произошло название маскарада. Боролись долго и упорно – но вот в Америке как-то без успеха.

А вот русский аналог Halloween исчез, кажется, бесследно. Кто у нас отмечает сейчас Навий день? Кто знает, что такое по-старославянски вообще «нав» (мертвец)? Все, что от забытого языческого праздника осталось, – это поминовение усопших во вторник Фоминой седмицы, перед Пасхой. Да и Вальпургиева ночь – когда собиралась на шабаш нечистая сила – в России тоже как-то сходит на нет: Первое мая становится, кажется, менее популярным. Правда, Масленица да Иван Купала живы пока.

Заехав ностальгически на Brighton Beach – по Бруклинскому мосту, который своим пыльным железом так напоминает

уложенную набок Эйфелеву башню, – посмотреть на законсервированную советскую эпоху: гнутые плексигласовые прилавки в магазинах, шпроты по рубль тридцать (правда, долларов), конфеты «Мишка» и «Красная ШаРочка» (для последних букву «пэ» взяли из латинского алфавита), совершенно цековскую селедку-залом и лучшие домашние пельмени в кафе-пельменной «Каппучино», – я застал и там Halloween, ранее одесским евреям совершенно не присущий.

Сцена в пельменной. Девочка лет двенадцати в костюме черной кошки, с пластмассовой тыквой (внутри – конфеты, выданные на party), прибежала сюда к сидящему за столиком папе:

– Daddy, ну можно я тут еще похожу на этом блоке, я еще хочу пособирать candies! Ну please…

– Иди… – отвечал кудрявый задумчивый папа, отрываясь от «Martell» и видеоконцерта Пугачевой.

Папу зовут Эдик Смолов, он слесарь по ремонту фотоаппаратов. «Ага, – осенило меня, – дочка его вовсе не daddy называет, а Эдди!» Свою дочку он назвал Michele. Ее подружку в костюме хиппи зовут Daniela Zhitomirsky. Девочки вскоре снова прибежали и высыпают Эдику на стол собранные конфеты, запыхавшись: это азартное занятие – охотиться за трофеями! Впрочем, колядование на этом прекращается: папу надо вести домой, пить он больше уже не может, ну и нечего зря сидеть.

– Прилетел я, значит, 2 ноября с Хеллоуина, из Нью-Йорка, а 4-го уже вылетел в Австралию, на «Формулу-1». Так, только чемоданы поменял, заметку сдал – и снова в путь. Нелегкая журналистская судьба.

– Ты еще покойничка Сенну видел.

– Да. Разговаривал с ним.

– Так вот это и было главное событие года у тебя! Интервью взял у чемпиона мира!

– Взял, но не очень длинное. Он тогда с телкой со своей был, ее звали Адриана. Видная девица. Где она теперь, кто ей целует пальцы? Надо сказать, что сам он был не очень обаятельный. Не так чтоб слишком симпатичный. Он все время кому-то ебало разбивал.

– И сам разбился вдребезги. Всмятку.

– Такая, сука, у них жизнь… А Шумахер – он не такой был артистичный. Скучноватый. Он тогда совсем был молодой. Только начал надежды подавать. И еще Хяккинен был такой. На самом деле «Формула-1» – это очень скучно. Другое дело – походить по Австралии.

Комментарий Свинаренко
Яркий был парень – Сенна

Ссора двух великих гонщиков – Сенны и Проста – проходила как будто по грамотно, но незатейливо сочиненному сценарию. Вот два персонажа, олицетворяющие две крайности. Прост – компактен и хрупок, Сенна – высок и мощен. Первый – обаятелен и улыбчив, второй – высокомерен и подчеркивает свою цену. Один интеллигентен и вежлив, другой – вспыльчив и дерзок. Они то ссорятся, то мирятся и по очереди побеждают и проигрывают. Впрочем, может, именно этот заранее написанный сценарий и разыгрывался – эта отрасль шоу-бизнеса ничем не хуже других, и рекламная кампания тут слишком ответственное дело, чтоб пускать драматургию на самотек: сюжет надобно поддерживать в напряжении.

Фабулу украшают и причудливые повороты: подразумевалось, что с уходом Проста его место в команде займет именно Сенна и молодежь как бы продолжит дело ветеранов. А Профессор (кличка Проста), будучи спрошен: «А возьмете ли вы к себе в команду, если таковую купите, Сенну?» – ответил: «Отчего ж не взять – он хороший гонщик, а я человек прагматичный». Что касается вопроса о такой важной покупке, как целая команда, то Прост на него отвечал так: «Вот именно сейчас, в данный момент, я такую покупку делать не намерен».

Если так, то образ Сенны (злой гений) прописан довольно тщательно. Он протаранил не только Проста, но и Манселла – год назад здесь же, в Аделаиде. Манселл был убежден в злом умысле и всем рассказывал, что это явный сознательный таран: «Я еще на первых кругах заметил: он как бы дает мне понять, что готов стать камикадзе. Он это сделал намеренно – Сенна не тот человек, чтоб сделать такое по ошибке». Манселл был вне себя (это же была его последняя гонка на Formula) и требовал крови: «Почему Сенну не наказали за нарушение?» И за это обзывал аделаидских организаторов «жалкими трусами».

Живописной была ссора Сенны с Деймоном Хиллом, потомственным гонщиком (его папа Graham был когда-то чемпионом Formula). Сенна требовал, чтоб более молодой и менее заслуженный коллега был на треке почтительней. Хилл, однако, дерзко ответил, что будет гоняться так, как считает нужным. Сенна от него отстал.

По-другому обошелся Сенна с еще менее заслуженным товарищем – Эдди Ирвином. На японском этапе Сенне показалось, что юноша совершает слишком рискованные маневры. После финиша горячий бразилец подбежал к Эдди и ударил его кулаком

по физиономии. Ну и манеры! Сенна позже – в Аделаиде – публично каялся (на пресс-конференциях) и утверждал, что вообще не любит скандалов.

FIA этой дракой заинтересовалось и объявило через газеты, что вызывает Сенну в Париж на ковер: он будет держать ответ за мордобой. Общественность в Аделаиде гадала, какое ему будет наказание: очки набранные спишут, деньгами возьмут или отлучат от одного-двух этапов на следующий год? Сенну эта новость сильно расстроила. И когда на очередной пресс-конференции ему про досадный случай напомнили, он взорвался – опять. Бить никого на этот раз не бил, но матом ругался. Сквернословил он в адрес отдельных гонщиков, которые даже одной fucking (так и сказал) гонки выиграть не могут, а туда же, – намекая, видимо, на побитого коллегу. Журналисты были страшно довольны: вот сильно сказал парень!

Прост, бывало, задушевно рассказывал мне:

– Люблю австралийскую природу и людей здешних тоже. Что буду делать через десять, скажем, лет? Ну не знаю, не знаю. И знать не желаю. В том смысле, что я не люблю загадывать наперед. Есть некоторые проекты, но пока не хочу принимать решение. Надо провести гонку, потом отдохнуть, расслабиться, поразмышлять о жизни, ну а тогда и решать. Пока же план такой: уделить больше времени семье.

Да все и так знают, что он примерный семьянин (жена Anne-Marie, двое детей). А Сенна, его заклятый противник, живет в грехе со своей шикарной girlfriend, заметьте. Прямо художественный фильм наяву.

Заключительные кадры этого трогательного сюжета: Сенна обогнал Проста на девять секунд и выиграл Grand Prix. Прост, однако, оставил при себе титул чемпиона года. Сенна великодушно обливает соперника шампанским «Моёт» из ведерной бутылки, основную часть содержимого вылив, однако, себе на голову.

Вроде бы победила дружба. В следующих сериях Сенна, видимо, должен исправиться и стать положительным героем. Он перестанет драться, ругаться матом, женится на своей Адриане и станет примерным отцом нескольких ангелочков (мы уже распознаем либретто мыльной оперы, и легко догадаться, какая роль достанется красавцу исполнителю, кстати сказать, бразильцу). И как это странно, что все заранее знали: Сенна победит в Аделаиде! И те, кто болел за Проста и сладко переживал за любимца, – тоже знали.

А потом Сенна разбился.

…Из всех городских parties, которые не прерывались в

течение гонок, мне больше понравилась non-stop гулянка у капиталиста-электронщика Джона Уайтинга (мы с ним познакомились, выпивая в «La Trattoria»): она продолжалась четыре дня и проходила на свежем воздухе, в самой интересной точке Аделаиды. А именно – в павильоне на треке.

Такой четырехдневный марафон Уайтинг проводит каждый год с 1984-го – с первого австралийского Grand Prix. Арендует клочок территории над треком, строит там павильон, завозит мебель и холодильники, выпивку и закуску и устраивает себе и своим компаньонам маленький отпуск. Все приглашают друзей, и компания собирается человек в сто, которая, с одной стороны, смотрит все гонки (болиды проносятся под павильоном, и еще можно с ТВ сверяться), а с другой стороны, самым приятным образом проводит время.

– Люблю Formula-1, – признается со счастливой улыбкой Уайтинг. – Это как карнавал! Но только не надо писать про мое party: не хочу, чтобы моя страна выглядела в глазах иностранцев плохо.

Мне, однако, удалось его убедить: мало плохого в том, чтобы пить шампанское, плясать и наблюдать за гонками. Напротив, даже очень многие позавидуют.

Уайтинг рассказал, что такие каникулы обходятся ему каждый год тысяч в 90 американских долларов (это с выпивкой и закуской на 400 человекодней), но денег ему на такое замечательное развлечение не жалко.

Одним из самых почетных гостей гонок был старый битл Джордж Харрисон, знаменитый любитель privacy. Он прятался от публики в «Hilton», почему-то не в люксе, но в обыкновенном двухместном номере. Свое уединение он нарушал редко: посмотрел заезд, а еще сделал круг по треку на «McLaren F1 Experimental Prototype-5» (пассажирский автомобиль в стилистике «Ferrari», только покруче). Сильно постаревший со времени своих австралийских гастролей 1964 года, но по-прежнему в джинсах и простецких парусиновых туфлях, он залез внутрь этого темно-зеленого экспериментального красавца и помчался. А после, когда вылез из машины, задумчиво сказал в пространство:

– Может быть, я бы и взял себе такую… если б скидку дали (с цены в 2,4 млн австралийских долларов). Хорошая машина, хотя… я к этому как-то остыл. Это в шестидесятые у меня был «Ferrari», я гонял как маньяк, а сейчас… – И еще про шестидесятые, тоже ностальгически: – Иногда мне так не хватает Джона…

Теперь они там, наверное, вместе.

– Помнишь, мы как-то сидели в кабаке, и вдруг туда приехал журналист N.?

– А, который порножурнал выпускал?

– Ну, типа.

– Он еще хороший комментарий про Волочкову написал.

– Когда-то он у меня в отделе работал. И вот он в 93-м лежал помирал. У меня много записей в ежедневнике про него. Типа, завезти ему некий реополиглюкин, бананов или там пива. Он исхудал вдвое, зеленый был, синий…

– Ха-ха-ха!

– Чего ты ржешь?

– Я вспомнил, как он Волочкову сравнивал с Глубокой Глоткой.

– А… Ну вот… Он собрался помирать – вызвал семью из дальней провинции в Москву, чтоб попрощаться с детьми. Окрестился. И так он лежит, помирает… Неделю лежит, месяц, другой… И никак не помирает, а вместо этого посвежел так, пачку наел… И он уже не изможденный, а румяный.

– Раблезианского типа.

– Ожил. Ну и слава Богу…

– И еще суды – важная тема. Я заметил в 93-м году, что больше времени трачу на разборки по уже вышедшим заметкам, чем на организацию производства новых. Все стали подавать в суд – отдел преступности, ну что хорошего он может написать про людей? Это ж не отдел культуры какой-нибудь там… Я искал адвокатов, они работали, после сбегали, я новых искал. Один известный адвокат мне, помню, предлагал денег – чтоб я ему поддался и проиграл дело. И чтоб он еще больше прославился. Он мне предлагал денег в размере суммы иска, чтоб я сдался и их выплатил. Я его в шутку спрашиваю: «А как же я буду расплачиваться?» Он оживился: «Ничего, придумаем, как отрабатывать!» То есть он из меня хотел сделать дурака, и чтоб я ему еще был должен. Вот настоящий лойер!

– А я, надо сказать, ни одного иска не проиграл. Один, самый тяжелый, тянул, тянул… Оспаривал решения… Его потом уже после меня продули. Когда Пьяных командовал преступностью. Но по крайней мере за счет инфляции это с 2 тысяч долларов до 500 упало.

– А Пьяныху сколько лет?

– Он нас лет на десять моложе. Он на первом курсе стал понимать то, к чему мы на четвертом десятке стали подходить. Как нас подъелдыкнул в предисловии к первому тому Парфен, жизнь потрачена на постижение того, что

должно быть понятно в самом начале… Хорошая формула! Красивая.

– Во всей этой подколке, с которой я в принципе согласен, мне не понравилось то, что у Парфена как бы была другая жизнь. Как будто то, что мы изучили в результате жизни, он знал с самого рождения. Это он в Череповце узнал, наверное?

– Ты знаешь, может, он и прав. Он с самого начала там, в Череповце, взялся за попсу, он же не про Моцарта писал. Сразу чисто на рынок начал работать. Он какой-то очень взрослый. Серьезный такой.

– А потом все равно пришел к Российской империи. И к Пушкину. Так что какая разница? От перемены мест слагаемых сумма не меняется. И пришел к тому же, к чему мы. Причем в том же возрасте и в то же время.

– Мне все-таки кажется, что он более трезвый человек, чем мы.

– А трезвость, она чем меряется? Километрами? Литрами? Деньгами? Чем?

– Ну… Жесткой прагматичностью. Он какой-то очень немецкий. Ты против него так просто совсем русский.

– Я наполовину русский…

– А он против тебя – ну чистый немец.

– Нет, он способен на нерациональные поступки. Вот взять хоть довольно теплое интервью с Ахмедом Закаевым. (*Это было задолго до скандала с убийством Яндарбиева.* – Ред.) Что, оно ему – в плюс?

– В плюс. Это просто профессионализм – показать то, чего не покажут другие.

– Но можно отгрести взысканий вплоть до потери места.

– Да ну, с Леней, мне кажется, можно договориться.

– А зачем ему создавать почву для того, чтоб с ним начали разговаривать?

– Вот когда была разборка с НТВ, все бегали, митинговали, а Леня спокойно себя вел.

– Да многие так! А Таня Миткова – что, тоже немка?

– Ну, может, и не немка, но у нее же муж чекист. Думаю, он ей разъяснил тогда «политику партии». Ну вот откуда это Совок опять всплывает? Давненько я таких терминов не употреблял даже в шутку. Хотя, конечно, я их только в шутку и употреблял. В злую, недобрую шутку.

– Ну и что, что чекист? А рейтинги-то зашкаливают.

– Молодец. У нее такое лицо… Она так хлопает ресницами…

– И хорошие новости делает.

– Это уже не так важно. Мне кажется, мужикам на нее приятно просто смотреть, этого достаточно. Новости – это не так важно. Главное – это ее лицо, глаза, взгляд. А еще в 93-м начался Сурков. Специалист по PR, он у меня так в календаре был записан. Телефон его тогда был, пожалуйста, 955-69-31.

– А чего он от тебя хотел?

– Да не помню я. Я не уверен, что вообще с ним разговаривал. Так, записал зачем-то. Тогда было огромное количество пиарщиков! Вот я это сказал и понял, сообразил, что они были как-то очень друг на друга похожи. Росточка небольшого, в костюмах, с галстучками, подтянутые такие, улыбаются вежливо и холодно… И я ловлю себя на мысли, что даю типичный портрет чекиста… То ли пиарщики были из чекистов – что, кстати, было бы логично, – то ли это просто одна порода людей, что-то такое комсомольское, циничное, готовое на все… Еще я в 93-м получил права. Пробок тогда не было…

– А мне казалось, что были.

– Это тогда могло казаться, что были. Но сейчас-то мы понимаем, что не было их! А мы этого не ценили. Страшно подумать – что ж дальше будет, если такими темпами?… И еще: я купил множество собраний сочинений. Диккенс, Мопассан. Все появилось в магазинах! Бэушные такие собрания. Почему-то казалось, что это редкий шанс и надо им воспользоваться. А то после опять настанет книжный дефицит… Это очень важная деталь! Похоже, НЭП мне казался временным отступлением, я в глубине души не рассчитывал, что капитализм – это всерьез и надолго. Я это, похоже, считал передышкой – и пытался использовать ее, чтоб запастись каким-то добром на будущее…

Бутылка тринадцатая. 1994

Тема года – приватизация. По поводу которой соавторы устроили жесткую полемику. Свинаренко требует реституции, без которой частная собственность, с его колокольни, священной никак не смотрится. Кох же уверяет, что честная реституция нигде, а тем более в России, невозможна, а частная собственность, несмотря на это, должна остаться неприкосновенной.

Авторы обсуждают начавшуюся чеченскую войну и спорят – можно сравнивать наших горцев с американскими индейцами или нет? Кох, используя в том числе и Талмуд, излагает свое понимание Чечни и чеченцев. Свинаренко дает свой взгляд на дело полковника Буданова: некрасиво с человеком поступили.

– Алик! Вот чем интересен 94-й год?

– Первое из важных для меня событий – это окончание чековой приватизации. 1 июля она завершилась. А в ноябре Чубайс ушел из Госкомимущества. Назначили Полеванова – протеже Коржакова, бывшего губернатора Амурской области. Довольно смешной тип. Он все пытался остановить приватизацию, говорил, что это разбазаривание – вот как сейчас это модно, так он десять лет назад говорил. Полеванов тогда волновался: «Ай-ай-ай, караул, национальная безопасность! Страдают ее интересы!» Я его тогда попросил дать определение национальной безопасности, а он не смог. Вот я сейчас в Америчке был, встречался, в том числе, со своей подругой Леной Теплицкой. Она живет в Вашингтоне, работает президентом Американско-российской промышленно-торговой палаты.

– Подруга в хорошем смысле слова?

– В хорошем! Я же с женой был; мы семьями дружим. Она мне рассказывала про новые звезды в конгрессе. Там у них теперь все

эти звезды – сплошь специалисты по национальной безопасности. Теперь это ух как модно. Дармоеды… И я сразу Полеванова вспомнил. А так как он доктор геологических наук, то и в золоте неплохо разбирался. Вот так десять лет назад у нас появился специалист по национальной безопасности, который так и не смог дать мне ее определение.

Комментарий Свинаренко
Солженицын о том же Полеванове

…Одна неожиданная петелька в ходе событий помогает нам узнать о них еще рельефней. Эта капризная петелька была: внезапное назначение в ноябре 1994 года амурского губернатора Владимира Полеванова, многолетнего колымского геолога, главою Комитета по управлению государственным имуществом. И ему открылись все бумаги, как это имущество за минувшие месяцы утекало и таяло. Как человек, преданный долгу и чести, В.П. Полеванов подал председателю правительства разоблачительную докладную записку 18 января 1995 о творящихся преступлениях. (Докладная эта теперь опубликована. Она вопиет фактами, цифрами, размерами преступлений, как велся общий развал народного хозяйства, например, как 51 % «Уралмаша» получает одно лицо, а другое покупает 210 млн акций «Газпрома» по десять обесцененных рублей за акцию, то есть даром. Автомобильный огромный лихачевский завод был «продан» в 250 раз дешевле его стоимости: вместо 1 млрд долларов – за 4 млн. Красноярский алюминиевый завод «продан» братьям Черным – в триста раз дешевле стоимости.) И каков же был результат ошеломительной докладной? Через три дня, 21 января 1995, Полеванов был уволен, чтобы «не мешал реформам Чубайса».

Комментарий Коха

Хитрая хохлацкая морда, чувствуя, что не вытянуть ему одному тему приватизации (особенно против меня), позвал себе в помощники Солжа. Ну не скотина? Знаете, как во дворе – ему накостыляли, а он старшего по звал. Западло… Ну да ладно. Не отступать же.

Комментарий Свинаренко

От немецкой хари слышу. Где это ты мне накостылял по приватизации? Что-то я такого не припомню. Нет бы спасибо

сказать, что я тебе выставляю в оппоненты человека заочного и к тому же в отличие от меня – деликатного. Солженицына Александра Исаича, которого мы в советском быту фамильярно называли просто Исаичем.

Продолжение комментария Коха

Читатель! Я сейчас не буду расписывать свой обещанный комментарий про приватизацию. Пусть Свин с Исаичем изложат все свои аргументы. Ты, пытливый мой друг, не обращай внимания на то, что поначалу будет казаться, что я проигрываю. Это я их так заманиваю. И вот когда уже, казалось бы, я сдался, вот тогда, ближе к концу главы, в конце приватизационной темы, я на все их аргументы и выложу свои контраргументы. Кутузовский стиль. Заранее скажу – тяжело. И Свин вредный, и Исаич уж больно мной уважаем… Ну да ничего – они первые напали. Так что держитесь!

– Я тебе могу объяснить насчет национальной без опасности.

– Давай.

– Ты не зря американцев вспомнил. Надо смотреть, что и как делается в Америке – а там все делается в интересах национальной безопасности, – и тогда все станет ясно. Ну вот есть международное право, ООН, договоры – прекрасно. Это железно – или может быть проигнорировано? Может. Это все отметается. В случаях, когда это противоречит интересам Америки.

– Ничего подобного. Ну кто формулирует интересы Америки?

– Вот еще Америка тебя не спросила, как ей понимать свою безопасность!

– Кто тот демиург, который это определяет? Кто?

– Я тебе объясняю. Вот приехали белые, перевешали и пожгли индейцев и забрали у них землю. Ибо это соответствует национальным интересам.

– Неправильно.

– Правильно.

– Сколько лет ты прожил в Америке?

– Год. И дальше что?

– И ты не удосужился усвоить простую вещь, что не белые снимали скальпы с индейцев, а наоборот. Этот обычай принадлежит индейцам. А не белым.

– А ты не помнишь, что правительство Соединенных Штатов объявило закупочные цены на скальпы индейцев?

– Ложь. Не было такого. Вот так! Сказки! Красная пропаганда!

– А Фенимор Купер это описывал.

– Купер это описывал тогда, когда британское правительство объявило. До Войны за независимость.

– А англичане – это, по-твоему, не белые. Белые не скальпировали, а только англичане. Алик! Здесь у нас не бизнес и не политика, так что можно расслабиться и дискутировать корректно. Оставим скальпы как частный случай. Давай глянем шире. Вот приплыли на парусниках белые в Америку. Высадились. Отчего было б им не пойти к команчам, не попросить у тех вид на жительство, не сдать экзамен на знание индейских законов – и языка. Сдали вы экзамен, пустили вас в страну – ну так и живите по их законам.

– Так и сделали! Так и сделали!

– Что – сделали?

– Я не собираюсь оправдывать белых поселенцев, но обращаю ваше внимание: Америка в войне с коренным населением отстаивала не интересы национальной безопасности. Не безопасность белого человека перед лицом краснокожего она отстаивала! А священный принцип частной собственности. И это не национальная безопасность, а международный принцип, который надо отстаивать. Везде.

– А вот и ни хера. Я изучал вопрос на месте… Белые приплыли тогда и спрашивают: можно нам тут жить?

– Нет, они спрашивали: можно мы у вас эту землю купим?

– Не так. Все дело в том, что такого понятия, как частная собственность, у индейцев не было! У них было такое понятие: хочешь – живи. Тем не менее белые настаивали, чтоб землю как-то на них оформили. Индейцы отвечали, что земля принадлежит Богу и потому ее нельзя продавать. Ну не было у людей понимания того, что такое частная собственность! Почему, Алик, ты так уверен, что двести лет назад неграмотные дикари в перьях лучшеразбирались в частной собственности, чем много позже – белые люди, практически европейцы, которые принципиально отказались признавать частную собственность, отняли ее и поделили произвольно всю по полной программе (начав в 1917 году)? Почему ты думаешь, что краснокожие племена способны были больше уважать частную собственность, чем сегодняшние граждане космической державы России, поголовно образованные и насмотревшиеся ТВ до тошноты? А? По мне, так ниоткуда не следует, что индейцы понимали происхождение семьи, частной собственности и государства.

Я считаю, что они ни хера не понимали – как сейчас русские этого не понимают.

– А, не понимали, говоришь, индейцы? Любимое объяснение. «Это не он виноват – это среда заела». Но я уверен, что у белых тут не было расизма. У них был принцип уважения к частной собственности. Если ее белый не уважал, то с ним тоже бы расправились. В тюрьму его, а если он и после отсидки не уймется, будет людей убивать – уничтожить его, будь он белый или индеец. В общем, не важно – индеец он или белый.

– Согласен, что не важно. Если человек в принципе мудак, то его не научишь, что такое частная собственность.

Комментарий Свинаренко

Вот отрывок из моей старой книжки про Америку, где я и индейский вопрос тоже обозрел. Это я записал со слов белого специалиста по индейскому вопросу.

«Поначалу, когда в Пенсильвании стали селиться квакеры, они у делаваров мирно покупали землю, и все были довольны. До тех пор, пока могикане и ирокезы, которые жили к северу от теперешней Москвы на Finger Lakes, не обвинили делаваров в распродаже родины. Могикане с ирокезами этих делаваров контролировали, или, говоря по-русски, „держали“.

И за продажу земли виновных депортировали: согнали делаваров с насиженных мест, переселив поближе к себе, чтоб легче было за ними присматривать. А вождя делаваров «опустили»: прилюдно накинули ему на голову одеяло и объявили, что он больше не мужчина и впредь будет считаться женщиной. Это было не что иное, как поражение в правах.

Вообще же индейцы землю обычно не продавали. Они просто пускали желающих пожить на свою территорию, а деньги за это брали чисто из уважения. Дает человек что-то, хочет тебя уважить, так неловко отказываться. Индейский взгляд на землю очень близок русским депутатам-коммунистам. Ни те ни другие не в силах понять, как это земля может быть частной собственностью. Любопытно, что и тех и других белые американцы называют красными. И к чему индейцев привело недопущение земли в рыночный товарооборот? Так и забрали у них землю за бесплатно. А бывшие ее владельцы неплохо устроились в резервациях.

– Вот ты мне скажи, Тед, – спокойна у тебя совесть? Как-то получается, что вы пришли и все у индейцев забрали, и как забрали, так после тут же изобрели права человека. Не до, заметь, а после… Нет бы вам сначала учредить эти права, а потом уж

вести с индейцами и их адвокатами переговоры. А?

– Нет, жульничества, думаю, там не было… А было столкновение двух культур, когда одна сторона не могла понять, чего хочет от нее другая. Индейцы и белые считали друг друга по меньшей мере странными.

Просто так получилось. Европейцы, когда покупали землю, считали, что она перешла в их собственность со всеми вытекающими последствиями. И никто чужой теперь не может на эту землю ступить. Иными словами, исходили из сложившегося и привычного им европейского понимания вопроса. А индейцы, даже взяв деньги за землю, продолжали ее считать ничьей.

…Они просто не понимали друг друга. Фермер, например, вырастил урожай. На поле приходят индейцы и рвут кукурузу – растения же ничьи, они всегда сами по себе росли. И еще индейцы забивают фермерскую ручную свинью – ведь звери, они специально созданы Богом для охоты, правильно? Фермер обижается на индейца так, как обиделся бы на белого за то же самое. И требует законной компенсации. Индеец смеется ему в лицо и обзывает полным идиотом. Тогда фермер убивает индейца. Другие индейцы приходят и убивают фермера и сжигают ферму. Соседские фермеры в священном гневе идут мстить индейцам и так далее. Столкновение культур!

А вот цитатки из Брокгауза и Ефрона, которые красной пропагандой вроде не занимались. «В союзной республике (наверно, имелись в виду США) в сношениях с индейцами пользовались системой трактатов, причем за известное вознаграждение деньгами или произведениями (ружья, одежда, амуниция). И уступали постепенно свои прежние территории, и уходили все дальше и дальше на Запад; таким образом, уже в начале текущего столетия они оказались загнанными за Миссисипи. Нарушения трактатов то той, то другой стороной вызывали частые войны – в последние десятилетия особенно в пределах Скалистых гор, что еще более способствовало уменьшению численности этой и так очень неплодовитой расы.

…Племя юте (утах), обыкновенно мирное, в 1879 году приняло участие в восстании против белых; быстрое заселение штата лишило их лучшей части их владений.

…Племя Nez Perces, одно из самых развитых в умственном и физическом отношениях, долго жило в мире с белыми. В 1875 году, когда у них отняли часть их удела, начались распри, два года спустя приведшие к войне. Недовольная часть племени, числом не более четырех или пяти сотен, в течение нескольких месяцев выдерживала нападения правительственных войск, пока наконец не удалось их взять в плен; они были поселены в особом

уделе территории индейцев.

…после открытия Америки потребовалось даже издать папскую буллу (1537), чтобы разрешить сомнение касательно того, можно ли вообще считать индейцев принадлежащими к человеческому роду. Более точные наблюдения новейших исследователей доказали, что в умственном отношении индеец действительно стоит ниже белого. Способность понимания у красной расы ограниченнее, и действие ее медленнее, воображение тупее, чувствительность к внешним впечатлениям менее развита; индеец живет только настоящим, а о будущем никогда не заботится. Так как понятие будущего недоступно его воображению, то он всегда равнодушно смотрит на приближение смерти и, будучи взят в плен, без ропота идет навстречу неизбежной участи. Этим же объясняются его леность и беззаботность. Точно так же его невоздержанность в дни изобилия, спокойствие, с которым он переносит лишения, его равнодушие к улучшению своего положения, к правам собственности и установленному гражданскому порядку коренятся в ограниченности его кругозора. Отношения между числами лишь с большим трудом даются пониманию индейца. Невысокая степень способности мышления обнаруживается также в туземных языках, которые от североамериканских озер до южной оконечности Патагонии принадлежат большею частью к одному и тому же типу. Они принадлежат к классу так называемых синтетических языков, в которых деятельность разума по установлению логической связи между отдельными словами только в слабой степени отражается на грамматических формах; отдельные понятия разбиты на множество поставленных рядом конкретных односложных слов – корней, которые в той или другой необработанной группировке и выражают высшее представление, но при этом часто являются неясности и двусмысленности: все это указывает на медленно работающий ум».

Последний абзац – к сугубому сведению тех, кто уверен: белые прям вовсю соблюдали договора с дикарями. Все, значит, бросили и начали соблюдать не вынимая.

– Так вот, отвечая на твой вопрос, продолжу объяснение, что такое национальная безопасность. Это когда НАТО расширили, хотя обещали этого не делать. И когда Ирак разгромили, чтоб изъять оружие массового поражения, – а нету такого оружия, и все, в общем, с самого начала знали, что нету… И англичанин, какой-то из натовских начальников, признался, что в Сербии не было никаких

массовых захоронений мирных албанцев. Что это было придумано, чтоб начать бомбардировку Югославии.

– Ты так и будешь один говорить? Ты обратил внимание, что во всех главах ты говоришь больше, чем я?

– Не обратил. Ну хочешь, говори больше. Ты вон комментарии иногда пишешь огроменные – ну так и пиши, если хочется. А я тут закончу коротким тезисом. Вот ты говоришь, что американцы не так плохи, ты их защищаешь. А не надо этого! Я ведь не говорю, что они не правы, что надо было иначе! У меня нет возражений против того, что белые захватили Америку и устроили на месте диких прерий богатую страну. Это все я говорил для того, чтобы по твоей просьбе объяснить, как я понимаю национальную безопасность. Вот и надо служить своему народу, действовать исключительно в его интересах и давить всех, кто возражает. А не щелкать каким-нибудь местом.

– Одно замечание. Все очень красиво ты про аборигенов рассказал. У них орлиные профили, они великолепно скачут на коне и стреляют из лука. Но ведь договора заключались с белыми поселенцами! До-го-вора. В которых все было вписано. Что земля покупалась. Что после этого ею нельзя пользоваться, и про посевы, и про скот, про все, про все. И платили за нее день-га-ми. Вожди племен эти деньги спокойнехонько брали и прекрасно знали, что записано в договоре. Потому что договор был в двух экземплярах, на английском и на языке индейцев, для которого специально англичане придумывали грамматику и письменность. Я своими глазами видел эти договора в Нью-Йорке, в Музее естественной истории! И комментарии к ним! Индейцы – это типичные чучмеки, которые когда надо – умные, а когда не надо – идиота включают. Или про старинные обычаи рассказывают. Понимаешь? Товарный обмен между племенами у них был? Был. Скотом, тканями, зерном они менялись? Менялись. Если взял плату за, ну я не знаю, ламу, то ее уже обратно использовать нельзя без разрешения нового хозяина? Нельзя. Понимал это индеец? Прекрасно понимал еще до прихода европейцев. А потом начинается объяснение – я вообще-то дурак и ничего не знал! А деньги? Какие деньги? Ах, вот эти? Так я их из уважения брал. Обычай такой! Чисто показания Мкртчяна в «Мимино».

Комментарий Коха

Кстати, по этому поводу есть интереснейшие исследования известного этнографа и историка Моргана, которые он проводил в середине XIX века, живя в индейском племени сиу. На

основании этих исследований Энгельс и написал знаменитую свою вещь «Возникновение семьи, частной собственности и государства». По-моему, это лучшее, что есть в марксистской литературе.

Энгельс, кстати, прямо на титульном листе честно и написал, что эта книга базируется на исследованиях Моргана. Так у Энгельса получается, что было у индейцев понятие частной собственности. Было. И поэтому все они прекрасно понимали, когда посевы топтали и чужую свинью ели. Так-то.

– Так вот, Алик, есть договоры или нет – это меня не волнует, тем более что на компьютере можно любой договор сварганить. Повторяю, я только хочу тебе показать, что такое национальные интересы. Это когда от законных владельцев земли, которая тебе понравилась, остается только ветхая бумажка в музее для детей. Что вот, типа, мы приехали в гости и честно отняли у хозяина его собственность. И он теперь по закону бомж.

– Нет, это не национальные интересы – а принципы! Есть принцип частной собственности, есть принцип соблюдения договоров… Соблюдение принципов интернационально, и они не меняются в угоду политической конъюнктуре. Чего не скажешь об этой эфемерной «национальной безопасности», которая субъективна и по ее поводу у двух людей может быть три мнения. Вот я хочу понять, кто формулирует понятие «национальная безопасность». Мол, вот это для нации – хорошо, а это – нет. Заметь, я не спрашиваю, кто формулирует принципы. Про них более-менее все ясно.

– Вот я тебе пытаюсь объяснить. Почему американцы свою нефть не продают?

– А потому что чужой хватает.

– Вот! Вот тебе и национальный интерес. Зачем свою жечь, когда можно у лохов покупать!

– Да.

– Очень хорошо, очень правильно! И еще важно не соблюдать договоры, которые противоречат интересам твоей страны, не изображать из себя интеллигента, которому дай справедливость любой ценой. Сахаров, понимаешь ли… Боюсь, американского Сахарова ожидал бы электростул. Вон в Штатах были сепаратисты в Техасе, так никто им не предлагал суверенитета сколько унесут. А просто их перестреляли как собак, и привет. Или там Норьега, начальник суверенной страны. Так приехали к нему с войсками и арестовали и посадили – подумаешь, суверенный

он какой… Вот тебе национальные интересы!

– Так. Очень хорошо. Можно теперь я? То, что ты сказал, – полная херня, и это не ответ на мой вопрос. Кто артикулирует национальный интерес? Вот ущемление прав ста пятидесяти тысяч русского населения в Туркменистане соответствует национальным интересам России или нет?

– Нет, конечно.

– Но никто его не прекращает. Более того – это ущемление есть плата за то, чтоб Туркменбаши заключил с нами нужный договор по газу. Дальше пойдем. Вот в Ираке мы поддержали курс Франции и Германии, а не курс Америки, Англии и Италии. Почему – неизвестно. Хотя совершенно очевидно, что это не соответствует нашим национальным интересам. А если б мы поддержали Америку и ее союзников, то тогда нам дали бы и долги, и разработки, и участие в восстановлении.

– Да что ж ты все бабками меряешь, Алик?! Я должен тебе сказать, что не все бабки можно брать. Вот на Ирак напали, потому что у него якобы есть некое страшное оружие. Мы были против. Оружия не нашли. Значит, мы были правы и нападать на Ирак – несправедливо. Надо извиниться и уйти. На разбое иногда можно неплохо заработать, и карманы можно обчистить у пьяного, это все выгодно, инвестиций никаких, накладняк нулевой, а прибыль – во! Но это занятия не очень красивые. И обзывать придурками тех, кто не пошел разбойничать, – некорректно, как мне кажется.

– А бабки брать не возбраняется – ашхабадские, например?

– Так нельзя и ашхабадские.

– Старик, вот я тебя и спрашиваю: кто у нас артикулирует национальный интерес? Национальный консенсус? Да его просто не существует. И потом. Ты в начале разговора сказал, что ради национальной безопасности можно поступиться принципами. В этом был твой пафос, и так ты, собственно, и понимал национальную безопасность. И вот только что, когда заговорили про Ирак, ты сказал, что если национальный интерес противоречит принципу, то должен доминировать принцип. То есть войну против Саддама поддерживать нельзя, хоть бы даже это и было для нации выгодно, поскольку это противоречит принципам. Это же твои слова. Так ты уж определись, гад. А то уже совсем мне мозги запудрил.

– Помнишь, Нагульнов, или кто там, говорил – надо иметь классовое чутье.

– Да, да! А национальное? Давайте расовый отдел заведем.

– Расовый – это ерунда. Но вот американский опыт решения национального вопроса мне кажется очень

поучительным.

– Я сейчас говорю не о национальном вопросе, а о национальной безопасности.

– Но если мы ученые, то сначала должны дать определение национальности. Вот давай выясним: ты как получил российское гражданство?

– Как? По факту. На момент объявления независимости я проживал на территории России, был советским гражданином и имел прописку в пригороде Петербурга.

– Вот в этом – ошибка. Что российский паспорт так легко достался. Ты же знаешь, как дают гражданство США?

– С рождения.

– А взрослым? Какая процедура?

– Присяга.

– Вот именно! Присяга! Типа «я больше не принадлежу ни к каким нациям и думать об их интересах не буду никогда…». Отчего бы и нам точно так же не поставить вопрос с национальной безопасностью? Но для этого – я это тебе в начале беседы как бы в шутку сказал – надо сперва дать формулировку: что же такое есть национальная безопасность?

– Можно я тебе скажу одну вещь? Мы в свое время – в 93-м с переходом на 94-й – сидели и составляли список, Виктор Глухих тогда был председателем Комитета по оборонным отраслям промышленности. И мы с его чиновниками сидели и составляли списки – чего нельзя приватизировать. И очень быстро, знаешь, прекратились всякие завывания по национальной безопасности. Потому что грань между тем, что можно и чего нельзя, – очень тонкая. И все совершалось в результате административных торгов. Вот Балтийский завод, цех, который производил винты для бесшумных подводных лодок, подвергнутые обструкции КОМКОНом, – приватизировали, и он сейчас прекрасно работает. Ракетоносец «Петр Великий» спустили на воду… А заводик, который производил катера с деревянными транцами – чтоб мины их не улавливали, – запретили приватизировать. Маленький заводик, там всего-то 25 человек работают или около того, – потому что национальная безопасность. Ну запродали б мы этот завод, и что – он перестал бы работать? Много чего мы тогда продали, и все это работает. А много и таких заводов, которые умерли – несмотря на то, что мы запретили их приватизацию в интересах национальной безопасности. Особенно это касается НИИ в оборонных отраслях. Вот я и говорю: кто же способен определить, соответствует ли то или иное действие национальной безопасности? Что, например, важнее для безопасности нации:

чтобы сохранилась не востребованная рынком какая-нибудь оборонная технология и для этого запретить приватизацию завода даже ценой потери 90 % рабочих мест на нем, или продать его и сохранить места, а технологию оставить в документах до лучших времен?

– Продолжу тем не менее ответ на твой вопрос. Американцы определили, что национальность определяется паспортом. Если у тебя паспорт американский, то, стало быть, ты американец.

– Во-первых, ты продолжаешь отвечать не на мой, а на свой вопрос. Я вопроса про национальность не задавал. Я задавал вопрос про национальную безопасность. Это ты решил, что без ответа на твой вопрос нельзя ответить на мой. А я просто не спорю с тобой, потому что мне лень. Во-вторых, если ты хочешь на тему национальности поговорить, то что ж… Давай… Кстати, а знаешь, как в Российской империи определялась национальность?

– По вероисповеданию – а что, тоже зрелый подход! Никто не смотрит, узкоглазый ты или черножопый. Дал клятву верности стране – и вперед. А если кто в Америке держится за свое происхождение и именно его ставит на первое место – нет вопросов! Пожалуйте в резервацию и ходите там в перьях и пляшите в них перед туристами, за деньги причем…

– Вам даже разрешат казино открыть!

– Да! И сидите там. А если вы кого-то попрекнете национальностью, то вам так вломят, что мало не покажется. Так вот американцы сперва определили, что такое национальность, и только после – что такое национальная безопасность. Одно дело – родоплеменная безопасность (это у нас родоплеменной строй и феодализм), и совсем другое – национальная. Один русский, другой татарин, хотя у нас паспорта одинаковые…

– Так кто определяет, что опасно, что безопасно?

– Как кто? Ну вот кто определил, что надо разбомбить Югославию и Ирак?

– Клинтон и Буш.

– Ну вот, стало быть, они и определяют.

– Ага, президент.

– Ну. Президент. И у нас вон президент одного выгнал, другого посадил…

– А это соответствует национальной безопасности, что посадил и выгнал?

– Ты понимаешь, мы начинаем обсуждать национальную безопасность, при том что у нас в стране феодализм и не

определено, что такое национальность. Мы скатываемся на уровень Жирика и Рогозина.

– А я хочу узнать, что такое национальная безопасность.

– Это никак невозможно узнать. Когда у нас 48 % населения не любит евреев и 80 % – черных. (Это данные опросов общественного мнения.) То есть у нас национальность понимается как принадлежность к какому-то роду-племени. Ты, типа, какого рода-племени? Это не фигура речи, не оговорка и не отговорка. Это четкая формулировка. И человек отвечает: «Я такой-то, сын такого-то…» Типа, ибн Хоттаб. Отчество – это ж надо! Это откровенная ссылка на свою племенную принадлежность… Вот наш уровень. А с национальностью нам еще рано решать вопрос…

Вот ты, Алик, меня попрекаешь, что я шпаргалки приношу на беседы, что, типа, это лишнее, мол, раз мы чего не вспомним, то, значит, оно несущественно. А ну вот давай вспомни без моей шпаргалки, что было в 94-м общественно значимого!

– В 94-м? Кончилась чековая приватизация, как я уже говорил. И Чубайс перестал командовать приватизацией и стал вице-премьером по экономике. А также началась первая чеченская война. Больше ничего важного не было.

– А теперь я, если не возражаешь, зачту тебе некоторые пункты своей шпаргалки. Первый выход НТВ на четвертом канале. Умер Евгений Леонов. Госдума приняла постановление об амнистии участникам бунтов в августе 91-го и октябре 93-го. Ну как?

– Неплохо. Амнистия – важное событие!

– Договор об общественном согласии и освобождение по амнистии членов ГКЧП. И принятие в Кремле Договора об общественном согласии, смешно – почему-то на два года. До выборов, что ли?

– ГКЧП… А Варенников отказался от амнистии. И доказал в суде свою невиновность, между прочим. Был оправдан. Соответственно и все другие члены ГКЧП не нуждались в амнистии…

– Но – обосрались!

– Обосрались? Или надоело на допросы ходить? Кто в тюрьме, кто под подпиской. Обыски, очные ставки, слежка, нервотрепка. На фига? Берешь спокойненько амнистию – и дело в шляпе. Я их очень хорошо понимаю. Сам знаешь.

– Ну что тут сказать? Ты, видимо, не готов был отдать жизнь, а Варенников за Родину – готов был. А ведь он, кстати, и сейчас жив-здоров!

– При чем тут Родина? Это на войне он за Родину воевал, а не в суде. Да, кстати! Он член блока «Родина», депутат Госдумы. Теперь они все перессорились, и, похоже, Варенников уже жизнь отдавать будет за «Родину» в кавычках, то есть за Глазьева против Рогозина. Два молодых ловкача запутали старика окончательно…

– Все равно. В суде он честь свою отстаивал! Вот так поступают офицеры! Да!

– Возьми интервью у него!

– А что? Хорошая идея.

– Он же был знаменосец Победы! Он флаг нес в сорок пятом по Красной площади, когда гитлеровские знамена кидали к Мавзолею.

– Надо, да, надо… Следующий пункт нашей программы: венчание в Иерусалиме Пугачевой и Киркорова.

– Издевательство.

– Хорошо. И еще: возвращение в Россию… кого? Через двадцать лет после отъезда? Угадай!

– Ну кого?

– Солженицына А. И.

– Неплохо, неплохо…

– А скандал с «МММ»?

– Что, уже начался?

– А то!.. Еще: умер Рождественский Роберт. Ну, допустим… И вот еще: окончание вывода войск из Латвии, Германии и Польши. И введение их, как будто тех же самых войск, в Чечню – это символично! Должна же армия решать какие-то масштабные задачи. Нечего делать – откопайте траншею и потом закопайте. Или траву покрасьте.

– «Прощай, Германия, прощай, / Мы вместе едем в родный край…» Марш был. Я ж рядом с Белорусским вокзалом жил, они оттуда шли и пели… 9 Мая, как сейчас помню.

– Выступление Ельцина в ООН с призывом о защите прав русскоязычного населения на постсоветском пространстве.

– Не нашло отклика.

– А! Падение курса рубля на торгах ММВБ до пяти тысяч – чтоб не соврать, с 3 тысяч 81 рубля за доллар. Черный вторник номер один. И того же 17 октября – убийство Холодова Дмитрия из «МК».

– А ты его знал?

– Нет. Но как сейчас помню – лечу я из Парижа и, поскольку на Аэрофлоте, жадно набираю русских газет. И на первой полосе «МК», на черном жутком траурном фоне, Холодов наряду с падением рубля. Мне и так невесело, из теплой страны в октябре лететь в московскую слякоть да в

разруху – Москва тогда была далеко не та, что сегодня…

– …сегодня Москва такая, что в нее не западло и полететь.

– Ну. И думаю – и слякоть, и серое небо, похожее на половую тряпку, и сразу хамить начнут, прям на границе, таможенники с погранцами… И так тошно – а тут еще и новости: и убивают кого захотят, и экономика рушится, не поднявшись. Тьфу.

Комментарий Свинаренко

Я в тот год продолжал работать в журнале «Домовой». Делал приблизительно то же, что и сейчас: брал интервью у великих и сочинял путевые заметки. Ну разве только книжек не писал и не был издателем.

Первым моим крупным собеседником в 94-м был Артем Тарасов. Он той зимой инкогнито приехал в Москву, мы с ним встречались на каких-то конспиративных квартирах – у него же были раньше проблемы с прокуратурой. Все-таки до чего продвинутый человек! Он многое испытал и понял раньше других. Вот мы с тобой, Алик, были в 94-м еще детьми, а Артем уже успел стать миллионером, заплатить со своих доходов не только налоги, но и партвзносы, пережить депутатство, уголовное дело, эмигрантскую жизнь не где-нибудь, а, ты будешь смеяться, в Лондоне! Проторил дорожку… Уехал он аж в феврале 91-го – за полгода до того, как мы испытали демократические восторги на путче… А он к тому времени уже был политэмигрантом! Чудеса. Так тогда он мне рассказал, кто его выдвигал по новой в депутаты: «Это ребята из фирмы „Милан“ (инвестиционная деятельность) – там руководит Александр Яновский. Это и ассоциация „Нефтегаз“ – структура, которой я помог выйти на внешний рынок (президент Рафиков, коммерческий директор Садеков)». Тарасов объяснил, зачем снова идет в думу: «Создавать законодательство, которое охраняло бы права человека. Чтобы он чувствовал себя защищенным. Это самое главное. Потому что, если человек не чувствует себя защищенным, ему плевать, сколько он пожрал, как он одет… Я хочу сказать о том, что считаю главным. Вся наша жизнь до того августа 91-го – цепь нарушений закона. Но и дальше идет беззаконие: путч, разгон Советского Союза, снятие Горбачева – законно избранного президента. Все, что делает Гайдар, – беззаконие, и последний разгон парламента – тоже. Нельзя человеку жить там, где он беззащитен. Возникает мысль: надо защититься от этого. Кто-то начинает платить чиновникам и покупает полмилиции. Другой просто берет чемодан и уезжает. Ну какая еще реакция может

быть на то, что завтра вам оторвут голову и никто за это не понесет ответственности? То, что я тогда уехал, – это совершенно нормальная самозащита». Уехал он потому, что «у компетентных товарищей были претензии к „Истоку“ по программе „Урожай“. Но вся история разворачивалась уже после того, как я ушел из „Истока“, – в марте 91-го. Но мне, конечно, потрепали нервы… Меня по-прежнему обвиняют в незаконном вывозе из страны тридцати миллионов долларов (цифра Руцкого). Ко мне в Лондон приезжал бандит, человек, видно, с большими связями, – очень многое знал об „Истоке“, до подробностей, обо мне, о данных следствия. Хочешь, говорит, завтра министр выступит по ТВ, по радио, хочешь – Генеральный прокурор, и скажут, что ты честный человек.

Просил очень много: три миллиона долларов. Я ему сказал, давай сначала снизим цену в десять раз, а потом посмотрим, что за товар…Это опасные игры, но я готов ладить даже с этими людьми, потому что не вижу пока способа бороться. Все-таки слишком разбогатеть – это плохо».

Блядь, ну вот как будто не было этих десяти лет!

Еще он мне растолковал, зачем бросает бизнес: «Политика – это более интеллектуальное занятие, чем бизнес. Она многограннее, интереснее… Ничего нового в бизнесе для меня нет. Я знаю, как меня надували, как я вылезал, что хорошо и что плохо, что сколько приносит и что чем кончается. Я знаю в России дела, за которые здесь никто еще не брался и которые могут принести сотни миллионов долларов… Но! Бизнес для меня потерял прелесть: я его весь просчитал. Деньги ради денег? На каком-то этапе, когда вы удовлетворите свои потребности, это становится неинтересным. Я пожил богато… И понял, что особенно много мне не нужно. Я не хочу развивать свои потребности в сторону невероятных богатств». Еще Артем рассказал про съезды клуба молодых миллионеров, в который он тогда входил. «Съезды проходят четыре-пять раз в год. В разных странах – на Тайване, в Америке, Австралии, а как-то мы во время съезда плыли на пароходе „Queen Elisabeth“ по океану. В прошлом году Горбачева звали выступить у нас на съезде. Он потребовал пятьдесят тысяч долларов. Мы не дали, и он не приехал. Ну и зря. А Джеральд Форд выступал бесплатно. Клуб наш – что-то вроде масонской ложи. Я не могу о нем много рассказывать. Могу только сказать, что встречался там с принцем Чарлзом, обедал за одним столом с Дэном Куйлом, вице-президентом США. Ездил в Женеву к своему приятелю Эдмонду, его фамилия – немножко Ротшильд».

Финал нашей беседы был такой: «Я к себе приехал.

Американцы и англичане тоже интересные, я согласен, но русские – это свои, а те чужие. Здесь, на родине, – привычный стиль жизни, что-то втравленное с детства. У нас хорошо, наше лучшее в мире – мне же это вдалбливали. Ну нравится мне туалет с гвоздем, и к нему приколота газета. А там люди ставят дома джакузи в шестидесятиметровой комнате. Зачем, ну зачем? Не понимаю я этого…»

Сейчас Артем снова, в очередной раз, вернулся в Россию. Пишет книгу про себя, она скоро выйдет в Москве.

Совершенно потряс меня тогда Святослав Федоров, с которым я сделал в 94-м большое интервью. «Глыба, матерый человечище, титан». Жаловался на твоего друга: «Я давно уже борюсь с Чубайсом, с его теорией приватизации. Больше года добиваюсь от него ответа: наш институт – сколько в нем процентов государственного и сколько мы создали своим трудом? Не отвечает, и мы не имеем возможности платить людям их долю прибыли… Власти проводят антирыночную политику. Более того, нас грабят. У нас забрали на 5 триллионов долларов собственности на земле, на 20 триллионов под землей – забрали в революцию и до сих пор не отдают, морочат голову. (*Если посчитать, исходя из этих цифр, то на каждого жителя России приходится по 160 тыс. долларов.* – И. С.) А вместо этого – ваучеры общей стоимостью 1,5 миллиарда долларов. Копейки! Нам отдают 0,03 % нашей собственности. А остальным распоряжаются 20 миллионов чиновников, никогда столько не было! Они уже весь ЦК заняли, а сейчас и Белый дом, и бывший дом Политпросвещения – они плодятся со скоростью клопов!..

В Америке возникло 11 тысяч предприятий, где все рабочие и служащие имеют акции, – что-то типа народного капитализма. Это реализация программы ИСОП (индивидуальная собственность на орудия производства), у нас про такую не слышали. Ее придумали сорок лет назад, но долго не воспринимали: как это так, отдать рабочим акции? Рабов сделать хозяевами? И только когда Америка стала заходить в тупик, начали к этим идеям прислушиваться. А то ведь капиталисты – жадные люди, стараются всегда отдать минимум зарплаты людям и максимум взять себе. И так подрывается покупательная способность людей. Товар производится, но он никому не нужен. А надо по-другому: сначала создать покупателя, а потом сделать для него товар. А я не могу отдать собственность коллективу: Чубайс тянет с ответом! Пусть он скажет: доля государства такая-то, коллектива – такая-то, и назначит арендную плату. Если цена будет нормальная, мы согласимся. А нет, так у нас есть земля в Протасово, возьмем в банке кредит и спокойно построим клинику

на своей земле. А это все оставим товарищу Чубайсу. Может, он тут какое производство откроет – да хоть ткацкий цех. Или под офисы отдаст (сейчас модно)…

Энергия – это наследственное. Гены играют свою роль. Энергия – или она есть, или ее нет. И тут ничего не сделаешь. Вот я смотрю на своих сотрудников – они не виноваты, у них просто нет энергии. У них просто плохие надпочечники, они выделяют мало адреналина. И в мозгу, в гипоталамусе, есть такая субстанция, которая выделяет гормон (его еще не могут толком ухватить) энергии – у кого много, у кого мало. Так что все предопределено – может человек сворачивать горы или нет. Кому-то действительно Бог не дал – и все. И я к таким людям отношусь снисходительно – они не виноваты. Думаю, активных, энергичных людей – 2–3 %. Трудоголиков больше – 15–18 %. И при социализме, при фашизме будут работать, при любой диктатуре. Точно так же есть 15–18 % людей, которые не будут работать ни при каком режиме. А серединка – то туда клонится, то сюда. Выгодно работать – они работают, нет – сидят без дела. Вот для этого-то болота и нужен рынок. В итоге 22 % очень активны, а 18 % ничего не нужно…

На машине я на дачу еду час. Это много. А был бы вертолет на крыше, так я бы за двенадцать минут добирался туда».

Он таки купил вертолет. И – разбился на нем… Это была одна из самых первых в череде громких вертолетных аварий…

Комментарий Коха

Вот по поводу Федорова не могу удержаться. Я даже не об абсурдности цифр, о которых он говорит. Не о беспомощности рассуждений о национальном богатстве и способе его измерения. Чиновников в России около четырех миллионов, а не двадцать… Я не об этом. Конечно, понятно – о мертвых либо хорошо, либо никак. Но! Я неплохо знаю суть полемики между Федоровым и Чубайсом, чтобы вот так, запросто, оставить без комментария федоровский пассаж.

Вот смотрите. Приходит к инвестору человек и говорит – у меня есть идея, давайте я построю завод (больницу, офис – неважно). Инвестор говорит – давай! Тогда человек говорит инвестору – давай деньги. Тот говорит – хорошо. И деньги дает. Человек строит завод, получает зарплату, набирает персонал, который тоже получает зарплату за свой труд. Даже дилетанту вопрос о принадлежности завода ясен как божий день: завод принадлежит инвестору. Завод построен на его деньги. Только он и рисковал ими, поскольку нанятые инвестором люди, включая

вышеназванного персонажа, ни копейки в завод своих денег не вложили, а за свой труд без задержек получали неплохую зарплату. Если бы проект закончился неудачей, то пострадал бы только один инвестор, персонал же – нет. Повторюсь, по любым понятиям завод принадлежит инвестору.

Теперь представьте себе, что инвестор – это государство, а завод – это «Микрохирургия глаза». Вот Федоров и приходил к Чубайсу с вопросом – какая доля трудового коллектива в уставном капитале МНТК? Ему отвечали – никакая! Вы свою долю каждый месяц получали наличными, пятого и двадцатого. Обычные отношения работника и работодателя. Как говорится – чьи деньги и чьи риски, того и собственность. Нет, возмущался Федоров, как же так. Трудовой коллектив работал? Ему отвечают – работал. Вон на «Дженерал моторс» трудовой коллектив тоже работает, но ему не приходит же в голову на этом основании требовать долю у акционеров. Но у нас собственность трудового коллектива! – горячился Федоров. А ему в ответ – это кто же так решил? Государство? Нет! Ты сам так придумал и на этом основании требуешь передать тебе бесплатно государственной собственности на многие миллионы долларов. Мы согласны, что у вас нет денег купить это по реальной цене, мы готовы говорить о льготах, рассрочках и прочих вещах, но бесплатно – шалишь! Нет, говорит, хочу бесплатно, и все тут. Бодяга…

Короче, Федоров лукавил. Ответы ему давались. И много раз. Просто эти ответы его не устраивали, поэтому он их и не слышал. Заметим попутно, что МНТК «Микрохирургия глаза» строился на валютные кредиты, которые государство брало на Западе. Ни одной копейки кредитов Федоров государству не вернул. А вот государство, теперь уже Россия, эти кредиты, да еще с процентами, отдает до сих пор. Вот от таких проектов и образовался наш внешний долг в 150 миллиардов долларов.

Еще один штрих. Судя по прессе, после гибели Федорова выяснилось, что не такой уж он радетель интересов трудового коллектива. Почти всю собственность, которую он сумел зафиксировать как частную, он оформил на себя лично, хотя зарабатывалось-то это всем трудовым коллективом. Во всяком случае, так этот «матерый человечище» всегда, для публики, декларировал.

И последнее. Действительно, в середине восьмидесятых в США была мода на маленькие предприятия, принадлежащие трудовым коллективам. Их наделали тысяч десять. Только вот к началу девяностых они все обанкротились, а затем и мода на эти колхозы прошла. И у нас, кстати, тоже. Помните, сколько было разговоров про кооперативы, про арендные предприятия? Ну и

где они, эти передовые формы собственности, значительно опережающие по эффективности частную? Умерла идея… Не выдержала конкуренции… Погиб и ее глашатай. Все суета сует… Тлен и прах… Господи, прости нас, грешных!

Комментарий Свинаренко

Еще в 94-м я взял интервью у вполне тогда уже звезды – Лени Парфенова.

Он быстро, с чувством рассказал еще раз про то, до чего давно додумался и про что, наверное, уж сто раз говорил на застольях.

«С прежними проблемами покончено, а теперь новые. Но теперешние правила игры жестче, но честнее: нужны деньги, а не лавирование между консервативным горкомом и либеральным ЦК, или выбивание теса по блату, или сокрытие второго порося. Москва стала отдельным государством, которое вышло на первое в мире место по потреблению „роллс-ройсов“. Это новое время лучше старого. У нас в деревне все строятся – хоть баню! – и покупают телевизор „Фунай“! А старое было уж вконец нестерпимо – это подтверждают в откровенных беседах даже Василий Белов и Владимир Солоухин, которых трудно заподозрить в симпатиях к западному либерализму…

Я не смотрю телевизор. Мне там нечего смотреть. Это квазижизнь. Понятно, что телевидение глуповато. Оно не может быть другим, оно самое простое по восприятию – между завариванием чая и протиранием пыли. И должно быть потреблено сейчас («И немедленно выпил»). Не смотрю я этого», – говорит он устало на прощание».

Именно тогда, в 94-м, я напечатал новое интервью с Бильжо. И он там очень подробно рассказал о своих планах, которые, вы будете смеяться, все выполнены. Это создание клуба «Петрович», издание ряда книг, съемка мультфильмов и работа на ТВ. Во дает!

Еще был могучий персонаж – дедушка Эрнст Неизвестный. Он сообщил мне, что в Америке (где мы в его доме и выпивали) попал в «такие условия (технические), что все задуманное берется и воплощается („в таких я никогда еще не работал“)». Он вспомнил старые годы, Советский Союз: «Мне не давали работы, не пускали на Запад. Против меня возбуждались уголовные дела, меня обвиняли в валютных махинациях, в шпионаже и проч. Меня постоянно встречали на улице странные люди и избивали, ребра ломали, пальцы, нос. Кто это был? Наверное, Комитет. В милиции меня били, вусмерть, ни за что. Утром встанешь, отмоешь кровь –

и в мастерскую, я скульптор, мне надо лепить».

В Испанию я в том году впервые съездил. В Памплону, на фиесту. И там понял такую вещь: «Увидеть корриду один раз – значит, ничего не увидеть, а только все испортить. Если в вашем распоряжении только один шанс, так лучше и не ходите. Иначе вы оттуда вынесете самое превратное впечатление. А пообвыкнетесь немного, так постепенно, может, и вас захватит этот испанский азарт и вы поддадитесь магии тавромахии. Утеря этой корридной девственности происходит довольно быстро – в следующий же раз. На второй корриде уже не столько морщишься от обильной крови, но испытываешь даже некоторое удовольствие, от которого не отказываться же на всю оставшуюся жизнь из-за одного-то первого болезненного раза?

И потом, есть такая версия: бык символизирует мрак, варварство и тупую силу, а матадор – человека, цивилизацию и свет. Вспомните пикассовскую (испанец!) «Гернику»: там страшный бык победил матадора – Гернику разбомбили война и бычья мутность фашизма.

Да, коррида – не такое зрелище, на которое пришел бы профан, все понял и оценил. Это как опера, на которой дилетанту – без подготовки – смертельно, до сонливости, скучно. Тут надо столько всего знать, кучу тонкостей!

А почитателей и знатоков корриды в мире, полагаю, поменьше, чем оперных фэнов, тут еще меньше места для непосвященного.

А правду говорят, что самая настоящая коррида – в Памплоне, что все остальное с ней не сравнится? Ну, не совсем так. Тут публика добрая, пьяная, ей что ни покажи – довольна. Другое дело в Мадриде. Зритель там все тонкости знает и жутко требовательный: чуть что не так, свистит и орет. Попробуй в Мадриде матадор подставить быку пустую мулету вместо себя! Это позор. А в Памплоне такое сплошь и рядом: мулета напротив быка, а матадор сбоку стоит…»

Еще у меня весной 94-го, в марте, была историческая поездка, на тот момент: никто в те времена не ездил на вручение «Оскаров», а я слетал туда. И сочинил текст. Это было очень давно – тогда еще не было прямых рейсов на Лос-Анджелес. И приходилось добираться с пересадкой – к примеру, из Сан-Франциско.

Было страшно: а вдруг не пустят? Про что я вообще буду писать? А если никто не даст интервью? Что, вот так и вернусь пустой? Скажу, мол, обосрался? Но – как-то все сложилось. Я после еще туда наезжал временами, пока не наскучило; каждый раз одно и то же, все те же фальшивые восторги, призванные

замаскировать тот факт, что «Оскары» – это голый пиар, не более того…

– Видный кинокритик Денис Горелов сравнивал чеченских полевых командиров с индейскими вождями. Типа американцы краснокожих расхерачили по полной программе, а мы со своими чичкаемся.

– Ничего подобного. Между ними большая разница! Полевой командир Шамиль Басаев отличается от полевого командира Чингачгука принципиально. Басаев нам свою землю не продавал, денег за нее не получал, мы ее забрали, а они с этим не согласились. Не было сделки!

– А так ли это? Точно ли не согласились? А как же Шамиль (не Басаев, а его великий предшественник), который сдался русскому царю и поехал со своим гаремом жить в Калугу, вместо того чтоб пасть в бою или партизанить до конца в горах? Теперешние чечены – его правопреемники. А Джохар Дудаев, который на службе у белого царя дослужился до генерала и только после этого вспомнил про незалежність – и поехал строить чеченскую государственность? Не есть ли это хотя и косвенные, но железные доказательства того, что наши полевые командиры не в своем праве? Что массовое вступление чеченов в компартию и в военные училища – это посильнее продажи Манхэттена? Что, много в Штатах генералов-индейцев? То-то же. Но в любом случае война есть война, и если уж чеченцы в нее ввязались и не сдаются, то она должна идти до конца: либо до водружения чеченского флага над Кремлем – наверно, так они формулируют задачу, иначе зачем же и влезать было, – либо, что тоже логично, до последнего чеченца.

– И тем не менее. Сделки купли-продажи не было. Была военная победа в 1856 году. Покорение. Усмирение. Капитуляция перед лицом неизбежного геноцида. Осознанная необходимость подчиниться, мимикрировать, против воли принять правила игры. Так оно и есть. Однако вот индейского варианта – продажи своей земли за деньги, отдавая себе отчет в совершаемом, абсолютно добровольно, этого – не было. Чечены нам свою землю не продавали. Мы ее у них забрали.

– Не важно. Это не наш вопрос. Не мы ее забирали, не нам ее и отдавать. Я не собираюсь скальпы снимать ни с тех, ни с этих, и Верной Рукой, другом индейцев, я тоже не намерен становиться. Индейцы, чечены – мы про них как-то очень кстати заговорили. Поскольку у нас на повестке дня – приватизация в России, при том что у русских наряду с

чеченами и индейцами очень слабое уважение к частной собственности…

Комментарий Свинаренко

Я говорю про ту собственность, которая принадлежит не им, а кому-то постороннему… На днях мы что-то похожее обсуждали с одним нашим товарищем, весьма, по любым меркам, состоятельным человеком (не будем называть его фамилию). Так он сетовал, что вот нету у нашего народа уважения к этой самой частной собственности. К священному ее характеру.

Священность ее мне непонятна. Ну пусть будет частная собственность и пусть закон ее охраняет. Но мне скучен этот пафос, мне неприятно, когда при обсуждении частной собственности у людей загораются глаза. Ах, ах! Священная она, видите ли! Еб твою мать! Вот про то, что, к примеру, жизнь у человека нельзя отнимать, – никто не орет, не блажит. Свобода там, защита прав каких-нибудь – это как бы в рабочем порядке, а нет – так и ладно. Но как про частную собственность речь заходит – так сразу пафос. Это как-то не очень красиво. Вот наш знакомый журналист Пьяных очень тепло отзывается о капиталистах, он так это понимает, что у них миссия, что они спасают страну и вообще в таком духе. И это мне не очень понятно, это из того же ряда. Я понимаю, когда люди снимают шляпу перед матерью Терезой, которая бесплатно возилась с убогими и омывала их язвы, – это да. Но капиталист, он просто наживается лично – и все, он бабки колотит. Живет и работает для себя. Я ничего против этого не имею. Но пафос-то к чему тут? Глупо любить человека только за то, что он капиталист. Работа себе и работа. Не самая благородная, скажу я тебе. Принадлежность к некоторым профессиям – в этот список наряду с бизнесменами входят еще журналисты и проститутки – уже бросает тень на человека. Если у него такое ремесло, то скорей всего что-то с ним не в порядке и он еще должен оправдаться, доказать, что не верблюд.

И вот наш капиталист излагал выстраданное: «Когда же у нас введут передовой закон, как в Америке, чтоб можно было убивать всякого, кто залез к тебе на участок, на твою частную собственность?» Он припомнил, как в «Литгазете» при советской еще власти клеймили человека – он стрелял в мальчика, который залез воровать вишни. И пафос речи нашего бизнесмена был такой: мальчик лезет воровать, ему стрельнули в жопу солью, и такой кипеш! Вместо того чтоб через газету поддержать честного дачника и заклеймить воровство… А там, по-моему, не солью стреляли, а картечью, и мальчику не просто жопу поцарапало – а его то ли убили, то ли он инвалидом остался… Вот такой пафос. И я только потом сообразил: а что же меня смутило в этой

беседе? Вот что. Нельзя так внезапно на голом месте научить людей уважать эту самую собственность! Надо б сперва озадачиться этим нашим уцелевшим олигархам и проявить инициативу по проведению реституции. Иначе нехорошо выходит. Вот что в 1917-м отняли, это как бы чепуха, плевать. А вот что у нас замахиваются забрать – так тут караул! Нет уж, давайте Рукавишникову Саше отдадим собственность его предков купцов в Нижнем Новгороде. Тогда он станет мультимиллионером и тебе не придется давать ему денег на отливку памятника Александру Второму. Он сам таких памятников отольет сколько захочет и еще тебе денег даст в долг. Вот сперва – или параллельно – разобраться с возвращением награбленного в революцию, а дальше требовать уважения к священному характеру частной собственности… А ты говоришь – индейцы понимали, что чье.

Вот говорят, что реституция невозможна. Я не понимаю – почему? Но если сторонники этой версии правы, тогда надо признать и следующее: следовательно, и всенародное уважение к частной собственности точно так же невозможно. Уважение будет только со стороны тех, у кого такой собственности много. Вот – Демидовым не отдали их заводы, а у братьев Черных заводы отнять будто бы нельзя. Ну чем Черные лучше Демидовых? В 1918-м сажали буржуев и отнимали у них миллионы, и никто ничего не вернул и не извинился – а отчего ж тогда Ходорковский будет неприкосновенным? Логики нету. Вон в Латвии и Эстонии – отдают. А мы, к сожалению, опять умней всех.

Чего проще – посчитать, что осталось, и отдать. Нет, говорят, это очень сложно. Мне это дико нравится! Когда у других отняли собственность, так пошли они на х…, кто такие?! А когда у тебя пытаются отнять – другое дело, тут сразу возникает священное право частной собственности. И индейцы тебе при этом кажутся не очень сознательными! Которые не уважали право фермеров на купленную землю! Сименс не просил, чтоб у него отнимали завод «Электросила» в Санкт-Петербурге и после его сносили. Такого документа из нью-йоркского музея вы мне не предъявите. Не слал он таких факсов. А раз не слал, так и насрать ему на технические проблемы русских, что-де они ворованное подвергли перестройке – да хоть и ускорению! Или вы начнете рассказывать, что воровать и не возвращать – русский национальный обычай? Типа латыши возвращают наследникам собственность, а с русских не положено спрашивать? Лажа какая-то. И тут дело не в том, что уцелело, а что нет. А в принципе дело! Не обязательно отдавать немцам «Электросилу». Но было бы очень красиво, если б Мингосимущество – или там кто – прислало Сименсу письмо: «Начинаем процедуру рассмотрения ваших прав на завод.

Извините, что мы у вас его по-хамски отняли». Процедура может растянуться на сто лет! Тот же Сименс, слава богу, не бедный. Но если б он получил хоть сто долларов за свой бывший завод, официально, от русского правительства – он бы прослезился. И повесил бы квитанцию в рамку на стене. Мы могли б расплатиться какой-то льготой – от налогов его освободить, к примеру, на год. Он бы еще и отплатил сторицей… И вот еще какой у меня аргумент вдруг обнаружился. Французам наше правительство платит же по царским облигациям? Платит! И эти выплаты делают тему реституции не смешной, а всего лишь очень сложной и мучительной. Но зато начни мы такую процедуру, люди б на нас другими глазами посмотрели. Они б зауважали русских!

Еще есть аргумент, что наследников стало много, между ними не разобраться. Слушайте, не лезьте в чужие деньги, пусть законные владельцы сами решат, как им делить свое родное имущество, а? Это была их священная частная собственность, а не ваша. Ну пусть мало им заплатят, ничего, миллионеры часто удавиться готовы из-за копеек…

С удовольствием проложусь тут Солженицыным. Он про реституцию говорит не прямо и не вообще, а только применительно к земле – ну и что, все равно в тему. Поехали:

«…А ведь раньше, чем так страстно обсуждать продажу сельскохозяйственной земли, – задуматься бы: а откуда она у государства взялась? Ведь вся она ворованная – отобранная у крестьянства. Так раньше гомона о продаже поискать бы пути, как вернуть землю крестьянам: и колхозникам-совхозникам, ограбленным в коллективизацию; и не менее того, а даже раньше – потомкам раскулаченных. Такие обнаруживаются во многих местах и просят вернуть им участок именно своего деда-прадеда. („Докажи бумагами изъятие!“ – как будто раскулачникам выдавали справки. Но местные жители помнят.) И это – справедливо, все вместе это было бы реабилитацией крестьянства. А если мы этого не сделаем – то мы государство разбойников».

Я антикоммунист, но скажу честно. Логика такова, что если ей следовать, то итоги приватизации можно смело пересматривать. Эта риторика – о священном праве частной собственности – не выдерживает критики. Либо собственность священна и тогда никому не интересны русские технические проблемы и надо со всеми договариваться о компенсации, либо, если технические вопросы вам кажутся первостепенными, ничто не свято и собственность можно делить без конца. Тогда желательно при этом – мы ж видим, как важна техническая

сторона, – каждый раз посильней запутывать следы, жечь побольше документов и устранять наследников. Я тут не спорю, не отстаиваю некую позицию – просто как-то подавлен тем, что, выходит, решения у проблемы нету, раз уж таково состояние умов в стране. Печально это. Ситуация, похоже, безнадежная… Вот проведи сейчас референдум результатов по отмене приватизации. Каков будет ответ? То-то же…

А что мы все вокруг да около? А что, собственно, приватизация?

Вот, например, Солженицын, который вернулся на родину как раз в интересующем нас 94-м году. Интересно освежить в памяти его оценку приватизации. Я считаю, что его мнение по волнующему нас вопросу украсит эту главу. Приличный человек, вдумчивый исследователь и, что тоже нам очень удобно, вовсе не левый, а самый что ни на есть либерал. Обеспечивается, так сказать, полное отсутствие оголтелости. И бескорыстности: он сам ничего в реформы не приобрел – и не потерял. Он на них смотрел в разных смыслах со стороны…

«Частная собственность – верное естественное условие для деятельности человека, она воспитывает активных, заинтересованных работников, но ей непременно должна сопутствовать строжайшая законность. Преступно же то правительство, которое бросает национальную собственность на расхват, а своих граждан в зубы хищникам – в отсутствие Закона.

…Малочисленные ловкачи с исходным, хоть и малым капитальцем скупали за бесценок, от недоуменных одиночек, крупные партии ваучеров и затем через них – приглянувшиеся куски государственного имущества.

…Но еще и это было только началом бед, ибо, как легко догадаться, сравнительно с национальным достоянием богатейшей страны вся сумма ваучеров по своей стоимости была ничтожна: «раздел», объявленный народу, коснулся едва ли заметных долей одного процента достояния. И в середине 1994-го высокодоверенный вице-премьер Чубайс, демонстрирующий недавним советским людям столь привычную им «стальную волю», объявил «второй этап приватизации» – так, чтобы государственное имущество перешло бы в руки немногих дельцов (эта цель и публично заявлялась членами его аппарата). Притом он выдвинул лозунг обвальности приватизации: то есть почти мгновенности ее, врасплох, – и с гордостью вещал, что «такого темпа приватизации еще не видел мир!». (Да, конечно, такая преступная глупость еще нигде в мире не произросла. Прытко бегают – часто падают.) Приватизация внедрялась по всей стране с тем же неоглядным безумием, с той же разрушительной

скоростью, как национализация (1917–1918) и коллективизация (1930), – только с обратным знаком.

…Вела ли высших приватизаторов ложная теория, что как только собственность рассредоточится по частным рукам – так сама собой, из ничего, возникнет конкуренция, что производство станет эффективным от одной лишь смены хозяев? Гай-чубайские реформы велись в понятиях Маркса: если средства производства раздать в частные руки – вот сразу и наступит капитализм и заработает?

С лета 1994-го и начался этот «второй этап», и всего за несколько месяцев проведена была сплошная и практически бесплатная раздача государственного имущества избранным домогателям. Изредка в газетах появлялись сообщения о сенсационной разворовке всенародного добра. Да и народ, не зная тех тайных цен и тайных сделок, безошибочным наглядом творимого угадал суть и назвал весь процесс «прихватизацией».

…Вся эта разворовка и прошла во тьме при народной еще неосознанности как непоправимо для всех жителей страны происходящее. Грандиозных масштабов расхищения (сотни миллиардов долларов утекли за границу) народ не видел зримо, не мог знать никаких подробностей и цифр или задуматься над ними: что национальное производство в безучастных руках упало вдвое (во время войны с Гитлером упало только на четверть); что с 1990 года в России не построено ни одного крупного промышленного предприятия. Отдавшись повседневному бытовому течению нынешней трудной жизни, люди не ощутили необратимости совершаемых над страною злодейств. Но едва раздались отдельные робкие голоса о ревизии, сказочно разбогатевшие новобогачи-грязнохваты (да не сами они, а покорные им газетчики) дружно и ультимативно заявили народу: пересмотр приватизации? Это будет гражданская война! Ограбление непроснувшегося народа прошло гладко и без гражданской войны – а вот восстановление справедливости вызовет кровавую гражданскую! Что мы расхватали – того не отдадим!»

О! Вот еще я что придумал! Вот я какую еще на…бку нашел и разоблачил! Это возвращаясь к вопросу о священной частной собственности. **Частная типа священная, а остальные – нет. Отчего же вдруг у нас так дискриминируются прочие разновидности собственности? А давайте государственная собственность тоже будет священная! И, сука, общенародная пусть будет священная тоже!** Ну как, смешно? То-то же.

Комментарий Коха
Приватизация: как я ее понимаю

Этот комментарий давался мне очень тяжело. Здесь мы имеем как раз тот случай, когда мысли и воспоминания душат, лезут друг на дружку, мешаются, путаются… Ну и, конечно, я боюсь оказаться предвзятым. Я не могу сохранить объективность, встать в этом вопросе над схваткой. Я сильно старался быть если не объективным, то хотя бы спокойным. Ну уж как получилось, так получилось. Не судите строго, люди добрые…

Почему не было реституции

Трагический свинаренковский пафос осуждения пафоса мне неприятен. Вот это сравнение предпринимателя с проституткой… Боже, какая литературщина. Сколько в этом позерства и конъюнктуры. Теперь ведь это модно – ругать бизнесменов. Представление о технических проблемах реализации реституции как о чем-то второстепенном, низком, недостойном – это все от незнания предмета и последствий, которые могут случиться, если в самом начале не иметь четкого представления, как эти технические проблемы будут решаться. Проще всего сказать – я не тактик, я стратег, мол, вы умные, вот и думайте, как решать эту проблему. А покуда вы ее не решите, так вот и будете в моих глазах полными обсосами и говнюками, и я всегда буду вам ставить лыко в строку и говорить: плохо, господа, очень-с плохо-с, безобразно вы провели все это. Как это хорошо у Игорька получается – чуть-чуть грассируя.

А давайте-ка, прежде чем объяснять про реституцию, вернее, про ее отсутствие, я вам расскажу свою историю. Вот, значит, выслали немцев в Казахстан осенью 41-го. Моих конкретно выслали из села Джигинка Анапского района Краснодарского края. Прожили они в ссылке до 1969 года, она уж кончилась давно, а они все жили в Казахстане. Там и я в 61-м году родился. Но тетка Ольга, отцова сестра, с мужем и детьми в 66-м году уехала обратно в Джигинку. Приехали, построились, огород, скотина, пошли в совхоз работать. И вот в 68-м году, летом, я первый раз приехал к ней гостить на летние каникулы. И очень хорошо помню один случай. Идем мы с теткой по улице, и она показывает мне дом – большой, крепкий южный дом-мазанку с черепичной крышей – и говорит: «А вот это наш дом. Мы в нем до ссылки жили. Отец (*соответственно – мой дед.* – А.К.) его построил еще в начале тридцатых, когда и совхоза-то не было». Я

ей говорю: «Тетя, а есть какая-то возможность его забрать?» Она говорит: «Нет, после нашей высылки там поселили эвакуированных, так они теперь там и живут». – «Пусть уезжают из нашего дома», – говорю я ей. А она мне в ответ: «А куда им ехать? Я с ними разговаривала, они говорят, что там, где они раньше жили, теперь какие-то другие люди поселились. А у тех – такая же история. В общем, не ломай себе голову. Мы вон построили себе дом не хуже этого. Пусть уж все остается как есть. Иначе у этой истории конца вообще не будет». Каждое лето, пока я был школьником, я приезжал в Джигинку. Десять лет много раз проходил мимо этого дома. Я в нем ни разу не был. И шелковица у изгороди была – я ни разу не съел ни одной ягоды. Я знал – это уже не мое, чужое. Почему? Не знаю. Это было как приговор. Тетка сказала – не трогай, не береди. Я и не бередил. Я с тех пор знаю – справедливой реституции не бывает. Этот ящик Пандоры нельзя открывать. Хуже будет. А псевдореституцию, которую провели в Восточной Европе и Прибалтике, я лично не очень высоко оцениваю. Почему? Сейчас объясню.

В Прибалтике провели реституцию. Все, что до 1940 года кому принадлежало, а потом отобрали, – вернуть немедля, и делу конец. На первый взгляд – неплохо. А если копнуть – херня на палке. Ну например, самый простой вопрос: а если отобрали до 40-го года? Тогда как – не возвращать? В независимой Латвии (я уже об этом писал) в период между 1918 и 1940 годами было много чего несправедливо отнято у русских, евреев, поляков и прежде всего, конечно, у немцев. Это легко доказать. В отличие от примера, который приводит Исаич, тут и документы в порядке, и все такое. А? Что заерзали? Ах, историческая вина немцев, агрессоры? Что ж вы, бляди, тогда своими эсэсовскими нашивками хвастаетесь? Партизан русских в тюрьму сажаете? Может, вы и в холокосте не участвовали? Или у вас так: «здесь играть, здесь не играть, а здесь рыбу заворачивали»? Вы уж определитесь – либо немцам верните ну хотя бы Домский собор, либо уж тогда не врите, что у вас честная реституция.

Чехия? Вроде все хорошо. Ее нам вечно в пример ставят. Ну так, для разминки. В довоенной Чехословакии немцев было 3 миллиона 200 тысяч человек. Больше, чем словаков. Задолго до мюнхенского сговора правительства Масарика и Бенеша начали тотальное выдавливание немцев из Чехословакии, и прежде всего из Судетской области. Были, конечно, и реквизиции, а как же без них? Опять же все документы есть, чин-чинарем. Чего глаза прячете? Если реституция, так реституция, а не языком болтать. Или опять про историческую вину заговорим? А что, чехи и полукровки не служили в вермахте? Это значит, как в Париж на

танке в 40-м въезжать – ты немец, а как в 45-м за русской пайкой в очередь – так сразу чех. Здорово у вас получается. Ты уж определись, родной, кто ты – Карл или Карел Готт? Ну ладно. Хорошо. Допустим. С немцами – более или менее понятно.

А вот еще в 18-м году чехословацкий корпус в Гражданскую войну вывез из России значительную часть ее золотого запаса. Общеизвестный факт, который и чехи-то не сильно отрицают. На этом запасе и стоял чехословацкий самый высокий уровень жизни в Европе в межвоенный период. Может, того, вернуть, а? И опять же бумажки есть, воспоминания там… А? Что? Нет, не наши, ваши воспоминания! Нет? А что так сразу – хамить? Я ведь просто так спросил. Да я даже знаю, что вы ответите. Мол, 68-й год все списал. Конечно. Безусловно. Всенепременнейше. Как это я раньше не догадался. Лезу со своими дурацкими вопросами к серьезным людям.

Продолжать или не надо? Я думаю – достаточно. Все реституции, которые мне известны, – половинчаты и декоративны. Они настолько субъективны, что любой такой пурист, как Свинаренко, раскритикует их также пылко, как и наше отсутствие реституции. В указанных выше странах был понятный образ врага – русские. Они пришли и все переотнимали. Понятно, что это условная схема. Там были и собственные делители. Но таков национальный миф. Теперь же, когда они освободились от русского ига, то реституция, пусть куцая, которой они почему-то гордятся, хотя должны стесняться, безусловно, воспринимается как национальный реванш.

В России все закручено посильнее, чем в Чехии или Латвии. У нас этот дурдом и кошмар (которым, кстати, тут на днях нам велели гордиться) продолжался не сорок, а семьдесят пять лет. У нас, в отличие от них, еще Гражданская война была. Так вот у нас, я убежден, проводить реституцию можно либо как профанацию, либо как дикую провокацию войны всех против всех.

У нас ведь одна часть нации отнимала у другой. У нас не было внешнего врага. Условно говоря, дед Игоря отнимал у моего деда. И что? Мне теперь у Игорька отнять его квартиру, что ли? Да пусть подавится. Ему и жить-то негде будет. Стыдно сказать, мне его жалко. А еще больше – его детей. Они-то точно ни при чем. Как, впрочем, и сам радетель реституции – Игорь Свинаренко.

И наконец, здесь уже я святотатствую и запятую, похоже, ставлю самому Александру Исаевичу. Смотрите: если уж говорить о «раскулаченных» крестьянах, то, может быть, мы не забудем, что многие из раскулаченных в тридцатых годах «кулаков» кулаками-то стали на отобранной в революцию у русских помещиков

земле? Декрет о земле слыхали такой? «Помещичье землевладение отменяется навсегда и без всякого выкупа…» О как заучил! По памяти цитирую. Может, мы землицу-то, того, помещикам вернем? Или их потомкам. Чтобы по справедливости. Представляете, что тут начнется? И думать не моги. Дурдом.

Однако хрупкая психика господина Свинаренко не выдерживает. Ишь он морду воротит. Не по справедливости, говорит. Не честно. Не признаю.

Ну и не признавай. Лучше уж пережить истерику от одного такого «правдолюбца», чем страну очередной раз в крови утопить ради торжества принципа. Уж сколько раз это было. Хватит.

Ящик Пандоры – страшная вещь. И открывать его могут советовать только такие мечтательные и безответственные люди, как Игорек. Воистину – благими намерениями вымощена дорога в ад.

За прежние ошибки пусть расплачиваются те, кто их совершил, а не их дети и внуки. Бог им судья. Вот моя тетя Оля (царствие ей небесное) всех простила. Наша же задача – не совершить новых грехов и благоглупостей. И мне вообще непонятна эта логика – раз не провели реституцию, значит, можно пересматривать итоги приватизации. Странно… А как эти вещи связаны? По этой логике получается, что если кто-то восемьдесят пять лет назад занимался разбоем и грабежом, а теперь давно сгнил, проклятый своими жертвами, то можно запросто начинать снова грабить и разбойничать? Ах, надо исправить последствия его преступлений? А их можно исправить? По-моему, как ни трагично, есть вещи, которые исправить нельзя. Можно только помнить. И никогда не забывать. Никогда. А в конце концов у меня он ничего не отнимал, а дед мой лежит в могиле в алтайской тайге. Ему уже все равно…

Ну хорошо, про приватизацию. Сколько можно откладывать?…

Некоторые считают, что я подговорил Игорька писать эту книгу для того, чтобы обелить приватизацию и себя. Вроде так издалека начал и завлекает, завлекает. И тут тебе и Библия, и Лев Толстой, и пятое, и двадцатое. И все норовит умственность свою показать. А я и сам не знаю – так это или нет?… Вообще я не склонен оправдываться. Это не есть моя характерная черта. Но… Может, где-то в глубине души… Может, подсознательно?

Наверное, я скажу банальность, но мне дорого то, что было сделано нашей командой. Мы, кто делал приватизацию, ничего не нажили в ходе ее проведения. Газетные штампы, которые журналисты сами придумали и которыми пугают публику вот уже десять лет, – откуда они?

Вот «афера с ваучерами». Почему – «афера»? Ну почему? Никто ни разу не смог мне толково объяснить суть претензий. Ваучер продавали за бутылку водки? Продавали – ну и что? А некоторые свои квартиры аферистам отписывали, но это же не повод называть аферистом того, кто им эту квартиру дал.

Некоторые чековые инвестиционные фонды обанкротились? Так не мы ли в голос кричали, чтобы никто не вкладывал ваучеры в «МММ» и разные там прочие «нефтьалмазинвесты»? А телевидение нас – не показывало. Оно давало рекламу этих фондов и хорошо на этом зарабатывало. Зачем же ему нас показывать?

За бесценок распродали страну? Неверно. Не за бесценок. Вообще бесплатно. В основном – бесплатно. Почему? А вы спросите депутатов Верховного хасбулатовского Совета – почему? И они вам ответят: потому что они приняли «Закон об именных приватизационных счетах». До этого приватизация шла за деньги, и по тем временам неплохие. Я имею в виду 1992 год. Ваучеры начали действовать только в 1993-м.

Приватизационный чек – это не то же самое, что приватизационный счет? Вот если бы вы сделали счета, а не ваучеры, то все было бы по-другому. Действительно, есть такая точка зрения – счет невозможно обменять на бутылку водки, на него можно только акции купить. Что ж, верно. Только вот акцию потом можно запросто обменять на бутылку. И сделать это можно – в один прием. Смотрите: взял бутылку – купил какую сказали акцию – тут же ее отдал. Все. Нет разницы между счетом и ваучером, только болтовня одна. Как говорится – борьба за висты. Столько мороки с этими счетами – можно тронуться. Когда мы сказали Сбербанку, что ему нужно за месяц открыть 150 миллионов банковских счетов, в том числе и на младенцев, да еще организовать по ним отдельный учет, чтобы эти деньги не перемешались с обычными, а тратились только на специализированные приватизационные аукционы, то банковские специалисты сразу сказали: изобретатель этого шедевра – сумасшедший. Это невозможно сделать никогда. Нужны десятки тысяч новых специалистов, колоссальное количество оргтехники, новые каналы связи. Стоить это будет – не выговоришь. Одним словом – либо авторы хотят остановить приватизацию, либо народных денег им не жаль.

Кстати, самый последовательный критик приватизации – Юрий Михайлович Лужков – ввел специальные московские ваучеры. Забыли уже? А я – нет. Что ж вы его не критикуете, строгие наши судьи?

Я, откровенно говоря, не обижаюсь на журналистов.

Отобижался уже. В конце концов, «ваучерная афера века» – это уже элемент национальной мифологии. А с мифом бороться невозможно. Придется нации жить с этим гвоздем в заднице. Зачем ей его воткнули? У нас мало поводов разжечь внутринациональную ненависть? Мы забыли, чем это кончается? А ведь когда втыкали, то не задумывались – правильно, неправильно. Тысячи людей, сотни журналистов не сговариваясь, кто за деньги, а кто и просто так, не разобравшись, лупили от вольного, что в голову взбредет. Лишь бы позабористее, лишь бы наотмашь. А что, бумага все стерпит.

Как проходила чековая приватизация? Это было очень интересное, захватывающее тебя целиком мероприятие. Вот Игорь любит приводить цитаты из своих старых книжек про тот или иной год, который мы описываем. Приведу и я достаточно обширную цитату из моей книги «Распродажа Советской империи», которая в свое время вызвала такой переполох и скандал. Этот отрывок был написан в 1997 году. Сейчас я его читаю с некоторым любопытством и снисходительностью. Но тем не менее…

«…Приватизация в России началась 3 июля 1991 года, когда был принят Закон Российской Федерации „О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР“.

Я бы предложил следующую историческую схему преобразования прав собственности в России. Начиная с 1989 года: 1989-й – латентный, «теневой» переход собственности от государства к частным лицам либо их объединениям без его юридического оформления; 1989–1991 годы – юридическое закрепление прав собственности без достаточных правовых оснований для этого; 1992–1994 годы – попытка разрушения сложившихся «неформальных» либо незаконных прав собственности на основании закона с привлечением широких масс населения… За прошедшие годы менялось и отношение людей к приватизации – если в 1992 году всерьез обсуждали, стоит ли приватизировать торговлю или надо ее оставить государственной, то сейчас даже коммунисты ратуют за многоукладность экономики.

Можно сказать, что я присутствовал при рождении идеи ваучера. Авторство в этом вопросе бесспорно принадлежит Виталию Найшулю. До прихода Гайдара в правительство было еще далеко, но у нас уже была своя команда. Мы собирались на турбазе в Репине под Санкт-Петербургом, пили водку и импровизировали. Я, например, предлагал вообще все имущество раздать даром. Создать специальный орган, который будет хватать людей и, хочешь не хочешь, закреплять за ними

имущество. А Виталий Найшуль сказал: нет, надо просто всем раздать ваучеры, и пусть каждый вложит их туда, куда хочет. Потом, правда, у Найшуля произошел разрыв «между полетом мысли и жизнью». К тому времени парламент принял закон об именных приватизационных вкладах, который был совсем уж нелиберальным – закон не предполагал свободного обмена паями и прочего. Тогда-то Чубайс и предложил эту систему поломать и сделать ваучеры «на предъявителя», которые можно перепродавать. И вот когда через огромный скандал с Верховным Советом все-таки удалось пробить ваучерную модель – тут-то Виталий Найшуль ее и разлюбил. А что было делать нам? Деваться было некуда – пришлось ее осуществлять…

…Следует вспомнить, в каких условиях и при наличии каких факторов начинался процесс приватизации в России. Отсутствие платежеспособного спроса населения и социальное неравенство; невысокий интерес со стороны иностранных инвесторов; наличие свыше 240 тысяч государственных предприятий, что требовало применения типовых процедур приватизации; спонтанная приватизация, то есть массовый перевод имущества государственных предприятий в иные формы собственности вне законодательно установленных рамок. Для разрешения всех этих проблем и был придуман ваучер, эдакая палочка-выручалочка российской экономики. Распределение ваучеров среди россиян началось осенью 1992 года.

«Команда» во главе с Анатолием Чубайсом позвала меня в Москву в 1993 году – надо было заканчивать ваучерную приватизацию, ее график горел, и в руководстве Госкомимущества просто не хватало рабочих рук…На финише ваучерной приватизации, в конце 1993 года, мы испытывали катастрофическую нехватку времени и выбрасывали на рынок все новые и новые предприятия, чтобы народ успел отоварить чеки. Пахали мы тогда круглосуточно, с короткими перерывами на сон, на чае и пирожках. Потому что жизнь могла очень круто повернуться и у страны в целом, и у нас лично – если бы приватизационные чеки были отоварены не полностью, а, скажем, наполовину, как это и было на 1 января 1994 года. К этому дню, строго говоря, чековая приватизация должна была быть закончена, но ее пришлось продлить на полгода, по 30 июня 1994 года.

Что же мы получили к этому дню? Приватизационный чек предоставил каждому гражданину Российской Федерации равное право на получение доли государственной собственности. В результате базовая задача – формирование слоя частных собственников – была выполнена, владельцами акций

приватизированных предприятий и чековых инвестиционных фондов стали более 40 миллионов россиян (более 30 % населения). По нашим данным, «вернулось» назад около 98 % от общего количества выданных чеков: мы выдали их 151,45 миллиона, а собрали 148,58 миллиона (в том числе по закрытой подписке 25,99 миллиона штук (17,2 %), на чековых аукционах 114,69 миллиона штук (75,7 %), иными способами – 7,9 миллиона штук (5,2 %). Осталось в обращении 2,87 миллиона чеков (1,9 %). Было приватизировано около 116 тысяч предприятий, или около половины всей экономики. Образовавшийся частный сектор включал в себя на тот момент свыше 25 тысяч акционерных обществ. В негосударственном секторе экономики в результате приватизации 1992–1994 годов стало производиться более половины валового внутреннего продукта. Показательно, что и критики, и сторонники чековой приватизации сходятся в одном: количественный успех программы массовой приватизации бесспорен и очевиден.

Ваучерный этап приватизации я бы сравнил с «нулевым циклом» строительства. И хотя нас обвиняли в том, что простой советский человек не стал в результате Рокфеллером, что не удалось выполнить многие иные задачи, которые хоть и ставились перед началом приватизации, но объективно и не могли быть решены так скоро, а более эмоциональные оппоненты называли ваучерную приватизацию не иначе как «аферой века», несколько фундаментальных задач российской экономики были решены. Во-первых, государство перестало быть монополистом в экономике страны – в России появился широкий слой частных собственников. Во-вторых, во многом благодаря именно ваучеру возник рынок ценных бумаг. Появились чековые инвестиционные фонды, в обиход вошли слова «брокер», «регистратор», «депозитарий». И наконец, появление 40 миллионов акционеров, которые с помощью приватизационного чека осваивали азы рыночной экономики, стало залогом того, что мы неизбежно должны были прийти к нормально функционирующей системе корпоративных отношений.

Безусловно, правила игры в ходе чековой приватизации не были идеальными, и, вернись мы в 1992 год, возможно, постарались бы кое-что сделать иначе. Например сегодня совершенно ясно, что, поддавшись популистским настроениям и предпочтя во многих случаях закрытую подписку на акции по второму варианту льгот, мы на длительное время фактически «зарубили» инвестиционное будущее многих предприятий. Это ничего не дало и самим членам трудовых коллективов – кроме задержек с выплатой зарплаты и зачастую просто смешных

дивидендов по итогам года.

Вторая наша ошибка была связана с закреплением пакетов акций в государственной собственности по принципу «как бы чего не вышло». Это напоминало собаку на сене – и управлять эффективно сами не могли, и денег на развитие не давали, но и других не допускали.

Еще одна грустная «песня» – инвестиционные конкурсы. Они стали, к сожалению, в основном конкурсами обещаний – побеждал в них тот, кто больше других обещал. Зачастую большая часть так и оставалась обещаниями.

Но в целом же итоги ваучерной приватизации были безусловно позитивными, и никто не сможет убедить меня в обратном. Приватизация способствовала формированию частного сектора, становлению фондового рынка, дала возможность привлечения инвестиций через ценные бумаги, предопределила конкуренцию и сформировала альтернативу рынку госбумаг… Ваучерную приватизацию я и сегодня не считаю ни слишком поспешной, ни слишком формальной. Стоило ли ее проводить? Стоило. Без этого у нас не было бы ни победы на президентских выборах 1996 года, ни фондового рынка, привлекающего сегодня миллиарды долларов инвестиций. Было сделано гигантское дело, которое, по сути, придало необратимый характер политическим и экономическим реформам в стране…»

Прочитал, и чем-то далеким повеяло. Тридцать три года. Как говорится, возраст Христа. Вот хоть что-нибудь по значимости и масштабности и, заметим, по позитивности для страны было сделано после этого? Ну вот – что? Укрепление властной вертикали? Хе-хе. Нету… Только одно это и изменило лицо страны. Изменило и всех нас. А Игорек говорит – реституция. Какая, на фиг, реституция? Приватизация – вот самый лучший ответ на национализацию!

И наконец, не могу оставить без ответа критику Александра Исаевича. Оставляю на его совести пассаж относительно того, что якобы во второй половине 1994 года, буквально за несколько месяцев, вся собственность страны была за бесценок роздана узкой группе дельцов. Это просто не так. Во второй половине 1994 года мы практически остановили приватизацию, поскольку нужно было переналадить систему с ваучерных на денежные продажи.

Если же он имеет в виду залоговые аукционы, то они проходили в 1995 году и на них продавалась отнюдь не вся собственность. На залоговых аукционах было выставлено от силы пятнадцать лотов. Да, больших, да, вкусных – но это далеко не вся российская экономика. (В следующей главе я дам подробный

комментарий про залоговые аукционы, поскольку и год как раз будет 1995-й.) Заметим, что денежная приватизация до сих пор не закончена и Мингосимущество продолжает продавать сотни предприятий и пакетов акций. Поэтому говорить, что мы устроили «разворовку», – это просто не владеть вопросом. Я понимаю эмоциональный порыв автора, но когда дело касается такой взрывоопасной фактуры, то плескать керосинчик, на мой взгляд, не очень осмысленно. Здесь, для того чтобы обвинения прозвучали убедительно, нужно быть точным в деталях. Как известно, дьявол кроется именно в них.

Вообще у меня складывается впечатление, что он свои суждения о приватизации составил, что называется, «со слов». К нему же, когда он вернулся, косяком пошли так называемые прорабы перестройки, типа упомянутого выше Святослава Федорова. Или того же Полеванова. А они, как известно, не испытывая к нам никакой симпатии, крыли приватизацию на чем свет стоит.

Однако главная претензия автора, состоящая в том, что приватизация была проведена слишком быстро, требует четкого ответа именно потому, что она-то как раз четко и ясно сформулирована.

Итак, начну. Я уже не раз убеждался, что главной ошибкой в принятии тех или иных решений является неправильное представление об альтернативах. Вот, например, человек находится перед выбором – надеть ему на свидание с любимой черный костюм или серый? На самом же деле ему вообще никуда идти не надо, поскольку его любимая на свидание не собирается, ибо трахается сейчас с его ближайшим другом. Таких примеров – вагон. Здесь – аналогичный случай. Александру Исаевичу кажется, что у нас был выбор либо проводить приватизацию быстро, либо с чувством, с толком, с расстановкой. А у нас этого выбора не было. У нас был другой выбор: либо мы ее проводим быстро, либо мы ее вообще никак не проводим. Причем наивно было бы полагать, что основная угроза была в том, что могут вовсе остановить. Нет. Это на поверхности явления наши оппоненты так артикулировали свои намерения. На самом деле под этот звон о необходимости приостановки приватизации они хотели все быстренько растащить, что называется, «по своим».

Сейчас объясню. Я уже говорил, что приватизации юридически корректной и публичной предшествовал этап либо вовсе криминальной, либо «серой», полулегальной приватизации. Тут было все. И просто выкуп цехов за взятку директору еще по горбачевскому закону о предприятии. И заумные схемы с арендными предприятиями и арендными подрядами. Взносы

целых производств в качестве вклада в кооперативы, в которые остальные, а это были сплошь директорские ставленники, вносили так называемую «интеллектуальную собственность. Венцом маразма была „аренда с выкупом“, это уродливое дитя членкора АН СССР тов. Бунича. Помните такого? Так вот, когда мы пришли, то около сорока процентов магазинов и общепита в стране были на этой самой аренде, то есть должны были быть проданы коллективу за бесценок. Я не шучу – остаточная стоимость – это действительно несколько десятков рублей. Да Бог с ними, с магазинами. У нас „Лентрансгаз“ был на аренде выкупом. Я, записной либерал, и то понимаю, что газотранспортную систему страны нельзя приватизировать.

Наши предшественники постарались на славу. Если бы наша «плохая», «воровская» приватизация не началась, если бы мы не начали аукционы и конкурсы – публичные, которые можно оспорить в суде, на которых можно присутствовать и потом зубоскалить на экранах телевизоров и писать про них мудацкие газетные статьи, – то тогда действительно прав Солженицын: растащили бы страну втихаря от народа, и дело с концом. Эту опасность сейчас никто не признает серьезной. Да и тогда ее осознавало от силы несколько десятков человек.

Как вы не понимаете? У них уже все было на мази. В горбачевско-силаевский этап они все бумажки выправили, обо всем со всеми договорились, осталось совсем чуть-чуть, и дело в шляпе. И тут на тебе – аукционы, конкурсы, ваучеры и прочая гадость. Еще льготы трудовым коллективам. Хочешь не хочешь, а не меньше 25 % акций раздай рабочим и не греши. Вот федоровский гнев на Чубайса как раз эту природу имеет.

И тут, Александр Исаевич, я не согласен и с другим вашим замечанием. О том, что делалось все втайне от народа. Это неправда. Нет ни одного предприятия, на котором рабочие не получили бы как минимум двадцать пять процентов акций. А как правило, получали они пятьдесят одни процент. Таким образом, они не могли не знать, что их предприятие приватизируется. Все знали. И когда, и почем, и где. Так что и здесь вас ввели в заблуждение ваши информаторы.

И вот представьте себе, что прошел их, а не наш вариант приватизации. А альтернативы, я это утверждаю с полной ответственностью, выглядели именно так. И что? Если уж нашу, далеко не совершенную, но публичную и подсудную приватизацию, приватизацию хоть по какому-то, пускай дрянному, но закону, критикует всякий, если сейчас ставится вопрос о ее нелегитимности и несправедливости, если сейчас звучат предложения пересмотреть ее итоги, то что было бы, если

бы прошел вариант «матерых товаропроизводителей», то есть хозяйственной и финансовой элиты конца восьмидесятых? Этих краснобаев, которые своей болтовней о поддержке перестройки и нового мышления сменили реальную промышленную элиту, которая хотя бы знала, как всем этим управлять? Ведь даже не то плохо, что дешево. Плохо то, что полученный их способом титул собственности – «серый», юридически «грязный». С такими правами на собственность ни инвестиции привлечь, ни кредит под залог получить – ничего нельзя. Страна бы стагнировала и умирала. С такими правами на собственность начать народное движение «против ворюг» – плевое дело. Да давно бы уже перерезали друг другу горло. И не было бы никакого второго срока Ельцина. А значит – разлюбезного всем Путина, стабилизации, вертикали. Ничего. Вот в этом я уверен.

Впрочем… «Дела давно минувших дней. Преданья старины глубокой». А вот интересно, кому-нибудь нужна правда о приватизации? Или даже ученым достаточно мифа об «афере века» и «разворовке»? Ведь есть же у нас экономическая и историческая наука! Я не имею в виду академическую – она вся в руках у академиков-маразматиков или членкоров типа Глазьева. Я об университетской науке. Аспиранты там, докторанты. Им что, не интересно, что на самом деле происходило со страной? Как это было? Похоже, что нет… Жаль.

И последнее. Извините нас, господа хорошие, что не сделали вас всех рокфеллерами, как обещали. Оказалось, что это невозможно. Точно. Установлено экспериментальным путем.

– Давай вернемся к чеченской войне! Расскажи, что ты думал о ней.

– Я? Мне это казалось непонятной частной проблемой – одной из. На фоне многих. В рамках тогдашней неразберихи и бардака. Везде непонятка – и в Чечне тоже. Я не был эмоционально в это вовлечен, ну уж по крайней мере тогда, вначале. Может, потому, что все те независимости провозглашались одна за другой. Мелькание было в глазах, а не «Вставай, страна огромная». Мне не было толком понятно, почему Россия слила, почему она отдала Германию, Прибалтику… На фоне пол-Европы, которую мы отдали без единого выстрела, Чечня не могла меня взволновать тогда.

– Отдельный Надтеречный район был против Дудаева, а возглавлял этот район человек по фамилии Автурханов, нет? И будто бы они сделали отряды, которые пошли штурмовать Грозный.

– А, отряд из русских офицеров!

– Да. Которых собирали по всей России. И от которых потом отказались. И куда делись все те люди из Надтеречного района? Убили их? А вся война 94 – 96-го годов – мне кажется, это была череда предательств. Я помню, был такой функционер совбезовский, генерал Манилов, он потом в Минобороны работал. Мы у него сидели и рассуждали о Чечне, и он говорит: «Вот только-только мы их, чеченов, зажмем, только развернем артиллерию – и тут же нам команда: „назад“. Опять их прижмем – и опять команда „назад!“. Ему в ответ: „Вы уже за…али этими рассказами про команду „назад!“. Расскажите, кто вам давал такую команду! Фамилия, имя, отчество!“ И знаешь, что он сказал? Он сказал: „Черномырдин Виктор Степанович“.

– Да?

– Да! Я говорю – какого черта, у вас же есть главнокомандующий! Да, говорит, главнокомандующий вообще ни в чем не участвует, ему что расскажут, он всему верит. Чего-то несет: 38 снайперов. А Черномырдину кто в мозги срал – отступать, наступать? Береза, что ли? Так пишут некоторые газеты… Ну хорошо, ну вот сейчас-то нет Виктора Степаныча – ну так что ж они этого безногого поймать не могут? Опять разговариваешь со службистами, уже сегодня, и они опять рассказывают: да мы знаем, где безногий, – но нам команды нет. Как – нет? Он в розыске, он международный преступник… И какая еще такая специальная команда должна быть?

– Ну, эта война не удается, может, оттого, что никто не идет в русское народное ополчение. И никто не кидает чепчики в воздух, когда полк отправляют в Чечню. Обществу сверху донизу насрать на эту войну. Вон прошел сюжет по ТВ – один из многих, но он по образности круче, – как ветеран чеченской войны, награжденный за нее орденом, кстати сказать, Мужества, живет с женой в автомобиле «Москвич». Живет себе и живет. Ибо его выселили из общежития. В военкоматах нет очередей добровольцев, и девушки из хороших семей не ходят в госпиталь щипать корпию, перевязывать рядовых с оторванными ногами и давать раненым офицерам.

– А вот в Америке тоже никто не ломится в военкоматы. Более того – их солдаты в Ираке скулят, что им домой охота. И тем не менее они поймали Саддама!

– За бабки?

– Хорошо, давайте и мы за бабки поймаем Басаева! И Мосхадова – за бабки! Так не может быть… Я не понимаю… Они периодически выходят с обращениями, кассеты посылают, в Интернете вылезают… Дают о себе знать! Американцы поймали

человека, который полгода о себе не давал знать! Сидел в щели! А чечены занимаются публичной деятельностью, руководят операциями. Я не понимаю.

– И непонятно, почему группой «Плаза» командует Джабраилов.

– А чего тебе непонятно? Это священное право частной собственности, извини. К тому ж ему не отдали в собственность ни Манежный комплекс, ни «Россию», ни «Славянскую» – а дали в управление. Не знаю, чем он тебе не угодил.

– Ну вот русские на Кавказе не командуют бизнесом, а они у нас командуют. Это о чем-то говорит… Почему я вспомнил тут про Джабраилова? Потому что и в Чечне, и в России – родоплеменной строй. Мочат друг друга два племени. Никто из них не несет другой стороне цивилизации и культуры. И вот он, эмоциональный заряд – когда человек из чужого племени держит в руках самую яркую, самую броскую собственность чужого племени. Во время, между прочим, войны.

– Почему тогда племя под названием «русские» постоянно предает соплеменников? А в чеченском племени предательства нет.

– А потому что у них чистые понятия, а у нас замутненные. Они держатся за родоплеменной строй, а мы половину его ценностей уже откинули. Мы много растеряли из своих прежних ценностей. Но и к вере в священную правоту государства как института, присущего белому человеку, тоже еще не пришли. В племенном обществе всегда прав свой. А в государстве подразумевается, что в нем якобы гамбургский счет и полное торжество справедливости и законности. Мы же и своих не считаем заведомо правыми – не дикари ж мы какие-то, в самом деле, – но и не защищаем этих своих законом.

Комментарий Свинаренко

Вот тебе случай с Будановым. Непорядочно с ним поступили. Когда воюют дикие племена, так там все можно. А если это цивилизованно, на уровне государства, решается – так надо сперва определить статус боевых действий, срочно посадить тех, кто постоянно отзывал войска и не давал разбить сепаратистов, надо привлечь к уголовной ответственности тех, кто допустил контуженого, сильно пьющего человека к управлению войсками, объяснить в десяти словах, отчего эта война длится дольше Второй мировой. И самое, может быть, главное – надо провести

жесткую разборку по преступлениям, совершенным в Чечне против мирных русских. А то складывается впечатление, что жили-были мирные наивные туземцы, типа как на Таити, пели песенки и надевали приезжим на головы венки, сплетенные из полевых цветов, – и вдруг пришел белый человек и убил местную девушку – чего тут спокон веку не случалось. Ах! Туземцы падают в обморок при виде крови. Конечно, ужасно. Воля ваша, но мне не нравится, как обошлись с Будановым. Меня б послали писать репортаж с суда, я бы им написал. Мало б не показалось. Надо было сказать: «Дорогие чеченские друзья! Мы сочувствуем вашему горю. Пытаемся решить вопрос справедливо. Видите, уже арестовали своего же полковника. Мы его будем судить! Но не сегодня. А после того как и вы нам выдадите ну хоть десяток ваших орлов, которые насиловали и убивали русских в Чечне. Есть же заявления. Некоторые известные люди попадали в переделки. А судить будем всю эту компанию одновременно, синхронно. Сроку вам даем на поимку ваших злодеев год. А по истечении года, если не поймаете, – извиняйте, полковника выпускаем вчистую. На нет и суда нет». Допускаю, что нет заявлений. Что их никто и принимать бы не стал у пострадавших русских. Тогда вообще вопрос снимается: чтоб не создалось такого неправильного впечатления, что им можно, а нашим нельзя. Чтоб не разжигать межнациональную рознь. Ну ладно, можно смягчить условия. И просто запросить статистику – какие обвинительные приговоры были вынесены чеченскими районными и шариатскими судами по преступлениям, совершенным чеченами против русских…

Впрочем, есть еще один путь, не хуже того, по которому пошли с Будановым, и точно никто б у нас не удивился. Можно раззадорить пару-тройку скинхедов в Германии, и они разыщут сотню-другую бабушек, которых совершенно реально изнасиловали красноармейцы в 45-м, – мы знаем, таких случаев полно. Бабушки напишут заявления, наша военная прокуратура быстро вычислит, какие части там стояли и проходили, и вот сразу можно заводить уголовные дела на командиров, забирать у них ордена и допрашивать наших выживших дедушек, брать у них сперму на анализ, проводить опознания и прочая и прочая. Подумаешь, война была! Да плевать. Ах люди контуженые, у всех психотравмы, у кого-то семью фашисты расстреляли? Ах сожгли? Подавайте в суд. В Гаагу. И заметки пойдут в прессе: мирные немцы хотели освободить многострадальный русский народ от сталинизма и так далее. И вообще по этой логике можно в Трептов-парке солдатика, который приобнял спасенную несовершеннолетнюю пухленькую немочку, привлечь за

педофилию что твоего Майкла Джексона.

А если серьезно, так того же Буданова в качестве промежуточного наказания одеть в летнее обмундирование и отправить на неотапливаемом самолете в Магадан – авось помрет от воспаления легких, и нет проблемы. Еще серьезней: надо отловить всех ветеранов НКВД, которые еще не перемерли – из «работавших» по Прибалтике в 40-м году, – и отправить их этапом в Латвию. А пусть их там засудят, как это они любят… Ну а чё? На кой нам двойные стандарты? Давайте уж везде по гамбургскому…

– Вот, у русских третий путь, не племенной и не государственный. Не такой, как у всех.

– А какой?

– Ни туда ни сюда.

– А, то есть топтание на месте. В промежности.

– Ну. Это наше родное: ни мира, ни войны, а армию распустить.

– Ха-ха-ха. Это сформулировано товарищем Бронштейном.

– Который, выходит, понимал глубинную сущность русских. Он, видно, знал, чего они хотят на самом деле, – при том что даже себе в этом не признаются. А смеешься ты зря, ибо в Чечне у нас все идет именно по схеме Троцкого: статуса войны нет, но и мира нет – это называется «контртеррористическая операция». И армию не то чтобы совсем распустили (в хорошем смысле этого слова), но ее как бы вывели! То, что там осталось, формально подчиняется МВД и ФСБ. Еще про Чечню. Чтоб понять, что там и почему. Вот я украинец. Нашего брата немало там воевало на той стороне, против русских. И вот я думаю: а кому было бы лучше, если бы я придал большее значение своей украинскости? И именно ее положил бы в основу своей жизнедеятельности? Тогда, может, я бы пускал под откос русские поезда в Крыму и воевал бы за Гелаева. И другой вопрос: кому плохо от того, что я существую в некоем наднациональном пространстве? И непредвзято рассматриваю и Россию с Украиной, и немцев с евреями, и американцев с сербами. Никто из них не замутняет мне взгляда. В это, наверно, трудно поверить, но это тем не менее так – плохо это или хорошо. Это не было моим осознанным выбором, меня к этому жизнь подвела, и я это принял. Так сложилось.

И вот есть фазы: то национальное идет в гору, то наднациональное. А мы все никак не попадаем в фазу, мы

как бы отстаем от моды. Вот сейчас вовсем мире подъем национальных интересов, а у нас все русским никак не дадут идентифицироваться и самоопределиться.

– Я не очень понимаю, о чем ты говоришь. Мне кажется, неправильно сравнивать украинский сепаратизм с чеченским. Потому что у любого хохла есть выбор – либо не замечать свою отдельность от общеславянского народа, либо замечать и настаивать на украинской государственности, которая сейчас принимает какие-то юмористические формы, – вот президента всенародно они избирали, а теперь это будет делать Верховная Рада. Как у нас Горбачева избирали.

– Я и сам бы ввел непрямое голосование. А всенародным изберут Стеньку Разина.

– Ну почему? Вот Путина избрали всенародным. Он что, по-твоему, Стенька Разин? А? Или ты что-то против Путина имеешь? А? В глаза смотреть! Не мигать! Ты морду-то не вороти! Отвечай, что спрашивают!

– Против Путина? Я бы, может, имел, но у меня нет на примете никаких других подходящих кандидатур. Ну не Рыбкин же. И не охранник Жириновского. Разве только наша японская подруга… Она молодец, совершила мужской поступок…

– Ну так вот я тебе отвечу. У хохла может быть позиция, что он со смехом относится к конфликту вокруг Тузлы. Я вот особой разницы между русскими и украинцами не вижу. А чечену не дали выбора! Он может быть только сепаратистом. Потому что русский ему всякий раз будет напоминать, что он черножопый. Даже вот сейчас ты говоришь: а почему у Умара Джабраилова «Плазу» не отберут? Тебе ж не приходит в голову что-то отнимать у Евтушенкова, поскольку он хохол. Согласен? Не дали чечену выбора, никак он не может встать над схваткой.

– Да мне как раз это очень даже понятно. Мне легко себе представить, что если я чеченец, то бегаю с автоматом и воюю против русских. А какие еще социально значимые деяния мне бы оставались? Баранов пасти? Или в Москве на рынке торговать? Очень весело… А вот служить русским – это мне, как чечену, было бы не очень понятно… Это так, со стороны глядя. Так что же, мы опять отстали от мировой моды? Все, кроме нас, уже отпустили на волю свои колонии…

– Я думаю, Чечня и колонией-то не была по-настоящему. Вот, например, были народы, которые Англия так и не смогла покорить, – те же пуштуны. Так они и живут без всякой государственности. То они пойдут в Пакистан, то в Афганистан. Хорошего в этом мало – дети неграмотные, прививок не делают,

мрут как мухи. Все грязные, в соплях, автомат наперевес. Такой их выбор. Мудацкий, заметим. Но – собственный!

– Я в Индии на это обратил внимание. Мемуары Киплинга почитал… Забавно – англичане застроили Индию железными дорогами и заводами, обучили местных европейским понятиям, и теперь индусы запускают в космос ракеты и мастерят атомные бомбы. А самостійний independent Афганистан ездит на ишаках, и ничего в нем нет, кроме замечательно дикой природы. Две модели – интересно! Два мира – два детства.

– Помнишь, с чего начался «Шерлок Холмс»?

– Доктор Ватсон вернулся из Афгана.

– Да. Из-под Пешавара, где он получил ранение. А русские дали чеченам нефтяные промыслы. И соответствующую инфраструктуру, и железные дороги. А потом ушли. Нефтяные промыслы Грозного, по-моему, частично принадлежали братьям Нобель. Таким образом, это был даже в некотором роде международный проект.

– Так что же мы решим по Чечне? Нам это не очень понятно…

– Напишем про это комментарии.

Комментарий Свинаренко
Солженицын про Чечню

Вот как раньше нас заставляли по всякому поводу цитировать Маркса или, на худой конец, Ленина, так и я сейчас увлекся другим классиком. Хотя никто ж не заставляет.

«…Не многие в нашей стране помнят, а большинство и не знали никогда, что чечены в Гражданскую войну поддержали большевиков, с резнею казаков. В награду им и в кару казакам уже в начале двадцатых годов Дзержинский производил насильственные высылки казаков из Сунженского округа и со среднего течения Терека (правый берег), и селения эти становились чеченскими. (Правда, вскоре, с укреплением советских порядков, чечены и восставали.) В 1929-м передали Чечне и Грозный, населенный почти сплошь русскими и до этого года входивший в Северо-Кавказский край. Но в 1942-м, с приближением гитлеровских войск, в поддержку их, у чеченов-ингушей было восстание – и это-то определило их дальнейшую высылку Сталиным. В 1957-м Хрущев придарил возвращенной Чечне казачье левобережье Терека. А много русских продолжало жить и в степной части правого берега. (По переписи 1989-го, в Чечне жило 0,7 млн чеченов и 0,5 млн нечеченов.)

…Погромы, грабеж и убийства нечеченского населения начались в Чечне уже с весны 1991-го (и не встретили противодействия Москвы). Тем более чеченские лидеры и активные боевики не упустили использовать государственный развал осенью 1991-го. Дудаев захватил власть и объявил ту независимость Чечни, которой чечены всегда настороженно жаждали. Ни к чему не готовое, лишенное исторического мышления российское руководство тут же импульсивно объявило в Чечне военное положение, но через два-три дня, сняв его по своему бессилию, только выставило себя в смешном виде. И уже тут первая загадка дальнейшего трехлетнего бездействия: российское военное командование уступило самопровозглашенной Чечне обильное вооружение всех родов, включая авиацию.

…Сдавши и Черное море, и Крым – разве удержать было Чечню?…

Отпуск Чечни был бы оздоровляющим отъемом больного члена – и укреплением России. А цепь вот этих позорных военных неудач, обративших Россию в ничто под презрение всего мира, – вот это и был вернейший путь к развалу всей России.

– Ну вот мы понимаем, за что они там отдают жизнь: законы гор, какие-то их традиции, старейшины, взаимовыручка, моральный облик их женщин, – можно себе как-то представить, что защищают они. А мы? Можешь сформулировать? Что нам дорого в нашем образе жизни, что мы хотели бы принести в другие земли? Когда чечены смотрят по ТВ, как наши олигархи друг на друга наезжают, мочат своих товарищей в информационных войнах, как чиновники у нас охерели совсем, как Грызлов перед выборами винтит своих же собственных оборотней, которые у него на зарплате сидели, – понятно, какая реакция у телезрителя в Гудермесе.

– Да они сами друг дружку режут, и посильнее. И воруют, и взятки берут… Они не кристальные. А мы? Что мы… Ну есть некий принцип территориальной целостности, как некий фетиш. У Путина это выражено еще сильнее, чем у Ельцина. И потом, у Путина очень убедительный повод начать войну: они же напали на Дагестан. А в 94-м году были большие проблемы с Татарстаном, с Башкирией. И с Уралом: Россель объявил Уральскую республику, а Наздратенко объявлял Дальневосточную. Большие проблемы были с Якутией, которая себя объявила субъектом международного права.

– Забавно получается – за Чечню мы уцепились просто

зубами, а что войска наши оставили Польшу, Германию и Прибалтику – это нас не беспокоило.

– Да. Потому что Чечня – внутри России. Но есть еще версия. Что в самый последний момент Дудаев якобы согласился на татарский вариант, но ему ответили – поздно. Почему наши не пошли на соглашение с Дудаевым? Что там случилось?[7]

– Увидишь Березу – спроси.

– Не, Береза в 94-м не имел значения. Так что я не очень понимаю. Но я знаю одно. Степашин тогда был начальником ФСБ, нет, ФСК оно раньше называлось. Это он вербовал ребят, сажал их в танки, и они шли в Грозный под видом автурхановцев. И они штурмом взяли Грозный! И на их плечах человек по фамилии Ерин – министр внутренних дел – должен был ввести части внутренних войск, которые были на марше. Они должны были занять Грозный под предлогом того, что надо предотвратить кровопролитие. И когда наши танки вошли в Грозный и взяли его…

– …то танки начали жечь.

– Совершенно верно, началась большая мясорубка, но наши победили, вот в чем дело. Но Ерин развернул внутренние войска – и… увел их от Грозного. Вот и все. И тогда наши штурмовые колонны, без поддержки основных сил, разбили.

– За бабки развернул?

– Не знаю. Но все равно это странная история. Когда я со Степашиным начал про это разговаривать, он сразу покрылся пятнами, начал трястись – и всего только сказал, что Ерин его предал, что он его к такой-растакой матери и что, к сожалению, он всего рассказать не может. Но в частных беседах он такие вещи говорит, уши в трубочку заворачиваются.

– Но, вообще говоря, понятно, что это удобно – иметь такую небольшую управляемую войну и все время слать туда бабки на восстановление, точнее, клепать бумаги, что якобы деньги туда ушли. И так раз за разом.

– Вот я тебе и говорю – первая война: это череда коррупции и фантастических предательств. Как пресса предала тогда русских! Практически вся! Холдинг Гусинского с завыванием подавал героев-чеченов. Моджахеды, типа, борются за независимость. А герои-моджахеды Масюк у Гуся украли, и Гусь должен был денег заплатить. И немало. Полное Зазеркалье какое-то.

– Есть версия, что все это из-за нефти.

– Хрен его знает.

– Эту версию давал Азер Мурсалиев в «Коммерсанте». И он это очень убедительно делал. Когда решали прокладывать нефтепровод из Баку через Чечню, тут же следовало какое-то

нападение. Тогда передумывали и решали в пользу Турции – в которой незамедлительно что-то творили курды. Тогда снова склонялись к Чечне – и так без конца. Даты совпадают с потрясающей точностью! Я ту заметку объявил лучшей во всем издательском доме и с удовольствием выплатил Азеру солидную премию. Вообще же небольшая компактная война – это очень удобная вещь. Сколько всего на нее можно списать! Сколько всего ею оправдать! Какие можно торги с Западом устраивать! А вот я еще как-то спросил себя: «Странно, была нефть по восемь долларов за баррель, а стала по тридцать. Как это?» И выработал такую версию. Некто арабы говорят нашим властям: «Мы понимаем, что вы не можете просто так взять и уйти из Чечни. Но вы уж тогда окажите нам любезность: не давите чеченов совсем. Пусть там так потихоньку все идет как идет». Наши отказываются. И тогда арабы делают предложение, от которого невозможно отказаться: цена на нефть чудесным образом поднимается до тридцати или даже до сорока и плюс к этому – вот счастье-то! – ОПЕК допускает и нас до снятия сливок. То есть мы свою нефть начинаем продавать по тридцать-сорок! И, как легко догадаться, у нас растет ВВП. Такими темпами, что первое лицо делает серьезное лицо и призывает эти темпы даже и еще поднять! Но иногда античеченское лобби побеждает, в Чечне активизируются наши войска – и… в России случается теракт. И устраивают его скорей всего не – или не только – чечены, а в основном те ребята, которые получают комиссионные со сделки с арабами. Видимо, о чем-то таком тебе хотел рассказать Степашин, да не мог… И Манилов имел в виду что-то подобное… Но, как бы то ни было, это не наша с тобой война. Ведь мы не едем туда воевать. И ты не покупаешь танки на свои кровные и не шлешь их в Грозный. Как это делали передовые ткачихи в 1942-м.

– Ну почему, я налоги плачу, и война ведется на мои налоги.

– Налоги – само собой, а вот патриотического добровольного почина у тебя нету. Не наша это война, мы не готовы пойти на нее и там умереть. Нам эта идея не кажется уместной.

– Вот у Марио Пьюзо есть книга «Сицилиец». Она про парня, который стал как бы Робином Гудом. Он был, с одной стороны, бандит, а с другой – грабил богатых и помогал неимущим. И еще он был сепаратистом, хотел свободы и независимости Сицилии. И против него были двинуты войска, которые вели с ним боевые действия. Потом его предали…

– …как водится…

– Да. Это документальная практически вещь! Это все происходило в действительности. И вот эта модель мне сильно напоминает чеченскую войну. Я думаю, что сицилийцы, корсиканцы и чечены очень похожи. В том смысле, что то, что внешним миром воспринимается как бандитизм, мафия, отсталость и сепаратизм, с их собственной точки зрения воспринимается как семейные ценности, доблесть, геройство и приверженность обычаям.

– И баски.

– Может, и баски – не знаю только, есть ли у них кровная месть. В общем, это я в комментарии изложу.

Комментарий Коха
Как я понимаю чеченцев. Четыре взгляда

Трудно быть чеченцем.

Чеченская пословица

Трудно быть евреем.

Еврейская пословица

Почему чеченцы – такой странный и необычный народ? Какие условия и исторические реалии сформировали их нрав и обычаи, так непохожие по жесткости и детерминированности на нрав и обычаи даже соседних с ними народов, не говоря уже о более отдаленных? Есть ли в мире народы, схожие по ментальности с чеченцами? Что общего у этих народов? Существует ли положительный опыт взаимодействия с этими народами? Что нужно делать, чтобы наконец прекратить это бессмысленное кровопролитие, которое чревато просто исчезновением этноса?

Данный комментарий нельзя назвать даже попыткой найти ответы на эти вопросы. Это всего лишь мысли вслух… Не более чем взгляд дилетанта на эту проблему.

Взгляд первый. Анархисты

«…История не знает края, который подвергался бы столь жестокому насилию. Как смерч, гуляла по острову инквизиция, не разбирая, кто беден, кто богат. Железной рукой покоряли крестьян и пастухов своей власти родовитые землевладельцы и князья католической церкви. Орудием этой власти служила полиция, в такой степени отождествляемая народом с

властителями, что нет на Сицилии страшнее оскорбления, чем обозвать человека полицейским.

Ища способа уцелеть под беспощадной пятой самовластья, истерзанные люди научились никогда не показывать обиду и гнев. Никогда не произносить слова угрозы, поскольку в ответ на угрозу, опережая ее исполнение, тотчас последует кара. Не забывать, что общество – твой враг, и, если ты хочешь сквитаться с ним за несправедливость, нужно идти… к мафии…» (Марио Пьюзо. Крестный отец, книга VI.)

«…При виде солдат Маттео прежде всего подумал, что они пришли его арестовать. Откуда такая мысль? Разве у Маттео были какие-нибудь нелады с властями?

Нет, его имя пользовалось доброй славой. Он был, что называется, благонамеренным обывателем, но в то же время корсиканцем и горцем, а кто из корсиканцев-горцев, хорошенько порывшись в памяти, не найдет у себя в прошлом какого-нибудь грешка: ружейного выстрела, удара кинжалом или тому подобного пустячка?…» (Проспер Мериме. Маттео Фальконе.)

«…Старики… собрались на площади и, сидя на корточках, обсуждали свое положение. О ненависти к русским никто не говорил. Чувство, которое испытывали чеченцы от мала до велика, было сильнее ненависти. Это была не ненависть, а непризнание этих русских собак людьми и такое отвращение, гадливость и недоумение перед нелепой жестокостью этих существ, что желание истреблять их, как желание истребления крыс, ядовитых пауков и волков, было таким же естественным чувством, как чувство самосохранения…» (Лев Толстой. Хаджи-Мурат.)

Зачем эти цитаты? Не знаю… Мне кажется, что в них есть что-то общее. Что конкретно – сказать не могу. Может быть, восприятие любой государственности как вражеской силы?

В силу исторических причин у чеченцев не возникло собственной аристократии и государственности. Довольно подробно причины этого явления описаны у Эмиля Сулейманова в его статье «Общество и менталитет чеченцев», этому же посвящены труды известного этнолога Яна Чеснова. У чеченцев развился довольно своеобразный вариант с несколько комплиментарным самоназванием «горская демократия». Так или иначе, но родовой (как они называют – «тейповый») строй у них существует и поныне, и всякую попытку формирования регулярной государственности они расценивают как чужеземное нововведение, которому нужно либо сопротивляться, либо мимикрировать в нем для собственной (т. е. тейповой) выгоды.

В чем причины такого положения дел? Некоторые считают,

что молодой чеченский этнос еще не дошел в своем историческом развитии до стадии государственности (Венцеслав Крыж), другие (тот же Эмиль Сулейманов) считают, что в связи с чудовищным по жестокости нашествием Тамерлана произошло постепенное переселение предков чеченцев с равнин в горы и их переход от земледелия к скотоводству. Поэтому у них исчезли ленные отношения, а значит, и потребность в иерархии и аристократии. Произошла ползучая «крестьянская революция», и чеченцы вытеснили свою аристократию в Кабарду, Осетию и Дагестан. Сами же организовались в сравнительно демократические, с выборными старейшинами, родовые общины-тейпы. Из государственных зачатков у них остались только тейповые суды-кхел, которые спорадически функционируют на основе обычного права – адата, а исполнять приговоры должен сам потерпевший. Максимум, чем ему может помочь тейп в восстановлении справедливости – это выказать молчаливое сочувствие и поддержку. Такая вот крестьянская демократия.

Я бы не торопился возмущаться ее примитивностью, а сначала обратил внимание на то, что подобным образом функционируют замкнутые горские сообщества на Тибете и цыганские таборы всего мира. Русская воровская субкультура также основана на отрицании государства и признает только суд воров по понятиям. Несколько столетий таким образом было организовано казачество. Уж не у них ли чеченцы переняли этот вид самоорганизации – казачий круг, с Дону выдачи нет, сарынь на кичку и прочая, прочая, прочая?…

И наконец, самый яркий пример – кантональная Швейцарская Конфедерация; это сообщество общин, почти лишенное центральной государственности. Горцы Альп, хотя бы шиллеровский Вильгельм Телль (а уж не «Разбойники» ли эта вещь называется?) – если посмотреть на них трезвым взглядом, – те же кавказ ские «звери», пардон, вольнолюбивые стрелки, как их любили изображать немецкие поэты-романтики. А уж лучших вояк, чем швейцарские гвардейцы, и представить себе было невозможно. Вон папу римского до сих пор охраняют. И армии у них никакой нет, зато – всеобщее вооружение народа (ополчение, милиция), как у чеченцев.

Еще бы я вспомнил наших русских анархистов-теоретиков (Кропоткин, Бакунин) и анархистов-практиков типа Нестора Махно. Такой они видели Россию. Именно с этими идеями батькина армия штурмовала Перекоп. Гуляйпольская демократия так напугала товарища Сталина, что он и через тринадцать лет после окончания Гражданской войны, зная, насколько сильна в народе идея махновщины, уморил голодом всю юго-восточную

Украину – кулацкое сердце России.

В исламе существует наиболее развитая, включающая в себя и иудаистскую и христианскую, классификация пророков и соответствующих им норм права. Наиболее часто встречающаяся исламская классификация выглядит следующим образом: Адам – Ной – Авраам – Моисей – Христос – Магомет. Иногда, в некоторых ее вариантах, присутствуют еще праотец арабов Измаил, третий иудейский царь Соломон, а также Иосиф Прекрасный. Однако всегда – Ной и Моисей (например, Коран. Сура 17 «Ночной перенос»).

Если внимательно присмотреться к такой организации общества, как у чеченцев, то можно обнаружить, что отсутствие государственности при наличии начал судопроизводства соответствует так называемому Ноеву Завету.

В Библии договор (завет) Бога с Ноем не описан подробно. Там лишь сказано, что после потопа, когда на Земле остались только Ной и его семья, Бог заключил с Ноем завет: «…И благословил Бог Ноя и сынов его и сказал им: плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю… Я взыщу и вашу кровь, в которой ваша жизнь, взыщу ее от всякого зверя, взыщу также душу человека от руки человека, от руки брата его; кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека: ибо человек создан по образу Божию;…И сказал Бог Ною и сынам его с ним: вот, Я поставляю завет Мой с вами и с потомством вашим после вас…» (Бытие, 9:1–9).

Однако евреи в своих книгах отыскали более подробное описание «Ноева Завета»: «…шесть правил запрещающих и одно постановляющее:

I. Не отвергай Бога.

II. Не богохульствуй.

III. Не убивай.

IV. Не вступай в половые связи с кровными родственниками, животными, лицами своего пола и не прелюбодействуй.

V. Не укради.

VI. Не ешь мяса, отрезанного от живого животного.

VII. Создай суд для обеспечения выполнения шести предыдущих правил». («Сангедрин», 56а. Цит. по: Раби Йосеф Телушкин. Еврейский мир. С. 436).

Здесь интересно то обстоятельство, что Бог прямо велел создавать суды и не дал никаких указаний на необходимость создания правительств! Интересно, что иудаизм считает каждого нееврея, следующего Ноевым заповедям, праведным человеком, которому обеспечено место в грядущем мире. Вольно или невольно чеченцы буквально выполнили указания Бога для

неевреев. Забавно…

Взгляд второй. Их суд

Что же это за адаты такие, по которым судит чеченский тейповый суд-кхел? Адаты – нормы так называемого обычного права – сформировались у арабов еще в языческий период. Надо заметить, что адаты не есть чисто арабское изобретение. Они содержат в себе нормы права, возникшие еще до нашей эры на всем Среднем и Ближнем Востоке, а также в Средиземноморье. Рассмотрим наиболее распространенные адаты.

Куначество – побратимство. Не есть чисто чеченский или заимствованный чеченцами у арабов принцип. Побратимство было развито, например, у древних римлян. Колоссальное развитие в Древнем Риме получил другой схожий обычай – усыновление и удочерение. Тем самым достигалась та же цель, что и в случае побратимства, – два не связанных кровью рода объединялись. Тем самым цементировался союз родов.

Яхь – кодекс мужской чести. Различные правила поведения для мужчин, направленные на воспитание в них мужества и храбрости, мудрости и хладнокровия, благородства и чести, существуют практически у всех народов мира. Интересная деталь, которая наблюдается у чеченцев и которая, на мой взгляд, многое объясняет, – это своеобразное отношение к оскорблению. У чеченцев есть редкая нравственная инверсия – они боятся оскорбления. Оскорбление в данном случае понимается в самом широком смысле слова. «…Горцами руководил не только и не столько страх перед физическим наказанием со стороны или плохо действующей, или совсем отсутствующей „центральной власти“, а страх перед „оскорблением“ своей семьи и тейпа, в случае несоблюдения строгих адатов перед лицом общества, и страх перед возможной неблагоприятной реакцией других тейпов. Чеченец Бейбулат Таймиев, попутчик Пушкина в его путешествии в Эрзерум, рассказывал поэту о своем непрестанном страхе, несмотря на безусловную храбрость: будет ли им гость доволен, не поведет ли он себя в гостях негоже и не оскорбит ли таким образом своего кунака (гостя, приятеля), сумеет ли сдержать данное им обещание. „Я боюсь позора, и поэтому я всегда осторожен. Нет, я не смелый“.

В некоторых случаях опозоренным считалось не только отдельное лицо, но, в определенной степени, честь целого поколения. Если позор был серьезным, то во многих случаях «не смывался» в течение долгих десятилетий. Жизнь виновника

становилась невыносимой, его собственный тейп, даже вся община, от него отрекались. Он оказывался, таким образом, вне закона, его дочь уже никогда не могла выйти замуж, его сына унижали, родители шли с позором в могилу. Жизнь в горах вне развитой системы взаимопомощи внутри общины была невозможной. Поэтому горцы часто выполняли так называемый «долг чести», хотя уже заранее знали, что это будет стоить им жизни…» (Эмиль Сулейманов. Общество и менталитет чеченцев.)

Что-то мне это напоминает… Харакири у самураев? Пожалуй… А еще больше один эпизод из «Крестного отца», в котором Том Хейген говорит сидящему в тюрьме старому другу и члену «семьи», чтобы тот себя убил и тем самым спас честь мафиозо и клана. И тот вскрывает себе вены. Или упомянутый уже выше корсиканец Маттео Фальконе, который застреливает единственного сына, нарушившего обычай невыдачи гостя.

Детерминизм поведения чеченцев основан именно на этом страхе. Они не могут быть гибче, поскольку самый строгий их судья сидит не внутри их, а снаружи. Главный лейтмотив их поведения – «Что скажут окружающие?». Имеются в виду, конечно же, другие чеченцы.

Кровная месть. Боже мой! Сколько про нее написано! Конечно же, это чистый Ноев кодекс. Дав людям заповеди и не обозначив способы контроля за их выполнением, Господь отдал этот контроль в руки людей – создавайте суды и сами определяйте меру наказания.

Более того, даже в более позднем Моисеевом завете, в первой заповеди, Господь установил коллективную и поколенческую ответственность за преступление индивида: «…Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до треть его и четвертого рода…» (Исход, 20:5). Правда, наказывать детей за отцов Господь в Моисеевом кодексе позволил только себе.

Тем не менее упоминание ответственности поколений есть отголосок правила кровной мести, которое, без сомнения, присутствовало в практике суда по Ноеву завету, в частности его третьей заповеди. Эволюция кровной мести занимает огромный кусок истории человечества. Борьбе с ней посвятили свои усилия и прародитель евреев и арабов Авраам, и пророк и создатель ислама Магомет. Взамен был выдвинут принцип «талеона» – равного воздаяния – «око за око, зуб за зуб». В наиболее четком виде он присутствует в Моисеевом кодексе: «…а если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обож-жение, рану за рану, ушиб за ушиб…» (Исход, 21:23–25)

Очевидна деструктивная роль кровной мести. Истребление

мужского населения на Сицилии, массовая эмиграция и прочие явления – все это, конечно же, ее следствия. Чеченская разновидность вендетты также ничем не лучше и является чудовищным архаизмом. Но детерминизм чеченской морали не позволяет что-либо изменить в этой сфере. В современном чеченском обществе существуют процедуры примирения кровников, но они настолько необязательны, настолько необходима взаимная добрая воля, настолько силен страх оказаться «немужчиной», согласившись на примирение, что можно по пальцам пересчитать случаи эффективного и бескровного решения этой проблемы.

Есть изящные, не лишенные своеобразного юмора адаты. Например, по требованиям адата, молодой человек, умыкнувший девушку без ее согласия, обязан спросить, есть ли у нее парень, за которого она хотела бы выйти замуж. Если она отвечает, что есть, то похититель посылает тому человеку весть: «Я взял тебе невесту». Таким образом, он становился посредником, другом жениха. По-моему, неплохо, а?

Есть мистические правила, например про особые цифры 7 и 8. Есть и абсурдные, доставшиеся от глубокого язычества адаты. Например «адат о конокраде». Если конокрад упал с украденного коня и убился, адат называет виновным хозяина коня! В соответствии со строгим правилом кража есть меньшее зло, чем смерть. Поэтому родственники конокрада должны уплатить хозяину коня штраф за кражу, а затем убить его. Каково? Понятно, что на практике этот адат (эти архаичные, абсурдные адаты называются ламкерстами) не выполняется, но само его наличие дает хороший повод указать место чеченских адатов в истории права.

Архаичность ламкерстов позволяет сравнить их с одним из самых известных законов вавилонского царя Хаммурапи (начало II тысячелетия до нашей эры):

«Если некто построил дом на заказ и дом рухнул и задавил хозяина дома, то нужно убить строителя; если задавил сына хозяина, то нужно убить сына строителя; если дочь хозяина, то дочь строителя…» (Всемирная история. Том второй. Бронзовый век. Вавилонское законодательство. С. 104.)

Законы Хаммурапи не содержат понятия несчастного случая, как и «ламкерст о конокраде». Нет, говорит древний законодатель, во всем есть смысл и умысел. Ничего не бывает случайно. Хозяин коня специально натренировал его убивать всех других, кто попытается на него сесть. А раз так, значит, он за кражу заранее предусмотрел убийство, а не штраф. Так тому и быть. Одни пусть ответят за кражу, другие – за убийство. И со

строителем та же история. Ты, мил человек, сразу строй так, что если развалится, то на тебя подумают, что ты это специально. И ответишь, как говорится, по всей строгости.

Дикость? Дикость. Еще какая… Но где-то в уголке сознания выстраивается цепочка: Вавилон – Урарту – Армения – Спитак – украденный и недовложенный при строительстве домов цемент – землетрясение – огромные жертвы – никто не ответил…Э-хе-хе… Вот вам и цивилизация. А четыре тысячи лет назад на территории Армении действовали законы Хаммурапи. Это я серьезно, без шуток. Какие могут быть тут шутки? Зона-то сейсмически активная и тогда и сейчас. Следовательно, и ответственность строителя должна быть выше. Какие, к чертовой матери, случайности? У других стоит, а у тебя рухнуло, засранец. Ты, получается, либо мудак, либо злодей. По-любому – преступник! Это потом напридумывали – случайность, непреднамеренность, отсутствие умысла… А вот русская поговорка: «За нечаянно бьют отчаянно» – из тех древних, языческих времен.

Есть просто хорошие, достойные правила. Например, правило горского гостеприимства. Тут, собственно, и сказать нечего. Хорошо, да и все тут.

Однако горский обычай гостеприимства, как и все древние правила, обладает… как бы это сказать… не недостатком, нет… но излишеством, что ли… Какой-то он слишком обязательный, не предполагающий исключений. Ты не рад этому гостеприимству, поскольку оно обязательно. Будь на твоем месте самый чудовищный злодей и убийца, он пользовался бы такими же привилегиями гостя, как и ты. И выдать его – страшный грех. (Еще раз Маттео Фальконе вспомнился, будь он неладен.)

Детерминизм правил поведения взамен искреннему движению души характерен не только для приверженцев адата. Так, например, известный раби Йосеф Телушкин в своей книге «Еврейский мир» пишет: «…иудаизм велит вам отдавать 10 % своих доходов каждый год и от всего сердца. (*Это на иврите называется – «цдака». Заметим, что в исламе есть такое же правило пожертвований – «закят». Вставка моя.* – А.К.) Но если бы все зависело от ваших чувств, то в большинстве случаев ждать милосердия пришлось бы очень долго. Поэтому иудаизм предписывает – дай, и если твое сердце возрадуется, прекрасно. А тем временем сделано доброе дело».

Очень глубокая вещь! Древний обычай не верит в доброту как в движение души: человек – это эгоистичный подонок. Вот обычай и говорит: наплевать, что ты там переживаешь – злобу, ненависть или, наоборот, сострадание. Это твое личное дело. Ты – раб Божий. Вот и слушай, что тебе говорят. Отдай бабки и иди с

миром. Возрадовалось сердце – хорошо, не возрадовалось – тебе же хуже, будешь мучиться от жадности. А нищему – помог.

Железная хватка обычая загоняет человека в прокрустово ложе голых схем поведения. Он ничего не может в них поменять. Он живет по раз и навсегда заведенному клише. Что происходит у него на душе – никого не волнует. Постепенно и сам человек уже перестает интересоваться собственными переживаниями, поскольку они не являются пищей для принятия решений о поступках. Все заранее предусмотрено. Мужчина – мужественный. Женщина – скромная. Старик – мудрый и так далее. Вообразите себе чеченца-алкоголика… Как? У меня – не получается.

Чеченцу запрещено ошибаться. Поэтому однажды ошибившись (все мы смертны), он станет упираться и настаивать на собственной правоте до конца, хотя в душе будет прекрасно понимать, что выглядит глупо. От этого он начнет еще сильнее злиться, в том числе и на человека, который поставил его в такое дурацкое положение. Подойти и сказать: «Извини старик, я ошибся», – он не может. Может быть, и хочет, но кого это волнует? Нельзя. Старики, если узнают, – осудят. Когда мы жили в Казах стане, чеченский мальчик в детском садике отобрал у меня кубики. Я стал их забирать обратно, а он взял кубик и ударил меня по голове. У меня пошла кровь. Рана была небольшая, и было почти не больно. Кровь быстро остановилась. Но молоденькая воспитательница захотела заставить этого мальчишку извиниться. Мальчишка целый день простоял в углу, но так и не извинился. Когда за ним пришли родители, то его отец поднял такой хай, что воспитательница зарыдала и отказалась от своей затеи… А казалось бы, чего такого – возьми да извинись, раз не прав?

Запрещено проигрывать. Я помню, когда в молодости занимался борьбой, то на соревнованиях к нам подходили чеченцы и говорили: «Вот он завтра с тобой борется. Мы знаем – ты сильный. Но он должен выиграть, иначе мы тебя побьем». Назавтра, если кто-нибудь из наших побеждал, то мы, зная этот чеченский заскок, домой уезжали целой толпой, а то и ребят из «Динамо» с пушками просили проводить нас на вокзал. Дикость? Но эти молодые чеченцы, что они-то могут поделать? А яхь? Как это ты проиграл? Иди тогда и убей обидчика. Иначе – позор.

Запрещено совершать прекрасные безумства, запрещено выглядеть смешным. Запрещено. Запрещено. Запрещено… Эта тошнотворная серьезность каменных чеченских лиц. Эта стать и насупленность их церемониалов. Пугающая эстетика и энергия кругового танца зикр. Этот транс, в который они впадают… Воистину правы чеченцы, когда говорят – трудно быть чеченцем.

У меня складывается впечатление, что в чеченском мире удобнее всех жить старикам. Все остальные – дети, взрослые, мужчины, женщины – это всего лишь прислуга для обеспечения их комфорта. Все остальные должны исполнять перед стариками какую-то бессмысленную джигитовку без начала и конца. И не в силах что-нибудь изменить. Огромная чеченская диаспора – это следствие такого положения дел. Люди просто вынуждены уезжать, чтобы самореализоваться. Причем диаспора была всегда, а не только в последние десять лет.

Чеченцу запрещено прощать. Вот про прощение хотелось бы сказать особо. Эта тема стоит того.

Талмуд учит: «День искупления прощает грехи против Бога, а не против человека, пока потерпевшая сторона не получит возмещения» (Мишна, Йома. 8:9). В книге известного охотника за нацистскими преступниками Шимона Визенталя «Подсолнух» есть описание реального, случившегося с ним события. В конце войны, когда Визенталь сидел в концлагере, охранники притащили его к умирающему эсэсовцу. Тот рассказал Визенталю, что в начале войны уничтожил евреев в одном польском местечке. Теперь, перед смертью, он понял чудовищность своего поступка и хочет получить прощение от еврея. Визенталь подумал и молча ушел в концлагерь. Спустя тридцать лет он направил описание этого случая христианским и еврейским ученым и спросил: «Был ли я прав, не простив нациста?» Христиане ответили – нужно было простить. Закон и справедливость – важные вещи, но одних их мало. Нужно еще уметь прощать. Прощение – это то, что Иисус Христос добавил к справедливости. Евреи же, опираясь на Талмуд, ответили – нет. Единственные, кто мог его простить, – это его жертвы, а они мертвы. Значит, прощение невозможно.

В русском, английском, немецком языках слово «милосердие» имеет корнем слово «сердце». На иврите слово «милосердие» звучит как «цдака», всего лишь женский род от слова «цедек». А «цедек» на иврите – «справедливость». В русско-чеченском словаре на 20 000 слов я не нашел ни слова «милосердие», ни слова «прощение». А слово «справедливость» – нашел. Я не утверждаю, что в чеченском языке нет слов «милосердие» и «прощение». Просто они почти не используются. Известно ведь, что первые по употребительности 20 000 слов покрывают 99,9 % речи в любом языке. Ох… Трудно быть чеченцем.

Кстати, ислам тут ни при чем. Магомет, признавая Христа пророком, включил в свое учение и категорию прощения.

Взгляд третий. Семья

«…рассматриваемые как нация, корсиканцы давно уже перестали участвовать в общем течении западноевропейской культуры. Они последовательно находились в подданстве у греков, римлян, арабских халифов, императора и Пизанской республики. Последней их властительницей была Генуэзская республика, выродившаяся в недостойную олигархию… Среди народа, обособленного не только в качестве островитян, но и в качестве горцев, старинные учреждения оказались до чрезвычайности живучими. Таким образом, кровомщение (вендетта) с сопровождающей его племенной организацией, сходной с… кланами, никогда совершенно не исчезало из корсиканских обычаев…Ссоры разрешались междоусобицей. Зачастую союзы нескольких кланов, охватывающие значительную часть Корсики, вели друг с другом беспощадные войны… При всем том корсиканец, с чисто биологической точки зрения, развивался и совершенствовался. Среднего роста и могучего сложения, черноволосый, одаренный острым зрением, изящными, ловкими, жилистыми членами, неукротимым мужеством и другими первобытными доблестями, корсиканец пользовался всюду репутацией отличнейшего солдата и встречался в армиях всех южно-европейских государств…» (В. Слоон. Новое жизнеописание Наполеона. С. 12–13.)

Наполеон Первый Бонапарт, император Франции, имел одиннадцать братьев и сестер, из которых четверо умерли маленькими. Таким образом, осталось их семь. Перечислим всех.

Жозеф Бонапарт – король Неополитанский и Испанский.

Люсьен Бонапарт – принц де Ка нино.

Элиза Бонапарт – принцесса Луккская и Пиомбинская, великая герцогиня Тосканская.

Людовик Бонапарт – король Голландский.

Полина Бонапарт – принцесса Боргези, герцогиня Гвастальская.

Каролина Бонапарт – великая герцогиня клевебергская, позже – королева Неополитанская.

Жером Бонапарт – король Вестфальский.

Наполеон был корсиканцем и в соответствии с корсиканскими обычаями тащил всю свою семью за собой. Он много времени тратил на своих бестолковых братьев, на взбалмошных сестер. Будучи сам человеком достаточно непритязательным, безумно много денег давал матери. Пристраивание родственников, перетаскивание их в столицу, подыскивание им теплых местечек – одним словом, руководство кланом – занимало не меньшее место в его распорядке дня, чем подготовка военных операций или дипломатических демаршей.

Обнаружив однажды связь между чеченцами, корсиканцами и сицилийцами, я не перестаю удивляться, насколько глубока эта связь. По любым чеченским законам Наполеон был образцовый чеченец. Смотрите. Храбрый и удачливый вояка. Преданный и заботливый сын. Пристроил всех своих родственников на королевские и герцогские престолы. Сам добился такой славы, о которой до сих пор вспоминают даже враги. В конце, конечно, проиграл. Но достойно. Никто не может его упрекнуть в том, что он бежал с поля боя, струсил и все такое. А подоспей корпус Груши в битве при Ватерлоо, еще неизвестно, чем бы это все закончилось. Его семья могла бы им гордиться! А то, что при этом было убито несколько миллионов людей, что пол-Европы лежит в развалинах, так это пустяк. Зачем на это обращать внимание, это же страдали не члены тейпа, да и вообще не чеченцы-корсиканцы…

Для меня в данном случае важно вот это клановое мышление, эта невозможность ощутить себя комфортно вне рода, семьи, клана, тейпа.

«…Такого душевного застолья Альберт Нери не знал с самого детства, когда живы были родители, которых он потерял уже в пятнадцать лет. Дон Корлеоне был само радушие, страшно обрадовался, когда оказалось, что родители Нери родом из деревушки всего в пяти минутах ходьбы от его собственной. Беседа протекала приятно, кушанья удались на славу, густое красное вино кружило голову. Нери поймал себя на мысли, что наконец-то очутился по-настоящему среди своих. Он понимал, что он здесь случайный гость, но чувствовал, что может занять прочное место в этом мире и жить в нем счастливо…

…Альберту Нери не понадобилось и трех дней, чтобы принять решение. Он понимал, что его обхаживают, – но он понял и кое-что другое. Что семейство Корлеоне одобряет поступок, за который общество осудило и покарало его. Семейство Корлеоне сумело его оценить, общество – нет. Он понял, что в мире, созданном Корлеоне, ему будет лучше, чем в мире, где он жил до сих пор. И еще он понял, что Корлеоне, в пределах этого созданного ими мира, превосходят общество силой…» (Марио Пьюзо. «Крестный отец».)

Растворить свое индивидуальное «я» в клане, роде, семье, тейпе; снять с себя ответственность за принимаемые решения; полностью довериться принципу «все, что хорошо для семьи, – все правильно»; ставить интересы семьи выше собственных; вообще, единицей измерения считать не личность, но род – вот та ментальность, которая пугает нас своей необычной эффективностью в жизненной конкуренции.

Да, конечно, человек со стандартной европейской ментальностью также заботится о своей семье, ему тоже небезразлично отношение к нему его родственников и вообще – окружающих, но, в моем представлении, у чеченцев это все имеет гипертрофированные размеры.

Чеченская ментальность напоминает матрешку, в которой самая маленькая, неделимая матрешка – это не индивидуум, как у нас например, а род, входящий в тейп, а тейпы, в свою очередь, составляют чеченскую нацию. И все. Других матрешек нет. Далее – люди, чьи интересы можно учитывать, можно не учитывать – от этого тебе не будет ни позора, ни благодарности. Более того, если ты этих, других, антиподов сумеешь обмануть, одурачить, обокрасть для пользы тейпа – делай это не задумываясь. Если нет, то веди себя как хочешь. Хочешь быть с ними в хороших отношениях – пожалуйста. Но только если при этом не затрагиваются интересы семьи и тейпа. Если же затрагиваются – то ты не волен выбирать стиль отношений. Интересы семьи и тейпа – безусловный приоритет. Если ты думаешь иначе – убирайся к черту и будь ты проклят!

Известный психотерапевт Зигмунд Генрих Фоулькес, занимаясь в 1942–1946 годах в Англии излечением пациентов госпиталей от «военных неврозов», обнаружил поразительный эффект. Оказывается, эти заболевания быстрее излечиваются методами групповой психотерапии. Он развил теорию, в соответствии с которой человек представляет собой лишь элемент в некоторой замкнутой системе коммуникаций. Замкнутая же система коммуникаций – группа – является особой металичностью, обладающей действенной силой, использование которой способно привести к излечению.

В дальнейшем теорию металичности развивали американские исследователи в различных университетах Калифорнии. Они научились подавлять индивидуальное сознание и инстинкт самосохранения у солдат спецназа, мотивировать их на общий результат. Научились строить удивительно эффективные научные команды исследователей, в которых каждый был лишь элементом целого. Научились формировать экипажи, долго и продуктивно работающие в замкнутом пространстве. Люди, поработавшие элементами металичности, потом отказывались от какого-нибудь другого способа функционирования. Настолько осмысленным и радостным был процесс растворения своего «я» в команде.

В некотором роде чеченский тейп, мафиозная семья или корсиканский клан являются такими металичностями. Они, эти металичности, обладают потрясающей живучестью и сопротивляемостью враждебному окружению.

Если индивидуальная личность смертна, то металичность бессмертна. Она выше закона, она сама себе – закон. Ей наплевать на окружение, она довольствуется собственными моральными оценками своих элементов. Она заботится о них существенно лучше, чем общество. Металичность обладает синергетикой, которой не обладает просто некоторое количество индивидов. Нахождение внутри металичности доставляет огромное удовольствие, как от игры в футбол в хорошо слаженной команде, где все игроки любят друг друга и готовы бегать как угорелые на общий результат.

Ишь как разошелся… А вот на тебе: христианское (и иудаистское, и мусульманское) понимание индивидуальной ответственности перед Богом не приемлет понятия металичности. Ты один. Ты сделан подобно Богу.

«…Что за мастерское создание – человек! Как благороден разумом! Как беспределен в своих способностях, обличьях и движеньях! Как точен и чудесен в действии! Как он похож на ангела чудесным постиженьем! Как он похож на некоего бога! Краса вселенной! Венец всего живущего!» (В.Шекспир. Гамлет, Принц Датский.)

Ты, именно и лично ты, несешь весь груз своих поступков на своих плечах. И думать ты должен о спасении своей души. «И жизнь ваша в этом мире – забава легкая да тщета, и лишь в приюте будущего мира – истинная жизнь. О если бы они это знали!» (Коран, Сура 29 «Паук», аят 64.)

Как говорят евреи, «нет посланца в деле греха» (Талмуд, «Кидушин», 42б). То есть если тебе отдали греховный приказ, ты не можешь сослаться на то, что ты лишь посланец, исполнитель чьей-то воли. Если ты выполнил этот приказ, значит, ты за исполнение и ответишь. «Мне велели, честь клана, я должен был зарезать» – все это говно для красивых виршей стихоплетов. Тоже мне – орден меченосцев. Эсэсовцы доморощенные. Помните: «… честным, порядочным, благородным ты должен быть только по отношению к людям своей расы…» Генрих Гиммлер, между прочим.

Короче. Убил – в ад. Точка.

Взгляд четвертый. Разбойники

«…три атамана донских и волжских казаков, навлекших на себя царскую опалу, в 1579 году совещались в низовьях Волги, куда им укрыться от царского гнева. Старший из них, Ермак Тимофеевич, потянул на север, к именитым людям Строгановым,

и сделался завоевателем царства Сибирского, остальное казачество выплыло в море и, разбившись на два товарищества, направилось к Яику, а большинство – к… Тереку, в глухое приволье… где с давнейших пор заведен был разбойничий притон для всех воровских казаков. Там они остановились и построили свой трехстенный городок, названный Терки, куда и стали собирать себе кабардинцев, чеченцев, кумыков и даже черкесов. Разноплеменная смесь всех этих элементов впоследствии и образовала из себя… Терское войско».

«…в царствование Алексея Михайловича, около 1669 года, знаменитый волжский атаман Стенька Разин приплыл на стругах к берегам Дагестана и произвел там такой погром… который живет и поныне в памяти прибрежных жителей… Три дня грабил атаман окрестности города, а затем сел на струги и уплыл громить Персидское царство…». (В.А. Потто. Кавказская война)

«…с Дону, во главе 700 новых удальцов, поднялся Сережка Кривой, разбил высланный против него отряд стрельцов и ушел к Разину в море; появляются затем Алешка Протокин, Алешка Каторжный с не меньшими отрядами. Стенька в это время грабил дагестанские берега, разорял города и превращал их, как, например, Дербент, в груду развалин. В Реште Стенька предложил свою службу персидскому шаху. Переговоры по этому поводу затянулись…Разин отплыл из Решта в Фарабад… Пять дней казаки мирно торговали с персиянами, а на шестой Степан Тимофеевич поправил на голове шапку. Это было условленным знаком: казаки бросились на беззащитных жителей, часть их перебили, часть взяли в плен…» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 51. С. 159–160.)

Господи! Свят, свят, свят! Так и вижу эти рожи – Сережку Кривого да Алешку Каторжного. Вот они, красавцы – казаки-разбойники. Джигиты, ничего не скажешь. А вот еще одна неплохая цитата из того же ряда:

«…Населяли Кавказ различные племена, modus vivendi которых всегда был война всех против всех. Следует сказать, что этот край весьма беден, особенно горные области, и разбой являлся постоянной статьей дохода населяющих его племен. Кровавые столкновения происходили постоянно, набеги хищников, сопровождаемые убийствами и самыми гнусными преступлениями, прочно вошли в обиход туземных племен. Не существовало никаких законов, не работали никакие договоры, сила и коварство решали все, воровство и убийство были возведены в доблесть. На Кавказе было обычным делом, когда объединялись два заклятых врага, чтобы общими силами погубить третьего, а после начать страшную резню между собой.

„Ты не можешь украсть даже барана“ – таково самое страшное оскорбление для чеченца. И вот они, чеченцы, возвращались из похода, увешанные оружием, забрызганные кровью, волоча за собой награбленное добро и связанных пленников, и все соплеменники восхищались ими. Почти ничего не изменилось в менталитете чеченцев с того времени; как только в Чечне пала власть центра, тут же возродилось Средневековье, с постоянными набегами, грабежом, убийствами, заложниками и работорговлей…» (Венцеслав Крыж. Чеченский синдром.)

Исследователи вывели даже целую теорию. Мол, горная Чечня очень сложная для проживания местность. Земли там бедные, урожаи низкие, скотина на их пастбищах вырастает тощая, посему они вынуждены были из столетия в столетие заниматься набегами, вот и сформировалась такая специальная набеговая культура. Со своим фольклором, эстетикой, героикой и ментальностью. Что же теперь поделать?… Ничего, мол, не поделаешь… И все, понимаешь, у них Тамерлан виноват – загнал с равнин в горы. Из исследования в исследования склоняют хромого Тимура почем зря.

А вот я хочу неудобные вопросы этим теоретикам набегов задать. Например такой вопрос: казачки жили на плодороднейших донских и волжских черноземах, а триста лет грабили так, что любой чеченец позавидует. Это как? Нестыковочка получается. Опять же грабили, грабили, а к концу XVIII века последний раз Емелька Пугачев погулял – и все. И с тех пор – опора престола. Земледельцы. Исследователи. Защитники отечества (в том числе и от горцев, кстати).

Или, например, аварцы. Ведь именно аварцем, а не чеченцем был Шамиль – имам Чечни и Дагестана, – столько лет ведший войну с русским царем. И Хаджи-Мурат был аварцем. И вообще – аварцы тоже адепты набеговой культуры. Достаточно почитать «Мой Дагестан» Расула Гамзатова (царствие ему небесное, хороший был писатель). И пастбища у них ничуть не лучше, чем у чеченцев. И воевали они с русскими даже дольше, чем Чечня. Но ведь они не отрезают головы англичанам, которые приехали проводить им телефонную связь. И своих собственных милиционеров не убивают. Не уверен, что аварцы испытывают какие-то чрезвычайно нежные чувства к русским. Для такой любви у них нет особых оснований. Но они, способные к разбою не хуже чеченцев, как-то ведь себя сдерживают. Как-то понимают, что XXI век, человечество вышло в космос, то да се. Мол, хватит, наигрались.

Да что аварцы, вон братья-вайнахи – ингуши – и те как-то пытаются устроиться в современном мире. Кто золотишком в

Сибири приторговывает, кто шабашит по русским деревням, кто в Москве дурью мается, а кто и дома, в Ингушетии, землю пашет. Но ведь они не отрубают пальцы ворованным детям, не отрезают головы под видеокамеру и не обвязывают себя тротилом, чтобы разорваться на мелкие кусочки. У них что, не набеговая культура? И не воровали они у гяуров красивых невест себе? И не грабили они благодатную Грузию? Еще как воровали и грабили. Просто сейчас время изменилось.

Я отнюдь не пытаюсь оправдать действия русской армии в Чечне ни сейчас, ни 150 лет назад. Я тем более не пытаюсь оправдать сталинскую депортацию. Сам не понаслышке знаю, что это такое. Я просто хочу сказать, что представителям набеговой нации неплохо бы провести такой мысленный эксперимент. Вот вообразим себе, что не русская армия и внутренние войска, а, допустим на минутку, какая-то непреодолимая инопланетная сила, смерч духа, меч Господень заставляет чеченцев изменить свои представления о добре и зле, о мужестве и милосердии, о доблести и чести. Да, отказаться от дорогих сердцу истин, да, «потерять лицо», как говорят японцы, но – сохранить нацию! Представьте себе, что неуклюжая и бестолковая русская армия – всего лишь орудие божественного Провидения. Быть может, это кто-то там, наверху, вам подсказывает – поменяйтесь, время не то, все уже по-другому, вы разве не видите? Что? Все равно – до последнего чеченца?[8]

А вот имам Шамиль, мне кажется, такой эксперимент провел. И даже ответил на все вопросы, которые возникли по ходу эксперимента. Как ответил? Да вы знаете…

Как меняться? А кто его знает… Может быть, сначала ответить на более простые вопросы – например почему у большинства наций на войне: застрелил врага – да и все, а у чеченцев надо как-то покровавее, с отрезанием головы, да по телевизору, да кишки на забор, а голову на кол? Или почему чеченцы любят себя сравнивать с волками? Почему считается, что это красивое сравнение? Почему такая странная эстетика?

А я мечтаю, чтобы наступило когда-нибудь такое время, когда чеченская мать, убаюкивая своего маленького сыночка, свою кровиночку, споет ему колыбельную песню не про кровавый набег на гяуров и не про героя-абрека, а про плюшевого мишку, красивый цветочек и коровок на лугу. Вот тогда все и случится.

– С Чечней пора бы определиться. Или с ней по-хорошему, или по-плохому…

– А когда у нас было по-хорошему? Всегда по-плохому. Только Наполеона сделали, тут же на Кавказ пошел Ермолов, в

1816 году. И до тех пор, пока русские Шамиля не приняли.

– И все-таки что заставило Хрущева вернуть чеченов? Ну сказал бы, что вопрос рассматривается, ждите, партия заботится о вас…

– Бессмысленно это осуждать.

– Солженицын. Мы его сегодня уж немало цитировали. А вот сам факт, что он вернулся в Москву, в Россию, – как на тебя тогда подействовал?

– Я очень люблю Солженицына. Мне было приятно, что он приехал.

– И мне было приятно. А прежде, все те годы после 91-го, я думал – а чего ж он все не едет? Казалось бы, самое место ему на баррикадах у Белого дома… Но он, может, знал – как и многое угадал наперед, – что не очень он тут нужен. Этому народу. Который любит Жирика и Киркорова. И вот он тянул, тянул…

– Я его очень хорошо понимаю.

– Ну мы – ладно. А массы его не понимали.

– Что такое массы? А Набокова массы понимают?

– Ну, Набоков – писатель, а Солж – политик и мыслитель. Он приехал, рассказал все умное, а ему говорят: ну и что?

– Вот я удивляюсь, вы меряете людей по их общественной значимости, как вас учили в учебнике «Родная речь».

– А тебя по каким учебникам учили? Не по тем же разве?

– Может, он просто помереть захотел на родной земле? Он раньше не ехал, потому что не чувствовал, что умирает. А в 94-м ему показалось, что он скоро умрет, и он вернулся. Захотел умереть в России.

– Но скажем и вот что: он невостребован.

– Ну и что? Я тоже невостребован, и что мне теперь, вешаться? Я востребован своими детьми, своей женой, близкими и любимыми людьми…

– Солж должен быть, к примеру, экспертом правительства…

– Почему?

– Потому что умный. Энергичный. Зрит в корень. Дает точную оценку явлениям и ситуациям. Не поддается на разводки. Не ловится на бабки. Неубедительно? Потомучто все его прогнозы сбываются, наконец. Остальные-то вслепую идут, а этот знает куда. Хорошо б иметь такого поводыря нашему начальству, которое как-то вяло руководит и не сказать чтоб последовательно или хотя б эффективно.

– Может, в правительстве мудаки?

– Путин должен его вызывать на заседания в верхах и

спрашивать: «А что думает товарищ Жуков? (Только вместо Жукова у него будет Солженицын.) Что, он еще не в курсе? А чего ж вы мне проект постановления суете, когда Александр Исаич его даже не видел? Все, идите по домам, двоечники, и к следующему уроку подготовьтесь получше».

– Значит, докладываю тебе. Ельцин хотел ему дать орден «За заслуги перед Отечеством». А Исаич обратился к нему с просьбой не вручать ему эту награду, потому что он ее не примет все равно, откажется – и тем поставит Ельцина в неудобное положение.

– Вот это красивый поступок! Причем он не стал дожидаться вручения, чтоб там устраивать шоу. А тонко поступил, аккуратно. Тонкий человек. О чем я тебе и толкую.

– Путин оказался хитрее. Он сам к нему поехал. А вот Исаич, говорят, принял его достаточно сухо. Разговаривать с ним фактически отказался. Поговорил перед камерой на общие темы, и все. А на приглашение нанести ответный визит вроде бы не откликнулся.

– А орден ему Путин туда привез? Так из кармана внезапно выхватить и – опа! – приколоть. И ничего уже не сделаешь, приплыли. Все.

– Да, незаметно на спину приколоть.

– И человек уже зашкваренный.

– Первой степени.

– Различной степени.

– С бриллиантами и бантами.

– Или так: «Я тебе, Солж, привез списки чекистов, которые мучили честных диссидентов. Что с ними делать? Погоны оторвать? Или того? Как скажешь, так и будет. Хочешь – расстреляю их к такой-то матери. У меня их тем более полно. И все они требуют, чтоб я их устроил получше…»

– Не, я думаю, он к нему приехал с другой речью.

– Типа – похвали меня, и все будет хорошо?

– Нет. «Ну что, старый козел, видал? Все равно наша взяла. Поэтому я тебе предлагаю: давай, чтоб атмосферу не портить, ты меня как демократического президента прими и расскажи, как все замечательно. Вот ты орал на весь мир – КГБ, КГБ. А вот меня народ избрал! Не Сахарова какого-то, а меня. С этим народом надо только так. Ты слезу лил, жалел. А хули его жалеть?»

– И говорит: «А хочешь, я тебя еще раз посажу?»

– Думаю, не случайно были утечки в Интернете: типа Солж стукачом был в лагере…

– Это и при советской власти гнали. Кагэбэшные утки. Хитрые такие.

– Помнишь, Сталин сказал Надежде Константиновне: «Ты сегодня вдова товарища Ленина, а завтра мы ему получше можем вдову подыскать – если ты болтать будешь много лишнего». Так и тут – они его за Можай загонят и умрет он стукачом, а не великим писателем. Посадят его – и народ будет улюлюкать: «Смерть сталинскому жополизу!»

– Это кто – сталинский?

– А Солженицын! Так пресса подаст. (В момент написания главы Лесин был министром. А сейчас нет. Но влияние на процессы имеет. – *Примеч. авт.*). Лесин даст команду – и нет великого писателя. Зато есть стукач.

– А-а-а! Пресса! Пресса – она может…

– Ну да. На легкой работе, лагерный придурок, и всего какой-то червонец отмотал. Не разговор.

– И жену бросил – тоже припомнят.

– Тоже – темка. И вообще он никакой не Солженицын, а Солженицер… Так они и расстались, придерживаясь нейтралитета.

– А вот еще у нас регистрация партии обманутых вкладчиков. В народных массах это все в одном ряду – приватизация, «МММ».

– Да пошел ты на хер! Ты меня с Мавроди сравниваешь! Мне неинтересно настроение масс.

– Почему это – неинтересно?

– А я так устроен. Мне неинтересны мнения народных масс и вообще заблуждения. Я, как человек разумный, должен стремиться к истине.

– Ни хера себе. Ты же писатель! И вдруг декларируешь, что тебе настроения народных масс не интересны.

– Мне правда интересна. Как сказал вышеупомянутый Солженицын, «а ищет сердце правды».

– Значит, ты не писатель, а философ и мыслитель.

– Народные, понимаешь ли, массы. Да если б в Средние века шарообразность Земли поставили бы на голосование, что б было?

– Хуже бы не стало.

– Но и лучше б не стало. Ты б вот не смог мобильным телефоном пользоваться. И космической связью. Если б считалось, что она плоская.

– Наоборот, так было б лучше: поставил антенну одну на всю Землю, и звони хоть из Китая.

– Но Земля-то на самом деле круглая! Она не подчиняется заблуждениям большинства! Антенна-то не работала бы. А ты в нее деньги вложил.

– А может, она б работала? Откуда ты знаешь? Ты что-то

сильно умный сегодня, как я посмотрю!

Бутылка четырнадцатая. 1995

Хит 1995 года – залоговые аукционы. Про то, как делили богатства страны, откровенно и беспристрастно рассказывает Кох. Свинаренко в этот год всего лишь путешествовал по планете и командовал первым русским глянцевым журналом.

– Алик! Чем ты занимался в 95-м?

– Я что, на допросе?

– Хорошо. Ты не на допросе. Хорошо! Протокол ведь не ведется… Разве только мы сами себя пишем… Ну да ладно, я скажу. Занимался я тем же, чем и в предыдущий год. Глянцевым журналом «Домовой» занимался.

– А «Лучшее перо “Коммерсанта”» – это было уже в прошлом? К тому моменту?

– Да нет же. «Домовой» тогда был – не знаю как сейчас – в составе Издательского дома «Коммерсантъ».

– А в каком году ты последний раз написал в «Коммерсантъ»?

– В 99-м.

– А я – в 2003-м. Это была заметка про Ирак. Помнишь?

– Ну. Хорошая заметка была, бодрая. Так ты все-таки чем занимался в 95-м? Весь год залоговые аукционы проводил?

– Нет, они проводились один месяц. А к ним целый год шла подготовка. Версталась нормативная документация, выпускались всякие указы президента…

– А ты был кто у нас на тот момент?

– Первый зампредседателя Госкомимущества. А начальником был Сергей Беляев.

– Что касается повестки дня, то есть года, то залоговые аукционы – самая интересная тема не только 95-го, но, может, и всей книги. Читатели ждут этого. Иные – со злорадством. Они говорят мне: «Ну-ка, ну-ка! И как же вы будете выкручиваться?» Вот ты меня обвиняешь, что я их поминаю всуе…

– А давай все-таки в режиме диалога действовать! Дай и я скажу. Вот ты считаешь, что это кульминационный момент книги.

– Таково мнение ряда читателей. И они потирают руки в

ожидании. Предвкушают.

– А, как мы отмоем черного кобеля? А я хочу сказать о своих ощущениях: мы же книгу не на потребу публике пишем, а для себя – мне кажется, дело писателей и война олигархов 97-го года…

– …были повеселее, да?

– Конечно! И для страны последствия были более значимыми. И в моей личной биографии это большее значение имело… После залоговых аукционов, какими бы скандальными они ни были, моя карьера даже пошла в гору – я после этого стал министром, потом вице-премьером… А после писательского дела я, напротив, пошел в отставку, получил уголовное дело… Поэтому субъективно события лета и осени 97-го года имели большее значение – для меня лично. Вот. И для страны, мне кажется, тоже. Потому что худо-бедно, а после залоговых аукционов образовался этот класс олигархов, который обеспечил приход Ельцина к власти в 96-м… А когда они переругались все в 97-м и началась эта война – все в конечном счете закончилось дефолтом, и я готов это доказать. Так вот, мне кажется, что кульминацией книги будет 97-й год. Хотя, безусловно, залоговые аукционы – яркое событие, обросшее своей мифологией, разделившее общество на две неравные части: ярых сторонников и ярых противников. Так что, конечно же, об этом нужно говорить, и я готов выслушать твои претензии…

– Мы тут не будем брать в расчет позицию демонстраций под красным флагом…

– А были ли они, эти демонстрации?

– Я не раз видел митинги у Музея Ленина. Флаги, пожилые люди с горящими глазами…

– Ну, это не залоговые аукционы. Это и «МММ», и ограбление народа, и «Эльцина под суд»… Все вместе. Разворовали страну… Это с ваучеров началось!

– Что касается лично меня, то я вот сейчас, пытаясь восстановить свои ощущения, могу сказать, что пробегал глазом все те заметки – а много про аукционы ведь писалось. И мое мнение было такое: акулы что-то делят, кто-то кого-то объе…вает, – ну и пусть этим занимаются, если им интересно. Кто-то пытался поймать за полу действующих лиц, кто-то орал, что некто подсудил кому-то… В «Коммерсанте» некоторые из писавших про экономику чуть не дрались в коридорах, обвиняя друг друга в пристрастности, в работе на кого-то из олигархов. Типа: «Мой олигарх выше и честней твоего, а я бесстрастней и бескорыстней тебя!»

– А у обоих в глазах доллары светятся…

– После бескорыстные репортеры один за другим

всплывали в пресс-службах нефтяных и прочих олигархов… Забавно было это отслеживать. Что же касается попыток борьбы с джинсой, так Яковлев к этому без энтузиазма относился. Типа – а, пускай…

– Я помню, кто-то тогда выдвинул идею – в Минфине ввести мундиры. Со знаками различия: это менатеповцы, это потанинцы – чтоб сразу было понятно!

– Лично я относился к этому спокойно. Всегда что-то дербанят – нефть, шмефть. Холодно я смотрел на это, полагая, что такое было и будет всегда. Ну, чисто в рамках фантазий я думал, что хорошо б мне позвонили и сказали: «Игорь Николаич, зайдите, получите вашу долю от торговли нефтью».

– Вот помнишь, в «Одноэтажной Америке» Ильф с Петровым взяли в машину хичхайкера, мальчика-социалиста, подвезли его. И он им рассказывал, что надо все отобрать и поделить поровну. А миллионерам оставить только по одному миллиону долларов. После мистер Адамс объяснил нашим писателям про этот миллион, который надо оставить: потому что этот мальчик-социалист втайне тоже хочет быть миллионером.

– А ты знаешь, что этих наших путешественников звал к себе на рыбалку Хемингуэй?

– Знаю! Звал, а они не поехали. И написали про это.

– Ну видимо, их заставляли с коммунистами встречаться. Так вот, я на участников аукционов смотрел как на фарцовщиков. Ребята сперва джинсы перепродавали, бабки делили – ну и пускай. Я смотрел на приватизаторов как на людей, которые идут в торговый институт, чтоб после вставлять золотые зубы и жрать икру. Ну, такой был образ, штамп: товаровед обувного отдела наживается на туфлях, а сам ничего не делает. И вот фарцовщики подросли и пошли к вам на аукционы рвать куски. Я ездил в свое время по Сибири, видел, как бурят скважины. Люди живут в тайге неделями, буфетчица им жарит чебуреки, и ее, видимо, еще ебут на свежем воздухе, под комарами… И вот они там кормят комаров, а кто-то потом делит заработанное ими.

– Ну и что ж изменилось? И дальше так смотри на это!

– Но ты же требуешь от меня любви к капиталистам. При том что при Советской власти никто от меня не требовал любви к завмагам с золотыми зубами! Им самим это в голову не приходило! Я смотрел на них и думал – ну и х… с ними!

– Я прошу как раз именно такого отношения: «Ну и х…с нами». Оставьте нас в покое! Я не прошу любви, но не надо нас ненавидеть.

Комментарий Свинаренко

Грех тебе, Алик, говорить, что я не люблю бизнесменов, тем более в рамках конъюнктуры. Что типа я погнался за последней модой – ругать бизнесменов. А вот я тебе дам кусок из моего старого интервью с Авеном – это задолго до посадки Ходорковского! Итак, поехали.

«Авен. Путин не любит нас – бизнес-элиту. Да и не только Путин… Мы это чувствуем…

Свинаренко. А за что ему вас любить? Бабки из воздуха, дети за границей, на Рублевке уже полтинник сотка стоит… И когда мы читаем, как молодой неженатый бизнесмен летит в Куршевель или на Лазурный берег на одном самолете, а за ним летит второй, груженный веселыми девицами… Вот если б вы были бородатые староверы, вместо публичных домов в храмы бы ходили (ты как человек, безусловно, высокоморальный – не в счет), строили б приюты и школы, как старые купцы, – тогда б вам стоило удивляться: «А что это нас Путин не любит? И еще много кто нас не любит?»

А. Да, Путину, который ассоциирует себя со страной, с народом, бизнесменов любить не за что. Безусловно, приоритет национальный у наших бизнесменов находится не на первом месте. Это чистая правда. Это мы видим по масштабам меценатства, точнее, по его отсутствию. Мы это видим по масштабам воровства… Это так.

С. Ну да! Кого он должен поддерживать? Покажите мне русского Генри Форда (я приношу свои извинения за этого бедного Форда, которого уже совершенно измусолил всего. – *И.С.*), который построил завод, делает качественные дешевые автомобили для народа и сам по цехам мотается в промасленной спецовке… (А у нас если автозавод, то сразу там «BMW» и джипы собирают.) Нет – наш Генри Форд летит с блядями на курорт! Кто победней или кого жена не пускает – те завидуют… Кого из куршевельских курортников не упомянула Алена Антонова (светский обозреватель), те обижаются, дуются…

А. Ты в чем-то прав. И он управляет заводом, который не построил, а… скажем так, приватизировал. Мне нечего возразить.

С. Или б вы сказали: «Смотрите, мы построили город! Вот он, красавец!» Как китайцы. Вон мы с ними торгуем, но у них с этой торговли строят города с небоскребами, как у взрослых, а у нас бабки куда-то деваются – да в тот же Куршевель. У нас городов не строят! Вон разве только Манежный комплекс отгрохали да на Рублевке коттеджей наставили.

А. Да, у нас дикие сейчас совершенно диспропорции.

Фантастическая разница в доходах. Которая, кстати, и непонятно, на чем основана. Все правильно ты говоришь…

С. Так что не очень убедительно получается, когда начинается разговор о необходимости поднять абстрактную общественную мораль. А если б ты сказал конкретно: «Братья-бизнесмены! Прекратите себя вести как гондоны! Давайте будем скромнее!»

А. Да ну, куда! У нас с элитой сейчас большая проблема. Ну чего ты от меня хочешь услышать? Я ж не спорю…»

– Я прошу: оставьте нас, предпринимателей, в покое! Не относитесь к нам ни хорошо, ни плохо.

– Алик! Я все-таки оставлю за собой право относиться к вам хорошо. Что и делаю. Я на вашей стороне. Я голосовал, в конце концов, за СПС на последних выборах (понимая, что шансов у вас не много). Я говорю о вас хорошее куче разных людей – от Проханова до Иртеньева. Я не собираюсь ни при каких раскладах идти работать на коммунистов. Но при этом я оставляю за собой и такое право: не стоять на обочине Кутузовского, ожидая, когда вы промчитесь мимо, – чтоб помахать казенным флажком и глянуть вслед со слезой восторга. Я хотел бы по-прежнему смотреть на вас непредвзято и трезво. И говорить что хочу, здесь и сейчас (а не после – в Стамбуле или на Колыме, где правящий класс, увязший в ошибках в прошлый раз, доживал неудавшуюся после 1917 года жизнь). Если тема личной скромности или нескромности правящего класса меня волнует, а вы не дадите мне высказаться, то вы мне будете совсем неинтересны. Вот, к примеру, завмаги при советской власти вели себя, сука, скромно. Они себя держали в рамках.

– Да-а-а…

– Когда они строили дом в два этажа, их заставляли второй этаж сносить.

– Ну и что в этом хорошего? Это же просто зависть. Так где же либерализм, если просто завидно, что второй этаж?

– Да мне-то все равно, пусть будет два этажа! Ты как в первый раз слышишь мои претензии. Ты вообще мою часть книги читаешь невнимательно. Я писал, что олигархи своей личной нескромностью доведут всех до цугундера… Лично я не пойду воевать на новую Гражданскую, уж тем более за красных. За белых, может, пойду, хотя вряд ли, а вот за красных – точно нет. Я писал, что у миллионеров не будет проблем, их повесят на фонарях – и все, а я буду в очередях маяться! За водкой. За папиросами. Мы будем менять

скрипки на муку.

– А миллионеры, может, и в Парижик сбегут… Эта наша личная нескромность, насчет второго этажа… Я ж не в дачном кооперативе построился, где слесарь дядя Вася увидел мой второй этаж! Я его построил отдельно и далеко от дяди Васи. И дяде Васе мой этаж глаз не колет. Он не ездит мой второй этаж смотреть (это ж надо не полениться, сесть на автобус, по ехать на Рублево-Успенское шоссе). А вы, пиздюки-журналисты, – ездите. А потом один из вас, у которого тоже есть второй этаж, и квартира в центре Москвы, и многотысячный доход, и счет кругленький, – что делает? Он говорит: «Вот тебе лень, дядя Вася, на Рублевку ездить, так я тебе все расскажу про этих пидарасов». Я-то ладно, если не эмигрирую, то меня повесят на первой осине. Со мной все ясно. А вот журналиста-то этого тоже за яйца подвесят. Уже не за мой, а за его собственный второй этаж и за галстуки красивые, дорогие. И за привычку отдыхать на Капри. И в очередь поставят за костлявой говядиной и колбасой. И за папиросами, овальными, без фильтра. «Астра» называются.

– Да ладно. Не подвесят. Он будет себе работать на новую власть. Хоть и на коммунистов.

– А! Без второго этажа? И будет в претензии, что я его в очереди поставил и папирос лишил? А не сам ли он себя таким образом за яйца подвесил?

– На самом деле, когда один этаж – это, может, и удобней. Вон у Жечкова один этаж, но ведь богатый же дом. И даже удобный.

– Да-да. Но некоторые журналисты почему-то не стесняются дразнить людей и вызывать классовую ненависть. Я ничем не выдаю себя! Я ни где не тусуюсь! Никуда не лезу! Я свой домик глубоко в лесу спрятал и пишу себе книжечки! А меня журналисты выкопали в Куршевеле, наврали, что я по четыре тысячи трачу каждый день, а потом будут удивляться, что я их папирос лишил!

– Ну так курение – яд, табак – отрава.

– Тогда чего и расстраиваться? В очередь, сукины дети! Как я, парировал?

– Ну, парировал. Но это ж не мой был пафос. А другого журналиста.

– Кстати, все мои знакомые мне позвонили и сказали: «На х… был нужен такой репортаж из Куршевеля?» Все! Говорят: «В офисе уборщицы только об этом и разговаривают: пидарасы, наворовали, по 500 евро чаевые дают…»

– Я, кстати, тоже от ряда капиталистов выслушал подобные гневные пассажи. И они у меня спрашивали: «А где

ж у прессы ответственность?»

– Вот ты в драных штанах на «Ниве» ездишь, так от тебя, завзятого либерала и правого, я в принципе стерпел бы такой репортаж: «Ну, Игорек выпендрился, ему, в конце концов, ни что человеческое не чуждо. Он же постоянно с нами ужинает, ездит куда-то за границу, ему, может, обидно, что эти козлы прожигают жизнь, когда народ нищает».

Комментарий Свинаренко
Куршевель и проч

Я с восторгом отмечаю непременную деталь мозгового устройства миллионеров. Всякий человек, у которого нет денег, ну хотя бы пяти миллионов, рассматривается ими так: «Конечно, он всю жизнь только для прикрытия врал про умное, а на самом деле в глубине души мечтал разбогатеть, только стыдился признаться. И вот теперь, когда живет на одну зарплату, он чувствует себя несчастным и завидует всякому, у кого денег больше, и готов перед ним прогнуться. Стоит только посулить бабок». Я понимаю, что при отсутствии у меня капиталов трудно глянуть на ситуацию со стороны. Может, и правда я зря прожил жизнь? И от самого себя скрываю, что чувствую себя мудаком от того, что не пошел сразу колотить бабло все равно из чего?

Что же касается знаменитого телерепортажа из Куршевеля, там Леня Парфенов показал себя честным журналистом! Напомню. «Намедни» рассказала о богатом отдыхе олигархов, после которого многие обвинили журналистов в социальной безответственности, в разжигании страстей, при том что люди должны бы по идее защищать правящий класс. Парфенов трудится, рискуя личным благополучием. Выполняет свой журналистский долг. А людям удивительно – как это он еще не продался?! Некоторых это возмущает, бесит. Как же! «Ведь все приличные люди давно уже продались… Ведь это главное в жизни – прикрыть свою жопу! И срубить бабла! И создать такую обстановку, чтоб оно и дальше рубилось!» Ну да, конечно… А как же иначе… С чем вас и нас поздравляю. А «не могу молчать»? А как же «J'accuse»? Что, Леня не может на себя примерить тогу, напялить белые одежды морального лидера поколения? Только потому, что он из upper middle class? Гм… Я как-то спросил знакомого журналиста, тоже из upper middle class: «Вот дети вырастут и спросят тебя: как же так, папа? Другие журналисты за идеалы боролись, в тюрьме сидели за правду, – а тебя только деньги интересуют?…» Так он вдруг разозлился и говорит: «Что я им скажу? А я им скажу: ну-ка отдавайте мне квартиры и

машины, которые я вам купил, и идите сами работайте, если вы такие умные!» Я, собственно, в шутку спросил, не ожидая такой реакции. Но она меня развлекла. Тем более что журналист этот, погорячившись, забежал слишком далеко вперед: дети его только недавно букварь прошли, они пока в детской комнате помещаются в папиной квартире.

– Я не понимаю журналистов, у которых ботиночки и галстуки дороже моих, – и при этом они работают на разжигание классовой розни. Они же сук пилят, на котором сидят!

– И ты к протоколу подошьешь вырезку из «Медведя» за март 2004 года… Со своей статьей, где ты это все изложил. Я могу объяснить тебе, почему пресса перестала быть ответственной. Вот она была таковой при коммунистах, защищала статус-кво. А почему? По одной простой причине: за это ей платили! ЦК КПСС не скупился! Журналистам «Правды» давали лучшие зарплаты, квартиры и дачи!

– Ну так они работали на тот класс! А эти – против!

– Так о чем и речь. Миллионеры возмущаются, что пресса их не поддерживает. А вы эту прессу содержите? Вы дачи даете журналистам и квартиры? Ни х… На что ей жить? И вот журналисты пытаются поднять своирейтинги. Если получается, им несут рекламу. Они вынуждены!

– Ну что значит – вынуждены? Вынуждены ради рейтинга положить на наковальню свои яйца? Вы глаза нации, и вы дали это увидеть – так что пеняйте на себя. Вот вы бы лучше замазали себе глаза, как в Америке! Там толстые американцы жрут бигмаки, смотреть на их баб противно и тошно, но журналисты им всякие «Голливуды» показывают, что они тонкие и спортивные и что вся нация их – веселая и патриотичная. И красивая, с хорошими прическами. А вздрачивают народ наши журналисты. Они сеют классовую рознь. И пускай, сука, они первыми под обломками и погибнут.

– То есть ты уже приготовился к тому, что добром это дело не кончится…

– Я думаю, что если так будет продолжаться, если пресса будет гнать волну и репортажи про плохих пидарасов-бизнесменов – то, конечно, все это навернется.

– А, типа страну развалили журналисты. *(Свинаренко смеется.)*

– Конечно.

– Ну ты даешь! Раньше жиды и студенты были унутренние враги, а теперь, значит, репортеры во всем виноваты!

– Конечно. Конечно! А я абсолютно уверен, что мир вообще виртуален. Абсолютно точно. Безответственные журналисты и развалят страну.

– Еще раз объясняю. Вы ж им не даете денег, чтоб они были ответственные. А коммунисты содержали масс-медиа. Вон Гусь держал свое ТВ, и оно его хвалило. А вы ни х… для этого не делаете. Вы поставили ТВ в позицию, что оно независимо, должно зарабатывать само. Делать бизнес. Вот оно и зарабатывает рейтинги как может.

Старается, чтоб ему несли рекламу. А если б вы сказали: «Бабок дадим, плевать на рейтинги. Хвалите нас – и все. Не показывай про нас правды». Ну кто ж прессе понесет рекламу, если она начнет исполнять: «Ребята, давайте жить дружно!» Это уже будет не журналистика.

– Да послушай! Секундочку! И поэтому журналисты придумали врать! Чтобы рейтинги поднять! И для этого соединили два репортажа – про Куршевель и про прапорщика, который живет в автомобиле «Москвич»! Умалчивая при этом, что у того есть квартира! А где же правда?

– Ну так журналистика – это же не поиск истины, это всего лишь отрасль шоу-бизнеса!

– И не врите мне, что журналистам не платят! Все равно, даже ради рейтинга, врать нельзя! Журналист, чтоб поднять рейтинг, должен врать – да или нет? Если да – то все, у меня вопросов нет.

– Ну, тут есть одна тонкость. Одни видят в журналистике искусство, другие – бизнес. Некоторые хотят получать много денег и при этом оставаться в журналистике… Вообще, Алик, мне очень дорог твой пассаж насчет того, что журналисты обрушат государство. Это прекрасно! Вот кто виноват во всем! И не надо никакой политики с экономикой, морали и нравственности. Я принял к сведению, что в обрушении страны будут виноваты журналисты. Спасибо.

– Я, кстати, согласен с твоим тезисом, что класс должен платить. Абсолютно с тобой согласен. С каждым твоим словом. Более того. Я скажу, что, когда Кремль в начале 2003 года стал базу создавать для разжигания классовой ненависти, он начал журналистам платить. И они начали писать. Но вопрос не в том, почему журналисты за бабки пишут. Я же не идиот, прекрасно все понимаю. Я только хочу сказать: «Вы тогда в претензии к нам не будьте, когда вас в очередь поставят и папиросы отнимут».

– Ну я-то могу быть в претензии?

– Нет. Нет! И ты не можешь! А те журналисты, которые достигли высокого уровня благосостояния и комфорта и любят

это свое благосостояние, они-то уже должны не за бабки защищать, они должны свою шкуру защищать! Я могу больше сказать (в данном случае «я» – это собирательный образ некоего предпринимателя от среднего и выше): я на этот случай захеджировался и имею некий сценарий действий на всякий случай. И поэтому на ситуацию смотрю более хладнокровно. Но я ничего не делаю для того, чтобы страна развалилась!

– Но я все-таки валил бы не на журналистов, а на вас. Когда я вижу американских миллионеров в джинсах и у них галстука даже нет…

– Это стиль просто такой национальный. А ты немецких миллионеров вспомни. Они в джинсах не ходят. Они сидят в своих замках, и х… ты их увидишь. Сименсов разных.

– Но американцев я вижу в джинсах, и они сами за рулем! И англичане тоже. Я читал заметку, что Пол Маккартни живет в пятикомнатном доме и обходится без прислуги. А он миллиардер, у него денег больше, чем у тебя!

– Да врет он. У него в этом доме, может, и нет прислуги, так у него этих домов сто.

– Когда я в Штатах захожу в супермаркет и вижу, как пенсионерка, и учитель, и одноногий негр спокойно ходят с полными тележками и выбирают, какую б ветчину им из тридцати сортов выбрать, – я испытываю глубокие чувства. Причем мы понимаем, что эти люди туда не на экскурсию пришли, чтоб на чужую богатую жизнь посмотреть, – мы понимаем, что это их рутина, они тут реально покупают еду каждый день. И когда я вижу субботним утром американских пенсионеров, которые на своих «кадиллаках» съехались в «Макдоналдс» и сидят там болтают о своей жизни, – это мне по-человечески близко, я отношусь к этому очень тепло. Миллионер в джинсах за рулем, а пенсионер обжирается ветчиной. Это – да. А русский миллионер с самолетом блядей и учителя, которые мотаются по помойкам, – это мне, должен сказать, неприятно.

– Угу.

– И мой вопрос к миллионерам такой. Я не требую от тебя, чтоб ты жил, как я. Но как-то бы вам надо сбавить обороты. В чем-то. Пойдут ли бедные американцы, бросив посреди супермаркета наполненные товаром тележки, громить своих миллионеров? Едва ли… В этом суть. И за будущее американских журналистов я там более или менее спокоен – не придется им в очередях стоять за «Беломором» и осетинской водкой.

– Ну, американскую историю мы пересказывать не будем.

Русская же история XX века такова. Сидели, сидели, чесали репу и вдруг решили: «А пойдем-ка мы накостыляем мартышкам!» Собрались, всю армию с Запада на Восток перевели. Через Атлантику и Тихий океан эскадры перегнали. Получили в итоге пиздюлей и революцию…

– Минуточку. Это ты будешь рассказывать людям, которые придут тебя жечь?

– Да нет, это я тебе рассказываю. Ну так вот. Потопили страну в крови. Потом чуть оклемались, более-менее начали куда-то расти. Столыпинская реформа… Потом племянничек Ники объявил войну дядюшке Вилли. Дядюшка его шесть раз просил – образумься, не делай этого! Нет – шапками закидаем. «Когда наши в Берлине будут?» Получили Гражданскую войну. В крови утопили два миллиона казаков. Под нож! Офицерство – под жопу пинком. Священникам щеки и ноздри рвали. Церкви разрушили. Коллективизация: все крестьянство в лагеря. Война – сорок миллионов населения…

– Еще раз спрашиваю: ты про это намерен рассказывать пьяным матросам и восставшим пролетариям?

– Нет. Это я тебе. Так вот, зная русскую историю, ты удивляешься, что одноногий негр и учительница в американском супермаркете отовариваются, а наша учительница на помойке валяется. Да как же ей на помойке не валяться, когда страна вот так прожила сто лет? Когда американцы кирпичик к кирпичику, ни одной войны на своей территории? И в обе войны, которые у нас тут были, их на вожжах затаскивали? И я не понимаю, почему валяющаяся на улице учительница – это претензия ко мне? К человеку, который честно платит налоги? А почему это претензия не к тем госслужащим, которые катаются на яхтах и покупают себе каждые полгода новые «мерседесы»? Они такие же бюджетники, как эта учительница! Почему у разного окраса генералов дачи на Рублевке, где сотка за двадцать тысяч стоит, – в Барвихе, в Жуковке? Почему? Почему «честные» журналисты про то, как я отдыхаю, делают репортажи, а как рядом со мной, ну вот буквально в соседней гостинице, замминистра – нет? Или депутат Госдумы? И почему это не претензия к МПС? По смотри, какой у них офис! Как Эрмитаж! Все мрамором цветным отделано! И мебель резная из драгоценных пород дерева! Почему это не претензия к Лужкову? Который построил город для богатых, а учительницы на помойках? Почему это претензия к нам, налогоплательщикам, а не к власти? Почему эта учительница с упорством маньяка голосует за Лужка? Почему она Путина любит? Аж в букварь его включили… (*О, глубина моего предвидения! Через месяц после этих фраз правительственные*

чиновники и депутаты подняли себе зарплаты в разы, а учительницам и врачам – оставили прежнюю. И не то чтобы сейчас в бюджете денег не было. Есть деньги. Профицит ведь. А просто – забыли как-то. Не до них сейчас… – А.К.).

– Ну в общем, это продолжение дискуссии о том, кто правильнее – СПС или «Яблоко». И в результате оба пошли на хер хором. Вот приблизительно та же картина.

– Эту дискуссию ты начал. А не я. Я никак не могу понять, почему вина за все беды этой страны валится на предпринимателей. Которые честно исполняют свою обязанность, а именно – алчно наживаются. Именно для этого они и созданы! Ну почему вы от волков хотите, чтоб они сено ели? Вы же их специально завели, чтоб они естественный отбор устраивали! Вы бы хотели волков сильных, красивых, но чтоб они ели сено.

– Видишь ли, нам больше нравится американская порода волков.

– А вот эти госслужащие?

– Тоже козлы – отвечу я тебе.

– Так может, лучше на госслужащих направить народную ненависть наконец?

– Понимаешь, у государства есть пресса, которую оно содержит. А у васнет ни хрена. Вы экономите. На спичках.

– Но эту-то книжку мы пишем не на государственные деньги.

– Ну. Тут важно что: вот я – за капитализм. Но лично мне симпатичней его американская модель, где они пытаются как-то сократить это расстояние между полюсами.

– Хотя бы внешне.

– Если даже это игра – то пускай это будет хотя бы игра. И то хорошо. Тем более что это игра красивая, мудрая и полезная. А русская версия капитализма – при том что я заклятый либерал и только в ранней юности имел левые настроения…

– А, когда ты хотел за Сальвадора Альенде воевать.

– Ну да. Я тебе признавался в этом. Было дело. И дедушка у меня был чекист. Но я тем не менее абсолютно за капитализм. Вас должно это волновать – что даже люди, которые на вашей стороне, начинают к вам обращаться с вопросами. Почему вы не хотите построить американскую модель?

– Ну при чем тут я? Вот скажи, чем таким я тебя сильно раздражаю?

– Я говорю не о тебе.

– Но что я могу сделать? Могу я заставить какого-то олигарха не возить самолет с блядями? Не могу.

– Ну почему же? Вон Авен худо-бедно что-то гонит в газетах про мораль, про, типа, ответственность бизнеса…

– Ну перестали они уже на самолетах возить блядей, как президент им замечание сделал. Перестали. Бляди теперь поездом ездят. Ну а ко мне какая претензия? Если б все бизнесмены себя так вели, нормально б было?

– Ну, ты в целом симпатичный. Ничё было б.

– А, ничё? А НТВ все равно показывает – 4 тысячи евро… Куршевель, блядь. Я же тихий, спокойный, не свечусь, веду себя скромно… Общаюсь с такими не очень обеспеченными людьми, как ты, который не очень симпатично относится к классу предпринимателей. Но все равно меня освещают как ворюгу, как пидараса!

– А ты договорись с ТВ, что ты им компенсируешь потери от падения рейтинга. И они будут про вас делать политкорректные передачи, которые никто не будет смотреть. ТВ станет полным говном. Скучным.

– А так оно веселое – просто ус-саться.

– Однако мы отвлеклись. Давай вернемся в 95-й. Фарцовщики выросли, подняли аппетиты и взялись за нефтянку на налоговых аукционах. Получилось как-то не очень красиво. Не буду тебе цитировать мнения по этому поводу левых радикалов и маргиналов, а поцитирую-ка я тебе твоих же братьев капиталистов. Из числа наших знакомых. Вот тебе Лисовский, это отрывок из интервью, которое я у него когда-то взял: «Все прекрасно знают, что недра должны принадлежать стране! Потому что они были у страны украдены! Именно украдены! Капиталов таких ведь не было тогда ни у кого. Эту кражу назвали приватизацией… А надо об этом сказать ясно и прямо. Ну ладно, тогда дали украсть, ну хорошо, люди заработали денег. Но сейчас-то пусть они недра вернут! Я не говорю – сажать приватизаторов, нет. Но надо придумать какую-то технологию, как вернуть украденное, надо найти справедливое решение…» Ничего так, да? А теперь даю тебе мнение Фридмана, он мне его на словах изложил. Значит, так. Он сказал, что залоговыеаукционы – это перебор, это вредное явление для общества, что общество это восприняло как воровство…

– Опять же с подачи журналистов, заметь.

– Не важно, с чьей, важен факт. Фридман говорит, что не верил тогда, что государство это все легализует. Он был уверен, что такого не может быть – чтоб государство отдало богатства за бесценок. А помнишь, Путин, перед тем как посадить Ходорковского, говорил на встрече с олигархами:

не надо забывать, что люди не сами по себе стали миллиардерами, просто им разрешили таковыми стать, назначили, и все. Видимо, он ту ситуацию и имел в виду, с залоговыми аукционами, когда людям говорили – «ты бери, а ты не лезь».

– Понятно. А кто Вяхирева назначил миллиардером без всяких залоговых аукционов? А Смоленского – кто? А Гусинского? Тоже без всяких залоговых аукционов! Он говорил, что никогда не участвовал ни в какой приватизации, – только у него вдруг бесплатно частота для канала оказалась, без всякого конкурса. Он это почему-то не считает приватизацией! И он, с пафосом, раздувая ноздри, кричал про несправедливую приватизацию! А кто миллиардерами назначил массу других людей?

– Я откуда могу знать?

– Значит, все-таки не залоговые аукционы их назначали! А между прочим, Потанин и Ходорковский к залоговым аукционам подошли, имея каждый больше ста миллионов денег. Кто их назначил? А кто Сосковца назначил богачом? Или того же Святослава Федорова? Уж это точно долларовый миллионер…

– Так миллионер, не миллиардер же.

– А с точки зрения учительницы, которая на помойке валяется – у нас же это собирательный образ народа, – один хер, миллионер или миллиардер.

– Ну в общем, да.

– А любимый президентом Сережа Пугачев как стал миллиардером? Ни в одной приватизации не участвовал. Ни в одной! Только с бюджетными деньгами работал. Как банкир.

– ОК. Насколько я понял из твоей прочувствованной речи, залоговые аукционы – это кристально чистая, честнейшая операция. На пользу Родине. Типа, там нищие умные энтузиасты поделили громадные богатства совершенно бескорыстно. Поделили между посторонними людьми. Великодушно. Им хватило морального удовлетворения. Счастье же не в деньгах. Себе никто ничего не взял. Такое происходит сплошь и рядом. Это естественное человеческое поведение. Мы же все-таки гомо сапиенсы, а не какие-нибудь волки позорные.

– Я уже устал спорить на эту тему. Язык не поворачивается.

– Я, кстати, тут пока не спорю. Я формулирую твою позицию, как я ее понял, а ты подтверди или опровергни.

– В режиме диалога доказывать это бессмысленно. Я напишу комментарий. Подробненько расскажу, как это получилось. И почему получилось именно так.

– А подсуживание на аукционах, о котором столько

писали?

– Хм, хм, хм… Подсуживание…

– Ну что ты хнычешь? Взрослый ведь уже мальчик.

– Да. А конкретные примеры подсуживания есть?

– Да ты лучше меня должен помнить, кого больше долбали. И за что. Вот у меня «Связьинвест» всплывает в памяти.

– А это не залоговый аукцион! Это ж 97-й год! Во-во, блядь, видишь, какой он, национальный миф! Так и хочется в тебя телефоном запустить.

– Я, кстати, про эти аукционы тогда не писал.

– Но ты носитель этого мифа.

– Я в этом не спец и по этому вопросу с Фридманом совещался. Он объективно о них может судить – как человек, который в них не участвовал.

– Ты его слушай больше. Еще как участвовал! Он был допущен до аукциона, но не внес задатка. Денег не было. А без задатка ему не дали участвовать. И еще потом в одном он участвовал. Вместе с Потаниным.

– А мне один госчиновник сказал: «За то, что Фридман не участвовал в залоговых аукционах, он в расстрельных списках будет последним». Ну как?

– А он сам, по его версии, какой будет по очереди в расстрельных списках?

– Я думаю, он полагает, что будет эти списки редактировать. По специальности будет задействован.

– Я понял, понял!

– Значит, говоришь, за писательское дело тебя сильней давили?

– Конечно. Меня за аукционы вообще не ебли. Только задним числом их приплели к писательскому делу, потому что писательское совсем разваливалось, и начали это туда тащить.

– А помнишь, ты говорил, что чувствуешь себя мудаком, оттого что не брал взяток, когда работал в правительстве? Это ты залоговые аукционы имел в виду?

– В том числе, конечно.

– А там какая была механика?

– Ну, это долго описывать.

– Ну так и опиши. Я так понимаю, что ты в теме и я тебе не должен подкидывать наводящие вопросы?

– Я абсолютно в теме.

– Ну смотри же, не подкачай. Всю правду расскажи.

– Да-да. Я все расскажу.

Комментарий Коха
Залоговые аукционы, или Альфред Кох перед судом народов

Это только кажется, что правда борется с ложью. На самом деле это одна правда борется с другой правдой.

Нильс Бор

Я не могу даже перечислить все претензии, которые есть у публики по отношению к залоговым аукционам. И распродали по дешевке, и рассовали по своим, и черта в ступе. В принципе что-то в этом духе я предполагал в самом начале. Я готовился к жесткой полемике. Оттачивал аргументы. Выстраивал логику. Я был в форме. Я был готов. Но… Полемики не получилось. То есть она бы получилась, если бы она была. Но ее не было. Все вдруг сразу решили, что и спорить тут нечего: воры-взяточники – и точка.

А заготовленные аргументы так и пылились на полках памяти. И неумолимая логика так и осталась не умоленной, поскольку никто даже и не пытался ее услышать, найти изъяны, предложить другую взамен этой.

Забыли многие из государственных деятелей, кто непосредственно участвовал в этом мероприятии, что они в нем участвовали. Что по окончании – звонили, благодарили. Говорили, мол, герой, спас страну, Родина тебя не забудет. Так и было. Не забыла. Лучше б забыла… Ей-богу. Ну да ладно. Давайте все по порядку. Несомненно, лучше поздно, чем никогда.

Страна есть, и она ест. Причем каждый день

Что такое 1995 год? Мы помним – это был год парламентских выборов. Это год, предшествовавший президентским выборам (об этом особо – в следующем, 1996 году). Когда практически в самом его начале, ночью 1 января 1995 года, начался штурм Грозного. Это год, когда коммунисты и жириновцы полностью контролировали Думу. Это год… Да, впрочем, чего это я. Все помнят, что это был за год. Всего девять лет назад. Постойте, как девять? Боже мой! Неужели уже девять? Да-да, девять. Дети, которые родились в этом году, сейчас уже ходят во второй класс. А мне тогда было 34 года. Какая прелесть…

А что было со страной? С нашей страной – Россией? Вы, нынешние наши критики, взахлеб распинающиеся в верности нынешнему правителю, помните, что с ней было? Какая она была? Или «распродали-рассовали, воры-взяточники» – этого достаточно, чтобы спокойно пинать Ельцина? Мешать с дерьмом Чубайса? Меня, грешного, поминать недобрым словом? Или все-таки попробуем разобраться, что и у кого украли, кому и куда рассовали? Небезынтересно, правда ведь? Или настоящим патриотам знать историю собственной страны необязательно? Или это знание заменено трескучим «ату, держи вора»? А вам не рассказывали, кто эту фразу кричит громче всех?

Бюджет. Да вот хотя бы и он, родимый. Куда без него? Например, доходы бюджета в 2004 году – около 96 миллиардов долларов, расходы – 93 миллиарда, профицит соответственно – 3 миллиарда. А что было тогда, в 1995 году? Тогда было веселее: доходы – около 37 миллиардов долларов, расходы – примерно 52 миллиарда, дефицит, таким образом, – 15 миллиардов. А страна-то все та же – 145 миллионов народу. Тогда даже чуть больше было.

Наши оппоненты, конечно, могут взять и соврать. Например так: мол, у вас такой маленький бюджет был, потому что вы хреново налоги собирали. Вот мы надавили на олигархов – и нате, пожалуйста, в два с половиной раза больше собираем. Наиболее очевидное возражение с нашей стороны хорошо известно: в 1995 году баррель нефти стоил около 15 долларов, а сейчас – 34 доллара. Но ведь даже если не использовать этот самый убойный аргумент про мировые цены на основные статьи нашего экспорта – нефть, газ и металл, то и без этих аргументов не стыкуется у них. Не стыкуется в главном.

А главное заключается в том, что в 1995 году олигархов не было. В промышленности сидели «красные директора», которые годами (!!!) не платили ничего. Держали огромную социалку и, прикрываясь ею, ныли об отсрочках, льготах и прочей дребедени. Рассказывали, что за ними многотысячные коллективы, что мы – мальчики в розовых штанишках, что реальной жизни не знаем. Черномырдин в меньшей степени, а Сосковец и все отраслевики в правительстве были за них горой. Коржаков с Барсуковым их прикрывали, не давали в обиду. Сами же директора, эти матерые товаропроизводители, и сейчас живут неплохо, поскольку воровали они на каждой тонне, на каждом кубометре. А вот бюджет был такой, какой был. Сковырнуть этих архаровцев усилиями собственника-государства было невозможно ни под каким предлогом. Они постоянно ползали из кабинета в кабинет по Белому дому, по Кремлю, по Старой площади и лоббировали,

лоббировали, лоббировали. Клялись в любви к Ельцину, демократии. Говорили, что подход у них государственный – какой и должен быть. Да разве ж мы не понимаем? Реформы, рынок… Всю жисть, отец родной, только об этом и думали… Госплан паскудный – вот ведь гадость какая! То ли дело – рынок. Ну, первое время – трудности, понятное дело. А как же без них? Мне бы освобождение от налогов, а? В связи с неизбежными трудностями. Я ведь объяснил – город на мне. Детсады, ясли, свинокомплекс, дом отдыха в Крыму. Как зачем? Всем миром строили, жалко отдавать – пропадет. Ну хоть отсрочку… Можно? Спасибо! Огромное! Рынок, рынок… А как же? Без рынка никуда! Господи, счастье-то какое – демократия, рынок. Сбылось наконец. Ой, батюшки, а время-то сколько. Ну вот, везде опаздываю… Век бы с вами сидел разговаривал. Да бежать надо. Ну, я пошел? Ладушки? Все, убегаю…

А вот у Зюганова они вели другой разговор. Не тушуйся, мол, Андреич. Поддержим. И деньжат дадим, и коллективы сориентируем. Так что – не ссы. Сковырнем дерьмократов, только их и видели. На Колыме. Ха-ха-ха…

Надежды на этих «мужиков» не было никакой. Рвачи, неграмотные краснобаи, сибариты, выпивохи. Люди, лишенные минимальных нравственных ориентиров. Пришедшие в кресло генерального директора из секретарей парткомов, из комсы, из трибунных реформаторов – «прорабов перестройки». Они подсидели старый, суровый и основательный, еще косыгинский, директорский корпус в самый угар «перестройки и ускорения», то есть в годах 87-м – 88-м. Вот видите, и в кадровой политике видны хрущевские замашки непоседливого Михал Сер геича.

Безусловно, были среди них и дельные люди. Ну так они и сейчас работают. Некоторые – олигархи. Алекперов, Богданов, в оборонке с десяток человек. Вот и все. Прямо скажем, негусто.

Я уже много раз писал, что в то время был миф: без директорского корпуса – никуда. Они есть соль земли русской. Самые что ни на есть настоящие человеки, элита нации. Ну вот как нынче – кагэбэшники. Мы супротив них считались все равно что плотник супротив столяра. Была даже целая эстетика, свой словарь. «Заводчане», «добре», «три коротких, два длинных, ура, ура, ура, у-рр-аа, у-рр-аа!».

Надо было всю эту шелупонь гнать поганой метлой. Иначе – катастрофа. Причем независимо от того, какой строй, извиняюсь за тавтологию, строить. Ныне горячо любимый товарищ Сталин поставил бы эту шушеру к стенке в 24 часа. Уверен: ни минуты бы не колебался.

Как от них избавиться? Есть один способ: раз тебе самому не

дадут их уволить, то надо завод продать, а новый хозяин пусть сам избавляется от этих «элитных производителей». Понятное дело, что, продавая предприятие с такой «нагрузкой», нужно было делать скидку с нормальной цены. Ведь предприятия, под чутким руководством этих «справных мужиков», были в долгах как в шелках, обремененные невыгодными, воровскими контрактами, левыми кредитами, огромной бюджетной задолженностью. На предприятиях висела не отданная в муниципалитеты социалка, сокращающая их налогооблагаемую базу.

Да нет, я не жалуюсь. Я просто пытаюсь объяснить, что нынешний эффективный и прагматичный менеджерский корпус вырос оттуда, из этой борьбы. Я хочу объяснить, что если бы мы тогда не выиграли эту войну с «красными директорами», если бы не свалили ну, например, директора «Норильского никеля» Филатова, если бы не доказали, что мы сила и власть, то собираемость налогов сейчас была бы другой. А может быть, и страна тоже была бы другой. И президент другой. Смею предположить – звали бы его Геннадий Андреевич. Не сомневайтесь, точно. И вертикали бы не было… За вертикаль как-то особенно обидно. Кошмар просто!

Сейчас большинство из этой «элиты» – почтенные буржуа. Давно наслаждаются они сколоченным капитальцем, отошли от дел. Внуки там, большое имение, а то и за границей. Англия им нравится, Испания. Бог им судья. Вреда они принесли много. Но могли принести еще больше. И на том спасибо.

Но вернемся к бюджету. Так или иначе, но дефицит в 29,5 % – это, говоря честно, уже катастрофа. Если копнуть чуть глубже, то масштабы этой катастрофы становятся еще яснее. Буквально несколько штрихов. Доходы от продажи государственной собственности в бюджете 1995 года были запланированы более чем в 1 млрд долларов. Это чуть больше 3 % доходной части. Примерно столько же, сколько было запланировано получить от подоходного налога (2,17 %) и налога за пользование природными ресурсами (1,38 %), вместе взятыми! Нынешние радетели резкого повышения природной ренты, где вы? Ау! И вы голосовали за этот бюджет. Бюджет, который делал неизбежным «распродажу Родины».

А вот еще несколько интересных деталей. Средства земельного налога – 0,25 % доходов бюджета (это про одну седьмую часть планеты). Еще веселее: лицензионный сбор за право хранения, розлива и оптовой продажи алкогольной продукции – 1,23 %. Акциз на водку около 3 %. А как же иначе? Коржаковскому Национальному фонду спорта надо льготы дать? Надо! А церковь наша торгует льготным спиртным? Торгует! И

табаком тоже! Эти льготы кто, Чубайс придумал? Нет! Это ведь Дума одобрила. И коммунисты – прежде всего.

А вот как финансировался дефицит бюджета. 6,3 миллиарда долларов нужно было найти внутри страны. Это, в том числе, прибыль ЦБ, но прежде всего – ГКО. Пирамида, она ведь не от хорошей жизни росла и росла. И тоже – где депутатская принципиальность? Когда эта пирамида рухнула, не те же самые люди, которые утвердили объем внутренних заимствований, дрожа лицом, гневно клеймили врагов и радели за народ? Еще 8,7 миллиарда долларов нужно было найти внешнего финансирования. Это при наличии уже к тому времени неподъемного горбачевского долга.

Я утверждаю, что альтернативой приватизации как источнику дохода в тот момент было либо увеличение дефицита бюджета, либо ликвидация основных льгот – аграриям, Северу, производителям и торговцам алкоголем, табаком. Увеличение и так безобразно огромного дефицита бюджета было невозможно по макроэкономическим соображениям. Устранение льгот было выше наших сил. Потому что противостоящая сторона (или, если угодно, стороны) оставалась – и в аппаратном, и в политическом смысле, – очевидно, сильнее. Забегая вперед, скажу, что открытое столкновение с ними произошло в следующем, 1996 году. И про это будет особый разговор.

А как расходовались эти крохи? Может быть, отрывая от себя последнее, продавая крупные куски собственности, государство тратило вырученные деньги на малоимущих, сирых и убогих, на тех, кому тяжелее всего, на детей? Ничуть! Посчитайте сами: национальная оборона – 19,75 % расходов, правоохранительная деятельность и обеспечение безопасности государства – 6,08 %, федеральная судебная система – 4,33 %, госуправление – 1,82 %. Итого 31,98 % бюджета тратило государство на само себя. Треть государство занимало – и тут же этой третью само себя финансировало.

Страна воевала. Крупномасштабная война в Чечне, с привлечением авиации, танков, целых армий и дивизий, с большими потерями с обеих сторон, она ведь не бесплатная, она здесь, в этой трети расходов бюджета. Эту войну кто придумал? Чубайс? Черномырдин? Нет. Это Грачев нам рассказывал про полк ВДВ, про один день, про «шапками закидаем». Сразу вспоминается Русско-японская война в начале XX века. Там тоже было: и «зададим макакам», и нужна «маленькая победоносная война», и прочий мудацкий бред. А вместо этого были Цусима, гордый «Варяг» и «на сопках Маньчжурии».

Сколько этих «варягов» было в Чечне? Сколько наших солдат

было предано и брошено на произвол судьбы в плену, в окружении, без оружия, боеприпасов, ранеными? Сколько денег от «распродажи Родины» было украдено из солдатских котелков, из их одежды? Сколько денег было потрачено на патроны и снаряды, которые в конечном итоге оказались у чеченцев? Это кто так распорядился бюджетными деньгами, которые выделила им страна, оторвав от детей и стариков? Оторвав от нашей культуры (0,62 % расходной части), здравоохранения (1,3 %), образования (3,66 %)… Кто? Опять Чубайс, который, по «меткому» выражению Ельцина, «во всем виноват»? Похоже, что и в этот раз обошлись без него… Тогда кто? Нет ответа… Только солдатские могилы по всей России. Тонкие, детские еще косточки самых бедных, самых бесправных крестьянских детей тысячами закопали в землю толстенные генералы с лампасами. И от этого посева образовались у них дачи, «мерседесы», жопастые внуки в Швейцариях. И отчего никто не зовет их к ответу? Отчего не они виноваты в наших бедах? Отчего по-прежнему именно они зовут нас служить в их армии, под их началом, учат нас гордиться страной? А может, не будь этой войны, и «распродавать Родину» не было бы нужды? Как-нибудь обошлись бы.

Сейчас тех, кто начал эту войну, не найдешь. Коржаков валит все на Филатова с Савостьяновым. Те в свою очередь валят на Коржакова с Барсуковым. Каким-то боком поминаются еще Грачев, Завгаев, Степашин, ныне покойный зам. главы Администрации президента Егоров. А где она, правда-то? Одному Богу известно. Одно всеми признается безоговорочно – никто из «молодых реформаторов» (вот еще тоже кликуху придумали) к этому не причастен.

Так или иначе, «прорабов духа» нужно было снимать, а этот миллиард долларов зарабатывать. Войну ведь не остановишь – она уже шла. Запад денег не дает, говорит, что на войну у него для нас денег нет. А возможности внутренних заимствований исчерпаны. Что остается? Честный и непредвзятый аналитик должен сказать – продавать собственность. Что мы и сделали.

Несколько слов о бюджетном интриганстве

В конце первого полугодия 1994 года закончилась чековая приватизация. И мы начали готовиться к денежной. Делали прогнозы, изучали рынок. По всему получалось, что при определенных, отнюдь не запредельных, усилиях мы в состоянии дать в федеральный бюджет около миллиарда долларов.

Во втором полугодии начался бюджетный процесс.

Правительство подготовило проект бюджета и представило его в Думу. В нем содержался этот самый злосчастный миллиард долларов от приватизации. Здесь я бы хотел специально оговориться и сообщить следующее: для того чтобы дать в федеральный бюджет миллиард долларов, нужно выручить от продажи собственности почти в два раза больше, поскольку значительная часть средств от приватизации перечислялась в региональные и местные бюджеты. Таким образом, когда мы говорим о миллиарде в федеральный бюджет, нужно понимать, что в действительности имеется в виду почти два.

Коммунисты встретили нас с распростертыми объятиями. Они тоже не спали и преподнесли для нас домашнюю заготовочку: чековая приватизация, мол, кончилась, будьте любезны давать бюджетную эффективность. А мы и не возражали – вот, пожалуйста, предусмотрен целый миллиард. Коммунисты задумались и взяли тайм-аут. И здесь они сделали ход, достойный великого комбинатора: они внесли поправку в бюджет, которая, по недосмотру Минфина, отвечавшего за прохождение бюджета в Думе, прошла.

Цитирую: «…Статья 12. Установить, что в 1995 году при приватизации не осуществляется досрочная продажа закрепленных в федеральной собственности пакетов акций нефтяных компаний, созданных и создаваемых в соответствии с указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства Российской Федерации.

Установить нормативы отчисления в федеральный бюджет на 1995 год средств от продажи принадлежащих государству и не закрепленных в федеральной собственности акций указанных нефтяных компаний в размере 55 %…Доходы от продажи государственной и муниципальной собственности – 4785,4 млрд руб…»

А мы как раз и собирались досрочно продавать эти самые пакеты. И не от злого умысла, а потому что больше продавать было нечего. Фактически к тому моменту непроданными оставались только акции оборонки да вот эти нефтяные и частично металлургические пакеты, закрепленные в федеральной собственности.

Таким образом, к весне 1995 года мы находились в довольно странном положении. С одной стороны, мы получили то, что просили, – задание по приватизации в миллиард долларов. С другой – у нас не было источника получения этого миллиарда, поскольку законодатель запретил продажу как раз того имущества, которое мы и планировали продать для получения указанной суммы. Решение проблемы лежало на поверхности –

если нельзя продать, то нужно заложить под кредит. Вот так и появились залоговые аукционы.

Несколько слов о согласовании интересов

Впервые идею заложить государственные акции в банки для получения кредитов озвучил на одном из заседаний правительства в марте 1995 года приглашенный Сосковцом Владимир Потанин. Было дано протокольное поручение Госкомимуществу совместно с Минфином разработать необходимую нормативную документацию для проведения этого мероприятия.

Я не буду описывать чисто бюрократическую сторону подготовки необходимых документов. Скажу только, что сразу стало ясно – необходим указ президента, постановлениями правительства не обойтись. Следовательно, в разработку документов были включены и структуры Администрации президента. Прежде всего правовое управление и его руководитель – Руслан Орехов, и еще, конечно, экономические службы, конкретно – Александр Лившиц и Антон Данилов-Данильян.

Первоначально схема выглядела просто. На открытых аукционах мы выставляем залоги. Потенциальные кредиторы участвуют в них. И побеждает тот, кто под какой-то конкретный залог предлагает самый большой кредит. Однако сразу возникло множество вопросов.

Вот некоторые из них. Под какую процентную ставку брать кредиты? На какой срок? Кто управляет акциями на период залога? Вопросы эти, при кажущейся их банальности, на самом деле были очень даже непростые.

Например вопрос о ставке кредитования. Рыночные ставки в то время были настолько высоки, что брать кредиты на этих условиях, да еще закладывая акции, было невыгодно. Действительно, разница между ставкой кредитования и доходностью ГКО была настолько небольшой, что сама залоговая схема становилась не очень нужной. И правда, зачем огород городить и проводить какие-то залоговые аукционы, если у банков можно занять денег через механизм ГКО под чуть больший процент и без всяких залогов? Да и не очень понятно, зачем банкам кредитовать правительство под несколько меньшую ставку, если можно у того же заемщика купить ГКО с более высокой доходностью?

Интерес появлялся, если мы говорили, что на период

действия кредитного договора управление залогом осуществляет кредитор. А-а-а, говорили банкиры. Тогда сообщите нам, как долго мы можем управлять этими залогами? Насколько велики у нас стимулы инвестировать в эти предприятия? Или, если сроки будут измеряться месяцами, то не проще ли нам банально «раздербанить» эти заводы? А ведь это не входит в ваши планы, уважаемое правительство? Не правда ли?

Короче, вопросов было множество, но к сентябрю Госкомимущество, Минфин и Администрация президента родили наконец согласованный документ. Схема была сложная, громоздкая. Однако интересы и правительства и банков в той мере, в какой это было возможно, в ней были учтены. На два аспекта я бы обратил особое внимание.

Во-первых, всякие расчеты с банками либо по возврату кредита, либо по переходу залога в собственность кредитора начинались только во втором полугодии следующего, 1996 года, то есть после президентских выборов. Эта конструкция была предложена Александром Лившицем. Мы сразу оценили изящество схемы и тот политический подтекст, который был в нее заложен. Действительно, поскольку основной и единственный конкурент Бориса Николаевича в президентской гонке – коммунист, то понятно, что, приди он к власти, ни о каком возврате кредитов или отдаче залогов речи не будет. Идите, скажет, господа банкиры, подобру-поздорову. Радуйтесь, что живые остались. Следовательно, кредиторы, которые дадут правительству денег на этих условиях, станут нашими естественными союзниками в предстоящей президентской гонке. Очевидно, что шансы вернуть свои деньги или получить имущество у кредиторов появлялись только в случае победы Ельцина.

Во-вторых, к аукционам не были допущены иностранные инвесторы. Автор этого пассажа неизвестен. Поговаривали, что это Коржаков, но точных данных у меня нет. С одной стороны, это была старая песня про «национальную безопасность». Как будто эти компании можно положить в карман и унести к себе в далекие, страшные «заграницы». С другой стороны – это сразу настроило прессу, прежде всего западную, против залоговых аукционов, что сыграло негативную роль в скандальной мифологизации этого процесса. Потом, когда в 1997 году началась война с «молодыми реформаторами», то медиа, подконтрольные Гусинскому и Березовскому, без конца цитировали западных журналистов как истину в последней инстанции, создавая видимость объективности. Как будто западный журналист не может быть предвзятым и

неинформированным. Справедливости ради нужно сказать, что интерес иностранных инвесторов к российским активам тогда был очень низкий. Посудите сами, зачем инвестировать в страну, где коммунисты триумфально выиграли парламентские выборы и находятся в пяти минутах от победы на президентских выборах? Поэтому указанная норма фактически была мертвой, но фон создавала нехороший.

Но, так или иначе, согласованная и минимально работоспособная схема аукционов была выработана и стало можно приступать к их проведению.

Несколько слов о том, как проходили аукционы

Собрав все предложения от потенциальных кредиторов, мы составили список предприятий, чьи акции будут выставлены на залоговые аукционы. Не буду углубляться в детали, скажу только, что состоялось всего 12 аукционов. Приведу их результаты.

3.11.95. Выставлено 40,12 % акций «Сургутнефтегаза». Победил негосударственный пенсионный фонд «Сургутнефтегаз». В общей сложности заплачено 300 млн долларов США.

17.11.95. Выставлено 38 % акций РАО «Норильский никель». Победил ОНЭКСИМ Банк. Заплачено 170,1 млн долларов США.

17.11.95. Выставлено 15 % акций АО «Мечел». Победило ТОО «Рабиком» (к тому моменту – владельцы большого пакета акций). Заплачено 13,3 млн долларов США.

17.11.95. Выставлено 25,5 % акций «Северо-западного речного пароходства». Победил Банк МФК. Заплачено 6,05 млн долларов США.

7.12.95. Выставлено 5 % акций «Лукойла». Победил сам «Лукойл». Заплачено 141 млн долларов США.

7.12.95. Выставлено 23,5 % акций «Мурманского морского пароходства». Победило ЗАО «Стратег» (фактически – банк «МЕНАТЕП»). Заплачено 4,125 млн долларов США.

7.12.95. Выставлен 51 % акций «Сиданко». Победил банк МФК (фактически – консорциум из МФК и «Альфа-групп»). Заплачено 130 млн долларов США.

7.12.95. Выставлено 14,87 % акций «Новолипецкого металлургического комбината». Победил Банк МФК (фактически – «Ренессанс Капитал»). Заплачено 31 млн долларов США.

8.12.95. Выставлено 45 % акций «ЮКОСа». Победило ЗАО «Лагуна» (фактически – банк «МЕНАТЕП»). Заплачено 159 млн долларов США.

11.12.95. Выставлено 20 % акций «Новороссийского морского

пароходства (Новошип)». Победило само пароходство. Заплачено 22,650 млн долларов США.

28.12.95. Выставлено 15 % акций АО «Нафта-Москва». Победило ЗАО «На-фтаФин» (фактически – менеджмент самого предприятия). Заплачено 20,01 млн долларов США.

28.12.95. Выставлен 51 % акций «Сибнефти». Победило ЗАО «Нефтяная финансовая компания» (фактически – консорциум Березовского и Абрамовича). Заплачено 100,3 млн долларов США.

В общей сложности было получено в бюджет около 1 миллиарда 100 миллионов долларов США.

Что запомнилось? Несколько скандалов, которые до сих пор не дают покоя нашим оппонентам.

Первый – по «Норильскому никелю». Скандал состоял в том, что мы не допустили до аукциона ТОО «Конт», за которым стоял банк «Российский кредит».

Причины недопущения банальны. Обязательным условием участия в аукционе являлось предоставление соответствующей всем необходимым требованиям банковской гарантии на стартовую цену. Необходимые требования заключались прежде всего в том, чтобы собственный капитал банка, выдавшего гарантию, был как минимум не меньше размера гарантии.

На мой взгляд, это требование находится просто на уровне здравого смысла. Действительно, чтобы не было соблазна срывать аукционы, победив, а потом отказавшись платить, мы не только ввели большие задатки, но и для подтверждения платежеспособности участников потребовали с них предоставлять гарантии, что они в состоянии заплатить хотя бы стартовую цену. Об этом нашем требовании, в соответствии со всеми необходимыми нормами закона, заранее и публично мы предупредили всех. Также заранее мы предупредили, что невыполнение этого требования влечет за собой «снятие с пробега». Были оговорены также требования, которые законодательство предъявляет к гарантии. Требования эти банальны – гарант должен располагать собственными средствами в размере не меньшем, чем сумма, которую он гарантирует. Однако банк «Российский кредит» предоставил ТОО «Конт» гарантию на 170 миллионов долларов, в то время как собственный капитал банка был меньше.

Банк не мог не знать наших требований. Также он не мог не знать, что его собственный капитал меньше, чем 170 миллионов долларов. Фактически это был подлог, фальшивка. Мы, естественно, отстранили от участия в аукционе ТОО «Конт». Причем решение об отстранении было принято единогласно всей комиссией по проведению аукциона. А ведь среди членов

комиссии были такие профессиональные люди, как Андрей Казьмин, тогда – заместитель министра финансов.

Однако руководители банка «Российский кредит» (они же – представители ТОО «Конт») начали настоящее шоу. Виталий Малкин вскочил, взял со стола комиссии свою заявку, вскрыл и заявил, что они были готовы заплатить 350 миллионов долларов.

Вот что было делать в этой ситуации? Давайте проанализируем все возможные варианты действий.

Вариант 1. Допустить до участия в аукционе ТОО «Конт». Тогда другой участник аукциона, у которого гарантия соответствовала требованиям закона, подает на нас в суд, и суд, с вероятностью 100 %, отменит результаты аукциона. Мотивировка проста – вы допустили до участия в аукционе компанию, которая не выполнила существенные условия участия (Гражданский кодекс, статья 449, пункт 1). Причем независимо от того, в состоянии ТОО «Конт» заплатить обещанные 350 млн или нет. То, что такое решение суда неизбежно, знает любой выпускник юрфака.

Вариант 2. Не допустить ТОО «Конт» до участия в аукционе. Тогда получить иск от него. Однако шансы сохранить результаты аукциона в этом случае также 100 %. Правда, шумиха, которая поднимется в прессе, конечно, не поддавалась оценке. Кто там будет разбираться? Скажут просто: им предлагали 350 млн, а они признали победителем того, кто предложил 170,1! Ну не жулики?

Таким образом, перед нами была задача: либо взять для бюджета 170,1 млн долларов и получить скандал в прессе, либо допустить до аукциона ТОО «Конт» и получить судебное решение об отмене результатов аукциона и, следовательно, ничего не получить в бюджет.

Мы начали анализировать резоны и риски. В принципе можно было попробовать договориться с Потаниным, чтобы он не опротестовывал победу ТОО «Конт». Шансы на это были небольшие, но все же, как говорится, попытка не пытка. Однако для этого нужно было быть твердо уверенными в том, что у ТОО «Конт» эти деньги есть. А вот в этом-то как раз никакой уверенности не было.

За несколько дней до аукциона ко мне приходили руководители «Российского кредита» Виталий Малкин и Борис Иванишвили. Они интересовались деталями проведения аукционов и задали мне вопрос, который тогда мне показался малозначительным: «Вот у вас, по правилам, деньги победитель должен заплатить в течение десяти дней. А что, если он заплатит чуть позже, например через пятнадцать?»

Теперь я начинал понимать смысл заданного вопроса.

Смотрите: если бы мы признали их победителями, а они не заплатили бы деньги, то 28.11.95 мы бы объявили новый аукцион на акции «Норильского никеля» и 28.12.95 провели бы его еще раз (тридцать дней от момента объявления до подведения итогов – требование закона). Если же, идя навстречу их просьбам, мы даем им еще три – пять дней, то мы вылетаем в 1996 год. А действие указа президента про залоговые аукционы распространяется только на 1995 год! Соответственно аукцион сорван безвозвратно. И бюджет не получает никаких денег.

Мне наконец стало понятно, почему такие квалифицированные люди допустили такой ляп с банковской гарантией: они и не хотели побеждать! Они пришли сорвать аукцион. Никаких 350 млн у них не было и в помине. Зачем это было им нужно? На этот вопрос сейчас, я думаю, уже никто не сможет ответить. Ходили слухи, что их подрядили прежние руководители «Норильского никеля», поскольку срыв аукциона означал продолжение их «царствования» в Норильске. Но это всего лишь слухи.

Впрочем, вот, например, косвенное доказательство того, что «Российский кредит» действовал по заказу менеджеров «Норильского никеля». Сам «Российский кредит» не оспаривал результатов аукциона в суде, а сделали это как раз вышеназванные менеджеры. Ну и проиграли, конечно.

Так или иначе, но комиссия подвела итоги аукциона, признали победителем ОНЭКСИМ Банк, и казна получила столь необходимые деньги.

Есть ли у меня досада на Виталия с Борисом? Нет. Они действовали прагматично, жестко, но в рамках правил. У них был свой интерес, а у нас – свой. Это была хорошая партия, и в ней нужно было принять правильное решение. Я до сих пор уверен, что мы тогда его приняли.

Кстати, Счетная палата, проведя через пять лет проверку, признала результаты приватизации «Норильского никеля» законными. Да и Генпрокуратура пошумела, пошумела, а в суд – не пошла. Также имеются многочисленные заключения оценщиков, например Финансовой академии при Правительстве РФ, о том, что сумма, полученная под залог этих акций, «не является заниженной».

Сейчас, когда капитализация наших крупных компаний измеряется миллиардами долларов, мы уже и не помним, что осенью 1995 года акции этих самых компаний стоили копейки. Вот, например, сколько стоили в РТС 38 % акций «Норильского никеля» в день проведения аукциона 17 ноября 1995 года? Ни за что не догадаетесь. 147 миллионов долларов. Да и откуда взяться

высоким ценам в стране, где отечественный капитал еще не набрал сил, а иностранный – смотрел с опаской на Россию, в которой вот-вот к власти придут коммунисты. Да и участвовать в аукционах им запретили.

Второй скандал был при проведении аукциона по «ЮКОСу».

Я предполагал, что по «ЮКОСу» все будет достаточно скандально. Так оно и получилось. Началось все с того, что сама компания выступила с неожиданной инициативой: задаток для участия в аукционе должен быть 300 миллионов долларов! Я так и обалдел – где это видано, чтобы в то время у людей были такие деньжищи? И потом, мне было непонятно, почему при стартовой цене аукциона в 150 миллионов долларов задаток для участия в нем должен составлять 300 миллионов?

Надо заметить, что тогдашние юкосовцы (Муравленко с Генераловым) всегда ко мне на встречу ходили с Константином Кагаловским, менатеповцем. Кагаловского я знал давно. Мы с ним еще в Чили вместе ездили. Потом он работал в Международном валютном фонде директором от России. После он устроился работать к Ходорковскому в «МЕНАТЕП». Видно было невооруженным взглядом, что менеджмент «ЮКОСа» спелся с «МЕНАТЕПом» и спал и видел, чтобы тот стал владельцем компании.

В принципе в этом не было ничего противоправного. Но уж больно все это было странно: все ныли, что задатки большие, а эти, наоборот, хотели, чтобы задаток в два раза превышал стартовую цифру. Они там рассказывали про то, что компания нуждается в инвестициях, то да се, но сразу было ясно, что большой задаток они придумали, чтобы отсечь потенциальных конкурентов.

И это их начинание было, строго говоря, с их позиций рационально. Действительно, если бы мы в аукционе по «Норильскому никелю» установили задаток ну хотя бы в размере стартовой суммы, то скандалов, например с «Российским кредитом», не было бы. Тем не менее, когда на заседании комиссии мы обсуждали вопрос о размере задатка, у многих возникли большие сомнения в том, что такой аукцион вообще может состояться.

В то время действовало правило, что если от компании, акции которой выставляются на аукцион, поступает какое-то предложение по порядку его проведения и это предложение соответствует действующему законодательству, то мы не вправе были это предложение отвергать.

В предложении «ЮКОСА» ничего, кроме его необычности, противозаконного не было. Поэтому мы были вынуждены с ним

согласиться. Тут следует отметить, что по «ЮКОСУ» неожиданную активность проявил Виктор Степанович. Он вообще-то сторонился обсуждать со мной залоговые аукционы. Чутье старого волка подсказывало ему – нужно от этого дела быть подальше… Нет, если бы мы сорвали бюджетное задание, то уж тут он, конечно, на нас бы выспался. Молокососы, мол, страна вам доверила, мы понадеялись и так далее… А пока он держался в стороне.

А тут вдруг взялся названивать, интересоваться, проявлять удивительную осведомленность. Все вокруг да около… Вы там смотрите, компанию не обижайте. Что, говоришь, инициатива от них по задатку? Странная? Но ведь по закону? Ну так и делай, как они предлагают! Давай, давай… Понимаешь? Все, говоришь, понимаешь? Ишь какой, понимает он. Хе-хе. Понимаешь, когда вынимаешь! Ну-ну, не обижайся, шучу… Ну ладно, так к тебе Муравленко зайдет? Ну и молодец. Правильно, только по закону, а как же иначе?

Так мы и утвердили условия аукциона. С этим странным задатком. Что ж мы, совсем без понятия? Параллельно формировался консорциум в пику «МЕНАТЕПу». Создавали его все тот же «Российский кредит», «Инкомбанк» и «Альфа-Банк». Я по мере сил старался помочь тому, чтобы этот консорциум состоялся. Я, конечно, понимал, что условия по задатку были тяжелыми. Это сейчас 300 млн долларов для того же «Альфа-Банка» – раз плюнуть. Но тогда это была огромная сумма. Чтобы такое привести в качестве сегодняшнего аналога? Ну вот хотя бы так. Индекс РТС тогда был 50. Сегодня он 750. Значит, капитализация российского рынка за этот период выросла в 15 раз. Я думаю, что было бы правильно утверждать, что 300 млн осенью 1995 года – это примерно 4,5 млрд долларов сейчас.

Созданный консорциум выступил, в свою очередь, с инициативой – разрешить задепонировать в качестве задатка ГКО на 300 млн. долларов. В этом предложении была своя логика – ведь задаток является некоей гарантией платежеспособности перед владельцем залога. Значит, собственные долговые обязательства владельца залога, в данном случае – государства (ведь ГКО – это как раз долговые обязательства государства), должны признаваться этим государством как деньги.

Предложение, конечно, было спорное – ведь у ГКО разные сроки погашения, и значит, их нужно дисконтировать, но это уже детали, которые можно было бы утрясти, если бы прошла сама идея. Я не специалист в тонкостях денежного обращения. Я написал запрос в Центральный банк с просьбой разъяснить, можно ли в этих условиях считать ГКО полноценным задатком. Петр Авен, который, наверное, больше меня в этом соображает,

утверждал, что он легко убедит Дубинина в том, что идея консорциума имеет право на жизнь. Я вручил ему свое письмо, и он отправился в ЦБ. И получил однозначный ответ – нет. За подписью Сергея Дубинина, тогдашнего председателя ЦБ. Ой, не иначе Черномырдина опять посетил приступ любопытства…

С таким разъяснением нечего было и думать принимать в качестве задатка ГКО. И тут меня сразил Кагаловский. Он пришел ко мне с копией ответа Дубинина. Откуда у него она взялась, догадайтесь сами. Все было кончено. Прими мы задаток в виде ГКО от консорциума, и результаты аукциона, при наличии у «МЕНАТЕПа» разъяснений ЦБ, были бы отменены в суде мгновенно.

Приоритет бюджета заставил нас пойти на то, чтобы провести аукцион с такими странными условиями. После ходили слухи, что «МЕНАТЕП» для кредитования правительства деньги брал у самого правительства. Будто помогал в этом им Андрей Вавилов, тогда первый заместитель министра финансов. Правда это или нет, судить не берусь – документов не видел.

Некоторые итоги

Какие выводы я сделал для себя после всей этой эпопеи?

Первый и самый главный – что не нужно было бюджетный приоритет ставить во главу угла. Мы каким-то непостижимым образом сами для себя решили, что этот пресловутый миллиард нужно получить любой ценой. А это было ошибкой. Ну недофинансировали бы мы бюджет. Ну что бы случилось? Кому надо, те всё получили бы сполна, а вот врачам-учителям опять бы недоплатили, задержали бы им опять зарплату месяцев так на пять. Ну да им не привыкать…

Тогда мне казалось, что моя личная репутация не сравнима с нуждой этих людей. Что мои начальники поймут, что я рисковал своей карьерой, добрым именем, товарищескими взаимоотношениями ради достижения поставленной мне цели. Поначалу, как я уже говорил, так оно и было. Меня все хлопали по плечу, говорили – молодец, герой… А вот потом, в 97-м году, когда меня начали гнобить олигархи, большинство хвалильщиков куда-то разбежалось…

Сейчас я не знаю, прав ли был тогда? Может, и нет, а может, и да.

Еще одна ошибка, на мой взгляд, состояла в том, что я слишком близко подпустил к себе участников аукционов. Я входил в их положение, старался им помочь чем мог. Они, зная,

что я встречаюсь не только с ними, но и с их конкурентами, в положение которых я тоже входил, как говорится, «садились на измену», думали, что их оппоненты коррумпируют меня, а оппоненты в свою очередь, думали так же…

Поэтому вся залоговая история обросла огромным количеством мифов и легенд. И я в этой истории кажусь уже отнюдь не героем, как я поначалу считал, а чистым мудаком, который, стараясь сделать как можно лучше, сделал хорошо всем, включая Ельцина, кроме себя.

Но в 1995 году я все еще был героем. «Жулика-вора» из меня Гусь с Березой сделали позже, в 1997 году. Когда я им не продал «Связьинвест». Э-хе-хе. Знал бы, где упадешь, соломки бы подстелил.

Комментарий Свинаренко

В 1995 году пропал мой товарищ – Саша Сидоров, он же Розанов. Это был очень важный для меня человек. В 80-е он командовал нашей бригадой самиздата. Одного только Евангелия мы тогда выпустили 70 тысяч экземпляров – неплохо для начала. Как сейчас помню, отпускная цена была 18 рублей, а розничная – 25. 25 – такой был, грубо, дневной заработок рядового самиздатчика. Тоже неплохо. Сашу после поймали доблестные чекисты и посадили. Сидел он полтора года. Время отсидки он не считал потерянным – говорил, что всюду жизнь, везде люди живут… На воле он принялся торговать, само собой, компьютерами, а после уж и куриными окорочками. Конкурировал с самим «Союзконтрактом». Решив расширить бизнес, назанимал денег – 5 миллионов долларов. Ему легко давали взаймы: как же, честнейший человек, за правду сидел! Ну не за просто так дали, а под залог продуктовой базы, которую он как раз приватизировал (sic!). И вот Саша везет сотрудников своей фирмы в круиз на яхте… На каком-то из испанских островов он с женой на пару дней откалывается от коллектива и пропадает из виду (может, как раз счета открывал?)… А в этот момент его зять, оставленный в Москве на хозяйстве, залезает в отчетность и обнаруживает, что денег у фирмы нету. Он начинает думать о том, что вот скоро к нему приедут бандиты с паяльниками – долги выколачивать. Но – молчит. И вдруг в начале сентября Саша возвращается в Москву! Зять успокаивается. Даже если денег и не будет, отвечать не ему. Далее вдруг пропал один из кредиторов нашего бизнесмена. Как позже оказалось, бесследно. Сам Саша снова – и на этот раз тоже окончательно – пропал в декабре. Кредиторы всполошились,

залезли в компьютер, нашли там много престранных платежей… Найти удалось процентов десять от потерянного. А что акции продбазы, под которую и давали кредит? База, оказалось, давно перезаложена.

От Саши пришло после странное письмо про то, что он сам ищет деньги и появится, как только выяснит, где они. Может, его это письмо кто-то заставил написать?

Если кто вообще помнит, в тот год обрушилось немало бизнесов. Потому что инфляция замедлилась и уже нельзя было делать деньги из воздуха. Возможно, Саша просто «поплыл» на процентах. Многие бизнесмены, вернувшись той осенью из отпусков, просели.

И еще вот что интересно. Саше, как я уже говорил, люди легко верили. Его сотрудники отдавали ему добровольно большую часть зарплаты как бы в рост. Начисляли им по пятьсот долларов, а выдавали по двести. Некоторые вообще квартиры продавали, чтоб дать Саше взаймы. Кто-то после рассказал, что видел, как Саша, оставив первую жену и троих детей от нее в Москве, садился в идущий на Украину поезд. Хотя можно ж отъехать на поезде от вокзала, пересесть на машину, махнуть в Шереметьево – и оттуда улететь на Запад.

Ну так что, его подставили, заставили назанимать денег – и убили? Или он таки украл, кинул людей? Тяжелейший вопрос…

В 95-м я продолжал путешествовать. Съездил в Венецию на карнавал – довольно вялый, впрочем. На старых дрожжах он разве что и держится. В тот заезд я встретил на Сан-Марко твоего друга Леню Парфенова и тогда еще простого тележурналиста Костю Эрнста. Днем мы работали, а по вечерам выпивали в простых заведениях не для туристов, таких, где собирались местные. Вино там, к примеру, из кувшинов разливали… Мне такая стилистика вообще близка. Выпив, мы ходили по ночным улицам и пели русские песни. Так-то народ там рано ложится спать, но наш ор терпели – карнавал же, пусть хоть кто-то пошумит, развлечет туристов, покажет, что веселье таки бывает в тех сонных краях.

В 95-м я в очередной раз слетал на вручение «Оскаров» в Калифорнию. Я это пытался описать повеселее, но на самом деле это все голый бизнес. Они так подогревают интерес к продажам своего кино – и, в общем, они правы… Хотя сама Калифорния – роскошное место. Все эти океанские пляжи, и горы вблизи, и тепло, и синее небо, и особенная расслабуха местных… Хорошо там.

В тот год, кстати, «Оскара» получил наш Никита Михалков. За «Утомленных солнцем».

Кроме всего прочего, в Лос-Анджелесе я повидался со своим

кузеном, который там трудился компьютерщиком. Жилось ему там несладко, и я его немного развлек, поводив по тамошним кабакам. Без денег в Америке, чтоб ты знал, намного скучней, чем у нас. Не зря кузен мой вернулся на родину. Ничего, жизнью вроде доволен. Вот опять женился – значит, есть же интерес к жизни. Чего-то человеку еще хочется.

Еще в тот год я впервые съездил в Англию и ЮАР и в очередной раз – в Париж. У меня даже создалась иллюзия, что это не чужой мне город, а как-то освоенный мной… Иллюзия, а все приятно. Ездил я туда, вообще говоря, на свадьбу. Моя свояченица вышла за француза. Жерар, кстати, оказался милейшим парнем, что б про французов ни говорили. Французские свадьбы – они без гармони, и никто не нажирается. Сперва все пошли в костел, там венчание, после на улице под навесом, стоя, долго пили шампанское… Ближе к вечеру особо приближенные гости пошли на большой ужин, в ходе которого не столько пили, сколько танцевали и как-то запросто веселились, – у нас так взрослые редко умеют. Причем накануне вся родня, включая мужиков, всю ночь резала салаты – вместо того чтоб нажраться. О как! Бывают же страны, где между людьми складываются нормальные человеческие отношения, и никто там такому не удивляется.

Но конечно, не из одних только загранпоездок состояла тогда моя работа. Немало я в тот год писал про роды в воде, на которые была тогда мода среди продвинутых читательниц журнала «Домовой», каковой я имел честь возглавлять. Рожать приличным людям тогда полагалось в море, для чего энтузиастки целыми командами уезжали на Черное море и там ожидали разрешения от бремени в палаточных городках. На худой конец, разрешалось рожать в джакузи, причем не в Москве, а хотя бы в Жуковке – все подальше от цивилизации и загрязненной среды. Как сейчас помню, главной повитухой была Юля Постнова – очень увлеченная и энергичная дама. Она меня убедила в том, что рожать надо не лежа, а сидя или даже лучше стоя на четвереньках – и действительно, лучше ведь, когда сила тяжести помогает, а не мешает. И пузырь прокалывать раньше времени не надо, лопнет сам – и выступит в роли смазки, и дитя выскользнет в наш мир без лишних мучений. И так далее и тому подобное. Я был настолько подкован в этом вопросе, что, заставь меня тогда принять роды, я б не испугался и решительно б взялся за дело. За что особое спасибо Юле Постновой, так это за Станислава Грофа, к чтению которого она меня пристрастила. Это такой чех, который сбежал от коммунистов в Штаты и там написал с десяток захватывающих книжек про деятельность мозга.

В конце 95-го в «Коммерсантъ» вернулся Вася (Андрей Васильев). Это было для меня важным событием. Когда-то мы вместе работали в старом «Коммерсанте», Вася был там начальником отдела. Вася много сделал для газеты, кстати. Все те смешные заголовки он придумывал. Яковлев сперва на смешное не соглашался, требовал умных. Но после сдался. После Вася ушел, официальная версия такая: у него взгляд на газету перестал совпадать с яковлевским. И я все эти годы, с 92-го по 95-й, говорил Яковлеву, что Васю надо вернуть. Какими б ни были личные переживания. И вот Вася был-таки возвращен – может, это я Яковлеву плешь проел.

Кстати, в 95-м начал выходить журнал «Медведь»! Не могу сказать, что я предугадал будущее, нет, я тогда, конечно, не знал, что с «Медведем» у меня что-то будет. Но отчетливо помню, что подумал тогда: хорошо б заняться мужским журналом!

Бутылка пятнадцатая. 1996

В президентские выборы оба автора работали на одной стороне баррикад: они страстно желали коммунистам поражения. Хотя официально Кох не входил в предвыборный штаб, за судьбоносными событиями наблюдал вблизи. К примеру, участвовал в освобождении Евстафьева с Лисовским: помните знаменитую «коробку из-под ксерокса»?

Забавно, что, поехав тем летом на выходные в Турцию, Кох был там посажен в тюрьму. И отсидел в ней одну ночь. Свинаренко тоже съездил в Турцию, но приключений на его долю там не выпало.

Соавторы совершают поучительные поездки по Чечне, правда, порознь. Причем, что интересно, Свинаренко путешествовал с генералом Шамановым, а Кох – с Березовским и Басаевым.

В остальное время Кох занимается своей любимой приватизацией, он «вкалывал круглые сутки на работе». Свинаренко формирует команду «золотых перьев» «Коммерсанта». После чего уезжает в США – работать собкором журнала «Столица» в городе Москва, штат Пенсильвания.

– Ну, Алик, как обычно, давай коротко обсудим твою жизнь в 96-м…

– Жизнь моя в 96-м… А мы будем только мою жизнь обсуждать или твою тоже?

– Мою – тоже будем, не ссать. Как обычно. Но сперва твою

– я же первый спросил.

– Ладно… Ну что? Детей у меня новых не родилось, жен у меня новых не появилось…

– А работа у тебя что? Как?

– Новая – не появилась. Что ж у меня было интересного? Да ничего. Вкалывал круглые сутки на работе.

– На какой?

– Я был первым заместителем председателя Госкомимущества. В 96-м, в январе, Чубайса выгнали. Тогда Ельцин и произнес вошедшую в века фразу: «Во всем виноват Чубайс». Так он дал старт своей избирательной кампании – у него ж летом выборы. И его политтехнологи, коими тогда были Коржаков, Барсуков и Сосковец, сказали ему: «Теперь пришла пора все свалить на Чубайса, и ты тогда беленький и чистенький…»

– А что на него свалили тогда?

– Да все. Обнищание масс, обесценивание вкладов, «МММ» с Мавроди – все на него свалили. Вплоть до того, что чеченскую войну на него чуть ли не свалили.

– Фамилия подходящая, чтоб все валить.

– Да, и фамилия подходящая. Да. Правда, непонятно, чем фамилия Сосковец лучше… Ха-ха-ха. Кстати, Сосковец тогда рассматривался как преемник Бориса Николаича.

– Серьезно?

– Да-а-а.

– Президент России – Сосковец, президент Америки – Дукакис. Два друга – колбаса и волчий… хрен.

– Да-да-да. А тогда это модно было: Вольский, Скоков, Союз товаропроизводителей, Союз промышленников и предпринимателей. И вот они все нас поучали, говорили, что мы не умеем экономикой управлять… Что этим должен заниматься директорский корпус. И тогда Миша Леонтьев выдумал такой собирательный термин, который мне очень нравится, – «матерые товаропроизводители и их лидер Скоковец». Короче, они Борису Николаичу сказали: «Старик, ты, типа, спокойненько побеждаешь – мы все просчитали. Ты светоч демократии, все в порядке. Поэтому не бзди. А если вдруг что, мы Думу разгоним и выборы все отменим. А Чубайса ты выгони, скажи, что он во всем виноват. И тогда все будет замечательно». Чубайса и выгнали. Это я про личное рассказываю, такие у меня были тогда личные переживания… Выгнали, значит, Чубайса, и возник кризис жанра. Надо ж кому-то во вражеские ряды с острой сабелькой врубаться. Вот… А только-только прошли выборы в Госдуму, и Сережа Беляев, председатель Госкомимущества, ушел в Думу лидером

фракции «Наш дом – Россия». Так у нас возникло в команде две вакансии. Тогда была выдвинута мной идея – о том, что период «бури и натиска» закончился, что мы достигли некоего рубежа и надо на этом рубеже закрепиться, подтянуть обозы, перегруппироваться – для следующего рывка. Генералы, которые вели нашу команду вперед, хороши в наступлении, а вот в обороне – еще неизвестно. В обороне нужны люди другого склада. И у нас в команде есть такие генералы – генералы от обороны. Не менее заслуженная, между прочим, воинская специальность; ну не Багратион, но Барклай де Толли. И вот так мной был выдвинут Александр Иванович Казаков. Он стал председателем Госкомимущества – вице-премьером. Вот. И эта кандидатура была утверждена! Борис Николаич подписал указ!

– Иваныч – видный футболист.

– Да. Ты его с этой стороны знаешь, а я еще и с других. Он очень многогранный! Сейчас вот он сенатором трудится от Ростовской области.

– Ты ж тоже был сенатором. Тебе не в падлу было. Значит, нормальный уровень.

– Я полгода пробыл. Меня так и не затвердили в Совете Федерации. Мы еще вернемся к этому разговору когда-нибудь.

– Значит, вот ты какого воспитал человека – Иваныча.

– Я его не воспитывал. Иваныч старше меня. Это он меня воспитывал! Вот. Назначили его, и я стал у него первым замом. Итак, значит, фортификация, инженерия, артиллерия. Редуты под стенами построить, рвы копать, лучников расставить, котлы со смолой приготовить… Другая история! Тогда такое интересное было время. Сосковец и Каданников были первыми вице-премьерами, а Казаков – просто вице-премьером.

– А кто вообще такой Сосковец? Почему он так поднялся?

– Я сам не очень хорошо понимаю, как это произошло. Вообще-то он казахстанский. В застойные времена был директором Карагандинского меткомбината. Кстати сказать, у него главным инженером в те времена был Володя Лисин – олигарх и владелец Новолипецкого металлургического.

– А также – газеты «Газета». Хорошее название. Баден-Баден. Уйди-уйди. «На фиг, на фиг!» – закричали пьяные пионеры. Газета «Газета», орган Баден-Баденского обкома партии. А еще мощнее было бы – газета «Газета-Газета». Учиться, учиться и учиться.

– Да. Значит, Сосковец – из Казахстана. А потом, во время горбачевской ротации, когда началось избиение старых кадров, Горбачев взял его союзным министром металлургии. Он же такой импозантный, крупный.

– И он приватизировал…

– Ничего он не приватизировал! Подожди, это ж еще горбачевские времена. Потом, когда Союз развалился, он сбежал обратно к себе в Казахстан, и его Назарбаев чуть ли не премьером сделал – или первым вице-премьером, я точно не помню. Он там работал-работал – и не сработался. Вернулся в Москву. И в самые последние секунды успел получить русский паспорт. Он был сначала руководителем комитета по металлургии, а потом его Коржаков у Ельцина пролоббировал первым вице-премьером. При Черномырдине – он тогда появился. И очень сильно Сосковца Ельцин любил. Опять же потому, что он крупный, потому что он мощный, потому что он может много выпить, потому что он говорит безапелляционно. Он от сохи, руководил заводом, все понимает… И так далее и так далее. Не хочу о нем говорить ни хорошо, ни плохо – он продукт того времени. Тогда всех директоров этих носили на руках и считалось, что это они, собственно, и есть соль земли русской. А оказалось, что никакая, на хер, не соль.

– Да. Директора тогда были соль земли, а журналисты несли свет истины.

– Да. Директора – соль земли, а журналисты – сахар земли русской.

– А писатели – это вообще пророки.

– Пророки? Не, не, в то время это уже было не так очевидно, уже началось размытие этих понятных и четких истин. Они уж не такими истинами и казались. Но директорская тема прожила больше, чем журналистская или писательская. Она где-то году в 95-м начала умирать, когда залоговые аукционы прошли и красных директоров по одному месту мешалкой выгнали. На этом все закончилось – вся их фронда, все эти Вольские с их РСПП. Скоков куда-то растворился, товаропроизводитель матерый…

– Я, кстати, раньше думал, что журналисты – крайняк, люди совсем уж никакие, нечего с них взять и спросить с них нечего. Но потом я походил на писательские тусовки, посмотрел – и подумал: «Не, ну журналисты ладно, еще ничего»…

– Журналисты хотя и лишены морали, они себе какую-то особую мораль придумали, облегченную… Ну не вытянуть им «не лжесвидетельствуй»…

– Но с журналистами еще какие-то темы можно обсуждать адекватно.

– Они хотя бы в материале, хоть знают, что в стране происходит.

– А с писателями вообще невозможно разговаривать.

– Ну да, они газет не читают и ТВ не смотрят, у них от этого, типа, стиль ухудшается.

– С писателями надо разговаривать очень осторожно. Они такие важные. Пьют как-то иначе, тяжелее, в отличие от легких на подъем легкомысленных журналистов. Один к одному с писателями не поговоришь, надо думать, что сказать. А то они не так поймут. Это сильно утомляет. Такчто журналисты не так плохи. А еще же есть художники! Это публика еще тяжелей. Против них даже писатели кажутся милейшими людьми. И я на этом решил остановиться. Не расширять дальше свой кругозор. Чтоб совсем уж не забредать в дебри. А то же есть еще, к примеру, музыканты… Много мудрости – много печали…

– Короче, они насрали в голову Борису Николаичу бочку арестантов, и тот выгнал Чубайса. Который во всем виноват. Но буквально через месяц, как известно, Чубайс стал у Ельцина начальником избирательного штаба. Это в 96-м, в феврале месяце было. Это так незаметненько произошло. А к июлю, ко второму туру, уже Сосковца, Коржакова и Барсукова, типа, малой скоростью ссадили.

– В коробку из-под ксерокса.

– Она как раз к тому времени освободилась. Прокуратура изъяла вещдок – коробку с деньгами – и обратила в пользу государства.

– Да… Ты хорошо помнишь ту коробку?

– О-о-о… Я про нее комментарий напишу. Я же в этой истории, собственно, по полной программе участвовал…

Комментарий Коха
Ехидные замечания, сплетни и один реальный случай

Итак, начали…

Раз…

1996-й начинался весело. В самом начале, по-моему, в январе, был уволен Чубайс.[9] Ельцин фактически плюнул ему вслед, а слова «во всем виноват Чубайс» стали с тех пор крылатыми.

Чубайс меня тогда, в очередной раз, удивил. Он развел целую философию, лейтмотивом которой было бессмертное лоханкиновское «так надо».

«Так надо!» – говорил Чубайс, а мне хотелось сразу продолжить: «Быть может, из этого испытания я выйду очищенным?» (История про «Васисуалия Лоханкина и трагедию русского либерализма» сейчас, в марте 2004 года, получила

неожиданное продолжение, но об этом пока не буду… Западло.) Порка на кухне подействовала на реформатора классически. Чубайс упивался своим стоицизмом, раздавал направо-налево интервью о величии Ельцина, разъезжал по городу на лохматой «пятерке» времен царя Гороха и носил короткий овчинный полушубок. Он был похож на преуспевающего фарцовщика семидесятых: «жигуль» и дубленка – предел мечтаний. В таком виде сорокалетний Чубайс производил оглушительное впечатление на официанток в тех ресторанах, в которые мы ходили после его отставки.

Домашняя заготовка с отставкой Чубайса, плод мозговой атаки (мозговой ли?) «dream-team» Коржакова – Сосковца, не проканала. Публика как-то вяло прореагировала на «всенародный аллерген» и не поверила, что он во всем виноват. Вопреки ожиданиям ельцинского штаба рейтинг действующего президента не шелохнулся и твердо держался своих пяти процентов.

С гусинских СМИ не вылезал Явлинский с идеей, что поскольку у него рейтинг в три раза выше, чем у Ельцина, то он должен быть единственным кандидатом от демократических сил, что всем людям доброй воли его нужно поддерживать, а те, кто думает иначе, есть враги молодой и хрупкой российской демократии.

Молодая и хрупкая… Как это сексуально… И он, такой кудрявый… Но! Вернемся к нашим баранам.

Зюганов вообще считал себя уже президентом. У него появилась невиданная доселе у коммунистов толерантность. Например он начал признавать многообразие форм собственности. И, о чудо (!), вдруг посчитал допустимой даже частную собственность. Легионы профессоров-марксистов перевернулись в гробу, а ему хоть бы хны – признаю, говорит, частную собственность, да и дело с концом. Смелый, б… Ревизионист, одним словом, либерал (тьфу, черт, привязалось). Но с частной собственностью у него было все не так просто. У него были хорошие частные собственники и плохие. Как их различать, я, откровенно говоря, не знаю до сих пор, но Геннадий Андреевич это все очень лихо объяснял и мы поняли так, что уж он-то точно знает, как отличить овец от козлищ.

Совершенно очевидно, что из чистого любопытства предприниматели повадились ходить к Зюганову за разъяснением: кто хорош, а кто не очень? Мелькали там, в этой очереди к вождю, и некоторые из нынешних олигархов. Все возвращались оттуда очень довольные: видать, им повезло, их отнесли к хорошим. Благодарные хорошие частные собственники наполняли предвыборный фонд коммунистов честно

заработанным на эксплуатации человека человеком всеобщим эквивалентом. Зюганов начала 96-го года напоминал мне Энди Таккера, играющего с продвинутыми фермерами в «скорлупки».

Настолько казалась неизбежной победа коммунистов, что сказка про «хорошую частную собственность» оказалась востребованной трусливым ухом российских коммерсантов. Что так же, мол, как существует плохая и хорошая частная собственность, существуют хорошие и плохие коммунисты. Вот, например, нынешние коммунисты – хорошие. Самообман и самогипноз, которым подвергли себя российские предприниматели, начинали принимать патологические и необратимые формы. Пора было сушить сухари.

Зюганов, видя такое дело, еще пролил елея и заявил, что Иисус Христос – коммунист. И что коммунисты никогда не были против Христа и его учения, против православия, народности и т. д. и т. п… Десятки тысяч замученных и убитых священников, разрушенные храмы и монастыри, сожженные иконы, тысячи и тысячи людей, посаженных в тюрьму за распространение Святого Писания, всего этого как бы не было. А есть вот это: коммунизм и христианство – близнецы-братья. Да и сам я, Гена Зюганов, крещеный. Вот, смотрите, крестик. Написано: «Спаси и сохрани».

И земля не разверзлась, и тысячи замученных не завопили диким голосом, и не запела иерихонская труба… И порча на него не напала, и язык не отсох. Люди, доколе же мы не будем падать в обморок от такой лжи? Ну ведь если нам вот так врут, а мы и не замечаем, то, может, мы и не люди вовсе? Но… Вернемся к нашим баранам.

Воинствующий материалист превратился в махрового клерикала. Начал ходить в храм, истово креститься, подпевать молитвы, поститься. А наши иерархи церковные – они его пустили. Без покаяния. И руку дали. И крест он целовал. И причастился. И не рухнул мир… Ужас. Ленин в Мавзолее, наверное, обоссался от смеха. А потом сказал: «Молодец, товагищ Геннадий. Улавливаешь политический момент. Идешь вместе с массой. С пгостым габочим и кгеястьянином. Таков и должен быть вождь мигового пголетагиата. Однако же, батенька, нет ничего гнуснее и отвгатительнее, чем сказка „пго боженьку“. Узнаете, Геннадий Андреевич? Это я вам цитирую вашего кумира, упыря Ульянова. Д-а-а. Похоже, надо бы сухари отставить. Пора было лоб зеленкой мазать.

А вот, кстати, Григорий Алексеевич Явлинский. Некоторые пуристы от демократии до сих пор в претензии, что мы поддержали не его, а Ельцина. Дискуссия, конечно, содержательная. Ничего не скажешь. Меня лично интересует

ответ на такой, например, вопрос: выдержал бы Явлинский противостояние с коммунистами? Не с нынешними, полуразвалившимися, дезориентированными, стареющими, а с теми, восьмилетней давности. За коммунистами – поддержка огромного числа людей, которым за пять лет демократические СМИ подробно и доходчиво объяснили, что их плохая жизнь не есть закономерный результат восьмидесятилетней истории, а исключительно и только следствие отвратительных ельцинско-гайдаровско-чубайсовских реформ. За коммунистами – молчаливая поддержка силовиков в МВД, ФСБ и армии. За коммунистами – безграничный цинизм и беспринципность типа неожиданно проснувшейся религиозности или признания частной собственности. За коммунистами – поддержка региональных князьков (почти сплошь – первых секретарей обкомов). За коммунистами – симпатии среднего звена госаппарата. А что за Явлинским? Ну? Что? Есть ответ? Молчите? Ну так я за вас отвечу – ничего.

Можно, конечно, рассуждать в том духе, что если бы Явлинского раскручивали так же, как в ту весну раскручивали Ельцина, то у него голосов было бы еще больше, чем у Б.Н. Но, помилуйте, есть же все-таки и объективные обстоятельства. Под держка одного только демократически настроенного электората? Максимум – 10 %. Это я еще лишку хватил. При том еще, что половина из них на выборы не ходит. Новый, народившийся класс предпринимателей? Еще процент. Их и сейчас больше нет. Просто симпатизирующие Явлинскому и прозападно настроенные избиратели? Ну пускай еще 5 %. Откуда пять? Не знаю… Да берите, мне не жалко. Итого – 16. Ну пусть двадцать. Пусть даже тридцать! Уже самим смешно. А надо – 51 %.

Явлинский – без шансов! Очень скоро это начал понимать даже Гусинский, которого с Явлинским связывало некое подобие дружбы-спонсирования. Напомню, что по окончательному раскладу Явлинский не оказался даже третьим. Третьим оказался Лебедь.

Посудите сами. Для того чтобы победить на таких выборах (да, впрочем, и на любых других), нужно главное: перетянуть на свою сторону колеблющихся людей. Я даже готов согласиться с тем, что собственный, как говорят социологи, «ядерный» электорат у Ельцина и Явлинского был примерно одинаковый. Однако в части привлекательности для патерналистски настроенного Совка (именно этот удивительный тип «homo soveticus», ностальгирующий по мебельной стенке «Хельга» и сервизу «Мадонна», нужно было завоевать и оторвать от ставшего вдруг добрым дядюшки Зю), Ельцин был ближе Явлинского и по

возрасту, и по биографии, и по мироощущению.

Помимо этого, вряд ли вокруг Явлинского удалось бы сплотить такую команду, которую удалось собрать в штабе у Ельцина. Не забудьте: результаты залоговых аукционов гнали наших нуворишей в объятия действующего президента. Впрочем, лично я не исключаю и некоторого идеализма в их поведении. Березовский и Абрамович, Потанин с Прохоровым, Ходорковский с Невзлиным, Алекперов. Плюсуйте сюда Черномырдина с Вяхиревым – а куда ж эти-то денутся с подводной лодки?

И, наконец, Гусинский, со своей четвертой кнопкой, тоже пришел поддерживать Ельцина. Как его удалось переманить? До сих пор удивляюсь. Говорят, Березовский уломал. А скорее всего сами советники и помощники Владимира Александровича (сплошь бывшие работники КГБ и ЦК КПСС) объяснили ему, что если не Ельцин, то Зюганов. Что никаким Явлинским и не пахнет. А комми, они только в оппозиции плюралисты. Приди они к власти, первое, что сделают, – поставят к стенке вместе со всеми. Разбираться не будут, кто участвовал в приватизации, а кто нет. У них ведь все просто: богатый – значит, вор. Отобрать да поделить, а самого буржуя в расход. В овраге гнить будешь, мухи по тебе ползают, вонь… Жену – в Сибирь, детей – в детдом. В соответствии с привычным распорядком. Работники КГБ (или, как они сами, по странной каннибальской наклонности, любят себя называть – «чекисты») – они ж знают, что говорят.

Справедливости ради нужно отметить, что коммерсанты пришли и организовали некое подобие штаба несколько позже, где-то в конце февраля – начале марта. А сначала у Ельцина как кандидата в президенты был его официальный штаб. Входили в этот штаб Коржаков, Барсуков, еще кто-то, сейчас не помню – кто. А возглавлял этот штаб Олег Николаевич Сосковец. Просуществовал этот штаб чуть ли не до второго тура выборов. Делал он чего-нибудь или нет, сейчас сказать не берусь – не знаю. Но два подвига этого штаба знают все. Первый подвиг, слава Богу, оказался лишь намерением: они хотели в конце марта (или в апреле?) разогнать Думу и отменить выборы президента. Об этом их поползновении подробно рассказал Ельцин в своей последней книжке. Второй подвиг – арест Евстафьева и Лисовского – также хорошо известен, и об этом ниже.

Два…

Я не был членом ни одного из штабов. Ни формального, ни настоящего. Однако часто виделся с Чубайсом и Евстафьевым, общался с другими членами неформального штаба, и поэтому у меня сложилось определенное представление о том, как этот штаб создавался и работал.

У меня нет ни тени сомнения, что идея создания настоящего штаба, состоящего из реальных людей, а не статусных генералов и вице-премьеров, принадлежит Березовскому. До него первого дошли две, теперь уже очевидные, мысли. Во-первых, если победит не Ельцин, то никакой «Сибнефти» у него (Березовского) не будет. Во-вторых, если ничего не предпринять, а оставить президентскую кампанию на Сосковца с Коржаковым, то они либо снова устроят какую-нибудь поножовщину в центре Москвы, либо Ельцин (с их помощью) с треском проиграет выборы.

Нет, это не так святочно – мол, пришел добрый волшебник Березовский, и все шестеренки закрутились в правильную сторону, президентская кампания Ельцина набрала обороты, бездарные царедворцы были посрамлены и впоследствии изгнаны из рая. На самом деле все сложнее и жизненнее.

Какие договоренности и отношения были у Березовского с Коржаковым, известно только им двоим. Однако, судя по тому, что мне рассказывал Березовский (соврет – недорого возьмет), дело было так. Еще в начале 1995 года Березовский пришел к Коржакову и сказал, что через год президентские выборы, и если есть задача их выиграть, то нужно брать контроль над СМИ, и прежде всего над телевидением. До этого в массмедиа кто только не упражнялся: Федотов, Полторанин, Попцов – всех и не упомнишь. Коржаков, видимо, посоветовался с кем-то, хотелось бы думать, что с Ельциным, и было принято решение создавать Акционерное общество «Общественное российское телевидение» на базе первого канала – 51 % акций оставить государству, а 49 % отдать консорциуму бизнесменов. В консорциум входили и Олег Бойко со своим банком, и «Альфа-групп», и «МЕНАТЕП», и еще кто-то, сейчас я уже и не помню кто. Первую скрипку в консорциуме играл Березовский – это они между собой специально оговорили и договоренность свято соблюдали.

Таким образом, еще за год до описываемых событий Березовский подрядился заниматься выборами, и, следовательно, все выглядело не так, что в один прекрасный день, в Давосе, в феврале 1996 года утром Березовский проснулся, и его осенило. Нет, он обязался перед властью сплотить бизнес-сообщество для помощи Ельцину на выборах, а власть под это передала ему контроль над ОРТ (и в некотором смысле над «Сибнефтью»). Это было его «общественное поручение» от власти. Поручение, которое он сам хотел получить и получил еще за год до описываемых событий.

Итак, Березовский приехал в Давос и начал обработку бизнесменов, которые там были. А прилетели, как вы понимаете, все. Плюс Чубайс в своей овчине. Даром что не в кирзе.

О! – подумал Береза. Вот и руководитель группы есть, спасибо Б.Н.! Раз Чубайс во всем виноват, пусть и разгребает все это добро, которое натворил. Все равно ему делать нечего. Уж Чубайс-то в победе Ельцина заинтересован, как никто. Его-то коммуняки первого к стенке поставят,[10] чуть ли не первее Ельцина. Справедливости ради давайте все-таки скажем, что низкий рейтинг Ельцина в начале 1996 года определялся не только бездарной войной, ангажированностью СМИ и гротеском, который он любил по пьяни устраивать (типа дирижерских экзерсисов), но и издержками реформ, в том числе и чубайсовских. Чего уж греха таить.

Дальше Березовский рассуждал следующим образом. Так, первый канал у нас есть. Второй – и так казенный, никуда он не денется. Третий – у Лужкова. Этому, после 93-го года, тоже путь назад отрезан. Пятая кнопка – в Питере. Тоже ничего. Красные там не появятся. Остается четвертый канал – НТВ. Красные не красные, а гадить Гусинский может очень даже хорошо. Одна его позиция по Чечне чего стоит. Процентов десять – пятнадцать из-за этой позиции Ельцин теряет. Значит, хочешь не хочешь, нужно мириться с Гусем. Противно (они были заклятые враги), но делать нечего. Березовский позвонил Гусинскому, они встретились и обо всем договорились. С остальными было проще. Сухаревская конвенция была подписана, и по возвращении в Москву работа закипела. Засели они в здании московской мэрии (бывшее здание СЭВ), в помещении, которое арендовал «МЕНАТЕП». Там же, только на другом этаже, был офис Гусинского.

Какие особые козни они там придумали и осуществили, мне неизвестно. Но сейчас вспоминаются два проекта. Один назывался «Голосуй сердцем». Его вел Михаил Лесин со своим «Видео Интернэшнл». Другой – «Голосуй или проиграешь». Это был проект Сергея Лисовского и «Премьер-СВ». Первый проект был направлен на повышение привлекательности Ельцина, второй – на высокую явку, прежде всего молодежи.

Помимо этого, был еще проект по раскрутке Лебедя, с тем чтобы он отбирал голоса у Зюганова. Была, конечно, и закулисная работа с губернаторами. Была «антикоммунистическая истерия». Много чего было. Результат – известен. Ельцин победил. Коммунисты не прошли.

Чубайсовский штаб работал фактически круглосуточно. Впечатление это производило очень сильное. Прямо «штаб революции Смольный». Бесконечные совещания, какие-то люди входят-выходят. Только что солдатика, ищущего кипяточку, не хватало. Чубайс был в своей стихии. Как рыба в воде. Большевик. За что и любим широкими массами либеральной интеллигенции.

Мне показалось, что в штабе были три ключевые фигуры: Чубайс, Березовский и Гусинский. Стараниями Березовского в штаб пришли Валентин Юмашев и Татьяна Дьяченко. Появился неформальный, альтернативный канал связи с Ельциным. Традиционные, официальные каналы контролировались Коржаковым и Барсуковым, а это сильно мешало, поскольку они изначально предвзято и ревниво относились к работе своих «помощников».

Вот это было удивительно. Фактически «штаб олигархов» создавался по договоренности и в помощь официальному штабу. Однако стоило ему показать хотя бы минимальную эффективность, как он тут же вызвал дикую ревность царедворцев. Хотелось крикнуть: идиоты, вашу же задницу спасают! Ведь если Ельцин проиграет, то вы уже не будете царедворцами! Да вы на этих коммерсов молиться должны, а вы им палки в колеса ставите! Договоритесь же наконец! Да, впрочем, что тут удивительного… История учит, что она ничему не учит…

Гусинский обеспечил неформальный контакт с Лужковым, у которого был высокий рейтинг, что помогало вытягивать и рейтинг Ельцина. Всю Москву завесили плакатами «Ельцин + Лужков». Также в этом русле работал и Василий Шахнов ский. Еще. Гусинский привел Малашенко, который, как многие говорят, усилил креативную работу штаба.

Но еще раз подчеркну: я говорю как наблюдатель со стороны. До конца внутреннюю кухню знали только эти трое. Наступит время, когда они сами – и Чубайс, и Березовский, и Гусинский – расскажут о том, как это было. Я думаю, тогда мы узнаем много интересного. А может быть, и они тогда наконец поймут, что это были едва ли не лучшие дни в их жизни. Может быть… Поймут… Хрена лысого они чего-нибудь поймут. Беда…

Три…

Сразу после первого тура выборов, когда стало понятно, что Борис Николаевич скорее всего побеждает, коржаковская «dream-team» решила, что теперь можно уже и не делать даже видимость сотрудничества с чубайсовским штабом. Настала пора от них избавиться и почивать на лаврах еще четыре года. Самое простое – найти что-нибудь незаконное в финансировании избирательной кампании, раскрутить громкое уголовное дело, пересажать всех, и дело с концом.[11] Сижу дома, часов девять вечера. Звонок. Приемная Чубайса:

– Не знаешь, где Аркаша (Евстафьев. – *А.К.*)?

– Нет. Звонил сегодня, но уже давно, еще с утра… А что случилось?

– Да так, ничего… Просто нужен, а мы его найти не можем. Десять. Опять звонят.

– Не звонил?

– Нет. Ну что вы там мычите? Говорите!

– Ммм…

– Ладно. Понял. Сейчас приеду. Приезжаю.

– Похоже, повязали. И Серегу Лиса – тоже.

– Где повязали-то?

– Да ушли с утра в Белый дом, и с концами. Ни слуху ни духу.

– А на проходной спрашивали?

– Спрашивали… Говорят – вроде нет. Но всех и не упомнишь. Вроде нет, не выходили.

– Так что получается – им прямо в Белом доме ласты скрутили, что ли?

– А черт его знает! Похоже, что да.

– А Чубайс где?

– У Березы в доме приемов на Новокузнецкой. Сидят, думают, что делать. Может, это… того, жене ты позвонишь? Вы ж друзья.

– Да хорошо. Позвоню… Ира? Привет, это Алик. Сразу в ответ:

– Что с Аркашей? Алик, говори, не молчи! Боже, как в книжках. Первый раз в такой шкуре!

– Да я сам толком не знаю. Только ты не волнуйся… Я сейчас узнаю. Схожу. Художественный фильм какой-то. Тошно. Куда схожу? Чего я несу?

– Ну… тут… это… Аркашу в милицию забрали, – выпалил я. В ответ облегченно:

– Вы что, напились, что ли? Нашли время… Ну и где он?

– Да нет. Не в этом смысле. Тут… Да не знаю я ничего. Знаю только, что забрали. А кто, что, ничего не известно. Сейчас пойду узнавать.

Решил – пойду прямо в приемную Черномырдина. У него в здании людей арестовывают, он не может не знать, что происходит. В штаб подъезжает Володя Платонов. Наш безопасник. Действующий резерв. С волыной. Я ему говорю:

– Пошли в приемную к ЧВСу!

– Пошли!

На КПП в Белом доме даже не обыскивали. Платонов прямо с пистолетом в приемную к премьер-министру России и завалил. Приходим. В приемной секретарь. Фамилия – Ротов.

– Где Степаныч?

– Уехал домой. Отдыхают.

– Когда?

– Да часов в шесть и уехал. Устал, видать.

– Рановато устал. А тут у вас ничего такого не случилось?

– Да нет, а что?

– Да Евстафьева с Лисовским тут у вас в Белом доме арестовали.

– Кто?

– Кто, кто… Конь в пальто. Откуда я знаю. Вижу: заерзал. Глаза прячет.

– Ротов, ты не темни. Если чего знаешь, говори. Я не продам.

– Да Степаныч как узнал, что Аркашу повязали, – руки в ноги и на дачу. Меня – нет, говорит. Заболел…

– Опа! Мудрый. Надо у него учиться.

– Ребят, идите отсюда, Христа ради. Кабы чего не вышло. Вон у Вовки пистоль, я по глазам вижу. Идите подобру-поздорову.

– Ладно, сейчас уйдем. Только ты скажи – их вывезли или еще здесь, в Белом доме, держат?

– Я не знаю… Не думаю, чтобы вывезли. У нас здесь у ФСБ есть пост. Мне кажется, их там держат. Не знаю… Идите. Все. Я и так вам много сказал.

Возвращаемся из Белого дома обратно в мэрию, в здание напротив, в штаб. Сидим. Тупое оцепенение. Что делать? Где искать? В ментовку звонили, там ничего не знают. Позвонил Чубайс:

– Ну, что-нибудь удалось разведать?

– Да похвастаться нечем… Но вроде они еще здесь, в Белом доме.

– В Белом доме, говоришь? Это важно. Значит, торговаться будут. Это хорошо. Торговаться – это хорошо. Ну, смотрите телевизор. Сейчас мы начнем отвечать. Нам уже терять нечего.

– А какой канал смотреть-то?

– НТВ, экстренный выпуск. Сейчас Киселев выступит.

– А что не ОРТ?

– Ну, тут сложности. Березе, видите ли, неудобно Коржакова иметь по каналу, который тот ему дал.

– А-а-а… Ишь как неказисто. И РТР по этой же причине?

– Ну, вроде того. Государственный канал. Неудобно. А вдруг не мы победим? Отвечай потом.

– Ясно. В общем, все как обычно. Удивляться нечему.

– Ну да.

– А Гусяра – молодец. Не зассал.

– А ему тоже, как и нам, до фени. Его все равно, если что, Коржаков приморит. Ты же знаешь, они давнишние «друзья».

– Ну хоть повеселитесь напоследок. Уж не подкачайте. Ждем серьезную раз-влекуху.

Поздно. Где-то часа в два. Началось. Экстренный выпуск «Сегодня». Тревога и гнев на лице Евгения Алексеевича. Предпринята попытка государственного переворота… Арестованы сотрудники избирательного штаба Ельцина… Реставрация не пройдет… Попытка будет пресечена… Силы реакции…

В голове – какой переворот? Что он несет? Боже мой, какая чушь! А потом мысль – все правильно. Содержание не имеет значения. Главное, жути нагнать. Эти шопенгауэры в погонах должны услышать то, что они ни в коем случае не предполагали услышать. Вот то, что они заговорщики, – для них новость. Такого хода они не просчитывали. Теперь они находятся в состоянии ступора.

Они ведь как думали? Повяжем этих коробейников. Чубайс приползет на брюхе их спасать, все сдаст и тихо отвалит. Вот и славненько, вот и чудненько. Катись колбаской… Уноси ноги, пока жив… Скотина. Или все-таки посадить? Или так…

А тут на тебе: где «на брюхе»? Нет «на брюхе»! Где «все сдаст»? Нет «все сдаст»! Что-то мы не так рассчитали… Что теперь делать? Спокойно… Не психовать! Как-то все не так развивается. Не в ту сторону. Что-то эти подонки-коммерсы задумали. Кабы знать.

СМИ подхватывают. «Эхо Москвы», Интерфакс, другие радиостанции. Наконец уже и ОРТ, и РТР со ссылкой на НТВ. Западники зашевелились. Ой-ой-ой, в России опять переворот. То ли он украл, то ли у него… Коржаков с Чубайсом застрелили Ельцина… Березовский с Гусинским объединяют бизнесы, и, на самом деле, это один и тот же человек… Медведи, которые, как известно, спокойно расхаживают по улицам русской столицы, взбесились и съели своих дрессировщиков: Аркадия Лисовского по кличке Аркаша, и Сергея Евстафьева по кличке Лис. А теперь давайте посмотрим репортаж из ночной Москвы. Три часа ночи. Видите – улицы пусты! Медведи съели всех.

Я сел в машину и поехал в Дом приемов к Березовскому, на Новокузнецкую. Там народу не много. Все те же и еще Немцов. Все возбужденные, веселые. Видно, что страшно, но отступать не собираются.

Дальше – неотчетливо. Вот я помню, что первым нервы не выдержали у Барсукова и он позвонил Чубайсу. А Чубайс говорит, что это он не выдержал и позвонил Барсукову. Так или иначе, но Чубайс орал… То, что Чубайс кричал, не имело никакого смысла: «Я тебя, козел, посажу… ты у меня до утра не доживешь… Пожалеешь, гад, что родился на свет… Если хоть один волос упадет с их головы, ты мне за все ответишь!»

Стоящий рядом с Чубайсом Гусинский посмотрел на него как

на сумасшедшего: ни одной из перечисленных угроз Чубайс не мог реализовать даже в самых сокровенных мечтах. Посудите сами: человек с улицы, изгнанный из правительства чиновник, который «во всем виноват», прямо угрожает расправой директору ФСБ. Это уже тянет на приготовление к террористическому акту в отношении государственного деятеля.

Фактически с Чубайсом случилась форменная истерика. И то сказать – полгода в диком напряжении, все пашут как кони, задвинули все свои амбиции, объявили «водяное перемирие», и тут эти «васильковые околыши» собираются посадить Аркашу с Сергеем, да, впрочем, и их всех. Присвоить себе результаты их труда. Опять паразитировать на Ельцине еще четыре года.

Тон Барсукова был примирительный. Да ладно тебе: «Да успокойся. Да разберемся. Давай утром созвонимся. Ничего с ними не случится. Да я не знаю, о чем ты… Похоже, что он не ожидал такого напора».

Около трех ночи. Может, чуть больше. Татьяна Дьяченко с тревогой – папа позвонил. Он проснулся, смотрит телевизор. Плохо с сердцем. Вызвали врачей. Что делать будем?

Проходит еще полчаса. Звонок:

– Забирайте своего Евстафь ева.

– А Лисовский?

– Чуть позже. Где-то через час и его отпустим.

– Где забирать-то?

– Подъезжайте к Белому дому.

Есть! По всему видно – струхнули. Не ожидали нашей атаки. А ведь не соврал Ротов. Там и держали. Не оформляли арест. Хотели торговаться. Не вышло!

Сажусь в машину, еду к Белому дому. Стою, жду. Ночь. Показался… Не через проходную, а через открытые автомобильные ворота, пешком, выходит ошалевший Аркадий. Люди, которые его сопровождают, остаются по ту сторону ворот. Я выхожу навстречу. Прямо как в фильме «Мертвый сезон». Яркие уличные фонари освещают въезд в Белый дом со стороны гостиницы «Мир». Все дальше кругом – темнота. Я его обнимаю, мы садимся в машину и едем обратно к Березовскому.

По дороге Аркаша звонит жене: «Все в порядке. Нет, не пьяный, но сейчас буду. Нет, не жди. Все нормально. Да, Алик здесь. Вот рядом сидит. К Березовскому. Потом объясню. Все, спи. Пока».

Приезжаем. Мы с Аркашей и Немцовым накатили коньячку. «Хеннесси Икс О». По стакану. Неплохо. Вожди смотрят на нас с брезгливостью. Да пошли они… Еще разочек. Хорошо.

– Борис Абрамыч, а пожрать у тебя есть чего?

– Позови официанта, он принесет меню. Не знаю, может, еще есть что-нибудь. Ночь на дворе.

– Жрать охота. Там меня не кормили целый день.

– Понимаю… Ну, бутербродов-то точно найдем. А скажи, Аркаш, о чем тебя спрашивали?

– Откуда деньги взял. Что еще… Да больше ничего. Пугали. Говорили – посадят.

– А ты?

– А что я? Ничего. Какие деньги? Не знаю никаких денег. Они мне коробку показывают. Из-под ксерокса. А я в отказку. Не знаю ничего, и все. Не мои, первый раз вижу.

– Ну?

– Чего «ну»? Так целый день. И вечер. Сказка про белого бычка. Потом у меня что-то давление поднялось… И я отказался отвечать на вопросы.

– Отлично! Молодец! Дайте, блин, ему бутербродов. Заслужил. Хи-хи. (Фирменный смешок Березовского.)

Привозят Лисовского. Тоже ошалевший. Березовский его уводит в другую комнату. Сразу видно, что Лиса допрашивали серьезнее, чем Аркашу. Иначе зачем его еще целый час держали? Может, у них на него материала больше? Не знаю, врать не буду.

Гусинский подходит к окну. Видно, что по крышам здания напротив бегают какие-то вооруженные люди. Гусь (как можно безмятежнее):

– О, скоро штурм начнется. Отойдите все от окон, а то, не дай Бог, они стрелять начнут. Да, и имейте в виду: они все прослушивают.

Звонок.

– С Чубайсом хочет разговаривать Борис Николаевич.

– Ну так соединяйте.

– Нет, он хочет по спецсвязи.

– А здесь нет спецсвязи.

– Ну так пусть Анатолий Борисович едет туда, где есть. В мэрию, в штаб. Через полчаса президент туда позвонит.

Всей толпой садимся по машинам. Аркаша с Лисом поехали домой. У них больше уже нет сил. По дороге спрашиваю у Чубайса:

– О чем он говорить собирается?

– Не знаю. Думаю, о том, что делать со всем этим.

– А ты?

– Расскажу все как есть. Пусть сам решает.

Вижу – Чубайс в форме. Не скис. Готов к бою. Что-то задумал. Приезжаем. Чубайс ушел в кабинет со спецсвязью. Быстро выходит обратно.

– Ну как?

– Вызывает к себе. Сказал, что через час будет в Кремле. Гусинский говорит ключевую фразу, которая висела у всех на языке:

– Надо потребовать, чтобы он их всех уволил. Иначе у нас нет шансов. Они, если останутся, все равно со временем нас доедят. Если Ельцин откажет, какая разница, когда они нас доедят – сейчас или через полгода.

Спорить бессмысленно. Логика железная. Все соглашаются. Чубайс сидит с отсутствующим взглядом. Кивает головой в такт словам Гусинского. Через полчаса молча встает и уходит.

Минут сорок, а то и час он отсутствовал. Все сидели молча. Разговаривать особо не хотелось. Гусь с Березой ушли в офис «Моста», на другой этаж. Звонит Чубайс – еду, собирайтесь. Звучит бодренько, бодрее, чем мог бы в такой ситуации.

Все собрались:

– Борис Николаевич подписал указ об увольнении Сосковца, Коржакова и Барсукова!

– Ой!.. – вырвалось у кого-то.

И тут Гусинский сказал фразу, которая могла бы стать пророческой:

– Наконец-то у нас появился шанс построить нормальную страну!

Шанс был. Могла бы стать нормальной страной. Но не стала. К сожалению. Пока. Но это уже совсем другая история…

Потом мы выпили. И Чубайс, и Гусинский с Березовским тоже. Потом Чубайс подшофе поехал на пресс-конференцию, в гостиницу «Рэдиссон-Славянская». Пока ехали, все спрашивал меня: «Как я выгляжу? Ничего? Всю ночь не спавши и выпивши?» У всех было хорошее настроение. Я его успокаивал – сойдет, мол, и так. Орел!

Потом, на пресс-конференции, Чубайс забивал «последний гвоздь в гроб коммунизма». А потом я забил на работу и уехал домой спать.

P.S. Еще раз подчеркну: Березовский, Гусинский и Чубайс обеспечили победу Ельцина в 1996 году.

– Вот такая у меня была жизнь. И еще забавная история. Меня приятели соблазнили полететь в Турцию, в Мармарис. Летом, когда уже Борис Николаич победил. Посторонним-то стыдно признаваться, а тебе, как близкому человеку, скажу: мне нравится Турция. Франция, в смысле ее побережье, мне не нравится (в отличие от Прованса, Бургундии и долины Луары), а турецкое –

нравится. Там море красивее и природа лучше.

– Я тебе скажу больше, вообще ужасную скажу вещь: мне и в Болгарии нравится. Это уж ни в какие ворота не лезет. По секрету я тебе сказал, строго между нами.

– А я в Болгарии не был. Так вот, у меня в 96-м, как у госчиновника, был синий загранпаспорт. Служебный. И меня наши пограничники во Внукове не выпускают из страны. Потому что без визы, мол, турки меня к себе не пустят. Да как же не пустят, визу в Турции в аэропорту ставят! Они отвечают, что это только с красным паспортом такой порядок, а с синим надо получать визу в посольстве в Москве. Я говорю – что за херня, синий паспорт круче, чем красный! Круче! Мне опять пограничник говорит: «Старик, то, что я тебе говорю, это правда, а что ты себе в голове нарисовал, это херня». Я ему: «А ну-ка выпускай меня, а то я сейчас буду звонить начальнику погранвойск Николаеву!» И набираю его приемную. Николаева нету, там сидел дежурный полковник. И я ему говорю: «С вами разговаривает первый зампред Госкомимущества». Да, слушаю вас! Вот тут твой боец меня, сука, не пускает. Даю трубку, боец рассказывает полковнику то же, что и мне. Полковник мне пытается объяснить, что боец правду говорит.

– Ну-ка, ну-ка, интересно, что дальше было!

– Короче, они мне говорят – хрен с тобой, езжай. Только напиши бумагу, что ты к нашим погранвойскам претензий не имеешь. Если тебя в Турции скрутят. Пишу бумагу, отдаю бойцу, прилетаю в Турцию, даю десять долларов, мне уже начинают клеить марку – и тут вдруг видят, что паспорт синий. И ведут меня в тюрьму…

– А, «Полночный экспресс»! Помнишь, там человек сидел в турецкой тюрьме и к нему приехала девушка на свидание. И он ей говорит: «Ну хоть сиськи покажи!» Она показывает, он смотрит и аж сопит, и дрочит.

– Да, да.

– У тебя тоже так?

– Нет, не так радикально. Но все равно интересный экспириенс. Привели меня в камеру, в КПЗ.

– Так у тебя, значит, одна ходка есть! Ты уже с полным правом можешь наколку делать – храм с одним куполом.

– Да-да. Крест на Святую Софию. Так вот я тебе рассказываю. Камера. Мне тут же пацаны купили выпивки, закуски в duty free, и турки это разрешили взять с собой. В камере я один – видно, в тот день таких мудаков, как я, больше не было. Такой был один человек – ваш покорный слуга.

– С понтами, с синим крутым паспортом.

– Да. И турецкий пограничник, сочувствуя моему положению, спрашивал: «Ну а какой-нибудь другой паспорт у тебя есть?» Он бы мне и во внутренний советский паспорт готов был визу вклеить. Вклеил бы и поехал домой ночевать. А так ему меня, мудака, сторожить… Мои – туда, сюда, взятки предлагают. Нет!

– Что, турки не берут взяток? Ты гонишь!

– Нет! Не взяли в тот вечер!

– Мир перевернулся.

– Им говорят: «Это ж замминистра, такой скандал будет!» Нет, не слушают. Я звоню в посольство. Там смеются: «Да пошел ты на хер, какой ты замминистра! Ты просто мудак какой-то. Замминистра не может в тюрьму попасть так глупо». И трубку бросают. Как обычно, наше посольство защищало интересы нашего гражданина за границей. Это к первому заместителю министра они так относились!

– А ты вспомнил добрым словом нашего погранца, которого ты не послушался?

– Да, да, да!

– А думал ты: «Что это я сильно умный?»

– Я где-то вычитал афоризм: «Чем больше я узнаю таможенников, тем больше мне нравятся гаишники». Вот я тогда чем больше узнавал мидовцев, тем больше мне нравились пограничники… Я тогда дозвонился до Казакова. Он пол-Москвы поднял – что у него зам в Турции в тюрьме сидит. А в Анкаре наши посольские отключили телефоны. Чтоб мы им спать не мешали. Короче, я понял, что мне там сидеть до первого рейса на Москву, то есть до утра. Ну решил я осмотреть место, где нахожусь. Комната метров двенадцать квадратных, кондишн работал встроенный, стол и две лавки. Ни кровати, ни нар, ни шконки. Я коньячок выставил, нарезочка у меня, все порядке. Попросил стаканчик, мне принесли водички – мутной турецкой воды. Зашел ко мне какой-то пограничник, ему было скучно, я ему налил, махнули мы. Собутыльник мой ни по-английски, ни по-русски. Пришлось мне вспомнить свое казахстанское детство и какие-то тюркские слова. Он показывает на мой «Rolex» и говорит: «Если ты мне его отдашь, я тебя выпущу. Перед вылетом зайдешь обратно в камеру, и я тебя выведу к самолету. И верну тебе твой крутой синий паспорт». Я отказался. В 96-м году мне казалось, что пять штук за двухдневный отдых в Турции – это было бы неправильно. Слишком дорого.

– А сейчас бы – и ничего.

– Сейчас – да. Сейчас бы я ему сразу пять штук дал, чтоб он пошел в duty free и себе часы купил. А свой бы «Ролекс» я не отдал.

– Именной, наверное?

– Мне его Олег Бойко подарил, давно-давно, я еще в Питере жил. И мне его жалко просто. А так, это же самый дешевый «Ролекс» на свете, стальной. Тут даже числа нет. Я вот и сейчас в нем. И ладно, число я помню. И вот меня в сон клонит. Я прилег на стол, свернул курточку, под головку ее… И тут – клопы! Клопы! Я решил использовать стандартный способ, который применяется в армии, в стройотрядах, общагах и коммунальных квартирах. Зову солдатика, он мне приносит пластмассовые стаканчики, я туда наливаю воды, ножки стола ставлю в эти стаканчики, забираюсь на стол и засыпаю. Но умный турецкий клоп ползет по стене и с потолка на меня падает. Я понял, что сна уже не будет. Ну, думаю, надо допивать коньяк. Побухал – а меня чего-то не развозит. Короче, всю ночь я промаялся. С утра приехали пацаны, дали денег этим туркам. Те паспорт мой себе оставили. Я два дня отдохнул, субботу и воскресенье, а после мне отдали паспорт, мы сели в самолет и улетели.

– А почему ж сразу не решили вопрос? Почему с вечера не взяли они денег?

– Так нам турки еще с вечера рассказали: «У нас начальник смены конченый мудак. Вот он сменится с утра, приезжайте, будет нормальный чувак, и с ним договоритесь».

– А пятерку ты, значит, пожалел.

– Пятерку – пожалел. Мы за штуку решили вопрос. Друзья за меня заплатили.

– Ты посмотрел на это и подумал: «Вот она, демократия! Когда ж уже у нас такая будет!»

– Я увидел на самом деле этот вариант турецкой демократии: во всех кабинетах, а также у меня в камере висели портреты Кемаля Ататюрка. Кстати, он похож на Путина – внешне очень похож. Такие же брови надвинутые, и в то же время на лице улыбка. Я пытался изобразить эту мимику, у меня не получается. Нахмуренные брови – и одновременно улыбка на лице! Так могут только два человека: Ататюрк и Путин. Понимаешь? Нет-нет, у тебя тоже не получается: улыбка добрая должна быть, джокондовская.

– Ну-ка глянь! А теперь получается?

– Не, плохо. Вот у него такая улыбка на канонических портретах, где Кремль сзади.

– То есть у него такой вид: «Кому надо вломить, вломим, а кому не надо – тех не тронем. И все это одновременно».

– Да. В одно мгновение в одном лице человек разный. Ленин всегда добрый, Сталин тоже добрый, Брежнев такой охреневший немножко. Какие еще портреты были канонические?

– Андропов – загадочный.

– Не, Андропов – ботаник. Ботанистого типа. Черненко тоже охеревший. Горбачев – сытый. Сытое лицо. А у Путина одновременно две эмоции.

– Не исключено, что в этом проявляется его мудрость.

– Ну конечно! Я вот иногда просыпаюсь и думаю: «Господи, как хорошо, что у нас есть Путин!» А если б не было его? Представляешь? Как слепые котята… Аж страшно…

– Кто б тогда шел на второй срок? Кому б народ изливал? А вот есть еще портрет Горбачева потрясающий, работы покойного Юры Боксера. Там Горбачев такой черно-белый на бледной фотокарточке, и она раскрашена анилиновыми красками, румянец такой кислотный у генсека, а на руках у него котята, такие полосатые, как бы с картинок, где дети-ангелочки, – такой кич послевоенный, в поездах продавали такие календарики… Ну ладно… Вернемся к Турции. Значит, в Турции какие ты получил уроки? Типа пора бы и нам построить демократию, чтоб все вопросы решались за бабки. Или как?

– Урок такой: «Мудак я, надо слушаться людей! Когда профессионалы говорят, что тебя не пустят, надо развернуться и уйти». Нет – в голове сидит, что визу всем в аэропорту ставят…

– Но, видно, мало тебя парили на киче, мало натравили на тебя турецких клопов! Ты так ни хера и не слушаешь по-прежнему никого.

– Да, все своим умом живу… Хорошая история?

– Просто ломовая. А ты после этого ездил в Турцию?

– Да. А мне не за что на них обижаться – посадили за дело. Я ведь даже расписку написал: не имею ни к кому претензий, если меня примут.

– Подольше б они тебя тогда помучили, ты б больше слушал специалистов.

– Смешно, да. А теперь ты расскажи про свое личное в 96-м году.

– Ну, у меня много было всего тогда. Во-первых, меня чуть кондратий не хватил. Давление, сердце, херня всякая. Один товарищ – мы с ним ехали куда-то в машине, а мне как-то херово, как бы с похмелья и даже хуже, – говорит: «А давай мы тут заедем по пути к одному врачу знакомому, в больницу, так, на минутку, и он тебя глянет». Ну давай… И там они как смерили, и тут же начинают меня на каталку укладывать и везти куда-то: типа в таком состоянии выпускать клиента – дело чуть ли не подсудное. Так что пришлось им бабок давать, чтоб выпустили (только не из

тюрьмы, как тебя, а из безобидной больницы) и стерли файлы. Неохота было укладываться в палату, тем более так, с полоборота. Никуда я не лег и обследование прошел амбулаторно. Я какое-то время – аж два месяца – вообще не пил. Представляешь? Я даже, помню, на свадьбу съездил – и там не пил. И вот за эти два месяца, что я не пил, я сильно подутратил интерес к жизни. Я думал: «Ну и на хер такая жизнь, не пимши? Что, теперь до самой смерти – кефир-клистир-сортир?» С грустью я размышлял об этом… Думал – на хер мне такая жизнь? Или – пусть будет хоть такая? И вот нашелся еще один врач, бывший муж одной знакомой. Доктор наук, серьезный человек. Посмотрел он меня и говорит: «Да посылай ты их всех куда подальше! У меня у самого ровно то же самое! Надо просто таблетки там какие-то принимать. И пей себе гуляй». Я так и сделал. Действительно, я какое-то время даже эти таблетки ел. А после их выкинул и стал жить как живется. Еще я в 96-м поменял вид деятельности. В 95-м я, как известно, руководил женским журналом «Домовой» и учил читательниц не только возиться на кухне и говорить про умное, но также и правильно рожать. А на рубеже годов я стал работать в холдинге, у Яковлева замом. Чем занимался? Например, набирал людей. Неловко даже говорить кого – настолько это великие люди сегодня. Я тебе по секрету только. Это Мостовщиков, Колесников и даже сам Панюшкин. Была идея – сформировать такую когорту никем не победимых. Платить им денег, посылать в Париж, иномарок дать казенных, ну, в общем, чтоб ни в чем себе не отказывали.

– Золотые перья.

– Типа.

– Скажи честно: а вот если б ты в то время встретил меня – не вице-премьера, а просто Алика, и ты б посмотрел мои заметки, – ты бы меня взял на воспитание трудиться золотым пером?

– Понимаешь, дело ж не только в литературном таланте. Человек должен быть тертым, обтертым, отпетым… И технологично чтоб было. Не просто так – сядь и красиво напиши. А – через три часа вылетай туда-то, там немедленно найди все, что надо, добудь реальную фактуру, какой ни у кого не было и нет, и завтра в 18.00, будь добр, продиктуй оттуда бессмертный репортаж. И никого не волнует – как ты кого найдешь, кому ты будешь взятки давать, как ты оттуда выберешься, будет у тебя вдохновение, не будет, с похмелья ты или как – плевать. Сделай – и все.

– Ты считаешь, что я к этому не способен?

– Я считаю, что это тебе было не нужно тогда и тем более не нужно сейчас. Там надо все-таки выкладываться. Ну вот как тебя под пули загнать за тысячу долларов или даже за пять? Нет в этом для тебя бизнес-задачи интересной. Должен быть путь: или – или. А не просто попробовать для общего развития. Тут так – patria o muerte. Дело принципа. А не бизнеса.

– А где они раньше работали, эти перья?

– Панюшкин – в журнале «Матадор». Костя Эрнст его издавал, еще когда был простым журналистом. А до этого он, в смысле Панюшкин, писал дисер во Флоренции (что-то по истории тамошнего искусства) и подрабатывал переводчиком. Я с ним в Венеции и познакомился. На карнавале. Мне нравились тогда его тексты… Мостовщиков же работал в «Известиях», где добился права публиковать свои не всем понятные сочинения в модном тогда жанре «поток сознания» – или подсознания. Чтоб ты понял, Мост много писал о необычных чувствах и странных мыслях персонажа, которого звали Василь Василич Захарько. Персонаж этот никому не был известен, а Мост и не брал себе труда объяснить, кто это такой и отчего мы должны им интересоваться. Однако было немало людей, которым это очень нравилось. После Мост еще во многих местах работал. В частности, на ТВ делал передачу «Депрессия». Я у него там даже выступал, но остался недоволен. И вот чем. В том сюжете на самом краю кадра подсобные рабочие непрерывно доили козу, и струя звенела об оцинкованное ведро. А когда все кончилось, ведро с козой убрали. Я Мосту сделал замечание, что он пошел против всех журналистских правил, не выпивши молочка из-под той козы. Ладно сам не стал пить, это пусть остается на его совести. Но мог бы мне налить по крайней мере! Нехорошо получилось. Против всех понятий. А ведь еще Чехов, большой журналист, учил нас этому! На примере ружья, которое должно стрельнуть в последних кадрах. А Колесников, например, работал в «Московских новостях». Ими еще не твой друг Женя Киселев руководил, а кто-то другой. После Егора Яковлева. Не помню, кстати, кто. И писал Андрей репортажи из Чечни. И вот я, почитав их, позвал его на работу, и он пошел. Я ему сделал предложение, от которого он не смог отказаться.

А писатель Кабаков из тех же самых «МН» ко мне не пошел. Я думаю, логика его была такая: «Московские новости» – незыблемая цитадель демократии, а в «Коммерсанте» непонятно что. Да, может, мне и не по рангу

было звать такого матерого автора. После он таки пошел, и мы вместе поработали. Он говаривал, что лучше быть приличным человеком и херовым писателем, чем наоборот. Это очень тонко и симпатично. Кабак (так его иногда называют; а папаша его был военный, и ему не дали генерала, сочтя, что генерал Абрам Кабаков – это для Красной армии уж слишком) мне дико нравится своим серьезным отношением к жизни. Вроде он и не против стеба, едкий такой шутник, но как доходит до серьезного, у него идеалы там, принципы, то-се – по полной, как положено. Снимаю шляпу, честно. Кроме Кабакова еще один человек не пошел тогда ко мне работать, и тоже из идейных. Это Дима Быков, поэт, бывший куртуазный маньерист, репортер, писатель, который привлекался к уголовной ответственности за сквернословие – вобщем, достойный человек. Он не пошел в «Коммерсантъ», даром что сидел тогда на мели. Позиция его была такая: он не мог бросить своего главного редактора Пилипенко («Собеседник»), который его выручал в трудные минуты. Ну а что, красивый поступок. Я был растроган. Жалко, я с Пилипенко в «Собеседнике» разминулся. Приличный он, видно, человек.

Комментарий Свинаренко

Вообще я дико люблю, когда люди совершают красивые поступки, я потом годами про них вспоминаю и всем рассказываю – вот как сейчас буквально. Для чего-то мне это нужно; мало что меня так радует, как такие вот поступки. Помню, в «Коммерсанте» были два друга, которые по жизни все делили пополам – все, что заработали. Такая у них была спарка. Один, к примеру, шел на новый проект, а второй оставался на хлебном месте и содержал две семьи – свою и друга. После тот, который ушел, поднимался, переходил на новый уровень денег – и начинал повышать благосостояние опять-таки двух семей. Я этим друзьям, откровенно говоря, завидовал, да и многие вокруг тоже. Это было из области красивых поступков, безусловно. Фамилий я тут не называю, поскольку кончилось это все печально. Друзья разругались. У меня такое чувство, что в какой-то момент один из них вышел на такой уровень по деньгам, что делиться пополам уже было выше его сил. После и второй тоже поднялся, можно было б делиться достойно, – но было уже поздно. Поезд ушел. Да чего уж там, много мы уже видели ситуаций, когда прекрасные отношения портились из-за денег… В первые годы новой жизни мы этому еще удивлялись, было в диковинку, а после стало

общим местом. Я тут про это рассказываю потому только, что в середине девяностых этому можно было удивляться. Как в начале 90-х экзотикой были настоящие проститутки. Помню, один товарищ мне взахлеб рассказывал про первое в его жизни посещение публичного дома. Типа ему бандерша объясняла, что неплохо бы взять девушке советского шампанского, а он спрашивал, нельзя ли ей налить мартини, у него как раз с собой бутылка. И хотя приносить с собой и распивать было не положено, бандерша позволила, потому что мартини тогда – это было круто. В принципе это одна и та же тема – влияния товарно-денежных отношений на отношения межличностные: дружбу и секс.

Кстати, вспомнил: я тоже в 96-м в Турции был. С семьей. И я тогда примеривал ситуацию на себя, прицеливался – как будто коммунисты победили, опять 17-й год и мы свалили. И вот мы на чужбине, в теплой стране… Море… Живем в неплохом отеле… И такая скучища сразу навалилась!

Помнишь, как Окуджава представлял, что вот он уже свалил и живет в Париже.[12] Так ему не нравилось. И Толстая рассказывала про суровость жизни в заграницах… Что скучно за границей жить и неинтересно. Я и сам понял, что это утомительно и как-то незачем… Что уезжая на постоянку за границу, ты настолько радикально уходишь из жизни – той, которой ты до сих пор всерьез жил, – что это легко и без особых натяжек можно сравнить с настоящей физической смертью. То есть ты помнишь, что было, тебя кто-то помнит, можно в принципе созвониться, послать свой фотопортрет – но это уже вполне сравнимо с тем, что умерший кому-то приснился. Или показался в виде привидения. А если ты после передумаешь и вернешься из-за границы, так твоя ниша в этой (которая тут) жизни уже будет занята. За твоим столом уже работает и выпивает другой человек, у твоих знакомых новые друзья, живые. Если у тебя оставалась тут жена или подружка, так и она уже пристроена под кого-то. Бывает, что не только ниша занята кем-то – а что она вообще замурована. Такое случилось с Солженицыным, к примеру. Он вернулся – а ниши нет. Там стена теперь. Он вышел на палубу – палубы нет.

– Чем я еще занимался, кроме кадровой политики? Тогда из одного издания «Ъ» ушел руководитель. И это бы еще ладно. Но он увел всех людей и забрал все базы данных. А надо чтоб издание выходило без перерыва. И даже без опозданий. Ты, Алик, теперь, как издатель, это понимаешь. Но дальше у меня в работе возникло препятствие. Со стороны

человека, от которого я, наоборот, должен был ожидать поддержки. Но я не ожидал и даже не удивился, не получив. Случилось же следующее. Яковлев, как хозяин всего этого бизнеса, запретил мне решить вопрос с этим парнем. Не лезь, говорит, это он не у тебя украл, а у меня. Не твое дело. Иди и работай в имеющихся условиях. А отлавливать человека, бегать за ним с паяльником, забирать дискеты и слайды – этого чтоб не было. Ну что делать, пришлось работать на коленке. Выпустили мы тогда номер… И сейчас это издание успешно выходит.

И вот я в том году командовал, командовал – и вдруг подумал: «А что это я давно ничего не пишу? Ладно, допустим, мне некогда, мне не до того, я весь на нервах. Но в принципе любопытно: смогу ли я вообще что-то сочинить? Если захочу?» Стопроцентной уверенности у меня не было. А вдруг – нет? И что, я так и буду всю оставшуюся жизнь ходить командовать? Говорить другим, что делать, когда сам не умеешь ничего – совсем ничего! Это был натуральный ужас.

– Тебе стало страшно, что ты потерял профессию?

– Ну, у меня есть еще разные специальности. Каменщик, фотограф, переводчик, еще там что-то. Но это как-то из другой жизни. А в этой мне стало страшно, что теперь и я буду, как другие, держаться за место зубами, интриговать, втыкать нож в спину конкурентам… Многие так ведь делают, из тех, кто сам ничего не умеет, а полон решимости ухватить синекуру и любой ценой жить хорошо. Делить что-нибудь, перепродавать, пользуясь положением и инсайдерской информацией… Когда сам ничего не умеешь, приходится вот так… Никого не пошли на хер…

– Это верно, да…

– И сиди вот так и не гавкай. Шаг влево, шаг вправо – и на хер пойдешь, не умеешь ведь ничего. И все. Этот ужас я как сейчас помню. И я тогда подумал – ну, соберусь с силами, сосредоточусь, сяду. Вдруг получится! Я волновался страшно. Но – написал… И с таким облегчением вздохнул. А еще, как ты выше уже обозначил, выборы в 96-м прошли. У меня не было никаких вопросов: как проводить, за кого, какую занимать позицию. Я тогда это понимал однозначно: придавить коммунистов. Я спрашивал себя: «Ну, допустим, я имею доступ к подсчету голосов и все зависит от меня. Что б я сделал?»

– А, смухлевал бы ты или нет?

– Ну. Представим, что большинство проголосовало за коммунистов, вот таков, к примеру, выбор народа. Что бы я

сделал? Демократ я или нет? И я сказал себе и даже прочим: «Я бы эти бюллетени выкинул и приказал бы заполнить правильные».

– Ты бы за народ сам выбрал.

– Да. Я не смог бы своими руками облить страну бензином и подпалить. И еще к тому же завалить новым дополнительным говном. В очередной раз. Оставаясь тем более внутри страны. Ладно б я уехал, тогда б следовало было признать за оставшимися право что угодно делать со страной. Так что никаких коммунистов, если кто меня спросит. Стенька Разин, пьяные матросы, которые срут в библиотеке… Пролетарии, которые пинками гонят академиков подметать улицы… Я б сказал – извините, но тут мое уважение к демократии кончается.

– Ты четко узнал границы своего демократизма.

– Да. А вот Яковлев тогда, выступая перед сотрудниками, гнал, что его демократизм круче. Что если победят коммунисты, то пусть и победят, а мы, как честные люди, должны это схавать. Он говорил, что готов идти до конца. Типа он там, в самом конце, смело примет любой выбор народа. Раз он демократ. И еще он говорил, что Зюганов как политик может оказаться очень интересным и сказать новое слово. Но после Яковлев с этой позиции, насколько я понимаю, сошел. К счастью. Правда, вскоре он вообще отвалил в заграницы. Помню, я около того времени выпивал с каким-то американцем и сказал ему, что я демократию ни во что не ставлю. А у американцев волосы дыбом встают, когда им говоришь что-то в этом роде. Вот и у этого встали. Но, когда я ему изложил позицию насчет выборов, он с облегчением вздохнул и говорит: «Так в этом же и заключается натуральная демократия – чтоб коммунистов не пустить к власти! Тут любые средства хороши!» Ему полегчало – ну и мне тоже. И вот эти выборы… Нравится мне Борис Николаич, не нравится – для меня так вопрос не стоял. Боб какой ни есть, а пусть будет.

– А был же выбор. Явлинский хотел стать кандидатом. Он говорил, что у него 16 % рейтинг, а у Ельцина 5. Так что надо все ресурсы на поддержку Гриши бросить. А Береза знал, что Гусь любил Гришу, и понимал, что если Явлинский пойдет в гору, то сильно и непропорционально усилится влияние Гуся. Это было одной из причин, по которой Гриша не прошел. И мне Береза так говорил: «Трудно спорить с тем, что у Явлинского 16 %, а у Бориса Николаича 5. Но у Явлинского 16 как было, так и останется, хоть ты усрись. А у Бена – 5, но ему есть куда расти.

Потому что есть электорат, который за Бена проголосует, а за Явлинского – никогда в жизни». Так и оказалось! Григорий Алексеич стал к лету не третьим даже, а четвертым – там же еще Лебедь вклинился.

– Некоторые сегодня говорят, что в 96-м на выборах все было разыграно как по нотам и все, кому положено, заранее знали, чем все кончится…

– Не! Не-не-не.

– Я тогда реально не исключал, что коммунисты возьмут-таки власть и в стране начнется херня.

– Зюганов в Давосе раздавал авансы. Говорил – нет, мы не будем сильно давить предпринимателей. Но мы, конечно, обратим серьезное внимание на итоги приватизации. Зверствовать не будем – рестораны мы в частном владении, конечно, оставим, и чебуречные тоже…

– Помню, ближе к выборам прошел секретный пленум ЦК КПСС.

– Опа. Так он же секретный. Откуда ты про него знаешь?

– Ну, знал. Он был настолько секретный, что я сам туда даже не совался.

– А чего? У тебя физиономия чисто коммунистическая.

– Да? Спасибо. Так вот, я вызвал пять человек и каждому отдельно ставил задачу. Говорил: «Ты идешь один, на тебя вся надежда».

– И все пять пролезли?

– Нет. Сначала один в редакцию вернулся – не пустили его. Второй, третий… Их сразу засекли и выгнали. Потом пришел четвертый, который себя позиционировал как очень крутой репортер. Давай, говорит, бабок немерено, поскольку я полдня на твое задание убил. А где результат-то? Кассета есть с пленума? Нету! Но раз я не добыл результат, значит, это невозможно в принципе! Миссия типа impossible. Гм… И тут заходит пятый, новый сотрудник, возможностей которого я тогда еще не знал, – его я вообще для количества послал и для очистки совести. Зашел он, небрежно этак кинул кассету на стол и пошел пить пиво. Как ни в чем не бывало.

– И не попросил бешеных бабок.

– Ну. Слушаем кассету… А там – уникальная информация! Докладчик говорит: «Ребята, тут все свои, никто из шпионов не проник, всех споймали. Так что можем откровенно обсуждать главный вопрос. А он такой. Вот мы обещаем, что сразу всем повысим пенсии и стипендии, и вклады начнем индексировать и выдавать замороженные, и пособия на детей такие назначим, что аж страшно. Это все мы правильно

обещаем. Но должен вам сказать – тем, кто еще сам не сообразил, – что денег на это нету и взять их неоткуда. Так что нам уже сейчас надо начать придумывать, как отбрехаться, если мы таки победим на выборах. Давайте сразу начнем искать аргументы – почему мы обещали заплатить, а не платим». Это мы с удовольствием опубликовали, по магнитозаписи. У меня была тогда еще мысль, что Зюганов с облегчением вздохнул, когда узнал, что не прошел в президенты. Он даже, может, сам подыграл ельцинской команде. Я тогда просчитывал: ну, допустим, он победил. И дальше вдруг какие-то пролетарии жгут усадьбу некоего олигарха. И тут наступает момент истины. Все ждут: какова же будет реакция коммунистического президента? Какой бы она ни была, ему кранты. Поддержит товарищей по классовой борьбе – так по всей стране начнут жечь. Бардак и ужас по новой. Разруха и все такое прочее. Войска НАТО усмиряют русских бунтовщиков. Ничего хорошего. А если Зюганов решит примерно наказать поджигателей, пошлет казаков с нагайками или вовсе ОМОН против собственного народа, против избирателей, которые отдали голоса верному партийцу, – что ему скажут красные? В общем, Зюганов что в одном варианте, что в другом очень быстро перестает быть президентом.

– Почему? Если он встанет во главе восставшего народа… Допрыгались, типа!

– Да ладно тебе! Усадьбы горят, ничего себе!..

– Да в 96-м этих усадеб было раз-два и обчелся.

– Ну пошли бы грабить винные погреба…

– А вот здесь уже солдатиков.

– В стране начался бы бардак, и пришлось бы жестко наводить порядок! В общем, испугался Зюганов.

– Ну, может быть. Это чисто личная психомоторика. Может, и правда ему не хотелось грузиться этой темой. В оппозиции-то удобнее. Хотя – у них был позитивный сценарий! Они б все спихнули на воров-дерьмократов. «Банду Эльцина под суд!» И спокойно бы на этом прожировали один срок. А там 99-й год, в котором цены на нефть пошли вверх. И тогда коммунисты опять озолотили бы нацию и все бы давно забыли, что был такой досадный эпизод: отступление от выбора отцов – от Великого Октября!

– Если возвращаться к моей жизни, то я к осени 96-го бросил начальственную работу. Многое мне там показалось скучным. Не понравилось.

Комментарий Свинаренко

С легкой лирической грустью я наблюдал за изменениями, которые происходят с людьми под воздействием власти и денег. Деньги – вещь серьезная, недаром же это всеобщий эквивалент (не всех, а только материальных ценностей, но это уже такая тонкость, о которой многим просто лень задумываться). Не то чтобы я прежде идеализировал своих знакомых и сослуживцев, нет. На работу же не дружить ходишь. Но смысл такой: если бизнес и ничего лишнего, то это хорошо бы с самого начала обозначать, на берегу договариваться. А когда вы раньше как-то иначе строили отношения и потом вдруг решительно стали переходить на новые рельсы – это некомфортно. Это даже в какой-то степени морально травматично. Самое смешное, что я критиковал Яковлева за его тогдашнюю манеру вести бизнес. Типа, мне не нравилось, я настаивал, чтоб было по гамбургскому, как он мне тогда виделся, счету. Там у меня был такой пафос. Иногда он какие-то решения принимал, видя, что это не по-бизнесовому, а просто потому, что ему так хочется. И при этом требовал, чтоб это выполнялось с таким рвением, будто от этого будет толк. Я в ответ предлагал ему нанять специальных людей, которые бы бегали и переливали из пустого в порожнее, развлекая руководителя. Этакий потешный полк. Казалось бы, мне какое дело? Работай себе, получай зарплату, и плевать на все. Оно, может, и так… Я так и думал поначалу. Я сперва пробовал выполнить все бездумно и беспрекословно, но это оборачивалось такой потерей энергии и таким падением интереса к жизни, что выходило себе дороже. Бывало, подготовишь решение серьезного кадрового вопроса, всех найдешь, со всеми договоришься, по его же поручению, – а он вдруг берет и ставит кого-то из своих. Моя претензия была не в том, что я хотел учить Яковлева бизнесу, куда мне, а в том, чтоб он предупреждал заранее, какие задачи мы будем всерьез решать, а где он будет дружить. Но, разумеется, он меня не слушал. Может, это вообще свойственно всем крупным начальникам и бизнесменам. Яковлев был первым большим капиталистом, которого я наблюдал с относительно близкого расстояния… Я ему тогда сказал в сердцах: «Уж лучше ты продай бизнес, пока есть что продавать, – а то с такой манерой вести дела далеко не уедешь». Он и продал. Но это позже, в 99-м. А тогда, в 96-м, я как бы поругался с Яковлевым. И не то что ушел из его замов – по нашему обоюдному согласию, – но и вообще собрал вещички, естественно: какая ж могла речь идти о дальнейшем сотрудничестве? Но он меня остановил и сперва предложил поработать у него

привилегированным писателем, а после с глаз долой сослал в Америку. То есть подход трезвый, взрослый, ничего личного: видеть он меня скорей всего не хотел после всего, но отчего ж было не использовать опального репортера в корыстных целях, на благо его персонального издательского дома? И когда он придумал меня заслать в Штаты, я поехал в эту как бы ссылку с интересом.

В общем, благодаря тому, что не разучился писать заметки, вернулся я к креативу.

Одно из самых интересных интервью, которые я сделал, было с Юрием Никулиным. Мощнейший человек! Почему у него не было звездной болезни? Почему он не думал, что он умней всех? Это так тонко. Что особенно ценно, Никулин мне в ходе интервью рассказал несколько анекдотов.

«Бог с двумя ангелами пролетают над Землей. Как раз в институтах готовятся к сессии. Летят над одним институтом – там студенты зубрят, шпаргалки делают. Ангелы спрашивают: „Боженька, эти сдадут сессию?“ – „Не-е, не сдадут“. Другой институт. Там профессоров слушают, конспектируют, не спят ночами… „Сдадут?“ – „Нет, – отвечает Бог. – Не сдадут“. Третий институт. А там пьянка-гулянка, музыка играет, какие-то бабы пришли… „Ну, эти-то уж точно не сдадут?“ – „Эти? Эти сдадут“. – „А почему, Боже?“ – „Они ж только на меня на деются!“

Он понарассказывал – и устно, и в книге – множество историй, которые его представляют не в лучшем свете. Таких дурацких историй у каждого полно! Но другие помалкивают… «Я про это писал, чтоб показать – я абсолютно такой же, как все, – объяснял мне Никулин. – Когда кто-то себя начинает показывать выгоднее, чем есть, мне стыдно становится, неловко и неудобно за него. Пускай про тебя другие говорят… Я, например, редко рассказываю про войну. Когда меня просят что-нибудь вспомнить, как я воевал, я рассказываю обыкновенно следующий анекдот. Демобилизованный солдат вернулся домой, созвал родню и три часа рассказывал про то, как воевал. А когда закончил, его маленький сын спрашивает: „Папа, а что на фронте делали остальные солдаты?“

Еще его анекдот из той же оперы. Внук спрашивает деда, воевал ли тот. Дед отвечает: «Ну». – «Что „ну“?» – «Ну не воевал».

И награды Никулин редко надевал. Так, разве на День Победы – колодки. Вот еще великая фраза Никулина: «Клоун должен падать или, как говорим мы в цирке, делать каскады… И все ради того, чтоб вызвать смех…Почему люди смеялись? Думаю, прежде всего потому, что я давал им возможность почувствовать свое превосходство надо мной…Окружающие

понимали, что сами они на такое никогда не пошли бы».

Вот какой был человек – Никулин.

То мое интервью заканчивалось таким пассажем. Я вспомнил, что маэстро скоро 75 лет. Он моментально включился в тему: «А про возраст у меня любимый анекдот такой. Одесский. Две подруги встречаются, одна спрашивает: „Ну как поживаешь, старая блядь?“ Вторая отвечает: „А причем здесь возраст?“ Вы же помните, анекдот надо рассказывать к слову… Ах да, вам же это публиковать… Как же быть? Вы знаете что… вместо “блядь” можете написать “курва”».

Я полез спорить:

– Юрий Владимирович, вы извините, но мне кажется, что «курва» – это обидней, по смыслу неточно, да и как-то менее празднично… (А как раз и юбилей надвигался, и Новый год.) Так что с вашего позволения оставим «блядь».

И мы с Никулиным «блядь» оставили.

С Зыкиной еще я тогда сделал интервью. Она меня вдохновила на такое размышление: «Россия и Зыкина. Россия и березы и песни про Волгу. С чем это сравнить? Так американцы в ковбойских сапогах и джинсах слушают под банджо свои американские народные песни и пьют свое виски и соседнюю текилу. Но ведь разве не то же самое делаем и мы – в таких же джинсах, под тот же черный джаз, и виски у нас не хуже.

Другая картина, воображаемая: мы в армяках от Юдашкина и фирменных лаптях исполняем нечто под балалайку. Бывает такое? Нет… Мы для чего-то сильно полюбили чужое, настолько же заморское, как киношная баклажанная икра, при том что настоящая русская икра выше. Отчего так? Нет ответа.

Возможно, тут дело вот в чем. Американцем стать и быть понятно как (получив гражданство США), а русским – непонятно. По крови? Но что намешано в крови, точно ж неизвестно. Может, люди стесняются, скромничают, думают: я вроде русский, а там кто его знает… Уж я на всякий случай от балалайки подальше, чтоб не случилось конфуза…

Представим себе двух китайцев, которые сменили гражданство. Один, допустим, получил паспорт США, а второй стал гражданином РФ. Когда первый объявляет, что он американец, – это не более чем констатация факта. Но если второй назовется русским, то это будет началом анекдота».

Зыкина рассказывала мне, как пела с «Битлами» где-то на Западе. И звала в гости на дачу. Но у нее тогда на даче был ремонт, а дальше нас жизнь раскидала.

Еще осенью 96-го я съездил в Нижний и там познакомился с Немцовым, модным политиком, подающим надежды. Он был еще

простым губернатором, молодой такой, задорный, кудрявый, сразу на «ты», сразу доверительно. Впервые меня видя. Молодец! Репортерская хватка. Вот так репортер должен работать: делать вид, что сто лет с тобой знаком. Вот так и надо работать с электоратом!

Я еще долго разговаривал с мамой Немцова – Диной Яковлевной. Она мне дико понравилась. Такие реакции на все естественные. Никакой рисовки. Жила она тогда, не знаю, как сейчас, в хрущевке на самой окраине, даром что сын губернатор… Рассказывала, как при Советской власти занималась политической агитацией: ее Боря заставлял. Она его слушалась. Это чистейшей воды роман «Мать», автору которого Нижний был не чужой город, кстати.

Я тогда в заметке нагнал жути – что вот, ребята, ваш будущий президент. И еще уточнил, что страной нашей много кто покомандовал, она уже дозрела до президента-еврея. Немцов, кстати, в то еще время, предвосхищая Путина, летал на каких-то истребителях. И там был хороший ресторан «У Витальича». На пешеходной улице типа нашего Арбата. У них такие были вышколенные официанты и свежая рыба, каких в Москве тогда не было.

– К концу 96-го начался новый проект – журнал «Столица».

– Да помню я. По-моему неудачный был проект.

– Как денег не приносит, так сразу – неудачный? Что вы за народ такой – бизнесмены! Все бы вам бабками мерить! А масса людей до сих пор полагает, что «Столица» – это был прорыв. (При том что я свое мнение оставлю при себе.)

– Журнал был с претензией на некую новую эстетику. Охлобыстин там писал… Я помню. Это была смесь литературы с журналистикой. А ты что, ушел в эту «Столицу»?

– Не ушел, это был все один издательский дом. А в «Столице» я был собкором в Америке. В городе Москва, что в штате Пенсильвания. Яковлев предложил мне туда уехать, пожить там, поработать, пописать для журнала – и после из этого сделать книжку. Что я и сделал.

– Ты год ведь там прожил.

– Год, но я так часто летал в Москву (State Russia), что не выпал из этой жизни. Это был великолепный график.

– Сколько раз в год ты был в русской Москве?

– Месяц там – неделя-другая тут. Я успевал жить две жизни. Если б не уезжал из России, не сочинил бы заметок в

«Домовой» больше, чем я их реально написал. С другой стороны, если б я безвылазно сидел в Америке, то написал ту же самую книжку, не более того. А так я сделал две работы. Пятилетку в четыре года. В три смены двумя руками за одну зарплату. По-хорошему, вообще только так и надо жить. Две недели в месяц делать одну работу, а две – совсем другую. Причем лучше в другом городе, если не в другой стране. Уезжая отсюда, я оставлял одни ключи, документы, блокноты – и брал все другое. И жил после месяц в другой стране, в другом доме, ездил на другой машине по другим дорогам, говорил на другом языке и видел других людей. Валюта, правда, была все та же.

– Можно было и вторую семью завести.

– Не, ну это уж на хер.

– А что ты там делал, в Пенсильвании?

– Жил. Писал заметки и слал в Москву. Встречался с местными, разговаривал с ними. Население 3 тысячи человек… Ну, всех поголовно я не знал, но что касается адвокатов, журналистов, ментов, врачей, бизнесменов, библиотекарей, пожарников – то с ними со всеми я регулярно выпивал. Я написал про все, что представляло мало-мальский интерес.

– Я читал.

– Да? Ну я тебе просто концепцию рассказываю. Не все, правда, получилось. К примеру, не удалось мне взять интервью у местной знаменитости – карлицы ростом 1 метр 10 сантиметров: она в возрасте 99 лет умерла сразу после моего приезда. Но моими персонажами стали охотник на медведей, девелопер, мисс Москва, хозяин стриптиз-клуба, ветеран Вьетнама и прочие достойные люди. Там Москв много ведь, в Штатах. Двадцать с чем-то. А ту я выбрал по такому признаку: она была ближе всех к цивилизации. До Washington bridge, а это уже въезд на Манхэттен, было от моего дома 111 миль – строго на восток по 80-му фривею. Полтора часа езды, если без пробок. И я туда все время ездил. Чуть не каждые выходные. Заезжаешь, значит, с моста на, чтоб не соврать, 176-ю улицу – и вниз, то есть направо. Там вскоре черный негритянский Гарлем с чисто советским антуражем: пыль, какие-то ошметки кругом валяются, грязные ржавые машины, потерянные глаза у прохожих, одеты они кое-как, подозрительные типы роются в мусорных контейнерах, идут и едут на красный свет… Чем ниже по Манхэттену, тем больше цивилизации.

– А ты к Роме Каплану на Манхэттен ехал, в ресторан

«Русский самовар»?

– В том числе. Хороший кабак у него. Потом еще Брайтон… Пельменная «Каппучино». Кафе «Париж». Ресторан «Континенталь». Ну да этовсе тебе известно. Может, комментарий про это написать?

– Да ты уж книжку написал.

– Ну да. Долго, кстати, я ее писал… Два года. Правда, без отрыва от производства

Комментарий Свинаренко

Я тут коротко процитирую предисловие к той книжке; я в нем объяснял, что за смысл был в той затее. Зачем я в Америку поехал и почему из нее вернулся. Сегодня и самому забавно это перечитывать. Тогда, в 96-м, жизнь была другая – простая какая-то, наивная.

«Долго я мотался по американским дорогам и проселкам. Порой, руля долгими осенними вечерами по пустынным степным трассам, я начинал задумываться о бессмысленности затеи, а на ночном привале в очередном обшарпанном мотеле вблизи нищей индейской деревушки – она и вовсе стала представляться безумной. Лежишь в кровати, пьешь пиво, смотришь телевизор, за окном ветер воет… Казалось, что ничего не выйдет, что напуганные со времен „холодной войны“ провинциалы будут сдавать меня в ЦРУ как советского шпиона и уж точно уклоняться от дачи показаний мне – потенциальному противнику, вражескому заокеанскому журналисту, очень подозрительно заброшенному в глубокий тыл сверхдержавы – оплота НАТО.

Но, как это ни странно, ни одного привода в ЦРУ у меня не было.

Ну вот, объехал я пол-Америки, насмотрелся этих Москв, выбрал себе одну и засел, зажил в ней…

Жил, жил – и вдруг вижу: американцы в целом милые и симпатичные люди! Мне было очень уютно в их тихой провинции. Вообще страна у них приятная, терпимая, теплая, почти родная, считай, и не заграница вовсе, – вот уж где себя не чувствуешь чужим. Наверное, я даже попросился бы к ним жить. Если б за время своей экспедиции не осознал некоторых важных вещей… Я, к примеру, казался себе там дворовым хулиганом, что пришел пообщаться с профессорскими детьми, – те умеют на скрипочке… Да, поначалу любопытно, все чистенькое, кругом обхождение с манерами, то-се. Однако погостил, и хватит, ведь, грубо говоря, своих хулиганских дел куча – прогуливать школу, курить в туалете, отливать кастеты, драться после шестого урока, грязно

домогаться отличниц, учиться свистеть и пробовать портвейн… Ведь жалко себя, зачем же вымучивать политически корректное поведение, пить помалу и вечно улыбаться? Зачем же так скучно проводить жизнь, которая и без того коротка? Я вернулся и долго – неделю! – со странной извращенной жадностью рассматривал лица граждан России – насупленные, как у обиженных детей, с азиатскими родными скулами, со следами отдельных излишеств, без импортной political correctness и без вежливых улыбок, – простые, честные, какие есть. И у вас есть, и у меня…

Автор этой книжки в процессе ее написания получил вполне уникальный опыт. Да, толпы народу знают про Америку больше, чем я! Но! Они оттуда не возвращаются, чтоб рассказать своим. Да и скучно им было бы писать для чужих, а вам – читать, что чужие пишут про чужое. Они заполучают это свое большее знание тогда, когда уж поздно: точка невозвращения пройдена, человек уже приступил к прощанию с прошлой здешней жизнью, он в душе уже почти совсем новый американец. Еще не чужой, но уже и не свой – как пациент на операционном столе, когда хирург меняет ему пол.

Разумеется, у нас мало кого интересуют чаяния и заботы как природных американцев, так и эмигрантов, – это узкоспециальные области чьего-то сугубо корыстного интереса. Но не могут нас не взволновать странные истории, которые случились с человеком, лишь на время заехавшим пожить в американский город под названием Москва. Она, эта Москва, только и оправдывает в наших глазах внимание, уделенное текущей вокруг нее американской жизни.

Уехать – это всегда немного умереть. А уехать далеко и надолго, да и тем более в такую культовую страну, как Америка, – это значит достаточно сильно умереть. Так что мои записки – это как будто мемуары про клиническую смерть, причем не одноразовую, а периодическую (наподобие СМИ), такую, когда туда-сюда, туда-сюда, когда то и дело меняешь точку зрения, когда не успеваешь потерять интерес к нашей земной жизни в России… Я непременно раз в месяц перелетал через океан, чтоб не оторваться необратимо, чтоб навеки не поддаться наркотическому воздействию американской жизни, чтоб оставить путь к возвращению…»

Что я сегодня могу добавить к написанному тогда? Про Америку? Что сегодня мне вспоминается? Вот что. Мысль про то, что удался и сработал их мощный пиар, что якобы вся Америка – это сплошь вариации на тему Манхэттена и богатых вилл Калифорнии. Я же чаще думаю про ухабистые американские проселки, пыльные дешевые бары в глухой провинции, поселки,

населенные обкуренными полусонными индейцами и медлительными неграми, мотели с белым густым ковролином, толстенные туповатые дальнобойщики за пластиковыми столами в diner, аналоге нашей советской столовой, русских эмигрантов, которые хвастают Америкой так, будто это они ее открыли или построили – а не приехали на все готовое… Еще меня мучит мысль о том, что мы вот уничтожили свою природу вокруг больших городов, а они все сохранили. Какой там город ни возьми, ну кроме уж совсем мегаполисов, так в получасе езды непременно найдется настоящий лес, полный диких зверей. Люди чуть поработают, от сих до сих, а после подхватываются, садятся в джипы, в которых к полу приварены длинные железные ящики для хранения винтовок, – и едут себе охотиться. С тем чтобы к вечеру приехать домой с тушей какой-нибудь косули… А утром – снова на работу. На охоту они ездят так, как у нас выходят во двор поиграть в домино…

И вот такая была тема: языковой барьер. Я приехал в Штаты собкором, а язык знал… ну как все. То есть мог понимать что-то из написанного и кое-как объясниться. И все. А когда говорили что-то мне, я очень редко понимал, чего от меня хотят. Переспрашиваешь, люди повторяют, а толку нет… А мне ж надо там с людьми разговаривать – и просто по жизни, и интервью брать. Хотелось буквально биться головой об стенку; казалось, что вот побьюсь – и будет мне счастье. Оттого что так я с предельной точностью выражу свое отношение к ситуации. Я думал: а может, все бросить и вернуться в Москву? От полной крезы и отчаяния меня уберегало такое соображение. Дело в том, что английский, строго говоря, мне никто никогда не преподавал; в самом деле, не считать же учебой уроки английского в школе в шахтерском поселке, затерянном в степях. Лингафонные курсы, репетиторы, спецшколы – такого у меня в жизни и близко не было. И знать английский я вообще не обязан. А как же я в таком случае сдал экзамены в университет? Отвечу: в результате чтения самоучителя Бонк-Котия и адаптированных детективов при помощи словаря. А в МГУ иностранным у меня был немецкий. Понимаю, это было некорректно – с такой слабой подготовкой идти в собкоры, но уж так получилось.

И что же, спросите вы, было дальше? А то, что я освежил в памяти свой опыт изучения немецкого. Когда я осенью 79-го приехал учиться в Лейпцигский университет, язык я знал на уровне чтения маленьких заметок из убийственно скучной газеты «Neues Deutschland» – про какую-нибудь классовую борьбу. Передо мной же стояла задача – не только работать в библиотеке, что еще ладно бы, но и вести беседы с профессорами и даже слушать

лекции. Мне надо было срочно выучить немецкий. И вот я взялся решать вопрос: принялся каждый день ходить в пивную, подсаживался к носителям языка и, выпив, вел беседы за жизнь. В таком же каждодневном режиме я смотрел ТВ и ходил в кино. Даже при скудной изначальной подготовке через месяц врубаешься. Как показала практика. И вот этот опыт я повторно задействовал в Штатах. В которых у меня и ресурс был побогаче. Прежде всего я, выбрав себе для жизни город Moscow в штате Пенсильвания, обратился к хозяину центрального московского заведения под названием Hard Rock Cafe с такой речью: «Старик, твоя задача – найти мне квартиру в пределах пешей досягаемости от твоего заведения. Пешей – чтоб меня, пьяного, не отлавливали ваши гаишники. Если ты сделаешь это, я к тебе буду ходить как на работу. Даже без „как“. Я тут буду у тебя фильтровать публику, как кит через усы, и допрашивать всех, кто этого заслуживает». Надо ли говорить, что Джим Кеноски – так звали хозяина – лично кинулся искать мне квартиру. И нашел в трехдневный срок.

Это первое, что я сделал. Вторым этапом была покупка телевизора. Может, кто не знает, но в Америке в ходу услуга «cc», то есть caption closed. Это когда все фильмы и большинство передач снабжаются субтитрами. Для глухих, к которым начинающие иностранцы весьма близки. Но вот когда все, что ты слышишь, дублируется письменным вариантом – это сильно прочищает мозги. Ты с огромным удивлением осознаешь, что эта вот устная американская неразборчивая каша на самом деле поддается расшифровке! Что это человеческий понятный язык!

Этап третий. Посещение отделов аудиокниг в книжных магазинах. Практически все, что выбрасывается на книжный рынок, выходит в двух вариантах: на бумаге и на кассетах (или дисках). Это уже не только и не столько для глухих, сколько для водителей. Концы там длинные, дороги хорошие, пробки серьезные. И вот люди в машине слушают детективы, классику, а чаще всякие пособия – типа как похудеть, разбогатеть, научиться писать книги, перестать волноваться и прочее. Сперва покупаешь оба варианта, кассетный и бумажный, и сличаешь их. Но после наступает один прекрасный день, когда ты с удивлением осознаешь, что понимаешь американский устный! Это такая точка невозвращения – осознаешь, что жить, типа, можно. Ну а дальше уже можно все пустить на самотек. Факультативно почитывать всякие книжки – про то, как научиться говорить по-американски правильно и красиво. Это отдельная тема. Я про это уже получебника разговорного американского написал. Надо б собраться с силами и добить его. Это будет бестселлер. Не, ну если вы знаете, как по-английски будет, к примеру, «сопли» – то вы и без

моей помощи обойдетесь…

И в итоге вышло так, что британский акцент мне теперь кажется деревенским каким-то, лоховским, торопливым и сбивчивым. Кокококо, кокококо. Насчет торопливости – это голая статистика: британцы лопочут в среднем в полтора раза быстрей американов (220 слов в минуту против 160). Быстрей англичан разве только французы (350), японцы (310) и немцы (250). Мы же, если вам интересно, говорим со скоростью приблизительно американской: 180. Темп зависит, замечу тут вскользь, может, не только от уровня развития народа (полинезийским туземцам хватает 50 слов в минуту), но и вот еще от чего: когда нация близка к моноэтничности, она может себе позволить высокую скорость обмена информацией между мельчайшими частями системы. И это опять-таки с развитием связано, что б вы ни говорили.

Забавно, что в результате таких лингвистических упражнений у меня сформировалась страсть – разговаривать на языках, которые я едва знаю. И чем хуже знаю, тем мне интересней. Испанский и итальянский, на каждом из которых я знаю слов по двести или триста, идеально для этого подходят. Неплохи также португальский язык и сицилийский диалект, которые я знаю еще хуже, слов по сто. (Тут отмечу, что романские языки на слух усваиваются легче в силу их мелодичности. Германские тоже разборчивы почти все – кроме английского, который, увы, как раз и нужен больше всего. Английский, будучи языком формально германским, сильно видоизменился под влиянием французского. И размылся: в нем нет ни немецкой ясности, ни итальянской музыкальности. Ни туда ни сюда – оттого с ним столько проблем. Что же до европейцев, которые по-английски лопочут куда исправней наших, это оттого, что для нас этот язык страшно чужой, а им – родственный. Как нам белорусский.) В чем причина этого явления? Видимо, подсознание ожидает, что с этими языками я поступлю так же решительно, как с их предшественниками: поселюсь в новой стране и буду там путешествовать, ходить по кабакам, смотреть ТВ, знакомиться с интересными людьми и подолгу болтать с ними о разном… Но – пока не видно, чтоб мне что-то подобное снова засветило.

– А что ты, Алик, думаешь про Дудаева? Точно его убили в 96-м или он скрывается где-то?

– Думаю, он таки убит.

– А Лебедь? Ты с ним работал?

– Нет. Я с ним почти не был знаком.

– Мой однокурсник Шура Бархатов работал у него пресс-

секретарем.

– Чубайс с Лебедем плотно работал. Чубайс же тогда выдержал очень тяжелый период – после победы Ельцина, когда того Акчурин оперировал. Так вот несколько месяцев практически страной управлял Чубайс. Он же стал после выборов главой Администрации. Сперва Ельцина готовили к операции, потом он выходил из нее. Как раз тогда Ельцин подарил Чубайсу свой портрет с надписью «Снова вместе».

– Да… Что еще у нас в 96-м? Взрыв жилого дома в Каспийске. Чуть ли не первая ласточка… И на Котляковском кладбище в Москве тоже взрыв. А еще – получение Россией от МВФ кредита в 10,2 миллиарда долларов.

– О-па. Это чтоб дырки залатать после выборов! Все-таки Запад нам помог. Когда приперло.

– А еще в 96-м Примакова назначили министром иностранных дел.

– Это мне всегда было непонятно. Ну как так?

– Что значит – как? Все-таки он чекист, разведчик.

– Почему он чекист? Объясните мне, дураку! Он же всю жизнь в Академии наук проработал! В Институте мировой экономики! Он же не вылезал из 9-й студии – Валентин Зорин там, Замятин и так далее… «Пускай эти господа за океаном знают…»

– «Откуда исходит угроза миру»?

– Совершенно верно. И вдруг раз – Горбачев его делает председателем президиума Верховного Совета СССР. Потом Примаков исчезает, и после, уже когда уходит Гайдар, становится директором СВР. Потом в МИД; это еще ладно, дипломат. А потом раз – и «мы чекисты, мы чекисты»… Откуда ты взялся такой? В каком ты звании? Ты что, подснежником был в АН СССР? Как ты тогда до академика дослужился? Ты в кадровом резерве, что ли? Потом Примаков говорит: «Саддам Хусейн – мой друг, я поеду договорюсь». По ехал – его послали на хер. Потом вторая война. Опять: «Хусейн мой друг, поеду договорюсь с ним». Опять послали. Может, он врет, что он чекист?

– «И третий раз кинул старик невод». Надо чтоб и третий раз послали его в Ирак.

– Мне кажется, старых кагэбэшников уже нету, а новые – они не старше подполковника. Новые – Патрушев, Заостровцев – при андроповской дисциплине старше полковника быть никак не могли. Это теперь они себе присваивали генералов. Так, может, Примаков делает вид, что он сильно законспирированный чекист? Поди проверь…

– Насчет зашифрованных чекистов смешная история. Есть у меня знакомый – бывший замминистра печати. В далеком

прошлом простой журналист. И вот однажды он вдруг приходит на какую-то тусовку, а на нем – генеральский мундир. КГБ. Это что за маскарад? Никакой не маскарад. Оказывается, он настоящий генерал комитета. И давно ли ты в органах? – интересуемся мы. Да вот со вчерашнего дня. Он нам давал такую легенду, что пришел в КГБ и тут же ему дали генерала. И типа никогда он не был простым опером. Или нештатником. И когда мы травили политические анекдоты, он якобы был простым штатским смертным. Этого человека зовут Андрей Черненко. Кроме печати он еще в МВД был замом. Ну и сейчас вроде где-то служит.

А! Еще В 96-м съездил в Чечню. Заметку там писал. И вот я отчетливо помню, как туда добирался. Прилетел, значит, в Слепцовск, нанял частника и на нем добираюсь до Грозного. Заезжаем в город, и шофер спрашивает: «Адрес какой, куда везти?» («Это что за остановка, Бологое иль Поповка? А с платформы говорят: Это город Грозный, билят»). А у меня всякие были явки еще в Москве заготовлены. В Ханкале, в штабе группировки, – полковник такой-то, который обеспечит койко-местом и поставит на довольствие. Еще у меня был адрес какого-то Махмуда, это на улице Гагарина, – тот держал постоялый двор для приезжих репортеров. Переночевать на раскладушке в сакле – это стоило у него сто долларов. Решения я не принимал заранее. Думал, на месте разберусь, по ситуации. По наитию. Шофер меня торопит, потому что мы подъезжаем к решающему перекрестку. Я включаю подсознание… И понимаю, что надо ехать к своим, – а куда же еще! Понимаешь? Русская армия, солдатики из Рязанской области откуда-то… При том что журналисты тогда любили врать насчет доблестных чеченских рыцарей Робин Гудов, бородатых красавцев, романтиков. И я говорю: «А ну давай-ка ты на Ханкалу заворачивай». И вот я поселился в казарме. Молодые бойцы мне радостно так рассказывали, что в Чечне кормят лучше, чем в учебке, и им, типа, повезло, что они туда попали. У них там разборки были в умывальнике, я их усовещал там междуделом и разгонял. А был еще один капитан с плакатным русским лицом – голубые глаза, светло-русые волосы. Мы с ним выпивали – я туда набрал виски дьюти-фришного в пластиковых бутылках, очень удобно в дороге. И вот он мне там по пьянке раскрыл душу. Расстегнул выгоревший китель и из бокового кармана, у сердца, где раньше заставляли носить партбилет, достал сложенный кусок газетки и развернул, а там – портрет Геннадия Андреича. Ну, Саша, говорю, ты даешь! (Я был

восхищен дешевой литературностью этого фальшивого сюжета.) Человек шел умирать за Родину, за Зюганова. И Саша этот мне еще говорил: «Удивляюсь я на вас. Ну вы же умные люди, вы сами понимаете, что Зюганов – чистый и светлый человек, он один у нас такой. Какое страшное насилие вы над собой делаете, когда ругаете Геннадия Андреича, святого человека! Как вот вы решаетесь на такое ужасное богохульство? Не, говорит, я не ругаю вас, не злюсь, не проклинаю. Я просто хочу для себя понять, какой механизм позволяет вам терять человеческий облик до такой степени, чтоб уж коммунистов не любить. А все деньги! Если б не они, если бы ты от души голосовал, то точно б отдал голоса за Геннадия Андреича». В Чечне я с Шамановым еще вел беседы. Мы с ним летали в Шали на вертолете. Низко так летели, чтоб не сбили с земли. Если низко, то вертолет поздно замечают и нет времени поточней прицелиться. В Шали тогда убили какого-то местного тинейджера – нечаянно или как. И местных стариков собрали поговорить с Шамановым. А туда заранее подтянули войска, к нашему прилету. Подвезли солдатиков, и они немного окружили Шали. Шаманов очень грамотно выступал. Как переговорщик и оратор, он мне показался очень и очень. Не ожидал я такого от вояки, от генерала. И еще поехали мы со знакомыми офицерами проверять блокпосты. Ночью. По пути БМП наша заглохла. И вот мы стоим в степи… А давайте по рации вызовем подмогу! Нельзя, там батарейки сели. Ну все как мы любим. И тут вдруг откуда-то случайно подъехала другая БМП, и мы ее уговорили дотянуть нас до Ханкалы на тросе.

– И я в 96-м в Чечню съездил. Дело было в сентябре. Приходит ко мне Березовский, зампред Совета безопасности, и говорит: «Слушай, у нас поездка в рамках развития Хасавюртовского процесса, в рамках налаживания диалога с новым правительством Чечни. Давай поедем». Я говорю: «Боря, мне так в лом ехать в эту Чечню! Да и очко у меня не железное. С этими зверями…» Нет, говорит, поехали, мне одному скучно! Ну, хрен с тобой. Поехали. Взял я с собой своего зама, Сергея Моложавого, – он у нас тоже полковник. Правда, Красной армии, а не КГБ. И поехали мы в Чечню… Тогда повестка была такая: во главе с председателем Совета безопасности, который только-только пришел на смену Лебедю – а это не кто иной, как Иван Петров Рыбкин, – в Чечню полетели Береза, я, Сережка Логинов из Администрации президента и еще пара каких-то чиновников. Сели мы в самолет Ту-134, прилетели соответственно на

аэродром Северный. Его чечены аэропортом имени шейха Мансура называли. Был у них такой герой в XVIII веке. Соответственно мы там потусовались, а после погрузились в машины и поехали в Грозный. У нас был смешанный кортеж – чечены с автоматами и наш спецназ. Через некоторое время въезжаем в Грозный. Он весь разбитый, разрушенный – как Сталинград!

– Вот-вот! Я именно там понял, что означает термин – «мерзость запустения».

– И вот мне по дороге офицеры, которые к нам подсели, рассказывают: «Мы за время войны – а война к тому времени уж полтора года – раза три его брали! Чуть мы его возьмем, отстроимся, более-менее отремонтируем чего-нибудь – и вдруг приказ: выводить войска. Вывели – чечены зашли. Потом команда: штурмовать! Опять мы его штурмуем. То, что понастроили, повосстанавливали – все к такой-то матери опять… Нам опять – восстанавливать! Уже деньги на восстановление берем, но восстанавливаем только в полруки. После опять – выводить части. Вывели…» И так три раза за полтора года они штурмовали Грозный. Не считая первого штурма.

– Видимо, есть в этом какой-то смысл, какой-то механизм. Не просто так ведь, не сдуру же…

– Вот Сталинград один раз брали, а Грозный – три! Плюс еще первый штурм. И плюс штурм Грозного в путинской войне. То есть итого Грозный брали пять раз! Представь, огневая мощь батальона по сравнению с Великой Отечественной войной выросла в пять раз. Выходит, что, пятью пять, Грозный разрушали в двадцать пять раз сильнее, чем Сталинград. Единственное, что здесь не было воздушных бомбардировок. Хотя, может, и были, с вертолетов…

– По недоразумению чисто.

– Да, стратегическая авиация, конечно, Грозный не утюжила. В память генерала Дудаева, видимо, – он же был этим… командиром полка стратегической авиации.

– Эстонского.

– Да. Ну, неважно. И вот приехали мы в какую-то школу. Чечены вели себя как обычные чечены, ничего особо нового мы от них не услышали – искренности ноль, в сентябре жарко, они в шапках норковых, папахах, понты… Сильное впечатление произвело вот еще что. Огромная толпа матерей с фотокарточками сыновей бежит за нашей делегацией, за этими чеченами… И матери спрашивают: «Где наши дети? Может, кто-нибудь из вас видел? Если в плену – отпустите Христа ради!» Они на собственные деньги приехали в Грозный, живут кое-как.

– Ох, я их много видел в Ханкале.

– А они прямо в Грозном – не в Ханкале, а в Грозном. Сука, какая же жизнь у этих женщин… И они пошли к этой школе, стоят, галдят, их автоматчики выгоняют. И мне Логинов говорит: «Я знаю, парень, которого вот эта женщина ищет, – он точно в подвале, в доме сидит у Мовлади Удугова. А сам Мовлади уже в двадцать пятый раз ей говорит: „Я не знаю, где он“. Какой-то офицер произнес: „Ну выпусти пацана, мать одна, без мужа, единственный сын“. Говорят, Мовлади пришел вечером домой и застрелил этого парня. Правда, не правда – кто его знает… И потом сказал: „Нету, я искал везде. Ничего не могу сделать, клянусь“. Вот такую историю мне рассказали.

– Тогда еще Яндарбиев был на коне.

– Да, исполняющий обязанности.

– Он публиковал стихи какие-то.

– Ну, он поэт. Еще в застойные годы писал про самость чеченского этноса.

– Я, помню, одно тогда прочел. Там были какие-то пацифистские ноты. Типа, «Знаешь, вот если бы каждый человек сделал одно доброе дело, то кагалом получилось бы чудно».

– Ну, Расул Гамзатов, только в худшем исполнении.

– Да. А кто же убил у нас Яндарбиева? Чекисты?

– Кто его знает. Самый гуманный суд в мире – катарский – выяснит, кто кого убил… А потом мы поехали обратно в Северный. Сели в вертолеты вперемешку с чеченами.

У них главный был – Басаев. Все чечены да и наши друг друга так подсирали чуточку, в глазки друг дружке заглядывали, а Басаев вел себя иначе… Почти ничего не говорил и смотрел в пол… И полетели мы к Руслану Аушеву в Магас. Там одна резиденция президента и была отстроена. А по размерам эта резиденция с хороший большой дом на Рублевке. Это просто дом со спальнями и столовой. И вот в этом доме – чеченцы с автоматами, грязные, немытые. Мы тоже не первой свежести – уже целый день на ногах. Расселили нас по комнатам… Жрать нам принесли, водки. Часть народа сидела в гостиной, вела переговоры, а остальные по комнатам бухали. Я сидел с мужиками, но меня периодически дергали, чтоб я консультацию дал – как имущество делить между Россией и Чечней?…

– А бухали поврозь все?

– Бухали поврозь. А потом был заключительный ужин, такой, для избранных. Меня позвали. И там, что интересно, Басаев и Удугов водку не пили демонстративно, они ж все из себя религиозные. А остальные – Иван Петрович, Береза, я – все

бухали. И Закаев с нами пил. Потом Закаев плясал. С гиканьем. Закаев, он такой… светский, что ли. По нему было видно, что артист. А никакой не вояка. Ему так нравилось, что вот все закончилось, что амнистия, что опять можно в Москву на блядки съездить. Такое вот у него было выражение лица… Потом опять пили. За дружбу, за великий русский народ, за великий чеченский народ. Сука, еще месяц назад они убивали наших, мы – их. А сейчас, типа, рассказываем про нерушимую дружбу чеченов и русских. Ну, знаешь, это такая очень кавказская история.

– Это как тост «За немецко-фашистских товарищей».

– За немецко-фашистских товарищей. «Давай выпьем за нашего друга – извини, дорогой, как твоя фамилия?» Мне слово дали. Я сказал, что в Казахстане с чеченами рос и более-менее нормально мы жили, давайте, типа, дальше так жить. Нам, русским немцам, тоже на русских можно обижаться, но если так, то никогда мы с этим не разберемся. Надо точку ставить. Что-то в таком духе.

– Вот ты заметил тоже, что все там разрушено и имело очень неприглядный вид.

– Ужасный. И вот еще такая интересная особенность. Разруха, Грозный, кишлаки, аулы какие-то непонятные, все эти Ведено, Шали. И тут чечены приехали к Руслану в приличный дом, там горячая вода, унитазы работают, смывают… Они пошли душ приняли, стол им накрыли, горячая еда, не консервы. А завтра – снова грязь, камуфляж, разруха… И зачем это все нужно? Как Гелаев шоколадку ел и кофе сухой, растворимый, жевал…

– Да, ломовая история. Как ему руку отстрелили. Насмерть.

– Смерть Хаджи-Мурата помнишь как описана? Как он из халата ватного вырывал клочья, затыкал себе раны, – помнишь? А Гелаев шестьдесят четвертого года рождения, ему и сорока не было.

– А ты заметил, что в Грозном не только разрушали? Там еще и полнобыло новеньких домов в три этажа, из красного кирпича. Они немало там и построили, между прочим, на этой войне. Похоже, с применением рабского труда – как они любят.

– Я вполне допускал, что они могли быть построены и до войны. Чечены с ингушами – они же самые шабашники были в советское время. Свинарники строили по всей России.

– Помню, как мы с фотографом выехали из Грозного, на «чайнике» – и вперед. И как только пересекли условную границу и въехали в Ингушетию, я – раз! – заметил резкую перемену своего состояния. Расслабляешься и начинаешь

смотреть по сторонам – облака, деревья… А приехали в Пятигорск, там и вовсе прекрасная тихая мирная жизнь.

– Да, и вот въезжаешь уже в Пятигорск…

– Ну, это совсем уже расслабуха. Все кругом штатские, никого в форме, ни одного ствола не видно. Ну и сразу в кабак. Я вообще журналист не военный, в такие точки редко вырываюсь. А вот некоторые мои знакомые как начали ездить на войны, как втянулись – просто подсели на это дело. Как на настоящий наркотик. Понятно, что это обостряет чувства. Возвращаясь с войны, очень отчетливо сознаешь, что ты жив. И что если ты жив, то это уже само по себе хорошо, этого уже достаточно. Это прекрасное чувство! Поди его испытай в простой жизни! Не делая особых капвложений! Почему люди и ездят в горячие точки. Правда, многие там начинают бухать всерьез, по-взрослому. Кто-то после этого подшивается, кто-то спивается. Я понимал, как это затягивает, и пытался особенно не увлекаться. Удалось вроде.

– А ты Мишку Леонтьева там встречал? Он утверждает, что в Чечне дневал и ночевал, когда война была.

– Я же не специалист по Чечне. Кого я там встречал, так это Александра Сладкова – он в Чечне сидел, по-моему, безвылазно и снял там множество сюжетов для РТР. Он там был свой человек, его все знали, привечали, пускали везде. Сладков ходил по Чечне как-то вразвалочку – такой небритый, в майке, в тренировочных штанах и в шлепанцах, как у себя дома… А вот где я встречал Леонтьева, так это в Чили. В Сантьяго.

– Во времена штурма дворца La Moneda?

– Ты про 73-й год, когда я только в девятый класс пошел? Нет, несколько позже. После штурма. В 2000 году. В ночном клубе «Lucas» мы там встретились. Это в районе Авениды имени 11 сентября. (Но речь не про настоящее 11 сентября, а про то, которое в 1973 году, – когда военные свергли Альенде.) Про все эти военные репортерские дела неплохо написала Асламова, которая «дрянная девчонка», – как это затягивает. Наверное, есть в этом глубинный кайф. Я могу только строить предположения, сам-то я только по краю этого прошел, стороной, потому что мне не хотелось посвящать жизнь одной теме – поездкам на войны. Но у меня осталось это ощущение вязкости той военной жизни. Вроде едет человек написать заметку про важное, про интересное, да к тому ж получить новый опыт. Адреналина хоть отбавляй – и просто смена обстановки, и экзотика (войны же либо в

красивых бандитских горах, либо в солнечной Грузии, либо вовсе в дальнем зарубежье), мысль о том, что вдруг завтра помрешь, так отчегоб напоследок не выпить и не склеить девицу из местных… Наблюдательные путешественники подметили, что чуть начинается в регионе стрельба, чуть забрезжило внимание прессы – так тут же девицы вздувают цены в три-пять раз… И вот из такой увлекательной жизни, заполненной вечными темами литературы, война, любовь и смерть там в одном флаконе, – человек вдруг возвращается в унылую цивилизацию. Он должен утром рано вставать, вынужден бриться, ходить на работу как заведенный… Никаких суточных… Никакой халявы… Организовать загул с девками – это уже целая история; само собой это дело, как оно случается на фронте, не сложится. Тоска, короче. К тому же так ли, иначе, но почти неизбежно всплывает такая тема, что пора подшиваться. Как-то это связано. И еще один аспект: некоторые еще к тому же начинают откровенно воевать.

– По-настоящему.

– Ну да. Вопреки Женевским конвенциям. И тут тоже можно людей понять. В какие-то моменты действительно очень хочется взять автомат… Такие ситуации легко себе представить. И в итоге человек думает: «Что случилось? Вот раньше я был чисто журналист. А теперь вроде тоже что-то пишу, но в основном бегаю по горам, ночую в пещере, на мне камуфляж, вот мой автомат, из которого я убиваю чужих людей, – но при этом я не военный. Семья в Москве, ей шлют из редакции деньги. А мне тут ничего не нужно, и тушенка, и патроны – все казенное. И кто же я в итоге получаюсь такой? Это один вопрос. А есть же еще и второй: как теперь, после всего этого, жить дальше? Чем заниматься? А вдруг эта война кончится, что тогда?»

– Тогда Береза на меня, кстати, очень сильное впечатление произвел. Он все-таки смелый парень. Он был фактически руководителем делегации, Иван Петрович декоративную роль играл, как мне показалось, – хотя, может, это было и не так. Но он как обещал мне, что будет меня там опекать, – так и сделал. Все время меня с собой в машину брал, в вертолет… Потому что он знал, что такое Чечня, что там потеряться – это, типа, жопа. А я там в первый раз, и поэтому он специально за мной следил, не терял из виду, хотя большая была делегация. Он все время народ считал, знаешь, как воспитательница в детском саду.

– То есть тебе там понравился Береза?

– Береза вел себя очень хорошо, по-мужски.

– А Иван Петрович? Ты удивился его приключениям в

Киеве, после того как с ним поездил по Чечне?

– На меня Иван Петрович производил впечатление приличного, немолодого, абсолютно нормального советского человека. Этот подвиг его киевский, содержание которого никому не известно, только со слов самого Иван Петровича… Какая-то грязная оргия, снятая на кассету… Причем его никто за язык не тянул, никто не стремится показывать эту оргию по телевизору. Вот я ближе – хотя, конечно, не очень глубоко – знал Скуратова. Скуратов тоже производил на меня впечатление вполне приличного и порядочного человека советского типа, но тем не менее какая-то чертовщинка в нем была. В футбольчик резался с азартом, в баньке любил попариться… А вот Иван Петрович ну совсем советский был.

– Советский – в плохом смысле слова?

– Нет. Вот такой, как надо – хороший семьянин. Такое у меня впечатление, чисто субъективное. И потому случившемуся со Скуратовым я не очень удивился, тем более что вокруг него лица кавказской национальности крутились. А этот-то! Кстати, я вывел формулировку краткую всей избирательной кампании Иван Петровича: Рыбк-in – Рыбк-out.

– Неплохо. По этой схеме позже, когда Леню выгнали из НТВ, появилась формула Парфен-off.

4. 1997-2001

Бутылка шестнадцатая. 1997

Эта бутылка – может, самая богатая событиями, самая драматичная во всей книге. Именно в ней Кох уходит из правительства, причем, как он уверяет, совершенно добровольно, никто его не выгонял! Это пытались оспорить олигархические СМИ, которые взялись тогда за «дело писателей»… В отличие от Коха, который то приходит в большую политику, то уходит из нее, Свинаренко как был, так и остается простым репортером. В тот год он тихомирно живет в Америке, штат Пенсильвания, и пишет книгу про американский город Moscow. А также учебник американского языка, который, впрочем, до сих пор не дописан.

– Как раз я на тот Новый год приехал домой на побывку из Пенсильвании. А в Москве из знакомых почти никого нет – все нормальные люди улетели на каникулы. Кто на лыжах кататься, кто в Египет, кто, по-простецки, в Париж. И я, помню, вздохнул горько и сказал: «Эх! А я вот за границей уж год не был…» Все, кто при этом был, засмеялись – подумали, что это я, прилетев из Штатов, которые за полтора месяца изъездил вдоль и поперек, так шучу. А я не шутил, это было такое смещение восприятия: Америка в том контексте как заграница не проканала. Она ею в той ситуации точно не выглядела. Ведь мы привыкли, что заграница – это когда ты отдыхаешь, бухаешь в веселой компании, вокруг красиво и погода хорошая; принято же в сезон отдыхать. А когда мотаешься по проселкам среди кукурузных полей Оклахомы какой-нибудь или Арканзасщины, один причем, никого кругом, кроме индейцев и обкуренных негров… Дело даже не в том, что эти люди из иных рас, – важней другое: они чужие, у них совершенно другой жизненный опыт, у вас с ними нет, кажется, никаких общих ценностей, у них никакое образование и едва заметный интерес к жизни. Это по

совокупности делает их просто никакими собеседниками. Там, в их американской глуши, все какое-то пыльное, там дороги битые, а дома бедные, и люди смотрят на чужих исподлобья, у них насупленные, как у русских, лица. Заправки я там видел деревянные, каких даже в глухой русской провинции не сыщешь.

– Потому что они заправки построили, когда у нас еще машин не было.

– И еще diners раскиданы тут и там, бедные такие столовые с пластиковыми столешницами, с одноразовыми стаканами. Зайдешь, бывало, в американское сельпо, а оно как наше, колхозное, – несъедобная вонища, порошки от крыс и удобрения вперемешку с ветчиной и чипсами. В общем, это была картина такой совершенно не курортной жизни.

– То есть тебе не казалось, что ты был за границей. Типа Башкортостана…

– Да, как будто это была не заграница. Какие-то типы бомжеватые, несвежие, пьяные. Толпятся у винного магазина, подслеповатого, с желтыми немытыми окнами. Нет, заграницей это никак не казалось. С таким же успехом можно было поехать куда-то в Златоуст или Каргасок. Так, значит, негры там непохмеленные толпятся в ликероводочном магазинчике, как у нас – типа, может, кто нальет?… Они на тебя глаза таращат, когда заходишь себе бутылочку виски взять, чтоб принять перед сном в простеньком степном мотеле, в койке, перед ТВ; там же может просто стоять хибарка-отель, даже без бара, и ни магазинчика вокруг на десятки миль…

– А помнишь, был фильм – Стенли Крамера, что ли, – «Оклахома как она есть»?

– Смутно.

– Ну в детстве еще! Я сейчас вспоминаю… Я думал, это будет шедевр вроде «Золота Маккены», а там люди говорят, говорят… Потом у них нефть забила, а потом она кончилась. Вот я сейчас понимаю, это как раз то, про что ты рассказываешь, – подслеповатость эта…

– Да-да. Бывало, зайдешь в бар в такой глуши, а там сидят люди как пыльным мешком по голове стукнутые. Мужики скучные такие, измученные, сонные, какие-то женщины помятые, иные с детьми, в бар их притащили, и дети какие-то унылые. Это не парадная картинка Америки, а задняя, затрапезная.

– Ну понятно, это то, что Никсон называл молчаливым

большинством своих товарищей-американцев. И ведь их десятки миллионов там.

– Да… И это нагоняло такую тоску… Я думал – ну на хера это нужно, кто будет читать мои репортажи про эту мутоту? Было страшно, что я там запью… Бред какой-то. Страна живет именно так – криво, косо. Одноногие негры, пьяные индейцы, белые, которые живут жизнью индейцев и негров… Опускающиеся матери-одиночки. Все в кроссовках, в джинсах, в жутких этих бейсболках… Как униформа. Может, правда – закрыть тему и поехать в Москву? – думал я. Но в тот раз я прилетел домой все-таки без вещей, на побывку. Я решил все же устроиться в Америке и во что бы то ни стало слать оттуда забавные тексты. Из говна лепить конфетку. Прилетаю, значит, в Россию… На каникулы… За то время, что я ударял автопробегом по Соединенным Штатам, в моей московской машине сдох аккумулятор: в ту зиму стояли серьезные морозы. А сдох он потому, что мой товарищ, который обещал за машиной присматривать и время от времени ее заводить, про все забыл. Ну так пусть твой шофер, говорю, поставит мне новый аккумулятор! Товарищ мой действительно дал шоферу такое поручение, но – вот чего я не ожидал – счет за аккумулятор выставил мне. Я не стал спорить и, надо сказать, счет этот оплатил. Русская жизнь! Пообещал, забыл, подвел, нанес тем самым убыток – ну и что, тут всегда так было…

К тому времени немало я наслал репортажей из Америки. Думал, они уже вышли в журнале. Но они в редакции лежали без дела, потому что «Столица» сильно запоздала с выходом. Я-то думал, что это срочно, волновался там, сочинял по ночам… Первым делом я в Москве по требованию Яковлева раза три переписал свой первый репортаж из Америки. Володя хотел в очередной раз создать некую новую стилистику, которую сам вроде в уме видел, но показать не мог. И сочинить кусок в требуемом духе он тоже не мог – давно уж он перестал писать.

– А что, он когда-то писал?

– Яковлев? Да он этим и прославился! При Советской еще власти. Он первый написал про люберов, это был просто хит.

– Ну так это ж не в «Коммерсанте».

– В «Коммерсантъ» он тоже писал, но это было уже не то. Чудит барин – так это понимали. Про Кастанеду он писал, которого высоко ставил…

– В «Коммерсантъ»? Сейчас бы Васильев хрен разместил заметку про Кастанеду.

– Почему нет? Какой ни есть, а кумир. Про это можно написать весело. А ты вот читал Кастанеду?

– Нет. Это инквизитор какой-то испанский?

– Нет, это современный автор, он помер не так давно. Приблизительно в то время, когда Яковлев продавал свой «Коммерсантъ».

– А, я перепутал с Торквемадой.

– Так Кастанеда описывал некоего индейца, которого звали дон Хуан. И этот индеец, покурив травы и попив настойки из грибов, начинал гнать про иные миры… Я несколько раз принимался это читать, впервые – еще в 80-е. Но даже несмотря на то что то был самиздат, и что вообще запретность темы придавала книге повышенную привлекательность, и Яковлев был авторитетом – на меня эти рассуждения Хуана («мальчик жестами показал, что его зовут Хуан») при всем уважении к обкуренным индейцам мало того что не действовали, а казались весьма скучными. Я просто засыпал над этими текстами – буквально как над «Будденброками» Томаса Манна, которого меня вынуждали читать в университете. Я искренне пытался, садился за книгу – и засыпал. Заставлял себя снова и снова… И когда я понял, что изучение Томаса Манна неотвратимо переходит в здоровый сон, а эти проспанные в читалке часы я все равно не смогу предъявить на экзамене, попытки оставил. И просто нанял кого-то за стакан, чтоб мне коротко пересказали содержание. Так вот у Яковлева, видимо, мозги необратимо переключились с сочинительства на управление людскими массами, большими числами и серьезными активами. Это настолько разные виды деятельности, что просто надо выбирать что-то одно. Грубо говоря, это как если бы человек сперва служил на действительной, был отличником боевой и политической, а после вырос до маршала – и забыл бы, как разбирать автомат, и не успевал бы одеться за 45 секунд. Но это не страшно – ведь ему это уже и не надо. Приблизительно такая, думаю, картина. И потому в свое время Яковлев с пониманием отнесся к моему беспокойству насчет того, что вдруг я разучусь сочинять заметки. Я ему когда-то рассказывал, что на начальственной работе вижу крупные проблемы с высоты и охватываю их целиком, что по-своему забавно, – но беда в том, что подробностей жизни таким манером не рассмотреть. Мне же всегда были больше интересны именно человеческие детали. Когда смотришь на вопросы сверху, то они все выглядят одинаково. Не зря же если человек менеджер, то ему, грубо говоря, все равно, чем

командовать.

После побывки я полетел обратно в Штаты. Приехал в свою Moscow и там принялся допрашивать местных. Центральным персонажем моих текстов был мэр Москвы – Дэнни Эдвардс. Мэр он был неосвобожденный, это у него была такая общественная нагрузка. А зарабатывал он на пропитание тем, что делал на продажу кошечек керамических – ну вот как у нас раньше продавали на базарах в провинции.

– Как Вицин торговал? Помнишь, в «Операции Ы»?

– Ну. Чистая халтура. А сам он типовой интеллигент – очочки, бородка…

– С претензией, что шедевральное нечто творит?

– Нет, он понимал, что это халтура, для бабок чисто. Он же американский человек, не из советских интеллигентов! И еще он понимал: не важно, из чего делать бабки. Хоть из говна. Лишь бы были.

– Ну да. На меня западные люди, особенно американцы, всегда производили сильное впечатление… Я считаю, что сила этих людей, может, в том и состоит, что они в среднем возрасте могут себе признаться, что пороха уже не изобретут, что «Войну и мир» не напишут и ничего шедеврального не создадут, – но им нужно кормить семью, нужно оставаться человеком. И поэтому они начинают лепить кошечек. Изо дня в день упорно лепят. Ходят чистенькие, умытенькие. Наш же, когда узнает, что «Войну и мир» не напишет, он же начинает мир рушить! Понимаешь? Потому что каждый из себя Шопенгауэр, целая Вселенная! Поэтому вот мне кажется, что это вот смирение – это часть протестантской культуры, на которой стоит Америка.

– Действительно, там много людей, которые легко идут на любую работу! Откапывай траншею и закапывай, изо дня в день, без конца – и ладно. Человек будет считать, что прекрасно устроился. Помню, сижу я там как-то на автостанции. И вижу, заходит такой благородный седой джентльмен, с осанкой, голову держит высоко так. Кивает кассиршам – хозяин, что ли, пришел или преуспевающий адвокат решил прокатиться на автобусе. Но смотрю, он заходит в подсобку. Через пять минут выходит оттуда в спецовочке, в желтых резиновых рукавицах и все той же адвокатской походочкой гордой заходит в сортир и начинает мыть унитазы. Удивительная картина! Сортиры моет солидный джентльмен, а не бабушка-пенсионерка….

– …брошенная внуками, которые Шопенгауэры, и детьми – Львами Толстыми.

– И вот человек доволен собой! Работа есть работа, не все ли равно какая она? На тот момент, помню, минимальная зарплата, разрешенная законом, была 5.50. Меньше никак нельзя. Но на эти бабки человек мог кормиться, брать ссуды на квартиры.

– 5.50 в час – это тысяча в месяц, с которой они маленькие налоги платят…

– Для глухой провинции – ничего еще. А в Нью-Йорке на штуку не разгонишься. Вот, кстати, в одном из московских баров были комнаты наверху. И я думал – а что за комнаты такие? Может, туда девиц водят, с которыми тут же в баре и знакомятся? Но оказалось, что просто люди там снимают комнаты и живут. Один жилец был пенсионер, который переехал из Нью-Йорка – там ему стало дорого жить. А в провинции он вот снял комнату за 160 долларов в месяц. Комната метров двенадцать. Сортир на этаже.

– И пожрать можно внизу.

– Ну. Там самые дешевые блюда – это разогретая ветчина из индейки и пюре или крылышки куриные острые. Это самая бедная еда, как раз для пенсионеров. Свежий воздух, леса, дешевизна… С адвокатом я там познакомился еще. С девелопером местным, который строил, как говорят русские, коттеджные поселки. И я посмотрел, как это все строится. Не как у нас – кирпич там…

– Знаю, видел: каркас…

– Стекловата…

– Сайдинг.

– А с виду получается вполне приличный богатый дом.

– Да они приличные, эти дома. И теплые. Я все там допытывался – а сколько дом стоит? Они не могли понять, потому что дом по сравнению с землей ничего не стоит. Земля – дорогая, а дома – дешевые.

– Потом этого мэра той Москвы я привез в нашу Москву.

– Чтоб он наконец посмотрел, что это такая за Москва, послужившая прототипом его Москве.

– Так выяснилось, что он впервые не только в России, но и вообще за границей. И паспорт специально для этой поездки получил, так-то они без паспортов живут. Семья его провожала со слезами – типа свидятся ли они еще? Это ж очень опасная по их меркам экспедиция. Мэр боялся съездить за билетом в Нью-Йорк, потому ему страшно в таком жутком городе. Там же одни уроды и убийцы живут. Чтоб туда съездить…

– …сколько храбрости надо набраться!

– Ну. Они на меня так смотрели, что вот человеку жить надоело и он едет в Нью-Йорк. Отмороженный. Так в результате их мэр остался нашей русской Москвой доволен. Ему только не нравилось, что продавцы с ним невежливо разговаривали и подавали теплую пепси-колу. Значит, после новогодних каникул полетел я обратно в Штаты. Дня три-четыре потусовался в Нью-Йорке. Останавливался я иногда у Игоря Мателицына, бывшего одессита, который в молодости строил Зейскую ГЭС на вечной мерзлоте и сочинял песни под гитару, а после, переехав в мир чистогана, стал торговать расхожим артом. Игорь меня познакомил с Ромой Капланом, самым знаменитым рестораторам русской Америки. Я часто заходил в его «Русский самовар», даже не столько пьянок ради, сколько перекусить среди дня. Проходя мимо, это ж Манхэттен, удобно принять там порцию борща. (Теперь ресторан открывается только ближе к ужину.) Тогда же я взял у Каплана интервью.

Комментарий Свинаренко

Русское в Нью-Йорке – причем речь не про Брайтон-Бич, а шире – особое: и не советское, и не постсоветское, и, уж конечно, не американское. Некоторые исследователи считают русских эмигрантов в Америке отдельным народом. Похоже, так оно и есть. У них свой язык, свои манеры, свои шутки, свои повадки. И даже внешность такая, что их за версту отличаешь. Они похожи на провинциальных зубных техников, которые, будто сговорившись, переоделись в черное. От американцев они взяли некое завидное простодушие и детскую такую назойливость, а от русских – легкую советскую бесцеремонность. Гремучая смесь. При этом у них нет ни страха божьего, как у большинства американцев, ни трогательных пережитков шестидесятничества, какое когда-то было в моде у нас тут. Получилось, что у них отметены все запреты – и западные, и советские. Они соединили в себе недостатки обоих народов, а достоинств не взяли ни у одной стороны. Короче, это такие оборотни, которые с виду вроде почти свои, но по сути – чужие. Причем интересно, что они прекрасно понимают разницу между народами; с русскими они разговаривают одним манером, типа и так сойдет, а с настоящими американцами – по-другому, серьезно, демонстрируя чувство ответственности и делая вид, что политкорректность – это не чистая туфта, а якобы нечто серьезное. Причем они не очень любят, когда русские становятся свидетелями их бесед с американцами. Это из той же оперы, что и нелюбовь русских к

встречам с земляками на Западе.

Очень смешно было, когда я однажды стал свидетелем серии телефонных бесед. Умирающий с похмелья эмигрант делал звонки, отменяя встречи. Своим он говорил все как есть – поймут, сами такие, – типа нажрался вчера и сейчас не может встать. А белым американцам рассказывал, что у него острое пищевое отравление. (Что в принципе тоже верно.) И это было правильно! Приди он на встречу с серьезным белым человеком в похмельном виде, расточая запах кошачьей мочи и глядя на жизнь смертельно усталым взглядом, впечатление о себе испортил бы навсегда. В общем, бывший наш народ понимает, что с кем можно себе позволить, с кем надо церемониться, с кем нет смысла.

Приехав тогда из Нью-Йорка в Пенсильванию, я снова принялся за сбор фактуры для репортажей и книги. Встречался там с людьми. С толстенным этническим итальянцем Ральфом Рогато, начальником местной полиции. Он рассказывал мне о скуке провинциальной жизни, такой беспросветной, что внутрисемейная драка становится событием года. Скуку они там пытаются скрасить юмором. Помню, у одной подчиненной Ральфа, полицейской дамы, стояла на столе табличка: «Warning: I got a gun and PMS». Шутка, в которой есть доля шутки. За этой трехбуквенной аббревиатурой скрывается широко там распространенный и всем там понятный термин «предменструальный синдром», который считают не бабской блажью, а важным фактором общественной жизни. Ха-ха.

Посетил я сразу по приезде также и местную газетку Villager – а там тоска почище полицейской. Полторы калеки вымучивают новости из ничего, сочиняют какую-то ерунду о ничего не значащих событиях. Там, к примеру, несколько недель раздували скандал вокруг такого события. На заседании школьного совета один из родителей – этнический итальянец Антидорми – употребил слово mullion. Это итальянское жаргонное слово для melanzana, то бишь баклажана. Когда он применяется для обозначения негров (очень тонкое цветовое наблюдение), это считается оскорбительным. Ну, допустим… Много шума из ничего. Замечу вскользь, что и для русских есть там презрительный термин. Он такой: russky. То есть когда вам в Штатах по-английски скажут, что you are русский – знайте, вас обзывают, типа, козлом.

Еще я написал там заметку про этнических украинцев, потомков давнишних эмигрантов, еще дореволюционных. Помню поучительную историю про то, как в 1910-х годах один украинский поселенец устроился на какую-то пенсильванскую шахту и его там вскоре завалило насмерть. Семья осталась без

средств к существованию и, чтоб не помереть с голоду, вернулась на Западную Украину. Которая вскоре была подвергнута аншлюсу с СССР. И тут же наши комиссары стали склонять эту шахтерскую семью к смене американского гражданства на советское. Кто сменил, те плохо кончили. А кто не поддался уговорам, те уехали в Штаты – по второму заходу. А там за время их отсутствия жизнь несколько изменилась. Американские капиталисты, посмотрев на русский бунт 1917 года, начали себя вести адекватней и перестали морить шахтерских сирот голодом, как-то начали решать социальные вопросы. Они додумались до деятельного покаяния, не дожидаясь, пока их посадят в Лефортово, как некоторых, – что было б реально, докатись наша так называемая Великая Октябрьская революция до Штатов. Глядя на зверства большевиков, американские бизнесмены сочли за лучшее поддержать профсоюзы, учредить страховки и наладить производство дешевых автомобилей для своего пролетариата. Это я про Форда.

Между делом в Москве я в свои приезды писал заметки на русском материале. Про Рустама Хамдамова, практически гениального художника, который сделал мощный фильм «Анна Карамазофф» – его никто не видел иначе как на видео, потому что пленка арестована французами. Писал и про того же Малашенко. Еще про кого-то… А! Про Женю Киселева! Он был очень тогда представительный. Вальяжный. Рассказывал, что любит виски. Особенно single malt. И ему очень приятно было, что он лично провел дегустацию множества сортов и лучшим ему показался Macallan – который иностранные спецы независимо от Жени поставили на первое место в рейтинге.

После я снова полетел в Штаты. И там, потусовавшись в своей Москве, полетел в Калифорнию – на вручение «Оскаров», в очередной раз. В первый раз это было потрясающе, во второй – ну ничего, ничего, забавно. В третий – так себе. Остановился я в тот раз не в downtown, как обычно, – а в Малибу. Езды всего ничего, это на океанском берегу. Причем, грубо, в ту же цену. Так я перед завтраком совершал заплыв. И перед ужином. А ужинал с видом опять же на океан. Хорошо…

Довольно часто я вспоминаю и о тогдашней поездке в православный приют, это в поселке Саракташ Оренбургской области. (Это когда я был на побывке в России, в ходе моей американской эпопеи.) Там местный батюшка, отец Николай, усыновил 40 детей. И принялся их растить как своих. Живут они, конечно, бедно, но зато в семье, как люди. Мне там между делом рассказали такую вещь: «В первых главах Библии написано про то, как Сатана пришел к Адаму и говорит: “Послушай, ты будешь

как Бог. Только нарушь заповедь, прерви настоящий союз с Богом, и ты будешь самозваный Бог. Будешь повелевать морями и океанами, летать по воздуху, испытывать блаженнейшее духовное состояние. Но плата будет – душа, которую потом отдашь. И дьявол ее так запросто не отпустит"». Про что это? Про наши богатые путешествия по планете? Про страсть к дорогим развлечениям? Или зря я так на это внимание обращаю?

И приблизительно в это же время я написал несколько заметок про американские семьи, которые усыновили русских сирот. И выяснилось, что американской семье все оформление обходится в 15 тысяч долларов, из которых, обратите внимание, 5 тысяч идет на взятки русским чиновникам. Вы как хотите, а лично на меня этот факт производит весьма глубокое впечатление. Мысли теснятся в голове и просто обгоняют друг друга.

Там, в Пенсильвании, у меня было два русских собутыльника. Один – полковник нашей медслужбы, который работал в местном госпитале уборщицей, а второй – журналист из Брянска. Мы иногда собирались и выпивали, не по-американски, как все местные (три пива под куриные крылышки в баре, за час), а так, основательно: водки, селедки, колбаса порезана, пивко в холодильнике и все такое прочее. Я вспоминаю эти тихие размеренные вечера в моей московской, штат Пенсильвания, квартирке, за круглым дубовым столом, который я купил за 15 долларов на распродаже. Разговоры мы вели, как положено, о судьбах России и про то, до чего ж на нее не похожа Америка. Все это приблизительно в ту же струю, в какую и весь наш «Ящик водки»: что со страной, кто мы, откуда – и как жить дальше? Вот эти двое предпочли тихую, незаметную и очень небогатую жизнь в чужой загранице. Они это сделали ради детей, тем более что один – полковник – буквально увез сына-призывника в Штаты в самый разгар первой чеченской войны. Я про это написал приблизительно в том духе, что это непатриотично – мальчик вместо цинкового гроба угодил в американский университет. Тонкая шутка. А кому, правда, было б лучше, если б парень погиб с улыбкой на лице, как учил Паша Грачев? Дети в Америке, вам всякий скажет, очень быстро осваиваются. И делаются не нашими, чужими, американскими. Но им-то что с того? Им там так только удобнее… А родители, они давно привыкли жертвовать собой ради детского блага. Доживут там свою жизнь – в скуке, вдали от наших русских приключений, – ну и что? На свете счастья нет, а есть покой и воля…

После я окончательно вернулся в Россию. Это было уже в конце октября, хотя вообще меня в сентябре ждали обратно. Но я

тянул до последнего. Мне хотелось надышаться Америкой, мне тяжела была – в то время – мысль о разлуке с ней. Мне так дороги были те прыжки через океан, как бы из одного измерения в другое – на самолете Аэрофлота. Я летал экономическим классом, и это было верхом комфорта: сразу после взлета я с вещами перебирался в хвост самолета, где полно было свободных мест, и там, привольно раскинувшись на трех креслах, спал как дитя почти весь рейс – поужинав и выпив на дорожку. Мне дороги были и те мои прогулки по Нью-Йорку, когда за раз проходишь пехом почти весь Манхэттен, и катание на пароходике с пристани на Фултон-стрит, когда, сидя на палубе, тихо выпиваешь, а перед тобой проплывает город Желтого Дьявола. И копание в дешевой пожелтевшей бумаге старых книжек в букинистических магазинах, где на улице перед входом выставлены paperbacks по доллару за штуку, и питье водки в брайтонских пельменных с незатейливыми евреями из житомирских зубных техников, которые, кажется, и определяют лицо нашей эмиграции там… Я с ужасом представлял себе дальнейшую жизнь без регулярных, каждый месяц вынь да положь, полетов через океан, без этого тонкого чувства якобы свободы, в смысле ты мотаешься куда хочешь, без изысканного чувства, что ты не кто иной, как гражданин мира… Мне страшно было думать, что когда я через какое-то время попаду куда-нибудь на Times Square, то упаду на асфальт и буду бить ногами и орать: «А-а-а! Не забирайте меня отсюда!» Но этот роман прошел, как обычно и проходят наши романы. После, приехав через сколько-то месяцев в Нью-Йорк, я посмотрел на него доброжелательно, но совершенно бесстрастно. Ну симпатичный городок. Забавный, но уж не до такой степени, чтоб устраивать страсти-мордасти. И слава Богу! Так, встретив через многие годы какую-нибудь старую любовь, от которой просто слюни текли, только хлопнешь ее по сраке, скажешь сальность, посмеетесь над этим вдвоем – и расходитесь, довольные друг другом, удивляясь: чего копья-то ломали?

В общем, я вздохнул тогда с облегчением и спокойно зажил себе в России. Все-таки именно она для нас идеально подходит – если уж заикаться о поисках идеала на земле.

Причем зажил я в России – как будто в новой стране. И то сказать: она стала выглядеть более интересной, чем до поездки. По контрасту со Штатами. Я начал усматривать в нашей дикости некий даже позитив, на фоне западной заорганизованности. И бюрократы наши все-таки куда человечней и проще, чем американские – те пожестче будут, с ними куда трудней договориться. Там если идут на взятки, так уж на уровне «Энрона», а чтоб по-людски договориться, на уровне карманных

денег, – это почти невозможно. И еще у меня после Америки была иллюзия – довольно долго, – что вот они себе построили страну, а теперь и мы себе строим. Какую хотим. Иллюзия эта, как легко догадаться, скоро пропала. Выяснилось, что это не мы строим страну для себя, а кто-то другой – непонятно, для чего, и неясно, по каким правилам… Но что ж теперь делать? Надо принимать жизнь такой, какая она есть!

А когда, кстати сказать, пропала эта иллюзия, в какой именно момент? Когда появилось ощущение, что своей страны у меня нет? Как ее и не было никогда. Она была всегда чужая, чья-то, она строилась для кого-то непонятного мне. А вот иллюзия того, что страна моя, – была. И появилась она где-то, пожалуй, в раннюю перестройку. Не в 85-м, а так, навскидку, в 86-м – 87-м приблизительно. И длилось это счастливое заблуждение годами. Может, лет 10. Так когда же я сделал это горькое открытие? Точно не скажу. В дефолт? Возможно. Но даже если и раньше или позже, то с дефолтом эта пропажа как-то была связана, это точно. Он, может, забил некий гвоздь в гроб светлого чувства.

И туда же, в эту струю, под это настроение я вспомнил смешную историю про журналистику. Как раз в 97-м я по поручению Яковлева специально отправился в Вашингтон. В National Press Club, что на 14th Street. Там висела, а может, и сейчас висит, здоровенная такая бронзовая плита с текстом журналистской клятвы. Наподобие Гиппократа. Как сейчас помню, там было много лирики, прекрасных позывов, замечательных порывов, идеализма и движений души. В этом было что-то и от военной присяги, что, типа, по первому зову, не щадя живота своего и далее в таком духе. Это было так там собрано и сформулировано, что у меня как у газетчика просто мороз по коже шел. Я отправил Яковлеву тот текст. Зачем он ему понадобился? Я сам про это много думал. Тогда мне казалось, что это очень важно. В те годы «Коммерсантъ» был объективно лучшей газетой страны, и никакие ляпы и ошибки не могли на это повлиять. Никто и близко не мог к нему подобраться в рейтингах. Я весь был наполнен неким священным трепетом, оттого что работал в такой газете. И вот этот текст заокеанской нерусской клятвы, написанной, как и положено клятве, высоким штилем, я отослал в Москву… Что это было тогда с Яковлевым? Чего он хотел? Поднять идейный уровень и моральный дух личного состава? Возможно. Однако не исключено, что это была всего лишь предпродажная подготовка. Разговоры о том, что издательский дом выставлен на торги, уже тогда велись. Несмотря на то что Яковлев все решительно отрицал. Но видно, машина была уже тогда запущена. И надо было как-то

разукрасить товар. Так приводят в порядок старый автомобиль – подчищают ржавчину, моют подорванный двигатель, рихтуют помятые борта, – перед тем как дать объявление в «Из рук в руки»…

Значит, после Америки я тогда с новым зудом стал ездить по России. Я срывался в нашу провинцию при всяком удобном случае. Только вернувшись из Америки и слетав на октябрьские в Париж, я тут же отправился в Краснодарский край, в поселок Псебай. Мне показались интересны и актуальны тамошние разборки вокруг собственности, что замечательно ложилось на мои американские впечатления от истории недоразумений между белыми и индейцами. То, что у них там происходило 200 лет назад, у нас имело место быть в конце XX века. Вкратце, в цитатах, там была такая ситуация.

«…немецкие инвесторы (фирма „Кнауф“) купили в Краснодарском крае фирму и стали выпускать стройматериалы на экспорт. А местные казаки немцев выгнали – решили, что не следует продавать родину, а тем более по дешевке. Арбитражные суды разных инстанций подтверждали: немцы все купили честно. Но казаки остались при своем мнении. Мы сидим с Берндом Хоффманом, начальником восточного отдела „Кнауфа“, в кабинете на третьем этаже офиса гипсокомбината. Их, хозяев, больше никуда и не пускают. Ну еще разве что в туалет.

– Что же получается – останавливают действие российских законов, а вы на свои немецкие деньги нанимаете ландскнехтов в Москве и пытаетесь восстановить законность?

Я имею в виду частных охранников, которых он нанял.

Он смеется.

Уже 11 разных заводов делают стройматериалы с немецким, «Кнауфа», участием – от Питера, Тульской области, Дзержинска под Нижним Новгородом до Казани. Они на этих заводах имеют до 99 % акций. И никто не обижался на это – пока не напоролись на Псебай.

Сначала у них был совсем тонкий пакет, 17 %, потом он постепенно утолщался и после вливания в завод 1 млн 200 тыс. марок превратился в контрольный. Это было в декабре 95-го. И тогда немцы захотели вникнуть в финансовую отчетность. Больше всего их тогда волновали нормы расхода гипса – уж слишком высокие; то есть, выражаясь по-русски, похоже было на воровство и черный нал.

Вот в этот самый момент немцев и выгнали.

…А может, везде так? Может, вообще везде пролетариат у нас ненавидит капитализм и хочет отмечать Великий Октябрь и бесплатно получать удовольствия? И только в Москве начальство

доверчиво думает, что уже настал капитализм, и играет в него со своими командами? А на самом деле кругом одни коммунисты? Ну, строго говоря, даже в Госдуме самый главный – коммунист (на тот момент)…»

После я полетел в Челябинск, чтоб оттуда добраться в Златоуст. Полетел все с тем же любопытством и азартом. Все так же жадно пытаясь всмотреться в новую жизнь, которая, казалось мне, кругом наставала.

«В один прекрасный день МВД огласило новый способ борьбы с оргпреступностью, которая (данные МВД же) контролирует 30–40 % экономики страны. Способ простой: надо всего лишь отрезать бандитов от источников финансирования! Это якобы и было успешно проделано в городе Златоусте, где у бандитов был отнят „Казак уральский“ – ликероводочный завод, с которого братва кормилась. После чего „удалось разгромить группировку, терроризировавшую весь город“. „Возбуждено 117 уголовных дел, при этом резко повысилась рентабельность предприятия“.

Судя по милицейскому рапорту, над «русской мафией» (кавычки – это чтоб милиция не обижалась) одержана победа в одном отдельно взятом городе с населением 200 тысяч. Что уже неплохо! Конечно, становится интересно: как зажил освобожденный от власти криминала Златоуст?

Прилетел, звоню на ликероводочный. Мне отвечают:

– Ну чего звоните? Никого нету. Вы что, не знаете – стоит завод! Реализации нет! Никто не покупает – дорого. Люди самогон нелегальный пьют…

– Подождите, а вот объявляли, что рентабельность у вас поднялась…

– Так это расчетная, теоретическая, как если б водку всю раскупали. А нам тут еще выше насчитали рентабельность, так что цены поднимут. А куда поднимать? И сейчас-то не берут…

…Но не надо думать, будто культурная жизнь в Златоусте благодаря рынку и трудной жизни остановилась. Нет! Она продолжается, несмотря ни на что. Здешний театр имеет статус областного. И городская библиотека настолько хороша, что в ней даже случаются Всероссийские семинары! И еще бывают подпольные собачьи бои с огромными ставками… А молоденькие прыщавые проститутки всего-то по 150 рублей за ночь. Их мне предлагал возле гостиницы 13-летний нежный мальчик с большими умными глазами.

…Как же бандиты кормились водкой, раз она невыгодна?

– Они работали по схеме экспорта, – объясняет мэр города. – Делали бумаги, что водка идет якобы на экспорт, и акциза не

платили, а продавали в России… Водка тогда получается дешевая и быстро расходится. Или еще проще делали: заключали договора, отгружали по ним водку, а деньги на счет никогда не приходили. Очень простая схема! Они так водки с нашего завода взяли на 63 миллиарда рублей старыми! Эти ребята, они очень сильно посадили ликеро-водочное объединение. У них ведь задача какая была – обанкротить и потом купить по дешевке. На деньги, украденные у завода же. Мы с трудом отбились от Москвы, чтоб не дать банкротить завод. Да… Прошли у нас тут аресты, разгромили группировку, а через пару месяцев снова возобновилась работа «на экспорт». Опять водка налево!

Начальник местной милиции дал мне свое видение ситуации:

– Часть людей, которые занимают посты… Они ведь крутятся там. Убрать их всех… Родственники и так далее. Дочь вышла замуж за кого-то, тот куда-то залетел, его вытаскивают. Каша… Попробуй разберись в этой каше, – рассказывает он мне про свою печальную кухню. И делает сильный вывод: – Не зря же Петр Первый перенес столицу в Петербург!

– Да ладно вам! Неужели из-за этого?

– В основном, уверен, из-за этого. Но ему просто стыдно было признаться и он объявил другую причину…

…А некоторые тут нашли счастье. Те, которые жизнь не торопят, не жадничают и умеют ценить простые радости, и знают, с какой стороны надо приезжать на тот же Урал – не из Парижа или Москвы, а из глубокой Азии надо сюда ехать. Большой областной Челябинск, так он в Азии, а Златоуст – он чуть левее, и тут уже Европа.

Да взять хоть Свету, официантку из трамвая-бара, который ездит по городу, наливает и дает чем закусить, – интересную брюнетку с раскосыми глазами. Она совершенно счастлива! Ну вот сами смотрите. Она из Степногорска, это всегда считалось под Целиноградом, а теперь вдруг оказалось под Акмолой… И внезапно русский язык у детей в школе стал три раза в неделю, а в остальное время – казахский насильно. Что урановый рудник был под окнами, к этому-то привыкли давно и не обижались, а с языком, конечно, получилось несправедливо. И работы не было, а если у кого была, так денег не давали. Ну, решили уезжать, стали квартиру продавать, а дают за нее 400 долларов. Не в месяц, поясню специально для москвичей, а раз и навсегда, навеки.

И вот переехали в Златоуст. Никакого казахского или иного иностранного языка! Все запросто, по-русски. Рудник урановый остался вдалеке, а тут дым чистый, хороший, без радиации почти совсем. Работа есть! И у нее, и у мужа! Зарплата огромная, 550! И половину прям сразу платят! Ну а вторую продуктами и талонами

на свой же трамвай. В общем, «счастье наконец-то настало».

Забавно, что и у меня было приблизительно такое же ощущение. Я работал спецкором, ездил куда хотел, писал здоровенные портянки и печатал их сперва в газете, причем за приличные деньги, а потом в книжках. Иными словами, я воплощал в жизнь свой идеал 70-х – такой я видел вершину своей карьеры. Чего ж еще хотеть? Казалось бы. Ан нет. Таки захотелось. Жизнь оказалась богаче. Тут не очень уместно употреблено единственное число; скорей у меня такое чувство, что я несколько жизней уже прожил и живу вот еще одну. Та жизнь, спецкоровская, – она совершенно отдельная, у нее было начало, был конец, это все изящно закруглялось в некий единый сюжет. Почему одни живут одну жизнь, а другие три или четыре? Поди знай. То ли это такие призовые игры, то ли, наоборот, нас кто-то оставляет на второй год…

– А теперь ты давай рассказывай…

– Ну вот смотри. Я тогда, в марте 97-го, получил повышение. Я был просто председателем Госкомимущества, а стал еще и вице-премьером. Там же какая история? Летом 96-го после победы Ельцина на выборах Чубайс стал главой Администрации. И забрал Шурика Казакова к себе первым замом. Соответственно у нас опять образовалась вакансия – и Черномырдин назначил меня. А потом, к марту, Ельцин разогнал правительство. То есть он оставил одного ЧВС, а всех замов ему заменил.

– А что это ему дало, ты понял?

– Тогда и появилось правительство молодых реформаторов-2. Первое было гайдаровское, а второе – это. Туда опять первым замом взяли Чубайса, Борю Немцова первым вице-премьером, а меня и Олега Сысуева – просто вице-премьерами. Вот эти четверо и стали новыми молодыми реформаторами. Зачем это было сделано? До этого Ельцин болел и страной фактически руководили Чубайс напополам с ЧВСом. ЧВС всего боялся, он не хотел никаких реформ, ему было и так хорошо. И замам его было хорошо. А реформы надо было делать. И поэтому сформировали вот такое правительство. Причем, как всегда, активность на эту тему проявил Березовский, который почему-то пытался мое назначение вице-премьером выдать за сильное одолжение. На что я ему сказал: «Боря, вот смотри. У меня раньше была обязанность – приватизация. И я был министром. Этих обязанностей мне хватало вот так вот. А теперь у меня дополнительные обязанности появились, как у вице-премьера – например, все доходы бюджета. Не только от приватизации, но и от налогов, от таможни, от водки и так далее и так далее. Но ни одно ведомство кроме

Госкомимущества, мне напрямую не подчиняется. То есть я что-то курирую, но это слабенькое подчинение – все министры бегали к премьеру. И вот у меня появились новые обязанности без новых прав. Таким образом, моя жизнь сильно осложнилась, и почему я за это должен быть благодарен кому-то, даже если это и ты? Мне не очень понятно». Я не очень хотел быть вице, но тем не менее я им стал. Мне показалось, что надо соглашаться, что это интересный экспириенс… Когда еще удастся побыть вице-премьером? Что-то новенькое узнаешь… Про технологию власти, про страну, про бюджет… И вроде начали работать. И все двигалось более-менее. И тогда – нет, раньше, в январе – возникла идея приватизации «Связьинвеста». Значит, дело было так…

– Ну-ка, ну-ка… С этого места, пожалуйста, поподробнее.

– Значит, существовал отдельно «Связьинвест» и отдельно «Ростелеком». Последний отвечал и отвечает за международную и междугороднюю связь. А «Связьинвест» – это просто холдинг, который включает в себя контрольные пакеты всех региональных телефонных операторов. Областные и городские телефонные сети. И там, короче, надо было подготовить слияние «Связьинвеста» и «Ростелекома», сделать прозрачной всю документацию, чтобы инвесторы могли посмотреть, и так далее и так далее. Большая работа была проведена, чтоб заставить Минсвязи все это сделать. А Минсвязи по понятным причинам традиционно связано со спецслужбами. Потому что спецслужбы занимаются антиконституционной деятельностью. Ха-ха. Шутка. Ты ж понимаешь!

– Ну а как же им ею не заниматься? Если не заниматься антиконституционной деятельностью, как же охранишь Конституцию? Я б не взялся.

– Да, разохранялись так, что прямо загляденье посмотреть – как охраняют. Уж ничего от нее скоро не останется.

– Ну а как бы по Конституции грохнули Дудаева? Никак.

– Почему нет? Грохнули бы. Могу объяснить как. Против него было бы возбуждено уголовное дело. И любой суд выдал бы санкцию на прослушивание его телефона. Его бы прослушали – и грохнули. А они же слушают без всяких санкций кого ни попадя. И потом через господ Минкина и Хинштейна все это сливается в Интернет… Или в «МК». И никто не удосуживается поинтересоваться, чего это людей подслушивают.

А когда интересуются, Хинштейн делает губки бантиком и объясняет, что по закону о СМИ он не обязан раскрывать своих источников. Хотя коню понятно, что это за источники.

– Не, ну что значит – конституционно, не

конституционно. Это не так важно, потому что, по большому счету, если ты решаешь вопросы, в Конституцию можно вписать все, что угодно.

– Но вписали вот это. И соответственно, спецслужбы занимаются антиконституционной деятельностью. Опять шутка. Ха-ха! Чего-то я сегодня юморной какой-то. Не к добру это… Они как бы занимаются профилактикой правонарушений – прослушивают людей еще до совершения ими преступления. Такова их логика, как я понимаю. Но это не важно… Короче, это было тяжелое мероприятие – слияния, поглощения и приватизация телекоммуникационной отрасли в России. И я бы за него не взялся – мне не хотелось ругаться ни с кем из особистов. А они, когда я начал зондировать почву, в один голос сказали: какое слияние, какая приватизация, выбрось это из головы! И тут ко мне приходит Гусь. И говорит: так и так, я столько сделал для Ельцина… А мне ничего не досталось. Я ему говорю: Вов, а кто ж тебе виноват-то? Ты до 1996 года обличал наши аукционы, как обычные так и залоговые, объяснял, что это недостойная человечества деятельность – участвовать в приватизации. Другие люди себе понапокупали разного на этих аукционах, а тебе ничего не досталось, потому что ты ничего не покупал. Хотя ты, кстати говоря, неплохо устроился с теле– и радиочастотами – и с одной (НТВ), и с другой («Эхо Москвы»). Ни за одну ты ни копеечки не платил, а стоят они десятки, если не сотни, миллионов долларов, никаких аукционов никто не проводил, так что, я думаю, тебе особенно обижаться не на что.

– А у вас были на тот момент какие отношения? Он на тебя уже наезжал или еще не наезжал?

– Нормальные были отношения тогда. Залоговые аукционы стали вдруг ужасным преступлением перед народом позже, осенью 97-го. До этого приватизацию ругали так, в кулуарах. Типа – светская тема. Не более того.

– Значит, Гусь к тебе пришел как к знакомому. Кстати, он тебе был знаком на почве чего?

– На почве избирательной кампании. Мы обедали иногда с ним… И вот пришел он ко мне и говорит – надо приватизировать «Связьинвест». Я ему говорю: если ты такой умный, то помоги мне пробить через спецслужбы приватизацию – ты же с ними вась-вась, а я с ними никак не могу наладить отношения. Он говорит: очень интересная идея!

– А ему за это что?

– То, что, если «Связьинвест» будет выставлен на аукцион, у Гуся появится возможность его купить.

– Просто купить, и все? Ты его не предупредил? Не

объяснил ему, что покупать он будет честно?

– Объяснил, объяснил…

– А он сказал: «Конечно, честно, но ты будешь мне подсуживать»?

– Такого договора у нас не было, точно абсолютно! И еще мы с ним сразу на берегу договорились, что, если ему нужно кого-то из желающих не допустить к аукциону, то это будет проблема Гуся, а не моя. И он с такой постановкой вопроса согласился. Гусь действительно очень бурно подключился к решению вопроса, и сразу с нами стали все сотрудничать, визировать бумажки, которые раньше годами лежали без движения. В итоге процесс слияния и приватизации сдвинулся с мертвой точки. И вот что интересно. Когда какой-то дядя из правительства просит спецслужбы что-то сделать, они его не слушают. А когда коммерсант Гусинский им что-то говорит, они сразу все делают! Дальше было так. В январе 97-го прибегает Гусь и говорит: «Я точно знаю, что Потанин хочет участвовать в аукционе!» Ну и? «Этого ни в коем случае нельзя допустить! Потому что он вице-премьер!»

– В те времена Потанин был твой дружок.

– Да. И еще я был его подчиненным. Когда Чубайс и Казаков ушли в Администрацию президента, то вице-премьером, который курировал Госкомимущество, стал как раз Потанин. Я говорю Гусю: ну послушай, он же уволился из ОНЭКСИМ Банка и работает full time в правительстве. Почему из-за того, что Потанин не остался в стороне от нужд Родины, резко потерял в зарплате и ушел из банка служить отечеству, – почему этот банк должен быть поражен в правах? Это несправедливо. Я согласен, что у него не должно быть дополнительных преимуществ; но не более того. Нет, говорит Гусь, я буду настаивать на совещании у Чубайса… Чубайс тогда был руководителем Администрации президента. Ну, назначили совещание, пригласили первого вице-премьера Потанина, предгоскомимущества Коха. Там сидит Гусь, весь подпрыгивает. И Береза.

– А эти двое – они-то с чего вдруг? На каких правах?

– Видимо, на правах бойцов, которые в штабе Ельцина работали. Эти двое уже тогда начали Потанина не любить. И вот эти двое в один голос говорят следующее: «Если вы Потанину разрешите участвовать в этом аукционе, мы через наши СМИ вас размажем по стенке».

– Прям вот так, открытым текстом?

– Да. У одного ОРТ, у другого НТВ. Не считая газет и радио. То есть, будем откровенны, все СМИ в их руках…

– И что, вы зассали?

– Поди не зассы… Ну не мешай, дай дорассказать. Чубайс говорит: да, я считаю, что ситуация складывается некрасивая и Владимиру Олеговичу нужно было бы посоветовать своим коллегам в Интерросе и ОНЭКСИМ Банке воздержаться от участия в аукционе. И Потанин говорит: хорошо, Анатолий Борисович, мы в этом аукционе участвовать не будем. А я сидел молчал и ничего не говорил. Меня не особо и спрашивали. Вот. Совещание закончилось, все разошлись по домам…

– А почему они зассали Потанина? У него что, было больше денег? И он бы перебил их bid?

– Во-первых, у него было больше денег, а во-вторых, Гусю переплачивать не хотелось. И вот через какое-то время мы узнаем, что Гусь с Березой изо всех сил лоббируют, чтоб Потанин не вошел в новое правительство. Они его решили отправить в отставку. И они это продавили. Мы не смогли удержать Потанина, хотя он был бы не бессмысленным в нашем правительстве. Ельцин тогда Потанина отправил в отставку и еще Лифшица. Гусь с Березой это сделали, чтоб все знали, какие они могущественные, и не скрывали, что это они не дали Потанину войти в новое правительство. И тогда Потанин говорит: «А вот теперь как быть с моим обязательством? Оно продолжает действовать? Теперь, когда я не член правительства, вас тоже размажут?» Чубайс – на тот момент уже первый вице-премьер – говорит: «Теперь твои обязательства не действуют. Больше нет аргументов, чтоб тебе не участвовать». Гусь недоволен: «Как это – Потанин будет участвовать? Это против договоренностей». И еще один довод Гусь выдвинул: «А у Потанина и так много всего. А я ничего не получил от приватизации». Я ему опять говорю: кто тебе мешал? Почему ты ничего не покупал? Ты только бесплатно мог забирать частоты? Почему ты не хотел ничего купить хоть дешево, за 10 или 20 миллионов долларов?»

– А ты его по-товарищески журил или говорил, что он пидарас?

– Я ему говорил вот как тебе. Я ему сказал: «Вот Береза участвовал в приватизации – и купил „Сибнефть“. А кто тебе мешал? Никто, только твоя собственная дурость. А теперь из-за твоей дурости требуешь, чтоб мы незаконные вещи делали и не пускали ни в чем не виноватого Потанина». Он говорит: «Мы вас опять размажем». – «Хорошо, – говорю, – а подскажи тогда – как я могу не пустить Потанина на аукцион? Какие мои действия?» – «А вот сейчас пройдет ряд международных конференций по приватизации в телекоммуникационной сфере, ты езжай туда и везде рассказывай, что создается серьезный консорциум с участием „Мостбанка“ и „Альфа-банка“, который будет играть

ведущую роль в приватизации „Связьинвеста“, и правительству удобно, чтоб международные инвесторы сотрудничали именно с этим консорциумом. А не с Потаниным». А почему консорциум? Потому что «Связьинвест» – вещь дорогая. Я напомню, что торги закончились на сумме 1 миллиард 875 миллионов долларов. Таких денег тогда не было ни у кого из наших богатеев. Поэтому без участия серьезных международных инвесторов нечего было и думать о выигрыше аукциона. Там только стартовая цена была 1 миллиард 200 миллионов долларов.

Да… Ты будешь смеяться, но я сел в самолет и полетел на эти конференции и эти заявления сделал. Причем Гусь с Березой мне не поверили и со мной послали Фридмана – чтоб он слушал, что я говорю. Типа Фурманова при Чапаеве. И я говорил то, что Фридмана устраивало. Фридман же нормальный человек, у него с психикой все в порядке. Мы, помню, тогда были в Вене, на конференции… Отель «Бристоль», Венская опера, дворец Хофбург, картинная галерея, голубой Дунай…

– А тебе зачем надо было так работать на Гуся?

– Чтоб он отстал. И чтоб не размазывал все правительство и не переворачивал страну вверх тормашками… Но в конечном счете они правительство додавили. Идиоты. И это все привело к дефолту 98-го.

– Левые патриоты тогда выдвигали аргумент: «Как так, мы не выбрали Гуся с Березой, почему ж они командуют страной? Причем к тому же будучи гражданами иностранного государства – Израиля?» При этом они поясняли, какой смысл вкладывают в термин «гражданин Израиля»: любой еврей может запросто получить израильский паспорт со всеми вытекающими из этого новыми обязанностями.

– Патриоты могли эти вопросы адресовать Борису Николаичу – почему он вместо себя поставил других людей управлять страной, почему он позволил командовать собой. Они ж не посадили его в подвал на хлеб и воду, с тем чтоб давать ему сладкое только тогда, когда он подписывал нужные им указы! Ой, ладно… Что сейчас об этом говорить… Пройденный этап. Я думаю, что Ельцин сейчас локти кусает, чего он этих архаровцев не осадил сразу… Короче, на июль был назначен аукцион. Опять прибегают с ультиматумом Гусь с Березой. Я вот не понимаю, зачем Березе это все было нужно? Он если б и получил полпроцента, то и это было б много, потому что он своими деньгами сильно не участвовал. Но он вместе с Гусем носился вытаращив глаза. И, значит, где-то за неделю до аукциона Чубайс уходит в отпуск. Я спрашиваю: что мне делать? Они же не отстают от меня… Были даже намеки с их стороны, что меня

закажут. Чубайс говорит: «А пусть они ко мне прилетают». Они полетели во Францию: Береза, Гусь и Потанин. Что там произошло, мне до конца не ясно. Хотя я их всех расспрашивал. Чубайс мне отзвонил и сказал, что он послал их на хер и отказался вмешиваться в ход аукциона. К тому времени Потанин с помощью Йордана создал консорциум, в который вошел Сорос и еще несколько инвесторов. А Гусь создал консорциум с испанской компанией «Телефоника», и еще альфисты помогали им усиленно. И вот настал день аукциона… Со стороны Потанина зашел с заявкой Леонид Рожецкин, бывший тогда партнером Бориса Йордана, а со стороны Гусинского – Михаил Фридман. Они вышли, распечатали каждый свой конверт – и выясняется, что у Потанина сумма больше, чем у Гуся.

– А можно было добавлять?

– Нет, там только одна попытка.

– Там реально было прошпионить? Узнать заранее? Чтоб сразу назвать правильную цену?

– Нет. Все так боялись, что кто-то подсмотрит, что мы прописали такое правило: участники приходят с конвертами и держат их в руках. И распечатывают одновременно. Так что никак не могло быть наколки. Я не знал сумм ни Гусинского, ни Потанина – моя совесть чиста.

Объявили, значит, результат… Ой, Господи, что тут началось! С этими красавцами истерика случилась. Они стали требовать встреч и совещаний. Я на них не ездил, с ними Чубайс встречался. Почему-то Гусь решил, что во всем виноват я, что меня надо срочно увольнять, что он меня посадит, проходу мне не даст и так далее. В этом отношении Береза был поспокойней, хотя он те же самые фразы говорил. Короче, смысл такой, что они начали за мной следить, «наружку» за мной посылали даже в Нью-Йорке.

– Как же, помню. Компромат на тебя нашли. Широкоизвестный.

– Да… Историю с гонораром за книгу раскопали. Интересно, вот любой крупный правительственный деятель в любой стране подписывает контракт на издание книги и только после пишет книгу – именно в этом порядке, и никак не иначе. Но тот факт, что Кох получил гонорар за ненаписанную книгу, был подан как самое тяжкое преступление, которое только можно придумать. А я в этом ничего предосудительного не вижу. Тот же Борис Николаевич Ельцин сперва получал гонорар за книги, а после их писал. И первый раз, и второй. В общей сложности – более миллиона долларов. Так писали в прессе. И ничего, никто не считает это преступлением. Примаков также: сначала получил

гонорар – сто тысяч баксов (об этом тоже писали), а только потом, через несколько месяцев, сдал в издательство рукопись. Я помню, в газетах много потом писали про гонорары разных чиновников и политиков, но дело возбудили только против меня!

– А вот, к примеру, Немцов сколько получил за книгу «Провинциал»?

– До хера, можешь не сомневаться.

– Что, прям совсем до хера?

– Совсем.

– Но его тем не менее не трогали.

– Нет! Странная история – не правда ли? Тот же Михаил Сергеич получал гонорары, а потом писал книги… И Клинтон получил гонорар вперед, а книгу, по-моему, только сейчас написал. Хотя гонорар потратил уже давно. И жена его, и многие другие деятели получали деньги раньше, чем принимались писать книгу. Это общепризнанная мировая практика.

– Когда я вырасту, я тоже так буду. 100 тыщ буду брать за книжку.

– Нет, это только для правительственных и политических деятелей так! А ты, насколько я знаю, не собираешься быть крупным правительственным деятелем.

– Ну не знаю… Я еще не решил.

– А… Ну, если решишь, дай мне знать. Я буду болеть за тебя. Вот. И началась вся эта эпопея с уголовкой. Которая перешла в 98-й год и так далее. А самое смешное то, что после капитализация «Связьинвеста» резко упала, и сейчас тот пакет акций, который мы продали за 1 миллиард 875 миллионов долларов, стоит где-то 600 миллионов. Сейчас Сорос этот пакет – 25 % плюс одна акция – продал именно за эту сумму.

– А, так вы на этом заработали хорошо!

– Не мы, а государство. Вот! И когда меня сейчас попрекают, что я за бесценок продавал активы, я даже не спорю. Только спрашиваю: а как же со «Связьинвестом» быть? Может, вы мне тогда разницу вернете? Я из нее доплачу то, что олигархи, по вашему мнению, недоплатили в приватизацию… Вот такая история… Они выбрали меня жертвой и предъявили мне, что я не снял Потанина с забега. Хотя я выполнил полностью процедуру, которую они придумали! Андрей Цимайло, работник Гусинского, ныне покойный, царство ему небесное, по их поручению сидел и прописывал порядок проведения аукциона.

– Это странно, что он умер в Лондоне… В молодом возрасте…

– Странно не странно, но – трагично, это точно. Андрей мне всегда жаловался на сердце.

– А эти два пассажира, они ведь реально рулили страной?

– Да.

– Именно эти двое, а не кто-то другой. Почему?

– СМИ – четвертая власть. Все так боялись наездов и разоблачений. И конечно, им подчинялись. Для страны это был хороший урок.

– А у Потанина тогда были только «Известия». Но что это такое против ТВ… Значит, эти двое самыми умными оказались?

– Ну, я не знаю, насколько они умные. Где сейчас они и где сейчас Потанин? Кто из них умней? А?

– Ну а чё, они себя нормально чувствуют.

– Но они могли бы продолжать влиять на процесс, и денег у них было бы больше – если это главная цель в жизни.

– Может, они думают, что еще вернутся.

– И?… У них же нету уже СМИ.

– Зато бабки, наверное, есть еще.

– Их бабок не хватит, чтоб купить эти телеканалы, – им же теперь бесплатно никто ничего не даст.

– А сколько сейчас может стоить НТВ? Скажи мне, как старый приватизаторщик.

– Ну, они просели сильно, а когда были на пике… Думаю, они миллионов 200–300 имеют рекламных доходов. Расходы там небольшие… Я думаю, канал так и стоит: 200–300 миллионов. Хотя, может, и 500. Все зависит от оценки перспектив рынка. Если ты оптимист, то НТВ стоит больше, если пессимист, то меньше. Но интервал такой – от 200 до 500 миллионов. Я бы так оценил.

– Так что, у Гуся нету даже и 200 миллионов?

– Думаю, что нету. Откуда у него? Он же не участвовал в приватизации. Он же не собирался руководить металлургическими комбинатами, не готов был собачиться с нефтяниками… Он не хотел ничего производить!

– А я думал, у них хоть по миллиарду есть.

– Нет. У Гуся все бизнесы были или break even, или убыточные! «Мостбанк» обанкротился, НТВ, когда я пришел туда, приносило убытки и было банкротом. Все деньги Гуся – это те, что ему дал Газпром в кредит. Часть из них он просрал, а часть вложил в спутники и в НТВ+, которое тоже убыточно.

– О как.

– Так что можно прикинуть, сколько у него осталось. Миллионов 200–300. Это очень большие деньги. Для одного человека.

– У Ходора вон намного больше.

– Ну так Ходор сильно поднял добычу. Ходор серьезно

занимался производством. Когда «ЮКОС» мы продавали, он добывал 30 миллионов тонн нефти в год. И был в долгах как в шелках – перед бюджетом, по зарплате, в Пенсионный фонд. А сейчас он добывает под 70 (разговор шел до продажи «Юганскнефтегаза». – *Вставка моя.* – А.К.). То же самое можно сказать про Абрамовича. Когда мы продавали «Сибнефть», она добывала в два раза меньше, чем теперь.

– Получается, что даже если они вернутся, Гусь с Березой…

– …то прежнего уровня влияния и власти у них, конечно же, не будет. То, что они имели такое влияние, было ненормально. Потому что когда два главных канала страны принадлежат двум спевшимся между собой олигархам – это ненормальная ситуация. Такой уровень монополизации средств массовой информации недопустим.

– Таким образом, из всех олигархов первого ряда один Потанин сохранил позиции. Он оказался самым дальновидным.

– Ну, самым успешным можно также назвать Абрамовича. А Богданов? А Алекперов? Фридман, Вексельберг, Блаватник, Махмудов, Дерипаска, Мордашов, Лисин, Абрамов… Да много кто! Все, кстати, участвовали в приватизации!

– А Ходорковский начал дурковать – значит, недальновидный.

– Ну, он только в последнее время недальновидный, а до этого считался самым дальновидным.

– То есть игра может в любой момент, как мы знаем, повернуться. Карта меняется, масть ушла-пришла, одна маленькая ошибка – и все. Не на то он поставил, выходит?

– Я, откровенно говоря, не знаю мотивации Ходорковского. «Я никуда не уеду, сажайте меня!» А потом – катарсис. Письма. Кайтесь, православные!

– Может, ему яйца дверью прищемляют… В общем, история получилась поучительная. Чему она учит нас? Тому, что надо покупать СМИ? Чтоб на что-то влиять?

– Слезоточивые энтэвэшники – это же было оружие в руках Гусинского. Причем очень мощное. Вот этот Евгений Алексеевич Киселев, который мочил нашу группу писателей, – что он прячется? Добродеев же честно признался публично: да, было задание от Гусинского мочить Коха, Чубайса и Немцова.

– Признался?

– Признался публично на какой-то из пресс-конференций. А на самом деле в этих книжках не было никакого криминала! Уголовное дело закрыто по книгам! Нету ничего! Книги

написаны, предъявлены публике. И источники, откуда платились гонорары, – тоже предъявлены следствию.

– Что там были за источники? Ну-ка давай напомни читающей общественности.

– Фонд защиты частной собственности – по одной книжке. А по другой – издательство нью-йоркское.

– А бабки вы потом отдали куда-то?

– Фонду, который Гайдар возглавлял. На судебную поддержку малых предпринимателей против засилья административных органов. Когда у человека маленький магазинчик и его со всех сторон задолбали – пожарные, санэпидстанция и так далее – и у него нет денег даже на адвоката, то ему из этого фонда выделяли деньги и он судился.

– Так, ладно, фонд. Но еще ж и американское издательство должно было что-то заплатить?

– Деньги за книжку «Распродажа Советской империи» я оставил себе. Я уже был частным лицом. Почему я их должен куда-то жертвовать? Я не так много зарабатывал поначалу после отставки, чтобы такими деньгами разбрасываться. Успокойся – я эти деньги задекларировал и налоги с них заплатил. Тогда налоги были не как сейчас: тринадцать процентов, – а целых тридцать пять.

– А помнишь интервью, которое мы делали с тобой? Ты говорил, что с Чубайсом чуть не поругался, когда тот заявил, что это слишком большой гонорар…

– Я с ним был не согласен. Это был нормальный гонорар.

– История была громкая тогда, да.

– Ой, что ты! И Доренко наперебой с Киселевым без конца тогда про эту историю говорили.

– «Гусь-лужковская свора» – помнишь такой термин? Веселые времена были…

– Гайдар мне говорил, что он пришел тогда к Гусинскому со словами: «Я могу тебе заранее сказать, что будет дальше». Ситуация была такая. Мы в принципе неплохо работали, доверие инвесторов к России было очень высокое. Они легко давали нам деньги в долг. Из этих денег мы платили бюджетникам. Мы полностью ликвидировали задолженность по пенсионерам к 1 июля, а по врачам и учителям – к 31 декабря. Эти займы были очень важны: не забывай, что тогда цены на нефть были не такие, как сейчас. В среднем 12 долларов за баррель. А ведь основной наш бюджет сидит на нефтяной игле. Сейчас 90 миллиардов долларов у нас доходы бюджета, а тогда было 30. А страна-то такая же. И к государственным ценным бумагам было большое доверие. Фондовый рынок рос: к осени 97-го года он достиг

индекса РТС в 570 пунктов. Второй раз он этой цифры достиг в 2004 году. То есть все эти выдающиеся путинские годы – 2001-й, 2002-й – индекс РТС был ниже, чем тогда, в 97-м году. Выходит, уровень доверия был ниже, чем в наше время. Не зря Чубайс был признан в 97-м году лучшим министром финансов в мире. И вот все это начали последовательно разрушать Березовский с Гусинским. Всю эту нашу наработку. Они подорвали доверие инвесторов к правительству! Они начали орать, что в правительстве все взяточники, коррупционеры, пишут книжки и получают гонорары – представляете, какой кошмар? Непосвященный человек слышал это и видел по всем каналам: правительство такое-сякое… В итоге доверие к правительству пропало, люди решили, что больше денег этому правительству они не дадут, а долги предъявили к оплате. В результате – кризис 98-го года. Дефолт, от которого больше всего от этого пострадал как раз Гусинский. У него уже была почти закрыта сделка по продаже доли в НТВ. Она сорвалась потому, что дефолт в стране наступил. Гусинский вынужден был занимать деньги у Газпрома, и эти долги его в конечном итоге погубили.

– Жадность фраера сгубила.

– Да. Так вот это все Гайдар в 97-м сказал Гусю. Он просчитал все наперед. Сказал: «Вы фактически совершаете диверсию против государственной власти! Вы подрываете доверие инвесторов к правительству на пустом месте! Из-за этого будет кризис».

– А Гусь что?

– Говорил: «Честь дороже».

– Да ладно!

– Да.

– То есть эта вся история показывала, что государственная власть в те годы была необычайно слаба. Два человека командовали страной. Никто не мог справиться с этими двумя пассажирами. Никто! Да?

– Мы не смогли. Гусь с Березой реально влияли на Ельцина. Это было не полное влияние, а импульсное: оно то было, то его не было. Но вкупе со СМИ, вкупе со всеми этими прослушками это работало. Люди реально рулили страной. И с точки зрения рационального поведения Путин действовал абсолютно правильно, когда расправился сначала с одним, потом с другим. Это было абсолютно рационально!

– Получается, что Путин – спаситель России? Отымел действительносперва одного, потом другого. Мы забегаем немножко вперед, но в целом, разбирая 97-й год, мы видим, что Путин все сделал правильно. Выходит, так! И мы должны это признать!

– Ну да. Этих архаровцев нужно было как-то приструнить. Потому что у Березовского была идея fix – бизнес должен управлять правительством. Помнишь, он это публично заявлял? Мы единственные, кто с ними боролся. Потому что все остальные не боролись. Только Куликов, тогдашний министр МВД, пытался чего-то возражать, но он выступал и против нас, и против них. В результате его тоже отставили к такой-то матери. Все остальные под этих двух легли. И ФСБ, и прокуратура. Причем Скуратов конкретно с Гусем тер, и вся волна против меня, уголовки, обыски – она чисто на отношениях Скуратова с Гусинским. Гусинский, видимо, Скуратову пообещал сделать его президентом, а тот и клюнул!

– Да, некрасиво как-то, что пришли два человека непонятно откуда – и взяли себе все.

– Ну, они себе не успели ничего взять. Березовский – в отличие от Гусинского – успел в доле с Ромой Абрамовичем купить «Сибнефть». Так что он побогаче. Я считаю, что 97-й – это ключевой год. В тот год стало ясно, что выходить из кризиса мы будем очень долго. Я теперь, задним числом, понимаю, что без усиления влияния спецслужб на власть было не обойтись. Только выходец из спецслужб мог поступить так, как Путин. Он сначала вошел через Березовского в доверие к Ельцину, а потом решил вопросы с обоими «олигархами». Цепочка получается такая. Без «олигархов» не победить коммунистов. Победили. Но после нужно ограничить власть «олигархов»! А этого нельзя сделать без «правоохранителей». Следующая задача, которая все актуальнее стоит перед страной, ограничить всевластие «правоохранителей». А это без гражданского общества сделать невозможно. Парадоксально, но здесь нужны усилия всех политических сил – и коммунистов тоже. Круг замкнулся… Хе-хе-хе!

– Кажется, это Киссинджер сказал, что единственный способ навести порядок в нашей стране – пустить к власти чекистов.

– Ну почему? Все не так фатально… Если бы Гусь с Березой поняли, к чему это ведет… К чему они ведут страну… Хотя это, конечно, мечты. Они же оба дико дремучие, необразованные.

– Куда им – если даже Сорос лоханулся. А он игрок серьезный.

– Да, Сорос лоханулся… Сейчас, говорят, Береза в Лондоне на недвижимости очень много зарабатывает. Теперь, может быть, у него миллиард и есть. А Гусь – нет… Гусь все время себя позиционирует как бизнесмен, который вынужден заниматься политикой. Тогда как на самом деле он был чистым политиком, как бизнесмен он нулевой полностью. А Береза себя

позиционирует как политик, который вынужден заниматься бизнесом. Тогда как в бизнесе у него дела существенно лучше, чем у Гуся. А политик он тоже примерно такой же, как Гусинский. Потому что в политической сфере Береза тоже потерял много. Если не все… Итак! Когда мне сегодня начинают рассказывать, что мы с олигархами не боролись, – я возмущаюсь: как не боролись? Мы-то как раз единственные и боролись…

– И по итогам этой борьбы тебя в 97-м выгнали из правительства?

– Нет, я ушел сам, добровольно. Это многие забыли. Я ушел в августе, меня проводили с помпой – а мочить меня начали в сентябре. А потом уже было дело писателей, когда выгнали всех остальных – Макса Бойко и так далее. Оставили одного Чубайса.

– А чего ж ты ушел?

– Да мне надоели все эти истерики Гусёвые, которые он закатывал. И я поехал в Америку. В отпуск.

– Неплохо. Отставной чиновник поехал в отпуск в Америку.

– А у меня было 100 тысяч гонорара за книжку. Так что мог себе позволить.

– А зарплата была последняя у тебя какая?

– Что-то около 15 тыщ рублей. А рубль был тогда пять к одному. Так что – трешка баксов (*это было до деноминации, так что доллар стоил 5 тысяч рублей. Таким образом, моя зарплата была – около 15 миллионов рублей. Я сказал «тысяч», чтобы привести к современному масштабу.* – А.К.). Это потом доллар стал один к 30. После дефолта. И зарплата чиновников упала. Из Америки я тогда во Францию поехал. И буквально через два дня мне звонят и говорят: «Мишку Маневича застрелили». И я поехал в Питер на похороны.

– Застрелили его, как мы уже давали версию, бандиты за то, что он не давал им приватизировать льготно.

– Да… Я про Маневича напишу комментарий.

Комментарий Коха
Маневич

…Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Блаженны чистые сердцем, ибо

они узрят Бога.

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божьими…

Мтф. 5: 5-9

Я познакомился с ним летом 1978 года. Нам было по семнадцать лет. Мы были абитуриентами – поступали в Ленинградский финансово-экономический институт. Уже поступив, мы сдавали какой-то, никому не нужный, зачет по физкультуре – бегали несколько кругов по стадиону. И вот тогда я его увидел впервые. Высокий. Худой – в чем только душа держится. С длинными, почти до плеч, черными, жесткими, как проволока, волосами. С усами а-ля «Песняры». Хохотунчик. Палец покажи, будет смеяться своим характерным смехом, показывая большие кукурузные зубы.

Первое, что поразило: несоответствие тощего безмышечного тела и большой крепкой головы. Огромный еврейский нос, большой рот, толстые яркие губы, волосы, зубы – все было сочное, наполненное здоровьем, радостное. И голос. Удивляло, как этот доходяга может издавать такие могучие, раскатистые звуки. Бас у него был феноменальный. Иерихонская труба, а не голос. Потом мы легко его узнавали еще до того, как он появлялся: по голосу, издалека…

В середине июля 1997 года он приехал в Москву, зашел ко мне в Белый дом. Вид у него был подавленный. Я ему рассказал, что происходит после известного аукциона по «Связьинвесту». Он тоже пожаловался, что ему угрожают, не дают работать.

Настроение было у обоих поганое. Я собирался в отпуск, Миша тоже. Договорились созваниваться – может, и пересечемся. Он тогда сказал: «Как все надоело – плюнуть и уволиться. Гори оно все синим пламенем, это вице-губернаторство». Он начал много говорить об увольнении еще за полгода до этой встречи. Это был последний раз, когда я его видел живым.

Через несколько дней я зашел к Чубайсу и положил ему на стол заявление по собственному желанию. Гори оно синим племенем, это вице-премьерство. Я сказал: «Я уезжаю в отпуск и оставляю вам заявление. Воля ваша распорядиться им как заблагорассудится. Захотите – выбросите. А нет – дайте ход». Чубайс замахал руками: «Ну что ты, выбрось из головы! Мы им покажем!» И так далее. Но по его глазам было видно, что я дал ему выход из положения. В них я прочел: «Спасибо, старик. Мне бы все равно пришлось тебя сдать или разменять. Зато теперь я по крайней мере не буду дерьмом…»

Вот бывают такие отличники – отличники. Все знают – вот

идет отличник. Красный диплом. Комсомольский активист. Ударник стройотрядов (правда, почему-то всегда он ударник в областном штабе, на худой конец – в агитбригаде). Не пьет, не курит. Честное открытое лицо, правильные черты. Стройные задорные девушки с курносыми носами крутятся вокруг. С ним все ясно. Отличник. Он как-то и не считал, что его «отл.» есть повод для чьего-то внимания.

Маневич был другим отличником. Сын профессора. Для него учеба была чем-то само собой разумеющимся. Пятерка да пятерка, что тут особенного? А как может быть иначе? И как-то все это было так не в напряг, не надсадно, не показушно, что мы не считали его отличником. Так, просто парень. В колхозе, в стройотряде, на военных сборах. Бери вон носилки да тащи раствор…

Миша женился на еврейской девушке Ольге. У нее была красивая фигура и милое лицо. Красавица Рахель. Я понимаю этот тип женской красоты: жгучие брюнетки с нежной розовой кожей и горящими глазами. Ольга родила ему сына Витю. Миша выглядел счастливым. Вообще это была счастливая пара.

У Миши был близкий друг – Боря Львин. Я с ним тоже приятельствовал. Боря талантлив, смел в оценках, ярок. Хорошо пишет. Критичен (но не само-). Саркастичен. Ядовит. В один прекрасный день Ольга оставляет Мишу и уходит к Борису. Боже, как это банально! Как в плохих фильмах: друг увел жену у друга. Миша очень переживал, но виду не подавал. Все так же был мягок, доброжелателен и уступчив. Боря с Олей уже теперь одиннадцать лет как живут в Америке, в Вашингтоне. Сын очень похож на Маневича, хотя, конечно же, отца почти не помнит. Сейчас уже, наверное, совсем американский мальчик…

В начале августа 1997 года я сидел в лодке и рыбачил у берега Лонг-Айленда. Там в это время хорошо на спиннинг клюет сибас. На мобильный позвонил Чубайс: «Я дал ход твоему заявлению». Кто б сомневался. Ну и?… «Приезжай! Проводим, чтобы все как у людей». Господи! Зачем это все? Что как у людей? Ну почему ему так хочется, чтобы я еще и присутствовал на этом блядстве? Сижу, рыбачу, никого не трогаю. Увольняйте меня на здоровье. Зачем я вам? Спорить не хочется: «Хорошо, еду».

Уже в Москве. Отвальная. Чубайс, Фарит Газизуллин, Черномырдин, Потанин, Казаков. Выпиваем немного. Какие-то необязательные слова. Звонок. Маневич: «Ты все-таки решился! Тогда я – тоже. Отгуляю отпуск и уйду! О, я придумал – я к тебе прилечу. Ты же во Франции будешь? Вот я к тебе и прилечу! У

меня с девятнадцатого отпуск»…

Он женился еще раз. Красивая стройная женщина Марина. Горящие глаза. Нежная розовая кожа лица. Жгучая брюнетка. Тоже первый брак – неудачный. Маленький сын Артем. Миша его усыновил. Миша выглядел счастливым. Вообще это была счастливая пара. Марина заботилась о нем. До женитьбы он жил в хрущобе у родителей, где-то в Лигове (так живут советские профессора), а потом переехал к ней.

Потом они в результате сложных разменов и доплат получили большую красивую квартиру на Рубинштейна. Миша очень радовался этой квартире – фактически это было его первое собственное жилье. Он с видимым удовольствием ее обставлял, выбирал мебель, какие-то картины. Хвастался мне, как теперь ему близко до работы. Из этой квартиры он и поехал на смерть…

1992 год. Смольный. Сидим, работаем. У нас два кабинета и одна приемная. Миша очень хороший работник. Методичный. Грамотный. Корректный. Абсолютно законопослушный. Снисходительный, терпеливый. Всем хотел помочь. Работал как вол. Все деликатные вопросы, нестандартные ситуации, различные конфликты и коллизии разбирать и улаживать поручали именно ему. И он терпеливо занимался всем этим хозяйством. Ему все равно с кем было разговаривать – с крупным торговым работником, с деятелем из правоохранительных органов, с директором большого завода или с бандитом. Он всегда был ровен, доброжелателен и участлив.

Мной же пугали: «Если вы не сможете найти решение своей проблемы с Маневичем, то мы вас отправим к Коху! Вот тогда вы точно ни до чего не договоритесь!» Мы с ним, два заместителя председателя питерского Комитета по управлению городским имуществом Сергея Беляева, были как неразлучная парочка – добрый и злой следователи. Добрый был, конечно же, Миша…

Франция. 1997 год. Середина августа. Берег моря. Утро. Часов десять-одиннадцать. Сижу на веранде отеля, завтракаю. Кефирчик там, круассаны, кофе… Солнышко светит, море синее, пальмы. Уже – никто. Просто человек. Бывший вице-премьер, ушедший в отставку по собственному желанию. (Выгнали, уволили, «дело писателей», жулье – это вранье, все потом, месяца через два.) Восемнадцатое августа. Завтра должен приехать Маневич с женой и сыном.

Вдруг выбегает прямо в халате жена. Лицо – черное. Я набрал воздуху. «Маневича застрелили!» Выдох… Опять вздохнуть – на

полпути застрял. Ни туда ни сюда. Спазм. Молчу. Глаза вываливаются: «Врешь?!» Слезы… Рыдает. Толку нет. Пошел в номер. Позвонил Любе Совершаевой. Тоже плач: «Да! Правда! Нет, на месте, сразу! Перебило аорту и в горло… Марина жива. Рядом сидела. Ее поцарапало осколками. Не знаю, стекло, наверное… Да она невменяемая… Прилетай. Тут уже все собираются…» Убит. Странно. Умирали близкие – было. Бабушка, тетя, друг школьный. Но вот – убит близкий человек. Не от болезни, не от старости, не случайно. А – убит. Ощущения другие. К скорби примешивается злоба. И осознание бессилия…

Весной 1992 года на теплоходе «Анна Каренина» мы отправились с Мишей на выходные в Хельсинки. К тому времени мы несколько раз были за границей, и поэтому первый шок от тамошних прилавков уже прошел. Стали замечаться более глубокие вещи: чистота, необоссанность парадных, бумага в туалетах. Я, между прочим, до сих пор так и не научился переходить улицу – все время пропускаю автомобиль вперед. Нужно несколько секунд, чтобы сообразить, что здесь у пешехода приоритет. Сытая, успешная страна. Вот она – Россия, которую мы потеряли.

Вышли на Сенатскую площадь. Красивый лютеранский собор. На Исаакий похож, но поменьше и скромнее. Зашли, постояли, помолчали, послушали орган. Вышли. Солнышко, но прохладно. Спустились вниз по гранитной широкой лестнице. Внизу, в центре площади, памятник Александру Второму. Небольшой, но и не маленький. Подтянутый такой государь, в военной форме, бакенбарды, осанка. Говорят, крепкий был мужчина, сильный. Ох, Петербург, Петербург! «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных тебе!» (Мтф; 23:37). Сука! Какая тоска…

В огромном зале – гроб. Много людей. Я стою в почетном карауле. Миша слева и чуть впереди лежит в гробу. Красивый такой гроб, полированный. Импортный, наверное. Его лицо густо намазано тональным кремом. Даже немного усы запачканы. Под кремом видно, что лицо сильно посечено осколками лобового стекла. Мне ужасно плохо. Так противно, хоть вешайся. Тошнит, водки хочется, плакать, а не плачется. Какой-то комок, и ни туда ни сюда.

Чубайс выступает. Говорит, что всех достанет. Про себя думаю: а хочется ли мне мести? Ответ – хочется! Очень! Своими руками, медленно, с большими перерывами. Убийца будет просить прощения, а я буду глумиться, разводить руками,

говорить, что, к сожалению, ничем помочь не смогу, что нужно немножко потерпеть, что скоро, вот-вот, и я уже его прикончу, разрежу ему сердце. Увлеченный этими мыслями, стою все время, пока идет эта дикая процедура, никого не слышу. Господи! Прости меня, грешного…

В июне 1997 года мы с Мишей на выходные поехали к моей теще на дачу на Ладожское озеро. Там хорошо. Длинные песчаные пляжи с дюнами, сосны, безбрежная свинцовая Ладога. Рыбаки на сейнерах причаливают, разгружают рыбу ящиками: судак, сиг, лещ, ряпушка. Чайки кричат. Купили рыбы, сварили ухи. Потом банька, водочка, шашлычок. Мише с женой постелили на мансарде, откуда с балкона видно озеро. Свежий воздух, белые ночи. Очарование русского Севера.

На следующее утро приехали друзья. Опять привезли шашлык. Мы долго хохотали, вспоминая разные истории, шутили. Потом, под вечер, уже в аэропорту, мы с ним долго ходили и разговаривали. Я сейчас не помню уже, о чем. Осталось только общее впечатление, контур, аромат. Это был аромат дружбы и любви. Я его очень люблю, этот аромат. Ну и Мишу, конечно…

На кладбище – опять речи. Потом, ближе к концу, выступили и батюшка, и раввин. Миша так и не определился, думал, наверное, что еще есть время. Раввин запел так тоскливо, протяжно, пронзительно, прямо по нервам. Хочется сесть прямо на землю. Вот на свежую кучу рыжего питерского суглинка. Рядом яма пустая. Сейчас мы ее заполним. Горе. Вот так оно выглядит – горе.

Родители прижались друг к дружке. В их сторону смотреть страшно. Рядом – младший брат. Очень похож на Мишу. Все кругом на него похожи. Мне дают последнее слово. Что-то бормочу, пытаюсь говорить громко, а не получается. Еле-еле, едва себя слышу. Опустили. Засыпали. Поставили портрет, ветки еловые, зажгли свечку. Разлили, выпили, постояли. Вроде все. Что еще? Нет, вроде – все…

Мы с ребятами скинулись, дали жене денег. Нормально дали, не поскупились. Родителям наконец купили приличную квартиру. Боже, как это по-нашему – нужно, чтобы сына убили, и пожалуйста – у питерского профессора достойное жилье. Памятник Мише хороший поставили. Поначалу я всякий раз, когда бывал в Питере, заезжал к родителям, к жене, на могилу. Потом все реже и реже. Теперь изредка созваниваюсь с женой. На могилку иногда. Скотина, конечно. Дерьмо собачье. Вот все крутишься, крутишься. Потом, успею. Или бережешь себя от

негатива? Его и так хватает. Словом, все как обычно.

Уже нет острого желания мести. Никого не хочется разорвать на кусочки. Он уже ушел. Миши нет со мной. Он, когда смеялся, так смешно качал головой. И потом платком вытирал слюну. Теперь его нет рядом. Я уже привык. И я когда-нибудь помру. И ко мне – походят, походят да перестанут. Ну и слава Богу! Я готов. Я уже готов. Смерть Маневича научила меня. Нужно быть готовым в любую минуту. Я готов. Уже не страшно. Хочется только, чтобы не больно…

– После отпуска я устроился работать к Аркаше Евстафьеву в «Montes auri». И началась моя уголовная эпопея – допросы, обыски, подписки о невыезде. «Дело писателей» началось. И квартирное дело.

– А что с фирмой после случилось?

– Она умерла после дефолта. На ней было огромное количество кредитов. Мы же как начали работать? Аркаша взял в «Российском кредите» кредит, а я в Альфа-банке. Я десятку, и Аркаша десятку. Всего 20 миллионов. И представь, мы накупили на это акций. И тут индекс с 570 упал до 30.

– А стало быть, еще раз отымели тебя Гусь с Березой.

– Да. Минус 20 миллионов.

– Под что вам давали кредит?

– Под честное слово.

– Как, без гарантий?

– Без гарантий. Просто товарищи хорошо к нам относились. Кстати говоря, вот смотри: Фридман, который оказался, типа, в проигравших по «Связьинвесту», тем не менее сохранил со мной человеческие отношения и дал мне денег в долг на первое время. Потом, правда, мне всю матку вывернул, когда я ему их не возвращал. Но в конечном итоге я эти деньги вернул. Два года работали как лошади – и вернули. Все до копеечки.

– И еще же он взял тебя на работу в совет директоров ТНК.

– Не только он. Это совместное решение Фридмана, Блаватника, Вексельберга и Хана.

– Ты тогда подумал, наверное: «Служил Отечеству, и что? Чем кончилось? Буду теперь жить для себя, зарабатывать деньги…» Да?

– Ну что-то в этом духе, да. За исключением двух элементов. Все-таки нашлись люди, которые не погнушались мне помочь, в самый разгар уголовки. Это меня радовало. А с другой стороны, меня сильно огорчал сам факт этой уголовки. Я-то знал, что она высосана из пальца, мне было противно даже разговаривать со

следователями, потому что все из пустого в порожнее – год рождения, год смерти, чем занимались, опишите свою биографию. И каждый раз продлевали, продлевали…

– А часто вызывали?

– Раз в две недели. Одно и то же спрашивали. У меня особых к следователям претензий нет, они вели себя корректно. Разве только все время исподтишка какие-нибудь поганки делали. Типа обысков неожиданных. Или подписочку с меня взяли по-скотски. Я говорил: ребят, ну зачем? Я же хожу к вам на допросы, у вас нет никаких претензий. Причем, знаешь, обыск – дети ходят, мать ко мне приехала. Я говорю: можно, я позвоню, чтобы они подготовились, детей хотя бы увели? Нет, нельзя звонить. Кодовыми словами какую-нибудь информацию передашь. И еще: они у меня описали видеомагнитофон и телевизор. Смешно сказать!

– А где ты жил тогда?

– В «ворованной» квартире. На улице Тверской-Ямской. Квартира там – больше разговору – 70 метров.

– Это где сейчас дочка у тебя живет?

– Нет. После этого я купил себе нормальную квартиру… А то дело тянулось до декабря 99-го. Два с лишним года.

– Так и печень можно посадить. Два года идет дело, все ж на нервах!

– Да. Причем следак понимает, что мертвяк, и я понимаю, что мертвяк. Полная задница.

– Надо честно признать, что тот год был богат событиями.

– Я считаю, год был важен не только для меня – при том, что это один из самых важных годов в моей жизни, – он важен еще и для страны. Большой-большой промах Бориса Николаича был в том, что он этих архаровцев распустил по полной программе. По полной! При Коржакове на них хоть какая-то управа была. А потом Коржакова сместили в 96-м, и они уже распоясались окончательно.

– А что Коржаков?

– Ну, он их как-то кошмарил, не любили они его, особенно Гусь. Он же его мордой в снег опускал.

– Да, это было смутное время.

– Понимаешь, в чем дело… Президент был болен, он не хотел серьезно вмешиваться в эти конфликты. Я прекрасно понимал, что так ведь можно и государство развалить. Государство сношают, а оно просто стоит и мычит от удовольствия, понимаешь? Два афериста таких его имеют как хотят, а оно стоит и мычит. Это настолько было для всех очевидно, все это понимали, – но вслух об этом боялись говорить. А народ об этом

ничего не знал вообще. По той простой причине, что народ узнает о верхах только из СМИ, а там им рассказывали, что все чудесно, что у Бориса Николаича крепкое рукопожатие…

– Это был типа Распутин, только двойной. Сиамский такой.

– Коллективный. Распутин как-то иначе действовал, через императрицу и так далее. У него же не было в руках средств массовой информации.

– Ну хорошо. Слабое государство, народ не знал. И если говорить о том, что собой представляла так называемая элита, то она оказалась, в общем, никакая. Сборище фактически засранцев.

– Да нет, почему.

– Ну как же – ведь все всё понимали… И сидели молчали в тряпочку. А уж про решительные действия и разговору нет. Вон Распутина же застрелила современная ему элита, нашла в себе совесть и силы. При том что тогда на это пойти было тяжелей, чем сейчас, – и крови боялись, и цена жизни была куда выше…

– А чем мне могли помочь? Чем могли помочь Чубайсу, которого в марте тоже выгнали вместе с ЧВСом наконец уже и Куликовым? Чем могли помочь Сашке Казакову, когда его вытурили с первых замов Администрации президента осенью 97-го? Чем?

– Ну я не знаю – депутаты же у нас какие-никакие были…

– Какие депутаты? От коммунистов? Большинство Думы было у коммунистов и у жириковцев. Они только радовались, что это происходит. Кто должен был за нас заступиться?

– Я тебе и говорю, что элита была просто никакая.

– Она такая, какая есть. Она и сейчас такая.

– В общем, да. Никуда ж она не делась.

– Что она должна была сделать, элита? Через телевизор агитировать за Чубайса? Так телевизор ей не да вали.

– Да и журналисты оказались чистые мудаки…

– Для тебя это не новость. Ты меня все время убеждаешь, что самые последние люди – это журналисты.

– Да, журналисты – это действительно все-таки не лучшие люди в стране, абсолютно не лучшие. А ФСБ куда смотрела? Могла б устроить пару покушений. Одного, пардон, застрелить, другому автокатастрофу устроить. Или крылья на их самолете обледенить. Нет – сидели тихо, как мышки… Небось как интеллигенты какие-то – на кухнях ругали власть.

– Ну, в 97-м году начальником ФСБ был Ковалев, ныне депутат Госдумы. Представляешь? «Харизматическая» личность.

Мог бы он взять на себя такую ответственность? Вот мы с тобой в одной из первых глав нашей книги написали, что нынешняя ситуация – это заговор кагэбэшников. Помнишь? Это твоя концепция. И вот как будто по этой схеме в 98-м году Путин стал директором ФСБ.

– Типа «Рука Всевышнего отечество спасла». Помнишь, опера такая была?

– Тут как бы с водой не выплеснуть младенца. Ради демократии давайте задушим демократию? Тогда и не надо было ее спасать.

– Нет, не так. Не «ради спасения демократии задушим демократию». А ради спасения государства задушим демократию.

– В этой постановке слово «государство» вообще превращается в абстракцию.

– Почему? Государство бывает недемократическое. И ничего ему от этого не делается.

– Понятно. В таком случае я не считаю, что его нужно было спасать. Тогда оставьте мне то, слабое, демократическое. Мне оно больше нравится.

– А, вот как? Тогда назначь обратно президентом дедушку Боба, верни сюда Гуся с Березой и отдай им телевизор.

– Нет. Телевизор можно не возвращать. Мы и без этих телевизионных «гениев» перебьемся.

– Ну тогда какая ж, на хер, демократия?…

– Почему? Продайте эти средства массовой информации мелкими пакетами на специальных аукционах, которые все умеют проводить. Чтобы не было ни у кого больших крупных пакетов. Запретить через антимонопольный комитет владеть пакетами больше чем 5 %. Одной аффилированной группе, в одни руки – не больше 5 %. А то и не больше 1 %. Это все вполне реалистично.

– Я как либерал и рыночник…

– Подожди секундочку. Я знаю, что ты себя так называешь. Кроме этого, никаких других признаков того, что ты либерал и рыночник, нету.

– Как – нету?

– Ну а какие есть другие признаки твоего либерализма и рыночности, кроме того, что ты сам себя так идентифицируешь? С чего ты взял, что ты рыночник и либерал? Причем ты каждый раз говоришь это как банальность. Но для меня это совершенно неочевидный факт.

– Это разве не следует из всего?

– Ха-ха! Нет, не следует ни из чего.

– А из чего следует обратное?

– Например из твоего заявления, что предприниматели – плохие люди. Из твоих заявлений, что нужно всех пересажать, и так далее. «Все разворовали» – это твоя любимая тема.

– Насчет того, что пересажать и разворовали, то я такого не объявлял.

– Как это не объявлял?

– Так. Не объявлял. Я так не считаю. И обратного ты доказать не сможешь. А насчет того, что предприниматели не самые лучшие люди в стране, – то, извини, мы вот буквально только что разговаривали про ведущих русских предпринимателей. Березовский и Гусинский их зовут. Про лучших, про первых предпринимателей. И твое к ним отношение не сильно отличается от моего. Что же касается в целом русских бизнесменов, то у меня к ним вообще много вопросов. И главный, может, вопрос такой: а что это они так между собой пересобачились, если они все такие хорошие? Сколько они своих перестреляли! Или сдали! Они друг друга не любят ни хера, но хотят, чтоб другие их любили.

– Вот это уже откровенный журналистский ход. Ты говоришь, что они перестреляли друг друга. Это неправда.

– Ага, это марсиане прилетели к нам и стали заказывать русских капиталистов. Или гитаристы-шестидесятники в сговоре с колхозным крестьянством. Что же касается твоего возмущения – что я, типа, не либерал… Понимаешь, я не утверждаю, что стопроцентно являюсь таким-то или эдаким. Рыночником меня считают или нет, не суть важно. Я как-то всегда делал, что мне взбредало в голову. Понятно, да?

– Да. Я, по-моему, поставил тебя в тупик своим вопросом. Откровенно признайся, что у тебя нет прямых доказательств того, что ты либерал и демократ. Я, например, рыночник. Потому я проводил рыночные реформы. Реформы, которые мы делали, при всем при том, что к ним можно относиться как угодно, все признают рыночными. Я демократ хотя бы потому, что, как ты знаешь, немало времени потратил на то, чтобы в Госдуму избрали партию, которая придерживается демократических позиций. И это написано было в ее программе. У меня есть доказательства того, что я рыночник, демократ и либерал. А у тебя таких доказательств, очевидных и понятных, нет. А я рисковал, между прочим, собственной свободой, а то и жизнью для дела рыночной экономики.

– Ты можешь этим гордиться. А про себя скажу: меня мало заботит то, кем меня считают другие.

– Это другой разговор.

– Если я, по-твоему, не тяну на либерала и демократа, то

я могу в твоем присутствии себя не называть демократом и либералом. Для меня в этом нет большой проблемы, verstehn?

– Хорошо-хорошо. Ваши объяснения приняты. Ха-ха! Я думаю, что ты относишься к основной массе советской интеллигенции, которая себя идентифицирует как демократов и либералов ну просто автоматически, не задумываясь над тем, что это влечет за собой, помимо приятных мечтаний о демократии и либерализме, еще и четкое понимание их отрицательных сторон. И если ты принимаешь до конца и отрицательные стороны демократии, либерализма и рыночной экономики, тогда ты настоящий рыночник и либерал. И демократ. А если ты готов принять все плюсы, а минусы тебя пугают и ты говоришь о том, что без минусов было бы хорошо, ты как будто требуешь, чтоб волки кушали овес. В Евангелии написано, что настанет время, когда лев и агнец будут вместе пастись и кушать траву. Ты просто такой аморфно-добрый человек, и все. Без какой-то жесткой позиции, без принятия всех плюсов и минусов. Я как-то дал определение… Шестидесятники любили коммунизм, но не любили коммунистов. А семидесятники – это люди, которые любят капитализм, но не любят капиталистов. И те и другие не понимают, что «социализм с человеческим лицом» или «капитализм без алчности» – это утопии одинакового уровня… Между тем польза, которую приносят капиталисты, имеет своей основой алчность. Которая, алчность, у тебя как раз больше всего и вызывает раздражение. А если бы не было вот этого свербящего чувства жадности и стремления к наживе, человек не стал бы капиталистом, а стал бы кем-нибудь другим: журналистом, слесарем, водителем трамвая.

– Я признаю, что капиталисты приносят пользу, что они необходимы обществу, имеют право на жизнь и должны быть защищены законом и всем, чем угодно. Войсками и полицией. Что необходимо подавлять бунты, направленные на свержение капитализма. Я это утверждаю. И никогда ничего я не сделал для свержения капитализма и не способствовал коммунистам. Понимаешь, о чем я говорю?

– Мне кажется, что сейчас в нашей беседе и происходит процесс твоей самоидентификации, а раньше ты этими категориями не думал. Ты просто вбил себе в голову, что ты либерал и рыночник, и на этом закончил.

– Не-не-не. Вот я сейчас сидел писал комментарий про 93-й год. В книжную версию «Ящика». И вот я пытался вспомнить и разобраться задним числом, что же тогда происходило. Почему я без всякого интереса отнесся к путчу октября 93-го? Вот именно потому, по этим причинам, которые я тебе

изложил. Я был убежден, что бунт против этого режима и этой власти должен быть подавлен. (А может, и вообще против всякой?)

– Вот по этому поводу у тебя в душе не проходило никакой дискуссии? Мне кажется, что ты просто антикоммунист, а не либерал и рыночник. Ведь среди антикоммунистов есть не только демократы и либералы, но и монархисты, сторонники различных правых диктатур, империалисты всех мастей. Вон Мишка Леонтьев, например, антикоммунист-милитарист.

– Нет. Никакой дискуссии не происходило. Я даже вяло как-то спрашивал себя: а почему это оставляет меня равнодушным? Возможно потому, что у меня был ответ готовый. Я – на стороне режима. Полностью. На 100 %. Других режимов я не желаю иметь и видеть. С другой стороны, я не готов провозглашать: «Да здравствует капитализм – высшая стадия светлого будущего всего человечества! Капиталисты – самые прекрасные люди страны! Дайте я их портреты повешу у себя над кроватью!» Я не могу разделить пафос журналиста П. – ты его знаешь, ты с ним работал на выборах, – который говорит: «Надо капиталистов горячо любить и холить». Я говорю ему – это твой пафос, иди ты с этим пафосом. Или там писательница Т., которая тоже с пафосом говорит о своей любви к капитализму вообще и к Чубайсу в частности. Она готова Анатолию Борисычу дать. А я – нет, не готов.

– А может быть, причина, почему тебе не хочется дать Чубайсу, в другом? Ха-ха! Ты задумывался?

– Ха-ха! Ну, ей легче, потому что капиталисты в основном мужики.

– Чубайс не капиталист. Чубайс – нанятый менеджер. Он не рискует собственными деньгами.

– Ладно, ладно. А вот я тебе понятно объяснил?

– Только жажда наживы толкает человека брать такие риски, которые берет на себя капиталист! Потому что, если бы жажда наживы была ниже, он бы не стал брать этих рисков. Вот у меня алчность не очень большая. И поэтому мне, откровенно говоря, с каждым годом все скучнее и скучнее заниматься бизнесом. Хотя по мере продвижения капитал наращивается, наращивается, наращивается. А есть люди, которым никак не остановиться и для которых это уже превращается в наркотик, в спорт.

– Их большинство.

– Нет. Нет. Что ты! Что ты! Это абсолютно не так. Их мало. Предпринимателей, то есть людей, которые рискуют собственным капиталом, не больше 10 тыщ. На всю страну. Остальные либо

управляют чужими деньгами, либо на государство работают. По-настоящему алчных людей, алчнее меня, очень мало. Ты должен понимать, что этот строй эксплуатирует довольно-таки сильные эмоции. Если тебе неприемлемы эти чувства, ты не рыночник. У тебя алчность низкая, поэтому ты не являешься рыночником.

– Алчность, по мне, не украшает человека. Скорей наоборот.

– Нет, от этого никуда не деться. Нет алчности – нету ничего. Нету капитала, нету работы.

– Помнишь, я тебе приводил в пример пчел? Пчелы приносят огромную пользу. Я с удовольствием пользуюсь плодами их труда. Я ни одну пчелу не убил. (Ну, на самом деле убил пару штук, когда они меня принимались кусать.) Я пчелам очень симпатизирую. Я всегда буду защищать пчел. Но! Пчела добывает мед не для того, чтобы сделать мне приятное. Она летает по своим делам, собирает нектар, потом его сблевывает, мы эту блевотину у нее отнимаем, называем медом и едим. Но при этом не надо говорить, что пчела у нас такая чудная и прекрасная. Пчела себе и пчела.

– А! Тебе мало того, что человек приносит пользу, тебе нужно, чтоб он только для общественной пользы и работал. Ты знаешь, чем закончилось построение общества, в котором все работают для общественной пользы? А если человек для своей выгоды работает, то он вызывает уже у тебя подозрение. Вот я о чем говорю!

– Подозрений он у меня никаких не вызывает. Но и априорной любви тоже не вызывает. Мне неинтересен типичный капиталист. А интересен, к примеру, ты – тем, что вот чего-то сочиняешь. Ты вот сидишь со мной и бесплатно разговоры разговариваешь целый час. А мог бы за это время ну хоть тыщ двадцать заработать. Вот этим ты трогателен. А ведь есть бизнесмены, которые всегда занимаютсяизвлечением чисто денежной выгоды, день и ночь. Они сидят с товарищами, пьют пиво и при этом мучительно пытаются решить бизнес-задачу – как бы за это пиво не заплатить? Нажить 20 долларов на этом…

– Я все понимаю. Однако я еще раз говорю – рассчитывать на то, что люди будут трудиться исключительно из общественной пользы…

– Я не требую этого. Я не пытаюсь строить это вот «идеальное» общество.

– Почему у тебя такое отношение к алчности? Ведь это единственная из человеческих эмоций, которая позволяет избежать построения социализма и дает возможность строить

эффективное общество, не прибегая к репрессиям образца 30 – 50-х годов!

– Я целиком на стороне буржуазной демократии. (Как бы ты ни пытался меня от нее отвратить своими наездами.)

– Тогда ты уважай эту алчность. А не говори, что неким душком от нее смердит.

– Алчность – это зло. Пусть и неизбежное. Зачем же мне испытывать к ней, низкой и жалкой, такое высокое чувство, как уважение?

– Это добро. Как ты не понимаешь? Господь настолько милостив, что дал нам алчность. И желание не просто сидеть и срать под солнцем, но еще куда-то двигаться, чего-то придумывать. Для того чтобы устроить свою жизнь и своих детей. Наконец, для того, чтобы поехать на Капри.

– Я не испытываю к алчности теплых человеческих чувств.

– А ты должен испытывать.

– Не буду. Что за чушь! Почему я должен испытывать теплые чувства к жлобству?

– Я тебе другой вопрос задам. Вот когда стране нужны были бабки, мы выставляли большие предприятия на аукцион. Никто из людей, имевших бабки – за редким исключением, – не захотел в этих аукционах участвовать. Их даже пытались сорвать. Однако нашлись люди, которые заплатили эти бабки (уж где они их добыли, это пускай правоохранительные органы дознаются). Они взяли эти предприятия – в долгах, в шелках, в убытках, в говне – и вывели на более-менее приличный уровень. Сейчас даже на Западе признается русский менеджмент! Его уровень достаточно высок. Почему теперь огромное количество людей, которые тогда не пришли на наши аукционы, не захотели дать нам денег, взялись, как с цепи сорвавшиеся, мочить этих бедных олигархов? Смешно сказать, но у Потанина или Ходорковского тогда было-то всего по 200–300 миллионов. И они их все выложили на аукционах, все до единой копеечки. Они все перевели в промышленные активы! У них банки обанкротились в дефолт! И «ОНЭКСИМ» и «МЕНАТЕП». И еще огромное количество банков обанкротилось. Люди рисковали всем, переложившись в один-два промышленных актива. Они взяли такие риски – и все-таки выиграли. У них предприятия сейчас работают. Объясните, в чем они провинились перед вами? Они дают работу тысячам людей, они платят в казну налоги. А не лучше ли посмотреть на наших замечательных госслужащих, которые радуют нас повышением себе зарплаты, не вспоминая об учителях и врачах? Хотя в казне достаточно денег, чтобы повысить зарплату и врачам и учителям.

Они в три раза увеличили бюджеты правоохранителей! Сегодня у нас МВД с ФСБ больше по численности, чем армия. Это с кем государство собирается воевать? С внешним врагом – или с собственным народом?

– С собственным народом – в частности, с гражданами Чечни.

– Да там одной дивизии достаточно. Сейчас там ловить-то некого – всех перестреляли… Ты не увиливай! Вот объясните мне, я хочу понять! Говорят – олигархи разворовали, по дешевке все забрали. Ну пришел бы сам на аукцион и забрал по дешевке, кто тебе не давал? По дешевке? Пришел бы и забрал, и сейчас бы управлял. А так-то сраку лень было оторвать от дивана! Алчности мало? Тогда и заткнитесь, уважаемые товарищи журналисты и следователи всяких различных прокуратур!

– Кстати, насчет следователей. Сколько я исписал заметок в отделе преступности, между прочим, защищая предпринимателей. Скольких капиталистов я отмазал от ментов. И, пардон, от чекистов тоже.

– Купить во время приватизации какое-то предприятие, сделать из него конфетку, извлекать из этого доход – либо без конца дергать этого капиталиста на допросы, вымогая у него взятку и таким образом обеспечивая существование своей семьи…

– Я всегда писал, что не надо их, то есть вас, дергать.

– Перестаньте вы уже мочить этих бедных олигархов.

– Где ж я бедных олигархов мочил?

– Я уже не про тебя. Это собирательный образ.

– Вот именно что собирательный. Это не про меня. Олигархов я не мочу. Вон к Ходору я испытываю самое горячее сочувствие… И не готов его осуждать никак. Он подозревает, что товарищи на воле будут его козлить за его малявы, но ему на это плевать, он их все равно пишет. Тот же Ходор мне интересен не столько тем, что он миллиардер, – а тем, что он со своей «Открытой Россией» носился, молодежь в провинции просвещал, возил им туда всяких ученых, семинары проводил. Не всякий таким увлекался из русских бизнесменов.

– Как ты считаешь, он не верил, что его посадят? И оттого выглядел таким отчаянным смельчаком?

– Ну, верил он или не верил, но сыграл в серьезную.

– Он действительно не боялся тюрьмы и был готов к этому – или не верил, что его посадят, и поэтому был настолько отчаян?

– Мне кажется, он не верил до конца. Я почему-то к этому склоняюсь.

– Тогда покаянное письмо объясняет многое…

Бутылка семнадцатая. 1998

В 1998 году Кох обанкротился, задолжал 20 миллионов и ходил на допросы. Кроме того, находясь в бегах в Нью-Йорке, дал злопыхательское русофобское интервью, оскорбившее патриота Минкина.

Свинаренко, напротив, писал лирические очерки о русской провинции и родил (не без помощи жены) еще одну дочку. В отличие от некоторых в аферы не влезал, но и денег не заработал.

В суровые дни дефолта Свинаренко запасся итальянскими макаронами и вискарем, а Кох беспечно прохлаждался во Франции.

– 1998 год… Позволь, Алик, ознакомить тебя со шпаргалками. Как обычно.

– Да ну тебя со своими шпаргалками – совсем на пьянку не похоже.

– Зачем нам гнаться за внешним сходством? Давай по сути говорить! Вот в 98-м умер Георгий Свиридов.

– Царствие ему небесное.

– ОК. Дальше идет очень важное событие для человека, который смотрит телевизор… Если ты заметил, то сейчас, кстати, пошел наезд на Юрия Михалыча.

– Уже давно идет. И рейтинг у него упал.

– А ты видел в прессе заголовок типа «Мужу Батуриной принадлежит дачный домик»?

– Да. И грузовичок.

– И банька на шести сотках.

– Большая часть принадлежит самой Батуриной.

– Ну так вот, как раз в 98-м, 16 февраля, начался автопробег по России силами пяти автомобилей «Москвич» – два «Святогора» и три «Князя Владимира». Мой кузен Ваня Свинаренко, моряк, жил тогда на Дальнем Востоке и лично присутствовал на финише автопробега. Местные хохотали

над этими «Москвичами». Как, говорили, вы нам это барахло хотите впарить по цене слегка подержанной «тойоты», которая еще 15 лет без ремонта будет бегать? (Даром что с правым рулем.) Там часто вспоминают этот случай, когда надо проиллюстрировать мысль: «Какие ж м…ки живут в Москве».

– Ха-ха! Вот, кстати говоря, очень хороший пример с этим «Москвичом»… Все ругаются: вот, приватизация херовая, – да? А вот у нас есть корректный пример оставления в государственной собственности: АЗЛК. А? А?! Лужков орал, из штанов выпрыгивал: «Вы смотрите, вот мы сейчас вам покажем, как на самом деле государство предприятием управлять может! Эта ваша приватизация до добра не доведет! Разворовали все! И вот давеча Леня Парфенов показывал в „Намедни“ АЗЛК – вывороченные станки, провалившиеся крыши корпусов, и распродано все по копеечке.

– Там эти армяне, которые заводом рулили, взяли кредит под 45 % годовых… При тогдашней ставке в 15.

– И тут же все распродали, все, что более-менее можно было распродать.

– Да, да. И вот как раз тогда отправились эти пять автомобилей в славный пробег. Эти машины продавали по 4 тыщи, а себестоимость 7 тыщ.

– Очень хорошо. «Жигуленки» по пятерочке продаются, а себестоимость ниже, поэтому завод получает прибыль. Обращаю ваше внимание – один завод приватизированный, другой – государственный… Причем на АЗЛК оборудование более современное стоит, чем на ВАЗе. Извини, теперь уже, наверное, стояло… Его реконструировали позже, уже в 80-е, в то время как Волжский автозавод построили в конце 60-х. Первый автомобиль сошел в 70-м году. И вот приватизированный Волжский автозавод по-прежнему производит конкурентоспособную на внутреннем рынке продукцию, даже чуть-чуть экспортирует, извлекает прибыль, не снизил объемов производства – как было чуть больше 700 тысяч автомобилей в год, так он и продолжает, у него проектная мощность такая. Более того, перепродает патент на производство своих снятых с производства «шестерок» в Сызрань на специально построенный частниками завод. А лицензию на «девятки» «Запорожцу» продал. «Запорожцем» «Таврия» не будет производиться, а будет – «девятка» и «восьмерка». А сам ВАЗ осваивает «десятку». А вот более современный государственный завод – АЗЛК, в который еще во времена Горбачева вложили деньги, – развалился. Потому что не приватизирован! Абсолютно корректный эксперимент.

– Пример красивый, да. Бедный Юрий Михалыч…

– И не дал продать! Мы ж его хотели продать, этот завод! Все, план приватизации был подготовлен, – но тут армяне подсуетились.

– А чьи это армяне, ты понял?

– Армяне, они же всешние, как и евреи.

– Причем кредит им дал банк Юрия Михалыча.

– Я не знаю. Спроси у Юрия Михалыча. Хотя – какая разница? В данном случае я акцент делаю не на армянах. Я делаю акцент на том, что завод не дали приватизировать. Юрий Михалыч поднял истерику…

– А с ЗИЛом что?

– Его Юрий Михалыч выкупил. У Потанина.

– Лично?

– Нет, ну, мэрия Москвы выкупила.

– И что, теперь там все в порядке?

– «Бычки» еле шевелятся.

– «Бычки» просрали «Газелям».

– Да!

– А ГАЗ у нас чей?

– ГАЗ – частный, Дерипаскин. «Волги» и «Газели» он круглосуточно выпускает.

– А УАЗ – тоже его?

– Нет, УАЗ – это Мордашов.

– Глянь-ка! Автолюбитель на автолюбителе. Поддержка отечественного производителя. Как трогательно.

– Еще про «Москвич». Это безумие – в столице строить автомобильные заводы. Нигде в мире такого нет!

– А сколько земли под этими заводами…

– Ну конечно! Это золотая земля. Заводы, которые требуют огромного количества площадей, вообще не могут находиться в столице, где земля дорогая. Ну нигде нету такого. Американские автомобильные заводы в каком-то засранном Детройте построены или в Атланте – где угодно, но никак не в Нью-Йорке и не в Лос-Анджелесе.

– Ну и чего теперь с этим будет?

– Ничего, просто под бульдозер это надо пустить. Я думаю, что этим в конечном итоге все и закончится. А землю продадут под строительство.

– Так. Дальше идем по 98-му году. Российская премьера фильма «Титаник».

– Я помню, был на ней. В «Кодаке-киномире».

– Тогда уже был «Кодак-кино-мир»? Надо же! Все уже было. «Титаник» – кино как кино, в общем. Я потом его

посмотрел уже. Ну, ничего так…

– У меня дочь рыдала, что ты!

– И что, она над этой Кейт Уинслет рыдала?

– И над Леонардо Ди Каприо, естественно.

– А, ну да, он же считается красавцем.

– Он был вообще номер один. Все паром писали от этого Леонардо.

– У меня старшая, когда в первом классе была, рыдала по поводу льва с собачкой, это Лев Толстой – помнишь?

– Да.

– И вот они там рыдали всем классом, а потом как-то идем однажды с ней по книжному магазину на Арбате, а там сидит Татьяна Толстая и подписывает книги – какая-то книжка новая у нее вышла.

– Слушай, а вот эта – «Гуттаперчевый мальчик», ее кто написал?

– Григорович, чтобы не соврать… И я говорю: вот, пусть Татьяна ответит за всех Толстых теперь. Дети в школе возмущались: ну как можно было такую чернуху гнать, про зверскую расправу над собачкой? И после заставлять детей это читать? И вот моя старшая призвала Толстую к ответу. Та как-то отбивалась, пыталась оправдать своего родственника… А вот почему пошел «Титаник»? Потому что это страшной красоты все-таки образ, мощный такой символ. Это, может, был первый пинок под жопу, намек на будущие техногенные катастрофы. Тогда ведь как думали? XX век, мы сейчас сделаем чудесную технику, у нас все будет самое быстрое, самое длинное, мы будем все переплывать и победим природу как таковую. Давай быстрей! Капитан пытался предупредить насчет айсбергов, но хозяин парохода его не слушал – бабки есть, всем молчать. И первый раз, может быть, вот так серьезно люди почесали репу по поводу техники. Ну, хрен с ним, с «Титаником». Давай вернемся к великой русской истории. Вот – умерла Уланова Галина Сергеевна.

– Царствие ей небесное. Наверное, хорошая была балерина. Мы уже застали ее, когда она не танцевала. Говорят, у Сталина на пьянках танцевала на столах… А что поделаешь? Заставляли. А иначе – сам знаешь: в лагерную пыль.

– Да ладно! Правда?

– Конечно! Это же известная история. Думаешь, ей охота было? В лагерек идти, что ли? Нет, уж лучше танцевать. И – чечетку колотила.

– Ну, в общем, ничего страшного. Подумаешь – чечетку…

Она ж артистка. Ей положено. Танцевала, танцевала – а потом умерла. Дальше, значит, у нас идет 23 марта 1998 года. «Отставка Ельциным Правительства РФ». Это что такое?

– Это вот то самое мартовское увольнение. Чубайса, Черномырдина и Куликова выгнали.

– И тут же, 23-го, – «поручение Кириенко С.В. исполнять обязанности председателя».

– Да-да.

– И вот так мы плавно подходим…

– …к дефолтику.

– Ну, до дефолта у нас много чего еще было! Тот же взрыв российского посольства в Риге, между прочим. Началась вся эта длительная разборка с нашим прибалтийским соседом. Ну, про Латвию нам больше, по-моему, уже нечего добавить. После наших комментариев к 1989 году.[13] Так. Перед дефолтом что еще случилось у нас? Буквально захоронение останков царской семьи в Петербурге.

– А, это Боря хоронил, да. Немцов. Он считает это одним из важнейших своих достижений в жизни – что он похоронил царя.

– И Ельцин, помнишь, говорил, что не поедет, и все вслед за ним говорили, что не поедут. Но он таки поехал, и все тоже в Питер ломанулись. Помнишь, интрига была такая? И давка. И еще было мнение, что это не настоящие останки.

– Церковь так до сих пор и не признала, что настоящие…

– А ты признал?

– Я – да. Я научный человек, а там была проведена экспертиза. Там столько подтверждений, что не может быть другого мнения.

– Ты уверен?

– Ну конечно. Во-первых, доказано, что похоронены родственники. Причем это именно мать, отец, две дочери и сын. Во-вторых, возраст совпадает. В-третьих, раны – тоже совпадают. И еще доказано, что все они являются родственниками ныне здравствующих ответвлений Романовых, у которых брали кровь на генетический анализ. Плюс сделали криминалистическую экспертизу по строению черепов, сравнили с портретами – так совпали все ключевые точки, что вообще является доказательством даже в суде! То есть какие еще нужны были церкви аргументы, чтобы признать, что это царь-батюшка?

– И что же церковь? Почему она так?

– А если б признали, то очень много следствий возникло бы. В частности, надо было бы разбираться с обновленцами. Слышал про таких? Когда патриарха Тихона замучили в чекистском застенке, некоторое время церковь была, так сказать, в раздрае –

а потом появились так называемые обновленцы, которые выступали за сотрудничество с большевиками. Так вот вся нынешняя церковь – из обновленцев. Если же церковь признала бы, что захоронена именно царская семья, то тогда с новой силой бы началась дискуссия об отношении к большевикам и обновленцам. Такую дискуссию церковь не могла допустить ни в коем случае. По нынешним временам она бы ее не выдержала. Поскольку под сомнение ставится сама ее легитимность.

Однако я считаю, что церковь должна же выразить свое отношение к сотрудничеству с убийцами. Почему РПЦ не причисляет Николая к лику святых, а признает его только мучеником? Потому что, причислив его к лику святых и признав свое сотрудничество с его убийцами, церковь фактически себя ставит вне нравственных рамок, она перестает быть церковью. Ведь церковь не может быть компромиссной, понимаешь? Это же не политическая организация. Она же в каком-то смысле не от мира сего. Они должны были пойти на смерть, все эти священники, но отказаться от сотрудничества с убийцами. А они не захотели пойти на смерть.

– Это так красиво – за идею пойти на смерть.

– Они должны были отказаться от сотрудничества с большевиками при любых обстоятельствах! А теперь, стоит только признать останки царскими, возникнет огромное количество внутрицерковных проблем. Им нужно будет зачеркнуть все предыдущие 70 лет Русской православной церкви, признать правоту Русской зарубежной церкви, признать правоту катакомбной церкви, признать то, что патриаршество скорее по праву находится в Нью-Йорке, что именно там настоящий патриарх, что именно он – легитимный наследник Тихона. Или того больше – катакомбники, вот настоящие православные христиане. Огромное количество следствий сразу возникнет…

– Ну за что ни возьмись в русской истории – везде приблизительно одна схема: чуть копни – и сразу досадные подробности выпирают.

– Почему нашим церковным иерархам трудно признать это – ты, наверное, сам знаешь ответ на этот вопрос. Или не знаешь?

– Потому что тогда им пришлось бы подать в отставку.

– Ну, это еще полбеды.

– А вторая половина этой беды?

– Они этого не делают потому, что им воинское звание не позволяет.

– Ты думаешь, и сейчас у них воинское?

– А куда же они делись? Они ж те же самые остались. Они те, что были во времена Брежнева и Горбачева.

– Не может того быть!

– Что они – в отставку ушли, что ли? Без права ношения формы, что ли? Ха-ха! Я не понял.

– Может, и так.

– Это как нам рассказывают, что у нас Иванов – первый гражданский министр обороны за всю историю Советского Союза и России.

– Да, совсем гражданский.

– Да, да. Генерал армии Иванов.

– Но он же не из армии. Это ж комитет. А комитетчики – они не армейские, они сами по себе.

– Ну воинское-то звание – генерал армии.

– Но это же спецзвание, а не армейское.

– Ага. Армии рыцарей плаща и кинжала.

– Но если в плаще, а плащ без погон – значит, уже не военный.

– Да, да. Тогда не армия, а СД и СА. Штурмовики.

– Я вот еще посмотрел в свою шпаргалку. «Передача Казахстаном 47 % спорной с Китаем территории Китаю же».

– Да там споры-то по степи. И это ж не 47 % Китая или Казахстана. Это 47 % спорной территории. А спорных территорий там было раз-два и обчелся. Тем более что больше половины спорных – 53 % – они себе забрали.

– И дальше, собственно, уже и никаких событий, а только, блядь, 17 августа. «Правительство Кириенко отказалось платить по обязательствам. Начало финансового кризиса». Но прежде чем ты начнешь говорить об этом умное, давай я скажу простое.

– Давай.

– Это был у нас, кажется, понедельник? Я запомнил по тому, что вышел свежий номер «Новой газеты», а там – открытое письмо Мавроди. На первой полосе.

– В котором он сказал, что все решит, да?

– Нет, он сказал: мне неприятно, что я в розыске, а правительство РФ украло мою схему, и при этом оно не в розыске, а меня ловят. Оно строит пирамиду! И типа там есть какая-то у него формула, и по ней вычисляется прогрессия, и можно предсказать момент, когда все обвалится. И Мавроди как раз объявил, что этот момент уже настал и вот с минуты на минуту все рухнет. И он, Мавроди, получается хороший. Правительство не в розыске, ну так и от него пусть отстанут. И как раз все началось. Паника кругом… А я поехал в магазин. Купил макарон огромный ящик – такие хорошие, итальянские. И виски взял ящик – оно получалось страшно

дешевое, по тому курсу.

– А чего мы так сразу до дефолта добрались? Он в августе случился. Давай пообсуждаем отставку правительства Черномырдина и Сергея Владиленыча преподобного. Чего ж мы вкратце-то сразу?

– Удивительная фигура – Владиленыч. Теперь вот федеральным округом командует… Как так? Все его коллеги, все начальники округов – такие представительные русские генералы. И вдруг среди них один – субтильный штатский еврейский интеллигент… Откуда он такой?

– Он был первый секретарь Нижегородского обкома ВЛКСМ.

Комментарий Свинаренко

Ты, Алик, обмолвился, а я сразу не заметил. Только вот когда читал расшифровку нашей беседы, почувствовал легкий какой-то дискомфорт на этом месте. Минут пять я всматривался в строчки – и только потом сообразил, что обком там был Горьковский. Как же мы далеко от этого ушли! Стеб уже еле просматривается. А сколько б было смеху тогда от такой шутки – Нижегородский обком или там Санкт-Петербургский…

– А ты Владиленыча знал тогда?

– Да-а. Конечно.

– Ты его знал как кого?

– Как первого заместителя министра топлива и энергетики в нашем правительстве.

– Ах, ну да. И еще же этот был, красавец такой, как его – ну, в Лондоне сейчас живет.

– Бревнов.

– Точно. Я его встречал там, на Западе. Похож на Ноздрева. Он и его друг Немцов – два таких Ноздрева. Где и при каких обстоятельствах ты познакомился с Кириенко, героем 98-го года?

– А мы на допросе, что ли, я не понял? У нас стилистика застольной беседы, по-моему, утеряна уже окончательно.

– Ну, это шутливый заход. А так – это формула обычного допроса.

– Я знаю.

– А, ну да, извини. Соль на раны.

– Вот я и говорю: что у нас – допрос? Шутливый заход, и особенно в главе про 98-й год. Меня как раз тогда на допросы вызывали.

– А тебя разве не в 97-м допрашивали?

– Начали – в сентябре 97-го, и так – всю осень 97-го, после весь 98-й и еще весь 99-й. И только где-то к декабрю его по амнистии прикрыли.

– Ну поверь, у меня это просто такой шутливый заход… Дурацкий в данном случае, в этом контексте…

– То есть даже суда не было. Все искали выход из положения. Они же не могли закрыть за отсутствием состава преступления через два с половиной года после того, как они его возбудили. Когда столько шоу было, когда интервью Скуратов давал налево и направо.

– В таких случаях людям чаще всего засчитывают срок, какой они уже отсидели.

– Ну я ж, слава Богу, не сидел.

– Радуйся! А еще, помнишь, такой был шутливый заход: «В жизни каждого человека настает момент, когда он должен определиться, с кем он – с братвой или с ментами».

– Это откуда?

– Не помню.

– Это не про меня. А третьего пути не существует, чтобы и не с братвой, и не с ментами? Вообще, насколько я понимаю, грани между братвой и ментами вообще не существует в нынешнем понимании криминальной субкультуры. Воровское сообщество раньше называлось не братвой. Иначе. В рамках понятий были честные воры, фраера и мусора. И по понятиям менты и воры не могли между собой пересекаться ни в какой форме.

– А сейчас – легко.

– Более того, воры не могли работать. Не могли никоим образом сотрудничать даже с цивильным государством – исполкомом, собесом, они не могли получать пенсии, пособия. Не могли пользоваться благами этого государства. Не могли жениться, детей иметь – потому что это способ, которым на тебя государство может потом надавить. То есть это полное изолирование себя от государства вообще… Это такая культура, которая выросла из казаческой традиции, когда полностью люди уходили, рвали с московским царем и жили своим умом. Они изобрели свой язык, язык офеней. После в воровскую субкультуру был добавлен и очень сильный еврейский элемент.

– Еврейский?

– Конечно. Половина фени – это же идиш. Фраер – чисто еврейское слово.

– Да. Похоже на идиш. Это означает, кажется, жених.

– Огромное количество еврейских слов в фене, ты что! Евреи шли либо в революцию, либо в бандиты. У них третьего-то пути не было – в университеты поступать. Поэтому еврейские

налетчики – они и в Америке были еврейские налетчики. Еврейская мафия – она же не хуже итальянской.

– Да, и потом евреи додавили итальянцев.

– Поэтому в русской воровской субкультуре очень силен казацкий элемент и очень силен еврейский элемент. Эти два несовместимых понятия (казаки и евреи) – в воровской субкультуре соединены. Основой этой субкультуры было отрицание государства. Прежде всего – Московского государства. Неподчинение, непризнание, неповиновение. А нынешняя бандитская субкультура не отрицает государства! Можно работать, можно занимать посты, можно жениться, можно иметь детей, можно быть ментом – и в то же время быть уважаемым авторитетным вором. И эта субкультура, поскольку она более беспринципна, она более жизнеспособна, чем та, которая была раньше.

– Я сейчас только прочитал Лимона новую книжку «По тюрьмам», где он описывает, как он сидит в Саратове в централе и там ему местные бандиты говорят: «Эдик, ты такой умный, авторитетный, самостоятельный, наглый, пора тебя короновать». Ничего, да?

– Это тебе Лимонов рассказывал?

– Это в книге он написал.

– Ну, он соврет, дорого не возьмет. Но… принимается как версия.

– Так вот дальше он говорит: вы знаете, да нет, не надо, я писатель. Те: не, мы тебя будем короновать, ты очень нам подходишь. – Вы знаете, у меня есть некоторые косяки, я там писал не то иногда и описывал некоторые свои поступки, которые не совместимы со званием законника. А те опять говорят: да ладно, сейчас уже и жениться можно, уже другая система. И он говорит: я, типа, еле отвязался от них.

– Да, да… Судя по книге «Это я – Эдичка», было у него некое гомосексуальное приключение. С негром на помойке. Хотя, с другой стороны, как сказал классик, «один раз – не пидарас».

– А я потом, при случае, спрашиваю одного серьезного блатного про эту ситуацию, насколько это реально, чтоб с таким косяком короновали. Т о т говорит: да ну, ребятам просто скучно было, и они исключительно от скуки могли такое обсуждение затеять. Бывает, запускают какую-то мульку и долго потом ее обсасывают. И кто-то это может принять всерьез… Да… Шутки шутками, а Кириенко был министром и был под тобой, так? Ты его воспитывал фактически?

– Нет, погоди, – почему это он был подо мной?

– Но ты же был вице.

– Ну и что? Министерство топлива и энергетики курировал Борис Ефимович Немцов, как ты, наверное, помнишь. Если ты помнишь, его взяли на работу в следующей должности: Борис Ефимович Немцов был первый вице-премьер тире министр топлива и энергетики.

– Это он так из губернаторов сиганул?

– Да. А первым замом у министра топлива и энергетики был Сергей Владиленович Кириенко.

– А Бревнов сидел у них в Нижнем?

– В РАО «ЕЭС» он сидел. Его назначили вместо Дьякова руководить РАО «ЕЭС» России. Чубайс стал первым вице-премьером тире министром финансов. А я стал вице-премьером тире председателем Госкомимущества. Олег Сысуев был вице-премьером тире министром социального обеспечения. Потом, когда я ушел в отставку, когда Гусь с Березой начали дрючить правительство, где-то в декабре – январе, когда разразилось дело писателей, начали на Чубайса наезжать и так далее, – правительство реструктурировали. Чубайс остался просто первым вице-премьером, а министром финансов сделали Задорнова. Боря стал просто первым вице-премьером, а министром топлива и энергетики сделали Кириенко. Вот эти две ветви разделили, и тогда Кириенко стал министром. А при мне он был первым заместителем министра топлива и энергетики.

Комментарий Коха

Ко мне приехал Борис Немцов, это было в 1996 году. Как сейчас помню, с дикого бодуна он приехал из Нижнего, и улетал он в Штаты. Ему делать было нечего, и он с утра заехал ко мне, потому что у него разрыв был, свободное время до самолета. Боря приехал ко мне в 9 утра. Первый вопрос, который он мне задал, был такой: «У тебя выпить есть что-нибудь?» Я, грешный человек, и то сказал: «Я пить не буду. У меня рабочий день! Тебе лететь, а мне работать». И вот он бухал один.

Вообще-то Борис малопьющий, но в тот раз он что-то не на шутку разошелся. Он выпил и сказал: «Там у меня в коридоре сидит мальчик, я хочу, чтобы его назначили директором “Норси”» (это «Нижновгородоргсинтез», или попросту – Нижегородский нефтеперерабатывающий завод).

Здесь нужно пояснить, что в тот момент как раз формировались все нефтяные компании, а они, как известно, у нас вертикально интегрированы: добыча, переработка, бензоколонки. Борис Ефимович тогда сказал, что свой завод,

находящийся на его территории, то есть Нижегородский нефтеперерабатывающий завод (в городе Кстов), он ни в какую такую вертикальную интегрированную компанию не отдаст. И, пользуясь большими связями с Борисом Николаевичем, таки не отдал. Потому что в его, Ефимыча, представлении это был такой бриллиант, который не по зубам никому, и шли бы они все на фиг – все эти Богдановы, Алекперовы и прочие там разные нефтяники. Будем, решил он, создавать нефтяную компанию без добычи. Просто переработка и бензоколонки. Одним словом – новаторский подход. Резонно спросить: а нефть где брать? Ну, чтоб ее перерабатывать? Ответ Бориса был прост: «Будем покупать, ее на рынке до хера». И вот такого рода компанию, без собственной добычи, он пробил. И назвалась она «Норси»…

Потом, естественно, компания без добычи начала загибаться. Никто не хотел ставить ей нефть: у всех же нефтяников задача прежде всего свою переработку загрузить. Вот она и помирала потихоньку. В конечном итоге ее, по-моему, «Лукойл» все-таки купил. Так закончилось Борино восстание против экономических законов – компания обрела добычу, правда, несколько экзотическим способом, путем ее поглощения. Стоило ли людей мучить и доводить «Норси» фактически до банкротства? Но сейчас – не об этом.

Я, кстати говоря, очень интересно с Немцовым познакомился (в принципе я шапочно его знал и раньше, но это не считается). Он приехал снимать директора Горьковского автозавода Видяева и назначать на его место Пугина, который обещал ему золотые горы. Что он подымет, что всё-всё-всё. А завод как раз проходил перевооружение в рамках программы перехода на производство «Газели». От легкового автомобиля к микроавтобусу и грузовичку. Хорошая идея, как выяснилось. Это все перевооружение, всю эту модернизацию, все бабки начинали еще при Горбачеве. И все это пробивал Видяев. И вот когда осталось закрутить последнюю гайку и начать производство «Газели», о своих правах на директорство заявил Путин – бывший министр автомобильной промышленности и тоже бывший, еще до Видяева, директор Горьковского автозавода. Это он помогал Видяеву делать переоснащение, выделял фонды – еще в старое советское время. А Видяев – он такой простой, от сохи, такой коммунистический, совковый-совковый такой директор. Его сильно рабочие любили. В принципе неплохой мужик на самом деле. И я тогда сказал: «Борис Ефимыч, сейчас мы будем приватизацией заниматься, я с Видяевым обо всем договорился – какой будет план приватизации, как будет продаваться, какие сроки. А сейчас ты мне нового поставишь – и опять новый геморрой будет». Я был

против смены директора. И тогда Борис Ефимыч сказал мне: «Да иди ты на хер».

И он пошел к Ельцину, получил однозначную резолюцию, потом к Сосковцу, пинком дверь открыл – и там тоже визу поставили. Мне деваться было некуда. Мы, как формальные представители собственника, должны были просто оформить все бумажки. На место Видяева назначить Путина.

И вот он пришел ко мне с этой идеей по «Норси». А там директором сидел какой-то нефтяник. Немцов же захотел поставить Сергея Кириенко. Это именно он был тот «мальчик», который в коридоре дожидался. Ладно, спрашиваю, какой у него опыт? Никакого опыта нет. В нефтянке понимает не больше моего. Особенно в переработке. Боря говорит: «Он у нас в области был первый секретарь обкома ВЛКСМ». Я спрашиваю: «А сейчас кто?» Руководитель и соответственно совладелец, как я понимал, банка «Гарантия», в Нижнем Новгороде. Боря говорит: «Давай снимем того, который сейчас директором, назначим этого». Я говорю: «Какого хера я его буду на нефть переводить?» – «Я хочу, – говорит, – и дело с концом». Типичный Боря. Он же тогда был в фаворе… Наследник, то да се… Говорит мне: «Ну что, пойти визу в обход тебя получить? Я могу». Я и сдался. Говорю: «Ну давай зови». Заходит Сергей Владиленыч, четким комсомольским голосом докладывает – так-сяк и эдак. Черт с тобой, Боря, взяли и назначили Сергея директором «Норси».

А потом, в 97-м, соответственно появляется Борис Ефимович в качестве министра топлива и энергетики и вице-премьера – и опять тащит за собой Кириенку: я его хочу первым замом назначить. Тогда уже Черномырдин его вызвал к себе. Черномырдин, значит, проэкзаменовал Сергея Владиленыча. Тот ему четко и бодро ответил про нефтепереработку. И таким образом Кириенко стал первым замом. Потом – разделение между вице-премьерами и министерствами, и ЧВС его министром делает. А потом у Сергея возникли, видимо, какие-то отношения с противоположным лагерем. Потому что тот лагерь – в частности, Борис Абрамыч – в момент этого мартовского кризиса правительственного, когда Черномырдина, Чубайса и Куликова отправили в отставку, – предложил Кириенко в качестве и. о. премьера. Они тогда много сделали для того, чтобы протащить Владиленыча через Думу.

Я сейчас подумал: а что бы было, если бы я не уступил тогда Боре Немцову? Не согласился бы назначать Сергея? Думаю, что его все равно б Боря продавил. Я думаю, если его сейчас спросить: «Чего ты так его проталкивал, этого Кириенко?» – он внятно ответить не сможет. Вот нету аргументов.

Я ничего не имею против Сергея Владиленыча! Он – нормальный парень. Так сказать, продукт своей среды, своей эпохи и своего менталитета. И даже в рамках его биографии комсомольской он, наверное, не подлый, не плохой человек. Но почему у Немцова такая любовь к Кириенке была? Мне это абсолютно непонятно. У Бори – совершенно другая биография! Ведь он на каком-то этапе был правозащитником, работал с Сахаровым, он ученый, кандидат физико-математических наук, учился у ныне нобелевского лауреата Виталия Гинзбурга, никогда ни в каких партиях не состоял. То есть бэкграунд у Бори абсолютно не комсюковый. А очень даже, например для меня лично, уважительный. Свинаренко иногда меня спрашивает: исключаю ли я еврейскую составляющую? Евреи ведь помогают друг другу. А я думаю: что, в Нижнем Новгороде Борис Ефимыч не нашел более близких ему по менталитету евреев, чем Кириенко? Рост, вес, внешний вид, темперамент, история, биография, образование, образ мыслей, жизненные ценности, приоритеты – все разное. Правда, странно?

– А когда Сергея Владиленыча поставили поруководить федеральным округом (было и такое), мы увидели, что он был единственным штатским полпредом.

– И?…

– Так, может, он не штатский?

– Я не знаю.

– А вот, например, могли Немцову так сказать: «Борис, вот тебе человек, иди его пропихивай. Он наш, но нам надо, чтобы он пришел не по линии комитета, а от тебя, правозащитника и красавца кудрявого». Ну, красиво? Смотри: у нас все полпреды – чекисты, ну, во всяком случае, генералы. А этот – штатский. Он один такой. Как Тиньков. И вот мне один наш товарищ это кажущееся противоречие объяснил. Кириенко, в отличие от ВВП, не чекист – но зато дзюдоист! Вон он откуда зашел, с какого боку!

– По-моему, он не дзюдоист. Он занимался, как опять же он утверждает, каким-то специальным восточным единоборством, которое на русский довольно вольно переводится как бой на деревянных мечах. Они – в таких масках, в черных кимоно с широкими штанами – деревянными мечами молотят друг друга… Но вернемся в наш 98-й год. Что касается назначения Сергея Кириенко директором «Норси», то мне тогда просто неохота было с Борькой ругаться – я знал, что все равно он передавит и получит уголок от Б.Н., что, мол, назначайте и нечего мозги пудрить.

– Уголок – это роспись?

– Ну, такая бумажка, на ней написано «Президент Российской Федерации». Что-то такое грозное. Они регистрируются. Исполнение таких уголков отслеживается.

– А на какой почве Кириенко и Борис Абрамыч сдружились?

– Это уже за пределами моего понимания, поскольку я ушел в августе, когда он был заместителем министра топлива и энергетики. Видимо, сперва он как перспективная фигура не рассматривался. А потом начал рассматриваться, и к марту его уже, вот тебе, пожалуйста, в и. о. премьеры. А в мае его утвердили уже как премьера полного.

– Так. Все нам теперь ясно с отставками правительства?

– Нет… Не ясно. Я возвращаюсь к твоему пассажу относительного того, что государственная пирамида ничем не отличается от мавродиевской. Не соответствует действительности ваше утверждение.

– Напомню, я не свой взгляд на вещи излагал, а цитировал смешные высказывания Мавроди.

– Ему, конечно, не хотелось отличаться от государства. Этот тезис он приберег для того, чтобы сообщить, что рядом с ним должно сидеть Правительство РФ. И потому Мавроди не надо сажать. Но это не так. Я тебе могу объяснить, в чем смысл классической пирамиды, которую, конечно, не Мавроди придумал. Таких пирамид было много – взять хоть ту же самую «Властилину», «Торговый дом Селенга», «Хопер-инвест» и так далее. Их же было много…

– «Властилина» вышла вчистую, потому что там не доказан злой умысел. Так мне объяснял адвокат Астахов. Смотри: она бабки получила, но они все куда-то делись. Не доказана ее корысть. У нее осталось два автомобиля и одна квартира. Нет злого умысла, извините. Типа, деньги честно просрала. Да, а то, что у нее сын на Западе с бабками, – ну так это сын, это ж не она. «Откуда у него деньги? Я ему не давала». Не давала! Где расписка, что это она ему дала? Ну так расскажи же о различии в пирамидах.

– Сейчас расскажу. Это очень важно. В чем суть классической пирамиды? Допустим, я у тебя взял рубль. И пообещал тебе через год вернуть два. Но тот рубль, который ты мне дал, я не в дело пустил, а проел, мне нужно дальше два. Я беру двух человек. Каждому пообещаю по 100 % доходность, они мне дают по рублю. Я эти два рубля возвращаю через год тебе. Но теперь мне уже нужно четыре рубля. Я беру четырех человек, и пошла пирамида вверх. И так она все время идет, идет, идет. На каком-то этапе я эти деньги ворую, и следующее поколение приобретателей моих

обязательств получает ноль. Вот, собственно, и все. Меня сажают в тюрьму, и я там начинаю рассказывать, что я похож на государство. Но государство – это другая история. Потому что оно обладает неким активом, который генерирует деньги. В частности, у государства есть налоговая система. И оно часть своих обязательств покрывает из тех денег, которые приходят в виде налогов. Таким образом, пирамида может расширяться не геометрически, а как-то более узко. Понимаешь? Это первое.

Второе. Поскольку доходность рассчитывается государством исходя из желания вернуть взятые в долг деньги, а не как в случае с классической пирамидой – просто их стырить, то и доходность основывается на реальных доходах государства и высокого его авторитета у инвесторов. В случае если инвесторы доверяют государству, то тогда они дают ему в долг деньги надолго и под небольшой процент. Например, существуют пятидесятилетние облигации правительства США с доходностью около 5 %. Есть «вечные» облигации правительства Великобритании, так называемые «перпечиал бондс». То есть облигации, которые никогда не будут погашены, но по которым всегда регулярно платится купон, то есть процент.

При соблюдении этих двух условий, то есть при наличии разумной доходности и высокого доверия инвесторов, государственная «пирамида» может существовать сколь угодно долго и не рушиться, поскольку на каком-то этапе она перестает расширяться или процесс ее расширения и сужения становится управляемым. Таким образом, различие между частной пирамидой мавродиевского типа и государственной системой заимствования заключается в том, что частная лавочка рассчитана изначально на кидняк, а государственная – при наличии доверия со стороны инвесторов и разумной политики финансовых властей – является нормальным экономическим проектом. Итак, доверие, доверие и еще раз доверие инвесторов. Вот то, чего Россия лишилась в 1998 году.

– Вот его-то, доверие, как раз и подорвали Гусь с Березой…

– Умничка! Это же очевидно. Сначала они дрючили правительство – типа, там коррупционеры, то-сё, и таки довели его до отставки. Потом они поставили Сергея Владиленыча, которого еле-еле, с огромным трудом протащили через Думу, и таким образом доказали, что правительство фактически не пользуется поддержкой парламента. Почему ж они после этого удивились, что в августе случился дефолт? Непонятно… И вот тогда все кредиторы лавинообразно предъявили государству свои долги к оплате.

– Почему лавинообразно?

– Ну, потому что доверия не было к государству. Потому что с помощью колоссальной, длительной, в течение года, атаки СМИ было подорвано это доверие. Если сейчас на правительство Путина начать целенаправленную – во всех газетах, на телеканалах и радио – атаку, задействовав зарубежные средства массовой информации, которые падки на всякие возможные штучки и так далее, – уверяю тебя, правительство Путина свалится так же быстро, как и правительство Черномырдина. Точно так же! Другой разговор, что у правительства Путина благодаря высоким нефтяным ценам нет внутреннего долга, оно поэтому не выпускает ГКО и ему нечего предъявить к оплате. А внешний долг оно обслуживает исправно – опять же благодаря высоким ценам на нефть. Но можно найти способ это правительство обвалить и по-другому! Не путем раскачки финансовой системы, а, допустим, на коррупционном каком-нибудь скандале. Обвалить его и отправить в отставку! Когда Гусь с Березой начали атаку на Путина в августе 2000 года с помощью «Курска», они же именно эту цель перед собой ставили – показать ему, что он от них зависит. Что он должен искать с ними общий язык. Что без них он не обойдется. Вот чего они хотели от Путина. Они от него именно этого хотели! И они всерьез рассчитывали на успех.

– Я говорил тогда по секрету одному из тех, кто тогда реально руководил СМИ: «Слушай, я, как легко догадаться, всегда был за свободу печати, но она чего-то уже зашкаливает. Ты бы того, немножко б ее приструнил. Только не говори никому, что я тебе даю такие рекомендации». Он говорит – ну смотри, как скажешь. Теперь это дело прошлое, чего ж скрывать…

– Они ему сказали: если ты с нами не договоришься, мы тебя будем мочить, товарищ Путин. А если ты с нами договоришься, мы расскажем, какой ты молодец, прервал отпуск и поехал в Видяево. Он не захотел с ними договариваться. Мне не очень понятна вся эта история. На что они рассчитывали? Ладно, вот они меня мочили, грозили посадить, все эти прослушки организовывали и материалы отдавали прокурорским, на допросы вызывали… Фактически следствие вели не следователи, а Гусь с Березой! Это они питали материалом следствие! Но это ж другое дело!..

– Ну может, они думали – он такой тихий, скромный…

– Я не знаю, чего они думали. Но дело в том, что они твердо опирались на поддержку а) правоохранительной системы, которая всегда ненавидела и ненавидит нас, «строителей капитализма», б)

Бориса Николаича Ельцина. Ну, в выборе между Гусем и Березой, с одной стороны, и мной – с другой, его выбор очевиден: он был на стороне Гуся и Березы. А когда у вас нету поддержки правоохранительной системы, когда президент против вас и вы идете в атаку на президента… Верх безрассудства! Это, наверное, возможно, когда действительно телекомпании приносят доход; если к ним нет никаких юридических претензий и они абсолютно ваши – тогда, может быть, такая игра имеет право на существование. Тогда власть, которую вы критикуете, должна уж совсем как-то за флажки прыгнуть, чтобы у вас эти громкоговорители отобрать. Но если у тебя компания в долгах как в шелках и должна она государственной (или полугосударственной) структуре под названием Газпром, которая в конечном итоге управляется из Кремля… И если на руководителей этой структуры – я имею в виду Газпром – тоже до хера всякого материала есть… Тогда при выборе между Кремлем и Гусинским эта структура выбирает, конечно же, Кремль. Это что касается НТВ. И следовательно, тебе эти долги предъявляют, забирают эту структуру – и весь твой галдеж заканчивается на этом. Или когда у тебя в ОРТ – это я уже к Березе перешел – нет контрольного пакета, а он у государства, то мне непонятно: на что рассчитывали эти два архаровца, когда начали на государство же нападать? Вот оставим вопрос о том, на чьей мы стороне. Потому что любой наш ответ будет неискренним. Мы сейчас просто холодно и цинично рассматриваем резоны. Какой у них был шанс?

– Может, они рассчитывали на деликатность президента. Им казалось, что он такой тихий…

– Этот тихий человек уже к тому времени почти год как вел войну в Чечне. Он ее начал. Он не побоялся снова вступить в эту воду. Поэтому к августу 2000-го, извиняюсь, шансов, что он тихий, не было. Это был тот самый август, который следовал за июлем, когда Гусь уже три дня посидел в тюрьме. Значит, по поводу решительности Путина у Гуся не было никаких иллюзий. А Береза-то на что рассчитывал?

– Что – с ума они сошли тогда, что ли?

– Не знаю.

– Кстати, это бывает даже просто с журналистами, даже с бумажными массмедиа, а с телевизионными и подавно. Что у них крыша едет. Манечка – в смысле мания величия. Или звездочка – звездная болезнь. «Я – очень великий». Я слышал такие рассказы от коллег: «Пришел к Путину и говорю ему: ты кончай там, ну чего ты делаешь? Он отвечает: хорошо, старик, ты прав, спасибо, что сказал. Он так потом и сделал,

потому что типа Владик (его и так называют) – нормальный парень».

– Ну, это Трегубова чистая.

– Она это опубликовала, а другие устно хвастают. Я, жалко, с Владимиром Владимировичем не знаком лично, а то тоже б сейчас тебе чего-нибудь соврал. О моем влиянии на процессы федерального уровня.

– Да… Господи! Как же я ненавижу наши средства массовой информации! Как я их понимаю. Тема облегченной журналистской морали мне очень нравится. Когда журналисты для себя придумывают облегченную мораль, потому что общечеловеческую они выдержать не в состоянии. Говорят, это такая профессия, которая требует некоторых исключений.

– Ты же помнишь дискуссию, которую вели Венедиктов и Лесин. Лесин говорит: «Не бывает журналистской морали». И Венедиктов, ты помнишь, что ответил? Если человек лезет чужой жене в причинное место – это аморально. Лесин натурально соглашается. Он не знает, какой подвох его поджидает… Тогда Венедиктов говорит: а если это гинеколог? Тогда, типа, можно, соглашается министр. Венедиктов торжествует, он доказал, что у гинеколога бывает профессиональная мораль. Стало быть, она и у журналиста возможна.

– Нет такой заповеди, что нельзя лезть в причинное место. Но есть заповедь – не лжесвидетельствуй.

– Имеется в виду – в суде.

– Вообще. Не лжесвидетельствуй – значит, не ври. Я говорю про десять заповедей.

– Но ты про что говоришь? Про суд. А я про прессу. Если ты пишешь заметку, ты вообще не свидетель. А репортер.

– Венедиктов, как всегда, суть вопроса замылил хитрым оригинальным остроумным полемическим приемом. Это стандартная ситуация с Венедиктовым, который никогда ничего не хочет обсуждать по существу, а все время просто хочет понравиться аудитории. Это его проблема. Когда он начинает обсуждать что-то по существу, выясняется, что у него по существу ничего нету.

– Я считаю, что со стороны Венедиктова тут не замыливание, а чистое логическое рассуждение. А Лесин попался конкретно. И потом, как можно попрекать ведущего коммерческой радиостанции, что он хочет понравиться? Смешно. И вообще, ведущий – это же актер, это его работа – развлекать публику!

– «Какой великий актер умер во мне!» Да? А еще у меня была

дискуссия с Познером. Причем даже более содержательная. Был некий мастер-класс, который он проводил для провинциальных журналистов и на который в качестве подопытного кролика или подсадной утки пригласили меня. Это было как бы некое умозрительное ток-шоу, а после разбор полетов. И у меня в связи с этим был диалог с Владимиром Владимировичем (Познером) следующего содержания. Он привел такой пример. Допустим, вы пришли на прием к министру обороны своей страны, говорил он какому-то вырванному из толпы провинциальному репортеру, и краем глаза случайно увидели приказ о проведении всеобщей мобилизации и начале войны против соседнего государства, допустим Китая, через три дня. Ваши действия как журналиста? Владимир Владимирович утверждал, что, как честный журналист, в рамках особой журналистской морали он обязан об этом сообщить граду и миру, дать эту информацию в открытой печати. Поскольку журналист обязан информировать общественность. И здесь наши позиции разделились. Я утверждаю, что такой специальной морали у журналиста не существует. Он в такой ситуации должен просто сесть и подумать, чем это все грозит. А грозит это следующим. Китай, узнав, что через три дня русская армия собирается напасть на Китай, нанесет превентивный ядерный удар. И перейдет в наступление, уничтожит очень много наших солдат, не говоря уж о мирных жителях. И ответственность за это будет лежать на журналисте, который выдал секретные планы своего государства. Журналист выдает, пользуясь своей специальной моралью, и, таким образом, нарушает заповедь «не убий». Он становится убийцей.

– Ты привел очень красивый пример.

– Да. Мы с Владимиром Владимировичем тогда не договорились.

– Познер, конечно, тут не прав.

– А он настаивает на том, что прав.

– Но все же есть профессиональная мораль. Везде. Мы выше уже рассмотрели пример с гинекологом.

– Гинеколог никакой заповеди не нарушил…

– Мораль ведь не исчерпывается только заповедями.

– Хорошо. Можно я скажу? Есть у евреев замечательная вещь. У них огромное количество заповедей, не помню сколько. Но для неевреев, то есть гоев, таких, как мы с тобой, заповедей существенно меньше. Вот и журналисты по этой схеме для себя выбрали облегченную мораль…

– ОК. Случай с гинекологом тебе не нравится. Берем другой случай. Помнишь, Геращенко клялся, что обмена денег не будет. Он клялся и в итоге обманул. У него не было

выбора. Профессиональная мораль оказалась выше общечеловеческой.

– Это Ельцин сказал, что никакого падения рубля не будет.

– И Геращенко еще говорил.

– Я считаю это полной херней.

– Если бы Геращенко начал выдавать секретные планы по финансовой политике – что это был бы за финансист? Это все равно что репортер, который выбалтывает план нападения на Китай.

– А что это за финансовая политика, которая является тайной? Что за свинство? Вот этого я не понимаю. Финансовая политика, которая является тайной от народа, – она сама по себе аморальна. И наличие в ней тайны аморально. Потому что эти деньги, извиняюсь, не только ваши, господин Геращенко, это и наши деньги. И поэтому делать тайну из того, что будет с моими сбережениями, – аморально. Это мое имущество! И это – нарушение заповеди «не укради»!

– Хорошо. Вот ты сидишь, например, на переговорах с кем-то; ты же не говоришь сразу чуваку: «Минимальная цена, до которой я готов опуститься, вот такая». Вместо этого гонишь, что овес нынче дорог, начинаешь человека лечить и разводить на бабки. Он думает: хер с ним, пожалею бедного Альфреда Рейнгольдыча, дам ему скидочку.

– Нет, я не согласен.

– Как, ты не согласен? Ты же его обманываешь.

– Каким образом?

– Ну как? Это же особенность бизнеса – купить дешевле, продать дороже.

– Нет, ты бинарные отношения между людьми не путай с отношениями человека и государства. Когда я веду переговоры с коллегой своим по бизнесу, то, извиняюсь, я хочу его развести точно так же, как он меня. В этом смысле мы квиты, у нас равные шансы. А у публики, которая читает прессу, нет никаких шансов обмануть журналистов.

– Так. Поехали дальше. А вот еще есть профессия палача. Необходимая государству. Там есть своя профессиональная мораль. Палачу позволено убивать! Ему за это даже платят зарплату.

– А я считаю, что профессия палача – аморальна.

– Допустим. Но мы же не привлекаем палача по 105-й статье каждый раз, как он выполнит свою работу согласно штатному расписанию и должностной инструкции.

– Мы как государство приостановили действие смертной казни на территории РФ. И я считаю это правильным.

– А до того как не приостановили, никто же не привлекал палачей к уголовной ответственности.

– Это не отменяет того, что палач занимается аморальной деятельностью. И я считаю, что нужно всех палачей уничтожить. Не в смысле – убить, а в смысле – уволить. Ликвидировать как вид деятельности.

– Но тем не менее мораль у них была профессиональная. У гинекологов одна мораль, у бизнесменов – другая, у министра финансов – третья, у палача – четвертая.

– Хорошо. Я тебе по-другому скажу. Вот спроси гинеколога: нравится ему в посторонних гениталиях копаться? Он скажет: нет, ему это не нравится, просто это его работа.

– Точно так же палач расстрелял Чикатило. Не потому, что ему так уж хотелось кого-то завалить, а просто ему приказали.

– Палач, когда занимается палаческой деятельностью, если он совестливый человек, то понимает, что, грубо говоря, херней занимается. Где-то свербит, он пьет горькую, дома нелады, на детях срывается. Вот этот образ пьющего после рабочей смены, спивающегося палача – он такой вот очень органичный. И дед твой, который «маузер» сжимал и расстрелы в ЧК проводил, наверняка у него что-нибудь свербило. Помнишь, он тебе на старости рассказывал, сколько людей погублено, было такое. И министр финансов, председатель ЦБ, который врет народу про то, что все прекрасно, у него тоже ломки какие-то. Вот Чубайс, помнишь, в интервью, которое ты у него брал, долго рассказывал, что это аморально, но это меньшее зло по сравнению с тем, что могло бы быть. Девушек там передавят с бабушками в толпе за макаронами.

То есть они как говорят. Мы аморальны, палачи, финансисты и прочие, но мы творим зло вынужденно. Меньшим злом большее предотвращая. Иными словами, в рамках человеческой морали они ищут себе какое-то объяснение. И они испытывают дискомфорт. И только журналисты с радостью и без всякой на то причины, не предотвращая меньшим злом большее, а просто в силу некоей нравственной инфантильности, заявляют: у нас вообще особая мораль. Вот не палач говорит, что у него особая мораль, не гинеколог говорит, что у него особая мораль, не Чубайс, который рассказывает народу, что девальвации не будет, – а какой-то специальный журналистишко заявляет, что у них особая мораль и они сами себе ее придумали.

Вот смотри. Журналисты знают: для того чтобы получать зарплату, их издание должно быть коммерчески успешным. Для того чтобы оно было коммерчески успешным, нужно, чтобы его

покупали, чтобы у него была большая аудитория, большой тираж и так далее. А для того чтобы у них был большой тираж, чтоб у них размещали рекламу, они должны печатать факты жареные, скандальные, которые публика расхватывает как пирожки. Какие факты расхватывает публика как пирожки? Факты из жизни знаменитостей, будь то политики, актеры, спортсмены, известные люди, предприниматели. Факты из их личной жизни – с кем они трахаются, как они развелись, какой длины у них член, лысеют ли они, есть ли у него геморроидальные шишечки на анусе.

Но поскольку это нарушение прайвеси, причем откровенное, лобовое, то придумывается некая новая мораль – относительно того, что народ вправе знать о прайвеси известных людей. Какого хера? Что это меняет? Что, если я узнаю, что у прокурора Пупкина геморрой, что это изменит в моем представлении об этом прокуроре? Ничего! Но! Я куплю эту газету, поскольку мне интересно, что у него геморрой. Понимаешь? Нету, нету исключений! Прайвеси – оно прайвеси. Оно никогда не должно быть нарушено. Ни по отношению к известному человеку, ни к политику, ни к актеру. Но поскольку мое издание должно продаваться, я придумал себе облегченную мораль, что прайвеси вот этих людей может быть нарушено. И если это в какой-то степени касается политиков, то почему это должно касаться спортсменов, артистов, почему это должно касаться, например, просто чиновников, которые не занимаются политикой, а возглавляют, например, какое-нибудь статистическое управление?

– Алик, у меня нет для тебя другого народа.

– Ты журналистов имеешь в виду?

– Нет, вообще – читателя. Нет другого.

– А это проблема не народа. Это проблема журналистов. Народ везде одинаковый.

– Нет, это проблема народа. Вы построили рынок для всех, а не только для журналистов. И пресса вместе со всеми живет по законам рынка.

– А рынок может быть и аморален. Существует, к примеру, рынок киллерских услуг, где есть спрос и предложение. Но мы же не говорим, что этот рынок морален и что у киллеров есть своя особая мораль.

– Может быть, журналист так приносит пользу обществу – дает ему возможность выпустить пар в свисток.

– Перестань. Какой пар спускали, когда показывали Ковалева в бане? Ну какой? Куда этот пар должен быть канализирован, если бы его не выпустили? В народное восстание? И вот эта толстая баба (не помню ее фамилию) из газеты «Версия» или

«Совершенно секретно» целый год не сходила с экранов телевизора и рассказывала, что она точно знает, что вот так оно и было: он сидел в бане, а рядом с ним сидела голая девушка.

– И тем не менее повторяю, в каждой профессии есть своя мораль.

– Я предложу тебе редакцию, которая нас должна примирить, как мне кажется. В каждой области есть своя профессиональная этика, которую нельзя назвать моралью. Это этика гинеколога, этика палача, этика милиционера, этика вора и так далее. Но я готов признать существование профессиональной этики при двух обстоятельствах. Первое – в основном эта этика должна быть либо вложена внутрь общечеловеческой морали, либо ужесточать требования, делать их еще более жесткими, чем общечеловеческая мораль.

Если же профессиональная этика все-таки не укладывается в общечеловеческую мораль, тот, кто этой этикой пользуется, в глубине души прекрасно понимает, что он совершает глупость, мерзость, грех и низость. И вынужден с этим смириться, поскольку человек несовершенен, ему нужно семью кормить и так далее. Но внутри он признает, и так между собой они признают, – ну да, лучше, конечно, этого не делать, но поскольку иначе деваться некуда… И только журналисты настаивают на том, что у них не профессиональная этика, а именно мораль своя, что она сильно и радикально отличается от человеческой и что такого рода моралью могут пользоваться только они, а все остальные – нет. И делают все это они, конечно же, во благо человечества, и никаких угрызений совести они при этом не испытывают и так далее. Вот это мне кажется очень важно. И, по-моему, недооценено. Пресса, которая через предложение говорит о морали, сама по себе крайне аморальна. По своим базисным, фундаментальным основам.

– Тебя просто достали журналисты, и потому ты так пристрастен. Но разговор серьезный. Еще тебе мысленный эксперимент. Если ты возьмешь сейчас автомат и побежишь стрелять людей на улице – тебя поймают и посадят. Но ты сможешь спокойно делать ровно то же самое при наличии некоторых незначительных дополнительных условий: люди на улицах будут одеты несколько иначе – в чужие мундиры, и вместо зонтиков у них в руках будут винтовки «М-16», и вместо шопинга они будут заниматься обстрелом российских блокпостов. Если будешь стрелять по таким ребятам, то тебя не посадят, а, напротив, могут дать медаль.

– Нет. Секундочку. Мне ничего не будет, если я убью врага.

– О чем и речь. И в одном, и в другом случае ты убиваешь

людей. Но последствия разные. И в общественном мнении ты по-разному выглядишь. По одной простой причине: профессиональная мораль (в данном случае военнослужащего) отличается от общегражданской…

Комментарий Свинаренко

Даже фашисты, если ты помнишь, военнопленных худо-бедно отправляли в лагерь, согласно Женевской конвенции. А гражданских, пойманных с оружием, вешали и цепляли им на грудь табличку: «Он помогал партизанам». На их взгляд, наши партизаны были боевиками под началом полевых командиров и Женевская конвенция на них не распространялась. И поди сейчас скажи, что в этом не было никакой формальной логики…

– Кажется, у нас с тобой разные представления о морали. По мне, так мораль, в отличие от закона, заключается в том, что, если я нечто аморальное совершу, меня совесть замучает. Мне будет хреново, мне будет неприятно, я буду знать, что я совершил грех. В случае если я нарушаю закон, меня наказывает общество, а если я нарушаю мораль, то общество меня может и не наказать, но я сам себя буду казнить сильнее, чем кто-либо.

– Ну так журналисты почему столько пьют? Может быть, они как раз страдают от угрызений совести. А ты их козлишь.

– Я что-то не видел по вашим лицам, чтоб вы сильно страдали… Думаю, что пьет журналистская братия совершенно по другой причине. Просто журналисты по сравнению с остальными гражданами неплохо зарабатывают, а фантазии не хватает придумать, на что б деньги потратить. Их еще недостаточно много, чтобы купить себе «роллс-ройс» и дом за городом, но уже достаточно много для того, чтобы просто хорошо питаться и много бухать. И поэтому остаток, который, в общем, девать некуда, они пропивают. А журналисты, которые более-менее нормально зарабатывают, они малопьющие, если ты обратил внимание. Потому что у них есть куда девать деньги. Или там, допустим, Женя Киселев – он коллекцию вин собирает.

– Можно и коллекции собирать, и при этом нормально бухать, тут нетпротиворечия… Ты когда мне говоришь: у вас, журналистов, херовая мораль, двойная, – я слушаю и пытаюсь тебя понять. Поэтому я тебе говорю, что не провожу различия между тем, как человек на базаре нахваливает свой говенный товар и не шлет клиентов к конкуренту, у которого товар реально качественней и дешевле, – так и журналист… Тот же рыночный торговец как честный человек должен

сказать: «Не покупайте у меня! Или дайте мне полцены, и я ухожу отсюда». Одно и то же! И потом, без Минкина было бы скучно в журналистике. Как и без Караулова какого-нибудь. Без улыбки Пьяныха телеэкран теперь совсем другой… (*Незадолго до сдачи книги в типографию Пьяных вернулся на ТВ.* – Авт.)

– Блин, ну нельзя для развлечения портить людям судьбу. Нельзя для развлечения публики досужей ломать людям судьбу, рушить их карьеру, семейные отношения. Нельзя. А может, даже доводить их до смерти путем инфаркта и так далее. Я могу простой пример тебе привести. Вот ты знаешь состав обвинения, который предъявляла пресса мне в 97 – 99-м годах. Не знаю, как ты к этому относишься, но мне кажется, что в значительной степени, в подавляющей – это все лажа пустая. И такого рода претензии – относительно книг и так далее – можно предъявить огромному количеству людей. Почему-то выбрали именно меня. Сейчас не будем анализировать причины. Я молодой здоровый мужик. Со среднеустойчивой психикой. А вот мать у меня, например, в результате этого на нервной почве заболела сахарным диабетом. Кто за это должен ответить? Ах, иначе было бы скучно? Охерительно повеселились! Весело теперь. А если бы кто-нибудь из моих родственников крякнул от инфаркта? Например теща моя слабонервная. Тогда, блядь, кто веселился бы? Кому было бы весело от этого? Вот это называется «особая журналистская мораль» – никаких угрызений совести, ну померла так померла, что я могу сделать? Вот какая реакция стандартного журналиста, и это меня возмущает.

– Вот мы с тобой с Горшковым, который сайт «компромат.ру» сделал, разговаривали, он же все рассказал. Он как раз на острие. Вот он – настоящий журналист! А я так скорей нет…

– Это-то тебя и возмущало! Сидя и разговаривая с Горшковым, ты-то и обалдел от духовной нищеты этого человека.

– Ну зачем же так жестко… И потом, мы же его не побили, не выгнали – мы с ним выпили и поговорили.

– Ну, старик… У нас была другая задача.

– О! Наконец-то ты осознал, что мораль может быть профессиональной. Вот как залез в шкуру журналиста, так сразу и осознал. Как только взял на себя функцию работника mass media, сразу стал себя иначе вести, не как простой человек. Ты уже не бьешь человеку физию, а разговариваешь с ним как со старым другом, наливаешь ему и шутки шутишь…

– …А наша задача, нисколько не соврав, дать его прямую речь и сказать: «Делайте выводы сами». Мы же не пишем: Горшков –

пидарас конченый, не любит Россию, мизантроп, все делает для того, чтобы извести человечество. А они как? Ну, ради бога, дайте распечатку моего интервью в 98-м году, повесьте его в Интернете, напечатайте в «МК». Но зачем же его резать, зачем же переставлять абзацы, зачем же все «ай-ай-ай», сопли и слезы? Зачем? А потом вся пиар-поддержка, и Кира Прошутинская проводит заседания у себя в прямом эфире, и все заламывают руки, и все говорят – какая сволочь этот Кох. Хинштейн в поддержку Минкина вскакивает и говорит: «Как же можно так не любить Россию!» И это все видят и все смотрят.

– А я помню, мне Минкин показал письмо от читательницы. Говоря при этом: «Как меня любит народ! Видишь, мне письмо прислала какая-то там бабушка. И знаешь, как она ко мне обращается: „Дорогой Миночка!“ Вот это – любовь». Да… Что у нас еще было в 98-м?

– Осенью было мое знаменитое интервью.

– А, то самое! Хорошо оно тогда прозвучало. Ты находился тогда в Нью-Йорке и дал его по телефону.

– Нет. Я ездил непосредственно в радиостудию, куда-то в Нью-Джерси. А вот у тебя какая была реакция? Ты помнишь?

– Помню. Я прочитал твое это интервью знаменитое и подумал: ну вот, все и всех обосрал. А на себя бы посмотрел!

– Ты подумал – вот пидарас.

– Типа того. Кох злой, циничный, бессовестный – ну в таком духе. Не удивительно, что на тебя после этого интервью накинулись.

– Откуда взялся тот пафос обличения меня?

– Знаешь откуда? Кто-то из классиков сказал, что когда говоришь правду без любви, то получается не правда, а злобное обличение. У тебя там действительно стилистически было как бы противопоставление: «Вы мудаки, а я – хороший». Вот это всегда вызывает неприятие. Согласись!

– Не исключаю. Особенно после минкинской редактуры.

Комментарий Коха

Неизбежность необходимости[14] комментировать известную статью Минкина, которая претендует на объективный анализ моего злосчастного интервью, мне уже теперь очевидна… Без этого комментария книга в целом была бы неполной. У читателя возникло бы ощущение некоего авторского малодушия. То ли ему сказать нечего, то ли нет убедительных аргументов, чтобы дезавуировать «убийственные» доводы Минкина. То ли Кох связываться не хочет, что называется, «мараться»… Короче, есть ощущение незаконченности полемики.

Есть, правда, ответ в виде статьи «Альфред Кох. Настала пора объясниться» (см. приложение 1) в «Коммерсантъ-Daily» от 11 ноября 1998 года, в которой я ответил на основные претензии разгневанной «культурной общественности», но вот минкинский пафос… Вот что с этим пафосом делать-то? Как ни начнешь читать Минкина в «МК» или в «Новой газете», так сразу – пафос. По любому поводу. Засилье порнографии – пафос. Госчиновники жируют – пафос. Опять кто-нибудь провинился перед Минкиным – снова пафос! Способен ли он писать без пафоса? Особенно без обличительного пафоса? Ну, например, с самоиронией? Или писать мужественную «ремарковскую» прозу? Мне кажется, что хемингуэевщинка в большей степени подошла бы его мужественному, чуть заросшему брутальной щетиной простому лицу настоящего мачо. Аскетичный текст, без лишних эпитетов, стоическое, созерцательное отношение к гнилости власти и власти гнилости… Кох бы извертелся бы под презрительным взглядом холодных глаз Минкина-пулеметчика. Ан нет, свалился в обычный для него пафос, заламывание рук, перешел на личности. Слабо… Скажем прямо, если бы не сильный сам по себе материал Коха, то можно было бы сказать, что в этой статье минкинский гений не раскрылся в полную его силу. Одной из задач настоящего текста и является выявление скрытых пружин минкинской гениальности и мощи.

Я позволю себе сразу по ходу минкинского текста давать свои комментарии, то есть воспользуюсь методом самого автора. Так будет нагляднее. Кстати, текст по праву может быть назван минкинским, поскольку его редактура меня полностью изменила как акценты, которые я пытался расставить в интервью, так и, в некоторых случаях, смысл того, что я сказал.

Нуте-с, приступим.

В прежнее время, если молодой человек, сделавший хорошую карьеру, начинал плохо себя вести, ему с упреком говорили: «Родина вам дала все, а вы…»[15]

Да, да… Вспоминаю… Так говорила наша завуч в школе, когда мы хулиганили. Я всякий раз пытался подвести какую-нибудь бухгалтерию, какой-то баланс. И я всегда интересовался, что же такого особенного дала мне Родина? Что же она мне дала такого, что мне нельзя перед ее лицом стрелять из рогатки гнутой алюминиевой проволокой по аппетитным попкам старшеклассниц, драться за школой на куче сгоревшего мусора, играть в «трясучку»? И почему, когда идет перечень добрых дел, которые сделала (в минкинско-завучевской терминологии – дала) для меня Родина, то на первом месте идет не теплая Волга с жирными лещами на мелководье, полуденным летним зноем, не весенние, в расцветьях жарков, алтайские горы с мощной южной тайгой на скалистых склонах, не ковыльная степь под Семипалатинском, не бабушка, читающая наизусть выученного еще в церковно-приходской школе, ныне забытого Плещеева, не тетка, поющая немецкие песенки, а вот это занудное – бесплатное образование, здравоохранение и пенсионное обеспечение?

И когда я смотрю на жизнь моей двоюродной сестры, которая врач, и муж ее – врач, и мать ее, моя тетка, тоже врач (а вот отец ее подкачал – он был учителем), то я начинаю понимать, что это не доброе государство мне «дало» бесплатное здравоохранение, а измученный нищенской жизнью участковый терапевт мне дал это, будь оно неладно, бесплатное здравоохранение. Оно бесплатное не потому, что доброе и щедрое государство придумало, как его профинансировать, наступив на горло своим великодержавным амбициям, а бесплатное оно потому, что вырвали кусок изо рта врача и его детей и дали его мне. Жри, говорит, это тебе я, твое любимое государство, так бесплатно здоровье охраняю. Не застрянет ли этот кусок в горле? Не подавлюсь ли я добротой Родины?

И когда я вижу, как одуревший от круглосуточных операций хирург сидит на скамье подсудимых, а сытые и выспавшиеся военные прокуроры требуют для него срок за то, что он забыл поставить шлагбаум на въезде в госпиталь, то я умоляю – если я буду платить за здравоохранение, образование и не попрошу пенсии ни для себя, ни для моих детей, то ты, добрая Родина, не заберешь моего сыночка в армию? Все равно заберешь? Так что же ты для меня сделала, моя Родина? Ты ж предупреди меня, что все это не бесплатно. Что иногда платить за доброту твою придется

самой высокой ценой – жизнью детей.

Альфред Кох – бывший вице-премьер России, бывший глава Госкомимущества России, солидный, богатый бизнесмен, президент фирмы «Монтес аури» («Золотые горы»), которая выплачивала Чубайсу и его соратникам сотни тысяч долларов и, возможно, продолжает выплачивать. Кох был нашим правительством. Он был на самом верху. Выше только две должности: премьер и президент.

Типичные журналистские приемы. «Солидный, богатый бизнесмен» в тот момент (сразу после дефолта) имел долгов несколько миллионов долларов и никогда не был не то что президентом, а даже акционером компании «Монтес аури». Был председателем совета директоров. Специалисты знают, что это «две большие разницы». А неспециалисты, как Шура Балаганов, «ориентируются на интонацию». А интонация у Минкина всегда одна и та же. Обличительная, пафосная.

Далее – более. «…И возможно, продолжает выплачивать». Вот это «возможно» – это малодушие. Ну, право, Александр, ну уж наберитесь мужества и оскорбите же наконец Чубайса по-настоящему. Напишите: Чубайс – взяточник. Все знают, что вы его ненавидите. Ненавидите беспричинно, дикой биологической ненавистью. Такие случаи описаны. Ничего страшного. Вас будут судить. Вы проиграете процесс. Заплатите штраф. Но зато вы хоть дадите наконец выход своей ненависти. А то ж нельзя так. Всю жизнь копить, копить… Придумывать всевозможные «возможно», «якобы», «предположительно»… Надо дать выход своему бессознательному. Иначе можно свихнуться. И мы потеряем блестящего публициста. Он, «возможно», закончит свои дни в Кащенко.

И дальше. Не был я «вашим» правительством. Я был частью правительства. Нужно объяснять разницу между частью и целым? Нет? Прекрасно! Значит, все не так безнадежно. Напомню, что другими частями правительства, помимо прочих, были министр внутренних дел Куликов, министр обороны Сергеев, министр иностранных дел Примаков, директор ФСБ Ковалев, председатель правительства Черномырдин… Такое вот «правительство молодых реформаторов».

Вранье также и то, что выше меня были только премьер и президент. Выше меня были много кто. Например руководитель Администрации президента, первые вице-премьеры, председатели всех федеральных судов, спикеры обеих палат парламента, Генеральный прокурор – это формально, а неформально – еще прибавьте сюда Татьяну Дьяченко, незабвенных Бориса Абрамыча и Владимира Александровича, МИД, ФСБ, МВД, МО и Совбез…

Это то, что первое приходит в голову. Так что не стыкуется, г-н Минкин. На бумаге все красиво, а по существу – мимо кассы.

Недавно в Америке вышла в свет книга «Распродажа Советской империи», за обещание написать которую Кох два года назад получил 100 тысяч долларов отмаленькой швейцарской фирмы. В связи с выходом книги Кох на днях дал интервью русской радиостанции (WMNB) в США. Поскольку он упомянул там меня, мне позвонил из Нью-Йорка Михаил Бузукашвили и предложил послушать запись. Я послушал и сказал: «Думаю, что об этом должны знать в России».

Я не знаю, как обозначать нестыковки, искажения и вполне сознательные смысловые уловки г-на Минкина. Вранье? Слишком сильно для мелкой гадости, которую выдает он. Ложь? Дезинформация? Слишком литературно… О, придумал! Шептунок! Шепотком так, раз – украдкой… И все переглядываются, нос воротят. Запахло. А? Что? Да при чем тут гений пафоса? Да нет, ну что вы! Это случайно вырвалось. Поел что-то…

Вот например. Я получил гонорар не за «обещание» написать книгу, а за «обязательство» написать книгу. Разница понятна. Намерение Минкина исказить смысл тоже понятно. Цель – яснее не придумаешь. Раз – и воздух испорчен.

Или не шептунок, но перл. Перл, много говорящий об авторе. Вот как бы написал обычный человек? Он бы написал так: я послушал и сказал: «Об этом должны знать в России». Но не таковский Минкин! Минкин пишет: я послушал и сказал: «Думаю, что об этом должны знать в России». Минкин не сомневается, что читателю будет важно увидеть не только результат минкинских мозговых усилий, но и то, что называется «творческой кухней». То есть читатель, безусловно, заинтересуется, думал ли Минкин, прежде чем сделать это эпохальное заявление. И Минкин спешит удовлетворить законное любопытство. Думаю, говорит Минкин, следовательно – существую.

Граждане, у вас есть уникальная возможность увидеть образ мыслей нашего правительства. Увидеть, как они думают и что они думают.

Ну хорошо, хорошо… Допустим, хотя это очевидная натяжка – из того, что я говорю в интервью, можно сделать вывод о том, что думает правительство. (Господи! Какая ахинея! Что я несу!) Но как из этого можно понять не что, а как оно думает?! Как можно узнать особенности течения биотоков по нейронам? Увидеть их соединение в мириады электрических комбинаций и цепей? И потом, кто это – они? Уринсон? Сысуев? Немцов?

Вот она, поступь гения! Написал «как они думают, и что они думают», а дальше – ломайте голову, что это значит. Вот я и ломаю. Мне, недоумку, не понять, как из слов одного, отнюдь не самого характерного, члена правительства можно понять не только что думает все правительство в целом, но и выведать, как оно думает. Ну признайтесь же, что Минкин гений. Ну, право, какие еще доказательства нужны? Человек, мощью своего интеллекта постигший величайшую тайну разума, воистину равен богам!

Читая, не забудьте: перед вами не телефонный разговор, кем-то подслушанный. Перед вами – открытое, публичное выступление.

Очень дельное замечание. Разоблачительный пафос нашей неподкупной прессы так часто крутится вокруг замочной скважины, что читатель и вправду может не заметить, что на этот раз – редкий случай: открытое и публичное выступление.

Чубайс много раз говорил о Кохе как о честном человеке и своем единомышленнике. То же самое Чубайс говорит о Гайдаре, а Гайдар – о Чубайсе. И это правда – они единомышленники. Поэтому, читая, помните: перед вами не уникум, а член команды. И если такие вещи Кох говорит в микрофон, можно представить, что они – Кох, Чубайс, Гайдар и пр. – говорят между собой.

Спешу удовлетворить любопытство Минкина и всех остальных. Ни о чем таком, о чем нужно было бы стесняться говорить публично, я никогда не говорил ни с Чубайсом, ни с Гайдаром. Более того, тема, которую я затронул в нижеприведенном интервью, никогда, ни в каком виде мною с этими двумя людьми не обсуждалась. Кстати, насколько я помню, Гайдар меня даже публично осудил с экрана телевизора за образ моих мыслей, а Чубайс в приватном разговоре назвал мудаком. Это – правда! А домыслы Минкина – всего лишь плод его фантазии и нереализованных желаний. Очень хочется ему разоблачить гайдаровско-чубайсовский заговор против России, а его никак нету. Вот он и мечтает. Со страниц газеты.

И что они думают наедине с собой – тоже легко себе представить. То, что вы прочтете, можно было бы не комментировать. Но, читая, вы не услышите ни усмешек, ни хихиканья, ни той интонации, с которой сверхчеловек говорит о недочеловеках.

Душка Минкин! Ему легко представить, что я думаю наедине с собой… Гений! Но этот солнечный человек и вас всех, мои дорогие читатели, почитает за ровню себе. Он думает, что и вам легко себе представить, что я думаю наедине с собой. Воистину

Моцарт публицистики!

Эй, Минкин! Сыграй на флейте! Не можешь? Да это же просто: нужно зажимать пальцами дырочки, и польется музыка… Что? Все равно не можешь?… Сложно? А почему ты решил, что можешь играть на мне? Я – сложнее, чем флейта…

Никогда! Слышите, Минкин, никогда вам не узнать, что я думаю наедине с собой! Господь дал нам каждому индивидуальную душу, и что в ней творится, известно лишь мне и Ему. И больше – никому. Так что, Минкин, это не легко представить, это – невозможно представить. Зарубите это себе на носу.

Про недочеловеков и сверхчеловеков я вообще ничего не понял. По Минкину получается, что существует некий строгий канон, которым нужно пользоваться, когда речь идет о России, ее истории и ее перспективах, когда мы говорим о неоднозначной и отнюдь не только прекрасной и достойной подражания судьбе нашего народа.

Этот канон содержит очень ограниченное количество выразительных средств. Это либо слезливое умиление, либо «гражданственность» кобзоновского типа. Еще есть опостылевший минкинский пафос, да вот, пожалуй, и все. Эта конструкция стоит на странном тезисе – народ должен гордится своей историей. Хочется спросить: и все? И больше он не должен испытывать никаких чувств относительно этого деликатного предмета? Например сожаление? Или стыд? Раскаяние, смятение, иронию, радость, надежду? Отказано также в сарказме, возмущении, жалости, сочувствии. Только гордость, и больше – ничего… Всякое отступление от этого канона – тягчайшее преступление, святотатство, поругание божества. Всякая усмешка (а она бывает и горькой) – минкины сразу в крик: он нас за быдло считает! Всякое осуждение – окрик: не лезь своими грязными руками.

Возьмем хотя бы близкую, я надеюсь, Минкину тему. Научите меня, Александр, гордиться еврейскими погромами. Ну, право, я настолько духовно неразвит, что не умею этого сделать. Или, например, хрущевские экзерсисы на выставке в Манеже про «пидарасов». Судя по нижеприведенному тексту, Минкин к этой теме тоже неравнодушен. Как к этому относиться? С гордостью или с иронией? О Господи! Оставьте, Минкин! Вы настолько немотивированно пристрастны, что уже смешны.

Ну вот и интервью наконец, а то я уже устал комментировать нашего пафосника.

– Альфред, какой смысл вы вкладывали в название книги – «Распродажа советской империи»?

– Я – никакого. Это титул, придуманный моим издательством.

– Говорят о том, что приватизация в России носила дикий характер…

– Она везде такой характер носила. Пожалуйста: Чехословакия – там тоже недовольны итогами приватизации. Нигде, ни в одной стране мира, результатами приватизации электорат недоволен.

Это действительно так. И ничего удивительного в этом нет. Посудите сами: собственность достается единицам, а хотят миллионы. Взять простейший случай – аукцион. На аукционе много участников, еще больше желающих, но не могущих участвовать. И вот он закончился. Выявлен победитель. Посудите сами, ну кто из проигравших признается, что он проиграл по правилам? Правильно – единицы. Остальные будут говорить: подсудили, взяли взятку, коррупция, у них тут все схвачено.

Вот даже в спорте, где правила абсолютно прозрачные и четкие, всегда проигравший говорит – да, я сегодня не в форме, у меня растяжение, я после травмы, меня засудили… Что уж говорить, когда речь идет о десятках миллионов долларов? Поэтому результатами приватизации недовольны всегда и везде. Удивительно, если было бы наоборот. Просто в нормальных странах государство берет эти результаты под защиту и силой своего авторитета объявляет их неизменными. У нас же государство, формально приняв эти результаты, через прикормленных политиков и прессу постоянно ставит их под сомнение, заставляя владельцев приватизированной собственности нещадно ее эксплуатировать, выкачивая прибыль на оффшоры из соображений: а вдруг отнимут?

Утверждаю – политика, в отрыве от экономики, не имеет перспективы. Если, раскладывая политические пасьянсы, власть не замечает, как эти пасьянсы сказываются, например, на инвестиционном процессе, то такая власть своими руками готовит почву для серьезного кризиса.

– А что Россия реально получила от приватизации?

– Россия реально от приватизации получила фондовую инфраструктуру, возможность торговать акциями, возможность привлечения инвестиций через этот инструмент, Россия получила слой частных собственников, Россия получила деньги… э-э-э… порядка 20 миллиардов долларов, и мне кажется, что этого достаточно.

– А что в путях проведения приватизации было, на ваш

взгляд, неприемлемым?

– Ну, я бы отказался от ваучеров, если бы не давление со стороны Верховного Совета. (Нам почему-то казалось, что ваучеры – это Чубайс, а не Хасбулатов. – *А.М.*)

Минкин! Я вас обожаю! Боже мой, какая непосредственность во всем. Вот написал: «нам». Кому «нам»? Написал бы проще – «мне». «Мне почему-то казалось…» Минкину почему-то кажется. Ну и что за беда, что ему кажется? Когда кажется – крестятся. Повторю фразу кого-то из великих: «Невежество еще никогда не являлось аргументом в споре».

Но Минкин написал «нам». Прозрачно намекая на весь русский народ. И вот уже я стою идиотом. Невежество Минкина спряталось за короткую память «обчества». А против «обчества» не попрешь.

А не невежда ли Минкин и иже с ним втолковали в народную память связку «Чубайс – ваучер», превратив этот курьез в устойчивое заблуждение эпохи? И теперь прячется Минкин за дело собственных рук как за крепость! Воистину – слепые ведут слепых.[16]

– Часто в прессе появляются названия предприятий, которые якобы были закуплены за очень небольшую часть реальной стоимости, и в связи с этим говорят, что народ просто был ограблен.

– Ну, народ ограблен не был, поскольку ему это не принадлежало. Как можно ограбить того, кому это не принадлежит? А что касается, что по дешевке, пускай приведут конкретные примеры.

– Ну например, «Норильский никель». Если я не ошибаюсь, его оценили в 170 миллионов долларов, а говорят, он стоит многие миллиарды.

– Ну пускай те, кто говорит, многие миллиарды за него и заплатят. Я бы хотел посмотреть на тех, кто заплатит хоть один миллиард за «Норильский никель», у которого на тот момент, когда мы его продавали, убытки составляли 13 триллионов рублей.

Опять этот «Норильский никель». Уже писано про него, переписано. Береза с Гусем, когда ополчились на «молодых реформаторов», не могли критиковать приватизацию «ЮКОСа» и «Сибнефти». Вот и пополз по газетам и телевизорам «хрестоматийный» пример с «Норильским никелем».

Ну хоть кто-нибудь, когда берете у меня интервью, приведите

другой пример «плохой» приватизации! Умоляю! А то от скуки уже скулы сводит. У Довлатова есть похожий пример, когда он чуть не женился на женщине, которая после первой с ним ночи сказала, что он у нее третий. Все остальные говорили, что второй.

– Высказывается мнение, что в России катастрофа и экономическое будущее призрачно. Как вам кажется?

– Мне тоже так кажется.

– Не видите света в конце туннеля?

– Нет.

Кто, ну кто, положа руку на сердце, осенью 1998 года, сразу после дефолта, мог сказать, что к 2005 году цены на нефть вырастут в пять раз? Что цены на металлы вырастут примерно вдвое? Что в связи с этим бюджет вырастет тоже почти в три раза и будет профицитным? Что по этой же причине будет решена проблема внешнего долга? Кто? Разумеется, Минкин не в счет. Он-то, конечно же, знал об этом. И, безусловно, видел, в отличие от меня, грешного, блестящие перспективы. Которые я, откровенно сказать, и сейчас-то не шибко различаю.

Минкин знал все. Знал, что Путин придет к власти. Что снизит налоги. Что начнется новая чеченская война. Что бен Ладен нападет на Америку, а Буш на Афганистан и Ирак. Что в связи с этим тема Чечни отойдет на второй план и Россия станет нужна Западу не только как партнер по антитеррористической коалиции, но и как альтернативный арабскому источник углеводородов. Минкин – гений. Но с меня-то что взять? Я оценивал перспективы тогда. И старался быть честным. Что же мне предлагает Минкин? Соврать? И это было бы не цинично?

Ну хорошо. Давайте от обратного. А может ли этот титан мысли рассказать мне сценарий развития России после дефолта без:

1. Нападения Басаева на Дагестан и последующих событий.

2. Атаки на США 11 сентября 2001 года.

3. Роста в разы цен на товары традиционного российского экспорта. Совершенно очевидно, что ни один из перечисленных пунктов принципиально непредсказуем. Любой разумный человек, строя прогноз перспектив России осенью 1998 года, не мог в своем прогнозе предусмотреть эти события и их последствия. Так в чем же моя вина перед русским народом? Ей-богу, вот седьмой год никак в толк не возьму, чем же я так его обидел? Серьезно, вот, кроме минкинских завываний, по существу?

А упадут цены, тогда как с перспективами, а? И в ценах-то

этих какова наша заслуга?

– А как вы прогнозируете экономическое будущее России?

– Сырьевой придаток. Безусловная эмиграция всех людей, которые могут думать, но не умеют работать (в смысле – копать), которые только изобретать умеют. Далее – развал, превращение в десяток маленьких государств.

– И как долго это будет длиться?

– Я думаю, в течение 10–15 лет… Вы понимаете… В течение 70 лет, когда формировалось мировое хозяйство, Россия, вернее, Советский Союз находился как бы вовне, развивался отдельно, по каким-то своим законам. И мировое хозяйство сформировалось без Советского Союза. И оно самодостаточно, там есть достаточные ресурсы, все есть. И сейчас Россия появилась, а она никому не нужна. (*Смеется.*) **В мировом хозяйстве нет для нее места, не нужен ее алюминий, ее нефть. Россия только мешает, она цены обваливает со своим демпингом. Поэтому я думаю, что участь печальна, безусловно.**

– Прогнозируете ли приход инвестиций в Россию, будет ли он в той мере, в какой его ожидают?

– Нет, потому что Россия никому не нужна (*смеется*)**, не нужна Россия никому** (*смеется*)**, как вы не поймете!**

Сначала про то, что «Россия никому не нужна». Честный Яго, ой, пардон, Минкин выкинул окончание этой фразы. Полностью же она звучала так: «Россия никому не нужна, кроме себя самой». На этом его даже поймали на телевидении, прямо в эфире. Минкину это окончание мешало обличать мое паскудство. По замыслу автора, с этим окончанием я был недостаточной скотиной. Вот он и убрал его.

Что с этим поделаешь? Конечно, кто спорит? Раз мешает – надо убирать. Вообще убирать надо все, что мешает. Если стоит на дороге – отодвинуть, снести, разломать. Если живой – убить. Если мертвый – закопать, забыть. А как иначе, раз мешает? Тем более – Мин кину.

Дальше. Я уже писал, что отсутствие интереса к России и к русским со стороны инвесторов и вообще иностранцев воспринимается здесь, в России, как глубочайшее оскорбление. Согласитесь со мной, что такая реакция на этот в общем-то нейтральный факт неадекватна. Ну что здесь такого, что ну никак нельзя снести? Вот просто – ложись и помирай. Дания никому не нужна, кроме датчан, и что? У них произошел от этого массовый

психоз? Развалилась национальная ментальность?

Минкин! Возьмите себя в руки. Не произошло никакой катастрофы. Все целы. Обуты, одеты. Сравнительно сыты. Россия нужна только ее народу. Это нормально. Это везде так. По-другому – плохо. По-другому – это агрессия, экспансия, захват, оккупация. Понятно? Ну, умничка. Ну все, все. Успокойся. Все нормально, здесь все – свои. Никто тебя не обидит. Спокойно. Агушеньки, агу. Тшш, тшш… Спи. Все.

И теперь тихо, пока Саша спит. Господа читатели! Если я высказываю гипотезу относительно того, что в среднесрочной перспективе Россию может захлестнуть волна сепаратизма и она развалится на несколько государств, разве из этого следует, что я радуюсь этому возможному сценарию? Ведь не один я так думаю. И вопросы, вопросы… А почему полпреды президента в округах почти сплошь – военные? А финансовый централизм, который провел Кудрин, практически ограбив местные бюджеты, он не приведет к взрыву негодования в духе «Москва жирует на наши деньги, а мы хрен без масла доедаем»? А разгром Совета Федерации и отмена неприкосновенности для губернаторов, это для чего? Ну и Чечня наконец. Ведь ее не было в 1998 году. Тогда был плохой, никуда не годный, «хасавюртовский», но – мир. А другие республики Кавказа? Да уберите дотации из федерального бюджета, и они разбегутся кто куда. А знает ли металлург из Екатеринбурга или нефтяник из Сургута, что на его деньги содержат «хачиков»? И согласны ли они жить с гордыми «детьми гор» в одной стране?

– Но ведь Россия имеет гигантские экономические и людские ресурсы, и работать на российский рынок…

– Какие гигантские ресурсы имеет Россия? Этот миф я хочу развенчать наконец. Нефть? Существенно теплее и дешевле ее добывать в Персидском заливе. Никель в Канаде добывают, алюминий – в Америке, уголь – в Австралии. Лес – в Бразилии. Я не понимаю, чего такого особого в России?

Мировые запасы нефти составляют около 140 миллиардов тонн. Из них на Саудовскую Аравию приходится 30 % мировых запасов. А на весь Ближний Восток – около 66 %. На Россию приходится примерно 5 % мировых запасов нефти.

Да, сегодня мы добываем больше всех нефти. Даже больше, чем Саудовская Аравия. И правильно делаем. Глупо не добывать, когда такие высокие цены. Нельзя же, в самом деле, утверждать, что лучше добывать, когда цены низкие. Но в стратегическом плане мы не представляем серьезной альтернативы Ближнему

Востоку. Так, тактические конкуренты, временная замена. Да и себестоимость добычи у нас, в силу географических особенностей, значительно выше.

Такой анализ можно провести практически по всем статьям российского экспорта. И по металлам, и по лесу. В стороне стоит только российский газ. Его запасы у нас действительно беспрецедентны – 25 % мировых запасов. Но именно в силу их исключительности реформы в Газпроме практически не идут, добыча остановилась на 550–580 миллиардов кубометров в год. На внутреннем рынке мы его продаем ниже себестоимости, внешние рынки постепенно теряем. Дружными усилиями, не ровен час, угробят «национальное достояние» выдающиеся менеджеры нового призыва.

– Но торговать с Россией, с огромной страной, где огромная потребность купить, купить, купить…

– Для того чтобы купить, нужно иметь деньги. Русские ничего заработать не могут, поэтому они купить ничего не могут.

Ну а здесь-то в чем обида? Вы уж, г-н Минкин, определитесь: либо вы рыдаете над несчастной судьбой нищающего и голодающего народа, и тогда не обижайтесь, что я утверждаю ровно это же – что народ ничего не может купить, поскольку у него нет денег.[17] Либо обижайтесь, но при этом не лейте крокодиловы слезы относительно бедности нации. Или у вас монополия на констатацию бедности?

Кстати, я не знаю, может, вы не в курсе, но для того чтобы деньги появились, их необходимо заработать. Хотя для вас это, конечно, новость. Вы так привыкли обличать воров и жуликов, что уже забыли о существовании нормального способа добычи денег – путем труда.

– Словом, вы не видите никаких перспектив?

– Я – нет. (*Смеется.*) **Ну, Примаков если видит, пускай работает** (*смеется*)**, я, как только перестал их видеть, я уволился из правительства.** (*Не он уволился, а его уволили. 11 августа 1997 года вице-премьер России Кох вместе с семьей улетел в Америку в отпуск. А 12 августа внезапно сообщили о его отставке. 14 августа он вернулся на полтора дня, «сдал дела» и улетел обратно в США. Несмотря на очевидный скандал, Чубайс по привычке врал, что эта отставка – «плановая». Кох же хочет нам внушить, что до увольнения был патриотом, энтузиастом, государственником, потом продал «Связьинвест» и с 12 августа вдруг стал пессимистом и уволился. Вот если найдется девушка, которая в это поверит, Коху следует на ней жениться. С такой доверчивой жить ему будет очень удобно.* – А.М.)

Позвольте полюбопытствовать, Александр, а вы откуда узнали, что я с семьей уехал в США? Не иначе прослушку читали! Ай-ай-ай. Как не стыдно. Вам мама в детстве не говорила, что подглядывать и подслушивать нехорошо? Как же вы так, а?

Гусинский установил за мной слежку, прослушивал мои телефоны, записывал все адреса и имена людей, с которыми я встречался. Ничего «такого» не получил. И с досады, видимо, все это вывалил в Интернет, в газеты. Наврал половину, именно половину – для правдоподобия. Так зачем же вы все это читали? Это же неприлично. Что, не удержались? Очень интересно? Слюни текут? А что ж вы тогда против порнографии? Она еще интереснее. И текут не только слюни.

Мне кажется, что любовь к прослушкам и любовь к порнографии имеют одну и ту же природу. Одержимому этой манией человеку хочется увидеть, узнать что-то, что большинство людей считают личным, интимным. То, что не принято показывать всем. И от этого еще острее вожделение. Гормоны клокочут, глаз наливается. Жизнь бурлит!

И не надо мне рассказывать про особый журналистский долг. Про необходимость информировать общественность о частной жизни известных людей. Откуда это вдруг она взялась, такая необходимость? Ну хорошо, допустим, общественный деятель должен быть прозрачен насчет своих доходов. Готов согласиться. Я даже согласен, что те, кто судит и сажает, а также те, кого выбирают, должны быть в частной жизни безукоризненны. Но остальные-то при чем?

Вот я был нанятым госчиновником. Никто меня не выбирал. Я никого не судил и не сажал. Не претендовал на роль морального лидера поколения. Никогда и никого не учил жить (да я и сам толком не знаю, как это – правильно жить). Ну почему если один мудак за мной следил и собирал всякую чушь, то второй, который гений, должен сам копаться в ней и еще и приглашать публику это делать?

Критикуйте, как чиновник работает. Что, аргументов не хватает? Тогда заткнитесь! Ах нет? Взамен придумано: а вот смотрите, как имярек какает! И такой человек был «нашим правительством»? Вот Ленин, например, не какал. Знаем мы все эти штучки. Нельзя по существу опорочить человека – залезают к нему в постель, в семью, к детям.

Я не настолько наивен, чтобы не понимать, что все эти мои пассажи – впустую. Я ведь для чего это все пишу? А вот для чего: Минкин, не боритесь с порнографией. Вы выглядите не очень убедительно с вашей любовью к замочной скважине. Ах, вы сами

не подглядывали, вы в газете прочитали? Так не читали бы, отложили в сторону, раз прослушка. Что, слабо?

Вы ведь почему боретесь с порнографией? Потому что сами не в силах от нее оторваться. Вот и кричите: «Запретите мне ее, а то я уже работать не могу, сил нет!» Заодно и всем остальным нужно запретить, а то ведь можно и через плечо смотреть, и в бинокль. И нудистские пляжи запретить, а то – тянет. Об этих ваших взаимоотношениях с порнографией, как вы выражаетесь, «легко догадаться».

Только не надо приплетать детей. Этот приемчик мы знаем. Вон в Швеции порнография даже в супермаркетах лежит на самом видном месте, а дети растут нормальные. Так что, Минкин, опять вы только о себе любимом. Как обычно.

Подробности же моей отставки вы, мои дорогие читатели, знаете. Я их уже описал в предыдущей главе «Бутылка шестнадцатая. 1997». Еще раз подчеркну: никто меня не выгонял. Атака началась позже. А в тот момент мне говорили красивые слова про большой вклад. Кто? Например Виктор Степаныч, глава президентской администрации Валентин Юмашев, Татьяна Дьяченко. Не говоря уже о Чубайсе, Немцове, Сысуеве. Да и пресса первое время меня благосклонно оценивала. Врет опять Минкин. Да и как ему не врать, если Гусинский попросил? Или приказал?

И еще. Уверяю вас, Минкин, я ничего никому не хочу внушить. И потом, опять у вас это странное – «нам». Отвечайте наконец за себя. Вы что, народный избранник? Нобелевский лауреат? Признанный классик? Что вы все время «нам», «мы». Нельзя свои домыслы и фантазии, невежество и злонамеренность прятать за это вот лукавое «нам». Не отождествляйте себя с народом. Поверьте, вы сильно от него отличаетесь. Во всяком случае, мне это заметно.

Мне, откровенно говоря, неудобно убеждать публику в собственном патриотизме. На мой взгляд, это некое подобие эксгибиционизма. Правда, сейчас это модно. Но тем не менее. Мне непонятна логика Минкина, который из моей фразы делает вывод, что я перестал быть патриотом. Я не понимаю, почему у Минкина, да и не только у него одного, патриотизм и казенный оптимизм – это синонимы. Почему нельзя быть патриотом и одновременно, например, пессимистом? Любить и жалеть? Любить и говорить то, что думаешь? Или дозволен только щенячий восторг и ничего больше?

Кстати, патриот с государственником – это не одно и то же. Совсем даже не одно и то же. В некотором смысле это противоположные вещи. Но я боюсь, что это слишком сложно для

восприятия Минкиным. Поэтому не буду эту мысль развивать.

Про женитьбу я понял: это Минкин так шутит. «Барбумбия киргуду. Шутка». Оценка – "два"». Не смешно. Честно. Видно – это не его жанр. Как говорится, если у человека нет чувства юмора, то у него должно быть чувство, что у него нет чувства юмора.

Какой же вы несчастный человек, Александр. Убогость какая-то: одна злоба да пафос. Мне вас очень жалко. Это искренне.

– Как, по-вашему, может повернуться экономическая политика российского правительства? Будет ли возврат к старым методам?

– Какое это имеет значение? Как ни верти, все равно это обанкротившаяся страна.

– И вы полагаете, что никакие методы хозяйствования Россию не спасут?

– Я думаю, что бесполезно.

– Могут ли быть реформы в обычном понимании этого слова приемлемы для России?

– Если только Россия откажется от бесконечных разговоров об особой духовности русского народа и особой роли его, то тогда реформы могут появиться. Если же они будут замыкаться на национальном самолюбовании, и искать какого-то особого подхода к себе, и думать, что булки растут на деревьях… Они так собой любуются, они до сих пор восхищаются своим балетом и своей классической литературой XIX века, что они уже не в состоянии ничего нового сделать.

– Но может быть, у России свой путь?

– В экономике не бывает своего пути. Есть законы.

«…Зато мы делаем ракеты и покорили Енисей, а также в области балета мы впереди планеты всей». Господи, как это надоело! Ну что, шпилька по поводу этой пропагандистской жвачки тоже является оскорблением России? Что, Минкин, вы предлагаете «замкнуться в национальном самолюбовании»? Продолжать думать, что «булки растут на деревьях»? Рассуждать в манере Васисуалия Лоханкина про особую духовность? И тогда экономические законы перестанут работать на одной седьмой части суши?

И вовсе не веет из моего интервью безысходностью. По-моему, я четко объясняю, как преодолеть экономический кризис. Во-первых, признать, что экономическим законам плевать на особую и исключительную духовность того или иного народа. Во-вторых, признать, что никакой особой духовности-то и нет, судя

по отношению к детям и инвалидам. В-третьих, определить, что духовностью (если таковая все-таки будет найдена) нужно кичиться во внерабочее время. А на работе – работать как все. Как японцы, вьетнамцы, индусы, англичане.

Пример? Пожалуйста. Во всем мире признали, что монополия есть абсолютное зло. В экономике – особенно. Государственная монополия в экономике – хуже не придумаешь. Нет конкуренции, отрасль загнивает, отсутствие прогресса и так далее. От таких монополий всем плохо. Это – закон! И только у нас в России нам говорят: «Газпром не будет реформирован, и это хорошо». Ну за кого нас держат? Понятно же, что если не сейчас, то потом всем не поздоровится, и Газпрому – тоже. Так чего ждем? Почему не реструктурируем? По-прежнему считаем, что экономические законы нам не указ? У нас свой путь? Скучно, господа…

– Вот приводят польский опыт, китайский опыт… Может ли быть он полезен для России?

– Да, безусловно. Я в позавчерашней «Файнэншл таймс» прочитал статью, что государственные чиновники украли в Китае 25 миллиардов долларов на субсидиях на зерно, вот этот опыт очень бы пригодился в России. Правда, там 25 миллиардов нет. А польский опыт ничего особо позитивного не имеет. Это миф, который распространяет МВФ. Что особенного они сделали? Чем они заявили о себе на мировой арене? Продукт какой-нибудь выдали? Ну живут себе, картошку копают.

Да. Я и сейчас считаю, что этот опыт поучительный. Действительно, вот китайцам МВФ дает кредиты для субсидирования сельского хозяйства. И при этом Китай принимают в ВТО. А от России требуют прекратить скрытое субсидирование через низкие тарифы на электричество и газ, а иначе в ВТО не принимают. А о том, чтобы попросить кредиты у МВФ на такое субсидирование, – даже не заикайся.

То есть мало того что китайцам не запрещают субсидирование, а даже в связи с отсутствием у них денег (во что слабо верится, все-таки вторая экономика в мире) выделяют для этого международные кредиты. А нам, нашедшим внутренние источники для субсидирования и не просящим ни у кого для этого денег, – запрещают под страхом неприема в ВТО.

Дальше – больше. Китайцы сами признаются, что этот кредит был просто разворован. Это и подтверждают независимые исследователи. МВФ это также констатирует. Чиновники пойманы. Частично – расстреляны. Кредитование продолжается

как ни в чем не бывало. Россия не украла ни одной копейки международных траншей. Сколько ни пыталась Генпрокуратура под недоуменные взгляды всего мира (мол: зачем это она делает?) доказать, что транши были расхищены, ей этого не удалось. Более того, МВФ сам признает, что никакой кражи не было. Тем не менее кредитование вообще было прекращено.

Это сейчас, в 2004 году, хорошо говорить – ну и подавитесь. Сейчас действительно эти кредиты не особо нужны, хотя перефинансировать внешний долг и не помешало бы. Но тогда, в 1998 году, как такое положение дел не могло не вызвать удивления и желания поучиться у китайцев их опыту взаимодействия с МВФ…

А про Польшу? Я не знаю, чему у поляков учиться в экономике. Делают они обычные, правильные, хорошо всем известные вещи. Не изобретают своего особого пути. И растут. И в единую Европу их принимают. И без визы разрешают по ней ездить.

Может быть, поучиться у поляков национальной консолидации? Научиться не искать врагов внутри нации? Перенять роль церкви в народной жизни? Запретить бюрократии сеять классовую ненависть в угоду своим чиновничьим интересам? Провести необходимые законы о люстрации? Что вы…

Зато у нас Явлинский уже договорился до того, что нужно запретить участвовать в политической жизни не тем, кто семьдесят лет измывался над страной, а тем, кто участвовал в приватизации. Опять особый путь. Коммунисты будут строить капитализм. А капиталисты будут ждать, когда те его построят. И ни в коем случае не вмешиваться. Чушь собачья. Хотя именно эту модель особенно рьяно в последнее время проводит Кремль.

– Если исходить из вашего взгляда на завтрашнее России, то весьма безрадостная картина создается…

– Да, безрадостная. А почему она должна быть радостной? (*Смех.*)

– Ну просто хотелось, чтобы многострадальный народ…

– Многострадальный народ страдает по собственной вине. Их никто не оккупировал, их никто не покорял, их никто не загонял в тюрьмы. Они сами на себя стучали, сами сажали в тюрьму и сами себя расстреливали. Поэтому этот народ по заслугам пожинает то, что он плодил.

Нас десятилетиями учили, что роль личности в истории ограниченна, что личность – это всего лишь выразитель

интересов, чаяний и т. д. Нас учили, что народ – истинный творец истории.

Нас также учили, что народ, безусловно, многострадальный.

И я с этими двумя тезисами согласен. Более того, если первый тезис умозрителен и требует некоторого усилия для его усвоения, то в верности второго меня не надо убеждать, я и сам это твердо знаю на тысячах конкретных примеров.

Но вот я делаю простое соединение этих двух очевидных истин. Смотрите: многострадальный народ сам творит свою многострадальную историю. То есть сам творец своих страданий.

Все. Обидел. Несмываемое оскорбление. Нанес. Караул. Кох – русофоб!

Ну опровергните же меня. Ну скажите: нет, народ не творец истории. Историю творят герои, а народ – это быдло, которое будет хавать то пойло, которое дадут ему Ахиллесы, Гераклы, Заратустры и Наполеоны. Вот он и страдает. Видать, так ему на роду написано. Этому народу.

Или наоборот. Народ творит свою историю сам, поэтому он не многострадальный, а такой, каким он и хочет быть.

Нет, вы же не говорите ни то ни другое.

Вот что я вам скажу. Я прав. И у вас, Минкин, нет аргументов. Вы просто меня ненавидите и поэтому хотите выставить злодеем и русофобом. Вы это даже скрыть не можете.

– Вы считаете, что ельцинские реформы полностью потерпели крах или они все-таки скажутся на будущем России? Ведь многое изменилось в России за последние десять лет.

– Да, мы старались изменить. Я думаю, что это лет через двести – триста скажется.

Здесь, я надеюсь, нет никакого оскорбления? Да, мы старались что-то изменить. Несмотря на сопротивление. Что-то удалось, что-то нет. Но если что-то мы и сделали, то это сделали мы. И мы не стесняемся об этом сказать. В этом «мы» нет Минкина. Он все это время резонерствовал, сокрушался несовершенством мироустройства и дежурно ненавидел Гайдара, Чубайса и всех остальных, кто относится к этому «мы», включая меня.

Пусть я окажусь плохим пророком. Пусть то, что мы сделали, пригодится раньше, чем через 200–300 лет. Я понимаю. Нынешний «мейнстрим» состоит в критике всего, что было сделано в девяностые годы. На таком фоне выгоднее смотрится тот «стабилизец», который велят считать народным счастьем,

вековым чаянием, сбытием мечт. Не будь такого, нарисованного умелыми пиарщиками задника, нынешние исполнители смотрелись бы бледными тенями. А так: фотограф чуть-чуть присел, вспышечка, черный фон с могилами и скелетами, и вот они, светлые рыцари, гиганты мысли, гении дзюдо.

Ой, да Минкину и нынешние не нравятся. «Может, что-нибудь в консерватории поменять?»

– А что Россию ожидает в политическом смысле, будет ли возврат к старым методам?

– Я считаю, что политически Россия занимает совершенно идиотскую позицию относительно Югославии. Россия – страна полиэтническая, в которой есть и мусульмане, и православные, и иудеи, и черт в ступе, а они почему-то такую православную позицию заняли, защищают сербов, которые, на мой взгляд, не правы. Я не понимаю, что такое внешняя политика России, для меня это некий набор совершенно не связанных друг с другом заявлений, лишь бы заявить себя как великая держава. Зачем мы поддерживаем Саддама в противовес Соединенным Штатам, прекрасно понимая, что Саддам составит конкуренцию нашей нефти, если его выпустят на рынок? Для меня российская внешняя политика никак не связана с экономикой, и в этом я обвиняю Примакова.

Минкин! Вам нужно взять лист бумаги, разделить его пополам и написать следующее. Первую колонку озаглавить так: «Перечень народов, нелюбовь к которым соответствует образу настоящего патриота России». Вторая же должна называться: «Перечень народов, критическое отношение к которым является оскорблением России».

В первую колонку попадают, например, американцы, евреи, хохлы, возможно – немцы. Если напрячься, то можно припомнить и японцев («макаки»), французов («лягушатники»), всех кавказцев («звери») и азиатов («чурки»).

Во второй колонке – православные братья-сербы (не путать с православными братьями-хохлами, которые в первой колонке) и арабы.

С братьями-сербами получается какая-то ерунда.[18] Их православие не уникально. Есть греки, румыны, болгары, македонцы, черногорцы, белорусы. Их славянство тем более не уникально – поляки, чехи, хорваты, словенцы и т. д. Что ж так трепещет русское сердце при упоминании сербов? Приютили белую эмиграцию? Да полноте, что это вдруг за беляков-то так

убиваться? Не заметно раньше было, что сочувствие Белому движению является важной темой национальной ментальности. Да и сбалансировали сербы свою помощь белым всеразличными Олеко Дундичами, красными палачами не хуже латышей.

Примаковский же феномен арабофильства настолько созвучен почвенническому антисемитизму, что мы даже и не замечаем, что нефтедобывающие арабы, спонсирующие мусульманский фундаментализм, есть самые заклятые враги России.

Короче, запутался я окончательно, но так и не понял: как я в данном случае обидел Россию? Ума не приложу.

– А что может произойти внутри России, могут ли прийти к власти люди, которые исповедуют коммунистические идеи?

– Они уже пришли. По полной программе. Хрестоматийные коммунисты: и Маслюков, и Примаков, и прочие.

– А вы думаете, что Зюганов тот самый коммунист…

– Не надо думать, что Зюганов социал-демократ. Он пытается таким показаться перед Западом. Обычный коммуняка, ничего больше.

Ну умоляю! Ну хоть намекните – где здесь оскорбление? Право слово, теряюсь в догадках. То, что здесь написано, чистейшая правда. Причем абсолютно необидная. Действительно, если многие годы 40 % нации голосует за коммунистов, то этот самый коммунизм не есть ли свободный выбор людей? И я убежден, что те, кто выбирает коммунистов или таких «розовых», как Примаков, совершенно не стесняются своего выбора, а, напротив, гордятся им. И если я указываю на факт прихода в 1998 году к власти правительства Примакова – Маслюкова и считаю это правительство левым и прокоммунистическим, то укажите мне, Минкин, где здесь непочтительное отношение к России?

– Внутриполитическая ситуация в России – как она, на ваш взгляд, будет развиваться?

– Для того чтобы пришли коммунисты к власти, не надо никакого взрыва-мятежа. Они абсолютно легально придут, как фашисты в 33-м в Германии.

– Если коммунисты придут к власти, чего можно от них ожидать?

– Может быть, будет коммунизм.

– Нет, ну какого коммунизма от них можно ожидать? Коммунистами были и Сталин, и Горбачев…

– Меня любой не устраивает, хоть сталинский, хоть горбачевский.

– Но что может быть в России реально? Могут ли быть тюрьмы, репрессии, что-то похожее на 1937 год?

– Может. Очень много желающих.

Ай! Минкин! По-моему, я что-то не то сказал, а? Я совершил чудовищную мерзость. Я, брызгая слюной от ненависти, злопыхательски предположил совершенно невозможный для России сценарий. Ни в настоящем, ни в будущем. На самом же деле нас ждет, как сказал Его Превосходительство Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, «дальнейшее углубление демократии и укрепление институтов гражданского общества». Не так ли? А может быть, это обидно, поскольку «в доме повешенного не говорят о веревке»?

Я прошу вас, Минкин, об одолжении. Сделайте мне приятное. Выступите сейчас публично и скажите: «Репрессии образца 1937 года в России невозможны в принципе, поскольку уже существуют механизмы гражданского контроля, которые ни при каких обстоятельствах не позволят реализоваться этому чудовищному сценарию. Я, Минкин, так считаю. А те, кто считает иначе, есть злейшие враги России».

Не потеряете ли вы, Александр, после этого всех своих друзей?

– Все же многие считают и приводят массу доказательств, что какой же Зюганов коммунист?

– Он коммунист хотя бы потому, что называет себя коммунистом. Допустим, есть такой лейбл, на котором написано «говно». Вот я бы на себя такой лейбл никогда не повесил. А человек берет лейбл «коммунист» и на себя вешает. Вот для меня это равновеликие понятия.

Утверждаю, что коммунисты являются злейшими врагами не только России, но и всего человечества. Это они продемонстрировали и в России, и в Китае, и в Кампучии. Они продемонстрировали это в десятках других стран. Все без исключения коммунистические режимы были и есть репрессивные. Не предложено ни одной коммунистической модели, которая имела бы устойчивость вне полицейского аппарата подавления. Сотни миллионов замученных людей по всему миру – это есть результат их деятельности по созданию «нового человека». Коммунисты оставили далеко позади в деле истребления человеческого вида не только нацистов, но и даже

такие болезни, как чума, туберкулез, холера.

Только психически больной человек, патологически жаждущий человеческих страданий и крови, может гордиться тем, что он принадлежит к коммунистам. Настоящий патриот России должен сторониться их как бешеных собак, не подавать руки, а завидев, переходить на другую сторону улицы.

Я лично так считаю.

– Минкин сказал, что после того, как начался весь этот сыр-бор насчет гонораров, которые, как он считал, были скрытой формой взятки, Чубайс заявлял о том, что какая-то значительная часть от этих денег (90 %) была перечислена в фонд. Минкин говорил, что до сих пор это не было сделано.

– Это ложь. Мы готовы показать платежные поручения и чеки.

– Что все перечислено?

– Все. Это просто прямая ложь. (*Даже в суде соавторы Коха Чубайс и Бойко не смогли показать платежные документы, подтверждающие, что они выполнили свое обещание «перечислить 95 % гонорара на благотворительные цели». Процентов 30–40 они передали в свой фонд (то есть себе же), а на благотворительность – ни цента.* – А.М.**)**

По пунктам.

Первое. Благотворительный взнос мы передали не в свой фонд, а в фонд, где мы не были ни учредителями, ни входили в органы управления. Кстати, этот фонд – фонд защиты частной собственности – существует, насколько я знаю, и поныне.

Второе. Минкин является умелым манипулятором. Он написал: «процентов 30–40», давая понять, что он не настаивает на точности своих данных, но говорит лишь, что реальная цифра благотворительного взноса скорее ближе к цифре 40, чем к цифре 95. Это действительно так, поскольку реальный благотворительный платеж составил 60 % (или тысяч долларов, в данном случае это одно и то же, так как весь гонорар составил, как известно, 100 тысяч долларов на человека).

Третье. Мы никогда не обещали отдать 95 % гонорара на благотворительность, оставив себе только 5 %. Мы обещали оставить себе 5 %, а остальное пожертвовать на благотворительность. Казалось бы, какая разница? Ответ прост: разница – это подоходный налог (в то время – 35 %). Последовательность такая: получаешь гонорар, платишь 35 тысяч подоходного налога, оставляешь себе 5 тысяч (реальный гонорар, который мы и собирались получать), остальное – 60 тысяч – на

благотворительность.

Четвертое. «Легко догадаться», что Минкин ошибся потому, что «скорее всего», всегда получая зарплату в конверте, никогда, «по-видимому», не платил налогов. Поэтому его удивило, что наши расчеты не совпали. Согласитесь, что другого объяснения нет. Любой человек, получающий легальные гонорары, сразу пересчитывает их без налогов. Вот вы и попались, патриот Минкин! Кричите о любви к России, а про налоги – забыли. Сообщается в порядке информации в налоговую инспекцию по месту жительства гражданина Минкина.

– Насколько велик интерес на Западе к тому, что сейчас происходит в России?

– Интерес очень сдержанный. Не больше, чем к Бразилии. Россия наконец должна расстаться с образом великой державы и занять какое-то место в ряду с Бразилией, Китаем, Индией. Вот если она займет это место и осознает свою роль в мировом хозяйстве, тогда от нее будет толк.

– То есть, значит, смиренно надо признать подлинное место в жизни и идти учиться в школу?

– Конечно! Вместо того чтобы с тремя классами образования пытаться изобретать водородную бомбу.

Про обиду, которую вызывает отсутствие интереса, я уже писал. Однако же я по-прежнему не понимаю, что оскорбительного в сравнении с Индией, Китаем и Бразилией. Динамичные, растущие страны с экономиками, входящими в мировую десятку. Или кто-нибудь сейчас, в 2005 году (*когда писалась эта глава.* – Ред.), будет продолжать настаивать на том, что мы ближе к Голландии, Швейцарии или Великобритании?

Пусть никого не введет в заблуждение наше присутствие в G 8. Мы там, что называется, «Христа ради». Нас туда приняли из уважения прежде всего к Ельцину. Ну и, конечно, из-за страха перед нашей бомбой. Велика ли честь сидеть за столом, за который тебя пригласили из страха? Хотя кому как… Некоторым, наверное, нравится…

А Сахаров, я уверен, пожалел, что бомбу изобрел. Почему-то вспомнился «кадавр, неудовлетворенный желудочно» братьев Стругацких. Смешно. Как там Минкин меня цитирует? «Смеется»? Да уж, смеюсь. До слез.

– На ваш взгляд, как все это произошло, к этому вели какие-то предпосылки?

– Это произошло просто по глупости, которая привела к

катастрофе и признанию долга Советского Союза. Это была глупость, 90 миллиардов долларов повесили на очень слабую экономику, и дальнейшая катастрофа – это был просто вопрос времени. Запад обманул Россию, Запад обещал реструктурировать этот долг и не реструктурировал его. Запад обещал экономическую помощь – и не оказал ее, и оставил Россию один на один с этим долгом, который в общем-то делала не она. Я думаю, что это элемент специальной стратегии – стратегии ослабления России, стратегии Запада.

Минкин! Покажите этот кусок Проханову, только не говорите ему, кто его написал. Надеюсь, у вас нет сомнений в том, что Проханов патриот? И спросите его, что он думает об авторе этих строк. Убежден, вы не услышите от него слов о том, что автор русофоб.

Однажды я чуть не разругался с Петром Авеном по поводу признания долга бывшего СССР. Он, как один из авторов идеи признания этого долга и министр внешнеэкономических связей, провел большую работу по юридическому закреплению этого долга за Россией.

Можно сколько угодно спорить о том, нужно ли было признавать долг или нет. Я бы даже шире поставил вопрос. Нужно ли было вот так выходить из «холодной войны»: смотали удочки и ушли из Восточной Европы, признали за собой долг СССР, и все это фактически без какой-либо компенсации?

Сейчас это уже – история. Поменять ничего нельзя. Однако, оглядываясь назад, я считаю, что за такие «подарки» Запад мог бы заплатить России более высокую цену, чем те несколько миллиардов кредитов, которыми нас потом еще долго попрекали.

Что же нужно было взять? Деньги? Вряд ли. В конце концов, это аморально – брать деньги за освобождение оккупированных территорий. Хотя прагматичные европейцы и американцы в нашем положении не погнушались бы, я уверен. Нужно было требовать ускоренного сценария интеграции России в западное общество. Единовременное вступление в ЕС, ВТО и НАТО. Со всеми вытекающими из этого преимуществами в свободе передвижения, торговли, развитии инфрастуктуры, укреплении обороноспособности.

В конце концов, если считать, что Запад победил в «холодной войне» и доказал превосходство своей социальной и экономической модели, так и навязал бы эту модель проигравшей стороне, то есть нам. Тем более что мы и не возражаем против такого навязывания. Так нет, демонтировали коммунизм и

бросили на полдороге. Как Веймарскую Германию. Пусть, мол, в темноте ищут свою особую, национальную модель. Вот мы и ищем… И зреет ненависть к Западу. И растет поколение реванша. История учит, что она ничему не учит. В конечном итоге от такой близорукости проиграть может само западное сообщество.

– Значит, экономические беды России идут от Запада, так получается?

– Экономические беды России – прежде всего от семидесяти лет коммунизма, которые, грубо говоря, испоганили народную душу и народные мозги. В результате получился не русский человек, а homo soveticus, который работать не хочет, но при этом все время рот у него раскрывается, хлеба и зрелищ хочет.

Для начала приведу небольшую цитату из одного из последних интервью Виктора Астафьева.

«… – Прошлый век оказался переломным для России. Деревня, на которой она держалась столетиями, была разрушена в одночасье. В чем вы видите главную причину этого?

– Я думаю, что беда исходила даже не от Гражданской войны, хотя она тоже была для России чудовищным бедствием, а от коллективизации. Народ оказался надсаженным, поруганным, найдутся ли в нем сегодня достаточные силы, физические и нравственные, чтобы подняться с колен, не знаю. Ни царя в голове, ни Бога в душе. Народ духовно ослабел настолько, что даденной свободы не выдержал, испугался испытания самостоятельной жизнью. Для многих лучше снова под надзор, но чтобы было «спокойно»…

– Видятся ли вам сегодня какие-то подвижки к лучшему?

– Сейчас такое положение, что я не рискую сказать что-либо. Вижу только, что все человечество деградирует. Ну а мы идем впереди всей планеты. Хоть и говорили нам все время, что мы самая читающая и образованная страна в мире, – неправда это. На уровне обычной школы еще держимся. А в профессиональном образовании находимся на уровне полурабочих-полукрестьян. Не будь у нас дач, с голоду бы подохли. Мы, получается, из деревни ушли, а в город так и не пришли…»

Что, Минкин, Астафьева тоже в русофобы зачислим? Самый что ни на есть русофоб. Так нелицеприятно да о народе-богоносце! Куда это годится? Это ж ни в какие ворота!

Еще раз повторю мысль, высказанную мною в начале этой книги: в течение семидесяти лет коммунистического строительства в России осуществлялась целенаправленная

селекция человеческого вида. Все неординарные, сильные, самостоятельные, волевые люди либо уничтожались, либо были лишены возможности продолжить свой род. Поощрялся конформизм, доносительство, предательство, тупая исполнительность, краснобайство.

Результат – это мы с вами. И делимся мы на две части. Одна часть, к которой отношусь я, осознает, что с нами сделали и каких мутантов мы собой представляем. И пытается найти выход из положения, воспитать в себе те способности, которые с рождения были заложены в наших предках и которые истребили большевики.

Другая же часть, к которой относится Минкин, кричит про свою особую духовность и исключительную замечательность, а всякую критику клеймит как злобное отсутствие патриотизма.

– Насколько Запад понимает, что хаос в России может быть угрозой всему миру?

– Я, откровенно говоря, не понимаю, почему хаос в России может быть угрозой всему миру. Только лишь потому, что у нее есть атомное оружие?

– Вот именно. А разве этого мало?

– Я думаю, для того чтобы отобрать у нас атомное оружие, достаточно парашютно-десантной дивизии. Однажды высадить и забрать все эти ракеты к чертовой матери. Наша армия не в состоянии оказать никакого сопротивления. Чеченская война это показала блестящим образом.

А сколько я должен был назвать дивизий, чтобы мое утверждение смотрелось патриотичнее? Десять? Сто? Я, заметим, отнюдь не утверждаю, что нужно отнять у России атомное оружие. Это корреспондент (американский гражданин) утверждает, что хаос в России может быть угрозой всему миру. А на мой вопрос, связано ли это с атомной бомбой, отвечает: вот именно.

Низкая же оценка боеспособности Российской армии пока никем не опровергнута. Позвольте же мне остаться при своем мнении. Если предположить, что в вопросе о боеспособности Российской армии я занимаю антипатриотическую позицию, а следовательно, патриотами являются бравые российские генералы, то тогда Минкин должен мне побольше рассказать про ту модель патриотизма, адептом которой он является.

И пусть он мне объяснит с патриотических позиций, как в его модель одновременно вписываются тьма-тьмущая генеральских дач в Подмосковье, где каждая сотка стоит несколько десятков

тысяч долларов, и побирающиеся по Москве голодные солдаты-срочники. Как патриот, он также должен мне рассказать, повышается ли обороноспособность России по мере расцвета работорговли в армии, когда российские офицеры продают солдат чеченам.

И пусть мне Минкин расскажет, как доблестно воевала иракская армия, выученная в наших академиях и вооруженная нашей техникой. Я уже и не вспоминаю Египет с Сирией во время арабо-израильских войн.

Военные всего мира часто говорят: народ, который не хочет кормить свою армию, очень быстро будет кормить чужую. Красивая фраза. Но у меня есть вопросы. Рассмотрим сугубо гипотетический пример, в котором, чтобы избежать упреков в святотатстве, мы возьмем условных «своих» и условных «чужих». Например, такой: а что, если окажется, что кормление «чужой» армии обходится дешевле, чем кормление «своей»? То, что в рассматриваемом примере «чужая» оказалась эффективнее, чем «своя», понятно, что ее приходится кормить. Что плохого, если взамен неэффективной и дорогой «своей» армии народ берет и начинает кормить более дешевую и эффективную «чужую»?

И вообще. Где критерии, по которым можно определить – вот «своя» армия, а вот – «чужая»? То, что в «своей» приходится принудительно служить, а в «чужой» нет, вряд ли делает «свою» более привлекательной. И если наличие всеобщей воинской обязанности является единственным отличием «своей» от «чужой», то, может, просто пойти с шапкой по миру, собрать денег, да и нанять кого-нибудь вроде средневековых швейцарских наемников, и пусть они нас обороняют. «Свои» же мальчики останутся целы и невредимы и будут заниматься производительным трудом, а не строительством генеральских и чеченских дач. Не так ли испокон веку делали древние славяне, нанимая варяжскую дружину? И ничего, никто не считал их дураками, а даже наоборот.

– Какова ваша ниша в российской жизни?
– Нету никакой ниши. (*Хихикает.*)

Здесь-то что не так? Здесь я ведь над собой смеюсь. Это ведь у меня нет ниши.[19] Что ж так переживать? Ох уж мне это доброе минкинское сердце! До всего-то ему есть дело. И даже за меня, грешного, переживает. Прямо первохристианин какой-то.

Интервью закончилось. Мир не рухнул. Стоит и Россия. Но Минкин – не унимается! Дальше опять его текст. Я считаю – шедевр.

– Вот единомышленник Чубайса, Гайдара и др. Вот кого назначал Ельцин заведовать Госкомимуществом, точнее, продажей всего имущества России.

Как обычно, у Минкина плохо с логикой. Я, например, из этого текста так и не понял: кем меня назначил Ельцин? Сначала вроде бы понятно – заведовать Госкомимуществом, а потом автор поправился: точнее, говорит, продажей всего имущества России. Чем первая часть фразы неточна, мне непонятно. Да и не заведовал я продажей всего имущества России, поскольку большая часть этого имущества (недра, земля, железные дороги, оборонная промышленность, космическая промышленность, атомная энергетика и еще огромное количество всего) не продавалась. Я заведовал лишь той его частью, которую было принято решение продавать.

В правительстве был человек, который абсолютно не верил, что страна может подняться. И, значит, был там, наверху, для чего-то другого.

Минкин! Где логика? Я уже говорил, что сомнения (как бы так понеобиднее высказаться) в блестящих перспективах России у меня возникли в период примаковского премьерства. Причин для этого была масса. Некоторые из них я уже перечислил. Кстати, я и сейчас считаю, что, мягко выражаясь, не все тучи рассеялись. Однако почему из этого делается вывод, что я в период своей работы в правительстве «абсолютно не верил, что страна может подняться»? По-моему, такой вывод – откровенная натяжка. Если угодно, то я верю, что страна может подняться. И много делал и делаю, чтобы она поднялась. Например вместе со своими партнерами построил всю энергетическую инфраструктуру морского порта в Усть-Луге. Однако у меня есть подозрения, что оптимистический сценарий – не безусловен.

Странно также выглядит предположение о том, что люди идут в правительство исключительно для того, чтобы «абсолютно верить, что страна поднимется». Как правило, они идут туда «для чего-то другого». Например, для того, чтобы работать. А «гордиться общественным строем» – удел тех нынешних говорунов, которые, боясь делать реальные реформы, пасуют перед лицом их болезненных, но неизбежных социальных последствий.

Перед нами типичный русский холоп (хоть и немец). Будет смотреть, как подыхает лошадь, и пальцем не шевельнет: она же не его – барская, соседская, чужая, зачем

ей жить?

Яша, лакей Раневской (Чехов, «Вишневый сад»), когда никто не слышит, говорит старому Фирсу: «Скорей бы ты подох». И тут же просит барыню: «Возьмите меня с собой в Париж! Здесь жить невозможно, одно невежество».

Вот как Минкин все здорово придумал! Какая глубина проникновения в образ типичного русского холопа! Вот так вот они, холопы, и думают? И им нет дела до того, что барская лошадь может умереть? Как интересно. Сроду бы не мог предположить такого.

Я вот всегда считал, что типичный русский холоп (даже если он, например, немец или еврей) выделяет именно господскую лошадь,[20] самозабвенно за ней ухаживает, делая смыслом жизни угождение барину. Взамен рассчитывая, что тот, в случае чего, заберет его в Париж.

Однако, как правило, барин плохо замечает рабскую услужливость и верность, воспринимая ее как должное. Барин бросает своего холопа на произвол судьбы сразу, как только тот перестает быть ему нужен. Ну вот как вас, Минкин, бросил Гусинский.

Ой, извините, я, кажется, ненароком сказал бестактность? Фи, какой мужлан! Конечно же, ничего общего. Безусловно, вас с Гусинским связывала просто настоящая мужская дружба. Как я только мог подумать иначе?

С высокомерным презрением он говорит «они», «русские»… Он не говорит «русише швайн», потому что это неприлично. Но он так думает. Это очевидно.

Он не может думать иначе. Потому что либо «русише швайн», либо «Кох – швайн».

Минкин! Опять вы за свое? Нельзя так бахвалиться своей проницательностью. Это «неприлично». Только вдумайтесь, что вы несете: «…Он так думает. Это очевидно. Он не может думать иначе». Минкин! Я так не думаю. Это – очевидно. Уверяю вас, я могу думать иначе. И даже более того – иначе думаю. Также мне очевидно, что более самонадеянного человека, чем вы, я не встречал в своей жизни. Неужели вы думаете, что если вам кажется некий посыл безальтернативным (это ваше неумолимое «либо – либо»), то так оно и есть?

Поверьте, мощь вашего разума небезгранична. Более того, она очень скромна. Даже я вижу границы этой вашей мощи. Что же тогда говорить о по-настоящему умных людях?

Кстати, я продолжаю делать вид, что не замечаю националистических выпадов Минкина. Правильно ли я делаю? Бог его знает… Я давно заметил одну особенность. У части нашей так называемой «интеллигенции» шовинизмом считается только антисемитизм. В отношении же других народов они вполне позволяют себе выпады, которые никогда не позволили бы в отношении евреев. Странно… А я считал, что в этом отношении тоже должны быть все равны. Может, Минкин мне разъяснит, в чем мое заблуждение?

Человек хочет считать себя хорошим и честным. Голубой воришка Альхен воровал и стыдился, чувствовал, что поступает нехорошо, обирая старух в богадельне. Он не идейный.

Будь Альхен таким же идейным, как Альфред Кох, считай он, что старухи – швайн, что они – мусор, что должны подохнуть, тогда чего стыдиться?

Если любишь или хоть уважаешь, обворовать совестно. Но если презираешь, если не считаешь за людей – тогда, как говорится, сам Бог велел.

Человек с таким образом мыслей не может не воровать. Особенно если обеспечена безнаказанность, если проделки оформляются в виде постановлений правительства. За мысли нельзя наказывать. Почему же у людей, которым я показывал интервью Коха, возникало желание его наказать? Должно быть, потому, что понимаешь, как он действовал, если он так думает.

Так вот к чему Минкин клонил! Наконец-то! Эта корявая «логика» была нужна для того, чтобы доказать, что я не мог не воровать. Бог мой! Как все оказалось просто…

Минкин, ваши «логические» построения сродни шаманской медитации. Вы без конца повторяете одно и то же в различных комбинациях и, наконец, на сотый раз, вдруг начинаете сами верить в то, что пишете. Ваш метод прост. Сначала вы приписываете человеку мысли, которых он не думает. Потом вы говорите – а раз человек так думает, то он не может не воровать! Правосудие свершилось!

Минкин! Вы напоминаете мне сталинских прокуроров. Это они действовали методом, который наказывал человека путем приписывания ему действий, которых он не совершал.

Так называемым «методом исключения». Или изобретением Вышинского – «объективным вменением». Причем «исключались» возможные альтернативы произвольно, «по вкусу», как в том или

ином случае требует политический момент.

То, что вы делаете, Минкин, на русском языке называется – расправа. В 1998 году вы прекрасно знали, что вам ничто не грозит. Что толстая мошна Гусинского и его связи в правоохранительных органах и судах обеспечат вам нужный результат любого разбирательства. Что ваши оппоненты (а вы вдоволь поизголялись и надо мной, и над Чубайсом, и над Гайдаром) достаточно порядочные люди, чтобы не проломить вам череп. Вы знали, что они, оболганные и уволенные, не в состоянии достучаться до оккупированных временщиками СМИ и заявить свою позицию.

И вы витийствовали! Вы предлагали «логику», которая на поверку оказывалась белибердой и сплошной натяжкой. Вы собственные комплексы и ненависть пытались перенести на людей, которые с вами даже не знакомы. Вы не удосужились ни разу выяснить их точку зрения, спросить у них, что они думают по всем этим поводам. А ведь именно этого требует журналистская этика, о которой вы так много всегда говорите.

Вы скучны, Минкин! Я иногда почитываю ваши опусы в «МК». Я едва дотягиваю до середины ваших гневных подвалов. Я заранее знаю, что будет дальше, и мне скучно.

Я вас жалею, Минкин! Однажды в 1998 году я встретил вас в лифте. Вы испугались и зажались в угол. Вы думали, что я вас буду бить. Вы так и сказали. А я вам ответил, что маленьких не обижаю.

Зачем обижать тех, кого Господь и так обидел? Таких действительно нужно жалеть.

Но скоро возмущение проходит, и начинаешь Коха жалеть. Он, конечно, проживет жизнь сытую, проживет хихикая. Но человеком он вряд ли станет. Разве что чудо.

Последний вопрос интервьюера «Какова ваша ниша?» звучит жутко. О нишах и ареалах обычно говорят в связи с животными. Потому что среда обитания и родина – понятия не тождественные. Коха спрашивают как животное. Но это вызвано тем, что сам он наговорил. И Кох не задет термином, спокойно отвечает: нету ниши. Не Дом, не Дело – ниша. Крыша, квота, льгота и маржа.

Впрочем, все сказанное Кохом вызывало бы гораздо меньше эмоций, если бы читатель считал его не бывшим вице-премьером России, а тем, кто он есть: обвиняемым по уголовному делу о квартирных махинациях.

Все. Теперь уже точно – конец. Как жить? Дайте яду: Минкин

отказал мне в звании человека. Что ж, сколько веревочке ни виться, рано или поздно тяжелая ноша минкинской оценки ляжет на мои слабые плечи.

Итак, я животное. Спасибо за откровенность. Премного благодарен. Себя же, по-видимому, автор, безусловно, считает венцом творения? Иначе не раздавал бы он таких оценок!

Однако рассмотрим подробнее ту разновидность двуногих приматов, которую представляет собой сам титан. Достойно ли это ответвление великого племени бандерлогов звания венца творения? Анатомически зрелище, безусловно, убогое. Худосочный, с гипертрофированными лицевыми костями, редкой, клочковатой растительностью на лице. И вот это вот – «по образу и подобию Божьему»? М-да…

Но, может быть, за этим заскорузлым фасадом кроется великий дух? Мозг Леонардо? Талант Паганини? Сердце матери Терезы? Может, заглянув внутрь этой сокровищницы, мы обнаружим бриллианты интеллекта?

Уж коль Минкин вспомнил Альхена, то я вспомню и другого персонажа Ильфа и Петрова. Кстати, как и Минкин, тоже – литератора. Никифор Ляпис-Трубецкой, бессмертный автор «Гаврилиады», однажды был уличен репортером Персицким в невежестве с помощью энциклопедии Брокгауза и Ефрона. Помните бессмертную прозу Ляписа: «Волны бились о мол и падали вниз стремительным домкратом»? Воспользуюсь и я этим испытанным методом. Итак…

«…НИША (франц. niche), углубление (различного размера и происхождения) на склоне или у подножия возвышенности, берега. Различают: нивационные, эрозионные, карстовые, дефляционные, волноприбойные (или абразионные) и др. (Большая Советская Энциклопедия).

НИША – 1) архитект., полукруглое или многогранное углубление в стене здания, иногда обрамленное пилястрами или украшенное сверху навесиком и служащее для постановки статуи, бюста или вазы. 2) Фортиф., углубление в брустверe, прикрытое от выстрелов, для хранения снарядов и зарядов. (Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.)

НИША, ж., ниш м., франц. Полупроем, углубленье в стене, в печи, для статуи, поставца, кровати; впадина, уступ, залом. (Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля.)…»

Ну и где здесь про животных? Какая тут связь с ареалом? Забегая вперед, скажу, что, помимо этого, есть еще рыночные ниши, экологические и некоторые другие. Наверное, изредка это слово может быть использовано и в области зоологии. Однако, блистая эрудицией, нельзя утверждать, что как только слышишь

слово «ниша», так безошибочно определяешь – речь идет о животных. Иначе получается – как у Ляписа про шакалов. Помните? Которые у него «на Кавказе неядовитые» и «в виде змеи»? Минкин, Минкин! Дремучий вы человек.

Я не собираюсь здесь распинаться в любви к Родине (замечу попутно, что в минкинском тексте это слово написано с маленькой буквы). Как, впрочем, я нигде не собираюсь распинаться в этой любви. Мне кажется, что в любви вообще нельзя распинаться. Это как-то не по-мужски.

Что же касательно квартирного дела, то сообщаю – оно закрыто за отсутствием состава преступления. Кстати, Минкин, вам, как лучшему другу Гусинского, наверное, известно, что обвиняемый – это не преступник. И так как приговора суда нет (как, например, в моем случае), укорять человека в том, что он был обвиняемым, – неприлично. Хотя, впрочем, что это я. Неприлично, понимаешь! Вас-то это никогда не останавливало.

Год назад «МК» напечатал телефонные разговоры Коха с бизнесменами и чиновниками. Разговор с бывшим первым замом руководителя администрации Президента России, председателем совета директоров РАО «Газпром» и своим соавтором по невышедшей книге о приватизации Александром Казаковым Кох начинает так: «Сань, я педераст». Если Кох имел в виду не свою сексуальную ориентацию, а состояние души, то с этой самооценкой спорить совершенно невозможно.

Когда в конце 1997 года разгорелся хорошо срежиссированный книжный скандал, то один из соавторов, Александр Казаков, был уволен с должности первого заместителя руководителя Администрации Президента.

Александр Казаков во всей этой книжной истории был святее папы римского: он даже не получал гонорара. Однако его все равно уволили. Ведь нашим оппонентам нужен был лишь повод, чтобы убрать члена нашей команды. Была поднята истерия. В ней участвовала вся подконтрольная Гусинскому и Березовскому пресса, включая Минкина. Результат – казаковский инфаркт, больница, операция.

Я старался почаще навещать своего товарища в больнице. Однажды, пообещав ему приехать, я не смог этого сделать. Я позвонил ему и сказал: «Сань, я пидарас! Я тебя обманул» и т. д. Нормальный разговор двух мужиков. Однако меня подслушивали. Извратили, оболгали, вывалили эту прослушку в прессу, насмеивались.

И вот Минкин тоже юродствует над этой фразой. Ну да, Минкин же сам разговаривает исключительно в рифму, пушкинской строфой…

Финиш. Мне надоело копаться в минкинской блевотине. Да и кончился этот его опус наконец. Все. Ура.

P.S. Минкин свою статью почему-то назвал «Прощай, умытая Россия». Я не могу понять, зачем он переделал Лермонтова? Что он хотел сказать, заменив «немытая» на «умытая»? Я слышал разные версии. Например такую: будто бы Минкин намекает, что Кох «умыл» Россию, вот она и «умытая». И прочие версии под стать этой. Короче – ерунда какая-то. А может, в этот раз опять – обычное минкинское невежество?

Тем не менее. Не могу удержаться и процитирую бессмертные строчки моего любимого Лермонтова. Они актуальны, как никогда:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ.
И вы, мундиры голубые.
И ты, им преданный народ.

Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей.
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Ох, где та стена, за которой можно спрятаться от всех этих подслушиваний, подглядываний, подозрений…

– В том интервью очень важна была интонация! Насколько я припоминаю, она была такая: «У вас там все обвалилось, все кончено – а мы, немцы, успели срубить вашего бабла и неплохо себя чувствуем в Нью-Йорке». Похоже, так это и прозвучало… Как тебе такой отзыв?

– То есть они хотели от меня еще и любви…

– Почему же народу не хотеть любви от писателя?

– Правду можно говорить только по отношению к тому, кого ты любишь? А всем остальным надо врать?

– Я тебе цитировал кого-то из великих, чтобы попытаться понять, почему тебя невзлюбили.

– Понимаю… А не является ли высшим проявлением любви говорение правды объекту любви? А, дядя?

– Ну не знаю, я не готов дать ответ. Наверное, нет.

– Ну понятно. Тот, кто любит Россию, должен все время врать

про нее.

– Или молчать. Бывают же разные ситуации.

– Ты пришел на интервью, идет прямой эфир, ты заранее никаких вопросов не согласовывал. Тебя начинают спрашивать: какие перспективы вы видите в России? Как вы считаете, великий могучий русский народ с выдающейся русской культурой, с величайшей историей, самый лучший народ в мире – вот он как дальше будет развиваться? Все так же бурно-поступательно и замечательно? Или как? И что отвечать, исходя из тезиса о любви?

– Давай я тебе отвечу вопросом на вопрос. Допустим, тебя пригласят на дискуссию про негров. Ты что будешь им рассказывать – все, что ты думаешь о неграх?

– Ну, в общем, да.

– Что – да?

– Буду говорить то, что я думаю про негров.

– Не ври.

– Почему – не ври? Почему ты считаешь, что у меня специальная особая жажда правды только по отношению к русским? Нет. Я и про негров буду говорить то, что я думаю.

– А если бы ты был расистом и считал, что вообще все негры тупые, – было бы корректно в этом признаваться?

– Во-первых, я такого о неграх не думаю.

– Хрен с ними, с неграми. Я это все к тому, что ты недобро беседовал с русским народом в Америке.

– Я не с русским народом беседовал, а с неким грузином, который проживает в Америке, – с американским гражданином. Это раз. Второе – что касается негров. Эти самые негры не очень-то сильно говорят о том, что они самые великие, что у них самая лучшая культура, что они специально особо духовные, у них специальное предназначение в отличие от всех других народов.

– Есть. Негры, которые живут во Франции, говорят, что они – подсознание Европы.

– Ха-ха! Вот если на эту тему зайдет дискуссия с неграми, ты будешь политкорректен или ты скажешь все, что о них думаешь, про их подсознание, про то, что им должно все прощаться? Что их прадеды были рабами и поэтому белые теперь по гроб жизни им должны? Или все-таки скажешь: идите-ка вы на хер, дорогие товарищи! Бери кайло и иди яму копать. А?

– Мне тяжело про негров рассказывать, потому что у меня к ним особое отношение.

– Если бы, допустим, я вел дискуссию с неким представителем русского народа – а я еще раз подчеркну, что не вел такой дискуссии, – который бы в этой дискуссии говорил: да

нет, ну что ж, ну русские и русские, в общем-то, народ как народ, тяжелая такая непростая история, довольно много трагедий, скорее такая беспросветная, очень тяжелая жизнь у народа была, они в принципе с неграми вместе свободными-то стали, недавно совсем, долго потом еще не могли понять, чего с этой свободой делать, устроили какую-то поножовщину. Культура – да, есть, конечно, выдающийся элемент, вот, например, музыка – Рахманинов, Стравинский, Шостакович, Прокофьев. Литература.

– Насвисти что-нибудь из Прокофьева.

– Не, ну я не помню. Из «Ромео и Джульетты» можно насвистеть. Из «Александра Невского». «Петя и волк».

– «Петя» не считается.

– Не, ну не считается так не считается. Я ж не претендую. Хотя считается, что это мирового уровня вещи до сих пор. Шостакович. (*Кох пытается напеть Ленинградскую симфонию*.) Ну Рахманинова, веришь, что я могу насвистеть? (*Свистит.*)

– А! Ну да! Ты же ходил у нас в музыкальную школу!

– Но вернемся к представителю русского народа. Так вот, наверное, я бы с ним посидел так, погоревал, бутылочку бы выпил. Мы бы посокрушались, пообсуждали бы, наверно, что все не так беспросветно, шансы есть. Но если я перед этим в течение многих лет подряд слышу исключительно заливистые разговоры, особенно от Минкина, какой зае…ательский народ! Ну просто лучший в мире! Нету, блин, ни одного пятнышка, все прекрасно! Величайшая культура, огромное трудолюбие! Мудрость вековечная – ну просто тушите свет! И только плохие паразиты, правители подлые мешают еще ярче блистать светлому образу народа… Блядь, ну как с этим не пополемизировать? Ну сами себя сажали, ну сами себя расстреливали. Ну вот понимаешь? Вот если ты в дискуссию входишь, то ведь все зависит от контекста дискуссии, согласен?

– Я однажды вел престранную дискуссию с неграми… Это было очень смешно. Как-то в Нью-Йорке на Таймс-сквер я увидел кучу негров, которые собрали вокруг себя толпу и что-то орали в мегафоны. Я подошел послушать. Смысл выступления был такой. Настоящие евреи – это негры, а вот те, которые сейчас считаются евреями, они просто примазались. И как самозванцы должны отдать настоящим евреям, то есть неграм, все бабки и освободить всю занятую недвижимость. По негритянской версии, сам Христос был негр, и все апостолы тоже негры или, на худой конец, мулаты. В доказательство чего они мне предъявили, ты будешь смеяться, альбом ленинградского издательства «Аврора» с репродукциями древних икон, на которых все

персонажи – темно-коричневые. И еще они мне говорят: «А ты думаешь, что ты, блядь, белый?» Я говорю – ну, в принципе да. Тогда они берут лист белой бумаги, прислоняют мне к руке и говорят: «Старик, вот это – белый цвет, а у тебя рука-то, в общем, далеко не белая. Ты фактически тоже цветной». Эта концепция, которую я услышал от негров, – она меня восхитила. Такое гнать! Молодцы просто…

– Я считаю, что у великого русского народа что-то похожее происходит…

– Ну, русские хотя бы не говорят, что Христос – из москалей.

– Да. Но у русских есть другое. В массовом сознании русские победили татар. А на самом деле они ассимилировались друг в друга. Вот огромное количество таких мифов. «Мы выиграли Бородинскую битву». С какого, извиняюсь, вы решили, что выиграли ее?

– А кто, по-твоему, выиграл Бородинскую битву?

– Французы.

– Гм… Ведь недаром Москва, спаленная пожаром…

– Это когда они выиграли, то потом ее и взяли. А потом, когда проиграли, тогда и Москву сдали.

– По версии младшего Гумилева, татары были просто военные наемники на службе русских князей.

– Это позже. А не в момент завоевания. В свою очередь, русские князья были марионетками у татарского хана. И ходили покупать ярлык на правление, если ты помнишь. И в феодальной лестнице участвовали, когда хан по ним взбирался на трон. Это же тоже было. Или Гумилев это тоже отрицал?

– Не помню. Надо поднять материалы.

– Я думаю, что не отрицал. И Александр Невский, кстати, умер по дороге в Орду. Ехал на поклон к великому хану.

– Вот почему это интервью было встречено в штыки… Я сам помню, как оно мне не понравилось – ни хера себе, оборзел. В отличие от Лермонтова, которого ты цитировал, – «немытая Россия»…

– Не я. Это Минкин.

– Вы с Минкиным, короче. Лермонтов воевал против чеченцев в рамках антитеррористической операции. Находясь на передовой, он во первых строках сказал: «Люблю Россию я, но странною любовью…» Критике подвергал, но первое слово было – «люблю». Заметь!

– Да.

– А тебе кто мешал в Чечне воевать? Ты бы тоже мог как поручик Лермонтов…

– В 98-м году не было войны в Чечне.

– Там было перемирие как раз?

– Да.

– Ну, я тебя не отправляю на войну, я так просто тебе объясняю ситуацию, как это выглядело в глазах русских. К тому же ты находился под следствием, если я не ошибаюсь?

– Да.

– Под следствием! То есть картина была такая: наворовал на родине и сбежал в Штаты, скрылся там от правосудия, и, уже как иностранец, как эмигрант, ты обратился к русским: а вот вы-то и пидарасы. О как! И еще, если помнишь, в изложении Минкина ты там еще отвратительно хихикал. Помнишь?

– Да. Ха-ха!

– Отвратительно хихикал и, похоже, вообще был пьяный. Такая складывалась картина.

– А ты что, слушал это?

– Нет, я читал. Где хихиканье отвратительное и тон такой, что человек вмазал и потерял стыд. Там не было академичности типа: «Вместе с тем хотелось бы также отметить…» Заметь, какая после твоего интервью была работа проведена по развитию русского национального самосознания и свободы слова и печати. Заметь! Теперь все то же самое хавается без вопросов.

– Да. Потом люди будут диссертации защищать о роли моего интервью в развитии русского менталитета. А ведь действительно, сейчас это общее место – то, что я говорил тогда. Кстати! Со мной в конце 98-го года случилось еще одно интересное событие. Тоже связанное с Нью-Йорком.

Комментарий Коха
Еще полходки

В дополнение к моему турецкому приключению образца 1996 года[21] у меня еще имеется опыт «взаимодействия» и с американскими силовиками. Этот случай под стать случаю с Пал Палычем Бородиным, но, к счастью, не с такими печальными последствиями, как у него. Опыт забавный, и я спешу поделиться с моими читателями. В конце концов, что такое книга? Это способ рассказать другим людям о некотором интересном событии, которое случилось с автором и которое, по его мнению, редко с кем случается. И, соответственно, о том, какие выводы он сделал из этого события. Как говорится, «его пример – другим наука».

В самом конце 98-го года я поехал в Штаты, чтобы там

отпраздновать Новый год. Меня давно звали друзья, и мне показалось, что это прикольно – встретить Новый год на пересечении Седьмой авеню с Бродвеем. Там в 12 ночи опускается откуда-то с небес большой сверкающий шар, и все высыпают на улицу, считают секунды, потом акт братания и по кабакам – отмечать. Жена у меня уехала в Нью-Йорк на неделю раньше, а я вылетел где-то под самое католическое Рождество.

Полет в Нью-Йорк является довольно утомительным мероприятием. Вылетаешь ты из Москвы в первой половине дня, летишь часов десять, из которых восемь съедается разницей во времени (так называемый «jet lag»), и прилетаешь в Нью-Йорк по местному времени лишь на два часа позже, чем ты вылетел из Москвы. Потом еще нужно проходить паспортный контроль, ждать багаж, потом ехать до Манхэттена минут сорок на такси. Короче, до места дислокации ты добираешься часам к семи вечера, когда в Москве уже три часа ночи.

Спать ложиться в это время глупо, поскольку проснешься очень рано, и, для того чтобы вписаться в местное время, тебе нужно терпеть часов хотя бы до десяти-одиннадцати. Все эти три часа тебя колбасит не по-детски, но делать нечего, приходится терпеть. Ты ходишь как сомнамбула по Нью-Йорку, глаза таращишь. В этом состоянии лучше всего пойти в «Русский самовар» к Роме Каплану и тяпнуть рюмку-другую водки на хрене, съесть холодец, послушать музыку и поболтать с Ромой обо всех московско-нью-йоркских знакомых, о международном положении, о литературе и о том, какие все пидарасы.

Однако народная смекалка изобрела хитрый способ облегчить страдания «jet lag». Способ прост – нужно еще в самолете крепко выпить в самом начале, а в день полета встать рано утром, часиков в шесть. Таким макаром, после плотного аэрофлотовского обеда с водочкой (упаси Бог лететь «Дельтой»: сиденья там неудобные, стюардессы старые и глупые, жратва – отвратительная) ты аккуратненько засыпаешь часа на три-четыре и к прилету в Нью-Йорк просыпаешься огурчиком, готовым выдержать необходимые часы до местных одиннадцати.

Так же, в описываемом случае, поступил и я – завсегдатай рейса Москва – Нью-Йорк. К этому времени я уже летал по этому маршруту раз тридцать, и все мои действия были доведены до автоматизма. Я летел первым классом. Как только мы взлетели, то начали разносить блины с черной икрой. К блинам полагалась водка. Потом понесли салаты и закуски, обязательный в Аэрофлоте супчик (борщ, солянка или харчо), под него опять беленькой, потом горячее (здесь полагается бутылочка красного бордо), потом сыры (опять бордо), десерты и коньяк. Настроение

было отличное, я почитал газетки и заснул, благо что ночью специально спал всего четыре часа. Впереди, казалось мне, меня ждали Нью-Йорк, жена и Новый год. Но коварная судьба подготовила мне совсем другой сценарий. Как говорится, если хочешь рассмешить Бога, то расскажи ему о своих планах.

Приземлились. Пошли на паспортный контроль. Паспортный контроль в нью-йоркском аэропорту имени Джона Фицджералда Кеннеди (или, как они говорят, – JFK) организован значительно удобнее, чем у нас в Шереметьеве. Нет этой толкотни, очередь организована специальными перилами, пограничников, или, как у них это называется, иммиграционных офицеров, значительно больше, чем в Москве, и, соответственно, пропускная способность паспортного контроля значительно выше. Кстати, я нигде в мире, даже в «третьих странах», не встречал такой ужасной толкотни, давки и очередей на погранконтроле, как у нас в России.

Сейчас, правда, в Шереметьеве на вылете такие перила поставили, а вот на прилете – нет. Меня это бесит ужасно. Вот я свеженький приехал в аэропорт, прохожу регистрацию, паспортный контроль, пошлялся по магазинам в duty free зоне и пошел в самолет. Красота! Но! Вот я уставший и злой прилетел в Москву откуда-нибудь издалека. Хочется сразу в машину и домой. Ан нет! Стой, сука, в огромной толпе таких же, как ты, уставших, пахнущих перегаром людей и жди, когда тебя впустят в страну, гражданином которой ты являешься. Меня всегда мучает вопрос: а какие у погранцов есть альтернативы? Что, не пустить? Как они себе это представляют? Никак! Зачем же тогда людей мучить? Ах, органы должны знать, в стране ты или нет. Но так это же их, органов, проблема, а не моя. Меня, например, не интересует вообще, где находятся эти самые органы. И если бы даже интересовало, то я бы не стал их держать взаперти вплоть до установления. Почему же меня держат? Почему они свое любопытство удовлетворяют за мой счет? Но это все, конечно, в пользу бедных, я понимаю. Наши органы никогда не интересовались проблемой неудобств, которые они создают гражданам своими действиями по их охране. Я все время забываю, что это все для нашего же блага…

Но вернемся к Нью-Йорку. Итак, наступает моя очередь, я подхожу к будочке, в которой сидит негр в форме, протягиваю ему свой паспорт и стою, жду. Он что-то там нажимает у себя в компьютере, пропускает мой паспорт через сканер, еще что-то нажимает, потом долго смотрит в мой паспорт, потом откладывает его в сторону и делает такое лицо, какое обычно люди делают, когда они думают. Процесс дается ему непросто (и то – с непривычки тяжело), я невольно проникаюсь к нему

сочувствием и даже (о чудеса моего добросердечия) некоторым уважением за этот самоотверженный поступок. Но мое сочувствие и уважение быстро проходят, поскольку через несколько минут выражение его лица меняется на обычное. Сложив мои документы в специальную папочку, он говорит, что мне следует пройти в специальное помещение для более детальной беседы.

Я пока не кипешую, поскольку такое иногда бывает: случайным образом из всего потока приезжающих они выбирают людей и в специально отгороженном стеклянными перегородками помещении ведут с ними беседы о целях визита, надолго ли приехали и т. д. Со мной тоже это несколько раз было, процедура дурацкая и отнимает минут десять – пятнадцать лишних.

Я сажусь на специальный диванчик в этой комнате и жду, когда меня пригласят к стойке и какой-нибудь клерк поговорит со мной. Но меня не зовут и не зовут. Проходит тридцать минут. Уже все латиносы, которых так же, как и меня, отвели за перегородочку, прошли, а до меня и дела нет. Наконец какая-то толстая иммиграционная негритянка взяла мой пакетик документов и, мельком посмотрев на них, унесла их куда-то вглубь, за двери, к начальству. Я уже насторожился. Это начинало сильно отличаться от обычного сценария.

Я сидел один в стеклянной комнате. У меня не было никаких документов. Фактически меня в этот момент не существовало. По документам – я выехал из России. Но, по ним же, я не въехал в США. При этом сами мои документы находились в руках чиновника, имени которого я даже не знаю. Если кому-нибудь пришла бы в голову мысль меня украсть, то это можно было бы легко сделать, поскольку некому было бы расследовать мое исчезновение. В одиночестве я просидел еще полчаса. Никогда больше я не испытывал свою оторванность от мира так остро, как в этот момент. Я даже не мог никуда позвонить, поскольку у меня не было американского мобильного телефона, он был у жены, а европейские в Америке не работают: другая система.

Периодически в дверях моей комнаты появлялся огромный негр в форме и с пистолетом, внимательно на меня смотрел, а когда я пытался задать ему какой-то вопрос, то он сразу же орал: «Shut up!» Процесс кричания на меня доставлял ему такое удовольствие, что я даже специально начал задавать ему вопросы, чтобы ему угодить. Реакция всегда была благодарная – всякий раз он кричал по-новому: то басом, порыкивая, то фальцетом, несколько истерично, то орал визгливым сопрано. Так провинциальные певцы, «балуя» голосом, обычно поют американский гимн перед началом футбольных или бейсбольных матчей. То, что он так себя вел со мной, окончательно означало,

что происходит нечто экстраординарное. Экстраординарность мне всегда не нравилась. В конце 1998 года – особенно. Ничего хорошего она не предвещала. Крик американского охранника на меня – это, безусловно, плохой знак, поскольку американцы, в массе своей, довольно простодушный и гостеприимный народ.

Наконец из недр офиса вернулась стопудовая девушка с кокетливым револьверчиком на боку. Она пальцем подозвала меня, окинула с ног до головы и спросила: «Вы уверены, что хорошо знаете английский? Я спрашиваю вас об этом, потому что от ответов на заданные вам сейчас вопросы зависит ваше дальнейшее будущее!» Я, естественно, струхнул и сказал, что мой английский недостаточен для принятия судьбоносных решений. Она еще сильнее напряглась и сказала, что тогда мне придется еще подождать, пока они найдут переводчика. Я сел на ставший уже родным диванчик, и надо мной снова навис порядком надоевший крикун. Он гремел наручниками, поправлял волыну, бил дубинкой об свою ладонь и орал, орал, орал…

Десять часов полета, сдвижка во времени, похмелье и нервотрепка сделали свое дело – я начал засыпать. И еще мне захотелось в туалет. Я посмотрел на кривляющегося «мистер офисэр» и сказал ему, что хочу поссать. Он неожиданно замолк. На его лице отразилась борьба. Видно было, что он с удовольствием запретил бы мне это безобразие, но, с другой стороны, он вдруг понял, что последствия этого запрета могут быть непредсказуемыми. Например, я обоссусь. Или чего-нибудь хуже. И что? Ему же рядом со мной стоять! Нехотя он отвел меня в туалет и охранял все время, пока я справлял нужду. Потом я захотел пить, и он бегал мне за водой. Короче, в течение следующего получаса весь его образ грозного служаки пропал, что его ужасно раздражало.

Наконец пришла толстомясая и с ней еще человека три старших офицеров. Все – черные. Сзади, за их могучими спинами, скрывался маленький, уставший и несколько напуганный человек брайтонского вида. Мне его представили как переводчика. Старший из офицеров спросил меня: «Где вы получили американскую визу?» Я посмотрел на брайтонца. Тот прошептал: «Только не ври!» Я ответил, что визу получил в американском посольстве в Москве. Переводчик посмотрел на меня с восторгом, будто я совершил какой-то отчаянной смелости поступок. Офицер пронзил меня сверлящим взглядом (видимо, он его специально тренировал перед зеркалом, поскольку лицо у него в этот момент было максимально зверским) и спросил: «Какова цель вашего визита?» В его представлении, по-видимому, это был вопрос на засыпку. Предупреждая мой взгляд, переводчик опять взмолился:

«Только не ври!» Я сказал, что приехал отметить Новый год и что моя жена уже в Нью-Йорке и ждет меня.

В рядах иммиграционных чиновников случилось замешательство. Похоже, вопросы были исчерпаны, но что делать со мной дальше, они не знали. Меня повели в другой кабинет. Там долго что-то опять искали по компьютеру. Наконец мне сказали: «Почему вы незаконно получили право на въезд в Соединенные Штаты?» Я был готов к чему угодно, только не к этому вопросу. Я посмотрел на переводчика. Тот спрятал глаза и сказал по-русски: «Почему ты незаконно получил американскую визу?»

Я понял, что затевается какая-то серьезная поганка, и сказал моему толмачу: «Переведи. Только точно. Я буду внимательно следить. Скажи им следующее: как же можно мою визу считать незаконной, если я именно по ней въезжал в США уже больше десятка раз? В том числе и в Нью-Йорк, и именно через ваш иммиграционный пост». Ответ был верхом логики и последовательности: «Ваша виза незаконна, и мы ее аннулируем!» – «Подождите! – сказал я. – Могу ли я узнать причины такого решения? Я не преступник, не нахожусь под судом. В чем дело? Если бы вы меня спросили, то я бы ответил вам, что да, в России я прохожу по уголовному делу, но до суда дело еще не дошло и вряд ли дойдет, и по любым законам я считаюсь ни в чем не виновным человеком! Но вы даже не спрашиваете меня об этом. Вы мне говорите полную чушь о том, что моя виза незаконна!» Повисла пауза… Первым нервы не выдержали у крикуна-ревуна. Он подскочил ко мне и, брызгая слюной, заорал прямо в лицо: «Shut up!»

Тут подключилась моя «худышка». Сонным голосом она сообщила, что в моих словах есть логика и что у меня есть право защищать себя в суде города Нью-Йорка. Если я выбираю этот путь, то меня сейчас отвезут в городскую тюрьму, завтра мне дадут адвоката, оплаченного американским правительством, и я в течение нескольких недель смогу изложить свои аргументы в суде. Если же я не согласен доказывать свою правоту в суде, значит, правы они и мою визу аннулируют, а меня ближайшим самолетом отправят в Россию или в страну, куда я захочу и куда у меня есть виза.

Я спросил: «Могу ли я позвонить жене?» Ответ был короток: «Нет!» Я задумался… Перспектива оказаться в американской тюрьме на Новый год мне показалась не очень заманчивой. В моем паспорте стояли еще швейцарская и шенгенская визы. Я спросил: «Улетел ли самолет на Москву?» Получив подтверждение, я попросил сделать мне билет на любой

ближайший рейс в Европу. Дело было поручено крикуну. Униженный, взяв мою кредитку, он ушел покупать билет. Он вернулся быстро и с видимым отвращением протянул мне билет на Цюрих. Посадка была через полчаса.

Старший офицер с уважением посмотрел на меня. Его, видимо, растрогала моя конструктивность. Он поставил на мою визу жирный штамп «Cancelled» и сказал, что я поступил правильно, признав незаконность полученной мной визы. Я было кинулся доказывать, что ничего подобного я не признавал, что я просто не хочу сидеть в тюрьме, но он только махнул на меня рукой и скрылся в недрах офиса…

Меня сфотографировали анфас-профиль, взяли отпечатки пальцев и вызвали специального охранника, чтобы проводить до самого самолета. Охранник оказался пожилым белым человеком. Крикун был окончательно унижен – он не смог конвоировать меня на глазах у всего честного народа. Когда мы вышли в duty free зону, я сказал охраннику: «Позвольте мне позвонить жене. Она нервничает и ждет меня. Зачем ей мучиться еще восемь часов, пока я долечу до Цюриха?» Охранник не задумываясь разрешил. Тогда я уже обнаглел окончательно и сказал, что у меня нет монетки. Он обменял мне доллар на два квортера. Нажив пятьдесят центов, он еще больше подобрел и повел к телефону-автомату. Я набрал номер жены и объяснил ей, что со мной произошло.

Жена прореагировала на мой звонок стоически. Она в принципе умеет собраться в трудную минуту. Спокойным ровным голосом сказала, что, в общем, так и поняла мое отсутствие. Жалко, конечно, что придется Новый год праздновать поврозь, но ничего страшного, только ты не нервничай. Жена имеет на меня магическое воздействие. Вот стоило поговорить, и полегчало. Мне вдруг стало ее жалко. Сидит одна в Нью-Йорке. Ждет мужа, а он, как мудак, под конвоем отправляется в Швейцарию. Ведь это была моя идея встречать Новый год в Нью-Йорке. Вечно ей от меня какие-то неприятности. Я не хочу распинаться здесь, да и вообще, относительно моих чувств к жене, но в этот момент я испытал острое, теплое, пронзительное ощущение нежности к ней. Все-таки немцы – сентиментальный народ…

Я сел в «Boing 747», на второй этаж, в первый класс. Заказал себе водки, пожрал и отрубился. Проведя в общей сложности восемнадцать часов в воздухе и четыре в JFK, я очутился в Цюрихе. До рейса на Москву оставалось еще три часа. Я бесцельно бродил по аэропорту. Купил в магазине паштет из утиной печени, балык «Царь Николай» (вкуснятина), еще какой-то ерунды и решил – уеду в Питер к теще, отосплюсь, а там видно

будет.

Через месяц я выяснил, что Российское бюро Интерпола, по наводке Скуратова, который, в свою очередь, действовал по просьбе (можно ли это назвать просьбой?) Гусинского, сообщило американцам о том, что я уголовник и так далее. Естественно, все это было незаконно. Смешно объяснять, что преступником является только человек, признанный таковым по суду. Теперь-то Скуратов везде рассказывает, что он большой законник, борец с коррупцией, то да се. Но у меня в голове сидит вопрос: а если бы его, как меня, внесли в компьютер, когда против него возбудили уголовку по поводу двух телок, которых он харил? Что, он бы считал, что так и надо? Что, это правильно, стучать на человека, не дожидаясь суда? Да пошел он на хер, козел…

После Чубайс и Немцов написали письмо Мадлен Олбрайт. Она дала указание посольству, и мне возобновили визу. Кстати, тогда Петя Авен познакомил меня с американским послом Коллинзом. Он оказался интересным мужиком, несмотря на то, что сильно любил Гуся. Коллинз извинялся, однако ему извиняться было не за что: в стоп-лист меня внесли не американосы, а наши.

Вывод из этой истории прост как огурец: все мусора одинаковые.

С женой я встретился в Куршавеле, спустя неделю после депортации. Мы были счастливы.

– Теперь что касается моих заметок 98-го года. Я, например, тогда написал про Валентина Цветкова. Освежил в памяти старые дела – когда еще при Советской власти его привлекали по статье «промышленная контрабанда». В 98-м я слетал туда к нему в Магадан: вот, кооперативщик был под следствием, а теперь командует регионом – Колымой. А потом еще писал я заметку про Валерия Абрамкина. Это бывший зэк. Он хотел переиздать свою книжку «Как выжить в советской тюрьме» – на тот момент уже не советской, а русской. И он ходил по фондам, по капиталистам – но никто ему не дал никаких денег. И он говорит: «Ну как же так? Ну что же люди думают? Зареклись, что ли, они от сумы да от тюрьмы?» А книжка очень интересная. Я так ею вдохновился, что начал по зонам ездить и тоже сочинил книжку. Еще я ездил тогда в Наро-Фоминск, где перед 9 мая в аккурат выплачивали пособия узникам концлагерей. Это было леденящее такое душу зрелище. Давали старикам две тыщи марок в год. И там они рассказывали – ну хоть поедим досыта. И все это – к 9 Мая. В то время как западным узникам

давали не по 2, а по 20 тыщ например.

– А там, видимо, мерили от потребительской корзины.

– Ну может, мерили и от корзины, но один узник – его фамилия Зусьман – так он принципиально отказывался, и не брал эти деньги, и писал куда-то в европейские инстанции: «А чем это французский еврей лучше меня? Почему ему больше платят?» И отказывался от денег – не нужны мне, говорит, ваши подачки.

– А я не знаю, кстати, причину. Я только предполагаю. Я не знаю, почему дифференцированно.

– Может быть, потому, что Советский Союз два раза отказывался вообще от этих пособий. В принципе.

– Почему так с деньгами, надо спросить у вдовы Собчака госпожи Нарусовой – это она отвечала за распределение этих пособий. С учетом бедственного положения пенсионеров в России такие выплаты – хорошее подспорье. Мне кажется, что хоть кто дай денег – и то хорошо. Но с другой стороны… Вот смотри. У тебя дед застрелил огромное количество каких-то людей, работая в ЧК.

– Ну допустим.

– А сейчас – с какой стати ты бы часть своих денег тратил для помощи родственникам этих людей? Или, допустим, он держал людей в тюрьме, а потом их выпустили, и ты сейчас должен платить людям, которых законопатил твой дед.

– Ну, в случае с Германией, наверное, другая картина. Люди работали на немецкую промышленность, а зарплату им не платили. И промышленность с этого поднималась.

– Не так. Эту промышленность потом союзники разбомбили под ноль. А подымалась она после, на американские деньги, по плану Маршалла.

– Но все-таки: люди работали, а им не платили зарплату. Так хоть задним числом платите!

– Ты имеешь в виду корпорации, которые остались? Какой-нибудь «Мессершмитт»? Хотя, думаю, деньги, в том числе и из бюджета, выделялись. Впрочем, не важно. Сидели люди в немецком лагере, им платят немцы – отлично, меня это устраивает. Но давайте продолжим эту логику. Сидел в русском лагере – получи от русского правительства. Он же, зэка наш родимый, тоже бесплатно херачил! Днепрогэсы всякие строил, Магнитки. Пускай наши корпорации, которые построены лагерниками, например Магнитогорский металлургический комбинат, платят лагерникам бабки.

– Логично. А то, сука, у меня есть знакомые, которые скупили по дешевке земли по берегам канала Волга – Москва,

а теперь перепродают их под дачи. Так они пьют за товарища Сталина – это ж он нагнал зэков на строительство канала, и теперь ребята с этого получают прибыль. Вот пусть бы и отчисляли на поддержание выживших зэков. Надо бы действительно поставить вопрос! Вот Норильский комбинат, который зэки строили, – он чей сейчас, кто с него прибыль снимает?

– Потанинский он.

– Вот Потанин и должен платить. Пусть у него тоже будет совесть, как у немцев.

– В самом деле! Если мы, дрожа лицом, в праведном гневе говорим: условно говоря, «Сименс» наживал бабки на наших военнопленных, которые там работали, на угнанных в Германию, и теперь обязан нам платить компенсацию, то не должны ли мы сначала обратить это внимание на «Норильский никель», и на Магнитогорский металлургический, и на все сибирские прииски золотые?

– Я просто не знаю, как это сделать.

– Да взять и принять закон в Государственной думе!

– Ну, это как с реституцией получится. Концов не найдешь.

– Нет! У нас абсолютно понятны границы этого периода. Абсолютно понятны статьи, по которым нужно выплачивать. Ты что думаешь, в 30-х годах не было жуликов, воров и убийц? Были. Мы им платить компенсацию не будем. А если сел по политической статье и реабилитирован в 56-м году или позже – будьте любезны. Где ты работал? В лагере 37бис/такой-то? Предприятие теперь называется «Акционерное общество „Красное вымя“. Оно и обязано выплатить компенсацию.

– Очень хорошо. Я не возражаю со своей стороны. «Уголок» даю – как Ельцин.

– И до тех пор, пока «Красное вымя» не заплатило компенсацию, к немцам не суйся. Они – во вторую очередь. А то немцы заплатили, а наши? Давайте за себя-то сами ответим. Чтобы у нас было моральное право потом с немцев-то спрашивать. Мы вот своим, которых мы посадили, – мы им заплатили. А теперь, дорогие товарищи немцы, заплатите нашим, которых посадили вы.

– Немцы сами начали платить. Добровольно. При том что советское правительство два раза отказывалось.

– А сейчас человек жалуется: мало немцы платят, – и не берет эту компенсацию. А ты сначала с наших получи!

– Тут вот что можно сказать по поводу зэков и компенсации. Я в одной зоне видел – два плаката рядом

висят. Один – «На свободу с чистой совестью». Ну, с ним все понятно – наглядная агитация. А второй плакат такой: «Умом Россию не понять». Я думаю, что это действительно так. В этом отдают себе отчет даже зоновские охранники, люди не очень научно подкованные. Так зачем же мы будем искать в России какую-то банальную логику? Я бы не стал на этом основывать свои оценки и суждения. Да и ты не стал, наверное.

– Ой, Господи! Боже мой, как я устал от этой белиберды про «умом не понять»… Ну ладно… горбатого – могила…

Комментарий Свинаренко

Теперь коротко про то, что я в том году сочинял.

Немало я тогда написал заметок про Америку – это были главы книжки, которую я после издал. Она вышла в «Вагриусе», который тогда был на пике славы.

Но главным образом я тогда описывал русскую жизнь, по которой в Америке соскучился. С отвычки все отечественное кажется таким трогательным – какое-то время…

Один из сюжетов был такой. Некий мелкий бизнесмен по имени Артур Аветисян жил себе в Подмосковье в своем доме. У него возникли проблемы с братвой – на почве денег. Похоже, на словах им договориться не удалось. И вот однажды на рассвете к дому подъехала бригада и стрельнула по окнам пару раз – типа бабки отдавай. Жена и дети были этим сильно огорчены. И вот этот Аветисян взял автомат, который у него был спрятан со времен войны в Карабахе, и открыл ответный огонь. Двоих он сразу убил, за остальными погнался и на ходу еще одного положил. Остальные убежали. После чего приехала милиция и провела борьбу с преступностью: забрала у человека автомат. Он говорит – что вы делаете, как же я дальше? Ему ответили – ты вообще скажи спасибо, что тебя за незаконное хранение не сажают. А как же быть? Никак. И вот он съехал из своего дома. Где-то спрятался. И ездил скрытно на допросы в прокуратуру, дело же возбудили по факту стрельбы. Органы его как бы взяли под охрану. Как бы – потому что однажды Аветисяна расстреляли неизвестные прямо под окнами прокуратуры. По официальной версии – он был ранен, и дальше его стали прятать еще тщательнее. Однако сдается мне, что конец был несколько более печальным… Грустная история.

К Дню космонавтики я встретился с космонавтом Леоновым. Он мне рассказывал замечательные истории:

«Что – американцы? У них не было никогда астронавта

уровня Гагарина, по человеческим качествам, чтоб его так любили! А этот их Вернер фон Браун, ну что он? Я с ним встречался на конгрессе авиации и астронавтики в Афинах, в 65-м. Я сидел рядом с ними, с Вернером фон Брауном и его женой Евой Браун. Он мне говорил: „Я знал, что так будет, что человек полетит в космос, – но не знал, что так быстро. Я не думал…“ Почему, кстати, их ракеты „Фау“ падали? Там тонкий механизм, там гидравлика, трубочки, золотниковое управление, там песчинке достаточно было упасть – и все летело к черту. Вот пленные песочек и подсыпали. То есть ракеты взлетать взлетали, но тут же падали. Вернер мне рассказывал, что он сильно возмущался: „Как же они могли мне такие подлянки устраивать? Я же их из лагерей повытаскивал, я думал, люди будут нам благодарны, что мы их спасли от смерти и питание давали хорошее, простыни чистые…“ Нет, им не понять. Мы вывезли из Пенемюнде те их ракеты – „Фау-2“. Наши поначалу делали их копии и назвали их по-своему – „Р-1“. Но Сергей Павлович (Королев. – *Примеч. ред.*) немецкие ракеты категорически отверг и создал новую ракету, так называемую «семерку». Она могла донести груз до любой точки планеты! Конечно, имелась в виду Америка.

…Мне комнату дали – 15 метров – в коммуналке, на «Студенческой». Соседи были рабочие, простые люди, я к ним иногда телевизор заходил посмотреть – своего у меня не было. Сидишь, смотришь кино, а по ногам клопы ползают… Юре Гагарину на Ленинском дали однокомнатную квартиру – у него уже был один ребенок. А летом 60-го нас переселили на Чкаловскую, так там Юре дали двухкомнатную. После всем космонавтам дали по трехкомнатной квартире – с паркетом! И с кафелем в туалете! Это было очень сильно.

…Никому в голову не приходило, что вместо двух пятиэтажек по 650 тыщ каждая лучше построить один 14-этажный кирпичный дом за 1 миллион 200. Юрий (Гагарин) додумался и пробил такое решение! То, что у нас в Звездном такие дома, – это его заслуга.

…За первый космический полет он (Гагарин) получил 15 тысяч рублей. Можно было две «Волги» купить.

Ну вот ему дали четырехкомнатную квартиру, такая же у меня. Значит, заходишь – прихожая 2 на 2, холл 3 на 2, кабинет 7 метров, большая комната 23 метра, спальня 17 метров, кухня – 12, и детская – 78 квадратных метра общей площади.

Мы, специалисты, летчики экстра-класса, космонавты – получали там (в США, в командировке) суточных 10 долларов. А когда туда приезжал товарищ по линии ЦК, у него было 50 долларов в день».

Съездил я тогда и в Норвегию, к королю Харальду V. И он мне понравился. «Как он мне улыбался, какая у него интонация была дружеская, ну и вообще, знаете, очень он воспитанный и вежливый человек (я это говорю со всей солдатской прямотой, и пусть он не обижается). А у нас-то, у нас! Замзавотделом районной администрации – и уже надут, индюк, как Бонапарт! И смотрит на тебя искоса, и бурчит что-то неслышное. А взять кого выше, так уж и говорить не про что. Но хоть высокое-то начальство у нас может быть не таким грубым, не очень плебейским, не сильно хамским? Может оно себе позволить не быть похожим на армейского прапорщика, который счастлив, что наворовал тушенки?»

Зря мы все-таки извели своих царственных особ. Без них мы стали несколько более хамскими. И дворян мы зря так изничтожили…

Еще я был в командировке в г. Козьмодемьянске, что на Волге. С этого города были списаны те самые Васюки.

«Сюжет „Двенадцати стульев“ вместился в исторические полгода между апрелем и осенью 1927 года – самый острый период дискуссии Троцкого со Сталиным. (Эту подоплеку вскрыли литераторы Одесский и Фельдман в своем комментарии к юбилейному изданию книги.) Смысл дискуссии был такой. Леваки требовали мировой революции, а ныне покойные государственники Сталин с Бухариным считали себя опорой НЭПА. Надо ли говорить, что веселые одесситы Ильф с Петровым оказались за НЭП. А восторженный романтик Маяковский, страшный путаник и любитель абстрактных безжизненных конструкций (взять хоть странную любовь, которой он занимался с семейством Брик), вышел вроде как сторонником мировой революции, которая, впрочем, как поэтическая идея очень яркая.

Ильф с Петровым всячески пытались уязвить этого троцкиста. Они придумали персонаж Хину Члек (это, конечно же, Лиля Брик), а дурацкая надпись на скале «Здесь были Ося и Киса» содержала в себе интимные клички супругов Брик, с которыми революционный поэт состоял в любовных отношениях.

Полемика между Ильфом – Петровым и Маяковским породила двух персонажей. У Маяковского, мы по школе помним, главным достижением был образ Ленина, у одесситов – Бендер. Эти два персонажа – как бы полюса нашей жизни. На самом деле это один тип. В образе Бендера Ильф и Перов вывели вождя мирового пролетариата. Это видно невооруженным глазом. Смотрите! И Ленину, и Бендеру чужд систематический честный

труд, они предпочитают комбинации, им подавай сразу и все, и отличить свое от чужого они одинаково не способны. Оба комбинатора – неясного происхождения, у обоих равно усматривают еврейские корни. «Заграница нам поможет» – это скорее мог бы Ильич сказать. Ведь это он, а не Ибрагимыч приехал из Германии в опломбированном вагоне, и это он требовал мировой революции, а не кто-то. Оба они знали массу способов отъема денег у населения – не охваченных Уголовным кодексом; правда, достижения их и размах несопоставимы. Оба они с легкостью шли на нарушение законов, оба сидели – впрочем, редко и помалу, не по заслугам… Это все факты, но при этом язык ведь равно не поворачивается назвать их простыми уголовниками! Вы что же думаете, зря Бендер говорит ленинскими словами? Иногда дословно: «Учитесь торговать» – частая газетная цитата из Ленина, который звал к НЭПУ. Бендер еще любит вслед за Ильичом слово в слово повторять, что «каждая общественная копейка должна быть учтена». Бывает, комбинатор допускает в цитировании неточности – впрочем, безобидные: «Электричество плюс детская невинность». А наиболее популярная из приводимых Бендером цитат взята, вы помните, из Маркса; эти слова очень любил повторять Ленин: «Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих». Тут просто утопающими Бендер назвал рабочих – тех, которые якобы гегемоны, и якобы правят миром, и якобы передовая сила общества. Надо же так было ребят обдурить… А вспомните сцену встречи на конспиративной квартире. Якобы откуда приехал Бендер (с Кисой)? Из Берлина. Правда, ни слова про опломбированный вагон.

Да, приходится признать: книжки Ильфа и Петрова – страшная, смертоносная политическая сатира! Слегка выйдя за рамки «Двенадцати стульев» и всмотревшись в более поздние претензии Бендера к Корейко, мы леденеем от ужасной догадки: это же пародия на отношения Ленина с классом капиталистов! (Или налоговой полиции с олигархами и естественными монополиями.) Поделись нетрудовым богатством! Поделился, достали его. Ну а много толку с того отнятого чужого богатства? Отобрала его и пропила какая-то сволочь (румынские ли пограничники, русские ли революционные пьяные матросы с люмпенами)… Разбитая же мечта о Рио в белых штанах – это воплощение несбыточной мечты о социальной справедливости.

А гляньте на отношения Бендера и мадам Грицацуевой. Он ею просто пользовался в своих корыстных целях. Мадам Грицацуева – большая, рыхлая, бестолковая, малограмотная, вдовая, не прибранная к рукам, доверчивая – это не что иное, как

образ России.

В 98-м я съездил в Швейцарию и там проехал по набоковским местам. Встречался с Дмитрием, сыном писателя. И написал про это.

Он рассказывал: «В некотором смысле судьба нам помогла. В мае 40-го мы должны были на последнем пароходе из Франции отправиться в Нью-Йорк. Но удалось получить каюту на предпоследнем. Наши нервные матросы в пути стреляли по китам за отсутствием немецких подводных лодок, которые потопили тот последний пароход… Вы знаете, какая была главная причина их переезда в Монтре? Очень трогательная: я в Милане заканчивал мое учение как оперный певец, и родители хотели быть недалеко от меня. Отец сам это сказал. Почему не в Италии? Италию он любил, но нельзя жить в Италии, если зависишь от телефона, от телеграфа, от почты, – там слишком много забастовок, слишком много затруднений политических. Им нравилось, что Монтре – это старый уголок древней Европы. Когда-то, в начале века, мамина семья приезжала сюда на летние каникулы…»

Сестра писателя Елена Сикорская рассказывала про великого брата: «Когда мы жили в Петербурге, на Морской, – мы почти никогда не общались! Мы подружились страшно, когда оказались в Крыму. Мне было 13 лет, а ему 19. Мы часами были вместе… Он меня научил…»

Наступила пауза. Она вспоминала то лето… Пока она молчала, я вдруг придумал престранную мысль… Я в эту паузу был ударен мыслью про Лолиту! При чем тут это? При том что Елена была тогда очень симпатичной и привлекательной нимфеткой – иначе, подумайте, с какой бы стати взрослый юноша стал возиться с такой пигалицей? Это единственно возможное оправдание… Но она-то была недоступной! Совершенно так же, как несовершеннолетняя Лолита, и даже еще больше – будучи родной сестрой. Не буду вам вслед за Набоковым еще раз повторять писательские слова про то, что сюжет он взял из головы и только из нее одной. Допустим, что так. Но откуда это взялось в голове?

Я представляю себе, причем с необычайной, автоматической легкостью, как это видение измучивает его. Видение девочки, которая смотрит на него влюбленными глазами, но никогда – ни-ког-да – не будет ему принадлежать. Или будет – это я про набоковский роман «Ада», описывающий плотскую любовь брата и сестры.

В 98-м же я пару-тройку раз съездил в Шампань и

соответственно про это написал. Мой знакомый, отставной полковник Пьер, в те годы владел там замком, который после, уходя на покой, продал. Жалко, а что делать? Это было тонко – ездить в chateau в Шампани и там пьянствовать… Я провозил водку, Пьер выставлял свою шипучку, и мы славно проводили время в беседах… Даю цитаты.

«Вспоминается классика: старосветские помещики. Въезжаешь, бывало, в ворота Chateau de Bligny, оставив за собой трехчасовую – от Парижа – дорогу, а на крыльцо спешит уж милый старик Пьер, усатый отставник спецназа, волоча правую ногу – память об индокитайской кампании. А с ним жена, Люсьен, бодрая близорукая блондинка… Объятия, четырехкратные французские – чмокание воздуха – поцелуи, и за стол, поближе к камину. И вот уж из погреба несут домашнего вина. Домашнего? Ну да. Дом, то есть замок, – в Шампани, вокруг 19 гектаров виноградников, и винзаводик свой тут же поблизости, и подвалы бескрайние под замком, а там – когда сто тыщ бутылок настоящего французского шампанского, когда сто двадцать, смотря по урожаю, год на год не приходится. На этикетке картинка с натуры: этот вот самый замок, где как раз все и происходит, и его название: Chateau de Bligny. Картинка весьма подробна. Вот окошки – это мы тут выпиваем, а там зал, в котором роскошный, во всю стену, древний витраж. Вот хозяйский кабинет с компьютерами, там – увешанная старыми картинами галерея…

Шампанское бывает только французское, да и не вся Франция для этого годится, а только бывшая провинция Шампань, – но не целиком, а только малые клочки ее. Самый из них большой начинается, если ехать от Парижа, за Ла-Ферте-су-Жуар и тянется по реке Марне, и на востоке доходит почти до Сен-Дизье, под которым есть еще два крошечных клочка. Захотите найти на карте, ориентир такой: там сливаются речки Сена и Об, последняя, в отличие от нашей, без мягкого знака. Еще одна территория, поменьше – вокруг тихих сонных городков Бар-сюр-Сен и Бар-сюр-Об; в 15 километрах от последнего как раз и стоит Шато-де-Блиньи. И еще три клочка – это поля у таких же игрушечных городков: Marcilly-le-Hayer, Montgeux и, наконец, Brienne-le-Chateau.

Вот, собственно, и все. Только тут.

…На стол ставится новая бутылка – это полуторалитровый магнум: чтоб лишний раз не бегать в подвал.

…А если сразу все не выпили, что делать? Пробку обратно засунуть, чтоб не выдыхалось? Ну-ну, попробуйте… Не лезет? Это вас отечественная химическая промышленность избаловала.

Никогда не пейте вина из бутылок с пластиковыми пробками! Настоящее шампанское закупоривается исключительно натуральной пробкой, которая книзу расширяется раструбом и без специального станка вы ее обратно не впихнете. Но выход есть: вставьте в горлышко бутылки обычную вилку, зубьями вверх. Не знаю, как это явление объяснить с научных позиций, – но скорость выдыхания сильно падает.

…Чем закусывают шампанское? К примеру, вы решили выпить шампанское как аперитив. Удачная мысль, поскольку вы будете исследовать букет «свежим ртом» (подстрочный перевод с французского). А какую легкую закуску подать к этому аперитиву? В Шампани часто в таком случае подают крохотные пирожки с сыром. Еще хороши мелкие моллюски. Лучше всего – устрицы. Неплохо подходят оливки – по той причине, что они не забивают вкус вина. Еще хорошо закусывать шампанский аперитив ломтиками черной редьки… Надо их посыпать крупной солью, чтоб сок пошел. И никакого масла, только редька и соль! Впрочем, когда нет экзотической редьки, сойдет и простая черная икра.

Если вы остаетесь с шампанским и дальше, после аперитива, сразу откажитесь от идеи заказать бифштекс или баранину – под них придется потребовать красного. Уместней заказать что-нибудь морское – рыбу, омаров, моллюсков. Можно птицу. Или, вот забавно, дичь! Да, гурманы полагают, что с шампанским хорошо сочетается маринованный дикий поросенок. Если вы решили держать марку и не отступать от шампанского до конца, до десерта, – то возникнет вопрос: какой же брать сыр? Выбор тут небогат: либо овечий, либо швейцарский.

И, закругляясь, закольцовывая тему шампанского, скажем, что очень хорошо шампанское и для опохмелки. Французы это отлично знают, но по своей скупости часто предпочитают обходиться аспирином».

В общем, я занимался рутинной газетной работой. Причем это была не новостная журналистика про сенсации – а такая неоперативная, несрочная, какой-то аналог старой советской журналистики, подобие очерков, которые шли в «Литгазете» или там в толстых журналах. С такой работы при старом режиме фактически шли на пенсию. По советским понятиям, верх карьеры – не той, что вверх, в отдел пропаганды ЦК КПСС, – а другой, той, что вбок или же вглубь. За это и деньги платили, и публика это читала со вниманием. В основном, думаю, оттого, что авторы таких текстов показывали кукиш в кармане, как-то тайком, замаскированно поругивали режим. Это был такой негромкий

свисток, в который пускали незначительную часть пара. При новом же режиме такая журналистика не имела перспектив, поскольку казание кукишей перестало иметь смысл. Это была задним числом такая игра в большую журналистику, некая ностальгия. Так, если в детстве человек не наигрался в какие-то игрушки, потом пытается наверстать – покупает себе мотоцикл и ездит на нем вокруг дома. Бесцельно. Ему сам процесс интересен.

Вот так и я писал и с упорством, достойным лучшего применения, издавал эти свои книжки… Первую, про Америку, я как раз и отнес в издательство в самом конце 98-го.

Вторую я в том же 98-м начал делать про русскую провинцию. Вот все эти командировки, которые я сам себе выписывал и в которые ездил по своему хотению… Это все было для книжки «Такая страна», которая потом и вышла.

Мне вообще иногда кажется, что мы с тобой, Алик, говорим про две разные журналистики. Одна – где проплаченные наезды, такие же похвалы, где Минкин, Доренко и кто там еще. Это как сериалы, любимые народом. Вторая – вот эта умирающая (или умершая) старомодная журналистика, которая как-то образовалась в советские времена… В ней был Анатолий Аграновский – самый, наверно, там крутой. Я читал его в старые времена с тонким таким сильным чувством и думал – вот оно, искусство. При том что, конечно, журналистика в русском понимании деятельности – это такой второй сорт против, допустим, чистого сочинительства из головы. Меня всегда забавляли ситуации, когда сидит тот же Бовин (которого выжили из «Известий», и после Шакиров, придя в газету, мэтра принялся возвращать, но было уже слишком поздно – тот как раз покидал наш суетный мир), ветеран и классик, – и ничего, а некий юноша тискает вялую повесть, и у него начинают брать интервью. Кроме Аграновского, меня дико интересовал работавший в этой же приблизительно нише Геннадий Бочаров. Я до сих пор помню его очерки в «Литгазете»… Про летчика, самолет которого упал, и из этого была сделана целая история, на уровне Шекспира. С Бочаровым я, в отличие от Аграновского, познакомился, посмотрел на классика живьем. Увы, и его тоже сместили с первых газетных ролей… Он стал писать все больше про авиацию, и уже не в старом добром ключе, а как-то иначе. Ваксберг, конечно же… Это были замысловатые судебные очерки про суть событий и явлений, после это было заменено «Дорожным патрулем»: о, глянь, жмуры валяются, во прикольно. Веление, типа, времени!

Из старых газетных волков мне всех ближе и понятней, и вижу его я чаще – Юрий Рост. Глубоко копает, пронзительно

излагает, тверд и суров, и при этом в устном жанре в хорошей компании под водку – делает даже профессиональных эстрадников. Человек, в общем, концерт. И вот все они перестали писать то, что писали раньше. В чем дело? Похоже, спрос упал на качественные тексты про серьезное. Люди устали. Их долго кормили умными темами, насильно. И теперь они оттягиваются на попсе. Так при советах кругом была классическая музыка и классические же костюмы. Публика просто взвыла. И когда появился выбор, маятник ушел в другую сторону – вся страна переоделась из костюмов в джинсы и вместо Чайковского принялась слушать блатняк. Может, это еще переменится, а может, так и останется. И неизвестно, что лучше – из-под палки слушать классику или быть собой, чувствовать себя человеком под блатняк.

Короче, я бы сказал, что 98-й в моем понимании был последним полным годом той журналистики, которая искусство для искусства. И я, в общем, оттянулся напоследок. Была такая возможность. Нужно ли это было кому-то? Читал ли это кто? Поди знай. Но в целом попытки углубить это ремесло, довольно, в общем, простенькое, думаю, имели право на жизнь. И удачные примеры бывали в этом мире. Тот же Маркес, уж на что классик, деньги на жизнь зарабатывает модными романами, а после для души пишет заметки в журналы. В чем-то я его понимаю… В том 98-м, помню, весело мне работалось в компании Колесникова и Панюшкина. Мы считались спецкорами при главном редакторе и печатали этакие здоровенные простыни. Было что-то вроде индукции, когда одна катушка возбуждается от другой: ну-ка, ну-ка, что написал товарищ? Я бы смог так? И начинаешь так с трепетом читать, боясь и желая, по примеру Бунина, наткнуться на нового Набокова и воскликнуть: «Этот мальчишка объявился и всех нас, стариков, перестрелял»… Э-хе-хе! Где это все? Но, с другой стороны, как прочтешь, бывало, так сразу и полегчает: зря волновался.

Нашим начальником отдела, или, точнее, координатором, был Джемс Дранников, он же Дракон. В старые времена он гремел, сочинял, мотался по стране, носил кожаный пиджак и широко гулял в Домжуре (куда, если не на выезде, ходит каждый вечер вот уже 40 лет, а когда пропускает, официанты волнуются, не случилось ли чего со стариком), а после ушел в кооперацию торговать майками. Майки иссякли, и он снова пошел в журналистику, то есть второй раз вошел в одну реку – и еще какое-то время она несла нас в одном русле. Было весело.

Концовка темы такая. Где-то в те времена ветеран и фанат старой журналистики, заводной мужик Саша Куприянов,

известный как Купер (начинал в старой «Комсомолке» собкором), став на какое-то время большим менеджером в потанинских СМИ, позвал меня возглавить проект и стать начальником. Я вежливо отказался. Он удивился: как так, это ведь этап карьеры, причем завидный! Я задумался: как бы ему объяснить? А сидели мы в каком-то из «известинских» кабинетов… И я говорю: вот, я хочу карьеру, но не начальственную, а такую, как у Аграновского. И Купер мне отвечает: а чего, ты и так уже как Аграновский. Тебе, чтоб с ним сравняться, немногого недостатает. А чего? Да гикнуться. Пардон.

Шутка, а все равно приятно…

Что же касается личной жизни, то в апреле у меня, как это и было запланировано, родилась младшая дочка. Все было иначе, не так, как со старшей. К тому времени появились какие-то деньги – на витамины, отдельную палату, серьезного доктора. Он меня звал на роды: хочешь – приходи, смотри и даже помогай. Но делать этого он не советовал. Поскольку, на его взгляд, некоторых вещей в жизни лучше бы не видеть. Бывают лишние знания. По наблюдениям доктора, у мужчин, которые видели роды, менялось отношение к женщинам. В худшую сторону. И, в общем, я не пошел. Я все-таки согласился с тем выводом, что лишняя информация – она бывает. Каждый из нас может такую найти, покопавшись в памяти. Зачем же ее множить своими руками, не считаясь к тому же с личным временем?

За те восемь с половиной лет, что прошли к тому моменту с рождения старшей дочки, я сбавил обороты и стал вести себя скромней. Я перестал считать себя сильно умным и оставил обыкновение учить кого-то чему-то. С младшей уж у меня не было и нету излишней ретивости в деле воспитания подрастающего поколения. С самого начала у меня с ней сложилось мирное сосуществование. Когда она на меня наезжает, я к этому отношусь спокойно и пытаюсь договориться по-хорошему…

– Вот у меня запись. На 30 декабря 98-го года, Алик, я договаривался с Жечковым – между прочим, его тоже за налоги тогда прижали, не тебя одного – помнишь?

– Да. И Вову Григорьева прижали.

– И Лиса. Я писал про это заметки.

– Это – элементы все того же наезда Гуся с Березой.

– Я Григорьева тогда свел с Падвой как раз, и тот сразу включился… Так вот, у меня была назначена встреча с тобой и Жечковым в студии звукозаписи в «Олимпийском», где вы собирались записывать диск.

– Да.

– Но только вы телефоны все поотключали. И я до вас так и не добрался – поди знай, где там эта студия. Так вы записали диск?

– Да. Записали.

– «Храмы России» ты там пел, как это с тобой случается на праздниках?

– Да. И еще три или четыре песни.

– А вы его издали, выкинули на рынок – или как?

– Он не вышел, конечно, – уровень моего вокала тебе известен. Но у меня и у Жечкова есть по диску. Мой у меня дома где-то валяется.

– Уровень твоего вокала? Да кто ж его знает. У тебя все-таки музыкальное образование (я имею в виду музшколу). Вообще глянь! То ты кандидат наук, то вице-премьер, то на тебя уголовное дело заводят, то внезапно вдруг выясняется, что ты вокалист…

– Видишь, какой я разнообразный. Как Китовани. Помнишь Китовани? Доктор филологии – и одновременно вор в законе. Тенгиз его звали.

– А тебя же тоже можно в принципе короновать, а?

– Нет-нет, нельзя; я женат, у меня дети. Хотя по теперешним меркам – смело можно. В партии не состоял, с ментами не якшался.

– В Турции сидел на киче (о чем мы уже сообщили раньше), так что и ходочка есть. Даже две.

– Да. Такие ходочки дорогого стоят.

– Дай Бог всякому.

– И статейка не какая-нибудь педерастическая. Не изнасилование, а незаконное пересечение границы и Турции, и США. Два раза. Так что я рецидивист.

– «Если ходки – то короткой…» В общем, тебя, похоже, можно короновать. Хочешь, замолвлю за тебя словечко?

– Да пошел ты к черту! Что про нас читатели подумают…

Бутылка восемнадцатая. 1999

В 99-м году Кох прятался от неумолимого меча российского правосудия за границей. Потом вернулся и рассчитался с долгами после дефолтовского попадания.

Свинаренко путешествовал по земному шару на шару, то есть даром. И писал книги.

– Да, брат, первое событие года – не какая-нибудь там херня типа очередного постановления или смерти некоего второстепенного деятеля и не 300-летие граненого стакана – но отставка Березовского Б.А. с поста исполнительного директора секретаря СНГ. Ну так как? Это все тогда, значит, началось?

– Да не. Надоело ему, наверно, просто дурковать. Решил, что должности «Березовский» ему достаточно. У нас тогда с премьерами была история, если ты помнишь.

– С трудом. Это когда Примаков?…

– Да. Примуса поставили в сентябре 98-го года. А потом уже где-то к марту – маю 99-го его сняли и назначили Степашина. А потом, в августе или сентябре, назначили Путина. Это 99-й год.

– Я помню. Потому что как раз Шакирова, который, как мне кажется, симпатизировал Примакову, 25 марта 99-го выгнали из «Коммерсанта». (А после из «Известий», где он был главным. Дальше он, побыв безработным, стал командовать «Новым временем».)

– За что?

– А за то, что уже началась афера с покупкой «Коммерсанта».

– 99-й… Это так недавно было. А кажется, что давно.

– Помнишь, Примус развернулся над океаном?

– Да.

– Патриотически так развернулся.

– Да. В знак протеста против бомбардировки Югославии.

– Которая началась в марте. Помню, один мой товарищ, из эмигрантов, прожив к тому времени в Штатах лет десять, как раз в 99-м получил их паспорт. Вместо green card. Приехал с этим паспортом в Москву и позвал меня в числе

прочих в ЦДЖ – обмывать паспорт. А в то время в Домжур еще как-то ходили по старой памяти. Даже, видишь, эмигранты из бизнесменов. Я, кстати, и сейчас там люблю иногда посидеть. На контрасте, в память о тех временах, когда попасть туда невозможно было. При Советах там считалось круто. Раньше нужен был билет членский, чтоб войти, а сейчас иди не хочу. Самое смешное, чтотам остались все те же официанты, которые были при советской власти, и они там помнят завсегдатаев: в ЦДЖ Аджубей бухал, у него там был свой уголок. Гагарин заходил.

– А что там вкусного?

– Например, там был судак «орли», в кляре, – серьезная вещь. И еще такие, как они называются – воланы, не воланы? – такие корзиночки с паштетом. Там особенного ничего и нету, просто собирались репортеры и квасили. А внизу там пивная, буфет.

– К чему ты это рассказываешь?

– А к тому, что американский свежеиспеченный гражданин пригласил нас отмечать свой паспорт. И вот мы там сели, налили. Он говорит: «Господа, ну наконец-то я получил паспорт Соединенных Штатов Америки. Великий для меня день. Такое счастье. И потому я предлагаю выпить за Америку, причем стоя». Все встают, пьют за Америку, а я сижу.

– А, ты не стал пить за Америку стоя!

– Ну. Виновник торжества спрашивает: «Ты чё?» Я говорю: «Да пошел ты! Вы вон бомбите Югославию, а за вас пить…»

– Ох ты!..

– Ну, они все выпили. «А теперь я выпью, причем сидя и просто так. Я не присоединяюсь к вашему тосту, я пью, потому что мне хочется выпить», – сказал я и немедленно выпил.

– Понятно, это у тебя был такой протест.

– Да. В знак протеста я выпил не стоя, а сидя и сказал еще слова. То есть это было такое проявление радикального патриотизма.

– Ну почему? Вот этого я никак не могу понять!

– Ну, теперь-то все знают, что Югославию бомбили зря. Натовские начальники сами признались – а конкретно это был какой-то высокопоставленный военный англичанин, – что не было никаких массовых захоронений мирных албанцев, это все блеф, это придумали, чтоб был повод для бомбежек. (Тогда доказательств не было, но я чувствовал, что дело там нечисто.) После этого, казалось бы, англичанин как

офицер должен был застрелиться, НАТО – извиниться, албанцы – съехать с территорий, которые им отдали за их страдания и проч. Но, как мы уже привыкли, ничего такого сделано не было, информация прошла по СМИ так, краем поля, никто особо не стал возмущаться: дело привычное. В итоге вышло, что американцы так, походя, на всякий случай создали в Европе базу исламских террористов. Как до этого они в Азии вскормили Талибан. Типа, раз они сами там не присутствуют, так и других не пустят. Или отравят им жизнь. Албанцы – люди серьезные, они еще себя, боюсь, покажут… Сначала, значит, американцы разбомбили сербов, оставшиеся уехали подальше от албанских боевиков, которых не то что не тронули, а даже легализовали, назвав их «Освободительной армией Косова»… Это, кстати, наша всегдашняя риторика была – своих прикормленных боевиков называть освободителями. В Анголе там или в Палестине. Ну вот. Я тогда продемонстрировал радикальный патриотизм без ущерба для экономики страны. В отличие от Примуса. Понимаешь?

– Я не понимаю, почему любовь к Югославии называется проявлением патриотизма. Почему?

– Я тебе объясню.

– Объясни. Тебе, как хохлу, должно быть тем более обидно. Потому что почему-то обязательно патриотично полюбить сербов, но любовь к хохлам не входит в обязательную программу патриота.

– Вот я, кстати, об этом писал не раз, ставил вопрос в своих заметках.

– Мне никто не может толком ответить. Ну что нам эти сербы? А болгары? А македонцы? Когда сербы резали албанцев, а потом албанцы резали сербов – мы были за сербов.

– За сербов, безусловно.

– А когда албанцы, без всякой на то причины, начали резать македонцев, припершись к ним в Македонию в виде беженцев, нам всем было по херу. Нам эти македонцы до лампочки были все. Хотя они славяне и православные. Вот я не понимаю! Из всех славянских наций, из всех православных наций – выбрали именно сербов и любят их аж взасос! Они нас в Первую мировую войну втянули, в результате революция получилась, полстраны кровью залили – а мы их все равно любим! Ну почему?

– Объясню тебе. Но ответ на твой вопрос я начну с того, что усилю твое недоумение.

– Ха-ха. Да-да.

– Для ясности, чтобы тебе было приятней. И чтоб ты

приблизился к разгадке. Так вот. Когда я приехал буквально в Македонию, ну, перед наземной операцией, – помнишь, когда они в Косово вводили войска? KFOR? Так вот, я поехал туда писать про это заметку.

– А ты тогда где работал?

– Еще в «Коммерсанте». Андрей Колесников должен был ту же войну описывать с другой стороны баррикад, из Косова, – но его туда не пустили. А меня пустили. И полетел я, значит, именно туда, поскольку плацдармом для операции была выбрана Македония. Штаб НАТО находился в отеле «Континенталь», это в их столице, в городе Скопье. Иду в Москве покупать билет… А всегда были рейсы регулярные: Москва – Скопье. И тут выяснилось, что нету уже рейсов таких. Поскольку НАТО запретило полеты русских самолетов над Македонией. То есть Македония – суверенная страна…

– А НАТО запретило.

– Аэрофлот – это авиакомпания коммерческая! Она имеет договор с правительством Македонии, осуществляет рейсы! А с ней вот так… Что же делать? Через Софию добираться либо через Будапешт. Я выбрал первый вариант, потому что там виза не нужна была и вообще проще. Короче, я прилетаю в Софию, в аэропорту выпиваю кофе-эспрессо… Болгария, кстати, одна из немногих стран…

– …которая умеет варить кофе.

– Как это ни смешно.

– У турок научились.

– Турки как раз не умеют. Они варят в песке – чистая лажа. А эспрес-со – это Италия и Болгария. И пожалуй, все. Не знаю, кто еще. Немцы с французами – лохи в этом смысле.

– Ну хорошо. Так что дальше?

– Дальше вижу – на площади стоят «чайники»-бомбилы. Иду с ними торгуюсь, до Македонии доехать. В Македонию не везут, потому что это суверенная страна, – только до границы. Короче, доезжаю я до границы, перехожу ее пешком, предъявив паспорт с македонской визой, а на той стороне, за бугром, беру другого «чайника» и еду в Скопье. И так я добрался от одной столицы до другой где-то за полдня общей стоимостью 70 долларов. Поселился там, живу, изучаю обстановку, настроение в массах. Я думал, там народ вооружается, все такие хмурые ходят…

– Война же на пороге.

– Ну. Небось окна залеплены.

– Перекрестной лентой.

– …встречают русских братьев хлебом-солью. Помнишь,

туда как раз добровольцы ехали, через Венгрию пробирались?

– Да-да. Вот это славянское братство. Братушки.

– И вот я иду вечером по городу… А там кабаки открыты, дискотеки полны, все пляшут, веселятся. Ребята девок щупают, тащат в кусты, девки довольные, хихикают… Я говорю: ребята, а воевать? Вот из России добровольцы ползут. Через Венгрию. Те говорят: «Да ну… Старик, смотри, какая чудная погода, какое прекрасное вино! И все даром практически! И посмотри на этих телок! Зачем же помирать? Ты что, рехнулся?»

– «С кем воевать, против кого?»

– Гм… Ну, пару американцев там, правда, отметелили на какой-то дискотеке. Так после этого натовцам запретили выход в город на неделю, что ли.

– Сгоряча кто-то их отдубасил.

– По пьянке. Такое бывает. Причем у нас не только американцев, у нас и русских бьют на улице… А таксист один мне говорит: «Русских дико люблю! Когда уже вы сюда приедете воевать?» А сам причем воевать не собирается…

– Ха-ха. Русские пускай воюют.

– Я спрашиваю: «На кой тебе русские?» Он говорит: «Ну как? Русские приедут, начнут бухать здесь, снимать блядей, кататься на такси по городу, бабки башлять – мы и заработаем! Я говорю: „О как! А чего ты так решил?“ – „Ну как? Американцы вон как гуляют. Ну, у ваших, наверно, чуть меньше денег, хорошо, немножко собьют цены, а то блядь до ввода войск стоила 20 долларов, а стала 80!“ Я говорю: „Батенька, отдохни, нету денег у русских добровольцев“. Он задумался…

– А вот Примус-то хотел уже влезть туда! При том, что бабок нет. Вот объясни мне! Ты мне ничего не объяснил…

– Погоди. И этот таксист с меня денег не берет. Говоря при этом, что русские – это братья. Я тогда написал: а что же на Украине с меня берут бабки, а здесь – не берут? Нелогично как-то… Хохлы-то с русскими вроде породней, чем сербы… Чтоб это получше понять, пошел я в болгарское посольство. И спрашиваю: а как вы, болгары? Вы же сербам вон какие буквально родные братья. Почему вы не воюете за них? Они говорят: «Да надоели нам эти сербы, и македонцы тоже. Сербы с этой войной у нас как кость в горле; две ракеты залетели в Болгарию, так у нас сразу упал туризм. К тому же сербы нас кинули два раза в войнах Балканских, забрали наши земли. А сейчас мы из-за них не можем в НАТО

вступить!» Понимаешь, это болгарские дипломаты мне в диктофон такое несут! По предъявлении мной ксивы!

– Ну так ты мне объясни чего-нибудь! Ты меня запутал уже окончательно…

– Так вот знай: на самом деле нет никакого братства.

– А что есть?

– Нету братства ни балканского, ни славянского. Просто югославы ближе других к русским – по пафосу, по патетике. Со времен Тито.

– Ну, ну, ну! Тито-то хорват был! Он не был сербом.

– Это частности. Тут шире вопрос стоит – за всю Югославию. Тито – югослав, и все тут. Это мы с тобой знаем, что он хорват. А так-то это не важно. Важно другое: сербы – это как бы такая маленькая действующая модель русских. Игрушечная. Понимаешь?

– Нет.

– Ну, у них такой имидж, что они тоже крутые, тоже партизаны, тоже на всех ложили, тоже православные, язык похожий, боевое братство, Шипка, то-се… Против турок…

– Да Шипка – это Болгария! Никакого отношения Сербия не имела к этой войне!

– Слушай, отстань, дай мне сказать, а?

– Я? Ни хера себе!

– Сбиваешь меня совсем. Так вот. На примере сербов русским дают кое-что понять. Им говорят: обратите внимание, мы тут вашу карикатуру размазываем по стене.

– Хорошо сказал – карикатуру.

– Так вот, во-первых, вы это схваете сейчас. А во-вторых, в сознании или подсознании даже у вас отложится, что будете выделываться – и вас расхерачим точно так же, по этой модели. И вам мы тоже развалим всю промышленность. (Газета «Завтра», обсасывая эту мысль, тогда дала остроумный заголовок «Через четыре года здесь будет Нови-Сад», это такой город разбомбленный югославский, если помнишь.) И еще поддержим ваших чеченцев, как поддержали этих, косовских албанцев. И чечены будут вас выгонять, устроят этническую чистку, а когда русские разбегутся, пройдут выборы – и большинством голосов Россия станет мусульманской. Как Косово…» Такую я вижу модель. Именно поэтому меня такая картина заводит. Понимаешь, это глубина подсознания уже, когда берут совершенно что-то похожее на тебя – и мочат.

– Но почему именно Сербию выбрали, а не Хохляндию? Она-то еще больше похожа. Или Белоруссию, например. Если исходить из твоего сценария. Намного более поучительно было бы,

например, батьку Луку прижать. Который точно карикатура на нас.

– С батькой Лукой сложнее – мне кажется, там же какое-то осталось еще военное присутствие России.

– Ну…

– Поэтому Белоруссия не годится. А в Сербии нету русского военного присутствия. Ее можно поэтому безнаказанно трогать. Это один мотив. Другая причина, почему не хохлов – потому что они близкие, с ними не выйдет такой большой романтической любви по переписке.

– Ха-ха!

– Потому что когда близко, когда в одной коммуналке, то начинаются ссоры на кухне: кто не выключил свет, кто не заплатил за газ – про газ это просто буквально. И хохлы – у них нет такой репутации, что вот они пойдут и умрут за идею.

– А Сербия – прекрасная заочница.

– Она такая далекая, чудная, она как бы целка.

– Да-да.

– Издалека же не видно, что у нее ноги волосатые…

– И вагинальный секрет у нее вонючий.

– Да пошла она на хер, короче! (Из детского издания мы это уберем. Когда будем издавать «Ящик водки» для детей, без мата и без скабрезностей. Типа как букварь.)

– Это хорошо – Сербия как заочница. И человек подрачивает тихонечко до окончания срока. Прочитал письмо – и подрочил.

– И нету такого у хохлов имиджа, как у югославов, которые оттягивали 700 тысяч войск вермахта. Наши, наоборот, в СС служили – не все, но где-то кое-кто у нас порой.

– Да, иногда немножко не в тех войсках служили.

– В общем, да, немножко. Я встречал, кстати, в Штатах таких украинских ветеранов-эсэсовцев. Которые как раз в Югославии выступали.

– Их в Чикаго до хера. Они говорят, что они поляки. Но ни хера они не поляки. А хохлы.

– И поэтому, если бы американцы начали херачить хохлов, русские бы еще порадовались. Так им, типа, и надо, за Крым, за Севастополь.

– Да.

– Видишь, Украина никак не годится. Поэтому вот такой далекий образ работает – заочница, карикатура, модель.

– Сербские генералы – они же лидеры организованных преступных группировок в Сербии.

– Ну, эту модель мы изучали еще в «Слове о полку

Игореве». Помнишь?

– Ну-ка, ну-ка…

– Ну кто такой князь? Такой бра-телло, только на коне вместо джипа…

– Ну, это да.

– Дань, стрелки, разборки… Кто-то заехал на чужую землю, начал собирать. Ему говорят: ты чего, братан, охерел? Он не слушает. И тогда его просто порвали, привязав к деревьям. А жена говорит: вы ответите, суки! Сейчас вам будет ответка! Мало не покажется.

– Но мало того что народ этим бандитам платит и они тысячу лет сидят на хребте народном, они еще подумали: «Мало того, что они платят дань. А пусть они нас еще любят!»

– Ты про кого говоришь – про генералов?

– Про князей. Вот эта любовь к ним называется патриотизмом.

– Ну, хер с ними. Это тяжелая тема, сложная. Что касается Югославии, где генералы, они же и братки, – то эта схема там в более чистом виде, чем у нас. Князь – это и есть генерал. Он же и браток одновременно. Эта схема рождается из глубин народной жизни. Так получается всегда, когда начинается живое творчество масс. На нем и демократия должна строиться. По крайней мере у нас – за протестантские страны не буду говорить.

– Ну да, если князь не прав – отрубите ему голову и другого возьмите. И казаки же тоже на круге должны были шапки кидать, орать: вот ты будешь атаман!

– Это одна и та же схема, та же социальная функция – казаки, братки, югославские генералы. Не случайно эта тема красной нитью проходит через всю нашу книгу – казаки, бандиты. Потому что действительно, как это ни смешно, идет живое творчество масс. Когда уничтожается государство, чиновников выгоняют, рвут флаг – образуется вакуум, который люди тут же заполняют так, как им диктует их натура. Не так, как лучше и удобнее, и не так, как выгоднее, – а как само получается, когда расслабишься. Наступает как бы такой момент истины. Когда выясняется, что человеку в действительности надо не то, что он декларирует, а о чем мечтает втайне. По этой схеме продвинутые ландшафтные дизайнеры прокладывают дорожки в парках: где люди натоптали, там и плитку мостят. Если не там уложат, толюди будут траву топтать на удобных им маршрутах. Вот. И получается, что в такой ситуации каждый народ показывает свою внутреннюю сущность. Когда

он может безнаказанно и анонимно самовыражаться. В этой связи когда я думаю о том, что в большинстве русских подъездов, где нет консьержки, нассано, то… Но не будем отвлекаться. Вообще тут все, может, даже глубже: сняли с нации голову, удалили большую часть серого вещества, перерезав элиту, пятерки пришлось ставить двоечникам – и 200 лет развития долой, как не бывало. Этнос вернулся в дикие времена, в аналог европейского Средневековья. Когда прав самый решительный и самый ловкий. Кто быстрей зарежет товарища, тот и будет самый умный. Наймет летописцев, они его воспоют… Может, это не только с нами такое, а и с любой нацией? Значит, лидеров можно назвать князьями, можно – бандитами, какая разница. Но в любом случае у них под началом вооруженные люди, которые должны с чего-то кормиться…

– Батька Махно?

– Махно отличается от теперешних бандитов – в том числе, может, и югославских – тем, что он, насколько мне известно, не нес знамени православного миссионерства. А сегодня кто у нас самые вот такие поборники православия? Братва.

– И генералы. Ха-ха!

– Я вот надысь был в бане у авторитетных людей, так там два батюшки присутствовали. Один из храма, который построен братвой, а другой в гостях… Примечательно, чтоб так запросто, по-свойски, не экзотики для, а в рабочем порядке звать на пьянки священников – я такого не видел пока что ни у «новых русских», ни у шестидесятников (они как-то за внецерковную духовность, не задумываясь даже над тем, как это смешно звучит): духовность, но без Бога, – думаю, это большевики такую схемку для смеха подкинули, но она, как ни странно, сработала. Это была, возможно, форма социальной мимикрии. Вообще советская интеллигенция – это форма выживания остатков элиты. Так вроде рассуждать, но молчать, чего-то говорить, но про другое, про, так сказать, возвышенное, денег не требовать, от борьбы за власть под любым предлогом увиливать – и вот они выжили. И что-то смогли передать нам. Все-таки справедливости ради надо сказать, что нам досталось не сборище крестьян и чекистов и пиарщиков – были же люди, которые позволяли себе с чем-то не соглашаться, причем если б они выживали чисто для своей корысти, а не парились над некоей сверхзадачей, не имели каких-то сверхценностей, то вместо бедных этих жалких дачек в Переделкине, которые

я еще застал – Окуджава на такой жил, – мы б видели некое подобие теперешней Руб левки…

Если сегодня шестидесятники видят в братве голый негатив, то я его как-то и не вижу уже давно. Разве это было бы справедливо – братву вычеркнуть, а бывших коммунистов и комсомольцев оставить? Чем аппаратчики лучше? Или комитетчики? При том что если серьезно разговаривать, то чекисты куда больше невинных людей убили, чем бандиты. В общем, я против такой дискриминации. А если говорить про Балканы, про Югославию и Македонию – то все это, я тебе скажу, очень симпатично. Красиво, вкусно, чудный климат. Я с тех пор стал ходить по балканским заведениям, в Москве есть кое-какие. Ракия – это же отменный напиток. А сами югославы, грубо говоря, отмороженные и этим напоминают русских… Вот откуда эта любовь… Это просто естественная любовь к себе в такой форме проявляется. Так… Что дальше мы имели в 99-м? 3 апреля – обстрел Белграда натовскими ракетами… Нехорошо, нехорошо…

– Весной 99-го мы с Жечковым скрывались от правосудия. Сначала во Франции, потом в Америке. Долго, месяца два. Надоели друг другу до чертиков.

– А, когда вы к себе на обеды Собчака вытаскивали?

– Да-да-да. Собчака как раз приглашали.[22]

Комментарий Коха
Америка. Нью-Йорк

В тот год я два месяца проторчал в Штатах и во Франции, заехал в Испанию. И вот какое интересное наблюдение сделал я: во Франции и в Испании, то есть в старушке Европе, я чувствую себя абсолютным туристом, а в Штатах – нет. В Штатах у меня абсолютно не туристическое настроение. Я как-то сразу обзавожусь знакомствами, появляются какие-то дела, начинаешь с интересом следить за внутренней жизнью.

Начинаешь на себя ее, эту жизнь, примеривать. Особенно это остро переживается в Нью-Йорке. Вот уж действительно – столица мира. Мне в Нью-Йорке нравится многое. Небоскребы и маленькие домики. Вест-Сайд и Ист-Сайд. Даун-таун и Чайна-таун, Сохо, Мид-таун… Люблю нью-йоркскую пиццу с бутылочкой «Будвай-зера», люблю нью-йоркский акцент, неуловимо напоминающий московский акающий говор: они Мадонну называют «Маданна»…

Как я уже неоднократно писал, люблю заходить к Роме Каплану в «Русский самовар» на углу Восьмой и Пятьдесят

второй. Там нужно взять огурчиков, гурийской капусты и шашлык по-карски. И естественно, графинчик хреновки (Рома сам ее делает). По вторникам и воскресеньям у него в ресторане на рояле играет выдающийся музыкант – Саша Избицер. Как он играет Рахманинова и Шопена! И Бетховена… Придешь так вечерком, посидишь, послушаешь, тяпнешь рюмку-другую.

Люблю Централ-парк – огромный лес в самом центре Манхэттена. Утром встаешь – и на пробежку. Там есть такой конный маршрут, я по нему бегаю. Минут пятьдесят, а то и час.

Метрополитен-музей, Музей современного искусства, Музей Гугенхейма, Метрополитен-опера, Линкольн-центр. Сотни (!) театров, в которых идут знаменитые бродвейские мюзиклы.

Огромный и такой комфортный город. В Нью-Йорке абсолютно исключены разговоры в нашем духе, типа «понаехали», «они думают, что Москва резиновая…». В нем все сделано для удобства жизни и бизнеса.

Нью-Йорк – город запахов. Тысячи ресторанов всех кухонь мира вываливают на улицы запахи горячей пищи. Смешиваясь, эти запахи образуют неповторимый аромат города, который я, наверное, узнаю из тысяч…

На Сорок второй и Пятой находится издательство «Либерти паблишинг», в котором я издавал свою книгу. Илья Левков, мой редактор, такой забавный эксцентрик со странной мефистофельской бородкой, на поверку оказался толковым и образованным человеком. Я люблю с ним обедать в ирландском пабе недалеко от офиса. Он рассказывает много интересных вещей. Среди его знакомых есть такие люди, как Бжезинский, Буш-старший, которых он издавал на русском языке.

Мне нравится бывать на Брайтон-Бич. Меня веселит этот странный русский язык, на котором они там говорят. Запах океана, старые советские песни, раздающиеся из репродуктора в одном из многочисленных ресторанов. Магазины, полные рижских шпрот, черного хлеба, селедки-залом.

В Нью-Йорке можно не пользоваться автомобилем: разветвленная сеть метро и обилие такси позволяет не беспокоиться о паркинге и пробках. В такси работают латиносы, арабы и русские. Правда, в последнее время русских таксистов стало меньше.

В Нью-Йорке чувствуешь себя спокойно, защищенно. Преступности, во всяком случае, в центральном Манхэттене, практически нет. Я не был в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года, поэтому у меня осталось то, старое, ощущение надежности и безмятежности… Хотя сейчас странно видеть большую яму вместо небоскребов-близнецов Всемирного торгового центра.

Сотни национальностей; кажется, в этом городе можно найти все – любую книгу, любую еду, любого специалиста в чем угодно. И у каждого в нем есть своя ниша. Есть и такая, которая называется – русский Нью-Йорк. Я люблю этот город, город Бродского и Довлатова, Барышникова и Леннона, и не скрываю привязанности к нему. Он затягивает не сразу. Сначала он действует ошеломляюще. Потом ты слегка пугаешься этого гремящего и неспящего монстра. Но он уже впрыснул свой яд в тебя, и ты неумолимо попадаешь под его очарование…

Пожалуй, только Петербург действует на меня сильнее.

– Ну и как, примерил ты на себя западную жизнь? Подумал – можно жить, да?

– Да.

– Но только нечем занять себя.

– Почему же, находили какие-то дела без конца. Бухали, путешествовали…

– Не, ну бухать, путешествовать – это отпускной режим. Месяц можно быть в отпуске, два… Хотя два – уже скучновато. А всю жизнь бухать и ездить…

– А чё? Почему нет?

– Ну действительно, это дело вкуса… Стало быть, вы удачно примерили на себя эмиграцию.

– Да. Сидели и примеряли. А чего, по Парижу поболтались. Вот Собчака на обеды звали. Потом в Америку по ехали. Сначала в Нью-Йорке тусовались, потом в Лас-Вегас улетели, а там снова в Нью-Йорк вернулись.

– То есть ты думаешь, что смог бы так провести остаток жизни?

– Наверно, да. Нашел бы какое-то себе занятие. Книжки бы писал.

– Тоже верно. Вон писатель Галковский же сидит в Праге, пишет в Интернете книги и прекрасно себя чувствует – правда, что-то давно про него не слышно.

– Писать, чтобы себя занять, – это нормально.

– Как мне говорил Родионов (ну знаешь, банк «Империал»), «Россия такая страна, что из нее нельзя убежать, потому что если побежишь, то тебя все равно догонят, найдут и все предъявят. Поэтому надо оставаться в России и в ней драться до конца». Так что он окончательно не сваливает, а мотается между Москвой и Люксембургом. И говорит, что очень понимает Ходора – тот как раз решил до конца сражаться. А Береза ему кажется смешным. Хотя над Березой, по-моему, не смеются. Или смеются?

– Да нет. Никто не смеется. Чего над ним смеяться? Как Береза-то свалить – поди херово. У него под ярд денег, он живет себе спокойненько с решением суда о том, что его не выдадут никогда. Ну, смейтесь, голытьба босоногая, лапотная… Я, кстати, недавно вычитал замечательное выражение: «Честность – тщеславие бедных».

– Красиво. Что, значит, еще у нас? Бомбят Югославию, Примаков принципиальность свою демонстрирует. 75 человек погибли от удара авиации НАТО на юге Косова. Шум был, помнишь? Но такой вялый шум, тихий. Юпитеру позволено убивать мирных граждан, а быку – нет. Вот и сейчас израильтяне бомбили лагерь палестинских беженцев, там дети погибли – но никто из демократов особенно не блажит по этому поводу, это ж не мы в Чечне, в самом деле. Далее по 99-му году. «Назначение Черномырдина чрезвычайным представителем президента по Югославии». Была такая страна…

– Она и сейчас есть.

– Ладно!

– Есть. Называется Союзная Республика Югославия. Состоит из Сербии и Черногории.

– Как, Черногория разве еще не вышла? (На тот момент еще нет. – *Примеч. ред.*)

– Ну вот-вот выйдет. Но и так уже очень большие права у нее – автономия и так далее. Знаешь, какая валюта в Черногории?

– Динар? А, вспомнил, – марка!

– Немецкая! Смешно! В Германии ее уже нету, а там, на Балканах, – она есть.

– Да ладно! Ни хера себе…

– Это надо проверить. Но если это так, то смешно. Хотя вряд ли. Наверное, уже евро…

– И тут же в 99-м Гаагский суд признал президента Югославии Милошевича военным преступником. «Завершение военной агрессии НАТО против Югославии».

– А что там сейчас с судом над Милошевичем?

– Как-то идет, по-моему, потихоньку.

– Энтузиазм пропал, как-то ему нечего предъявить.

– А как судить представителя суверенной страны? Хер знает. Он же помазанник Божий. Должен перед Богом отвечать по идее. Если удастся доказать – а к тому и идет, – что Милошевич исполнял волю народа своего, то получится, что американцы судят чужой народ. Противопоставляют себя воле Божьей и промыслу. Ну, на геноцид это, может, и не потянет, но все же некрасиво как-то. Явное превышение

полномочий.

– Ну, там эта Карла дель Понте должна придумать, как судить. Она такая… Начала банкиров сажать в Швейцарии. Так ее тогда быстренько из Швейцарии в Гаагу.

– Так что же Милошевич? Вот он президент себе и президент. Как его судить? Какая-то здесь системная ошибка. Когда люди начинают превышать свои полномочия, то начинается лажа. Система начинает разваливаться к такой-то матери. Американцы, мне кажется, сейчас сами не очень понимают, что происходит в мире и что им надо делать после того, как они взялись за гуж. Говорят: «Мы самые главные, самые крутые, бабки есть». Им отвечают: ну хорошо, давайте покажите, на что вы способны. Они берутся за дело… И получается медведь на пасеке. Ульи все разворотил: я самый крутой здесь!

– Да кто спорит-то, да?

– Да, а дальше что? Вот я не являюсь носителем антиамериканских настроений, наоборот, я довольно тепло отношусь к американцам (и я в этом отношении довольно одинок – причем и в России, и в Европе я это одиночество ощущаю), они такие забавные, сделали себе страну нормальную. Но она не может выйти из образа большого начальника… Вот и тебе это не удается… Такое бывает со странами и с отдельными людьми.

– Мне не удается?

– Тебе – нет. Что бы ты ни делал, как бы ни старался…

– Ни хера. Я с этим не соглашаюсь. У меня это было до того, как я стал большим начальником.

– Ну, тогда это могло смотреться как придурь кандидата наук.

– Так. А сейчас это смотрится как придурь кого?

– Точно не могу сказать. Да это и не важно. Главное, что ты не можешь выйти из образа. Большой начальник, и все тут. Со стороны это выглядит так, что человеческая порода якобы состоит из тебя, твоей жены и твоих подчиненных. И когда некто не ведет себя как твой подчиненный, тебе это кажется злостным нарушением миропорядка. Это тебе как личное оскорбление. Я не знаю, насколько это поддается корректировке – и поддается ли вообще. Хотя в моем случае это дает положительный эффект. Я ведь работаю в этом смысле над собой.

– А у тебя это тоже?

– Ну конечно. Куда ж без этого. Сейчас я это с помощью младшей дочки искореняю. К примеру, говорю ей: а что у

тебя раскиданы игрушки? Собрала бы. Она так сладко улыбается: папа, если тебе не нравится здесь, ты можешь пойти в свою комнатку.

– Ха-ха!

– И я вместо того чтобы орать: «Ты как перед подпоручиком стоишь?» – ухожу. Она права. Или там позвонишь откуда, спросишь ее: ну, ты соскучилась по мне? – Еще нет. Завтра соскучусь. – Хорошо, тогда на сегодня все, я завтра тебе позвоню. В самом деле, нельзя же день и ночь быть начальником. Со всеми, кто попадает под руку… По любому поводу… Всех учить, всех чем-нибудь попрекать. Хвастаться. Наезжать. Орать. И так далее… Короче, с Милошевичем чего-то не то получилось. Он защищал все-таки какие-то идеалы, родину, на его стороне было большинство, парламент, министры. Это ж не то что некто напился, вышел на улицу и начал бензопилой резать в Техасе прохожих…

– Или в тюрьме е…ать пленных иракцев.

– Да. Мне кажется, Милошевич вряд ли занимался анальным сексом с иракцами в тюрьме.

– Надев им мешок на голову. И даже таких приказов не отдавал. Я уверен. Ему было кого е…ать.

– Мне кажется, что максимум, что было бы корректно допустить в отношении его, это сказать: «Милошевич, с тобой нам непонятно что делать, поэтому ты у себя на вилле сиди и за пределы своей югославской Барвихи, пожалуйста, не вылезай, пока мы чего-нибудь не придумаем. Просим тебя оттуда не вылезать. Иначе мы будем вынуждены тебя арестовать».

– Как Хрущева? Не, не так. Его надо посадить где-нибудь под Флоридой. Чтобы у него не было возможности какое-нибудь восстание поднять или переворот произвести. А так он будет живым укором для югославов. Пусть будет жив. А вот нашего царя евреи расстреляли.

– Русские тоже там были. Белобородов, к примеру.

– Ну хорошо. Русские сами расстреляли своего собственного царя.

– Да. Все-таки русские. Надо так, видимо, формулировать. Как это ни досадно.

– А немцы – более продвинутая нация. Они его выслали в Голландию. Вильгельма Второго-то.

– А немцу как стыдно быть засланным в такую страну мелкую!

– И он там жил. И даже послал поздравительную телеграмму

Гитлеру в связи с избранием его канцлером.

– Имел право. Он же не знал еще про Дахау. Человека избрали, народ оказал доверие – надо поздравить, по понятиям.

– Да. И он Гитлеру очень симпатизировал.

– Как Форд.

– Так и Милошевича надо увезти в другую сторону и там и поселить.

– Но только не во Флориду, как ты предлагаешь, – потому что это американская, вражеская для него земля. А отдать Батьке его. Под Минском поселить. Или на Кубу оправить. Как была же, помнишь, версия, почему Альенде погиб. Ты помнишь?

– Его хотели вывезти на Кубу.

– Да. Пиночет его готов был выпустить, давал самолет, чтоб сверженный президент улетел в Гавану. Но если б Альенде на это решился, то кубинцы, из которых тогда в основном состояло его окружение, выстрелили б ему в спину – ага, он, типа, свалит, а их будут винтить и пытать? Все-таки да, обосрались, конечно, с Милошевичем. Причем у него вид нормальный, лицо хорошее… Кстати, он похож на художника Глазунова. И чертами лица, и высоко поднятой головой: да, я дело сделал, пошли на хер, вот я Милошевич, и мне не нужен адвокат. Он не пил крысиный яд, как некоторые. Не расстреливал детей своих и так далее. Нормально себя ведет.

– Во, я придумал – его надо в Италию выселить.

– Почему?

– А Венецианская республика, она тоже на Далмацию распространялась как бы.

– Не, не так. Нехорошо. Его надо отдать в какую-то страну, которая более близка к нему.

– Италия близко.

– Надо чтоб по духу была близкая, а не географически! Макаронники, куда им… Не сильно они партизанили…

– Хочешь сказать, что его в Россию надо выслать?

– Может, и в Россию… Мы и сербы – два диких народа. Такие воинственные… Не беспокоятся, как бы им в лавке поторговать, а думают: «Пойдем с соседним племенем чем-нибудь мериться». А что вы на этом заработаете? Да мы вообще так не ставим вопрос. Вот в этом отношении русские с сербами братья навек. А хохлы, они все-таки говорят: давайте зараз будем гроші заробляти и сало їсти. И трохи горілки щоб було. С хохлами вот про житейское лучше говорить. А кто кого урыл, кто круче – это не очень канает…

– А сербы, они такие, да?

– Мне кажется, да.

– Высокоинтеллектуальную беседу можно вести: кто кому рыло расквасил.

– Ну. Как я писал в балканской заметке, дедушки-пенсионеры меня там в Македонии допрашивали: ну когда Россия ядерным ударом решит вопрос с Америкой? Они там сидят, ждут.

– А вы все тянете.

– Да, а вы все тянете. Тема Югославии закрылась тогда тем, что суд признал Милошевича военным преступником – и все, закончилась война. Они, кстати, Милошевича же продали за кредиты. Помнишь?

– Да.

– А кредит им хер дали, по– моему.

– Да.

– Хорошая схема. Молодцы. «Ну что, ребята, продайте родного отца, а мы дадим бабок».

– Та же самая история с Россией была. Когда они говорили: признайте долг Советского Союза, мы вас завалим инвестициями, кредитами. Только признайте! Мы, как дураки, признали. Ну и что – завалили?

– А я прочитал какую-то фразу типа Лифшица – мне нравится, как он в «Известиях» пишет. Это единственный человек из яйцеголовых экономистов, который объясняет вещи понятным мне языком. Так вот, когда он рассуждал на тему, почему у нас нет инвестиций, так объяснил: у России столько инвестиций, сколько она может переварить. То есть непонятно, что бы мы делали с этими инвестициями.

– Это Лифшиц не знает, а я знаю, чего делать. Дороги бы строили, жилье.

– Да хер его знает, строили бы или нет… Может, просто прое…али бы, и все. Или прокрутили б по схеме «виртуальное восстановление Чечни»; это типа штабных учений, когда генералы якобы двигают дивизии, а на самом деле все на карте рисуют, в то время как солдатики им дачи строят. А вот что еще было в 99-м: террористы взорвали дом в Буйнакске. И еще же после жилые дома в Москве.

– Во, во, во.

– Так кто же взорвал? Кого надо спросить? Борис Абрамыча? Он все знает.

– Борис Абрамыч уже на этот вопрос ответил. «ФСБ взрывает Россию». Книга Литвиненко есть такая.

– А ему объяснили, что он не прав? Было опровержение?

«Не ФСБ взрывает Россию». Или «ФСБ взрывает не Россию». Или как?

– Нет. Не было. Надо сказать, что у Литвиненко все выглядит очень неубедительно – домыслы какие-то, предположения. Единственный интересный эпизод – это с рязанскими учениями…

– Громкий был эпизод. Запоминающийся.

– Да…

– Такая раньше была модная рубрика: «Газета выступила. Что сделано?» Ни хера не сделано.

– Ничего не сделано.

– Рязанские, значит, учения; а если бы там кто помер от страха?

– «А у нас учения».

– Так, так… Что еще? «Заседание комиссии Госдумы по проверке фактов коррупции должностных лиц, органов и субъектов РФ». Типа оборотни. Не, еще рано, не время было еще начинать винтить… «Умер Лихачев Дмитрий Сергеевич». Насколько эта утрата нас задела?

– Я читал его.

– И я чего-то почитывал. Но сказать, что перевернуло мозги, не могу.

– Панченко на меня большее впечатление производит. Ну очень серьезный пассажир. Он как раз тоже академик.

– Но он не круче Гумилева?

– Он немножко в другую сторону. Он же языковед. Он же тоже в Институте русского языка работал. Как и Лихачев.

– Да… Значит, в 99-м ты на Западе был в ссылке.

– Да.

– Ну а я туда совершал увеселительные поездки. В смысле в интересные командировки ездил. Буквально в каникулы, 10 января, когда страна еще похмелялась и планировала заканчивать гулянки, я вылетел уже на Гарвардский…

– …экономический форум?

– Нет. Форум – это в Давосе. Гарвард – это был типа симпозиум по инвестициям.

– Я был там дважды.

– Ну, я там посмотрел, как люди заседают, какие-то губернаторы обедают… Мне там Ишаев, это Хабаровский край, рассказывал, как он нанимает китайцев на сезонные работы по уборке овощей. Так патриоты его этим попрекают. Что он дает заработать чужим, а не своим. А он мне говорит: я нанимаю китайцев именно потому, что я русский патриот. Почему? Потому что надо кормить больницы и детсады…

Если нанять русских убирать картошку…

– …то они херово уберут и денег больше возьмут.

– Они денег возьмут столько же, но картошки с тех же грядок соберут вдвое меньше. Воруют ли они ее, закапывают, или вообще не выкапывают, или едят на ходу – неизвестно. Но если их нанять, то нечем будет кормить войсковые части и больницы. Поэтому нанимают китайцев.

– Но в отсутствии патриотизма его обвиняют те самые русские…

– …которые жрут эту картошку.

– Да.

– И это парадокс просто удивительный.

– Какой ты, на хер, патриот, если не даешь людям воровать картошку у детей, а?

– Интересный подход… Еще там в Гарварде Боря выступал, Немцов.

– Как всегда.

– Вел какие-то заседания, обеды, банкеты. Ну что, один раз это интересно посмотреть было. А там решается что-то реально? Когда я вот был, там ни хера не решилось.

– Ничего там не решается.

– Западники тогда сказали, что в принципе могли бы дать до хера денег, но потом, да так и не дали. Просто поговорили, посмотрели друг на друга…

– Там ничего не решается, ездить туда абсолютно бессмысленно – как, впрочем, и в Давос.

– И я помню, как меня таксист там вез, и он оказался русским. Он говорит: я ни хера бы не дал русским, никаких инвестиций. Там у вас так устроено, что работать невозможно. И заработать не дадут, и украдут еще. А вот у него, этого русского, там типа свой таксопарк, сколько-то машин он ужекупил своих и бабки какие-то зарабатывает, а при этом сам же и за рулем ездит! А там…

– Пи…деж, нет у него никакого таксопарка. Это чисто брайтонский базар такой. «Я, типа, вообще-то брокер на бирже, денег лом, а такси вожу просто так, для фана, просто мне нравится ездить». Это их любимое занятие – врать, что они жутко богатые.

– Почему? Это был не Брайтон, а Бостон уже. Я думал, там другая схема…

– Та же. Они и в Германии такие же – русские эмигранты.

– Ну, хер с ними. Что меня там удивило, так это встреча с нашими братками – в чайна-тауне Бостона, в японском кабаке. А? На обочине всего – и вдруг они. Понимаешь, да?

– А Брайтон – это не обочина?

– Ну, на Брайтоне я бы такому не удивился… И еще с Березовским я тогда провел беседу в Гарварде. Ну, собственно, что тут о нем сказать? Он мне изложил свое видение смысла жизни – что он якобы в экспансии.

– Ну, это не его тема. Это тема Сахарова. Он его все время цитирует.

– Сахаров… А он ее подавал как свою. В чем тут смысл? Что биомасса пытается расшириться, съесть конкурентов – и все?

– Да. Я-то не согласен с этим.

– Я сам не согласен. Но я пытаюсь понять – вроде ж он человек результативный, энергичный. Интересно, что у него такая именно концепция…

– У Льва Толстого есть рассказ «Кавказский пленник», помнишь? Про Жилина и Костылина. Одного убили, а другой терпел, терпел, терпел, терпел – и его освободили в конечном итоге. Когда штурмовали аул потом русские войска, помнишь?

– Один слил, а другой начал сражаться – так и что?

– А то, что смирение важнее гордости.

– Это кто тебе сказал?

– Христос.

– Тебе?

– И тебе.

– Ну ты же все равно никого не слушаешь.

– Ну почему? Я стараюсь не вы-ё…ываться особенно сильно. Может, у меня не очень хорошо получается, но я стараюсь.

– Ну, Алик, здесь все свои, мог бы тут не пи…деть.

– А чего – я выё…ываюсь?

– Да выё…ываешься, конечно.

– Да ладно! Вот по сравнению с тем же самым Вовой Жечковым, что – я сильно выё…ываюсь?

– Ну, он так выё…ывается – чисто дурака валяет, для развлечения и веселья, как мне кажется. А ты выё…ываешься – всерьез.

– Как ты говоришь, как я выё…ываюсь?

– Я тебе потом расскажу, это не для печати. Давай мы ближе к телу, к нашей теме – 99-й год. Не забывай, был как раз еще юбилей Пушкина. Среди прочего я написал смешную заметку про выставку Юрия Аввакумова, архитектора. Тема была «Пушкин и деньги». Я соответственно написал об этом заметку в журнал «Деньги» же. Логично, да? Суть была в том, что он из всех писем Пушкина выписал куски про деньги. И написал их на вырванных тетрадных листках, корявым

почерком, – в той стилистике, в какой нищие себе заготавливают картонки с мотивацией. И он всю выставку – это в галерее XXL – увешал вот этими выписками, типа: «Что вы все спрашиваете, как Онегина править и сокращать, – да правьте, режьте как хотите, лишь бы быстрей бабок прислали». И так, когда надергано отовсюду и свалено в кучу, получается очень выразительная картина. Пушкин и деньги. Почитав эти отрывки, начинаешь думать, что Александр Сергеич волновался главным образом о бабках, то есть был нормальным живым человеком. А все прочее у него было в свободное от денег время. Да… Так вот. Съездил я, значит, в начале января в Гарвард, а оттуда с кратковременным заездом в Москву полетел в Давос. Ты же и там тоже был?

– Да был как-то.

– И это там называется, как ты верно заметил…

– …Всемирный экономический форум.

– Там народ большей частью катался на лыжах, при том что кто-то временами где-то заседал, какие-то обеды давались, как обычно… Давос – городок такой маленький, симпатичный, даже красивый.

– Да. Но каталка там говно. По сравнению с Куршевелем.

– Не знаю. Я не лыжник. Демонстрации там были этих… как их назвать-то… они еще не назывались тогда антиглобалистами, но протестовали уже. Видимо, они были в зародыше. Швейцария, Давос. Там как раз в тот заезд Россия ушла с первых модных мест на предпоследние, на сороковые, что ли, места. То есть уже они встали на позицию: ну Россия, ну все понятно с ней – ничего особенного. Вот этот пафос, эксклюзив, что мы не такие, как все, что у нас какие-то уникальные процессы идут, за которыми весь мир должен следить открыв рот, – этот пафос…

– …уже ушел. И слава Богу.

– Вот там это было очень заметно… Еще там смешной случай был – знаешь, бывает, начинаешь чего-то говорить, а потом понимаешь, что ты чего-то не то несешь. Бывает с тобой такое?

– Да.

– Ну так вот, я там как-то с Квасьневским разговаривал. С президентом польским. И я ему начал чего-то гнать – сначала про то, что Польша такая страна симпатичная… А потом смотрю, у него физия кислая делается. С чего бы, думаю? Я ж вроде с комплиментами? И вдруг соображаю, что я хвалю «Солидарность», восхищаюсь, как они тогда коммунистов придавили, – а Квасьневский-то как раз из этих

коммунистов… Попал!

– А вы это все по-русски? Он по-русски говорит?

– Не помню, на чем мы говорили.

– А ты на польском умеешь?

– На ломаном польском – пожалуйста.

– А ты на ломаном на всех языках говоришь, да?

– Думаю, да. Там просто разная степень ломаности. Даже на русском, если ты заметил, у меня тяжелый украинский или же южнорусский акцент.

– Тоже, значит, на ломаном.

– Ну. Мой украинский – он с одной стороны литературный, то есть искусственный, да к тому ж бедноватый, поскольку тогда был не очень в ходу и украинским газетам секретными циркулярами словарный запас целенаправленно урезали. Да к тому ж я много забыл даже из того, что знал. При том что и язык шагнул вперед… Так что в итоге я ни на одном языке не могу говорить чисто. Я не являюсь носителем языка вообще.

– Никакого.

– А являюсь я носителем украинизированного южнорусского диалекта. Который подвергся обратно сильному обрусению за годы моей жизни в России. Я думаю, вот так можно ситуацию описать. Это все описывается термином «маргинал». Когда человек стопроцентно не принадлежит ни к этой культуре, ни к той.

– Ну, я такой же.

– Но ты функционируешь, по крайней мере в пределах одной страны, – хотя нет, и в твоем случае страна тоже поменялась… Казахстан твой – заграница теперь.

– Страна поменялась, да…

– Но все-таки ты носитель.

– Да, я носитель русского языка.

– Скажи «гэ».

– «Гэ».

– Ну а чё, неплохо.

– Так я ж на Кубани рос.

– А, ну да!

– Хіба ж ты ж не бачиш?

– Я? Я бачу. Что еще было? Мода в Милане была еще. Я туда раньше периодически ездил. Как раз с 99-го года. По какой-то случайности. Итальянская торговая палата меня начала вывозить в Милан писать про моду. Я пытался отнекиваться, говорил, что, во-первых, не понимаю в моде. Они говорят: мы бы просили вас, все-таки Европа, красота, да

к тому ж и полный пансион, мы вас отвезем-привезем. Я говорю: во-вторых, не обещаю, что буду ту моду хвалить. Они говорят: пишите что хотите, нам все равно интересно ваше мнение. Я сдался: хрен с ними, отчего ж не поездить в Италию, на халяву-то. Тем более ж это возможность попрактиковаться в ломаном итальянском. И вот я несколько лет подряд ездил на все эти показы. Знаешь, зима – лето – весна. Милан, значит…

– Я не был в Милане.

– Да там делать-то и нечего. Одно хорошо, что зимой там тепло, в пиджачке ходишь. Ну и собор у них там интересный.

– И – все.

– Да. Слишком современный какой-то город, слишком промышленный. Это как бы даже не Италия. От Италии, конечно, ожидаешь чего-то другого.

– У тебя какое самое любимое место в Италии?

– Рим. Само собой.

– А Капри?

– Да не был я на Капри.

– А! А Флоренция?

– Тоже не был.

– А Позитано? Ну что ты! А Палермо? А Таормина?

– Таормина – да, согласен, красивейшее место. Я там был в составе официальной делегации под руководством Вовы Жечкова. Но Рим – круче все же, там больше этакого мощного, многовекового, имперского, тысячелетнего, надышанного чего-то.

– А Афины? Ты был там?

– Да. Они какие-то не такие уже, вялые: маслины, пиндосы… Там ни хера не осталось, как мне показалось. А лабиринт Минотавра…

– Он на Крите.

– Да пусть на Крите. Все равно ж Греция. Так такое впечатление, будто этот лабиринт экскаватором выкопали вчера, а сегодня уже везут туристов, бабло с них сшибать. Вспоминается Бендер, который продавал билеты в провал, – аналогичный случай. Траншея, значит, вырыта и слегка посыпана битыми кирпичами. «Вы себе не представляете, какой охерительный храм стоял тут сколько-то тыщ лет назад!» Я мог бы с тем же успехом этогоне представлять и сидя дома… Тоже мне, битым кирпичом торговать…

– Ну не знаю, не знаю… Я на Крите не был, но мы с женой и с Ольгой, с Шуриком, кстати говоря, гуляли по Помпеям – сильное впечатление.

– Помпеи, Помпеи – нас и здесь неплохо кормят. Помнишь, как в мультфильме? Про кота, который уел попугая? «Таити, Таити… Не были мы на Таити». В общем, я написал много заметок про моду, а потом меня перестали звать – видимо, они наконец прочитали, что я там гоню. Наверное, им однажды кто-то перевел и они подумали: ну и зачем нам такое за наши же бабки? Хотя я их заранее предупреждал, я был уверен, что с первого раза тема закроется…

– А ты сознательно отказался от поездок в Милан, из-за плохих статей?

– Нет, как-то само собой это случилось.

– А соврать было выше твоих сил?

– Не думал об этом. Ради, к примеру, Лондона я б еще, может, наступил на горло собственной песне, а Милан… Ну, не знаю.

– Ну а сам-то в «Kiton» вырядился. Фотографировался в журнале в дорогих пиджачках…

– Где?

– В «Медведе»! В рубрике «Мода»! Не помнишь, примерял на себя одежду? Была такая фотосессия.

– А! Точно, было такое. Мы начинали эту бодягу, чтобы звать великих людей на съемку и чтоб они пиджачки примеряли, выступали в роли моделей. Люди поначалу стремались. Вы, говорят, наймите мальчиков, и пусть они у вас фотографируются. Ну и я, чтоб активизировать этот процесс и показать, что это не в падлу, выступил первым. Как доктора себе чуму прививали, так я «Kiton» на себя примерял. Мне дали, значит, эти костюмчики. И я придумал для этих съемок хороший ход: поехал на съемку с утра и причем непохмеленный, небритый и даже не умывшись, в своей старой одеже простой. Приехал и говорю: а ну-ка для начала снимайте меня в таком виде. Они говорят: что, прям такого? – Да. Вот они меня сняли «прям такого», а после я сделал паузу. В течение которой принял душ, по брился, махнул 150, позавтракал, потом визажист подошел, парикмахер приехал… И после всего этого я начал надевать разное «Brioni amp; Kiton». Люди смотрели на съемку и говорили: надо же, как пиджачок меняет человека! А человек просто похмелился и умылся…

– Красиво.

– Так после этого великие поняли, что позировать в пиджачках – это не стыдно. Миша Леонтьев за милую душу снялся. В лыжной шапочке, в бархатных штанах, на диване,

весь обложенный телками… Он тебя очень любит, кстати. Значит, я там в Италии допрашивал их местных производителей, стараясь понять, в чем глубинный смысл итальянской моды. Он оказался, ты будешь смеяться, очень простой. Ну вот вообще в чем смысл моды? Почему в одних странах мода развита, а мода других стран, причем даже великих, никому не известна за границей. Почему? Ты знаешь?

– Я? Нет.

– Вот я тебе объясню со слов итальянских промышленников. В Италии есть мода потому, что там есть массовое производство тканей. Вот и все.

– Так и у нас до хера тканей делается в Иванове…

– Не, ну у нас ситец, это ж не катит. А нужна шерсть. И вот они в Италии при отсутствии полезных ископаемых сделали ставку на массовое производство тканей. Но соткать – это, как ты понимаешь, полдела.

– Надо еще сшить и продать.

– Ну! В этом и проблема. Вот человек купил себе костюм и тем самым освоил четыре метра шерсти. И следующий костюм ему понадобится через два года. И что? Два года промышленность будет стоять? Ждать? Так все ж тогда рухнет, начнутся забастовки, люди примутся строить коммунизм – и кранты стране.

– Да, да.

– Так вот чтоб этого не случилось, итальянские промышленники с одобрения правительства и при его поддержке начинают широченную кампанию по разводке лохов. Типа прошлый год были черные костюмы – сейчас стыдно в таком выйти на люди, теперь должен быть – условно – только зеленый цвет. Потом красный, белый и т. д., и люди все это покупают. В какой-то момент круг замыкается – и костюм опять черный. Потребитель говорит: вот я вас и поймал! Вот он, черный, висит у меня пятый год как! Я его надену как новый, и вперед! Причем совершенно бесплатно! А ему говорят: секундочку, у вас же однобортный.

– А уже двубортный.

– Ну! Потом опять проходит цикл. Человек снова говорит: вот, у меня два черных костюма, и такой, и такой. Ему говорят: херушки, у вас же две пуговицы.

– А уже три.

– Правильно. К тому же гладкую ткань уже не носят – только жаккард. А во-вторых, ты нас брал чисто на понт, потому что 15 костюмов у тебя не висит, ты их давно отдал

своему шоферу. В-третьих, ты уже разжирел, скотина. Такая же картина и с ботинками. Итальянцы признаются: серьезным людям их туфель по-хорошему хватит лет на десять. Уже купленных. Что ж им теперь, закрывать страну на переучет? Это все равно что в России остановить добычу нефти. Ну и начинается разводка так же и с ботинками.

– Ну понятно. С пряжечками, без пряжечки…

– И вот на этом они имеют свои бабки. У меня не было никакой сверхзадачи – ни помогать итальянской промышленности, ни мочить ее. Я так, для себя, пытался понять, как это работает, раз уж я оказался там. Из чистой любознательности. Я ездил по фабрикам и все это выяснял. Там вообще интересно. Заходишь в цех, а там пролетариат трудится в плавках, в купальниках: жарко же. Причем никаких шуточек на темы секса и уж тем более никаких приставаний. И еще там маленькие такие чистенькие воспитанные собачки бегают по цеху: дома не с кем оставить.

Комментарий Свинаренко

Хотя, надо признаться, эти поездки в Милан таки были интересными. Там я, к примеру, познакомился с могучей женщиной – княгиней Голицыной, итальянским дизайнером (у нее своя фирма – Galitzine pelle). Я в восторге от нее. Она уже и тогда была не девочка, в 1918-м ее уже увезли из России на пароходе, – но сколько же в ней еще электричества! Она рассказывала о своей жизни: «Отец был на фронте в Нижегородском полку, когда я родилась, и он долго про меня не знал… Полк был разбит, и отец на лошади доехал до Польши. А мы уплыли в Италию к родственникам. И стали там жить… Этот бизнес я начала давно, после войны. Кроить и шить не умею, я только люблю заниматься тканями и придумывать фасоны…

Мы листаем ее старый альбом. Она комментирует:

– Это я с Джеки Кеннеди; мы были очень дружны. Мы на Капри познакомились, где у нас с мужем – он бразилец – был дом. А это я на даче у Кеннеди, в штате Мэйн, – за 20 дней до смерти Джона. Он обещал приехать в Италию, чтоб я его познакомила со всеми своими симпатичными подружками, а Джеки он думал оставить сидеть с детьми. А это Жаклин в черном платье, видите? Она захотела сходить в Ватикан после смерти мужа, но у нее не было подходящего платья, черного. Так всю ночь мои девицы работали и таки сшили… Это я с Одри Хепберн – у меня дома. Это Нуреев. Вот Майя Плисецкая. Вот моя собачка. А это Индира Ганди. Это сумасшедшая Элизабет Тейлор. В моем, разумеется,

платье. Это Грета Гарбо. Это Онассис, а вот Синатра…

Еще я там познакомился с Катей Стрельциной, модельершей из Сургута… Который она, накопив денег на пошиве платьев для жен нефтяников, бросила – и поехала в Италию. И там пробилась! Она эта так прокомментировала: «Здесь (в Европе) я точно знаю: если приложу такие-то усилия, то получу определенный результат. А в России нет таких гарантий. Там в любой момент все твои успехи могут быть перечеркнуты. Как в том августе, в 98-м. Что было на моей русской карточке, я тут успела вытащить из банкомата. А если б там все мои деньги были? Все б рухнуло, и нигде б я не училась, и вернулась бы оплеванная домой. Сейчас звоню отсюда подругам в Россию, они говорят: „Катька, не вздумай вернуться, оставайся там!“ Там все у них как-то грустно, тоскливо, там безденежье… В России, там ведь сейчас как? Сажают саженцы в холодную почву; неизвестно, вырастет ли что-то…» (Заметим, что про холодную почву она задолго до прихода чекистов во власть говорила.)

Мода мне казалась весьма пустой вещью – пока я не наткнулся у Ключевского на забавные слова: «Современный человек в своей обстановке и уборе… заботится о том, чтобы все, чем он себя окружает и убирает, шло ему к лицу… Мы стараемся окружить и выставить себя в лучшем виде, показаться себе самим и другим даже лучше, чем мы на самом деле. Вы скажете: это суетность, тщеславие, притворство. Так, совершенно так. Только… стараясь показаться себе самим лучше, чем мы на деле, мы этим обнаруживаем стремление к самоусовершенствованию… этим притворством мы хотим произвести наилучшее впечатление на общество, то есть выражаем уважение к людскому мнению, свидетельствуем почтение к ближнему, следовательно, заботимся об умножении удобств и приятностей общежития, стараемся увеличить в нем количество приятных впечатлений. Видимая суетность и тщеславие становится вспомогательным средством или орудием альтруизма».

– Я там, в Италии, выяснил удивительную вещь: на обувной фабрике зарплата рабочего – штука. Как – штука? В Италии – штука? Да с голоду помрешь там! А они такие сытые, довольные… Так оказалось, что там другая схема. Мне хозяин одной фабрики объяснял: «Я плачу все налоги за этих козлов, у нас такой порядок, чтоб никто не косил. А они свою штуку получают чистыми, сразу, продал я ботинки или нет. Они на всем готовом, вон укаждого машина и дачка на море, – а я весь на измене, да еще пролетариев и коммунисты баламутят, и профсоюзы… А я не спавши, не сравши, как

папа Карло…»

– Видишь, как хорошо ты про капиталистов стал говорить. Все-таки я тебя чуть-чуть это… воспитал.

– Я же говорю правду. Что чувствую, то и говорю. Выгодно, невыгодно – говорю как есть. Вот похвалил капиталистов – так ведь от души. Повод есть, и похвалил. А не за что хвалить, так и не блажу.

– «Не спавши, не сравши, все риски на мне».

– Да… И он говорит, капиталист: «Я тебе показываю этот цех, но это так, в виде исключения. А основное производство же не здесь».

– А где?

– Вот вы, говорит, покупаете туфли, на них написано – «Мейд ин Итали». А это в 9 случаях из 10 – никакая не Италия. Они берут страны, где есть хоть минимальная какая-то обувная культура. Хоть херовую, но чтоб шили раньше. Та же Румыния…

– А почему не Советский Союз? Фабрика «Скороход» была же у нас.

– Это я тебе расскажу сейчас. Я еще при советской власти инспектировал обувные фабрики, которые итальянцы построили в России. Так главная проблема была такая, что там сразу половину украдывали. На стадии заготовок. Готовой продукции получалось на удивление мало. Нерентабельно как-то, сам понимаешь. Так что, извини, – Румыния, Болгария… Там намного дешевле, чем в Италии. А специальный человек ставит итальянский штемпель… В итоге я, стало быть, понял, что за всем этим стоит. За этой модой… Еще там была забавная линия. Капиталисты мне еще рассказывали, что вот албанцы на быстрых катерах приплывают из своей чудесной страны в Италию, грабят виллы на побережье – и тут же сваливают. И концов не найти. Полиция, следствие – про это смешно даже говорить.

– Я тут брал лодку в чартер года два назад. И шел из Италии в Грецию – с южной Италии на Корфу шел. Мы договорились, что вечером садимся на яхту, ночью идем и просыпаемся уже в Греции – это довольно удобно. Приехали мы, значит, в город Бари…

– А, поклониться мощам святого Николая!

– Совершенно верно. Поклонились мощам и поехали на яхту. Сели на яхту и говорим – все, отчаливаем. А капитан говорит: нет, не пойду, мы здесь ночевать будем, а пойдем мы рано утром. Что такое? Все очень просто. Плыть надо мимо Албании, а там находятся пираты. Которые нападают как раз строго ночью.

Поэтому капитан решил идти, когда рассветет.

– А ты не захотел показать себя? Проявить героизм? Мужественно сразиться с пиратами?

– Ха-ха! Я просто к тому, кого натовцы защищали в Югославии – чистых, исключительных бандитов.

– Вот то, что они грабят итальянское побережье и пиратствуют на море, – это одна история. Другая история – про наркотики. Которыми албанцы торгуют в Греции, мне там на это жаловались еще в 91-м году. Давным-давно, еще в прошлом веке… И кто в Венеции на карнавалах грабит, режет, прикрываясь маской, а потом труп невезучего туриста находят в канале без кошелька – опять-таки всем прекрасно известно.

– Да. И кто Кремль отреставрировал, с соответствующими откатами, – тоже известно: албанцы.

– Да. Беджет Покколи. То есть всем известно, какую нишу занимают албанцы в Европе. Если даже мы, люди посторонние и в данном случае ни в чем не заинтересованные, знали об этом – могло ли это быть секретом для натовского командования?

– Я убежден, что это был, конечно, секрет.

– Да ладно!

– Дремучие американцы не отличат албанца от испанца. Я тебя умоляю!

– Что, они, думаешь, чистые долбо…бы?

– Конечно.

– Гм… Однако вернемся к Италии. К моде. Мне еще тамошние капиталисты жаловались, что вот мало нормальных клиентов, с которыми у них полное взаимопонимание. Разве только японцы. Те хавают все, что им втюхивают. Им гонят про кватроченто, Флоренцию, традиции, Древний Рим, те открывают рот, слушают это все – и покупают ботинки совершенно беспрекословно. Все фасоны и за любые деньги. «Золотые просто люди, чудные» – итальянцы так их хвалят. Арабов тоже любят, для них гонят особый фасон, мягкие, из козьей кожи, с узкими загнутыми мысками, с золотым шитьем. А вот кого не любят они, так это немцев. Потому что те не ведутся. Их начинают лечить, что вот туфли должны быть с узкими мысами. А те говорят – да нам плевать, узкие или широкие. Туфли должны быть удобные, ноские, непромокающие и желательно дешевые. Итальянцы ставят свою старую пластинку: Ренессанс, кватроченто, чинквенто. Немцы зевают: слушайте, макаронники, успокойтесь. И насчет пиджаков сразу

предупреждаем: цветовые решения, фактура – все ерунда. Пиджак чтоб не мялся и не трепался, вот и все вопросы к нему. Короче, говорят, с немцами работать невозможно…

Еще в рамках своей деятельности я съездил в Севастополь. Писал про остатки бывшего СССР. С моряками выпивал. Там одни офицеры пошли к русским, другие к хохлам. Вот как в кино «72 метра», видел? Там шла плавно украинизация, в ходе которой офицеры пересобачились между собой.

– Там этот эпизод показан.

– Я ж тебе и говорю.

– Тебе понравился этот эпизод?

– Фильм в струю. За автором сценария я давно слежу, у него уже три или четыре книжки вышли – Покровский его фамилия. Он реально служил офицером на подлодке на Севере, химиком. И, как все, мечтал оттуда сбежать в Питер. Так он, один из немногих, вырвался. Случай уникальный. Его в НИИ перевели или в штаб какой-то. Он типа Довлатов такой, но более современный. Как бы такой Швейк в русском военно-морском исполнении. И там он настолько реалистично и грубо изображает флотскую жизнь, что просто мороз идет по коже. Думаешь – что за уроды, что за жизнь ужасная! Например там у него описана шутка, там офицеры подвыпили и подшутили над товарищем.

– Ну-ка.

– На пьяного надели шинель, воткнув в рукава швабру, вкинули в человека полпачки таблеток пургена и выгнали ночью на мороз. Охерительно смешно, да?

– Ха-ха! Чрезвычайно остроумно.

– Смешно – ну не передать как! Еще был сюжет чудный, как приехал кним на подлодку врач новый, выпускник военно-медицинской академии. Смотрят его личное дело – красный диплом, золотая медаль, отличие, туда-сюда, чемпион, отец – адмирал, мать – профессор, как же человек попал в такую дыру, откуда люди мечтают вырваться любой ценой? Тот говорит: хотел служить родине там, где трудно, на атомном ракетоносце подводном – тут одновременно и опасно, и полезно. Ему говорят: да ты просто мудак. Он обижается: вы что себе позволяете, у меня бабушка была фрейлиной при дворе, а вы мне тыкаете. Ему объясняют, что фрейлина – это такая специальная проститутка при дворе, которую имеют в хвост и в гриву. И ты, говорят, ублюдок и урод, просто чистый дебил, добровольно приехал к нам на флот. Тот побледнел, ушел. Прибегают: вы знаете, лейтенант

новый повесился.

– Ха-ха!

– Что, смешно? Я предупреждал. Вытаскивают лейтенанта из петли, откачивают. И говорят: ты, оказывается, не просто мудак, а чистейший мудак. Даже повеситься не можешь. Как ты не понимаешь, со всеми своими блядскими бабушками-фрейлинами, что флот наш – рабоче-крестьянский, в нем должны служить рабочие и крестьяне, а не вы, фрейлинские ублюдки. Короче, всю морскую романтику у парня как рукой сняло, и через три дня влиятельные родственники ему устроили перевод обратно в Питер. Уехал он, но, наверное, на всю жизнь сохранил воспоминания о трехдневной службе на Северном флоте. Вот такой степени правдивость редко встретишь у нас. Когда сто дней до приказа, там надрывный пафос какой-то. А тут пафоса вообще просто нет. Значит, флот, Симферополь, Коктебель. В Коктебеле мне, кстати, понравилось. Туда же вернулись татары и вернули поселку старое название – Коктебель. Типа «зеленый холм».

– А раньше он был? Планерное?

– Да. То есть был Коктебель, потом татар выгнали – и Планерное, а потом опять Коктебель. И местные славяне мне рассказывали с удивлением, что с возвращением татар появились свои овощи дешевые. А то их не было. Ввозили откуда-то с Херсона. Свои не росли – нет воды. А без воды мы же не умеем. У татар же своя технология. Они выстраивали вокруг каждого помидорного кустика такую хитрую пирамидочку из камней, там роса конденсировалась и стекала на корни – получался такой автоматический полив бесплатный. И чебуреки появились. Как ехать из Ялты в Симферополь, там по пути Байдарские ворота, вид богатый сверху – все останавливаются. И я тоже остановился посмотреть. Немедленно подбегают татары, говорят: у нас здесь чайхана, все дела. Пока вы смотрите здесь, мы вам шашлыков или чебуреков наготовим и сразу позовем. И все дешево. А я ехал с офицерами безработными, которых нанял с «жигулем», мы мотались по Крыму и бухали. И офицеры говорят: ты не ссы, у татар все чисто, аккуратно, особенно здесь. И я чебуреков нажрался этих чудных. То есть татары украсили родной край обратно.

– Ну, он сначала был не ихний. Там греки жили. Потом генуэзцы, потом татары. Ну, не важно.

– А Риму принадлежал же?

– Да.

– Вряд ли кого туда вернешь. Греков – вряд ли…

– Они уехали, понтийские греки. Им паспорта греческие дали, и они уехали в Грецию.

– И наверное, неплохо там себя чувствуют.

– Не знаю, трудно судить. А у меня была девушка знакомая – в хорошем смысле этого слова. Красивая – татарочка. Фамилия у нее была Девлет-Гиреева.

– Да? А я знавал одну татарку по имени Венера. Она у меня была в подчинении, кстати. Я, таким образом, руководил Венерой. Да…

Комментарий Свинаренко

Вот олигархи не додумались загодя вложиться в освоение внеземных пространств, а то б не надо было в Лондоне бедными родственниками скрываться. Могли б свою планету иметь. С интересным законодательством. Остров Крым бы просто отдыхал.

– Они любят такие имена.

– И еще… Как раз был юбилей Пушкина, и Парфен, если ты помнишь, пустил большой сериал.

– «Живой Пушкин».

– И я по этому случаю взял у него очередное интервью про то, как он ездил в Эфиопию.

– И попал в плен.

– Его там ограбили, отметелили, и он шел босиком по ночной степи до Аддис-Абебы… А после юбилея пошла вся эта тема с продажей «Коммерсанта». Яковлев прислал такого человека, его зовут Киа Джурабчиан.

– Да, какой-то иранец.

– Ну, приблизительно иранец. Типа начальник какой-то инвестиционной компании, и там Яковлев гнал такую телегу, что он продает в розлив, на вынос, с тем чтобы у всех было по 5 %, никто не диктовал условия, чтоб свобода слова. То есть ее не хватает, а как он продаст газету Березе, так сразу будет сколько надо свободы слова. Quantum satis. Оригинальная схема, свежая такая. И, значит, приезжает Джурабчиан на встречу с коллективом, объявлять о сделке. Все собрались, ждут, волнуются. А внизу шоферы стоят, вышли на крыльцо глянуть на нового хозяина. Идет этот Киа. Они спрашивают: ну так где этот, ну, который покупает-то? – Так вот же он. – Бросьте шутить, уж мы-то, шоферы, видели всяких людей. У этого парня 10 тыщ-то в руках никогда не было. Что вы нам гоните? А мы собрались, по-моему, в яковлевском кабинете – сам он был уже где-то на Западе. Народ сбежался… А перс

чего-то гонит о либеральных ценностях, о свободе, то-се. Ни о чем, короче. Ну, говорит, давайте вопросы. И очень было трогательно, когда некоторые стали по-английски с ним разговаривать.

– А он по-русски говорит?

– Ты знаешь, он как бы себя позиционировал так, что не говорит. Но некоторые эксперты, внимательно за ним наблюдавшие, отмечали, что в каких-то местах глаза у того начинали дергаться. Что он понимает, а типа гонит, что не знает по-русски.

– Подставная утка.

– Для того чтобы войти с коллективом в контакт, устроил в «Царской охоте» большой банкет. И значит, народ собрался, а там по полной программе – водка, икра, матрешки, селедки.

– Тогда твои коммерсантовцы подвиг совершили.

– Какой подвиг?

– Написали книжку с Путиным. И Геворкян, и Колесо.

Комментарий Свинаренко

Забавно, что через 5 лет после выхода той книжки Геворкян по радио в день рождения Путина (07.10.04) сказала: «Не знаю, как часто Андрей возвращается к этой книжке, а я при каждом эпохальном решении путинском сверяюсь с текстом. Выясняется, что абсолютно все, вплоть до сменяемости, назначаемости и отставок губернаторов, там, собственно, есть, поэтому я тоже считаю, что никаких, для меня, во всяком случае, неожиданностей нет, потому что он все сказал. Другое дело, что почему-то эту книжку воспринимали, наверное, многие, я думаю, как такую непонятную агитку или что-то такое предвыборное. А потом уже, когда спустя годы прочли, неожиданно обнаружили, что, собственно, ничего этого нет. Там есть весь план деятельности и задачи. И они выполняются. Я теперь, после того как губернаторов он начал назначать, там из невыполненных задач, так, безусловно, глобальных, я имею в виду, масштабных, остается только вопрос о монархии, который тоже был, нельзя сказать, что он отрицал, что это возможно, потому что вопрос был задан: присутствовал ли он на похоронах останков царской семьи? Он сказал, что нет. Дальше вопрос зашел о монархии в России. И его спрашивали: „Ну вы же не считаете, что это возможно – восстановление, возвращение монархии?“ Не уточняли, в каком виде. Он говорит: „Вы знаете, что вот когда в 91-м году распался Советский Союз, тоже же никому это в голову

не приходило. Россия – такая страна, что кто знает, кто знает". Вот кто знает – это осталось пока нереализованным. Кто знает – еще подвешено в воздухе, а так все идет по плану, я считаю, поэтому я совершенно ничему не удивляюсь».

– И Тимакова еще была в числе авторов той исторической книги. Более того, мне потом знающие люди говорили: «Старик, если б ты не ушел, то ту бы книжку писал».

– Да-а-а?

– Кто его знает, может, и мне б предложили. Но вышло так, что я был избавлен от этого искушения. А выбор был бы мучительным. Я б извелся, наверно. С одной стороны – это ж голый пиар, причем КГБ. С другой – я, конечно, понимаю, что это дико интересно. Сидеть с президентом…

– …и тереть.

– Да, подолгу тереть, выясняя, что, как и к чему. В общем, я бы разрывался между двумя взаимоисключающими желаниями: повыпендриваться – и посмотреть на гаранта вблизи. Я не думаю, что он с ними жестко говорил и обрывал, когда не туда заезжали. Мне представляется, что он как-то деликатно себя вел, в полный рост исполнял либерала. Так мне почему-то кажется.

– Конечно.

– И вот когда он там с ними разговаривал, то, думаю, делал his best, что называется… Что же касается продажи… Вася (Андрей Васильев) тогда, помнишь, в интервью рассказывал, что все смотрели на коммерсантских как на гнойных пидоров, он так это сформулировал. И надо было выворачиваться, выкручиваться, и там «не надо делать вид, что у нас нет хозяина по фамилии Береза, но при этом все равно надо писать, имея это в виду. И при этом быть честными чудными журналистами». Что-то в таком роде.

Комментарий Свинаренко

Васильев так об этом высказался в интервью мне: «Вообще первые месяцы было безумно тяжело. Я говорил в редакции – ребята, значит, нас купил Б. А. Березовский, у которого интересов х… знает сколько, политика-фигитика. Не надо делать вид, что у нас нет владельца, – внутри не надо делать такой вид, надо все четко понимать. А вот читатели наши не виноваты, что нас купил Березовский, они хотят получать от нас информацию, приятна она Березовскому или неприятна. У нас начинается очень тяжелый момент. Как в такой ситуации работать – я плохо себе представляю. Я под Березовским работал, на ОРТ, но это было не

то, я там четко выполнял свою функцию. Ну где-то я его посылал, но тем не менее отдавал себе отчет, что мы оружие пропаганды. А тут – нет. Я всех просил фильтровать, очень фильтровать. Ну, типа, не врать, проверять факты, не давать откровенный слив, слив проверять… Потому что любая наша заметка будет трактоваться так: это им Березовский сказал, это хитрый ход Березовского… Писать всю правду, но! Надо иметь в виду: ты пишешь заметку, которая неприятна Березовскому, поэтому тут комар носа не должен. Чтоб он не мог сказать: „Мои враги воспользовались вами“. И наоборот, когда мы пишем про врагов – тем более… Наш сплоченный коллектив, человек 500, мы действительно прошли тяжелую х…ню после покупки Березовским „Коммерсанта“, когда на нас все смотрели как на гнутых пидоров, когда нас вся демократическая пресса хоронила – и НТВ, кстати сказать, в первых рядах…Если б я тогда уволился, я б в тот же день – когда все орали, что НТВ давят, – встал бы на трибуну, всем давал бы интервью и объяснял, кто такой Гусь и что свобода слова с ним несовместна. Если б я вот был свободен. Но я не мог, я ж должностное лицо.

А когда звонили мои друзья – ну, скажем, из «ЮКОСа», я ж и там поработал – и о чем-то просили, я говорил: «Поймите меня правильно, если я вам сделаю услугу, что мне Березовский скажет? Скажет – ты рассказываешь, какой ты честный, но, оказывается, все ведь можно у вас?» И что я ему отвечу, але? Такая вещь… За мной смотрят в три глаза! Пройдет проданная х…ня или заметка, которая по раздолбайству выглядит как проданная, – и я оказываюсь в каком положении?»

Все-таки эпохальная у нас книжка! Но в то же время и злободневная. Как-то так получается. Вот сейчас вспомнили про Васю и олигархов, а на неделе как раз был бессмертный сюжет «К барьеру», в котором с Васей сражался Фридман. После того как «Альфа-банк» взыскал с «Коммерсанта» ущерб то ли в 10, то ли в 11 миллионов. Долларов.

– В общем, это была сложная задача – вот так балансировать между интересами. Задача, в выполнении которой я, как ты знаешь, не стал участвовать. Многие знакомые меня страшно жалели тогда – типа, ну как же ты дальше… Но, как выяснилось, жизнь возможна и за пределами «Коммерсанта».

– Значит, ты из него в 99-м ушел. И чем ты стал заниматься?

– Я сначала сказал: «Дайте мне отпуск на два месяца. Которые я не отгулял в прошлые годы». А из отпуска уж не

заходя ушел во free lance.

– А чего ты ушел-то? Потому что продали?

– То, что газету продали, – мне это было очень неприятно.

– Но сейчас, задним числом, ты считаешь, что ты правильно поступил или глупость сделал?

– Все я правильно сделал. Там было полно аргументов. А главный такой: когда тебе что-то неприятно, когда тебе чего-то страшно не хочется делать и ты можешь себе позволить это бросить – за чем же дело стало? Зачем себя мучить? Иначе зачем же тогда все?

– Ну логично, да.

– Тем более что когда за те же бабки можно было тем же самым заниматься, но без внутреннего дискомфорта.

– Те же ли?

– Ну. После дефолта-то. Там упали тогда заработки. Видишь, я говорю с тобой на понятном тебе языке – я для тебя баблом поверяю свои действия. Для вас, миллионеров, деньги ведь самое главное. Ну и потом, когда ты тупо пишешь про то, что задают, – это не очень увлекательно. И думаешь: когда ж вечер, чтоб бросить все и заняться чем-то для души. Это очень важный мотив! Когда ты большую часть времени тратишь на то, что нужно другим людям. А твоя жизнь тем временем проходит впустую незаметно. Особенно колонки меня доставали. Я осознавал, что это совершенно пустые тексты, их высасываешь из пальца, имитируешь эмоции – это все разрушительно… Мне кажется, похожий механизм у проституток. Я поэтому иногда с интересом читаю колонки в разных газетах, это поучительно, ты видишь, как автор вымучивал из себя строкаж, все время вылезал в сервис-статистику на панели инструментов, смотрел, не натикало ли уже сколько надо знаков с пробелами… Но колонки для чего-то нужны газетному начальству, и потому люди вынуждены их дристать… И совершенно другая механика, когда ты сам себе придумываешь темы. Когда тебя реально что-то заводит и ты про это сочиняешь. Это дорогого стоит, скажу я тебе. То есть это тот случай, когда ты тем же самым занимался бы на досуге. Ты развлекаешься, тебе твое занятие в кайф, но ты ничего не платишь за это, а, напротив, навариваешь. Это ситуация очень выигрышная. Лучше получать меньше и целыми днями делать что хочешь, чем день ли ночь вкалывать на противной работе, а потом тратиться на хобби. Чистая маржа будет грубо та же самая. Это если с финансовой точки зрения смотреть. А если с энергетической,

то картина будет еще более внушительная. На практике это у меня так выглядело. Сидишь и думаешь: о, давай-ка я сейчас скажу вот этим, что я хочу написать про это. Те говорят: да-да, давай, бабок дадим, отправим. Я: ну вот и хорошо. Ты чувствуешь? По энергетике это принципиально разныевещи. Я как-то задумался: а чего это я ни разу не был в Южной Америке? Как же я буду свою книжку издавать про путешествия? Я тогда задался целью – раскупорить-таки Латинскую Америку. Нашелся повод – авиасалон в Чили, нашелся спонсор поездки, которого я свел с газетным начальством, – и вот слетал я на новый континент. Все довольны: тот отпиарился, эти получили материал, я съездил в Чили на халяву. В Китай я потом съездил по похожей схеме. А раньше я многих поездок лишен был. Вот надо такого-то числа лететь куда мне хочется, а у моей редакции на меня другие планы. Сколько я пропустил стран, и городов, и островов! Особенно больно мне думать про Мексику, про Таити, Гавайи и Багамы. Да, старик…

– Это 99-й год?

– Да, конец. Уволился я где-то в октябре или ноябре.

– Ну, это мужественное решение.

– Резонное решение. Которое просто вытекало из всего. Я был весьма огорчен фактом продажи – типа, сельцо с крестьянами продал. Да пошли вы на хуй, оба! Причем! Идите друг друга покупайте и продавайте, делайте что хотите. Я был зол страшно. Бывало, напьюсь и звоню по ночам бывшим коллегам: «Здравствуй, продажная тварь!» Ну как тебе этот пафос?

– Какой кошмар! Евгений Киселев прямо.

– Ну, Алик, пойми: вы капиталисты, мы журналисты, – у нас с вами разные системы координат.

– Не ты ли мне рассказывал, что журналисты отличаются превосходным цинизмом? А сам такой детский сад устроил… Парадоксально, что «Коммерсантъ» – одна из свободных газет сегодня.

– Да, может быть. Понимаешь, какая тут херня… В каждой национальной культуре, как говорил Ленин, есть две национальные культуры, ну ты помнишь, – так и в каждой журналистике есть две журналистики. И, условно говоря, есть хорошая журналистика, ну, в кавычках, а есть х…евая журналистика. И это вещи, как мне представляется, разные. Но, поскольку в итоге победила «хуевая» журналистика – по всем показателям, во всех номинациях, – то как бы вся журналистика как таковая стала ассоциироваться с «хуевой»

журналистикой. И я, таким образом, для упрощения и ясности предлагаю считать всю журналистику вот такой – х… евой.

– А на самом деле? Хорошая журналистика – это кто?

– Я тебе говорю – пи…ец, она кончилась. Она не нужна просто, я думаю. Ну вот есть Юрий Рост. Он писал ломовые вещи, тонкие очерки. Сейчас он пишет уже другое, далеко не такое задорное. При всем при том, что он жив-здоров и я с ним люблю выпить, поговорить, – но при всем добром к нему отношении не могу сказать, что лицо журналистики сегодня определяет он. И не Бовин определял – которого незадолго до смерти выгнали из «Известий», между прочим. Ему зарплату снижали, снижали, доснижались до совсем никаких денег и заметки не ставили – вот он и ушел соответственно куда-то.

– А куда он ушел?

– Я не знаю, может, и на вольные хлеба… (Кстати, это практично – перед смертью попадать на вольные хлеба. Будет, пардон, возможность о вечном подумать напоследок, какие-то оценки дать своей жизни.) Не нужен – тема закрыта. А что касаетсялица теперешней журналистики, то его определяют, я думаю, твои друзья Минкин, Хинштейн, Горшков (сайт kompromat.ru)… И тема моего увольнения еще. Я помню, как меня спрашивал Кабаков, писатель: «Старик, а чего ты уволился? На принцип пошел? Зря… Всегда же был хозяин, который диктовал». Ну вот как это объяснить? Вот такой пример я ему привел, который, мне кажется, до него дошел. Представь себе, говорю ему, вот приходим мы с тобой в публичный дом. К нам на кастинг высылают девушку. И я, глянув на нее, восклицаю: ах ты блядь! Ты мне скажешь: чего орешь? Здесь все бляди-то, в чем смысл твоего пафоса? А я отвечу: знаешь, Саш, смысл моего пафоса такой. Ты ее a priori рассматриваешь функционально как блядь, а у меня с ней человеческие лирические отношения. Были вот вплоть до этой минуты. Я с ней носился как с писаной торбой, чувства там, слюни, ночные задушевные беседы, суровые времена, пережитые вместе… И вдруг вот так внезапно выясняется, что за деньги по рыночным ценам она ровно те же самые услуги оказывает любому желающему… Ну и на х… я носился со своими смешными чувствами? Понимаю, насколько это неубедительно звучит, когда такое рассказываешь бизнесмену…

– Почему – нормально это звучит.

– Ну, короче, когда вот так все сходится, когда аргумент к аргументу – то в таких случаях какие могут быть сомнения.

Закрыть тему, и все. Ну там и еще были причины… Как некоторые товарищи себя вели… Ну да это все дела давние. Иных уж нет, а те далече… Смешной случай: где-то об то время, в районе продажи, я летел из Лондона в самолете – случайно – с одним бизнесменом, который был причастен к сделке. Реально. Он сидел через проход, я ему говорю: «Жили мы как люди, а вы пришли и все испортили». Он говорит: «А что мы испортили-то? Чем тебе не нравится купля-продажа? Газеты для того и есть, чтоб за бабки в них печаталось то, что нужно хозяину». Меня впечатлила эта беседа. По ряду причин. Само собой, интересно было поболтать с бизнесменом такого ранга. Впервые причем – раньше-то мы не были знакомы, я с нуля начал беседу. И еще ж сразу наехал на него. А он мне вежливо объяснил свою позицию. Самое же тонкое и красивое в ситуации было то, что я был лишен возможности маневра, я не мог с ним спорить просто никак, и все тут! Что бы я ему сказал? Что газеты и журналисты – для правды и объективности? Он бы с улыбкой мне еще раз напомнил про то, что он с товарищами купил газету, это его частная собственность, его имущество, и он не для того тратился, чтоб поощрять какие-то абстрактные чужие свободы. И если б ему надо было на кого-то наехать или, наоборот, кого-то продвинуть, он что, обращался б к посредникам из числа пиарщиков? Как мне было спорить, когда я к тому времени сам из газеты ушел? Да и сам я, увы, был в курсе того, какие рубрики интересовали пиарщиков, какие цены были на рынке, кто из товарищей сколько зарабатывал на этих левых заказах… Я когда был там начальником, мне служба безопасности регулярно представляла доклады. Русская журналистика представала передо мной во всех мыслимых позах. И даром, и за деньги. Уж передо мной-то она вряд ли посмеет из себя целку строить…

– И как ты дальше жил? Что еще было?

– Были интересные моменты. Я пытался по новой устроиться на рынке массмедиа. Думал о жизни, звонил разным коллегам, чтоб встретиться и обсудить ситуацию, понять свое в ней место и определить, на что претендовать. Я-то выпал из реалий: я же как при советской еще власти, в августе 90-го, поступил в «Коммерсантъ», так из него на улицу и не выходил, грубо говоря. (Так люди выходят из зоны через годы отсидки – и мало что понимают: на воле уже другие правила, другие цены, другие банкноты и прочее.) Весь мой предыдущий экспириенс устройства на работу в

СМИ ничего не стоил: прошлые попытки имели место в другую эпоху и вообще в другой стране. С кем-то я так и не смог встретиться: некоторые тщательно избегали со мной встреч и бесед.

– Да ты что! А почему?

– Не могу тебе точно сказать. Может, люди боялись, что, придя к ним в газету, я их вытесню оттуда? Хотя у меня таких планов не было. Но может, я увлекся бы, все мы живые люди, и кому-то со стороны это отчетливей виделось… Был и другой вариант: мне делали много заведомо неприемлемых предложений.

– Типа?

– «Давай ты будешь у нас писать какую-нибудь херню, а мы тебе, в свою очередь, будем платить херню же». Лишь бы отвязался. Это все было очень интересно… Меня это забавляло. Но, с другой стороны, были и приятные явления. Долецкая из «Вога» протянула руку дружбы, давала мне заказы и достойно платила. А еще Валера Фадеев, это журнал «Эксперт», предложил интересную работу с хорошими бабками. Я ему за это благодарен. (Хотя по ряду причин не смог к нему пойти.) Вова Григорьев, на тот момент замминистра, проявил участие. «Российская газета» хорошо себя показала. Ну, были и плюсы и минусы, но в целом это было очень увлекательно. Я с литературным восхищением наблюдал, как менялась картина: какие-то люди, которые неделю назад легко могли с тобой бухать до пяти утра и петь по пьяной лавочке песни, причем шахтерские, а не, к примеру, еврейские или казачьи, вдруг оказывались чрезвычайно занятыми… Хотя что я рассказываю, ты небось и сам попадал в такие ситуации. В целом же я провел время, то смутное время, с пользой. Для меня было важно, что я съездил в страны, которые оставались у меня непосещенными и в то же время желанными. Еще я переиздал книжку про Америку… Вообще поза крывал какие-то старые темы, доделал недоделанное. Издал новую книжку – про мои путешествия по России. Она вышла в самом конце года, при том что дописал я ее летом, – неплохой темп, при советах такой был невозможен. Последняя заметка, которую я написал для этой книги, была про русских беженцев. Меня очень занимала эта тема. Вот Солженицын про это писал много – помнишь? Что Россия бросила за границей 20, что ли, миллионов русских, и вот их давят, а они бегут. И я думал: ну что здесь самое показательное? Что надо писать? Пошерстил по беженским комитетам и фондам и нашел забавную

ситуацию, показательную. Там группа русских уехала из Казахстана в Липецкую область, поселилась компактно, у них были какие-то бабки, они еще получили кредиты, построили поселок из приличных домов – с водопроводом, чего отродясь не было в тех местах.

– Чего делали – землю обрабатывали?

– И это было. Причем они купили свои трактора. А еще швейный цех построили. Молодцы вроде, хорошо начали жить. И вот они так жили, жили… А потом вдруг бац – и все пересобачились! Начали друг на друга писать в прокуратуру жалобы. И я подумал: вот оно, то самое! Вот где все проблемы русской жизни переплелись! И поехал к ним в Липецкую область. Посмотрел на них там, поснимал. Действительно, они там раскололись на два лагеря, взаимно ненавидящих друг друга. И там была такая дама, председательница этого беженского поселения. Так ее зять, он шофером работал, со своей матерью разругался – потому что она была во вражеском стане и являлась политическим противником его тещи. Не то что брат на брата, а сын на мать даже пошел! И я этих допрашиваю несчастных: «Ну, какие у вас проблемы, расскажите. Она обещала нам дома построить, когда вывозила из Алма-Аты, – почему не построила? А себе-то – построила!» Я говорю: «Дайте мне договор». В договоре написано – будем всем помогать строить. Так в чем проблема? Купите вот кирпич, она вам будет строить, поможет, причем по себестоимости. Они говорят: нет, строить – это значит она нам строит, а мы стоим и смотрим… Удивительная это была картина. И так они все там разосрались. Говорят: наша задача и мечта – чтоб наша предводительница не жила хорошо. Чтоб ей какое-то там финансирование скудное перекрыли. Не свою жизнь им хотелось улучшить – но чужую жизнь они страстно желали испортить! И физик там какой-то был с ними – секретный, атомный, который стал преподавать в школе, когда его выгнали из большой физики. Он копался в огороде в селе в Липецкой области, потому что в Алма-Ате русская наука закончилась.

– Он тоже был недоволен?

– Нет, он, наоборот, был доволен. Счастлив! Причем он такой оказался: им дали кредиты на 20 лет без процентов, как беженцам русским. В принципе – серьезно помогли людям!

– Ну и?…

– Так дедушка-физик этот такой человек, что на

выданный ему кредит построил коробку, а потом поехал в Казахстан, продал какой-то дом свой в Алма-Ате, привез бабки – и выплатил весь кредит сразу, досрочно. Спасибо, говорит, стране, что помогла, а теперь я деньги возвращаю; вдруг еще кому помощь нужна, что ж я буду на эти деньги жировать, крутить их. Он даже ремонт в своем новом доме не сделал – денег нету. И живет где-то в подсобке, в чулане при школе.

– Ну и мудак.

– Я так не думаю. По мне, так это очень приличный человек. Совесть у него есть. В общем, красивая получилась картина с беженцами. Яркая. Образы тут разные напрашиваются, но мы их разбирать не будем… А напоследок, под самый занавес, нам Ельцин преподнес подарочек – уволился с должности.

– Ельцин, конечно, всех удивил.

– Это кто ему такое придумал? Валя?

– Да, думаю, что да. И Путин…

– Это красиво прозвучало.

– Уж больно технологично. Я не понимаю, почему они Степашина сняли. Степашину можно было ту же схему поручить…

– Ну наверное, нашлись влиятельные люди, которые были против Степашина.

– Ну а с Путиным – что, все были за?

– К Путину все относились, мне кажется, куда более ровно. Тогда.

– Наверно… Новость об отставке Ельцина Б.Н. я встретил на горнолыжном курорте в Колорадо. Мы с Борькой Йорданом поехали Миллениум встречать. В Соединенных Штатах Америки. С 1999-го на 2000-й. Все праздновали, когда три нуля появилось.

– Что, как мы знаем, ошибка.

– Да. 2001-й год был началом нового века, мы все знаем. Но праздновали все равно.

– И что?

– Ничего. Я радовался, мне симпатичен Путин был. Мне казалось, что вот сейчас какая-то динамика появится, ведь дедушка совсем уже был старый, толстый. Сейчас он похудел.

– Но ты понял эту схему: что фактически это назначение, поскольку такое внезапное объявление даты выборов без подготовки лишает остальных конкурентов шансов. Ты понимал это?

– Да. Но я в то же время и хотел, чтобы Путин победил.

– О! И я тоже это понимал как позитив.

– Иначе – Примус.

– Да, все же готовились. Гусь ведь под него выстраивал все.

– Да. Я не хотел Примуса. В принципе я Лужку симпатизирую, но Примус, мне кажется, это все-таки уже прошлый век. Ну это уже совсем… Такой он советский, ну просто совсем, – по стилистике.

– Я тогда назначение Путина одобрил. Да, в общем, и сейчас думаю – а какие еще варианты?

– Он за пять лет мало чего сделал! Только все «вертикаль» укреплял!

– А другие бы вообще не сделали еще больше ничего.

– А, ну понятно. Ельцин за свои два срока вон чего наворотил, ебтить. Путин же налоги снизил, и все. Налог до 13 % довел – спасибо. Еще что? Все? Все. Войну снова начал.

– Ты не сделал и этого.

– Я? Я из России государственной сделал Россию частную.

– Вот этими руками?

– Вот этими руками, да. На входе было 100 % государственной собственности, на выходе – 70 % частной. Это поглавнее, чем подоходный налог снизить.

Комментарий Коха
Еще раз о приватизации

В 1999 году закончилось мое уголовное дело. Это грустная история, которая не имеет никакого смысла. Я удивляюсь этим красавцам, Березовскому и Гусинскому, которые оскорбились тем, что мы посмели продать «Связьинвест» не им, а старику Соросу. И начали подключать прокуратуру, чтобы разобраться со мной. Интересно, а сейчас они так же готовы были бы купить эти акции? Напомню, что 25 % плюс одна акция были проданы летом 1997 года за 1 миллиард 875 миллионов долларов. Сейчас Сорос продал их «аж» за 625 миллионов долларов. 1 миллиард 250 миллионов чистого убытка.

Я иногда думаю, что не нужно было играть в принципиальность. Нужно было продать им «Связьинвест», а они бы и обанкротились, понеся такие огромные убытки. И все бы были довольны…

Кстати, эта продажа акций «Связьинвеста» до сих пор является крупнейшей приватизационной сделкой в России. Даже последовавшая в 1999 году продажа 75 % акций «Славнефти» не принесла такого дохода. Вот тебе и воры-взяточники.

Проходят годы, а страсти по поводу итогов приватизации

никак не успокаиваются. Вот недавно Счетная палата уже в который раз решила проанализировать итоги приватизации. При том что она уже двадцать раз это делала. Я по этому поводу выступил на сайте «Газета. ру» со следующей статьей:

«…В отношении залоговых аукционов я хочу задать простой вопрос: соответствовали ли эти сделки действующему на тот момент законодательству? Только с этих позиций можно оценивать действия чиновников. Если сделка не соответствует действующему законодательству, то их нужно увольнять, а если есть состав преступления, то судить. Если же она соответствует действующему законодательству, а я настаиваю, что в случае с залоговыми аукционами так и было, то нужно от темы отстать и больше к этому вопросу не возвращаться.

Версию о притворной сделке я слышал уже много раз. Я олигархам никаких денег не давал, и мне об этом ничего не известно. Они приходили и платили деньги. В Госкомимуществе никаких денег нет, там есть имущество, которое мы отдавали в залог в обмен на кредиты, которые предприниматели давали правительству.

Со времени проведения залоговых аукционов прошло 10 лет. За это время у всех, включая Счетную палату, Генеральную прокуратуру и тех, кто участвовал в этих аукционах и не победил, у всех у них была возможность оспорить эти аукционы в суде. Предъявить иски с ровно этой аргументацией: что сделка была притворной, что деньги брали у того, кто впоследствии взял эти деньги в кредит (то есть Минфин), и так далее. Все эти аргументы вполне могут составить предмет иска, и на этом основании сделка может быть признана притворной, подлежащей расторжению, и так далее. Более того, некоторые из проигравших, в частности «Инкомбанк», от лица фирм, которые он учредил для участия в аукционе, в такого рода судебных разбирательствах участвовали. И ни одного суда ими выиграно не было. Если юристы утверждают, что сделка притворна, то надо подать в суд, но никто этого не делает. Постоянно происходит сотрясение воздуха.

Вот я хочу понять, что, сейчас будут у Ходорковского «ЮКОС» отбирать, у Потанина – «Норильский никель», у Богданова «Сургутнефтегаз», у Алекперова «Лукойл»? А ведь это все залоговые аукционы. Что ж, нет проблем. Верните кредитные деньги, которые у них взяли, и забирайте компании обратно. Но я напомню, что, когда мы их отдавали в залог, эти компании все до единой были банкротами, включая «ЮКОС» и «Норильский никель». У «Норильского никеля» было долгов 10 или 15 триллионов неденоминированных рублей. Прежде всего

бюджетных долгов и по зарплате. Теперь компания прекрасно работает и прекрасно окупается, и, кстати, цены на нефть тут ни при чем, потому что это металлургия. И за предприятие, которое фактически имело отрицательную стоимость, Потанин заплатил 170 миллионов долларов. По «Норильскому никелю», кстати, было два арбитражных суда, оба были проиграны. И есть отдельное заключение Счетной палаты, за подписью Степашина же, что там все было правильно. Счетная палата что, это свое заключение тоже будет пересматривать?

Все до единого предприятия, которые прошли через залоговые аукционы, работают лучше, чем тогда, когда они закладывались. Ни одно не обанкротилось, все работают с прибылью, переходят на международные нормы отчетности, привлекают иностранные инвестиции, прекрасно функционируют и приносят очень большие деньги в бюджет.

Если уважаемая Счетная палата проводит исследования, пишет целый талмуд, знакомит с ним нацию, то, по всей видимости, она хочет восстановить справедливость – так, как она ее понимает. И тут у Счетной палаты нет другого пути, кроме обращения в суд. Счетная палата не тот орган, который должен заниматься политикой, он существует для совершенно других целей. Она финансируется бюджетом, ей построено шикарное здание, и дачи даются, и машины, и мигалки, все это не для того, чтобы аудиторы full time занимались политической трескотней. Они должны следить за расходованием бюджетных средств. Если вместо этого они занимаются политической деятельностью, то они превращаются в политическую партию. О'кей! Я не возражаю. Но только я как налогоплательщик не хочу, чтобы эта политическая деятельность финансировалась из бюджета. Если кто-то хочет заработать на этой деятельности дешевую популярность, то пусть находит спонсоров, а не сидит на бюджете. В данном конкретном случае я не вижу смысла в деятельности Счетной палаты, если задача ее не в том, чтобы отобрать и заново поделить. Вон в Аргентине уже пятый раз пересматривают итоги приватизации. Пока они пересматривают – страна находится в заднице. Странная зависимость, не правда ли? Если же цель такова, то, оставаясь в рамках цивилизации, это можно сделать только в судебном порядке.

Счетная палата считает, что сделки были притворными, а я так не считаю. Государство получало деньги от сделок. Это подтвердит любой чиновник Минфина, который знает, что деньги поступали в бюджет. О том, что деньги, которые государство взяло в кредит у олигархов, оно же само этим олигархам и дало, мне ничего не известно, кроме того, что я читал в газетах. Будто

бы так было по отношению к «МЕНАТЕПу», то есть к «ЮКОСу», а во всех остальных случаях не было даже газетных статей на эту тему. Поэтому было бы неправильно утверждать, что вся система залоговых аукционов строилась на государственные деньги. Если есть такого рода подозрения в отношении «МЕНАТЕПа», то проверяйте его. И даже в этом случае я не очень понимаю, почему сделка становится притворной. В те времена никакого казначейства не существовало. И нигде, кроме как в коммерческих банках, государство не могло хранить бюджетные средства. В частности, оно хранило их в том числе и в банке «МЕНАТЕП». Почему? Это не ко мне вопрос. Такое решение было принято в Минфине задолго до залоговых аукционов. Надеюсь, что это было сделано в результате тендера или каких-то других публичных процедур. Если из своих активов банк дал кредит правительству, то это были и деньги, которые хранил в банке Минфин. Это нормальная банковская деятельность. Например, условно говоря, я храню свои личные сбережения в «Альфа-банке», но в то же время я как бизнесмен иногда беру у них кредиты. То есть в какой-то степени я беру и свои деньги.

Если некто Х хранит деньги в банке У, а потом берет у этого банка кредит, то этот кредит не выглядит как мнимая операция. С точки зрения юриспруденции моя аргументация абсолютно убедительна, даже если кому-то на бытовом житейском уровне она кажется неубедительной. Сплошь и рядом люди берут кредиты, которые частично состоят из их собственных денег. Если бы этого не было, то не было бы банков.

Логика должна быть во всем. Жить в стране, в которой нет логики, не только тяжело, но и очень опасно. Говорят о том, что, если некое предприятие продано за бесценок, а сейчас это предприятие стоит бешеных денег, его владельцы неправедно обогатились, потому что купили по дешевке, а на самом деле это «бриллиант». Я даже не говорю о том, что не является ли нынешняя высокая стоимость этого актива плодом управленческих и менеджерских усилий тех новых хозяев? Я знаю эту логическую комбинацию: мол, тогда мы продали дешевле, чем это стоит сейчас, и это несправедливо. Я не согласился с этой логикой, но я ее услышал. Но если мы тогда продали что-то значительно дороже нынешней стоимости этого предприятия, то как быть с этой разницей? Если разницу купленного за бесценок «бриллианта» нужно отобрать в пользу государства, то у кого и в чью пользу нужно отобрать разницу между проданным тогда за бешеные деньги, а сейчас подешевевшим? В пользу тех, кто платил тогда? Если предположить, что существует предприятие, которое тогда мы продали в три раза дороже, чем оно стоит

сейчас, то что делать с этой разницей? Мы должны забрать ее у государства и отдать тем, кто тогда платил бешеные деньги. Иначе нельзя остаться в рамках рациональной логики. В 1997 году г-н Сорос заплатил 1 тысячу 875 миллионов за 25 % акций «Связьинвеста». Сейчас он, человек рациональный и разумный, которого трудно упрекнуть в отсутствии бизнес-навыков, был вынужден продать пакет акций за 625 миллионов. Куда будем девать разницу в 1 тысячу 250 миллионов? Может быть, этой разницы хватит с лихвой, для того чтобы покрыть так называемый недостаток, который недоплатил наш олигархат? А может быть, все оставим как есть, потому что как только вы отнимете у наших предпринимателей эту мнимую разницу в пользу бюджета, то Сорос сразу же подаст в суд и потребует распространения этой логики и на него. И 1 тысяча 250 миллионов – это значительно больше, чем собираются взять с олигархов, получивших предприятия в результате залоговых аукционов. Кстати, одним из акционеров Масткома (победитель аукциона по «Связьинвесту») наряду с Соросом был тот самый Потанин. Уверен, он точно угорел на сделке по «Связьинвесту» миллионов на 300. А ведь именно столько требовали от него доплатить за «Норильский никель».

И потом, если мы рассуждаем таким образом по поводу индустриальных активов, то давайте посмотрим, как чиновники приватизировали свои дачи на Рублевке. Все сплошь – без аукционов и по остаточной стоимости, которая тогда была смехотворная. Там тоже надо доплачивать? Сейчас там каждая сотка 50–70 тысяч долларов стоит. И в росте цен на этот актив уж точно никаких менеджерских усилий наших доблестных чиновников нет…»

Впрочем, абсолютно бессмысленно что-то доказывать. Я не знаю ни одной страны, в которой результатами приватизации люди оказались довольны. Ни одной. Но из этого не следует, что приватизация не нужна. Однако я уже повторяюсь…

– Да… «Вот уже и радио изобрели – а счастья все нет», как по другому поводу мудро заметили Ильф с Петровым.

– Да. Мы с тобой обсуждали, кстати говоря, в предыдущей главе, в чем разница между государственным автомобильным заводом и частным.

– Обсуждали… А счастья-то нет.

– Так мы ж не для счастья, мы для сытого желудка…

Комментарий Свинаренко

В конце года я съездил в Китай. Это для меня очень важная поездка: всегда было интересно, чем они берут, эти наши соседи, и как они себя ведут в условиях естественного проживания. Впечатления я там получил серьезные, нешуточные… Дам тут вам цитат.

«…не весь элитный остров Хайнань охвачен цивилизацией. Он еще не сплошь застроен дорогими отелями! Взять, к примеру, город Санья. Он довольно бедный, скупой, темный, не слишком чистый. Там можно вдоволь насмотреться на бедные сумрачные лавки, на ржавые велосипеды, которыми запружены улицы, на спящих прямо на тротуаре бедняков. Небогатый городок… Но – городок! А ведь еще лет пять назад тут была рыбацкая деревушка… Такая ж, как лет сто назад – на месте Гонконга. А теперь Санья – это какой-никакой город, который со всех сторон окружают приличные отели. Эти простые картинки очень наглядно иллюстрируют китайскую статистику, согласно которой валовой национальный доход страны растет на 10 % в год. И это не дутые лживые цифры роста, как у некоторых. В общем, как посмотришь, сколько ж эти ребята вкалывают… Как они прямо на улице шьют какие-то бедные курточки – точно такими у нас завалены оптовые рынки… Вы, кстати, никогда не задумывались о том, почему это они шлют нам товар, а не мы им? Или даже мягче можно поставить вопрос: почему мы сами не можем на себя нашить простенькой одежды? И скупаем у них за американские доллары?

И вот мы везем им свои доллары, а они их не транжирят на «шестисотые» «мерседесы» и французские рестораны – но поднимают промышленность и строят один за другим свои новые города. А где городов пока нет, там будущие горожане по колено в воде на коровах пашут рисовые поля…

…Китайцы в 50-е годы подумывали о том, чтоб бросить свои утомительные иероглифы и начать писать буквами, как все. Но сперва решили посчитать, во что станет переход. Оказалось – в 100 миллиардов долларов, еще тех, давнишних. Ну и бросили затею.

…Шеньжень – новый богатый город, не хуже Гонконга. Его китайцы построили в ожидании присоединения Гонконга к КНР. Видите, это такой народ, что там даже коммунисты что-то соображают. Вместо того чтоб устроить в Гонконге обком партии с колхозами и перевоспитать капиталистов при помощи новых хунвейбинов, они начали сами учиться капитализму и строить его на народные деньги. Куда тут нам!..

«…То есть если б наши коммунисты раздавили демократов танками в 91-м, как это сделали китайцы в 89-м на знаменитой

площади Тяньаньмынь, то у нас что, тоже б был десятипроцентный рост экономики?» – спросит проницательный читатель.

Не думаю. Я не политолог и не этнопсихолог, но мне кажется, у китайцев шире диапазон восприятия действительности. У них натура широкая. Они и императора после революции терпели, не расстреляли его, как некоторые. И ошметки студентов, раздавленных танками, хладнокровно счистили с гусениц и пошли работать. А мы б такого не смогли стерпеть. Не то что взбунтовались бы, нет – просто наша национальная депрессия стала б глубже и беспросветней.

…Из машин по улицам ездят в основном «фольксвагены джетта» местной – шанхайской – сборки. Их в Германии давно уж сняли с производства, а тут долго-долго еще будет «джетта» считаться шикарной машиной. А мы вот «БМВ» и «шевроле блейзер» кинулись сдуру собирать. И то сказать – мы ж богатая страна, минимальная зарплата двести долларов в месяц…

Да… Огромен китайский мир. И исламский тоже обширен и силен. Могуч и европейский. Американский – вон какой. А что ж нам осталось, остается? **Наш, русский мир – мал, холоден, весьма небогат, он окраинный, необжитой и одинокий.** Забавно, что нам в наших пыльных полупустых городках буддизм кажется экзотической религией, хоть в буддийских странах живет миллиарда два. Скорей это мы экзотика, а не они. **Русская вселенная – этакая экзотическая национальная деревня.**

В 99-м было еще одно важное – для меня – событие, про которое я почему-то забыл упомянуть в беседе. Я ж летом, в июне, получил премию! От Сороса и Академии российской прессы. Деньги были Сороса, а академия, составленная из главных редакторов крупных изданий, указывала пальцем, кому дать 2 тысячи долларов. Досталось и мне, в номинации «Репортер года». Собрались мы, значит, в «Московских новостях», которые тогда еще не на выселках были, в офисном центре «ЮКОСа» на так называемом Загородном шоссе, – но в центре, на Пушкинской. Были они тогда все еще цитаделью демократии – или уже нет? Стали просто газетой? Держащейся на старых дрожжах, как, допустим, «Известия»? Не могу сейчас сказать. Не помню просто. Что та премия значила для меня? Ну, денежная составляющая – это было немного приятно, не более, принципиальных или хоть сколько-нибудь заметных изменений в мою жизнь она не внесла. Получил я ее в последний день действия чека. А вот то, что приехал Сорос и лично захотел со мной повидаться и я с ним поручкался на вручении, – это меня тронуло. Могучий все-таки

старик Сорос. Мыслит масштабно. Сколько денег вгрохал в Россию! И не отбил их. Он слал нам денег! Хотя мог бы их профукать на покупку новых яхт, самолетов и островов. Легко причем. Как это делают разные прочие миллиардеры. Включая родных, русских. Что он хотел этим сказать? Что деньги не самое в жизни главное? Что мы мельче, чем сами о себе думаем? Что вот он дает нам шанс? Пытается нам показать, что капитализм – это не только когда бабло колотят, а кое-что еще, о чем надо еще догадаться (если, конечно, удастся и будет время)? А после Сорос, как известно, ушел из России – и этим уходом тоже нам многое сказал. Деликатный вроде человек, а сказал – много.

Важен ли был для меня статус – лауреата этой премии? Можно ли сказать, что наутро я проснулся знаменитым? Сильно вряд ли. Газетная служба, она вся такая второстепенная, невидная, маловажная. Даже в лучшие времена, даже в самых удачных ситуациях. Это же не телевизор. И опять же: искал ли я славы? И так нельзя сказать. Искал бы, так пробирался бы на то же ТВ, или в театр, или в кино. Или в политику, на худой конец. Ничего этого я не делал! Помню, в начале 90-х, когда много чего начиналось нового, меня начали звать на ТВ. Чтоб я туда ушел с потрохами. Я принялся тогда размышлять. Ход своих рассуждений я довольно отчетливо помню. Мне в ТВ не нравилось, что это работа – для артиста, там надо торговать своим лицом. Это в мои планы никогда не входило. А текст там был вещью просто вспомогательной, побочной. Морда, картинка – это существенно, а что несут в кадре, в смысле гонят, озвучивают – не так уж и важно. Чего ж мне ни с того ни с сего все бросать и в артисты уходить? В новую профессию? Не дело это. И потом, я откуда-то знал тогда, чувствовал тупиковость ТВ. Вот ты вроде начал там делать карьеру, все идет нормально, и тут ты вдруг поругался со своим начальником. И приходится тебе уйти с канала – а на других каналах своя свадьба… А ты привык уже лицом торговать, слава, то-се, наркотическое воздействие эфира, ну по полной программе. Мы это замечательно наблюдаем теперь в жизни на примерах телевизионщиков, у которых возникли проблемы… Урезать самому себе варианты, ходы в жизни? Зачем?

А можно ли сказать, что я на эту премию не обратил внимания? Не, никак нельзя. Такое отношение возможно, когда премий много накопилось. Эта же у меня была первая – если не считать старых провинциальных призов. А чего ж я раньше не получал ничего? «Оправданием мне служит тот факт, что самые лучшие журналисты мира – самые знаменитые и популярные – до сих пор не имеют никаких профессиональных наград вообще. Я говорю о Матфее, Марке, Луке и Иоанне…Не скрою, приятно. Но,

как было принято говорить в таких случаях, эту премию я считаю авансом, а не полной расплатой за мои 25 лет работы…То, что я попал в список награжденных вместе с ним (Юрием Ростом), вызывает во мне сильные и сложные чувства. Я ведь чувствую себя начинающим репортером приблизительно 23-летнего возраста, несмотря на то что я такой взрослый и толстый…Еще когда я был стройным юношей, я все про свою газетную работу придумал. С тех пор я в рабочее время решаю две задачи: развлекаюсь сам и подаю сигнал порядочным людям, что они не одиноки. Это все». (Из интервью газете «Коммерсантъ-Daily».)

После я не раз высказывался в том духе, что **русская журналистика переживает не лучшие времена, раз я в ней играючи добрался вон до каких высот. Я ведь все-таки журналист не карьерный, а так, любитель. Писал что в голову приходило.**

Это повторение моей старой мысли о том, что журналистика одними рассматривается как бизнес, как средство для заработка, а другими – как искусство. Искусство для искусства. Когда задача решается для того, чтоб узнать, сможешь ли ты ее решить. И опять я повторю сравнение репортера, который остается в рамках ремесла и не переходит в пиар, с вором в законе: законник ставит себя в такие тесные рамки, что разбогатеть непросто. Пойди он в завмаги или наркодилеры, денег было б больше. Но он почему-то не идет. Эта странная особенность делает его для нас интересным. Путь самурая влечет к себе, путь же завмага – он никакой…

Комментарий Коха

В 1999 году, в начале, случилась интересная полемика. Я прочитал статью Андрея Илларионова «Тайна китайского экономического чуда»,[23] а потом Петр Авен написал статью «Экономика торга».[24] Это подвигло меня к написанию статьи «Политика возможного и тотальный либерализм». Опубликована она была в журнале «Неприкосновенный запас». Мне кажется, что та полемика может представлять интерес и сегодня. Примечательно, что, еще раз подчеркну, она случилась в начале 1999 года, то есть когда премьером был еще не Степашин и не Путин, а Примаков.

Альфред Кох

Политика возможного и тотальный либерализм

Передо мной две статьи. Первая – статья Андрея Илларионова «Тайна китайского экономического чуда». Вторая – Петра Авена, «Экономика торга (о „крахе“ либеральных реформ в России)». Обе посвящены доказательству одного факта: либеральных реформ в России не было.

Излишне на этих страницах напоминать, что сами творцы этих самых реформ не раз в течение нескольких лет артикулировали этот тезис. Например, Егор Гайдар не раз утверждал, что «шоковой терапии» в России не было. Для меня ясно, что он имел в виду нечто большее, чем просто жест кую денежную и бюджетную политику.

Для меня в этих статьях интересны прежде всего две вещи. Во-первых, система доказательства этого, в общем-то, очевидного, тезиса. Во-вторых, что, собственно, предлагается авторами для выхода из кризиса, заметим, что оба автора не видят альтернатив настоящим либеральным реформам.

Итак, приступим.

Система доказательства.

У А. Илларионова использована довольно убедительная система доказательств путем сравнения динамики макроэкономических показателей России и Китая за период реформ.

Вот перечень показателей, которые использует автор.

1. Доля занятых в госсекторе.
2. Доля лиц, получающих пособия, субсидии и дотации из госбюджета.
3. Расходы на социальное обеспечение и потребительские субсидии.
4. Уровень безработицы.
5. Размер импортных таможенных пошлин.
6. Темпы инфляции.
7. Бюджетная политика.
8. Размер налогов.
9. Государственные расходы.

По всем этим показателям их динамика в период реформ в Китае была более «либеральной», чем в России. Действительно, доля лиц, занятых в госсекторе, а особенно в аппарате госуправления, в Китае снижалась быстрее, чем в России. Расходы на социальное обеспечение в Китае ниже, чем в России, и, соответственно, меньше доля лиц, пользующихся всевозможными дотациями и льготами. Уровень безработицы ниже. Импортные пошлины ниже. Темпы инфляции ниже. Бюджет более сбалансирован. Налоги ниже. Доля госрасходов к ВВП ниже.

Из этого делается очень изящный вывод: вопреки

устоявшемуся мнению, как раз в Китае были либеральные реформы, а в России их не было.

Согласен. Но врожденное ехидство не дает мне просто так согласиться с этим тезисом. Предлагаю для сравнения третью страну – сталинский СССР.

1. Общеизвестно, что в 30-е годы 70 % населения России было аграрным, то есть работало в колхозах. Колхозы не были госсектором, и соответственно доля занятых в госсекторе в сталинском СССР была вполне либеральной и, если исключить стариков и детей, составляла 15–17 %, что даже ниже, чем в Китае сейчас.

2. Доля лиц, получающих субсидии, дотации и пособия, у т. Сталина была просто великолепной и практически равнялась нулю. Отбросим в сторону пропагандистские акции на эту тему, мы же взрослые люди.

3. Соответственно не будем обсуждать расходы на социальное обеспечение и потребительские субсидии. Тут и сам Милтон Фридмен поставил бы Иосифу Виссарионовичу твердую пятерку.

4. Уровень безработицы? Ну что тут обсуждать? Либерал он и есть либерал.

5. Опять же нулю были равны импортные пошлины. Сталин импортировал на очень льготных условиях огромное количество техники и оборудования. Видимо, в Тифлисской духовной семинарии был филиал Чикагского университета.

6. Инфляция? Какая инфляция? Вы чего, ей-богу, как дети.

7. Бюджетная политика – тверже не бывает.

8. Налоги. Вот бы сейчас те, сталинские. Вот бы лафа была.

9. Доля госрасходов к ВВП. Да, здесь промашка вышла. Но и здесь есть объяснение. Аграрный (частный) сектор – дойная корова. Там если и есть внутренние расходы, так те негосударственные. ГУЛАГ – на самоокупаемости, причем тоже дойная корова. Где, кстати, статистика по внутренним инвестициям в ГУЛАГе? Нету? Тогда молчите. Опять же капиталистическое окружение. Подготовка к неизбежной войне. Тут и самый заклятый либерал согласился бы с высокой долей госрасходов.

По всему получается, либерал был товарищ Сталин. Да еще какой. Одним словом, предал ленинское учение и встал на путь буржуазного перерождения. Так получается по Илларионову?

НО ВЕДЬ НЕ БЫЛ!!! Тогда, может быть, система доказательства неправильная? Как говорил классик: «Может быть, в консерватории что-нибудь поменять?»

А все дело в сталинской статистике. Она лукава. Понятно, что колхозы при Сталине были практически госсектором.

Понятно, что была скрытая инфляция. Много чего понятно. Но откуда такое доверие к китайской статистике? Даже если эта статистика, допустим, МВФ. Вы еще расскажите мне, откуда МВФ черпает данные о России и насколько они адекватны. Я-то знаю откуда. Вон у Лукашенко тоже экономический рост. И вы этому поверили?

Опять же возьмем Петра Авена. Все тот же анализ цифири. Из статистики, приведенной им самим, следует, что доля доходов консолидированного бюджета плюс внебюджетных фондов в ВВП в России ниже, чем в Польше, Чехии, Венгрии и Эстонии, а доля расходов ниже, чем в Швеции, Дании и Австрии.

Разве перечисленные страны не удовлетворяют жестким требованиям МВФ? Разве нам не тыкали в нос эстонским опытом денежной стабилизации? Тыкали, и не раз. Разве нам не рассказывали Балцерович, Клаус и Ослунд, как надо делать либеральные реформы? Рассказывали, и вполне аргументированно. И люди вроде правильные. Опять чертовщина какая-то.

Возникает великий русский вопрос: «Что делать?» Где найти систему измерителей, которая ответит на вопрос, движется ли страна по пути либеральных реформ или нет? Осмелюсь утверждать, что такой системы измерителей не существует. Я, безусловно, немного утрирую, но мне кажется, что ответ на вопрос, идут в стране либеральные реформы или не идут, не лежит в плоскости анализа тех или иных показателей. Мне кажется, что ответ на этот вопрос находится в сфере содержательных, или, как теперь стало модно говорить, институциональных, категорий. Попробую сформулировать некоторые из них в форме вопросов.

1. В каких отраслях есть монополии?

2. Что делается для того, чтобы создать конкуренцию в этих отраслях?

3. Каков механизм перераспределения собственности и связан ли он с перераспределением от неэффективных хозяев к эффективным?

4. Как защищены права собственности и возможна ли экспроприация?

5. Насколько ответственны все ветви власти при подготовке и принятии бюджета? Перефразируя все того же классика, хочется спросить: «Это бюджет, который есть или который лечит?» Не относятся ли они к бюджету как к «чисто политическому документу»?

6. Существуют ли скрытые формы финансирования дефицита бюджета за счет эмиссии?

7. Каковы механизмы привлечения иностранных инвестиций? Насколько правила функционирования резидентов отличаются от правил функционирования нерезидентов?

8. Насколько внешняя политика адекватна экономическим интересам государства? Где внешние рынки сбыта экспортных товаров и какие государства являются реальными конкурентами? Какова структура импорта и кто основные импортеры?

9. Готова ли нация превратиться в сообщество свободных индивидуумов или в обществе сильны патерналистские настроения, ведущие к завышенным требованиям к государству?

10. Какова в государстве типичная семья? Устроена ли она по типу «родители – дети» либо по типу «родители – дети – внуки»? Существует ли в семье иерархия? Где в семье «центр прибыли», а где «центр затрат»? Каков в семье механизм перераспределения средств?

Это далеко не полный перечень вопросов. Они намеренно надерганы мной из разных отраслей знания. Они, безусловно, разные по значимости. Причем, как это ни удивит многих, я бы поставил последние два на первое место. Объединяет все эти вопросы одно. На эти вопросы нельзя ответить числом. Или группой чисел. Они принципиально неизмеримы. Ответы на эти вопросы нельзя представить в виде колонки цифр. Ответы на эти вопросы наговариваются. Они вербальны.

Поэтому, когда мне говорят, что в России не было либеральных реформ, я легко соглашаюсь. Но при этом меня совершенно не устраивает система доказательств этого факта. Если бы мне сказали, что в России не было либеральных реформ потому, что:

– осталось много монополий;

– ничего не делается для создания конкуренции в отраслях, где есть монополии;

– в стране нет эффективного механизма банкротства;

– не устранена полностью возможность экспроприации, и в обществе подогреваются настроения на эту тему;

– власти совершенно безответственно (который год) подходят к принятию бюджета;

– дефицит бюджета который год в значительной степени скрыто (путем покупки ГКО Центральным банком) или открыто финансируется за счет эмиссии;

– инвестиции никак не защищены, а режим функционирования резидентов по-прежнему отличается от режима функционирования нерезидентов;

– внешняя политика не связана с экономическими интересами государства, и мы в который раз поддерживаем

наших конкурентов вопреки этим самым интересам;

– нация по-прежнему готова обменять свободу на кусок колбасы;

– семья развалилась, и дети забыли своих стариков, – тогда я бы согласился охотнее. А цифирь, что цифирь? Пусть Илларионов мне еще скажет, что в Китае экономический рост. Так у «отца народов» тоже был экономический рост. И западная либеральная пресса рукоплескала ему. Однако рукоплескания либеральной прессы не означают либеральных реформ. Как и рукоплескания либеральных экономистов. В октябре в «Нью-Йорк таймс» была статья о том, что китайские ревизоры никак не могут найти 30 миллиардов долларов, которые должны были быть потрачены на субсидии сельскому хозяйству, а пропали неизвестно куда. По какой статье госсубсидий вы их учитываете, мой дорогой Андрей? Это что, свидетельство непреклонного либерализма китайских властей? Я уж не говорю о площади Тяньаньмэнь.

Что предлагается

Андрей Илларионов, собственно, ничего не предлагает. Да и статья, строго говоря, была посвящена не этому. Поэтому было бы неправильно ждать от автора в этой статье каких-то рецептов.

Предлагает Петр Авен. Отдав должное «срыванию всех и всяческих масок» и выделив несколько абзацев положенному в таких случаях самобичеванию, он делает вывод, что, встав на путь бесконечных компромиссов, «молодые реформаторы» стали средних лет конформистами, попутно дискредитировав либеральную идею. Соответственно и вывод: никаких компромиссов – и мы победим.

Эка загнул, скажете вы. Ан нет. Не загнул. Очень даже не загнул. Совсем даже не загнул. А в самую что ни на есть точку попал. И вот почему.

В свое время Бисмарк ввел в политический обиход термин «Realpolitik», то есть политика возможного. Иными словами, если ты имеешь некую глобальную цель, то ради нее (все время держа ее в голове) можно идти на компромиссы с существующими политическими элитами и, лавируя, отступая и наступая, шаг за шагом идти к своей цели.

Применительно к нашим реалиям это выглядело примерно так. Вы нам разрешаете проведение приватизации, а мы не обращаем внимания на институт спецэкспортеров. Мы устанавливаем валютный коридор, но при этом прощаем долги аграрникам. И так далее, и тому подобное.

Я намеренно не дискутирую по поводу упреков к приватизации, которые предъявлены в статье Авена. Отнюдь не по причине отсутствия аргументов. Аргументов – море. Во-первых, потому, что приватизация также осуществлялась в рамках доктрины «Realpolitik». Во-вторых, мои оправдания здесь были бы неуместны и несколько искусственны. Да и статья посвящена несколько другой теме.

Очевидно, что политика возможного в максимальной степени использовалась нами в период пребывания в правительстве. Более того, любая аргументация необходимых компромиссов сводилась к торгу: мы им сдадим это, зато возьмем это. Объекты предполагаемой сдачи, сознательно или подсознательно, делились на две группы: ключевые и второстепенные. Психологию этого деления очень хорошо как раз показал Авен на примере тех же спецэкспортеров.

Я задаюсь вопросом: какие компромиссы, допущенные в период пребывания у некоторых рычагов власти «молодых реформаторов», ошибочно отнесенные нами к второстепенным, оказались ключевыми? То есть такими, на которые нельзя было идти ни при каких обстоятельствах, вплоть до ухода в отставку. Компромиссами, которые являлись откровенной сдачей позиций без всякой «компенсации на других фронтах».

Компромиссы в сфере приватизации? Нет! Все компромиссы с противостоящими элитами в этой сфере были нацелены на то, чтобы приватизация была! И она состоялась! И зря Авен ругает теорему Роуза. Она справедлива и для России тоже.

Ограничения по экспорту? Про спецэкспортеров сам Авен все объяснил.

Всевозможные льготы инвалидам, спортсменам и ветеранам, которые на практике оказывались лазейками для ухода от налогов? Мучительными усилиями они были в конечном итоге сведены на нет уже в начале 1996 года.

Я могу еще бесконечное количество раз перечислять все компромиссы, которые были допущены. Однако всего лишь два из них я считаю фатальными. Уступками, которые я лично формулирую как проявление конформизма команды и прежде всего ее лидеров.

Во-первых, согласие на «пополнение оборотных средств товаропроизводителям», осуществленное ЦБ летом 1992 года.

Во-вторых, это чеченская война.

Порожденная первым перлом чудовищная инфляция колоссальными усилиями была погашена только к концу 1995 года, и я не уверен, что кризис 17 августа 1998 года не есть уродливое дитя этой невинной уступки «матерым

товаропроизводителям».

Я не хочу здесь анализировать нравственные и «полководческие» аспекты чеченской войны. Они очевидны. Экономические же последствия этой войны разрушительны.

Я до сих пор не могу себе представить, как можно почти два года вести крупномасштабную войну, в которой задействованы несколько дивизий, войну с применением авиации и танков, расходы на которую не были НИ РАЗУ (!!!) заложены в бюджет.

Вы задаете вопрос: откуда такая идиотически-масштабная политика заимствований на внутреннем и внешнем рынках для покрытия дефицита бюджета, которая осуществлялась последние четыре года? А вы лучше спросите: сколько стоила чеченская война? Может быть, тогда причины кризиса 17 августа вам будут понятнее?

НО ВЕДЬ ЭТИ УСТУПКИ ПРАКТИЧЕСКИ НИКТО НЕ СТАВИТ В ВИНУ «МОЛОДЫМ РЕФОРМАТОРАМ»!

Хотя, на мой взгляд, эти самые «молодые реформаторы» были единственными, кто мог этому по-настоящему противостоять. Или не могли? Тогда почему не ушли? Почему своим присутствием в правительстве фактически солидаризировались с этим маразмом? Кстати, меня этот вопрос тоже касается… Ведь только двумя этими уступками вся работа по реформированию России была едва ли не насмарку…

Да, в России не было либеральных реформ, если их понимать как тотальную либерализацию. Либерализацию по всем направлениям общественной, политической и экономической жизни. Либерализацию, о которой я лично мечтаю.

Были ЭЛЕМЕНТЫ либеральных реформ. Имелись участки, на которых были достигнуты впечатляющие успехи. Были направления, по которым прогресс едва наметился. Были откровенные ляпы. Были сознательные уступки.

И вот есть у меня вопрос. Если у тебя или у команды твоих друзей и единомышленников (включая тебя) есть возможность попасть в правительство, если ты заранее знаешь, что многие важнейшие решения будут приниматься без тебя и даже без учета твоего мнения, если ты заранее знаешь, что многие ключевые посты в этом правительстве будут занимать твои откровенные враги, которые для борьбы с тобой будут использовать все находящиеся в их руках ресурсы, если ты заранее знаешь, что удастся лишь немногое из того, что задумано и что реально нужно сделать, если ты заранее знаешь, что придется идти на очень неприятные и вредные компромиссы, которые потом строгие судьи тебе припомнят, но при этом ты заранее знаешь, что все-таки что-то получится, что-то удастся, где-то

прорвешься, – нужно ли соглашаться? Или нужно ждать момента, когда:

– тебе дадут гарантии, что тебя не снимут;

– все посты в правительстве займут только твои единомышленники;

– тебе дадут достаточно времени для реализации всего плана реформ;

– на тебя не будут давить околоправительственные лоббисты;

– Дума примет все необходимые законы и не будет принимать «дурацких»;

– власть тебе принесут на блюдечке с голубой каемочкой и молодой, здоровый президент будет на коленях умолять тебя оказать ему честь вхождения в его правительство?

Я не знаю ответа на этот вопрос. Я нисколько не ломаюсь. Я действительно не знаю. Некоторые выдающиеся политические деятели современности, например, ждут именно такого момента. Дождутся ли…

Иногда мне кажется, что я зря поперся в правительство. Последнее время все чаще. Знаю, что так думают многие. Например, моя жена. И она не единственная, смею вас заверить.

Дилемма между тотальным либерализмом и политикой возможного не имеет однозначного решения. То, что предлагает Авен, очень заманчиво. Так же как и малореалистично.

Справедливости ради нужно заметить, что Авен не отрицает необходимости компромиссов. Однако планка допустимого, на мой взгляд, у него сильно повышена. Как говорится, «не стреляйте в пианиста, он играет как умеет». У нас сейчас есть великолепная возможность послушать исполнение лучших, по всеобщему мнению, пианистов.

Как исполняют!..

Хотя, может быть, я и пессимист. Ну что ж, пусть оптимисты попробуют. Может быть, они будут тверже нас. Только ведь, как известно, пессимист – это хорошо информированный оптимист.

Бутылка девятнадцатая. 2000

В 2000-м Свинаренко впервые выступил в роли фотомодели, съездил в Чили, начал писать книгу про тюрьмы и занялся журналом «Медведь». Кох встретил Миллениум в Колорадо, расплатился с долгами и предложил Гусинскому $300 000 000, а тот отказался – и, как позже выяснилось, зря.

– Алик! Вот у нас, значит, 2000 год. Человек при погонах принял страну. А ведь это могло и раньше случиться! Был же такой генерал Лебедь, который всерьез шел в президенты. Или, по крайней мере, думал, что серьезно идет…

– Лебедь – он же вроде боевой генерал, такой десантник, плечи широкие, голос командирский – а взял и подписал Хасавюртовские соглашения. И тем самым остановил войну. Люди перестали умирать. Как наши, так и чечены. Ну да, понятно, что в русской ментальности чечены – это так, не люди, чем больше их сдохнет, тем лучше; русские ведь добрый народ… Но тем не менее. Потом пришел Путин, который из себя штатского строит. И начал эту войну, новую. Хотя это было вовсе не обязательно: после того нападения на Дагестан он мог просто к границам Чечни вывести войска и на этом остановиться. Создать вокруг Чечни санитарный кордон. Надтеречный район отобрать. Прижать их к горам. Все, кстати, так и думали, что он на этом остановится. Но он решил штурмовать Грозный, и началась новая война. Он дальше начал наступать, опять люди начали погибать. И вот в итоге Путина любят, а Лебедя – не любят. Объясни мне это!

– Не знаю, почему ты от меня постоянно требуешь, чтобы я объяснял все происходящее. Еще меньше мне понятно, почему я берусь это делать. Но это другой вопрос. Ну что же… Вот и сейчас, как обычно, я тебе все объясню. Так знай же: причина тут та же, которая лежит в основе успеха мыльных опер, дешевых сериалов для простого народа. При том что это все, как известно, чистая халтура: каждая серия длится один час, а снимается час десять.

– В режиме реального времени, что ли?

– Ну. Почему дешевые сюжеты пользуются успехом, почему снимаются халтурно, почему это людям дико нравится? Почему любят Путина, а не Лебедя? Да потому что люди хотят чувствовать свою причастность к великим событиям! Ведь человек страстно желает думать, что он живет не только для того, чтобы завтракать, ходить на завод, срать, похмеляться и блевать. Он хочет верить, что какие-то у негоесть высокие задачи. Что он причастен к великому. Вот почему люди берут автографы у популярных киноартистов? Ты это понимаешь?

– Нет.

– А потому что зрители-фанаты таким манером оказываются причастными к великому! Вызывают в себе такое чувство. Человек говорит: вот видите, я взял автограф у Тома Круза – стало быть, я практически такой, как он. Ну близок к нему. А если это девушка, то ей кажется, что она ему как бы дала, Крузу этому, получив его автограф. У меня был такой expiriens: я взял для одной девушки автограф у Тома Круза. В Голливуде. Надо было видеть ее глаза, когда я вручал ей обрывок бумажки с росчерком этого маленького парня, который непонятно на чем выезжает. (У нас даже Киркоров и тот повиднее: сам под два метра, кудрявый такой, глазки масленые, а Круз – мелкий, постный, однообразный…) Так той девушке, короче, было очень приятно.

– И она тебе сразу дала.

– Да ну. Это была просто главбух или что-то такое.

– Ты даже не поимел ее?

– Не-а.

– Ну как же! За автограф Тома Круза – можно было бы. Е…ля – это же товарно-денежные отношения.

– Ну не всегда же. Бывает же и по любви, то есть даром. Я тебе так скажу, чтоб ты знал: в принципе надо приставать только тогда к даме, когда слюни текут. А не просто дежурно, автоматически, идя мимо. Так значит, причастность к великому. Человек думает: «Я веду жалкую жизнь, даже в пивную не хожу, пью у себя на кухне. Не принимаю никаких решений, не бываю в Париже по делам… Но зато вот у меня есть автограф Тома Круза, и я таким образом как бы приближен к Голливуду – к звездам, к счастью». Так, значит, что предлагал людям Лебедь? Он предлагал удовлетворение жалких, ничтожных ежедневных потребностей: чтобы вас не прирезали, чтоб вы, придя с работы, выпили пива, сидели дома и спокойно смотрели ТВ, а не бегали с автоматом, подставляя башку и ставя свою жопу, как говорят

американцы, на линию. Ясно, что это мелко, буднично. Неприятно думать, что жизнь проходит зря. И тут появляется Путин и говорит: «А вот сейчас мы восстановим империю и реанимируем всю ее былую славу!» И тогда каждый русский через эту мечту о построении империи получит законное право чувствовать себя великим. Видите, мы пошли завоевывать Кавказ – а не во двор в домино играть или там на рынок за мясом. Человек поднимается, растет в собственных глазах. Понимаешь?

– Таким образом, теперь, после путинского заявления, даже когда я мясо закупаю, то я тем самым завоевываю Кавказ?

– Ну куда ж без Кавказа на рынке, откуда ж баранине тогда взяться? Ха-ха. Но эта тяга к великому, она и тогда даже проявляется, когда человек на базаре покупает еду, удовлетворяя свою чисто животную потребность. Он и там хочет быть причастен к великому! «Давайте выгоним всех черножопых, и пусть торгуют русские бабушки» *(в 2007-м году Путин приступил к реализации этой русской мечты.* – И.С.*)*. Это иногда работает, мобилизует русских; что и говорить, лозунг этот довольно популярный. Кавказцы на эту потребность живо откликаются, уходят с глаз долой из торговых рядов, а вместо себя за прилавки выставляют нанятых русских бабушек. Вот вам, пожалуйста, старушка славянской национальности, она будет торговать, а деньги отнесет хозяину-чечену. Так что люди хотят быть причастными к великому – либо по меньшей мере они хотят лести, они желают, чтобы их жалкие потребности хоть издалека выглядели великими. Вот почему я сказал про сериалы. А то человек думает: что у меня есть в жизни? Сын – двоечник, племянница родила, дядя Вася дал в глаз тете Маше… В жизни ничего не происходит! А человек хотел бы плавать на яхте, руководить чем-то, двигать дивизии туда-сюда. Но ничего похожего нет и ему обидно. И тут ему вдруг говорят: не ссы, парень, сейчас мы тебе покажем сериал, где главный персонаж – такой же мудак, как ты, а у него такая же племянница-дура, и ему точно так же, как тебе, не дала продавщица овощного отдела. И весь мир смотрит эту ерунду. Лесть действует: человек начинает думать, что он не жалкий мудак, что он причастен… Раз такую же самую ерунду, из которой состоит его жизнь, показывают на всю страну в прайм-тайм. Так что Лебедь не поканал потому, что простому человеку хочется чувствовать себя великим. Пойми: повышение зарплаты – это скучно и мелко, а брать Кавказ – это тонко, это высоко. Это трансцендентальность (или

трансцендентность?), к которой всегда стремится русский человек. Он говорит: дайте мне выйти за пределы наличного бытия! Опять-таки – почему он пьет? Да потому что если человек не пьет, если он встал утром пораньше и побежал куда-то на трезвую голову – он же себя ведет как животное! Просто как животное, и все. Оно тоже утром вскочило и бежит себе куда-то на абсолютно трезвую голову…

– Ха-ха!

– Ну что ж это такое? Съел в обед полезную пищу, перетертую, лег спать в 9 вечера после вечерней прогулки. Примитивное животное, ничтожное, которое легко можно стереть с лица земли, раздавить пальцем. Говно взаимозаменяемое. Это же техническое существование – убери одного, поставь другого. Он точно так же будет утром вставать, умываться – как скотина. И как животное идти на работу.

– Ха-ха!

– Другое дело – ты утром встал…

– …а у тебя война…

– Ну… Или по крайней мере обсуждение важных теоретических вопросов. К примеру, вместо того чтоб ехать в офис, ты, сидя на даче, отменил все встречи, отправил начальника охраны за пивом, он привез, и ты прям с утра приступаешь к анализу судеб мира.

– Ха-ха!

– Это же высокое существование! Задача, достойная гомо сапиенса энд Человека с большой буквы. Ты говоришь: объясните же мне судьбы мира и народа моего. А другой человек сидит перед тобой, ну я, например, махнул тоже с утра и говорит: говно вопрос, сейчас я объясню судьбы мира…

– Ха-ха! Для этого я тут и положен…

– Это, батенька, высокая задача.

Животное хер тебе объяснит судьбы мира – оно ходит и работает, и все.

– Ха-ха! Я не понимаю, какое это имеет отношение к Лебедю?

– Что ж, по просьбе трудящихся возвращаюсь к Лебедю. Он предлагал людям решать вопрос выживания, тоесть животный биологический вопрос. Путин же предложил великую задачу: с утра выпить и идти завоевывать Кавказ. Высокая цель, выходящая явно за рамки наличного бытия. Так бы человек ходил на завод, вытачивал копеечные детали, никому не нужные. А то родина даст ему оружие и он поедет перестреляет там черножопых на Кавказе. Такая у некоторых

картина в голове.

– Что-то не видел я очередей у военкоматов, в которых добровольцы в Чечню вербуются. «Истинные патриоты» все больше глотку дерут по ТВ. А в Чечне погибают деревенские дети, которые как раз с радостью бы лучше землю пахали.

Комментарий Свинаренко

Размышляя о любви публики к великому, я вспомнил беседу с одной дамой. Она зэчка, которая на зоне работает, как водится, швеей. И вот она мне такое рассказала: «Мы тенты шьем на „ЗИЛы“. Когда продленка, то мы выходим с двух ночи и полная смена потом до трех часов дня. Конечно, недосыпаем. Надо б жаловаться – тяжело же, но мы в азарте. Вот у нас тут заказ был из Чечни, тенты на 500 „ЗИЛов“. Один тент килограмм сто весит, если не больше. Там такие девушки работают, как бульдозеры, это физически очень трудно. Нам дали трое суток, чтоб их сшить. А продленка у нас по желанию. Чего, казалось бы, на дядю Ваню калымить? Но все пошли и работали с таким азартом! А потому что заказчики приехали, говорят – давайте, девчонки! Надо! И все. А что для Чечни, нам сказали, когда уж мы закончили. А сказали б раньше – нам было б приятно, мы б, может, с лучшим качеством сшили».

– Вот она, тяга к высокому, понимаешь?

– Нет. Вот нет у меня такого места в душе, чтобы понять это. Ты меня спрашиваешь: «Понимаешь?» А я говорю: нет. Мне вот лучше однообразие мирных будней.

– Ты вот сидишь на даче, ловишь форель в своем пруду. А простому человеку, который лишен такой возможности, – ему что?

– У него тоже есть дача, пусть даже шестисоточная. Пускай на ней сидит.

– Так ему на его даче вместо ловли форелей придется на грядке стоять раком, пропалывать морковку.

– Вот и пусть пропалывает. Какого ж хера ему на войну лететь?

– Я вижу, ты этого никогда не поймешь. Бессмысленно это обсуждать таким образом. Давай тогда перейдем к более понятным тебе темам. По-моему, у тебя в 2000-м начались разборки с Гусем. Ты вообще не жалеешь, что ввязался в ту историю?

– Нет.

– Значит, нету у тебя раскаяния в содеянном… Ты

считаешь, что с Гусем все было сделано правильно. И свободы слова тебе не жалко?

– Нет.

– Я вот подумал: у нас идет некая перекличка с интервью, которое дал Кулистиков, – ты читал?

– Да. Дурацкое интервью.

– Не знаю. Я с Кулистиковым не знаком. Но мне очень нравится его мысль о том, что НТВ раньше было маргинальным. Его спрашивают: «А что вы понимаете под маргинальностью в данном случае?» Он ответил: если широким массам нравится Путин, то телевидение, которое по идее и должно работать на эти широкие массы, обязано рассказывать о том, что Путин хороший. А те люди, которым Путин не нравится…

– …пускай идут на хер.

– Да. То есть они не победили на выборах, они проиграли, отброшены на обочину, ну и пусть себе молчат на ней теперь в тряпочку. А телевидение как массовое искусство должно отражать волю и интересы масс. Если народ хочет такого телевидения, надо дать ему его. В этом, увы, есть своя логика.

– Я говорю ровно об этом телевидении. Единственное, что я хочу сказать, что сам Вова Кулистиков мог бы не пи… деть лишнего, понимаешь?

– Он сказал – мне что поручают, то я и делаю. Кулистиков и у арабов работал, и у американцев… Он менеджер, который делает что скажут. Вот это его признание мне понравилось своей простотой и откровенностью. Но, с другой стороны, мне кажется, что такие менеджеры, которым насрать, на кого работать – на арабов, американцев, патриотов или еще кого-то, – мне кажется, что таких менеджеров желательно…

– …в дурдом отдавать.

– Ну не обязательно в дурдом; есть же биржа труда – туда пускай и отправляются. А руководить серьезными учреждениями государственными я бы таким персонажам не доверил. Мне кажется, что у человека должны быть какие-то взгляды, убеждения, ну, что-то такое. Хотя бы по минимуму.

– Ну, это ты уже слишком много хочешь от русских людей. А я вот Вове Кулистикову все прощаю; я прекрасно понимаю, что человек находится в жестких рамках. Мы его за такого и держали. Иллюзий относительно его у нас не было. Он ведь комитетский, насколько я понимаю.

– А-а-а. Вот как.

– Мы понимали, что у него есть определенная задача. И у

меня к нему в связи с этим есть вопрос. Один-единственный: Вова, а что ж ты так возмущался искажением свободы слова Гусем? Что ж ты так честно и искренне пытался уничтожить это искажение? Тебя поставили, ты и херачь. А ты нас пытался обмануть. Показаться искренним, чистым борцом за свободу слова. Хотя мы и так не имели иллюзий.

– Ты не знаешь одной важной вещи. В каждой касте есть свои внутренние правила, которые не следует разглашать. И я тебе по секрету объясню закон, который действует на высших уровнях масс-медиа.

– Ну?…

– Какие специалисты считаются самыми ценными, квалифицированными? Те, которые умеют самое главное. Которые принимают от начальства установку и после ее подают как голос своей совести. Чтоб глаза сверкали, чтоб было убедительно. Понимаешь? И если люди подумают: вот, человек говорит о наболевшем, он готов умереть за идеалы, – тогда это хороший специалист, это высочайший уровень журналистского профессионализма. А если он долдонит что-то и видны его мысли типа: вот эти пидарасы заставили меня озвучивать какое-то говно, ну я и озвучил, а так-то мне насрать, – это слабый спец, карьеры в данном секторе рынка он не сделает. И поэтому, когда ты говоришь, что Кулистиков вас там пытался обманывать и усиленно делал вид, – так он молодец. Это говорит о чем? Что Кулистиков принят в кастужурналистов высшего уровня. И меня когда-то звали в эту касту. Говорили: старик, а можешь ты так, с пеной у рта, доказывать то, что мы тебе поручим доказывать? Я, например, не пошел на такое по ряду причин – в силу хотя бы лени и нехватки актерских способностей. Не стал я записываться в эту касту, грубо говоря, по тому же механизму, по которому в свое время не пошел в партию. В самом деле, что-то в этом есть от партийного руководства… «Партийная организация и партийная литература», которой нас мучили на журфаке. По этой схеме выступал, кстати, нобелевский лауреат Шолохов. Его спросили как-то иностранцы: «Так вы пишете – по зову сердца или по приказу партии, по постановлению ЦК?» Думали подловить. А он им ответил: «Я пишу по зову сердца, а сердце мое искренне стучит для партии».

– Стучит – хорошо сказано.

– Ну или там принадлежит партии. Без документов собственности и устава. Ты понял, о чем я тебе говорю? Партийная организация энд партийная литература. Так что

Кулистиков действует в рамках кастовых понятий, у него все чисто.

– А я его ни в чем не обвиняю.

– Мне вообще понравилось это его интервью, он все сказал по крайней мере честно.

– А мне так просто блевать хочется.

– Вот мы сейчас про это говорим… Про то, кто чью позицию отстаивает, как и зачем. Я давно об этом думаю и даже хочу инициировать проведение референдума в стране.

– Уже запрещено.

– Да? Ну, тогда, может, не стоит?

– А какой вопрос ты хотел вынести на обсуждение?

– О реформе избирательной системы в стране. Предложить народу две на выбор. И пусть он возьмет ту, какая ему больше подходит, но потом чтоб не жаловался. И больше ни на кого не спихивал ответственность. Первая схема такая предлагается: избирательное право имеют граждане Российской Федерации, являющиеся русскими по происхождению, имеющие образование не более 11 классов.

– Не более?

– Не более. Я не оговорился. И к тому ж не знающие иностранных языков. И имеющие собственности не более чем на 30 тысяч долларов. Это, значит, один вариант.

– Есть вопрос: а как ты определяешь русскость происхождения?

– Не ссы. Это легко – в паспорте же все записано. По паспорту, и еще контролировать по е…алу. Ну это технические детали, Алик, не морочь мне голову.

– Ха-ха! Ладно.

– Если принимается эта система, то дается пара лет на ее ввод в действие. Она не сразу вступает в законную силу…

– …до тех пор пока она не подтверждается другим референдумом.

– Нет, чтоб за это время все, которые не катят, могли как-то…

– Съебаться.

– Заметьте, не я первый это сказал. И второй же еще есть у меня вариант. Такой, что избирательным правом пользуются граждане РФ в возрасте от 30 лет – взрослые, мозги есть, уже семья, дети, ответственность… Можно ужесточить: нету детей – тоже не пускать к избирательной урне. Бездетные, они слишком легкие на подъем… им приключений хочется… На кой им стабильность? Еще можно, с другойстороны, включить возрастной ценз. Средняя

продолжительность жизни 60 лет? Значит, люди старше 60 не допускаются к голосованию: по статистике, им не жить при новом президенте, увы, они с высокой долей вероятности помрут. Какое ж у них моральное право решать за других? Они, может, с досады захотят подосрать остающимся… Так в аэропорту, если ты отказываешься лететь, твой багаж выгружают из самолета: мало ли ты чего туда заложишь, для посторонних. И еще должен быть имущественный ценз: чтоб у кандидата в избиратели было задекларированной собственности не менее чем на миллион долларов. Само собой, диплом о высшем образовании обязателен.

– И еще, наверное, люди должны подтвердить документально, что они нерусские?

– При моем подходе это уже не важно. Вам 30 исполнилось? Принесите справку о миллионе долларов и диплом установленного образца.

– Ха-ха!

– Когда вы это все предъявите, вас попросят пройти на избирательный участок и совершить акт свободного волеизъявления. Пора решить принципиальный вопрос, идейный, философский. Надо наконец определиться: ребята, так как же мы хотим жить? Хочет ли электорат самовыражения, после которого хоть трава не расти? Мечтает ли он так провести всю свою жизнь, как она уже пошла, как задалась идти? Чтоб бабок так и не было, чтоб так он и не учился ни на кого и ничему… Ну, тогда есть смысл на этом и остановиться. Недовольные пусть валят, если победит такая концепция, – то есть пусть восторжествуют идеалы демократии. «Люди хочут песен – их есть у меня». Что касается второго варианта… Есть шанс, что избиратели в большинстве своем подумают: «А может, пускай вот эти мудаки, у которых есть бабки и дипломы, руководят? Может, они и нас приведут туда, в свою богатую красивую жизнь? Или хоть подтянут к ней как-то поближе?» Я думаю, что этот референдум – вещь не только забавная, но и практически полезная. В конце концов, действительно надо принять какое-то решение. Или – или. На хер нам стоять враскоряку? Льдины ведь на глазах разъезжаются в разные стороны. Куда нам плыть? Может, русские захотят развиваться в направлении диких деревень, арабских или там африканских. Почему нет? Миллиарды людей так живут и довольны собой… (Вон Ленин же определился, он же выслал всех умников из страны на знаменитом философском пароходе. В этом была логика.) Я считаю, что этот

референдум будет важнейшим событием русской истории. Если его проведут, то мне потом отольют из бронзы памятник. Будущие олигархи скинутся – и поставят мое изваяние в Александровском саду.

– Может, теперь я скажу?

– А что, ты думаешь, к этому еще что-то можно добавить?

– Да. Что вы говорите полную херню.

– Это вас пускай не ебет.

– Херню – по той простой причине, что результаты этого референдума без всякого проведения референдума и так давно ясны.

– Ну и что? Сам знаю. Но какое будет развлечение, подумай!

– Столько людей будет занято тем, чтоб доказать очевидный факт! Референдум скажет, что все нужно отобрать и поделить!

– Ну так в этом и смысл. Чтоб это провозгласить открыто, как в Зимбабве, где по решению партии и правительства раскулачивают белых фермеров… Если пролетариат решит жить по первому варианту, то остальные скажут: «Видит Бог, мы сделали все, что могли. И теперь, поскольку пароход тонет, давайте спасем какое-то имущество, сядем на плот и поплывем в неведомые дали».

– А сейчас, думаешь, они этим не занимаются?

– Сейчас тоже занимаются, но при этом думают: «А вдруг как-нибудь устаканится?»

– Не-не. Уже нет никаких иллюзий.

– А! Ты хочешь сказать, что я со своим референдумом опоздал!

– Владимир Владимирович идет вместе с русским народом. Это уже давно понятно…

– То есть я спізнився.

– Да, конечно.

– Ты хочешь сказать, что поскольку я не читаю газет с должной регулярностью и систематичностью, то известие о принятом референдуме я проспал, да?

– Да. Уже давно.

– А он, значит, есть, был и будет?

– Уже на все твои вопросы даны ответы.

– Ну что же… Если так, то ничего не поделаешь. Жаль… Но это великое решение не избавляет нас от повседневных забот. От того же написания книжки. Давай тем не менее вернемся к ней. Что еще у нас, я извиняюсь, имело место в 2000 году? Ты, значит, занимался тем, что ни о чем не жалел. И еще свободу слова мы закрыли. Ну не то чтоб совсем «мы»,

это я так, примазываюсь.

– Еще не закрыли. Мы ее закроем в следующей главе.

– А, то есть это вы пока тренировались.

– Да.

– А когда был флаг из туалета?

– В 2001-м.

– А, в 2000-м ты только приступил к делу!

– Да. В 2000-м мы Гусю предложили 300 миллионов.

– К тому, что у него уже было. А сейчас у него всего-то 200, может, на-скребется.

– Все равно это охеренные деньги. Смотри, если даже обеспечивать среднюю доходность в 5 %, то ты имеешь десятку в год.

– «Ну, нормально. На скромную жизнь хватит», – сказал я, сделав значительное лицо.

– Да. Червонец – это хорошие деньги…

– Не знаю, не пробовал.

– Можно половину возвращать на воспроизводство капитала, с учетом инфляции, а половину честно тратить. 5 миллионов в год – хорошие деньги.

– И он не получил эти 300 миллионов долларов?

– Он от них отказался. Устроил дурацкую истерику, прекрасно понимая, чем все это кончится.

– Ну, он режиссер, человек искусства, он артистичный – что вы прие… ались к нему?

– Мы к нему не прие…ались. Ему приготовили бабки, они на аккредитиве лежали. В «Дойче банк», в Лондоне.

– То есть тут, похоже, такая картина вырисовывается. Владимир Алексаныч тогда, значит, задал стилистику улаживания конфликтов между государством и олигархами. Вопросы могли б по-хорошему решаться. Если б Гусь показал тогда пример мирногососуществования с русской властью, она, может, и дальше б себя деликатно вела. А раз пошло со стороны бизнеса кидалово…

– «У меня везде камеры, я под давлением подписал…» – начал Гусь херню нести.

– А договорился б тогда, то, может, не пришлось бы Ходору сейчас на киче париться… С ним бы тоже по-хорошему говорили. Но Михаилу Борисычу достался жесткий такой прессинг.

– Нет, я не проводил бы такую параллель.

– А почему ты против дешевых параллелей?

– Потому что я в жизни не люблю ничего дешевого.

– А пиво «Невское» мы же тем не менее в настоящий

момент все же пьем?

– Это не «Невское», а «Балтика». Мы его пьем не потому, что оно дешевое.

– А потому, что оно холодное.

– Потому, что оно хорошее.

– И, как я заметил выше, все-таки дешевое. Да. Так до чего дошел конфликт с НТВ в 2000-м?

– Мы с Гусем в 2000-м подписали новый контракт, который он не исполнил в 2001-м.

– Это после сорванного контракта, по которому он должен был получить 300 миллионов?

– Да. После этого срыва был второй контракт; мы думали, что он будет в очередь платить нам деньги в залог своих акций. И он снова его не выполнил. И тогда у него в 2001-м забрали акции.

– О чем мы поговорим позже.

– Да.

– Но на момент 2000-го все было нормально еще. Вы думали, ну Гусь слегка где-то тут смухлевал, потом там, но в принципе с ним можно договориться.

– Да, у меня было полное ощущение, что мы договоримся.

Комментарий Коха

Акт гусеборчества: совмещение приятного с полезным

1. Меня нанимают.

Где-то в апреле – мае 2000 года звонит мне Жечков[25] и заговорщицким голосом сообщает, что у него относительно меня есть потрясающая (как, впрочем, всегда) идея, но ее он не может озвучить по телефону. Если я хочу ее услышать, то должен приехать к нему в воскресенье в баню. Что ж, решил я, в конце концов, любопытство всегда было моей сильной стороной (про себя я называю его любознательностью). И я поехал к Жеч кову.

Приехав, я обнаружил в бане Лесина и Григорьева. Лесин без долгих предисловий вывалил эту самую идею. Суть ее проста и незатейлива. «Мост» Гусинского задолжал «Газпрому» около полумиллиарда долларов. Шансов, что отдаст, – почти нет. «Газпром» хочет тем не менее получить хоть что-то. Как говорится, с паршивой овцы хоть шерсти клок. Вяхирев (или Шеремет?) обратился к Лесину в просьбой порекомендовать человека, который справился бы с этой работой. Лесин хочет порекомендовать меня, вот и спрашивает – согласен ли я сделать

эту работу?

Я взял паузу и с интересом посмотрел на бутылку водки, стоящую на столе. Дернул стопочку и говорю Григорьеву: «Пойдем-ка я тебя попарю».

Пока парил, прикинул, что к чему. Ну во-первых, «Газпром» не по собственной инициативе хочет получить с «Моста» деньги. Это ясно как божий день. Как говорится в фильме «Берегись автомобиля» – обстоятельства изменились. Новый хозяин в Кремле – новые порядки. Правда, во-вторых, ничего зазорного нет в том, что одно акционерное общество хочет получить долг с другого. Плохо наоборот, когда менеджмент одного акционерного общества («Газпром»), которое само нуждается в деньгах и берет их у западных банков под проценты, дает другому акционерному обществу («Мост») беспроцентные, ничем не обеспеченные займы. Следовательно, это нормально, что «Газпром» пусть и по чужой подсказке, но все-таки решил получить с «Моста» деньги. Так что здесь вроде никакого подвоха нет.

Возвращаемся. Лесин внимательно на меня смотрит. Я внимательно смотрю на бутылку водки. Раз – и маханул стопочку. Огурчик, квасу (сам привез из «Царской охоты»). Опять Григорьеву: «А теперь попарь ты меня, пожалуйста». Григорьев смеется. «Пойдем, – говорит, – попарю».

Лежу под веничком, думаю. Почему именно я? И почему Вяхирев обратился именно к Лесину? Ответы более-менее понятны. Я – поскольку Гусь меня хотел посадить, а значит – я хочу отомстить. Что ж, резонно. Только, наверное, они мою мстительность сильно преувеличивают… Хотя, что лукавить, не без этого. Может быть, самую малость, но есть. Есть это чувство – ну что, мол, гад, допрыгался? Лесин – поскольку, видимо, он назначен ответственным за проект в новой администрации. Но! Все не так просто! Легко сказать – Лесин! Он-то как видит свое руководство проектом? Ведь стоит только ему показать свой минимальный интерес к этому делу, как Гусинский разорется на весь мир об ущемлении свободы слова. Заодно и меня, грешного, в душители запишут. А всего-то – нанялся долг взыскать. Нужно выдвинуть условие – чтобы они не вмешивались. Уж как-нибудь сам справлюсь. А то потом крику не оберешься. Постой! Так ты, похоже, согласен? И сам себе отвечаю: да… Что ж, быстро они меня уломали.

Опять возвращаемся за стол. На горячее – тушеная утка. Вкусно. Налили красного вина.

– Ну что, Микеле. Ты мне сделал предложение, от которого я не могу отказаться? В целом я согласен. Когда будем обсуждать детали? Завтра у тебя в министерстве? Ладно, подъеду. А с

Вяхиревым и Шереметом?

– Позже, где-нибудь через месяц, отдохни пока. Не торопись раньше времени. Сейчас мне нужно было только твое принципиальное согласие.

Назавтра Лесин мне говорит, что он полностью согласен с моей оценкой рисков, связанных с его участием в проекте. Поэтому он будет стараться не лезть в него, но и я должен его понять: все-таки речь идет о третьем по значению федеральном канале, и полностью устраниться от «спора хозяйствующих субъектов» Министерство печати не может. Звучит вроде приемлемо. А как будет осуществляться оплата моей работы? Ведь, помимо меня (а я себя недешево оцениваю), мне нужно будет нанять клерков, юристов, финансистов, консультантов. Это стоит много денег. Поверь, говорит Лесин, в «Газпроме» ты все вопросы решишь.

В конце разговора он сунул мне огромную папку документов по долгам «Моста» перед «Газпромом». На, говорит, изучай. Тут все так запутано, что черт ногу сломит. Мне эти документы Шеремет передал. Я пытался разобраться – ничего не понял. Так что давай, врубайся, а когда нужно будет – я тебе позвоню.

Я приехал к себе в офис и позвал своего партнера Сашу Резникова. Вот, говорю, есть такое предложение. Беремся? Беремся… Прикинули смету, то да се. Начали смотреть документы, рисовать схемы. Действительно – тяжелый случай. Разработали линию поведения. Тут залоги, там залоги. Сроки погашения выходят – мы залоги забираем. Здесь посудиться, там арестовать имущество. Вроде что-то вырисовывается.

Примерно через месяц-полтора встречаюсь с Шереметом. Удивительно конструктивный и прямой человек. При этом цену себе знает. Нечасто я встречал таких толковых людей. Много мне про него разного говорили и до моего с ним знакомства, и после, когда он уже ушел из Газпрома. Мой же опыт общения с ним только положительный. Я рассказал ему о нашем плане действий. Он уточнил некоторые детали, но в целом – одобрил. Мы довольно быстро утрясли все организационно-финансовые вопросы, и назавтра был выпущен приказ о моем назначении директором «Газпром-Медиа».

2. Гусинский отказывается от 300 миллионов долларов.

Буквально на следующий день после моего назначения, то есть 13 июня, Гусинского арестовывают. Я узнал об этом, находясь в кабинете Лесина, куда он пригласил меня, чтобы

познакомить с Анатолием Блиновым, юристом, которого мы хотели нанять (и таки наняли) для неизбежных судебных тяжб с «Медиа-Мостом».[26] И тут на ленте «Интерфакса» появляется сообщение об аресте Гусинского. Немая сцена. Я – полностью обескуражен. Не то чтобы мне Гусинского было сильно жалко. Он в свое время не только меня хотел посадить, но и многим другим людям устраивал неприятности с правоохранительными органами. Однако я, зная Гусинского, прекрасно понимал, что без него «Медиа-Мост» будет не в состоянии вести содержательные переговоры по урегулированию долга. Там просто не было людей, способных принимать решения в отсутствие босса. Да и вообще мне не нравится практика досудебных арестов по хозяйственным делам. Это же никакое не правосудие, а просто физическое давление на подследственного.

Мы перекинулись парой слов с Блиновым, договорились о встрече у меня в офисе, и я уехал. Обсуждать, собственно, было нечего. По физиономии Лесина я понял, что для него это было такой же неожиданностью, как и для меня. Позвонил Фридман и с сарказмом спросил:

– Тут бизнесмены подписывают письмо в поддержку Гуся, не хочешь подписать? Это будет оригинально, особенно в твоем новом качестве!

– А что, давай… Почему не подписать. Дело хорошее. Я действительно не хочу, чтобы он в тюрьме сидел.

Поехал к Фридману, в «Альфа-банк». Пока ехал, подумал: я с Лесина брал обязательство, что он особенно в это дело лезть не будет, а как теперь быть? Ведь с этих архаровцев, с правоохранителей, я такого обязательства взять не могу. Они будут действовать по своему сценарию, ни с кем его не согласовывая. Во влип! Задний ход давать глупо. Похоже, мне теперь без помощи Лесина и не обойтись. Может, хоть он как-то договорится с ними, чтобы они не особенно активничали?

После Фридмана вернулся к Лесину. Тот сказал, что с ним уже связывался Игорь Малашенко. Просил встречи. Еще – звонил прокурорским, те радостными голосоми сообщили про Гуся, что будет сидеть, касатик, до второго пришествия. И, мол, на эту тему дискуссия бессмысленна.

Назавтра появилось письмо бизнесменов. Реакции – ноль. Лесин без конца где-то пропадает. Что там происходит? Какая-то подковерная борьба «хорошего с лучшим». Плюнул на все и начал потихоньку решать организационные проблемы. Поменять банковские карточки, нанять сотрудников, организовать бухгалтерию. Дел по горло.

Через пару дней Гусинского выпускают под подписку о

невыезде.[27] Ну слава Богу! Наконец-то хоть что-нибудь сдвинется с мертвой точки.

Позвонил Боря Немцов:

– Я тут с Гусинским только что разговаривал. Хочешь с ним встретиться?

– Еще как! Жажду! А ему до меня есть дело, в первый-то день после тюрьмы? Может, ему хочется провести вечер с семьей?

– Думаю, что ты теперь надолго заменишь ему семью… По-любому – ты лучше, чем старший следователь Генеральной прокуратуры по особо важным делам.

– Как знать, как знать. Особенно я и особенно для него. Ладно, ладно. Шучу. Ну что ж, я готов. Когда, где, при каких обстоятельствах? Как я вас узнаю?

– Да у меня дома, на квартире. Часиков в десять вечера. Я – такой высокий и курчавый брюнет. А Гусинский – толстый и злой. Не перепутаешь. Короче, согласен?

– Согласен. Только ведь у тебя, как всегда, – жрать нечего.

– Зато выпивки навалом. Ну, давай, жду.

Встреча прошла на удивление мирно. Мы всего несколько раз послали друг друга на хер и пару раз сцепились. Боре пришлось нас разнимать. Но обошлось без мордобоя. В целом поговорили конструктивно. Гусинский предложил ровно то, что я хотел ему предложить. План был прост и изящен.

1. Сделать согласованную оценку «Медиа-Моста».

2. Установить график погашения задолженности в два этапа.

3. Под каждый этап – заложить равную размеру долга часть «Медиа– Моста».

4. В случае невыполнения графика погашения забирать в собственность «Газпрома» соответствующий просроченному долгу залог.

В принципе других вариантов не было. Так поступили бы любые должник и кредитор, которые хотят найти решение, а не заниматься организацией шоу под названием «удушение свободы слова».

Я сказал Гусинскому, что в целом мне план нравится и я согласен нанять инвестиционного консультанта за счет «Газпром-Медиа», поскольку у «Медиа-Моста» финансовые проблемы. И готов начать встречаться с его специалистами, чтобы взять всю первичную информацию для оценки.

«Медиа-Мост» назначил переговорщиком ныне покойного Андрея Цимайло. Он был хорошим специалистом, с которым я работал еще по «Связьинвесту». Это был спокойный, уставший человек. Видно было, что ему до чертиков надоели закидоны Гусинского, и он хотел только одного – покоя. Позже я узнал, что

у него была серьезная болезнь. Но работал он хорошо и много и был абсолютно лоялен и честен по отношению к «Медиа-Мосту» вообще и к Гусинскому в частности.

Ничего, кроме симпатии и душевной приязни, я к Андрею не испытывал. Это был по-настоящему образованный, умный человек. Знал несколько языков, имел настоящую, не купленную, как сейчас, докторскую степень. Он был умнее меня. Вот так иногда бывает: встречаешь визави, а он тебе нравится. Хочется с ним дружить, выпивать, вместе отдыхать. Ан нет. Нужно с ним собачиться, какие-нибудь подлянки в документы вставлять (авось не заметит), не показывать ему, что видишь его ошибку…

Я ведь как думал: вот отмучаюсь с этим делом, пойдем мы с Андреем – хоть в Москве, хоть в Лондоне – и выпьем, поболтаем, наладим отношения… Я как-то несерьезно относился к тому, что он в 2001 году с концами уехал в Лондон. Я ведь тоже в свое время сидел по Парижам да Нью-Йоркам. Я считал, что это вопрос времени. Тем более я был убежден и тогда и сейчас, что Андрей-то уж точно ни в каких аферах не замешан. Он был очень щепетилен в этих вопросах.

Я так думал, думал, все откладывая нашу встречу на потом, а он возьми да помри. И опять пришла к нам смерть с ее окончательностью. Ничего уже не исправишь. Как в детстве, когда контрольная работа. Сдал – и все. Остается одно – ждать оценки. Он свою работу, как всякий отличник, сдал досрочно и уже получил оценку. Я уверен – у него, как всегда, пятерка. А мы тут еще пыхтим. Уж больно сложное задание – жизнь. Избегу ли я двойки? Господи, вразуми!

Так или иначе, но мы наняли «Дойче банк» и «TPG Аврора» для консультирования сделки, «Медиа-Мост» начал выдавать информацию, и работа пошла. Проходит некоторое время, и мне Андрей говорит:

– А ты знаешь, что параллельно с нами по этому же вопросу Малашенко ведет переговоры с Лесиным?

– Да слышал краем уха что-то. Но там вроде только политические аспекты обсуждаются. Типа, как закрыть дело Гусинского, и прочая лабуда, в которую я даже и лезть не хочу.

– Малашенко говорит, что он сделал Лесину какое-то революционное предложение, которое и вопрос долгов закрывает.

– Да ты что! Получается, что мы с тобой тут для отвода глаз дурью маемся?

– Типа того… Встречаюсь с Лесиным:

– Миш, чё ты там темнишь с Малашенко? Какое такое революционное предложение он тебе сделал?

– Да чушь собачья. Обсуждали мы с ним гусевую уголовку. А

он возьми да и скажи, что они оценивают «Медиа-Мост» со всеми его активами в миллиард. Долгов «Газпрому» – на семьсот миллионов. Так вместо того чтобы «Газпром» с них выколачивал семьсот, пусть, наоборот, им заплатит триста и забирает всю эту музыку к чертовой матери.

– Пусть не свистит. Нет там никакого миллиарда. Даже самый предварительный анализ показал, что весь «Медиа-Мост» стоит не более чем пятьсот-семьсот миллионов. Но, помимо этого, там есть и другие долги, не «Газпрому». Например одной Москве они больше двухсот миллионов долларов должны.

– Слушай, не ломай голову. Тебе что, больше всех надо? Пятьсот, семьсот, миллиард… Не нашего ума дело. Тебя что – свои заставляют платить? Чьи деньги, тот пусть и решает. Я уже сообщил куда надо о наличии такого предложения. В том числе и в «Газпром». Если они готовы заплатить триста миллионов, то вопрос сразу закрывается: нет долгов – нет уголовки. Если не согласны – то ты будешь продолжать ту работу, которую начал.

– То есть фактически Гусинский предложил следующую сделку: я затихну, отдам вам все свои активы и буду жить частной жизнью, если вы мне дадите триста миллионов?

– Правильно тебя циником называют. Циник и есть. Хотя… Можно и так посмотреть на этот вопрос.

– Художника обидеть может каждый. Сами вы циники еще больше, чем я. А я вовсе не циник. Я чистый и доверчивый юноша. Хрупкий и целомудренный. Вторую неделю как мудак делаю ненужную работу.

– Ну хорошо. Не делай. Пока нет ответа на предложения Малашенко – не делай. Давай подождем. Если это предложение примут, то будем быстро осуществлять сделку по покупке «Медиа-Моста» за триста миллионов. Логично?

– Логично.

У меня возникло ощущение легкости. Вот как все просто. Гусинский сказал – дайте триста миллионов, – и я заткнусь. Ему ответили, что хотят подумать. Таким образом, пока Чапай думает, я пойду отдохну. Действительно, что мне, больше всех надо, что ли?

На следующий день звонит Лесин:

– Слушай! Сейчас ко мне придет Игорь Малашенко. Там вроде есть мнение, что нужно согласиться с их предложением… Так что ты давай ко мне подтягивайся.

– Где там? С каким – с их?

– Чего ты из себя дурака строишь? Где – там! Сказано тебе: там – значит, там! В «Газпроме», ха-ха-ха. В общем, о чем мы с тобой вчера говорили, помнишь?

– Помню, конечно.

– Ну вот. Нужно писать контракт на покупку всего «Медиа-Моста» за триста плюс долги. Давай бери своих юристов, финансистов, и садитесь пишите. Шеремет с Вяхиревым в курсе. Шеремет уже связался со Сбербанком, надо кредит брать. У них в «Газпроме» свободного кэша нет.

– Непонятно только, зачем было весь сыр-бор разводить с моим наймом. Обошлись бы спокойно без меня.

– Ну кто ж знал, что все будет так просто. Думали, будет война не на жизнь, а на смерть.

– А зачем я тебе на встрече с Малашенко?

– У него ко мне какой-то конфиденциальный разговор. Я хочу, чтобы ты присутствовал. Вдруг он меня захочет где-нибудь нае…ать, а я не замечу.

– Хорошо, еду…

Это была та самая встреча, на которой Малашенко озвучил дополнительные (помимо денег) требования Гусинского, воплотившиеся в так называемое Приложение № 6».

Потом и Малашенко, и Киселев утверждали, что все это приложение написано в Кремле. Они выступали с такими, например, пассажами: «…Господа Лесин и Кох лгут, утверждая, что печально известное Приложение № 6 составлено по инициативе Гусинского. Оно было написано в Кремле и, по замыслу авторов, должно было стать главным звеном сделки „свобода – в обмен на акции“

Но достаточно прочитать это приложение или вот хотя бы такой его кусок: «Стороны понимают, что успешная реализация Соглашения возможна, лишь когда граждане и юридические лица приобретают и осуществляют гражданские права своей волей и в своем интересе без понуждения со стороны кого-либо к совершению каких-либо действий, что требует в настоящее время выполнения определенных взаимоувязанных условий, а именно: прекращения уголовного преследования гр. Гусинского Владимира Александровича по уголовному делу, возбужденному в отношении его 13 июня 2000 года, перевода его в статус свидетеля по данному делу, отмены избранной меры пресечения в виде подписки о невыезде; предоставления гр. Гусинскому Владимиру Александровичу, другим акционерам (владельцам паев) и руководителям Организаций гарантий безопасности, защиты прав и свобод, включая обеспечение права свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства, свободно выезжать за пределы Российской Федерации и беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию…», – чтобы понять, что этот текст – плод творчества самого Гусинского

и его приближенных, поскольку Кремлю (который я отнюдь не защищаю) совершенно нет дела до гарантий безопасности Гусинского, и что если бы не инициатива Гусинского, то вопрос о закрытии уголовного дела даже не стоял бы на повестке дня.

Вообще обвинять оппонентов во лжи, при этом самим врать, – это была визитная карточка «Медиа-Моста» в то время.

Лесин поначалу и не собирался подписывать этот бред. Предполагалось, что его подписывать буду я. Я еще раз прочитал приложение (текст самой сделки мы сделали довольно быстро, и он споров не вызывал) и подумал: никаких юридических последствий это приложение не влечет, выглядит оно, конечно, по-идиотски, но если им так хочется, а мне не трудно, то почему бы не подписать, раз от этого зависит быстрое разрешение всех проблем…

Я махнул рукой и подписал бумагу. И тут Малашенко заявил, что у них есть одно ключевое требование – чтобы этот текст завизировал Лесин. Я был категорически против. Мне сразу стало вдруг ясно, что никакой сделки не будет. Что все это делается только для того, чтобы устроить шоу под названием «Кремль выкручивает руки Гусинскому и под угрозой тюрьмы заставляет продать свои медиаактивы».

Но Лесин был так увлечен перспективой скорого решения проблемы, что не стал меня слушать и завизировал это злосчастное приложение. Я отодвинул все свои сомнения и поехал в «Медиа-Мост» подписывать договор и приложения у Гусинского. Гусинский подписал его достаточно быстро. Не обошлось, правда, без хватания за грудки, дежурных обещаний расправиться со мной и так далее. Но все уже так привыкли к его приблатненным манерам, что на такие пустяки не обращали внимания. Сразу после подписания документов Гусинский сел в самолет и улетел в Лондон.

Потом закрутилась работа. «Газпром» взял триста миллионов долларов в кредит у Сбербанка. Мы открыли эскроу-счет (типа аккредитива) в «Дойче банке» в Лондоне. Написали условия раскрытия счета, перевели туда деньги. И стали ждать, когда Гусинский начнет выполнять договор и передавать нам акции.

Вдруг приходит Цимайло и говорит, что со мной хотел бы встретиться Малашенко и для этого я должен полететь в Лондон, поскольку Малашенко боится, что в России его посадят. Я чертыхнулся, но делать нечего, нужно было лететь. В Лондоне Малашенко долго мне рассказывал, что у них возникли некоторые сложности с их партнерами в Израиле. Я никак не мог понять, что он имеет в виду, пока Игорь не сообщил мне, что триста миллионов – это мало, и нужно добавить еще двести,

иначе сделки не будет. Я, естественно, сказал, что об этом не может быть и речи. На том и расстались.

После случилось то, что и должно было случиться. Гусинский заявил, что его принудили подписать договор, что выполнять его он не собирается, что договор юридически ничтожный и что доказательством тому служит Приложение № 6. Короче, устроил давно ожидавшийся дурдом.

Теперь, находясь в 2005 году, все уже прекрасно понимают, что у Гусинского не было ни единого шанса сохранить свою медиаимперию, особенно с такими фатальными, превышающими все разумные пределы долгами. Я же уже тогда понимал, что своим отказом от 300 миллионов Гусинский совершает, может быть, самый глупый поступок в своей жизни. Но, как говорится, «если Господь хочет наказать человека, то он отнимает у него разум».

Вот они лежали – на блюдечке с голубой каемочкой. Бери – не хочу. Опять повторяется самая часто встречающаяся ошибка: неправильное представление об альтернативах. Гусинский считал, что альтернативой тремстам миллионам является хай, который он поднимет на весь мир. Запад грудью станет на защиту свободы слова в России, Кремль испугается и отступит.

Реальная же альтернатива состояла в том, что никакой Запад ни за кого не вступится, а если не хочешь продать за деньги, притом огромные деньги, деньги, которых реально «Медиа-Мост» не стоит, то заберут по суду, за долги. Тем более что долги и придумывать не нужно, они на самом деле существуют.

Сделка была сорвана. Мы по инерции подали в суд иск о понуждении к выполнению обязательств – Гусинский контракт-то подписал! Но особого энтузиазма у нас не было. Все акции были на оффшорах, а решение российского суда для них юридически ничтожно. Нужна была добрая воля Гусинского. Я плюнул и подал иск в суд на взыскание просроченного долга. Перспектива банкротства «Медиа-Моста» стала неотвратимой. Фактически Гусинский своим демаршем не оставил «Газпрому» никакого другого шанса урегулировать проблему долгов.

Прошел месяц. Вдруг мне позвонил Андрей Цимайло и сказал:

– Вот смотри. Мы с тобой начали делать работу, которую и ты и я считали правильным способом решить все наши проблемы. Потом влезли эти красавцы – Малашенко с Лесиным, со своими дурацкими контрактами и еще более дурацкими приложениями номер шесть. Вся эта ахинея навернулась медным тазом. Может, мы вернемся к той работе и продолжим ее? Я разговаривал с Вовой (*имелся в виду Гусинский.* – А.К.), он в принципе согласен.

Другого-то выхода нет…

– Ну давай. Я не возражаю. Давай сделаем вид, что ничего не было.

Я полетел в Лондон встречаться с Гусинским. Гусинский встретил меня радушно, как ни в чем не бывало. Мы с ним отобедали в индийском ресторане. Он оказался поклонником именно этой кухни. Ел он много и с удовольствием. За раз съел целого цыпленка и выпил литр пива. Он мне сразу заявил:

– Слушай! Давай забудем все, что между нами было, и попробуем построить отношения заново.

Я чуть не обалдел. Это ж надо, а! Как будто не было оскорблений в прессе, не было реальной работы по моей посадке в тюрьму. Не было разгрома нашего правительства. Не было дефолта. Не было седых волос моей матери. Обысков по десять часов подряд в присутствии детей. Не было хватаний за грудки, угроз. Вот уж действительно: ссы в глаза – божья роса. Я в эту минуту понял, что Гусинский абсолютно безнадежен в своей любви и снисходительности к себе. Я хмыкнул и сказал:

– Что ж. Давай попробуем. Только ты уж в этот раз меня не обмани. Иначе прятаться в Лондоне нужно будет не только тебе, но уже и мне. Слишком многих мне нужно будет убедить отказаться от силового решения в пользу мирного. И слишком высока будет цена провала переговоров для меня лично.

– Нет, старик, на этот раз я тебя не кину.

На том и порешили. Мы вернули деньги из «Дойче банка» в «Газпром». И продолжили прерванную работу. К середине декабря новый контракт был готов и подписан. Киселев его хвалил по телевизору как сделку, которая демонстрирует собой взвешенный и мудрый подход с обеих сторон. Осталось только выполнить этот договор. Но это уже совсем другая история, которая случилась в 2001 году.

– Задача была, насколько я понимаю, такая: масс-медиа у человека отнять, а самого при этом не трогать.

– Да. Да.

– Государство занималось своим вопросом…

– Я не знаю, чем занималось государство! Государство все время дурковало… Причем меня не предупреждали, что оно будет дурковать! Гуся, например, посадили… Ну зачем?

– Скажи, пожалуйста, Алик! Сегодня ты не жалеешь о том, что ходатайствовал за скорейшее освобождение Гуся?

– Нет. Вообще я считаю, что людям нечего делать в тюрьме. Даже убийцам.

– А куда их девать? Это тебе вопрос на засыпку.

– Убийц надо убивать.

– Ну допустим. А остальных? Воров там разных?

– Штрафовать и выпускать.

– Смелое решение. Хотя – подходы разные бывают. Раньше, помнишь, ловили конокрада и засовывали ему в жопу осиновый кол.

– И жгли его. Но сначала – кол в жопу. Помнишь, был такой документ: «О сожжении конокрадов Тульской губернии»?

– Документ? Если говорить о нестандартных подходах, об альтернативах, – все же лучше на киче париться конокрадам, чем с колом в жопе поджариваться на костерке. (Кол – он, может, как раз для растопки вставлялся.)

– Нет-нет. С колом в жопе лучше, конечно. Я утверждаю, что лучше с колом в жопе умереть! Тогда будешь знать, что коней воровать плохо – могут и кол в жопу засунуть. Есть, кстати, преступления, за которые русский народ не так строго судит.

– Например?

– Мошенничество. Или, например, уклонение от налогов – русский народ за это вообще не судит. А государство почему-то очень сильно судит. Странно…

– Что же нам делать? Ты что предлагаешь?

– Отдать все народу на усмотрение. Если ты коня украл – вот тебе кол в жопу. Если малолетнюю изнасиловал – мы тебя, сука, между березами порвем. А если ты от налогов уклонился…

– …то проставься ребятам.

– Да, проставься ребятам – и дело с концом. А то у нас кто малолетнюю изнасиловал – те с условным сроком. Зато кто налогов недоплатил – те в тюрьме…

– Да-да, действительно… Но я вот тебя слушаю сейчас, а думаю о другом. Меня снедает грусть-тоска при мысли о том, что мой референдум фактически проведен…

– Да.

– А я не привлекался и не участвовал. Вообще все-таки интересно узнать – какая же она, воля большинства.

– Эта воля мне известна. С большинством все ясно. Но вот Каха Бендукидзе утверждает, что нужно специальное исследование относительно мнения меньшинства.

– А, он хочет открытой дискуссии!

– Да.

– Я тебе говорю ровно о том же – и я хочу открытую дискуссию. Но, поскольку мы уже решили вопрос на сегодняшний момент со свободой слова, то мы знаем, как эта дискуссия будет выглядеть. Приблизительно как сейчас вон пенсионеры друг друга перебивают, орут – долой все льготы,

дайте нам бабками, потому что так лучше всем. То есть спасибо партии за ее новую заботу.

– Да.

– Вот приблизительно мы уже видели уровень дискуссии, так что скажи Кахе, что можно на этом сэкономить.

– Давеча мы с тобой ехали в автомобиле в ресторан Il mulino, так как раз по радио выступала известная гимнастка Лариса Латынина. Она говорила, что, конечно же, в деревнях людям будет лучше от реформы льгот. Как будто она в деревнях жила когда-то! Ну, с другой стороны, она права – на хера в деревнях людям льготы на общественный транспорт? Объясните мне, дураку!

– Увы, нам не показывают того, кто бы говорил: «Не трогайте мои льготы, на хер мне ваши бабки. Скоро будет инфляция, и они просто спалятся, как это обычно бывает в таких случаях. Не зря ж объявили про выпуск пятитысячной банкноты». Хотя проскакивает еще крамола. По ТВ мелькнул плакат в руках пенсионера: «Меняю льготы на доходы Зурабова». Хорошо, да?

– Ну, это он замахнулся… Это нечестно! Это же просто ниже пояса. Мы же писали в прошлом томе, что чиновники себе увеличили зарплату в разы, а учителям – хрен.

– По-хорошему, Зурабову вообще не надо платить. Обеспеченный человек. Он же чисто из любви к государству трудится…

– Для развлечения.

– Ну, как некоторые любят водить машину. Хотя и есть бабки, чтоб нанять шофера!

– Да. Им нравится управлять государством, у них хорошо получается. Зачем же им за это платить зарплату? Я считаю, это глупо. Они сами найдут себе, где заработать. Раз они любят управлять государством.

– Скажи, а что еще было у нас в 2000 году? Чем ты занимался?

– Я? Я расплатился с долгами.

– А на хера ты в них влез?

– Ну как же! 98-й год меня заставил в них влезть.

– А, ну да, ты же потерял тогда двадцатку.

– Да. А потом расплатился с долгами. Еще я в 2000-м наслаждался свободой – у меня же дело было прекращено. Я слегонца начал уже поё…ывать Гуся. Ну, то есть я считал, что у меня жизнь удалась в 2000 году. У меня все плохое закончилось. Это был хороший год… А встретил я его, кстати, в Колорадо.

– Подожди, это Миллениум ты встречал?

– Да. Мы были в смокингах, нам выдали цилиндры, мы в них ходили. Было весело, мы катались на лыжах. У меня был такой номер, в котором даже сауна имелась. Это было очень круто.

– А у меня вот записано, как мы отмечали 23 Февраля в 2000-м. С тобой, кстати.

– А, в этом ресторане, что в Коммунистическом тупике!

– Это в другом году. А в тот раз – в ресторане «Суворов». Ну, ты понимаешь – русское оружие, то-се. Были еще у нас Жечков, Авен, Матецкий, Гринберг, Лукьянов, Гафин.

– Мне не понравилось, как мы тогда отметили.

– Как-то да, вяловато. Поговорили об умном и, не нажравшись, разбежались кто куда.

– А Коммунистический тупик, точно, был в другой раз. Мы в этом тупике с тобой и познакомились.

– Да нет же. В Лужках это произошло. Ты сидел пьяный, уронив голову на стол. А я туда приехал и говорю: «Здравствуйте, коллега!» Ты ответил: «А, вы тоже писатель?» Тонкая была шутка. В разгар дела писателей. А приехали мы в Лужки с Вовой Жечковым и потом двинули к нему на дачу. Причем меня там у него развлекло то, что в доме, таком богатом, просто шаром покати, никакой провизии абсолютно – кроме водки и черной икры.

– Ужас.

– Ни хлеба, ни сала, ни пива… Ни хера. Голяк. Икра и водка.

– Из этого и состоял ваш завтрак?

– Не, я как-то избежал водки в тот момент.

– Ну, ты сильный человек. Держишь себя в руках. Я бы на твоем месте и водки махнул. Она была холодная?

– Ну. Икра и водка – все из холодильника. Кстати, 2000-й – круглая дата. Конец света нам тогда не обещали? Как это бывает в подобных случаях.

– Обещали. До хера чего обе щали.

– Но разве ж от них дождешься чего-нибудь? Дурят народ только. Ни коммунизма, ни конца света…

– С этим уже закончили. Эта мулька уже не проходила к тому моменту, коммунизм уже был неинтересен.

– Еще в 2000-м у меня было такое мероприятие регулярное, как ходить в баню в одну такую закрытую. С Пелевиным. Он тогда был очень актуален. Еще я в Чили ездил в 2000 году. Я много тебе рассказывал.

– Ну про Чили я даже свой комментарий написал.[28]

– Хоть я там мало был, понял – это очень увлекательная страна.

– Хорошая, хорошая. Мне нравится. Она вот то, что называется зловещий урок.

– Чили – это такая тема… Тема колбасы. Если Россию представить себе в виде батона телячьей колбасы и ее порезать на… не знаю, как это по-русски, в русском многих нужных слов попросту нет (нам приходится обходиться без слов «дискретность», «фрустрация», «слайс» вот тот же или, допустим, элементарный cantab) – на слайсы, то Чили – это такой тонкий slice, от севера до юга. Там и тундра, и ледяные пустыни, и тропики, и как у нас тоже есть. И туда тоже, как в Россию, немцы ехали на службу.

– Ехали медведи на велосипеде, а за ними кот задом наперед. У меня сейчас сын очень любит этот мультик. Называется «Стихи Чуковского». Ему все время включают, и он смотрит. А за ним комарики на воздушном шарике. Едут и смеются, пряники грызут.

– А еще я в 2000-м выступил в роли фотомодели.

– Лиха беда начало.

– С Хайди Холлинджер я провел съемку.

– Она вроде в Канаду уехала? Как она, кстати, поживает? Все такая же?

– Нет. Уже очень умеренная. Так, значит, тогда она снимала альбом «Русские». И я у нее снялся по алфавиту на букву Р – репортер. И она издала этот альбом. Для потомков. А потом я придумал и другой сюжет. Помнишь, была реклама – «Надо чаще встречаться», и там люди пьют пиво? А Хай-ди была беременная как раз. Она с пузом, ну и я, значит, с пузом. Я привез в студию пива и такую кружку советскую пивную, налил… И мы стоим топлесс, уткнув живот в живот, и кружка пива в одном варианте в моей руке, в другой – в ее. И соответственно подпись: «Надо чаще встречаться». Тонкий, как ты понимаешь, юмор. И вот в тот момент, поскольку мы оба в кадре, надо, чтоб кто-то нажал кнопку. И тут как раз идет Костя Боровой. Я его прошу помочь, он жмет копку, как прохожий японский турист, и уходит. Каково же было мое удивление, когда, открывжурнал «Лица», я увидел эту карточку с подписью: фото Константина Борового. Ничего, да?

– Да, это хорошая история. Мне очень нравится.

– Еще я съездил в Испанию и был там на празднике рогоносцев. Как репортер, заметь. Посвящены торжества были как бы годовщине отмены права первой ночи.

– Ух ты, ебтить!

– Там это дело широко празднуют, особенно в деревнях. В Каталонии, во всяком случае. Значит, посреди деревни

вкапывают в землю высоченный столб, и к нему прибиваются рога. Для красоты. А мужики там в костюмчиках народных, и на головах у некоторых рога же. Все там пляшут, бухают с утра, наливают прохожим, какие-то шашлыки жарят… Народное гулянье, все по-деревенски, запросто – люди из горла пьют, из таких особых чайничков стеклянных. И пляшут сардану. Очень сложный танец, там такой алгоритм движений, что чужому не понять. Потом они еще становятся в пирамиды, друг другу на плечи, в шесть этажей. Сейчас считается, что это просто непонятно откуда взявшаяся народная традиция, психотерапия и прочее, а на самом деле происхождение этой забавы знаешь какое? Крепость брали когда, так прислонялись к стене и лезли друг на друга. Шесть человек – это высота стандартной крепостной стены. Смысл праздника – стало быть, торжества в память отмены права первой брачной ночи. Не раз мы обращались к объяснению причин того, почему Россия такая вольная, а Европа такая законопослушная. Так как раз потому, что там тысячу лет сеньор имел всех невест, какие только были в его поместьях. И никуда не денешься: земля ведь вся поделена, куплена, кругом на ней крепости, дороги, полиция. Так что жениху приходилось терпеть и молчать в тряпочку. Мне именно там, в Каталонии, явилась эта великая мысль. А в России хорошо было, привольно – зарезал барина, заодно и невесту, и рванул на Дон. Поди плохо! Кроме всего прочего, там и рыбалка ломовая. Я в этой связи задумался: а почему бы нам тоже не устраивать какие-то праздники из этого ряда? Алик, как ты думаешь? У нас же тоже было право первой ночи. Барину как же не драть крепостных девок. В хвост, как говорится, и в гриву. Даже Александр Сергеич Пушкин в этом замечен. Даже некоторые имена известны. Некая была крепостная девица Феврония, с которой Пушкин развлекался. И она как-то его даже вдохновляла. Жаль, что тогда не было видео, может, нам, благодарным потомкам, достался бы компромат на поэта – что на твоего Скуратова… А **вот еще в 2000-м был юбилей Пьехи**.

– Я думаю, ей теперь 70, да?

– Ну, не девочка. Хотел бы ты быть бабой 70 лет?

– Нет. А ты?

– Нет.

– Почему? Что тебя смущает? Слово «баба» или слово «70 лет»?

– Да все вместе. И бабой…

– А хотел бы ты быть бабой в 20 лет?

– Нет. Мне кажется, что баба – при всем при том, что я такой либерал – ой, извини, я при тебе обещался не называть себя либералом, – мне кажется, что бабам все-таки тяжелей живется, безусловно.

– За это мы их и любим. То есть тебе бы не хотелось, чтобы в тебя кто-нибудь влюбился? Он бы тебя домогался, он бы за тобой ухаживал. Разве ты не хочешь испытать эти чувства? Тебе же никогда в жизни не придется испытать эти чувства.

– Ну почему? Пидарасы за мной ухаживали в молодости. Ничего интересного, я тебе скажу. Я понял тогда, когда за мной пидарасы ухаживали, что, когда за тобой ухаживают…

– (*Печально.*) А за мной никто не ухаживал…

– Так вот я понял, что, когда тебе с человеком не хочется е…аться, а он пристает с ухаживаниями, то это просто тошно. И ты думаешь одну думу: когда же вы отъе…етесь?

– Да?

– Я тебе говорю.

– Наверное, да…

– Вот ты сейчас если окинешь взглядом жизнь вокруг – то поймешь, что чаще всего мужские ухаживания бабам и не нужны.

– Да…

– Забавно, вот я нашел в старом блокноте удивительную запись, датированную 29 апреля 2000 года. За весь день одна запись: «Напился».

– Ха-ха!

– Что было? В какой связи? Не помню. Но видимо, серьезно. Потому что оставил в анналах.

– В анале оставил?

– В анналах.

– А какая разница?

– Анал – это прилагательное. Anal sex. Существительное же будет «анус». Ферштейн? А аннал с двумя «эн» – это уже другая история. Это существительное. Тут не спутаешь. Значит, 1 Мая отмечал на даче у Долецкой. В Ватутинках.

– Кто такая Долецкая, расскажи мне. Я никак не могу понять, почему вы ее все взахлеб любите.

– Почему мы любим Долецкую? Во-первых, с ней можно сесть, выпить. Так, знаешь, душевно. Потом, она вообще так соображает. С ней так разговариваешь нормально. Чаще бывает, с бабами разговариваешь и думаешь: «Этого ей не скажи, того не скажи, не поймет, обидится – так, хиханьки-хаханьки, и ничего более». Обычно же как? Сидят люди, разговаривают разговоры, обстановка теплая, неформальная.

А приехали бабы – все, разговор окончен, настроение сразу другое; почти всегда же так.

– Да.

– А приехала Долецкая – так разговор нормально продолжается, все в том же духе. Вот это интересно.

– Ну это же чистая мимикрия. Это образ своего парня.

– Да и ладно, пусть бы и мимикрия. Зато по крайней мере чувствуешь себя естественно.

– А я хочу, чтобы, когда бабы приезжали, мужчины замолкали.

– Ну мы же не должны всех женщин… э-э-э… использовать по назначению, правильно?

– Но мы хотя бы должны не сквернословить перед ними. Ну хотя бы стремиться.

– Думаешь? Ну-ну… Еще вот открыли памятник Ерофееву в 2000 году.

– Веньке?

– Да. На площади Борьбы. Все-таки приятно. И кстати, Веня Ерофеев – он был католиком.

– Как Чаадаев?

– И как артист Владимир Машков. С Веней мне не очень это понятно – отчего он католик. Вообще же я его искренне считаю глубочайшим писателем, серьезнейшим автором.

– Что же он тебе открыл нового в твоей глупой и нелепой жизни?

– Ну, книжка его читается без отрыва, она весьма пронзительная. Я ее читал еще при советской власти, «Москва – Петушки». А недавно вот прочитал издание с комментариями, которые по объему раз в 10 превосходят основной текст.

– В нашей книжке тоже до хера комментариев.

– Я думал, на тебя, на твое творческое развитие в этом смысле повлиял Ерофеев, что ты по его следам так увлекся комментариями. А он ни хера на тебя не повлиял, как выясняется.

– Нет. Я самодостаточен.

– Комментарии к Вене написал некий русский, который живет, кажется, в Японии, – видимо, у него там избыток досуга, и вот он написал такую забавную вещь. Там объясняется, что куча шуточек из книжки построена на либретто опер. Потому что Веня был страшным ценителем оперного искусства. Потом там объясняются все политические, все литературные аллюзии – я был этим глубоко тронут. Факт построения памятника Ерофееву мне

кажется позитивным каким-то явлением.

– А мы с тобой какие писатели – андеграунд или не андеграунд?

– (*Вздох.*) **Я думаю, сука, неформатные в основном, как верно заметил по нашему с тобой поводу господин Парфенов.**

– …отлученный от телевизора.

– Да… Исповедальная проза – помнишь, ляпнул кто-то? И это – про «Ящик водки»!

– Да. Исповедальная. Ха-ха!

– Сейчас же застой в литературе, а тут мы… Так вот, читал я про Веню книжку одной дамы, которая считалась его официальной любовницей, при наличии жены. Жена это все терпела, поскольку Вене объявили, что у него рак гортани…

– Я помню с ним интервью, когда он какой-то прибор прислонял к горлу и говорил.

– …и жена так рассудила: раз человеку все равно на днях помирать, месяцы его сочтены – так чего уже херами мериться с любовницей, пусть она приезжает иногда к умирающему… И она допустила эту любовницу, которая пописывала чего-то и сделала маленькую книжечку про последние дни Ерофеева – бесценный документ. И я читал вот эти все жуткие сцены тем не менее между бабами, разборки. Одна говорит: это благодаря мне он стал великим. Другая спорит, тянет лавры на себя… А сам он ругался матом, то одну гнал, то другую.

– А он стал великим?

– Веня? Я понял, тебе он не очень как-то нравится, а мне – так дико симпатичен.

– Нет, ну вот эта формулировка – симпатичен – она изначально предполагает отсутствие величия. Симпатичен ровно потому, что он ровен нам.

– Симпатичен – это для меня круче, чем великий.

– Да? То есть, условно говоря, Чехов тебе более симпатичен, чем великий?

– Да. Если ты мне симпатичен – значит, это для меня круто. А если я о тебе не думаю, то ты мне по херу.

– Если говорить о русском языке, то я понимаю, что никогда не смогу писать, как Чехов.

– Какие твои годы!

– Мне столько лет, во сколько Чехов уже умер. Поэтому это исключено.

– Но Лев Толстой в твои годы был еще мальчиком.

– А Лев Толстой с точки зрения инструментария был довольно слабый. Пушкин был сильный, но он тоже уже умер.

Лермонтов был сильный, но он тоже уже умер. Я остался один.

– Ты забыл, что я, б…, еще жив.

– Ты не дорожишь русским языком. Я смотрю на твою пунктуацию, на твои слова – нет, ты не дорожишь языком.

– Да? Невнимательно ты читаешь меня, – ответил классик классику.

– А Бунин, да, еще жив был. Сколько лет ему было, когда он умер?

– 72, что ли.

– Вот. Писал по-русски. Горький. Горький, кстати, неплохо руководил русским языком.

– Горький смазался как-то весь от своего большевизма – он, как Ходорковский, вернулся с Запада за каким-то хреном.

– Ха-ха! Это ты сейчас выдумал?

– Конечно.

– Ему приставили девушку-кагэ-бэшницу.

– Обоим, Горькому и Ходорковскому, сказали: мы ваши активы поставим на службу рабочим и крестьянам. Только Ходорковского всерьез законопатили…

– А Горького хотя и отправили на Беломоро-Балтийский канал, но в ознакомительную поездку.

– Я читал, что он кого-то освобождал там.

– Да ладно!

– На канале.

– Все это детский лепет. Чистым мудаком был. Старый идиот: из Соррен-то приехал в Москву!

– А ты бы в 37-м не поехал из Сорренто в Москву?

– Нет.

– А я вот в Сорренто не был, поэтому мне трудно говорить о том, какое бы я принял решение.

– Да, действительно. Мы говорим в разных весовых категориях.

– А в Москве, в отличие от Сорренто, я бывал. Вчера буквально там был. Да… И Веня в Сорренто не был. При том что он уже был велик на тот момент конца советской власти. Его книги издавались по всему миру, уже реально какие-то бабки ему присылали. Он выступал в ЦДЛ. Естественно, его куда-то звали на Запад. Не только выступать, но и сделать операцию на горле, чтоб он еще пожил. Так представляешь, ему наши не дали визу выездную!

– Да? Вот прелесть.

– Сказали: вы, Веня, подохнете здесь. На Запад мы не пустим вас делать операцию! Представляешь? И он жил и умирал ровно с тем вот, что чекисты не пустили его на

продление жизни на Запад.

– А с другой стороны, сейчас бы исписался весь…

– Он вообще писал мало.

– Он был бы вторичен. Его бы везде возили как живого классика. Он был бы пустой, как бубен шамана.

– А кого возят из живых классиков?

– Войновича, например.

– А Битова что-то не возят.

– Евтушенко зато возят. И Плисецкую. Куда-нибудь в Экибастуз, с творческими вечерами. И местная интеллигенция на них там ходит вся.

– Так скоро и мы начнем в Экибастуз торить тропинку.

– Ха-ха! Так бы и Веничка ездил. Абсолютно правильно кагэбэшники поступили.

– Ну, они всегда поступают почему-то правильно.

– Вот, они сделали из него мученика. Сейчас уже роль литературы упала. Ну писатель – кого это е…ёт? В общем, никого.

– Да. Это наше частное дело. Еще в 2000 году я начал участвовать в открытии и закрытии навигации на реках региона. Объясню: есть такой человек, Канторович Вова, который, когда учился, делал вид, что он родственник академика Канторовича, и ему за это ставили пятерки.

– Я, между прочим, был знаком с академиком Канторовичем.

– Да ты что!

– Да. Мой научный руководитель, царствие ему небесное – открывай еще бутылочку, – был партнером у академика Канторовича, и они довольно тепло дружили. И я какую-то даже бумажку передавал ему из Питера в Москву. Я видел его живьем.

– Ну, старик, у каждого в жизни свой Канторович. Мой Канторович – совладелец турфирмы «КМП», у него серьезные дела, какие-то офисы в Париже.

– Ты рассказывал.

– И вот я стал плавать, открывать и закрывать сезоны. Там так: в пятницу вечером выплывает пароход куда-нибудь в Ярославль, а возвращается в воскресенье вечером. Все это с заездом в Углич или в Мышкин. И вот там люди более-менее знакомы друг с другом, веселые, они там берут стриптизерш, фокусников, кто-то поет, играет, кто-то шашлыки жарит на берегу. Это настолько чудное мероприятие, что, когда мне случается пропустить его, я переживаю: эх, сейчас бы с ребятами плыл на пароходе, а меня нелегкая журналистская судьба снова забросила в Париж. Я вот скучаю, а они там напиваются, шалят…

– Шалить – это такой казацкий термин.

– Возможно. Я помню такое переживание на этом пароходе – если говорить о стране, о ее устройстве, обжитости, перспективах. Поехал с нами один художник знакомый. Он думал: сниму-ка я ту самую колокольню у Калязина – ну, которая торчит из воды, с тех пор как там все затопили, на Волге, с этими ГЭС. Очень тонкий сюжет. И вот прямо по курсу показалась эта колокольня… Он побежал за фотоаппаратом в каюту. По пути упал. Ему стало плохо. Начали искать медиков, нашли Бильжо, а он психиатр. Откачивает больного как может. Но тем не менее надо «скорую», у человека чего-то серьезное с сердцем. Ну, думаем, сейчас позвоним по мобиле, вызовем «скорую», она приедет на берег, мы причалим, сгрузим художника, и его отвезут в реанимацию. Всего-то делов. Но ша! Мобила не берет. При том, что это самая что ни на есть центральная часть России, в районе Ярославля. Лучшие в стране места, на берегах раскрученной и пропиаренной по самое некуда Волги. Ладно, по рации связались, вон даже с просторов Мирового океана дозваниваются же в штаб флота. А что толку? Ни причалов, ни даже дорог, «скорая» не подъедет. Как, а вон домики по берегам… А, так это люди по зимнику заехали, а в распутицу связи с внешним миром нет. О как. А это, повторяю, чудные, лучшие места. Короче, пока суд да дело, пока мы добрались до ближайшего шлюза, прошло часов шесть и «скорая» забрала, конечно, уже хладный труп. А он с семьей был, их и отправили всех. И значит, отдыхающие приняли решение – объявитьтраур: человек умер, какие ж могут быть пляски с блядями? Все отменяем. Был такой порыв патриотический. Но ближе к ночи этот благородный порыв ослаб, люди к тому же выпили, настроение изменилось – и, естественно, пляски с блядьми таки состоялись.

– Ха-ха!

– Как ты понимаешь…

– По закону жанра.

– По закону жанра. Хотя это можно выдать за тризну, и тогда выходит политкорректно. Если вдуматься, языческая тризна ничем не хуже комсомольской свадьбы, скажу я тебе… И вот тогда меня пронзила мысль, что самые лучшие места России, даже самые лучшие – не заселены народом. По этим берегам должны стоять хорошие дома, там должны люди жить, должна быть проложена скоростная железная дорога на Москву. Поработал – сел на электричку, и ты через час на Волге, на канале отдыхаешь. Но нет! Ты понимаешь,

насколько это ужасно – в лучших местах России и то не ступала нога человека. Ни хера там нет. Пустая страна, пустая!

– Так трагично звучит. Да полный п…дец.

– Да, пустая… Вот эта смерть, этот Калязин затопленный…

– Вот это изображение державы перед пустотой! Как наши кагэбэшники кочевряжатся постоянно, изображая империю при отсутствии подданных! Поданные, которые есть, – они в каких-то норах, в каких-то подвалах… Это совершенно другая идеология. Какая, на хер, демократия! Когда людей нету! Страна не за-се-ле-на.

– У тебя тоже дочка хочет менять квартиру на меньшую.

– Да. Старшая.

– То есть она догадалась, что незаселенные пространства – это невыгодно, и неудобно, и неправильно.

– Да… Понимаешь, это странно, очень странно.

– Пример того, как люди выкручиваются, – это город Мышкин. Туда заходит иногда пароход, который открывает и закрывает сезон. Мышкин – это такой глухой поселок, он благодаря пароходу, который пару раз в год заходит, стал немножко подниматься. Люди начали какие-то промыслы развивать, мышей делать бутафорских. И еще устроили они музей водки. А на рынке в Мышкине вобла дороже, чем у вас в Жуковке. Сдурели ребята. У них там связка воблы – по деньгам как зарплата месячная. Это несправедливо. А иногда пароход заходит в Углич.

– А я в тех местах только в Костроме был.

– Нет, в ней я не был.

– О, ебтить! Там же этот самый Ипатьевский монастырь, где хранили династию Романовых, куда Иван Сусанин не довел поляков.

– Сборную Польши.

– Да, сборную Польши. Я там был как экскурсант. У меня там у товарища родители жили, так мы у них ночевали. Ходили в Ипатьевский монастырь и смотрели ровно эту обитель, где жил Миша Романов.

– Так вот однажды, когда пароход встал в Угличе, пошли мы в город с Васей, в смысле с Андреем Васильевым. То есть я пошел искать пиво – и он пошел, и мы встретились. И значит, идем. А там в центре города стоит этот храм, как он называется – забыл, ну, где царевич Димитрий и все дела скорбные… Я Васю так толкаю локтем в бок и говорю: видишь, храм стоит? Так наэтом самом месте Березовский

зарезал царевича Димитрия. Я не помню, что Вася ответил, но по сути тут крыть нечем. Представляешь такую картину маслом в Третьяковке? «Березовский убивает царевича Димитрия».

– А при чем здесь Березовский и царевич Дмитрий?

– Ну, Березовский как образ такого абсолютного зла. Вот гонит, что чекисты взорвали дома…

– И он виноват? Если чекисты взорвали дома, то не Березовский виноват. Х…ли ты до Бори дое…ался? Живет себе человек и живет, исполняет свою роль…

– Послушай, я могу кому-то симпатизировать, а кому-то нет?

– А ты ему не симпатизируешь?

– Я ему? Таки нет. Даром что он такой гонимый. Мне сильно не нравится, что он командовал моей страной, при том что я ему таких распоряжений не давал. И вообще никто ему этого не поручал. Несмотря на то что тогда у нас еще имели место такие демократические процедуры, как, например, выборы. Я, типа, сижу себе и жду, кто будет мной руководить – Зюганов или Елкин. И вдруг вылезает такой лысый дядя с недовольной физией… Я думал, он вылез, чтобы рассказать про концерн AVVA и вернуть обманутым пролетариям бабки, – так нет. Он начал объяснять, что он наш папа. Здрасте.

– Зато человек реализовал себя на все 100 %.

– Ну так и что? Это разве всегда хорошо? Волочкова, Доренко и Хинштейн реализуют себя на 100 или даже 200, и разве это так уж хорошо?

– Это нам кажется перебором, заметим.

– Я, может, боюсь себя реализовать на 100. Потому что там такое может всплыть, что не приведи Господь. Пусть лучше это будет меньший процент.

– Тебе не нравится, когда люди реализуют себя на 100?

– Нет, я говорю про себя сейчас. О том, что, может быть, состаиваясь, не следует выбрасывать во внешний мир все, что у тебя есть.

– А из чего ты состоишь?

– Ну как? Я человек слабый, грешный.

– Э-э-э, это банально.

– Ну и что? Я же не клоун-эксцентрик, который обязан быть оригинальным во всех случаях, чтоб его с работы не выгнали. Я придумываю свои мысли без оглядки на вот это, мне и без публики комфортно.

– А со своей журналистской точки зрения ты ведь должен

понимать, что реализация – это интересно.

– С этой – да. Когда человек реализует себя на все 100, это привлекает внимание. Потому что в таком случае образуются какие-то сгустки энергетических потоков. Поэтому интересно. А правильно, неправильно – откуда я знаю?

– Не наша задача судить.

– Моя задача – увидеть, где же перекрестки энергетических потоков. И как-то пытаться к ним приблизиться и их отразить, зафиксировать в смешной форме.

– Почему в смешной?

– Ну, по простой причине: если ты ни разу, почитав текст, не засмеялся – текст не удался.

– Неправда.

– Это мой субъективный взгляд. У меня он именно такой.

– А я, например, считаю, что высшей формой литературы является Евангелие.

– Возможно. Но и там, заметим, есть место для юмора.

– Там нету места для юмора. Я ни разу не засмеялся, прочитав эту книгу. Я умилился – было. У меня лицо расплылось в улыбке – было. Но это не смех.

– Ну, мы тут не обсуждаем Библию.

– Почему не обсуждаем? Это же литература.

– Ну хорошо, давай обсудим как литературу. Я помню, разговаривал с режиссером Лунгиным, и он мне сказал: «У Христа не было чувства юмора». Меня такая формулировка удивила и даже как-то покоробила. Мне стало обидно за Иосифовича! Я вдумался в это – и понял, что на самом деле у него чувства юмора полно; чего стоит один прикол с превращением воды в вино!

– Да-да.

– Это же ломовой прикол! Можно ли без чувства юмора такое учудить? В общем, мне кажется, это несправедливое утверждение – что-де у Христа не было чувства юмора. У него было ломовое чувство юмора. Как он на осле въехал в Иерусалим… На осле! А мог бы себе позволить въехать в карете на тройке. А он говорит: «Нет, дайте я въеду на осле». Это настолько тонко… И смешно, в хорошем смысле слова. А вот исцеление Лазаря: ну-ка давай, встал и пошел! Публика удивилась такому заходу. А он снова за свое… И после этого еще говорят, что у этого человека не было чувства юмора. Если читать Евангелие как литературу, то там много элементов комедии. Такой постмодернистской. Там есть, где посмеяться, дяденька.

– С Лазарем там проблемы были. Он уже пах, то есть у него уже началось трупное разложение.

– Денатурация белка.

– Не, ну денатурация раньше произошла. А это уже разложение началось, он просто начал гнить. Он пах. Поэтому здесь не идет речь о разоблачении типа симулянта.

– Разложение – это тоже денатурация. Ну да ладно, это к делу не относится. А если вернуться к Березе, то это ты, Алик, имел с ним проблемы. А я с ним не имел проблем. Но он мне не глянулся. Алик, я не обязан ко всем гонимым испытывать симпатию.

– Нет, не обязан.

– Тем более я начал испытывать антипатию к Березе, когда он был на коне. Моя совесть здесь спокойна.

– Да. А что ты от меня хочешь?

– Мне было неприятно, когда он влезает, куда не просят. Прессу скупает всякую.

– Опять плохо! Да ты просто социалист. Старик, ты социалист!

– Да пошел ты. Отродясь я не был социалистом. И в партии их не состоял.

– …мне противна твоя социалистическая идеология. Какое ты отношение имеешь к Березе, к купленной им прессе? Ты был нанятым работником.

– Я могу одних политиков любить, других не любить.

– Можешь.

– Я хоть и не желал успеха Березе в деле скупки масс-медиа, тем не менее ему в этом не препятствовал.

– Да. А ты и не мог.

– Я просто испытывал личную неприязнь. Имею я право испытывать к Березе глубокую неприязнь?

– На основании купли-продажи – нет.

– А я позволяю себе испытывать. Вот такой я.

– Я и говорю, что ты – социалист.

– Да не состою я в социалистической партии и никогда за нее не голосовал. Я, значит, не социалист. Я не разделяю ни ее теории, ни практики, ни избирательной платформы.

– А практику социалистической партии ты знать не можешь, потому что у нее нет никакой практики.

– Дело в том, что я никакой политической практики вообще не имею. Кроме голосования за вашу партию. На хер. В Индии. В торговом представительстве Российской Федерации.

– Да.

– Кстати, там же была смешная картинка, про русскую политику. В Индии нас была довольно большая компания. И пошли дебаты: вот, народ какой несознательный, он то не делает, он того мало делает, о том-то недостаточно печется и прочее. Я говорю: что, вы осуждаете народ за слабую политическую активность? Ну, отвечают. Так вы, говорю, лучше б заткнулись! Сами поленились проголосовать со мной съездить! Жопу лень было поднять с лавки! У нас был люфт – пара часов, между самолетами, ждали местный рейс на Гималаи. Была возможность поехать в торгпредство России проголосовать, это совсем рядом. Решаются, может, судьбы страны… А вам – народ несознательный! Дико красивая получилась схема. Причем когда я пошел в кабинку со своим бюллетенем, подумал о том, что эти чекисты, которые считают голоса в посольствах, уже все нормально посчитали, как положено. Там, как мы любим, 99 % – за нерушимый блок и лично по имени-отчеству. Я великолепно понимал, что это все филькина грамота – мой бюллетень. Это был символический акт, который никого не е…ёт. И естественно, мой бюллетень в сортир индийский отправили. Или на растопку костров, где жарят вдов умерших магараджей.

– Ха-ха!

– Ну, красивая ситуация?

– Да, очень.

– Русская политика! С умным видом сидят, вещают. Поучают. А сами жопу не могут поднять… Значит, 2000 год. Я тогда активно ездил по зонам.

– А что подвигло тебя? Почему вдруг? Что это за трансцендентальное «Русские сидят»?

– Началось с того, что однажды, едучи в машине, я услышал по радио выступление Валерия Абрамкина. Диссидента…

– Знаю, да.

– Он говорит: вот у нас комитет какой-то, по зонам ездим, помогаем. И я подумал: как интересно. Записал адресок, который он продиктовал: Лучников переулок, 4. Возле Политехнического музея, на задах бывшего ЦК комсомола. Ну и решил я интервью про это сделать. Нашел я, значит, Абрам-кина… А он такой доходяга лагерный. Измученный туберкулезом. И он мне рассказал про свою жизнь. Говорит, что тюрьма – это настолько вещь отвратительная, что, если бы его вернуть обратно в 70-е, он бы сделал все, чтобы уйти с этой дороги, никогда не сесть. Он столько раз был близок к тому, чтобы там вскрыться. Ему уже ребята мойку достали.

Ну, мойка – бритва в смысле. И когда он говорит, что та жизнь его смолола, когда он еще в этом откровенно признается – ну, во мне это вызывает глубочайшее уважение.

– Это может сломать кого угодно. Я считаю, что Шаламов прав – тюрьма не дает никакого позитивного опыта. Она дает опыт выживания. Я свое тольяттинское детство вспоминаю. Там нет ни одного светлого пятна. Только любовь. Любовь к одноклассницам – и все. А остальное – все это тактика выживания.

– Определение, которое кто-то из великих дал тюрьме: это уже полдороги к кладбищу. То есть действительно человек уже отправлен на списание, типа.

– Нет, это неправда.

– Алик, это наблюдение и мысль человека, который сам сидел. Действительно, там люди уже отчасти списаны. И я вот, когда описывал какие-то издевательства в русских тюрьмах над людьми и сравнивал с концлагерями немецко-фашистскими, то нашел вот такую грань, как мне кажется, весьма принципиальную. Что когда, допустим, фашисты издевались над людьми в лагерях, то в этом была своя логика: вот узников помучили, а дальше – газовая камера и крематорий. Нет обратной связи, нет возвращения оттуда в нормальный мир, не будет на него негативного разрушительного воздействия. Но когда в наших русских тюрьмах людей мучают, делают с ними невообразимое, а потом выпускают обратно в наш мир! И зэки выносят всю ту мерзость к нам! В этом логики уже нет. И еще мне Абрамкин рассказывал про туберкулез, который принципиально не лечится – есть такие формы. Он рассказывал со знанием дела, как туберкулезник зоновский. Если у человека туберкулез и он начал его лечить, чуть-чуть полечил и перестал, недолечил, то вот эти микробы – как они называются?

– Палочки.

– Эти палочки так закаляются, что вылечиться невозможно ничем, ни за какие деньги. Потому что это непобедимые железные дивизии. Раньше только нищие и убогие болели туберкулезом. А сегодня туберкулез поражает уже и солидных людей. Палочка есть везде и всегда. Чуть у кого стресс – палочка сразу активизируется. Простая ситуация: человек вышел из зоны с такой палочкой и летит в Нью-Йорк. Почему бы не слетать? У нас же такие люди сидят сейчас… Любые, в общем, как мы знаем. И даже те, кто летит первым классом, ни от чего не защищены: палочка

разлетается в замкнутом пространстве замечательно, через кондиционер. Это жуткое оружие, СПИД отдыхал. Волосы встают дыбом. И когда Абрамкин изобразил эту картину: люди сломанные, уничтоженные, униженные по полной, выходят, выносят это зло обратно сюда, в страну, которая ни хера не заселена и в ней нет никакой вертикали власти… Это впечатляет. Согласись, картина апокалиптическая. Короче, я сделал интервью с Абрамкиным. Один из тезисов интервью был, что вот он издал книгу «Как выжить в советской тюрьме».

– Да, знаю.

– Очень поучительная. Он говорит: а теперь я ее дополнил и хочу издать «Как выжить в русской тюрьме». В постсоветской. У него было много каких-то договоренностей о спонсорстве, но в результате ему никто ни хера не дал денег. И он не переиздал эту книгу. Я написал об этом.

– Давай я дам денег.

– Очень хорошо. Значит, я взял интервью у Абрамкина. И там был, само собой, тезис про то, что олигархи, видно, зареклись от тюрьмы и от сумы, и книжка про тюрьму и про то, как в ней выживать и сохраняться, – им принципиально не нужна. 2000 год был, напомню, на дворе. К сожалению, ремарка оказалась нешуточной, при том что я тогда просто стебался. Пять тыщ долларов человек не мог найти, чтобы издать такую книгу! Я сделал интервью, потом написал про их выставку «Тюрьма и зона», она периодически проводится в Политехническом музее. Снимают там помещение, выстраивают камеру настоящую – человек может в ней посидеть 5 минут на шконке. Какие-то плакаты, письма, книжечки, брошюрки. И там у них работает такая Людмила Альперн. Она говорит: «У меня все родственники, большая часть друзей давным-давно разъехались – от Израиля до Штатов. Я у всех у них была, все они меня звали и говорили: Люда, мы тебя немедленно сейчас натурализуем. Она говорит: „Я смотрела и понимала – это не мое. Видимо, я хотя и еврейка полная, но, наверное, заразилась какой-то русской жизнью и не могу жить там, где тихо, спокойно, беспроблемно. Мне нужны стрессы, я должна лаяться с тюремными офицерами…“ Я видел, как там полковники перед ней пасуют. Она орет на них, а они только кивают: да, Людмила Ильинична, извините, исправимся. Я говорю: Люда, вы, наверное, генерал. Раз полковники вас боятся. Она такая жесткая… А пробивная способность у нее фантастическая. Но она ее тратит не на себя, а на чужих зэков. У самой у нее

какая-то однокомнатная квартира за Зеленоградом, она ездит на работу на электричке. Причем она объездила уже полмира по этим программам – тюрьмы, зоны… Западники ее возят. Если у этой Люды в мозгу перепаять перемычку, замкнуть ее на бизнес – можешь себе представить, какие она бабки могла бы при таком жестком танковом характере наваривать. А у нее зарплата долларов 300. Или 200. После этого интервью с Абрамкиным и его людьми я подумал: а чего это я пишу о том, как люди пишут о том, что они видели? А дайте я съезжу один раз с ними на зону. Говно вопрос, завтра едем. Ну, завтра так завтра. Первый вход в зону – это такой ужас. Выходим, я говорю: где у вас тут ларек ближайший, я должен вмазать и просто забыться. Ну а потом вроде ничего.

– У меня друзей школьных приняли и на самом деле им шестерочку впаяли. Называлось – разбой. Они разбойниками были. И я ездил к ним на свиданку.

– Да… Раз я съездил, другой, третий… И я почувствовал, насколько это важная часть жизни страны. Миллион человек за раз сидит, а сколько ж прошло через это. Это дико важно – и в то же время общество к этому равнодушно. Думают – вот зэк, его лучше удавить или по крайней мере законопатить так, чтобы его не видно было и не слышно. Меня заинтересовала и фундаментальная фраза Абрамкина про то, что, если поменять местами людей, которые сидят и которые на воле, ничего не изменится. Ни на зоне, ни на воле. Это одна и та же жизнь, которая различается малозначительными нюансами.

– Да.

– Я могу только подтвердить.

Комментарий Свинаренко

Я много про что разговаривал с Абрамкиным; это, как правило, поучительно. Вот он такое, к примеру, исполнил однажды:

– Почему у нас демократия плохо идет? В рейтинге социальных институтов в России парламент на последнем месте. (А церковь, к примеру, на первом месте по степени уважения. На втором пресса. Армия на третьем, правозащитные организации на четвертом.) Не зря Верховный Совет расстреляли, и ничего, публика это легко пережила. Почему так? Потому что **все знают – большинство всегда глупее авторитетов**. В понятиях это отражено, а официально почему-то не признается. Кстати, разборки похожи на процедуру решения спорных вопросов

староверами: там тоже собираются авторитеты, обмениваются соображениями и ищут прецеденты. То есть нашему народу демократия чужда, ему нужна власть авторитетов! Да, в 91-м шли за демократию на баррикады – но это давно было и прошло. Теперь про те баррикады людям и вспоминать неловко… Вот Сталин – вел себя культурно, в смысле в рамках культуры, работал «под царя». Очень важен с этой точки зрения его внешний аскетизм. Заметьте, вор в законе берет себе самую меньшую пайку. Из уважения ему первому дают выбирать, он, как самый сильный, может взять себе лучший кусок! Но, имея огромную, фактически неограниченную, власть, он берет самый маленький кусочек хлеба. Это – часть правильного, культурного образа власти. А Чубайс – не по понятиям поступил, когда взял тот гонорар в 90 тысяч долларов. Не должен был он такую жирную пайку брать. Борис Николаич в какой-то период культурно работал: с привилегиями боролся, в троллейбусе ездил… Это было очень грамотно. Помню, сидел я в Барнаульской пересыльной тюрьме, в 1983 году дело было. Там был главный вор по кличке Латын. Он не очень правильный был вор – понятия нарушал. А однажды пришел с этапом еще один вор, он был и покруче, и правильней. Ну и началась борьба за власть. Дошла она буквально до поножовщины; никого, правда, не убили, так, чуть порезали. Можно сказать, что победу по очкам одержали «наши», то есть правильные блатные. Могло показаться, что восторжествовала справедливость. Но потом… Правильные начали жрать побежденных, не соблюдая никаких приличий. И этим эффект от победы справедливости сразу смазался. Было очень тяжелое чувство… Меня никто не трогал, меня настолько уважали, что даже не отняли одеяло; у остальных-то позабирали, пожгли – чифир варить. Но все равно мне лично было неприятно… Это похоже на ситуацию с обстрелом Белого дома. Происходит разрушение порядка. Накопилась критическая масса людей, привыкших к насилию. У таких, которые никого не бьют, начинается ломка, как у наркоманов.

Интересно то, что вся деятельность Общественного центра под руководством Валерия Абрамкина ведется на иностранные деньги. Российские власти на это не дают ни копейки. А свои доллары и франки в виде трактов шлют разные иностранные организации. Из Швейцарии – ассоциация «Дорога Свободы». Из Америки – Фонд Форда. И из Парижа – Фонд помощи верующим в России. И МИД Франции. Впрочем, и в Москве есть один официальный спонсор, государственная организация; правда, называется она «посольство Великобритании»…

Однажды я спросил Абрамкина:

– А если вдруг по какой-то причине прекратится эта заграничная помощь, то конец вам? Выгонят вас из бывшего комсомольского ЦК, с этих метров, которые вы снимаете на иностранные деньги, и останутся наши зэки без мыла, без уголовных кодексов и без конвертов, чтоб слать свои жалобы?

Он дал мне довольно неожиданный ответ:

– Нет, мы что-нибудь придумаем. Жили же мы как-то даже в 70-е годы! Тогда правозащитники обходились ведь без иностранных вливаний. И не бедствовали: вот меня когда арестовывали, так изъяли на 25 тыщ рублей аппаратуры и оборудования. Так что не пропадем – выкрутимся!

– А газеты эту тему неохотно как-то берут. Одна заметка, вторая – и, говорят, хватит. Я говорю: вы чё, миллион людей сидит. Вот вам аудитория – миллион гарантированный. Мне говорили знаешь какую фразу? Такую: «А что нам этот миллион? Он что, будет покупать газеты или потреблять продукт, который мы рекламируем?» И что меня еще чисто литературно «порадовало»: Абрамкин с людьми занимал две комнаты в бывшем ЦК комсомола, а потом – одну, потому что им подняли арендную плату.

– О Господи!

– Некто додумался приватизировать ЦК комсомола и теперь сдает по коммерческим тарифам. А пока там было неясно, кому это достанется, преобладала такая логика – ну пусть там сидят общественные организации. И туда в какой-то момент въехали эти диссиденты, которые за зэками ухаживают, потом солдатские матери, комитеты инвалидов и т. д. Ну а как подняли плату, они стали сжиматься. Могли бы переехать куда-нибудь в Выхино, там дешево, – но нищие ходоки из провинции туда не доедут. А так человек приехал в Москву поездом и с трех вокзалов пешком может дойти до Лучникова переулка. И отдать свою жалкую жалобу… Выгодный бизнес – урвать недвижимость в центре и с таким инструментом в руках отнимать у вдов и сирот последние гроши.…

Бутылка двадцатая. 2001

В 2001 году Свинаренко примерил на себя эмиграцию, и она ему не подошла. А Кох успешно завершил эпопею с Гусинским, начатую в прошлом году. Кроме этого, авторы разбирают 9/11 и обсуждают план привлечения китайцев к решению чеченского вопроса.

– Я могу вот тебе, Алик, рассказать, как я начал 2001 год. Мы затрагивали не раз тему эмиграции, тему примерки ее на себя и все такое прочее. Так я как раз тот новый год – 2001-й – встретил во Франции у своей родни. С их соответственно родней и друзьями. Там база у меня так образовалась. А началась вся эта история с того, что в свое время при глубокой советской власти я взялся устроить личную жизнь моей свояченицы. Та жизнь, которую она вела и рассмотрение которой выходит за рамки настоящего исследования, мне не нравилась, и я ее всю прекратил. Она возмущалась: «Какое ты имеешь право?» Я отвечал: «Права не имею никакого, но убью обоих. Тебе от этого легче будет? Логичней тебе с этим смириться». Кстати, мой двоюродный брат Леня, шахтер, по аналогичной схеме работал с бывшей женой. Он с ней развелся, а после приходил спустя год, два, три – типа, проведывать детей, но заодно он там под кроватями проверял, в шкафах.

– Зачем?

– Ну, чтоб найти ейного хахаля (причем не исключено, что воображаемого) и прибить.

– А почему?

– Она тоже спрашивала: а почему? Он причин объяснить не мог, не копал так глубоко, да его это и не волновало особенно, не нуждался он в доказательствах своей правоты – но в правоте своей был сам уверен и бывшую жену убедил, что ей надо встать перед фактом, иначе никак, иначе ей просто хуже будет. И она спаслась знаешь каким манером? Завербовалась в Италию по программе ухода за старичками.

– Старичка нашла?

– Нет, она работает у какого-то дедушки сиделкой, за

бабки, и что-то даже посылает детям на Украину. Ну представь себе старого человека – ему надо подать, принести, развлечь его как-то, чем-нибудь порадовать или там что… А туда, в Италию, мой кузен уже не может добраться, чтоб следить за моральным обликом бывшей супруги. Ну вот. Свояченица-то моя, Нинка, говорит: ладно, допустим, я смирилась – ну и что ж дальше? Я говорю: а дальше я тебя выдам замуж. Причем не абы как, а в приличную страну. Она: вот как? Интересно. И в итоге, испортив Нинке всю личную жизнь в России, я ее таки выдал замуж заграницу. Сперва я ее пытался по этой схеме отправить в Штаты, которые в рейтинге заграниц все же занимают первое место по солидности, – но со Штатами не вышло, ни один из потенциальных женихов, которые оттуда к нам залетали, не смог на меня произвести должного впечатления. И в итоге после разных попыток я ее таки отдал за француза.

– Каким образом это удалось?

– А завелся один француз случайно проездом. Это было в Москве. 88-й или там 89-й год. Был какой-то самодеятельный кооперативный туризм, иностранцев на квартирах размещали, брали с них 20 долларов, что тогда было солидными деньгами. А накладняк всего-то – на раскладушке постелить и овсянку с чаем на завтрак подать. И вот какая-то девка из кооператива не смогла приютить заезжего француза и упросила Нинку его пустить. Я не допытывался, как у них там и что, докуда они уклонились с пути договорных отношений в рамках туризма… Но как-то слово за слово этот француз состоялся.

– С первого захода понравился?

– Ну. И дальше я с Нинкой поехал знакомиться с его родителями, точнее с мамашей, то-се. Мари-Луиз, или, по-нашему, Мария-Луиза, покойница (без малого до 90 не дотянула), была очень симпатичная старушка. И до последнего употребляла красное – в обед непременно принимала бутылочку. Причем пила исключительно столовое. Вы, говорит, что хотите себе наливайте, а я пенсионерка и намерена жить по своим средствам. И в общем, она права в чем-то – столовое же тоже для людей делают.

– А ты что, единственным родственником был?

– Ну, наверно, единственным продвинутым.

– А остальные что?

– Остальные не подходили. Одним денег не хватало, другим еще чего-то. К примеру, тесть мой, царствие ему

небесное, все меня в те годы укорял: х… ли ты с компьютера пишешь, ты давай из головы чего-нибудь напиши! То есть если бы это дело пустить на самотек, то просто пое…ались бы люди и забыли, и разбежались бы, – как это иногда бывает в жизни. Получилось бы как в «ЮКОСе», который преступно допустил бесконтрольные случки кроликов в Якутии. К тому же, что важно, они оба без языка, то есть я у них был как минимум переводчик. И вот я сперва просто так съездил с ней во Францию, туда-сюда, а после – через сколько-то лет поездок, ухаживаний и раздумий – свадьба. Теперь вот живут в своем доме под Парижем.

– А где он работает?

– В суде, он что-то типа судебного исполнителя.

– Но денежки зарабатывает достаточные, чтобы купить домик под Парижем?

– Ну, домик небольшой…

– Ну все равно. Домик же. А она где работает? Нигде?

– Она – в магазине.

– Дети есть?

– Мальчик в школу пошел.

– По-русски говорит?

– Да, он говорит по-русски замечательно, но только грассирует сильно. А читать по-нашему не умеет. Если тут обратиться к немецкому языку, так там для обозначения родного языка используется термин Muttersprache, то есть по матери определяется основной язык. А тут мальчик знает материнский язык хуже отцовского. И вот, короче, поехали мы на Новый год. В декабре 2000-го. Как раз мы выпустили первый, новогодний, номер «Медведя» по новой схеме, с известным тебе Шурой Воробьевым. А Вова Жечков, на тот момент мажоритарный акционер, говорит: я себе не так это представлял, мне не нравится. Я: ну не нравится – тогда до свидания, закрываем лавочку. Тем более каникулы, Новый год скоро… Ну его все на хер. А после разберусь, найду чем заняться. И полетел в Париж со спокойной совестью. В Шереметьеве накупил на сейле граппы «Julia», по 9 долларов за литр, – вполне приемлемая цена для чачи. И стал ее пить из горла, создавая себе праздничное настроение. Было весело. Помню, я порывался учить пить из горла Саскию Вебер, знакомую швейцарку, которая работает в России, пишет заметки про моду… Я ее случайно встретил в Шереметьеве, она летела домой на каникулы. Дальше, значит, Новый год во Франции. Что это такое? Ну, тепло, естественно, цветочки в садах, ни снега, ни мороза – так,

ерунда какая-то. Как у нас после окончания бабьего лета. Но это еще не самое страшное. Самое ужасное наступает за новогодним столом, когда все садятся отмечать Новый год. Ни тебе салата «оливье», ни шипучки под маркой «Советского шампанского», ни «Иронии судьбы» по ТВ, ни курантов на Красной площади… Ни, само собой, поздравления русского президента. В последнем я как-то вроде не нуждался особо никогда, но, как выясняется, на уровне ощущений это невероятно важно, без этого картина мира может просто-напросто рассыпаться. Какие-то мелочи иногда вдруг обнаруживают свою повышенную значимость… А французы-то старались, хотели как лучше. Вина припасли посерьезней, это понятно. Устриц набрали, в ледяной крошке, и каждая шевелится, чуть капни на нее лимончиком.

Комментарий Свинаренко

Меня в Москве так удивляют всегда дохлые устрицы, которых легко подают даже в пафосных ресторанах; редкая тварь съежится, хоть утопи ее в лимонном соке, – а публике нравится. А потому что народ у нас такой отважный и выносливый. Я немало случаев знаю, когда люди с дохлых устриц просерались. Один вообще чуть не помер, отравившись. Тут смысл, наверное, в том, что устрицы у нас – это не гурманство, а скорее чисто понты. А если на понтах, то никто ж не видит, как подмахивает твоя устрица, но все понимают, что ты не колбасой закусываешь… Это как модель, которая и дура, и е…аться не умеет, – но люди, с которыми она молчит и которым не дает, будут тебе как ее спонсору завидовать.

– Ну, кроме устриц, подавалась и прочая простая домашняя еда: escargot, cocqille Saint-Jaques… В смысле улиточки с чесночным соусом и морские гребешки… Fois gras, само собой… Ну или как минимум patet de fois gras.

– Ну, то, что обычно едят на ужин французы.

– Не, не, не на каждый ужин – это то, что у них является аналогом салата «оливье» и селедки под шубой. Что по праздникам готовится, что у них, скажем так, на понтах едят.

Комментарий Свинаренко

У них нет этой глубокой культурной пропасти, как у нас, когда в кабаке одно, а дома совсем другое, когда человек искренне считает настоящей едой картошку, пожаренную на сале,

и чтоб туда еще пару яиц вбить, – а в кабаках жрет, блядь, рукколу. Давится, самому противно. Или когда дома человек ест борщ и пельмени, а на людях – сашими и утку по-пекински… Ну хорошо, экзотика полезна, и кругозор расширять надо, и омар хорош, если его у нас в виде исключения сготовят, не засушив до крайности, когда уж мясо прорезинивается (вместо того чтоб сварить ведро раков в пиве, предварительно их подержав полчаса в молоке). Я здесь о другом – именно о культурной пропасти. Эти заморские деликатесы мы берем штурмом. Нету ни привычки к ним, ни тени традиции, и практически невозможны реплики типа «вот такая же руккола росла у моей бабушки на даче», или «мой дедушка обыкновенно омаров раздавливал дверью», или там «а эта сковородочка с полукруглыми ямками у нас в семье исторически использовалась для приготовления виноградных улиток». Меня пугает эта пропасть, страшно заглядывать на ее дно. Зачем мы так решительно все выкинули на свалку истории? Почему у нас нету в быту ботвиньи или там фаршированных рябчиков? Отчего не уцепиться за городки, чем они хуже тенниса? Какая-то есть тому, видно, причина… Такая, что ее ничем не перебить. И дальше, продолжая мысль: что мы знаем о традициях Австро-Венгрии? Были ли они – даже и до того, как их империя развалилась? Какие такие традиции возможны, чтоб они были общими для, скажем, чеченов, якутов, евреев, русских и так далее, кто там еще у нас живет? **Похоже, это неизбежно – чтоб русский мир рассыпался на молекулы, а из них потом построилось нечто новое. Необязательно, кстати, нами и наше, и даже необязательно близкое или хотя бы понятное нам. Страшно подумать о том, что нету у нас чего-то главного.** Для нас открытие даже тот факт, что гамбургеры – это не более чем точная копия домашней американской еды. Они у себя на кухнях, собравшись семейно и запросто пообедать, жарят ровно те же гамбургеры с той же картошкой и кетчупом и заедают таким же яблочным пирожком, как в любом «Макдоналдсе» по всему миру. Вот отчего этот гребаный «Макдо» (такую интимную кликуху ему дали французы) оказался таким всесильным – потому что он естественный, он вытекает из старых традиций, и миллионы людей его любят совершенно искренне, впитав с молоком матери, а чужим передается эта подлинная энергетика.

И вот наступил в таком застолье 2001-й. А младшая дочь, ей тогда три года было, спрашивает: «Ну когда же мы будем Новый год встречать?» Так все уже, вот она, встреча! Она: а где же Дед Мороз? Где Снегурочка? Где бумажные пакеты с конфетами и шоколадками? Где елка на деревянной

крестовине? Устами младенца глаголила истина, причем совершенно безжалостно. У меня самого было ровно то же чувство: обманули, нету ничего… Настроения не было совершенно. При отсутствии отдельных деталей, при несоблюдении некоторых процедур выходит так, что жизнь просто остановилась и ты из нее выпал. Когда ты сидишь за столом с французами, ешь с ними и пьешь, разговаривая на ломаном французском, – то чувствуешь, что на самом деле ничего нет. Что ты вещаешь для пустого зала. Эффект присутствия, иллюзия правды абсолютная, они все очень милые, улыбаются – но ничего нет! Пустота! Ну посидели, поели, сходили в музей, прошлись по улицам, там в кабак – и все. Похоже на то, что эмиграция, по крайней мере на стадии примерки, – это в какой-то мере смерть, это, мне кажется, очень похоже на окончание земной жизни. И, значит, в январе 2001 года я вернулся в Москву. Сижу, рассматриваю номер, который выпустил перед отъездом… А там обложка такая: сидит некая телеведущая, голая, в ванне, которая почти до краев налита шампанским. Причем это настоящее шампанское, спонсор нашелся, который эту картинку оплатил. А шампанское, если его налить в ванну толстым слоем, оно знаешь какой имеет цвет? Красноватый. И когда видишь даму в такой жидкости, то хрен знает какие мысли в голову приходят. Про критические дни – это мысли еще самые невинные. Я велел на компьютере это шампанское поджелтить. А подкрасили – и сразу как будто нассано. И мы так долго искали какую-то фишку, чтобы было и не нассано, и не кровища, а так, более-менее.

– Ей не холодно там было сидеть, в этой ванне?

– Холодно, само собой. А что делать? Это ж искусство! И вот, значит, Вова звонит и спрашивает: а что там у нас с журналом? Так ведь все уже! Нет, говорит, я погорячился, давай дальше делать. Смотри же, говорю… Ну и стали дальше делать… Что еще сказать про начало года? В те каникулы, в Париже, в ненастоящий Новый год, под теплым серым небом я начал писать дамский роман, который с Божьей помощью издам в этом году – ну или в начале следующего.

– Не закончил?

– Закончил, но мне хочется две главы подтянуть немножко. Дамский – ты понимаешь почему? Если сравнить мужской стиль обращения с книгами и женский, то становится ясно, что мужики читают влегкую, а бабы больше заморачиваются, переживают… Это из той же оперы, когда одну и ту же вещь мужики считают сексом, а бабы любовью. А

любовь же по-любому круче. «Девушка, а девушка, где это я вас мог видеть?» – «Ты что, пидарас, я же тебя так любила!» – «А, да, что-то такое припоминаю…» Вот и в чтение женщины так же вкладывают больше страсти. Когда им что-то нравится из прочитанного, они просто ох… вают. А мужик прочтет лениво так, зевая, и после скажет, что говно все это. И читал он только для того, чтоб где разговор поддержать при случае. Да и читать он возьмется ну там биографию какого-нибудь финансиста «Путь к успеху», или иной какой-то умняк, или детективчик на худой конец. А баб больше трогает всякая ерунда. Ну я и решил сочинить историю для баб. Про них тем более интересней думать, чем про мужиков. Мужик же задерживается в развитии, он остается маленьким мальчиком: дерется, отнимает игрушки, орет, пристает к девчонкам, гонит, ведет себя как мудак в основном. Ну о чем с ним говорить? Средний наш московский мужик – это все тот же донецкий несовершеннолетний приблатненный хулиган. Что с него взять. Другое дело – баба! Как начнешь ей что-нибудь исполнять, она глубоко дышит, слезы на глазах, так что даже самому неловко немножко делается…И поэтому по мне так предпочтительней для баб сочинять, чем для мужиков. Ну и я там описываю мужика, который ни то ни се, а при нем такая баба, просто орел. У них развивается жизнь. И соответственно какие-то нанизаны истории, сюжеты… Ну а ты как год встретил?

– Я уже не помню, где я его встречал.

– Ну что же ты, Иглесиас. Начало века все-таки. И тысячелетия.

– По-моему, где-то с Фридманом я был, с Шуриком Рубановым, с Немцовым… Здесь, в Подмосковье, в доме отдыха. Ничего выдающе гося.

– А, по-семейному… Пили-закусывали, пели песни. Прогуливались по лесу.

– Да.

– Ну а это чувство, что наступил новый век, – было у тебя?

– Нет. Не было. В 2001-м я продолжал эту эпопею с НТВ. Закончили мы ее в апреле, перед Пасхой перед самой.

– Да, помню. В Страстную пятницу. Это надо подробно осветить…

Комментарий Коха
Акт гусеборчества. Часть вторая [29]

1. Гусинский не выполняет и второй подписанный им договор

Здесь важно заметить, что, помимо очевидных, имеющих исключительно экономическую подоплеку частей нового контракта, он содержал в себе один важный политический пункт. Этот пункт включили по настоянию Гусинского, и, на мой взгляд, он был разумен. Поэтому я против него не возражал.

Смысл этого пункта состоял в том, что даже если Гусинский не сможет расплатиться ни с одним из своих долгов, а это был наиболее вероятный исход дела,[30] то даже в этом случае контракт не позволял сконцентрировать в одних руках контрольный пакет НТВ – ключевого актива «Медиа-Моста». Это достигалось специальной процедурой, которая предполагала передачу «Дойче банку» части акций НТВ для последующей продажи их на международном тендере. В процедуру проведения этого тендера не могли вмешаться ни «Медиа-Мост», ни «Газпром-Медиа». В договоре было четко сказано, что участниками тендера могут быть только международно признанные инвесторы по выбору «Дойче банка».

Этот пункт обеспечивал сохранение независимости НТВ от «Газпрома» и получение независимости от «Медиа-Моста» и, что еще более важно, – от российских властей, поскольку decision maker-ом на НТВ становился этот самый международно признанный инвестор. Тендер должен был состояться в январе – феврале 2001 года. Таким образом, когда летом того же года наступал очередной этап погашения долгов, то в собственности и залоге у «Газпрома» уже не было контрольного пакета НТВ.

Мы начали подготовку к этому тендеру и приступили к консультациям по поводу участия в нем со многими медиагигантами. Например я лично беседовал с представителями Лео Кирха, Руперта Мэрдока, с руководителями крупного шведского концерна «Modern Time Group». Были консультации и с ведущими американскими инвесторами. Например мы взаимодействовали с уже имеющим 5 % НТВ инвестиционным фондом «Capital Research amp; Management Co.».

Я знал, что Гусинский и его люди тоже агитируют инвесторов участвовать в этом тендере. В частности, он сам мне говорил (может, врал?), что вел консультации с Берлускони, также он совершенно точно переговаривался с Тедом Тернером.

Все вышесказанное однозначно свидетельствует, что обе стороны совершенно серьезно готовились к этому тендеру и не было никаких сомнений, что он состоится в означенные сроки. «Дойче банк» неоднократно подтверждал свою готовность провести такой тендер и обеспечить все необходимые требования

по его прозрачности и объективности.

То, что произошло в дальнейшем, у меня в голове не укладывается. Второй раз человек сам себе отрезает яйца. Я такого ни до, ни после никогда не видел. Добровольно, находясь за границей, в полной безопасности, окруженный толпой политических, юридических и финансовых консультантов, в здравом уме и твердой памяти, не в цейтноте, имея возможность спокойно и не торопясь подумать, Гусинский отказывается передать акции «Дойче банку» для проведения тендера. Вы, сказал он «Дойче банку», меня обманете и проведете нечестный тендер!

И, вместо того чтобы выполнять пункт договора, на котором он сам настоял (!), он подает в лондонский суд на «Дойче банк», а заодно зачем-то и на «Газпром-Медиа», который вообще не подпадает под юрисдикцию лондонского суда. Претензии были смехотворные – он оспаривал договор на том основании, что «Дойче банк» мог (?!) вести себя недобросовестно. Это новое слово в юриспруденции! Судить некое лицо за то, что у того есть потенциальная возможность совершить нарушение. Так можно любого водителя автомобиля судить за то, что у того есть потенциальная возможность кого-нибудь задавить. Забегая вперед, скажу, что суд он, естественно, проиграл.

Я, откровенно говоря, не ожидал ничего подобного. Безусловно, я считал Гусинского человеком вспыльчивым, склонным к театральности, не очень образованным и жлобоватым. Но в то же время я считал его человеком смелым, волевым, обладающим очевидными лидерскими качествами. Помимо этого мне было симпатично, как он отстаивал интересы российской еврейской общины – агрессивно, изобретательно, весело. Мне импонировала его забота о сотрудниках: он, как квочка цыплят, всегда защищал их от всех невзгод нашего нелегкого мира. В принципе он, конечно же, наделен природным умом, сметкой, работоспособностью. Именно поэтому я не мог и предположить, что с интервалом в три месяца Гусинский дважды публично, на весь мир, откажется выполнять подписанные им самим договора, причем договора, которые были выгодны прежде всего ему как с материальной, так и с политической позиций. Договора, которые он сам предложил заключить и которые в неконфронта-ционном ключе позволяли решить все его проблемы.

Когда сейчас говорят о разгоне НТВ, расправе над УЖК (уникальным журналистским коллективом), о глумлении над свободой слова, я никак не возьму в толк: это о ком разговор? Когда сейчас говорят, что Кох мстил, что все красивые слова,

которые он говорил тогда, не более чем ширма, за которой стояло лишь желание расправиться со своим обидчиком, это что, разговор про меня? И всем тем, кто говорит, что жертвой именно моих амбиций и мстительности стал не Гусинский, а свобода слова в России и все тот же УЖК, я хочу задать несколько вопросов.

Например такой вопрос: можно ли считать местью публичное выступление в поддержку обидчика, в то время как он сидит в тюрьме[31] и предложение ему трехсот миллионов долларов, имея в тот момент все возможности его обанкротить, не затратив ни копейки?

Или такие вопросы: можно ли борьбой со свободой слова назвать поддержку предложения о разбиении пакета акций НТВ таким образом, чтобы ни у кого не было контрольного пакета, и включении в контракт условия о проведении международного тендера для того, чтобы не допустить концентрации контрольного пакета в одних руках? Можно ли разгоном УЖК считать бесконечные уговоры этого самого УЖК и готовность дать письменные гарантии неувольнения их со всех творческих должностей?

Делать было нечего. Мы исчерпали все возможности решить конфликт полюбовно. Парадокс ситуации состоял в том, что «Медиа-Мост» не отрицал наличие долгов, но что-либо конструктивное по поводу их возврата сказать не мог. Некоторые из журналистов НТВ договаривались до того, что заявляли: «Подумаешь, 500 миллионов долларов, 700 миллионов долларов… Надо простить этот долг, и делу конец! У „Газпрома“ денег как у дурака махорки!» Это те самые журналисты, которые в течение десяти лет убеждали нас, что Россия должна развиваться по рыночному пути, что альтернативы нет, что рынок, капитализм – есть наше светлое будущее… А когда это их коснулось, то оказалось, что для них нужно сделать исключение. Особенно приятно было слышать про это мне, человеку, которого они чуть не засадили в каталажку за «какие-то» сто тысяч…

Я повторно обратился в суд по поводу взыскания долга: ситуация работала на «Газпром», поскольку в отличие от предыдущей ситуации, когда мы имели необеспеченный долг, теперь он был обеспечен залогами акций компаний, входящих в «Медиа-Мост», в том числе НТВ, «Эхо Москвы» и др.

Судебный маховик, скрипя, медленно начал снова раскручиваться…

2. Появление Теда Тернера

Тем временем Гусинский не переставал меня радовать своей креативностью. В начале февраля он позвонил мне и, как ни в чем не бывало, радостно сообщил, что у него для меня есть хорошая новость, что он все наши проблемы решил и что все теперь благополучно закончится. Я, естественно, полюбопытствовал относительно сути вновь найденной панацеи. Владимир Александрович, после театральной паузы, вдохновенно сообщил:

– Тед Тернер согласился купить НТВ!

– И?…

– Что и?… Ты что, дурак? Я тебе русским языком сообщаю: Тед Тернер согласился купить НТВ!

– Володь, может, я действительно дурак, но я не понимаю, почему «Газ пром» должен согласиться продать Тернеру находящиеся у него в залоге акции? Он что, заплатит за них цену, равную вашему долгу?

– Нет, конечно!

– Тогда чему же я должен радоваться? Смотри: есть долг, против которого заложены акции, в том числе и НТВ. Если ты не возвращаешь долг… А ты его не возвращаешь, ведь верно? Что уж мы сейчас-то голову друг другу морочим? Так вот, если ты не возвращаешь долг, то в соответствии с соглашением, на котором стоит твоя подпись, «Газпром» забирает залог себе в собственность. Фактически мы заключили сделку купли-продажи. И у нее есть цена – размер долга. Если бы Тернер согласился купить эти акции дороже этой цены, то я бы с удовольствием рассмотрел его предложение. Но поскольку ты сам знаешь, что он не готов платить такую цену, то зачем же «Газпрому» давать согласие на продажу залога? Кто компенсирует нам разницу между ценой, которую мы фактически уже заплатили, дав вам кредит, и той ценой, которую готов заплатить Тернер?

– Опять ты о деньгах! Как ты не понимаешь, что капитализация канала резко возрастет, если одним из его акционеров станет Тернер!

– Возрастет или не возрастет – это вопрос, а то, что мы теряем бабки, – видно невооруженным глазом. И потом, если Тернер такой удалой, то давай ставь акции в «Дойче банк», он проведет тендер, и если Тернер победит, то так тому и быть, а если нет, то победит тот, кто больше заплатит… Чем не решение? Неужели ты не понимаешь, что отказом от проведения тендера ты делаешь неизбежным переход контроля над НТВ в руки «Газпрома»? Где же твоя пресловутая забота о свободе слова?

– Нет, акций я не отдам! Я их продам только тому, с кем у меня будет договоренность о совместном управлении. Я вам не верю! Вы приведете какого-нибудь инвестора и вместе с ним

образуете коалицию против меня.

– Слушай! Это уже переходит всякие пределы! Сначала ты предлагаешь сделку за 300 миллионов. Мы соглашаемся. Потом ты говоришь, что мы тебя заставили. Выставляешь нас идиотами на весь мир: мы заставляем Гусинского взять 300 миллионов, а он кочевряжится! Ладно, хорошо, мы это проглотили… Потом ты предлагаешь структуру сделки с залогами и тендером. Мы опять соглашаемся. Теперь ты не даешь акции для проведения тендера, который ты сам предложил, подозревая (только лишь подозревая!) нас в том, что мы приведем на тендер участника, с которым у нас есть договоренности о координации, в то время как сам, на чистом глазу, заявляешь, что у тебя с Тернером такие договоренности есть! Каково? Это неслыханно. Помимо всего прочего, ты еще заливаешься соловьем на весь мир, что «Газпром» и лично Кох душат свободу слова! Да не ты ли своими собственными руками вот уже в третий раз за последние девять месяцев ее душишь, а? Грош цена всем твоим конструкциям об отсутствии у кого-либо контроля над НТВ, если у тебя с Тернером договоренности. Вот тебе и контроль: Гусинский + Тернер.

– Ты недооцениваешь общественное мнение на Западе. Для них контроль в руках у частника означает сохранение свободы слова, а контроль в руках у государства или связанных с ним структур – ее отсутствие. Поэтому тебе никогда не убедить Запад в том, что при переходе контроля над НТВ в руки «Газпрома» свобода слова сохранится! Ты, парень, сам себя уничтожаешь! Ты, лично ты – Кох Альфред, полностью уничтожаешь себя как демократическую фигуру. И уж поверь мне, я позабочусь о том, чтобы именно так и произошло!

– Вот это разговор! Узнаю брата Колю! Наконец-то я услышал слова не мальчика, но мужа! Вовочка Гусинский в собственном репертуаре. Угрозы, шантаж… Долго ты держался, целых полгода. Все-таки не выдержал, опять за старое взялся. Ну что ж. Значит, поеду на Запад и буду объяснять свою позицию. Ты мне не оставляешь выбора… А Тернер – что Тернер… Пусть его люди приходят, поговорим. Собственно, они мне уже звонили. И Леня Рожецкин, и Гриша Березкин. Их ты, кажется, отрядил «консультировать» Тернера?

– Да нет… Что ты… Я никого к тебе от Тернера не посылал. Он их сам нанял.

– А что это он их нанял, а? Что, ему американских банков мало? Взял бы какой-нибудь «Морган Стенли» или «Голдмен Сакс»… Ну да Бог с ними. Я уже договорился о встречах с этими ребятами. Только, похоже, они не подозревают о существовании друг друга в этом качестве… Это еще что за разводка?

– Не знаю я ничего. Я о том, что они консультанты Тернера, узнал вот сейчас от тебя.

– Ладно, не свисти. А то я еще поверю. Ты же знаешь, какой я доверчивый. Ну давай, теперь настала пора просить меня отозвать иски из суда. В связи с тем, что мы вступили в переговоры с Тернером.

– А это что, реально?

– Абсолютно нет! Больше уже никто тебе не поверит. После того как ты нас два раза кинул.

– Я вас не кидал. Я кинул Путина. Туда ему и дорога. С этим хорьком вы еще наплачетесь… Вспомните меня, Владимира Гусинского!

– Ну, батенька, вот ты людей оскорбляешь, а потом удивляешься, почему на тебя зуб нарисовали. И потом, как ты кинул Путина, мне не известно, но договоры ты подписывал со мной, обещания давал мне, и подписи стоят на них моя и твоя. Так что позволь мне, не залезая в высокую политику, считать, что кинул ты все-таки меня, а если вместе со мной кинул еще кого-нибудь, то разбираться по этому поводу будешь с ними.

Через несколько дней появились консультанты Тернера. Ничего сверхъестественного они не предложили. Их оценка заложенных пакетов акций была значительно ниже нашей. Не вдаваясь в детали, могу сказать, что у меня лично сложилось впечатление, что это была не более чем пиар-акция. Готовности Тернера платить серьезные деньги я не увидел, зато был полный набор всех признаков хорошо поставленного шоу международного уровня: звонки Колина Пауэлла в Кремль, письма Тернера к Путину с просьбой о встрече, освещение этого факта во всех мировых газетах и так далее.

Нужно было что-то делать, для того чтобы обозначить свою позицию. Я написал письмо американскому послу в Москве. Вот его полный текст:

Его Превосходительству Послу
Соединенных Штатов Америки в России
Господину Джеймсу Коллинзу
Ваше Превосходительство господин Посол!

Позвольте выразить Вам наше уважение и обратиться со следующим письмом.

Наша компания понимает те мотивы, которые заставляют Госдепартамент США внимательно следить за развитием ситуации вокруг компании «Медиа-Мост». Безусловно, свобода слова является одной из базовых демократических ценностей, без которой никакое

общество не может считаться по-настоящему свободным. Мы предпримем все зависящее от нас, чтобы сохранить свободу слова в тех СМИ, которые контролируются или в будущем будут контролироваться нами.

Однако Вы, наверное, согласитесь с тем, что и право частной собственности также является базовой ценностью, без которой, пожалуй, невозможна и настоящая свобода слова. Невозможно допустить, чтобы эти ценности конфликтовали между собой. К сожалению, в настоящий момент, на примере противостояния между «Газ промом» и «Медиа-Мостом», мы имеем образец такого ужасного конфликта.

Дело даже не в том, что после подписания соглашения об урегулирования долгов между «Газпромом» и «Медиа-Мостом» структуры, подконтрольные г-ну Гусинскому, в том числе и «Телекомпания НТВ», имеют просроченную задолженность в 108 миллионов долларов США перед «Газпромом». Причем эта задолженность выходит за рамки подписанного соглашения и им не урегулирована.

Дело в том, что нас не устраивает сам способ управления компаниями, входящими в группу «Медиа-Мост» и в которых мы являемся миноритарными акционерами.

Приведу всего несколько примеров, которые свидетельствуют о вопиющем пренебрежении правами миноритарных акционеров.

1. В течение весны – лета 2000 года менеджмент «Медиа-Моста» путем дополнительных эмиссий акций вывел ключевые активы, которые принадлежали ЗАО «Медиа-Мост», на гибралтарские оффшоры, тем самым обесценив наши инвестиции в акции ЗАО «Медиа-Мост» (14 %) в размере 260 миллионов долларов США. Никаких доказательств, кроме двухстраничного заключения юристов, работающих на г-на Гусинского, того, что эти оффшоры по-прежнему конролируются ЗАО «Медиа-Мост», нам представлено не было. И даже если юристы правы, тем не менее Вам, наверно, хорошо известно, что оффшорные, трастовые и другие подобные схемы чрезвычайно затрудняют управление активами, тем самым снижая их капитализацию.

2. «Газпром» до ноября прошлого года владел в общей сложности 30 % акций «Телекомпании НТВ». В настоящий

момент мы владеем 46 % акций. Одним из ключевых активов «Телекомпании НТВ» является ее торговая марка. Однако, без всяких оснований и консультаций с нами, торговая марка «НТВ» была передана компании «НТВ – холдинг», в которой «Газпрому» не принадлежит ни одной акции. В настоящее время «Телекомпания НТВ» арендует торговую марку «НТВ» у компании «НТВ – холдинг». Как это трактовалось бы с точки зрения американского законодательства? Наши юристы утверждают, что это уголовное преступление.

3. Продажа рекламного времени «Телекомпании НТВ» осуществляется, в том числе, через гибралтарскую компанию «НТВ лимитед», контролируемую г-ном Гусинским, в которой мы не имеем участия и отчетность которой нам недоступна.

Мы не можем оценить точно, что остается на Гибралтаре при перепродаже времени собственно рекламодателям, но эксперты утверждают, что это не менее 20 % средств (примерно 15–20 миллионов долларов США), которые, по существу, являются собственностью «Телекомпании НТВ» и до нее не доходят. В то же самое время «Телекомпания НТВ» вынуждена брать кредиты, чтобы покрыть свои убытки, в том числе и у Газпрома.

4. Учитывая, что консолидированный баланс группы компаний «Медиа-Мост», в которую «Газпром» инвестировал почти 1 миллиард долларов, показывает убытки, а «Мост-банк», раннее принадлежавший г-ну Гусинскому, объявлен банкротом, у нас возникают серьезные подозрения, что средства, на которые г-н Гусинский и его ближайшие соратники живут жизнью настоящих магнатов, разъезжая по всему миру на частных самолетах, имея недвижимость в Испании, Англии и других странах, отдыхая на собственных яхтах и т. д., есть средства «Газпрома» и других кредиторов, которые, конечно же, согласие на такое их расходование не давали.

Можно привести еще много других примеров такого «менеджмента», однако и перечисленного достаточно, чтобы признать существующую ситуацию нетерпимой. Мы не можем дальше смотреть на то, как в «черную дыру» г-на Гусинского уходят наши инвестиции, которые в настоящий момент составляют чуть менее 1 миллиарда долларов.

Остается добавить, что г-н Гусинский дважды

срывал выполнение уже подписанных сделок, которые имели целью урегулировать наши взаимоотношения.

Мы категорически приветствуем широко известную инициативу г-на Тернера. Доказательством этого является тот факт, что в четверг, 15 февраля, мы совместно с нашим консультантом – «Дойче банком» начинаем переговоры с представителями г-на Тернера. Заметим, однако, что интерес к подобной сделке проявляет не только г-н Тернер, но и другие заметные игроки на международном медиа– и финансовом рынке.

С глубоким уважением и с надеждой на понимание
Генеральный директор «Газпром-Медиа» Альфред Кох

После этого я поехал в Америку. Встречи были в Нью-Йорке и в Вашингтоне. Поначалу меня воспринимали в штыки, но потом недоверие постепенно исчезло и меня начали слушать и слышать. Помогали мне многие люди, например – руководитель Никсоновского центра Дмитрий Саймс, Елена Теплицкая, то есть те, кто свободу слова «по-Гусински» не воспринимали всерьез и считали, что свобода слова не может быть оправданием невозврата долгов.

Это действительно довольно странная конструкция: я (Гусинский) у вас (у «Газпрома») взял деньги в долг, теперь подошла пора их возвращать, а у меня их нет. Поэтому вы должны мне этот долг простить, поскольку я (и только я) являюсь свободой слова. При этом то, что я обвиняю вашего главного акционера (государство) во всех смертных грехах, должно еще больше воодушевить вас на этот иррациональный акт щедрости.

При этом не забудем, что речь идет о многих сотнях миллионов долларов. При этом не забудем, что ни один из «коммерческих» проектов Гусинского не был успешен в плане бизнеса, ни «Мост-банк», ни «Медиа-Мост», включая такие капиталоемкие проекты, как НТВ+.[32]

Однако жизнь этого горе-коммерсанта была более чем благополучная. Коттеджный поселок в Подмосковье (на Рублевке, в Чигасово), коттеджный поселок в Испании, в Сото-Гранде, шестидесятиметровая яхта, самолет, дом в Лондоне, дом под Нью-Йорком. Все это откуда? Нефтяная компания? Нет. Металлургический комбинат? Нет. Может быть, химический завод? Тоже – нет. Ну хорошо, хорошо. Последняя попытка: огромный машиностроительный завод, выпускающий экспортные виды вооружений? И это – нет! А что же тогда – да? Обанкротившийся банчок и медиахолдинг, задолжавший под миллиард долларов. Это все? Все. Как на духу говорю – все.

И после этого я должен поверить, что «Газпром» обязан ради спасения свободы слова простить долги Гусинскому? Да никогда в жизни! И я должен поверить в искреннюю приверженность этого «борца за свободу слова» идеалам демократии, когда он цинично манипулировал общественным мнением, возмущая его моим гонораром в сто тысяч? И я должен сделать все, чтобы этот аппарат манипулирования оставался у него в руках? Нет и еще раз нет.

Надоело мне писать этот комментарий… Честное слово – так противно все это. Огромное количество людей развели как лохов. Собирали на митинги, заставляли совершать глупости типа коллективных увольнений. Сотни раз утверждали, что именно вот это – убиение свободы слова… Но… надо заканчивать, хоть и не лежит душа.

4. После Тернера. Финал

После некоторой активности люди Тернера постепенно рассосались и перестали нас донимать своими прожектами о том, что мы должны им продать акции НТВ дешевле, чем мы их покупали. Думаю, что они поняли всю абсурдность таких предложений. Уверен, будь они на нашем месте, то подняли бы нас на смех, приди мы к ним с такими идеями «спасения свободы слова».

К тому времени мы договорились с Борисом Йорданом о вхождении его в проект в качестве нашего консультанта. Он вступил в переговоры с фондом «Capital Research», владеющим 5 % акций НТВ, и договорился с ним о его лояльности к нашим усилиям. После мы начали подготовку к проведению собрания акционеров.

К тому моменту суд признал наши права на залог. Мы назначили собрание акционеров. В самый последний момент была предпринята знаменитая попытка Блинова, который уже работал на Гусинского, через саратовского судью отменить проведение собрания. Нам удалось ее предотвратить, и мы избрали новый совет директоров. Туда вошли и мы с Борисом.

Интересная история случилась однажды в офисе «Медиа-Моста». Мы назначили переговоры с трудовым коллективом НТВ в их офисе в Палашевском переулке. Собрались: наш совет директоров и их делегаты от трудового коллектива. Накануне мы договорились, что это собрание будет называться согласительной комиссией. Я, правда, не очень понимал, что нам нужно согласовывать, но поскольку ужэкисты кичились своей

бескомпромиссностью, то я был рад любому поводу для очного общения с ними.

Встреча, конечно же, закончилась ничем. Они выдвинули ряд невыполнимых условий. Например одним из условий было наше невмешательство не только в творческую деятельность телеканала, но и в финансовую деятельность до середины лета. Мои возражения, что их твердость относительно невмешательства в денежные и имущественные вопросы, наоборот, наталкивает меня на мысль, что эти вопросы нужно как можно скорее брать под контроль, а то они к лету все растащат, вызвала такой переполох, что я еще раз убедился в серьезности моих подозрений.

По окончании встречи, на пороге офиса, уже на улице, нас поджидали все телеканалы с камерами и т. д. Начались импровизированные пресс-конференции. Выступил я, Казаков, Боря Йордан. После выступил Евгений Киселев. Сказали то, что на самом деле произошло, то есть ничего хорошего. Еще раз объяснили свои позиции. Они свою, мы – свою. Но это все не стоило бы описывать, ели бы не одна пикантная подробность.

Дело в том, что все дела Гусинского по поводу его (то есть «Медиа-Моста») противостояния с нами вела известная американская адвокатская контора «Акин, Гамп, Страусс и К°». Это компания не вполне адвокатская. Она еще и лоббистская. У нее очень сильные связи в Вашингтоне на уровне конгресса и правительства. Да и в России она хорошо известна. Интересно, что один из совладельцев этой компании – г-н Страусс, бывший посол США в России.

К чему это я? А к тому, что закончилась наша пресс-конференция, все сели по машинам и разъехались. Журналисты начали собирать камеры, скручивать провода, складывать микрофоны, и тут вдруг дверь открывается и из офиса «Медиа-Моста» бочком-бочком выходит… Кто бы вы подумали? Американский посол, господин Коллинз! Чего он там делал, если Гусинского в стране уже нет больше чем полгода и офис стоит пустой? Ответ единственный – подслушивал наши перебранки с командой Киселева. Каково?

А при чем тут «Акин, Гамп, Страусс и К°», спросите вы? А при том, что вскорости закончились полномочия г-на Коллинза, приехал новый посол, г-н Вершбоу, а Коллинз вышел на работу в «Акин, Гамп, Страусс и К°». Вот так вот. И никаких проблем с коррупцией. И эти люди запрещают мне ковыряться в носу…

Кстати, господин Страусс приложил титанические усилия, чтобы, по заказу Гуся, протащить через американский конгресс резолюцию об исключении России из Большой Восьмерки. Наше

посольство, естественно, как обычно, об этом ничего не знало. А когда наступил день рождения Страусса, то ему, как большому другу России, посол предложил отпраздновать его в российском посольстве. Чем он не преминул воспользоваться. Мидовцы, конечно, исполняют по полной… Знай наших!

Нет нужды описывать дальнейшие перипетии. Они широко известны. Это митинги и противостояния. Голый эфир со стулом в кадре. Огромное количество нелепостей, глупостей, откровенных натяжек, злонамеренного введения в заблуждение. А сколько было прекраснодушия, каэспэшной слезливой сплоченности, ночи, свечи, вече, дуче…

Я пытался объяснить это журналистам, да куда там… Агитировать за капитализм и быть готовым к его «гримасам» оказалось не одно и то же. Это как Игорек, которому нравится свобода и полные прилавки, но не нравится неравенство и социальная несправедливость. А одного без другого не бывает.

Я тогда написал письмо коллективу НТВ и кинул его в Интернет:

> *Уважаемые энтэвэшники!*
>
> *Я пришел вечером на работу после «Гласа народа». Весь искурился и пил кофе. Потом начался Дибров, и я стал смотреть. Там я узнал, что Парфенов ушел. Нет нужды говорить, какой он талантливый. Вы сами это знаете. Я ночью долго думал над его уходом. Мне не давал покоя вопрос, почему он ушел первым. Теперь я знаю ответ. Я чувствовал это раньше и поэтому и ввязался в это дело. Теперь Парфенов сказал то, что я просто чувствовал.*
>
> *Понимаете, есть вещи, которые обычные люди, которыми являемся мы с вами, понимают только в результате их логического осмысления, осязания и т. п. Парфенов устроен иначе. У него огромный вкус и чувство стиля. Я думаю, его просто корежило. Он просто физически не мог выносить того, что вы делаете последние несколько дней. Вы произносите столько правильных слов. Делаете чеканные профили и надеваете тоги. Вы – борцы. Вы все уже из мрамора. Ваши имена войдут в историю, или, виноват, в анналы (так, кажется, по стилю лучше). А он не мог уже на это смотреть.*
>
> *Вы поймите. Еще до того, как вы и все остальные поймут, что никакой борьбы нет. Поймут, что с вами*

никто не борется. Дойдет наконец, что с вами хотят диалога. Что мы все мучительно думаем, как вам выйти из этой ситуации, сохранив лицо. Еще до всего этого он уже чувствовал дурновкусие. Правильная и справедливая борьба не может быть стилистически позорной. У вас пропал стиль. Это начало конца. Этот ложный пафос. Эта фальшивая пассионарность. Это фортиссимо. Надрыв. Это все – стилистически беспомощно. Флаг из туалета. Преданные мальчики. Огнедышащий Киселев – дельфийский оракул. Ночные посиделки (камлания).

Неужели вы этого не видите? Я понимаю, почему этого не видит Киселев, Кричевский и Максимовская. Я не понимаю, почему этого не видит Шендерович, Пушкина и Сорокина. Это просто плохо. Плохо по исполнению. Это бездарно. Бетховен, сыгранный на балалайке, – это не Бетховен. «Какая гадость эта ваша заливная рыба». Киселев на операторской стремянке, произносящий гневную филиппику лоснящимися от фуа гра губами. Визг. Как железом по стеклу. Пупырышки. Я это чувствую. А вы? Прекратите. Не получилось; не верю. Это должен быть либо другой театр, либо другая пьеса, либо другие актеры. Звонит Новодворская: «Альфред, а что, Киселев не знает, что вы антисоветчик?»

Нет, не знает. Не хочет знать. Тернер. Дайте Тернера. Хочу Тернера. На Тернера. Не хочу Тернера. Что хочешь? Свобода слова. На свободу. Не хочу, не верю. Я хочу штурма. Может, меня наградят… Посмертно. Шендерович! Ау! Не чувствуете?

Весь в бежевом. Снова в бежевом. Теперь – габардиновый. Улыбается. Думает. Идет по Красной площади. Любить и пилить. Отдыхать. Пушкина! Ау! Не отворачивайтесь. Не затыкайте нос. Нюхайте. Это ваше, родное.

Губы дрожат. Громко. Да или нет. Нет, вы мне ответьте – да или нет. Аааа! Не можете. Вот мы вас и поймали. Уголовное дело, кажется? Мы вас выведем на чистую воду. Сорокина! Слушать. Не затыкать уши. Терпи.

Как говорил Остап Бендер, «грустно, девушки».

Надо взрослеть. Надо стать. Надо проветрить. Проветрить. Помыть полы. Отдохнуть.

Своим враньем вы оскорбляете мой разум.

Альфред Кох

Когда наше терпение лопнуло, мы прекратили этот балаган. Попросту ночью зашли в компанию, подкупив «лучшую в Москве» службу безопасности Гусинского, и начали ею руководить. Сколько можно было нянчиться с этими олухами?

Позже это назовут «штурмом». Господи, они штурмов не видели! Это как Зимний брали – пришли десять человек да арестовали Временное правительство, а позже Эйзенштейн изобразил «взятие Измаила» и море жертв.

Боря Йордан оказался хорошим телевизионным менеджером. Я считаю, что самой высокой оценкой его работы является ревность, а потом и ненависть, которую он вызывал у Добродеева, Эрнста и Лесина. Впрочем, эта их ненависть его потом и сгубила… Или, наоборот, – спасла? Я не знаю, как бы он сохранил себя в нынешнем Останкине.

Потом была замена руководства в «Газпроме». Пришел Миллер, Шеремета вскорости ушли, работать стало не с кем. Первым из «Газпрома» ушел, хлопнув дверью, Казаков. Потом ушел я. Миллера я знал еще с института. Он учился на год младше меня. У меня по его поводу не было никаких заблуждений. Как, наверное, у него насчет меня. Я знал, что он не будет принимать никаких решений, а он знал, что я буду от него их требовать. Расстались мы мирно – я просто сказал ему, что ухожу, поскольку мне не нравится у него работать. Мне кажется, что он воспринял мой уход с облегчением.

Я даже не думаю, что со мной поступили несправедливо, так откровенно избавившись от меня. Я всегда считал и сейчас считаю, что в конфликте между менеджером и акционером всегда прав акционер. А прав ли акционер на самом деле – покажет жизнь. А она длинная-предлинная… И за 2001 год уходит, и потом, и дальше… Бог знает куда. И даже после всего она еще продолжается… Впрочем, Миллеру это не понять. Никогда.

Комментарий Свинаренко

Что касается гусеборчества… Тут удивительная вещь! Твоя, Алик, логика – в части финансов – тут безупречна. Но кроме нее же есть и глубинный смысл, есть же подсознание. Есть коллективное бессознательное, которое определяет судьбы народов и стран. **Все-таки мне кажется, что это была страшная ошибка – идти на эту битву с Гусем. «Нас всех этому учили. Но зачем же ты стал первым учеником?»**

Ну, типа, Чикатило заслуживал смертной казни, по всей формальной логике. Но совсем не обязательно идти в добровольном порядке приводить приговор в исполнение. Это

уже уход без возврата в какую-то другую жизнь, в другую судьбу, на другие пути и уровни. После все будут говорить: «А, это тот парень, который стреляет в затылок связанным людям!» Но позвольте, он же пристрелил маньяка, убийцу. Да, да, мы что-то такое припоминаем, да, именно так и было; но это детали, это не принципиально. Что, он еще и денег взял? И, разумеется, он уверяет, что не деньги тут главное? Ну-ну… Что ж ему еще остается говорить… А может, он вообще за деньги готов на все? Кстати, сколько ему тогда заплатили? Сколько, сколько?! Неплохо… Ага, пусть он после этого еще что-нибудь расскажет про служение общественным интересам.

Вот взять в пример мои личные ощущения. Нельзя сбрасывать со счетов того, что тогда, в 2001-м, я был на стороне Киселева и УЖК! Ну ладно, от пафоса я морщился, и песня, которую Евгений Алексеич крутил тогда на митингах про то, что есть у нас еще дома дела и что-то там встает, «возбуждаясь на наготу», мне кажется недопустимой. Но это были именно вкусовые дела, а содержание я рассматривал отдельно – я считал, что вот идет уничтожение свободного ТВ. При всей бухгалтерской правильности расчетов в итоге сделано было именно это. Позже мелькали тексты про то, что Коха использовали втемную – как это любят чекисты. Предлог был до крайности благовидный, логика, как мы уже давно выяснили, безупречная, финансовые расчеты точны как часы – но это был первый шаг в сторону от свободного ТВ. Как ни крути.

С высоты сегодняшнего дня, после многочасовых разговоров с тобой, я вижу ту ситуацию иначе. В другом свете. Но далеко не все имели возможность так вникнуть в вопрос. И не всем интересна формальная логика, особенно в такой иррациональной стране, как наша.

Забавно, что сегодня, когда я вот это все пишу, идет разборка между олигархами: Фридман отсудил у Березовского 10 миллионов долларов. Можно на это посмотреть так, что эти двое выясняют на примере «Коммерсанта» границы свободы слова. Но, возможно, кто-то третий с улыбкой наблюдает за схваткой. Вот молодцы, думает он! Я не знал, как к этому делу подступиться, а они сами догадались и мочат друг друга. Поняли мои намеки. Уловили дуновение времени. Ну спасибо. Тонкая вообще разработка… Как сказал Андрей Васильев в интервью по этому поводу, «Альфа-банк» выбрал очень удачный момент для выяснения отношений с «Коммерсантом»… Вообще это **чисто русское поведение: перед лицом Мамая начинать мочить друг друга. Примеров кругом множество. Из самых ярких и самых грустных – парламентские выборы в декабре 2003-го. Этот**

русский путь так тянет к себе, что даже еврейские бизнесмены на него ведутся…

Комментарий Коха

Если правилен твой образ и я с Гусинским – это русские князья, которые дерутся между собой, перед лицом татарского нашествия, то с тобой, Игорь, нужно согласиться.

Но может быть, это Гусинский Мамай, который пытается проканать за своего?

И тогда для борьбы с такими Мамаями не зазорно и с Кремлем объединиться?

Кстати, судя по сотрудникам Гусинского (один Бобков чего стоит), он давно и плотно работал с комитетами и на Комитет. Тогда тем более я прав: татаро-монголы между собой дерутся, так я и радуюсь. Чем больше они друг друга будут мочить, тем лучше. И помочь им в этом вопросе – святое дело.

– В том же году еще интересная ситуация была – 9/11. Если ты помнишь, без 15 минут девять утра первый самолет в башню врезался. Это было без 15 пять по-нашему.

– Да, в рабочее время. Помню, мы сидели в офисе…

– И я тоже. Включил телевизор, посмотреть новости РТР…

– Они прервали все передачи и стали это давать в эфир.

– Нет, началось все с новостей – «А вот в Нью-Йорке какой-то самолет в дом врезался». Показали, как горит одна башня, причем она еще стоит, она не сразу рухнула. Типа, казалось, что все не очень так серьезно. И я смотрю, смотрю, и вдруг на моих глазах – вторую херак! Думаю – е… твою мать! А у меня же там, в Нью-Йорке, товарищ, Леня Блаватник. Я ему звоню. А он живет – это было самое начало сентября, в Нью-Йорке еще жарко – в Хэмптоне. Я говорю: что у вас происходит? Он: а что происходит? – Е… твою мать, включи телевизор! Он включил, и точно: е… твою мать! Я говорю: я тебе перезвоню. Но потом долго не было связи. Они же вообще все отключили. Связи нету с Нью-Йорком, что там происходит? А там у Бори Йордана брат Миша рядом с этими башнями на Уолл-стрит работает, там Жанночка Немцова учится в «Fordom University» рядом с Линкольн-центром. Там куча друзей! Тот же Рома Каплан, Вити Вексельберга жена с детьми, семья Семы Кукеса. И – не дозвониться. Все на ушах стоят. Такая история. Но потом все потихонечку отзвонились. Жанна Немцова плюнула, забросила университет, приехала сюда и в МГИМО поступила.

– Из-за этого?

– Ей там плохо одной было, тоскливо, город чужой, в тот момент стал грязный, после того как башни рухнули…

– Просто одиноко или на нее так это подействовало?

– Подействовало, конечно.

– Вот я, кстати, думал… Представим себе войну, катаклизм, жуткую какую-то катастрофу. И представим себе, что некто встречает эту ситуацию в эмиграции, где он живет один. Он вообще ни хера там не поймет. И он себя будет чувствовать значительно хуже туземцев.

– Конечно.

– Так что в целом лучше жить на родине.

– Ой, ну конечно, лучше на родине. Но только вот родина не шибко нас любит.

– Ну а что, я сам живу в эмиграции уже 20 лет… С тех пор как покинул Украину.

– Водки нам принесите. (*Это официанту.*)

– Минздрав предупреждает, Алик. Шучу, шучу! Последнюю главу книги мы надиктовываем честно, по классической схеме – водочка, грибочки… Все как у людей. Русская тема, родная. А то ведь, надо признать, были у нас отступления от генеральной линии. Иные главы на такую трезвую голову надиктовывались, что прям стыдно даже перед читателями…

– Давай. (*Поднимает рюмку.*)

– Ну, за последний том – за успех! (*Выпили.***) Да, мы два эмигранта фактически…**

– Условно говоря, я не виноват, что родился в Казахстане. Видимо, по проекту предполагалось, что я должен государству «хайль» говорить, но товарищ Сталин рассудил иначе, поэтому я получился как бы родившийся за границей.

– Я с вашим братом, с этническими немцами, немало выпил. Когда там учился. А потом еще съездил с немцами русскими в Германию, по линии Союза журналистов, в 89-м. Там были все немцы – кроме меня. Они там были с Алтая, с Поволжья… Там нам объяснили профессора, на уроках языка, что этот вот язык законсервирован на уровне XVIII века. И более новых слов, которые позже возникли, наши немцы просто не знают.

– Вот у меня тетка, которая отцова сестра…

– …как мы знаем из предыдущих томов…

– …она по-русски плохо говорила. С сильным немецким акцентом она говорила по-русски, с этим характерным придыханием.

– Аналогичный случай был с Набоковым – помнишь?

– Нет.

– Ну, когда его отец, отвлекшись от государственных дел в Думе…

– …где он руководил кадетами.

– Угу. Решил проверить успехи ребенка в учебе. Напишика, говорит, я подиктую. А тот писать не умеет, он по-русски понимал только слова типа «какао». Папаша в ярости. Как так, мальчик неграмотный! Ему объясняют, что мальчик прекрасно читает и пишет – правда, по-английски. А по-русски – ни хера, русский у него только устный. И Набоков-старший немедленно изменил направление воспитания.

– Скажи мне, пожалуйста, Набоков-старший ведь был очень богат.

– Да.

– А причина богатства в чем состояла? Помещик он был или кто? Он же вроде был разночинцем. Они же не дворяне были или дворяне?

– Мамаша писателя была в девичестве Рукавишникова.

– А! Купцы они были.

– Саша Рукавишников[33] сомневался, а точно ли это его родственница породнилась с Набоковыми, – но потом Филипп, Сашин сын, отыскал доказательства.

– Ну у нее понятно, откуда бабки. А у него откуда?

– Не знаю. Ну как – женился…

– Он кто по профессии был – адвокат? Я не помню.

– Я и сам не знаю, надо поднять. И вот с немцами поехал я тогда на их историческую родину. И там, на уроке мы разбираем слово bumsen, то бишьбуквально «трахаться». И выясняется, что наши немцы его в таком значении не понимают. У них только старое значение bumsen, типа приблизительно «пихать», «двигать». Там, конечно, смеху было по этому поводу! И один немец из нашей группы оказался, ты будешь смеяться, пидарас. И он не нашел ничего лучшего, как ко мне приставать.

– Видимо, он нашел что-то в тебе такое… Почему-то он решил, что именно ты… Ха-ха!

– Может, он просто из-за моей красоты? Тебе не приходило такое в голову?

– Нет, ты меня как красавец не привлекаешь.

– И слава Богу…

– Вот если серьезно, то я могу тебе сказать, что, когда в Москве в 99-м году взрывали дома, да и после, и, конечно, Беслан, во мне это отзывалось сильнее, чем когда World Trade Center взорвали. Хотя потери там были в 10 раз больше и Нью-

Йорк тоже не чужой мне город – тем не менее… Знаешь, в нью-йоркской трагедии был какой-то элемент голливудской постановки. В то время как во взрыве этих домов в Москве все было такое неприкрашенное, сиротское, тоскливое… У меня много знакомых работает в самом центре Нижнего Манхэттена. Тем не менее. Вот что я тебе скажу. Там самое большое количество денег на квадратный метр в мире. Эти люди постоянно совершают миллиардные сделки, там фактически решаются судьбы целых стран и континентов. И у людей, которые там работают – даже клерков, – некий такой имидж обладателей безграничных ресурсов. И вот это вот и есть логово глобализма, американского империализма и прочей разной херни. И вызов арабских террористов, которых, безусловно, я никак не оправдываю, – он таким людям и адресован.

– В отличие от жителей бедных домов в Печатниках.

– Совершенно верно! С Нью-Йорком это выглядело более или менее логично. Американцы типа захватили полмира, пытаются навязать остальным свой образ жизни, даже тем, кто не хочет этот образ жизни принимать. И вот по этому террористы взрывают Уоллстрит, взрывают Пентагон и так далее.

– А наш Trade Center на Краснопресненской набережной стоит.

– Стоит. А взорвали дом на окраине. Вот знаешь, этих людей на улице Гурьянова или на Каширке, в Волгодонске или Буйнакске, я уж не говорю про бесланских детей, спроси, нужна им война в Чечне? Они тебе ответят – нет. Зачем их убивать? Вот это вот меня поражает… И, блядь, бесит! Ну взорвите, суки, Министерство обороны, храбрые джигиты и джигитки! Что, слабо? Так нет, бедных нищих людей убили и ходят героями, отомстили… Кому отомстили, гниды?

– А как тебе эта версия, что самолеты врезались утром, когда в офисах были только негритянки и пуэрто-риканские уборщицы, что дома эти давно планировали сносить, но это было дорого и так далее. И что нужна была какая-то вспышка чего-то, повод для того, чтобы захватить новые нефтяные районы… Как тебе эта версия?

– Я это отлично понимаю. Но тем не менее эти террористы реально шли за мусульманское дело.

– А, их втемную использовали. На слюнтявку развели.

– Да. А развели их страховщики, те, кто эти дома застраховал. Шутка!

– Через подставных лиц. Да, да! То есть ты не исключаешь этого?

– Ну а что с того? После любого теракта, когда его версия

официально озвучивается властями, появляется симметричная версия, что сами власти это и устроили. Это неизбежный вариант. А побеждает не та версия, которая ближе к истине, а та, в которую больше народ верит. Если, допустим, народ доверяет правительству, то он больше верит, что взорвали чечены. А если народ правительству не верит, то, что бы ему правительство ни говорило, – все равно в голове будет сидеть, что все взорвали чекисты. Вот приведу тебе пример действия такого механизма. Мы все знаем, что не Путин начал вторую чеченскую войну, что ее начали чечены. Но поскольку к средствам массовой информации доверие сейчас снижается – ну понятно, ведь средства массовой информации контролируются государством, – эффективность промывания мозгов снижается. И смысл захвата тотального контроля над СМИ исчезает. То есть они думали, что захватывают машину для промывания мозгов, – а когда захватили, она тут же перестала быть машиной для промывания мозгов. И вот сейчас любого разбуди: кто начал чеченскую войну? Путин. Да-да-да! В массовом сознании это именно так. Потому что доверие к СМИ равно нулю.

– Это та же история, что хер кому докажешь, что мы с фашистами на одной руке начали Вторую мировую войну. При том что мы таки напали вместе, синхронно, на Польшу. Только они в открытую, а мы слова «Польша» избегали, мы говорили исключительно про ее регионы, которые с натяжкой можно было назвать Западной Украиной и Западной Белоруссией. Люди говорят: ну что вы, это разные вещи, то – фашисты, а у нас-то был освободительный поход по просьбе трудящихся (сами, не понимая при этом, что несут, – освободительный, типа, поход). А почему вещи разные, почему это вдруг они так странно совпали по времени – непонятно.

– Ну так и парад был совместный в Брестской крепости по случаю начала войны. Советско-немецкая дружба. Мы ж дружили взасос. «Советско-немецкая дружба, скрепленная на полях войны» и так далее. И Молотов выступал, говорил, что вот Польшу мы взяли с немцами, и это есть хорошо…

– Это надо поднять нам и осмыслить. Интересная это вещь, конечно, – пропаганда, журналистика…

– А теперь та же ситуация, какая была в годы застоя: если, допустим, правительство чего-нибудь хорошее для народа замышляло, он был уверен, что оно его нае…ать хочет. То же самое и сейчас будет: пройдет год-два, и по отношению к Кремлю будет ровно такая же реакция. Не будут верить ни одному слову власти.

– А сейчас, типа, верят?

– Ну, это такой постепенный переход. Сейчас меньше верят, чем в 2001 году или 2000-м.

– Я, честно говоря, перестал пристально следить за политикой. Ну Кремль, ну власть – чего теперь в этом непонятного? Все уже ясно, и можно расслабиться.

– Сейчас уровень доверия к власти резко падает. Путин по-прежнему держится, но общее настроение меняется…

– Мне кажется – это мое ощущение, – у людей нет уже чувства честной игры, а есть такой взгляд: начальство приказало, а наше дело исполнять… Или делать вид. И ни кто уже не думает, что бывают выборы. Назначают людей, и до свидания. (*Разговор шел за неделю до объявления о реформе выборной системы, до решения о том, что губернаторов будут назначать.* – Авт.*)* **Я, помнишь, давно говорю: выборов нет, а есть назначение, и это, как ни смешно, правильное решение. Так оно и лучше. Вот мне кажется, вот такое сейчас настроение общества. А если вернуться к теме 9/11, то я видел некое документальное кино. Я забыл, кто автор, как название… Но это такой известный в кинокругах фильм, он причем длинный, чуть не два часа. Там город, дым, машины едут – сверху это снимается, с вертолета, – и потоки входят в метро в час пик, утром. Это Нью-Йорк приблизительно. На завод люди заходят через проходную… И эффект, которого авторы, наверно, пытались добиться, был такой: это не то что даже люди, это скорее фарш, который выходит из мясорубки. А где ж в современном мегаполисе человек, где личность? – автор как бы задается таким риторическим вопросом. И весь фильм там люди на уровне баранов или в лучшем случае насекомых. А под конец показали отравленную природу, птиц там дохлых, пляж, залитый нефтью… В общем, по фильму выходит, что человек – это такая глупая жадная тварь, которая все испортила и без которой всем лучше. Старый фильм, но весьма эффектный. Я все ждал, что наконец будет обнажен прием и покажут настоящий фарш, покажут сделанную из него колбасу, а потом еще и поток говна, в которое превратилась колбаса, – чтобы добить зрителя этим сравнением. Но они этого не показали. Я смотрел на это и пытался представить: вот таким или не совсем таким видят белого человека и всю его белую цивилизацию те арабы, которые взрывали Америку?**

Какие-то бессмысленные потоки человеческого мяса… Не говоря уж о том, что у жителей мегаполисов ни веры нет, ни искренности, ни соответствия слов делам. Может ли это

нравиться бедуинам каким-нибудь? Могут они этому сочувствовать и сострадать разбомбленным ньюйоркцам?

– Ой, не надо.

– Нет, подожди. Такой вот араб говорит: я живу на своей земле, у меня ишак, я вспахал землю, лично провел посевную, в поте лица своего, а что потом выросло, то съел. Так написано в Коране, так я делаю. И вот он смотрит на американцев и думает: никто не живет своим трудом – в примитивном, в диком смысле. Все врут. Ну и что это за уроды, зачем они нужны? Они запутались, они сами не знают, чего хотят! Не говоря уже про порок, про зло. Арабы ведь тоже читают заметки про то, что белые своих гомосексуалистов венчают… Вместо того чтоб их, к примеру, огнеметом жечь. Мне страшно просто представлять, что бедные эти арабские камикадзе могут про нас думать. Мыто к себе уже привыкли, а они-то нас со стороны рассматривают пристально и весьма, думаю, холодно. Я помню, как вскоре после 9/11 я брал интервью у Миши Тарковского, писателя и племянника.

– Ты про него много рассказывал.

– Да. И вот я ему говорю: послушай, а вот у вас, наверно, у охотников на Енисее, не было большого сочувствия к разбомбленным ньюйоркцам! Вы, наверное, приблизительно как талибы на это посмотрели тогда. Он говорит: «Ну абсолютно! Я собирался, как сейчас помню, на охоту, зашел к соседу насчет дроби, а там по телевизору кино идет, как самолеты врезаются в небоскребы. Потом оказалось, чтоэто не кино, а репортаж, но большого впечатления и это не произвело». И вот насколько ж глубокая пропасть между охотником, который живого человека видит раз в неделю, и жителем мегаполиса! Тому же Тарковскому даже жители Лондона показались мутантами, а чего уж про Нью-Йорк говорить! Подавляющее большинство населения России не чувствует Нью-Йорк родным городом и не может ему сочувствовать. Ну мы с тобой понимаем, что это любимый город, нам многое близко в Нью-Йорке. Но мы – исключение среди скольких-то миллиардов населения Земли.

– Вот не согласен я с тобой, и все тут! Я могу тебе сказать, что если говорить об арабах, об исламской цивилизации в ее нынешнем виде, то мне кажется, что моральное превосходство европейской цивилизации очевидно. Вне всякого сомнения. Могу объяснить почему. Вот смотри. Я на майские праздники ездил в Испанию в очередной раз, по Андалузии путешествовал. Вот европейская цивилизация не пережила интеллектуального краха,

какой пережила исламская цивилизация. Они же когда-то были реально умнее европейцев, образованнее! Алгебра, архитектура, мореплавание, астрономия, медицина… Поэты у них великолепные были, писатели. Куда все это делось? Все пропало. Европейская цивилизация не переживала такого. После того как рухнул Рим, античная культура, все равно Византия была. Все равно были монастыри. Потом постепенно начался Ренессанс, при том что, повторю, в Византии культурное начало не умирало никогда. А вот куда арабская культура делась? Вот для меня совершенно очевидно, что эти люди, которые сегодня кичатся своим революционным экстремизмом, на самом деле защищают отсутствие элементарной материальной культуры. Они запретили себе живопись, скульптуру, поэзию, они запретили себе эротику, любовь, они довели женщин до состояния животных. Они не хотят получать нормальное образование – за исключением самых богатых принцев, которые жируют на нефти. Из этого что следует? Что они ближе к Богу? Полная чушь.

– Они мне глубоко чужды. Я не рассказываю тебе, что они ближе к Богу. Но я пытаюсь смоделировать их взгляд, их мысли.

– Я могу тебе сказать про их взгляд, про их мысли. Это та же самая история, которую я люблю повторять: ватерклозет – это для цивилизованного человека удобство, а для дикаря это ограничение свободы.

– Ну як же можно – в хаті срать?

– Да, дикарь привык срать где угодно, а его гонят в сортир… Ограничили ему свободу. Так как вот европейская культура – это безусловно отражение интеллектуального превосходства.

– Говорю тебе: я не являюсь защитником исламских ценностей. Да я их и не знаю.

– Исламские ценности есть логическое продолжение сначала иудейских, а потом и христианских ценностей и ничего больше. Они абсолютно нормальны и могут быть нами восприняты. Ислам, когда он был на гребне, когда халифат…

– …тогда там была свобода…

– Там все было – интеллектуальная свобода, поклонение женщине и так далее, все было прекрасно. Но они превратили это в идиотское орудие какой-то тупой мести.

– Я не являюсь защитником ни терроризма мусульманского, ни мусульманства вообще. Я пытаюсь понять, что происходит. И вижу, они хотя задавили все свободы, они заставили весь мир о себе говорить. И их бояться.

– Вот этот путь – путь ограничения свободы – приводит к

большим бедам. Они, правда, еще не превзошли Гитлера или того же председателя Мао, который во время Культурной революции 60 миллионов людей уничтожил. И Сталина не превзошли. Ну может, с десяток тыщ погибших у нас вместе с потерями военными. Это не похоже на противостояние цивилизаций.

– Они массово умирают за свои идеи, а мы ни хера не идем умирать.

– А зачем умирать? Нам это не требуется. Мы настолько их превосходим в материальной культуре, что они не в состоянии с нами выдержать противостояние.

– Это мне напоминает…

– Это что у нас? Окрошечка? Хорошо… Я тебе сейчас приведу пример… А сметанка где у нас?

– Но это же холестерин. Холестеринчик чистый. То есть это очень вкусно… Ну, веди свой пример.

– Значит, смотри. Есть противостоящие нам арабы, чечены, ну вообще исламские фундаменталисты. Если бы Россия взяла и захватила всех чеченов, находящихся в Москве и в Чечне, во всех населенных пунктах, которые контролируются федеральными войсками, собрала их в одну кучу – какой-нибудь концлагерь – и сказала бы: так, значит, считаю до трех, блядь. Басаев – выходи, Масхадов – выходи, складывайте оружие, иначе мы начнем расстреливать по одному. Мы все равно всех расстреляем, потом еще атомную бомбу, блядь, бросим на Чечню, чтоб там сто лет трава не росла. И все ваши ебаные горы, блядь, сровнялись с землей. Я думаю, что война в Чечне быстренько бы закончилась. Как ты считаешь, я правильно говорю? Что мешает нам это сделать? Ответ прост: у нас есть собственные нравственные ограничения. Теперь поставим вопрос иначе: а вот если б у Басаева была атомная бомба? Он бы ее не задумываясь применил! Так же как и арабские террористы. Вот тебе простое и понятное доказательство нашего нравственного превосходства.

– Нет, Алик, я и так понимаю, что мы эту публику нравственно превосходим. Но в данном случае мы же не ведем дебаты, не агитируем друг друга, за кого нам выступать. У нас нет сомнений. Но тем не менее у них есть сильное чувство их правоты…

– Да нет у них никакого чувства правоты, там тупое упрямство – вот и все. Что они хотят нам доказать? Что они в состоянии функционировать как самостоятельное государство? Полная ложь. Что, арабы хотят нам доказать, что они в состоянии управлять самостоятельным государством в Палестине? Полная херня. Они не в состоянии производить даже автоматы, из которых стреляют. Они за 500 лет не произвели ничего нового.

Они ездят на наших автомобилях, носят нашу одежду, курят наши сигареты, едят нашу еду.

– Ну и что им теперь из-за этого – застрелиться или как?

– Нет, но пускай не пи…дят! Вот и все. Господь смилостивился над ними и дал им нефть. А мог бы и не дать.

– Вот нам он нефть дал в наказание. Может, и арабам в наказание? Они перестали учиться, работать.

– Наверное… В Саудовской Аравии работают индусы, негры и прочие, а арабы сидят и ничего не делают…

– Ты заметил, что постепенно у американцев все более терпимым делается отношение к тому, что мы исполняем в Чечне? Раньше они говорили: закрывайте тему, дайте им свободу, и все. Повстанцы, барбудос там… И вот только после 9/11 они начали немножко соображать, что у нас происходит. И еще вот недавно нашлись какие-то планы Аль-Каиды, а там написано, что они всегда собирались чеченцев привлекать к диверсиям в Штатах. Это вправило им немножко мозги. И я написал еще такую вещь, что для них бомбежка Нью-Йорка – это как для нас развал Советского Союза. Они думали, что они уникальные, что они круче всех, самые большие… Оказалось – такие же, как все, настолько же уязвимы, как какая-нибудь Молдавия. И у нас, и у американцев, как мне кажется, идет сходный процесс. Они тоже утратили вот это чувство девственности – а вот мы-де не такие, как все. Они поняли, что они такие, как все, – теперь.

– Ну не знаю. Я не считаю, кстати говоря, что наши проблемы с Чечней и их проблемы с той же самой Аль-Каидой имеют одну и ту же природу. Понятно, что в Чечне мы имеем дело с банальным сепаратизмом, в то время как у конфликта между арабами и Соединенными Штатами другие причины. Чеченская ментальность, как мне представляется, в меньшей степени религиозна, чем это пытается подать наша пропаганда. Я об этом писал в предыдущих главах…[34] Да и сепаратисты они те еще. Они же хотят отделиться, но при этом чтоб было единое со всей Россией экономическое пространство, чтобы можно было свободно ездить туда-сюда…

– Ну да, чтоб они сюда ездили, а наша милиция туда не могла въехать.

– Да. Вот этого они и хотят. И это настолько шито белыми нитками, что на это, конечно же, ни в коем случае нельзя соглашаться. Вот эта болтовня про единую Россию, про нерушимость границ – это полная херня, это фетишизация территориальной целостности, это такая глупость невероятная! Особенно когда думаешь о том, что один из самых умных

государей, Александр Второй, не задумываясь расстался с Аляской. Потому что он понимал, что не в состоянии был обслужить это хозяйство. Ну, про нефть никто тогда и знать не знал…

– А ты знаешь, что наши давали взятки американцам, из казенных денег – лишь бы Аляску американам впарить?

– Да-да. Если среди русских такие продвинутые люди, как Александр Второй, никогда не страдали проблемой территориальной целостности, то уж мы-то и подавно не должны. Проблема в другом. Мне кажется, можно было вопрос снять иначе. Сказать чеченам: ребята, это мы будем решать, поддерживать с вами дипломатические отношения или нет, давать вам въездную визу или не давать, и мы сами определим характер границы, и режим въезда-выезда, и экономические взаимоотношения…

– Ладно, раз тебе с Чечней все ясно, скажи, а что делать с Курилами?

– Отдать японцам.

– Послушай, я придумал замечательный выход: мы Курилы отдаем японцам, но прежде ссылаем туда всех чеченов. Ну как?

– Чечены не поедут.

– Да ладно. Чемодан, вокзал, Кунашир. И все! Таким манером мы убиваем трех зайцев: налаживаем отношения с Японией, избавляемся отКурил и решаем вопрос с Чечней. А освободившуюся Чечню отдаем в концессию соответственно… О! Гениально! С Японией вряд ли получится, это даже немного похоже на шутку. А теперь я тебе изложу абсолютно реальный план. Значит, так: мы Чечню отдаем Китаю в концессию. На 99 лет, как обычно.

– Почему Китаю? Да и зачем она ему? Там нефти нет, мы всю выкачали…

– Китайцы как миленькие согласятся. Зубами уцепятся. Китайцы настолько плотно входят в Россию, таким широченным фронтом, что за идею получить в России плацдарм для дальнейшего внедрения ухватятся так, что не отдерешь. Ты не замечаешь, как быстро китаизируется Москва?

– Между прочим, я об этом написал в самой первой главе.

– Но ты написал, что это полезное явление. А я когда еду в метро и вижу, что по китайцам мы уже догнали Нью-Йорк…

– А может, это башкиры с якутами – откуда ты знаешь?

– Алик, ну что я, не отличу своих от иностранцев? У них же на удивление чужой вид. И вот они кругом… Не

продохнуть. Это похоже на парижскую ситуацию. В каждый свой приезд туда видишь, что негров стало еще больше. Думаешь, дальше некуда, а смотришь через полгода – а их стало еще больше. Снова приезжаешь – их еще и еще больше… И это лично меня совершенно не радует. И вот когда ты говорил, что китайцы работящие, и надо их больше к нам завезти, и они будут поднимать нашу экономику, то я кивал – помнишь?

– Да.

– Но с того времени прошло, дорогой, два года.

– Ну.

– И сегодня по прошествии этого исторически ничтожно малого периода – двух лет – я уже немного в другом свете вижу эту ситуацию. В китайских ресторанах в Москве – тех, что они для себя построили, – я вижу презрительное отношение к белым. Я себя там чувствую нацменьшинством. Уже! Когда их в Москве еще и миллиона нет!

– А почему они должны уважительно относиться к русским, которые им трудовую конкуренцию проигрывают?

– Ничего себе! Понаехали к нам тут…

– Почему – к нам? Земля – она общая…

– А мне неприятно, что китайские официантки собирают дань с русских официанток в китайских ресторанах Москвы, а когда русские в свою очередь от китайцев пытаются получить денег по той же схеме, те их посылают.

– Ну так мы же за конкуренцию с тобой? Или как?

– За конкуренцию где? В чем?

– Везде. Во всем. Везде должна быть конкуренция, это есть основа прогресса.

– Ну так я дома-то не ввожу конкуренцию.

– В каком смысле?

– Ну вот ты сам дома – царь, бог и воинский начальник.

– Ну?…

– А вдруг найдется человек умнее тебя, красивее…

– Тогда моя жена меня бросит и уйдет к нему – вот и все.

– Ну да, он постучится в дверь, ты откроешь, он скажет: я хочу у вас устроить конкуренцию, поскольку я самый умный и красивый. Ты, наверно, ему скажешь: иди, братец, по холодку. И на охрану наложишь взыскание – зачем его пропустила.

– Ну, на самом деле я так не поступлю, это с моей стороны будет глупый поступок. По той простой причине, что моя жена может с ним встречаться вне дома.

– Ну, поступок, может, и глупый. Но лично я, к примеру,

не подписывался совершать только умные поступки.

– Ха-ха! Но нельзя отношения в экономике сравнивать со взаимоотношениями в семье.

– Почему? Семья – это твой народ… Другого у тебя нет. Вот и все.

– Когда речь идет о моем доме, это частная собственность. Священная. А когда речь идет о государстве, то это довольно условная вещь – что мое, что не мое. Ты же сам говорил, что Россия не за-се-ле-на.

– Да.

– Она занимает седьмую часть суши, ее, эту часть, обустроить не может, проложить дорог, построить городов, заселить ее, наконец. Если б не большевики, русских бы было 400 миллионов.

– Я допускаю, что часть территории надо отдать людям, которые будут реально работать. И пусть они на этом куске живут. Под нашим мудрым руководством и контролем. А не так, чтоб они на нас косо смотрели и не пускали в свои кабаки, как вон японцы, к примеру, наглеют. Зачем же чужих себе на голову сажать! Японцы, у них там есть особые бани и публичные дома, куда белых не пускают. Принципиально. Помню случай, как в баню не пускали одного американца. Жену его, японку, пустили. И одну дочку, которая в маму. А вторую, которая в папу, не пустили – хотя она по-японски лопочет безупречно и метрика у нее японская. Но харя у нее не косоглазая. Ну ладно, японцы так у себя дома изголяются. А китайцы – уже у нас дома. Выгода китайцев во взятии Чечни в аренду теперь тебе, надеюсь, понятна. Теперь объясню тебе нашу выгоду. Она в том, что китайцы будут с чеченами на ходу решать вопросы и даже не станут спрашивать, как тех зовут. Понимаешь, если они своих на площади Тяньаньмынь подавили танками и ни один мускул не дрогнул на их лице… Студентов подавили! Казалось бы, студенты – это лучшее, что есть в нации. Молодые, чистые… Так китайцы их раздавили, и нация это схавала не поперхнувшись. Наши бы, кстати, обосрались.

– Да ладно! Тоже постреляли немало…

– Не слышал ничего про стрельбу. Еще такое соображение в пользу моей идеи. У китайцев же тоже есть исламские сепаратисты – уйгуры. Которые их тоже достали. Вот сказать им: китайцы! Чечня ваша на 99 лет, все, работайте! Осваивайте территорию! Так они Басаева поймали б и шкуру спустили, и все распахали там. Не позволили чеченским Робин Гудам портить их бизнес. Чечня бы превратилась абсолютно бесплатно в цветущий сад. Причем совершенно

мирный. Дальше, значит, смотри. В 2001 году у меня еще такое событие было. Я вступил в Союз писателей. Сделал я это по следующим мотивам. Я подумал: ну вот уже у нас застой, кругом чекисты, вот уже возвращается советская власть. И надо уже настроиться на жизнь при ней. Вот скоро начнут за тунеядство винтить, еще за что-то. А я вступлю в Союз писателей и буду говорить: пошли вы на хер, я член творческого союза. И милиция замудохается меня преследовать за тунеядство, не сможет меня погнать работать на советский завод. В Союзе-то журналистов я состою, но он не очень творческий, журналистов все-таки держат за простых людей, а писатели, они более такие небожители. Как бы. Я абсолютно отчетливо помню этот ход своих мыслей! Потом прошел год, два, все вроде чисто и спокойно. И я подумал: чего-то я немножко перебздел. Ну да ладно, вступил и вступил. Так вот теперь получается, что у меня была нормальная реакция! Я правильно захеджировался! Ну, смешно же? И я еще в 2001 году упорно продолжал ездить по зонам и дописывать тюремную книжку, которая вышла в 2002, кажется, году. Я тогда проехал по знаменитым мордовским лагерям. Они стоят в таких чудных сосновых лесах. Песок там… Чуть не дюны. То есть совершенно дачные места, курортные.

– Это же на Волге.

– И был я там на зоне, где сидят только туберкулезные. Они совершенно жуткие такие, умирающие. И там была главврач, у нее мать умерла от туберкулеза, поэтому она стала работать с туберкулезом. Очень трогательная история.

– Фтизиатр называется. У меня был случай – мне ставили туберкулез. Слава Богу – ошиблись…

– Воспаление легких, да?

– Ну. Я, откровенно говоря, так обоссался тогда. Думал – труба, приплыли. Я даже курить бросил!

– Ну это только на пользу. Некоторые ж худеют.

– Какое там – я поправился на 7 килограммов.

– Ну, кто не курит и не пьет, тот здоровеньким, блядь, помрет. И еще там есть зона, где сидят иностранцы одни.

– Негры в основном.

– Не. Я говорю: а кто у вас сидит? Мне отвечают – есть вот граждане Соединенных Штатов. Ни хера себе! А ну дайте-ка мне их. Да ладно, это армяне, из Лос-Анджелеса. И еще много негров из какой-то страны типа Танзании. Человек 50.

– А, они носили наркотики!

– Они говорят: мы все сидим ни за что, нам подкинули

наркотики.

– Разом всем, да.

– «Мы абсолютно ничего и никогда, нам просто подкинули». Вот эти поездки по зонам… Это затягивает. Я когда не езжу долго, мне как-то неуютно делается, я чувствую какую-то неправильность в жизни. С чем это сравнить? Это все равно как долго не ездить в Париж или Нью-Йорк. Там какая-то своя, другая жизнь, другой градус, другой накал, другой полюс. Из зоны когда приезжаешь в Москву, она кажется такой мощной, такой сверкающей. Такой, что ни словом сказать, ни пером описать. И ценишь простые радости – а вот сейчас сяду пить чай и выпью сколько захочу! А хоть и во все даже водки! Или в любое время как захочу – пойду прогуляюсь. То, чего люди на зоне не имеют, ты какое-то время по инерции – это послевкусие – еще высоко ценишь. А потом привыкаешь к этим простым радостям и снова тяжело становится радоваться жизни. А вот еще в 2001 году я сделал интервью с человеком по имени Рафик Ашидович. Это был начальник Бутырки. И вот он рассказывал, как он поступил туда. Он пришел из армии, а тут как раз Олимпиада. А он в свое время хотел стать спортсменом, но ничего из этого не вышло. И он решил: хоть съезжу в Москву, какие-нибудь соревнования посмотрю. Приехал, познакомился случайно с тюремными охранниками, и они его к себе заманили: а что, сутки через трое, спортзал свой. Он купился на это дело и потихонечку стал надзирателем и даже дослужился вон до чего. Я говорю: ну как у тебя Гусь-то сидел, расскажи! Он рассказывает: Гусь вел себя безупречно в тюрьме. В отличие от… забыл, кто там сидел из прокурорских? А! Илюшенко! Так тот законник кидался чернильницами, орал, что со всех погоны посрывает, не давался обыскивать. Что касается Гуся, то он был сама деликатность и предупредительность. Отпечатки? Пожалуйста-пожалуйста. Вот здесь ответьте, тут подпишите. Он: да-да. А вот здесь? Как скажете. Не орал, никаких голодовок, чисто, деликатно – великолепный был зэк, просто не могли нарадоваться на него. Я говорю: ну конечно, он там во всех камерах поставил телевизоры и холодильники. Рафик это опровергает: да не ставил он никаких телевизоров. Как же так, в газетах писали. Он говорит: удивляюсь я на вас, журналистов, наврете чего-то в газетах, а потом сами же и верите. Я потом спрашивал у адвоката Астахова, который вел дело Гуся, – что ж это твой клиент пообещал и не сделал? Астахов сказал, что Гусь дал миллион рублей на тюрьму, а что на них купили, не его

вопрос. Ну а потом этого Рафика Ашидовича, милейшего человека, как известно, выгнали.

– Потому что у него люди сбежали. Подкоп…

– О, и в Марокко я еще в том году съездил. Ты был в Марокко?

– Нет.

– Это довольно удивительная страна. Поскольку она долгое время была закрыта, там все законсервировано в старинном виде. Не в ваххабитском, как в Саудовской Аравии, а в классическом арабском. Там базары настоящие, они там чего-то куют, продают. На базарах дерут зубы, продают лекарства из какого-то говна обезьяньего, факиры фокусы показывают… Марокко – пляжи, и Касабланка, и Эс-Сувейра, где хиппи тусовались. Удивительно подходящая страна для тихого такого отдыха в тепле. И в общем, недалеко.

– А чем это лучше Египта?

– Объясню. Египет – это страна урбанизированная, по ней прокатилась глобализация. Она такая вся циничная, заточенная на туризм, то есть на отъем валюты у иностранцев. А Марокко – там много еще настоящего, древнего, арабского. Египтяне – они и сами европеизированы, и страна давно открытая. Там просто голый бизнес на туристах, и все. Нет там простоты и естественности. А в Марокко я чувствую настоящий араб ский флер… Какого нет ни в Турции, ни в Ливане. И король там – отец нации. Роет какие-то каналы, чтоб сельское хозяйство развивалось, для крестьян какие-то реформы проводит. Нефти нет – значит, работать надо… Куда тому Египту.

– А я не был в Египте ни разу. Только собираюсь поехать.

– Дело хорошее. Пирамиды, Красное море. Но эти пирамиды – это чужая для них вещь, там жила раньше другая раса, там была другая культура. Это называлось Миср. После арабы-бедуины там поселились и начали спекулировать на этих пирамидах и мумии показывать за бабки. Это ж не их предки. И там язык был абсолютно не арабский, естественно. Нет внутренней связи теперешних египтян с древней культурой.

– Там и греки еще жили.

– Очень может быть. А «Касабланку» ты помнишь?

– Конечно.

– Который признан лучшим фильмом в истории мирового кино.

– Да. Там играют Хэмфри Богарт и Ингрид Бергман.

– Ну вот Касабланка очень интересный, симпатичный город. И там действительно нету фанатизма арабского. Бабы ходят в юбках, без платков.

– Есть много мусульманских стран, где с женщинами обращаются более-менее как с людьми. Та же Турция, Азербайджан. Тот же Египет, где женщины нормально себя чувствуют. Ливан, Сирия. Очень ограниченное количество стран, где планка-то упала: Иран, Афганистан, Саудия – да вот, пожалуй, и все.

– Марокко – это такая натуральная арабская древность, а до Марселя лететь 40 минут. И собирают они к тому же три урожая. То есть удивительная вещь. Картошка, овощи… И получается, что мы как заведенные возимся со своим сельским хозяйством – а зачем, чего?

– Александр Второй Среднюю Азию присоединил до Кушки вплоть, а Аляску продал. Понято почему, да?

– На Аляске потому что пустой холодильник.

– А в Среднюю Азию царь собирался крестьян переселять после отмены крепостного права. Он собирался заселять эти места.

– Да ладно!

– Да. Чтобы там было сельское хозяйство. Он прекрасно понимал, что в России заниматься сельским хозяйством бессмысленно. Освоение целины в Казахстане Никитой Сергеичем – это не более чем частичная реализация проекта Александра Второго.

– Ни хера себе. Я не знал, что он собирался в Среднюю Азию… Ты уверен в этом?

– Да.

– Так вот получается, что немцев отправили в Казахстан тоже волею Александра Второго.

– Как версия – да. Там в 60-е и 70-е годы были немецкие целинные колхозы, которые все рекорды били по урожайности.

– И это резонно, что ты теперь царю ставишь в Москве памятник. А еще в том году в Саудовскую Аравию уехала Языкова, художница знакомая. Она делает кукол авторских и продает. Вышла замуж за американца, который в Москве работал, и уехала с ним туда – он к арабам нанялся работать, типа, по телекоммуникациям. И вот они приезжают оттуда, а там бухла нету; кому невтерпеж, те самогонку гонят. Зашла к тебе дама в номер – тут же тебя арестовывает их местный комитет бедноты, или как там называются общественники, которые следят за исламской нравственностью. Там реально был такой случай: забежали к кому-то в квартиру, а там люди

сидят, разговаривают, даже не е…утся. Свинтили их, ее отпиздили, он в тюрьме сидел, пока его оттуда не вытащили. Он сразу в аэропорт; говорит, в вашей Саудовской Аравии ноги моей больше не будет. И эта художница русская сама приучилась ходить в парандже – иначе каменьями побьют. Короче, дикой красоты жизнь в Саудовской Аравии.

– Ну и скажи после этого – они живут правильно, а мы неправильно. Ну дурость ведь какая, подумать только!

– А я их встретил в Хитроу, пролетом из Африки домой. Мы там в магазине виски дегустировали сингл молты, и Лена с мужем мне рассказывалипро свою Аравию. Они и сейчас там живут… Еще у меня случилось такое в то время: я выступил в роли свахи. Вот ты знаешь Цивину? Это критик ресторанный «Коммерсанта».

– Нет, не знаю.

– Ну, короче, Цивина – это первый в России ресторанный критик. Ее Яковлев заставил еще в старом «Коммерсанте» ходить по кабакам и писать заметки.

– Хорошая работа.

– Она говорит: я не умею, не хочу, ничего не понимаю в этом. Но он заставил.

– Наверное, объелась всего.

– Небось. И вот встречаю я ее как-то в «Петровиче», там какая-то большая пьянка была – уж не пятилетие ли клуба? А напротив сидит человек по имени Андрей Светланов. И смотрит на Цивину, открыв рот, и спрашивает: кто эта красавица? Да чё ты гонишь, вы уж 10 лет в «Коммерсанте» вместе работаете, даром что на разных этажах. Ты уж ее как облупленную должен знать. Но он ее таки не знал! Он говорит: все отдам, только давай с тобой местами поменяемся. Я отказался, но он таки на мой стул залез, пока я ссать ходил. Он говорит: старик, извини, я ничего не могу с собой поделать. Утром звоню ему на мобильный. Говорю: что ты, гад, сделал с невинной голубкой? Он говорит: всё. Да пусть она тебе сама расскажет. И передает ей трубку. Короче, они вскорости поженились. Дочку уже родили. К семилетию «Петровича».

– Да ты что!

– И они, знаешь, счастливы, как старосветские помещики.

– Ха-ха!

– Бывало, придешь к ним в гости, не знают, куда посадить, чем угостить. Родного меня. А Светланов, он не как мы; у него тонкое лицо, интеллигентный вызывающий вид – не как у нас, просто интеллигентный, а круче, так что иногда

даже хочется ему по физии заехать. Очочки одни чего стоят…

– Ха-ха!

– И еще у меня был удивительный случай в 2001 году, в продолжение матримониальной темы. В 2000-м было 20-летие выпуска нашего курса на журфаке. Ну, встретились в Дом-журе, сдвинули столы. Кто-то напился, стал грязно приставать к своим однокурсницам. И в итоге на следующий год, как на старые дрожжи, еще встретились. И вдруг выяснилось, что Боря Хрипко и Анька Евсеева, которые учились в одной группе телевизионной, 20 лет назад закончили, – и вот поженились.

– После первой встречи.

– Да. Развелись со всеми, кто у них был.

– Круто.

– Вот, значит, как у человека все меняется в мозгу за 20 лет. Уже у него на все другой взгляд. И бабы ему нравятся уже какие-то другие…

– Я вспоминаю мои встречи с одноклассницами и одногруппницами. Я считаю, что мужики выглядят лучше, чем бабы.

– Естественно! Это есть польская поговорка на эту тему. «Старый пан – как старое вино, а старая пани – как старое масло». Ну как? Жестко, сука.

– Да. Поэтому женщина к 40 годам должна уже нарожать детей, иметь крепкие тылы, хозяйство.

– И бабки.

– Естественно. Тогда она уже и не зря как бы.

– И еще в 2001 году Люба Шакс вышла замуж.

– А кто это такая?

– Она была первый продюсер Парфена. Она вышла замуж за на тот момент начальника «Reuters» по всему СНГ. Это Дики Уоллес, англичанин. Писаный просто красавец. Такой высокий, кудрявый, седоватый. Дома сесть пообедать не может без накрахмаленной скатерти. Голодный лучше будет сидеть.

– Я тоже люблю такие вещи.

– Вот ты просто любишь, а он иначе не может.

– Ну, я плебейского происхождения, из крестьян.

– Еще в 2001 году мы в «Медведе» делали такую тему, несколько заметок – про живот у мужчин, хорошо это или плохо и как от него избавляться. И я тогда хотел привлечь к освещению темы Каху Бендукидзе. А он отказался. Ну и зря, я считаю. Ты, кстати, видел этот сюжет, где он своего собеседника на хуй послал?

– Нет.

– Ты не видел? Да ты что! Алик! Есть же запись.

– Я только слышал, что он с депутатом каким-то поругался.

– Да, с грузинским депутатом. Они сидят и спорят по-грузински. Потом Каха вдруг говорит по-русски: пошел на х… й! Тот говорит: сам пошел, да? Каха парирует: а что это ты со мной на «ты»? Очень хорошо. Я просто порадовался. У нас, собственно, заканчивается вся история 11 сентября 2001 года.

– Да. Она заканчивается 2001 годом. Я уже знаю, что буду в послесловии писать. Наша эпоха закончилась. Пришли совершенно другие люди с совершенно другой ментальностью. Реализуют другие идеи. Эти идеи в отличие от наших нашли поддержку в народе. А мы были одиноки, никто не хотел нас слушать. Поэтому, видимо, страна сейчас живет той жизнью, которой она хочет жить. А не той, которую мы вычитали из книжек и пытались ей навязать.

– А должны ли мы учить народ свой, Алик?

– Нет. Мы должны признать, что мы лишние на этом празднике жизни.

– И что же нам, по-твоему, делать?

– Ну, каждый решает сам – либо оставаться здесь и тихонечко сидеть и не пи…деть, либо уё…вать в те страны, где большинство нации разделяет наши установки.

– Как уезжали французы-протестанты в Германию и Голландию.

– Да. Как уезжали в Америку. Люди из Европы.

– Ты сделал уже выбор или еще думаешь?

– Я? Я хочу иметь все опции. Я всегда предпочитаю иметь выбор. Я хочу иметь возможность жить здесь и иметь возможность жить там. Это же разумно. Зачем мне делать выбор, когда его делать не надо. Я могу себе это позволить. Зря, что ли, я деньги зарабатываю. Они для того, чтобы иметь как можно больше опций. Логично?

– Да.

– Потому что деньги – это эквивалент свободы. Для меня.

– А не власти?

– Ну, это уже другая категория людей, для которых деньги – эквивалент власти.

– А, в этом же году я взял интервью у Васи. Ты его не помнишь.

– Помню, великолепное. Лучшее! Вот с Васей интервью и с Фридманом – я считаю, что это вершина на сегодняшний день твоего интервьюирования.

– В этом и их заслуга. Они оба пассажиры весьма

забавные.

– Но мне не нравится сама идея – брать интервью у журналистов. Самоопыление такое. Когда энтэвэшники в качестве интересных гостей к себе на ток-шоу приглашают собственных журналистов… Мне нравится, когда у нас в журнале всякие непрофессиональные люди делают всякие профессиональные рубрики – Лерочка Новодворская, Сашка Гафин, Матецкий, тот же я, – вот это вот очень симпатично. Получается здорово. Я с удовольствием все читаю, что они делают. Мне все нравится.

– Вот ты говоришь, что Гафин не профессионал. А знаешь ли ты, что он автор множества книг?

– Нет.

– Я сам не знал. Но оказалось, что при Советской власти он писал книги про БАМ например. За бабки причем. Не бывши на БАМе ни разу.

– А вот скажи мне, пожалуйста… Вот Боря Немцов – в общем, интересный парень. Дает меткие и верные оценки. Однако он плохие интервью дает… Почему?

– Трудно сказать. Это такой особый жанр. Вот Шаманов, казалось бы, орел. Мне понравилось, как он вел беседу со старейшинами в Чечне. Когда там чеченца молоденького убили и он уговаривал местных не мстить, а как-то договориться.

Он долго говорил и их уболтал, они кивали, и все кончилось хорошо. А интервью дает тоже не очень интересные… Еще я, кстати, в 2001 году съездил в пресс-тур в Бордо. Ездил там по замкам, которые скупает фирма «Малезан», – она торгует вином в России. Так вот они скупают виноградники в этом Бордо, такие, чтоб там были руины замков. И эти замки они восстанавливают, реставрируют, отделывают под старину, и вперед. Они создали клуб любителей старины, и члены могут со скидками селиться в этих замках и так культурно отдыхать. Кстати сказать, 17 ноября 2001 года ты мне дал интервью. Первое. Оно открывает первый том. Можно сказать, что с него и началась эта книжка. Которая вот этим и кончается – концом 2001 года…

Послесловие Свинаренко ко всем четырем томам

Каждому поколению достается своя война и своя оттепель. Речь не только про Вторую мировую и шестидесятничество – но и про Гражданскую с нэпом. Нам повезло больше других: оттепель у нас выдалась просто грандиозная, а война – самая вялая из тех, что были за последние 100 лет, до сих пор по крайней мере.

Зачем эта книга?

Книги – они для того, чтоб убивать время. Я говорю это со знанием дела, как человек, который видел ситуацию с обеих сторон баррикады. Многие годы чтение было моим главным занятием в жизни, я от него отрывался ненадолго, только чтоб заработать на хлеб и выполнить какие-нибудь иные скучные обязанности. Смешно: общаясь с девушками, я болтал с ними опять-таки про книги. В юности я всерьез планировал проработать всю жизнь сторожем или же истопником, чтоб иметь возможность беспрепятственно читать и не тратить время на ерунду и суету. Что касается материальной стороны жизни, то плавленые сырки с «Жигулевским» пивом и езда на трамвае казались мне вполне приемлемым уровнем; так я представлял себе достаток. Я покупал новые ботинки тогда, когда имевшаяся единственная пара начинала разваливаться. То же было и со штанами. Помню, у меня случайно завелись вторые джинсы, так я их тут же сменял у поэта Андрея Гальцева на потертый пилотский кожан (подаренный ему летчиком, отцом девушки, за которой он ухаживал в перерыве между первым и вторым браками), который меня сразил тем, что его можно носить и зимой и летом, что избавляло от множества забот с гардеробом. Забавно, что когда через 20 с лишним лет после этой сделки в очередной приезд Гальцева в Москву из своих азиатских путешествий мы пошли с ним пить пиво, он обратил внимание на смешной факт: на мне была летная куртка, не та самая, конечно, но того же самого образца. Мы посмеялись. И вот что еще смешно: мы познакомились с Гальцевым в начале 80-х, когда начала разворачиваться ситуация, из которой мы сделали книгу. А над моей привязанностью к старому фасону мы смеялись, когда я сдавал четвертый том в издательство.

Ну так вот. Как читатель я, стало быть, вполне могу себя считать экспертом. Что касается другой стороны баррикад, то эта книжка, которую вы сейчас листаете, у меня то ли десятая, то ли по крайней мере девятая. Не будучи Львом Толстым, я тем не менее берусь судить о том, как это все технически осуществляется. Да, страстное желание убить время – вот что толкает человека к, скажем так, письменному столу. (Чисто коммерческую литературу, написанную исключительно ради заработка, мы тут не рассматриваем по понятным причинам.) Но убить время хочется все же не абы как, но красиво! Как говорится, «зачем любить, зачем страдать, раз все пути ведут в кровать», – но влюбленность все же выше стоит в рейтинге способов убить

время, чем поход в публичный дом. Так и тут.

Но кроме основного результата, возможны ж и попутные. Вы будете смеяться, но я, пока мы надиктовывали этот текст и сочиняли комментарии, все-таки думал о тех прожитых годах. Гм… Это можно сравнить с семинаром, с тренингом, с «круглым столом». Совершенно точно можно сказать, что это был мозговой штурм – в любом случае, какими бы скромными ни показались вам его результаты. Какие-то вещи я осознавал по ходу дела с глубоким удивлением… Про это, впрочем, много в книге. Важно вот еще что. Я все эти два года довольно плотно общался со своим соавтором и, как заметили читатели, немало с ним спорил. Сперва эти споры были больше на уровне игры, они выглядели шутками. По сути, первые два и даже три тома мы говорили одно и то же, взахлеб, перебивая друг друга. Мы жили одной и той же жизнью: студенчество, самогон с портвейном, книжки, споры какие-то, поездки по СССР… После оба стали совслужащими, жили бедно и смело сжимали кукиши в карманах советских пиджачков. Дальше думали хором про начавшуюся перестройку, не стыдясь пафоса. И вдруг ударил 4-й том. Я в нем все такой же обладатель «Жигулей» и любитель абстрактных рассуждений. Не то Альфред Рейнгольдович… Он из разночинцев, из доверчивых интеллигентов ушел во взрослую жизнь – в большой бизнес. Туда, где деньги ради денег считаются достаточной мотивировкой. «Если ты умный, то почему ты такой бедный?» Наши социальные дороги разошлись. Много ли общего у журнального сочинителя и крупного бизнесмена, который зарабатывает бабки? Наши споры стали куда более суровыми. Может, это и есть самое в книге интересное – вот эта трансформация, эта развилка, которая разделила общий путь на две совершенно разных дороги…

В этой книге немного прояснен вопрос о том, кто же такой, собственно, Кох. Что тоже немаловажно. Одним он собутыльник, другим молодой реформатор, третьим душитель НТВ и проч. Но если трезво посмотреть на вещи, то Кох – реально – один из тех людей, которые построили теперешнюю страну. Какой бы она ни была. Мы живем в ней. Она кому-то не нравится. Но где вы были тогда, когда это все начиналось? Почему вы не пришли и не вырвали штурвал из рук той старой гайдаровской команды? Небось оттого, что вы хорошие танцоры? Этим недовольным читателям будет особо интересен Альфред Кох, которого они не любят. Он вот такой… Ну, может, не совсем такой, какой есть, куда нам такой замах, – но уж точно он при желании мог бы предстать перед читателем более красивым, более высоким и стройным и политкорректным, более непьющим и мудрым, чем в

жизни – и в книге.

Насколько я сегодня могу припомнить, эту книжку придумал Кох. Давай, сказал он мне как-то на пьянке, сядем и напишем книгу. Под псевдонимом «Свинаренкох». Псевдоним действительно смешной – в него полностью вошли две фамилии. Почему-то мы им не воспользовались. Мы посмеялись над мыслью о книжке и разошлись. И, в общем, про нее забыли. Не то Григорьев, на тот момент замминистра печати. Он тоже был с нами на той исторической пьянке и на идею запал. И после к делу и не к делу напоминал нам про это. Всякий раз, когда разговор заходил про Коха, Григорьев называл его не иначе как «твой соавтор». И так он капал, капал нам на мозги… И однажды прекрасным августовским утром 2002 года мы таки сели за стол на даче у Писателя (такое погоняло теперь у Коха, и мне трудно его называть иначе) и принялись работать: то есть наливать, пить, закусывать и гнать, и трепаться. Хорошая работка, дай Бог всякому такую, хоть время от времени… К зиме первая глава была написана. Что с ней делать, было непонятно. Дать ей оценку мне как одному из авторов было трудно. Я дал текст Саше Воробьеву, нашему товарищу, гендиректору «Медведя». Я был довольно далек от идеи ставить это в номер. Однако он прочитал и высказал свое мнение: печатать в журнале! Я пожал плечами: печатать так печатать. И так пошло-поехало. Каждый месяц мы делали по главе, и к началу лета первые пять глав уже появились на страницах «Медведя». Я прикинул, что по объему это тянет на книжку, и понес дискету Григорьеву: давай печатай первый том! Ты ж издатель, в конце концов! Ты нас подстрекал, у тебя вон свое издательство – «Вагриус». Григорьев изучил текст и вернул его нам со словами: «Над ним надо много работать. И кроме того, не вижу необходимости дробить книгу на тома. Допишите все, тогда поговорим». Такое нас устроить никак не могло. Книга готова, чего ж еще надо! Мы должны как можно скорей увидеть ее и пощупать! Вдохнуть запах свеженарезанной офсетной бумаги и типографского клея! Прочитать еще раз свой же текст, который, будучи размноженным, выглядит, и звучит, и понимается совершенно иначе! Я пошел в «Эксмо» с этим текстом, и к Московской книжной ярмарке (сентябрь 2003 года) книжка вышла. Дальше вы все знаете. Хороша книжка или плоха, это не ко мне вопрос. Ну, допустим, плоха, и что с того? Я-то ее уже написал. И она уже вышла. Мы с соавтором даже получили какие-то деньги в виде гонораров, от которых, прямо скажу, не разбогатели. Пожалуй, мы больше пропили за это время, что можно отнести к накладным расходам – то бишь даже в ноль не вышли. Собственно, проект и не задумывался как коммерческий.

Однако ж надо сказать, что каждый том издавался официальным тиражом 7 тысяч экземпляров с последующей допечаткой еще 3 тысяч. Таким образом, к настоящему моменту распродалось приблизительно 7 плюс 3, после помножить на 3 = 30 тысяч экземпляров. Еще десятку положим на четвертый том, выйдет и вовсе 40 тысяч. Мне эти цифры кажутся вполне достойными. Смутно припоминаю, что при Советской власти это был средненький книжный тираж тех книг, которые были не детективами и не мемуарами Брежнева.

По поводу объявленной концепции книги. Честно говоря, эти 20 лет, в которые мы втиснули свое повествование, – они для круглого счета в основном подгонялись. Под ответ в конце задачника: все ж знают, что бутылок в ящике – 20, так вот и мы. На самом деле эта идея – что действительно была некая эпоха, и она началась именно смертью Леонида Ильича, а кончилась якобы в те самые минуты, когда «боинги» шли на таран, – лично мне тогда казалась несерьезной и в чем-то даже жульнической. Это была – с моей стороны – чисто литературная игра. Но, как мы знаем, вообще вся жизнь не что иное, как игра… Вот и тут: шутки-шутки, а потом вдруг бац – и вон оно как! Жизнь, она завернула покруче… Теперь, окидывая взглядом то времечко, что прошло с американского nine eleven до сегодняшнего русского скучного момента, видишь, что так оно все и было. Мысль про эпоху именно в этих границах, в этих пределах – это было озарение, близкое к гениальному.

Все, что вместилось между этими двумя датами, действительно можно назвать эпохой. Более того – нельзя не назвать! Она была, и она таки точно закончилась – причем даже забористей, чем я мог догадываться в тот далекий момент, когда мы садились за эту книжку в августе 2002-го. Я приехал на дачу к своему соавтору, мы сели на столик на террасе и принялись безмятежно употреблять водку с пивом под воблу… Какие-то два с копейками года спустя я вижу нас, тех, как бы в далеком прошлом, тогдашние мы кажутся мне сегодняшнему юными и наивными… Беспечными и не знающими жизни… Второй год как шла реставрация, а поди ж ты, казалось, что как-то пронесет. И это казалось мне! Человеку, который сразу после назначения, то есть, пардон, избрания Путина президентом подал заявление в Союз писателей, помня, как была эта ксива полезна при застое. То есть я вроде что-то понимал, готовился, но… после, как водится, расслабился и решил: зря перебдел. А оказалось, что, с одной стороны, не зря, а с другой стороны – как ни бди, а впрок по-

любому не набдишься.

И вот теперь у нас снова, грубо говоря, советская власть. Страной командует генсек, у него этакое политбюро… Только вместо 14 генсеков союзных республик – 7 полпредов… Ну еще добавлена компьютеризация. И развлечений стало больше. Что касается колбасы, водки, пива, джинсов, кроссовок и колготок, то с ними на этот раз, на этом витке диалектической спирали, нет проблем. Что касается жилищного вопроса, то, глядишь, примут наконец пакет законов по ипотеке и граждане худо-бедно обзаведутся жильем. Навскидку глядя, так все самые страшные ошибки советской власти исправлены. Будь это сделано в 89-м, в 90-м – ну и кой бы ляд сдалась эта, с позволения сказать, демократия? Которую вообще вполне можно сравнить с девушкой: пока она желанная, а не дает, человек думает: «Лишь бы только заполучить ее, да я тогда из койки вылезать не буду, только разве поссать и пивка взять из холодильника!» Но вот она наконец уступает, сдается, отдается и даже вступает в законный брак… И нашему страстному любовнику все надоедает очень быстро; что было чистое бескорыстное удовольствие, то теперь унылый долг. К тому ж Она весьма капризна и слишком требовательна… И потому, когда Она говорит, что вообще может уйти, Он ее еще и подпихивает к выходу. Она уходит, и у человека снова проблемы. Он жалеет, что вел себя так недальновидно, и не знает, как дальше жить… Ему грустно, одиноко, но исправить уже ничего нельзя. Фарш невозможно провернуть назад, и выборы декабря 2003 года нельзя провести заново; дело сделано, и ничего уже не исправить, как говорят в Турции, когда отрубят голову не тому, кому надо.

Но, конечно, не стоит сводить жизнь только к успехам и неуспехам в политике и экономике. Некрасиво также рассматривать развитие русского общества в спортивных терминах типа победил-проиграл. При всем при том что человек – это животное, и нам об этом очень убедительно напомнил наставший капитализм, неправильно было бы считать, что главное – это чисто физическое, биологическое выживание. Ну действительно, мы же не полевые мыши, чтоб дружно подчиняться голосу инстинкта. Да, само собой, подавляющее большинство индивидов не ставит под сомнение приоритет инстинкта самосохранения – но если бы все только к этому свелось, люди не казались бы заслуживающими интереса. Как скучно выглядел бы наш этнос, если б к зиме 1941-го 80 % москвичей откупились от призыва в армию!

Мы в этой книге то и дело поминали политику, власть. И что же тут? Глас народа – глас Божий? Нет власти аще не от Бога? Как это понимать? Ну это кто как. Первое, что приходит на ум, – не лезь учить других, занимайся собой, самосовершенствуйся, возделывай свой маленький огород. Дальше думаешь о смирении, что вот пусть будет что будет. После наталкиваешься на мысль о том, что власть нам посылается не для того, чтоб нас ублажать. Она запросто может нам быть послана в наказание! За наши или наших, к примеру, дедов и отцов грехи. Если так, то кому ж мы тогда служим, пытаясь власть сменить? О-хо-хо. Про это немало рассуждали люди поглубже нас, но что с того, чужими озарениями сыт не будешь. Вот когда я в первом, что ли, томе писал, что мой дед в Гражданскую и пару лет после был чекистом, это звучало как безобидный парадокс. Типа – о как! Дед чекист! Подумать только! Сегодня это могло бы приобрести новое звучание, карьерное: вот, посмотрите, какой я перспективный, у меня еще дед чекистом был. В свете моей же мысли про то, что чекисты были слепым орудием Божьим и уничтожали зачинщиков смуты и убийц, а после, чтоб не загордились, сами расстреливались друг другом, – если верить этому, то, выходит, и дед мой был тоже орудием Божьим? И тот факт, что он служил в чрезвычайке, – получается, не косяк? Очень красиво смотрится и такая деталь: он ушел из ЧК и пошел… не по партийной линии, нет, – а в шахту, где и работал до самой пенсии, с перерывом разве что на войну, которую провел на передовой и в госпиталях. Причем на второй своей войне он был рядовым, даром что имел квалификацию батальонного командира. И никто его, заметим, не разжаловал, штрафбатом там не пахло. Что это? Как? Почему? И такой еще вопрос в эту же струю: ну, вот я, типа, либерал, а он чекист, так что ж я, умней своего деда? Такое мне, кстати, и в голову не приходило. Я на него всегда смотрел снизу вверх. Были б все чекисты такие, если б после своей стрельбы в людей шли не кокаин нюхать и в особняки вселяться и дербанить чужую собственность, а в шахту забойщиками, на фронт рядовыми, брали б такую схиму, вину искупали – тогда б и мне, может, не было другого пути, как к ним.

Да что мы все про чекистов. Тема власти все ж шире. Точно ли это так важно, кто у руля, какая сила? Если ты ставишь задачу подобраться поближе к большому пирогу и отталкивать от него других, то это, конечно, вопрос первостепенный. Жирных кусков ведь мало. Если же ты не рвешься в первую десятку миллиардеров страны, другое дело. Немало я видел людей, которые весь свой жизненный сок влили в идею перемены режима. Потратили на это лучшие годы жизни. Власть, типа, сменилась, потом вроде опять

сменилась – и что? Счастья все нет. Обидно, конечно. Оказалось, что люди остались такими же, как были! И ведут себя все так же, сводя на нет разницу в политических подходах. Слова «Политбюро» и «Семибанкирщина» такие разные, и декорации сильно различаются, но и там, и там с одинаковым азартом жрут и сдают друг друга, и отпихивают друг друга от кормушки… Это как в старой истории про то, как в одной компании решили не рассказывать еврейских анекдотов; и тогда некто начал так: «Встретились как-то два индейца – Абрам и Мойше…»

Странная мысль: если б русские коммунисты чуть-чуть продержались у власти, каких-то восемь – десять лишних лет, им не пришлось бы сливать! Смотрите: сперва нефть подорожала, в 99-м, а в 2001-м на повестку дня встали мусульманские террористы. Ну разве западникам после объявления американского похода против бен Ладена пришло б в голову подрывать нашу армию и разваливать Советский Союз? В котором все многомиллионные мусульмане оприходованы и взяты под контроль? Да тогда б с американской помощью, которая выразилась бы в невмешательстве, наши б за милую душу чеченскую удавили оппозицию… И из Афгана наши коммунисты зря так быстро ушли, могли б там дождаться американцев…

Пороху не хватило.

И яиц.

Это что касается их. Но и мы тоже хороши. И никуда не деться от вопроса: господа, а нам-то, нам чего не хватило, чтоб одержать полную, решительную и безоговорочную победу?

Поди знай.

Лично я вообще не уверен, что эта победа была нам нужна. В самом деле, нас утомили уже эти сплошные победы! Мы не знали, что с ними делать. Ни одной из них мы не смогли распорядиться по уму, ни разу: ни в 91-м, ни в 93-м, ни в 96-м. Вот и в 2003-м та же история. (Так в 96-м Зюганов отдал свою победу, поскольку не знал, как ею распоряжаться.) Так мастер, недовольный результатом, ударом кувалды разбивает свой шедевр. И начинает высекать новый из бесформенного куска камня. Получится ли на этот раз? Хватит ли времени? Дадут ли вообще новую попытку? Это все не суть важно… Главное ведь не результат, а чувство своей правоты.

А самый простой способ взлелеять это прекрасное чувство – написать книгу.

Альфред Кох. Мои послесловия

В Европе холодно. В Италии темно.
Власть отвратительна, как руки брадобрея.
О, если б распахнуть, да как нельзя скорее,
На Адриатику широкое окно.

Над розой мускусной жужжание пчелы,
В степи полуденной – кузнечик мускулистый.
Крылатой лошади подковы тяжелы,
Часы песочные желты и золотисты.

На языке цикад пленительная смесь
Из грусти пушкинской и средиземной спеси,
Как плющ назойливый, цепляющийся весь,
Он мужественно врет, с Орландом куролеся.

Часы песочные желты и золотисты,
В степи полуденной кузнечик мускулистый —
И прямо на луну влетает враль плечистый…
Любезный Ариост, посольская лиса,
Цветущий папоротник, парусник, столетник,
Ты слушал на луне овсянок голоса,
А при дворе у рыб – ученый был советник.

О, город ящериц, в котором нет души, —
От ведьмы и судьи таких сынов рожала
Феррара черствая и на цепи держала,
И солнце рыжего ума взошло в глуши.

Мы удивляемся лавчонке мясника,
Под сеткой синих мух уснувшему дитяти,
Ягненку на дворе, монаху на осляти,
Солдатам герцога, юродивым слегка
От винопития, чумы и чеснока, —
И свежей, как заря, удивлены утрате…

Осип Мандельштам. Май 1933, июль 1935

Я не знаю, как писать послесловие. Как, впрочем, я вообще не знаю, как писать книги. То, что мы с Игорем написали, это книга

только на первый взгляд. На самом деле здесь фабулу придумали не мы, а наше время. События, герои, коллизии – все подлинное. Ну, может быть, где-то мы приврали, где-то придали несуществующего в реальности динамизма, как говорится – для красного словца. Но в этом нет подлинного писательского труда, так, публицистика-журналистика… Ведь настоящий писатель творит реальность, а мы всего лишь ее описываем.

Лично я старался избежать главной опасности мемуаристики – искажения масштабов событий и личностей. Забавно, например, смотреть, как Трегубова или Тарасов оценивают роль себя в истории. Надеюсь, что я сумел избежать преувеличенного взгляда на собственную персону. Я старался соблюсти те пропорции, которые мне представляются верными и подлинными. Хотя, может быть, кто-то и не согласится с моими оценками.

Поскольку, как уже отмечалось выше, я не знаю, как писать послесловие, я решил написать их несколько. На разные вкусы. Выбирайте то, которое больше нравится.

Первое послесловие. Народ

Мне моя русская бабушка рассказывала много всяких историй. Она меня часто поражала уровнем своей образованности, при том что закончила только первый класс церковно-приходской школы. Она знала много стихов Пушкина (почти все его сказки), Некрасова (где про народ), Никитина, Плещеева, Языкова… Фактически их учили только читать и учить наизусть стихи. Ну и арифметику – чуть-чуть.

От нее я помню про «домик над рекою, в окнах огонек…» или «будет вам и белка, будет и свисток…», «знай, работай да не трусь…». Давно забытая хрестоматия русской словесности. Говоря языком литературных штампов – «кладовая языка».

Повидала бабуля моя, Валентина Петровна Карпова, на своем веку немало. Рано осталась сиротой. Пошла в люди, была нянькой лет с семи-восьми, потом прачкой, уборщицей. Уже при Советах строила Турксиб, работала каменщиком… Было у нее пятеро детей – сын и четыре дочери. В том числе вторая дочь – моя мать. Первенец ее, сын Александр, ребенком еще помер от тифа на каком-то железнодорожном перегоне в бескрайней казахской степи. На ближайшей станции выбежали они с моим дедом Георгием Федоровичем, положили детский трупик в кучу таких же трупов (кругом – эпидемия, голод, как раз самый разгар коллективизации, специальные отряды собирали эти трупы по всем станциям и хоронили в общих могилах) – и обратно, в вагон: не дай Бог отстать, могут ведь и в саботаже обвинить, мол, сбежали с трудового фронта.

Потом была война, деда моего сразу забрали в армию. Был он по профессии столяр, и, видимо, перепутав с плотником, забрали его в саперные части. А саперы – они ведь как: в наступление идут первыми – переправы наводят, в отступлении последними – переправы взрывают. Таким вот образом, во время огромного отступления летом сорок второго, дед мой попал в плен под Ростовом. Хорошо, наши на короткое время отбили Ростов обратно и успели деда освободить.

Был он сильно ранен в ногу и лицо, долго валялся по госпиталям и демобилизовался только году в сорок пятом или сорок шестом. Пришел домой и больше на работу не выходил. Бухал, как все фронтовики в то время. Иногда сделает табуретку, продаст ее на базаре и опять в загул. Грудь в медалях, лицо с красивым, во всю щеку шрамом, сам высокий, черноголовый. Слегка прихрамывающий фронтовик-мачо.

Зачем работать? Так что всех дочек тащила на себе бабушка.

Она и полы мыла в горсовете, и на мясокомбинате разнорабочим работала, и так просто – людям печки клала. Надрывалась на десяти работах. Впрочем, тогда все женщины так жили: мужиков-то мало, вот они над ними и тряслись.

Но я отклонился. Вернусь к бабушкиным рассказам. Один рассказ врезался в память мне особенно сильно. Мне было лет пять или шесть. Я был совсем маленький. Я помню, только что посмотрел фильм про Мальчиша-Кибальчиша, поплакал, как положено, над его героической смертью и спросил бабушку: «Баба Валя, а расскажи, когда ты узнала, что царя уже нет и установилась советская власть?» В голове у меня, естественно, рисовалась красивая картина входа красных в город. В буденовках, верхом, с большими кривыми саблями, под красными знаменами, в кожанках, входят в город уставшие, пыльные, но добрые и справедливые красные конники, а на другой окраине, в набитых награбленным добром таратайках, драпают беляки от справедливого гнева трудового народа…

Рассказ бабки был неожиданным для меня. Она сказала: «Было это в двадцатом году. А может, и позже. В Сибири и Казахстане Гражданская дольше шла, года до двадцать второго. Мы жили тогда в Петропавловске. (*Сейчас это Петропавловск-Казахский, на севере Казахстана, рядом с Омском.* – А.К.) Мне шел девятый год, я считалась уже большая. Работала «в людях». Прислугой. У мещан. Сапожники они были или торговали чем, уже не помню.

Помню, что по всему городу объявили, чтобы все местные вместе с детьми собрались в городском парке. Объявили, что теперь в городе советская власть рабочих и крестьян и всем нужно прийти в городской парк. Там они будут выступать. Рассказывать, какие теперь будут новые порядки.

Зашли-то они в город незаметно. Беляков уже несколько недель как не было. Но все работало. Почта, железная дорога, больница. На базаре торговля шла. Лавки были открытые. Дворы подметали. Скот пасся… Я помню, что и мне, и тем, кто постарше, было все равно: красные, белые. Полиция, говоришь? А я полиции не помню. Наверное, была… А может, и разбежались все… Нет, не помню я полицию. Да вот как-то, наверное, без полиции обходились. Отстань, не знаю я. Ты меня слушай, а не дурацкие вопросы задавай. Полицию ему подавай. Зачем она нужна?

Ну вот. С утра собрались мы. Отец, Петро Бочанцев, еще тогда жив был, а мать уже померла. Или отец тоже помер? Нет, вроде жив был еще. В общем, собрались мы, я и еще несколько подружек, чистые платки повязали и пошли в парк, комиссаров

слушать. Тогда их комиссарами называли. Да что мы тогда понимали? Ребятишки, им же все интересно. Вот и нам интересно было. Идем к парку, а со всех концов народ так и прет. Уже ближе к парку такая давка – не пробиться. Но мы удалые, между ног у больших, где пригнувшись, где ползком, пробиваемся. Зачем – сами не знаем. Все лезут, и мы лезем. Все равно – опоздали. Велено было прийти к девяти утра, а мы в самый центр попали только в десять.

В парке народ стоит большим полукругом, упираясь в сцену, на которой по воскресеньям оркестр пожарников играл музыку. Скамейки в сторонке свалены в одну кучу, а на месте, где зрители сидели, выкопана яма. Солдаты с ружьями стоят кругом ямы и не пускают народ подойти ближе к ее краю. А в яме видно: лежат офицеры в форме. А может, и солдаты. Откуда я знаю кто? В военной форме. Красные сказали, что офицеры. Уже убитые. Я крови на мундирах не помню, но волосы у всех были в крови. Наверное, они их в затылок.

Опоздали мы чуть-чуть. Минут на тридцать. Это красные пленных расстреливали. А народ собрали, чтобы все видели и боялись. Нам было и страшно и обидно, что мы опоздали. Все кругом рассказывали, как что было. Оказывается, яму еще ночью заставили беляков выкопать. А с утра, когда народу собралось побольше, начали их расстреливать. Их, наверное, много – пленных – набралось. Или не пленных. Может, они просто не стали уходить из города, а решили остаться? Не знаю я. А куда им идти-то было? В степь? В тайгу? Что говоришь? Почему не переоделись? Почему в форме? Поди спроси… Им небось больше надеть нечего было. Последние портки – и те беляцкие. Говоришь, офицеры богатые? Значит, это были бедные офицеры…

На сцене уже стоял стол и трибуна. На трибуну вышел человек и громко сказал, что это они убили кровососов и угнетателей трудового народа. Что теперь начинается новая жизнь и что все будет по справедливости. Не будет бедных и богатых, а будет власть народа – советская власть. Народ постоял-постоял и начал расходиться. Так я узнала, что царя больше нет и власть теперь Советская. Какая и сейчас».

Такой рассказ. Простой и неяркий. Без кожанок и буденновок. Никакой романтики и народного энтузиазма. Как говорится, «народ безмолвствовал». И всегда потом безмолвствовал. И сейчас безмолвствует. И кончается потихоньку, народ-то. Скоро совсем кончатся русские люди. Останутся одни старики и лица кавказской национальности.

И сучье, неистребимое племя – комиссары.

Второе послесловие. Власть

Говоря об этом племени, назовем его условно «комиссары», нужно заметить, что они живут по каким-то своим законам. Мне они напоминают касту жрецов, которые вдолбили в голову пастве, что сеять хлеб, заниматься торговлей и ремеслами, растить детей и отдаваться творчеству или любви – это, конечно, занятия важные, но не важнее их жреческого служения. Это их жреческое служение божеству под названием «государство» иррационально и поэтому непостижимо с точки зрения здравого смысла.

Приведу простой и наглядный пример. Князь Андрей Курбский, после бегства в Польшу, писал Ивану Грозному: «…Бог читает в сердцах: я же в уме своем постоянно размышлял, и совесть свою брал в свидетели, и искал, и в мыслях своих оглядывался на себя самого, и не понял, и не нашел – в чем же я перед тобой согрешил. Полки твои водил, и выступал с ними, и никакого тебе бесчестия не принес, одни лишь победы пресветлые с помощью ангела Господня одерживал для твоей же славы и никогда полков твоих не обратил спиной к врагам, а напротив, преславно одолевал на похвалу тебе…»

Это пишет не кто-нибудь, а человек, который был одним из ближайших друзей Ивана Грозного еще с детства. Этот он, князь Курбский, был тем полководцем, под предводительством которого русская армия взяла Казань, что положило конец противостоянию русских и татар на Востоке.

И что же ему отвечает русский царь? Может, он ему приводит аргументы, доказывающие его, Курбского, предательство? Ничуть! Или он извиняется перед князем за напрасные подозрения и зовет его обратно в Россию для совместного служения Отечеству? Опять нет!

Он пишет ему полную абракадабру с точки зрения нормального человека: «… Если же ты, по твоим словам, праведен и благочестив, то почему же испугался безвинно погибнуть, ибо это не смерть, а дар благой? В конце концов, все равно умрешь…»

Как вам это понравится? Власть не удосуживается даже аргументировать свои действия. Действительно, зачем напрасно тратить время? Есть у власти желание с кем-либо разделаться – так и нечего рассуждать: если человек виновен, так и поделом ему, если же нет – то безвинная смерть есть «дар благой».

Заметим, что на себя они эту логику не распространяют. Для себя они требуют тщательного и формального рассмотрения их действий «в соответствии с действующим законодательством». Не

забудем, что законодательством, которое ими самими высосано из пальца.

Это божество, которому, как всякому нормальному божеству, придумано много разных имен – «держава», «Родина», «Святая Русь» и пр., как дракон из сказки каждый год требует в жертву молодых мальчиков. Жрецы танцуют свой шаманский танец, рассказывают, какое это счастье – быть скормленным этому ненасытному истукану, и, потрясая золотыми швейцарскими часами, облачившись в дорогие итальянские костюмы, рассказывают нам про то, что обжора-божок велел подчинить все им – его жрецам. Так нам будет лучше. Мы сами не понимаем своего счастья. Да и где нам, убогим, понять Божественный Промысел. Это понимание есть только у них – сверхчеловеков-жрецов-комиссаров. И строят они свою вертикаль власти. Как Вавилонскую башню. Чтобы, как уже сто раз было в истории человечества, погибнуть под ее обломками. И нас всех похоронить вместе с собой. И то – как же нам жить, если они умрут? Незачем. К чему слепые без поводырей?

Никак я не могу найти ответ на простой, казалось бы, вопрос: зачем государство? Мне говорят: государство – это удобнее, чем анархия. Неочевидность этого утверждения настолько вопиюща, что я захлебываюсь от обилия аргументов. Масса вопросов. Ну вот хотя бы самых простых: удобнее всем или только комиссарам? Люди платят налоги не только деньгами, но и жизнями в обмен на что? На гордость мощью божества-державы? На умиление статью верховного жреца? На радость от комиссарского достатка? А людям-то что от этого?

Ах, иначе нас могут захватить? Ну и что? Одни комиссары сменят других. Может, новые и потолковее будут. Хазарам дань платили. Потом пришли варяги, им начали платить. Потом – татары. И им платили. Потом вроде (как они сами утверждают, никто не проверял) пришли свои. И что? Жизнь стала лучше? Нет! Хуже: отменили Юрьев день, подняли налоги, начали бесконечные войны. Потом перерезали друг друга. Потом оставшиеся опять резали своих же. Потом снова и снова. Чем одна комиссарская палка отличается от другой? Почему я и мой сын должны с улыбкой на устах (не забудьте: это цитата из министра обороны) умирать за власть нынешних комиссаров, которые мне не роднее любых других?

Великий русский философ-анархист Петр Кропоткин писал: «Покуда у нас будет оставаться каста людей, живущих в праздности под тем предлогом, что они нужны для управления нами, – эти праздные люди всегда будут источником нравственной заразы в обществе».

А вот на что я случайно наткнулся на одном из форумов в Интернете. Некий аноним под ником «Guest» на форуме «forum.farit.ru/» написал: «Выкиньте из головы всю педерастично-идиотическую херню, которую вам рассказывали родители и учителя в школе. Родина – на самом деле ментовское понятие. Братаны планету поделили, накрутили проволоки, провели границы, поставили ментов их охранять: менты говорят, что охраняют родину, а на самом деле охраняют братков. Еб…ть в рот все гражданства. Патриотизм – последнее прибежище пидарасов, в общем. Любое государство начинается с банды рэкетиров. Почитайте Энгельса, Кропоткина, и вы поймете, о чем я говорю». Вот так вот.

Книга кончилась. Кончилась, потому что так надо. Потому что все когда-нибудь кончается. Кончится и комиссарство. Я верю, когда-нибудь я найду нормальные ответы на свои вопросы. И у нас будет государство не как абстрактный объект для еще более абстрактной «гордости», а как совокупность нанятых народом слуг.

Третье послесловие. Я

Когда мы в школе и институте проходили историю революционного движения, то наши учителя рассказывали, что во второй половине девятнадцатого века народ еще «не созрел» для революции и революционеры не пользовались народной любовью. Мальчиком, когда рефлексы еще не искажены и восприятие жизни основано на простых и понятных принципах, мне никак было не понять скорбь преподавателя по поводу отсталости народа. Я ведь как рассуждал: если народ не хочет бунтовать, если ему нравится «ярмо деспотизма», «царская охранка» и «власть капиталистов и помещиков» или, во всяком случае, он готов эту власть терпеть, то чего же переживать всем этим барчукам и генеральским дочкам? Что им не сиделось спокойно в их поместьях, университетах и всевозможных швейцариях? Нет, бляди, придумали террор, начали звать народ к топору и в конечном итоге раздрочили-таки людей, и началось…

Вот эта забота о народе против воли самого народа, она ведь никогда добром не кончается. И сколько в этой заботе искреннего прекраснодушия, а сколько желания добиться власти любой ценой? Осуществить смену элит, половить рыбку в мутной воде? В общем, тогда, в детстве, мне революционеры были глубоко неприятны. Мне они казались какими-то нравственными ублюдками. Мне было непонятно: как можно сделать людей счастливыми по рецепту, который им не нравится?

Прошли годы, и со мной случилось так, что я в 2003 году, поддавшись на уговоры Немцова, занялся политикой. Что же я обнаружил? Народу нравится нынешняя власть. Это не подтасовка и не жульничество. Это, как говорил Остап Бендер, медицинский факт. Мы сделали десятки исследований. Изучили огромное количество социологического материала. Я утверждаю – народу нравится нынешняя власть.

Можно теперь закатывать глаза к небу и причитать, что народ темен. Можно сколько угодно заседать во всевозможных комитетах, партиях и лево-правых коалициях. Однако непреложным фактом является то, что народ глубоко верит в этого бога – «государство». Да – народу от этого «бога», как от козла молока. Да – «бог» откровенно смеется над народом, поднимая зарплату только жрецам и стражникам храма, а ему показывая жирную фигу в виде стабилизационного фонда. Ну так это и есть признаки развитого культа. На то она и вера, что иррациональна и не основана на логике, знании и понятии пользы.

Красные комиссары отняли у народа веру в Иисуса Христа. Они, преодолев народное сопротивление, загнали людей в колхозы, в лагеря, в войны, то есть – к светлому счастью. Нынешние жрецы дали народу новый культ. И народ истово начал поклоняться новому «богу». И сейчас он талдычит одно и то же: «великая держава», «нас боялись и уважали», «была бы страна родная, и нету других забот»…

Приходила ко мне так называемая демократическая общественность. Ну что – постоянный скулеж о необходимости борьбы, сопротивления прорвавшейся к власти «хунте», «питерским браткам-чекистам», ничего конструктивного. А я вдруг подумал: а ведь они говорят как ненавидимые ими большевики! Действительно: надо отобрать у народа его новую религию, развернуть революционную агитацию, начать акции гражданского неповиновения и т. д. Причем конкретно у них все более-менее. Как у тех барчуков и генеральских дочек. Все за народ радеют. А окажись они у власти, будут такими же жрецами, как и все предыдущие. Как писал все тот же Кропоткин, «власть портит даже самых лучших людей. Поэтому мы против любой власти…».

Против любой власти… Вот что написано в Новом Завете: «… нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Послание к Колоссянам святого апостола Павла, 3: 11).

И наконец, об этом «божке», о его культе и его жрецах. Они (жрецы) в последнее время мнят себя христианами. Напомним же им первую заповедь: «Я – Господь, Бог твой, который вывел тебя из земли египетской, из дома рабства. Да не будет у тебя других богов пред лицом моим!» (Ветхий Завет. Исход, 20: 2–3).

Святость государства есть грех язычества. И ничего больше. Государство не обладает никакой специальной силой. Это всего лишь придумали люди. Для удобства. А если неудобно – то его нужно отменить.

Ну вот теперь, кажется, все.

notes

Примечания

1

В детстве я каждое лето проводил в Жданове, на юге Украины, промышленном городе на берегу Азовского моря. Там жили мои дед с бабкой по материнской линии – Иван Мацуев и Вера Ковалева. Дед, пролетарий и фронтовик, любил выпить. Помню, мы шли домой из гостей, он шатался и молча выслушивал ругань жены. Он был весьма покладистый и деликатный человек. Наутро после пьянки вел себя безупречно и начинал издалека: «Бабушка, дай рубль, а то внучок пива просит». Она давала, куда ж деться, и мы шли в пивную. Это был простенький стояк. Дед сверху вниз подавал мне блюдце с сушками, с кусками крупной соли на них и разрешал отхлебнуть пены с верха кружки. По прошествии 40 лет я замечательно помню слегка горький вкус густой пены и пронзительную соленость кристалла, намертво прилепленного к полированной поверхности маленького каменного бублика. Еще помнится чувство удивительной безмятежности, которое я испытывал рядом с дедом в этих пивных походах. Он точно меня любил всерьез – спешил поделиться со мной какими-то важными радостями жизни.

Еще дед Иван при мне презрительно комментировал официоз, пытался разъяснить понятия. До меня это доходило тяжело – и еще долго в битве за меня побеждал мой партийный отец…

2

Книга называется «Россия в 1839 году».

3

1-я Балканская война (9.10.1912 – 30.05.1913) – между Балканским союзом (Болгария, Сербия, Греция, Черногория) и Турцией. По Лондонскому мирному договору 1913 года потерпевшая поражение Турция теряла все свои европейские владения, кроме Стамбула и небольшой части Восточный Франции. 2-я Балканская война (29.06–10.08.1913) – война Болгарии против Греции, Сербии и Черногории, к которым присоединились Румыния и Турция. Завершилась поражением Болгарии, которая по Бухарестскому мирному договору 1913 года уступила Румынии Южную Добруджу, Греции – Южную Македонию и часть Западной Фракии, Сербии – почти всю Македонию. Балканские войны привели к обострению международных противоречий, ускорив начало Первой мировой войны.

4

13 декабря 1981 г. генерал Войцех Ярузельский обнародовал введение военного положения в стране. Приказано было военизировать структуру государства – в частности, приостановить деятельность всех организаций, объединений и профсоюзов.

5

Ну не выкидывать же теперь этот пассаж потому только, что на момент сдачи книги в печать г-н Ходорковский отбывал срок! – *Примеч. авт.*

6

Кох в 2003 году руководил избирательным штабом СПС. Правые в Думу тогда не прошли.

7

Есть версия, что в Первую мировую войну, перед самым началом, англичане будто бы в последний момент телеграфировали немцам, что во избежание войны принимают их условия. Однако немцы ответили: «Уже поздно отменять приказы». У всех тогда чесались руки. Воевать хотелось до чертиков. Наверное, и Грачев хотел навалять «зверям», чтоб неповадно было. Одним парашютно-десантным полком. Маленькая победоносная война. Для укрепления престижа власти… Так скорее всего и докладывал. Как Куропаткин в русско-японскую: «Накостыляем макакам!» (вставка моя. – *А.К.)*.

8

Пророк Иеремия вот как описывал Божий гнев на народ Израиля и говорил, что вавилонская армия – есть бич Бога:

«…Выходит лев из своей чащи, и выступает истребитель народов: он выходит из своего места, чтобы землю твою сделать пустынею; города твои будут разорены, останутся без жителей.

Посему препояшьтесь вретищем, плачьте и рыдайте, ибо ярость гнева Господня не отвратится от нас.

И будет в тот день, говорит господь, замрет сердце у царя и сердце у князей; и ужаснутся священники, и изумятся пророки.

И сказал я: о, господи боже! Неужели Ты обольщал только народ сей и Иерусалим, говоря: «мир будет у вас»; а между тем меч доходит до души?

В то время сказано будет народу сему и Иерусалиму: жгучий ветер несется с высот пустынных на путь дочери народа Моего, не для веяния и не для очищения; и придет ко Мне оттуда ветер сильнее сего, и Я произнесу суд над ними.

Вот, поднимается он подобно облакам, и колесницы его – как вихрь, кони его быстрее орлов; горе нам! ибо мы будем разорены.

Смой злое с сердца твоего, Иерусалим, чтобы спастись тебе: доколе будут гнездиться в тебе злочестивые мысли?

Ибо уже несется голос от Дана и гибельная весть с горы Ефремовой:

Объявите народам, известите Иерусалим, что идут из дальней страны осаждающие и криками своими оглашают города Иудеи…» (Ветхий Завет. Посл. пр. Иер. 4: 7 – 16).

9

Вместо Чубайса был назначен Владимир Каданников, директор и главный акционер Волжского автозавода. Он был моим земляком из Тольятти, однако наши пути в Москве почти не пересекались. Каданников хорошо знал моего отца, они много лет вместе проработали, и поэтому мы с ним мило здоровались, когда виделись на различных совещаниях. Начальником мне был назначен Александр Иванович Казаков. Вот с ним мы трудились душа в душу, и у нас не было даже тени противоречий.

10

Кстати, фраза «поставить к стенке» – это не оборот речи и не для красивости и драматичности. Это печальная констатация. Да, у коммунистов действительно существовали расстрельные списки. Я даже их видел. И свою фамилию в них тоже видел. Дважды. Один раз мне такие списки показывали после октябрьских событий 1993 года – их нашли в кабинете Хасбулатова. Второй – весной 96-го: Ельцин, Гайдар, Чубайс… Вот Коржакова, Барсукова, Сосковца, Грачева я что-то в этих списках не помню. Врать не буду, может, они там и были. Как-никак «расстрельщики российского парламента»… Но… не помню. Себя – видел. Хрен их знает, может, подделка. Для острастки. А может, и правда. Скорее всего. Очень похоже. Ощущения – неприятные. Такая бздиловатость подкатывает. Но – не сильно. Терпеть можно.

11

Есть, правда, одно маленькое «но»: все схемы финансирования согласовывались с Коржаковым и Барсуковым заранее. И ими визировались. В связи с этим представляю себе некий вымышленный диалог:

– Ну, это пустяк. Это к делу не пришьешь. Ничего не знаю, и дело с концом.

– А совесть?

– Совесть? Какая, на хер, совесть! Они ж народ разграбили!

– Вместе с тобой грабили-то…

– Со мной? Чушь какая-то. Вот истинный крест. Я всегда был против, но меня не слушали.

– Это тебя-то не слушали? Тебя попробуй не послушай…

– Да вы преувеличиваете. Я маленький человек. Охранник – и все. А это – воры, воры, воры…

– Да, братец, эко тебя колбасит!

– Ничего не знаю. Всех этих коммерсов – в тюрьму.

– Видишь, как у тебя все просто! Загляденье…

– Ничего не знаю. Не хочу. Не знаю, и все. В тюрьму. Во: у нас просто так не сажают… Виноваты – пусть ответят. А нет – так их выпустят. Короче, там разберутся.

– Где «там»? Ты что, дурак? Это ж у тебя самого, а не где-то там. В общем, не о чем с тобой разговаривать…

12

См. Бутылка третья. 1984.

13

Бутылка восьмая, 1989.

14

«Неизбежность необходимости» – по правилам логики два отрицания аннигилируются. Значит, остается «избежность обходимости». «Избежность» – как способность избежать чего-то или собственно избегание, а «обходимость» – способность обойти, не заметить, промолчать. Таким образом, я, имея возможность промолчать, не отреагировать на статью Минкина (по принципу: не трогай – не воняет), избегаю этой возможности и делаю ее подробный разбор. Как говорится – битому неймется…

15

Здесь и далее в этом комментарии полужирным шрифтом даны слова Минкина и приведенные им цитаты из старого интервью Коха.

16

Я уже описывал причины появления приватизационных чеков (ваучеров), которые были использованы как более технологичная замена приватизационных вкладов. Подробно об этом было написано в главе «Бутылка тринадцатая. 1994».

Небольшой пример. Как известно, размер рекламного рынка прямо пропорционален покупательной способности населения. Так вот, при населении 143 миллиона человек Россия имеет объем рекламного рынка на 20 % меньше, чем Польша, население которой – 39 миллионов человек. Вот вам и оценка емкости российского потребительского рынка и заинтересованности в нем производителей товаров. Это сейчас, в 2004 году. Не забудьте же, что здесь говорится о 1998 годе, после дефолта. Тогда польский рынок был больше нашего в три раза

18

Еще раз скажу банальность: Россия – многонациональная страна. Помимо этого, в ней есть различные конфессии. Безответная и необъяснимая любовь к православным сербам, в обход болгар, македонцев, черногорцев, украинцев и белорусов, выглядит крайне странно. При этом в стране с двадцатимиллионным мусульманским населением (в большинстве своем – тюркоязычным) не чувствуется особой, официальной мидовской, трепетной любви, например, к туркам, к казахам, узбекам.

19

О нишах чуть ниже. Подождите, там Минкин дает мне перцу.

20

Кстати, хоть с точки зрения «типичного русского холопа», хоть с любой другой, барская, соседская и чужая – это три разных лошади. Соответственно к ним всем разное отношение. И еще: «типичный русский холоп» – это синоним русского крепостного крестьянина. А он (быть может, Минкин этого не знает) является предком 90 % русских людей. В частности, например, и моим пращуром. Предки моей матери – выходцы из европейской части России, из крестьян, а значит, они были крепостными. Гордиться здесь нечем, но и скрывать я этого не собираюсь. Я не могу похвастаться принадлежностью к каким-либо избранным народам, которые счастливо избежали рабства.

21

См. Бутылка пятнадцатая. 1996.

22

См. Бутылка восьмая. 1989.

23

Петр Авен. Экономика торга // Коммерсантъ-Daily, 27 января 1999 г.

Андрей Илларионов. Тайна китайского экономического чуда // Вопросы экономики, № 4, 1998 г.

25

Поскольку Жечков часто упоминается в книге, на мой взгляд, настала пора пояснить, что это один из отцов-основателей рекламного бизнеса в России, совладелец «Премьер СВ» и – до недавнего времени – нашего журнала «Медведь», бессменный солист группы «Белый орел», исполнитель мегахита «Как упоительны в России вечера». Наш товарищ. Говорит, что миллионер.

26

Этот Блинов оказался занятным типом. Однажды он работал на «Внешэкономбанк» и выиграл у «Медиа-Моста» в арбитраже процесс по взысканию долга. Мы посчитали, что такой юрист нам пригодится. Забегая вперед, скажу, что мы ошиблись. Блинов оказался абсолютно некомпетентным человеком, у него не было даже юридического образования: он был врачом. Но этот недостаток он компенсировал абсолютной беспринципностью и феноменальной наглостью. Он даже был симпатичен в этом своем первобытном цинизме. Его юридические познания ограничивались лишь рассуждениями, как бы подкупить судью и сколько взять себе за это комиссии. Впоследствии он перешел на сторону «Медиа-Моста» и поливал нас грязью с той же энергией, как до этого – Гусинского. Судя по прессе – он сейчас сидит в тюрьме.

27

О вегетарианские времена раннего Путина! Еще возможны были такие вещи! Еще налоги снижали и вводили частную собственность на землю.

28

Бутылка десятая. 1991.

29

Часть первая. Бутылка девятнадцатая. 2000. С.

30

Нужно ли говорить, что так оно в итоге и случилось…

Кстати, курьезность ситуации заключается еще и в том, что по этому поводу у меня есть письменная благодарность Гусинского.

32

С НТВ+ вообще была какая-то странная история. Дело в том, что для такого рода спутникового телевидения вполне нормальные спутники делают у нас в России. Однако Гусинский зачем-то заказал спутник компании «Хьюз» в США. Спутник был гораздо дороже отечественного, но «отца свободы слова» это не остановило. И ладно бы «Хьюз» организовал кредитное финансирование этого заказа, как это обычно делается в таких случаях, так нет, деньги на него были те самые, газпромовские, российские. Насколько я помню – около 150 миллионов долларов. Не исключено, что за этой сделкой прослеживались и политические обязательства американцев по отношению к Гусинскому. Осталось только сказать, что потом Гусинский заказал еще один спутник в России, но не достроил его – деньги кончились. В конечном итоге ни один из этих спутников не был ему нужен. Сейчас НТВ+ спокойно работает, арендуя транспондеры на европейском спутнике. Вот такой вот «бизнесмен». Около 200 миллионов долларов просто прое…ал.

33

Александр Рукавишников – наш друг, скульптор, который (в том числе) сделал по нашему заказу памятник Александру Второму в Москве.

34

Бутылка тринадцатая. 1994